

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

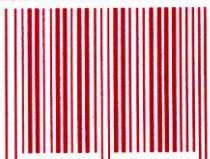
теория и практика

2024

№ 9(237)

- *Жуков В.Н.* Этика и власть в психоанализе Э. Фромма
- *Галузо В.Н.* О роли государства в выборе регулятора общественных отношений
- *Кич И.С.* Правовая установка и ее значение для правосознания
- *Степаненко Р.Ф., Бакулина Л.Т., Степаненко Г.Н.* Эффективность права (общеправовой и социально-философский аспекты)
- *Семичева А.С.* Теоретико-правовой аспект современного российского федерализма
- *Фролович Э.М.* Права и обязанности нотариусов в процессе деятельности по установлению бесспорных фактов
- *Гартина Ю.А.* Ценные бумаги в российском гражданском законодательстве
- *Понкин И.В.* Новейшие IT-технологии и будущее третейского процесса
- *Замалева С.В.* О понятии и значении доказательств в уголовном процессе
- *Иванов П.И.* Методологическая основа построения теории ОРД
- Другие материалы

ISSN 1815-1337

9 771815 133771

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:
теория и практика. 2024. № 9(237)
Федеральный научный юридический
ежемесячный журнал

LAW AND STATE:
the theory and practice. 2024. № 9(237)
Federal scientific juridical
monthly journal

Учредитель: А.И. Бобылев

Издатель: Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: С.В. Алексеев –
доктор юридических наук, профессор (Москва)

Ответственный редактор: С.В. Зубкова (Москва)

Редакционный совет:

С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва)
Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.Ю. Грачёва – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),
С.А. Комаров – д.ю.н., профессор (Санкт-Петербург),
В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),
П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва),
А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),
И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),
Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)
В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)

Редакционная коллегия:

И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),
П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),
М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),
Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)

Constitutor: A.I. Bobylev

Publisher: Publishing house «Law and state press»

Chief editor: S.V. Alekseev –
Doctor of Law, Professor (Moscow)

The editor-in-chief: S.V. Zubkova (Moscow)

Editorial council:

S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),
S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.Yu. Gracheva – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
S.A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg),
V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.V. Krasheninnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow),
A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),
I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),
T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.A. Frolova – Doctor of Law (Moscow)
V.V. Chubarov – Doctor of Law (Moscow)

Editorial board:

I.V. Ershova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow)
V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),
R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:

141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, 4-230.

E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.

Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

**Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ
в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4)
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).**

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы».
Подписка 2024. Второе полугодие. Наш индекс 11193.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье,
ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2024 (16+)

СОДЕРЖАНИЕ 2024 № 9(237)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абрамцова Ю.И., Калинович А.Э.</i> Система наказаний в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.....	8
<i>Коченков И.Н.</i> Юридические аспекты партийно-государственной политики украинизации УССР и Донбасса.....	12
<i>Жуков В.Н.</i> Этика и власть в психоанализе Э. Фромма.....	16
<i>Баматкириева С.Х.</i> К вопросу о сущности и понятии судебного правоприменения.....	20
<i>Баранча В.В.</i> Социально-регуляторная функция правового прогнозирования.....	23
<i>Божко Е.А.</i> Школа и религия в трудах В.Д. Каткова.....	26
<i>Болдырев С.Н.</i> Юридическая техника квалификации правонарушений в сфере IT-технологий.....	30
<i>Жаркой М.Э., Жильский В.Н.</i> Патриотизм: сущность, содержание и правовые основы форм его воспитания у сотрудников правоохранительных органов.....	34
<i>Шеншин В.М.</i> О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.....	39
<i>Бабаев И.Ф. оглы, Воскресенская Е.В., Черных А.Б.</i> История становления и развития института правовой защиты личной информации.....	44
<i>Галузо В.Н.</i> О роли государства в выборе регулятора общественных отношений.....	49
<i>Дашин А.В., Проненкова А.А.</i> К вопросу о сущности малого и среднего предпринимательства в России.....	53
<i>Павлов О.В.</i> Корреляция принципов консерватизма и прогрессивности в Римском праве в период перехода от республики к империи.....	57
<i>Приходько С.О.</i> Развитие ценностно-правовых конструкций в юридической науке.....	62
<i>Химич Т.М.</i> Реформы системы образования министра народного просвещения А.В. Головинина в контексте «Великих реформ» Александра II.....	65
<i>Скобелева К.А.</i> Актуальные вопросы в практике правоприменения и пути их решения.....	68
<i>Панфилец А.В.</i> Организационно-правовые нормы перестройки Ленинградской городской милиции применительно к военным условиям.....	73
<i>Дорохин А.М.</i> Особенности агентурной работы государственной политической полиции Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.....	78
<i>Чупрова А.А., Епифанова Е.В., Жбырь О.Н.</i> Соборность как цивилизационная константа становления отечественного правосознания.....	82
<i>Наумов И.Н., Селезнева И.Г., Хрипунова Е.В., Сухова А.С.</i> Современные методы борьбы с коррупцией в системе образования.....	85
<i>Капсаргина С.А.</i> Патриотическое воспитание студенческой молодежи.....	89
<i>Кич И.С.</i> Правовая установка и ее значение для правосознания.....	93
<i>Верхорубов И.Н., Козловский С.И.</i> Предпосылки правового регулирования рентных отношений в России в первой половине XIX века.....	96
<i>Несмиянов А.Н.</i> К проблемным вопросам концепции правового государства: теоретические аспекты.....	100
<i>Степаненко Р.Ф., Бакулина Л.Т., Степаненко Г.Н.</i> Эффективность права (общеправового и социально-философского аспекты).....	103
<i>Сигаури-Горский Е.Р.</i> Об идее субъективного права в римской юриспруденции.....	107
<i>Неяскин Д.С.</i> Исключения в праве как объективные детерминанты исключительных юридических норм.....	109
<i>Раттур М.В.</i> А.М. Горчаков – vir clarissimus дипломатии: дуга характера в историко-правовой ретроспективе.....	113
<i>Литвинова В.С., Фомина Л.В.</i> Подготовка кадров для отрасли агропромышленного комплекса	

как основа продовольственной безопасности Российской Федерации.....117

Асеев И.И.
Система борьбы с терроризмом в Российской Федерации и перспективы
ее совершенствования в области национальной безопасности.....120

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Винокуров В.А., Кузнецов М.С.</i> Национальная безопасность, чрезвычайная ситуация и информационная катастрофа: соотношение понятий.....	125
<i>Гладун Е.Ф.</i> Система прав коренных народов в России: нужна ли трансформация?.....	130
<i>Чубукова С.Г.</i> Концепция развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации.....	134
<i>Орлова Е.Е., Подольский А.В.</i> Льготные правовые режимы в сфере трудовых отношений.....	138
<i>Зокоев В.А., Марчук В.Л., Шевцова В.М.</i> Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих вопросы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в г. Санкт-Петербурге и Луганской Народной Республике.....	142
<i>Юрченкова В.Н.</i> Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации и их роль в системе обеспечения национальной безопасности.....	146
<i>Семичева С.А.</i> Теоретико-правовой аспект современного российского федерализма.....	149
<i>Гусева А.Л., Понамарева М.А.</i> Добровольческие движения в механизме правового воспитания молодого поколения: на примере Отряда содействия полиции «Тигр» Пензенской области.....	151
<i>Манаев И.А., Потапенко О.В.</i> Адвокатская монополия: вызовы и перспективы правового регулирования.....	155
<i>Вайман А.Б.</i> Международно-правовые основы защиты прав инвалидов в современном мире.....	159
<i>Минина А.А., Бозатырева А.Т., Перепада О.А., Чуниха А.А.</i> Современные тенденции развития института персональных данных в условиях цифровизации.....	164
<i>Чернова О.А., Дьякова М.А.</i> Проблематика доктринального толкования и нормативно-правового регулирования в сфере организации стажировок обучающихся по программам высшего профессионального образования.....	168
<i>Шушина Е.В.</i> Институт проверки сообщений и материалов в порядке статьи 28.1 КоАП РФ на предмет наличия в них события административного правонарушения.....	172
<i>Можжаева И.П., Габараев А.Ш., Торопов Б.А.</i> Методические проблемы формулирования ожидаемых результатов в планах, разрабатываемых в системе МВД России.....	176
<i>Чимаров Н.С.</i> Организация избирательного процесса на парламентских выборах Кюрасао 19 марта 2021 г. в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки.....	181
<i>Чистякова И.Н.</i> Влияние международных санкций на развитие искусственного интеллекта в России.....	184
<i>Сидоров С.А., Сахно В.П.</i> Морская доктрина Российской Федерации в контексте геополитики.....	188
<i>Корсун К.И.</i> Демографический кризис как следствие пандемии абортов.....	193
<i>Синьков И.А.</i> Основания принятия административных актов реагирования по результатам контрольно-надзорной деятельности.....	196
<i>Червонюк В.И., Досакаев А.Б.</i> Конструкция смешанной («срединной», или идеальной) формы правления в трудах античных мыслителей.....	200
<i>Кутасова И.В.</i> Специальные административно-правовые режимы. Понятие, классификация.....	204
<i>Тараканов А.В.</i> Российские негосударственные вузы: попытка объективной оценки современного состояния и результатов деятельности.....	208
<i>Михайленко О.В.</i> Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения.....	217
<i>Адриановская Т.Л.</i> Понятие специальной дисциплинарной ответственности и ее отличие от общей дисциплинарной ответственности.....	221
<i>Козлов С.С., Молоков Е.С.</i> Эволюция дисциплинарного устава: от советской милиции до современной полиции, и его роль в регулировании служебной деятельности.....	224

<i>Ковалев А.А.</i> Цифровизация деятельности прокуратуры Российской Федерации: проблемы и пути решения.....	228
--	-----

<i>Корепина А.В.</i> Проблемы этической регламентации деятельности экспертов в сфере государственного управления.....	231
---	-----

<i>Казанин И.Н., Ревина С.Н.</i> Сущность, цели и функции налоговой ответственности в контексте освещения теоретических и практических вопросов.....	235
--	-----

<i>Сотникова Е.И.</i> Административные наказания за совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.35 КоАП РФ: проблемы справедливого назначения.....	238
---	-----

<i>Садовский Д.С.</i> Правомерное поведение налогоплательщиков и смежные категории налогового права.....	241
--	-----

<i>Астахова Е.А.</i> О совершенствовании социальной защиты населения в государствах-участниках СНГ.....	245
---	-----

<i>Фролкина Е.Ю.</i> Принципы стратегического планирования развития городских агломераций.....	248
---	-----

<i>Баранов В.В.</i> Противодействие распространению идей экстремизма в глобальной сети Интернет на основе новых информационных технологий.....	252
--	-----

<i>Жукова П.Д.</i> Практические аспекты участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях.....	256
--	-----

<i>Редкоус В.М.</i> Правовое регулирование гражданской обороны в Республике Армения.....	259
---	-----

<i>Ильянова О.И.</i> Планирование и его роль в системе взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации.....	263
---	-----

<i>Сливко К.Ю., Сливко Н.К., Бондаренко Д.М.</i> К вопросу об эффективности метода убеждения, как средства реализации отдельных направлений государственной политики.....	266
---	-----

<i>Богданов А.В., Грамотеев С.В.</i> О некоторых противоречиях в нормативно-правовом регулировании процедуры организации и проведения публичных мероприятий в форме шествий и демонстраций.....	271
--	-----

<i>Болотаева О.С.</i> Индивидуализация, идентификация и аутентификация субъектов правоотношений в цифровой среде.....	274
---	-----

<i>Звонарева А.Ю.</i> Координация как функция управления в деятельности экспертных комиссий органов внутренних дел по режиму секретности.....	277
---	-----

<i>Данилевская-Урбанова И.Л.</i> К дискуссии о национальном суверенитете.....	280
--	-----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВилиСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С.</i> Обязательства в рамках государственного оборонного заказа: правовые аспекты.....	283
---	-----

<i>Король И.Г.</i> Осуществление семейных прав ребенка: право жить и воспитываться в семье.....	287
--	-----

<i>Савин В.Т.</i> Некоторые проблемы правового регулирования трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет.....	290
--	-----

<i>Рудых С.Н.</i> Выполнение работ и их приемка в государственных и муниципальных контрактах: практика судов.....	294
---	-----

<i>Бусыгин А.А.</i> Баланс интересов кредиторов в процедурах совместного банкротства граждан.....	296
--	-----

<i>Чеснокова Ю.В.</i> Особенности правового режима недвижимого имущества.....	299
--	-----

<i>Ананьева Е.О., Ахвердян А.Г.</i> Защита персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей.....	302
---	-----

<i>Дамбаева И.В.</i> К вопросу о компенсации морального вреда жертвам терроризма.....	305
--	-----

<i>Романов А.А., Борисова В.Р.</i> Обеспечительные меры в арбитражном процессе.....	307
--	-----

<i>Чуракова Е.В.</i> Специфика содержания права собственности на единый недвижимый комплекс.....	311
---	-----

<i>Пекарева В.В., Фроловская Ю.И.</i> Электронная форма сделки: понятие и правовая природа в рамках изучения курса гражданского права в образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы.....	316
---	-----

<i>Мусаева С.Р.</i> Апелляционное обжалование решений, принятых в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе: проблемы практики.....	320
---	-----

<i>Фролович Э.М.</i> Права и обязанности нотариусов в процессе деятельности по установлению бесспорных фактов.....	322
--	-----

<i>Понкин И.В.</i> Новейшие IT-технологии и будущее третейского процесса.....	325
--	-----

<i>Тормышев Д.А., Качкуркина С.С., Ананьева Е.О.</i> Проблема аборт в современном мире: юридический и медицинский аспект.....	329
--	-----

<i>Ухинова А.А.</i> Особенности отказа прокурора от заявленного требования по трудовым спорам в гражданском процессе.....	333
---	-----

<i>Патлаенко А.П.</i> Смарт-контракт и договор, заключенный в простой письменной форме: соотношение и динамика развития.....	337
--	-----

<i>Кокухин Н.В.</i> Адаптация института возмещения потерь в российском законодательстве и современной судебной практике.....	341
--	-----

<i>Гартина Ю.А.</i> Ценные бумаги в российском гражданском законодательстве.....	344
---	-----

<i>Аламова С.М.</i> Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации.....	348
--	-----

<i>Курганов В.В.</i> Райдшеринг (Карпулинг): понятие, проблемы и вопросы квалификации.....	352
---	-----

<i>Курманбаев М.М.</i> Квалификация недвижимого имущества в Германии.....	356
--	-----

<i>Горюнова Т.А.</i> Сроки обращения в суд работников за защитой трудовых прав: проблемы теории и практики.....	359
---	-----

<i>Игнатьев Г.Д.</i> Ключевые вопросы определения правовой природы договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ.....	363
---	-----

<i>Климонтов С.В.</i> Частноправовая ответственность субъектов предпринимательской деятельности по соглашениям о предоставлении финансовой поддержки.....	368
---	-----

<i>Шереметьева А.К., Киричук Т.А.</i> Профессионализм представителя: нормативно-правовые гарантии.....	372
---	-----

<i>Киселев Д.В., Лахин Д.Н., Чебанов И.В.</i> Актуальные проблемы признания авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта.....	374
--	-----

<i>Козлова В.Н.</i> Возможность использования результатов адвокатского опроса в гражданском и арбитражном процессах.....	378
--	-----

<i>Адаменко А.П., Пискунова Н.И.</i> Судебная защита потребителей электроэнергии по договору энергоснабжения в условиях цифровизации.....	382
---	-----

<i>Сайфутдинова В.М.</i> Трудовой договор с дистанционным работником.....	385
--	-----

<i>Тюлин А.В.</i> Искусственный интеллект как средство защиты гражданских прав и его взаимосвязь с правами человека.....	389
--	-----

<i>Теребунов А.А.</i> Влияние межотраслевых связей в рамках многокомпонентных правоотношений на обеспечение правовых возможностей частных лиц, участвующих в закупках для государственных и муниципальных нужд.....	393
--	-----

<i>Мартынова Г.В., Головачева Ю.А.</i> Процедура медиации как альтернативный способ разрешения споров: анализ практики применения.....	397
--	-----

<i>Назаренко Б.А., Марыина А.А.</i> К вопросу об особенностях использования цифровой валюты и электронных денег в процессе осуществления предпринимательской деятельности.....	401
--	-----

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Данилевская-Урбанова И.Л., Ратмур М.В.</i> Диахронный анализ реализации конституционных проектов в Российской империи (на примере Великого княжества Финляндского и Царства Польского).....	404
--	-----

<i>Самойлов Т.В.</i> Традиционные семейные ценности. Конституционно-правовой аспект.....	408
---	-----

<i>Величко Д.В.</i> Пределы реализации полномочий федеральной инспекции труда в условиях действующего ограничения на проведение проверок субъектов предпринимательской деятельности.....	411
---	-----

<i>Гараева Т.Б.</i> Административное и уголовно-процессуальное задержание: правовой анализ принудительных мер.....	416
--	-----

<i>Морева С.Л.</i> Государственное управление в аэрокосмической сфере: трудности подготовки профессионалов. Рецензия на 2-е издание трёхтомника И.В. Понкина «Теория государственного управления»,	
---	--

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Иванов П.И.
Методологическая основа построения теории ОРД.....422

Фроловская Ю.И., Бондаренко И.В.
Правовые вопросы назначения пенсии по инвалидности и пенсии по случаю потери кормильца сотруднику уголовно-исполнительной системы и членам его семьи...427

Харламов В.С.
Уголовно-правовой арсенал защиты семьи и детей в современной России.....430

Цаплин И.С.
О необходимости совершенствования нормативного (методического) обеспечения порядка расчета объема службы подразделений охраны учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....435

Власова Е.Л., Суворова А.Ю.
Процессуальная самостоятельность следователя на современном этапе.....438

Изаков Р.А.
Оценочные категории в уголовном законе.....441

Иванов П.И.
Причинный комплекс экономической и коррупционной преступности (на примере объектов оборонно-промышленного комплекса).....444

Комарова Е.А.
Уголовно-процессуальный порядок расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций.....449

Воронин В.В., Царева Ю.В.
К вопросу о процессуальной форме и доказательственном значении иных документов, в том числе полученных с использованием специальных знаний.....452

Гусев А.С., Мороз Е.Н.
Организация воспитательной работы в следственных изоляторах с лицами, переведенными из исправительных учреждений для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве.....457

Ерофеева В.А.
Проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.....460

Ивлиев П.В.
Роль общественных организаций в исправлении осужденных.....464

Дзьоник Е.В.
Проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок (ст. ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ).....467

Моисеев Н.Д., Силенков В.И.
Правовые и организационные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы.....471

Ахъядов Э.С.-М.
Информационная безопасность как элемент национальной безопасности государства.....474

Бунова И.И.
Актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны права человека на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных в эпоху цифровизации.....477

Куклин Д.В.
Сведения о преступлении, как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий: предложения по совершенствованию нормы оперативного розыскного законодательства Российской Федерации на основе опыта Республики Беларусь.....480

Власов В.А.
Уголовно-правовой анализ незаконной охоты: отдельные аспекты теории, практики и законодательства.....483

Климонов П.А.
Правовая природа института ответственности осужденных к принудительным работам: теоретический и практический аспекты.....487

Замалева С.В.
О понятии и значении доказательств в уголовном процессе.....491

Казак И.Б., Грушин Ф.В.
Установление имущества, подлежащего конфискации, как одна из задач оперативно-розыскной деятельности: теоретический и правовой анализ.....494

Бондаренко С.В., Иванов В.В.
Правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу.....499

Щишкин Р.В.
Уголовно-правовые риски в условиях цифровой трансформации и противодействие им.....503

Ткаченко Н.И., Ивлиев П.В.
Федеральная служба судебных приставов – орган принудительного исполнения судебных актов (историко-правовой аспект).....507

Ступина С.А.
К вопросу об уголовной ответственности

за антигосударственную пропаганду и агитацию.....510

Фроловская Ю.И.
Правовые особенности назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам уголовно-исполнительной системы.....514

Лазарева Ю.В.
Детерминация коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки.....516

Лопатина Т.М.
Вооруженный мятеж: уголовно-правовой анализ объективных признаков преступления.....520

Латиа В.Л.
Интерпретация цели как условия правомерности обоснованного риска с позиции науки уголовного права.....523

Мартьяненко Н.Э., Лелетова М.В.
Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества».....526

Кильметова Р.Р., Майрансаева Э.К., Гайдарова Э.Г., Томаева Д.В.
Место и роль прокуратуры в правоохранительной системе современной России.....530

Ходжалиев С.А.
Методологические начала определения наказания: основные принципы и особенности.....533

Маринкин Д.Н.
Судебно-авторские экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.....535

Мартьяненко Э.В.
Нужна ли уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества?.....540

Наметкин Д.В., Соколов Д.С., Афанасьев Е.В.
Проблемы в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих порядок производства обыска и выемки.....543

Санджеев Ц.А.
Анализ российского законодательства, регламентирующего рецидив осужденных на современном этапе.....547

Минсафина С.Н., Божков А.В.
Привлечение осужденных к общественно-полезному труду: зарубежный опыт.....549

Мусалева А.В., Латыпова Д.М.
Совершенствование официальных электронных информационных ресурсов в сети «Интернет» как инструмента кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний.....551

Никитин К.И.
Социально-правовая обусловленность криминализации незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц.....556

Осипов Д.Д.
Способы проникновения при совершении краж: современное состояние и перспектива развития содержательных компонентов криминалистической характеристики.....560

Павлов Е.Н.
Методика расследования мошенничества, совершаемого на маркетплейсах. Постановка проблемы.....563

Прохорова Т.Л.
Меры безопасности в уголовно-процессуальном праве и фактические основания их применения.....567

Пьянков М.Н., Волков Д.Ю.
Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения в Великобритании.....570

Тищенко Ю.Ю., Усманов Н.Б.
Духовность как фактор правопорядка и основа профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы.....574

Трегубова Е.А.
Организация работы с несовершеннолетними лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции.....577

Разувакина И.И., Васильева Н.Л., Шитова Т.В.
О совершенствовании процессуального порядка освидетельствования при проверке сообщения о преступлении.....582

Суворова С.В.
Индивидуализация при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.....586

Долгушина Л.В., Ступина С.А.
Видеорегилятор как объект видеотехнической экспертизы и доказательство в суде при дорожно-транспортных происшествиях с участием пешеходов.....590

Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Шабаетов В.В.
Особенности процессуального положения адвоката-защитника, некоторые проблемы реализации предоставленных ему полномочий.....594

Агапов П.В., Смыслова В.Н., Закомолдин Р.В.
Противодействие призывам к осуществлению насильственных действий экстремистского характера и дискредитации Вооруженных Сил РФ (уголовно-правовой аспект).....598

Павлова А. А, Игнатьева Т.И.
Проблемы международного сотрудничества и законодательство отдельных стран в борьбе с компьютерной преступностью: сравнительный анализ.....601

CONTENTS 2024 № 9(237)

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Abravitova Yu.I., Kalinovich A.E.</i> The system of punishments in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845.....	8
<i>Kochenkov I.N.</i> Legal aspects of the party-state policy of Ukrainization of the Ukrainian SSR and Donbass.....	12
<i>Zhukov V.N.</i> Ethics and power in E. Fromm's psychoanalysis.....	16
<i>Bamatkirieva S.H.</i> On the issue of the essence and concept of judicial law enforcement.....	20
<i>Barancha V.V.</i> Socio-regulatory function of legal forecasting.....	23
<i>Bozhko E.A.</i> School and religion in the works of V.D. Katkov.....	26
<i>Boldyrev S.N.</i> Legal technique of qualification of offenses in the field of IT technologies.....	30
<i>Zharkoy M.E., Zhilsky V.N.</i> Patriotism: the essence, content and legal foundations of forms his upbringing by law enforcement officers.....	34
<i>Shenshin V.M.</i> On the role of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of migration policy in carrying out tasks to protect public order and ensure public safety.....	39
<i>Babaev I.F. ogly, Voskresenskaya E.V., Chernykh A.B.</i> The history of the formation and development of the Institute of legal protection of personal information.....	44
<i>Galuzo V.N.</i> On the role of the state in choosing a regulator of public relations.....	49
<i>Dashin A.V., Pronenkova A.A.</i> On the issue of the essence of small and medium-sized enterprises in Russia.....	53
<i>Pavlov O.V.</i> Correlation of the principles of conservatism and progressivity in Roman law during the transition from the Republic to the Empire.....	57
<i>Prikhodko S.O.</i> The development of value-legal structures in legal science.....	62
<i>Himich T.M.</i> Reforms of the education system of the Minister of Public Education A.V. Golovnin in the context of the "Great Reforms" of Alexander II.....	65
<i>Skobeleva K.A.</i> Current issues in law enforcement practice and ways to solve them.....	68
<i>Panfilets A.V.</i> Organizational and legal norms of the restructuring of the Leningrad City Police in relation to military conditions.....	73
<i>Doronin A.M.</i> Features of the secret service work of the state political police of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries.....	78
<i>Chuprova A.A., Epifanova E.V., Zhybyr O.N.</i> Conciliarity as a civilizational constant of the formation of legalconsciousness.....	82
<i>Naumov I.N., Selezneva I.G., Khripunova E.V., Sukhova A.S.</i> Modern methods of combating corruption in the education system.....	85
<i>Kapsargina S.A.</i> Patriotic education of students.....	89
<i>Kich I.S.</i> Legal attitude and its significance for legal awareness.....	93
<i>Verkhorubov I.N., Kozlovsky S.I.</i> Prerequisites for the legal regulation of rental relations in Russia in the first half of the XIX century.....	96
<i>Nesmiyanov A.N.</i> Problematic issues of the concept of the rule of law: theoretical aspects.....	100
<i>Stepanenko R.F., Bakulina L.T., Stepanenko G.N.</i> The effectiveness of law (general legal and socio-philosophical aspects).....	103
<i>Sigauri-Gorsky E.R.</i> On the idea of subjective law in Roman jurisprudence.....	107
<i>Neyaskin D.S.</i> Exceptions in law as objective determinants of exceptional legal norms.....	109

<i>Rattur M.V.</i> A.M. Gorchakov– vir clarissimus of Diplomacy: the arc of Character in historical and legal retrospect.....	113
<i>Litvinova V.S., Fomina L.V.</i> Personnel training for the agro-industrial complex as the basis of food security in the Russian Federation.....	117
<i>Aseev I.I.</i> The system of combating terrorism in the Russian Federation and prospects its improvement in the field of national security.....	120
PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES	
<i>Vinokurov V.A., Kuznetsov M.S.</i> National security, emergency and information disaster: the correlation of concepts.....	125
<i>Gladun E.F.</i> The system of rights of indigenous peoples in Russia: is there a need for transformation?.....	130
<i>Chubukova S.G.</i> The concept of the development of the system of subjects of information law in the context of digital transformation.....	134
<i>Orlova E.E., Podolsky A.V.</i> Preferential legal regimes in the field of labor relations.....	138
<i>Zokoev V.A., Marchuk V.L., Shevtsova V.M.</i> Comparative legal analysis of normative acts regulating the issues of training the population in the field of civil defense and protection from emergency situations in St. Petersburg and the Luhansk People's Republic...	142
<i>Yurchenkova V.N.</i> Interaction of internal affairs bodies with the media and their role in the national security system.....	146
<i>Semicheva A.S.</i> Theoretical and legal aspect of modern Russian federalism.....	149
<i>Guseva A.L., Ponamareva M.A.</i> Volunteer movements in the mechanism of legal education of the younger generation: on the example of the Police Assistance Unit "Tiger" of the Penza region.....	151
<i>Manaev I.A., Potapenko O.V.</i> Lawyer monopoly: challenges and prospects of legal regulation.....	155
<i>Vaiman A.B.</i> International legal foundations for the protection of the rights of persons with disabilities in the modern world.....	159
<i>Minina A.A., Bogatyreva A.T., Perepadya O.A., Chunikha A.A.</i> Current trends in the development of the Institute of personal data in the context of digitalization.....	164
<i>Chernova O.A., Dyakova M.A.</i> The problems of doctrinal interpretation and regulatory regulation in the field of organization of internships for students in higher professional education programs.....	168
<i>Shushina E.V.</i> Institute for verification of messages and materials in accordance with Article 28.1 of the Administrative Code of the Russian Federation for the presence of an administrative offense event in them.....	172
<i>Mozhaeva I.P., Gabaraev A.Sh., Toropov B.A.</i> Methodological problems of formulating expected results in plans developed in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	176
<i>Chimarov N.S.</i> Organization of the electoral process in the Curacao parliamentary elections On March 19, 2021, in an unfavorable epidemiological situation.....	181
<i>Chistyakova I.N.</i> The impact of international sanctions on the development of artificial intelligence in Russia.....	184
<i>Sidorov S.A., Sakhno V.P.</i> The maritime doctrine of the Russian Federation in the context of geopolitics.....	188
<i>Korsun K.I.</i> Demographic crisis as a consequence of the abortion pandemic.....	193
<i>Sinkov I.A.</i> Grounds for the adoption of administrative acts of response based on the results of control and supervisory activities.....	196
<i>Chervonyuk V.I., Dosakaev A.B.</i> The construction of a mixed ("median" or ideal) form of government in the writings of ancient thinkers.....	200
<i>Kutasova I.V.</i> Special administrative and legal regimes. Concept, classification.....	204

<i>Tarakanov A.V.</i> Russian non-governmental universities: an attempt at an objective assessment of the current state and performance.....	208	<i>Dambaeva I.V.</i> On the issue of compensation for moral damage to victims of terrorism.....	305
<i>Mikhailenko O.V.</i> Measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses in the system of administrative coercion measures.....	217	<i>Romanov A.A., Borisova V.R.</i> Interim measures in the arbitration process.....	307
<i>Adrianovskaya T.L.</i> The concept of special disciplinary responsibility and its difference from general disciplinary responsibility.....	221	<i>Churakova E.V.</i> The specifics of the content of ownership of a single immovable complex.....	311
<i>Kozlov S.S., Molokov E.S.</i> Evolution of the disciplinary statute: from the Soviet militia to the modern police, and its role in regulating official activity.....	224	<i>Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I.</i> The electronic form of the transaction: the concept and legal nature in the framework of studying the course of civil law in educational institutions of the penal system.....	316
<i>Kovalev A.A.</i> Digitalization of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: problems and solutions.....	228	<i>Musaeva S.R.</i> Appeal of decisions taken in the simplified procedure in the arbitration process: problems of practice.....	320
<i>Korepina A.V.</i> Problems of ethical regulation of the activities of experts in the field of public administration.....	231	<i>Frolovich E.M.</i> The rights and obligations of notaries in the process of establishing indisputable facts.....	322
<i>Kazanin I.N., Revina S.N.</i> The essence, goals and functions of tax liability in the context of coverage of theoretical and practical issues.....	235	<i>Ponkin I.V.</i> The latest IT technologies and the future of the arbitration process.....	325
<i>Sotnikova E.I.</i> Administrative penalties for committing an administrative offense under Article 5.35 of the Administrative Code of the Russian Federation: problems of fair appointment.....	238	<i>Tormyshev D.A., Kachkurkina S.S., Ananyeva E.O.</i> The problem of abortion in the modern world: legal and medical aspects.....	329
<i>Sadovsky D.S.</i> Lawful behavior of taxpayers and related categories of tax law.....	241	<i>Ukhinova A.A.</i> Features of the prosecutor's refusal from the stated claim on labor disputes in civil proceedings.....	333
<i>Astakhova E.A.</i> On improving social protection of the population in the CIS member States.....	245	<i>Patlaenko A.P.</i> A smart contract and a contract concluded in simple written form: the relationship and dynamics of development.....	337
<i>Frolkina E.Yu.</i> Principles of strategic planning for the development of urban agglomerations.....	248	<i>Kokukhin N.V.</i> Adaptation of the institute of compensation for losses in Russian legislation and modern judicial practice.....	341
<i>Baranov V.V.</i> Countering the spread of ideas of extremism on the global Internet based on new information technologies.....	252	<i>Gartina Yu.A.</i> Securities in the Russian civil legislation.....	344
<i>Zhukova P.D.</i> Practical aspects of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses.....	256	<i>Alamova S.M.</i> Legal mechanisms of intellectual property protection in the context of digitalization.....	348
<i>Redkous V.M.</i> Legal regulation of civil defense in the Republic of Armenia.....	259	<i>Kurganov V.V.</i> Ridesharing (Carpooling): the concept, problems and issues of qualification.....	352
<i>Ilyanova O.I.</i> Planning and its role in the system of interaction of internal affairs bodies with the media.....	263	<i>Kurmanbaev M.M.</i> Qualification of real estate in Germany.....	356
<i>Slivko K.Yu., Slivko N.K., Bondarenko D.M.</i> On the issue of the effectiveness of the method of persuasion as a means of implementing certain areas of state policy.....	266	<i>Goryunova T.A.</i> Deadlines for employees to apply to the court for protection of labor rights: problems of theory and practice.....	359
<i>Bogdanov A.V., Gramoteev S.V.</i> About some contradictions in the legal regulation of the procedure for organizing and holding public events in the form of processions and demonstrations.....	271	<i>Ignatiev G.D.</i> Key issues of determining the legal nature of the contract for the performance of design and survey work.....	363
<i>Bolotaeva O.S.</i> Individualization, identification and authentication of legal entities in the digital environment.....	274	<i>Klimontov S.V.</i> Private law liability of business entities under financial support agreements.....	368
<i>Zvonareva A.Yu.</i> Coordination as a management function in the activities of expert commissions of internal affairs bodies on the secrecy regime.....	277	<i>Sheremetyeva A.K., Kirichuk T.A.</i> Professionalism of the representative: regulatory and legal guarantees.....	372
<i>Danilevskaya-Urbanova I.L.</i> Towards a discourse on national sovereignty.....	280	<i>Kiselev D.V., Lakhin D.N., Chebanov I.V.</i> Actual problems of copyright recognition for the results of artificial intelligence activity.....	374
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES		<i>Kozlova V.N.</i> The possibility of using the results of the lawyer's survey in civil and arbitration proceedings.....	378
<i>Battakhov P.P., Ovchinnikova Y.S.</i> Obligations under the state defense order: legal aspects.....	283	<i>Adamenko A.P., Piskunova N.I.</i> Judicial protection of electricity consumers under an energy supply contract in the context of digitalization.....	382
<i>Korol I.G.</i> Implementation of the child's family rights: the right to live and be raised in a family.....	287	<i>Sayfutdinova V.M.</i> An employment contract with a remote employee.....	385
<i>Savin V.T.</i> Some problems of legal regulation employment of persons under the age of eighteen.....	290	<i>Tyulin A.V.</i> Artificial intelligence as a means of protecting civil rights and its relationship to human rights.....	389
<i>Rudykh S.N.</i> Execution of works and their acceptance in state and municipal contracts: court practice.....	294	<i>Terebunov A.A.</i> The influence of intersectoral relations within the framework of multicomponent legal relations on the provision of legal opportunities for individuals, involved in procurement for state and municipal needs.....	393
<i>Busygin A.A.</i> The balance of creditors' interests in the procedures of joint bankruptcy citizens.....	296	<i>Martianova G.V., Golovocheva Yu.A.</i> Mediation procedure as an alternative way of dispute resolution: analysis of the application practice.....	397
<i>Chesnokova Yu.V.</i> Features of the legal regime of real estate.....	299	<i>Nazarenko B.A., Maryina A.A.</i> On the issue of the specifics of using digital currency and electronic money in the process of doing business.....	401
<i>Ananyeva E.O., Akhverdyan A.G.</i> Protection of personal data of convicts and persons in custody.....	302	PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES	
		<i>Danilevskaya-Urbanova I.L., Rattur M.V.</i> Diachronic analysis of the implementation of constitutional projects in the Russian Empire (using the example of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland).....	404
		<i>Samoilov T.V.</i> Traditional family values. Constitutional and legal aspect.....	408

<i>Velichko D.V.</i> The limits of the exercise of the powers of the Federal Labor Inspectorate under the current restrictions on inspections of business entities.....	411
<i>Garaeva T.B.</i> Administrative and criminal procedural detention: legal analysis of coercive measures.....	416
<i>Moreva S.L.</i> Public administration in the aerospace sector: difficulties in training professionals. Review of the 2nd edition of I.V. Ponkin's three-volume book "Theory of Public Administration", "Deviantology of Public Administration" and "Public Administration Deviantology" (2024, Infra-M).....	419
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Ivanov P.I.</i> Methodological basis for the construction of the theory of hordes.....	422
<i>Frolovskaya Yu.I., Bondarenko I.V.</i> Legal issues of awarding disability pensions and survivor's pensions to an employee of the penal enforcement system and members of his family.....	427
<i>Kharlamov V.S.</i> Criminal law arsenal of family and child protection in modern Russia.....	430
<i>Tsaplin I.S.</i> On the need to improve the normative (methodological) provision of the procedure for calculating the volume of service of security units of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation	435
<i>Vlasova E.L., Suvorova A.Y.</i> Procedural independence of the investigator at the present stage.....	438
<i>Izakson R.A.</i> Evaluation categories in the criminal law.....	441
<i>Ivanov P.I.</i> The causal complex of economic and corruption crimes (on the example of objects of the military-industrial complex).....	444
<i>Komarova E.A.</i> Criminal procedure for investigating crimes in emergency situations.....	449
<i>Voronin V.V., Tsareva Yu.V.</i> On the issue of the procedural form and evidentiary value of other documents, including those obtained using special knowledge.....	452
<i>Gusev A.S., Moroz E.N.</i> Organization of educational work in pre-trial detention facilities with persons transferred from correctional institutions to participate in investigative actions or court proceedings.....	457
<i>Yerofeeva V.A.</i> Problems arising in the investigation of criminal cases of crimes related to the involvement of minors in the commission of crimes and antisocial actions..	460
<i>Ivliev P.V.</i> The role of public organizations in the correction of convicts.....	464
<i>Dzionik E.V.</i> Problems of qualification of crimes in the field of illegal trafficking of substandard, unregistered medicines, medical devices and falsified biologically active additives (Articles 235.1, 238.1, 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	467
<i>Moiseev N.D., Silenkov V.I.</i> Legal and organizational problems of ensuring personal safety of employees of the penal enforcement system.....	471
<i>Akhyadov E.S.M.</i> Information security as an element of the national security of the state.....	474
<i>Bunova I.I.</i> Topical issues of improving criminal legislation in the field of protection of the human right to privacy and protection of personal data in the era of digitalization..	477
<i>Kuklin D.V.</i> Information about a crime as a basis for conducting operational investigative measures: proposals for improving the norms of operational investigative legislation of the Russian Federation based on the experience of the Republic of Belarus.....	480
<i>Vlasov V.A.</i> Criminal law analysis of illegal hunting: some aspects of theory, practice and legislation.....	483
<i>Klimonov P.A.</i> The legal nature of the institution of responsibility of convicts forced labor: theoretical and practical aspects.....	487
<i>Zamaleeva S.V.</i> On the concept and meaning of evidence in criminal proceedings.....	491
<i>Kazak I.B., Grushin F.V.</i> Identification of property subject to confiscation as one of the tasks of operational investigative activities: theoretical and legal analysis.....	494
<i>Bondarenko S.V., Ivanov V.V.</i> Legal aspects of exemption from criminal liability and punishment in connection with conscription.....	499
<i>Shishkin R.V.</i> Criminal law risks in the context of digital transformation and countering them.....	503
<i>Tkachenko N.I., Ivliev P.V.</i> Federal Bailiff Service – the body of compulsory execution of judicial acts (historical and legal aspect).....	507
<i>Stupina S.A.</i> On the issue of criminal liability for anti-State propaganda and agitation.....	510
<i>Frolovskaya Yu.I.</i> Legal features of the appointment of a pension for long service to employees of the penal enforcement system.....	514
<i>Lazareva Yu.V.</i> Determination of corruption crimes related to giving and receiving bribes.....	516
<i>Lopatina T.M.</i> Armed rebellion: criminal law analysis of objective signs of a crime.....	520
<i>Lapsha V.L.</i> Interpretation of the goal as a condition for the legality of a reasonable risk from the perspective of the science of criminal law.....	523
<i>Martynenko N.E., Leletova M.V.</i> Problems of qualification of crimes provided for in Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation "Organization of activities to attract funds and (or) other property".....	526
<i>Kilmetova R.R., Mayransaeva E.K., Gaidarova E.G., Tomaeva D.V.</i> The place and role of the Prosecutor's office in the law enforcement system of modern Russia.....	530
<i>Khochaliev S.A.</i> Methodological principles of determining punishment: basic principles and features.....	533
<i>Marinkin D.N.</i> Forensic expert examinations in the investigation of crimes of extremist and terrorist orientation.....	535
<i>Martynenko E.V.</i> Is there a need for criminal liability for organizing activities to attract funds and (or) other property?.....	540
<i>Nametkin D.V., Sokolov D.S., Afanasyev E.V.</i> Gaps in the norms of criminal procedure legislation regulating the procedure for search and seizure.....	543
<i>Sanjeev Ts.A.</i> Analysis of the Russian legislation regulating the recidivism of convicts at the present stage.....	547
<i>Minsafina S.N., Bozhkov A.V.</i> Attracting convicts to socially useful work: foreign experience	549
<i>Musaleva A.V., Latypova D.M.</i> Improvement of official electronic information resources on the Internet as a tool of personnel policy Federal Penitentiary Service.....	551
<i>Nikitin K.I.</i> Social and legal conditionality of criminalization of illegal activities for the repayment of overdue debts of individuals.....	556
<i>Osipov D.D.</i> Methods of penetration during the commission of thefts: the current state and prospects for development of substantial components of forensic characteristics... ..	560
<i>Pavlov E.N.</i> Fraud investigation methodology, committed on marketplaces. Problem statement... ..	563
<i>Prokhorova T.L.</i> Security measures in criminal procedure law and the actual grounds for their use.....	567
<i>Pyankov M.N., Volkov D.Yu.</i> Some issues of parole in the UK.....	570
<i>Tishchenko Yu.Yu., Usmanov N.B.</i> Spirituality as a factor of law and order and the basis of professionalism of employees of the penal enforcement system.....	574
<i>Tregubova E.A.</i> Organization of work with minors registered with the penal enforcement Inspectorate.....	577
<i>Razuvakina I.I., Vasilyeva N.L., Shitova T.V.</i> On improving the procedural order of the examination when checking a crime report.....	582
<i>Suvorova S.V.</i> Individualization in the appointment of criminal punishment and other measures of a criminal nature.....	586
<i>Dolgushina L.V., Stupina S.A.</i> DVR as an object of video technical expertise and evidence in court in traffic accidents involving pedestrians.....	590
<i>Kurmaveva N.A., Malyshkin P.V., Shabaev V.V.</i> Features of the procedural position of the defense lawyer, some problems with the implementation of the powers granted to him.....	594
<i>Agapov P.V., Smyslova V.N., Zakomoldin R.V.</i> Countering calls for violent actions of an extremist nature and discrediting the Armed Forces of the Russian Federation (criminal law aspect).....	598
<i>Pavlova A. A., Ignatieva T.I.</i> Problems of international cooperation and legislation of individual countries in the fight against computer crime: a comparative analysis.....	601

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В УЛОЖЕНИИ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА SYSTEM OF PENALTIES IN THE CRIMINAL AND PENAL CODE OF 1845

АБРАВИТОВА Юлия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент,
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова.
Санкт-Петербургское ш., 43, г. Санкт-Петербург, 198515, Россия.
E-mail: abravitova@yandex.ru;

КАЛИНОВИЧ Александр Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет».
Петербургское ш., 2 г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, 196605, Россия.
E-mail: kae.spb@yandex.ru;

ABRAVITOVA Yulia Igorevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Admiral S. O. Makarov State University of Marine and River Fleet.
St. Petersburg sh., 43, St. Petersburg, 198515, Russia.
E-mail: abravitova@yandex.ru;

KALINOVICH Alexander Eduardovich,

Candidate of Law, Associate Professor St. Petersburg State Agrarian University.
Peterburgskoe sh., 2 Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia.
E-mail: kae.spb@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье приведен анализ уголовно-правовых норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Авторами рассмотрены положения главы II «О Наказаниях», Раздела I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» устанавливающую систему наказаний, подразделение наказаний на разряды, роды и степени. Рассмотрены наказания, относящиеся к уголовным и относящиеся в исправительным.

Abstract: The article analyses the criminal law norms of the criminal and correctional punishment statute of 1845. The authors consider the provisions of Chapter II 'On punishments', Section I 'On crimes, misdemeanours and punishments in general', which establishes the system of punishments, division of punishments into classes, types and degrees. The punishments related to criminal and correctional are considered.

Ключевые слова: уложение о наказаниях уголовных и исправительных, наказания уголовные и наказания исправительные, смертная казнь, лишение всех прав состояния, исправительные арестантские отделения.

Keywords: criminal and correctional punishments, criminal and correctional punishments, death penalty, deprivation of all rights of state, correctional detention wards.

Для цитирования: Абравитова Ю.И., Калинович А.Э. Система наказаний в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 8-11. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_8.

For citation: Abravitova Yu.I., Kalinovich A.E. System of penalties in the Criminal and Penal Code of 1845 // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 8-11. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_8.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

15 августа 1845 года Николай 1 своим Указом утвердил Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое было введено в действие 1 мая 1845 года (далее-Уложение). Уложение издавалось в различных редакциях в 1857 году, в 1866 году и в 1885 году и состояло из 12 разделов, разделявшихся на Общую и Особенную части. [1].

Согласно Уложения, для признания совершенного деяния преступным, необходимо было, что бы оно соответствовало двум условиям: во-первых, деяние должно было быть прямо предусмотрено уголовным законодательством; во-вторых, виновность лица, совершившего преступное деяние должна быть подтверждена уголовным судом. В соответствии с тяжестью совершенного деяние и назначалось наказание.

Наказаниям была посвящена глава II «О Наказаниях» Раздела I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще».

Николай Степанович Таганцев в своих лекциях по Русскому уголовному праву указывал, что «лестница наказаний» в Российском уголовном законодательстве включает в себя 2 большие группы- общие и особенные. В свою очередь в общие наказания включали в себя главные, дополнительные и заменяющие [2].

Лестница наказания была составлена в традиционном порядке от наиболее сурового наказания к более мягкому и делились в зависимости от тяжести совершенного преступления или проступка и меры вины на разряды, роды (виды), степени.

В Уложении, исходя из диспозиции норм, описанных в статьях 3 и 18 все наказания подразделялись на два разряда – уголовные и исправительные.

Статья 19 Уложения в редакции 1845 года, предусматривала четыре основных рода уголовных наказаний, назначаемых за совершение преступлений: смертная казнь; ссылка на каторжные работы, при этом, лица, не освобожденные от телесных наказаний, публично наказывались ударами плетью от тридцати до ста ударов с последующим наложением клейма; ссылка на поселение в Сибирь, лица, не освобожденные от телесных наказаний, публично наказывались от десяти до тридцать ударов плетью без наложения клейма; ссылка на поселение в Закавказье [3].

К концу 19 века, в связи с либеральными изменениями в обществе, в уголовное законодательство были внесены существенные изменения в сторону смягчения наказаний, в частности отменены телесные наказания. В редакции Уложения 1885 года, в соответствии со статьей 17, уголовные наказания включали в себя только 3 вида: смертная казнь, ссылка на каторжные работы и ссылка на поселение «в местности, к тому предназначенные» [4].

Каждый вид наказания, как в первоначальной редакции, так и в последующих редакциях сопровождался лишением прав состояния в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию. Указанное наказание регулировалось статьей 24 Уложения и не претерпела существенных изменений в более поздних редакциях. За совершенные преступления по решению суда, дворяне лишались потомственного и личного дворянства, священнослужители - духовного сана и звания, купцы первой и второй гильдии и лица, имеющие звание почетного гражданина - всех преимуществ, предоставляемых им в соответствии с их статусом, доброго имени, а также присвоенных званий. Другие сословия лишались присвоенных им прав и доброго имени. Все осужденные лишались присвоенных им чинов, орденов, почетных титулов и любых знаков отличия[5].

Отдельными нормами Уложения регулировалось поражение осужденных в семейственных правах и правах собственности. В соответствии со статьей 31 Уложения лишение семейственных прав заключалось в прекращении супружеских прав за исключением ситуаций, если супруг или супруга осужденного добровольно направились к месту исполнения наказания, родительской власти над детьми, всех иных прав, связанных с родством или свойством. Так, например, жены осужденных на каторжные работы или на поселение, имели право добровольно следовать за своими мужьями в место исполнения наказания при условии, что они не участвовали в совершении преступления.

Лишение прав собственности регулировалось статьей 32 Уложения и заключалось в том, что все права собственности на принадлежащее осужденному имущество переходили его наследникам даже в том случае, если наследники последовали за указанным лицом в место, назначенное приговором суда для исполнения наказания [6].

Осужденные сохраняли возможность распоряжаться своим правом собственности до вступления приговора суда в законную силу, однако, завещания лиц, лишенных прав состояния, составленные до приговора или вступления приговора в законную силу, могли быть признаны недействительными.

В случае осуждения дворянина, приговор, соединенный с лишением всех прав состояния, вступал в законную силу только после рассмотрения представления и получения «Высочайшего разрешения»

На самом верш «лестницы наказаний», назначаемых за преступления, находилась смертная казнь. Ее виды определялись в приговоре суда и данный вид наказания назначался в соответствии со статьей 20 Уложения.

Самым жестким из наказаний, связанных с лишением свободы считалась ссылка на каторжные работы с назначением телесных наказаний, применяемых к лицам, не освобожденным от телесных наказаний. В зависимости от тяжести преступления и меры вины, данный род наказания, в соответствии со статьей 21 Уложения, предусматривал 7 степеней.

Структура степеней наказаний соответствовала структуре родов, то есть от наиболее «суровых» наказаний и более мягким и предусматривала три вида назначаемых судом мест наказания – работы на рудниках, работы в крепостях, работы на заводах. Первые три степени предусматривали работы на рудниках от двенадцати лет до работ без срока и наказанием плетьюми от семидесяти до ста ударов, четвертая и пятая степени - работы в крепостях на срок от восьми до двенадцати лет с наказанием плетьюми от пятидесяти до семидесяти ударов, шестая и седьмая степени – работы на заводах на срок от четырех до восьми лет и наказание плетьюми от тридцати до пятидесяти ударов [7].

Осужденные наказывались плетьюми публично. После наказания плетьюми осужденному на лоб и щеки накладывали клеймо –буква К.А.Т. (каторжный). Данному наказанию не подвергались мужчины, достигшие семидесяти лет и женщины.

От телесных наказаний освобождались дворяне, священнослужители и их дети, купцы обоих гильдий и их дети, мещане, временно состоящие в купечестве, либо являющиеся нотариусами, крестьяне, занимающие либо общественные должности, либо должности по выборам и получившие кафтан и серебрянную медаль, сельские старосты, крестьянки, вступившие в брак с почетным гражданином. Дети священнослужителей пользовались правами детей личных дворян, то есть правами почетных граждан.

Законами 1861 и 1863 гг. телесные наказания были отменены. Эти изменения нашли свое отражение в статье 19 Уложения в редакции 1885 года, согласно которым каторжные работы назначались в соответствии с одной из семи степеней на срок от четырех (седьмая степень) до работ на каторге без срока (первая степень). [8].

Положение осужденных на каторжные работы определялись Уставом о ссыльных 1845 года. Данный нормативный акт регулировал ответственность ссыльно-каторжных, ссыльно-поселенцев, поселенцев и бродяг. Так, например, в соответствии со статьей 318 Устава о ссыльных, осужденные, отбывшие по приговору суда каторжные работы, освобождались от работ и переходили в разряд переселенцев.

С 1885 года осужденные к каторжным работам женщины могли отбывать наказание в особых помещениях при исправительных домах.

По истечении срока исполнения наказания, осужденный навсегда оставался на поселении в Сибири. Так лица, виновные в совершении совокупности преступлений, одним из которых являлось кровосмешение, направлялись в монастыри, находящиеся в Сибири, или же на поселение в отдаленные места Сибири. По представлению руководившего каторгой начальника, осужденный к каторжным работам до истечения срока отбывания наказания, также мог быть переведен на поселение.

Следующим в лестнице наказаний родом наказания была ссылка на поселение в Сибирь.

В зависимости от тяжести преступления и меры вины, наказание предусматривало ссылку на поселение в отдаленные места Сибири с наказанием плетьюми от двадцати до тридцати ударов (степень 1) и ссылка на поселение в местах Сибири не столь отдаленных с наказанием плетьюми от десяти до двадцати ударов (степень 2) [9].

Если в приговоре суда не указывалось, к какой степени указанного наказания приговаривается осужденный, то в этом случае автоматически применялась 2 степень.

Данный вид наказания также претерпел изменения и в статье 20 Уложения в редакции 1885 года телесные наказания уже не были предусмотрены.

Ссылка в Закавказье назначалась только за отдельные преступления и место исполнения наказания определялось главным начальством Закавказского края (статья 23 Уложения).

В 1900 году такие виды наказания как ссылка на поселение в Сибирь и в Закавказье утратили силу.

Следующим главным разрядом были наказания исправительные. Согласно статье 34 Уложения, все исправительные наказания подразделись на 7 родов.

Указанные наказания можно условно разделить на следующие группы:

- отбывание наказания в виде направления в ссылку в Сибирь или отдаленные губернии кроме Сибири и или работы в исправительных арестантских ротах - статьи 35, 36 Уложения;

- временное заключение на определенный срок в исправительные учреждения: отбывание наказания в крепости (статьи 37, 38 Уложения), отбывание наказания в смирительном доме (статьи 39, 40), отбывание наказания в тюрьме (статья 41 Уложения), кратковременный арест (статья 42 Уложения).

- наказание, не связанное с лишением свободы, включали в себя выговоры в присутствии суда (статья 43 Уложения) и денежные взыскания (статья 44 Уложения).

Все исправительные наказания располагались аналогично уголовным, то есть от наиболее «жестких» к более мягким. Каждый из родов состоял из нескольких основных видов наказаний, включая лишения прав и преимуществ осужденных и телесные наказания для лиц, не освобожденных от них.

На самом верху лестницы исправительных наказаний располагались два вида ссылок в места заключения: направление в отдаленные или менее отдаленные места Сибири и ссылка в отдаленные губернии кроме Сибири. Каждый из указанных родов подразделялся на степени.

Ссылка на поселение в отдаленные или менее отдаленные места Сибири или направление на работы в исправительных арестантских ротах регулировалось статьей 35 Уложение и подразделялась на 5 степеней и в зависимости от степени предусматривала направления осужденных для отбывания наказания в:

- Иркутскую или Енисейскую губернии на срок от двух (вторая степень) до четырех (первая степень) лет с запретом выезда в другие губернии на срок от восьми (вторая степень) до двенадцати (первая степень) лет, или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на срок от шести до десяти лет и наказание розгами от восьмидесяти до ста ударов,

- Томскую и Тобольскую губернии на срок от одного года (четвертая степень) до трех (третья степень) лет или работы в исправительных арестантских ротах гражданского ведомства на срок от одного года (пятая степень) до шести лет (третья степень) и наказание розгами от шестидесяти до восьмидесяти ударов.

Не подлежали направлению в ссылку женщины, относящиеся к податному состоянию. Данная категория осужденных подлежали заключению не в арестантские роты, а в рабочие дома. Кроме того, в ссылку не могли быть направлены осужденные женщины, окончившие акушерские курсы.

Следующий вид исправительных наказаний заключался в ссылке в отдаленные губернии за исключением Сибирских, включал в себя четыре степени и предусматривалась на срок от трех месяцев (четвертая степень) до двух лет (первая степень), а для лиц, не освобожденных от телесных наказаний, предусматривалось, в зависимости от степени наказания, заключение в рабочих домах на срок от трех месяцев (четвертая степень) до трех лет (первая степень).

Осужденный, лишенный всех прав, по прибытии в место ссылки обязан был избрать для себя вид деятельности. С разрешения начальства он имел право приобретать земли для занятия крестьянством, а мог «записаться» в мещане, при этом не имея право участвовать в выборах и заниматься торговлей.

Лишенные прав и преимуществ осужденные, после отбывания наказания, не имели права поступать на государственную или общественную службу, заниматься торговой деятельностью, выступать в судах в качестве свидетелей, быть опекуном и попечителем.

Вторая группа исправительных наказаний включала в себя исполнение наказаний в исправительных учреждениях, определяемых решением суда в зависимости от тяжести преступления. Согласно лестнице наказаний, наказания в исправительных учреждениях выстраивались следующим образом:

- временное заключение в крепости регулировалось статьями 37 и 38 Уложения в зависимости от того, применялось ли к осужденному наказания в виде с лишения особенных прав и преимуществ или нет. В первом случае наказание предусматривало две степени, в зависимости от которых заключение назначалось на срок от двух (вторая степень) до шести (первая степень) лет. Во втором случае, наказание предусматривало три степени и срок заключения назначался от шести недель (третья степень) до двух лет (первая степень) в зависимости от

тяжести преступления и формы вины.

В лестнице наказаний в Уложении в редакции 1885 года указанное наказание также занимало определенную ступень. Заключение в крепости не представляло никаких привилегий ни одному из сословий;

- временное заключение в смиренном доме (статьи 39 и 40 Уложения), также, как и временное заключение в крепости, разделялось на 2 вида - с лишением некоторых особых прав и преимуществ или без лишения указанных прав и преимуществ. Если осужденный лишался некоторых особых прав и свобод, то наказание, в зависимости от меры вины, назначалось по одной из двух степеней и предусматривало временное заключение в смиренном доме на срок от одного года (вторая степень) до трех лет (первая степень). В случае, если приговор не предусматривал для осужденного лишение некоторых особых прав и преимуществ, то срок заключения в смиренном доме назначался по одной из двух степеней на срок от трех месяцев (вторая степень) до одного года (первая степень);

- временное заключение осужденного в тюрьму предусматривало три степени на срок от трех месяцев (третья степень) до двух лет (первая степень);

- кратковременный арест предусматривал четыре степени и, в зависимости от тяжести преступления и меры вины, назначался судом на срок от одного дня (четвертая степень) до трех месяцев (первая степень) [10].

После отбытия наказания, осужденный на два года оставался под особым надзором местной полиции. В течении этого времени он не имел право менять место жительства без соответствующего разрешения.

В Уложении в редакции 1885 года исправительные наказания претерпели серьезные изменения. В соответствии со статьей 30 наиболее тяжелым наказанием считалось направление в исправительные арестантские отделения на срок от одного года (пятая степень) до четырех лет (первая степень) [11].

Так ссылка на поселение в Сибирь в отдаленные места могла быть заменена лишением свободы в исправительных арестантских отделениях на срок от пяти до шести лет, а ссылка в места не столь отдаленные, могла быть заменена направлением в исправительные арестантские отделения на срок от четырех до пяти лет.

К наказаниям, не связанным с лишением свободы относились выговоры в присутствии суда, которые происходили в открытом заседании и денежные взыскания.

В своих лекциях по Русскому уголовному праву Н.С. Таганцев отмечал, что, изучая лестницу преступлений и сравнивая ее с постановлениями особенной части, можно сделать вывод о том, что несмотря на сложную схему общих главных наказаний, она является не полной, так как в нее не вошло много наказаний за отдельные преступления [12].

Библиография:

1. Калинович А. Э. «Разбой и грабеж как угроза экономической безопасности Российского государства в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года». Материалы Региональной научно-практической конференции с международным участием «Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы». СПбГАСУ. 2019.
2. Таганцев Н.С. Лекции по Русскому уголовному праву. Часть общая. Выпуск IV. Санкт-Петербург, 1892. с. 1223.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 5.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 13-е изд., перемотр и доп. - С.-Пб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908, с. 43.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 7.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 10.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 6.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 13-е изд., перемотр и доп. - С.-Пб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908, с. 46.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 7.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 15.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 13-е изд., перемотр и доп. - С.-Пб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908, с. 49.
12. Таганцев Н.С. Лекции по Русскому уголовному праву. Часть общая. Выпуск IV. Санкт-Петербург, 1892. с. 1224.

References:

1. Kalinovich A. E. "Robbery and robbery as a threat to the economic security of the Russian state in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845." Materials of the Regional scientific and practical conference with international participation "Economic security: experience, problems, prospects". SPbGASU. 2019.
2. Tagantsev N.S. Lectures on Russian criminal law. The part is common. Issue IV. St. Petersburg, 1892. p. 1223.
3. The Code of Criminal and Correctional punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 5.
4. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 13th ed., revision and addendum. - S.-Pb.: N. S. Tagantsev's Ed., 1908, p. 43.
5. The Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 7.
6. The Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 10.
7. The Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 6.
8. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 13th ed., revision and addendum. - S.-Pb.: N. S. Tagantsev's Ed., 1908, p. 46.
9. The Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 7.
10. Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 15.
11. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 13th ed., revision and supplement- S.-Pb.: N. S. Tagantsev's Ed., 1908, p. 49.
12. Tagantsev N.S. Lectures on Russian criminal law. The part is common. Issue IV. St. Petersburg, 1892. p. 1224.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНИЗАЦИИ УССР И ДОНБАССА

Legal aspects of the Party-state policy of Ukrainianisation of the Ukrainian SSR and Donbass

КОЧЕНКОВ Илья Николаевич,

аспирант кафедры История государства и права юридического факультета,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
E-mail: ilya_kochenkov@mail.ru;

Kochenkov Ilya N.,

PhD student, Chair of History of State and Law, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University.
119991, Russia, Moscow, Leninskie gory, 1, p. 13.
E-mail: ilya_kochenkov@mail.ru

Краткая аннотация: Статья подвергает подробному анализу национальную политику, проводимую Политбюро ЦК РКП(б) в 1920 – первую половину 1930-х гг. Автором выделяются основные проблем политики украинизации, ставшие фактором раскола советского общественного единства на Юге России. Стремление партии превратить русскоязычное население Донбасса в национальное меньшинство достигла пика в рассматриваемую эпоху, и нависла угроза полного раздробления Донецкой губернии.

Abstract: The article deals with the national policy pursued by the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) in the 1920s and the first half of the 1930s. The author highlights the main problems of ukrainianisation, which became a factor in the split of Soviet social unity in Southern Russia. The party's desire to turn the Russian-speaking population of Donbass into a national minority reached it's a high point, and the threat of complete fragmentation of the Donetsk province loomed.

Ключевые слова: национальная политика большевиков, украинизация, коренизация, раздробление Донбасса, общественное единство.

Keywords: Bolshevik national policy, ukrainisation, korenisation, fragmentation of Donbass, social unity.

Для цитирования: Коченков И.Н. Юридические аспекты партийно-государственной политики украинизации УССР и Донбасса // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 12-15. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_12.

For citation: Kochenkov I.N. Legal aspects of the Party-state policy of Ukrainianisation of the Ukrainian SSR and Donbass // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 12-15. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_12.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2024

Именно в Донбассе при поддержке русского населения прошел Первый Всеукраинский съезд Советов и была провозглашена Советская власть. Однако политика коренизации стала одним из факторов раскола советского общества и государства на некогда бывшем Юге России. Эта тема, на мой взгляд, должна стать сегодня центральной при интеграции потерянных в 1920 г. территорий.

Феномен политики коренизации состоит в том, что она поднялась на партийно-государственный уровень вопреки сути Декларации прав народов России, ставшей правовой основой возникновения УССР как республики трудящихся, и Союзному договору 1922 г., который относил организацию просвещения к ведению союзных республик.

На Украине в начале 1920-х гг. задача проведения национальной политики легла на плечи Центрального комитета по делам национальных меньшинств при ВУЦИК (далее – ЦК НМ), который включал восемь секций: русскую, еврейскую, польскую, немецкую, болгарскую, греческую, молдавскую и секцию малочисленных национальностей [4, с. 217]. ЦК НМ обладал правом законодательной инициативы, его надзорную функцию выполняли уполномоченные по делам национальных меньшинств при окружных и районных исполнительных комитетах.

ВУЦИК 2 ноября 1922 г. утвердил Кодекс законов о народном просвещении УССР. Кодекс отверг всякую искусственную украинизацию и русификацию и гарантировал всем национальным меньшинствам право на воспитание и обучение на родном языке, исходя из признания права национальных меньшинств на культурное самоопределение – в ст. 23 [2].

Ст. 25 Кодекса гласила, что «языки – украинский, как язык большинства населения Украины, в особенности на селе, и русский, как язык большинства в городах и общесоюзный, имеют в УССР общегосударственное значение и должны преподаваться во всех учебно-воспитательных учреждениях УССР».

XII съезд РКП(б), проходивший с 17 по 25 апреля 1923 г., стал одним из двух ключевых событий всего 1923 г. в области национальной политики. Политбюро считало необходимым дать отпор деятельности националистических сил, в первую очередь, на идейном уровне.

Большевики заявили о сложностях, с которыми столкнулись: в ряде национальных республик: Украине, Белоруссии, Азербайджане, Туркестане, где значительная часть рабочего класса, которая, как считалось, была основной опорой Советской власти, принадлежала к «великорусской» национальности [5, с. 693-694].

Наличие фактически доминирующего русского большинства или населения, говорящего на русском языке, противоречило тезису о доминировании национальной культуры в союзных республиках.

Политика коренизации предполагала наполнение исполкомов национальных советов представителями титульной нации, как украинцев на Украине. Помимо этого, коренизация не исключалась в отношении советов компактно проживающего национального меньшинства в государстве с иной титульной нацией, как украинцев в Орловской (включающей тогда Брянское приграничье) или Курской губерний РСФСР. Такая

тонкая материя, как политика коренизации грозила насаждением чужой культуры вопреки желанию местного населения.

Вторым значимым моментом стоит признать IV совещание ЦК РКП(б) с 58 представителями национальных республик и областей, которое прошло в Москве 9-12 июня 1923 г [7, с. 288]. Считается, что IV совещание созвал Сталин. Поводом для его созыва стало обвинение Султан-Галиева в организации националистических ячеек коммунистов-мусульман и беспартийных в Татарской и Башкирской республиках на территории России при поддержке из Турции и Персии.

Члены ЦК РКП(б) отметили, что на местах отклонились от решений XII съезда по коренизации. Сталин сказал, что госаппарат в УССР мало близок к языку и быту украинского народа [12, с. 329].

На ход украинизации, безусловно, повлияли внешние факторы, такие как советско-польская война. Насильственное ополячивание местного населения захваченных территорий Западной Украины и Западной Беларуси осуществлялось вопреки положениям Рижского договора о свободе совести [6].

Большевики продолжили форсировать украинизацию и формировать единую украинскую титульную нацию. Если не считать русских, на Украине проживало около полутора миллионов евреев, около 250 тыс. молдаван, столько же поляков и свыше 300 тыс. немцев. Значительное большинство еврейского населения было сосредоточено в городах и местечках Правобережья.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 июля 1923 г. рассматривался вопрос националистического религиозного влияния на советских граждан [3, с. 293]. Говорили о том, что с наступлением НЭПа у восточных народов проявлялся рост панисламизма, пантюркизма, у евреев – сионистические клерикально-кадетские группировки.

Польское и немецкое население, проживающее на украинской территории, оценивалось советским руководством «чрезвычайно отсталым и малосоветизированным» [15]. Поляки, которые проживали вдоль западной границы, находились, по сообщениям советской разведки, под сильнейшим воздействием из-за границы. Среди немцев имелось несколько десятков тысяч меннонитов, находящихся под влиянием Союза голландских выходцев – организации, связанной с эмигрантами.

При тщательном рассмотрении основных вариантов «национальных движений» в УССР, получается однозначный вывод – они все были нацелены на насильственное изменение Советского строя путем «демократических преобразований».

Такая деятельность проходила под советским прикрытием [14]: 1. Научных учреждений, ВУЗов и школ; 2. различных форм общественных объединений, имевших связь с рабочими и крестьянами; 3. издательства; 4. Украинской автокефальной церкви, имевшей до 1600 приходов. Все перечисленные организации прикрывались связью с Советским государством либо осуществляли от якобы его имени какую-либо деятельность и работали против советских граждан. К примеру, если издательства тайно поддерживали контакты с враждебно настроенными гражданами за рубежом, то автокефальная церковь под руководством В.К. Липковского имела такую связь почти открыто.

В 1920-х гг. за границей работали две крупные украинские политические организации: Республиканско-демократическое объединение в Праге и Украинское национально-демократическое объединение в Польше (УНДО). Республиканское демократическое объединение считалось организацией эмигрантов Советской Украины, куда входила Украинская партия социалистов-революционеров и УСДРП. Организация ставила задачей освобождение украинских земель от русской, польской и румынской оккупации и образование единой Украины¹.

Украинизация, начатая ЦК РКП(б), обернулась в противостояние с Москвой. Если по итогам IV Совещания началось преследование сторонников пантюркизма и панисламизма, то на Украине националисты оказались в «зазеркалье», за исключение явных контрреволюционеров. До определенной поры им не препятствовали, поскольку по другую сторону баррикад поляки рассчитывали присоединить приграничные территории с Советской Украиной и вели активную подготовку к этому, в том числе, идеологическую.

Вслед за приездом идеолога независимой Украины М. Грушевского, на Украину последовали другие деятели-националисты, преследовавшиеся до этого Советской властью [9, с. 304]. Украинизация объединила радикальные националистические элементы, предоставив одновременно им неограниченного размаха полномочия по осуществлению своих идей.

В середине июля 1924 г. ЦК КП(б)У принял решение об отделении Шахтинского и Таганрогского районов от Донбасса [16]. Ликвидация двух районов, по мнению секретаря Донецкого губкома КП(б)У Кринницкого, разрушила «единую организацию и установившуюся систему производства каменноугольной промышленности». Секретарь Донецкого губкома нашел этот повод достаточным, чтобы выдвинуть инициативу об уничтожении Донецкой губернии и расформировании Донецкой партийной организации.

Кринницкий оправдывал переход Донбасса на систему трёх округов, связанных непосредственно с Харьковом: Мариупольский должен был войти в Сталинский округ, Старобельский отойти к Харьковской губернии. Пленум губкома двадцатью голосами против двенадцати отверг план по уничтожению Донбасса.

Попытка растворения русскоязычного населения стала не случайной, а продолжением целенаправленной политики. По резолюции II Всеукраинского съезда Советов «О государственном устройстве» от 18 марта 1918 г. Республика могла получить автономный статус в составе Украины, но не получила [18]. 17 февраля 1919 г. Ленин на заседании Совета Обороны РСФСР попросил Сталина «провести уничтожение Крив-

¹ В 1929 г. основана ОУН. Ее первым руководителем был назначен Е. Коновалец, пользовавшийся поддержкой немецкой разведки – Абвера. Резиденция ОУН поэтому не случайно располагалась в Берлине. Главным методом организации практиковался террор, который сеть ОУН проводила на территории Галиции и Польши. В 1934 г. члены ОУН смертельно ранили министра внутренних дел Польши Б. Перацкого. После проведенной операции ячейки ОУН на польской территории были вскрыты, многие преступники схвачены. Был арестован С. Бандера, руководившей террористическим актом, и приговорен сначала к смертной казни, замененной потом на пожизненное заключение. В 1939 г. после нападения Германии на Польшу немцы освободили Бандеру, который продолжил подрывную деятельность на территории Украинской ССР. Е. Коновалец был убит Павлом Судоплатовым в 1938 г. в Роттердаме, Бандера в 1959 г. – Богданом Сташинским.

донбасса», подразумеваемая под этим, на мой взгляд, ликвидацию его республиканского статуса [1, с. 627].

После того как Красная Армия освободила Донбасс весной 1920 г. Республика в старых границах была неудобна украинскому партийному руководству, потому что географически занимала огромное пространство на новой украинской карте и, что более значимо, была единственным русскоязычным пролетарским районом.

15 марта 1920 г. Укртрударм с согласия тогдашнего председателя Совета народных комиссаров Украины Х.К. Раковского провозгласила Донецкую губернию в составе УССР [13]. 1924 г. стал завершающим третьим этапом дробления единства Донецко-Криворожской республики в ту эпоху.

Новое отношение к кризисному положению дел в России и на Украине спровоцировало ЦК начать партийные чистки. Вообще эта волна не обошла стороной всю ВКП(б) и с 1-ого июня 1933 г. из партии начали повально исключать в Московской, Ленинградской, Уральской, Донецкой, Одесской, Киевской, Винницкой областях, Восточно-Сибирском и Дальне-Восточном краях и Белорусской республике [17].

18 ноября 1933 г. Пленум ЦК КП(б) Украины заявил о прекращении политики украинизации, после чего Н. Скрыпник, один из идеологов украинизации, был обвинен в националистическом уклоне [11, с. 558]. Считается, что большевики украинизацию свернули в начале 30-х гг.

Есть основания признать устоявшееся мнение ложным. 26 февраля 1935 г. Политбюро украинского ЦК КП(б) продолжило квотировать места для украинцев на руководящие посты: 120-150 мест отводились на посты секретарей райкомов и 120 – на посты глав райисполкомов [11, с. 559].

16 октября 1936 г. секретарь Донецкого обкома А. Холохоленко сказал, что обком начал проверку членов партии под контролем ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У. В числе разоблаченных и исключенных из партии в связи с проверкой партийных документов: шпионов и подозрительных в шпионаже – 191, 3% к составу исключенных, троцкистов – 258 (3,9%), националистов – 63 (1%), белогвардейцев и кулацкого элемента – 2 691 (40,1%), преступного элемента – 635 (9,5%), принятых с нарушением устава – 595 (9%), обманным путем получивших партбилеты – 263 (4%), по другим причинам – 651 (9,7%) и др. категории.

В 1937 г. КП(б)У насчитывала 40 843 украинца, 55% от всего состава. К концу 30-х гг. только некоторые аппараты советских органов организовали свое делопроизводство на украинском языке, вся остальная работа по обслуживанию городского населения происходила, как правило, на русском.

Таким образом, одна из главных причин провала украинизации видится в стремлении наполнить украинскую ветвь КП(б) коренным населением и сократить национальное расхождение советского аппарата и украинцами вопреки естественным процессам и, самое главное, профессиональной пригодности, наконец, классовому признаку. Дело просвещения и развитие национального языка поднялось до партийно-государственной политики союзного государства и была взята под контроль ЦК РКП(б), несмотря на противоречие положениям и сути Декларации прав народов России 1917 г. и даже Конституции СССР 1924 г.

Об откровенном уклоне в панисламизм и пантюркизм впервые открыто заговорили на IV партийном Совещании в 1923 г. и предприняли первые шаги к избавлению от национализма в национальной политике. Однако исключением стала ситуация на Украине. Под предлогом коренизации, в советский и партийный аппарат уже тогда проникли националисты и вплоть до середины 1930-х гг. осуществляли национальную политику с радикальным уклоном.

Переход Донецкой губернии к новой Украинской советской республике внес противоречие в создание единого украинского общества, потому что началась украинизация русскоязычного населения. Донецко-Криворожская республика возникла на основе самоопределения трудящихся, и во вторую очередь, являлось историческим районом проживания русскоязычного населения.

Ликвидация республиканского статуса Донецкой республики 16 (26) апреля 1920 г. подвергла опасности растворения русскоязычного населения в силу масштабов начавшийся украинизации. Ее дробление на отдельные районы в 1924 г. и расселение таким образом русскоговорящих стали следствием национальной политики и задумки того, что Украина – это республика, прежде всего, украинским рабочим и крестьянам. Всесоюзная перепись населения 1926 г. показала насколько сильным было желание ЦК КП(б) продемонстрировать рост украинского населения за счет снижения численности русскоговорящих. В конечном итоге, результаты политики были неудовлетворительными.

Интересным фактом является отсутствие перегибов в это же время в Центральном Черноземье РСФСР в отношении местного населения, которое руководствовалось лишь своим желанием в изучении нового украинского языка.

Не вызывает сомнений тот факт, что преступная национальная политика Польши и Румынии в отношении молдавского, украинского и белорусского населения повлияла на ход коренизации. Советская власть отвечала образцовым подходом в решении национального вопроса. Вполне вероятно, что сплочение украинцев в одну нацию могло быть противопоставлено большевиками претензиям поляков и румын на «исторические» земли приграничья.

Библиография:

1. Гражданская война на Украине (1918-1920). Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах. Киев, 1967. Том 1. Кн. 1.
2. Кодекс законов о народном просвещении УССР, утвержденный ВУЦИК 2 ноября 1922 г. на основании Постановления III Сессии VI созыва ВУЦИК от 16 октября 1922 г. Харьков, 1922.
3. Конфессиональная политика советского государства. 1917-1991 гг.: Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1.
4. Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств 8-11 января 1927 года: стенографический отчет, резолюция, постановления и материалы. Всеукраинский центральный исполнительный комитет. Харьков: ЦКНМ при ВУЦИК, 1927.
5. Резолюция по национальному вопросу. XII Съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1968.

6. СУ РСФСР. 1921. № 41-42. Ст. 219. Статья VII РД. Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей, все права, обеспечивающие развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. Взаимно Россия и Украина обеспечивают лицам польской национальности, находящимся в России, Украине и Белоруссии, все те же права.
7. Тайны национальной политики ЦК РКП. М., 1992. С. 288.
8. Борисенко Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918-1941 гг.). Институт славяноведения РАН: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2016.
9. Григорьев М.С. и др. История Украины. М., 2022.
10. Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье. 1923-1933 гг. Институт российской истории Российской академии наук. М.-С.-П., 2016.
11. История Новороссии. Отв. ред. Захаров. В.Н. Рос. ист. об-во. Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М., 2017.
12. Сталин. Сочинения. Т. 5. М., 1947.
13. ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-2.
14. Закрытое письмо ЦК КП(б)У ячейкам к девятому Всеукраинскому съезду партии. Секретно. 30 октября 1925 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 749. Л. 53.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 749. Л. 54.
16. Политическое письмо секретаря Донецкого губкома КП(б)У Кринницкого за июль-сентябрь 1924 г. Сталину. Секретно. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 751. Л. 70.
17. Сайт Исторические материалы: <https://istmat.org/>
18. II Всеукраинский съезд советов. Резолюция о государственном Устройстве Украины от 18 марта 1918 г. Сайт Российский правовой портал. Библиотека Пашкова: <https://constitutions.ru/?p=8895>

Abstract:

1. The Civil War in Ukraine (1918-1920). A collection of documents and materials in three volumes, four books. Kiev, 1967. Volume 1. Book 1.
2. The Code of Laws on Public Education of the Ukrainian SSR, approved by the VUCIK on November 2, 1922 on the basis of the Resolution of the III Session of the VI convocation of the VUCIK on October 16, 1922, Kharkov, 1922.
3. Confessional policy of the Soviet state. 1917-1991: Documents and materials. Vol. 1. Book 1.
4. The first All-Ukrainian Meeting on Work among National Minorities on January 8-11, 1927: verbatim report, resolution, statements and materials. The All-Ukrainian Central Executive Committee. Kharkov: Central Committee of the Central Executive Committee of the Central Executive Committee, 1927.
5. Resolution on the national question. XII Congress of the RCP(b). Verbatim report. M. 1968.
6. SU RSFSR. 1921. No. 41-42. St. 219. Article VII RD. Poland grants persons of Russian, Ukrainian and Belarussian nationality located in Poland, on the basis of equality of nationalities, all rights ensuring the development of culture, language and religious rites. Mutually, Russia and Ukraine provide persons of Polish nationality located in Russia, Ukraine and Belarus with all the same rights.
7. Secrets of the national policy of the Central Committee of the Russian Communist Party. M., 1992. p. 288.
8. Borisenok E.Y. Concepts of "Ukrainization" and their implementation in national policy in the states of the Eastern European region (1918-1941). Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences: dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. M., 2016.
9. Grigoriev M.S. et al. The History of Ukraine. M., 2022.
10. Drozdov K. S. The policy of Ukrainization in the Central Chernozem region. 1923-1933 Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. M.-S.-P., 2016.
11. History of Novorossiia. Ed. Zakharov. V.N. Russian History. about. Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow, 2017.
12. Stalin. Works. Vol. 5. M., 1947.
13. GA of the Russian Federation. F. R-5677. Op. 1. D. 83. L. 1-2.
14. Closed letter of the Central Committee of the KP(b)At the cells for the ninth All-Ukrainian Party Congress. It's secret. October 30, 1925 RGASPI. F. 17. Op. 84. Ed. hr. 749. L. 53.
15. RGASPI. F. 17. Op. 84. Ed. hr. 749. L. 54.
16. Political letter from the Secretary of the Donetsk Gubernatorial Committee of the KP(b)From Krinnitsky for July-September 1924. To Stalin. It's secret. RGASPI. F. 17. Op. 84. Ed. hr. 751. L. 70.
17. Site Historical materials: <https://istmat.org/>
18. II All-Ukrainian Congress of Soviets. Resolution on the State Structure of Ukraine dated March 18, 1918 The website of the Russian legal portal. Pashkov's library: <https://constitutions.ru/?p=8895>

ЭТИКА И ВЛАСТЬ В ПСИХОАНАЛИЗЕ Э. ФРОММА ETHICS AND POWER IN E. FROMM'S PSYCHOANALYSIS

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич,

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус);
главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: pifagor2002@mail.ru;

ZHUKOV Vyacheslav Nikolaevich,

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty
of Law at Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются взгляды Э. Фромма на связь этических норм и власти. Он различает и противопоставляет этику авторитарную и гуманистическую, субъективистскую и объективистскую, универсальную (абсолютную) и социально-имманентную (относительную). Фромм приходит к выводу, что гуманистическая этика имеет своим истоком биологическую и духовную природу человека, только опора на нее может обеспечить человеку всестороннее развитие всех его способностей и желаний. Характерная черта гуманистической этики – опора не авторитет в виде власти общества, государства или политических лидеров, а на собственный голос совести.

Abstract: The article examines E. Fromm's views on the relationship between ethical norms and power. He distinguishes and contrasts authoritarian and humanistic ethics, subjectivist and objectivist, universal (absolute) and socially immanent (relative). Fromm comes to the conclusion that humanistic ethics has its origin in the biological and spiritual nature of man, only relying on it can provide a person with the comprehensive development of all his abilities and desires. A characteristic feature of humanistic ethics is the reliance not on authority in the form of the power of society, the state or political leaders, but on one's own voice of conscience.

Ключевые слова: Фромм, психоанализ, человек, власть, этика, авторитаризм, гуманизм.

Keywords: Fromm, psychoanalysis, man, power, ethics, authoritarianism, humanism.

Для цитирования: Жуков В.Н. Этика и власть в психоанализе Э. Фромма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_16.

For citation: Zhukov V.N. Ethics and power in E. Fromm's psychoanalysis // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_16.

Статья поступила в редакцию: 13.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Психоанализ и этика. Фромм утверждает, что заслуга психоанализа (прежде всего Фрейда) состоит в том, что он сделал предметом исследования личность целиком, а не какой-то один аспект ее душевной жизни. Благодаря Фрейду объектом внимания стали не отдельные симптомы невроза, а сам невротический характер. Иными словами, основатель психоанализа заложил основы учения о характере, что необходимо для развития этической теории. Предметом этики также должен стать характер, т.к. только в контексте типа характера можно высказывать общезначимые этические суждения. «Добродетельный или порочный характер, а не отдельные добродетели или пороки – вот истинный предмет науки этики»¹

Важным для этики, согласно Фромму, является понятие бессознательной мотивации. Эволюция этической мысли, рассуждает он, выразилась в том, что оценочным суждениям стали подвергаться не сами поступки, а лежащая в их основе мотивация. Однако, полагает Фромм, подход Фрейда страдает релятивизмом: психология, с точки зрения основателя психоанализа, способна познать мотивацию ценностных суждений, но не в силах обосновать их общезначимость. Наряду с релятивизмом Фрейд демонстрирует также стремление к поиску абсолютной истины: пациент и психоаналитик вместе ищут истину, чтобы адекватно взглянуть на психическую проблему и восстановить здоровье. Антирелятивизм Фрейда выражен в его теории характера, который меняется в зависимости от стадии сексуального развития (от оральной через анальную к генитальной). Каждой стадии, по Фрейду, соответствует комплекс черт характера. Задержка в сексуальном развитии свидетельствует о патологии не только психики, но и этических взглядов индивида. Таким образом, общий вектор фрейдовской характерологии, делает вывод Фромм, указывал на наличие неких абсолютных начал биологии и этики человека, некоей абсолютной нормы в физиологии и этике². А такая позиция Фромму была близка

По убеждению Фромма, психоанализ должен развенчивать ложные этические установки и стать основой новой подлинной этики. Ценностные установки, рассуждает он, определяют поведение человека и его душевное здоровье. Рассматривать ценностные установки как следствие рационализации бессознательного – означает сужать представление о личности. Неврозы следует рассматривать как симптом моральной

¹ Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 42.

² См.: Там же. С. 42, 43, 44.

несостоятельности, нравственного конфликта, в который попадает человек. Соответственно, лечение невроза зависит от осознания индивидом своей моральной проблемы и ее разрешения. Фрейд пытался сделать обратное: свести этику, ценности к рационализации инстинктов, т.е. оторвать психологию от философии. Психологию, спорит с ним Фромм, нельзя отделить от философии, этики, социологии или экономики. Психологический анализ должен познать природу человека не изолированно от экзистенциальных проблем, рассматриваемых философией, а в связи с ними, что только и может дать объективное представление о человеке. Фромм предлагает этику, основанную, как ему представляется, на абсолютных ценностях, открываемых его теорией «гуманистического психоанализа»¹.

Человек, полагает Фромм, овладев силами природы и во многом подчинив ее себе, стал рабом созданной им материальной (прежде всего индустриальной) культуры, утратив при этом смысл своего существования, забыв о своем собственном предназначении. Став хозяином природы, он потерял самого себя. Идея достоинства и могущества человека, достигшая своего апогея в эпоху Просвещения, обернулась ощущением своего ничтожества и бессилия. В этике данная тенденция проявилась как полный релятивизм моральных норм, отрицанием абсолютных ценностей, лежащих в основе человеческого бытия. Место абсолютных ценностей занял всеобщий скепсис, компенсируемый отождествлением себя с государством, сильными политическими лидерами, техникой и материальным успехом. Но абсолютные ценности и нормы есть, их следует искать в самой природе человека, его врожденных качествах, нарушение которых ведет к распаду личности. Структура характера зрелой и продуктивной личности сама является источником добродетели, а злом выступает равнодушие к себе и саморазрушение. «Не самоотречение и не эгоизм, а любовь к себе, не отрицание индивидуальности, а утверждение подлинно человеческой самости – вот высшие ценности гуманистической этики»².

Фромм различает и противопоставляет этику авторитарную и гуманистическую, субъективистскую и объективистскую, универсальную (абсолютную) и социально-имманентную (относительную).

Авторитарная этика и авторитарная совесть. В авторитарной этике, утверждает Фромм, ценности и нормы устанавливаются властью, гуманистическую этику создает сам человек. Авторитарная этика строится не на знании и разуме, а на осознании индивидом своей слабости и зависимости от авторитета и благоговении перед ним. Авторитарная этика предлагает решение вопросов добра и зла с позиции интересов власти. Авторитарная этика начинает формироваться еще в детстве, когда источником власти выступают родители. Представления о добре и зле навязываются ребенку под страхом наказания обществом в лице родителей. Это сильное эмоциональное давление лишает ребенка способности критически оценивать предлагаемые нормы. В дальнейшем авторитарная этика сопровождает человека всю жизнь, он бездумно ей подчиняется. Поскольку задеваются интересы власти, главная добродетель авторитарной этики – послушание, а непослушание – главный грех. Главный грех авторитарной этики – бунт, подвергающий сомнению право власти создавать нормы, т.к. в этом случае носитель власти рискует ее потерять. Признание вины есть свидетельство признания власти над собой, что позволяет индивиду вернуть себе ее расположение. Этика Ветхого Завета – также является авторитарной: грехом стало не познание добра и зла (это основополагающая христианская догма), а факт непослушания Богу³.

Авторитарная этика, по Фромму, исходит из постоянства и неизменности природы человека, т.к. такой подход обосновывал неизменность политических форм. Антропология, отстаивающая идею о неизменности человеческой природы, отражала интересы правящего класса. С противоположной позиции выступила «прогрессивная» антропология, утверждавшая тезис о бесконечной изменчивости человеческой природы. Данный подход должен был обосновывать необходимость изменения социальных норм и институтов. Однако и «прогрессивная» антропология пришла к несостоятельным выводам: если человек меняется, то он будет меняться под социальные формы, препятствующие благополучию человека. В этом случае индивид предстает марионеткой социальных моделей, не способной критиковать их⁴.

Авторитарной этике, полагает Фромм, соответствует авторитарная совесть, под которой понимается голос интернализированного внешнего авторитета (родителей, общества, государства и т.п.). Строго говоря, авторитарная совесть основана на чувстве не вины, а страха. Фрейд это назвал «сверх-Я». Авторитарная совесть опирается не на собственные ценностные суждения, а на требования и запреты, исходящие от авторитета. Авторитарная совесть – часть авторитарной личности, которая обретает чувство безопасности, становясь симбиотической частью авторитета. Авторитарная личность достигает уверенности и подлинности своего бытия в результате слияния с авторитетом; если авторитет ее отвергает, она испытывает ужас небытия. Авторитарная личность получает наивысшее наслаждение от любви и одобрения авторитета. Даже наказание от авторитета лучше, чем отвержение. Соответственно, чистая совесть есть сознание угождения авторитету, нечистая совесть – сознание послушания ему⁵.

В контексте авторитарной этики, по Фромму, самое тяжелое преступление – бунт против порядков, установленных авторитетом. Повиновение – «главный грех», а повиновение – главная добродетель. «Повиновение подразумевает признание за авторитетом высшей власти и мудрости; его права управлять, награждать или наказывать на основании его собственных декретов и указов. Авторитет требует подчинения не на основе только страха перед его силой, но на основе убежденности в его моральном превосходстве и праве. Должное уважение авторитета влечет за собой строгий запрет, табу на сомнение в правильности его действий. Авторитет может удостоить объяснением по поводу своего распоряжения или запрещения, по поводу награды или наказания, а может и воздержаться от такового; человек же никогда не имеет права спраши-

¹ См.: Там же. С. 19-20, 24.

² Там же. С. 25.

³ См.: Там же. С. 25-28.

⁴ См.: Там же. С. 34.

⁵ См.: Там же. С. 118.

вать его или его критиковать. Если и существуют причины для критики авторитета, они – в самом человеке; и уже сам факт, что человек осмелился критиковать, есть *ipso facto* доказательство его вины¹.

Признание превосходства авторитета, с точки зрения Фромма, предполагает запрет чувствовать себя подобным авторитету. Действительный грех Адама и Евы заключался в их попытке уподобиться Богу. Авторитет должен обладать недостижимым могуществом, неравенство между авторитетом и его подданными – основной постулат авторитарной совести. Авторитет не подчиняется какой-либо воле, он сам ее источник, он творит, а не является творимым. Подчиненные есть лишь средство для исполнения его воли. Власть авторитета ставится под сомнение, если человек перестает быть средством и начинает считать себя целью. Поскольку человеку свойственно быть творцом, он, ощущая себя зависимым от авторитета, воспроизводит в себе чувство вины. Данный механизм прослеживается в истории мировой культуры. Прометей прикован к скале за то, что выдал людям секрет огня. Жители Вавилона были наказаны за попытку построить блаженную жизнь на земле. «Обряд обрезания представляет собой еще одну попытку умиротворения Бога; часть фаллоса – символ мужской продуктивности – приносится в жертву, после чего мужчина обретает право пользоваться им»². Сознание собственной вины ослабляет творческие способности человека. Чувство вины тем более усиливается, чем сильнее человек испытывает свою способность к самостоятельной продуктивной деятельности. И наоборот: чистая совесть есть следствие чувства покорности, зависимости, бессилия и греховности. Сам факт наличия виновной совести есть признак добродетели. Парадокс состоит в том, что виновная совесть становится основой чистой совести, а чистая совесть порождает сознание вины³.

Интернализация авторитета, по Фромму, имеет двойной смысл: во-первых, это подчинение человека авторитету, во-вторых, это возложение человеком на себя роль цензора за соблюдением требований авторитета в отношении себя и других. Авторитарный характер, запрещающий человеку быть продуктивным, вызывает в нем садизм и деструктивность. В этом случае деструктивность под маской добродетели направляется против разрушительных потенциалов самой личности, что убедительно показал Фрейд⁴.

Авторитарная совесть, продолжает Фромм, в полной мере проявляется в отношениях между родителями и детьми, в том числе в условиях демократических обществ. Наиболее эффективный способ ослабить волю ребенка и привить ему свои ценности – это пробудить у него чувство вины. Это всегда, например, происходит, когда ребенок ощущает свои сексуальные побуждения, а родители ему говорят, что это плохо. Сам факт потери ребенком свободы рационализируется как доказательство вины, а это убеждение в свою очередь усиливает чувство вины. Фрейд неверно объяснял конфликт между родителями и детьми действием Эдипова комплекса. На самом деле этот конфликт развивается не на сексуальной почве, а как реакция ребенка на давление родительского авторитета, что является неотъемлемой чертой патриархальной организации общества. Борьба с родительским авторитетом, как правило, оставляет глубокие следы в психике ребенка. Последствие этой борьбы – формирование стойкого чувства вины, ослабление ребенком собственного «Я» и замена его «псевдо-Я», отражающим требования семьи и общества⁵.

Гуманистическая этика и гуманистическая совесть. По Фромму, формальный критерий гуманистической этики базируется на принципе, согласно которому сам человек, а не отчужденная от него власть определяет критерий добродетели и порока. Единственным критерием гуманистической этики объявляется благополучие и благоденствие человека. Гуманистическая совесть – это внутренний голос самого человека, не зависящий от внешних требований; это реакция личности, взятой во всей ее целостности, на ее собственное функционирование или дисфункцию. Гуманистическая совесть формируется как требование личности, имеющей цель ее собственное продуктивное развитие. Гуманистическая совесть есть голос собственного, подлинного «Я», обращенный к человеку с требованием жить и развиваться продуктивно, всесторонне и гармонично. В гуманистической совести заключена суть морального опыта индивида: понимание цели собственной жизни, знание принципов их достижения, знание принципов, установленных развитой личностью для самой себя. Между гуманистической совестью и продуктивностью есть прямая пропорция: чем более продуктивен человек, тем сильнее в нем гуманистическая совесть, и наоборот. Трагический парадокс в том, что именно тогда, когда человек больше всего нуждается в голосе гуманистической совести, ее голос звучит слабее всего. По всем параметрам гуманистическая совесть противостоит совести авторитарной: она не знает внешнего авторитета, у нее нет чувства зависимости и бессилия, она не может позволить индивиду стать инструментом в чужих руках⁶.

Слышать голос собственной совести и понимать ее трудно по двум причинам. Во-первых, человеку трудно пробиться к собственной личности через толстый слой культуры, создавшей «псевдо-Я». Во-вторых, человек боится оставаться наедине с собой, боится встречи со своей сущностью, «псевдо-Я» загоняет аутентичную ипостась личности глубоко в подсознание. Один из симптомов голоса гуманистической совести – страх смерти, основанный на осознании бессмысленно прожитой жизни и упущенных возможностях своего продуктивного развития. Голос совести проявляет себя и в снах.

В жизни каждый человек обладает обоими видами совести – авторитарной и гуманистической, проблема в том, чтобы установить вес каждой из них и взаимосвязь между ними. Чувство вины, создаваемое как бы авторитарной совестью, на самом деле может исходить из гуманистической совести. Человек может осознавать свою вину как нарушение авторитарной этики, но это будет рационализация гуманистической совести, ушедшей в подсознание.

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 120.

³ См.: Там же. С. 119-120.

⁴ См.: Там же. С. 121.

⁵ См.: Там же. С. 124-125.

⁶ См.: Там же. С. 28, 126-127.

Гуманистическая этика, заключает Фромм, есть прикладная наука «искусства жить», основанная на гуманистическом психоанализе¹.

Субъективистская и объективистская этика. Как утверждает Фромм, субъективистская этика родственна гедонизму, согласно которому добро есть все, что доставляет удовольствие человеку, зло – это то, что доставляет человеку страдание. Данный критерий субъективен, т.к. удовольствие можно получить, например, от свободы или от подчинения. Гедонистическая этика, однако, полезна тем, что предложила видеть критерий блага и зла в самом человеке.

Объективистская этика, напротив, исходит из способности человека устанавливать объективно значимые нормативные принципы. Она основана на главном требовании природы – сохранять и развивать жизнь. Сама жизнь и стремление человека к ней есть абсолютная ценность (норма, принцип). Природа всякой жизни, всякого живого организма – стремление к самосохранению. Все организмы имеют врожденное стремление к реализации заложенных в нем природных сил. Отсюда цель человеческой жизни состоит в раскрытии сил и возможностей человека в соответствии с законами его природы. Добро в гуманистической этике – это утверждение жизни, раскрытие человеческих сил, а добродетель – ответственность за человеческое существование. Зло есть помеха развитию человеческих способностей, порок – безответственность по отношению к себе².

Универсальная (абсолютная) и социально-имманентная (относительная) этика. Под универсальной этикой Фромм понимает нормы поведения, целью которых является рост и развитие человека, под социально-имманентной этикой – нормы, необходимые для поддержания и функционирования определенного типа общества. Общество может быть организовано так, что универсальные нормы могут противоречить социально-имманентным. Это характерно для кастово-классовых обществ, где одна из социальных групп занимает господствующее положение, и ее интересы противостоят интересам большинства. Универсальная этика противостоит социально-имманентной (классовой) этике как абсолютные ценности – относительным, исторически обусловленным и преходящим³.

Критика Фроммом авторитарной этики и его концепция гуманистической этики вызывает, конечно, много вопросов. В своей характеристике авторитарной этики Фромм во многом прав. Действительно, нормы объективной и субъективной морали формируются, как доказал Фрейд, в качестве требования со стороны общества («сверх-Я»). Но в отличие от Фрейда, для которого такое положение дел – норма, Фромм считает это патологией, которую необходимо устранить. Иначе говоря, Фромм ставит перед людьми задачу изменить социальную природу своей нормативной духовности. Однако природная необходимость состоит в том, что индивид формируется как социальное существо и обязан выполнять требования общества в виде ценностей, принципов и норм. В этом состоит существо общественной жизни, всякая другая организация коллективной жизни ведет к ее дезорганизации и распаду. Фрейд в качестве реалиста прекрасно понимает данную истину и не предлагает что-то кардинально менять. Его предложение одно – по возможности ослабить нормы культуры (прежде всего в сфере сексуальной жизни), но при этом мужественно признать неизбежность существующего порядка вещей.

Фромм, напротив, развивает гипотезу просветителей XVII – XVIII в. и Маркса о постоянно меняющейся природе человека и исходит из принципиальной возможности изменить природу человека. Здесь как раз и работает тезис Маркса о природе человека как о совокупности общественных отношений: если изменить общественные отношения, поменяется и природа человека. Фромм на этот тезис опирается, но дополняет его биологизмом, предлагая отыскать в биологической природе человека некие абсолютные нормы морали. Такой абсолютной нормой становится сама жизнь, стремление к ней. Соответственно, ведущей идеей «новой гуманистической этики» становится свободное, спонтанное развитие всех заложенных в человеке потенциалов. В этом случае, полагает Фромм, исключается субъективизм и относительность моральных норм, они становятся абсолютными, а общество получает своеобразный стержень, позволяющий организовывать жизнь на основе всеобщей гармонии. Трудно спорить, что жизнь, инстинкт самосохранения есть естественная основа существования больших и малых человеческих коллективов. Вместе с тем опыт человеческой истории доказывает, что универсальный закон жизни, действительно абсолютная норма – не всеобщая гармония, а вечная и неизбежная борьба за выживание. Стремление к жизни неизменно оборачивается борьбой за жизнь. Если сделать еще один-два логических шага от выводов Фромма, то вполне можно оказаться рядом, например, с анархизмом М. Штирнера или теорией «расы господ» Ф. Ницше. В обоих случаях речь идет о феномене жизни, предстающем в виде субъективной человеческой воли, которая направлена на создание собственной морали в ущерб большинству. Иными словами, гуманистическая этика Фромма – одна из многочисленных утопий, хотя и не лишенная глубины и оригинальности.

Библиография:

1. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.

References:

1. Fromm E. A man for himself // Fromm E. Psychoanalysis and ethics. M., 1993.

¹ См.: Там же. С. 32, 127-128, 130.

² См.: Там же. С. 29, 30, 31, 32, 33.

³ См.: Там же. С. 183, 184-185.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ПОНЯТИИ СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ On the issue of the essence and concept of judicial law enforcement

БАМАТКИРИЕВА Селихат Хасановна,

младший научный сотрудник НОЦ правовых исследований

Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.

E-mail: Bamatkirievatv@mail.ru;

Bamatkirieva Selikhat Khasanovna,

Junior Researcher at the Center for Legal Studies of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Chernyshevsky str., 173, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.

E-mail: Bamatkirievatv@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье представлен аналитический обзор имеющихся точек зрения на природу правоприменения и судебного правоприменения как его особого вида, что позволило определиться с сущностью последнего путем выделения его признаков. С авторской позиции сущность правоприменения заключается в осуществлении управомоченными органами (судом, судьями) в процессуальной форме деятельности по рассмотрению и разрешению юридических дел посредством принятия акта судебного реагирования. Представлено авторское определение судебного правоприменения как особого вида правоприменения, осуществляемого в процессуальной форме управомоченными органами (судами) и их должностными лицами (судьями) в ходе рассмотрения и разрешения юридических дел в целях вынесения и принятия судебного решения, в форме процессуального правоприменительного акта, имеющего судебно-властный характер и направленного на индивидуально-правовое регулирование общественных отношений.

Abstract: This article presents an analytical review of the available points of view on the nature of law enforcement and judicial enforcement as its special type, which allowed us to determine the essence of the latter by highlighting its features. From the author's point of view, the essence of law enforcement lies in the implementation by authorized bodies (court, judges) in the procedural form of activities for the consideration and resolution of legal cases through the adoption of an act of judicial response. The author's definition of judicial law enforcement is presented as a special type of law enforcement carried out in a procedural form by authorized bodies (courts) and their officials (judges) during the consideration and resolution of legal cases in order to make and adopt a judicial decision, in the form of a procedural law enforcement act having a judicial and authoritative character and aimed at individual legal regulation of public relationships.

Ключевые слова: правоприменение, судебное правоприменение, понятие, сущность, признаки, реализация права.

Keywords: law enforcement, judicial enforcement, concept, essence, signs, realization of law.

Для цитирования: Баматкириева С.Х. К вопросу о сущности и понятии судебного правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 20-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_20.

For citation: Bamatkirieva S.Kh. On the issue of the essence and concept of judicial law enforcement // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 20-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_20.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Судебное правоприменение как правовая категория берет свои истоки, прежде всего, в правоприменительной деятельности особого рода субъектов, осуществляющих реализацию права.

В общей теории права устоявшимся является подход, согласно которому применение права представляет собой особую форму правореализации, наряду с соблюдением, исполнением и использованием права. Так, Н.Н. Вопленко пишет, что применение права представляет собой властную деятельность специально уполномоченных органов, направленную на рассмотрение и разрешение юридических дел. К основным чертам данной деятельности он относит: «властный характер и особый состав субъектов; управленческую природу; издание индивидуальных велений ...; комплексное правореализационное содержание; процессуальную урегулированность; профессионализм» и другое [1, с. 400-401].

С.С. Алексеев отмечает властно-индивидуальный характер правоприменения и его направленность на разрешение юридических дел, в результате чего «в ткань правовой системы включаются новые элементы – властные индивидуальные предписания» [2, с. 365]. Нетрудно заметить, что и в этом случае правоприменение характеризуется властностью его субъектов, разрешением юридических дел и вынесением индивидуальных предписаний.

В.Н. Протасов аналогично характеризует правоприменение в качестве особой формы правореализации и отмечает такие его признаки, как особый субъектный состав, государственно-властный и управленческий характер, процедурность и стадийный характер, направленность на разрешение юридических дел и другое [3, с. 311-312].

Называя правоприменение универсальным способом реализации правовых норм, Е.Е. Тонков также упоминает властный характер, принятие правоприменительных актов, выполняющих функцию индивидуального регулирования общественных отношений [4, с. 191-192].

Что же касается правореализации, то, по мысли В.А. Сапуна, механизм реализации права представляет собой «особую правовую подсистему МПР, блок регулятивных и охранительных правовых средств, при помощи которых объективное и субъективное право претворяется в жизнь» [5, с. 11].

В свою очередь, А.В. Погодин подчеркивает, что «правореализация интегрирована во все общественно значимые практики, разнообразна по субъектному составу, высокозначима по ее результатам для участников и всего общества» [6, с. 10].

А.В. Аверин и Ю.А. Гроза пишут, что правоприменению присущи особые субъект – государство в лице управомоченных субъектов и формы, а также последовательность, издание правоприменительных актов, официально провозглашающих статус или факт [7, с. 61-62].

Заканчивая аналитический обзор доктрины правоприменения как особой формы реализации права, следует сказать, что отдельные

ученые, в частности, А.В. Аверин, не без основания считают, что без соблюдения права невозможно его исполнение, использование и применение [8, с. 72]. И Н.Н. Волпенко полагает, что правоприменение, с точки зрения конечной цели, невозможно представить вне деятельности по соблюдению, использования и исполнению права [1, с. 397].

Считаем, что в этом подходе есть рациональное зерно, поскольку иные формы правореализации в той или иной степени действительно присущи правоприменению как особой ее форме. Изложенное, думается, послужит отправной точкой для последующего установления сущности и определения понятия правоприменения, но уже – судебного как особого его вида.

При этом сразу же обращает на себя внимание первое слово – «судебное», которое опосредуется судебной деятельностью, судопроизводством, правосудием как деятельностью судебных органов по рассмотрению и разрешению соответствующих юридических дел. Одновременно заметим, что под юридическим делом в теории права понимается жизненный случай (ситуация), в отношении которого осуществляются правоприменительные действия [9, с. 328]. А упомянутые понятия судебной деятельности, судопроизводства и правосудия имеют определенные различия.

Так, М.В. Немытина справедливо считает, что неверно вести речь о правосудии только в процессуальном смысле как о судопроизводстве [10, с. 20]. Правосудие - не синоним судопроизводства; они не являются тождественными понятиями, - утверждают А.В. Аверин и Ю.А. Гроза [7, с. 362].

Со своей стороны добавим, что определяющим свойством правосудия выступает главенствующая роль права в правоприменительной деятельности суда в том или ином судебном процессе, как разновидности юридического процесса в целом. Эти разновидности установлены п. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации: судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, а также п. 3 ст. 128: порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства регулируется также соответствующим процессуальным законодательством. При этом существенно то, что в силу п. 1 ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

По вопросу об отнесении видов судебных процессов к юридическому процессу в целом наша позиция совпадает с высказанным рядом ученых мнением о том, что только судопроизводственная деятельность суда по рассмотрению и разрешению юридических дел и правовых споров (правосудие) охватывается понятием юрисдикции; следовательно, именно она и есть юрисдикционный процесс [11, с. 167].

В результате, рассмотрев и объединив «судебную» составляющую и правоприменение как таковое, получаем термин «судебное правоприменение», относящийся исключительно к судебной деятельности органов и должностных лиц соответствующего порядка (судов и судей), что является одной из характерных его черт (признаков).

Далее выделим и другие атрибутивные признаки судебного правоприменения, что позволит установить его сущность. Наряду с уже вышеуказанным специфическим признаком судебного правоприменения – особым субъектным составом, следующим выступает законность. Ее специфичность в данном случае заключается в том, что властный субъект (заметим, что власть также причислена к признакам судебного правоприменения) при рассмотрении и разрешении юридического дела действует исключительно на основе и во исполнение закона, включая и те выводы, которые составляют основу принимаемого судом (судьей) решения.

Кроме этого, особенностью судебного правоприменения являются требования соблюдения обоснованности, целесообразности и справедливости. Обоснованность означает исследование всех доказательств по делу, совокупность которых должна отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности.

На практике вынесенное судом решение базируется на достаточности доказательств и их юридическом обосновании (мотивировании). Несколько сложнее дело обстоит с целесообразностью, которая на первый взгляд противопоставляется законности. Главное здесь заключается в том, что их ни в коем случае нельзя противопоставлять друг другу, они во многом взаимообусловлены. Целесообразность позволяет наиболее оптимальным (целесообразным) путем применить ту или иную правовую норму для законного разрешения юридического дела. Необходимо следовать правилу: целесообразно все то, что законно.

В определенной степени признак целесообразности судебного правоприменения сопряжен и со справедливостью, имеющей отношение как к непосредственному судебному разбирательству, так и к его итоговому решению. Неслучайно поэтому законодатель счел возможным, к примеру, в ст. 297 УПК РФ прописать, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым.

Кроме изложенного, отметим и такой признак судебного правоприменения, как неуклонное следование процессуальному порядку судопроизводства, т.е. соответствующей процессуально-процедурной форме. Эта форма предполагает (и требует от субъектов правоприменения) использования установленных законом порядка, регламента, правил и т.п. применения норм процессуального права в целях реализации материальных норм. При этом уместно вспомнить слова видного ученого В.В. Лазарева о том, что «правоприменение, не обеспеченное процессуальной формой, чревато опасностью нарушений законности и утратой определенной степени эффективности» [12, с. 19].

И, наконец, существенным признаком судебного правоприменения выступает судопроизводственный правоприменительный акт – судебное решение (процессуальный акт применения права), который присущ только этому виду правореализации. Характерно, что в указанном правоприменении решение суда (судьи) получает формальное и окончательное закрепление; оно содержит индивидуально-конкретное правовое предписание, обладает юридической силой, т.е. способностью действовать, порождать определенные юридические последствия (заметим, что слово «акт» в переводе с латинского означает действие – акт.). По меткому замечанию А.В. Аверина и Ю.А. Грозы, применение права, как результат, не возможно без правоприменительного акта [7, с. 63].

Конечно же, судебное правоприменение обладает и другими чертами, признаками (к примеру, принудительным характером, профессионализмом, процессуальными сроками, гарантиями, соотносимостью с практикой и т.д.), однако названные выше можно считать основными,

существенными, что позволяет понять и уяснить суть, установить его сущность и предназначение. Так, отмечая связь судебного правоприменения с социальным управлением, В.В. Ершов указывает на такие признаки, как целенаправленность, связь с информационными процессами, необходимость дополнения индивидуальным регулированием в правовых рамках [13, с. 31].

В обобщенном виде и в кратком изложении сущность судебного правоприменения как специфической формы правореализации и особого вида правоприменения [14; 15] заключается в осуществлении управомоченными органами (судом, судьями) в процессуальной форме деятельности по рассмотрению и разрешению юридических дел посредством принятия акта судебного реагирования.

В этом подходе под актом судебного реагирования понимаются все виды процессуальных судебных решений. Так, согласно п. 53.1 ст. 5 УПК РФ, судебное решение – приговор, определение, постановление, вынесенное по уголовному делу. Роль и значение такого судебного решения настолько значимы, что в одном из своих постановлений Пленум Верховного Суда РФ счел необходимым детализировать форму (содержание), в частности, постановления судьи об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела: в описательно-мотивировочной части должны быть приведены описание преступного деяния, вывод о подтверждении доказательствами вины, обстоятельства о возможности прекращения дела и т.д. В свою очередь, в резолютивной части рассматриваемого постановления судьи указываются основания прекращения дела, отмены меры пресечения, судьба вещдоков и т.д. [16].

Что же касается дефиниции судебного правоприменения в науке, то следует сказать о практическом отсутствии таковой в изученных нами трудах. По этому поводу уместно вспомнить крылатую фразу известного ученого-теоретика права профессора А.М. Васильева о том, что для науки важна достоверность и объективность обозначаемых терминами понятий [17, с. 9].

Тем не менее, сформулированная выше точка зрения о его сущности в определяющей степени способствует формулированию следующего определения: под судебным правоприменением следует понимать особый вид правоприменения, осуществляемый в процессуальной форме управомоченными органами (судами) и их должностными лицами (судьями) в ходе рассмотрения и разрешения юридических дел в целях вынесения и принятия судебного решения, в форме процессуального правоприменительного акта, имеющего судебно-властный характер и направленного на индивидуально-правовое регулирование общественных отношений.

О значении и значимости судебного правоприменения в правовой системе хорошо и образно сказано А.В. Авериним, сравнивающим его с лакмусовой бумажкой, проявляющей как достоинства, так и недостатки правового регулирования [7, с. 58]. Со своей стороны добавим, что эффективность судебного правоприменения обусловлена рядом факторов, обстоятельств и условий. При этом важная роль должна быть отведена и общеправовой теории как первооснове для всей юриспруденции локомотиву практической правореализации. В этом направлении еще можно (и нужно) более глубоко изучить сущность, содержание, процедурно-процессуальную форму, механизм и т.д. этого правового феномена, причем, с учетом современных требований (к примеру, цифровизация, другие информационные технологии и т.п.). Только при таком подходе можно рассчитывать на научное освоение судебного правоприменения в полном объеме его функционала, что, несомненно, важно и значимо в прикладном аспекте.

Библиография:

1. Волпенко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
2. Алексеев С.С. Право: Азбука – Теория – Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.
3. Протасов В.Н. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2014. 495 с.
4. Тонков Е.Е. Государство созидющее как вектор развития современной России: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 392 с.
5. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
6. Погодин А.В. Элементы теории правореализации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2014.
7. Аверин А.В., Гроза Ю.А. Правосудие и право. М.: Юрлитинформ, 2020. 440 с.
8. Аверин А.В. Судебная достоверность (постановка проблемы). Владимир: Изд-во «Транзит Икс», 2004. 312 с.
9. Алексеев С.С. Общая теория права в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
10. Немтынина М.В. Модели правового регулирования деятельности судов // Модели правосудия: сб. научных статей. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2008. С. 18-31.
11. Беляев В.П. и др. Общая теория процессуально-правового регулирования: концептуальная основа, методология, практика. М.: Юрлитинформ, 2024. 296 с.
12. Лазарев В.В. Значение процессуальных норм в обеспечении эффективности деятельности правоприменяющих субъектов // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Вып. 1. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1979.
13. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.
14. Недбайло П.Е. Применение советских норм: монография. М.: Юрид. лит., 1960. 500 с.
15. Правоприменение: теория и практика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. 432 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета, № 145, 05.07.2013.
17. Васильев А.М. О правоприменении и процессуальному праву // Труды ВЮЗИ: Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 4-13.

References:

1. Voplenko N.N. Essays on the general theory of law. Volgograd: Publishing House of the Volga, 2009. 898 p.
2. Alekseev S.S. Law: ABC – Theory – Philosophy. The experience of a comprehensive study. M.: Statute, 1999. 709 p.
3. Protasov V.N. Theory of state and law. Moscow: Yurait, 2014. 495 p.
4. Tonkov E.E. The creative state as a vector of development of modern Russia: monograph. M.: Yurilitinform, 2019. 392 p.
5. Sapun V.A. Theory of legal means and mechanism of realization of law: abstract. ... doct. Jurid. Nauk. N. Novgorod, 2002.
6. Pogodin A.V. Elements of the theory of legal realization: abstract. ... doct. Jurid. sciences: Kazan, 2014.
7. Averin A.V., Groza Yu.A. Justice and law. M.: Yurilitinform, 2020. 440 p.
8. Averin A.V. Judicial reliability (problem statement). Vladimir: Publishing house "Transit X", 2004. 312 p.
9. Alekseev S.S. General theory of law in 2 volumes. M.: Legal lit., 1982. Vol. 2. 360 p.
10. Nemtyina M.V. Models of legal regulation of the activity of courts // Models of justice: collection of scientific articles. Is. 4. Saratov: Scientific Book, 2008. pp. 18-31.
11. Belyaev V.P. et al. The general theory of procedural and legal regulation: conceptual foundations, methodology, practice. M.: Yurilitinform, 2024. 296 p.
12. Lazarev V.V. The importance of procedural norms in ensuring the effectiveness of the activities of law enforcement entities // Actual problems of the legal process in the national state. Issue 1. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 1979.
13. Ershov V.V. Legal and individual regulation of public relations: monograph. M.: RGUP, 2018. 625 p.
14. Nedbaylo P.E. Application of Soviet norms: monograph. M.: Yurid. lit, 1960. 500 p.
15. Law enforcement: theory and practice / Ed. Yu.A. Tikhomirov. M.: Formula of law, 2008. 432 p.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2013 No. 19 (ed. dated 11/29/2016) "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" // Rossiyskaya Gazeta, No. 145, 07/05/2013.
17. Vasiliev A.M. On law enforcement and procedural law // Proceedings of the VUZI: Problems of correlation of material and legal procedural law. M., 1980. pp. 4-13.

СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТОРНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ Socio-regulatory function of legal forecasting

БАРАНЧА Вадим Владимирович,
генеральный директор ООО ЮФ «Баранча и Партнеры».
197183, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 52.
E-mail vadim.barancha@bplaw.ru;

Barancha Vadim,
General Director, Barancha & Partners LLC.
197183, Russia, St. Petersburg, Savushkina str., 52.
E-mail vadim.barancha@bplaw.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрена социально-регуляторная функция правового прогнозирования во взаимосвязи с новеллами Конституции Российской Федерации 2020 года, закрепившими возможности прогнозирования развития коллективного субъекта в праве, отчасти противопоставленного в ценностном отношении субъекту индивидуальному. Результатом исследования являются выводы о прогнозировании институционального закрепления коллективного субъекта в публично-правовом регулировании, аналогично уже существующему в частноправовом законодательстве гражданско-правовому сообществу.

Abstract: The article discusses the socio-regulatory function of legal forecasting in conjunction with the novelties of the Constitution of the Russian Federation 2020, which enshrined the possibility of predicting the development of a collective subject in law, which is partially opposed in value to an individual subject. The result of the study is the conclusion that the institutional consolidation of the collective subject in public law regulation is predicted, similar to the civil law community already existing in private law legislation.

Ключевые слова: правовое прогнозирование; гражданско-правовое сообщество; коллективная воля; общие собрания; публичные слушания.

Keywords: legal forecasting; civil law community; collective will; general meetings; public hearings.

Для цитирования: Баранча В.В. Социально-регуляторная функция правового прогнозирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 23-25. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_23.

For citation: Barancha V.V. Socio-regulatory function of legal forecasting // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 23-25. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_23.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Функциональным возможностям правового прогнозирования, как самостоятельного вида юридической деятельности в литературе уделено достаточное внимание и возможность дальнейшего развития темы на первый взгляд не предполагает нового знания. Действительно, исследования Ю.А. Тихомирова данного направления юридической деятельности носят поистине фундаментальный характер. В одной из ключевых работ по этой теме Юрий Александрович в системном единстве классифицировал виды юридического прогнозирования, обосновал обеспечение средствами правового прогнозирования выбора оптимальных стратегий развития права, его институтов, моделирование и предотвращение правовых рисков [6, с. 8-15].

Однако таковы представления о юридическом прогнозировании как позитивном воплощении права, то есть реализации подхода этатистского нормативизма. Вместе с тем, нельзя пренебрегать и доктриной юридического либертаризма и в данной связи напомнить мнение Г.В.Ф. Гегеля о том, что «почвой для права является вообще духовное и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свобода; так что свобода составляет ее субстанцию...» [5, с. 67]. В литературе имеются работы, объединяющие данные подходы. Так, К.В. Агамиров отмечает, что юридическое прогнозирование становится функцией как общей теории права, так и социальной философии и философии права [1, с. 30]. И с таким мнением очевидно не только необходимо согласиться, но и более того, добавить, что оно верно не только применительно к идеям, воплощаемым в нормах права, но и применительно к техническим нормам. В качестве примера достаточно вспомнить организацию дорожного движения, в котором именно правовое прогнозирование представляет собой универсальный, не зависящий от принадлежности к правовой семье критерий, реализация которого способствует надлежащей организации движения транспорта и пассажиров, а отсутствие – порождает хаос на дорогах [8, р. 2150].

Однако, предметом настоящей работы выступает такой аспект социально-регуляторной функции правового прогнозирования, как конституционное воздействие. Нормы Конституции Российской Федерации являются нормами, конструирующими правовую реальность в Российской Федерации и иное законодательство России должно им соответствовать и не противоречить.

Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» положения Конституции России в достаточной мере обновлены для выдвигаемого в настоящей работе тезиса о прогнозировании развития коллективного субъекта в праве, отчасти противопоставленного в ценностном отношении субъекту индивидуальному, имеющему субстантивность относительно общества. При этом «воля, которая свободна» у коллективного субъекта не может обладать таким свойством, поскольку совокупность волевых посылов в сообществе переопределяют сами возможности ее направления для изъяснения. Имеется ввиду, что само сообщество, коллективный субъект своим появлением не эквивалентен появлению индивидуума, наделенного свободой воли. Это уже есть объединение индивидуумов, объединившихся во имя какой-либо цели, либо объединённых стечением обстоятельств (например, – наследники, либо кредиторы), но фактом объединения умаленных в безграничной возможности свободного волеизъявления. Они попросту вынуждены действовать для коллектива, во имя коллектива, либо ни должны покинуть этот коллектив, коль скоро их интересы настолько не

соответствуют интересам коллектива, сообщества.

В формальном смысле довод о наличии противопоставления ценностных начал индивидуального субъекта ценностным началам коллективного субъекта основан на том обстоятельстве, что глава 2 Конституции России названной масштабной реформой не затронута и ценностные начала прав и свобод человека и гражданина остались в тексте Конституции неизменными. И одновременно с ними, благодаря названным поправкам, осуществлена имплементация ценностных основ субъекта коллективного. В качестве наиболее убедительного примера необходимо обратиться к тексту статьи 75.1 Конституции России, закрепившей, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. Далее названная норма закрепляет постулат о «социальном партнерстве», об «экономической, политической и социальной солидарности». Партнерство и солидарность есть ключевые термины, по существу выступающими в качестве провозвестников формирования полноценного коллективного субъекта в частноправовом регулировании применительно к рассмотрению в институте правового прогнозирования.

Первым нормативно-правовым закреплением коллективного субъекта в качестве участника гражданского оборота можно считать Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) который дополнил ГК РФ главой 9.1. «Решения собраний». При этом сам закон не институализировал субъекта (гражданско-правовое сообщество), а благодаря пандектному построению кодекса и отнесению названной главы в раздел «Сделки» вызвал несомнящую дискуссию о природе решения общего собрания. Есть ли оно юридический факт, либо представляет собой сделку. Благодаря норме Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ, отнесшей решения собраний к основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей дискуссия получила новый виток.

Доктринальные витии можно полагать исчерпанными в связи с наличием вступивших в законную силу судебных актов, квалифицирующих решение собрания в качестве сделки. В качестве достаточно типичных примеров можно привести:

- апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 29 ноября 2017 года по делу № 33-24896/2017, в котором приведен вывод о том, что решения собраний, с которыми закон связывает наступление последствий это оспоримые сделки [3];
- апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 июня 2016 г. по делу № 33-9715/2016, указывающего, что решение собрания – это сделка, по которой управомоченные лица могут предъявить требования о признании ее оспоримой [2].

Наличие у судебного акта свойства законной силы опровергает возможность приведения доводов, ему противоречащих во вне процессуальной процедуре.

Однако, Верховному Суду России удалось уклониться от определенности в квалификации общего собрания в качестве сделки. Так, пункт 103 Постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает, что решения собраний есть решения гражданско-правового сообщества. Вывода о природе данного решения в качестве сделки рассматриваемое положение не содержит, а напротив, указывает на свойство специальной субъектности общего собрания. ВС РФ отмечает, что решение собраний – это решение группы лиц, наделенных полномочием на такое решение и полномочие это, последствия его реализации обязательны как для этой группы лиц, так и для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

Таким образом, решение собрания лишь в части есть сделка. В части же это реализация специального правомочия, то есть специальной правосубъектности, возникновение которой возможно лишь при соблюдении условий законности проведения общего собрания.

Такая позиция о двойственной природе решений общего собрания присутствует и в литературе. Так, В.А. Белов называет такую ситуацию «сделкоподобностью», то есть это сделка, отличающаяся направленностью [4, с. 150]. К.И. Труханов, приводя компаративистский анализ с германской правовой семьей приходит к выводу, что это сделка, но принимаемое решение может не совпадать с волей отдельных участников сделки [7, с. 126].

Тем не менее «солидарность», являющаяся фактором, консолидирующим участников общего собрания в гражданско-правовом сообществе есть конституционная предустановленная, детерминирующее, на наш взгляд такие возможности юридического прогнозирования как формирование правовой определенности в социально регуляторной функции права в отношении субъектов, занимающих в сегодняшнем позитивном праве место между физическим лицом, наделенным идеями права свободой воли и формализованным коллективным субъектом – юридическим лицом, либо публично-правовым образованием. Этот коллективный субъект, имеющий платформой объединения совокупности воли образующих его индивидуумов благодаря прогностической роли конституционных положений, может и должен получить закрепление в качестве полноценного участника не только частноправовых отношений, то есть гражданско-правового сообщества, но и в публичном праве.

Речь идет о таком институте, как публичные слушания и общественные обсуждения (далее по тексту – публичные слушания). Институт фигурирует в различных отраслях публично-правового регулирования. Положения о его регулировании присутствуют в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в Земельном кодексе Российской Федерации, Градостроительном кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в экологическом законодательстве, в том числе – в процедуре проведения экологической экспертизы.

Своеобразие данного института заключается в том, что в нем сочетается возможность формирования коллективного мнения объединенных по месту жительства граждан, но отсутствует возможность формирования коллективной воли данного объединения граждан. Общее мнение объединенных по признаку жительства граждан не влечёт юридически значимых последствий ни для них, ни для иных субъектов.

В следствие того обстоятельства, что общее мнение граждане формируют в правоотношениях, лишенных равенства сторон, основанных на подчинении, то есть в публичных отношениях, а также в следствие указанного обстоятельства отсутствия юридически значимых последствий

коллективному мнению (даже и выражаемому в форме решения) рассматриваемое объединение нельзя назвать гражданско-правовым сообществом. Но тем не менее, нельзя отрицать того факта, что в процедуре публичных слушаний отсутствует экономическая, либо социальная солидарность. Граждане объединяются общим интересом наличия мнения по какому-либо вопросу: вопросу местного значения; вопросу территориального планирования и зонирования; экологическому, et cetera. И действительно, нельзя не признать, что институт, возникновение которого закреплено Константином Великим, Flavius Valerius Aurelius Constantinus [9, p. 161], практически в полном объеме реципирован в систему нормативного регулирования публичных отношений в Российской Федерации. Феномен такой устойчивости в использовании института, история которого насчитывает более 1700 лет может быть объяснен одновременно его использованием как в гражданской, так и в церковной жизни. Аккламации в качестве средства коллективного одобрения в дебатруемом вопросе продолжают использоваться и природа публичных слушаний, несомненно, восходит к ним.

Однако нельзя не признать и произошедшие за полтора тысячелетия изменения, как в регулировании отношений, так и в средствах этого регулирования. Конечно, в данном случае имеется ввиду цифровая основа человеческого взаимодействия. Сами не заметив мы оказались участниками достаточно большого количества сообществ, участие в которых не доставляет каких-либо хлопот, поскольку происходит оно полностью на цифровой площадке. Самый банальный пример такой ситуации: домовый, подъездный чат в популярном мессенджере. В этом чате гораздо чаще, нежели собрания в цирке Константинополя возникают обсуждения животрепещущих проблем, на основе которых жители дома, подъезда солидаризированы. И они принимают коллективные решения, не влекущие каких-либо формально-правовых последствий, помимо организации жизнедеятельности, либо комфорта жизнедеятельности членов такого сообщества.

Очевидно, что уже сложилась ситуация, когда сообщества, не имеющие частного интереса, а находящиеся в публичных отношениях фактически обретают специальную правосубъектность посредством использования цифровых инструментов, благодаря которым единство воли членов в сообществе может и должно обретать статус не суждения (мнения), а акта, направленного на возникновение, изменения, либо прекращение отношения.

Да, нормотворец России в достаточной мере сознает это обстоятельство и предпринимает средствами soft power усилия по легализации нормативного закрепления сообществ, участвующих в публичных отношениях. Осуществляется это через цифровые инструменты, через многочисленные сервисы государственных услуг и жилищно-коммунальной сферы. Но ведь жилищно-коммунальные вопросы и проблемы не есть исчерпывающий перечень вопросов местного значения, вопросов экологического характера, отношений земельного, градостроительного регулирования и продолжая данный смысловой ряд – налогового воздействия. Поскольку истинное одобрение, либо неодобрение регуляторного воздействия всегда в добросовестном налоговом поведении, либо в применении так называемых «схем оптимизации». Проще говоря, можно использовать расхожий штамп – «граждане голосуют рублем». Соответственно очевидно, что прогностическая функция права, основанная на новеллах Конституции России о солидаризации в коллективного субъекта должна принимать активные формы в позитивном нормативном закреплении.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что прогностическая социально-регулятивная функция в реализации новых положений Конституции Российской Федерации должна воплотиться в такой легализации коллективного субъекта публичных отношений, в которой данный субъект из аморфного состояния аккламационного одобрения эволюционирует в социально значимого соратника единой публичной власти в публично-правовом регулировании, в государственном строительстве. Для данного положения необходимо на наш взгляд изменить процедуру публичных слушаний, придав результатам их проведения юридически значимый характер как для членов сообщества, так и в установленных законом случаях – для иных лиц.

Следующим же шагом в данном направлении следует рассматривать институализацию сообществ публично-правового характера в качестве самостоятельных субъектов в публичных, в том числе налоговых правоотношениях.

Библиография:

1. Агамиров К.В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. 2021. № 8, с. 20-35.
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 15 июня 2016 г. по делу № 33-9715/2016 СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционным определением СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 29 ноября 2017 года по делу № 33-24896/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Белов В.А. Гражданское право. Т. II: Лица, блага, факты. - Москва: Юрайт, 2011. - 772 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. М., 1990. 265 с.
6. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 2018. – 168 с.
7. Труханов К.И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 125-134.
8. Ben-Bassat, T., & Shinar, D. (2011). Effect of shoulder width, guardrail and roadway geometry on driver perception and behavior. *Accident Analysis & Prevention*, 43(6), pp. 2142–2152. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2011.06.004>
9. N. E. Lenski. *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / Cambridge University Press. 2011. – 492 p.

References:

1. Agamirov K.V. Ontological, epistemological and axiological foundations of legal forecasting: philosophical and legal paradigm // *Journal of Russian Law*. 2021. No. 8, pp. 20-35.
2. The appeal ruling of the IC for civil cases of the St. Petersburg City Court dated June 15, 2016 in case No. 33-9715/2016 of the SPS "ConsultantPlus".
3. The appeal ruling of the IC for Civil cases of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated November 29, 2017 in case No. 33-24896/2017 // SPS "ConsultantPlus".
4. Belov V.A. *Civil law. Vol. II: Persons, benefits, facts.* - Moscow: Yurait, 2011. - 772 p.
5. Hegel G.V.F. *Philosophy of Law* / translated from German by B.G. Stolpner, M.I. Levina. M., 1990. 265 p.
6. Tikhomirov Yu.A. *Legal forecasting: a scientific and practical guide.* – Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – M., 2018. – 168 p.
7. Trukhanov K.I. *Decisions of assemblies – a new category in the Civil Code of the Russian Federation* // *Law*. 2013. No. 10. pp. 125-134.
8. Ben-Bassat, T., & Shinar, D. (2011). Effect of shoulder width, guardrail and roadway geometry on driver perception and behavior. *Accident Analysis & Prevention*, 43(6), pp. 2142–2152. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2011.06.004>
9. N. E. Lenski. *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / Cambridge University Press. 2011. – 492 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_26

ШКОЛА И РЕЛИГИЯ В ТРУДАХ В. Д. КАТКОВА SCHOOL AND RELIGION IN THE WORKS OF V. D. KATKOV

БОЖКО Евгений Алексеевич,

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Российская Федерация, г. Белгород, улица Горького, 71.
E-mail: Bozhko_Evgenii_1990@mail.ru;

BOZHKO Evgeny A.,

Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines,
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: Bozhko_Evgenii_1990@mail.ru

Краткая аннотация: В статье предпринята попытка осмысления сущности и значения школы и религии в контексте становления и развития русской государственности. Раскрываются основные особенности, определяющие место и роль рассматриваемых институтов в консервативно-правовой доктрине сквозь призму взглядов отдельных представителей современной и дореволюционной отечественной государственно-правовой мысли. Первостепенное освящение получили фундаментальные научные постулаты нашедшие свое отражение в трудах В. Д. Каткова, касающиеся вопросов школы и религии, как неотъемлемых элементов осуществления государственно-властной деятельности.

Abstract: The article attempts to comprehend the essence and significance of school and religion in the context of the formation and development of Russian statehood. The main features defining the place and role of the institutions under consideration in the conservative legal doctrine are revealed through the prism of the views of individual representatives of modern and pre-revolutionary domestic state-legal thought. The fundamental scientific postulates reflected in the works of V. D. Katkov concerning the issues of school and religion as integral elements of the implementation of state power activities received primary consecration.

Ключевые слова: В. Д. Катков, государство, государственность, доктрина, консерватизм, концепция, общество, право, православиe, религия, самодержавие, школа.

Keywords: V. D. Katkov, state, statehood, doctrine, conservatism, concept, society, law, Orthodoxy, religion, autocracy, school.

Для цитирования: Божко Е.А. Школа и религия в трудах В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_26.

For citation: Bozhko E.A. School and religion in the works of V.D. Katkov // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237), pp. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_26.

Статья поступила в редакцию: 07.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Современные международные и национальные процессы становления и развития любого общества и государства базируются на определенных элементах, составляющих единую взаимосвязанную систему, являющуюся необходимым вектором для нормального поступательного формирования государственно-правовых отношений, обусловленных историческими и территориальными особенностями жизнедеятельности того либо иного народа.

Очевидно, что на любом историческом этапе эволюции русской государственности, подобной движущей силой всегда выступали школа и религия. Именно они с позиции доктринального толкования воззрений отдельных консервативно настроенных представителей дореволюционной отечественной государственно-правовой мысли, неразрывно связаны друг с другом и являются источником позитивного развития и укрепления нашего государства, что также не лишено своей актуальности в контексте существующих геополитических вызовов и угроз на современном этапе.

Обозначенный период времени исторического развития нашего государства с позиции становления и укрепления названных социальных институтов отечественной государственно-правовой действительности представляется весьма интересным. Так как именно во второй половине XIX века российская исполнительная власть начала создавать единую и универсальную систему народного образования, фактически рассчитанную и предназначенную для всех слоев российского общества, в целях массового повышения уровня образования населения с опорой на религию. Причем особенностью школы в дореволюционные годы, как отмечает С. Ф. Свиридович является то, что она характеризовалась разными типами своей организации, что является вполне естественным, поскольку, школа в своей исторической ретроспективе на любом этапе культурного развития нашего государства обуславливалась определенным типом, который определялся всей системой народного образования, конкретными задачами, поставленными народом или отдельным его классом, в которых отражалась школьная организация под влиянием культурных, бытовых и экономических условий своего существования [20, с. 24].

Становление и развитие школы как определенного социального института в рассматриваемый период времени, сопровождалось наличием противоречивых доктринальных позиций, все больше актуализирующихся на современном этапе. В частности уже тогда, один из выдающихся отечественных дореволюционных консервативных юристов К. П. Победоносцев в рамках выдвинутой им концепции народного образования утверждал, что для народа имеет наиболее важное значение не только теоретическое, так называемое доктринальное образование, а профессиональное образование, непосредственно связанное с приобретением навыков и умений прикладного характера вкупе с религиозным воспитанием [8, с. 12]. Отсюда, видится необходимым организация современного как школьного, так и высшего образования таким образом, чтобы оно не было оторванным от практики и не было направлено, только лишь на передачу знаний, а решало, в том числе вопросы культурного и этико-религиозного развития личности, как одного из основных элементов системы государственно-властного управления.

Представляется вполне очевидным, что с учетом исторических и национальных особенностей эволюции русской государственности, одной из постоянных движущих сил, служивших опорой для развития той либо иной сферы общественной и государственной жизни, в том числе школы, выступала религия, являющаяся определенным спутником, сопровождающим становление всей системы отечественного образования. Поскольку именно религия на протяжении многих веков оказывала определяющее воздействие на формирование мировоззрения человека, определяя глубинный смысл его поступков [19, с. 35] и являлась при этом ведущим фактором социальной стабилизации личности и ее духовного просвещения. Оставаясь при этом действенной силой способствовавшей сохранению равновесия между преемственностью и восприятием нового, религия и другие формы человеческой культуры тесно взаимодействуют и дополняют друг друга [7, с. 269]. Причем присутствие религии в качестве стержня образующего элемента в построении системы школьного образования обусловлено самобытностью русского народа с непосредственной опорой на его традиции, а также вытекает из соответствующей социально-политической ситуации сложившейся на определенном этапе развития нашего государства. Особенно сегодня в контексте сложившейся геополитической ситуации и существующих международных вызовов достаточно ярко прослеживается взаимосвязь рассматриваемых явлений, поскольку как справедливо отмечают, А. Витамар и Е. А. Степанова, произошедшее в последние годы изменение роли религии в публичном пространстве, указывает на необходимость создания комплексного подхода направленного на обеспечение диалога между различными религиозными традициями [9, с. 361], что должно способствовать стабилизации ситуации и предотвращению конфликтов на почве религиозной ненависти и вражды, где первоначальным звеном выступает непосредственно школа.

Примечательно, что религия, рассматриваемая в современной юридической литературе [17, 22, 23] в качестве неотъемлемого и базового компонента отечественной государственности, в силу своей специфической сущности так и не приобрела единого понятия в воззрениях как дореволюционных, так и современных представителей доктринально-правовой мысли. Сложившаяся ситуация существенно осложняет внедрение в должной мере религиозных предписаний в нормативно-правовое регулирование, к чему так стремился законодатель более века назад, поскольку переплетение юридических норм с каноническими, когда исполнение церковных предписаний обеспечивалось мерами государственно-принуждения, обуславливало главную особенность взаимодействия религиозных и законодательных норм в дореволюционной России [16, с. 41]. В наиболее общем виде под религией следует понимать определенное исповедание, веру, основу духовного убеждения, а также подобающее поведение и специфические действия, основанные на вере в существование Бога [11, с. 45]. В свою очередь более широкое и приемлемое определение выдвигается З. А. Омаровой, которая утверждает, что в настоящее время религия представляет собой определенную систему воззрений, свод норм и правил поведения, обусловленные соответствующей верой в существование сверхъестественного существа – Бога, разумно сотворившего имеющиеся духовные и материальные формы бытия, сопровождающиеся непосредственной связью человека с Богом посредством соответствующих религиозных ритуалов и культов [18, с. 52].

Традиционно вопросы школы и религии, а также актуальные аспекты соотношения указанных явлений в контексте построения и формирования русской государственности прослеживаются в научных и публицистических трудах таких консервативно настроенных дореволюционных представителей отечественной государственно-правовой мысли как Л. А. Тихомиров [21], П. Е. Казанский [13], Н. А. Захаров [12]. Особое место в плеяде рассматриваемых научных деятелей отводится выдающемуся и непревзойденному ученому, юристу, правоведа, философу, профессору Императорского Новороссийского университета, необоснованно забытому отечественной юридической наукой Василию Даниловичу Каткову (1867-1919) [10, с. 22]. Являясь всесторонне развитым и разносторонним человеком, посвящая себя изучению государственно-правовой действительности [1; 24], отдельным вопросам в области цивилистики [2; 3; 4; 6] и философского осмысления и понимания права [5], школа и религия, как социальная основа русской государственности и неотъемлемые и базовые начала, обуславливающие сущность исторической самобытности русского народа и государства в фундаментальных работах ученого получили более яркое освящение. Выступая при этом для самого ученого в качестве основных ориентиров, пронизывающих творческий и жизненный путь и определяющих формирование его христианского мировоззрения в свете становления государственно-правовых убеждений.

Вместе с тем исследование научных и публицистических трудов В.Д. Каткова посвященных вопросам школы и религии, вкупе с его воззрениями касательно формирования и становления отечественной государственности, позволяет говорить о наличии у Каткова сложившейся концепции социально-правового развития государства. Согласно которой, именно данные институты выступают в качестве ядра социального прогресса общества и государства, являясь при этом единственной движущей силой способствующей укреплению самодержавной власти монарха и главной защитной реакцией от негативного воздействия развратителей на целостное устройство отечественного государства, ведущего к искоренению самобытности русского народа.

Сформулированные профессором Катковым более века назад основные постулаты, затрагивающие существенные вопросы организации школьного образования и отражающие значение школы для нашего государства, не могут и не должны быть преданы забвению в контексте современного построения государственной политики в рассматриваемой сфере. В этой связи все больше актуализируются слова ученого, справедливо отмечавшего, что «самым важным вопросом данного момента в России является вопрос школьный. Этот вопрос жизни или смерти для нашей Родины, вопрос от которого зависит ее будущее» [15, с. 84]. При этом ученый утверждал, что именно школьный вопрос играет важнейшее значение в жизни людей и пронизывает практически каждый этап развития нашего государства и вызывает неподдельный интерес и необходимость своего вмешательства со стороны русского народа, правительства и церкви, отмечая в данном контексте, что «огромное значение школы в жизни людей давно осознано как нашим народом, так и нашим правительством и церковью. Ученье – свет и только доброе воспитание в христианском духе способно сделать из наших детей полезных членов церкви и Отечества – эта мысль столь же доступна народной массе, как и

всеми мирами поддерживаемая издавна нашей церковью и нашим государством» [15, с. 188]. Особое место школы, как определенного социального института, способствующего укреплению нашего государства ученый видел в механизме государственного управления, отмечая, что «путем хорошей школы правительство может усилить государство, упрочить собственное свое положение и поддержать гегемонию национальности, создавшей Россию» [15, с. 207].

Примечательно что, изучая школьный вопрос с позиции консервативного мировоззрения и рассматривая школу, прежде всего, как учреждение образовательное и воспитательное, которое должно приобщить человека к историческому духовному наследию народа, а именно наследству его общественных и государственных учреждений, законов и верований, Катков одним из первых утверждал, что всякая школа непременно должна быть национальной. Вполне обоснованно мотивируя это тем, что «школа живет в условиях места, времени и народа. Она по необходимости национальна даже в преследовании чисто образовательных задач, так как должна даже общечеловеческое достояние научного знания усваивать и передавать через посредство национального орудия – языка. Она еще в большей мере национальна в своей воспитательной роли, готовя в своих воспитанниках будущих граждан государства и членов прочих союзов, в том числе и Церкви» [15, с. 86]. Вместе с тем, по мнению ученого «если школа забывает свои национальные задачи, она воспитывает людей, которые нигде в мире не находят себе родной среды, так как реальный мир устроен не на космополитических началах, а на началах государственной и национальной обособленности» [15, с. 101].

Христианское происхождение Каткова обусловило особое отношение ученого к религии, которая пронизывала его жизненную философию и объективно способствовала формированию и становлению представлений ученого о государственно-правовой действительности. Причем, религия для Каткова как отмечает Н. В. Каськова, выступала в качестве действительной матери разума, вечной попытки решения важнейших вопросов мира, жизни и духа, а также рассматривалась ученым как определенная сила, способная двигать общество к прогрессу и вести к истине великий русский народ [14, с. 91]. Тем самым, ученый видел религию, как и подобает истинному консерватору, в качестве неотъемлемой составляющей, без которой невозможно прогрессивное развитие отечественной государственности и основных сфер общественной жизни, преимущественно школы, отмечая при этом, что «жизнь без религии не может быть ни счастливой, ни осмысленной, и школа, игнорирующая ее, не подготовит своих питомцев к жизни, не выполнит свои основные задачи» [15, с. 198]. Кроме того, ученый истинно верил, что повышению православно-дисциплины в народной жизни, должно предшествовать ее повышение, прежде всего в школе.

Вполне очевидно, что школа и религия, как основополагающие социальные институты, сопровождали в своем развитии практически каждый исторический этап эволюции нашего государства и выступали в качестве неотъемлемых элементов русской государственности. Причем особое осмысление и понимание рассматриваемых взаимосвязанных государственно-правовых институтов и их значение для национального государства и права, нашло свое отражение в воззрениях отдельных представителей дореволюционной государственно-правовой мысли. Причем неповторимым видением рассматриваемых вопросов отличается один из выдающихся отечественных ученых необоснованно забытых современной юридико-правовой наукой В. Д. Катков, основные идеи которого, заслуживают повышенного внимания в контексте организации и построения системы государственно-правового управления на современном этапе.

Библиография:

1. Божко Е. А. Нравственно-правовая концепция отечественной государственности в представлениях В.Д. Каткова // История государства и права. 2016. № 12. С. 30-36.
2. Божко Е. А. Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.Л. Никонович. - Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 467-471.
3. Божко Е.А., Буняева К.В. Передача векселя по надписи в понимании В.Д. Каткова // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Выпуск 12. Белгород: Бел ЮИ МВД России им. И.Д. Путилина, 2015. С. 67-72;
4. Божко Е.А. Генезис взглядов В.Д. Каткова о передаче векселя по надписи (индоссаменту) // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 12.
5. Божко Е. А. Юридикологическая гносеология В.Д. Каткова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 1. С. 31-35.
6. Божко Е.А. Юридическая природа индоссамента в учении В.Д. Каткова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Часть 2. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Часть 2 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. А. Федоринова. – Электронные дан. (15,1 Мб). – Санкт-Петербург: СанктПетербургский университет МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD – ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. С. 124-131.
7. Борисов К. Г. Понятие и содержание права религиозных конфессий и его международно-правовые основы // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 268-274.
8. Васильев А. А. Концепция правового воспитания в контексте консервативной правовой доктрины России // Юридическое образование и наука. 2012. № 3. С. 11-14.
9. Витамар А., Степанова Е.А. Школа и религия: европейский опыт // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 361-376.
10. Ганин В. В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX – начало XX в.) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 20-23.
11. Дворникова О. А. Религия и закон: проблемы взаимодействия // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 45-58.
12. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. 400 с.
13. Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М.: Издательство «ФИБ», 2007. 600 с.
14. Каськова Н. В. Особенности понятия и значения религии в трудах В.Д. Каткова // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 89-91.
15. Катков В. Д. Христианство и государственность. М.: Издательство «ФИБ», 2013. 296 с.
16. Ключков В. В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982. 160 с.
17. Левакин И. В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 97-106.
18. Омарова З. А. Религия и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 50-55.
19. Пашенцев Д. А. Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17. С. 33-38.
20. Свиридович С. Ф. Право на образование в истории дореволюционной России // История государства и права. 2008. № 5. С. 24-25.
21. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: Облидзат: Агир, 1998. 671 с.
22. Тушканов И. В. Учение русских монархистов XX в. о духовно-нравственных основах государства // Общество и право. 2009. № 1. С. 25-31.
23. Чернобель Г. Т., Иванков О. А. Христианские истоки права в ценностном измерении // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 135-143.
24. The idea of the violent origin of the state and law in the Russian political and legal doctrine / A.Yu. Kuzubova, A.A. Bayramov, E.A. Bozhko [et al.] // Laplage em Revista. 2020. Vol. 6. № Extra-A. P. 239-247.

References:

1. Bozhko E. A. The moral and legal concept of national statehood in the views of V.D. Katkov // The history of state and law. 2016. No. 12. pp. 30-36.
2. Bozhko E. A. V.D. Katkov's views on the legal nature of the promissory note // Actual problems of modern science. Section «Law and law enforcement»: collection of materials of the international scientific and practical conference, May 8, 2015 / scientific ed. S.L. Nikonovich. - Tambov: Publishing house Pershina R.V., 2015. pp. 467-471.
3. Bozhko E.A., Bunyaeva K.V. Transfer of a bill of exchange by inscription in the understanding of V.D. Katkov // Problems of law enforcement and education: a collection of scientific papers of doctoral students, adjuncts, postgraduates. Issue 12. Belgorod: Bel YU of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2015. pp. 67-72;
4. Bozhko E.A. Genesis of V.D. Katkov's views on the transfer of a bill of exchange by inscription (endorsement) // Stolypin Bulletin. 2023. Vol. 5. No. 12.
5. Bozhko E. A. Yuridico-positivist epistemology V.D. Katkov // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2015. No. 12 (62). Part 1. pp. 31-35.
6. Bozhko E.A. The legal nature of the endorsement in the teachings of V.D. Katkov // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 25th anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) [Electronic resource]: in 2-x parts. Part 2. Materials of the XX international scientific and theoretical conference. St. Petersburg, April 27-28, 2023 Part 2 / edited by N. S. Nizhnik; comp.: N. S. Nizhnik, E. A. Fedorinova. – Electronic data. (15.1 Mb). – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 1 electron. opt. disk. – Systems. Requirements: PC with Intel Core i3 processor and more; 512 Mb and more; CD/DVD – ROM drive; Microsoft Windows XP and above; SVGA 800×600.16 bit and more; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 and above. pp. 124-131.
7. Borisov K. G. The concept and content of the law of religious denominations and its international legal foundations // Moscow Journal of International Law. 2000. No. 4. pp. 268-274.
8. Vasiliev A. A. The concept of legal education in the context of the conservative legal doctrine of Russia // Legal education and science. 2012. No. 3. pp. 11-14.
9. Vitamar A., Stepanova E.A. School and religion: European experience // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy of Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2011. Issue 11. pp. 361-376.
10. Ganin V. V. Teachers and students of the Law Faculty of Novorossiysk University (XIX – early XX century) // Legal education and science. 2007. No. 4. pp. 20-23.
11. Dvornikova O. A. Religion and law: problems of interaction // Journal of Russian Law. 2009. No. 7. pp. 45-58.
12. Zakharov N. A. The system of Russian state power. M., 2002. 400 p.
13. Kazansky P. E. The power of the All-Russian Emperor. M.: Publishing house «THEBES», 2007. 600 p.
14. Kaskova N. V. Features of the concept and meaning of religion in the works of V.D. Katkov // Actual problems of modern science. Section «Law and law enforcement»: collection of materials of the international scientific and practical conference, May 8, 2015 / scientific ed. S.L. Nikonovich. Tambov: Publishing house Pershina R.V., 2015. pp. 89-91.
15. Katkov V. D. Christianity and statehood. Moscow: Publishing house «THEBES», 2013. 296 p.
16. Klochkov V. V. Law and religion. From the state religion in Russia to freedom of conscience in the USSR. M., 1982. 160 p.
17. Levakin I. V. Law and religious and moral norms of the Russian society // Journal of Russian Law. 2012. No. 6. pp. 97-106.
18. Omarova Z. A. Religion and the state: constitutional and legal bases of interaction // Constitutional and municipal law. 2012. No. 5. pp. 50-55.
19. Pashentsev D. A. Interaction of legal and religious norms: historical and theoretical aspect // The history of state and law. 2015. No. 17. pp. 33-38.
20. Sviridovich S. F. The right to education in the history of pre-revolutionary Russia // History of the state and law. 2008. No. 5. pp. 24-25.
21. Tikhomirov L. A. Monarchical statehood. – M.: Oblizdat: Alir, 1998. 671 p.
22. Tushkanov I. V. The teachings of the Russian monarchists of the XX century, on the spiritual and moral foundations of the state // Society and Law. 2009. No. 1. pp. 25-31.
23. Chernobel G. T., Ivanyuk O. A. Christian sources of law in the value dimension // Journal of Russian Law. 2010. No. 9. pp. 135-143.
24. The idea of the violent origin of the state and law in the Russian political and legal doctrine / A.Yu. Kuzubova, A.A. Bayramov, E.A. Bozhko [et al.] // Laplage em Revista. 2020. Vol. 6. № Extra-A. P. 239-247.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Legal technique of qualification of offenses in the field of IT technologies

БОЛДЫРЕВ Сергей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и гражданского процесса, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кафедра теории государства и права ФГБОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России», ул. Ерёменко, 83, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344015, Россия.
E-mail: bsn510@mail.ru;

Boldyrev Sergey Nikolaevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, Rostov State University of Railway Engineering, Department of Theory of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83 Eremenko str., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015, Russia.
E-mail: bsn510@mail.ru

Краткая аннотация: В своей статье автор пишет о том, что информационная сфера – это особый круг взаимоотношений между обществом, гражданином и государством, и этот круг требует особого правового регулирования таких отношений с точки зрения юридической техники. Российское законодательство, впрочем, как и во многих других сферах, недостаточно разработано по исследуемой проблеме, имеет изъяны в юридико-техническом оформлении. Оно не в полной мере учитывает все особенности обеспечения национальной безопасности в контексте информационной составляющей.

Abstract: In his article, the author writes that the information sphere is a special circle of relations between society, a citizen and the state, and this circle requires special legal regulation of such relations from the point of view of legal technology. Russian legislation, however, as in many other areas, is insufficiently developed on the problem under study, and has flaws in legal and technical design. It does not fully take into account all the features of ensuring national security in the context of the information component.

Ключевые слова: юридическая техника, информационное общество, правотворчество, законотворчество, право, дефекты в праве, ИТ-технологии.

Keywords: legal technology, information society, lawmaking, lawmaking, law, defects in law, IT technologies.

Для цитирования: Болдырев С.Н. Юридическая техника квалификации правонарушений в сфере ИТ-технологий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 30-33. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_30.

For citation: Boldyrev S.N. Legal technique of qualification of offenses in the field of IT technologies // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 30-33. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_30.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Предполагается, что для соблюдения принципа баланса интересов в информационной сфере, одним из способов выступает нормативно-правовое регулирование. При этом все имеющиеся государственные, общественные и негосударственные структуры должны осуществить проработку определенных правил обращения с информацией, которые бы регламентировали их законное использование не в ущерб всем участникам информационной среды и соседствующим объектам, и при этом обеспечивали бы реализацию всех Конституционных прав и свобод в сфере обращения с информацией. Но это лишь научная версия развития событий, которая не рассматривает пути реализации такого предложения. В частности, как должны разрабатываться правила между участниками, какую нормативно-правовую оценку давать этим правилам и т.д.

На духовную жизнь общества в основном пытаются воздействовать путем зомбирования через СМИ или сеть интернет. Одним из вариантов разрушения сознания является фальсификация информации, при этом уничтожаются подлинные источники и архивы. Одним из достаточно весомых факторов в данном направлении является ограничение пользования открытыми источниками государственной власти или источниками социально значимой информации.

В информационной структуре такими угрозами выступают незаконное получение и последующее использование информации, нарушение технологии обработки, адресности и своевременности обработки и обмена информацией. Так же имеет место изменение программного обеспечения с целью придания дополнительных несвойственных функций оборудованию. С развитием компьютерных технологий развивалось и такое направление как создание вредоносных программ ведущих к выходу из строя оборудования, в том числе и оборудования телекоммуникационных систем и других источников информации. В этом же контексте можно рассматривать и физическое уничтожение или повреждение, в том числе и подавление работы средств информационного обеспечения. Одним из вариантов причинения угроз является завладение любыми способами ключами и паролями защиты информации. Не исключаются возможности и перехвата информации по имеющимся каналам обмена информацией, используя при этом различные электронные устройства, при этом не исключается возможность внедрения другой «нужной» информации. Не остается в стороне и закупка технологий и аппаратуры в информационной сфере, имеющие российские аналоги.

Информационным ресурсам можно нанести ущерб с помощью наземных и космических установок разведок иностранных государств,

несанкционированным доступом и использованием, хищениями информации из банков данных (архивов, картотек и т.п.), незаконным распространением.

Для юриспруденции характерна оценка безопасности как состояния защищенности. Но, так или иначе, большинство авторов склоняются к тому, что безопасность это определенное мировосприятие и мироощущение, при котором созданы все условия для прогресса в развитии общества, человека, удовлетворению его потребностей и интересов, и при этом отсутствие тревог о нестабильном своем статусе и государства в целом [5]. На сколько складывается представление о безопасности в сознании человека на столько он и определяет уровень своего безопасного состояния [3].

В классификации угроз национальной безопасности предусмотрено их деление на внешние и внутренние. В основу такого деления заложен принцип территориальной целостности государства, т.е. территория государства определяет возможности возникновения и существования угроз. Но в контексте информационной безопасности такая градация становится несостоятельной. Информационная среда не имеет территориальных границ, она существует вне существующей материальной реальности, а это приводит ко многим разночтениям в законодательстве, ломается представление о суверенитете, возникают множество вопросов относительно юрисдикции и т.п.

Акцент смещается на защищенность личности, общества и государства. Так, согласно п. 6 Стратегии, «национальная безопасность» — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства [4].

Как и относительно понятия «национальная безопасность», в литературе можно встретить множество трактовок понятия «информационная безопасность». Попробуем их обобщить и дать некоторые характеристики в границах данного понятия.

Некоторые авторы выделяют двойственность понятия «информационная безопасность». Т.Е. рассматривают такого рода безопасность и как защищенность объекта, и как отсутствие возможности у объекта нанести ущерб другому объекту. В основе этого лежит существование информационной среды внутри объекта. И если можно нанести ущерб этой среде – это одна сторона вопроса. А если созданы условия невозможности этой средой наносить ущерб информационной среде другого объекта – это вторая сторона вопроса [6]. Т.е. существующая информационная система должна быть защищена от любого возможного или существующего воздействия, и в свою очередь ее функционирование не должно создавать угрозы функционированию параллельно существующих информационных систем.

Технический прогресс и обширное внедрение компьютерной техники существенно повлияло на уголовное законодательство Российской Федерации по сравнению с законодательством, действовавшим в СССР. Однако те поправки, которые были когда-то внесены уже не достаточны для сегодняшней реальности, и сегодняшнее законодательство имеет множество пробелов в отношении преступлений в информационной сфере. В качестве примера можно привести отсутствие отдельной законодательной нормы, предусматривающей ответственность за хищение имущества, посредством средств компьютерной коммуникации. И если обратиться к нормам законодательства западных стран, там компьютерные преступления рассматриваются как отдельно существующие нарушения закона.

Наиболее распространенное преступление звучит как «компьютерное мошенничество». Однако, юридически не определены те общественные отношения, которые подвергаются опасности в момент совершения противоправного деяния и отсутствуют все признаки преступления «мошенничество» при совершении хищения средств с помощью компьютерной техники.

И все же корректировки, несмотря на растущую составляющую компьютеров в жизни общества и человека не предпринимаются. А это влечет за собой рост подобных преступлений и прогрессирование изощренности форм совершения подобного рода преступлений.

В юридической и судебной практике хищение средств посредством компьютерных сетей квалифицируется либо по ст. 159, либо по ст. 158 УК РФ. На применение статьи влияют в большей степени обстоятельства совершения преступления, а компьютерные сети рассматриваются в качестве средства совершения преступного посягательства. Т.е. все преступления в информационной среде приравниваются к преступлениям против собственности.

В одну из проблем выделяется вопрос о квалификации сложных деяний в своей совокупности или разделения на составляющие. В научной литературе высказывается точка зрения, что единичное деяние не может по своей тяжести и опасности превосходить совокупное.

И тут встает вопрос о понимании компьютера и его систем в связи с совершенным преступлением. С одной стороны он действительно средство достижения цели. Но ведь это не простой ручной инструмент одноразового использования. Если обычными инструментами причиняется повреждение имущества, то компьютер это насколько другое. Многогранность воздействия компьютера заключается в том, что с его помощью происходит не только незаконное проникновение в систему или сеть, но и внесение в нее желаемых или случайных изменений, приводящих к неизбежному нарушению нормального функционирования системы, модификации в любой форме находящейся там информации, а, соответственно, и нарушению определенных общественных отношений в той или иной сфере.

Поэтому, на наш взгляд компьютер должен рассматриваться как отдельный объект уголовного права с особым статусом и его использование в корыстных или любых других целях должно рассматриваться не как орудие топором или ножом. В данном контексте преступления, совершенные с помощью компьютерной техники необходимо рассматривать как преступления против общественной безопасности. Такие предложения неоднократно рассматривались при создании, например, при создании единого Уголовного кодекса стран СНГ, однако поддержки в юридической среде подобный подход не нашел.

Помимо квалификации деяний, совершенных с помощью компьютерной техники, помимо общеуголовного привлечения за хищение материальных средств по ст. 159 или 158 УК РФ, необходимо все такие преступления квалифицировать и в ракурсе преступлений в сфере компьютерной

информации, т.к. проникая в компьютер или сеть преступник имеет возможность использования или модификации хранящейся там информации.

Аналогичный подход должен быть и в отношении компьютерного пиратства. Многие авторы не подают заявлений о хищении, а тогда руки у законодательства связаны. Однако в этом случае больше страдает не личные авторские права, а именно информационная безопасность, т.к. при незаконном тиражировании распространение компьютерной программы становится бесконтрольным.

Сложность квалификации преступлений, совершенных с помощью компьютерной техники заключается еще и в том, что объекты преступных посягательств весьма разнообразны, и составы данных преступлений изложены в разных статьях Уголовного кодекса РФ.

В некоторых юридических источниках встречаются три аспекта рассмотрения компьютерных преступлений:

- преступления, направленные на приведение в неисправное состояние либо завладение компьютерной техникой и носителей информации. В таком случае умысел на завладение информацией и на незаконное ее использование не просматривается, и они вполне могут быть расценены как преступления против собственности;

- преступления, направленные на получение незаконного доступа к информации либо изменение ее свойств. В эту трактовку включается создание вредоносного ПО и внедрение его с целью дестабилизации работы отдельных или интегрированных компьютерных сетей. Тут, уголовным законодательством предусмотрены несколько статей уголовного кодекса (ст.ст. 272-274) для привлечения к ответственности [1];

- преступления, направленные на модификацию имеющейся информации в базах данных и компьютерных сетях для завладения дежними средствами или имуществом, и в которых компьютер используется как средство осуществления корыстного умысла.

Наиболее распространенными, да и наиболее прибыльными, являются преступления, совершаемые в банковской сфере посредством компьютерной обработки электронных счетов. Для этого преступники используют любые средства, от использования своего служебного положения до подкупа сотрудников, для получения любых банковских сведений в электронной среде, которые содержатся во всевозможных банках данных финансовых учреждений. Дальнейшие действия имеют различный характер:

- изменение выходных данных компьютеров для совершения хищений;

- устанавливают код компьютерного проникновения в электронную платежную сеть расчетов по карточкам;

- создание действующих копий систем и отдельных банковских счетов – файлы-удильщики, причем такие файлы могут затмевать работу целой банковской системы [2].

Наиболее примитивным способом хищения денежных средств с электронных носителей является использование систем наблюдения или средств подслушивания для выяснения PIN-кодов и номеров счетов. В этом случае идет простое прямое снятие денежных средств с банковских счетов или банковских карт.

Но, ни одно из преступлений подобного рода не происходит спонтанно. Как правило, происходит длительная и тщательная подготовка. Если преступники сторонние для данной организации они долгое время ищут пути доступа к счетам путем подкупа сотрудников или внедрения в систему доверенного лица. Если же злоумышленник «свой» он долго выбирает удобное время и подводит свое преступление под сложившиеся обстоятельства. Случается даже регистрация «липовых» фирм со схожим расчетным счетом и перечисление на нее денежных средств, якобы по технической ошибке.

Суть преступных действий заключается в контакте злоумышленника с компьютерной системой и вывод денежных активов на свой счет или счет фиктивной фирмы. Но тогда возникает вопрос в квалификации по составу: злоупотребление это доверием или банальное хищение?

Открытость вопроса состоит в том, что многие «взломщики» компьютерных систем делают это, что называется из любви к искусству, при этом просто демонстрируют слабость системы и не присваивают себе денежных средств. В этом случае целесообразно применять к ним ст.ст. 272-274 УК РФ. В случае же завладения информацией и при использовании в личных целях денежных средств со счетов организации или частного лица, деяние должно рассматриваться как преступление против собственности. Однако в юридических кругах продолжают споры относительно того кража это или мошенничество?

Есть две точки зрения на этот счет. Одна гласит, что обманные действия преступником в момент искажения информации не совершаются, т.к. он не вносит обманные сведения в компьютер, он их трансформирует в удобную для него форму. Можно, конечно, его действия расценить как обман, когда он приходит официально в банк для снятия наличных. Но и опять же он в этот момент предоставляет истинные данные о себе и о своем счете. Тогда стоит рассматривать его поведение как соблюдение тайны при совершении противоправных действий, а это признаки кражи.

Если даже рассматривать в качестве мошенничества предоставление подложных документов, то и этого здесь не происходит. При работе в компьютерной среде вообще документы не фигурируют, а при общении, например, с банковскими служащими фигурируют подлинные. А вот действия направленные на незаконное получение денежных средств сохраняются в тайне, и опять мы упираемся в признаки кражи.

В следственной практике встречаются случаи хищения денежных средств лицами, занимающими достаточно весомые должности в управлении кредитных организаций. Но в этом случае возникают несколько препятствий:

- первое, это то, что привлечение к ответственности может быть осуществлено только по инициативе организации, которой причинен значительный материальный ущерб;

- второе, что значительный материальный ущерб по отношению к банковским и кредитным организациям законодательно не оговорен.

Но в случае привлечения к ответственности такого должностного лица необходимо учитывать его ответственность и по статье злоупотребление должностными полномочиями.

Подведем итог всему вышеуказанному:

- преступления, совершаемые с помощью компьютерной техники весьма скрыты. Дистанционная возможность совершения таких преступлений предполагает их совершение без личного присутствия и на значительном удалении от места преступления. При этом территориальные границы государства тоже не имеют значения. Хакеры отдельных стран создают целые сообщества и координируя свою деятельность осуществляют достаточно эффективные атаки на различные компьютерные системы или сети.

- особенность слеодообразования и неустойчивость следов данного рода преступлений, разнообразность проявления преступности в данной сфере создает определенные и неоткладываемые условия подготовки специалистов по противодействию преступности в данной сфере. Однако подготовки специалистов по противодействию недостаточно. Необходимо вести четкую политику профилактики преступлений и правонарушений в данной сфере. Возможно, самым эффективным будет ужесточение уголовно-процессуального законодательства в отношении привлечения к ответственности «компьютерных гениев».

- необходима уголовно-правовая защита компьютерной информации, но несмотря на достаточную жесткость законодательства в этом вопросе, эффективного воздействия на хакеров не найдено, хотя их деяния одни из самых общественно опасных.

Не существует, на сегодняшний день, абсолютно эффективной системы защиты информации. Никакие аппаратно-технические средства не могут защитить ни одну компьютерную сеть. И для обеспечения безопасности должен быть комплексный правовой и технический подход для обеспечения информационной безопасности.

Библиография:

1. Атагимова Э.И., Рамазанова И.М. Некоторые аспекты законодательного уровня обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Правовая информатика. 2004. №2.
2. Мазуров В.А. Компьютерные преступления: классификация и способы противодействия: Учеб.-практ. пособие. - М.: Палеотип; Логос, 2002.
3. Панарин С. Безопасность и этническая миграция в Россию // Pro et Contra. - 1998. Т.3. №4.
4. Просвирнин Ю.Г. Актуальные проблемы государства и права в условиях информатизации общества // Правовая наука и реформа юридического образования. 2004. Вып.16.
5. Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994.
6. Юсупов Р.М. Научно-методологические основы информатизации. СПб.: Наука, 2000.

References:

1. Atagimova E.I., Ramazanova I.M. Some aspects of the legislative level of information security in the Russian Federation // Legal informatics. 2004. №2.
2. Mazurov V.A. Computer crimes: classification and methods of counteraction: Textbook-practice. handbook. - M.: Paleotype; Logos, 2002.
3. Panarin S. Security and ethnic migration to Russia // Pro et Contra. - 1998. Vol.3. No.4.
4. Prosvirnin Yu. G. Actual problems of state and law in the conditions of informatization of society // Legal science and the reform of legal education. 2004. Issue 16.
5. Stepashin S.V. Theoretical and legal aspects of ensuring the security of the Russian Federation: Abstract. diss. ... Dr. jurid. St. Petersburg, 1994.
6. Yusupov R.M. Scientific and methodological foundations of informatization. St. Petersburg: Nauka, 2000.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_34

УДК 16.346.32-053.6

ПАТРИОТИЗМ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМ ЕГО ВОСПИТАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ PATRIOTISM: THE ESSENCE, CONTENT AND LEGAL BASIS THE FORMS OF HIS UPBRINGING AMONG EMPLOYEES LAW ENFORCEMENT AGENCIES

ЖАРКОЙ Михаил Эмильевич,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Российского государственного гидрометеорологического университета,
кандидат исторических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: jarckoy@yandex.ru;

ЖИЛЬСКИЙ Вячеслав Николаевич,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
Лермонтовский пр., 44, г. Санкт-Петербург, 190103, Россия.
E-mail: zhilsky@mail.ru;

ZHARKOY Mikhail,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities
Russian State Hydrometeorological University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
Moskovsky Ave., 149, St. Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: jarckoy@yandex.ru;

ZHILINSKY Vyacheslav Nikolaevich,

postgraduate student at the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies.
44 Lermontovsky Ave., St. Petersburg, 190103, Russia.
E-mail: zhilsky@mail.ru

Краткая аннотация: Целью статьи является исследование комплекса взаимосвязанных вопросов нравственно-патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел России. Предварительно раскрыто общее представление о понятии «патриотизм» и кратко очерчено отношение общества и государства к патриотическому воспитанию в историческом аспекте. Обоснована актуальность патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел в современных условиях. Дана формулировка понятия «патриотическое воспитание сотрудника органов внутренних дел» и отмечены законодательно закрепленные особые требования к их личностным качествам. Раскрыты способы воспитательного воздействия на сотрудников органов внутренних дел и специфика воспитательного процесса в органах внутренних дел. Определены структура и основные принципы данного воспитательного процесса. Подчеркнута значимость правовых инструментов в области патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел.

Abstract: The purpose of the article is to study a complex of interrelated issues of moral and patriotic education of employees of the internal affairs bodies of Russia. The general idea of the concept of "patriotism" is preliminarily disclosed and the attitude of society and the state to patriotic education in the historical aspect is briefly outlined. The relevance of patriotic education of law enforcement officers in modern conditions is substantiated. The formulation of the concept of "patriotic education of an employee of the internal affairs bodies" is given and the legislatively fixed special requirements for their personal qualities are noted. The methods of educational influence on employees of the internal affairs bodies and the specifics of the educational process in the internal affairs bodies are revealed. The structure and basic principles of this educational process are defined. The importance of legal instruments in the field of patriotic education of employees of internal affairs bodies is emphasized.

Ключевые слова: патриотизм, органы внутренних дел, правовые основы, патриотическое воспитание, воспитательный процесс.

Keywords: patriotism, internal affairs bodies, legal foundations, patriotic education, patriotic education.

Для цитирования: Жаркой М.Э., Жильский В.Н. Патриотизм: сущность, содержание и правовые основы форм его воспитания у сотрудников правоохранительных органов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 34-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_34.

For citation: Zharkoy M.E., Zhilsky V.N. Patriotism: the essence, content and legal basis the forms of his upbringing among employees law enforcement agencies // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 34-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_34.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В научной и справочной литературе понятие патриотизма определяется практически идентично – согласно Большой Советской Энциклопедии – патриотизм это любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам¹. В.И. Даль называет патриотом любителя отечества, ревнителя о благе его, отчизнолюбя, отечественника или отчизника, а патриотизм называет любовью к отчизне². Большой словарь русского языка трактует патриотизм как преданность и любовь к своему отечеству, своему народу³. Ю.В. Алабутина понимает патриота как лицо, преданное своему народу, Родине⁴. В Кратком словаре современных понятий и терминов патриотизм трактуется как чувство

¹Большая Советская Энциклопедия. Т. 19. М., 1975. С. 833.

²Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 2010. С. 19.

³Большой словарь русского языка. М., Дрофа. 1988. С. 235.

⁴Алабутина Ю.В. Школьный толковый словарь русского языка. М., АСТ, 2013. С. 257.

любви и преданности к родине, отечеству, готовности к его защите от врагов¹. Как видим, дефиниция патриотизма в трактовке различных авторов практически идентична.

Мы полагаем, что патриотизм действительно предполагает чувство любви к своей Родине, к отечеству, готовность к его защите от врагов. Однако, содержание патриотизма во многом зависит от конкретно – исторических условий жизни общества², его социальной структуры, политики властвующей элиты³, целей и задач, стоящих перед социумом. Свое концентрированное выражение патриотизм находит в деятельной гражданской позиции – в любви и преданности своему отечеству, в создании и укреплении экономической и оборонной мощи⁴, суверенитета государства, в готовности защищать его от внутренних и внешних врагов. Патриотизм проявляется во всех областях общественной жизни: в повседневном труде, в борьбе за технический прогресс и инновационные методы развития, за совершенствование культурных достижений, научную организацию повседневной трудовой и оперативно – служебной деятельности. Кроме того, он проявляется в непримиримости к недостаткам, коррупции, противоправному и девиантному поведению⁵.

В настоящее время с возрастанием роли патриотизма в жизни российского общества западные идеологи прилагают все усилия для подмены патриотизма национализмом, стремясь привить населению национальный эгоизм и национальную вражду. Противодействием против подобной пропаганды является воспитание российских граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел, в духе патриотизма и интернационализма, преодоление коррозионности космополитизма 1990-х гг. в сознании и поведении людей.

Сказанное обуславливает актуальность предмета нашего исследования, в качестве которого выступает деятельность всех звеньев управленческой структуры органов внутренних дел и, прежде всего, аппаратов по работе с личным составом, по идейно – политическому, патриотическому и нравственному воспитанию сотрудников полиции.

Вопросам патриотического воспитания посвящено большое количество философских, исторических, юридических и психолого-педагогических исследований, в которых рассмотрены общетеоретические основания данного направления воспитательной работы. Следует отметить научные труды И.Г. Безуглова, В.А.Белевцева, Н.И. Болдырева, Н.К. Гончарова, С.Ф. Зыбина, Н.В. Ипполитова, В.И. Лутовинова, И.С. Марьенко, А.М. Сычева, М.А. Терентий и др. Изучению вопросов патриотического воспитания военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел посвящены работы А.В. Аникиева, Н.В. Ермоленко, А.А.Жилыева, В.И. Лесняка, Х.Х. Лойта, С.С. Пылева, А.С. Рыбчинчука, А.В. Стремоухова и др. Проблемы формирования патриотической культуры исследовались в работах В.К. Белолипецкого, М.В. Васильевой, А.Г. Игнатова, М.С. Кагана, А.В. Кирьяковой, О.Ю. Курганского, Мазур М.А., В.П. Сальникова, В.Д. Серых, В.Б. Спицнаделя, Л.А. Ушакова, А.Н. Филипченко и др. Тем не менее, при неоспоримой значимости проведенных исследований проблема формирования патриотической культуры у сотрудников органов внутренних дел именно в процессе их профессиональной деятельности остается на сегодняшний день малоизученной и поэтому диссертательной.

Формирование у сотрудников органов внутренних дел России научного мировоззрения, преданности служебному долгу и Присяге, любви к Отечеству должно составлять сердцевину всей идеологической и воспитательной работы в Министерстве внутренних дел страны. Не случайно в приказе МВД России от 20.12.2022 г. п. 10.56 предполагает непримиримую наступательную борьбу против враждебной и националистической идеологии. Опираясь на мобилизирующую силу идеологии возрождения России, на определенные успехи в строительстве правовой государственности и гражданского общества, аппараты по работе с личным составом сегодня призваны решительно разоблачать сущность враждебных взглядов и обеспечивать идейную и политическую закалку сотрудников правоохранительных органов.

Прежде всего в этой работе огромную роль играет воспитание сотрудников полиции в духе патриотизма. Именно любовь к Родине, чувство патриотизма призвано побуждать их к самоотверженной деятельности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Дело в том, что современный патриотизм это важный элемент сознательности и убежденности, проявляющийся в практической деятельности не только российских граждан, но и работников сферы обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности – сотрудников ОВД, Росгвардии⁶, таможенной службы и других правоохранительных структур. Можно утверждать, что любовь российского гражданина к Родине ни в коем случае неотделима от его преданности делу созидания российской государственности и обеспечения и укрепления ее суверенитета. Таким образом патриотизм не носит созерцательного характера, а выступает эффективной морально – политической силой современного российского общества и его политической системы.

Здесь необходимо отметить, что патриотизм сотрудников органов внутренних дел призван формироваться всем укладом жизни общества, неустанной деятельностью Правительства РФ по обеспечению социальной защищенности и стабильности жизни российского общества, что в современных условиях испытывает дефицит эффективности в связи с полномасштабной гибридной войной противников России и попытками подорвать ее экономический потенциал. Отрицательную роль играет и коррупция, поразившая своими метастазами все эшелоны государствен-

¹Краткий словарь современных понятий и терминов (общ. ред. В.А. Макаренко). М., Республика. 2000. С. 402.

²Шеншин В.М. Патриотизм - основа государственно-правовой идеологии, формируемой Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации. Мир политики и социологии 2019, № 11-12. С. 44-53.

³Уткин, Н. И. Рецензия на монографию "Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности" / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2022. - № 1(54). - С. 91-92. EDN: OGHXO

⁴Гужва, Е. Г. Гуманитарная образовательная среда как условие и фактор воспитания нравственной культуры у курсантов военных вузов / Е. Г. Гужва, Л. А. Шеншина // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития : сборник научных трудов. – Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2014. – С. 47-55. – EDN TUEVWD.

⁵Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.

⁶Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

ной власти и местного самоуправления, непримиримую борьбу с которой в условиях олигархического лоббирования проводит Президент РФ.

Важную роль играет и целенаправленная воспитательная работа руководителей территориальных ОВД и аппаратов ГУ МВД России по работе с личным составом, Положение о котором утверждено Приказом МВД России от 29.06. 2022 г. № 480¹. Именно они призваны реализовывать требования п. 10.56 Приказа МВД России от 20.12.2022 г. «Об утверждении Типового Положения о подразделениях по работе с личным составом территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне», согласно которому должны планировать и реализовывать комплекс мероприятий по патриотическому, профессиональному, правовому, нравственно-этическому и эстетическому воспитанию личного состава территориального органа МВД России, подчиненных органов и организаций².

В тоже время нормативные документы пока не определяют основные формы и методы работы по организации патриотического воспитания сотрудников. Полагаем, что в этих условиях может и должен быть востребован положительный опыт работы политических аппаратов органов внутренних дел предшествующего периода и, прежде всего, политорганов внутренних дел советского этапа развития правоохранительной системы.

Целью работы по патриотическому воспитанию сотрудников ОВД является развитие и укрепление у личного состава гордости за героическое прошлое эффективных результатов оперативно – служебной деятельности, формирование высоких качеств сознательного, активного и самоотверженного труда по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, готовности незамедлительного выступления, вне зависимости от исполнения конкретных служебных обязанностей, на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности³.

Как показывают проведенные исследования, при воспитании гордости за страну приоритетными выступают следующие детерминанты: уважение к традициям, культуре, языку; добросовестное исполнение служебного долга; самопожертвование и готовность защищать Родину; любовь к России, родным местам; укрепление государственности; неприятие всего, что вредит России; уважение к гражданам; интерес к истории страны; отстаивание национальных интересов; понимание задач, стоящих перед государством и своего участия в их решении⁴.

Очевидно, что структура патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел включает в себя:

- патриотическое убеждение. Это первоначальные знания о своей Родине, своей истории, которые человек получает в семье, а также в младшей школе.

- патриотическое осознание. Этап, когда личность пытается осознать полученные знания, и выразить свое отношение. Главная задача этого этапа – научить человека думать, давать оценку происходящим событиям, как прошлого, так и настоящего.

- патриотическая деятельность. На этом этапе человек осознает свою сопричастность к судьбе страны, и готовность поступать в соответствии с нормами и правилами, принятыми в обществе.

Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что основными направлениями деятельности по патриотическому воспитанию сотрудников ОВД являются: пропаганда идей патриотизма и защиты общества, разъяснение сущности российской политической системы, преимуществ российской модели демократизма, воспитание личного состава на героических традициях советских органов охраны правопорядка⁵, формирование непримиримости к националистической пропаганде. В связи с изложенным нельзя не остановиться на проблеме, связанной с формированием у сотрудников ОВД чувства непримиримого отрицания национализма. Этому должно способствовать разъяснение агрессивной политики внешнеполитического курса США, других недружественных государств и примкнувших к ним отдельных международных организаций. Позиция последних отрицательно сказывается на борьбе со всеми сегментами транснациональной преступности.

Эффективность работы в борьбе с националистической идеологией во многом зависит от понимания руководителями ОВД особенностей современной международной обстановки⁶, основных методов и форм противодействия враждебной пропаганде. В широком смысле слова содержание контрпропаганды составляют два взаимосвязанных и в тоже время самостоятельных направления. Первое заключается в настойчивой пропаганде достижений России. Второе же состоит в аргументированном разоблачении измышлений западных идеологов и, прежде всего, ЦИПСО Украины, что требует широкого наступления в печатных и электронных СМИ, а также целенаправленную работу в мессенджерах, социальных сетях, интернете и даркнете.

В патриотическом воспитании сотрудников российской полиции должны широко использоваться многообразные формы и методы не только идеологической, но и организаторской работы. С момента приема на службу в ОВД должны изучаться темы, связанные с правовым регулированием деятельности полиции, основными принципами и направлениями ее деятельности, обязанностями и правами полиции, применением отдельных мер государственного принуждения⁷ и т.д. Кроме того, считаем, что воспитание личного состава в духе патриотизма тесно связано

¹<https://base.garant.ru/405175159/> (дата обращения 27.09.2024)

²<https://xn--80anwj.xn--j1adp.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/36168950> (дата обращения 27.09.2024).

³ Собр. зак-ва РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁴ Лесняк В.И. Патриотическое воспитание в правоохранительных органах: состояние и факторы влияния // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 2. С. 132 – 133.

⁵ Шеншин, В. М. Войска НКВД во время битвы на Курской дуге / В. М. Шеншин, Е. Ю. Рындя // Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 февраля 2015 года / Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 142-145. – EDN TPVKOZ.

⁶ Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.

⁷ Шеншин, В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 2(271). – С. 77-84. – EDN KHMRT.

с формированием и укреплением у сотрудников чувства ответственности за выполнение оперативно – служебных задач, гордости за свою принадлежность к российским органам охраны правопорядка. Не следует упускать из виду и вопросы укрепления боевого содружества в борьбе с преступностью с правоохранительными структурами стран СНГ, государств, входящих в ЕАЭС¹ и ОДКБ². Наконец, сегодняшняя ситуация требует от сотрудников органов внутренних дел глубоких знаний в области особенностей менталитета личного состава ОВД и граждан территорий, вошедших в состав Российской Федерации, что должно учитываться в организации и проведении оперативно – розыскной деятельности.

В работе по патриотическому воспитанию очень много значит личный пример руководителя территориального органа внутренних дел. Его высокая принципиальность, творческий подход к организации оперативно- служебной деятельности, профессиональная правовая культура, непримиримое отношение к недостаткам и педагогический такт исключительно благотворно воздействуют на формирование нравственного облика сотрудников и выработку у них активной жизненной позиции.

Важную роль в патриотическом воспитании играют ритуалы органов внутренних дел, которые всегда содействовали укреплению и развитию сознательной дисциплины, патриотическому воспитанию сотрудников, высокообразованного чувства ответственности и долга. Главное в ритуале – осознание долга и ответственности перед своим народом, коллективом и всем обществом. В каждом новом ритуале отражаются чувства, испытываемые к своей Родине. Участвуя в ритуале, сотрудник получает непосредственную профессиональную ориентацию.

Сегодня задачи патриотического воспитания нельзя решать шаблонными, маловыразительными приемами и средствами. Патриотическое воспитание требует новаторства, творческого подхода, всестороннего учета особенностей лиц, принимаемых на службу в органы внутренних дел. В настоящий момент при организации воспитательной работы необходимо учитывать ряд качественных сегментов личного состава правоохранительных органов: возраст, административно – правовой статус (военнослужащий, сотрудник полиции), уровень образования, социальный опыт, гендерные характеристики, специфика предполагаемых функциональных задач, психологическая готовность и пр.³ Это, в свою очередь, требует высокой ответственности вузов системы правоохранительных органов при отборе, обучении и воспитании личного состава.

Таким образом, идейно – политическое, патриотическое, нравственное и правовое воспитание сотрудников ОВД составляет базисные основы их успехов в оперативно – служебной деятельности и эффективности в работе по предупреждению, профилактике и раскрытию противоправных проявлений, которые, в свою очередь, зависят от активности руководителей, аппаратов по работе с личным составом, личного примера в единстве слов, поступков и дел.

Следует признать, что в целом воспитательная работа в органах внутренних дел –целенаправленная деятельность руководителей всех рангов, сотрудников кадровых и воспитательных аппаратов, общественных институтов по формированию у личного состава высоких гражданских, морально психологических и профессиональных качеств, мобилизации его на успешное выполнение оперативно-служебных задач, укрепление законности и служебной дисциплины.

Таким образом, патриотическое воспитание сотрудников ОВД, являясь неотъемлемой частью системы воспитательной работы в подразделениях, основано на взаимосвязанной деятельности субъектов воспитания и направлено на формирование у сотрудников любви к своей Родине, патриотических знаний и убеждений, потребности защищать и охранять общественный порядок, обеспечивать общественную безопасность в стране.

Прогнозируемым результатом всей системы воспитательной работы по патриотической ориентации личного состава выступает духовный и культурный подъем, укрепление российской государственности и достижение политической, социальной и экономической стабильности. Во многом такой подход будет определять будущее отечественной правоохранительной системы.

Библиография:

1. Алабутина Ю.В. Школьный толковый словарь русского языка. М., АСТ, 2013. С. 257.
2. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.
3. Гужва, Е. Г. Гуманитарная образовательная среда как условие и фактор воспитания нравственной культуры у курсантов военных вузов / Е. Г. Гужва, Л. А. Шеншина // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития : сборник научных трудов. – Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2014. – С. 47-55. – EDN TUEVVD.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 2010. С. 19.
5. Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.
6. Краткий словарь современных понятий и терминов (общ. ред. В.А. Макаренко). М., Республика. 2000. С. 402.
7. Лесняк В.И. Патриотическое воспитание в правоохранительных органах: состояние и факторы влияния //Вестник ЮУрГУ. 2006. № 2. С. 132 – 133.

¹ Назарова, И. С. Правовое регулирование перемещения охотничьего оружия и патронов к нему в рамках таможенной территории ЕАЭС / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 11(227). – С. 120-124. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_120. – EDN GGLWBZ.

² Шеншин, В. М. О взаимодействии Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с Организацией Договора о коллективной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 111-115. – EDN BRILIM; Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF.

³ Шеншина, Л. А. О некоторых особенностях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя, в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации / Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 36-43. – EDN BDCFSX; Шеншина, Л. А. Социальные гарантии курсантов ВУЗов системы МЧС России из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 10(303). – С. 60-64. – EDN DMJTXR.

8. Назарова, И. С. Правовое регулирование перемещения охотничьего оружия и патронов к нему в рамках таможенной территории ЕАЭС / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 11(227). – С. 120-124. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_120. – EDN GGLWBZ.
9. Уткин, Н. И. Рецензия на монографию "Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности" / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2022. – № 1(54). – С. 91-92. EDN: OGHXR0
10. Шеншин В.М. Патриотизм - основа государственно-правовой идеологии, формируемой Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации. *Мир политики и социологии* 2019, № 11-12. С. 44-53.
11. Шеншин, В. М. Войска НКВД во время битвы на Курской дуге / В. М. Шеншин, Е. Ю. Рындя // *Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 февраля 2015 года / Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 142-145. – EDN TPVKOZ.*
12. Шеншин, В. М. О взаимодействии Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с Организацией Договора о коллективной безопасности / В. М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2024. – № 10(327). – С. 111-115. – EDN BRILIM; Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF.
13. Шеншин, В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2020. – № 2(271). – С. 77-84. – EDN KHQMRT.
14. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
15. Шеншина, Л. А. О некоторых особенностях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя, в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации / Л. А. Шеншина // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2022. – № 9(302). – С. 36-43. – EDN BDCFSX.
16. Шеншина, Л. А. Социальные гарантии курсантов ВУЗов системы МЧС России из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Л. А. Шеншина // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2022. – № 10(303). – С. 60-64. – EDN DMJTXR.

References:

1. Alabutina Yu.V. School explanatory dictionary of the Russian language. M., AST, 2013. p. 257.
2. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with institutions of society : specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education" : dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences Sciences / Lyudmila Alexandrovna Vinichenko. – Belgorod, 2009. – 231 p. – EDN QEIOBL.
3. Guzhva, E. G. Humanitarian educational environment as a condition and factor of moral culture education among cadets of military universities / E. G. Guzhva, L. A. Shenshina // *Humanities in modern education: problems, solutions, development prospects : collection of scientific papers*. – Moscow : Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 2014. – pp. 47-55. – EDN TUEVWD.
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. II. M., 2010. p. 19.
5. Kogut, V. G. The main trends in the development of the military-political situation around the Union State of Belarus and Russia in the context of its impact on the state of national security in the military sphere / V. G. Kogut, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // *Law in the Armed Forces - Military-legal review*. – 2024. – № 5(322). – Pp. 83-88. – EDN XDNFEC.
6. A short dictionary of modern concepts and terms (general ed. by V.A. Makarenko). M., Republic. 2000. p. 402.
7. Lesnyak V.I. Patriotic education in law enforcement agencies: the state and factors of influence // *Bulletin of SUSU*. 2006. No. 2. pp. 132 – 133.
8. Nazarova, I. S. Legal regulation of the movement of hunting weapons and ammunition within the customs territory of the EAEU / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // *Agrarian and land law*. – 2023. – № 11(227). – Pp. 120-124. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_120. – EDN GGLWBZ.
9. Utkin, N. I. Review of the monograph "Asphatronics: on the way to the theory of global security" / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // *Pravo. Safety. Emergency situations*. – 2022. – № 1(54). – Pp. 91-92. EDN: OGHXR0
10. Shenshin V.M. Patriotism is the basis of the state-legal ideology formed by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation. *The World of Politics and Sociology* 2019, No. 11-12. pp. 44-53.
11. Shenshin, V. M. NKVD troops during the Battle of Kursk / V. M. Shenshin, E. Y. Ryndya // *Participation of NKVD troops in the Great Patriotic War (to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War) : collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, February 18-19, 2015 / St. Petersburg Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume Part 2. – St. Petersburg: St. Petersburg Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. – pp. 142-145. – EDN TPVKOZ.*
12. Shenshin, V. M. On the interaction of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation with the Collective Security Treaty Organization / V. M. Shenshin // *Law in the Armed Forces - Military-Legal Review*. – 2024. – № 10(327). – Pp. 111-115. – EDN BRILIM; Shenshin, V. M. The activities of the CSTO for the prevention and liquidation of emergency situations / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // *Law in the Armed Forces - Military-legal review*. – 2023. – № 12(317). – Pp. 98-103. – EDN WXEJOF.
13. Shenshin, V. M. Features of the implementation of the function of state coercion in the form of detention in the implementation of administrative and jurisdictional activities by Rosgvardiya / V. M. Shenshin // *Law in the Armed Forces - Military Legal Review*. – 2020. – № 2(271). – Pp. 77-84. – EDN KHQMRT.
14. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. – Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 202 p. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
15. Shenshina, L. A. On some features of social support for orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care, persons who lost both parents or a single parent during their studies in the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation / L. A. Shenshina // *Law in the Armed Forces - Military Legal Review*. – 2022. – № 9(302). – Pp. 36-43. – EDN BDCFSX.
16. Shenshina, L. A. Social guarantees for cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia from the category of orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care / L. A. Shenshina // *Law in the Armed Forces - Military-legal review*. – 2022. – № 10(303). – Pp. 60-64. – EDN DMJTXR.

О РОЛИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

On the role of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of migration policy in carrying out tasks to protect public order and ensure public safety

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: В представленном исследовании автор обращается к особенностям взаимодействия войск национальной гвардии с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Указывается, что полномочия должностных лиц определяются совместными нормативными правовыми актами уполномоченного федерального органа исполнительной власти и федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Обращается внимание на отсутствие таких актов. По итогам проведенного анализа предлагаются поправки в законодательство в сфере лишения российского гражданства, а также оборота оружия.

Abstract: In the presented study, the author refers to the specifics of the interaction of the National Guard troops with the federal executive authority responsible for the development and implementation of state policy and regulatory regulation in the field of migration, its territorial bodies (divisions) when performing tasks to protect public order and ensure public safety. It is indicated that the powers of officials are determined by joint regulatory legal acts of the authorized federal executive authority and the federal executive authority in the field of internal affairs. Attention is drawn to the absence of such acts. Based on the results of the analysis, amendments are proposed to legislation in the field of deprivation of Russian citizenship, as well as arms trafficking.

Ключевые слова: взаимодействие, миграционная политика, Росгвардия, войска национальной гвардии, МВД России, правопорядок, государственная безопасность, национальная безопасность, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, гражданство.

Keywords: взаимодействие, миграционная политика, Росгвардия, войска национальной гвардии, МВД России, правопорядок, государственная безопасность, национальная безопасность, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, гражданство.

Для цитирования: Шеншин В.М. О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 39-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_39.

For citation: Shenshin V.M. On the role of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of migration policy in carrying out tasks to protect public order and ensure public safety // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 39-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_39.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В условиях реформирования правоохранительной системы Российской Федерации произошли важные изменения законодательства¹, регулирующего вопросы миграционной политики, лишения российского гражданства и оборота оружия. Не обошел стороной этот процесс и Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации².

Так, в части 4 статьи 9 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» определяется **порядок** (выделено нами – **В.Ш.**) организации взаимодействия войск национальной гвардии с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, регламентируется, что полномочия должностных лиц определяются совместными нормативными правовыми актами уполномоченного федерального органа исполнительной власти и федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. В рассматриваемом предписании речь идет о совместных нормативных правовых актах уполномоченного федерального органа исполнительной

¹ Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) (Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н.) («Юстицинформ», 2016).

² Григонис, В. П. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 3(308). – С. 58-67. – EDN NVGWUA.

власти и федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. В то время как на практике они не приняты.

Обратим внимание, что в приказе Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 7 ноября 2019 г. № 373 «Об утверждении Регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» порядок организации взаимодействия войск национальной гвардии с федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции не определен. В указанном контексте кроется один из недостатков правового регулирования миграционной политики.

В практической плоскости мы можем наблюдать положительные примеры взаимодействия Росгвардии и МВД России, когда спецназ Росгвардии задерживает нарушителей миграционного законодательства в ДНР. Мероприятия проходили во взаимодействии с сотрудниками военной контрразведки и МВД России. В результате проверки за нарушение правил въезда либо режима пребывания в Российской Федерации правонарушители привлечены к административному наказанию – административное выдворение за пределы Российской Федерации.

В ДНР силами Росгвардии задержано более 100 мигрантов, нелегально находящихся на территории Российской Федерации, около половины из них выдворены из страны за нарушение законодательства¹.

Благодаря совместным действиям УФСБ России по ДНР, МВД по ДНР и Росгвардии в Мариуполе и Тельмановском районе выявлены иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации без законных оснований. В связи с этим семеро из них привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ – выдворение за пределы Российской Федерации.

Эти и иные случаи служат наглядными примерами такого взаимодействия.

В ходе выступлений в мае 2024 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации И.О. МВД России В. Колокольцев отметил: «В рамках миграционной реформы, которая сейчас нами разрабатывается, нам нельзя впадать в крайность – нельзя допустить роста ксенофобии и необоснованного применения мер воздействия к этим гражданам. Что касается совершения иностранными гражданами-мигрантами правонарушений и преступлений, я могу в количественном отношении сказать – эта цифра не столь высокая. Иностранцами гражданами у нас в стране в общем массиве преступлений совершается всего 4 %».

Накануне В. Колокольцевым продекларировано то, что:

во-первых, сотрудникам правоохранительных органов поручено своевременно обрабатывать сигналы граждан и СМИ о возможных экстремистских проявлениях и деятельности, исходящей со стороны мигрантов;

во-вторых, усилится борьба с поддельными языковыми сертификатами и с лицами, уклоняющимся от прохождения дактилоскопической регистрации и фотографирования;

и, наконец, особый акцент будет сделан на рабочую группу в центральном аппарате министерства, которая должна незамедлительно реагировать на резонансные правонарушения с участием мигрантов².

Ранее Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов сообщил, что в 2023 году наблюдался резкий рост преступности среди мигрантов – число совершенных ими в России преступлений выросло на 75 %, до 21,8 тыс. В 2022 году только российские суды вынесли приговоры 22,3 тыс. иностранцев. При этом в лидерах по приросту осужденных – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, и убийства. Из числа осужденных мигрантов большинство выходцы из стран СНГ. В 2023 году были осуждены 20,5 тыс. граждан СНГ, 918 иностранных граждан и 946 лиц без гражданства. Показатель по гражданам СНГ стал самым высоким за последние три года: в 2021 году по обвинению в уголовных преступлениях в первой инстанции были осуждены 17,5 тыс. граждан стран содружества, в 2020 году – 14,5 тыс.³

Председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин сообщил, что за 2022 год было возбуждено 4231 уголовное дело на основании сообщений о преступлениях, совершенных иностранными гражданами. Относительно 2021 года количество уголовных дел увеличилось в три раза.

«Сейчас наблюдается рост преступлений, совершенных иностранными гражданами. Особую тревогу вызывает статистика по тяжким и особо тяжким преступлениям. В 2021 году возбуждено 893 уголовных дела о таких преступлениях, как убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. Это в пять раз больше, чем в 2021 году».

По словам А. Бастрыкина, «среди нелегальных мигрантов получают распространение экстремистские настроения». Зачастую жертвами мигрантов становятся пожилые и беззащитные граждане, уточнил глава СКР. Он также отметил, что зафиксирован рост числа уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности.

«С участием мигрантов нередко происходят массовые драки, вызывающие широкий резонанс. Большинство подобных преступных деяний совершают приезжие из центральноазиатских стран СНГ»⁴.

Оценивая количество совершенных за 2022 год мигрантами преступлений в Институте демографических исследований РАН отметили, что их количество не превышает 2 % преступлений от всех зарегистрированных преступлений. В большинстве случаев правонарушители – мужчины, а их преступления не выходят за пределы мигрантских сообществ.

«Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, составило в целом по России 40,15 тыс. (2,04 % от общей численности зарегистрированных преступлений), в том числе в Москве – 7,68 тыс. и в Московской области – 5,52 тыс.»⁵.

¹ rosguard.gov.ru

² <https://www.interfax.ru/russia/960392>

³ <https://www.kommersant.ru/doc/6594782?ysclid=lwz8ym7ydk383742841>

⁴ <https://news.mail.ru/incident/55767781/?frommail=1>

⁵ <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100?ysclid=lwz981zwws754858616>

Обратимся к законодательному регулированию. Так, Законопроектом № 400134-8 предлагается в часть 1 статьи 24 Федерального закона от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» внести изменения, в соответствии с которыми слова «частями третьей - пятой статьи 131» заменить словами «статьями 105, 111, 112, 117, 131 – 133», что с нашей точки зрения является логичным и своевременным.

Законопроектом предлагается расширить перечень преступлений, совершение которых влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации. Наряду с преступлениями террористической направленности, преступления против государства предлагается включить преступления против жизни и здоровья, а также преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Так, за последнее время в Российской Федерации участились случаи совершения преступлений приезжими из стран бывшего СССР и получившими гражданство Российской Федерации.

Согласно опубликованной на сайте МВД России статистике показателей миграционной ситуации за 2022 год российское гражданство получили более 691 тысячи иностранных граждан, большую часть из которых составляют жители Таджикистана (173 634 чел.), граждане Армении (45 тыс.), Казахстана (42 тыс.), Киргизии (23,4 тыс.), Узбекистана (27 тыс.), Азербайджана (23,6 тыс.), Молдавии (15 тыс.), Белоруссии (15,1 тыс.) и Туркменистана (3,4 тыс.).

За январь – март 2023 года российское гражданство в первом квартале 2023 года получили более 106 тысяч иностранных граждан, большую часть из которых составляют жители Таджикистана (44,8 тысяч граждан). На втором месте в рейтинге по количеству принятых в гражданство Российской Федерации находятся уроженцы Украины (22 тыс.). За указанный период года российское гражданство также получили граждане Армении (8,9 тыс.), Казахстана (6,9 тыс.), Киргизии (5,4 тыс.), Узбекистана (4,6 тыс.), Азербайджана (3,7 тыс.), Молдавии (3 тыс.), Белоруссии (2,3 тыс.) и Туркменистана (912 чел.).

В ряде регионов России совершаются преступления, вызывающие большой общественный резонанс по всей России, лицами, которые недавно получили гражданство Российской Федерации.

Так, 2 июля 2023 года в Самаре произошло резонансное преступление – убийство, в ходе которого 21-летний подозреваемый, получивший гражданство Российской Федерации в 2022 году (ранее гражданин Таджикистана), встретился с жительницей Самары Екатериной К. под видом покупателя принадлежащего ей автомобиля. После чего перерезал девушке горло в ее машине, выбросил жертву на дорогу и скрылся с места преступления на машине. Подобные примеры являются далеко не единичными.

По данным официальной статистики, продолжается увеличение количества совершенных мигрантами преступлений. В 2022 году число совершенных такими лицами тяжких и особо тяжких преступлений увеличилось с 11 тысяч до почти 15 тысяч деяний, или на 37 %, среди них убийств – на 18 %.

В этой связи в Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» вносятся изменения, расширяющие перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации, совершение преступлений по которым влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации (статья 105 «Убийство», статья 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», статья 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», статья 117 «Истязание», а также преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности).

На основании пункта 16 части 1 статьи 9 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ войска национальной гвардии наделены полномочиями по контролю оборота гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранность и техническое состояние боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также соблюдение гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия¹.

Законопроектом № 601873-8 в Федеральном законе от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» предлагается: 1) пункт 9 статьи 10 признать утратившим силу; 2) часть первую статьи 14 признать утратившей силу².

При этом, действие настоящего Федерального закона не распространяется на правоотношения, возникающие при обороте оборота оружия, не зарегистрированного в соответствии с законодательством Российской Федерации и находящегося в собственности граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, иностранных граждан и лиц без гражданства, законно находящихся на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, в соответствии с Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 207-ФЗ «Об особенностях правового регулирования в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а также о мерах по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации».

Указанные изменения, предусматривают установление запрета на приобретение оружия иностранными гражданами.

Вопросы предупреждения и предотвращения правонарушений в области оборота оружия со стороны лиц иностранных граждан, въезжающих на территорию Российской Федерации, имеют в настоящий момент чрезвычайную актуальность и исключительное общественное значение.

¹ Фаисханов, Р. Р. Организационно-правовые основы разрешительной деятельности Росгвардии в области оборота гражданского оружия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фаисханов Ринат Рифатович, 2023. – 194 с. – EDN TYWPRB.

² С текстом законопроекта № 601873-8 "О внесении изменений в статьи 10 и 14 Федерального закона "Об оружии" (в части установления запрета на приобретение оружия иностранными гражданами)" и материалами к нему можно ознакомиться на официальном сайте Госдумы.² С текстом законопроекта № 601877-8 "О внесении изменения в статью 13 Федерального закона "Об оружии" (в части установления требования о воинском учете для приобретения оружия)" и материалами к нему можно ознакомиться на официальном сайте Госдумы.

Количество случаев с использованием оружия среди иностранных граждан по-прежнему остается высоким.

Согласно официальной статистике МВД России наблюдается сохранение из года в год преступлений с использованием оружия:

Статистические сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства с применением огнестрельного оружия в целом по России

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
	1	2	3	4	5
Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, по которым материалы и уголовные дела направлены в суд либо разрешены в отчетном периоде	53	40	40	42	37

Вместе с тем, в соответствии с положениями Федерального закона № 150-ФЗ право на приобретение оружия на территории Российской Федерации наряду с гражданами Российской Федерации имеют и иностранные граждане.

Кроме того в соответствии со статьей 14 Федерального закона № 150-ФЗ иностранным гражданам предоставлено право приобретать гражданское оружие на территории Российской Федерации, а также право ввозить в Российскую Федерацию и вывозить из Российской Федерации гражданское оружие. Согласно части первой статьи 14 иностранные граждане могут приобретать на территории Российской Федерации гражданское оружие по лицензиям, выданным органами внутренних дел на основании ходатайств дипломатических представительств иностранных государств в Российской Федерации, гражданами которых они являются, при условии вывоза ими оружия из Российской Федерации не позднее десяти дней со дня приобретения оружия.

Вместе с тем часть четвертая статьи 14 Федерального закона № 150-ФЗ устанавливает запрет на ввоз в Российскую Федерацию и использование на территории Российской Федерации всех видов, типов и моделей оружия иностранными гражданами в целях обеспечения личной безопасности, защиты жизни и здоровья других граждан, их собственности, сопровождения грузов и в иных целях, кроме спорта и охоты, если это не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

Следует учитывать, что в отношении иностранных граждан вне зависимости от их миграционного статуса (временное пребывание, временное проживание, постоянное проживание на территории Российской Федерации) не могут быть собраны полные и достоверные сведения, свидетельствующие об их соответствии требованиям, которые установлены статьей 13 Федерального закона 150-ФЗ для граждан Российской Федерации и направлены на обеспечение надлежащих условий использования огнестрельного оружия, а также возникающие в связи с этим риски.

Соответственно, исключение из статьи 14 Федерального закона № 150-ФЗ положения о праве иностранных граждан приобретать на территории Российской Федерации гражданское оружие по лицензиям, выданным федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, на основании ходатайств дипломатических представительств иностранных государств в Российской Федерации, гражданами которых они являются, при условии вывоза ими оружия из Российской Федерации не позднее десяти дней со дня приобретения оружия, вполне обоснованно.

Следует отметить, что оружие представляет собой источник повышенной опасности, как техническое средство, конструктивно предназначенное для поражения живой цели. Таким образом, для сохранения жизни и здоровья граждан необходимо усилить правовой режим оборота оружия.

Повышение контроля в сфере оборота оружия и ограничения доступа к огнестрельному оружию лиц, чьи действия могут образовывать угрозу общественной безопасности, и, как следствие, создавать опасность для жизни и здоровья граждан, послужит запретом иностранным гражданам приобретать оружие и осуществлять ввоз в Российскую Федерацию оружия.

В отношении иностранных граждан независимо от их миграционного статуса (временное пребывание, временное проживание, постоянное проживание на территории России) невозможно собрать полные и достоверные сведения в целях установления их соответствия требованиям, предъявляемым к лицам, имеющим право на приобретение оружия. А именно эти требования направлены на обеспечение надлежащих условий использования оружия и оценку возможных рисков.

Таким образом, иностранных граждан планируется исключить из числа субъектов, имеющих право на приобретение оружия.

Изменения помогут повысить эффективность контроля в сфере оборота оружия. А главное – ограничить доступ к огнестрельному оружию лиц, чьи действия могут представлять угрозу общественной безопасности или создавать опасность для жизни и здоровья граждан.

Распоряжением Правительства РФ от 16.01.2024 № 30-р «О плане мероприятий по реализации в 2024 - 2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» предусмотрено создание цифрового профиля иностранного гражданина, проведение государственной геномной регистрации и записи голоса иностранных граждан, введение обязательного консульского учета граждан Российской Федерации, проживающих за рубежом: утвержден план мероприятий по реализации в 2024 - 2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы

План включает в себя в числе прочего:

расширение перечня государств, гражданам которых доступно оформление единой электронной визы; апробацию сбора биометрических данных иностранных граждан в пунктах пропуска через государственную границу РФ аэропортов московского транспортного авиаузла; выдачу карты иностранного гражданина в МФЦ; распространение информационных материалов для иностранных граждан о правилах и нормах поведения в российском обществе; развитие механизма распространения русского языка и русской культуры на территориях государств, граж-

дане которых имеют право въезда в РФ в порядке, не требующем получения визы, в целях осуществления трудовой деятельности; предоставление иностранным гражданам, получившим образование в российских образовательных организациях, права на получение вида на жительство в упрощенном порядке; реализацию комплекса мероприятий по замораживанию активов иностранных граждан, причастных к террористической деятельности.

Акцентируем внимание, что в целях выполнения войсками национальной гвардии задач, указанных в пунктах 7 и 8 части 1 статьи 2 Федерального закона № 226-ФЗ, а также для формирования и ведения банков данных, указанных в статье 14 указанного акта, уполномоченным федеральным органом исполнительной власти могут создаваться, развиваться и эксплуатироваться государственные информационные системы в сфере оборота оружия (далее - государственные информационные системы).

Так Федеральным законом от 22 апреля 2024 г. № 82-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Росгвардия наделена полномочиями по созданию, развитию и эксплуатации ГИС в сфере оборот оружия¹.

К сведениям, предоставляемым в государственные информационные системы, относятся сведения о физических лицах, об индивидуальных предпринимателях и о законных представителях указанных лиц, иные сведения.

Поэтому появление ГИС – позволит не только упростить взаимодействие Росгвардии с гражданами, но и повысить контроль за оборотом оружия иностранными гражданами.

Библиография:

1. <https://news.mail.ru/incident/55767781/?frommail=1>
2. <https://www.interfax.ru/russia/960392>
3. <https://www.kommersant.ru/doc/6594782?ysclid=lwz8ym7ydk383742841>
4. <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100?ysclid=lwz981zwws754858616>
5. rosguard.gov.ru
6. Григонис, В. П. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 3(308). – С. 58-67. – EDN NVGWUA.
7. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) (Салников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н.) («Юстицинформ», 2016).
8. Назарова, И. С. О некоторых тенденциях развития законодательства в области оборота оружия / И. С. Назарова // Военное право. – 2022. – № 2(72). – С. 120-128. – EDN JYRTXQ.
9. Фаисханов, Р. Р. Организационно-правовые основы разрешительной деятельности Росгвардии в области оборота гражданского оружия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фаисханов Ринат Рифатович, 2023. – 194 с. – EDN TYWPRB.

References:

1. <https://news.mail.ru/incident/55767781/?frommail=1>
2. <https://www.interfax.ru/russia/960392>
3. <https://www.kommersant.ru/doc/6594782?ysclid=lwz8ym7ydk383742841>
4. <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100?ysclid=lwz981zwws754858616>
5. rosguard.gov.ru
6. Grigonis, V. P. Troops of the National Guard as an element of the mechanism of the Russian state in ensuring national security in modern conditions / V. P. Grigonis, N. V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 3(308). – Pp. 58-67. – EDN NVGWUA.
7. Commentary to Federal Law No. 226-FZ dated 07/03/2016 "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation" (article by article) (Salnikov V.P., Borisov O.S., Kondrat E.N.) (Justicinform, 2016).
8. Nazarova, I. S. On some trends in the development of legislation in the field of arms trafficking / I. S. Nazarova // Military law. – 2022. – № 2(72). – Pp. 120-128. – EDN JYRTXQ.
9. Faishanov, R. R. Organizational and legal foundations of the permissive activity of the Rosgvardiya in the field of civilian arms trafficking: dissertation for the degree of Candidate of Law / Faishanov Rinat Rifatovich, 2023. – 194 p. – EDN TYWPRB.

¹ Назарова, И. С. О некоторых тенденциях развития законодательства в области оборота оружия / И. С. Назарова // Военное право. – 2022. – № 2(72). – С. 120-128. – EDN JYRTXQ.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_44

УДК 342.738

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR LEGAL PROTECTION OF PERSONAL INFORMATION

БАБАЕВ Ибрахим Фаиг оглы,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
Лермонтовский пр., 44, г. Санкт-Петербург, 190103, Россия.
E-mail: elenvoskr@mail.ru;

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Елена Владимировна,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, 4.
E-mail: elenvoskr@mail.ru;

ЧЕРНЫХ Антонина Борисовна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры конституционного и международного права
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
Лермонтовский пр., 44, г. Санкт-Петербург, 190103, Россия.
E-mail: elenvoskr@mail.ru;

Babaev Ibrahim Faig ogly,

postgraduate student of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.
44 Lermontovsky Ave., St. Petersburg, 190103, Russia.
E-mail: elenvoskr@mail.ru;

Voskresenskaya Elena Vladimirovna,

Doctor of Law, Associate Professor Professor of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
4, 2nd Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, 190005, Russia.
E-mail: elenvoskr@mail.ru;

Chernykh Antonina Borisovna,

Ph.D., Associate Professor Associate Professor, Department of Constitutional and International Law,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.
44 Lermontovsky Ave., St. Petersburg, 190103, Russia.
E-mail: elenvoskr@mail.ru

Краткая аннотация: В статье кратко излагаются результаты историко-правового анализа сути и смысла правового института защиты конфиденциальной личной информации физического лица как носителя и создателя этой информации о себе. В историческом контексте анализируются источники писаного права Европейских стран и США. Производится общий социально-философский анализ становления правового института защиты личной конфиденциальной информации о физическом лице в мире.

Abstract: The article briefly outlines the results of a historical and legal analysis of the essence and meaning of the legal institution of protecting confidential personal information of an individual as the carrier and creator of this information about himself. The sources of written law in European countries and the United States are analyzed in a historical context. A general socio-philosophical analysis of the formation of the legal institution for the protection of personal confidential information about an individual in the world is carried out.

Ключевые слова: конфиденциальная информация, личная информация, идентифицирующая информация, личные данные, защита личных данных, неприкосновенность частной жизни

Keywords: confidential information, personal information, identifying information, personal data, personal data protection, privacy

Для цитирования: Бабаев И.Ф. оглы, Воскресенская Е.В., Черных А.Б. История становления и развития института правовой защиты личной информации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 44-48. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_44.

For citation: Babaev I.F. ogly, Voskresenskaya E.V., Chernykh A.B. History of formation and development of the Institute for legal protection of personal information // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 44-48. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_44.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Если предметно исследовать историю становления института защиты конфиденциальной информации, то в первую очередь следует определиться с самим понятием личной конфиденциальной информации, с содержанием термина, который обозначает интересующее нас понятие. Авторы останавливаются на следующем понятийном содержании:

Личная информация – это такие данные о субъекте права, которые помогают идентифицировать его среди других схожих субъектов. Сам субъект, обладающий, неповторимым набором свойств, является носителем этой идентифицирующей его информации и, соответственно – первичным ее владельцем. Технически процесс создания личной информации представляет собой следующий процесс: Субъект в результате собственных действий в правовом поле создает у самого себя этот набор уникальных свойств, отражающих его правовые, физические и иные характеристики, совокупность которых в дальнейшем и будет создавать базу личной информации о субъекте. В данной связи понятно, что не-санкционированное со стороны субъекта-носителя разглашение (среди неопределённого круга заинтересованных лиц) личной информации может в определенных обстоятельствах противоречить его интересам. Таким образом у субъекта носителя формируется правовая потребность в

охране конфиденциальной информации о нем. При этом следует уточнить, что не вся личная информация для субъекта носителя будет являться конфиденциальной, а только та, разглашение которой в потенциале может нанести репутационный, имущественный, либо иной вред субъекту. Часть личной информации о субъекте носителе, наоборот, будет для него желательной к распространению среди широкого круга неопределенных лиц, поскольку это может отвечать его финансовому и иным интересам (например, распространение информации, идентифицирующей субъект хозяйственной деятельности в рекламных целях). Таким образом понятно, что часть личной информации, информации определяющей субъект среди иных субъектов является желательной к распространению, а часть личной идентифицирующей информации о себе субъект хотел бы сохранить в тайне. Именно сам субъект – создатель и, соответственно – носитель личной информации определяет какая именно информация будет конфиденциальной, а какая часть личной информации о нем не будет конфиденциальной.

В случае, если субъект права не физическое, а юридическое лицо, то определение перечня конфиденциальной информации регулируется в настоящий момент Федеральным законом "О коммерческой тайне" от 29.07.2004 N 98-ФЗ [1]. Юридическое лицо самостоятельно определяет какая именно информация о нем будет составлять его коммерческую тайну (за исключением известных случаев, определенных законом) и самостоятельно осуществлять режим охраны конфиденциальной информации, то есть собственной коммерческой тайны.

Совсем иная ситуация складывается, если интересующий нас субъект не юридическое, а физическое лицо. Физическое лицо как носитель и создатель конфиденциальной информации о себе не всегда обладает свойствами дееспособности и правоспособности. То есть, в случаях, когда дееспособность или правоспособность по каким-либо причинам ограничена, такой субъект не имеет в данный момент своей жизнедеятельности возможностью защитить от возможного распространения личную информацию о себе, которая в потенциале может ему навредить. Более того, есть случаи, когда человек не может самостоятельно определить какую личную информацию ему лучше сохранять в тайне, а какую именно информацию о себе и собственных характеристиках следует распространять. Показательным примером этого может быть поведение несовершеннолетних, либо людей, в силу возраста или душевной слабости утративших критичность мышления и попадающих на уловки финансовых телефонных мошенников, представляющих себя представителями финансовых либо силовых структур, примером так же могут являться случаи самооговора и со стороны и, казалось бы, юридически вменяемых лиц, но попавших в неструктурированную психологически тревожную ситуацию. То есть физическое лицо как субъект правовых отношений не всегда способен определить какая именно информация о нем должна являться конфиденциальной и не всегда способен защитить данную информацию от нежелательного разглашения. Поэтому на законодательном уровне государство, защищая своих граждан, юридически закрывает от возможного распространения некоторый набор личной информации о физических лицах. Данный перечень информации для физических лиц является универсальным и в отечественном законодательстве закреплён в Федеральном законе "О персональных данных" от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Цель указанного закона, как указано в тексте статьи 2 «... является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» [2]. Особенно острой данная проблема бывает в случае хозяйственной или коммерческой деятельности субъекта. Именно поэтому, на наш взгляд, сам институт защиты конфиденциальной информации начал свое победное распространение в мире и получил наивысшую популярность начиная с Соединенных Штатов Америки в исторический период становления в этой стране промышленной революции, взрывного роста коммерческих отношений, экономического бума, активной экспансии на запад континента и «дикого рынка» (конец XIX века) - Коммерческое взаимодействие людей получало свое становление тогда в условиях свободных и /или слабо регламентированных со стороны правового поля: законы либо не были выработаны вовсе, либо находились в стадии «судебной отработки» через институт прецедента как источника права рассматриваемой правовой семьи. Данное хозяйственное и социальное явление было настолько ярким, что даже получило отражение в беллетристике того периода (художественные произведения О. Гёнри (англ. O. Henry, настоящее имя Уильям Сидни Пёртер), Теодора Германа Альберта Драйзера (нем. Theodore Herman Albert Dreiser) и др.). Об истории становления правового института защиты личной конфиденциальной информации субъекта-физического лица будет сказано подробнее ниже.

Сейчас же хотелось бы более подробно остановиться причинах, побуждающих развитие в правовом плане государства на законодательном уровне закреплять и поддерживать правовой институт защиты личных конфиденциальных данных о своих гражданах:

Государство как субъект правовых отношений, как большой хозяйствующий субъект, более того, субъект, создающий правовое поле (юрисдикцию) на своей территории, заинтересовано в сохранении, защите интересов и приумножении своего народонаселения, то есть количества физических субъектов, образующих и поддерживающих это государство. Более того, отношения между гражданами и их государством весьма близки по своим сути и духу к отношениям владельца и совокупного имущества. То есть государство является имуществом граждан. Государство как социальный институт — это способ или инструмент коллективного выживания человеческого сообщества, которое и создало данное государственное объединение. Судьба народов, которые не создали собственного государства, либо в результате конкурентной борьбы с другими народами потеряли свое государство – незавидна. Тому в истории имеется множество примеров. Чем более сильно государство – тем большим количеством ресурсов (национальных богатств) оно может обладать, большее количество богатств может защитить или создать – тем, соответственно, больше объем распределения среди граждан внутреннего валового продукта, а, следовательно, богаче и благополучнее существует и народ его создавший. Чем богаче и рачительнее государство как социальный институт, государство как совокупное имущество граждан (представляющее собой, кстати в чисто юридическом смысле – вещь нематериальную), тем более эффективна система внутреннего распределения и большее количество материальных и нематериальных благ получает каждый гражданин, лучше работает государственная система социальной защиты. Это, кажется, понятно любому здравомыслящему человеку. Именно частью системы социальной защиты, по мнению авторов, является институт защиты личной конфиденциальной информации о гражданине.

Итак, гражданин как физическое лицо и субъект правовых и хозяйственных отношений не всегда обладает ресурсами и возможностями защитить конфиденциальную информацию о себе. Государство заинтересовано в соблюдении интересов гражданина именно как собственного коллективного владельца. Именно в этом, по мнению авторов, и заключается правовой смысл института защиты конфиденциальной личной информации о физическом субъекте права.

Общемировая история становления института защиты конфиденциальной личной информации началась, тем не менее, не с упомянутого нами выше известного исторического периода развития рынка в Соединенных Штатах Америки, а веком ранее. Общегуманитарная концепция защиты прав личности берет свое начало в Европейской истории. С периода Великой Французской революции 1789-1799 г.г. Именно во Франции конца XVIII века европейская социально-философская мысль дозрела до ценности личности, примате прав рядовой личности, то есть – прав гражданина, перед интересами «власть предрежущих». Дело в том, что на тот исторический период государство принадлежало не гражданам его создающим и обеспечивающим, а самодержцам. Именно самодержцы (то есть императоры/короли/князья/герцоги) на Европейском континенте (самой на тот момент развитой части мира) были владельцами каждого европейского государства не только как социального и правового института, но и как имущественного комплекса. А рядовые люди на тот исторический период не имели статуса граждан, правовая субъектность отдельного человека ограничивалась, а ряд людей вовсе не были субъектами права в современном смысле. Например, женская часть населения в Европе вплоть до конца XIX века обладали ограниченным *ius commercii* – и не могли совершать сколько-нибудь значимых сделок без одобрения мужчины-опекуна, часто не могли самостоятельно распоряжаться своим имуществом, ограниченное *ius connubii* выражалось в том, что женщина не могла вступить в брак без одобрения мужчины-опекуна. Женщина не могла даже распоряжаться собственным телом: в Европе XIX века широко были распространены принудительные операции по удалению матки женщинам, страдающим истерией [3, с. 434; 4] решение об операции принимал мужчина-опекун, а последняя лоботомия женщине с диагнозом анорексия была сделана в США в 50-х годах уже XX века [5] Доказательством того факта, что женщина в те времена являлась не субъектом, а объектом права служат многочисленные задокументированные факты продажи жён на рынке их мужьями, которые практиковались вплоть до середины XIX в Англии и в США [6;7].

Ограниченными в личных правах были и дети, которые считались «принадлежащими» своим родителям или опекунам. Мужчины так же часто не обладали всей совокупностью личностных прав в современном правовом смысле. Их права были зачастую именно *наследственно (выделение авторское)* ограничены правами сословия и наследуемым имущественным статусом. Таким образом большая населения Европы имела статус – «подданный», то есть сами по сути были «имуществом самодержцев» – в той или иной степени зависимыми лицами – объектами права.

Великая Французская революция ввела в правовое поле концепцию, определяющую ценность «рядового» человека как субъекта права, имеющего свои суверенные интересы, ввело в европейское правовое поле и в европейское коллективное правовое сознание ценность личности, приравняло людей в правах, сделав подданного – гражданином [8 с. 47-49]. именно результатом Великой французской революции стала первая Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 г. [9 с. 250-252] Дальнейшее развитие правовой европейской мысли, как известно, пошло по пути все большего признания личных прав, формирования права на неприкосновенность частной жизни как суверенных интересов физического субъекта, в том числе и права на защиту персональной информации. Описываемая историческая правовая тенденция выродившись в современный европейский либерализм с законодательно закрепленной в странах Европейского Союза тотальной толерантностью к любым личностным отклонениям [10;11 и др.].

Приходится констатировать, что современная европейская правовая мысль имеет перекокс уже в другую сторону – примата личных интересов физического субъекта над коллективными. Этот перекокс выражен в современном европейском правосознании настолько, что - даже самое понятие физиологической нормы в призме описываемых социально-философских (а за ними и правовых) воззрений изменилось [12 с. 136-141; 13].

Что же касается рассматриваемого нами в данной статье вопроса – защиты личной конфиденциальной информации, то первым европейским значимым документом была, на наш взгляд, Конвенция Совета Европы 1981 года, в которой защита данных о человеке понималась как важная часть права на неприкосновенность частной жизни (в его изначальном значении – *privasus*), зародившемся в конце XIX века в США), а защита личной конфиденциальной информации по замыслу авторов Конвенции должна была осуществляться в общем русле защиты прав человека [14].

Тем не менее Конвенция есть рамочный документ, в котором определяются общие направления развития правовых усилий, конкретизировать которые уже приходится в иных актах. Таким актом стала ныне уже отмененная Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных», в которой уже непосредственно регламентировались не только вопросы регулирования процесса охраны персональных данных вплоть до применяемых методов и используемых средств технической обработки, но и вопросы трансграничного перемещения личных конфиденциальных данных, что в стремящейся на тот момент к объединению Европе было весьма актуально [15]. Правовые стандарты, заданные Директивой 95/46/ЕС стали основой разработки национального законодательства в области защиты конфиденциальной личной информации не только для стран-членов ЕС, но и стран за пределами Европы. Следующий значимый документ – Хартия об основных правах 2000 года [16], в которой личные персональные данные о гражданине возносятся до фундаментальной правовой ценности.

Что касается регионального и локального уровня нормотворчества, то разработка норм оперативного характера, описывающих практические механизмы правоприменения шла одновременно с процессами настройки правового института защиты личных данных и с опорой на

быстро меняющиеся технологические и технические новации в области хранения, обработки и передачи данных. Кроме того, свое развитие имела и либеральная теория в области личных гражданских прав, и в относительно короткий исторический период (с момента крушения Советского Союза и вплоть до сегодняшнего дня) было разработано и принято порядка двадцати различных в описываемой правовой области законов в странах Европейского Союза, где каждый новый правовой документ, опирался на все более либеральные ценности, возрастающие в своей субъективной европейской значимости [17].

Самый первый «технический» или «оперативный» закон о защите личных данных был на территории Европы разработан в 70-е годы XX века, речь идет о нормe земли Гессен (Германия), который, в значительной своей части лег в основу разработанного в 1977 году федерального закона о защите персональных данных, который в 1990 году был пересмотрен. Главная цель этого закона – «защищать индивидуума от посягательств на неприкосновенность его частной жизни путем манипулирования его персональными данными»

С 25 мая 2018 года основным законодательством в Германии, как и во всем Европейском союзе (ЕС), стал Регламент № 2016/679 Европейского парламента [18] и Совета Европейского Союза о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных). Принятие указанного нормативного правового акта привело к усилению влияния законодательства ЕС в сфере защиты данных во всех государствах-членах ЕС.

Рассматривать отечественную правовую доктрину в области защиты личных данных как конфиденциальной информации о человеке невозможно не как часть общеевропейской и общемировой правовой мысли. Тенденции философского и правового осмысления ценности человека, его права на защиту «privacy» следует продолжать общем русле значимости неприкосновенности частной жизни. Таким образом, авторы приходят к следующим выводам:

- 1) Личная информация – это такие данные о субъекте права, которые помогают идентифицировать его среди других схожих субъектов. Сам субъект, обладающий, неповторимым набором свойств, является носителем этой идентифицирующей его информации и, соответственно – первичным ее владельцем.
- 2) Гражданин как физическое лицо и субъект правовых и хозяйственных отношений не всегда обладает ресурсами и возможностями защитить конфиденциальную информацию о себе.
- 3) Государство заинтересовано в соблюдении интересов гражданина именно как собственного коллективного владельца. Именно в этом, по мнению авторов, и заключается правовой смысл института защиты конфиденциальной личной информации о физическом субъекте права.
- 4) Разработка норм, описывающих практические механизмы правоприменения шла на территории Европейских государств одновременно с процессами настройки правового института защиты личных данных и с опорой на быстро меняющиеся технологические и технические новации в области хранения, обработки и передачи данных.
- 5) В относительно короткий исторический период (в последние тридцать лет) бурное развитие имела либеральная теория в области личных гражданских прав, за это время в странах Европейского Союза было разработано и принято порядка двадцати различных законов, рассматривающих защиту личных данных как часть личных прав, где каждый новый правовой документ, опирался на все более либеральные ценности, возрастающие в своей субъективной европейской значимости.

Библиография:

1. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. N 98-ФЗ "О коммерческой тайне" // Гарант URL: <https://base.garant.ru/12136454/?ysclid=ly1qj1wls3889566908> (дата обращения 28.06.2024)
2. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Гарант URL: <https://base.garant.ru/12148567/?ysclid=ly1qjliuud42762708> (дата обращения 28.06.2024)
3. Sutton C. Past, present, and future of hysterectomy // J. Minim. Invasive Gynecol. - 2010. - Vol.17, - №4, - P:421-435;
4. T Splett, H Steinberg Treatment of hysteria in the 19th century--in which way did German psychiatrists view castration? // Fortschr Neurol Psychiatr. 2003 Jan;71(1):45-52. doi: 10.1055/s-2003-36685. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9f7a378b-6681549b-cc256e8d-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12529834/ (дата обращения 28.06.2024)
5. Что такое лоботомия, для чего ее делали и когда запретили // ПБК URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/667923f59a79478cf218ad3c?from=copy> (дата обращения 28.06.2024)
6. Leneman, Leah (1999), "The Scottish Case That Led to Hardwicke's Marriage Act", Law and History Review, 17 (1): 161–169, doi:10.2307/744190, JSTOR744190, S2CID144650291, archived from the original on 25 May 2012, retrieved 16 December 2009
7. (2004), "Wife Sale", greenbag.org, Green Bag Archives, retrieved 25 August 2011
8. Французская революция в документах, 1789–1794 / под ред. Я.М.Захера. – Л., 1926. – С.47-49.
9. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. / под ред. П. Н. Галанзы. - М., 1957. - С. 250-252
10. COU CIL OFTHE EUROPEA U IOENGUIDELI ES TO PROMOTE THE E JOYME TOF ALL HUMA RIGHTS BY LESBIA , GAY, BISEXU-AL,TRA SGE DER A D I TERSEX (LGBTI) PERSO SFORIG AFFAIRS Council meeting Luxembourg, 24 June 2013 URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.21611e7e-667ef753-2d6fd030-74722d776562/https/www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137584.pdf (дата обращения 28.06.2024);
11. "Guidelines to promote and protect the enjoyment of all human rights by lesbian, gay, bisexual, transgender and intersex (LGBTI) persons" URL: <https://tandis.odhr.pl/handle/20.500.12389/21604> (дата обращения 28.06.2024)
12. Шетогобува О.А., Казановская Ю.А. О некоторых вопросах унификации норм в сфере регламентации брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3. С. 136-141.;
13. "Пресс-релиз Конституционного суда Австрии" (PDF). Различие между браком и зарегистрированным партнерством нарушает запрет на дискриминацию. 5 декабря 2017 г. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d431be26-66815cf0-bb4f8eff-74722d776562/https/www.vfgh.gv.at/downloads/VfGH_G_258-2017_Press_release_same-sex_marriage.pdf (дата обращения 28.06.2024)
14. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS N 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.) // Гарант URL: <https://base.garant.ru/2559798/> (дата обращения 26.06.2024)]
15. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (отменена) // Гарант URL: <https://base.garant.ru/2569783/> (дата обращения 26.06.2024)
16. Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий/ Под ред. проф. Кашкина С.Ю. // Гарант URL:<https://base.garant.ru/2564714/?ysclid=ly1o9qto5h327712760> (дата обращения 26.06.2024)
17. Абрамова Мария Олеговна Трансформация понятия прав человека в либеральных концепциях // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. №2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-prav-cheloveka-v-liberalnyh-kontseptsiyah> (дата обращения: 30.06.2024).

18. (REGULATION (EU) 2016/679 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation, GDPR) URL: <https://base.garant.ru/71936226/?ysclid=ly1rczd09x817465455> (дата обращения: 30.06.2024).

References:

1. Federal Law No. 98-FZ of July 29, 2004 "On Trade Secrets" // Garant URL: <https://base.garant.ru/12136454/?ysclid=ly1qj1wls3889566908> (accessed 06/28/2024)
2. Federal Law "On Personal Data" dated 07/27/2006 No. 152-FZ // Garant URL: <https://base.garant.ru/12148567/?ysclid=ly1qlilucd42762708> (accessed 06/28/2024)
3. Sutton C. Past, present, and future of hysterectomy // J. Minim. Invasive Gynecol. - 2010. - Vol.17, - №4, - P:421-435;
4. T Splett, H Steinberg Treatment of hysteria in the 19th century—in which way did German psychiatrists view castration? // Fortschr Neurol Psychiatr. 2003 Jan;71(1):45-52. doi: 10.1055/s-2003-36685. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9f7a378b-6681549b-cc256e8d-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12529834/ (accessed 06/28/2024)
5. What is lobotomy, why was it done and when was it banned // RBC URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/667923f59a79478cf218ad3c?from=copy> (accessed 06/28/2024)
6. Leneman, Leah (1999), "The Scottish Case That Led to Hardwicke's Marriage Act", Law and History Review, 17 (1): 161–169, doi:10.2307/744190, JSTOR744190, S2CID144650291, archived from the original on 25 May 2012, retrieved 16 December 2009
7. (2004), "Wife Sale", greenbag.org, Green Bag Archives, retrieved 25 August 2011
8. The French Revolution in documents, 1789-1794 / edited by Ya.M.Sacher. - L., 1926. - pp.47-49.
9. Constitutions and legislative acts of bourgeois states of the XVII—XIX centuries. / edited by P. N. Galanza. - M., 1957. - pp. 250-252
10. COU CIL OF THE EUROPEA U IOENGUIDELI ES TO PROMOTE A D PROTECT THE E JOYME TOF ALL HUMAN RIGHTS BY LESBIA , GAY, BISEXUAL, TRASGE DER A D I TERSEX (LGBTI) PERSO SFOREIG AFFAIRS Council meeting Luxembourg, 24 June 2013 URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.21611e7e-667ef753-2d6f0d30-74722d776562/https/www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137584.pdf (accessed 06/28/2024);
11. "Guidelines to promote and protect the enjoyment of all human rights by lesbian, gay, bisexual, transgender and intersex (LGBTI) persons" URL: <https://tandis.odhr.pl/handle/20.500.12389/21604> (accessed 06/28/2024)
12. Shetogubova O.A., Kazanovskaya Yu.A. On some issues of unification of norms in the field of regulation of marital and family relations complicated by a foreign element // Modern trends in the development of science and technology. 2016. No. 3. pp. 136-141.;
13. "Press release of the Constitutional Court of Austria" (PDF). The distinction between a marriage and a registered partnership violates the prohibition of discrimination. December 5, 2017 URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d431be26-66815cf0-bb4f8eff-74722d776562/https/www.vfgh.gv.at/downloads/VfGH_G_258-2017_Press_release_same-sex_marriage.pdf (accessed 06/28/20)
14. Council of Europe Convention on the Protection of Natural Persons in the Automated Processing of Personal Data ETS N 108 (Strasbourg, January 28, 1981) // Garant URL: <https://base.garant.ru/2559798/> (accessed 06/26/2024)]
15. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union of October 24, 1995 on the protection of natural persons in the processing of personal data and on the free circulation of such data (repealed) // Garant URL: <https://base.garant.ru/2569783/> (accessed 06/26/2024)
16. Charter of Fundamental Rights of the European Union: Commentary/ Edited by Prof. Kashkina S.Yu. // Garant URL:<https://base.garant.ru/2564714/?ysclid=ly1o9qto5h327712760> (accessed 06/26/2024)
17. Abramova Maria Olegovna Transformation of the concept of human rights in liberal concepts // Vestn. Volume of the State University. Philosophy, Sociology, Political science. 2015. No.2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ponyatiya-prav-cheloveka-v-liberalnyh-kontseptsiyah> (date of access: 30.06.2024).
18. (REGULATION (EU) 2016/679 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation, GDPR) URL: <https://base.garant.ru/71936226/?ysclid=ly1rczd09x817465455> (accessed: 30.06.2024).

О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ВЫБОРЕ РЕГУЛЯТОРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ On the role of the state in choosing a regulator of public relations

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва г, пер. Электрический, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

Galuzo V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow g, lane Electric, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о роли государства в выборе регулятора общественных отношений обосновано несколько суждений: государство не является регулятором общественных отношений, отсюда необоснованность использования термина «государственное регулирование»; наиболее известными регуляторами общественных отношений являются: политика, право, религия, традиция; Российская Федерация, как государство, признаваемое субъектом международного права, в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. провозглашена правовым государством; признание Российской Федерации в качестве правового государства означает приоритет именно права в качестве регулятора общественных отношений; Российская Федерация является федеративным государством, в состав которого ныне входят 89 субъектов; для Российской Федерации право не может рассматриваться в качестве исключительного регулятора общественных отношений, ввиду многообразия общественных отношений в субъектах Российской Федерации; задачей федеративного государства должен являться поиск оптимального сочетания регуляторов общественных отношений для его субъектов; в случае приоритета права при регулировании общественных отношений роль государства состоит в принятии нормативных правовых актов, посредством применения которых право проявляется в качестве регулятора; принятие нормативных правовых актов управомоченными органами государства (государственными органами) не означает их безудержное увеличение и не бесстемное видоизменение отдельных нормативных правовых актов, в особенности кодифицированных федеральных законов РФ.

Abstract: based on the analysis of legal literature and legislation on the role of the state in choosing a regulator of public relations, several judgments are substantiated in the article: the state is not a regulator of public relations, hence the unreasonableness of using the term "state regulation"; the most famous regulators of public relations are: politics, law, religion, tradition; the Russian Federation, as a State recognized as a subject of international law, is proclaimed a State governed by the rule of law in the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993; recognition of the Russian Federation as a state governed by the rule of law means the priority of law as a regulator of public relations; the Russian Federation is a federal State, which currently includes 89 subjects; for the Russian Federation, law cannot be considered as an exclusive regulator of public relations, due to the diversity of public relations in the subjects of the Russian Federation; the task of a federal state should be to find the optimal combination of regulators of public relations for its subjects; in the case of the priority of law in the regulation of public relations, the role of the state consists in the adoption of normative legal acts, through the application of which the law manifests itself as a regulator; the adoption of normative legal acts by authorized state bodies (state bodies) does not mean their unrestrained increase and modification of individual normative legal acts, especially codified federal laws of the Russian Federation.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., кодифицированный федеральный закон РФ, общественное отношение, регулирование, регулятор, система регуляторов общественных отношений, политика, право, религия, традиция, государство, орган государств, государственный орган.

Key words: Russian Federation, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, codified federal law of the Russian Federation, public relations, regulation, regulator, system of regulators of public relations, politics, law, religion, tradition, state, an organ of the states, a state body.

Для цитирования: Галузо В.Н. О роли государства в выборе регулятора общественных отношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 49-52. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_49.

For citation: Galuzo V.N. On the role of the state in choosing a regulator of public relations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 49-52. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_49.

Статья поступила в редакцию: 05.04.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Предметом данной статьи является государство и его роль в выборе регулятора общественных отношений¹.

Первоначально о состоянии теории.

Наиболее известный в Российской Федерации² специалист в области теории государства и права (В.И. Червонюк)³, и к тому же овладевший приемами элоквенции⁴, на что нами ранее уже обращалось внимание⁵, оперирует термином «правовая государственность»⁶, что не может не вызывать возражений, ибо не позволяет соотнести понятия «право» и «государство». Кроме того, В.И. Червонюк при соотношении го-

¹ В статье фактически продолжено исследование закономерностей, сопряженных с регулированием общественных отношений, в особенности с ролью государства при выборе регуляторов таковых (см. об этом: Галузо В.Н. О системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6; он же: О приоритете права в системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // Agrarное и земельное право. 2024. № 5; он же: Об иных (помимо права) регуляторах общественных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7).

² Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

³ Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009.

⁴ О значении данного термина см.: Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1979. С. 596; Петрученко О.А. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 г. М.: Эксмо, 2017. С. 215.

⁵ См. об этом: Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81-92.

⁶ См.: Червонюк В.И. Идея права и право в идеях. Том II. Теория конституционного права (сравнительно-правовой и страноведческий анализ). В 2-х книгах. Книга 2. Организация публичной власти: Монография. М.: Юстицинформ, 2023. С. 950. Здесь же обращаем внимание и на спорность определения жанра публикации: это не

сударства и права оперирует термином «воздействие», позволивший ему сформулировать «общий вывод»: «государство является непосредственным фактором создания правовых установлений и их осуществления»¹.

Является неустоявшимся и понятие «государство», которое обычно определяется через органы государства (государственные органы).

Упомянутый выше автор (В.И. Червонюк) фокусирует внимание на «аппарате государства» («центральное и основное звено»), в котором принадлежит «органу государства», определяемому им же в качестве «инструмента», «посредством которого государство осуществляет объективно присущие ему функции»². В.И. Червонюк также обособляет «органы государственной власти», представляющие «разновидность государственного органа»³. Конечно, подобные суждения не позволяют соотнести понятия «орган государства», «государственный орган».

Б.В. Россинский маловразумительно акцентирует внимание на «организациях», реализующих отдельные государственно-властные полномочия («Полагаем, что организации, реализующие отдельные государственно-властные полномочия, - это не только полноправные субъекты системы публичного управления, но и структуры, деятельность которых имеет огромное значение для эффективного решения публичных задач, стоящих перед государством и обществом»)⁴.

В.Е. Чиркин обосновал следующее суждение: «При современном состоянии науки и практики трудно, а то и невозможно ответить на многие вопросы, которые встают в связи с объявлением органов государства и муниципальных образований юридическими лицами. Цивилистический подход в этом отношении не дает должного эффекта. Видимо, нужна совместная работа конституционалистов, административистов, цивилистов, ученых и практиков других специальностей, чтобы создать новые понятия, которых требует жизнь. В данной статье эти вопросы не решены, они лишь поставлены, да и невозможно их решить не только в одной или нескольких статьях, а даже в нескольких книгах. Такие исследования требуют большой и коллективной работы»⁵. Подобное «умозаключение» трудно оспорить.

Т.В. Цатурян отмечает: «В организационном отношении осуществления стратегии сбалансированного, согласованного взаимодействия органов государственной власти и эффективного их функционирования можно достигнуть путем изменения форм закрепления средств разрешения юридических коллизий, разногласий, споров. Это позволит органам государственной власти на различных уровнях с учетом принципа федеративного устройства государства проводить более гибкую и эффективную политику»⁶. Иначе говоря, несмотря на заявку на орган государства, однако речь идет об органах государственной власти.

Л.Н. Берг рассматривает «правовое регулирование организационно-правовых форм юридических лиц в государственном секторе науки, установление которых обусловлено влиянием государственной политики» («Таким образом, в вопросе о выборе организационно-правовой формы обеспечения научной деятельности государственного сектора науки необходимо учитывать, что предоставление субъекту научной деятельности большей самостоятельности и инициативности влечет за собой ослабление или утрату контроля как за государственным имуществом, составляющим материальную базу юридического лица, так и за деятельностью юридического лица»)⁷.

К.А. Ишеков исследовал закономерности при «реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации важнейшими субъектами конституционно-правовых отношений - органами государственной власти» («Результаты проведенного монографического исследования позволяют утверждать, что реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации, имея важное самостоятельное значение в построении основных правовых отношений, является органично встроенным элементом единого механизма реализации конституционного законодательства России»)⁸. Нами уже обращалось внимание на неопределенность федеративного устройства Российской Федерации, и его соотношения с административно-территориальным делением, военным делением и др.⁹.

А.Н. Чертков исследование посвятил «осмыслению функций современной государственной власти с учетом современных вызовов и реалий, а также ее соотношению с публичной властью» («Полагаем, что в условиях современных вызовов можно говорить не об отмирании, а о трансформации функций государственной власти, изменении их содержания и путей реализации, прежде всего взаимодействия с иными подсистемами публичной власти. Концептуальным ориентиром совершенствования осуществления государственной власти видятся, с одной стороны, традиционное стремление к повышению эффективности государственной власти как системы принятия и реализации публичных решений (технологический ориентир), с другой стороны, обеспечение общего блага и интересов каждого гражданина, всестороннего развития человека и общества, внутрисубъектного и планетарного мира (ценностный ориентир). В данном диалектически сформулированном ценностном ориентире заключается суть публичности государственной власти, как и всех подсистем публичной власти современного государства»)¹⁰.

Ю.М. Штерн полагает, что «легальное закрепление понятия "финансовая деятельность" отсутствует, имеется только закрепление отдельных финансовых институтов, опосредующих данную деятельность, поэтому для понимания сущности и содержания рассматриваемого тер-

монография, а сборник публикаций названного автора («Книга завершает трилогию представленных в различных изданиях публикаций автора по проблемам теории, философии и методологии права, ...»). - С. 2).

¹ См.: Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 176.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 133.

⁴ Россинский Б.В. Значение организаций, реализующих государственно-властные полномочия, в системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 3 - 9.

⁵ Чиркин В.Е. Понятие юридического лица и орган государства // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5.

⁶ Цатурян Т.В. Эффективность взаимодействия органов государства в контексте российского законодательства // Российский судья. 2008. № 6.

⁷ Берг Л.Н. Правовое регулирование общественных отношений в государственном секторе науки // Российская юстиция. 2014. № 11.

⁸ Ишеков К.А. Теоретико-правовые основы реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: Монография. М.: РПА Минюста России, 2012.

⁹ См. об этом: Сухондаева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.

¹⁰ Чертков А.Н. Государственная власть на современном этапе: вызовы, функции, ориентиры совершенствования // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 12 - 16.

мина традиционно обращаются к доктринальным положениям, выработанным в первую очередь наукой финансового права, как правило, в нескольких аспектах: экономическом, включая управленческий, и юридическом» («Следует иметь в виду, что юридический аспект предполагает рассмотрение финансовой деятельности публично-правовых образований в контексте финансово-правовой категории»)¹.

Фактическая неопределенность суждений о государстве и его роли в выборе регулятора общественных отношений во многом предопределены несовершенством законодательства Российской Федерации.

Так, в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.² используются разные термины: «государственный орган» (статьи 78, 103¹, 120, 125), «орган государственной власти» (статьи 3, 5, 11, 12, 15, 24, 32, 33, 40, 46, 53, 66, 68, 70, 71, 72, 77, 85, 95, 97, 125, 131, 132).

В Федеральном законе РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 21 января 2009 г.³ даже разъяснено понятие «государственные органы»: «органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и иные государственные органы, образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации» (абзац третий ст. 1).

В кодифицированном федеральном законе РФ - в Гражданском кодексе РФ (Часть первая от 21 октября 1994 г.⁴) - в ст. 8 использован термин «государственный орган».

В Федеральном законе РФ «О Государственном Совете Российской Федерации» от 25 ноября 2020 г.⁵ продекларировано формирование нового государственного образования: Государственного Совета Российской Федерации (ГС РФ), который включен в «единую систему публичной власти» («1. Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» - ст. 3).

А еще в законодательстве определена «система государственной службы»⁶ и ее элементы⁷.

Нам представляется, что понятие «орган государства» является родовым по отношению к понятию «государственный орган». Государство, как абстракция, посредством органов государства и осуществляет выбор искомого регулятора общественных отношений в конкретном субъекте международного права, в том числе и в Российской Федерации.

Таким образом, исследования относительно государства и его роли в выборе регулятора общественных отношений необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, государство не является регулятором общественных отношений, отсюда необоснованность использования термина «государственное регулирование».

Во-вторых, наиболее известными регуляторами общественных отношений являются: политика, право, религия, традиция.

В-третьих, Российская Федерация, как государство, признаваемое субъектом международного права, в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. провозглашена правовым государством.

В-четвертых, признание Российской Федерации в качестве правового государства означает приоритет именно права в качестве регулятора общественных отношений.

В-пятых, Российская Федерация является федеративным государством, в состав которого ныне входят 89 субъектов.

В-шестых, для Российской Федерации право не может рассматриваться в качестве исключительного регулятора общественных отношений, ввиду многообразия общественных отношений в субъектах Российской Федерации.

В-седьмых, задачей федеративного государства должен являться поиск оптимального сочетания регуляторов общественных отношений для его субъектов.

В-восьмых, в случае приоритета права при регулировании общественных отношений роль государства состоит в принятии нормативных правовых актов, посредством применения которых право проявляется в качестве регулятора.

В-девятых, принятие нормативных правовых актов управомоченными органами государства (государственными органами) не означает их безудержное увеличение и не видоизменение отдельных нормативных правовых актов, в особенности кодифицированных федеральных законов РФ.

Библиография:

- 1) Берг Л.Н. Правовое регулирование общественных отношений в государственном секторе науки // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 119-123.
- 2) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
- 3) Галузо В.Н. О системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6.

¹ Штерн Ю.М. Правовые основы финансовой деятельности государства в контексте конституционной экономики // Финансовое право. 2024. № 2. С. 34 - 36.

² См.: РФ. 1993. 25 декабря; ...; 2020. 4 июля.

³ См.: СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; ...; 2022. № 29 (часть III). Ст. 5237.

⁴ См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; ...; 2024. № 12. Ст. 1572.

⁵ См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

⁶ См. об этом: О системе государственной службы Российской Федерации: ФЗ РФ от 25.04.2003 г. // СЗ РФ. 2003. № 22. ст. 2063.

⁷ См. об этом: О государственной гражданской службе Российской Федерации: ФЗ РФ от 07.2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; О государственной службе российского казачества: ФЗ РФ от 09.11.2005 г. // СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5245.

- 4) Галузо В.Н. О приоритете права в системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 5.
- 5) Галузо В.Н. Об иных (помимо права) регуляторах общественных отношений в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 7.
- 6) Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // *Социально-гуманитарное обозрение*. 2023. № 1. С. 81-92.
- 7) Ишеков К.А. Теоретико-правовые основы реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: Монография. М.: РПА Минюста России, 2012.
- 8) Петрученко О.А. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 г. М.: Эксмо, 2017.
- 9) Россинский Б.В. Значение организаций, реализующих государственно-властные полномочия, в системе публичного управления // *Административное право и процесс*. 2024. N 2. С. 3 - 9.
- 10) Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1979.
- 11) Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // *Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права*. 2018. № 1. С. 83-89.
- 12) Цатурян Т.В. Эффективность взаимодействия органов государства в контексте российского законодательства // *Российский судья*. 2008. № 6.
- 13) Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009.
- 14) Червонюк В.И. Идея права и право в идеях. Том II. Теория конституционного права (сравнительно-правовой и страноведческий анализ). В 2-х книгах. Книга 2. Организация публичной власти: Монография. М.: Юстицинформ, 2023.
- 15) Чертков А.Н. Государственная власть на современном этапе: вызовы, функции, ориентиры совершенствования // *Конституционное и муниципальное право*. 2023. № 11. С. 12 – 16.
- 16) Чиркин В.Е. Понятие юридического лица и орган государства // *Конституционное и муниципальное право*. 2006. № 5.
- 17) Штерн Ю.М. Правовые основы финансовой деятельности государства в контексте конституционной экономики // *Финансовое право*. 2024. № 2. С. 34 - 36.

References:

- 1) Berg L.N. Legal regulation of public relations in the public sector of science // *The Russian justice system*. 2014. No. 11.
- 2) Galuzo V.N. The constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. No. 5. pp. 119-123.
- 3) Galuzo V.N. On the system of regulators of public relations in the Russian Federation // *Law and the state: theory and practice*. 2024. No. 6.
- 4) Galuzo V.N. On the priority of law in the system of regulators of public relations in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2024. № 5.
- 5) Galuzo V.N. On other (besides law) regulators of public relations in the Russian Federation // *Law and the state: theory and practice*. 2024. No. 7.
- 6) Galuzo V.N., Eriashvili N.D. On the lack of alternative to law as a regulator of public relations in the Russian Federation // *Socio-humanitarian Review*. 2023. No. 1. pp. 81-92.
- 7) Ishekov K.A. Theoretical and legal foundations of the implementation of constitutions and charters of subjects of the Russian Federation by public authorities: Monograph. M.: RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2012.
- 8) Petruchenko O.A. Latin-Russian dictionary. Reprint of the 9th edition of 1914, Moscow: Eksmo, 2017.
- 9) Rossinsky B.V. The importance of organizations exercising state authority in the system of public administration // *Administrative law and process*. 2024. No. 2. pp. 3 - 9.
- 10) Dictionary of foreign words. 7th ed., reprint. M.: Russian language, 1979.
- 11) Sukhondyaeva T.Yu., Galuzo V.N. On the problems of the federal structure, administrative-territorial and military-administrative division of the Russian Federation // *Online electronic popular scientific journal of private and public law*. 2018. No. 1. pp. 83-89.
- 12) Tsaturyan T.V. Efficiency of interaction of state bodies in the context of Russian legislation // *A Russian judge*. 2008. No. 6.
- 13) Chervonyuk V.I. Theory of state and law: Textbook. M.: INFRA-M, 2009.
- 14) Chervonyuk V.I. The idea of law and law in ideas. Volume II. Theory of constitutional law (comparative legal and regional studies analysis). In 2 books. Book 2. Organization of public power: Monograph. Moscow: Justicinform, 2023.
- 15) Chertkov A.N. State power at the present stage: challenges, functions, guidelines for improvement // *Constitutional and municipal law*. 2023. No. 11. pp. 12-16.
- 16) Chirkin V.E. The concept of a legal entity and an organ of the state // *Constitutional and municipal law*. 2006. No. 5.
- 17) Stern Yu.M. The legal foundations of the financial activity of the state in the context of constitutional economics // *Financial law*. 2024. No. 2. pp. 34-36.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN RUSSIA

ДАШИН Алексей Викторович,

доктор юридических наук, профессор кафедры,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет».
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: avdashin@mail.ru;

ПРОНЕНКОВА Арина Андреевна,

студент ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет».
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: pronenkova555@gmail.com;

Dashin Alexey Viktorovich,

Professor of the Department, Doctor of Law Kuban State Agrarian University.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru;

Pronenkova Arina Andreevna,

student Kuban State Agrarian University.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: pronenkova555@gmail.com

Краткая аннотация: Эффективное развитие среднего и малого предпринимательства в нашей стране невозможно без поддержки со стороны государства. Этим обуславливается необходимость в выработке и проведении целенаправленной государственной политики по формированию, поддержке и развитию среднего и малого предпринимательства. К числу приоритетных функций государства на современном этапе относится функция по формированию механизмов государственной поддержки бизнеса.

Abstract: The effective development of medium and small businesses in our country is impossible without the support of the state. This necessitates the development and implementation of a targeted state policy for the formation, support and development of medium and small businesses. Among the priority functions of the state at the present stage is the function of forming mechanisms for state support of business.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, предпринимательская деятельность, законодательное регулирование, нормативный и функциональный подходы.

Keywords: small and medium-sized enterprises, entrepreneurial activity, legislative regulation, regulatory and functional approaches.

Для цитирования: Дашин А.В., Проненкова А.А. К вопросу о сущности малого и среднего предпринимательства в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 53-56. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_53.

For citation: Dashin A.V., Pronenkova A.A. To the question of the essence of small and medium-sized enterprises in Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 53-56. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_53.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Малый бизнес является важнейшим элементом рыночной экономики. Им определяется качество и структура валового национального продукта, темпы экономического роста, гармоничное развитие государства, формирование местного, регионального и федерального бюджета. Малый бизнес обеспечивает потребности населения в товарах, услугах и рабочих местах. В нашей стране роль малого бизнеса возросла с переходом к рыночной экономике. Предпринимательская деятельность, осуществляемая индивидуальными предпринимателями, малыми, средними и микропредприятиями, требует наличия адекватного и развитого законодательства, которое должно учитывать специфические особенности деятельности и отвечать реалиям современности.

Целью правового и законодательного регулирования предпринимательской деятельности является стимулирование предпринимательской активности; установление ограничений и запретов; определение роли и места объектов регулирования в экономике [1]. Благодаря надлежащему правовому регулированию обеспечивается смягчение последствий структурных экономических преобразований. Законодательство в сфере предпринимательской деятельности охватывает нормативно-правовые акты, обладающие разной юридической силой – Конституцию РФ, федеральные законы, подзаконные акты федерального уровня, постановления Правительства РФ и указы Президента РФ, ведомственные акты. Особенность правового регулирования рассматриваемой сферы в том, что оно адаптируется к колебаниям потребительского спроса и учитывает стремительные организационные и научно-технические новшества.

Подчеркнем, что отношения в сфере предпринимательства, подпадающие под правовое и финансовое регулирование государства (отношения по бюджетному финансированию, кредитованию, получению налоговых льгот, уплате налогов и пр.), обладают не только комплексным, но и межотраслевым характером. Они включены в предмет и финансового, и предпринимательского права. Финансово-правовым и гражданско-правовым регулированием охватываются все экономические сферы жизнедеятельности государства. Благодаря комплексному и межотраслевому характеру регулирования обеспечиваются единые правила для всех субъектов предпринимательства. При этом исключается вмешательство во внутренние дела субъектов бизнеса. Сами субъекты малого бизнеса при этом не рассматриваются исключительно как объекты регу-

лирования. Напротив, они признаются в качестве активных субъектов финансово-правовой и экономической деятельности.

Далее проведем анализ двух подходов к определению сущности среднего и малого бизнеса. Первый подход – нормативный (легальный), второй – функциональный. В основу первого подхода заложены положения Закона № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» (далее – закон № 209-ФЗ) [2]. Основой второго подхода являются качественные сущностные характеристики бизнеса (инициативность; готовность идти на риск; целеустремленность; профессионализм; ориентация на эффективность; поиск возможностей). С точки зрения первого подхода понятие среднего и малого бизнеса рассматривается сквозь призму системы норм, отраженных в пункте 1 ст. 3 и ст. 4 Закона № 209-ФЗ. Однако некоторые сущностные критерии малого бизнеса не получили законодательного закрепления. Этот пробел можно исправить, закрепив основные понятия в ст. 3 Закона № 209-ФЗ.

Понятием «малый бизнес» охватывается широкий круг субъектов. К ним относятся индивидуальные предприниматели; коммерческие организации; потребительские кооперативы; крестьянские (фермерские) хозяйства. Не входят в число субъектов малого бизнеса муниципальные и государственные унитарные предприятия. Для отнесения к субъектам малого бизнеса предприятие должно соответствовать условиям по среднесписочной численности работников и объему выручки. Так, численность работников малого предприятия – 15-100 чел., а объем выручки в год – 800 млн руб. [3].

Средние, малые и микропредприятия могут владеть имуществом на праве собственности и ином вещном праве. Лаптев В.В. пишет, что наличие статуса субъекта права, владеющего имуществом – ключевой критерий при формулировании характеристик предприятия [4].

Вышеуказанные положения берутся за основу при формировании подходов к понятию среднего и малого бизнеса [5]. Так, средний и малый бизнес представляет собой самостоятельную деятельность юридического или физического лица [6], осуществляемую на свой риск и под свою ответственность. Данной деятельностью обуславливается специфическое правовое положение бизнес-субъектов [7].

Основные видовые признаки субъектов малого бизнеса:

- критерии и условия, которые определяют принадлежность к конкретному виду предприятий;
- организационные правовые формы;
- государственная регистрация (регистрация в качестве ИП или ЮЛ) [8].

Вся совокупность видовых признаков сведена к количественным параметрам. Это такие параметры:

- а) средняя численность персонала;
- б) критерий независимости (доля других предприятий в уставном капитале);
- в) размер дохода.

Как уже отмечалось ранее, правовое регулирование среднего и малого бизнеса обладает комплексным и межотраслевым характером. Это связано с тем, что в предпринимательской деятельности складываются разные отношения: трудовые и налоговые отношения; отношения в сфере государственных закупок; отношения, связанные с защитой экологии и утилизацией бытовых отходов. Соответственно, в каждом конкретном случае отношения регулируются соответствующими законами и нормативными актами. Например, трудовые отношения регулируются положениями ТК РФ (заключение трудового договора с работниками – ч. 2 ст. 59); отношения в сфере налогообложения – нормами НК РФ (гл. 26.5). Некоторые виды отношений регулируются федеральным законодательством – отношения в сфере государственных закупок [9]; отношения, связанные с освобождением от проверок [10].

Действующее гражданское законодательство, несмотря на постоянные изменения и дополнения, не содержит такой формы юридического лица, как среднее или малое предприятие. Это значит, что речь идет о бизнес-субъектах, обладающих своими специфическими признаками [11]. Соответственно, общих норм и положений гражданского законодательства при правовом регулировании отдельных видов предпринимательства на практике явно недостаточно. Поэтому помимо общих положений реализации подлежат и другие нормы – специальные. Среди специальных норм, регулирующих деятельность средних и малых предприятий, можно выделить следующие:

- норма, регулирующая предпринимательские отношения в сфере азартных игр (подп. 2 п. 7 гл. 4 ГК РФ; п. 2 ч. 2 ст. 15 Закона № 244-ФЗ от 29.12.2006 г.) [12];
- норма, регулирующая предпринимательскую деятельность в сфере охраны здоровья населения (п. 11 ст. 2 Закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 г.);
- норма, регулирующая предпринимательскую деятельность в образовательной сфере (п. 20 ст. 2 Закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 г.).

Таким образом, при регулировании предпринимательской деятельности применению подлежат нормы и положения не только гражданского, но и иного законодательства. Это еще раз подтверждает межотраслевой характер правового регулирования в данной сфере.

Целесообразно привести основные признаки, позволяющие разграничить малое и среднее предприятие.

Малый бизнес – это индивидуальные предприниматели и небольшие компании, осуществляющие ограниченный список видов деятельности, и охватывающие небольшую территорию. Средние предприятия отличаются от малых зоной охвата. Они могут действовать уже на региональном уровне. Численность работников предприятия среднего бизнеса – 101-250 чел., объем выручки – от 801 млн руб. до 2 млрд руб. в год.

Рассмотренный нормативный подход к определению понятия среднего и малого бизнеса не лишен недостатков. В частности, он не учитывает качественные характеристики бизнеса, признаки ориентированности на эффективность, готовности к риску, профессионализма, целеустремленности и инициативности [13].

Кратко затронем ключевые признаки предпринимательства – инициативность, ориентированность на результат и профессионализм.

1. Инициативность – это способность индивида к самостоятельным волевым проявлениям. Выражается инициативность в способности самостоятельно ставить цели и организовать действия, направленные на их достижение. Проявление инициативы требует от человека понимания и анализа сложившейся обстановки, в которой ему приходится действовать; анализа и продумывания своих действий для достижения цели; разработки плана действий; принятия на себя ответственности за совершаемые действия. Инициативность также можно определить, как предпримчивость, активность и находчивость. Это качество – ключевое для предпринимателя.

2. Ориентированность на результат. Ориентация на результат выражается в способности объединить цель с мотивацией в организованный рабочий процесс. Любая предпринимательская деятельность предполагает работу на достижение результата. Поведение предпринимателя, ориентированного на результат, представляет собой особый тип ресурсов или специфическую способность достигать конкурентных преимуществ на основе имеющейся ресурсной базы [14].

3. Профессионализм. Профессиональное занятие предпринимательской деятельностью – основополагающая качественная характеристика малого бизнеса [15]. В словарях профессионализм трактуется в качестве особого свойства человека, способного эффективно, систематически и с высокой степенью надежности выполнять профессиональную (сложную) деятельность в любых условиях. Особую роль профессионализм обретает в предпринимательской деятельности. Профессионализм субъектов предпринимательства характеризуется знаниями, умением использовать власть, контролем производственного процесса, квалификацией и умениями, используемыми при осуществлении основных функций, обеспечивающих функционирование предприятия. Высокая роль профессионализма в предпринимательской деятельности объясняется также необходимостью выполнения предпринимателем ряда функций менеджмента (контроль, принятие решений и др.) [16].

Предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами среднего и малого бизнеса, требует наличия адекватного и развитого законодательства, учитывающего специфику деятельности и современные реалии. К слову, категория «субъект предпринимательской деятельности» обладает большим значением в правовом регулировании, хотя и отсутствует в законодательстве, что препятствует установлению нормативной классификации бизнеса на виды и формы [17]. При признании субъекта предпринимателем к его деятельности предъявляются особые требования. Кроме того, субъектов предпринимательской деятельности должен отвечать определенным условиям и соблюдать определенные ограничения [18].

О субъектах малого бизнеса в науке говорится при классификации субъектов бизнеса по разным основаниям. В качестве таких оснований выступают: численность штата работников; годовой объем выручки; правовой режим; экономические показатели деятельности и пр.

Закон № 209-ФЗ закрепляет не только понятие малого бизнеса, но и перечень требований, которым должно соответствовать малое предприятие. Субъектами малого бизнеса признаются индивидуальные предприниматели; коммерческие организации; потребительские кооперативы; крестьянские (фермерские) хозяйства (п. 1 ст. 3 Закона № 209-ФЗ). Из этого следует, что термины «предприятие» и «хозяйствующий субъект» являются слишком узкими и не отражают всего многообразия субъектов предпринимательства. Некоторые исследователи [19] предлагают отойти от использования этих терминов и пользоваться более корректным понятием – «субъекты среднего и малого бизнеса». В обоснование такой позиции приводится определение хозяйствующего субъекта, закрепленное в Законе № 135-ФЗ от 26.07.2006 г. «О защите конкуренции» (п. 5 ст. 4) [20]. Хозяйствующими субъектами выступают: индивидуальные предприниматели; коммерческие предприятия; некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, которая приносит доход; иные физические лица, не зарегистрированные в качестве ИП, но осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход (в силу членства в СРО, на основе лицензии, в соответствии с федеральным законом). При этом последняя категория хозяйствующих субъектов не рассматривается в законодательстве в качестве субъектов предпринимательской деятельности.

Поскольку предприятие в рамках гражданско-правового регулирования рассматривается как имущественный комплекс, то оно является объектом права, а не его субъектом (ст. 132 ГК РФ). Этот имущественный комплекс используется для ведения предпринимательской деятельности и получения прибыли. По сути, предприятием можно назвать любое образование, которое ведет предпринимательскую деятельность. В этой связи целесообразно привести точку зрения Ершовой И.В. По ее мнению, необходимо исключить из дефиниции понятия «предприятие» и «хозяйствующий субъект», заменив их термином «субъекты среднего и малого бизнеса». В таком случае формулировка дефиниции будет выглядеть следующим образом: субъекты среднего и малого бизнеса – индивидуальные предприниматели и юридические лица, зарегистрированные и осуществляющие предпринимательскую деятельность в соответствии с Законом № 209-ФЗ [21].

Особенность среднего и малого бизнеса состоит в его региональной направленности. Исследователи утверждают, что малый бизнес – реальная база рыночной экономики региона. Значительная часть доходов местного бюджета – это средства, полученные от индивидуальных предпринимателей, средних, малых и микропредприятий. Региональная направленность малого бизнеса проявляется также в стремлении сотрудничать с местными органами власти и в учете потребностей местного рынка. Роль малого бизнеса в российской региональной экономике по-прежнему невысока. Но, несмотря на резкий подъем в 1990 годах, в последние годы этот сектор экономики развивается слишком медленно.

В завершение отметим, что малый бизнес обладает огромным потенциалом и способен оптимизировать пути экономического и общественного развития. Малому бизнесу присуща такая характерная особенность, как высокая интенсивность использования ресурсов. Это, в свою очередь, способствует достижению рациональных показателей экономики в целом. Поддержка малого бизнеса и его эффективное правовое регулирование необходимы для повышения качества валового национального продукта, ускорения темпов экономического роста, обеспечения гармоничного развития государства и, как следствие, повышение жизненного уровня населения.

Библиография:

1. Леонов Е.Ф. Повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий сферы услуг на основе формирования институционального пространства: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., – 2017. – С. 6.
2. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" // Парламентская газета. № 99-101, 09.08.2018.
3. Кирилина В. Понятие субъекта малого и среднего предпринимательства в российском законодательстве // Хозяйство и право. – 2018. – № 8. – С. 81.
4. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М.: Инфотропик Медиа, – 2016. – С. 14.
5. Бельх В.С., Звездина Т.М. Субъекты малого и среднего предпринимательства: понятие, признаки, критерии // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2. – С. 17-21.
6. Албегов Р.З. Гражданско-правовые проблемы осуществления деятельности субъектами малого и среднего предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., – 2013. – С. 23.
7. Хорьков Ю.А. Правовое положение субъектов малого предпринимательства: частноправовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, – 2016. – С. 4.
8. Степин А.Б. Понятие малого и среднего предпринимательства в законодательстве России // Юрист. – 2018. – № 9. – С. 12.
9. Ст. 18 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ "Об отходах производства и потребления" // СПС "КонсультантПлюс".
10. Ст. 26.1 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" // СПС "КонсультантПлюс".
11. Андреев В.К. Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства как институт развития // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 119 — 128; Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, – 2017. – С. 9.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 1852-О // СПС "КонсультантПлюс".
13. Тихонова Е.А. Интеграционные отношения малого и среднего предпринимательства в условиях развития инновационной экономики: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Н. Новгород, 2018. — С. 3.
14. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, утвержденный Приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст // СПС "КонсультантПлюс".
15. Албегов Р.З. Гражданско-правовые проблемы осуществления деятельности субъектами малого и среднего предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., – 2013. – С. 24.
16. Хорьков Ю.А. Правовое положение субъектов малого предпринимательства: частноправовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, – 2016. – С. 4.
17. Бельх В.С. Субъекты малого и среднего предпринимательства: понятие, признаки, критерии // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2. – С. 17-21.
18. Афанасьева Е.Г., Белицкая А.В., Ваипан В.А. и др. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лакно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, – 2017. – С. 69.
19. Бельх В.С., Звездина Т.М. Указ. соч.; Ершова И.В. Дефиниция субъекта малого и среднего предпринимательства: законодательные, статистические, доктринальные подходы // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 9. – С. 1130-1138.
20. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ "О защите конкуренции" // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (часть 1). – Ст. 3434.
21. Андреева Л.В., Андронов Т.А., Апрессова Н.Г. и др. Малое и среднее предпринимательство: правовое обеспечение / Отв. ред. И.В. Ершова. М.: Юриспруденция, 2014. СПС "КонсультантПлюс".

References:

1. Leonov E.F. Improving the competitiveness of small and medium-sized enterprises in the service sector on the basis of the formation of an institutional space: Abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences. St. Petersburg, 2017. – p.
- 6.2. Federal Law No. 209-FZ dated 07/24/2007 (ed. dated 12/27/2018) "On the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation" // Parliamentary Gazette. No. 99-101, 08/09/2018.
3. Kirilina V. The concept of a small and medium-sized business entity in Russian legislation // Economy and law. – 2018. – No. 8. – p. 81.
4. Laptev V.V. Entrepreneurial (economic) law and the real sector of the economy. M.: Infotropik Media, – 2016. – p. 14.
5. Belykh V.S., Zvezdina T.M. Subjects of small and medium-sized enterprises: the concept, signs, criteria // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. -2016. – No. 2. – pp. 17-21.
6. Albegov R.Z. Civil law problems of the implementation of activities by small and medium-sized businesses: Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. M., – 2013. – p. 23.
7. Khor'kov Yu.A. The legal status of small business entities: private law aspect: Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Kazan, - 2016. – p. 4.
8. Stepin A.B. The concept of small and medium-sized enterprises in the legislation of Russia // Lawyer. – 2018. – No. 9. - p. 12
9. Article 18 of Federal Law No. 89-FZ dated June 24, 1998 "On production and consumption waste" // SPS "ConsultantPlus".
10. Article 26.1 of Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the implementation of State control (supervision) and municipal control" // SPS "ConsultantPlus".
11. Andreev V.K. Corporation for the Development of small and medium-sized enterprises as a development institution // Current problems of Russian law. 2016. No. 2. pp. 119 — 128; Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate law of modern Russia: Monograph. 2nd ed., reprint. and additional M.: Prospect, – 2017. – p. 9.
12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 28, 2017 No. 1852-O // SPS "ConsultantPlus".
13. Tikhonova E.A. Integration relations of small and medium-sized enterprises in the context of the development of an innovative economy: Abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences. — N. Novgorod, 2018. - p. 3.
14. ОК 029-2014 (КДЕС Ed. 2). The All-Russian classifier of types of economic activity, approved by the Order of Rosstandart from January 31, 2014 No. 14-st // SPS "ConsultantPlus".
15. Albegov R.Z. Civil law problems of the implementation of activities by small and medium-sized businesses: Abstract of the thesis ... cand. Jurid. Sciences. M., – 2013. – p. 24.
16. Khor'kov Yu.A. The legal status of small business entities: a private legal aspect: Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Kazan, 2016. – p. 4.
17. Belykh V.S. Subjects of small and medium-sized enterprises: the concept, signs, criteria // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. – 2016. – No. 2. – pp. 17-21.
18. Afanasyeva E.G., Belitskaya A.V., Vaipan V.A. and others. Business law of the Russian Federation: Textbook / Ed. by E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 3rd ed., reprint. and additional M.: Norm, – 2017. – p. 69.
19. Belykh V.S., Zvezdina T.M. Decree. op.; Ershova I.V. Definition of a small and medium-sized business entity: legislative, statistical, doctrinal approaches // Actual problems of Russian law. - 2013. – No. 9. – pp. 1130-1138.
20. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On protection of competition" // SZ RF. – 2006. – No. 31 (part 1). – Article 3434.
21. Andreeva L.V., Andronova T.A., Apressova N.G., etc. Small and medium-sized enterprises: legal support / Ed. by I.V. Yershova. M.: Jurisprudence, 2014. SPS "ConsultantPlus".

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРИНЦИПОВ КОНСЕРВАТИЗМА И ПРОГРЕССИВНОСТИ В РИМСКОМ ПРАВЕ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ Correlation of the principles of conservatism and progressivity in Roman law during the transition from the Republic to the Empire

ПАВЛОВ Олег Витальевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики.
Петровская ул., 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347905, Россия.
E-mail: Kapitalstroy007@yandex.ru;

Pavlov Oleg Vitalievich,

postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347905, Russia.
E-mail: Kapitalstroy007@yandex.ru

Краткая аннотация. Данная статья исследует корреляцию принципов консерватизма и прогрессивности в Римском праве периода перехода от республики к империи. Автор рассматривает значение изучения истории римского права для современных юристов, поскольку многие институты римского права оказывают влияние на частноправовую сферу и современное международное право. Статья рассматривает принцип правопреемственности как ключевой фактор современной юридической науки и метод удержания и развития норм. Автор подчеркивает, что изучение истории Римского права может быть полезным для современных правовых реформ и профессиональной подготовки юристов. Основная мысль статьи заключается в идее о том, что принципы консерватизма и прогрессивности в Римском праве не противопоставляются, а взаимодополняют и коррелируют друг с другом для эффективного развития государственно-правовых институтов. Статья также обращает внимание на значение исторических техник и практик Рима, которые помогают современным юристам ориентироваться в сложных ситуациях и разработать эффективные стратегии в условиях современной экономики. Этот анализ предлагает глубокое понимание влияния Римского права на развитие общества и подчеркивает важность гармоничного сочетания консервативных и прогрессивных методов в современном правотворчестве. Автор выделяет возможности изучения истории для развития предпринимательства, подчеркивая необходимость грамотного баланса между традициями и инновациями в правовой сфере. Таким образом, статья раскрывает значимость истории Римского права для современной правовой науки, подчеркивает ключевые принципы консерватизма и прогрессивности, и предлагает практические рекомендации для развития правовых институтов и предпринимательства в современном обществе.

Abstract. This article examines the correlation of the principles of conservatism and progressivity in Roman law during the transition from the republic to the empire. The author considers the importance of studying the history of Roman law for modern lawyers, since many institutions of Roman law have an impact on the private law sphere and modern international law. The article considers the principle of succession as a key factor in modern legal science and a method of retaining and developing norms. The author emphasizes that the study of the history of Roman law can be useful for modern legal reforms and professional training of lawyers. The main idea of the article is the idea that the principles of conservatism and progressivity in Roman law are not opposed, but complement and correlate with each other for the effective development of state legal institutions. The article also draws attention to the importance of historical techniques and practices of Rome, which help modern lawyers navigate difficult situations and develop effective strategies in the modern economy. This analysis offers a deep understanding of the influence of Roman law on the development of society and emphasizes the importance of a harmonious combination of conservative and progressive methods in modern lawmaking. The author highlights the possibilities of studying history for the development of entrepreneurship, emphasizing the need for a proper balance between traditions and innovations in the legal field. Thus, the article reveals the importance of the history of Roman law for modern legal science, emphasizes the key principles of conservatism and progressivity, and offers practical recommendations for the development of legal institutions and entrepreneurship in modern society.

Ключевые слова: Древний Рим, предпринимательская деятельность, малый бизнес, конкурентное преимущество, консерватизм.
Keywords: Ancient Rome, entrepreneurial activity, small business, competitive advantage, conservatism.

Для цитирования: Павлов О.В. Корреляция принципов консерватизма и прогрессивности в Римском праве в период перехода от республики к империи // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 57-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_57.

For citation: Pavlov O.V. Correlation of the principles of conservatism and progressivity in Roman law during the transition from the Republic to the Empire // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 57-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_57.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Актуальность темы исследования корреляция принципов консерватизма и прогрессивности в Римском праве периода перехода от республики к империи обусловлена тем, что знание истории римского права позволяет современным юристам понять логику юридического мышления, благодаря которой многие институты римского права продолжают свое существование и до настоящего времени в частноправовой сфере. Рецепция институтов римского гражданского права имеет длительную историю, которая берет начало от средних веков, продолжается в Новое время в период формирования буржуазных рыночных отношений и сохраняется в современном международном праве. Принцип правопреемственности один из ключевых принципов современной юридической науки, в расширенном трактовании это не только процесс перехода прав и обязанностей, но и способ удержания в новых нормах, а также способ положительного сдерживания старых, проверенных временем.

История государства и права, при оценке каждого исторического периода, позволяет на основе принципа правопреемственности проанализировать юридическую технику, лежащую в основе их изменчивости и развития. Изучение правовой и политической культуры стран и народов Античного мира содержит определенный потенциал для современных правовых реформ в условиях смены промышленной парадигмы на информационную, в основе которой лежат техногенные процессы, но юридическая техника, разработанная римскими юристами, остается актуальной, как для теории и истории государства и права, так и профессиональной подготовки юристов. В рамках преемственной социальной традиции право выступает ПРИМАТОМ (SUPREAME), скрепляющим принципы консерватизма и прогрессивизма.

Благодаря принципу правопреемственности появляется возможность использовать корни и источники правовых традиций, берущие свое начало в Римском праве периода перехода от республики к империи. Современные знания о принципах консерватизма и прогрессивности

помогают, с одной стороны, ориентироваться на традиционные культурные и нравственные ценности, составляющие основу преемственности римской правовой культуры вплоть до настоящего времени, а с другой стороны, Римские исторические техники и практики позволяют в обилии технических новшеств опереться на что-то вечное и нерушимое.

«Настоящее поколение пользуется всем прошедшим, под условием сбережения и развития всего настоящего для будущности. Мера его прав и обязанностей может быть объяснена и понята только в истории, из истории, посредством истории» [1, С.157.], — писал знаток отечественного государства и права В.Н. Лешков. В то же время история способствует объединению, А.А Микерин справедливо отмечает, что «возрождение идеи права в континентальной Европе явилось закономерным следствием социально-экономического развития. В Западной Европе, воспринимавшей себя единым христианским миром, все настойчивее проявляла себя идея общего, идеального правопорядка» [1, С.157.]. Следовательно, римское право, трансформировавшись в средние века, стало основой правопорядка и новых буржуазных правоотношений.

В российском праве XIX века Римское право явилось источником создания нормативных правовых актов, таких как ПСЗРИ, и Свода Законов Российской Империи, построенных по институтам римского частного права. Заимствование из римского права сохраняются до настоящего времени, чему служит ГК РФ и, в частности, его структура.

В Древнем Риме была создана первая в истории человечества юридическая наука с абстрактными нормами права, которой продолжают пользоваться современные юристы. Гражданское право представляет собой фундаментальную юридическую систему, в основе которой закономерности гражданско-правового регулирования общественных отношений. Особое место науки гражданского права обеспечивается ее предметом, местом в системе юридических наук и значением для кардинальных преобразований современного общества.

Гражданское право охватывает ключевые сферы жизни человека и общества - собственность, имущественный оборот, защиту личных неимущественных прав граждан и т.д.; гражданское право является базовой отраслью права, определяющей содержание и развитие целой группы отраслей - трудовое право, семейное право, гражданско-процессуальное право, а также ряда комплексных отраслевых образований (предпринимательского права, медицинского права и др.). Сосредоточивая основные категории и ценности частного права, оно призвано выражать и развивать их, что в сочетании с другими, смежными, отраслями права, обеспечивающими статус частного права, как одной из важнейших основ предпринимательской деятельности, способствующей в свою очередь развитию гражданского общества и рыночной экономики.

Вместе с тем, история науки гражданского права может стать теоретическим основанием для современных экономических, социальных, политических и других процессов, поскольку в основе современного гражданского права лежат положения, выработанные тысячелетней практикой древнейших государств, блестяще переработанные выдающимися юристами Древнего Рима. Выбранный период связан с тем, что рыночные отношения Республиканского Рима были погублены антирыночной политикой, сменившего его имперского периода.

Цель исследования – выявить эффективные инструменты правового регулирования предпринимательской деятельности, заключавшейся в производстве товаров и услуг с целью получения прибыли, что способствовало росту экономики, ее влиянию на государственное управление. Провести историко-правовой анализ предпосылок и этапов развития законодательства, регулирующего процедуру осуществления предпринимательской деятельности, выявить специфику торговой деятельности в Древнем Риме.

Актуальность темы исследования в наши дни подтверждается необходимостью организации условий для роста частной предпринимательской инициативы в России. Доля малого бизнеса в экономике России 22 %, а в странах запада более 50% (США и Великобритания). К стране, государству и его функционированию необходим новый подход как к юридическому лицу, которое выступает на международной арене в единой конкурентной среде и борьбе за внутренние и международные (внешние инвестиции), где конкурентным преимуществом являются передовые законодательные базы, инициативы, низкая налоговая нагрузка, точки роста, перспективы развития и невмешательства в экономику со стороны государства (имеется ввиду экономику малых бизнесов с определенными критериями по выручке и количеству сотрудников). Для этого необходимо изучить законы Древнего Рима и привнести успешные практики к предложению законодательных инициатив в нашей стране.

Проанализируем законы Древнего Рима, такие как *lex sempronia frumentaria* (хлебный закон) - каждый римский гражданин получал право купить определенное количество зерна со скидкой, это позволяло всей зерновой отрасли динамично развиваться, предприниматели имели гарантированный рынок сбыта продукции, а люди - гарантированные рабочие места; закон *lex rubia*, регламентировавший основание колонии на месте разрушенного Карфагена - это инфраструктурный проект государства, который был призван стимулировать частно-предпринимательскую активность; один из самых важных законов для частных предпринимателей *Lex Julia*, дарование римского гражданства, обеспечивавший постоянный приток населения, и как следствие, постоянно растущий спрос. В Римском праве мы видим разумный баланс и корреляция в двух подходах консервативном и прогрессивном, что в исследуемом периоде позволяло обеспечивать рост экономики и развитие общественных институтов, что в свою очередь толкало предпринимателей к организации своего дела.

Хорошим примером может служить строительство Колизея (80 год от рождения Христа), на протяжении восьми лет император Веспасиан финансировал на деньги от военных походов, это позволило обеспечить заказами по исполнению инфраструктурного проекта огромное количество предпринимателей, а так же стимулировало развитие новых технологий для строительства 55 метрового сооружения. Со стороны государства был запрос на кирпич, цемент и бетон, открылись новые заводы для осуществления такого масштабного проекта, государством для стимулирования экономики и предпринимателей выделялись подряды на строительство данного инженерного чуда, такие инициативы служили механизмом контроля народа и как средство общения императора с народом, ведь тогда имело значение мнение народа о своем правителе. Сложность строительства Колизея и его смысловая нагрузка сопоставимы с самым высоким зданием в мире в Дубае - Бурдж Халифа, здесь и имиджевый, и туристический, и статусный эффект, и более тонкий - инвестиционный, все хотят инвестировать, жить и работать в городе, где су-

ществуют такие уникальные объекты. Как следствие, подобных проектов и таких законодательных баз, юридико-правовые условия для отправления предпринимательской деятельности были близки к идеальным.

Далее рассмотрим понятия консерватизма и прогрессивности, как основу и возможность заимствования успешного опыта развития малого бизнеса. Проанализируем институт договора. Торговый оборот в Риме, достигший своего наивысшего развития в первые века н.э., и вообще ведение богачами крупного хозяйства вызвали необходимость подробной разработки разнообразных типов договорных отношений, тут зародился главный принцип современного гражданского права - свобода договора и, как следствие, детальнейшие формулировки прав и обязанностей контрагентов, на основе твердости договора и безжалостное отношение к должнику, не исполнившему договор. Римское частное право является предельным выражением индивидуализма и наибольшей свободы правового самоопределения имущих слоев свободного населения. Сформировался институт неограниченной индивидуальной частной собственности.

Два основных и противоположных принципа пронизывают процесс разработки Римского права претором и юристами, объектом исследования являются термины: Консерватизм, прогрессивность и их взаимная корреляция. Мы будем использовать различные методологии: эмпирический прием, сравнительный и диалектический анализ.

Как пример консерватизма закон *Lex gabinia*, предоставление Гнею Помпею чрезвычайных полномочий для борьбы с пиратами. Еще одним примером консерватизма служит исключительно почтительное отношение Преторов и юристов к постановлениям и законам, правилам эдикта и мнению старых авторитетных юристов. Римский юрист любит показать, что его вывод, даже по второстепенному вопросу, соответствует взглядам его предшественников. Это уважение к старому праву, иногда переходящее в благоговение, является не случайным: оно имеет цель - подчеркнуть незыблемость права, неизменность существующего социального строя, недопустимость каких-либо новшеств, которые могут быть вредны для власти имущих граждан.

Проявление прогрессивности в Римском праве, это проводимое дерегулирование, в случае возникновения необходимости изменить нормы и правила в угоду экономическому развитию, проявление гибкости, это изменения не отменой предыдущих норм, а принятием новых, в обход старых, как инструмент стимулирования предпринимательской деятельности. Нас интересует период перехода от республики, через принципат, к империи - идеальное поле и время для расцвета пассионарных и деятельных людей.

Римляне были не единственными, кто смог в период античности создать развитую правовую систему, достаточно вспомнить о законах Хаммурапи (1750 год до н.э.) или о правовых реформах Солона в Афинах (594 год до н.э.), почему же мы придаем такое почти исключительное значение именно Римскому праву? Римляне первыми превратили право в настоящую науку. Особенность римского права состоит в его способности сократить конкретную проблему до одного или двух тезисов, и затем выводы из универсального закона, что во многом напоминает современное Англо-саксонское право. В современном государстве ОАЭ и конкретно в Дубае, за основу было взято именно это законодательство, что во многом и определило комфортные и понятные условия для притока инвестиций и квалифицированных экспатов в страну. Мы предлагаем использовать техники и практики, помогающие в конкурентной борьбе между странами за "умы, руки и деньги", получить конкурентное преимущество, взяв лучшее из мировых и исторических практик, но не теряя Российской самоидентификации, и используя наше мобилизационное мышление, учитывая масштабы территории России, как в Древнем Риме, и особенности климата, как и в Дубае, и ментальности.

Послание Федеральному собранию президента России Владимира Путина 21 февраля 2023 г., данное выступление полностью утверждает план развития страны, который укладывается в канву поддержки и дерегулирования предпринимателей для формирования юридико-правовых методов условий роста активности инвестиций извне и внутри страны – то, чему посвящена моя работа, в контексте правовой системы Древнего Рима и лучших мировых практик. Как основу государственной стабильности президент указывает поддержку предпринимателей микро и малых размеров, делая выводы, что за последний год именно их предпринимательская активность спасла от двузначного падения экономики.

Путин о бизнесе:

- Нужно пересмотреть нормы Уголовного кодекса в части экономических преступлений. Перегибать палку нельзя. Надо двигаться в сторону декриминализации.

- Запущен процесс промышленной ипотеки — можно будет получить до 500 миллионов рублей для открытия производства.

- Если компании закупают отечественные IT-решения, они могут получить налоговый вычет.

- Бизнес должен действовать в российской юрисдикции, это базовый принцип.

- Образ Запада как тихой гавани оказался фальшивкой. Те, кто рассматривал Россию как источник заработка, а жить планировал за рубежом, многое потеряли. Их там просто ограбили.

- Если помните, я, обращаясь к крупному бизнесу, сказал, что замучаетесь пыль глотать, бегая по западным судам. Так все и произошло.

- Никто из простых граждан не пожалел тех, кто лишился яхт, дворцов за рубежом. А в разговорах на кухне люди припомнили и приватизацию, и показную роскошь так называемых новых людей.

- Все должны понять: и источники благополучия, и будущее должны быть только здесь, в родной стране — в России.

- Развитие малых и семейных фирм как приоритет развития государства.

- Инфраструктурные проекты как точки роста для малого бизнеса в ближайшие 10 лет.

- Мораторий проверок для вновь открытых компаний.

- Предпринимательский класс как основа роста и стабильности государства.

- Кредиты малому бизнесу под 3-5% поручить банкирам, выполнить.

Прочитав Марка Аврелия (Размышления 69 страница): «Постоянно думай, что все возникающее постоянно возникает в силу изменения, и приучай себя к мысли, что ничто так не любит природа Целого, как изменять существующее и творить новое подобное. Ибо все существующее есть некоторым образом семя того, что из него произойдет. Ты же считаешь семенем только засеянное в землю или утробу матери - И коснешь в невежестве». Это прекрасно объясняет огромное значение Римского Права - можно считать его основой современного гражданского права в части регулирования предпринимательской деятельности, если рассматривать современное гражданское право как продукт многолетних изменений и усовершенствований. Выдержка из книги Нассима Талеба «Антихрупкость»: «Государство может помочь, когда оно не компетентно», при детальном рассмотрении это очень перекликается с теорией, что в Древнем Риме расцвет предпринимательской активности и успешности, по причине апатичного отношения к людям, занимающимся мелко-предпринимательской деятельностью. Как поясняет Талеб: «Голод, унесший 1959-1961 годах жизни 30 миллионов китайцев, это яркий пример того, что случается, когда власти стараются изо всех сил». Синь Мэн, Нэнси Цян и Пьер Яред изучили распределение жертв по провинциям Китая и сделали вывод, что негибкость системы снабжения привела к такому исходу, но это очень показательный эпизод, зачастую именно невмешательство государства и отсутствие регулирования предпринимательской деятельности может спасти людей. Дмитрий Орлов Советский автор пишет: «После распада СССР бывшие советские республики избежали катастрофы потому, что производство продуктов питания страдало нерациональной организацией и повсюду непредумышленно возникали излишки, что в итоге способствовало стабильности». Сельское хозяйство советского государства не было эффективным во время своего существования, его не удалось оптимизировать и централизовать, как в западных странах, но и это очень важное для нашего исследования - каждый советский город был окружен полями с набором основных сельскохозяйственных культур, эта система обходилась дороже, поскольку не давала выигрыша от специализации, но именно локальное отсутствие последней, позволило обеспечивать людей всеми видами провизии, невзирая на развал организаций, отвечавших за поставки сельхозпродукции. В США сжигается 12 калорий топлива на транспортировку пищи, чтобы получить одну калорию при питании. В СССР это соотношение было один к одному. Можно представить себе, что случится в Америке (или Европе), если разрушится система доставки сельхозпродуктов! Кроме того, в Советском Союзе было плохо с жильем, три поколения ютились в маленьких квартирках, благодаря чему социальные связи не рвались, образовывались семейные коммуны, где люди помогали близким и давали друг другу взаимы. Жители СССР были близки по-настоящему, а не как в социальных сетях, они кормили голодных друзей и знали, что в трудные времена сами могут рассчитывать на помощь. Таким образом мы видим что невмешательство государства намеренное или случайное, из добрых побуждений или же по другим мотивам может являться сильным триггером или точкой бифуркации. Хорошей иллюстрацией послужат стихи, предприниматель – мечтатель, он верит, растит идею, корень и стебель бетонной плитой накрыт, но цветок на волю из тени ползет, и сколько подобных историй, столько империй.

Ключевым для нас является понимание и анализ понятий консерватизма прогрессивности в Римском праве, их взаимодействие, взаимодополнение и противопоставление. Понятие консерватизма по американскому словарю Merriam-Webster как склонность сохранять то, что укоренилось. Консерватизм (от Лат. *Conservo* – сохраняю) идеологическая приверженность традиционным ценностям и порядкам, традиционной этики и морали. Роль прогрессивности или инноваций в современном правотворчестве и в исторической правопреемственности сложно переоценить. Другое дело, что для гармоничного развития государства и его правовых институтов необходим баланс обоих методов консервативного и прогрессивного, а также грамотное их применение, сообразно времени, в котором мы их используем. Например, в сложные дестабилизационные моменты для государства консервативные методы позволяют сохранить и минимизировать потери, в то же время для устойчивого роста необходимы прогрессивные методы и риски, с такими подходами связанные.

Мы предлагаем выделить небольшую сферу юрико-правового государственного эксперимента по дерегулированию малого бизнеса. Мы ориентируемся на подход, при котором риски ограничены - весь размер малого предпринимательства меньше 20% экономики России, и ограничиваем дерегулирование по времени и достижению определенного оборота и количества сотрудников, отслеживать рост этих показателей будут государственные институты по предоставленной отчетности. А вот инфраструктурные проекты, в том числе оборонные и связанные с ЖКХ и со строительством объектов культурного и исторического значения, должны быть на бессрочной основе с большим государственным участием, с активным и обширным применением институтов страхования любых подрядных договорных отношений, с целью подстраховки малых предприятий и гарантий реализации проектов. В любом случае, необходимо начать с просьбы президента и внимательно проанализировать уголовный кодекс и смягчить, например, такие статьи, как 199 УК РФ – уклонение от уплаты налогов, где за особо крупный размер, даже если виновное лицо уплатило недоимку, ему вменяют и инкриминируют нарушение, наказанием за которое служит лишение свободы сроком до 6 лет, даже если нарушение устранено, а ведь возможно заменить лишение свободы на штрафы в двойном размере - таким образом, бюджет получит дополнительные деньги, и опять их реинвестирует в инфраструктурные проекты внутри государства.

В книге «S P Q R история Древнего Рима» автор Мэри Бирд, так описывает Марка Юния Брута: "Человек, который через 6 лет возглавит убийц Цезаря, активно занимался ростовщичеством, давая жителям кипрского Саламина займы деньги, под незаконные 48 процентов, а Цицерон, управлявший в тот момент провинцией и отвечавший за законность, решил не трогать заимодавца с хорошими связями». Все же, остальные, нарушавшие закон, такие как римский магистрат Веррес, представший перед судом за отношение к сицилийцам, был опозорен и осужден. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев, законность торжествовала в Древнем Риме, а коррупция и алчность были не только не законны, но и осуждались и были объектом общественной критики. Необходимо возвести законность в культ, и только тогда можно пересматривать какие-то нормы, для этого нужно работать с общественным сознанием, поясняя и создавая положительный образ Человека созидателя, мы можем воспользоваться концепцией объективизма писательницы Айн Рэнд, где ключевое понятие — это стремление человека к счастью, при должном обеспечении защиты его личных прав и свобод. Такой подход обеспечит рост промышленной и интеллектуальной части

экономики государства и постепенное эволюционирование всех уровней государственно правовых институтов.

Архитектура Древнего Рима была отражением государственно-правовой сущности, постройка дома в те времена принадлежала к самым почетным занятиям отца семейства (Pater Familias), а отдача с торгов и руководство общественными постройками считались одной из главных обязанностей цензоров. Сооружения Древнего Рима были велики и удивительны, тут стоит упомянуть римские военные дороги и водопроводы, сводчатые постройки, круглые храмы, базилики, амфитеатры и цирки. Симфония арок Колизея – одно из самых грандиозных зданий своей эпохи, уникальность которого заключалась не только в новейшем способе строительства, но и инновационном способе организации торжеств, что и было ярким примером прогрессивности, как и сама идея функции строения. Снесен дворец императора Нерона, для строительства социокультурного развлекательного, но в то же время необходимого объекта, с помощью которого можно моментально замерять уровень доверия императору - Колизей нес еще и социологическую функцию, лучше любых прогнозов, определяя настроение общества.

Корреляция принципов консерватизма и прогрессивности — это необходимый элемент модернизации государственно правовых институтов регулирования предпринимательской деятельности, который развивался и видоизменял предпринимателей и их встраиваемость в экономику государства, и что еще важнее, адаптацию в условиях расширения государства территориально и ментально. Благодаря долгому существованию, Римские институты государства и права оказали глубокое и продолжительное влияние на развитие искусств, религии, архитектуры, на формирование права и даже форм Республики (от лат. Res Publica общее дело. Строгое право Древнего Рима (Jus strictum), идеи общечеловеческого разума и справедливости крайне важны для нашего исследования, так Плутарх сравнивал власть с цементом, предлагаем продолжить аналогию - предприниматели, которые занимаются бизнесом каждый день, это арматура в этом цементе и, если ее убрать, то никакого здания не выйдет.

В заключении можно отметить, что изучение корреляции принципов консерватизма и прогрессивности в римском праве периода перехода от республики к империи имеет огромное значение для современных юристов. История римского права является ключом к пониманию развития правовых институтов и их влияния на современный правопорядок. Знание этого периода поможет профессионалам в области права принимать более обоснованные решения и адаптировать правовые нормы к современным условиям. Понимание процесса перехода от республики к империи, а также применение принципа консерватизма и прогрессивности позволяют не только сохранить юридические нормы, но и развивать их в соответствии с современными вызовами и потребностями общества. Исторические уроки Римского права могут служить примером для правовых реформ и повышения профессионального уровня юристов в настоящее время. Важно помнить, что баланс между консервативными и прогрессивными принципами должен быть тщательно обеспечен для поддержания стабильности и развития общества. Юристы могут использовать этот опыт, чтобы разработать эффективные стратегии в условиях современной экономики. История Римского права является не только увлекательной темой для изучения, но и ценным уроком для развития профессиональных навыков. Также изучение влияния Римского права на развитие общества позволяет нам лучше понять не только историю правовой системы, но и актуальные проблемы современного правотворчества. Гармоничное сочетание консервативных и прогрессивных методов, унаследованных от древних римлян, остается ключом к успешному развитию современной правовой системы. Важно учитывать исторические уроки при формировании новых законов и норм, чтобы обеспечить справедливость и стабильность в обществе.

Изучение истории, в частности Римского права в период перехода от республики к империи, открывает широкие возможности для развития предпринимательства. Важно помнить, что для достижения успеха необходим баланс между традициями и инновациями в правовой сфере. Грамотное применение принципов консерватизма и прогрессивности поможет предпринимателям успешно адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и достичь поставленных целей. В итоге, история Римского права представляет собой богатый источник знаний, которые могут быть применены в современном правовом образовании и практике. Знакомство с ключевыми принципами консерватизма и прогрессивности в контексте перехода от республики к империи помогает понять корни современного права и важность баланса между стабильностью и развитием. Предложенные практические рекомендации подчеркивают необходимость развития правовых институтов и предпринимательства для успешного функционирования современного общества. Римское право остается актуальным и важным источником в понимании основ правовой науки.

Библиография:

1. Микерин А.А. К вопросу о рецепции римского права в Европе // Финансовая экономика. Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. №2 (2). С.157.
2. Шиян А.А. Исторический аспект концепции государственно-частного партнерства // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. №1 (43). С.14-16.
3. Рязанов В.Т. Кейнсианская экономическая теория и политика: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. №5. (2). С. 3-21.
4. Ляпустин Б.С. Римская фамилия и новый подход к истории экономики древнего Рима // Вестник МГИМО. 2009. №5. С. 2-17.
5. Иванов А.С. История становления и развития принципа свободы договора в Римской империи // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. №2. С.119
6. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. 2-е изд. Москва: НОРМА, 2007. 742 с.
7. Межеричкий Я. Ю. Рождение Римской Империи // Гуманитарные исследования Центральной России. 2020. №3 (16). С. 10.
8. Рогачев А.С., Логинов М.П., Усова Н.В. Налогообложение малого бизнеса в теневой экономике // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. №245. С. 235-258.
9. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Москва: Бомбора, 2015. 542 с.
10. Харитонова Е.В., Борисов Н.А., Шамоян Р.Д. Социальная доминанта устойчивого экономического роста. // Социально-экономические явления и процессы. 2015. №10 т. С. 1-11.

References:

1. Mikerin A.A. On the issue of the reception of Roman law in Europe // Financial Ecoscientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No.2 (2). p.157.
2. Shiyani A.A. Historical aspect of the concept of public-private partnership // Theory and practice of the service: economics, social sphere, technology. 2020. No. 1 (43). pp.14-16.
3. Ryzanov V.T. Keynesian economic theory and policy: opportunities and limitations at the present stage // Bulletin of the St. Petersburg University. Economy. 2016. No 5.(2). p.3-21
4. Lyapustin B.S. Roman surname and a new approach to the history of the economy of ancient Rome // Bulletin of MGIMO. 2009. No.5. pp. 2-17.
5. Ivanov A.S. The history of the formation and development of the principle of freedom of contract in the Roman Empire // Izvestiya TuSU. Economic and legal sciences. 2019. No.2. p. 119.
6. Grafskiy V.G. Universal history of law and the state. 2nd ed. Moscow: NORMA, 2007. 742 p.
7. Mezheritskiy Ya. Yu. The Birth of the Roman Empire // Humanitarian studies of Central Russia. 2020. No.3 (16). p. 10.
8. Rogachev A.S., Loginov M.P., Usova N.V. Taxation of small business in the shadow economy // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2024. No.245. p. 235-258
9. Thaler R. New behavioral economics. Moscow: Bommora, 2015. 542 p.
10. Kharitonova E.V., Borisov N.A., Shamoyan R.D. The social dominant of sustainable economic growth. // Socio-economic phenomena and processes. 2015. No. 10 T. S. 1-11

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_62

УДК 34.1

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ THE DEVELOPMENT OF VALUE-LEGAL STRUCTURES IN LEGAL SCIENCE

ПРИХОДЬКО Сергей Олегович,

аспирант ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».

ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.

E-mail: proff-mast@mail.ru;

Prikhodko Sergey Olegovich,

graduate student Samara State Economic University.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.

E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: В статье определяется понятие «аксиология» и её место в философии права; рассматривается ценностная проблематика, как предопределяющий элемент становления аксиологии, а также выявляются критерии, способствовавшие её развитию. В статье рассматривается история становления аксиологии как науки, и выявляются особенности, способствовавшие её развитию относительно конкретного исторического периода. В частности, выделяются особенности развития ценностно-правовых конструкций предклассического, классического и постклассического периодов, а также рассматривается античный период, как период, предопределившего их возникновение. Исследованы мнения философов, внесших вклад в становление аксиологии как науки и в её дальнейшее развитие.

Abstract: The article defines the concept of "axiology" and its place in the philosophy of law; examines value issues as a determining element of the formation of axiology, and identifies the criteria that contributed to its development. The article examines the history of the formation of axiology as a science, and identifies the features that contributed to its development relative to a specific historical period. In particular, the features of the development of value-legal structures of the pre-classical, classical and post-classical periods are highlighted, and the ancient period is also considered as the period that predetermined their occurrence. The opinions of philosophers who contributed to the formation of axiology as a science and to its further development are studied.

Ключевые слова: аксиология, ценность, философия права, ценностно-правовые конструкции, этика добродетели.

Keywords: axiology, value, philosophy of law, value-legal constructions, ethics of virtue.

Для цитирования: Приходько С.О. Развитие ценностно-правовых конструкций в юридической науке // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_62.

For citation: Prikhodko S.O. The development of value-legal structures in legal science // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_62.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В широком смысле под ценностями обычно понимают явления действительности (факты идеального и материального мира), имеющие то или иное значение для общества, его групп или отдельных людей [7, с. 301]. Аксиология (от греч. axia – ценность, logos – учение) – это учение о ценностях, их природе и влиянии на жизнь общества.

Аксиология является одним из основных элементов философии права и философии в целом, поскольку человек воспринимает окружающий мир ценностно, следовательно, их интерпретация невозможна без аксиологической составляющей [5, с. 9].

Термин «аксиология» введён французским философом Полом Лапи в 1902 г., а в 1904 г. немецкий философ-иррационалист Эдуард фон Гартман представил аксиологию в качестве одной из философских дисциплин. Однако основоположником аксиологии как полноценного философского течения является Иммануил Кант, который отделил «сущее» от «должного» [7, с. 9].

Несмотря на относительное позднее становление аксиологии как науки, ценностная проблематика существовала с древнейших времён. С момента образования общества и в процессе его развития в сфере хозяйственных, семейных, религиозных и других отношений перед человечеством всегда стоял ценностный выбор, например, между способами организации социальной жизни, вариантами поведения, между объектами материального и нематериального мира. Данный процесс способствовал выработке определённых критериев и процедуры оценки. Наиболее остро проблема выработки ценностей возникала в период резких социальных перемен, предполагающих ориентацию на иные социальные ориентиры, т.е. в контексте определённых исторических событий возникали предпосылки для формирования новых ценностных установок. Так, падение афинской демократии послужило основанием для постановки Сократом вопроса «Что есть благо?». Понятия «благо», «общее благо», «высшее благо» являлись предметом осмысления Платона, Аристотеля, Эпикура. Философы Древней Греции рассуждали о ценностях именно со стороны добродетелей, таких как мужество, честь, справедливость. В античной и средневековой философии ценностные характеристики соотносились с реальностью как часть и целое. Данный период характеризуется нерасчленённостью онтологии и аксиологии, бытия и ценностей. Так, философы античного периода понятие «ценность» рассматривали через призму добра и добродетели. Аристотель рассматривал данные категории как идеальные качества, как ориентир, которому должен следовать каждый [3, с. 352].

Отличительной чертой теории этики добродетели выступает отсутствие цели выявления универсальных принципов, применимых в конкретной ситуации. Данная теория предполагает субъективный характер добродетельности, следствием чего выступает добродетельное право как итог добродетельности всех.

По мнению Ланга П.П., теория этики добродетели служит основанием для эгоцентричной концепции этики [6, с. 9]. По нашему мнению, данная точка зрения является верной, поскольку этика добродетели имеет личный характер и не учитывает влияние действий на иные субъекты отношений, что является проблемой концепции обеспечения равной правовой справедливости.

Таким образом, в античный период понятие «ценность» раскрывало идеал вещей и людей с позиции добродетельности, однако данные категории не имели ценностной характеристики в принятом современном понимании. В связи с этим, следуя позиции М.А. Киссель, который указывал, что «аксиология как самостоятельная область философского исследования возникает тогда, когда понятие бытия расщепляется на два элемента: реальность и ценность как объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [5, с. 731], можно сделать вывод о начале становления аксиологии в науке.

Ключевую роль в становлении философии ценностей и ценностно-правовых конструкций, в частности, сыграл И. Кант, который противопоставил природу и нравственность, теоретические и практические отношения. По его мнению, причинность является фактором, предопределяющим действие законов природы, в то время как нравственность предопределяет закон свободы. Законы природы организуют структуру и развитие живой и неживой материи; структура и развитие общественных отношений создаётся непосредственно человеком и регламентируется требованиями категорического императива, предполагающего, что личность является высшей ценностью. Таким образом, следуя данной теории, ценностное измерение применимо исключительно человеческому сознанию, следовательно, право, как результат непосредственно человеческой мысли, характерно только для общества, поскольку сфера человеческих отношений есть та среда, где только и возможны ценности, создаваемые человеческой волей людей.

Со второй половины XIX века аксиология становится самостоятельной научной дисциплиной [11, с.247]. Период её развития включает в себя три периода: предклассической (1860 г. – 1880 г.), классической (1890 г. – 1920 г.) и постклассической (1930 г. – по н.в.). Предклассический период характеризуется предметным анализом аксиологии и ценностно-правовых конструкций, в частности. Р.Г. Лотце, А. Ритчль, Ф. Ницше способствовали тому, что ценностная проблематика начинает занимать особое место в философии, что подтолкнуло к дальнейшему изучению и переосмыслению ценностных составляющих [12, с.8].

В классический период создаются основные работы по аксиологии, которые по силе аргументации, оригинальности и глубине идей до настоящего времени остаются непревзойдёнными, продолжают быть теоретической основой современных исследований в области теории ценностей [5. С. 301]. Классическая аксиология включает в себя: 1) формальную аксиологию, которая ориентирована на предельно общие закон ценностных отношений; 2) материальную аксиологию, устанавливающую структуру и иерархию ценностей; 3) аксиологическую онтологию, регламентирующую непосредственно природу ценностей; 4) аксиологическую гносеологию, которая направлена на установление соотношения ценностей и познания.

Постклассический период ориентирован на критику философии ценностей [15, с.78]. Основной массив литературы в данный период прирастал за счёт прикладных исследований популярного характера и невысокого теоретического уровня [10, С. 62-67].

Так, анализ нынешнего состояния теории ценности подробно представлен в книге М.С. Кагана «Философская теория ценности». Исследователь отстаивает позицию, согласно которой ценность возникает в специфическом объектно - субъектном отношении, поскольку связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, то есть носителем социально — культурных качеств, определяющих сверхиндивидуальное содержание его духовной деятельности. Автор высказывает оригинальные суждения по целому ряду дискуссионных проблем. В частности, он касается разграничения понятий «ценность и истина», «ценность и полезность», «ценность и цель». М.С. Каган считает неправомерным деление ценностей на материальные и духовные, получившее распространение в отечественной аксиологической литературе. Носитель ценности [4 с. 77] — это нечто конкретное — любой предмет, материальный, духовный, художественный; предмет реальный или воображаемый; вещь, действие или событие, ценность — есть значение данного предмета для субъекта. Оценка - неотделимый элемент сознания, сформировавшийся в ходе человеческой деятельности. Деятельность не только порождает функциональное бытие явлений действительности, их ценность, но и формирует субъективную способность, с помощью которой выражается ценность. Оценка и есть средство осознания ценности мира, а вместе с тем осознание человеком собственной личностно- индивидуальной значимости (самооценка)[13, с.23]. В категории «оценка» раскрывается единство значения и смысла, пронизывающих мир социальных и индивидуальных ценностей [14, с.104]. Ценности объективны, но подвергаются оценке со стороны социального субъекта.

Таким образом, ценностно-правовые конструкции – результат непосредственно человеческого сознания. Сфера общественных отношений является той средой, где возможны создание и реализация ценностей. Природа, рассматриваемая автономно, без человека, не имеет смысла в ценностной оценке. Развитие философии ценностей в целом и ценностно-правовых конструкций в частности характеризуется тремя этапами её становления, для каждого из которых характерна определенная теоретическая осмысленность данной темы.

Библиография:

1. Алексеев С.С. Основы философии права. СПб. 1999. С. 111-114.
2. Антонов В.Ф. Ценностные установки в системе правового регулирования. Философия права. № 3 (90). 2019. С. 65-70.
3. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения: в 4 т. общ. ред. А.И. Доватур. Москва. 1983. Т. 4.
4. Каган М.С. Философская теория ценности. М., 1997. С. 320.
5. Киссель М.А. Ценностей теория. Философский энциклопедический словарь. М. 1989. С. 852.
6. Ланг П.П. Аксиологическое измерение правовой материи: теоретические и утилитарно-практические аспекты. Монография. Самара: ООО «Полиграфическое объединение «Стандарт». 2021. С. 192.
7. Марченко М.Н. Философия права: курс лекций: учебное пособие. М.: Оригинал-макет. 2017. С. 552.
8. Нерсесянц В.С. Философия права. М. 1997. С. 652.
9. Честнов И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение. СПб. 2009. С. 9.
10. Шохин В.К. Аксиология. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М. 2000. С. 62-67.
11. Ланг П. П. Феномен правовых ценностей: генезис и эволюция // Российская наука: актуальные исследования и разработки : Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 25 февраля 2021 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2021. – С. 246-249.

12. Ланг П. П. Развитие правовых ценностей в историческом контексте правовых идей // Российская юстиция. – 2021. – № 1. – С. 7-10.
 13. Ланг П. П. Аксиологические основы юридической герменевтики // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 1(41). – С. 20-26.
 14. Lang, P. The process of law formation: ontological, axiological and epistemological aspects // Kazan University Law Review. – 2022. – Vol. 7, No. 3. – P. 102-116.
 15. Ценность права в условиях цифровой реальности / О. Ю. Рыбаков, М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 312 с.

References:

1. Alekseev S.S. Fundamentals of the Philosophy of law. St. Petersburg, 1999. pp. 111-114.
2. Antonov V.F. Value orientations in the system of legal regulation. The philosophy of law. No. 3 (90). 2019. pp. 65-70.
3. Aristotle. Nicomachean ethics. Essays: in 4 vols., ed. by A.I. Dovavtura. Moscow. 1983. Vol. 4.
4. Kagan M.S. Philosophical theory of value. M., 1997. p. 320.
5. Kissel M.A. Theory of values. Philosophical encyclopedic Dictionary. M. 1989. p. 852.
6. Lang P.P. The axiological dimension of legal matter: theoretical and utilitarian-practical aspects. Monograph. Samara: Poly-graphic Association "Standard" LLC. 2021. p. 192.
7. Marchenko M.N. Philosophy of law: course of lectures: textbook. M.: Original layout. 2017. p. 552.
8. Nersesyants V.S. Philosophy of Law. M. 1997. P. 652.
9. Chestnov I.L. History of political and legal doctrines: theoretical and methodological introduction. St. Petersburg. 2009. P. 9.
10. Shokhin V.K. Axiology. The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. Vol. 1. M. 2000. pp. 62-67.
11. Lang P. P. The phenomenon of legal values: genesis and evolution // Russian Science: current research and development : Collection of scientific articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, February 25, 2021. Volume Part 2. – Samara: Samara State University of Economics, 2021. – pp. 246-249.
12. Lang P. P. Development of legal values in the historical context of legal ideas // The Russian justice system. - 2021. – No. 1. – pp. 7-10.
13. Lang P. P. Axiological foundations of legal hermeneutics // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2021. – № 1(41). – Pp. 20-26.
14. Lang, P. The process of law formation: ontological, axiological and epistemological aspects // Kazan University Law Review. – 2022. – Vol. 7, No. 3. – P. 102-116.
15. The value of law in digital reality / O. Y. Rybakov, M. A. Belyaev, Yu. Yu. Vetyutnev [and others]. – Moscow : Prospekt Limited Liability Company, 2024. – 312 p.

РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А.В. ГОЛОВНИНА В КОНТЕКСТЕ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» АЛЕКСАНДРА II Reforms of the education system of the Minister of Public Education A.V. Golovnin in the context of the "Great Reforms" of Alexander II

ХИМИЧ Татьяна Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: tanja04@inbox.ru;

Himich Tatyana Mikhailovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure"
of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT).
Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127994, Russia.
E-mail: tanja04@inbox.ru

Краткая аннотация. Александр Васильевич Головнин (1821-1886) был министром народного просвещения (1862–1866) в период проводимых императором Александром II «Великих реформ». Благодаря его активной гражданской позиции и работоспособности система образования претерпела значительные изменения: принят Университетский Устав 1863 г., который был самым либеральным из всех в дореволюционной России, реформировал начальное образование, разработал «Временные правила о печати», которые начали официально действовать 1 (13) сентября 1865 г.

Abstract. Alexander Vasilyevich Golovnin (1821-1886) was the Minister of Public Education (1862-1866) during the period of the "Great Reforms" carried out by Emperor Alexander II. Thanks to his active citizenship and efficiency, the education system has undergone significant changes: the University Charter of 1863 was adopted, which was the most liberal of all in pre-revolutionary Russia, reformed primary education, developed "Temporary Rules on Printing", which officially began to operate on September 1 (13), 1865.

Ключевые слова. Александр Васильевич Головнин (1821-1886), министр народного просвещения, Университетский Устав 1863 года, начальное образование, «Временные правила о печати» 1865 г.

Keywords. Alexander Vasilyevich Golovnin (1821-1886), Minister of Public Education, University Charter of 1863, primary education, "Provisional Rules on Printing" 1865

Для цитирования: Химич Т.М. Реформы системы образования министра народного просвещения А.В. Головнина в контексте «Великих реформ» Александра II // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 65-67. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_65.

For citation: Himich T.M. Reforms of the education system of the Minister of Public Education A.V. Golovnin in the context of the "Great Reforms" of Alexander II // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 65-67. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_65.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Проводимые императором Александром II «Великие реформы» затронули многие сферы общественной жизни, в том числе и систему образования. Александр II, будучи сторонником либеральных идей, придя к власти, и задумав свои большие преобразования, ориентировался на приближенных, которые также отличались широтой взглядов. Один из таких государственных деятелей Александр Васильевич Головнин (1821-1886).

Александр Васильевич закончил Царскосельский лицей с золотой медалью (1839) и сразу пошел на службу «в собственную канцелярию его величества по управлению учебными и благотворительными заведениями». [5]. Интересно, что в канцелярии среди его сослуживцев был писатель Иван Сергеевич Тургенев, с которым А.В. Головнина связали теплые приятельские отношения.

Служебная карьера Александра Васильевича складывалась успешно. Через три года он стал секретарем особенной канцелярии министра внутренних дел Л. А. Перовского. Граф Лев Алексеевич Перовский входил в круг приближенных императора Николая I. Затем его назначили на должность чиновника особых поручений при начальнике Главного морского штаба светлейшем князе А. С. Меншикове, а уже в 1850 г. он стал секретарём при великом князе Константине Николаевиче. Головин, благодаря своим личным качествам приобрел доверие со стороны великого князя и сблизился с кругом лиц, которые стали впоследствии видными деятелями эпохи царствования императора Александра II.

Великий князь Константин Николаевич, как и его брат, будущий император Александр II, поддерживал либеральные ценности, часто помогал принимать решения молодому императору. В этом близком по духу круге лиц определенное, хоть и негласное, но важное место занял Александр Васильевич Головнин. Его назначили министром народного просвещения (1862–1866) и новый министр приступил к преобразованиям. Первые изменения коснулись самого министерства. Александр Васильевич добился увеличения бюджетного ассигнования на нужды Министерства в несколько раз. Затем он распространил широкую гласность на все, что происходило в стенах его ведомства, тем самым, привлекая образованное и заинтересованное общество к обсуждению принимаемых проектов [5]. Головнину удалось сделать так, что Министерство народного просвещения стало при нем одним из важнейших.

Одним из результатов активной профессиональной деятельности Головнина был принятый в 1863 г. Университетский устав, который юридически определил новые векторы развития университетов империи. Разрабатывали этот Устав в том числе с оглядкой на европейский опыт. Для этой работы был отправлен в Европу известный правовед, историк, публицист Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885). Ему следовало, в том числе, изучить правовые положения, которые регулировали деятельность европейских университетов.

В итоге проделанной подготовительной работы Университетский устав 1863 г. считается самым либеральным из всех в дореволюционной России. По положениям данного Устава должность ректора университета была избираемой, срок его полномочий ограничивался четырьмя годами. В университетах все важные дела должны были решаться на проводимых раз в месяц (по общему правилу) Университетских Собраниях, решения принимались большинством голосов.

Профессора также избирались. Их кандидатуры выдвигали сами факультеты, затем их рассматривали на Университетском Собрании, затем кандидатуры утверждал Министр народного просвещения. Для более продуктивной работы профессоров, чтобы они смогли сосредоточить весь свой научный и педагогический потенциал в рамках определенного университета, Устав увеличил им заработную плату в несколько раз [5].

Расширился круг лиц, которые могли поступить на обучение в университет. По Уставу претенденту должно быть не менее 17-ти лет, и он должен был иметь аттестат об окончании гимназии [1].

Нормы Устава распространялись на шесть университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Киевский, и на Новороссийский университет в Одессе, который открылся в 1865 г. Было разрешено иметь пять факультетов: физико-математический, юридический, который пользовался особенной популярностью у студентов, медицинский, историко-филологический и факультет восточных языков. Благодаря новому Университетскому уставу 1863 года научная жизнь в университетах оживилась, российская профессура получила возможность участвовать в международных съездах по своим научным специализациям, расширились возможности для написания научных работ. Университетский Устав «отразил в себе накопленный за длительный период опыт правового регулирования разных проявлений университетской жизни» [4].

Полномочия попечителя сокращаются. Если в Уставе 1835 г. его полномочиям было посвящено четырнадцать статей, то в новом Уставе только один параграф [2]. Попечитель должен был следить за исполнением обязанностей Университета и в случае крайней необходимости мог вмешаться, даже если меры, которые он вынужден был принять превышала его власть. Одновременно его обязывали сообщить об инциденте министру просвещения [4].

В 1864 г. был утверждён «Устав гимназий и прогимназий», который ввёл принцип формального равенства в среднем образовании для людей всех сословий и вероисповеданий. Устав разделил гимназии на два вида: классические и реальные. Выпускникам классических гимназий открывалась возможность поступления в университеты без экзаменов. Однако Устав 1864 г. утверждал высокую плату за обучение. Это автоматически закрывало двери перед простолюдинами.

Остро встал вопрос о реформировании начального образования. В 1861 г. была образована специальная комиссия из представителей различных ведомств для определения общей программы реформирования народных школ. Головин поставил основную задачу – объединить в ведении министра народного просвещения все учебные заведения. И уже в 1862 г. состоялось высочайшее повеление, согласно которому руководство начальными училищами во всей империи было передано Министерству народного просвещения. Из этого общего положения исключались училища, которые открывало духовенство. Такие училища были подконтрольны Святейшему Синоду. Таким образом было сломлено сопротивление духовенства, которое обладало фактически монопольным правом на начальное образование.

Годом позже, опираясь на мнения педагогов, были внесены изменения в план организации народных училищ. Стала популярна английская система организации школ, согласно которой, государство не вмешивается во внутреннюю организацию учебного заведения. Педагоги говорили о возможности открытия частных школ. На основании этого, Головинным было выработано «Положение о начальных народных училищах», которое было утверждено Александром II в 1864 г. и было основным законодательным актом, который определял цели, программы различных видов школ и основные принципы обучения. По этому Положению было разрешено открывать школы как частным лицам, так и общественным организациям.

Эти учебные учреждения были подконтрольны уездным и губернским училищным советам, в состав этих советов входили директора училищ, представители от земств, местной администрации и духовенства.

Головин принял активное участие в составлении нового закона о печати. В 1863 г. был разработан новый законопроект, в 1864 г. проект Устава о печати поступил в Государственный Совет. В его обсуждении активное участие, помимо министра народного просвещения А. В. Головина, приняли великий князь Константин Николаевич, председатель Комитета министров князь П. П. Гагарин, барон М. А. Корф, граф В. Н. Панин, князь В. А. Долгоруков и А. М. Горчаков, министр юстиции Д. Н. Замятин, военный министр Д. А. Милютин.

После длительных обсуждений в течение нескольких месяцев «Временные правила о печати» были утверждены императором Александром II и официально начали действовать 1 (13) сентября 1865 г. Под «Временными правилами...» понимались два законодательных акта - указ императора Александра II «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», и утверждённое императором мнение Государственного совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях» [3].

Временные правила отменяли предварительную цензуру работ, которые выпускали университеты и научные общества. Определённые преференции получала печатная продукция, которая печаталась в Москве и Санкт Петербурге (а большинство печатной продукции было в этих двух городах). Кроме этого, были освобождены от цензуры оригинальные сочинения объемом свыше 10 п.л., а переводные свыше 20 п.л. Издатели газет и журналов Москвы и Санкт Петербурга могли выпускать свои периодические издания без предварительной цензуры, но для этого следовало получить разрешение Министра внутренних дел и внести залог в сумме от 2,5 до 5 тыс. руб. [3]

Книги и периодические издания, которые были освобождены от предварительной цензуры должны были быть предоставлены в цензурные комитеты и если в них члены комитета находили нарушение цензурного законодательства, тогда дело передавали в суд. Санкции предполагались суровые: тюремный арест, штраф, лишение права заниматься редакторской или печатной деятельностью сроком до 5 лет.

Периодические издания подлежали также административным взысканиям. Например, министр внутренних дел мог делать предупреждения в случае «замеченного в них вредного направления» [5]. После 3-го предупреждения издание приостанавливалось на срок до 6 месяцев или, по представлению министра внутренних дел в 1-й департамент Сената, закрывалось.

«Временные правила о печати» не позволяли печатать материалы, которые возбуждали бы «вражду в одной части населения государства против другой», подрывали бы «общественное доверие» к законодательству и постановлениям суда, а также «резких и неприличных суждений» о правительственных мероприятиях. Если такое случалось, то издание обязывали публиковать «безотлагательно и безденежно... без всяких в том же номере возражений» официальное опровержение или исправление «обнародованного тем изданием известия» [3].

В 1866 году Александр Васильевич Головин был уволен с должности. Причиной послужило неудачное покушение на императора Александра II Дмитрия Владимировича Каракозова. Каракозов несколько лет отучился в Казанском университете. За участие в студенческих волнениях был исключен из университета, затем восстановился на обучение и перевёлся в Московский университет, откуда был отчислен за неуплату. Последовавшее расследование показало, что у части студентов присутствуют революционные настроения и идеи, которые были недопустимы для правящей монархии. Ответственность возложили на Министерство народного просвещения, так как под его контролем были университеты. Было принято решение, что политика, проводимая министерством, а равно его руководителем Головиным, носит чрезмерно либеральный характер, что и послужило распространению в среде студентов вредных идей.

После отставки Головин продолжил активно участвовать в государственной жизни страны. Состоял членом Государственного совета, затем присутствовал в департаменте государственной экономики, в 1872 - 1876 годах - в департаменте законов.

Таким образом, Александр Васильевич Головин за время своего, казалось бы, недолгого пребывания на должности министра народного просвещения успел значительно реформировать систему образования, дав университетам автономию, без которой профессуре и студентам было сложно развивать свой научный потенциал, преобразовал школьное обучение, с оглядкой на новые веяния, внес значительные коррективы в закон о печати, благодаря чему издатели получили широкие возможности для публикации работ, в том числе и научных, а писатели, в свою очередь, печатать свои произведения. Головин вписал свое имя в число активных деятелей, которые проводили в жизнь «Великие реформы» Александра II.

Библиография:

1. Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII — начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 121
2. Общий Устав императорских российских университетов 1835 года: генезис университетского законодательства // Lex Russica. 2014. № 7. С. 862—876
3. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865—1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2011. С. 359–371
4. Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // Университетская реформа 1863 года в России / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. (Серия "Великие реформы"), С. LXVIII—CXVII.
5. Толмачев Е.П. Александр II и его время: в 2 кн. Кн.1 – М.: Терра – Книжный клуб, 1998.

References:

1. Zipunnikova N. N. "Universities are established for teaching sciences to the highest degree." Russian legislation on universities of the XVIII — early XX century. Yekaterinburg, 2009. p. 121
2. The General Charter of the Imperial Russian Universities of 1835: the genesis of university legislation // Lex Russica. 2014. No. 7. pp. 862-876
3. The periodical press and censorship of the Russian Empire in 1865-1905. The system of administrative penalties: A reference publication. St. Petersburg: Publishing house "Nestor-History", 2011. pp. 359-371
4. Tomsinov V.A. Preparation and implementation of the university reform of 1863 // University reform of 1863 in Russia / Compiler and author of introductory articles V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo, 2012. (Series "Great Reforms"), pp. LXVIII–CXVII.
5. Tolmachev E.P. Alexander II and his time: in 2 books. Book 1 – Moscow: Terra – Book Club, 1998.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В ПРАКТИКЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ACTUAL ISSUES IN THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE AND THE WAYS OF ITS SOLVING

СКОБЕЛЕВА Кристина Алексеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Комсомольская ул., 50, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460000, Россия.
E-mail: kristinask@mail.ru;

SKOBELEVA Kristina Alekseevna,

candidate of legal sciences, senior lecturer of the theory of state and law Department of the Orenburg Institute (Branch) of University named after O.E.Kutafin (MSLA).
Komsomolskaya str., 50, Orenburg, Orenburg region, 460000, Russia.
E-mail: kristinask@mail.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена анализу правоприменительной практики в сфере регулирования антитабачного законодательства с целью выявления актуальных проблем и определения уровня эффективности и целесообразности действия актов правоприменения.

Abstract. This article is devoted to analysis of the law enforcement practice in the sphere of regulation of anti-smoking legislation to discover actual problems and to determine the level of effectiveness and usefulness of the law enforcement acts.

Ключевые слова: правоприменительная деятельность, антитабачное законодательство, табак, табачная продукция, никотиносодержащая продукция, курение, индивидуальный предприниматель.

Key words: law enforcement practice, anti-smoking legislation, tobacco, tobacco products nicotine-containing products, smoking, individual entrepreneur.

Для цитирования: Скобелева К.А. Актуальные вопросы в практике правоприменения и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 68-72. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_68.

For citation: Skobeleva K.A. Actual issues in the law enforcement practice and the ways of its solving // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 68-72. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_68.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Вопросу правоприменительной деятельности в юридической науке всегда уделялось значительное внимание. Исходной точкой в изучении любой стороны правоприменительной деятельности является понятие этой деятельности. В теоретико-правовой науке существует множество подходов к пониманию данного феномена. Так, ведущий отечественный ученый С.С. Алексеев дает следующее определение: «применение норм права - это властно-организующая деятельность компетентных органов и лиц, которая направлена на решение юридического дела и в результате которой в ткань правовой системы включаются новые элементы - «индивидуальные предписания»¹.

Другой известный советский правовед И.Я. Дюрягин отмечает в своей фундаментальной монографии, что применение права - это осуществляемая в специально-установленных законом формах государственно-властная, организующая деятельность компетентных государственных органов и уполномоченных государством органов общественности по вынесению индивидуально-конкретных правовых предписаний².

Иного мнения придерживаются Р.А. Ромашов и Е.Г. Шукшина, которые рассматривают правоприменительную деятельность как особый (властный) способ осуществления регулятивной и охранительной функции права, сопровождающийся предельно строгим и точным соблюдением инструментальных и процессуально-процедурных регламентов, имеющих своей основной целью разрешение конкретного юридического дела³.

Анализируя различные точки зрения, очевидно, что правоприменительная деятельность является сложной по своему составу. В приведенных дефинициях сформулированы основные признаки рассматриваемого явления. Правоприменительная деятельность:

- осуществляется специально уполномоченными субъектами;
- реализуется в предусмотренных нормами закона процессуально-процедурных формах;
- завершается вынесением индивидуального правового акта.

Субъект познания в правоприменительной деятельности (правоприменитель, субъект правоприменения) — должностное лицо уполномоченного на то органа, обладающего государственно-властными полномочиями. Это многие органы, имеющие отношение к триаде исполнительной, законодательной и судебной власти: судебные органы, прокуратура, органы дознания и предварительного следствия, органы МВД, ФСБ, полиция и др.

Предмет познания в применении права — фактические обстоятельства юридического дела (юридические факты; факты, имеющие значение для выработки оптимального решения по делу в пределах применяемой нормы права; обстоятельства, способствовавшие совершению правонарушений), а также правовые нормы и источники права¹.

¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 178.

² Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск: Изд-во Свердловск. юрид. ин-та, 1973. С. 19.

³ Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Механизм преодоления юридических конфликтов в сфере правоприменительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3 (27). С. 40—48.

В связи со стремительным развитием общественных отношений в Российской Федерации растет количество разнонаправленных нормативно-правовых актов. Правоприменение играет значительную роль в правореализационных процессах практически во всех сферах жизни общества, в том числе в табачной отрасли. Регулирование табачной отрасли всегда было одним из направлений законодательной деятельности государства с точки зрения экономической и социальной обстановки, но в современной России оно приобрело особый оттенок ввиду того, что одним из главных векторов развития права и его реализации на сегодняшний день является соблюдение и защита прав человека и гражданина, забота о здоровье нации.

Развитие антитабачной политики в России началось с принятия Федерального закона от 10.07.2001 № 87-ФЗ "Об ограничении курения табака". Закон регулировал деятельность по производству, оптовой торговле и розничной продаже табачных изделий и определял правовые основы ограничения курения. Так, Законом была запрещена розничная продажа табачных изделий лицам, не достигшим возраста 18 лет².

В Законе не было термина «последствия потребления табака», но зато было понятие «смола». Закон впервые ввел запрет на продажу табака детям, при этом реклама табачных компаний запрещена не была – законодатели 2001 года ограничились лишь абстрактным регулированием (параметры которого в самом законе вообще не прописывались). Иными словами, к 2011 году Федеральный закон от 10.07.2001 № 87-ФЗ "Об ограничении курения табака" окончательно потерял свою актуальность.

В 2003 г. в г.Женева на Всемирной ассамблее здравоохранения под эгидой Всемирной организации здравоохранения ООН был принят и ратифицирован абсолютным большинством стран мира по-настоящему прорывной международный договор – Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (РКБТ), признанная впоследствии одним из важнейших достижений в области защиты здоровья населения. Россия присоединилась к договору в 2008 году.

С целью совершенствования законодательства в сфере охраны здоровья населения, с учетом положений Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака, с 01.06.2013 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее — Закон), запрещающий курение в общественных местах, спонсорство и рекламу табака, а также вовлечение детей в употребление табака³.

Новый закон сконцентрирован не столько на регулировании оборота табака и его производства, сколько на охране жизни и здоровья граждан, а также поддержке идей здорового образа жизни общества. Впервые в законе даны определения табачного дыма, потребления табака как такового, последствий потребления табака, спонсорства табака, дано точное и подробное определение табачных организаций. Так, под курением табака в рассматриваемом Законе понимается использование табачных изделий в целях вдыхания дыма, возникающего от их тления, а потребление табака - это курение табака, сосание, жевание, нюханье табачных изделий.

Федеральным законом от 31.07.2020 № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотиносодержащей продукции» внесены изменения в Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего дыма, последствий потребления табака или никотиносодержащей продукции»⁴. Изменения касаются наименования самого Закона №15-ФЗ, а также вводятся новые понятия, такие как: кальяны, никотиносодержащая продукция, никотиносодержащая жидкость, пищевая никотиносодержащая продукция, а также устройства для потребления никотиносодержащей продукции.

В соответствии с требованиями Закона №15-ФЗ запрещается курить: на территориях и в помещениях, предназначенных для оказания образовательных услуг, услуг учреждениями культуры, учреждениями органов по делам молодежи, услуг в области физической культуры и спорта; на воздушных судах без ограничения продолжительности полета; на всех видах общественного транспорта; в местах на открытом воздухе на расстоянии менее чем 15 метров от входов в помещения железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, станций метрополитена, а также на станциях метрополитена, в помещениях железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, предназначенных для оказания услуг по перевозкам пассажиров; в лифтах и помещениях общего пользования многоквартирных домов; на детских площадках; в границах территорий, занятых пляжами; в помещениях социальных служб; на автозаправочных станциях.

С 1 июня 2014 г. вступил в силу второй этап антитабачного закона. Введен запрет на курение в местах общественного питания; в помещениях, предназначенных для предоставления бытовых услуг; в магазинах и торговых центрах, в нестационарных торговых объектах; общепитах и гостиницах, на перронах железнодорожных вокзалов; в поездах и на судах дальнего следования.

Нарушение запрета курения табака, потребления никотиносодержащей продукции или использования кальянов на отдельных территориях, в помещениях и на объектах влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей⁵.

¹ Казанков Я. Н. Структура познания в применении права: основополагающие элементы// Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. Казань., 2016. С. 11-13.

² Федеральный закон от 10.07.2001 № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака»// Собрание законодательства РФ. 2001. №29. Ст.2942.

³ Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»//Собрание законодательства Российской Федерации РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

⁴ Федеральным законом от 31.07.2020 № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотиносодержащей продукции»// Собрание законодательства РФ. 2020. №31 Ст.5062.

⁵ Федеральный закон от 30.12.2001 №195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1.

На практике в общественных местах статья 6.24 КоАП РФ работает только в том случае, если сотрудники полиции увидели сами, что человек курит в непопозволенном месте, и оформили протокол.

Изучение правоприменительной практики свидетельствует о крайне низком количестве зарегистрированных и рассмотренных в административном порядке случаев нарушения закона о табакокурении, несмотря на то, что данные правонарушения встречаются ежедневно даже с позиции стороннего наблюдателя.

Также спорным является вопрос об определении территориальных границ тех или иных объектов, курение на которых запрещено. Так, например, введен запрет на курение на детских площадках. Однако, ни в одном нормативно-правовом акте нет определения, что есть «детская площадка». Установку детской площадки относят к благоустройству придомовой территории. Согласно законодательству, а именно ч.2.3 ст.161 Жилищного Кодекса Российской Федерации УО, ТСЖ, ЖСК благоустраивают место, где планируют установить площадку, если оно расположено на земельном участке, который входит в состав общего имущества.

17 ноября 2018 года на территории РФ вступил в силу Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности оборудования для детских игровых площадок», утвержденный решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17.05.2017 № 21. Но Технический Регламент устанавливает единые требования к оборудованию детских площадок для обеспечения безопасности детей¹. Согласно пункту 7.5 ГОСТ Р 52301-2013 на детской игровой площадке должна быть размещена информация в виде таблички (пиктограммы), содержащая: правила пользования оборудованием и сведения о возрастных группах (включая ограничения по росту и весу), номера телефонов службы спасения, скорой помощи, номера телефонов эксплуатанта (владельца), по которым следует обращаться в случае неисправности или поломки оборудования.

В действительности, во дворах жилых домов чаще всего располагаются песочницы, отдельные стоящие качели и т.п., не имеющие ограждений, четких границ и информационных знаков.

Подобный правовой пробел касается запрета на курение на пляже. В законодательстве встречается лишь определение лечебных пляжей². Понятие и классификация городского пляжа и других песчаных зон отсутствует. Соответственно, любой гражданин, курящий на такой территории, не имея умысла на совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 6.24 КоАП РФ, фактически может стать субъектом административно-правовых отношений. Возможным решением данного вопроса, предполагается нанесение специальной дорожной разметки, определяющей границы рассмотренных объектов. Эта мера упростила бы правоприменительную практику по пресечению правонарушений.

Проблема подросткового курения ежегодно становится все острее. В связи с этим, ст. 12 №15-ФЗ для предотвращения воздействия окружающего табачного дыма на здоровье детей и подростков вводит запрет курения табака на территориях и в помещениях, предназначенных для оказания образовательных услуг, услуг учреждениями культуры и учреждениями органов по делам молодежи, услуг в области физической культуры и спорта. Под помещением, предназначенном для оказания образовательных услуг понимается любая образовательная организация без разграничения этого понятия по возрастному критерию.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» существуют следующие типы образовательных организаций: дошкольная образовательная организация (детский сад, сад-ясли, школы раннего развития); общеобразовательная организация (общеобразовательная школа, школа-интернат, музыкальная школа и т.д.); профессиональная образовательная (техникум, училище, колледж); образовательная организация высшего образования (ВУЗ); организация дополнительного образования (курсы повышения квалификации); организация дополнительного профессионального образования (центр профессиональной ориентации)³.

Приоритетность защиты от воздействия табака несовершеннолетних, как особой категории граждан является бесспорной. Более того, недопущение потребления табака детьми и подростками является одним из принципов реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 и направленной на создание условий для роста численности населения, повышения качества и продолжительности жизни⁴.

Однако, минимальный возраст для поступления в ВУЗ — 17 лет. Очевидно, что большинство учащихся в ВУЗах и организациях дополнительного профессионального образования являются совершеннолетними и сформировавшимися личностями. Тем не менее, зоны этих организаций и их территории являются свободными от курения, что значительно ущемляет права курящих граждан.

Аналогичная несправедливость проявляется в запрете розничной торговли табачной продукцией или никотинсодержащей продукцией, кальянами, устройствами для потребления никотинсодержащей продукции на территориях и в помещениях, предназначенных для оказания образовательных услуг. Запрещается розничная торговля на расстоянии менее чем сто метров по прямой линии без учета искусственных и естественных преград от ближайшей точки, граничащей с территорией, предназначенной для оказания образовательных услуг.

В данной норме виды самих образовательных учреждений не конкретизированы. Это приводит к тому, что ограничение распространяется даже на специализированные организации. Например, автошколы, курсы повышения квалификации (например, бухгалтеров), курсы иностранных языков для взрослых, курсы подготовки охранников и т.д.

¹ Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности оборудования для детских игровых площадок»// URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 05.05.2024)

² Сборник важнейших официальных материалов по санитарным и противозидемическим вопросам: В 7 т. // Информационно-издательский центр Госкомсанэпиднадзора РФ М. 1992. Т.2. Ч.2.

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2012. № 53, ст. 7598.

⁴ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»//Собрание законодательства РФ. 2007. № 42 ст. 5009.

Подобные запреты не имеют под собой логической основы с точки зрения сокращения доступности табачной продукции для несовершеннолетних граждан, но ставят под угрозу доходность табачной отрасли для ритейлеров.

Особенно, проблема актуальна для небольших населенных пунктов с ограниченным количеством магазинов.

Для сравнения, розничная продажа алкогольной продукции тоже имеет ряд особых требований. Не допускается розничная продажа алкогольной продукции: в детских, образовательных, медицинских организациях, на объектах спорта, на прилегающих к ним территориях (к прилегающим территориям, относятся земельные участки, которые непосредственно прилегают к зданиям, строениям, сооружениям и границы которых определяются решениями органов местного самоуправления в порядке, установленном Правительством Российской Федерации). Конкретные величины расстояний от соответствующих объектов, в пределах которых запрещена розничная продажа алкогольной продукции, Правительством РФ не установлены. Соответственно, точные границы указанных зон должны устанавливаться муниципальными правовыми актами. Так, например, в Оренбургской области установлено минимальное значение расстояния – 50 метров от образовательных организаций до определяемых границ, прилегающих к ним территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции¹.

В связи с этим дискуссионным и, вызывающим недовольство табачных дистрибьютеров, становится вопрос: чем обусловлено то, что мера по розничной торговле табака суровее аналогичной меры по розничной торговле алкоголем? Очевидно, что последствия потребления алкогольной продукции являются более пагубными, чем последствия курения.

Оптимальным способом урегулирования рассматриваемой проблемы запрета курения в любом образовательном учреждении и на его территории будет - скорректировать формулировку ст. 19 №15-ФЗ об ограничении торговли табачной продукцией, табачными изделиями или никотинсодержащей продукцией, кальянами, устройствами для потребления никотинсодержащей продукции и дифференцировать образовательные учреждения, с учетом обучения в ряде учреждений совершеннолетних и осознанно делающих выбор граждан.

Помимо запрета розничной торговли табачной продукцией или никотинсодержащей продукцией, кальянами, устройствами для потребления никотинсодержащей продукции в определенных местах, ст. 19 Закона №15-ФЗ предусматривает целый ряд других существенных ограничений. Например, продажа табачной продукции или никотинсодержащей продукции, кальянов и устройств для потребления никотинсодержащей продукции должна осуществляться строго в магазинах и павильонах. Но открытая выкладка и демонстрация табачной продукции или никотинсодержащей продукции, кальянов и устройств для потребления никотинсодержащей продукции в торговом объекте запрещена. Для покупателей информация о данной продукции доводится продавцом в соответствии с законодательством Российской Федерации о защите прав потребителей до сведения покупателей посредством размещения в торговом зале перечня продаваемой продукции, текст которого выполнен буквами одинакового размера черного цвета на белом фоне и который составлен в алфавитном порядке, с указанием цены продаваемой продукции без использования каких-либо графических изображений и рисунков². Демонстрация может осуществляться только по требованию покупателя после ознакомления с перечнем.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора) систематически осуществляет наблюдение за соблюдением этого требования и в случае установления признаков его нарушения, объявляет предостережение индивидуальному предпринимателю, осуществляющему торговлю. Предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований – это не угроза органа государственного контроля в адрес контролируемого лица об обязательном применении штрафных санкций, а разъяснение по конкретным обстоятельствам с указанием возможных негативных последствий для предпринимателя в случае нарушений.

Во исполнение требования о закрытой выкладке табачной и никотинсодержащей продукции, как правило, предприниматель оснащает торговый объект специализированным торговым оборудованием, таким как закрывающийся шкаф накопитель, витринные шторы, тонированные стекла витрины. Но, тем не менее на практике, всё равно существует большое количество случаев нарушения требования о закрытой выкладке продукции. Это связано с человеческим фактором. Продавец, спеша, обслужить клиента, может не закрыть витрину сразу же после демонстрации продукции и вернуться к витрине после расчета покупателя. Такая оплошность со стороны продавца может послужить поводом для инспектора Роспотребнадзора зафиксировать нарушение и объявить контролируемому лицу предостережение, при этом контролируемое лицо это предприниматель, непосредственно не осуществляющий отпуск табачной продукции.

Выдача предостережения влечет определенные последствия для субъекта предпринимательской деятельности и непосредственно касается его экономической деятельности, т.к. в любом случае лицо должно представить пояснения относительно возможных выявленных нарушений, направить уведомление об исполнении предостережения, и в дальнейшем его деятельность может быть подвергнута проверке в порядке Федерального закона от 26.12.2008 №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и иных нормативных актов³.

Часть 3 ст. 20 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предусматривает, что в случае неисполнения требования, изложенного в предостережении о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо о недопустимости продолжения антиобщественного поведения, лицо, которому оно было объявлено,

¹ Постановление Администрации города Оренбурга от 24 марта 2017 года N 958-п «Об определении границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции и розничная продажа алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания»// URL: <http://www.orenburg.ru> (дата обращения: 16.04.2024)

² Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) "О защите прав потребителей"// URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/e96b1cbe2a0795305a08c97b1a7f34ddab4ae908/#dst100060 (дата обращения: 16.04.2024)

³ Федеральный закон от 26.12.2008 №294-ФЗ (ред. от 24.07.2023). «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»// Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6249

может быть привлечено к ответственности¹.

На практике за игнорирование предостережений виновных лиц привлекают к административной ответственности по статье 19.7 КоАП РФ, санкцией по которой является предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 100 до 300 рублей; на должностных лиц – от 300 до 500 рублей; на юридических лиц – от 3000 до 5000 рублей².

Возвращаясь к многочисленным ограничениям в сфере розничной торговли, необходимо добавить, что детальная регламентация реализации табака также регулируется нормами Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» и Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

Подводя итог, стоит отметить, что Закон №15-ФЗ учитывает условия современной жизни и культуры и поэтому регулирует и такие стороны табачного оборота, как реклама, демонстрация табачной продукции в аудиовизуальных произведениях, оказание гражданам медицинской помощи, направленной на прекращение потребления табака, лечение табачной зависимости и последствий потребления табака, мониторинг и оценка эффективности реализации мероприятий, направленных на предотвращение воздействия окружающего табачного дыма и сокращение потребления табака, и т. д. Несомненно, законодательство в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака или никотиносодержащей продукции имеет большое значение для общества и подрастающего поколения, но существует необходимость доработать некоторые формулировки и адаптировать под интересы курящих граждан и предпринимателей, осуществляющих деятельность в табачной сфере.

Библиография:

1. Алексеев С.С. Теория права. - М., 1994. - 178 с.
2. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. - Свердловск: Изд во Свердловск, юрид. ин-та, 1973. – 19 с.
3. Казанков Я. Н. Структура познания в применении права: основополагающие элементы// Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. Казань., 2016. - 11-13 с.
4. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Механизм преодоления юридических конфликтов в сфере правоприменительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005.- № 3 (27). С. 40—48.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of law. - M., 1994. - 178 p.
2. Dyuryagin I.Ya. Application of the norms of Soviet law. - Sverdlovsk: Publishing house of Sverdlovsk, jurid. in-ta, 1973. – 19 p.
3. Kazankov Ya. N. The structure of cognition in the application of law: fundamental elements// Legal sciences: problems and prospects: materials of the IV International Scientific Conference. Kazan., 2016. - 11-13 p.
4. Romashov R.A., Shukshina E.G. The mechanism of overcoming legal conflicts in the field of law enforcement // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005.- No. 3 (27). pp. 40-48.

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»// URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201606230035> (Дата обращения: 17.04.2024)

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/7b011357d4e047a506940779e198e462946c9456

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГОРОДСКОЙ МИЛИЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВОЕННЫМ УСЛОВИЯМ

Organizational and Legal Norms of the Restructuring of the Leningrad City Militia in Relation to Military Conditions

ПАНФИЛЕЦ Александр Владимирович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент.
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: akpanf1950@mail.ru;

Panfilets Alexander Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
Russia, 198206, St. Petersburg, Letchika Pilyutova st., 1.
E-mail: akpanf1950@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье автор представляет основную законодательную базу деятельности Ленинградской городской милиции в период блокады (1941-1944 гг.), которая в значительном количестве была выработана в начальный период Великой Отечественной войны, что существенно повлияло на перевод городской милиции и других правоохранительных органов на военный лад. В новых регионах России и к ним сопредельных, сегодня происходят военные действия и опыт деятельности органов милиции периода блокады может быть с успехом использован, но уже применительно к новым условиям и вызовам. В данной статье автор приходит к выводу, что своевременная нормативно-правовая база служит залогом организованности и противодействия преступности и правонарушениям, как в мирное, так и военное время.

Abstract: In this article, the author presents the main legislative framework for the activities of the Leningrad city police during the blockade (1941-1944), which was developed in significant numbers in the initial period of the Great Patriotic War, which significantly influenced the transfer of the city police and other law enforcement agencies to a military footing. In the new regions of Russia and adjacent to them, military operations and the experience of the activities of the bodies. The militia of the blockade period can be successfully used, but already in relation to new conditions and challenges. In this article, the author comes to the conclusion that a timely regulatory framework serves as a guarantee of organization and counteraction to crime and offenses, both in peacetime and wartime.

Ключевые слова: Ленинградская городская милиция, блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, борьба с преступностью.

Key words: Leningrad city police, blockade of Leningrad, Great Patriotic War, fight against crime.

Для цитирования: Панфилец А.В. Организационно-правовые нормы перестройки Ленинградской городской милиции применительно к военным условиям // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 73-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_73.

For citation: Panfilets A.V. Organizational and Legal Norms of the Restructuring of the Leningrad City Militia in Relation to Military Conditions // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 73-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_73.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Основой военного законодательства стали первые Указы Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 22 июня 1941 года "Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения" и "О военном положении". Первый Указ ПВС СССР на основании ст.49 п. "п" Конституции СССР объявил военное положение в ряде областей, краев, республик и городов, в том числе и в городе Ленинграде, и Ленинградской области [1, с.70]. Во втором - без ссылок на конкретные территории страны, конкретизируется, что военное положение вводится для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности, а все функции органов государственной власти принадлежат военным советам фронтов, которым предоставлялись широкие права по привлечению граждан к трудовой повинности, регулировании режима работы учреждений и предприятий, установлении комендантского часа, производства обысков и задержании подозрительных лиц, установлении пропускного режима, выселении в административном порядке лиц, признанных социально опасными. Военные власти имели право издавать обязательные для всего населения постановления, не исполнение которых влекло наказания в административном порядке в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3.000 рублей, а также отдавать распоряжения местным органам власти с безусловным и немедленным их исполнением. Местные органы государственной власти обязывались оказывать полное содействие военному командованию, за неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по закону военного времени, т. е. все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов, которые и начали организовывать по Указу ПВС СССР в первый день войны. [2, с. 408-409]. К юрисдикции военных трибуналов были отнесены дела о государственных преступлениях, об охране общественной (социалистической) собственности, о преступлениях, совершенных военнослужащими, о разбое, об умышленных убийствах, о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи, об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности и о сопротивлении представителям власти, о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также о хищении оружия, о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения. Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора [2, с. 409-410]. Несмотря на исчерпывающие

положения названных указов о военном положении, из-за громоздкости и неповоротливости командно-административной системы, потребовалось издание дополнительной директивы СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» 29 июня 1941 года о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков [3, с. 314-316]. Эти документы легли в основу программы работы Военного Совета Ленинградского фронта (Ленфронта) по переводу Ленинграда с мирной жизни на военную.

С началом войны, верховной властью в городе Ленинграде являлся Военный Совет сначала Северного фронта, а с 23 августа 1941 года - Ленинградского фронта [4, с. 22]. не только по отношению к местным государственным и советским органам, но и также партийным. Его состав определился уже 23 июня 1941 года: командующий фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов (председатель), корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, член ЦК ВКП (б), секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов и секретарь обкома ВКП (б), бригадный комиссар Т. Ф. Штыков [5, с. 24]. В течение блокады Ленинграда неоднократно менялись, как председатели, так и члены Военного Совета Ленфронта в зависимости от положения на фронте и назначаемых командующих. В последующем, в ходе войны, ПВС СССР принимал новые акты, вносил дополнения и изменения в ранее действующие, которые имели прямое отношение к деятельности органов Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Однако основным источником правовых актов для структур НКВД являлись постановления Государственного комитета обороны, Военного Совета Ленфронта, приказы и директивные указания Управления НКВД СССР по Ленинградской области (УНКВД по ЛО) и решения Исполнительного Комитета Ленинградского Совета депутатов трудящихся [2, с.4].

Задачи органам милиции блокадного Ленинграда определялись великим множеством различных указов, постановлений, директив, решений, приказов, приказаний, циркуляров и др., как центральных партийно-советских и военных властей страны, города, так и ведомственных - НКВД СССР, Главное управление милиции (ГУМ), УНКВД СССР по ЛО и собственно Управления милиции (УМ). Естественно, что большая их часть была принята до начала блокады, а уже во время блокады конкретизировалась или претерпевала изменения. Как правило, по основополагающим документам центральных властей, издавались свои узковедомственные документы применительно к деятельности милиции. В Отделе архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО) в фондах № 1 и № 2, описи № 1 эти нормативные документы военного и блокадного периода города составляют более 50-ти дел, в которых очень часто происходит повторение одних и тех же указаний в приказах, директивах и циркулярах, что свидетельствует о громоздкости структуры партийно-советской государственной системы, многочисленных, дублирующих друг друга, органах власти. С началом войны задачи органов милиции существенно расширились, после начала блокады Ленинграда, практически в любом, мало-мальски значимом нормативном акте, определялись задачи и Ленинградской городской милиции (ЛГМ).

Одним из таких документов, регламентирующих деятельность органов милиции в условиях войны и блокады, явилось постановление СНК от 24 июня 1941 г. "Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов" [5, с. 17], в соответствии с которым ужесточался режим охраны объектов города и создавались истребительные батальоны для борьбы с вражескими диверсантами, а также проводились другие оперативные мероприятия. В этот же день приказ НКВД СССР № 00804 определил, что начальниками этих батальонов назначать надежных и боевых оперативных работников наркомата и оперативных работников милиции [6, с. 542]. Выполняя приказ НКВД СССР, начальник УНКВД по ЛО своим приказом от 26 июня 1941 г. начинает формировать истребительные батальоны в городе и области и к 5 июля уже были сформированы и вооружены 79 истребительных батальонов, численностью в 17 тыс. человек. К началу августа 1941 г. в Ленинграде действовали около 90 таких батальонов с численностью в 19 тыс. человек [7, с. 128]. Комплектование истребительных батальонов на различных этапах войны проходило всегда под контролем НКВД и с участием органов милиции, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в делах №№ 75, 77, 83-85, 92-95, 102-104 фонда № 1, описи № 1 ОАИ ИЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО. В некоторых батальонах имелись должности заместителя командира по разведке, которые замещались исключительно работниками госбезопасности или оперативными сотрудниками милиции [7, с. 129-130].

Постановление СНК СССР от 01.07.1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» был продублирован СНК РСФСР на другой день и дополняет его 10 июля своим постановлением «Об организации местной противовоздушной обороны в городах и населенных пунктах РСФСР». 11 июля 1941 г. Исполком Ленгорсовета принял решение о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне, конкретизировавшее правительственные постановления применительно к условиям Ленинграда [8]. В соответствии с этими постановлениями и решениями в состав руководящего органа Местной противовоздушной обороны (МПВО) города, «тройки», вошел и начальник ЛГМ старший майор милиции Е. С. Грушко [9, с. 95]. Начальниками участков МПВО назначались, как правило, начальники территориальных отделений милиции ЛГМ, а начальниками кварталов - участковые уполномоченные милиции [10, с.77].

Задачи ЛГМ в системе МПВО города заключались в обеспечении четкого и бесперебойного функционирования групп самозащиты домов, кварталов и участков, для чего ей в обязанности вменялось контролирование точного и своевременного соблюдения населением, руководителями предприятий, организаций и учреждений правил МПВО. Сотрудники милиции должны были осуществлять руководство защитой объектов во время бомбежек, поддерживать порядок в очагах поражения, охранять места неразорвавшихся авиабомб и снарядов, ликвидировать последствия налетов вражеской авиации и артобстрелов, оказывать всестороннюю помощь в отправке раненых, обеспечивать сохранность личных вещей и ценностей погибших, помогать в тушении пожаров и в работе аварийно-восстановительных служб. Участковые уполномоченные вели широкую разъяснительную работу среди горожан по повышению бдительности и строжайшего соблюдения правил светомаскировки [10, с. 32].

Для внутренней обороны города-фронта (ВОГ) создавались различные военизированные структуры, куда непременно в том или ином виде входили подразделения городской милиции. На основании приказа командующего войсками ВОГ генерал-лейтенанта С. И. Кабанова от 15

мая 1942 г. для успешного выполнения задач по борьбе с вражеским авиадесантом Ленинград разбивался на районы в пределах границ, существующих административных делений. Ранее, 27 июня 1941 г., начальник гарнизона Ленинграда генерал-лейтенант Г. А. Степанов в приказе № 1 «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности» оповещал, что Военный Совет фронта возложил на него ответственность за охрану порядка в Ленинграде, подчинив ему и рабоче-крестьянскую милицию, по тем задачам, которые на нее выпали в военное время и в первую очередь поддержание паспортно-пропускного режима и регламента работы предприятий и организаций, зрелищно-культурных, торговых и коммунальных учреждений [11, с.75]. Короткий период в городе действовал с начала войны и до августа 1941 г. Оперативный штаб для координации действий двух управлений наркоматов госбезопасности и внутренних дел, куда входил и заместитель начальника УНКВД по ЛО, старший майор милиции Е. С. Грушко, являясь одновременно и начальником ЛГМ, в августе штаб был расформирован, в связи с объединением этих наркоматов [12].

Для организации передвижения автомобильного и гужевого транспорта по городу, а также для организации пропускной системы в ночное время начальник гарнизона Ленинграда издал приказы: «О порядке передвижения автомобильного и гужевого транспорта» от 27.07.1941 г. и «О порядке проверки пропусков на легковом автотранспорте в ночное время» от 31.07.1941 г., контроль за которыми возлагались на городскую милицию. В зависимости от изменений на фронте некоторые положения этих приказов уточнялись, дополнялись или ужесточались. Так, 25.08.1941 г. Исполкомы Ленинградского областного и городского Совета депутатов трудящихся приняли постановление «О дальнейшем укреплении революционного порядка в г. Ленинграде и пригородах», по которому запрещалось нахождение на улице граждан сначала с 24-х до 4-х часов, а затем с 22-х часов вечера до 5 часов утра, также в ночное время вводилось совместное патрулирование сотрудников милиции и военной комендатуры. В довершении к принятым мерам с 9 августа начали действовать 27 контрольно-проверочных постов (КПП).

Постановлением СНК СССР № 1750 от 25.06.1941 г., а также последующими приказами Народного комиссариата обороны (НКО) и решениями Исполкома горсовета «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств», сотрудников милиции обязали выявлять лиц, не сдавших к назначенному сроку эти устройства, этот вопрос неоднократно возникал во время блокады в связи с появлением различных листовок и слухов [13, с. 22-23, 32].

Анализируя нормативно-правовую базу, автор делает вывод, что, практически, ни один нормативный акт не имел прямого применения на всей территории страны, а требовал издания дополнительных нормативных актов: приказов, указаний, директив, решений, постановлений, несмотря на то, что страна жила в это время с невиданным напряжением сил и средств, дефицита времени. Однако, эта практика, частично, продолжается и сейчас, зачастую на местах ждут дополнительных распоряжений сверху.

Указом ПВС СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» устанавливалось, что виновные за эти противоправные действия караются по приговору Военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если они по своему характеру не влекут за собой по закону более тяжкого наказания [14, с.135]. За другие невыполнения приказов военных властей Исполком горсовета депутатов трудящихся и Управление НКВД по ЛО обязаны были возбуждать административное преследование против нарушителей в течение 24 часов, а виновных в этих нарушениях подвергать лишению свободы сроком до 6 месяцев или штрафу до 3.000 рублей [15].

Претворяя в жизнь Указ ПВС СССР от 22 июня 1941 года о мобилизации военнообязанных от 18 до 45 лет, военно-учетные столы (ВУС) отделений ЛГМ должны были проделать огромный объем работы, который заключался, прежде всего, в точном учете тех, кого предстояло мобилизовать и уже мобилизуемых. Вручение повесток мобилизуемым проводилось личным составом отделений милиции с привлечением бригадмила и общественности. ВУС при территориальных отделениях милиции города работали с небывалой нагрузкой, круглосуточно. Эта работа, а также переучеты военнообязанных, различные вклейки в существующие документы делегировались органам милиции всю войну [16, с. 15].

24 июня 1941 года было принято совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации» под председательством Н. М. Шверника, при наркоматах и ведомствах были созданы бюро и комитеты по эвакуации предприятий и людского состава [17, с. 11, 16-17, 19]. Решение этой важной задачи увеличивало объем работы паспортным столам милиции, необходимо было в срочном порядке подвезти массу людей, как выписке из города эвакуируемых, так и прописке тех, кто прибыл в Ленинград из Прибалтики и других областей уже занятых фашистами, причем среди последних органы милиции организовали работу по выявлению уголовно-преступного элемента силами инспекторского состава паспортных столов и сотрудников уголовного розыска [18, с. 248].

Уже к августу 1941 года задачи милиции столь существенно расширились, что понадобилось значительное привлечение сил общественности, дабы справиться с возросшим объемом новых обязанностей. 26 августа 1941 года Ленинградский горком ВЛКСМ принял решение о формировании полка революционного порядка численностью в 2.160 чел. со строгой структурой и конкретными обязанностями, который оказал неоценимую помощь ЛГМ в самый тяжелый период 1941-1942 гг. Первоначально на комсомольский полк возлагались задачи оказания помощи милиции по контролю за соблюдением правил светомаскировки и несением охраны домов группами самозащиты, по обеспечению общественного порядка, затем комсомольцев использовали и в борьбе с преступностью [19, с. 1].

Впереди наступающих полчищ захватчиков шла волна беженцев, для предупреждения проникновения вражеских лазутчиков и возможных диверсий врага, Военный Совет Северо-Западного направления от 28 августа 1941 года принял постановление «О создании зоны заграждения на южных подступах к Ленинграду», где немалая роль отводилась органам милиции по несению службы на КПП, заставах и патрулях, а затем и на целой 2-й заградительной линии [20, с. 35]. Впоследствии эти зоны уточнялись и реформировались в последующих постановлениях, равно как и задачи милиции.

На основе правовых актов, принятых в первые недели и месяцы войны, НКВД СССР и его Главное управление милиции издавали свои приказы и директивы, конкретизировавшие деятельность милиции в военное время. Так, циркулярное распоряжение ГУМ от 7 июля 1941 г. за № 160 требовало от личного состава быть в постоянной боевой готовности самостоятельно или совместно с бойцами Красной Армии к ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника. На основании этого распоряжения начальник УНКВД по ЛО издал 20 июля 1941 г. приказ «О боевой подготовке личного состава и создании боевых формирований из оперативно-строевого состава Управления НКВД и милиции г. Ленинграда», которым был сформирован сводный отряд из сотрудников органов внутренних дел г. Ленинграда в составе 12-ти батальонов. Обстановка на фронте, приближение его к стенам города потребовало увеличения числа этих подразделений, 30-31 августа 1941 г. двумя приказами начальника УНКВД по ЛО «О формировании специальных строевых частей милиции» создаются вместо 12-ти батальонов 15-ть, путем перераспределения численности и замены одних подразделений другими. Так, численность батальонов стала колебаться от 223 чел., как в 5-м батальоне, до 554 чел., как в 15-м, общая численность существенно не изменилась. В большинство батальонов комиссарами или начальниками штабов были назначены руководители территориальных отделений милиции [21].

Сводки с фронта о больших потерях в живой силе и ожидаемых жертвах внутри города, потребовали от руководства УНКВД по ЛО 7 августа 1941 г. издать приказ «Об обязанностях милиции по уборке, опознанию и захоронению трупов погибших при воздушных налетах», чем объявил инструкцию МПВО о ликвидации последствий воздушных налетов в отношении человеческих жертв. В этом приказе определялись совместные действия наряда милиции в очагах поражения с представителями МПВО и старшим группы медсанслужбы. В обязанности милицейского наряда входило: «... оцепление очага поражения, организация немедленной отправки раненых в больницы, охрана места сбора трупов, укрытие их от доступа и наблюдения посторонних и надзор за погрузкой трупов уборочными командами». Также были определены функциональные обязанности сотрудников уголовного розыска по организации опознания неизвестных трупов родными и знакомыми, оформлению необходимых документов, передача родственникам ценностей и личных вещей погибших [22].

Необходимость возведения оборонных сооружений потребовала привлечения граждан к этим работам и 11.07.1941 г. Исполком Ленгорсовета принимает решение «О порядке привлечения населения к трудовой повинности», где был определен территориально-производственный принцип привлечения населения к трудовой повинности. Всего на 1 августа 1941 г. трудоспособного населения (в возрасте 16-55 лет) было учтено более 1,5 млн. человек [23, с. 15; 24, с. 79]. Массовая отправка ленинградцев на строительство укреплений не обошлась без привлечения ЛГМ и Доротделов милиции железных дорог, ГАИ, ОРУД(а), постовых милиционеров и участковых уполномоченных, на которых ложились контрольные функции по привлечению трудоспособного населения к оборонным работам.

В первые месяцы войны, деятельность всего города, да и страны в целом, строилась на директивах центра, постановлениях и других документах, которые зачастую на местах не успевали контролировать. Так, Постановлением СНК СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» 18 июля была введена карточная система в Ленинграде [25, с. 45]. Однако городские власти не озаботились созданием неприкосновенного запаса (НЗ) продуктов, топлива, промтоваров, а также срочной эвакуации несамодеятельного населения. Многие из продуктов еще продавались по коммерческим ценам, т.е. без нормирования, продолжали действовать рестораны, кафе [26, с. 20]. Понадобился приезд в Ленинград 26 августа 1941 г. комиссии ГКО страны под председательством В. М. Молотова, для наведения порядка в этом вопросе, комиссия выявила бездарность руководством фронтом К. Е. Ворошилова, но время было упущено [26, с. 38-43]. Органы милиции через свои оперативные службы и участковых уполномоченных приступили к контролю за введением карточной системы в городе и уже в первые дни выявили свыше 20-ти случаев сокрытия товаров от переучета и присвоения части еще не переучтенных продуктов работниками торговой сети в ряде городских райпищеторгах [18, с. 249]. В течение всей блокады, когда голод косил десятками тысяч горожан, немалая часть криминала будет сосредоточена именно в продовольственной сфере города. Время для проведения массовой эвакуации и пополнения запасов продовольствия, топлива, вооружения и боеприпасов было безвозвратно потеряно, более того частично пришлось применить реэвакуацию [27, с. 45]. Уже 8 сентября 1941 г. к 11 часам утра немецкие танки разъединили отступающие части Красной Армии и вышли на южный берег Ладожского озера, захватив расположенный у истоков Невы город Шлиссельбург. С этого времени Ленинград был блокирован с суши, а движение судов с Ладожского озера по Неве парализовано, оставалась узкая полоска воды южного обвода озера, которая будет названа «Дорогой жизни» [4, с. 23-24].

Изучая архивные материалы, анализируя законодательную основу войны и блокады Ленинграда, автор делает вывод о том, что своевременность принятия нормативно-правовой базы в военное время свидетельствует о дальновидности руководства, о его уверенности в победе над врагом и в конечном итоге дает возможность на местах быстро перестраиваться применительно к военным условиям и давать отпор агрессору.

Библиография:

1. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941-1942гг. – Л., 1942. - 272 с.
2. Сборник законов СССР. 1938-1975. Т.2, М., 1975. – 715 с.
3. Янгол Н. Г. Правоохранительная деятельность Ленинградской милиции в годы Великой Отечественной войны. Сборник научных трудов. Вопросы политической работы в органах внутренних дел. - Л., 1983. С.87.
4. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. - Л.: Лениздат, 1985. – 238 с.
5. СССР в Великой Отечественной войне. 1941-1945: Краткая хроника. - М., 1970. – 856 с.
6. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945гг.: Документы и материалы. - М., 1975. С.542.
7. Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательство «Лань», СПб Университет МВД России, 1999. – 224 с.
8. Сборник постановлений СССР. 1941. № 16. С. 314; Сборник Постановлений РСФСР. 1941. № 17. С. 34-35.
9. Очерки истории Ленинграда. - М.-Л., 1967. Т.5. – 748 с.

10. Панфилец А. В. Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны: монография. – СПб.: Изд-во СПб университета МВД России, 2016. – 216 с.
11. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941-1942гг. – Л., 1942. - 272 с.
12. Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее ОАИ ИЦ ГУ МВД по г. СПб и ЛО). Ф.1. Оп.1. Д. 75. Л. 482.
13. Алексеев А.Е. Участие внутренних войск в героической обороне Ленинграда (1941-1944гг.). Пособие. - Л., 1985. - 80 с.
14. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941-1942гг. – Л., 1942. - 272 с.
15. ОАИ ИЦ ГУ МВД по г. СПб и ЛО. Ф.1. Оп.1. Д. 81. Л. 136.
16. Очерки истории Ленинграда. - М.-Л., 1967. Т.5. – 748 с.
17. СССР в Великой Отечественной войне. 1941-1945: Краткая хроника. - М., 1970. – 856 с.
18. Скилягин А. и др. Дела и люди Ленинградской милиции. Очерки истории. - Л., 1967. - 376 с.
19. Мильяненко С.А. Комсомольский полк блокадного Ленинграда. Архив МИМ КЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф.1. Д.9. С.1.
20. Белозеров Б.П. Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда (историко-правовой аспект). - СПб., 1988. – 154 с.
21. ОАИ ИЦ ГУ МВД по г. СПб и ЛО. Ф.1. Оп.1. Д. 75. Л. 590-618.
22. ОАИ ИЦ ГУ МВД по г. СПб и ЛО. Ф.1. Оп.1. Д. 75. Л. 666.
23. Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941-1944гг. - СПб., 1994. -352 с.
24. Очерки истории Ленинграда. - М.-Л., 1967. Т.5. – 748 с.
25. СССР в Великой Отечественной войне. 1941-1945: Краткая хроника. - М., 1970. – 856 с.
26. Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941-1944гг. - СПб., 1994. -352 с.
27. Ежов М.В. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. - СПб., 1993. – 158 с.

References:

1. Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1941-1942. – L., 1942. - 272 p.
2. Collection of laws of the USSR. 1938-1975. Vol. 2, M., 1975. – 715 p.
3. Yangol N. G. Law enforcement activities of the Leningrad militia during the Great Patriotic War. Collection of scientific papers. Issues of political work in the internal affairs bodies. - L., 1983. p.87.
4. Pavlov D. V. Leningrad in the blockade. - L.: Lenizdat, 1985. – 238 p.
5. The USSR in the Great Patriotic War. 1941-1945: A brief chronicle. - M., 1970. – 856 p.
6. Internal troops in the Great Patriotic War. 1941-1945: Documents and materials. - M., 1975. pp.542.
7. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Yangol N. G. Internal affairs bodies of the North-West of Russia during the Great Patriotic War. – St. Petersburg: Publishing house "Lan", St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. – 224 p.
8. Collection of resolutions of the USSR. 1941. No. 16. p. 314; Collection of Resolutions of the RSFSR. 1941. No. 17. pp. 34-35.
9. Essays on the history of Leningrad. - M.-L., 1967. Vol. 5. – 748 p.
10. Panfilets A.V. Organs and troops of the NKVD in the North-West of the USSR during the Great Patriotic War: monograph. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – 216 p.
11. Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1941-1942. – L., 1942. - 272 p.
12. Department of archival information of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region (hereinafter OAI IC GU of the Ministry of Internal Affairs for St. Petersburg and LO). F.1. Op.1. D. 75. L. 482.
13. Alekseenkov A.E. Participation of internal troops in the heroic defense of Leningrad (1941-1944). Manual. - L., 1985. - 80 p.
14. Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1941-1942. – L., 1942. - 272 p.
15. OAI IC GU of the Ministry of Internal Affairs of St. Petersburg and LO. F.1. Op.1. d. 81. L. 136.
16. Essays on the history of Leningrad. - M.-L., 1967. Vol.5. – 748 p.
17. The USSR in the Great Patriotic War. 1941-1945: A brief chronicle. - M., 1970. – 856 p.
18. Skilyagin A. et al. The affairs and people of the Leningrad militia. Essays on history. - L., 1967. - 376 p.
19. Milyanenkova S.A. Komsomol regiment of besieged Leningrad. Archive of the MIM KC GUV D of St. Petersburg and LO. F.1. D.9. S.1.
20. Belozеров B.P. Troops and NKVD bodies in the defense of Leningrad (historical and legal aspect). - St. Petersburg, 1988. – 154 p.
21. OAI IC GU of the Ministry of Internal Affairs of St. Petersburg and LO. F.1. Op.1. D. 75. L. 590-618.
22. OAI IC GU of the Ministry of Internal Affairs of St. Petersburg and LO. F.1. Op.1. D. 75. L. 666.
23. Leningrad is in the struggle month after month, 1941-1944 - St. Petersburg, 1994. -352 p.
24. Essays on the history of Leningrad. - M.-L., 1967. Vol. 5. – 748 p.
25. The USSR in the Great Patriotic War. 1941-1945: A brief chronicle. - M., 1970. – 856 p.
26. Leningrad in the struggle month after month. 1941-1944 - St. Petersburg, 1994. -352 p.
27. Yezhov M.V. Local self-government of Leningrad during the Great Patriotic War: experience, problems, lessons. - St. Petersburg, 1993. – 158 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_78

УДК 340.11

ОСОБЕННОСТИ АГЕНТУРНОЙ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. Features of the secret service work of the state political police of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries

ДОРОНИН Андрей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. летчика Пилутова, 50/4-113.

E-mail: andrey-doronin@mail.ru;

Doronin Andrey M.,

Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law,

St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutov pilot str., 50/4-113.

E-mail: andrey-doronin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается деятельность государственной политической полиции и других ведомств до-революционной России в области государственной безопасности. В защите государства от угроз национальной безопасности большое значение имела негласная агентурная работа, которая давала ценные сведения о деятельности революционных террористических организаций. Насколько эффективной была оперативно-розыскная деятельность политического розыска в этой сфере, посвящена данная статья, которая тщательно анализирует его результаты и влияние на общество.

Abstract. The article examines the activities of the state political police and other departments of pre-revolutionary Russia in the field of state security. In protecting the state from threats to national security, covert intelligence work was of great importance, which provided valuable information about the activities of revolutionary terrorist organizations. How effective was the operational investigative activity of the political investigation department in this area, this article is devoted to, which carefully analyzes its results and impact on society.

Ключевые слова: агентурная работа, осведомители, политическая полиция, отдельный корпус жандармов, контрабанда, государственные преступления.

Keywords: undercover work, informants, political police, a separate corps of gendarmes, smuggling, state crimes.

Для цитирования: Доронин А.М. Особенности агентурной работы государственной политической полиции Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 78-81. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_78.

For citation: Doronin A.M. Features of the secret service work of the state political police of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 78-81. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_78.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Деятельности полицейских учреждений Российской империи в начале XIX в. при всем ее внешнем разнообразии был присущ один общий и весьма существенный момент. Не полагаясь на заявительские материалы, эти учреждения сами предпринимали меры по сбору интересующей информации, касающейся политического розыска и иностранного шпионажа. К числу основных методов их работы относилось направление соответствующим образом экипированных чиновников в общественные места: клубы, театры, трактиры, рынки и т. п. для изучения настроений в различных кругах общества, выявления конкретных недовольных самодержавным строем лиц и подозрительных иностранцев. В ряде случаев практиковалось переодевание в гражданское платье полицейских офицеров.

Если проанализировать эту практику с точки зрения сегодняшних теоретических представлений о деятельности спецслужб, то можно констатировать, что мы имеем дело с состоявшими на государственной службе сотрудниками, фактически выполнявшими задачи агентов, а иногда, по мере необходимости, и обязанности сотрудников наружного наблюдения. Лишь незначительная толика оперативной информации приходила от источников, действовавших непосредственно в преступных кругах [1].

Следует также сказать, что, к сожалению, в некоторых случаях допускалась непростительная огласка имен людей, предупреждавших власти о деятельности тайных сообществ, и это превращало их в изгоев, отвергаемых во всех слоях общества [2].

Интересно отметить, что одним из «пионеров» агентурной работы по делам о контрабанде в Российской империи первой четверти XIX в. выступило Министерство финансов. В 1824 г. министр финансов в докладе императору указал, что контрабандный промысел в Санкт-Петербурге получил чрезвычайно широкое распространение, в связи с чем было признано необходимым «делать здесь тайные разведывания». Далее указывалось, что «для сего нужно употребить разного звания людей, коим для поощрения нужно выдавать денежные награды» [3]. Министр запросил на это дело 10 000 рублей на 1824 г. Александр I наложил на документ резолюцию: «Исполнить».

Сходная постановка оперативной работы была присуща на первых порах и деятельности III Отделения, где преобладали методы личного жандармского наблюдения офицерами и унтер-офицерским составом Отдельного корпуса жандармов. Глубоко засекреченной агентурной работой занимались М. Я. фон Фок и несколько опытных в таких вопросах чиновников III Отделения, перешедших на работу из Особенной канцелярии Министерства внутренних дел империи. Однако, столкнувшись с необходимостью борьбы с революционными кружками, революционной эмиграцией, уже во второй четверти XIX в. III Отделение начинает прибегать к более широкому использованию тайных агентов. К агентур-

ной работе старались привлекать людей незаурядных и одновременно скромных, имевших большие связи в обществе, таких, например, как статский советник Нефедьев, граф Соллогуб и др. [4, с. 65] Но такие удачи относились прежде всего к розысникам старой закалки. Что касается жандармских офицеров, еще неопытных в делах сыска, то они поначалу просто тонули в море доносов, содержащих пересказы простых слухов и сплетен. Эти доносы затем пачками сжигались во дворе III Отделения по субботам [4, с. 56].

Примерно к середине XIX в. в III Отделении появляется должность чиновника по особым поручениям, которая по своим функциональным обязанностям во многом напоминает сегодняшнего оперативного работника органов безопасности, занимающегося агентурной работой. По состоянию на 1841 г. в число чиновников-агентуристов III Отделения входили А. А. Сагынский, М. М. Попов, Н. А. Кашинцев, К. Ф. Швейцер, которые приобретали платную тайную агентуру не только внутри страны, но и за границей, в среде российской революционной эмиграции [1].

Значение агентурной работы возрастало по мере оживления общественного и революционного движения в стране. И особенно стала очевидной потребность государственной политической полиции в агентуре и наружном наблюдении после появления действовавших на сугубо конспиративной основе народовольческих организаций, пытавшихся бороться с самодержавием методами террора.

К концу периода существования III Отделения, то есть в 1860-1870-х годах прошлого века произошло постепенное разделение секретных агентов на две основные группы: агентов, осуществлявших внутреннее наблюдение и агентов наружного наблюдения. Первая категория позднее получила название «внутренняя агентура» и представляла собой агентов в сегодняшнем понимании. К ним относили тайных агентов органов политического розыска, проникших внутрь революционных кружков или организаций. «Наружная агентура» позднее стала именоваться филерами или наблюдательными агентами, которые к концу века превратились в штатных сотрудников органов политического розыска. Помимо двух основных категорий агентуры появился и термин «штучник» — под ним подразумевалось лицо, выполнявшее разовые поручения органов политического розыска за отдельную плату [1].

Политическая полиция придавала огромное значение приобретению, использованию и сохранению секретной агентуры. Однако по сравнению с организацией службы наружного наблюдения постановка службы внутреннего наблюдения отличалась значительно большей сложностью. Может быть, отчасти поэтому вплоть до возникновения массового революционного движения ведущую роль в политическом сыске играли служба наружного наблюдения и перлюстрация.

Появление на рубеже веков и особенно в период первой русской революции влиятельных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций потребовало от полиции перенести главный акцент своей деятельности на службу внутреннего наблюдения [5].

С появлением новых оперативно-розыскных проблем и ситуаций и с приходом нового поколения руководителей политического розыска впервые в истории российских спецслужб работа с негласными сотрудниками приобрела систематический характер и была поставлена профессионально. Именно сотрудники Особого отдела Департамента полиции и охранных отделений пришли к пониманию роли агентуры как основного средства в решении задач политического розыска, сформулировали основные принципы работы с ней. Показателен в этой связи тот факт, что П. А. Столыпин, будучи министром внутренних дел, придавал большое значение агентурной работе русской политической полиции, настаивая на необходимости приобретения секретных сотрудников не только в революционных организациях и профессиональных союзах, но и в учебных заведениях, благотворительных организациях, редакциях газет и журналов. Естественно, особое внимание должно было уделяться «заагентуриванию руководящих деятелей революционных организаций» [6, с. 396].

Здесь возникает закономерный вопрос о количественном составе агентурного корпуса дореволюционной России. Судя по имеющимся данным, к 1917 г. во всей Империи было не более 1,5-2 тысяч секретных агентов. Эти данные не противоречат свидетельствам руководителей политического розыска по отдельным местностям (в крупных городах обычно действовали от 10 до 20 агентов, в Петербурге – 200, в Москве – 160), а также совпадают с подсчетами, произведенными З. И. Перегудовой по картотеке Департамента полиции [7]. Надо полагать, что эти цифры были удручающе малы для полноценного ведения политического розыска в условиях жизнедеятельности 174-миллионного населения страны, среди которого осуществляли свою методичную антиправительственную работу многочисленные преступные сообщества.

Правила работы с секретными осведомителями были изложены в соответствующих циркулярах и инструкциях, в том числе в Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, составленной при Московском охранном отделении.

Осведомители подразделялись, во-первых, на агентов внутреннего наблюдения, или секретных сотрудников («лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры»), во-вторых, на вспомогательных агентов («лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии») и, в-третьих, на «штучников» («лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление»). По поводу агентов последней категории указывалось: «В правильно поставленном деле последние – явление ненормальное, и вообще «штучники» нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа» [8, с. 2].

Практика политического розыска знала еще одну категорию агентов: розыскные агенты (цензурщики, установщики, справщики), которые в силу своих профессиональных знаний и служебного положения (например, работа в органах цензуры) могли приносить пользу делу политического розыска. Различались также агентуры: тюремная – из лиц, содержащихся под стражей, которые при «полезности» работы представлялись к сокращению сроков; сельская, вербовавшаяся чаще всего из владельцев трактиров, прислуги постоялых дворов; университетская, фабричная, железнодорожная и т. д. [9, с. 45]

Приобретение секретной агентуры являлось постоянной заботой заведующего жандармским розыском и всех его помощников. Наибо-

лее подходящими для склонения к работе по агентурной части считались «слабохарактерные революционеры, разочарованные или обиженные партией, нуждающиеся материально, бежавшие из мест высылки, а также и предназначенные в ссылку». Потенциальных агентов под благовидным предлогом приглашали к жандармским офицерам и проводили с ними доверительную беседу. В некоторых случаях, как указывала инструкция, «лицо, намеченное к приобретению в качестве сотрудника, рекомендуется секретно задерживать на улице и немедленно доставлять для собеседования непосредственно к заведующему розыском. Способ этот наиболее применим тогда, когда имеются в наличии достаточные улики для задержания этого лица в случае его отказа от предложения сотрудничать» [9, с. 4].

Чаще всего осведомители приобретались жандармами во время производства дознания или следствия. Использовался также способ подсадки агентов в камеры для склонения к сотрудничеству. Завербованных революционеров освобождали из-под стражи.

При вербовке жандармы старались не допускать запугивания лиц, склоняемых к сотрудничеству, поскольку считалось что «запугивание – самый плохой путь к вербовке секретных сотрудников. Человек, загнанный в сотрудники угрозами, никогда не будет хорошо работать. Он всегда будет ненавидеть своего полицейского руководителя – и будет готов изменить ему, предать его революционерам» [10, с. 142]. История русской политической полиции знала целый ряд таких примеров. Меньше всего запугивание было допустимо в отношении агентов, работавших в террористических организациях. В таких случаях применение угроз почти всегда приводило к острым конфликтам, очень часто – к прямым покушениям на жандармских офицеров, осуществлявших политический розыск [10, с. 142].

Мотивы инициативных предложений к полиции о сотрудничестве со стороны потенциальных сотрудников порой были весьма разнообразны: ревность и желание отомстить обидчику, меркантильные соображения, желание избавиться от соперника/соперницы либо конкурента и т. п. Настоящие мастера политического сыска использовали такие ситуации в своих интересах и в беседах с такими лицами преследовали розыскные цели, стремясь не пробудить в заявителях этические понятия, способные отвратить их от первоначального намерения поделиться с полицией информацией, представлявшей для нее интерес [11, с. 120].

Требования к личным качествам агентов формулировались достаточно расплывчато: агент должен был «быть добросовестен, верен, наблюдателен, хитер, умственно развит, находчив, должен знать язык, характер населения, уметь расположить в свою пользу» [12]. В военное время к этому перечню прибавлялись еще смелость, храбрость, хладнокровие, твердость воли. Руководил агентом завербовавший его жандармский офицер или служащий охранного отделения. Встречи с агентами происходили на конспиративных квартирах, в гостиницах, в отдельных кабинетах ресторанов при соблюдении условий полной конфиденциальности и личной безопасности.

В охранных отделениях была установлена весьма сложная, продуманная система работы с секретными сотрудниками. В оперативных документах агенты никогда не назывались по имени, а только по псевдониму.

После получения сведений от агента офицер оформлял агентурную записку, в которой сообщалось, кем она составлена, кто дал сведения, указывалась дата получения сведений, к какой партии или движению они относятся. Копии записок передавались затем начальнику охранного отделения, который подвергал полученные сведения дальнейшей разработке с помощью внутреннего и наружного наблюдения.

Мастерство агентурной работы предполагало умение жандармского офицера, курировавшего агента, управлять риском возможности провала, в том числе и путем постановки задач. Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов подчеркивал, что «было бы чрезвычайно ошибочно представлять задачу секретного сотрудника так, будто он должен сам собирать все сведения, узнавать все адреса и подносить полиции свои соображения в готовом виде: идите и арестовывайте. Этим работа политической полиции, конечно, была бы облегчена, но себя самого сотрудник в два дня погубил бы. Он должен был бы ставить революционерам много вопросов, навлекая тем самым на себя подозрения, которые после первых же арестов превратились бы в уверенность, что они в его лице имеют дело с предателем. Умение беречь агента должно принадлежать к числу главных талантов руководителей политической полиции. Последние должны довольствоваться получением от своих секретных агентов помимо общей информации только немногих опорных пунктов, которые позволили бы поставить внешнее наблюдение, а уж это последнее должно было выяснять всех участников заговора» [10, с. 138].

Все агентурные данные по району поступали в районное охранное отделение, а оттуда обобщенные сводки – в Департамент полиции. Сведения в сводках формировались по следующим позициям: порядковый номер сообщения, дата получения сообщения и агентурная кличка сотрудника, содержание сообщения, меры, принятые по сообщению на местах, меры принятые районным охранным отделением [13].

Вот что писал по этому поводу один из талантливейших организаторов политического сыска дореволюционной России генерал А. Спиридович: «В борьбе с революционным движением на местах практиковались тогда два метода. Первый состоял в том, что организации давали сплотиться и затем ликвидировали ее, чтобы дать прокуратуре с большими по возможности доказательствами виновности. Второй же заключался в систематических ударах по революционным деятелям, дабы мешать работе, не позволять организоваться, проваливать их на глазах их же товарищей как деятелей неконспиративных, что влечет удаление от работы, и т. д. – иными словами, действовать системой предупреждения преступлений, а не только пресечением, первый был более эффективен по результатам, второй более правилен по существу» [14, с. 133].

Отсюда можно сделать вывод, что одним из наиболее эффективных методов предупреждения государственных преступлений в дореволюционной России была деятельность, во-первых, связанная с использованием агентурных сведений для разрушения организационных связей преступных сообществ путем задержания на границе руководителей и связанных-курьеров между центрами управления революционными организациями за рубежом и их российскими периферийными подпольными филиалами (всевозможными комитетами и ячейками) и перехвата инструкторно-информационной документации революционных организаций. Во-вторых, представлялось весьма важным, негласно используя агентурное наблюдение в ходе погранично-таможенного контроля, выявлять при следовании через границу отдельных террористов, пропагандистов

и агитаторов, направлявшихся в Россию для исполнения своих преступных замыслов либо пытавшихся избежать заслуженного возмездия путем бегства от российского правосудия за рубеж. В-третьих, активная агентурная деятельность розыскных органов на границе и в приграничных местностях позволяла осуществлять превентивный перехват и задержание контрабанды оружия, взрывчатки и пропагандистской литературы для антиправительственных организаций внутри страны, лишая их тем самым возможности материализовать свои преступные планы и замыслы.

Крайняя бюрократическая запутанность жандармско-полицейских структур и нюансы чиновных взаимоотношений порождали массу конфликтов в сфере агентурной работы между различными частями полицейского механизма по вертикали и горизонтали, что, конечно, не могло не сказаться на качестве борьбы с крамолой. Вот один из многочисленных примеров такого рода конфликтов. В сентябре 1907 г. помощник начальника Ковенского ГЖУ сообщал в Особый отдел Департамента полиции о том, что с помощью своей секретной агентуры он нашупал канал переброски оружия из Пруссии через границу на русскую территорию. Продолжая разработку операции по перехвату партии оружия, он выявил противоречия в сообщениях своих агентов. После проверки источников было установлено, что 22 августа того же года в г. Юрбург прибыл крестьянин Петербургской губернии Евгений Менделеевич Афанасьев, который от имени этого офицера ГЖУ вербовал секретных сотрудников для наблюдения за пограничным пунктом Вержболово.

Дальнейшая проверка помогла установить, что под личиной крестьянина в смазных сапогах маскировался один из чинов Виленского охранного отделения штабс-ротмистр Сизыч. До выяснения всех обстоятельств планировавшаяся операция была приостановлена. Однако вместо сурового наказания коллеги-провокатора, специализировавшегося на оперативных экспромтах, Особый отдел приказал удрученному помощнику начальника ГЖУ передать сотруднику охранного отделения на связь имевшуюся агентуру [15]. Серьезные моральные страдания испытывали порой и сами чины охранных отделений, узнавая, что Департамент полиции за спиной местных розыскных органов ведет вербовку агентуры в подведомственной отделению губернии. Такие действия хлестко назывались ими «политическим развратом», способствующим провокации [14, с. 191].

Такие факты свидетельствовали о дилетантстве в руководстве политическим розыском. Примером подобного рода дилетантства служит практика Московского охранного отделения под самонадеянным руководством действительного статского советника Зубатова, пытавшегося распространить деятельность этого регионального по сути органа на территорию всей России и за рубеж.

Судя по предмету соперничества, «альфой» и «омегой» сыска считалась агентурная работа. Но с практической точки зрения работники охранных отделений не могли обеспечивать надежный постоянный контроль и эффективное руководство своей агентурой, находившейся в отдаленных от розыскного органа местностях. Более того, эта агентура вынуждена была работать в разлагающей атмосфере деятельности революционных организаций, действовавших по принципу вседозволенности при достижении своих целей. Логичным результатом такой постановки работы была неэффективность розыска, а зачастую прямое предательство и обман со стороны бесконтрольно действовавших агентов.

Библиография:

1. Лазарев В. И. Из истории становления специальных средств отечественных спецслужб. [WWW document]. URL <http://www.fsb.ru/mstory/read1998/lazarev.html>.
2. Черкасов П. Исповедь раскаявшегося доносчика, или дело подполковника Геденова // Русская мысль. 2000. № 41313.
3. РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
4. Троцкий И. М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. (Историческая библиотека. Хроника трех столетий: «Петербург-Петроград-Ленинград»). 318 с.
5. Перегудова З. И. Департамент полиции и секретная агентура. [WWW document]. URL <http://www.fsb.ru/mstory/read1998/peregud.html>.
6. Перегудова З. Организация службы секретной агентуры. Жандармы России / Сост. В. С. Измолик. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 640 с.
7. Степанов С. А. Проблема двойных агентов в системе политического розыска начала XX века [WWW document]. URL <http://www.fsb.ru/mstory/read1998/stepanov.html>.
8. Тайны политического сыска: Инструкция по работе с секретными сотрудниками. Составлена при Московском охранном отделении. СПб., 1992. 16 с.
9. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипелев А. Е. История полиции России (1718 – 1917 гг.). Выпуск 2. М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 1992. 56 с.
10. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. / А. В. Герасимов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 234 с.
11. Заваззин П. П. Жандармы и революция. Воспоминания. Париж. 1930. 124 с.
12. Дьяченко А. И. Шпионство или тайная разведка // Страж. Журнал для нижних чинов Отдельного корпуса пограничной стражи. СПб. 1908-1914 // 1913. № 72. С. 1610.
13. Сводка агентурных сведений по Александровскому и Нахичеванскому уездам // ГАРФ. Ф. Департамента полиции. Особый отдел. 1911 г. Д. 32, Ч. 91, Л. 95 «Б».
14. Спиридович А. Записки жандарма. М.: ИХЛ, 1991. 268 с.
15. ГАРФ. Ф. Департамента полиции. Особый отдел. 1906 г., Оп. 295, Д. 31, Л. 53, 54.

References:

1. Lazarev V. I. From the history of the formation of special means of domestic special services. [WWW document]. URL <http://www.fsb.ru/mstory/read1998/lazarev.html>.
2. Cherkasov P. Confession of a repentant informer, or the case of Lieutenant Colonel Gedeonov // Russian thought. 2000. No. 41313.
3. RGIA. F. 561. Op. 1. D. 9. L. 1.
4. Trotsky I. M. III Department under Nicholas I; The Life of Sherwood the Faithful. L.: Lenizdat, 1990. (Historical Library. Chronicle of three centuries: "Petersburg-Petrograd-Leningrad"). 318 p.
5. Peregudova Z. I. The police department and secret agents. [WWW document]. URL <http://www.fsb.ru/mstory/read1998/peregud.html>.
6. Peregudova Z. Organization of the secret service. Gendarmes of Russia / Comp. V. S. Izmozik. St. Petersburg: Neva Publishing House; Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 640 p.
7. Stepanov S. A. The problem of double agents in the system of political investigation at the beginning of the XX century [WWW document]. URL <http://www.fsb.ru/mstory/read1998/stepanov.html>.
8. Secrets of political investigation: Instructions for working with secret employees. Compiled at the Moscow Security Department. St. Petersburg., 1992. 16 p.
9. Sizikov M. I., Borisov A. V., Skripelev A. E. History of the Russian police (1718-1917). Issue 2. Moscow: Association "Professional education", 1992. 56 p.
10. Gerasimov A. V. On the edge with terrorists. / A. V. Gerasimov. Moscow; Berlin: Direct Media, 2020. 234 p.
11. Zavarzin P. P. Gendarmes and revolution. Memories. Paris. 1930. 124 p.
12. Dyachenko A. I. Espionage or secret intelligence // The Guardian. Journal for the lower ranks of the Separate corps of the Border Guard. St. Petersburg. 1908-1914 // 1913. No. 72. p. 1610.
13. Summary of intelligence information on the Alexandrovsky and Nakhichevan counties // GARF. F. of the Police Department. Special Department. 1911, d. 32, Part 91, l. 95 "B".
14. Spiridovich A. Notes of a gendarme. M.: IHL, 1991. 268 p.
15. GARF. F. of the Police Department. Special Department. 1906, Op. 295, d. 31, l. 53, 54.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_82

УДК 340

СОБОРНОСТЬ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КОНСТАНТА СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ CONCILIARITY AS A CIVILIZATIONAL CONSTANT OF THE FORMATION OF NATIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS

ЧУПРОВА Альбина Алексеевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
кандидат философских наук, доцент.
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.
E-mail: chuprova.albina@yandex.ru;

ЕПИФАНОВА Елена Владимировна,

профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент.
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.
E-mail: Epifanova_Elen@mail.ru;

ЖБЫРЬ Оксана Николаевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент.
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.
E-mail: pravogon@mail.ru;

CHUPROVA Albina Alekseevna,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University, PhD in Philosophy, Associate Professor.
149 Stavropol str., Krasnodar Territory, 350040, Russia.
E-mail: chuprova.albina@yandex.ru ;

EPIFANOVA Elena Vladimirovna,

Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University, Candidate of Law, Associate Professor.
149 Stavropol str., Krasnodar Territory, 350040, Russia.
E-mail: Epifanova_Elen@mail.ru;

ZHBYR Oksana Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University, Candidate of Law, Associate Professor.
149 Stavropol str., Krasnodar Territory, 350040, Russia.
E-mail: pravogon@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается соборность как цивилизационная константа отечественного правосознания. Востребованность интегративного подхода к праву подчеркивает своевременность такого рода исследований, правосознание рассматривается в ряду источников права, как специфический тип духовности, где соборность анализируется в цивилизационном измерении, не только как базовый принцип соборного единения общества, но и принцип правового воспитания и единства страны, способствующий развитию институтов гражданского общества и самоуправления.

Abstract: The article considers conciliarity as a civilizational constant of the national legal consciousness. The relevance of an integrative approach to law emphasizes the timeliness of this kind of research, legal awareness is considered in a number of sources of law as a specific type of spirituality, where conciliarity is analyzed in the civilizational dimension, not only as the basic principle of conciliar unity of society, but also the principle of legal education and unity of the country, contributing to the development of institutions of civil society and self-government.

Ключевые слова: соборность, цивилизационная константа, правосознание, тип духовности, солидаризм.

Keywords: conciliarity, civilizational constant, legal awareness, type of spirituality, solidarity.

Для цитирования: Чупрова А.А., Епифанова Е.В., Жбырь О.Н. Соборность как цивилизационная константа становления отечественного правосознания // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 82-84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_82.

For citation: Chuprova A.A., Epifanova E.V., Zhbyr O.N. Conciliarity as a civilizational constant of the formation of national legal consciousness // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 82-84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_82.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Рассмотрение вопроса становления феномена отечественного правосознания предлагается через идею соборности как цивилизационной константы российского общества. Востребованность интегративного подхода к праву подчеркивает своевременность такого рода исследований, где правосознание рассматривается в ряду источников права. Именно в рамках правосознания идёт осмысление и отражение правового бытия, где должную роль играет правовое воспитание.

Основной целью правового воспитания является формирование у человека правовой культуры. Правовая культура включает знание законов и правил, умение их применять, осознание своих прав и обязанностей, уважение к правам других людей и соблюдение норм морали и этики. Ключевыми принципами этой концепции являются востребованность междисциплинарного гуманитарного знания, которое влияет на про-

цесс формирования правового сознания. Правовая культура считается эффективным инструментом предотвращения социальных проблем.

Изучение исторических взглядов на правосознание акцентирует важность правового воспитания для достижения общественного блага. В познании сущности историко-правовой традиции общества правосознание надделено смыслообразующими свойствами. Необходимо развитие качественного правового воспитания, которое в сочетании общечеловеческих и самобытных начал, с учетом исторического развития, особенностей правовой культуры российского общества будет способствовать развитию правового государства и формированию гражданского общества в России.

На сегодняшний день главной целью правового воспитания служит развитие у каждого индивида ответственного и уважительного отношения к закону. Этот процесс способствует формированию у граждан таких ценностей, как уважение к человеческому достоинству, толерантность, чувство солидарности, а также играет значимую роль в правовой гарантированности общества.

Нынешнее общество функционирует под воздействием разных обстоятельств, включая политику государства, направлений развития сферы правового просвещения, способностей участников общества осваивать и применять правовые ценности и нормы. В свою очередь, правовое воспитание содействует формированию активных граждан, способных принимать участие в общественной жизни и влиять на изменения в социуме.

Таким образом, цель нравственно-правового воспитания заключается в формировании такого уровня правосознания, при котором каждый индивид следует правовым нормам на основе внутренних мотивов и этических принципов, а не из-за боязни наказания. Сущностью взаимосвязи морального и правового воспитания служит понимание личностью ценностей и законов общества, различение моральных принципов и основ правовых норм, а также их влияние на процессы правоприменения. Этот симбиоз морального и правового сознания не должен изучаться изолированно. Содержание правовой общественной вовлеченности личности включает в себя исследование методов правового мышления, характерных для правовой культуры, духовно-нравственные ориентиры в их историческом принятии. Данный процесс является важнейшим элементом правовой социализации общества, способствуя его устойчивому и гармоничному развитию.

Практическая функция правосознания осуществляется двояко: во-первых, правосознание является непосредственным идейным источником норм права и, во-вторых, правосознание оказывает обратное влияние на общественное бытие посредством идеологического и психологического воздействия на поведение лиц.

Через правовое воспитание идёт усвоение правовых норм и ценностных ориентиров, формируется активная гражданская позиция, в целях укрепления правопорядка и справедливости в сценариях перспективного развития страны и роли граждан в этих сценариях. Соборность, позволяет объединить индивидуальный и социальный интерес [1]. Это общее, которое включает в себя богатство особенного и единичного.

В условиях выбранного российским государством курса правовой политики, предполагающего верховенство права и свободное участие всех граждан в делах государства, особенно важными являются постулат о формировании правильных ценностных оснований, мотиваций и установок субъектов-носителей правового сознания.

Учитывая, что современная правовая модернизация держит вектор направленности к традиционным, сформировавшимся под влиянием объективных исторических факторов, духовно-культурным ценностям, предлагаем обозначить методологическую значимость принципа соборности и определить правосознание как специфический тип духовности, где соборность анализируется в цивилизационном измерении, не только как базовый принцип соборного единения общества, но и принцип правовой организации общества. В этом контексте мы обращаем внимание, что в исследовании правосознание является не только формой общественного сознания, но и специфическим типом духовности. Духовность, в этой связи, представляет собой способ развёртывания духовного опыта правосознания, ядром которого выступает триединая связка «вера-разум-воля», воздействующая на человеческие чувства.

Характерной особенностью российского правосознания, оказавшей значительное влияние на его формирование, является правовере, как духовным инвариантом российского правового сознания. Правовере как духовно-практический радикализм, реализует себя в российском правосознании через доминанты в образах и идеях, сформировавшихся на протяжении многовековой истории России и артикулированных представителями всей национальной духовной традиции нашего Отечества [2]. В качестве такой базовой идеи русское национально-правовое сознание в форме самосознающей рефлексии признает соборность.

Исследовать соборность не просто, беря во внимание неясность границ самого феномена и разницу подходов к рассмотрению сущности и природе соборности, например как: свойства церкви или принципа единства общества, требуется пристальное внимание к историческому осмыслению пути развития страны и выделения общих оснований жизни нашего народа.

Говоря о понятии и сущности такого феномена как «Соборность», необходимо разделять философско-правовое и теологическое видение этого вопроса. Соборность олицетворяет взаимосвязь религиозного и правового сознания. Даже когда религия утрачивает статус духовной универсальности в обществе, соборность остается доминантой всех основных социальных слоев российского общества [1]. Соборность в контексте развития общества подразумевает признание взаимозависимости всех членов общества и необходимости их сотрудничества для достижения совместных целей [5].

Первым, кто озвучил в философии термин соборность, как ориентир социальной философии, был отечественный философ А.С. Хомяков. По его мнению, соборность, представляющая собой уникальную самобытность - это своеобразное единство в деле совместного понимания правды и совместного отыскания пути к спасению, единство, основанное на единоклюшней любви к Христу и божественной праведности. Собор-

ность общественной жизни, по Хомякову, является критерием соответствия этой жизни христианским идеалам [3].

В своей работе «Духовные основы общества» С.Л. Франк рассматривал соборность как основу общества «внутреннее органическое единство, лежащее в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей» [4]. С.Н. Трубецкой акцентирует в идеале соборности единство религиозного, нравственного и социального начал.

По мнению русских мыслителей, соборность еще не осуществлена в реальности, это одна из актуальных задач нашего социокультурного бытия. Органическое единство общего и единичного нашло выражение в понятии соборности. Это центральное понятие русской философии, слово, не поддающееся переводу на другие языки [1].

Свойства соборности отчетливо прослеживаются в различных аспектах отечественной культуры, на всем протяжении российской истории. Соборные мотивы мы находим и на литературном поприще и в публицистике. Не утрачивает своих позиций и такая форма проявления соборности как сострадание к ближнему и любви.

Несмотря на внутреннюю трансформацию, различные модификации форм проявления соборности, можно констатировать наличие данного черта в русском национально-правовом сознании и в религиозный, и в светский - периоды развития отечественной культуро-цивилизационной реальности, что позволяет сделать вывод об их константности [1].

Соборность, как способ устойчивого развития общества, заявляет о себе в различных сферах жизни: от философии и религии до права и политики. Она предполагает ориентацию на гармоничное взаимодействие между всеми элементами и активным включением всех участников в процесс развития [5]. На наш взгляд, этот подход позволяет достичь более стабильных результатов и увидеть наличие имеющихся проблем в целостном виде. В этой связи, можно сделать вывод, что соборность закрепляется как традиция русской культуры коллективизм.

Идея соборности находит своё отражение и в последующих концепциях взаимодействия и единства гражданского общества с учетом особенностей развития российской социокультуры. Признаки соборности проявлены в учении об обществе, утверждающее солидарность (общность) его частей. Эта доктрина получила название солидаризм (фр. solidarisme, от solidaire — действующий заодно). По мнению А.Н. Окары, солидаризм это «единственная идеология, которая пытается уравновесить индивидуализм личности и интерес общества как целого». Мы придерживаемся широкого подхода в понимании солидаризма, как «комплекса социально-политических и социально-философских воззрений, рассматривающих социальное единство и социальную гармонию как высшую ценность и норму общественной жизни» [6].

Особенности национального правосознания во многом определяют успех или задержку процессов внутренней модернизации, интеграции в мировое сообщество и решение многих других общественно-политических проблем. Здесь не всегда полезен опыт слепого заимствования культуры западного типа, нужно сохранять свой духовно-нравственный потенциал и сохранять духовные доминанты отечественного правосознания. Соборность должна способствовать развитию институтов гражданского общества и самоуправления.

Доверие собственному историческому опыту в части оформления оснований духовно-нравственных правовой культуры, есть правильный алгоритм, который способствует российскому обществу стать соборным.

Правовая культура должна быть основана на нравственных ценностях, а правосознание в своем содержании раскрывать общечеловеческую мораль, обеспечивающую соборное единство людей.

Библиография:

1. Пестрецов А. Ф. Генезис русского национального самосознания в духовной культуре России : дис....канд. философ. наук. Нижний Новгород, 2009.
2. Чупрова А.А. Становление духовного опыта российского правосознания: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Иркутск, 2004.
3. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Идеи солидаризма в концепции построения гражданского общества в России // Социодинамика. 2013. № 8
4. Франк С.Л. Духовные основы общества. М. 1992.
5. Оноприенко В.И. Соборность - Новое научное направление: определение, сущность, структура, показатели, эффективность // Партия Вернадского. ВВИ-Партия. 2023. № 1.
6. Шадрин В. В. Солидаризм как конституционный принцип взаимодействия гражданского общества и государства в России //Право и государство: теория и практика. 2023.

References:

1. Pstretsov A. F. The genesis of Russian national identity in the spiritual culture of Russia: dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Nizhny Novgorod, 2009.
2. Chuprova A.A. The formation of the spiritual experience of Russian legal consciousness: abstract. ... candidate of Philosophical Sciences. Irkutsk, 2004.
3. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Ideas of solidarism in the concept of building a civil society in Russia // Sociodynamics. 2013. № 8
4. Frank S.L. The spiritual foundations of society. M. 1992.
5. Onoprienko V.I. Sobornost - A new scientific direction: definition, essence, structure, indicators, effectiveness // Vernadsky's Party. Twiparty. 2023. № 1.
6. Shadrin V. V. Solidarism as a constitutional principle of interaction between civil society and the state in Russia //Law and the State: theory and practice. 2023.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ MODERN METHODS OF COMBATING CORRUPTION IN THE EDUCATION SYSTEM

НАУМОВ Игорь Николаевич,

Волгоградский государственный технический университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, культурология, социология».
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: naumov1510@yandex.ru;

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Геннадьевна,

Волгоградский государственный технический университет
кандидат соц. наук, доцент кафедры «Философия и право».
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

ХРИПУНОВА Елена Валерьевна,

Волгоградский государственный технический университет,
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык».
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: elytsa@mail.ru;

СУХОВА Анна Сергеевна,

Волгоградский государственный технический университет
кандидат соц. наук, доцент кафедры «Философия и право».
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская обл., 400005, Россия.
E-mail: belousov34@yandex.ru;

Naumov Igor Nikolaevich,

Volgograd State Technical University
PhD, Associate Professor of the Department of History, Cultural Studies, Sociology.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: naumov1510@yandex.ru;

Selezneva Irina Gennadyevna,

Volgograd state technical University
Candidate of Sociological Sciences Associate Professor Department of Philosophy and law.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

Khripunova Elena Valerievna,

Volgograd State Technical University
Candidate of Philological Sciences Associate Professor, Department of Russian Language.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: elytsa@mail.ru;

Suhova Anna Sergeevna,

Volgograd state technical University
Candidate of Sociological Sciences Associate Professor Department of Philosophy and law.
V.I. Lenin Ave., 28, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russia.
E-mail: belousov34@yandex.ru

Краткая аннотация. Предметом исследования в настоящей статье являются определенные тенденции противодействия коррупции с использованием цифровых технологий, которые могут быть учтены при формировании антикоррупционной правовой политики российского государства. Рассматриваются новые возможности борьбы с коррупцией в условиях системного внедрения информационно-коммуникационных технологий в сфере образования. Основной целью исследования является выявить и установить основные возможности противодействия коррупции с применением цифровых технологий в государственном управлении и различных сферах общественной жизни. В статье используется институциональный анализ права, применяются методы правового прогнозирования, моделирования и анализа развития права.

Abstract. The subject of the research in this article is certain trends in combating corruption using digital technologies, which can be taken into account when forming the anti-corruption legal policy of the Russian state. New possibilities of fighting corruption in the context of the systematic introduction of information and communication technologies in the field of education are being considered. The main purpose of the study is: to identify and establish the main opportunities for combating corruption using digital technologies in public administration and various spheres of public life. The article uses an institutional analysis of law, uses methods of legal forecasting, modeling and analysis of the development of law.

Ключевые слова: система образования, коррупция; антикоррупционная политика; цифровые технологии, цифровизация, цифровой контроль.

Keywords: education system, corruption; anti-corruption policy; digital technologies, digitalization, digital control.

Для цитирования: Наумов И.Н., Селезнева И.Г., Хрипунова Е.В., Сухова А.С. Современные методы борьбы с коррупцией в системе образования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 85-88. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_85.

For citation: Naumov I.N., Selezneva I.G., Khripunova E.V., Suhova A.S. Modern methods of combating corruption in the education system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 85-88. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_85.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

На сегодняшний день проблема коррупции в России в условиях современных рыночных отношений, несомненно, является актуальной. И это не удивительно, ведь данное противоправное явление образует новые противоправные формы. Понятие коррупции дано в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица. Рассматривая формы коррупции, данные в определении, необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, указанные формы коррупции не являются исчерпывающими. Это следует из самих разновидностей форм коррупции, приведенного в определении коррупции, где сказано, что может быть «иное незаконное использование должностного положения». Во-вторых, юридическое понятие коррупции дано через перечисление видов коррупционных деяний

Сегодня, в целом по России, коррупция приобрела фрагментарный характер и ее невозможно победить только административными мерами. Она определяется в значительной степени особенностями общественного менталитета, спецификой политической культуры, неразвитостью гражданских институтов, призванных контролировать органы исполнительной власти. Это усугубляется тем, что постоянно меняются социально-экономические и политические условия жизни общества, что обновляет «коррупционное поле» социальных взаимодействий, вводя в него все новых и новых действующих лиц. Объекты и субъекты коррупционных отношений в сфере образования постоянно расширяются.

Исследование и выявление причин возникновения коррупции и опыта по борьбе с ней в других странах позволяет создать комплекс мер по противодействию коррупции в России. К числу наиболее действенных методов борьбы с коррупцией можно отнести следующие:

- Оптимизация штатов центральных аппаратов. Количество государственных служащих должно быть приведено в соответствие с полномочиями,
- Обновление законодательных актов по коррупции. Требуется разработка законодательных актов, которые способствовали бы совершенствованию дисциплинарной практики, и формирование режима пресечения коррупции.
- Возможность выбора для государственного служащего. Для снижения уровня необоснованного административного усмотрения в вопросе применения административного принуждения необходимо установить правовой механизм, который не будет давать государственному служащему возможности выбора между применением мер предупреждения и мер административного наказания в случае выявления государственным служащим административного правонарушения. Во всех случаях выявления административного правонарушения целесообразно применять административные наказания, а не меры организационно-предупредительного характера.
- Создание институтов по борьбе с коррупцией, обладающие полномочиями для расследования и пресечения данного преступления.
- Воспитание и формирование антикоррупционного поведения у населения в обществе.

Очевидно, что именно деятельность правоохранительных органов и органов прокуратуры по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционной направленности, выявлению и последующему устранению причин коррупции является ключевой в борьбе с коррупционными проявлениями.

Вместе с тем стратегической задачей, поставленной Президентом Российской Федерации, является формирование и реализация антикоррупционной политики, включающей в себя, в том числе обеспечение взаимодействия всех ветвей власти в целях совершенствования механизма предупреждения коррупции, поддержание деятельности общественных объединений и средств массовой информации по формированию активного неприятия коррупции.

Принимая во внимание имеющиеся статистические данные, мы можем сделать вывод о том, что в нашей стране ведется активная борьба с коррупцией во всех сферах, благодаря чему, уровень коррумпированности региона и страны в целом падает. Таким образом, в РФ продолжает осуществляться системная работа по координации действий территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по противодействию коррупции в сфере образования.

Анализ оценки уровня коррупции в РФ за последние годы свидетельствует о наличии позитивной динамики по снижению значений коррумпированности.

Вместе с тем борьба с коррупцией является не только делом государственных и правоохранительных органов, но и каждого отдельно взятого гражданина.

Новые цифровые технологии создают уникальные возможности для изменения модели антикоррупционной политики со смещением акцентов с административных, уголовных и иных механизмов привлечения к ответственности участников коррупционных отношений в пользу разработки механизмов технической невозможности, экономической несостоятельности и нецелесообразности коррупционных действий, связей и отношений. Сами по себе информационно-коммуникационные технологии являются еще одним инструментом правовой политики, не имеют самодостаточный характер и вне связи с общими принципами противодействия коррупции могут породить деструктивные явления технократического бюрократизма.

Процесс цифровизации государственного управления имеет серьезное антикоррупционное значение. Развитие на основе информаци-

онно-коммуникационных технологий позволяет разработать ранее неизвестные и совершенно неожиданные средства противодействия традиционным негативным явлениям государственного управления. При этом развитие информационных технологий может порождать и новые коррупционные и бюрократические схемы, что в своем потенциале может свестись к электронной бюрократизации или даже электронной коррупции. Поэтому формирование антикоррупционной правовой политики с применением цифровых технологий требует серьезного научного анализа, формулирования таких приоритетов правовой политики, принципов и моделей юридических конструкций, которые бы исключали возможность развития вышеуказанных тенденций и последствий цифровизации, и, напротив, легли бы в основу принципиально новых правовых механизмов регулирования государственного управления, публичной власти, правоохранительной деятельности. Именно для прозрачности и публичности внедряется модель электронного правительства, «информационного государства».

Необходимо принять во внимание, что, рассматривая социально-экономические вопросы внедрения подобных технологических решений противодействия коррупции в модель государственного управления, следует иметь в виду, что базовыми причинами коррупционных преступлений является: сырьевая модель экономики, парадигма общества потребления. Таким образом, коррупция, основана на неустрашимых цифровизацией основаниях и условиях, прежде всего, связанных с экономической моделью распределения материальных благ в обществе. Соответственно успех противодействию коррупции как противоправному явлению, лежит не только и не столько в карательной функции правоохранительной системы государства, сколько в организационно-экономических основаниях коррупционного поведения субъектов правоотношений. В этом смысле цифровые технологии могут быть использованы как мощный и реальный инструмент профилактики коррупции на организационном и институционально-экономическом уровне воздействия. Цифровые технологии противодействия коррупции получают свою реальную эффективность лишь при условии комплексности и системности. Так, к примеру, бытовая коррупция в системе высшего образования имеет тенденции сокращения в связи с повсеместным внедрением системы «Антиплагиат», а в сочетании с обязательностью размещения выпускных квалификационных и курсовых работ в открытом доступе коррупционный фактор сводится к показателям близким к нулю. В этом смысле, цифровые средства проверки авторства выполненной, студентом, работы, позволили обеспечить прозрачность и публичную проверку результата обучения, что, с одной стороны, создает угрозу аннулирования неавторского диплома выпускника и, следовательно, признание недействительным его квалификации с последующей потерей права осуществлять профессиональную деятельность. С другой стороны, требование к оригинальности дипломной работы многократно повышает теневые цены на услуги по их написанию. Формирование политики открытых публичных торгов на электронных площадках сформировало прозрачность финансовых расходов бюджетных денежных средств и механизм их общественной подконтрольности. В то же время, как отмечает ряд исследователей, данное решение неполноценно для контроля, исключающего коррупционное вмешательство в процессы заключения государственных и муниципальных контрактов, и возникает необходимость использования цифровых технологий, которые делают все закупки не только прозрачными, но и при использовании смарт-контрактов используемыми без возможности теневого вмешательства в ценообразование. В области взаимодействия граждан и органов государственной власти переход на дистанционную цифровую форму коммуникации, придание этой коммуникации обезличенного и технически проверяемого характера способствовало снижению числа коррупционных действий госслужащими, ранее провоцируемых посредством увеличения временных и документационных издержек граждан. Также система оказания государственных и муниципальных услуг, функций в электронном виде позволило обеспечить автоматизированный государственный контроль за их эффективной реализацией, сформировать систему обратной связи в виде социальных оценок качества оказания публичных услуг их потребителем. Цифровые технологии позволяют внедрить в процессы государственного управления приемы и методы, ранее недоступные в практиках публичного контроля. Так, посредством цифровых технологий появились возможности разрыва личных контактов, обезличивание публичных отношений, сменяемость должностных лиц в одном процессе оказания государственных услуг или выполнения государственных функций, экстерриториальный принцип их работы, автоматизация процессов оформления документов, промежуточных решений. С развитием информационной инфраструктуры, все прозрачней становится системная характеристика взаимодействия субъектов общественных отношений и увеличивается возможность получения объективных данных, которые характеризуют общую картину антикоррупционной деятельности. При этом появляется возможность автоматизированного учета статистических данных множества параметров коррупционных отношений: о потенциальных коррупционных отношениях, о возникающих динамических коррупционных рисках, о статистике коррупционных правонарушений в привязке к конкретному объему полномочий в системе образования. Это позволит проводить объективную оценку коррупционных преступлений конкретных должностей в образовательной среде с учетом их местоположения, социально-экономических условий, культурно-исторических особенностей региона. Законодатель, внедряя правовые механизмы противодействия коррупции западных моделей, всегда учитывает культурные особенности России, национальные традиции государства. Так, одним из элементов заимствования стал институт конфликта интересов, отраженный в ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "О противодействии коррупции". Этот институт показал свою высокую эффективность и применимость, о чем свидетельствует юридическая статистика коррупционных преступлений связанных с конфликтом интересов.

На основе нейросетевого программирования могут быть предприняты попытки прогнозирования коррупции посредством составления самоорганизующихся коррупционных схем и карт, учитывающих следующие отправные значения: база данных уже сложившихся схем и свершившихся коррупционных фактов, система налогообложения недвижимого имущества, ценовая ситуация в сфере крупной собственности и высокодоходного бизнеса, появление новых финансово-спекулятивных предприятий. Прогностическая матрица предоставляет различные профили коррупционного риска в зависимости от экономических условий региона, сроков прогноза, политической культуры. Говоря о развитии цифровых технологий противодействия коррупции в сфере образования, следует также акцентировать наше внимание на вопросе формирования рисков

обратного эффекта в сфере применения информационно-коммуникационных технологий. Так, тенденции технократизации образовательной деятельности формировали целый ряд как технически-организационных требований к новому цифровому формату организации образовательного процесса, так и сформулировали потребность в корректном применении цифровых технологий с учетом цифровой безопасности личности. В частности, система цифрового контроля за гражданами должна учитывать новую поправку ст.71 Конституции РФ: в ведении Российской Федерации находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных». В конечном итоге, под угрозой коррупционного воздействия оказались сами операторы информационных систем, которые уже сегодня осуществляют несанкционированное изъятие видео и фотофиксации, нейтрализуя оперативно-розыскную деятельность по выявлению и изобличению преступлений с участием высокоуровневой организованной преступности. Таким образом, обобщая характеристику векторов развития цифровых антикоррупционных технологий, следует отметить, что: во-первых, коррупция является комплексным, многофакторным явлением, что обуславливает необходимость адекватного системного ответа в форме комплексной правовой политики, создания институционализированной системы цифрового противодействия данному криминогенному явлению. Следует учесть при ее разработке, что в основе коррупционного поведения могут лежать различные мотивы участников теневых сделок, начиная от низкого уровня заработной платы, до ценностной и духовной деформации и заканчивая какой-либо зависимостью от вышестоящего руководителя. Между тем, столь широкий спектр причин и условий формирования коррупционного поведения, не позволяет сколь либо эффективно противодействовать коррупционным отношениям одними репрессивными методами правового воздействия. Более того, системный репрессивный характер правовой политики по противодействию коррупции провоцирует риски вовлечения в коррупционные отношения представителей правоохранительных органов, призванных пресекать данную преступную деятельность. В этом смысле возникает исторически известный тупик – сколько бы не множили контролируемых лиц, коррупция не убывает. Во-вторых, цифровые технологии позволяют реализовать ранее недоступные в публичном управлении и правовом регулировании организационные, стимулирующие, ограничительные меры, эффективность которых принципиально выше традиционных методов антикоррупционной политики. Систематизация правовой политики в данном вопросе, четкое понимание принципов, перспектив, рисков применения технологических инноваций в антикоррупционной политике российского государства становится объективно необходимым этапом развития информационного общества. Однако, внедрение цифровых технологий противодействия коррупции имеет естественные исторические пределы, что обусловлено уровнем цифровой грамотности населения, развитием цифровой инфраструктуры регионов. В связи с этим, разработка стратегии развития цифровых технологий противодействия коррупции должна учитывать, как естественные социальные, экономические, правовые, культурные пределы применения цифровых технологий, так и оценивать их потенциальные разработки, перспективно определять этапы их внедрения, в том числе учитывать мероприятия, направленные на преодоление существующих ограничений их внедрения.

Информационно-коммуникационные технологии являются еще одним инструментом правовой политики, не имеют самодостаточный характер и вне связи с общими принципами противодействия коррупции могут породить деструктивные явления технократического бюрократизма, тоталитарного политического контроля, системных нарушений прав и свобод человека. Поэтому, важнейшим рамочным элементом электронной антикоррупционной политики следует назвать следующие фундаментальные принципы, реализуемые посредством цифровых технологий: прозрачность публичной деятельности государственных служащих, их подотчетность обществу; проверяемость данных, представленных должностными лицами; объективирование процессов принятия публичных решений; прямой государственный контроль; экстерриториальный принцип организации государственной власти; системное управление коррупционными рисками; приоритет социальной оценки публичной власти; режим обратной связи государственной власти.

Библиография:

1. Косян Н.Г., Милькина И.В. Блокчейн в системе государственных закупок/XE-Management. 2019. № 1. С. 33-41.
2. Мухамадиева Д.Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции / Д.Н. Мухамадиева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2019. – № 1 (171). – С. 9-13.
3. Овчинников А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 158-170.

References:

1. Kosyan N.G., Milkina I.V. Blockchain in the public procurement system/XE-Management. 2019. No. 1. pp. 33-41.
2. Mukhamadieva D.N. Digitalization against corruption. The emergence of e-corruption / D.N. Mukhamadieva // Bulletin of the Samara State University of Economics. – 2019. – № 1 (171). – Pp. 9-13.
3. Ovchinnikov A.I. Countering corruption in the context of digitalization: opportunities, prospects, risks // Journal of Russian Law. 2019. No. 11. pp. 158-170.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS

КАПСАРГИНА Светлана Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Красноярский государственный аграрный университет,
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: kpsv@bk.ru;

KAPSARGINA Svetlana Anatolyevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: kpsv@bk.ru

Краткая аннотация: Современный этап развития российского общества выдвигает новые подходы к воспитанию патриотизма у современной молодежи. В настоящее время в образовательной политике патриотическое воспитание является приоритетным направлением. Именно в высшей школе происходит становление гражданской позиции личности на основе духовно-нравственных ценностей.

Abstract: The current stage of development of Russian society puts forward new approaches to the education of patriotism among modern youth. Currently, patriotic education is a priority in educational policy. It is in higher education that the formation of a civil position of a person on the basis of spiritual and moral values takes place.

Ключевые слова: патриотизм, студенты, патриотическое воспитание, принципы патриотического воспитания, патриотическое сознание.

Keywords: patriotism, students, patriotic education, principles of patriotic education, patriotic consciousness.

Для цитирования: Капсаргина С.А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 89-92. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_89.

For citation: Kapsargina S.A. Patriotic education of students // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 89-92. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_89.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Воспитание патриотизма является одной из ключевых задач современной системы образования. В условиях глобализации и стремительного развития технологий особую значимость приобретает формирование у подрастающего поколения чувства гордости за свою Родину, сопричастности к ее истории и культуре.

Сегодня, как никогда, важно прививать молодежи ценности патриотизма, любви к Отечеству, готовности к его защите. Это обусловлено рядом объективных факторов, такими как рост социальной и политической нестабильности в мире, усиление геополитических противоречий требуют консолидации общества и укрепления национальной идентичности; процессы глобализации, размывание национальных границ, информационная открытость создают угрозу утраты молодежью традиционных духовно-нравственных ориентиров; недостаточная социальная и гражданская активность части молодых людей, их отчуждение от проблем страны, ослабление чувства патриотизма; необходимость воспитания поколения, готового к сохранению и приумножению культурного, научного и экономического потенциала России.

В этих условиях особую роль в патриотическом воспитании играет система образования, поскольку именно она способна системно и комплексно формировать у обучающихся ценностное отношение к Родине, гражданскую позицию и активную жизненную установку.

На сегодняшний день в нашей стране актуальность темы патриотического воспитания в высших учебных заведениях находится на высоком уровне. Современное общество нуждается в людях, обладающих высоким уровнем гражданской ответственности, чувством патриотизма и любви к своей Родине. Патриотическое воспитание в университетах имеет важное значение для формирования будущего поколения профессионалов, способных эффективно решать задачи, стоящие перед государством.

Анализ педагогической литературы показывает, что вопросу патриотического воспитания уделяется большое внимание как в теории, так и в практике. Важную роль патриотического воспитания студентов отмечали в своих работах: С.Н. Семенкова обобщает вклад в патриотическое воспитание общеобразовательных кафедр, рассматривая эту проблему в междисциплинарном рассмотрении с применением деятельностного подхода [1]. Г. М. Абдуллаев отмечает, что для современного высшего учебного заведения воспитание патриотизма предполагает формирование патриотического сознания, определяющего патриотическую деятельность, направленную на повышение эффективности обучения и воспитания студента в период учебы в вузе и в дальнейшее жизни [2]. Р. Р. Бадртдинова указывает на мероприятия, которые студенты считают полезными для улучшения патриотического воспитания, а также дает оценку роли студенческих отрядов в развитии волонтерского движения и патриотического воспитания в вузе [3]. Н. И. Бухтояров, М. Н. Шахова, О. Н. Князева показывают на необходимость проведения мероприятий по воспитанию патриотизма в сознании молодого поколения и представляют опыт работы в университете, направленный на формирование патриотической личности выпускника вуза [4]. А. З. Ярмуллина анализирует деятельность института по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию студентов, на примере фактического материала автор показывает формы, методы и средства работы со студенческой молодежью в вузе, раскрывает пути достижения оптимальных результатов [5]. Е. А. Рязанова, А. М. Кузьмина актуализируют роль физической культуры в пат-

риотическом воспитании обучающихся высшего образования и раскрывают потенциал физической культуры в достижении формирования патриотических ценностей у студентов очень высок [6]. Е. П. Любичкая рассматривает культурологический аспект в качестве методологической доминанты при решении задач патриотического воспитания посредством изучения иностранного языка [7]. Н. А. Михед отмечает в своей работе специфику гражданско-патриотического воспитания в вузе [8]. А. В. Конышева [9], Е. А. Карташова, С. А. Юренская [10] показывают важность организации патриотического воспитания студентов в вузе с опорой на дисциплину иностранного языка.

Патриотическое воспитание в вузе играет важнейшую роль в формировании будущих поколений граждан нашей страны. Студенчество - это тот период, когда молодые люди приобретают профессиональные навыки и жизненные ценности. Патриотическая работа в вузах направлена на то, чтобы вырастить достойных граждан, готовых служить своей стране и защищать её интересы.

Одной из главных задач патриотического воспитания является формирование национальной-государственной идентичности. Студентам прививаются чувства любви к своей стране, гордости за её историю и достижения. Они знакомятся с культурным наследием, традициями и государственными символами. Патриотизм воспитывается через участие в различных мероприятиях, таких как праздники, митинги и спортивные соревнования.

Важной составляющей патриотической работы является сохранение и передача культурных традиций. Молодёжь приобщается к исторической памяти, знакомится с культурными ценностями и наследием своего народа. Это помогает развивать уважение к прошлому и понимание настоящего. Кроме того, студенты учатся ценить государственные символы и праздники.

Патриотическое воспитание также способствует укреплению социальной и политической стабильности. Студентам прививается активная гражданская позиция, готовность участвовать в общественной жизни и защищать интересы своей страны [1-2].

Не менее важно повышение мотивации к профессиональному развитию. Патриотично настроенные студенты стремятся работать на благо своей страны, достигать высоких результатов в выбранной профессии. Они понимают, что успех в работе - это вклад в развитие общества и государства.

Укрепление обороноспособности и национальной безопасности также является одной из приоритетных задач патриотической работы в вузе. Студентам прививается чувство долга перед страной и готовность защищать Отечество.

Патриотическое воспитание студентов в вузе - это систематическая и целенаправленная деятельность педагогических коллективов и государственных институтов по формированию у обучающихся высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Основными целями и задачами патриотического воспитания студентов в вузе являются:

1. Формирование у студентов высокого патриотического сознания, чувства верности и преданности своему Отечеству.
2. Развитие активной гражданской позиции, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей.
3. Воспитание любви к Родине, гордости за её историческое прошлое, культурные достижения и современные успехи.
4. Создание условий для самореализации личности студента на благо России, укрепление её обороноспособности и национальной безопасности.

Патриотическое воспитание в вузе играет важную роль в формировании у студентов чувства любви к своей Родине, уважения к её истории и традициям, а также в подготовке квалифицированных специалистов, способных служить на благо своей страны. Организация патриотического воспитания основывается на нескольких принципах и подходах:

- Системность и целостность: Патриотическое воспитание должно быть организовано таким образом, чтобы охватывать весь учебный процесс, включая учебные дисциплины, внеклассные мероприятия и социальную активность студентов.
- Индивидуальный подход: Каждый студент уникален, поэтому необходим индивидуальный подход к каждому, учитывающий его личностные особенности и интересы.
- Комплексность: Патриотическое воспитание должно включать в себя разнообразные формы и методы работы, такие как лекции, семинары, дискуссии, экскурсии, конкурсы и т.д.
- Единство теории и практики: Важно сочетать теоретические знания с практическими навыками, позволяющими студентам применять полученные знания в реальной жизни.
- Преемственность: Патриотическое воспитание должно осуществляться на всех уровнях образовательной системы, начиная с дошкольного возраста и продолжаясь на протяжении всего периода обучения в школе и вузе.
- Связь с жизнью: Патриотическое воспитание должно быть тесно связано с реальной жизнью, чтобы студенты видели, как их знания и умения могут быть использованы для блага общества и страны.
- Привлечение общественных организаций и заинтересованных лиц: Организация патриотического воспитания должна включать сотрудничество с различными общественными организациями, представителями бизнеса и государственными структурами.
- Мотивация и стимулирование: Необходимо создавать условия для мотивации студентов к активному участию в патриотических мероприятиях и программах, предоставляя возможности для личного роста и развития.

Применение этих принципов и подходов позволит организовать эффективное патриотическое воспитание в вузе, которое будет способствовать формированию у студентов высоких нравственных качеств, гражданской ответственности и готовности к служению своей стране.

Существует множество форм и методов реализации патриотического воспитания в вузе. Одной из наиболее распространенных форм

является проведение лекционных курсов и семинаров по вопросам истории, культуры и традиций России. Такие занятия помогают студентам глубже понять роль и значение своей страны в мировой истории, а также осознать важность сохранения национальных ценностей [3-4].

Еще одной эффективной формой является организация тематических мероприятий, таких как фестивали, концерты, выставки и круглые столы. Эти мероприятия позволяют студентам проявлять творческий потенциал, обсуждать актуальные проблемы и обмениваться опытом.

Кроме того, патриотическое воспитание может быть реализовано через организацию спортивных соревнований и туристических походов. Такие мероприятия способствуют укреплению командного духа, развитию физических качеств и воспитанию уважения к природе.

Также важную роль играют научные конференции и конкурсы, где студенты могут представить свои исследования и проекты, связанные с патриотизмом и историей России. Это помогает им развивать аналитические способности и находить новые пути решения проблем.

Наконец, патриотическое воспитание может быть реализовано через волонтерские проекты и социальные акции. Студенты могут принимать участие в благоустройстве территории вуза, помощи ветеранам войны и другим нуждающимся группам населения. Это учит их ответственности, альтруизму и чувству солидарности.

Все эти формы и методы направлены на формирование у студентов чувства патриотизма, уважения к своей стране и готовности служить на благо общества.

Патриотическое воспитание в вузе имеет свои проблемы и перспективы развития. Одна из главных проблем заключается в недостаточной интеграции патриотического воспитания в общий учебный процесс. Часто оно рассматривается как отдельный курс или серия мероприятий, которые не связаны с основными учебными дисциплинами. Это приводит к тому, что многие студенты воспринимают патриотическое воспитание как нечто формальное и необязательное.

Несмотря на этот факт, у патриотического воспитания в вузе есть большие перспективы развития. Современные технологии и интернет открывают новые возможности для взаимодействия студентов и преподавателей, а также для обмена информацией и идеями. Также можно использовать современные образовательные платформы и онлайн-курсы для повышения качества патриотического воспитания.

Более активное привлечение общественных организаций, бизнес-структур и государственных учреждений может значительно повысить эффективность патриотического воспитания. Сотрудничество с ними поможет интегрировать патриотическое воспитание в повседневную жизнь студентов и сделать его более практичным и актуальным.

ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет также обращает особое внимание на такой аспект как патриотическое воспитание студентов. Приоритетными направлениями воспитательной работы в университете являются следующие направления деятельности:

- Гражданско-патриотическое воспитание студентов – реализация комплекса мероприятий в рамках Программы гражданско-патриотического воспитания студентов аграрных вузов России на 2021-2025 годы;

- Развитие позитивных общественных организаций и объединений студентов (АИС «Дружба», Волонтеры Победы, ВСК «Патриот», клуб альпинистов «Снежный барс», ССК «Урожай», НСО «Салгал», СПК «Я горжусь!» и др.);

- Интеграция процессов обучения и воспитания через внедрение/развитие учебных модулей/дисциплин в учебный процесс («Великая Отечественная война: без срока давности», «Волонтерское движение», «Обучение служением», «Основы российской государственности», «Профилактика зависимых форм поведения») [11].

В ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ (ответственность отдела молодежной политики) имеется существенный потенциал форм, средств, методов организации воспитательной (внеаудиторной) деятельности, направленной на развитие личностной компоненты в подготовке будущего специалиста.

Воспитательная работа в университете реализуется наряду с государственной молодежной политикой Красноярского края. Здесь можно отметить флагманские программы: «Мы помогаем» - программа направлена на вовлечение молодежи в добровольческую (волонтерскую) деятельность по различным направлениям – помощь ветеранам, акция взаимопомощи #Мывместе, сопровождение значимых событий и мероприятий, донорство, инклюзивное волонтерство и др.; «Мы гордимся» - программа направлена на формирование у молодежи гражданской ответственности, патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству [12]; вовлечение молодежи в работу военно-патриотических клубов, реализацию патриотических проектов, развитие и поддержка студенческих инициатив в сфере сохранения исторической памяти, участие в ВПИ «Служу Отечеству», «Сибирский щит», «Служить России любой из нас готов», вахта Памяти, подготовка к празднованию годовщины ВОВ [13].

Хотелось бы отметить, ФГБОУ ВО Красноярский государственный университет ведет активную деятельность в направлении патриотического воспитания студентов, количество мероприятий по развитию патриотического воспитания увеличилось с 99 до 137 в период с 2018 по 2023 гг.

В целом, патриотическое воспитание в вузе имеет большой потенциал для развития [14]. Если удастся решить существующие проблемы и использовать новые возможности, оно станет важным компонентом общего образовательного процесса и будет способствовать формированию высококультурных и патриотичных граждан.

Библиография:

1. Семенкова, С. Н. Патриотическое воспитание в аграрном вузе / С. Н. Семенкова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 4(89). – С. 80-82. – DOI 10.24412/1991-5497-2021-489-80-82. – EDN ZZPANK.
2. Абдуллаев, Г. М. Состояние и способы патриотического воспитания в образовательной среде педагогического вуза / Г. М. Абдуллаев // Журнал гуманитарных наук. – 2016. – № 15. – С. 16-17. – EDN WLBNGB.

3. Бадрtdинова, Р. П. Волонтерство и патриотическое воспитание в вузе: оценка посредством общественного мнения студентов / Р. П. Бадрtdинова // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 3. – С. 93-96. – EDN MVTGEZ.
4. Бухтояров, Н. И. Патриотическое воспитание в вузе как одно из приоритетных направлений формирования личности студента / Н. И. Бухтояров, М. Н. Шахова, О. Н. Князева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2020. – № 2. – С. 123-126. – EDN MOUWVK.
5. Ярмуллина, А. З. Особенности духовно-нравственного и патриотического воспитания студентов вузов в Сибайском институте БГУ / А. З. Ярмуллина // Актуальные вопросы современной науки: сборник научных статей Международной научно-практической заочной конференции, Уфа, 15 апреля 2016 года / Уфимский государственный университет экономики и сервиса. Том Часть 3. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2016. – С. 212-215. – EDN ZCNWCZ.
6. Рязанова, Е. А. Роль физической культуры в патриотическом воспитании обучающихся в вузе / Е. А. Рязанова, А. М. Кузьмина // Актуальные вопросы и перспективы развития физического воспитания, спорта в вузах: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 26 апреля 2024 года. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 130-135. – EDN MKZEWU.
7. Любичкая, Е. П. Решение задач патриотического воспитания студентов вуза культуры при обучении иностранному языку / Е. П. Любичкая // Электронный научный журнал. – 2015. – № 1(1). – С. 248-253. – EDN UZLOUJ.
8. Михед, Н. А. Специфика гражданско-патриотического воспитания в вузе / Н. А. Михед // Новые информационные технологии в телекоммуникациях и почтовой связи. – 2024. – № 1. – С. 213-214. – EDN QUSBSR.
9. Конышева, А. В. К вопросу о патриотическом воспитании в вузе средствами иностранного языка / А. В. Конышева // Вестник ГГУ. – 2017. – № 2. – С. 91-97. – EDN XZCBYD.
10. Карташова, Е. А. Реализация задач военно-патриотического воспитания в процессе обучения иностранным языкам курсантов военных вузов / Е. А. Карташова, С. А. Юренская // Современный ученый. – 2020. – № 2. – С. 121-126. – EDN UOHKRV.
11. Отчет по воспитательной работе и молодежной политике за 2023 год [Электронный ресурс]- URL: http://www.kgau.ru/new/student/student/2021/otchet_2023.pdf
12. Фастович, Г.Г. К вопросу о цифровой экономики в юриспруденции/ Г.Г. Фастович // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 2 (170). - С. 62-65.
13. Fastovich G.G., Kapsargina S.A., Kudashova I.V. ON THE ISSUE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE ELECTRONIC DOCUMENT STUDY MANAGEMENT SYSTEM) / G.G. Fastovich, S.A. Kapsargina, I.V. Kudashova // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 11 (162). - С. 157-159.
14. Фастович Г.Г., Капсаргина С.А. Эффективность государственной политики в сфере подготовки кадров агропромышленного комплекса. / Г.Г. Фастович, С.А. Капсаргина // Аграрное и земельное право. - 2022. - № 11 (215). - С. 11-12.

References:

1. Semenkov, S. N. Patriotic education in an agrarian university / S. N. Semenkov // The world of science, culture, and education. – 2021. – № 4(89). – Pp. 80-82. – DOI 10.24412/1991-5497-2021-489-80-82. – EDN ZSPANK.
2. Abdullaev, G. M. The state and methods of patriotic education in the educational environment of a pedagogical university / G. M. Abdullaev // Journal of Humanities. – 2016. – No. 15. – pp. 16-17. – EDN WLBNGB.
3. Badrtdinova, R. R. Volunteerism and patriotic education at the university: assessment through the public opinion of students / R. R. Badrtdinova // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2022. – No. 3. – pp. 93-96. – EDN MVTGEZ.
4. Bukhtoyarov, N. I. Patriotic education in higher education as one of the priority directions of student personality formation / N. I. Bukhtoyarov, M. N. Shakhova, O. N. Knyazeva // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of higher education. - 2020. – No. 2. – pp. 123-126. – EDN MOUWVK.
5. Yarmullina, A. Z. Features of spiritual, moral and patriotic education of university students at the Sibai Institute of BSU / A. Z. Yarmullina // Topical issues of modern science: collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Correspondence Conference, Ufa, April 15, 2016 / Ufa State University of Economics and Service. Volume Part 3. – Ufa: Ufa State University of Economics and Service, 2016. – pp. 212-215. – EDN ZCNWCZ.
6. Ryazanova, E. A. The role of physical culture in the patriotic education of students at the university / E. A. Ryazanova, A.M. Kuzmina // Current issues and prospects for the development of physical education, sports in universities: Materials of the All-Russian Scientific and practical conference, Novosibirsk, April 26, 2024. – Novosibirsk: Siberian State University of Railway Engineering, 2024. – pp. 130-135. – EDN MKZEWU.
7. Lyubitskaya, E. P. Solving the problems of patriotic education of students of the University of culture in teaching a foreign language / E. P. Lyubitskaya // Electronic scientific journal. – 2015. – № 1(1). – Pp. 248-253. – EDN UZLOUJ.
8. Mikhed, N. A. Specificity of civil and patriotic education in higher education / N. A. Mikhed // New information technologies in telecommunications and postal communications. – 2024. – No. 1. – pp. 213-214. – EDN QUSBSR.
9. Konysheva, A.V. On the issue of patriotic education in higher education by means of a foreign language / A.V. Konysheva // Bulletin of the State University. – 2017. – No. 2. – pp. 91-97. – EDN XZCBYD.
10. Kartashova, E. A. Realization of the tasks of military-patriotic education in the process of teaching foreign languages to cadets of military universities / E. A. Kartashova, S. A. Yurenkaya // A modern scientist. - 2020. – No. 2. – pp. 121-126. – EDN UOHKRV.
11. Report on educational work and youth policy for 2023 [Electronic resource]- URL: http://www.kgau.ru/new/student/student/2021/otchet_2023.pdf
12. Fastovich, G.G. On the issue of the digital economy in jurisprudence/ G.G. Fastovich // Agrarian and land law. - 2019. - № 2 (170). - Pp. 62-65.
13. Fastovich G.G., Kapsargina S.A., Kudashova I.V. ON THE ISSUE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE ELECTRONIC DOCUMENT STUDY MANAGEMENT SYSTEM) / G.G. Fastovich, S.A. Kapsargina, I.V. Kudashova // Eurasian Law Journal. - 2021. - No. 11 (162). - pp. 157-159.
14. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. Effectiveness of state policy in the field of personnel training in the agro-industrial complex./ G.G. Fastovich, S.A. Kapsargina // Agrarian and land law. - 2022. - № 11 (215). - Pp. 11-12.

ПРАВОВАЯ УСТАНОВКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ LEGAL PROVISION AND ITS IMPORTANCE FOR LEGAL CONSCIOUSNESS

КИЧ Ирина Станиславовна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент.
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
E-mail: pravoved72@mail.ru;

Kich Irina Stanislavovna,

associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Kuban State University,
of Legal Sciences, Associate Professor.
350040 Russian Federation, Krasnodar, st. Stavropolskaya 149.
E-mail: pravoved72@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается правосознание, его структурные компоненты – правовая идеология и правовая психология, дается их общая характеристика. Показана важность правовой установки для законопослушного, правомерного поведения личности и значение правовой установки для правосознания.

Abstract: The article examines legal consciousness, its structural components - legal ideology and legal psychology, and gives their general characteristics. The importance of the legal setting for the law-abiding, lawful.

Ключевые слова: сознание, правосознание, правовая идеология, правовая психология, правовые эмоции, правовые чувства и переживания, правовые идеи, правовые знания, правовые теории, правовая реальность, правовая установка.

Keywords: consciousness, legal awareness, legal ideology, legal psychology, legal emotions, legal feelings and experiences, legal ideas, legal knowledge, legal theories, legal reality, legal attitude.

Для цитирования: Кич И.С. Правовая установка и ее значение для правосознания // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 93-95. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_93.

For citation: Kich I.S. Legal provision and its importance for legal consciousness // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 93-95. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_93.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Конкретные действия различной направленности сопровождают человека на его жизненном пути и осуществляются сознательно. Прежде чем осуществить какую либо деятельность, в психике человека возникают определённые процессы, пролегающие через его сознание и, даже, волю. И этим существенно отличается поведение человека от поведения других биологических существ.

Индивидуальное сознание, групповое или общественное присуще любому социуму. Взаимодействие людей в различных сферах общественной жизни не является хаотичным проявлением случайно возникших эмоций. Сознание выступает своеобразным регулятором поведения в социуме.

Правосознание является одной из форм проявления сознания, причем важной и значимой. Сознание направлено на способность познания окружающего мира, его изучения путем представления и ощущения объекта, суждение о его реальности и восприятие через чувства, эмоции, настроение, переживания и через знания, идеи, теории, сложившиеся в обществе по поводу исследуемого объекта.

Правосознание в настоящее время определяется как совокупность его структурированных частей, а именно правовых идей, знаний, взглядов, а также правовых переживаний, правовых чувств, правовых эмоций, правового настроения и привычек, благодаря которым происходит оценка и отношение общества (людей) к существующей правовой реальности.

Функция правосознания состоит в первую очередь в формировании определенных представлений социума относительно правовой организации государства и правовой реальности общественной жизни (правовой жизни, жизни права).

Оно имеет оценочный характер и зависит от экономических, социальных и иных условий жизни, определяется через призму справедливого и несправедливого, законного и незаконного, морального и аморального и через призму других категорий.

Правосознание, как исторически существующее и развивающееся явление, связано лишь с правомерным поведением, с действием субъектов в рамках правовых предписаний.

Содержанием правосознания является структурированность на правовую идеологию и правовую психологию. Эти два компонента играют значимую роль при формировании правовых установок.

Так, правовая идеология складывается под влиянием идей, концепций, взглядов, знаний о праве, его сущности, предназначения в обществе для решения объективных его потребностей в конкретный исторический период.

Для правовой идеологии характерно, в том числе, и научное восприятие правовой реальности, находящее свое проявление в монографиях, научных статьях, лекциях разного рода слушателям, в политических программах партии, в выступлениях и посланиях высших лиц государства, в Концепциях развития законодательства на определенный период и др.

Правовая идеология как неотъемлемый элемент правосознания характеризуется своей авторитетностью, глубиной познаваемого объекта, истинностью и убедительностью.

Другой компонент правосознания – правовая психология – отличается своим неустойчивым, эмоциональным характером и включает в себя чувства, настроения, эмоции и переживания, складывающиеся (возникающие) в процессе знакомства с правом, правовой реальностью, с реализацией установленных государством правовых решений.

На наш взгляд, правовая психология выступает первичным, базовым элементом правосознания по сравнению с правовой идеологией. Она имеет более длительную историю своего развития, связана с традициями, привычками, убеждениями и общественным мнением.

По мнению С.В. Макарова и В.П. Сальникова, общественное мнение влияет на содержание как социальных правовых установок, так и индивидуальных, предопределяя ориентацию субъектов правосознания на определенные юридические действия в конкретной жизненной ситуации [5, с. 221, 222].

Аналогичной точки зрения придерживаются другие авторы [1, с. 102], полагая, что правовая установка предполагает:

- состояние готовности субъекта к правовым действиям и в определенной правовой ситуации;
- сформированность способов действий в этой ситуации.

Причем, структуру правовой установки образуют не только поведенческие компоненты, но и эмоциональные и, даже, рациональные.

Установка является и психологическим понятием, и социологическим и, уже с приставкой «правовая», относится к правовой сфере. Установки как неосознанная готовность воспринимать окружающее под определенным углом зрения и реагировать определенным, заранее сформировавшимся образом, без полного объективного анализа конкретной ситуации, формируются как на основе личного прошлого опыта человека, так и под влиянием других людей – рассматривают в психологии [6, с. 373].

В.С. Бреднева, проводя сравнительную характеристику понятия установка, приводит мнение В.С. Комаровского о социальной установке, как сложившейся готовности индивида к определенной форме реагирования на социальные объекты, то есть такая предрасположенность, которая побуждает поступать именно таким образом, а не иным. Также приводит точку зрения Д.А. Керимова, относящего установку не только к индивидуальной личности, но и коллектива людей и общества в целом. Именно это состояние, по его мнению, непосредственно определяет заданность их устремлений, направленность интересов, целей и волевой деятельности, а тем самым также характер, форму и стиль этой деятельности. Поэтому Валентина Сергеевна приходит к выводу, что правовая установка – особое состояние психологического склада личности, предрасполагающее к определенной активности с позиции определенной потребности и личного интереса [4, с. 33-34].

И.Б. Хаконова [7, с. 338] подчеркивает значимость установки для правосознания, считая, что это тенденция или предрасположенность субъекта к определенной активности в конкретной юридически значимой ситуации, способность определенным способом воспринимать и оценивать правовые процессы, явления, информацию и готовность действовать в соответствии с такой оценкой. Посредством правовой установки и ценностных ориентаций происходит реализация регулятивной функции правосознания, результатом которой выступает поведенческая реакция. Это внутренний механизм регулирования своего поведения субъектом в юридически значимых ситуациях.

Правовая установка личности представляет собой полноценный самостоятельный многофункциональный социально-правовой комплекс взаимосогласованных, взаимодействующих и взаимовлияющих юридико-теоретических и психологических компонентов, в процессе целенаправленного воздействия которых на правосознание личности у человека формируется готовность к тому или иному виду правового поведения [2, с. 59].

О трех подходах к понятию правовой установки указывает А.Р. Барахоева.

С точки зрения первого подхода правовая установка трактуется как готовность (предрасположенность) субъекта к правомерному или противоправному поведению, сформировавшаяся на основе возникшей потребности, для удовлетворения которой необходимо правовое решение (Н.В. Щербакоева, Е.А. Лукашева, А.В. Поляков, А.П. Семитко, Т.В. Синюкова, А.В. Куликова).

Второй подход правовую установку интерпретирует как часть, а точнее основу правосознания, которая представляет собой систему потребностей, интересов, взглядов, идеалов и имеет определенную ориентацию и направленность (А.А. Кваша, В.И. Каминская, А.Р. Ратинов, А.И. Абрамов, Н.Л. Гранат).

Третий подход, синтезируя две предыдущие точки зрения, рассматривает правовую установку как то звено, которое связывает поведение личности и право, правовые чувства, мотивы, оценки с социально-правовой активностью, правовым поведением и свидетельствует о вероятности того или иного варианта деятельности в юридическом пространстве (Т.Н. Радько, В.А. Толстик) [3, с. 43-46].

Нам близок третий подход к указанному определению. Мы полагаем, правовая установка – это внутренняя программа человека, неосознанная, которая «включается» в определенный момент и отражается в поведении лица в виде правомерного поведения. Именно правомерного, так как правосознание и его компоненты связаны с реализацией правовых предписаний только в виде правомерного поведения субъектов в юридически значимых действиях, а неправомерное действие – с нарушением норм права, законности, правопорядка, за которым следует наступление юридической ответственности. Правовая установка – это своеобразный «мост» между правосознанием и правомерным поведением. Хотя, необходимо оговориться, что правовая установка может быть и негативной, но, в рамках рассматриваемого вопроса о ее роли в правосознании, речь может идти только о положительной правовой установке.

На формирование правовой установки влияет воспитание, обучение, знание, мнение, размышления, убеждения.

Накапливая опыт и правовые знания, поступая определенным образом в тех или иных правовых ситуациях, субъект вырабатывает правовую привычку, которая может перерасти в правовую установку. Привычка оплачивать проезд в общественном транспорте неосознанно превращается в правовую установку, когда лицо, осознав значимость своих правомерных действий, активно выполняет свою обязанность по до-

говору перевозки. Это действие становится убеждением индивида в верности своих взглядов на правовую жизнь, уверенность в своих знаниях и поступках, а также оценки правовой реальности.

Следует отличать правовые установки, заложенные в предписаниях правовых норм от правовых установок, сформировавшихся у конкретной личности. Первые носят объективный характер, складываются из социальных потребностей общества, имеют социальную ценность, вторые – субъективны, так как на правовую установку индивидуумов влияют глубокие внутренние убеждения в необходимости следовать установленным правовым правилам.

Правовые установки нормативного характера создаются государством, носят общеобязательный характер, имеют письменную фиксацию, охраняются государством, тогда как правовые установки личности содержатся в психике человека и носят индивидуальный аспект.

Таким образом, правовая установка значимая для теории правосознания категория, нуждающаяся в дальнейших научных поисках, размышлениях и разработках.

Библиография:

1. Бакулов В.Д., Пашченко И.В. Дихотомия правопонимания и правосознания, сущность и структура правосознания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 6. С. 102.
2. Барахоева А.Р. Воздействие правовых установок личности на правовое поведение лица // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 59.
3. Барахоева А.Р. Стереотипы юридических установок в психологическом механизме поведения личности // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). 2015. № 1. С. 43-46.
4. Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность: монография. Южно-Сахалинск, 2010. С. 33-34.
5. Проблемы теории права и государства: курс лекций / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. С. 221,222.
6. Столяренко Л.Д. Основы психологии: учебное пособие. Ростов н/Д, 2005. С. 373.
7. Хаконова И.Б. Роль правосознания в правовой жизни общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 338.

References:

1. Bakulov V.D., Pashchenko I.V. The dichotomy of legal understanding and legal consciousness, the essence and structure of legal consciousness // Current problems of the humanities and natural sciences. 2009. No. 6. P. 102.
2. Barakhoeva A.R. The impact of a person's legal attitudes on a person's legal behavior // Legal paradigm. 2019. T. 18. No. 3. P. 59.
3. Barakhoeva A.R. Stereotypes of legal attitudes in the psychological mechanism of personal behavior // Bulletin of the Kostroma State Technological University. State and law: issues of theory and practice (Series "Legal Sciences"). 2015. No. 1. P. 43-46.
4. Bredneva V.S. Levels of legal consciousness and legal activity: monograph. Yuzhno-Sakhalinsk, 2010. pp. 33-34.
5. Problems of the theory of law and state: a course of lectures / ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg, 1999. pp. 221,222.
6. Stolyarenko L.D. Fundamentals of psychology: textbook. Rostov n/d, 2005. P. 373.
7. Khakonova I.B. The role of legal consciousness in the legal life of society // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2007. No. 1. P. 338.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_96

УДК 340.155.6

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Prerequisites for the legal regulation of rental relations in Russia in the first half of the XIX century

ВЕРХОРУБОВ Игорь Николаевич,

старший преподаватель кафедры гражданского права
Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
610017, Россия, г. Киров, Октябрьский проспект, д. 70.
E-mail: stanislavyan@mail.ru;

КОЗЛОВСКИЙ Станислав Иванович,

к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
613109, Кировская обл., Слободской район, д. Зониха, ул. Солнечная, д. 8.
E-mail: stanislavyan@mail.ru;

Verkhorubov I.N.,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law
Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Academy of Law).
Oktyabrski Prospekt 70-45, Kirov, 610017, Russia.
E-mail: stanislavyan@mail.ru;

Kozlovsky S.I.,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Academy of Law).
Solnechnaya Street, 8, Zonikha, Slobodskoy raion, Kirovskaya oblast, 613109, Russia.
E-mail: stanislavyan@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются предпосылки рентных отношений и фактическое наличие ренты в России в первой половине XIX века.

Abstract. The article research the prerequisites of rental relations and the actual existence of rent in Russia in the first half of the XIX century.

Ключевые слова: рентные отношения, барщина, оброк, крепостное право, крестьяне.

Keywords: rental relations, corvee, rent, serfdom, peasants.

Для цитирования: Верховурбов И.Н., Козловский С.И. Предпосылки правового регулирования рентных отношений в России в первой половине XIX века // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 96-99. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_96.

For citation: Verkhorubov I.N., Kozlovsky S.I. Prerequisites for the legal regulation of rental relations in Russia in the first half of the XIX century // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 96-99. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_96.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

История XIX века в России была богата на события как внутреннего, так и международного масштаба: Отечественная война 1812 года и Заграничные походы, Крымская война, Великие реформы 60-х и контрреформы 70-х годов. Итоги войн и изменения, произошедшие к середине столетия, обусловили необходимость реформирования буквально во всех сферах общественной жизни.

Одной из важнейших вех в рассматриваемый период следует считать 1861 год, когда было отменено крепостное право. В результате крестьяне были освобождены от феодальной зависимости, что позволило в дальнейшем получить большой рынок рабочей силы, используемой в промышленности, а помещичье землевладение стало постепенно утрачивать свое значение. Конечно, как в XIX веке, так и сейчас мы видим разные оценки данной реформы: от восторженно положительных до крайне негативных. Широкий спектр оценок можно наблюдать и внутри сословий (и дворянского и крестьянского). Например, количество полученной земли крестьянами зависело от разных факторов. В частности, как отмечает П. Мартынов, «в деревне Надеждинка Симбирского уезда при освобождении крестьян здесь было 30 дворов и крестьяне, на 52 ревизских души, получили в надел 278 десятин (17 дес. усадебной, 163 дес. пашни, 10 дес. выгону, 30 дес. лугов по реке Свягие, 40 дес. лесу и 18 дес. неудобной)» [1, с. 26]. П.А. Зайончковский приводил пример что «крестьяне деревни Ярцево получили у помещика Симанского сверх нормы в дар 11 десятин 1412 кв. сажен неудобной земли. Вместе с тем Симанский и в состав надела включил также неугодные земли. Жалобу крестьян мировой посредник оставил без последствий вследствие того, что крестьяне указанную выше землю получили бесплатно» [2, с. 242].

XIX век также повлиял и на развитие юридической мысли в нашей стране, а также на конструкции различных договоров. И, поскольку рентные отношения являются составной частью системы договорных обязательств, изменения также повлияли и на них.

Следует отметить, что в рассматриваемый период договоров ренты как гражданско-правовых или иных обязательств не существовало. Их не было ни в первой половине, ни во второй половине столетия как самостоятельного договора. Между тем, рентные отношения сами по себе существовали в рамках иных обязательств, в том числе опосредованно в юридических отношениях между крестьянином и помещиком, а также в экономических отношениях.

Для того чтобы выявить наличие рентных отношений, необходимо обратить внимание на условия, в которых они «вызревали». Оцени-

вая последующие периоды истории следует заметить, что появление договоров ренты носило, на наш взгляд, неизбежный характер, т.к. социальные и экономические процессы оказывали воздействие на юридические аспекты, на конструкции различных обязательств и на целые отрасли права. Поэтому нужно оценить те факторы, которые повлияли на возможное появление рентных отношений как самостоятельных обязательств.

В первую очередь следует дать оценку социально-экономическому положению дел в Российской империи первой половины XIX столетия. К 1861 году она была государством с крепостным правом и преимущественным аграрным сектором экономики.

Как известно, основой крепостнического хозяйства является феодальная собственность на землю. Этот вид собственности характеризуется следующими признаками: монопольное право владения землей было доступно лишь дворянству; непосредственный производитель, крепостной крестьянин, находящийся в личной зависимости от помещика, прикреплялся к земле, чтобы гарантировать рабочие руки феодалу. Поэтому за крепостным крестьянином закреплялся определенный надел, который отнюдь не являлся его собственностью и мог быть у него отнят. Этой системе хозяйства соответствовало низкое, рутинное состояние техники, отражавший в свое время очень низкий уровень развития производительных сил при феодализме. Помещичье хозяйство было по своему характеру натуральным, представляя собой замкнутое целое. Однако это все же не исключало наличия рыночных связей, имевших место на протяжении всего развития феодализма [3]. Труд крестьянина на наделе приносил феодалу прибавочный продукт — ренту в том или ином виде. Рента реализовалась в форме повинностей [4, с. 84].

В этот период формами эксплуатации крепостного труда являлись барщина (отработочная рента) и оброк (денежная рента), нередко переплетающиеся между собой, или так называемая смешанная повинность. Все они дополнялись различными натуральными сборами и другими повинностями. Формы эксплуатации определялись местными характерными условиями, дававшими возможность помещику получить максимальный доход в виде барщины или оброка. Тем самым следует обратить внимание на то, что рентные отношения вытекали из отношений между собственником земли и лицами, ее обрабатывающими. Нельзя сказать, что отработочная или денежная рента носили договорный характер. Напротив, заключение договора между феодалом и крепостным зависимым от него лицом было невозможным. Усиление эксплуатации крепостного крестьянства в условиях возникновения товарно-денежных отношений находило свое выражение в барщинных имениях в увеличении помещичьей запашки за счет уменьшения крестьянского надела, а порой и в полном обезземеливании крестьян и перехода их на так называемую месячину, то есть ежемесячную выдачу необходимых для их существования количество продуктов. Перевод на месячину, то есть лишение их средств производства, не означал переход крестьян в своеобразных наемных рабочих, напротив, «месячники» становились практически рабами помещиков [3].

В оброчной деревне, по данным ряда центральных губерний, оброк с конца XVIII и на протяжении первой половины XIX в. возрос в 2-3 раза, порой даже опережая повышение доходов крестьянского хозяйства от земледелия и рост промысловых заработков. Ухудшение состояния крестьянского хозяйства подрывало и помещичье хозяйство, в котором в целом по европейской части страны наблюдалось сокращение урожайности. В частности, удельные крестьяне далеко не равномерно были обеспечены землей, в связи с чем значительная часть их имела недостаточные для существования наделы. В частности, в Вятской губернии, в сообщении Вятской палаты государственных имуществ за август 1841 г., указывалось количество отдаваемых в оброк земель людям «разных деревень»: Маложмаринской волости 58 десятин 349 сажень. Например, крестьянину Терехину было выделено 4 десятины и 950 сажень, а крестьянину Лаптеву 5 десятин 1325 сажень [5]. Все удельные крестьяне состояли на оброке. Сумма оброка на протяжении первой половины XIX в. неуклонно увеличивалась. В 50-х годах крестьяне платили с души поземельного сбора, т. е. оброка, от 10 руб. 80 коп. до 17 руб. 57 коп., помимо подушной подати и различных дополнительных сборов [3]. Согласно черновой книге об учете оброчных угодий в селе Космодемьянском оброка отдано за 8 руб. 10 коп. [6]. На землях уржумского купца Т. Пустовалова за 1813-1816 гг. было взято оброка в размере 48 руб. 20 коп. [7]. При этом земли делились на «удобные» и «неудобные», что также отражалось на суммах оброка. Например, в Ильинской волости у К. Янбаева во владении находилось 62,99 саж. «удобной» и 5,20 саж. «неудобной» земли, за что взималось 4 руб. [8].

В первой половине XIX в. наблюдается значительный рост товарно-денежных отношений, которые в условиях начавшегося внедрения новой, капиталистической техники и частичного применения вольнонаемного труда характеризовали собой кризис феодально-крепостнической системы. В условиях натурального хозяйства помещик стремился обеспечить лишь возможность простого воспроизводства, то в период разложения феодализма он уже заинтересован в расширении своего хозяйства. Поэтому на протяжении первой половины XIX столетия наблюдается известный рост барщины и оброчных повинностей. С.П. Нефедов отмечал, что новая волна потребительства, начавшаяся у дворянства после окончания наполеоновских войн, предопределила новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. В 1815-1828 годах денежные оброки возросли в два-три раза, затем началось падение цен, дополнительно усилившее тяжесть эксплуатации. На Черноземье за десять послевоенных лет оброк в хлебом исчислении вырос втрое, с 4-6 до 17-20 пудов на душу, и достиг предела крестьянских возможностей [9, с. 543].

Повышение ренты в первой четверти XIX века сопровождалось новым оживлением дворянского предпринимательства. В 1818 году было основано Общество сельского хозяйства, имевшее экспериментальную ферму и Земледельческую школу для подготовки приказчиков помещичьих хозяйств [10, с. 129]. Основное внимание теперь уделялось не организации барщинного хозяйства, а интенсификации аграрного производства, новым сортам зерновых, травосеянию, распространению посевов картофеля и сахарной свеклы [9]. Однако приведенные примеры свидетельствуют лишь об оживлении предпринимательства, но вместе с тем оставалось экстенсивное помещичье хозяйство.

Из приведенных примеров следует, что формами эксплуатации крепостного труда в этот период являлись барщина и оброк, нередко переплетавшиеся между собой (смешанная повинность). Эти формы крепостной зависимости дополнялись различными натуральными сборами и

другими повинностями (подводная, дорожная и т. п.). Если в Англии и других странах Западной Европы по мере развития, а затем разложения феодальной системы происходила постепенная смена всех форм земельной ренты (отрабочная, рента продуктами, денежная), то на востоке Европы (восточнее Эльбы) дело обстояло иначе. Здесь сохранились формы ренты, так как процесс перехода от феодализма к капитализму в сельском хозяйстве протекал значительно медленнее. Формы эксплуатации крепостных определялись местными хозяйственными условиями, дававшими помещику возможность получить наибольший доход либо в виде барщины, либо в виде оброка. В более развитых в промышленном отношении районах преобладал оброк в форме денежной ренты.

Оброчная система создавала большие возможности для расслоения крестьянства, что означало включение его в орбиту капиталистических отношений. Однако сама по себе оброчная система отнюдь не являлась показателем капиталистического хозяйства, хотя и создавала для этого определенные предпосылки вследствие той относительной свободы, которой пользовался оброчный крестьянин по сравнению с крестьянином, находившимся на барщине. Оброк преобладал в центральных промышленных нечерноземных губерниях, барщина — в непромышленных районах черноземных и нечерноземных губерний. В Белоруссии, Литве и на Украине господствовала почти исключительно барщина. Последнее было особенно характерно для западных и юго-западных губерний. В некоторых, впрочем, редких, случаях это приводило к полному обезземеливанию крестьян и переводу их на так называемую месячину. Стремление же части помещиков перейти к иным, более рациональным методам ведения хозяйства в условиях крепостного труда не могло иметь большого успеха.

Проведение тех или иных агрикультурных мероприятий (переход к многополью, введение сельскохозяйственных машин, посевы ряда технических культур, улучшение породы скота) все это находилось в полном противоречии с малопродуктивным подневольным трудом и не стимулировало внедрение новых на то время технологий сельскохозяйственного производства. Выше было приведено мнение С.П. Нефедова. Объективный смысл подобных проектов означал стремление помещиков при сохранении собственности на землю изменить систему ведения своего хозяйства, приспособив ее к новым условиям. По мере углубления кризиса вопрос о преимуществах вольнонаемного труда становится в центре внимания передовой русской общественности. Отдельные помещики разрешали эту потребность в вольнонаемном труде своеобразно переводили своих крестьян с барщины на оброк, а затем нанимали их же для обработки своей земли как вольнонаемных рабочих. В других случаях помещики изыскивали новые виды барщины, более эффективные в экономическом отношении.

П.А. Зайончковский указывал, что в 30-е годы возникает вид барщины «брат на брата», когда одна часть семьи крепостного одно тягло работала постоянно на себя, а другая — на помещика. Таким образом, часть крепостных превращалась в постоянных рабочих.

Большое значение для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве имело торговое земледелие, которое проявлялось в его специализации. Связанная с определенным уровнем развития производительных сил, специализация земледелия настоятельно требовала утверждения новых производственных отношений, углубляя тем самым кризис крепостнической системы [11]. В первой половине XIX в. центрально-черноземные, а также южные губернии (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая) специализируются на производстве зерновых культур, северо-западные (Псковская, часть Тверская, Смоленская) становятся районами торгового льноводства. Так же если в 1806 г. на всей Украине имелось всего лишь 9 тыс. тонкорунных овец, то в 1837 г. только в двух губерниях — Екатеринославской и Херсонской, — по данным, приводимым А. Скальковским, их насчитывалось 1 248 190 голов [11].

Приведенные примеры экономических подвижек в деятельности помещиков предполагали и совершение необходимых юридических действий. Договоры купли-продажи, мены и т.п. были широко распространены. Между тем иные отношения, к числу которых относились и рентные, были завуалированы иными отношениями.

Договор пожизненной ренты прямо не был закреплен в системе правовых актов царской России, однако не было и запрета для существования этих отношений. В ст. 1328 ч. 1 т. X Свода Законов закреплялось правило о том, что при разделе имущества между наследниками одна сторона могла взять на себя обязательство по выплате другой стороне неперемного дохода. Этот доход российскими учеными XIX века рассматривался как частный случай установления пожизненной ренты по договору.

Так же следует обратить внимание на другой пример. Согласно ст. 504 т. X Свода Законов упоминалось, что майоратный владелец земли может отдать «запасная земля» в наем всем желающим лицам, но не более, чем на 6 лет [12, с. 54.] Такой пример присущ, в первую очередь, арендным обязательствам. Но учитывая сущность рентных отношений можно сделать вывод о том, что договор, содержащий признаки ренты, мог быть заключен. Разумеется, срочный характер мог ограничивать использование таких земель.

В целом такой вывод напрашивается из определения, содержащегося в ст. 1528 Свода законов, согласно которому договор может быть заключен с целью, непротиворечащей «законам, благочинию и общественным порядкам». Его предметом могли быть «имущества или действия лиц» [13, с. 130]. Тем самым своеобразная свобода договора не запрещает заключать и договоры ренты.

Следовательно, социально-экономические процессы, происходившие в России в первой половине XIX века, могли быть предпосылками к легальному закреплению рентных отношений.

Первая половина XIX столетия ознаменовалась продолжением «знакомства» российской знати с западным миром. Оно носило, в первую очередь заимствования образа жизни, на что приходилось тратить немалые средства, получаемые через оброк и барщину. Но полагаем, что и знакомство с юридическими актами также присутствовало. В первую очередь это касается Французского гражданского кодекса 1804 года, который нередко вполне обоснованно считали эталонным. Он включал в себя положения о договорах ренты. Вполне возможно, что именно на этом базируется мнение К.П. Победоносцева относительно ренты. К.П. Победоносцев определил ренту как особый вид договора, который весьма употребителен за границей, хотя у нас почти неупотребителен [14]. Выделяя две ее разновидности, он особо выделял ренту недвижимости.

«Рента второго рода совершалась отчуждением имущества, взамен чего приобретались права требовать известного ежегодного дохода или взноса (aggrège) от всякого лица, кто будет владельцем того имения; итак, право на ренту этого рода было вещное, соединявшееся с запиской акта в поземельную книгу, и повинность платежа лежала не на лице, а на имении. Освободиться от этой повинности можно было не посредством выкупа, который не допускался, а лишь посредством оставления имения или передачи его другому владельцу (Dereliction, déguerpissement). Договор этого рода, также весьма употребительный в средние века, соответствовал состоянию тогдашнего хозяйства и потребностям кредита: хозяйство было первобытное, т.е. не денежное, и главная ценность недвижимых имуществ состояла во внутренней производительности почвы и угодий, не подлежавшей верному и постоянному учету; а, с другой стороны, денежный личный кредитор не был обеспечен во взыскании своего долга с наследников в случае смерти должника» [14].

Отсутствие упоминаний о ренте в Своде законов Российской империи не помешало К.Н. Анненкову обратить внимание на то, что «не может быть, кажется, никакого сомнения в том, что и у нас, подобно тому, как и по праву римскому, основанием возникновения обязательства доставлять содержание одними лицами другим может служить не только закон, но также договор как соглашение о таком предмете, который никак не может считаться предметом, законом запрещенным» [15, с. 566]. Здесь следует вновь сказать о принципе свободы договора, на который намекает Анненков. Отношения, связанные с предоставлением определенного имущества под выплату ренты, никак не могут быть нарушением закона. Другое дело, что в таком обязательстве могли участвовать далеко не все. В рассматриваемый период с гражданско-правовой точки зрения участниками данной конструкции могли быть лица, обладающие личной свободой. Крепостные крестьяне в этот круг не попадали, а свободного населения, обладающего материальными возможностями, было немного. Поэтому рентный договор мог иметь лишь единичный характер.

Библиография:

1. Мартынов П. Селения Симбирского уезда 1903 г. <https://docplayer.ru/30391274-Martynov-p-seleniya-simbirskogo-uezda-1903-g.html>
2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1967.
3. Летопись симбирского крестьянства (с древнейших времен до наших дней). Глава 11. <http://els.ulspu.ru/Files/ELS/disc/letop-simb-krest/12..html>
4. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976.
5. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 575. Оп. 13. Д. 30. Л. 18 об.
6. ЦГАКО. Ф. 575. Оп. 13. Д. 30. Л. 11.
7. ЦГАКО. Ф. 575. Оп. 13. Д. 30. Л. 12.
8. ЦГАКО. Ф. 575. Оп. 13. Д. 30. Л. 46.
9. Нefeldov С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.
- 543 с. Гл. 4. <http://book.uraic.ru/elib/Authors/nefedov/Science/Russia/Mono/GI41.htm>
10. Козлов С.А. «Залог успеха лежит в общей дружной работе»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.). // Историко-биологические исследования. 2021. № 13. С. 129. <https://cyberleninka.ru/article/n/zalog-uspeha-lezhit-v-obschey-druzhnoy-rabote-moskovskoe-obschestvo-selskogo-hozyaystva-1820-1930-gg>
11. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1967. <http://www.bibliotekar.ru/2-9-96-krepostnoe-pravo/66.htm>
12. Свод законов Российской империи. т. X. часть 1. с.54. <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/55.html>
13. Свод законов Российской империи. т. X. книга 4, с. 130. <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/131.html#img132>
14. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: договоры и обязательства. https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_48.html
15. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. IV: Отдельные обязательства. СПб., 1904.

References:

1. Martynov P. Villages of Simbirsk district 1903 <https://docplayer.ru/30391274-Martynov-p-seleniya-simbirskogo-uezda-1903-g.html>
2. Zaionchkovsky P.A. The abolition of serfdom in Russia. M., 1967.
3. The Chronicle of the Simbirsk peasantry (from ancient times to the present day). Chapter 11. <http://els.ulspu.ru/Files/ELS/disc/letop-simb-krest/12..html>
4. Baklanova E.N. Peasant yard and community in the Russian North. M., 1976.
5. Central State Archive of the Kirov region (hereinafter – TSGAKO). F. 575. Op. 13. d. 30. L. 18 vol.
6. TSGAKO. F. 575. Op. 13. D. 30. L. 11.
7. TSGAKO. F. 575. Op. 13. D. 30. L. 12.
8. TSGAKO. F. 575. Op. 13. D. 30. L. 46.
9. Nefeldov S.A. Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia. The end of the XV – beginning of the XX century. Yekaterinburg, 2005.
- 543 p. Ch. 4. <http://book.uraic.ru/elib/Authors/nefedov/Science/Russia/Mono/GI41.htm>
10. Kozlov S.A. "The key to success lies in a common friendly work": The Moscow Society of Agriculture (1820-1930)." // Historical and biological research. 2021. No. 13. p. 129. <https://cyberleninka.ru/article/n/zalog-uspeha-lezhit-v-obschey-druzhnoy-rabote-moskovskoe-obschestvo-selskogo-hozyaystva-1820-1930-gg>
11. Zaionchkovsky P.A. The abolition of serfdom in Russia. M., 1967. <http://www.bibliotekar.ru/2-9-96-krepostnoe-pravo/66.htm>
12. The Code of Laws of the Russian Empire. vol. X. part 1. p. 54. <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/55.html>
13. The Code of Laws of the Russian Empire. vol. X. book 4, p. 130. <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/131.html#img132>
14. Pobedonostsev K.P. Course of civil law. Part Three: contracts and obligations. https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_48.html
15. Annenkov K.N. The system of Russian civil law. Vol. IV: Separate obligations. St. Petersburg, 1904.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_100

УДК 340.12

К ПРОБЛЕМНЫМ ВОПРОСАМ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Problematic issues of the concept of the rule of law: theoretical aspects

НЕСМИЯНОВ Алексей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин,
Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пионерстро́я, 14/1.
E-mail: nesmijanov@yandex.ru;

Nesmiyanov Alexey Nikolaevich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory, History of State and Law, Socio-Economic Disciplines,
St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
198206, Russia, St. Petersburg, Pionerstroya str., 14/1.
E-mail: nesmijanov@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье анализируются отдельные теоретические аспекты концептуальных положений правового государства как социально-политической парадигмы. Актуализируются проблемы взаимодействия государства и гражданского общества, суверенитета права и правопонимания, самоограничения власти и границах ее действия.

Abstract. The article analyzes some theoretical aspects of the conceptual provisions of the rule of law as a socio-political paradigm. The problems of interaction between the state and civil society, the sovereignty of law and legal understanding, self-limitation of power and the limits of its action are actualized.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, правопонимание, суверенитет права, самоограничение власти.

Keywords: the rule of law, civil society, legal understanding, the sovereignty of law, self-restraint of power.

Для цитирования: Несмиянов А.Н. К проблемным вопросам концепции правового государства: теоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 100-102. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_100.

For citation: Nesmiyanov A.N. Problematic issues of the concept of the rule of law: theoretical aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 100-102. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_100.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В дискуссиях по теоретическим вопросам правового государства периодически возникают обсуждения различных аспектов о критериях государства, характеризующего его как правовое. Объясняется это достаточно абстрактным содержанием понятия правового государства, дополняемого в ходе научного дискурса отдельными научными представлениями. Не решенным остается вопрос: какие системообразующие и ценностные факторы позволяют охарактеризовать государство как правовое? Проблема актуализируется еще и тем, что в период современной «геополитической турбулентности» предъявляются новые требования к устойчивости и стабильности политической власти, способности адекватно и своевременно реагировать на новые вызовы как государственно-властным структурам, так и институтам гражданского общества. Не претендуя на всесторонний анализ концепции правового государства, остановимся на отдельных теоретических вопросах.

Взаимодействие государства с гражданским обществом. Одной из актуальных проблем становится взаимодействие государства с гражданским обществом. Становление и совершенствование компонентов правового государства может развиваться только на базе гражданского общества, имеющего достаточно высокий уровень правовой и политической культуры. Взаимосвязь правового государства и состояния гражданского общества обусловлена различными формами влияния на государственную власть через многочисленные демократические институты. Участвуя в политической сфере гражданское общество легитимизирует государственную власть, выполняет роль посредника между личностью и государством, служит инструментом согласования публичных и частных интересов, способствует «осуществлению политического контроля за принятием и реализацией государственных решений» [13, с.127]. Правовое государство становится именно тем публичным институтом, который выражает интересы общества и выполняет функции по удовлетворению его потребностей. Таким образом, правовое государство можно считать как результатом общественного развития, так и институтом публичной власти, создающим условия для дальнейшего гармоничного совершенствования гражданского общества. Баланс взаимодействия гражданского общества и правового государства достигается на принципе взаимной ответственности, а гарантии защищенности прав и свобод граждан должны быть неразрывно связаны с реализацией конституционных обязанностей.

Характеризуя гражданское общество, многие исследователи делают акцент на необходимость высокого уровня правовой культуры и правового сознания для членов такого общества, аргументируя это тем, что «только высокий уровень правовой культуры дает возможность индивиду эффективно ориентироваться в социально-правовом пространстве, осуществлять правомерный вариант своего поведения и ожидать законопослушных вариантов деятельности от других членов общества» [4, с.119]. Следовательно, важнейшим фактором становления гражданского общества, имеющим «правосоциализирующее значение» является повышение правового воспитания граждан, осознание интересов как социальных групп, так и отдельных личностей. В этом плане предметами теоретических исследований должны стать различные модели правовой социализации, с учетом национальных особенностей и правового менталитета.

Суверенитет права. Исходя из положения, что верховенство права выступает системообразующим фактором правового государства, целесообразным представляется утверждение, что в основе развития правового государства находится идея суверенитета права. Проблема суверенитета получает свою актуальность в связи с развитием отличительных особенностей правового государства от «неправового», когда исследователи полагают, что «следует выделить прежде всего такую особенность правового государства, как верховенство закона (права)» [7, с. 128]. В эволюции государственного строительства сложности в понятии суверенитета не уменьшаются и «проблематика суверенности и суверенитета занимает в жизни современных государств особое, чтобы не сказать исключительное, место» [2, с. 24]. Юридически суверенитет «приписывают» народу, но на практике его реализация может осуществляться достаточно периодически в форме референдумов или выборов. Поэтому, вполне оправданна аргументация, что «народ обладает не суверенитетом, а суверенными правами, часть которых к тому же он неизбежно уступает государству» [3, с. 23]. Соответственно, применять «суверенные права» можно и по отношению к государству и только право следует признавать суверенным, при условии, что «право воплощает и волю народа, создавшего конституцию, и власть народа, избравшего законодателя». Таким образом, право в условиях правового государства выступает как система, аккумулирующая суверенные права всех субъектов, обладающих ими.

Суверенитет права позволит реализовать важнейшее положение в концепции правового государства, «если право связывает всех членов общества и государственные органы, в жизнь воплощается суверенитет народа и государство является правовым государством» [9, с. 78]. Верно отметил эволюционное развитие суверенитета Марченко М.Н.: «от изначально политического явления и соответствующей ему категории в направлении постепенного ее превращения в правовую, а точнее, в политико-правовую категорию» [7, с. 203]. Таким образом, теоретически верховенство права обуславливается тем, что оно реализует собой воплощение правовой идеи, подкрепляется правосознанием членов общества, отраженном в правовых нормах, а не выступает выражением только воли государства. Основная проблема состоит в том, чтобы право выражало интересы общества, а правовое государство отражало их в юридической форме.

Проблема правопонимания. Выдвигая тезис о суверенитете права, мы сталкиваемся с проблемой правопонимания. Вопрос правопонимания неразрывно связан с сущностью и содержанием права. Как отмечают отдельные исследователи, что неоспоримым фактом остается то, что «отличительные особенности правового государства, по общему правилу, ассоциируются прежде всего не с его сущностно-содержательной стороной, а с правом» [6, с. 305]. Вполне закономерен вопрос: следует исходить из традиционного правопонимания или право будет обладать спецификой относительно правового государства? Справедливо отмечено, что «в условиях формирования правового государства как некоего идеала современного государства соотносящееся с ним позитивное — «волеустановленное» право вместе со своими источниками не может по логике вещей оставаться в прежнем, свойственном доправовому государству, виде, не может не соотноситься с ним и не изменяться вместе с ним» [8, с. 42].

Эволюция в правопонимании отражает не только различный, но и весьма противоречивый, а иногда даже взаимоисключающий характер. В современный период существует также мнение, что концептуальная неопределенность в понимании права выступает фактором противоречий в тенденциях развития современного российского права, отражается негативно на состоянии правового сознания и правовой культуры и что, несмотря на наметившиеся «диалогические и коммуникативные тренды в понимании права, современную ситуацию можно оценить как близкую к кризисной и требующую скорейшего исправления» [12, с.5]. Отражая данную проблему, вполне логичен вывод, сделанный М. Н. Марченко: «...пытаясь решить проблемы правопонимания в современной постсоветской России, мы неизбежно и вполне естественно сталкиваемся, как и зарубежные правоведы, не только с множеством соответствующих теорий и взглядов на право, но и с вечным вопросом, касающимся возможности (или, наоборот, невозможности) выработки общего универсального представления о праве и его соответствующего, адекватно отражающего потребности современного общества и отвечающего на основные вызовы жизни определения понятия» [7, с. 318]. Вместе с тем необходимо отметить, что в современной юридической науке все большее распространение находят так называемые «интегративные концепции» в понимании права, реализующих принцип правовой материи «единства многообразия» и отражающих право как в статике, так и в динамике. Как отметил Ромашов Р.А., «если мы говорим об интегративном типе правопонимания, то имеется в виду не какой-то обособленный подход, а попытка извлечения позитивного содержания, имеющегося в отдельных теориях права» [11, с.4]. Можно отметить, что в современный период прослеживается приоритетное развитие интегративных подходов в правопонимании, служащих инструментом для преодоления методологических проблем в теории права. Проблемы правопонимания имеют не только теоретический аспект, но и непосредственно оказывают влияние на правоприменительную деятельность, особенно в сфере правотворческой и правоохранительной.

Самоограничение власти. В условиях развития правового государства процесс самоограничения властных полномочий необходимо рассматривать не как самоцель, а лишь в качестве одного из средств по поиску форм взаимодействия с гражданским обществом, оптимального уровня власти, соответствующего состоянию общества. Также необходимо учитывать, что «самоограничение любого, в том числе правового, государства не происходит само по себе, стихийно, вне воздействия на него субъективного фактора, а всегда обусловлено определенными целями и интересами» [7, с. 295]. Таким образом, проблему самоограничения государственной власти нельзя отрывать от решения задач, стоящих перед обществом и государством, характеризуется этапом исторического развития.

Установление пределов самоограничения власти в становлении правового государства непосредственно связана с уровнем развития гражданского общества, учитывая, что «приоритетным началом становления и развития правового государства должно выступать в первую очередь именно качественное состояние общества» [10, с.59]. Только развитое гражданское общество служит предпосылкой процесса самоограничения государственной власти. Этот процесс взаимосвязан, так как сужение сферы государственной власти побуждает социальную активность и

ответственность. Коркунов Н.М., отмечая взаимное влияние государства и общества в процессе самоограничения власти, писал: «Государственная власть, стесняя, ограничивая себя ради правомерного образа действия, не может вместе с тем не укреплять себя, потому что это ограничение усиливает прежде всего правовое чувство в обществе» [5, с. 342].

В процессе самоограничения властных полномочий со стороны государства не может существовать какого-либо шаблона или алгоритма действий, так степень данного процесса определяется непосредственно самим государством и во многом зависит уровня развития и функционирования всей политической системы. Большую роль в этом процессе играет также состояние экономики, международной ситуации, стабильности общественных отношений, других внутренних и внешних факторов, влияющих на социальную и политическую обстановку в стране. Государство, ограничивая свое участие в той или иной области общественной жизни, должно предвидеть последствия проводимых мер по ограничению властных полномочий, каким образом это отразится на развитии общественных отношений, стремиться к созданию благоприятных условий для деятельности других субъектов политической системы и институтов гражданского общества.

Анализ отдельных положений концепции правового государства, с одной стороны, показывает, что ценности, заложенные в теоретической модели правового государства, не могут быть реализованы в полном объеме на практике, поэтому «можно говорить лишь о степени, в которой общество приближается к некому идеалу» [1, с. 28], с другой стороны – обуславливает необходимость их дальнейшей разработки в соответствии с современными реалиями. Отвергая идею противопоставления государства и гражданского общества, дальнейшее совершенствование компонентов, характеризующих степень развития правового государства, должно основываться на базе конструктивного сотрудничества гражданского общества с политическими институтами, в котором правовое государство выступает в роли современной парадигмы социально-политического устройства.

Библиография:

1. Антонов М.В. О проблемах определения понятия «правовое государство»//Мат. междунар. научн.-практ. конф. «Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы». СПб.: Астерион, 2009.
2. Грохальски С. М. Государства в решении современных глобальных проблем (международно-правовые аспекты): автореф. дис. докт. юр. наук. — М., 1998.
3. Дробязко С. Г. Суверенитет права в социальном правовом государстве // Право и демократия: сб. научн. тр. — Минск, 1994. — Вып. 6. — С. 19–26.
4. Каландарашвили З. Н. Влияние правовой социализации на процесс конструирования правовой культуры личности в современном российском обществе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. Вып. 137.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., вступ. ст., комм. А. Н. Медушевского. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2010. — 520 с.
6. Лапаева В. В. Типы правового понимания: правовая теория и практика: Монография. — М.: Российская академия правосудия, 2012. — 580 с.
7. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пособие. — М.: Проспект, 2015. — 648 с.
8. Марченко М. Н. Умеренный позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право, 2012. — 105 с.
9. Осипова С. А. Суверенитет права как основа понятия «правовое государство» // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: мат. междунар. научн.-теор. конф. Санкт-Петербург, 11–12 дек. 2009 г. — СПб.: Астерион, 2009. — Ч. 1. — 388 с.
10. Правовое государство и права человека: моногр. / под общей ред. А. И. Бастрыкина. — М.; СПб.: РПА Минюста России, 2012. — 220 с.
11. Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: Интегративный тип современного правового понимания // Правоведение. — 2005. — № 1. — С. 4–12.
12. Станкевич Г. В., Цапко М. И., Бабаян Р. А. Современное правовое понимание в России: ситуация концептуальной неопределенности // Отечественная юриспруденция. — 2015. — №1(1). — С. 4-5.
13. Филиппова И.С. Концепции ограничения государственной власти: теоретико-правовое исслед.: дис. канд. юр. наук. Н.Новгород. 2006.

References:

1. Antonov M.V. On the problems of defining the concept of "rule of law"//Mat. international scientific-practical conference "Civil society and the rule of law as factors of modernization of the Russian legal system". St. Petersburg: Asterion, 2009.
2. Grohalski S. M. States in solving modern global problems (international legal aspects): abstract of the dissertation of the Doctor of Legal Sciences. — M., 1998. 3.
3. Drobiazko S. G. Sovereignty of law in a social legal state // Law and democracy: collection of scientific tr. — Minsk, 1994. — Issue 6. — pp. 19-26.
4. Kalandarashvili Z. N. The influence of legal socialization on the process of constructing the legal culture of personality in modern Russian society // Izv. Russian State Pedagogical Institute. A. I. Herzen University, 2010. Issue 137.
5. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law / comp., intro. art., comm. A. N. Medushevsky. — M.: Russian polit. The encyclopedia (ROSSPAN), 2010. — 520 p.
6. Lapaeva V. V. Types of legal understanding: legal theory and practice: Monograph. — M.: Russian Academy of Justice, 2012. — 580 p.
7. Marchenko M. N. The rule of law and civil society (theoretical and legal research): studies. the manual. — M.: Prospekt, 2015. — 648 p.
8. Marchenko M. N. Moderate positivism and the rule of law in a state governed by the rule of law // State and Law, 2012. — 105 p.
9. Osipova S. A. Sovereignty of law as the basis of the concept of "rule of law" // Civil society and the rule of law as factors of modernization of the Russian legal system: mat. international scientific journal. - theor. conf. St. Petersburg, 11-12 Dec. 2009 — St. Petersburg: Asterion, 2009. — Part 1. — 388 p.
10. The rule of law and human rights: monograph / under the general editorship of A. I. Bastrykin. — M.; St. Petersburg.: RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2012. — 220 p.
11. Romashov R. A. Realistic positivism: An integrative type of modern legal understanding // Law studies. - 2005. — No. 1. — pp. 4-12.
12. Stankevich G. V., Tsapko M. I., Babayan R. A. Modern legal understanding in Russia: a situation of conceptual uncertainty // Domestic jurisprudence. — 2015. — №1(1). — Pp. 4-5.
13. Filippova I.S. Concepts of limitation of state power: theoretical and legal research.: dis. Candidate of Legal Sciences. N.Novgorod. 2006.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА (ОБЩЕПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ) Efficiency of law (general legal and socio-philosophical aspects)

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна,

доктор юридических наук, профессор Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кафедры теории и истории государства и права. 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, профессор кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ». 420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштары, 13.
E-mail: RFStepanenکو@kpfu.ru;

БАКУЛИНА Лилия Талгатовна,

Доктор юридических наук, профессор, Декан Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кафедры теории и истории государства и права. 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: 1lbakuli@kpfu.ru;

СТЕПАНЕНКО Герман Николаевич,

Кандидат философских наук, доцент Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедры социальной философии. 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: German.Stepanenکو@kpfu.ru;

Stepanenکو Raviya Faritovna,

Doctor of Law, Professor at Faculty of Law, Department of Theory and History of State and Law Kazan (Volga Region) Federal University. 420008 Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Professor of the Department of Theory and History of State and Law UVO "University of Management "TISBI". 420012 Kazan, 13 Mushtari street.
E-mail: RFStepanenکو@kpfu.ru;

Bakulina Liliya Talgatovna,

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Department of Theory and History of State and Law Kazan (Volga Region) Federal University. 420008 Kazan, 18 Kremlyovskaya street.
E-mail: 1lbakuli@kpfu.ru;

Stepanenکو German Nikolaevich,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at Institute of Philosophy, Social Sciences and Mass Communication, Department of Social Philosophy Kazan (Volga Region) Federal University. 420008 Kazan, 18 Kremlyovskaya street.
E-mail: German.Stepanenکو@kpfu.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы эффективности права с социально-философских и общеправовых позиций. Внимание авторов акцентируется на значении понятия "эффективность", изначально используемом в экономических науках, а затем экстраполированном в сферу социогуманитаристики. Критерием эффективности выступают как количественные, так и качественные показатели результативности того или иного института, в т.ч. правовой деятельности, вкуче дающие представления о позитивных/негативных итогах реального действия права. Сочетание социально-философских и общеправовых идей, взглядов и концепций, представляются авторам наиболее продуктивным с позиций обоснования и предложения новых моделей, критериев и индикаторов, способных оценить эффективность права в гуманитарном аспекте.

Abstract: The article examines the problems of the effectiveness of law from socio-philosophical and general legal positions. The authors' attention is focused on the meaning of the concept of "effectiveness", originally used in economic sciences, and then extrapolated to the sphere of socio-humanitarian studies. The criterion for effectiveness is both quantitative and qualitative indicators of the effectiveness of an institution, incl. legal activities, which together give ideas about the positive/negative results of the actual operation of law. The combination of socio-philosophical and general legal ideas, views and concepts seems to the authors to be the most productive from the standpoint of substantiating and proposing new models, criteria and indicators that can assess the effectiveness of law in the humanitarian aspect.

Ключевые слова: право, эффективность, качество оценки, результативность, законодательство.

Keywords: law, efficiency, quality of assessment, effectiveness, legislation.

Для цитирования: Степаненко Р.Ф., Бакулина Л.Т., Степаненко Г.Н. Эффективность права (общеправовой и социально-философский аспекты) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 103-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_103.

For citation: Stepanenکو R.F., Bakulina L.T., Stepanenکو G.N. Efficiency of law (general legal and socio-philosophical aspects) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 103-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_103.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Реактуализация научных проблем эффективности социальных, государственных, экономических, правовых, духовно-нравственных, политических, культурных и иных институциональных образований вызвана необходимостью развития нового социально-гуманитарного знания, в некоторой степени, выстраиваемого прагматично, с целью обоснования ожидаемых личностью, обществом и государством действенных результатов, объясняющих суть функционирования того или иного результата творчества человечества, в изучаемом аспекте – права.

Постановка заявленной проблематики, обращенная к социально-философским и общеправовым аспектам, позволяет преодолевать предметную ограниченность социогуманитарных научных дисциплин (социальная философия и общая теория права), границы которых не отмечены строгой фиксацией исследовательских интересов и свободно переходят в необходимое для построения новых знаний пространство. Например, в юридической науке: «...проблематика эффективности в дисциплинарном отношении почти полностью является «вотчиной» общей теории права и государства» [15, с. 4]. Последняя, по мнению Г.Ф. Шершеневича, представляет собой теоретическую сферу: «...философии права, где обобщается догматический материал отраслевых наук и создается качественно новое межотраслевое знание ... где объединяются философский, исторический, догматический и социологический компоненты» [12, с. 459]. Разумеется, с учетом динамичного развития общественных отношений, происходящих сегодня модификаций их содержания на национальном и наднациональном уровнях, общая теория права существенно расширяет свою объектно-предметную область познания посредством междисциплинарных изысканий, объясняя правовую природу социального в диалогизме не только гуманитарных, но и естественно-научных и технических дисциплин в необходимых случаях.

Соответственно, социально-философский дискурс, обобщая и синтезируя содержание «эффективности» с позиций социального времени и пространства способствует познанию взаимодействия человека и человеческих сообществ, их структур, процессов, деятельности в т.ч. с правовым континуумом, формулирует и проводит анализ эволюции / дезэволюции, проблемности социально-правового бытия. Будучи одной из форм рационального знания, социальная философия, также как и общая теория права, изучает морально-этическую, общественно значимую нормативность социальной жизни, в т.ч. её правовой компонент, используя для этого понятийно-категориальный аппарат множества научных дисциплин, приложимых к предмету исследования.

Термин «эффективность», изначально используемый в экономической теории через категории «стоимость», «полезность», «достаток», «выгода» и т.д., получил свое распространение и в других областях обществоведческих и гуманитарных наук. Существует точка зрения об употреблении термина «эффективность» впервые экономистами В. Петти и Ф. Кенэ. Позднее, введение в научный оборот данного понятия известным экономистом Давидом Рикардо было объяснено с позиций эффективности *в качестве оценки* произведенных экономических действий по отношению к полученному результату с минимальными затратами. «Такое понимание эффективности подразумевает *количественную оценку результатов*» [2, с. 38] – считает А.В. Архиреев. Вместе с тем, философские воззрения на эффективность зачастую принципиально отличаются от экономических. В частности, Аристотель эффективность человеческой жизни определял степенью приближения человека к счастью, а категорический императив Канта, или «категорическое долженствование» успешной (эффективной) жизни и всеобщего блага, априори измерялось морально-нравственными индикаторами. Когда человеку, кем бы он ни был ... приводят примеры честности в намерениях, твердости в следовании добрым максимам, сочувствия и всеобщего благоволения ... то он не может не желать, чтобы (и сам) он был настроен поступать таким же образом» [7, с. 112]. Достижение состояния счастья, как представляется, философское мировоззрение связывает и опредмечивает морально-нравственными, этическими постулатами и устремлениями, т.е. *качественными измерителями* успешной и общеподдерживаемой модели образа жизни и поведения человека. Отсюда, близкая по целеполаганию права, идея нормативности и долженствования верифицируется в учениях философов посредством констатации необходимости формирования у человека чувства ответственности, чувства долга, чести, совести, добродетели – вкупе репрезентирующие полезность человеческого со-бытия в социальном.

Диалектическое единство, или же синергия количественного и качественного показателей успешной и эффективной жизнедеятельности, с некоторыми допущениями и идеализациями, опосредуются в идеях и образах права, созданного человечеством для обеспечения его безопасной жизнедеятельности, реализации прав и свобод человека и гражданина, основанных на универсалиях Справедливости, Свободы и Равенства [10, с. 65]. Эффективность права манифестируется, прежде всего, через достижение справедливого результата его целеполагания. Об этом сказано в статье 18 Конституции Российской Федерации, определяющей непосредственно действующие права и свободы человека и гражданина, что постулирует требование и оценку деятельности всех ветвей власти в качественных параметрах её результатов.

«Задача оценки эффективности властеосуществования ... подразделяется на задачу оценки эффективности законодательства и задачу оценки собственно деятельности органов исполнительной власти» [14, с. 113] ... и, разумеется, судебной ветви власти. Собственно уважение, авторитет, доверие к деятельности органов власти и является одним из показателей эффективности права, и наоборот.

Обозначенная в данной работе проблематика с конкретизацией эффективности отдельных сфер правореализации, активно изучалась представителями отечественного теоретического правоведения в советский период. В частности, правоприменение – как одна из важнейших форм правореализации стала предметом изучения известного ученого правоведа В.В. Лазарева, ставившего задачей проведение теоретического и практического анализа эффективности всей правовой системы, правового регулирования, законодательного массива, толкования права и т.д. с позиций ожидания позитивных результатов для системы общественных отношений, социально-правового развития нашей государственности.

В работе «Шестидесятничество» казанских лет, составленной из лекционных материалов по теоретическим проблемам права и государства советского периода, В.В. Лазарев рассуждает об эффективности правоприменительных актов, от которых участники правовых отношений ожидают определенного правового эффекта и результата, тем самым внося порядок в социальную сферу. Обосновывая дефиницию правоприменения в качестве последовательной совокупности определенных действий правоприменителя, автор подчеркивает значение эффективного воздействия на правосознание, не только, в частности, приговора суда, но и самого процесса судебного разбирательства.

«Без учета эффекта правоприменительных действий нельзя вынести суждение об эффективности тех обязывающих управомочивающих предписаний, которые реализуются гражданами и организациями при посредничестве правоприменительных актов. Вполне может случиться так, что решающую роль в достижении планируемых законодателем результатов сыграют не сами нормативные акты (страдающие иногда серь-

езными недостатками), а ненадлежащие действия субъектов применения права [9, с. 352]», справедливо подчеркивает В.В. Лазарев.

Исследуя соотношение эффективности права с эффективностью правоприменительных актов, В.В. Лазарев отмечает их общее и особенное. Первая – (эффективность права), может быть оценена как эффективная при условии комплексной результативности всего правового механизма и средств, его обеспечивающих. Но при этом возможны несовершенство законодательства, его пробелы, вероятны недостатки работы правоприменителя и иные дефекты звеньев этого правового механизма и его инструментария.

Критерии эффективности правоприменительной деятельности следует искать, прежде всего, «в самом его назначении, в тех целях ... которым она служит ... В ходе правоприменительного процесса обеспечиваются самые разнообразие социальные ценности идеального характера: справедливость, истина, законность, целесообразность, свободы, равноправие и т.д. ... Существует ряд целей, удовлетворяемых правоприменением ... каждая из них относительно самостоятельна, и не все они достигаются одновременно [9, с. 353, 354].» В.В. Лазарев подчеркивает, возможность наиболее полно и реально пользоваться своими правами, исполняя свои обязанности в полном объеме.

Следует отметить, что постановка проблемы эффективности права осуществлялась многоаспектно и разноконтекстово в философско-правовом дискурсе С. С. Алексеевым. Рассуждая о возрастании эффективности права в современный период, автор пишет о формировании гуманистического права и правозаконности, свободной и ответственной личности. Когда в обществе правят гуманизм и правозаконность, тогда очевидным становится: «...все более возрастающий эффект основных институтов современной цивилизации...» [1, с. 292], что позволит установить твердый правопорядок и сформирует личность с высоким чувством достоинства, соблюдения неотъемлемых прав и свобод и возвысит представления о праве как эффективном феномене.

Примечательно, что формулируя критерии эффективности права, ученые правоведы (В.В. Лазарев, В.И. Никитянский, А.С. Пашков, Л.С. Явич и другие) в число критериев эффективности права включают и такой индикатор как «экономичность». Последний, проявляясь в материальных затратах, издержках этического и духовного характера, тратах времени и усилий по достижению результативности действия права со стороны всех участников правоотношений, а также непосредственно правотворческой, правоинтерпретационной, контрольно-надзорной и иной, связанной с действием права деятельности, действительно является одним из измерителей эффективности права. Для снижения затрат на совершение юридических процедур необходим и комплекс эффективных правовых средств.

«Без средств цели нереальны, неосуществимы, равно как и при отсутствии целей существующие средства не приводят к какому-либо результату ... Всякий правовой акт выступает в единстве цели и средства достижения этой цели» [8, с. 381, 382], отмечено Д.А. Керимовым.

В современной социогуманитаристике для описания критерия «экономичности» правотворчества и правореализации используется термин «транзакционные издержки», которые присутствуют на всех этапах правовой, и, разумеется, экономической деятельности. В одной из наших работ «Транзакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности» (Казань, 2019 г.), приводится их классификация: «1. Издержки до заключения транзакций; 2. Издержки во время исполнения транзакции; 3. Издержки в случае неисполнения транзакций; 4. Издержки, присутствующие на всех этапах экономико-правовой деятельности» [11, с. 299]. Очевидно, что производимые и произведенные излишние затраты на правореализационную, не способствуют повышению эффективности права, в особенности в сфере частных правовых отношений.

В то же самое время, если рассуждать предельно прагматично, то идеи «самоокупаемости права», которые наиболее свойственные молодым ученым правоведом, скорее всего, имеют некое рациональное зерно, если конечно при этом не нивелируется ценностное начало самого права [6, с. 101]. История свидетельствует о многочисленных примерах «использования» права для реализации сугубо экономических целей с использованием труда заключенных, или же введением конституционной обязанности трудиться (начиная с Конституции РСФСР 1918 г. до Конституции РФ 1993 г., установившей право на труд). И сегодня, учитывая стремительный рост оказания платных услуг легитимно сформулированных в законодательной среде, контекст «экономичности», точнее – «экономизации» права, представляет собой крайне дискуссионную научную сферу, требующую концептуальных научных изысканий.

Между тем, тотальность «экономизации» права, корни которой произрастают в том числе из марксистских догматов «экономика – базис, право – надстройка», во многом умаляет абсолютные ценности права, как не столько материальные, сколько духовно-нравственные универсалии, не зависящие от исторических, политических, экономических и идеологических условий, в которых действует право. Эти ценности не подлежат девальвации. Именно эти ценности носят надвременной цивилизационный характер, объясняя в случае их признания и реализации на практике, истинную эффективность права.

Об этой содержательной стороне права (материального и процессуального) с позиции аксиологического и культурологического подходов рассуждают современные правоведы в контексте формулирования доктрины правовой политики России, во многом определяющей тактически и стратегически эволюцию всей правовой деятельности в социально-правовой реальности. О роли правовой политики в достижении эффективных результатов отечественного права говорится в исследованиях Казанской научной школы [4, 5, 13].

Безусловно, критерии оценки эффективности права могут изменяться и быть вариативно приложимыми к конкретной исторической ситуации, определенному этапу эволюции государственно-правовых цивилизаций. При этом неизменной остается магистральная цель права – соблюдение, защита и охрана конституционных прав граждан и их объединений. За пределами нашей постановочно-проблемной работы остались фундаментальные вопросы эффективности права в связи с реализацией общеправовых принципов Справедливости, Свободы, Равенства, исторического восприятия права как Правды, вопросы реального исполнения гарантий государства в части обеспечения безопасности и качества жизни населения и многое другое, что влияет на авторитет, уважение и доверие к праву – транслирующие в социальную среду его возможности

быть эффективным для человека, общества, государства [3, с. 27].

Такие возможности, как представляется, у права есть, главное – формулирование и актуализация современной правовой политики не только на доктринальном уровне, но и в юридической практике, преобразование правовых установок с учетом новых потребностей и интересов всех участников правовых отношений, технологизации и информатизации многих областей правовой деятельности и понимания глобальной социальной и гуманистической значимости роли права, его идей и пределов регулирования, вкпе демонстрирующих его исторически неоспоримое значение.

Преемственность в вопросах изучения эффективности права будет продолжена, что особенно важно в периоды неопределенности, отчужденности и крушения традиций международного права, правового сотрудничества и взаимодействия, переживающих сегодня очень непростые времена, вносящей свой вклад в изучаемую проблематику.

Библиография:

- [1] Алексеев, С.С. *Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы* / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 1998. – 336 с.
- [2] Архиреев, А.В. *Генезис понятия эффективности. Структура, состояние, оценка // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 10А. С. 36-49.*
- [3] Ашрафьянов, И. Р. *Справедливость в праве в условиях современной трансформирующейся действительности: общеправовые проблемы* / И. Р. Ашрафьянов // *Державинские чтения: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Казань, 23–26 мая 2021 года.* – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. – С. 26-28.
- [4] Бакулина, Л. Т. *Проблема эффективности правовых норм в контексте правовой конфликтологии* / Л. Т. Бакулина, Н. Р. Нугаева // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* – 2009. – № 2(4). – С. 9-13.
- [5] Исаев, Э. Е. *Юридический процесс как предмет исследования современной теории отечественного права* / Э. Е. Исаев // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* – 2023. – Т. 14, № 2(52). – С. 8-15.
- [6] Исаев, Э. Е. *Социальная ценность юридического процесса в эпоху неопределенности и маргинальности* / Э. Е. Исаев // *Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы V Национальной научно-практической конференции, Казань, 26 февраля 2021 года.* – Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2021. – С. 97-103.
- [7] Кант, И. *Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов* / И. Кант. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 528 с.
- [8] Керимов, Д.А. *Философские проблемы права* / Д.А. Керимов. – Москва: Издательство "Мысль", 1972. – 472 с.
- [9] Лазарев, В.В. *«Шестидесятничество» казанских лет.* – М.: Статут, 2017. – 704 с.
- [10] Солдатова, А. В. *Социальная справедливость как принцип и цель правотворческой деятельности государства в чрезвычайных условиях* / А. В. Солдатова, Я. В. Солдатов // *Право и государство: теория и практика.* – 2021. – № 11(203). – С. 64-66.
- [11] Степаненко, Р.Ф. *Трансакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности* / Р. Ф. Степаненко, М. Р. Камаров // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* – 2019. – № 3(37). – С. 296-301.
- [12] *Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп.* / Под ред. и сост. В.Н. Жукова. – М.: Мир философии, Алгоритм, 2021. – 904 с.
- [13] Хамидуллина, Ф. И. *Формализация нравственных начал в гражданском законодательстве* / Ф. И. Хамидуллина // *Юридический мир.* – 2019. – № 5. – С. 52-54.
- [14] *Экономико-правовые институты регулирования регионального развития Российской Федерации: монография* / Н.М. Казанцева, Е.М. Бухвальд, А.Р. Бахтин и др.; под ред. Н.М. Казанцева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ЗАО "Гриф и К", 2013. – 468 с.
- [15] *Эффективность правового регулирования* / М. В. Антонов, М. В. Баранова, М. А. Беляев [и др.]. – Москва: Издательство Проспект, 2017. – 240 с.

References:

- [1] Alekseev, S.S. *Filosofiya prava. Istoriya i sovremennost'. Problemy. Tendencii. Perspektivy* / S.S. Alekseev. – M.: Norma, 1998. – 336 s.
- [2] Arhireev, A.V. *Genezis ponyatiya effektivnosti. Struktura, sostoyanie, ocenka // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2023. Tom 12. № 10A. S. 36-49.*
- [3] Ashrafyanov, I. R. *Spravedlivost' v prave v usloviyah sovremennoj transformiruyushcheysoj dejstvitel'nosti: obshchepravovyye problemy* / I. R. Ashrafyanov // *Derzhavinskie chteniya: Sbornik statej XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 23–26 maya 2021 goda.* – Moskva: Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii), 2021. – S. 26-28.
- [4] Bakulina, L. T. *Problema effektivnosti pravovykh norm v kontekste pravovoy konfliktologii* / L. T. Bakulina, N. R. Nugaeva // *Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki.* – 2009. – № 2(4). – S. 9-13.
- [5] Isaev, E. E. *YUridicheskij process kak predmet issledovaniya sovremennoj teorii otechestvennogo prava* / E. E. Isaev // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2023. – T. 14, № 2(52). – S. 8-15.
- [6] Isaev, E. E. *Social'naya cennost' yuridicheskogo processa v epohu neopredelenosti i marginal'nosti* / E. E. Isaev // *Osnovnyye tendencii razvitiya sovremennoogo prava: problemy teorii i praktiki: Materialy V Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 26 fevralya 2021 goda.* – Kazan': Universitet upravleniya "TISBI", 2021. – S. 97-103.
- [7] Kant, I. *Osnovy metafiziki nravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nravov* / I. Kant. – 2-e izd., ster. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2005. – 528 s.
- [8] Kerimov, D.A. *Filosofskie problemy prava* / D.A. Kerimov. – Moskva: Izdatel'stvo "Mysl", 1972. – 472 s.
- [9] Lazarev, V.V. *«Sheshtidesyatnichestvo» kazanskih let.* – M.: Statut, 2017. – 704 s.
- [10] Soldatova, A. V. *Social'naya spravedlivost' kak princip i cel' pravotvorcheskoj deyatel'nosti gosudarstva v chrezvychajnyh usloviyah* / A. V. Soldatova, YA. V. Soldatov // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* – 2021. – № 11(203). – S. 64-66.
- [11] Stepanenko, R.F. *Transakcionnye izderzhki: sovremennyye metodologicheskie podhody k izucheniyu pravovoy real'nosti* / R. F. Stepanenko, M. R. Kamarov // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2019. – № 3(37). – S. 296-301.
- [12] *Filosofiya prava. Slovar'. 2-e izd., doraб. i dop.* / Pod red. i sost. V.N. Zhukova. – M.: Mir filosofii, Algoritm, 2021. – 904 s.
- [13] Hamidullina, F. I. *Formalizatsiya nravstvennykh nachal v grazhdanskom zakonodatel'stve* / F. I. Hamidullina // *YUridicheskij mir.* – 2019. – № 5. – S. 52-54.
- [14] *Ekonomiko-pravovyye instituty regulirovaniya regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii: monografiya* / N.M. Kazanceva, E.M. Buhval'd, A.R. Bahtizin i dr.; pod red. N.M. Kazanceva. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; ZAO "Grif i K", 2013. – 468 s.
- [15] *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya* / M. V. Antonov, M. V. Baranova, M. A. Belyaev [i dr.]. – Moskva: Izdatel'stvo Prospekt, 2017. – 240 s.

ОБ ИДЕЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В РИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ON THE IDEA OF SUBJECTIVE RIGHT IN ROMAN JURISPRUDENCE

СИГАУРИ-ГОРСКИЙ Егор Русланович,

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России),
пр. Вернадского, 76, г. Москва, Россия, 119454.
E-mail: sigores@outlook.com;

Sigauri-Gorskii Egor Ruslanovich,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia),
76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.
E-mail: sigores@outlook.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются исторические вопросы развития идеи субъективного права в римской юриспруденции. Анализ понятия «*ius*» в памятниках римского права и его осмысление в зарубежной историко-правовой литературе, свидетельствует о действительной возможности его использования для обозначения субъективного права. В заключении делается вывод, что хотя концепция субъективного права в современном смысле не существовало в римском праве, однако его теоретико-идеологическое зарождение в римской юриспруденции послужило основой для дальнейшего развития и полноценного концептуального оформления в европейской юриспруденции Средневековья и Нового Времени.

Abstract: The article deals with historical issues of development of the idea of subjective right in Roman jurisprudence. The analysis of the concept of "*ius*" in Roman law and its understanding in foreign legal history literature, provides that it could have been used to denote subjective right. The conclusion stipulates, that although the concept of subjective right in the modern sense did not exist in Roman law, but its theoretical and ideological origin in Roman jurisprudence served as a basis for further development and conceptualization in the European jurisprudence of the Middle Ages and the New Age.

Ключевые слова: субъективное право, римское право, *ius*, римская юриспруденция, Дигесты Юстиниана.

Key words: subjective right, Roman law, *ius*, Roman jurisprudence, Justinian's Digests.

Для цитирования: Сигаури-Горский Е.Р. Об идее субъективного права в римской юриспруденции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 107-108. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_107.

For citation: Sigauri-Gorskii E.R. On the idea of subjective right in Roman jurisprudence // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 107-108. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_107.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Сохранившиеся фрагменты высказываний римских юристов не содержат определения субъективного права. Отчасти отсутствие интереса римских юристов к абстрактной концепции договора обусловлено восприятием юриспруденции как практического искусства решения конкретных правовых споров (казусов) [4, 140]. Однако сама идея субъективного права, являлась фундаментальной для римского права. Именно поэтому, как утверждает Ч.Г. Донахью: идеи о субъективном праве развиваемые деятелями канонического права в XII - XIII веках, были отнюдь не новы [5, 506].

Прежде всего, говоря об идее субъективного права в римской юриспруденции, необходимо исследовать понятие «*ius*». Классические римские юристы понимали «*ius*» в самом широком смысле. Именно поэтому при соотношении данного термина с «правом» в русском языке и «right» в английском языке, возникает ряд сложностей. Необходимо обозначить два тезиса:

- 1.) «*ius*» понимается как перечень «предписаний» (*praescripta*) и носит императивный, обязательный характер.
- 2.) Данные предписания, в первую очередь являются законами природы, которые первичны по отношению к прочим формам права [2].

Примечательно, что Дигесты содержат высказывания юристов I-III веков, где «*ius*» также близко понятию субъективного права, ввиду того, что «*ius*» имеет множество значений: «*ius pluribus modis dicitur*» [1]. Как пишет Ч. Г. Донахью: «в «Дигестах» Юстиниана, «*ius*» (*ius habere*), употребляется в словесной конструкции, раскрывающей принадлежность права конкретному лицу (указание на наличие прав у конкретного лица) [4, 509]. При этом описывается право в отношении людей, вещей и действий. Так, выражение гласящее: «право принадлежащее некому лицу», формулировалось через глагол «быть» («*to be*» в английском языке), с указанием на дательный падеж (*dative*) или с использованием прилагательного/местоимения в притяжательном падеже (*possessive adjective/pronoun*).

Большая часть «*ius*» (в отношении рассматриваемой области права) относится к «субъективным правам на свободу совершения действия», включая правовые вопросы, в которых условное лицо может совершить или не совершить определенное действие, действие, а также ситуация, в которой условное лицо вправе требовать (принудить другое условное лицо) к совершению определённого действия или же вправе требовать не совершать действие. Часть этих прав состоит в следующем: управомоченное лицо может требовать уплаты пошлины от владельца земли, облаженной пошлиной. Все подобные права предполагают наличие действий от условного лица или их отсутствие. Все подобные права являются предписанными конкретному человеку (или группе людей в отдельных случаях). При переводе же данного права в дословную формулировку исследователь может получить следующую словесную конструкцию: «Лицо X имеет право на действие Y», «право X принадлежит лицу

У». Однако выявление точной формулировки затруднено ввиду сложности перевода.

Ряд исследователей, однако, несмотря на изложенные факты, высказывают и контраргументы. Один из подобных заключается в следующем: «*ius*» могло быть использовано в контексте субъективного права в «народной» разговорной речи, но не в юридических кругах. При этом сторонники данного аргумента указывают, что римские юристы могли использовать «*ius*» в вышеописанном смысле, но не в случаях, где необходимо было выразиться максимально четко с использованием узкой юридической терминологии. Данное утверждение указывает на то, что римские юристы зачастую выражались непрофессионально и неосторожно [5, 511].

Приведенную позицию, однако, можно оспорить: дошедшие до современности фрагменты городского преторского эдикта (как пишет Ч. Донахью о Преторском эдикте, «наиболее четко, технически верно изложенный правовой документ из всех прочих») содержат порядка 6 примеров, где «*ius alicui esse*» употребляется в контексте субъективного права. М. Кайзер в своей работе «*Ius-Begriff*» полагал, что данное высказывание происходит из более древней формулы «*legis actione sacramento in rem*» («...есть в описании Гая, по существу, процесс-пари. Стороны высказывают в торжественных формулах свои претензии и назначают в залог своей правоты известную денежную сумму, которая и называется *sacramentum* откуда название самой формы. Суд формально решает затем вопрос о том, чей залог проигран, «*utrius sacramentum iustum sit, utrius iniustum*»: сторона правая получает свой залог обратно, сторона неправая теряет его в пользу казны. *Legis actio sacramento*, по свидетельству Гая, есть общая форма процесса. В этой форме могут быть ведены всякие иски, для которых не установлено какой-либо иной формы. Но эта общая форма приобретает известные модификации в зависимости от того, идет ли спор о принадлежности какой-либо вещи (*actio in rem*) или же о долге ответчика истцу (*actio in personam*)» [4]. Следуя этой мысли, можно сделать вывод о том, что понятие субъективного права наличествует в Преторском эдикте и было включено в сводные правовые документы Юлианом [5, 511].

Необходимо, однако, отметить ряд серьезных аргументов против существования концепции субъективного права в римской юриспруденции. М. Вилле и его последователи выделяют вопрос о концепции «*iura*» как таковой и вопрос о «*iura in re aliena*» (*Rights in property belonging to a foreign national or situated in foreign territory.*) [6, 171]. Суть данных вопросов заключалась в следующих положениях: «*iura in re aliena*» привязывалось к земле, а не к человеку. Данные права были узким подклассом того, что Ч. Донахью обозначает как «...rights, never being applied» [5, 511] (права которые никогда не применяются), примером которых служит право собственности (*dominium*). «*iura*» в общем смысле классифицировалась как «*res*» (вещь), а данные права были продуктом официальных решений о том, что было правильно в конкретной ситуации «*ius dicere*» (*To practice a judicial authority to declare what is lawful*) [6, 153].

Итак, существовало ли субъективное право в римской юриспруденции в его современном смысле? Ответ на этот вопрос определенно будет отрицательным. Существует ряд причин, исходя из которых римские юристы не считали необходимым сформулировать абстрактную концепцию субъективного права: ввиду исключительно казуистичной природы римского права абстрактные обобщения представлялись римским юристам неточными, а потому не могли быть использованы в гражданском праве. Кроме того, практическая направленность римской юриспруденции позволяла решать насущные задачи путем использования аналогии и индуктивного обобщения без обращения к общим понятиям [4, 141]. Существовала ли идея о субъективном праве в римской юриспруденции? Здесь же, как представляется, можно ответить положительно. Таким образом, несмотря на общепризнанное отсутствие четкой формулировки концепции субъективного права в римском праве, теоретико-идейное наследие римской юриспруденции послужило почвой для переосмысления, обсуждения, развития и полноценного оформления данной концепции в Европейской Юриспруденции Средневековья и Нового Времени.

Библиография:

1. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. – 584 с. С. 86-87.
2. Кофанов Л.Л.. *Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII- III вв. до н.э.* – М.: Статут, 2006. – 575 с. С. 179.
3. Покровский И.А. История римского права. СПб, издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. 407 с. С. 41.
4. Пoldnikov Д.Ю. Формирование концепции субъективного права в правовой науке Западной Европы XVI в. // *Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции.* Москва, 25-26 марта 2016 г. / отв. Ред. М.В. Немытина. – Москва : РУДН, 2017. С. 139-146.
5. Donahue C., Jr. *Ius in the Subjective Sense in Roman Law: Reflections on Villey and Tierney* // In: D. Maffei, I. Birocchi, M. Caravale, E. Conte, U. Petronio, eds. *Anno Cortese. Rome: Il Cigno Edizioni, 2001.* P. 506–535.
6. Fellmeth A.X., Maurice H. *Guide to Latin in International Law Oxford University Press, 2009* 328 pp.

References:

1. *Justinian's Digests / Translated from Latin; Edited by L.L. Kofanov. VOL. I. - 2nd edition, revised. - Moscow: Statute, 2008. - 584 pp. P. 86-87. (In Russ.).*
2. Kofanov L.L.. *Lex and ius: the emergence and development of Roman law in the VIII-III centuries BC. - Moscow: Statute, 2006. - 575 pp. P. 179. (In Russ.).*
3. Pokrovsky I.A. *History of Roman Law.* SPb, publishing and trading house "Letny Sad", 1999. 407 pp. P. 41.
4. Poldnikov D.Yu. *Formation of the concept of subjective right in the legal science of Western Europe in the XVI century // Interests in Law. Zhidkov readings: materials of the All-Russian scientific conference. Moscow, 25-26 March 2016 / otv. Ed. M.V. Nemytina. - Moscow : PFUR, 2017. P. 139-146. (In russ.).*
5. Donahue C., Jr. *Ius in the Subjective Sense in Roman Law: Reflections on Villey and Tierney* // In: D. Maffei, I. Birocchi, M. Caravale, E. Conte, U. Petronio, eds. *Anno Cortese. Rome: Il Cigno Edizioni, 2001.* P. 506–535.
6. Fellmeth A.X., Maurice H. *Guide to Latin in International Law Oxford University Press, 2009* 328 pp.

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ОБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ EXCEPTIONS IN LAW AS OBJECTIVE DETERMINANTS EXCLUSIVE LEGAL RULES

НЕЯСКИН Дмитрий Сергеевич,

преподаватель кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056 Российская Федерация, г. Саратов, ул. им. Н.Г. Чернышевского, зд. 104, стр. 1.
E-mail: nds2413@mail.ru;

NEYASKIN Dmitry Sergeevich,

Lecturer of the state and law theory Saratov State Law Academy.
410056 Russian Federation, Saratov, them. N.G. Chernyshevsky str., 104, 1.
E-mail: nds2413@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются причины появления в праве такой разновидности специальных норм, как исключительные нормы. Отмечается, что объективным свойством материи служат правила, сопутствующим свойством которых выступает ограничительный эффект. В социальной сфере он проявляется в невозможности согласовать многочисленные коллективные и индивидуальные интересы. Именно поэтому и появляются исключения из правил, которые позволяют обеспечивать надлежащую социальную регуляцию и учитывать такое естественное качество бытия как разнообразие. Исключения в праве, которые обусловлены существованием разнообразия, должны обязательно облекаться в нормативную форму, что детерминирует возникновение исключительных юридических норм.

Abstract: The article analyzes the reasons for the emergence in law of such a variety of special rules as exceptional rules. It is noted that the objective properties of matter are rules, the accompanying property of which is the restrictive effect. In the social sphere, it manifests itself in the inability to reconcile numerous collective and individual interests. That is why exceptions to the rules appear, which make it possible to ensure proper social regulation and take into account such a natural quality of life as diversity. Exceptions in law, which are due to the existence of diversity, must necessarily be put into a normative form, which determines the emergence of exceptional legal norms.

Ключевые слова: интерес, исключение, исключительная норма, право, правило, разнообразие.
Key words: interest, exception, exceptional norm, law, rule, diversity.

Для цитирования: Неяскин Д.С. Исключения в праве как объективные детерминанты исключительных юридических норм // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 109-112. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_109.

For citation: Neyaskin D.S. Exceptions in law as objective determinants exclusive legal rules // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 109-112. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_109.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024
Дата публикации: 03.10.2024

Исключение – сложный и многоплановый феномен, суть которого в самом общем смысле сводится к возможности отступления от общего правила, от обычного порядка вещей; выбора иного, альтернативного правилу варианта поведения, развития ситуации. При этом сложность и одновременно привлекательность исключениям придает тот факт, что они, не подпадая под правила в тоже время не нарушают последние, не противоречат им.

Исключения из правил неперменным образом присутствуют в социальной регуляции общественных отношений. Точнее, сама по себе социальная регуляция – это синтез правил и исключений из них. При этом первичны все же правила, то есть определенные образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливающие варианты должного либо возможного поведения.

Именно правила поведения, определяющие то, что относится к допустимому, а что – к недопустимому поведению, более чем важны для существования социума. Как верно пишет Р.А. Ромашов, такие правила необходимы человеческому коллективу для обеспечения стабильности и защищенности общественных отношений, а равно установления механизмов реализации ответственности¹.

Тем самым правила, играющие роль стандартов поведения, выступают в качестве первых социальных норм, составляя их содержание. Подобного рода правила более чем многообразны, обусловлены различными факторами как объективного, так и субъективного характера. Первые связаны прежде всего с реальными условиями жизни как социума, так и каждого конкретного человека. В данном контексте можно согласиться с Г.В. Горлановым, объясняющим привилегии, существующие при первобытнообщинном строе, половозрастными причинами². В свою очередь субъективными детерминантами появления правил поведения выступили моральные, этические, религиозные предписания, выражающиеся в форме обычаев и традиций.

Правила, определяющие существование человеческого коллектива, способствовали не только органическому синтезу объективных и субъективных аспектов, но, и в этом самое главное, способствовали стандартизации, а значит упорядоченности отношений между людьми.

Вместе с тем правила поведения, принятые в социуме априори связаны с ограничением индивидуальности личности. «Таким образом, - констатирует С.Ю. Суменков, - получается следующая картина социальной регуляции. Правила ограничивают определенную часть интересов»³.

¹ Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С. 14.

² Горланов Г. В. Экономические привилегии: источники и формы проявления. М., 1990. С. 5.

³ Суменков С.Ю. Ограничения в праве и исключения в праве: аспекты соотношения // Юридическая техника. Ежегодник № 12 «Ограничения в праве: теория, практика, техника». С. 331.

Однако, как совершенно справедливо констатирует автор, нельзя осуществлять управление обществом, используя только правила, ограничивающие как групповые, так и единичные интересы¹.

Априори необходим элемент социальной регуляции, который бы позволял сочетать общие и частные интересы, привнес бы определенного рода компромисс между ними. По мнению И.С. Морозовой таким инструментом управленческого процесса как раз и выступают исключения из правил². Именно исключения из правил и стали тем фактором, который еще до правового регулирования привел к упорядоченности общественных отношений³. При этом, как уже было сказано, социальные регуляторы должны находить и находят свое внешнее объективирование в соответствующих социальных нормах, которые, в свою очередь, отражаются в документах, которые можно трактовать как имеющие юридическую силу⁴. В частности, Положение о благочиннических округах, входящих в состав епархий, и о благочинных Русской православной церкви Московского патриархата⁵ в пункте 3.14 устанавливает: «Благочинный имеет попечение о соблюдении духовенством границ приходов в сельской местности там, где они установлены епархиальным советом в соответствии с решением Священного Синода, и, в частности, о том, чтобы требоисправление в границах каждого прихода осуществлялось духовенством такового, **за исключением тех случаев**, когда необходимо безотлагательно исповедовать и причастить тяжелобольного или крестить младенца при опасности за его жизнь, а также совершать таинство Соборования для находящихся при смерти»⁶ (выделено нами – Д.Н.).

Таким образом, Священный Синод устанавливает правило, согласно которому требоисправление в границах каждого прихода осуществляется духовенством этого прихода; ответственным за соблюдением названного правила является благочинный, который стоит во главе благочиния⁷. Данное правило, безусловно, имеет юридическую силу, поскольку принято уполномоченным на то субъектом и находит свое воплощение в религиозном акте, регламентирующем порядок исполнения некоторых обрядов⁸. Однако, как видно, из данного правила есть исключения, вызванные теми обстоятельствами, «когда необходимо безотлагательно исповедовать и причастить тяжелобольного или крестить младенца при опасности за его жизнь». Как думается, отмеченные обстоятельства как раз и являются теми факторами объективного характера, обуславливающими появление не только правил, но и исключений из них.

Тем самым можно предложить следующую конструкцию: необходимость территориального упорядочения отправления треб, обуславливает появление надлежащим образом установленных правил; объективные обстоятельства, вызванные угрозой здоровья либо жизни прихожанина, обуславливают появление исключения из данных правил; и правила и исключения из них выражаются в документе, имеющем юридическую силу; правила и исключения представляют собой нормы, посредством которых происходит социальная регуляция проанализированного сегмента общественных отношений. Последняя характеристика, на наш взгляд, служит магистральной и для правил и для исключений из них, поскольку участие в регламентации жизни социума изначально предполагает имплементацию их в нормативные установки, которые традиционно определяются в качестве социальных норм.

Социальное основание права более чем очевидно⁹, равно как и то, что право в его нормативном понимании представляет собой огромную совокупность норм, издаваемых или санкционируемых государством и охраняющихся от нарушений возможностью применений мер государственного принуждения¹⁰. Тем самым социальная природа права и его официальный характер предполагает не просто наличие исключений из правил в арсенале правового регулирования, но и обязательную нормативную оформленность таких исключений.

Надо отметить, само присутствие исключений в праве детерминировано такими их качествами как всеобщность и объективность. По мнению С.Ю. Суменкова, всеобщность состоит в том, что исключения имеются во всех сферах материи; объективность выражается в том, что наличие исключений объясняется присущим им качеством закономерности существования¹¹.

Как думается, последнее служит доминирующей характеристикой при и оценке исключений. Более того, объективность исключений обуславливает их всеобщность. Это присуще всем фрагментам бытия, в том числе социальным регуляторам вообще и праву в частности.

Дело в том, что невозможность отрицания объективной составляющей наличия исключений в праве объясняется таким качеством материи как разнообразие. Здесь будет уместно вспомнить о кибернетическом законе необходимого разнообразия жизни, суть которого можно кратко сформулировать так: только разнообразие может нивелировать разнообразие. Тем самым «разнообразие – объективное свойство материи, выражающееся во внешнем мире в форме ... исключений»¹². Никакое регулирование не может устранить разнообразие, прежде всего, в силу объективности последнего¹³.

¹ См.: Там же. С. 332.

² Морозова И.С. Институционализация и реализация юридических исключений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 4. С. 340.

³ См.: Суменков С.Ю. Исключения из правил как фактор предопределяющий правовое регулирование: социальный, философский, исторический аспекты // Доктрина права. 2010. № 3/4 (7/8). С. 15-23.

⁴ См. об этом, в частности: Суменков С.Ю., Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен (доктрина и практика). М., 2023. С. 113-123.

⁵ Документ принят на заседании Священного Синода 28 декабря 2018 года (журнал № 128) // Официальный сайт Русской православной церкви Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5330863.html> (дата обращения 01.08.2024).

⁶ Положение о благочиннических округах, входящих в состав епархий, и о благочинных // Официальный сайт Русской православной церкви Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5331736.html> (дата обращения 01.08.2024).

⁷ Согласно процитированному выше Положению о благочиннических округах, входящих в состав епархий, и о благочинных (п.1.1) последние представляют собой церковные административные единицы, сформированные по территориальному признаку, объединяющих близлежащие приходы и подворья одной епархии с их клиром.

⁸ См.: Ларина Е.А., Щербаков В.Ю., Поповичева М.В. Юридическая сила религиозных актов: история, теория, практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки 2020. № 2. С. 159-164.

⁹ См. об этом подробнее: Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2023.

¹⁰ См.: Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 64-65.

¹¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 14.

¹² Там же. С. 31.

¹³ См.: Там же.

Более того, игнорирование разнообразия ради сохранения стандартизации правовой регламентации повлечет игнорирование специфики как фактических жизненных реалий, так и неповторимых личностных особенностей участников правоотношений. Эталонная природа права вовсе не препятствует индивидуальному правовому регулированию, которое, как верно пишет И.А. Минникес, направлено на урегулирование конкретных ситуаций в индивидуальном порядке¹. Фигурирование в праве исключений и их надлежащая реализация способствует сочетанию шаблонности и уникальности в юридическом опосредовании общественных отношений².

Таким образом, можно представить следующий алгоритм: а) объективным свойством материи выступает разнообразие, доля которого может быть несколько уменьшена, но никогда не ликвидирована; б) разнообразие присутствует во всех сегментах бытия, в том числе (и даже в особенности) в социальной сфере; в) регламентация социальных отношений должно проводиться с учетом наличия в них разнообразия, отражающихся в целом конгломерате общих, групповых и индивидуальных интересов; г) право является особым социальным регулятором, исходящим от государства и направленным на упорядочение наиболее важных, типичных общественных отношений; д) стандартизированная природа права не отвергает индивидуального подхода к разрешению атипичных ситуаций и учета субъективных особенностей; е) магистральным инструментом, способствующим органичному сочетанию шаблонности и своеобразия, служат исключения в праве.

При этом надо необходимо отметить, что для социального регулирования, как уже говорилось выше, важно нормативное облечение. Для право оно не просто необходимо, без него оно не может состояться. Юридические нормы «возникают как результат осознанной потребности правового опосредования, необходимости урегулирования правом общественных отношений»³.

Исключения в праве становятся таковыми только после их опосредования в юридической норме. «Исключения в праве в обязательном порядке должны быть закреплены в юридической норме»⁴. Более того, по мнению С.Ю. Суменкова, исключения в праве – это только такие исключения, которые закреплены в нормах права⁵.

Немаловажную роль в подобном восприятии исключений играет не только сама собой разумеющаяся нормативность права, но и объективная природа исключений. «Юридические нормы, – верно писал В.К. Бабаев, – продукт сознательной деятельности человека как высшей формы отражения объективного мира»⁶. По образному замечанию, К. Маркса, законодатель не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует их⁷. Здесь налицо корреляция отображаемого и отражаемого; отображаемое – объективно существующее разнообразие, а отображаемое – исключение, зафиксированное в норме права. В данной связи стоит согласиться с Н.А. Плахтием, считающего, что исключительный случай интегрирует в себе и исключительный юридический факт и, в тоже время, содержание опосредующей его нормы права⁸.

Подобного рода правовые нормы, содержащие исключения из правил, получили название исключительных норм. Об обоснованности выделения подобной разновидности норм писали А.Ф. Черданцев⁹, С.С. Алексеев¹⁰, И.Н. Сенякин¹¹. Среди современных ученых-правоведов позицию о существовании исключительных норм разделяют Н.А. Власенко¹², А.А. Деревнин¹³, А.Г. Репьев¹⁴.

В данном контексте интересна точка зрения С.Ю. Суменкова, который первоначально выделял нормы-исключения¹⁵, а в качестве их особой разновидности определял исключительные нормы. Однако в дальнейшем ученый стал воспринимать нормы, содержащие исключения из правил именно как исключительные нормы, являющиеся разновидностью специальных норм¹⁶.

По нашему мнению, исключительная юридическая норма – «разновидность специальной нормы, предусматривающая возможность посредством изъятия или дополнения из общего либо специального предписания существования альтернативного варианта регламентации общественных отношений»¹⁷.

Здесь следует обратить внимание на два ключевых аспекта. Во-первых, исключительная норма всегда выступает особой разновидностью специальной нормы. Иного, как думается, быть не может, так как альтернативный вариант регламентации априори предполагает отступление от общего правила. При этом на практике могут существовать различного рода коллизии: между общими и специальными нормами; общими и исключительными нормами; специальными и исключительными нормами. В доминанте своей такие коллизии решаются в пользу исключительных предписаний¹⁸.

¹ См. об этом: Минникес И.А. индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 9.

² См., например: Байдарова М.А. Механизм реализации исключений в праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.

³ Бабаев В.К. Понятие юридической нормы // Нормы советского права (проблемы теории) / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 65.

⁴ Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 15.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Бабаев В.К. Указ. соч. С. 65.

⁷ Маркс К. Проект закона о разводе // Соч. Т. 1. С. 162.

⁸ См.: Плахтий Н.А. Исключительный случай в российском праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2024. С. 10.

⁹ Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (Теория и практика). М., 1979. С. 74.

¹⁰ Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 78.

¹¹ Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С.79.

¹² Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. С. 84-92.

¹³ Деревнин А.А. Исключительные нормы в праве // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2007. Вып. 4. С. 10-17.

¹⁴ Репьев А. Г. Специальные преимущественные и исключительные правовые нормы в условиях цифровизации экономики и оказания онлайн-услуг обществу // Юристы-Правоведь. 2020. № 1(92). С. 31-36.

¹⁵ Подобной позиции придерживается А.Г. Бордакова. См. об этом, в частности: Бордакова А.Г. Нормы-исключения в российском праве: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023.

¹⁶ Суменков С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования // *Notiothētika: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47. № 2. С. 334-341.

¹⁷ Неякин Д.С. Исключительные нормы как особая разновидность специальных норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 67.

¹⁸ См., например: Байдарова М.А.

Вторым важным аспектом восприятия исключительной нормы служит то, что она содержит в себе исключение из правила¹. Именно наличие исключения детерминирует появление исключительной нормы, по своему содержанию фиксирующий объективный элемент общественного существования². В свою очередь появление исключений в праве вызвано, как уже отмечалось, наличием во всех сегментах материи необходимого разнообразия, которое отражается в исключениях из правил.

Таким образом, исключительная норма обусловлена разнообразием различных факторов, что детерминирует исключения из правил, находящих свое внешнее выражение в исключительных нормах.

Исключительные нормы – интересный феномен, в котором сочетается формальная и содержательная стороны права, эталонность и уникальность правовой регламентации, абстрактное и конкретное, объективное и субъективное.

Библиография:

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 359 с.
3. Бабаев В.К. Понятие юридической нормы // Нормы советского права (проблемы теории) / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 65-116.
4. Байдарова М.А. Механизм реализации исключений в праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.
5. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
6. Бордакова А.Г. Нормы-исключения в российском праве: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023.
7. Власенко Н.А. Избранное. М.: Норма, 2015. 672 с.
8. Горланов Г.В. Экономические привилегии: источники и формы проявления. М.: Экономика, 1990. 112 с.
9. Деревнин А.А. Исключительные нормы в праве // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2007. Вып. 4. С. 10-17.
10. Ларина Е.А., Щербаков В.Ю., Поповичева М.В. Юридическая сила религиозных актов: история, теория, практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки 2020. № 2. С. 159-164.
11. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 800 с.
12. Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. Изд. второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 161-164. 698 с.
13. Минникус И.А. индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 54 с.
14. Морозова И.С. Институционализация и реализация юридических исключений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 4. С. 339-343.
15. Неякин Д.С. Исключительные нормы как особая разновидность специальных норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 64-69.
16. Плахтий Н.А. Исключительный случай в российском праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2024. 30 с.
17. Положение о благочиннических округах, входящих в состав епархий, и о благочинных // Официальный сайт Русской православной церкви Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5331736.html> (дата обращения 01.08.2024).
18. Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, должностное // Правоведение. 2001. № 6. С. 13-19.
19. Репьев А. Г. Специальные преимущественные и исключительные правовые нормы в условиях цифровизации экономики и оказания онлайн-услуг обществу // Юрист-Правовед. 2020. № 1(92). С. 31-36.
20. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов : Изд-во Саратов. университета, 1987. 97 с.
21. Суменков С.Ю. Исключения из правил как фактор предопределяющий правовое регулирование: социальный, философский, исторический аспекты // Доктрина права. 2010. № 3/4 (7/8). С. 15-23.
22. Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 58 с.
23. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
24. Суменков С.Ю. Ограничения в праве и исключения в праве: аспекты соотношения // Юридическая техника. Ежегодник № 12 «Ограничения в праве: теория, практика, техника». С. 330-337.
25. Суменков С.Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 2. С. 334-341.
26. Суменков С.Ю., Ларина Е.А. Юридическая сила как общеправовой феномен (доктрина и практика). М.: Юрлитинформ, 2023. 144 с.
27. Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (Теория и практика). М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.

References:

1. Alexandrov N.G. Law and legality during the period of extensive construction of communism. M.: Gosyurizdat, 1961. 271 p.
2. Alekseev S.S. General theory of law: course in 2 volumes. M.: Legal. lit., 1982. T. 2. 359 p.
3. Babaev V.K. The concept of a legal norm // Norms of Soviet law (problems of theory) / ed. M.I. Baitina, V.K. Babaeva. Saratov, 1987. pp. 65-116.
4. Baydarova M.A. Mechanism for implementing exceptions in law: theoretical and practical aspects: author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. Saratov, 2020.
5. Baitin, M. I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Ed. 2nd, add. M.: LLC Publishing House "Law and State", 2005. 544 p.
6. Bordakova A.G. Exception norms in Russian law: a general theoretical study: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci. Kazan, 2023.
7. Vlasenko N.A. Favorites. M.: Norma, 2015. 672 p.
8. Gorlanov G.V. Economic privileges: sources and forms of manifestation. M.: Economics, 1990. 112 p.
9. Derevnin A.A. Exceptional norms in law // Modern problems of lawmaking and law enforcement: collection. scientific tr. M.; Irkutsk, 2007. Issue. 4. pp. 10-17.
10. Larina E.A., Shcherbakov V.Yu., Popovicheva M.V. Legal force of religious acts: history, theory, practice // Humanitarian, socio-economic and social sciences 2020. No. 2. P. 159-164.
11. Maltsev G.V. Social foundations of law. M.: Norma: INFRA-M, 2023. 800 p.
12. Marx K. Draft law on divorce // Marx K., Engels F. Works. T. 1. Ed. second. M.: State Publishing House of Political Literature, 1955. pp. 161-164. 698 pp.
13. Minnikes I.A. individual legal regulation (theoretical and legal analysis): abstract. dis. ... Doctor of Law. Sci. Ekaterinburg, 2009. 54 p.
14. Morozova I.S. Institutionalization and implementation of legal exceptions // "Black holes" in Russian legislation. 2007. No. 4. P. 339-343.
15. Neyaskin D.S. Exceptional norms as a special type of special norms // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 6 (119). pp. 64-69.
16. Plakhtiy N.A. An exceptional case in Russian law: theoretical and practical aspects: author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. Penza, 2024. 30 p.
17. Regulations on dean districts that are part of dioceses, and on deans // Official website of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5331736.html> (access date 08/01/2024).
18. Romashov R.A. Law, rule, norm, obligation // Jurisprudence. 2001. No. 6. P. 13-19.
19. Repev A. G. Special preferential and exclusive legal norms in the conditions of digitalization of the economy and the provision of online services to society // Yurist-Pravoved. 2020. No. 1(92). pp. 31-36.
20. Senyakin I.N. Special norms of Soviet law. Saratov.: Publishing house Sarat. University, 1987. 97 p.
21. Sumenkov S.Yu. Exceptions to the rules as a factor predetermining legal regulation: social, philosophical, historical aspects // Doctrine of Law. 2010. No. 3/4(7/8). p. 15-23.
22. Sumenkov S.Yu. Exceptions in law: general theoretical analysis: author's abstract. dis. ... Doctor of Law. Sci. Saratov, 2016. 58 p.
23. Sumenkov S.Yu. Exceptions in law: theoretical-instrumental analysis. M.: Yurilitinform, 2016. 376 p.
24. Sumenkov S.Yu. Restrictions in law and exceptions in law: aspects of the relationship // Legal technology. Yearbook No. 12 "Restrictions in law: theory, practice, technology." pp. 330-337.
25. Sumenkov S.Yu. Special and exceptional norms as a component of a special legal status: features of the relationship and form of objectification // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2022. T. 47. No. 2. P. 334-341.
26. Sumenkov S.Yu., Larina E.A. Legal force as a general legal phenomenon (doctrine and practice). M.: Yurilitinform, 2023. 144 p.
27. Cherdantsev A.F. Interpretation of Soviet law: (Theory and practice). M.: Legal literature, 1979. 168 p.

¹ См.: Неякин Д.С. Указ. соч. С. 67.

² См. об этом: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 188.

**А.М. ГОРЧАКОВ – VIR CLARISSIMUS ДИПЛОМАТИИ:
ДУГА ХАРАКТЕРА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**
**A.M. Gorchakov - vir clarissimus diplomacy:
arc of character in historical and legal retrospective**

РАТТУР Мария Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru;

Rattur Maria Vladimirovna,

PhD in History, Associate Professor, Researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена освещению ключевых моментов реализации международно-правовой политики Российской империи в XIX столетии сквозь призму основных биографических вех выдающегося государственного деятеля Александра Михайловича Горчакова. Делается вывод о корреляции динамики подходов, реализуемых в отечественной дипломатии, и формировании системы взглядов А.М. Горчакова по вопросам внешней политики Российской империи. Историко-правовая ретроспектива событий осуществлена с позиций общероссийской идентичности как конституционной ценности и исторической памяти как традиционной российской духовно-нравственной ценности.

Abstract: The article is devoted to highlighting the key moments in the implementation of the international legal policy of the Russian Empire in the 19th century through the prism of the main biographical milestones of the outstanding statesman Alexander Mikhailovich Gorchakov. It is concluded about the correlation of the dynamics of approaches implemented in domestic diplomacy, and the formation of the system of views of A.M. Gorchakov on foreign policy of the Russian Empire. The historical and legal retrospective of events was carried out from the standpoint of all-Russian identity as a constitutional value and historical memory as a traditional Russian spiritual and moral value.

Ключевые слова: международно-правовая политика, историческая память, общероссийская идентичность, дипломатия, историко-правовая ретроспектива, Парижский трактат, Российская империя.

Keywords: international legal policy, historical memory, all-Russian identity, diplomacy, historical and legal retrospective, Paris Treaty, Russian Empire.

Для цитирования: Раттур М.В. А.М. Горчаков – vir clarissimus дипломатии: дуга характера в историко-правовой ретроспективе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 113-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_113.

For citation: Rattur M.V. A.M. Gorchakov - vir clarissimus diplomacy: arc of character in historical and legal retrospective // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 113-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_113.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Дуга характера как внутренняя трансформация героя на протяжении истории является сегодня одним из самых используемых понятий писателями и сценаристами. Идея о том, что характер героя и структура произведения неразрывно связаны между собой дает возможность формирования учебных программ для полного и всеобъемлющего раскрытия характера героя в динамике, используя внешние обстоятельства [1]. У Александра Михайловича Горчакова внешних обстоятельств для формирования дуги характера было значительно больше, чем это требуется для сценария или романа. Проследить формирование его взглядов от безоговорочного принятия европейских ценностей до формирования представлений о российской идентичности является весьма интересной исследовательской задачей.

В Древнем Риме в принципат Адриана (117 – 138 г.), который являлся одним из «пяти добрых императоров», запретив включать рабов в отряды гладиаторов без из согласия, оформилась строжайшая иерархия, где каждая ступень была снабжена титулом, «указывающим на благородство и относящимся только к данной категории» [2, с. 82]. В этой системе, явившейся одним из образцов для Табели о рангах российского императора Петра I и для армейских званий и степеней Почетного легиона, введенных французским императором Наполеоном I, имя светлейшего мужа vir clarissimus находилось в одном шаге от принцепса (императора) – первого лица среди сената и народа, воплощения закона и обладателя высшего авторитета, ближе всего находящегося к богам, отпрыском которых он себя представлял и к которым он вернется после смерти в результате апофеоза [2, с. 84].

В Европе Нового времени имя светлейшего мужа - vir clarissimus - сохранилось в виде титула «светлейший князь» в качестве высшей категории князей.

Александр Михайлович Горчаков занимал в Российской империи и высшую гражданскую должность, будучи канцлером, и обладал титулом светлейшего князя, поэтому vir clarissimus (светлейший муж) в полной мере к А.М. Горчакову относится. И дело не только в формальных основаниях – должности и титуле, а и в том, как деятельность князя воспринималась современниками и потомками.

Он занимался вопросами внешней политики в сложнейший для страны период, последовавший за поражением в Крымской войне, а это было, по словам Ф.И. Тютчева «призванием роковым», при том, что «все лучшее в России, все живое глядит на Вас, и верит Вам, и ждет» [3, с. 149].

По результатам обучения в Царскосельском лицее, когда еще никто и помыслить не мог, что А.М. Горчаков станет именно тем, кто «бой отважный, бой неравный один с Европой продолжал» [3, с. 149], он возглавил список выпускников. В табели итоговых оценок его фамилия

была первой.

В день выпуска А.М. Горчакову был пожалован чин титулярного советника, и началась его дипломатическая служба. Он прошел все ее ступени, был участником многих важнейших событий, являлся российским послом в Лондоне, Берлине, Риме, Вене.

Авторитет А.М. Горчакова стал распространяться далеко за пределы Министерства иностранных дел. Так, например, в 1856 г. он был избран почетным членом Академии наук. Важно отметить, что он не вошел в состав Академии, а стал ее почетным членом. Находясь на государственной службе, имея ко времени избрания общепризнанные достижения в области внешней политики, Горчаков не стал академиком, хотя Устав Императорской Академии Наук не содержал никаких запретов на этот счет. Дело в том, что в данной ситуации действовали неписанные нормы, которые не позволяли Александру Михайловичу занять эту должность.

В памяти невольно всплывает история избрания в Академию наук князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова, впоследствии ставшего ее вице-президентом. В связи с тем, что протезировал избрание министр просвещения С.С. Уваров, то князь стал объектом знаменитой эпиграммы А.С. Пушкина «В Академии наук заседает князь Дундук...», написанной в 1835 г. Важно то, что такое протезирование было, во-первых, случаем исключительным, поэтому эпиграмма и наделала столько шума, а, во-вторых, личное общение М.А. Дондукова-Корсакова и А.С. Пушкина изменило отношение поэта к князю и он выражал искренние сожаления о написанном [4, с. 34-103.]

Следует отметить, что и в настоящее время Устав Российской академии наук не воспрещает чиновникам становится членами-корреспондентами и действительными членами академии, но прецедент, связанный с решением Президента РФ В.В. Путина в 2017 г. о том, что все госслужащие, избравшиеся в Академию, должны оставить свои должности ради науки, коль скоро они в ней так успешны, привел к тому, что нынешняя ситуация близка к практике имперской России, хотя на современном этапе потребовалось публичное «ручное управление» от первого лица страны.

При этом в Российской империи существовал императивный запрет на представление к наградам за филантропическую деятельность лиц «состоящих на государственной службе в правительственных установлениях». 22 ноября 1885 г. российский император Александр III издал закон, закрепляющий данную норму [5, с. 163; 6, с. 139]. Прежде всего это было обусловлено тем, что получение целого ряда наград открывало путь к почетному гражданству. Этот институт в Российской империи позволял получить личное дворянство, что подчас было весьма привлекательной целью для представителей купеческого сословия [7, с. 171]. Ярким примером в данном отношении могут служить братья Третьяковы, один из которых получили дворянское достоинство, а другой принял решение остаться в том сословии, в котором появился на свет.

Избрание А.М. Горчакова в Академию наук произошло в точном соответствии с Уставом, где в главе VII «О почетных членах и корреспондентах» в §§ 81-82 определено: «Почетные члены Академии наук могут быть русские и иностранные. Первые в неопределительном числе избираются из знаменитых особ, известных своими познаниями и любовью к наукам» [8, с. 107]. Порядок «принятия в сии члены» установлен § 84 главы VII Устава, где сказано, что для избрания требуется большинство голосов в Академическом собрании «по предложению президента или трех действительных членов, которые, предупредив о том президента, подают предложение за своим подписанием» [8, с. 107]. Представляется крайне важным тот факт, что «должностной вес» лица, рекомендованного к избранию, роли не играл. Подтверждением тому служит избрание членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности Ф.И. Тютчева в члены Академии годом позднее А.М. Горчакова (29 декабря 1857 г.). В должностной иерархии место Федора Ивановича в разы скромнее того положения, которое занимал Александр Михайлович.

О познаниях А.М. Горчакова могут свидетельствовать результаты его обучения в Царскосельском лицее, а вот на обстоятельствах, предшествующих его широкой известности научному сообществу ко времени избрания в 1856 г. следует остановиться подробнее.

Дело в том, что Александр Михайлович являлся главным российским действующим лицом в области тайных переговоров Наполеона III с Александром II по поводу возможности заключения мира осенью 1855 г. Французский император позволил графу Морни завязать, но только лишь «частным порядком» сношения с Россией по этому животрепещущему вопросу. А.М. Горчакова, являвшегося на тот момент русским послом в Вене, посетил глава крупного банкирского дома Сипа и сообщил о получении от своего парижского друга и тоже банкира – Эрлангера – письма, где сообщается об интересном разговоре, произошедшем у него с графом Морни. Граф полагает, французам и русским следует подумывать о прекращении бесполезной боины. Русский посол тут же уведомил об этом императора и, что является весьма показательным, даже не стал дожидаться его ответа, заявив банкиру Сипа о том, что тому следует написать своему другу в Париж следующее: «он, Горчаков, считает, что не только мир, но и прямое сближение между Францией и Россией уже после заключения мира может быть в высшей степени полезно для этих держав. Но условия мира не должны затрагивать чувства национального достоинства России» [9, с. 454].

Обоюдное «прощупывание почвы» привело к тому, что далее последовали уже официальные, хотя и проводимые в тайне, переговоры во французской столице. Далее случилось то, чему до сих пор исследователи не могут найти разумных объяснений. В историографии этот вопрос является по сей день спорным и окончательно непроясненным, несмотря на множество предположений и версий. В «Истории дипломатии», в частности, сказано так: «но тут К.В. Нессельроде совершил бестактность, которая очень повредила делу» [9, с. 455]. Русский министр иностранных дел посчитал нужным сообщить венскому двору о начавшихся между Россией и Францией переговорах.

Мотивы этого поступка до сих пор трудно понять доподлинно историкам дипломатии. Можно лишь предположить, что он был уверен в солидарности держав Священного союза (хотя это выглядит, по крайней мере, очень наивно для опытного дипломата), поэтому выступил против переговоров без ведома Австрии. Итог был печален, хотя и закономерен: в середине декабря австрийские предложения, являвшиеся ни чем иным, как с ультиматумом, были вручены К.В. Нессельроде. 20 декабря 1855 г. в кабинете императора состоялось совещание. Горчаков на него приглашен не был, потому что находился при австрийском дворе, выполняя свои обязанности посла. Итогом совещания стало решение о принятии ультиматума в качестве предварительных условий для мирного договора. Подписание Парижского трактата, ознаменовавшего завершение

Крымской войны, состоялось 30 марта 1856 г. [9, с. 455].

Несмотря на то, что усилия А.М. Горчакова оказались тщетны, но они были высоко оценены Императорской академией наук, члены которой понимали роль и значение русского посла в Вене по заключению столь необходимого стране мира и высоко оценили его стремление заключить этот мир исходя из национальных интересов России.

После поражения России в Крымской войне, зафиксированного в Парижском мирном договоре, главной задачей внешней политики России стало преодоление нейтрализации Черного моря. А.М. Горчаков отчетливо понимал, что изменить ситуацию можно лишь дипломатическим путем, и блестяще сумел использовать каждое противоречие, возникавшее между европейскими державами, а также постепенное изменение ситуации в Европе в целом.

Он говорил: «Я не скрываю, что мы хотим избавиться от договора 1856 г., исключить из международного права нейтрализацию Черного моря. Мы добьемся этого, ибо всегда к этому стремимся...» [10, с. 35].

31 октября 1870 г. А.М. Горчаков, являясь министром иностранных дел, издал циркуляр, в котором европейским кабинетам было заявлено, что Россия больше не считает себя связанной условиями Парижского мирного договора 1856 г., перечислив при этом случаи его нарушения другими странами. Данный циркуляр стал причиной пересмотра Парижского трактата европейскими странами. В результате Российской империи было вновь предоставлено право держать военный флот в Черном море. Лондонская конвенция, принятая в январе 1871 г., утвердила принятое решение. Важно отметить, что еще до встречи в Лондоне всем было ясно, что ни одна из стран не станет противиться выполнению русских требований, несмотря на то, что циркуляр А.М. Горчакова первоначально вызвал огромное негодование у Великобритании и Австрии. Инициатором проведения конференции выступило английское правительство, но его пыл остудил ответ министра иностранных дел Российской империи, где было обозначено, что «решение русского правительства является твердым и окончательным» [9, с. 456]. Не отказываясь от конференции, он обозначил условие, что конференция сведется к чистой формальности.

Очень образно и ярко о произошедшем поведал Ф.И. Тютчев в своем стихотворении:

Да, вы сдержали ваше слово:

Не двинув пушки, ни рубля,

В свои права вступает снова

Родная русская земля... [3, с. 149].

Представляется особенно важным то, что Федор Иванович сам был дипломатом, поэтому в полной мере мог оценить и масштаб усилий Александра Михайловича, и значение достигнутого результата для страны.

Биограф князя С.К. Бушуев обращал особое внимание на то, что А.М. Горчаков «Часто свои ноты отделявал настолько, что они мало отличались от художественных произведений... Его блестящие речи, острые и меткие слова доходили до просвещенных знатных дам и провинциального помещика, до скромного студента и блестящего гвардейца» [11, с. 75-77]. Это в полной мере следует отнести и к циркуляру 1875 г., направленному князем в дипломатические представительства. Его текст включал в себя фразу, часть которой впоследствии стала крылатой: «Кто-то говорит, что Россия сердится. Это не совсем точно. Россия сосредоточивается» [12, с. 159].

«La Russie se resueille» (Россия сосредоточивается) стала основой политики, успешно реализуемой А.М. Горчаковым и его политико-дипломатическим кредо. Здесь необходимо отметить два определяющих момента:

1. Россия воздерживается от активного вмешательства в европейские дела и оправляется от потерь и понесенных жертв;

2. Россия отныне не намерена жертвовать своими интересами для поддержания принципов Священного союза и считает себя совершенно свободной в выборе своих союзников [9, с. 471].

В 1876 г., в день 50-летия службы в Министерстве иностранных дел, Александр Михайлович стал государственным канцлером. Это был высший гражданский чин в императорской России. За двести лет его получили всего одиннадцать человек. Первым был Гавриил Иванович Головкин – сподвижник Петра Великого на протяжении всей жизни императора. Последним канцлером стал Александр Михайлович Горчаков.

Он остался в истории и последним лицеистом. Эти строки Пушкина оказались сказаны о нем: «Кому из нас под старость в день лица торжествовать придется одному?». После смерти князя среди его бумаг была обнаружена до этого неизвестная лицейская поэма А.С. Пушкина «Монах».

А.М. Горчаков был верен лицейскому братству. В 1825 г/ он, взяв отпуск в Россию и проезжая через Псковскую губернию, он свернул с дороги, чтобы посетить опального А.С. Пушкина, сосланного в Михайловское и жившего под надзором полиции. Петр Владимирович Долгоруков отмечал, что «для 28-летнего дипломата, ехавшего в Петербург в арачеевскую эпоху, поездка в деревню для посещения опального друга была весьма благородным поступком» [13, с. 143]. После встречи с лицейским товарищем поэт написал: «...фортуны блеск холодный не изменил души твоей свободной: все тот же ты для чести и друзей».

Однако еще более серьезная проверка прочности лицейских уз ожидала подающего многообещающие надежды дипломата в российской столице. Александр Михайлович оказался в Санкт-Петербурге во время восстания декабристов. На следующий день Горчаков приехал к И.Пущину (товарищу по Лицею и декабристу) и предложил оказать содействие в скорейшем получении заграничного паспорта для срочного выезда в Англию. Нетрудно догадаться, что Александр Михайлович в этот момент серьезно рисковал своей карьерой, но и будущностью. Иван Пушин это прекрасно понимал и от предложения отказался.

Горчаков был верен своей любви. 17 июля 1838 г. он женился на Марии Александровне Мусиной-Пушкиной (урожденной Урусовой). Ради брака ему пришлось выйти в отставку и на некоторое время покинуть дипломатическую службу. При этом возможность возвращения на

службу в момент написания прошения об отставке была под большим вопросом. Служебные интриги не давали Горчакову возможности вступить в брак по собственному выбору. Необходимость получения согласия начальства на брак стала в данном случае камнем преткновения. Исполнение норм российского законодательства заставило Александра Михайловича принять трудное для себя решение.

Князь П.В.Долгоруков так вспоминал об этом событии: «Князь Горчаков, поставленный в неизбежную необходимость выбора между любимой женщиной и весьма заманчивою для его честолюбия службою, не поколебался: невзирая на свое огромное честолюбие, он в 1838 г. вышел в отставку и женился на графине Пушкиной» [13, с. 168].

Горчаков был верен себе, последовательно добиваясь денонсирования Парижского трактата. На Берлинском конгрессе 1878 г. он мало и редко участвовал в совещаниях; придавая особенное значение только тому, чтобы России была возвращена часть Бессарабии, отнятая у нее в 1856 г.

Возникает вопрос, крайне актуальный в связи с состоянием современной российской дипломатии, однозначный ответ на который представляется весьма затруднительным: последовательное и планомерное отстаивание интересов страны, умение блестяще использовать противоречия между европейскими странами – это только гений Горчакова или еще и система образования и подготовки дипломатов, включающая как базовые знания, так и воспитательный компонент [14, с. 40].

Дискуссионность темы использования опыта подготовки дипломатов в Российской империи очевидна, исходя из существенно изменившихся условий, но о существовании архетипов во внешней политике сегодня говорят даже американские политики. В январе 2024 г. в «Foreign Affairs» вышла статья бывших советников Государственного департамента США Майкла Киммейджа и Джереми Шапиро. Они пишут, что «Отношения между США и Россией строятся на взаимных мифах. Эти негативные представления друг о друге довлеют над Москвой и Вашингтоном, мешая им объективно воспринимать друг друга, выстраивать разумную стратегию и гибкую дипломатию» [15].

Понятие «общероссийская идентичность» вошло в российский конституционный текст в результате поправок 2020 г. [16, с. 49], но из этого вовсе не следует, что тема идентичности не присутствовала в общественном дискурсе Российской империи.

Так, например, П.В.Долгоруков отмечал, что «властелин австрийской политики, знаменитый князь Меттерних не любил князя Горчакова за его русскую душу, за его русские чувства, за его неуступчивость, всегда прикрытую отменным знанием приличий, вежливостью самую изящною» [13, с. 264]. Именно в контексте общероссийской идентичности образно и ярко Ф.И.Тютчев определил «венец заслуг» князя А.М. Горчакова: «... им впервые русский дух союзной силой признан смело» [3, с. 148]. Последовательное отстаивание А.М. Горчаковым российских интересов на дипломатическом поприще сформировали его дугу характера: европейские подходы трансформировались в осознание российской национальной идентичности, «русского духа», которому он остался верен до конца своих дней.

Библиография:

1. Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. М.: Альпина нон-фикшн, 2008. 456 с.
2. Карколино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М.: Молодая гвардия, 2008. – 420 с.
3. Тютчев Ф.И. Собрание сочинений: стихотворения, переводы, публицистика. Из писем. Тютчев в воспоминаниях, письмах современников и документах. М.: Издательский Центр «Классика», 2003. 512 с.
4. Виноградов И.А. «Когда в товарищах согласья нет...» А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, С.С. Уваров // Два века русской классики 2019 Т. 1. № 1. С. 34-103.
5. Раттур М.В. Формирование правовой политики в сфере общественного призрения подданных в Российской империи: исторические уроки // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 162-169.
6. Жуков В.И., Раттур М.В. Генезис пенсионных идей в истории Российского государства и теории права (конец XIX - начало XX в.) // Государство и право. 2021. № 4. С. 137-148.
7. Раттур М.В. Трансформация идеи патернализма в правовой идеологии российского общества во второй половине XIX века // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. В.М. Курицына, Москва, 22–23 декабря 2020 г. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 169-173.
8. Устав и штат императорской С.-Петербургской академии наук, 8 января 1836 г. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1836. 776 с.
9. История дипломатии. Том 1 / Под ред. В.П. Потемкина. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1941. 566 с.
10. Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856-1871 гг. К истории Восточного вопроса. М.: Наука 1989. 222 с.
11. Бушуев С.К. А.М. Горчаков: Из истории русской дипломатии. М.: Изд-во Московского института востоковедения, 1944. 184 с.
12. Фортунатов В. Российская история в афоризмах. СПб.: Питер, 2010. 320 с.
13. Долгоруков П.В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. М.: Новости, 1992. 558 с.
14. Виноградова Е.В., Раттур М.В. «Прав искусство» в истории российского образования (1724-1917 гг.) // Право и управление. 2022. № 10. С. 36-42.
15. Булатова Н. Foreign Affairs: отношения России и США находятся под влиянием мифов // Комсомольская правда. 2024. 26 января. [Электронный ресурс] URL: <https://pda.kp.ru/online/news/5645857/> (Дата обращения – 22.05. 2024).
16. Раттур М.В. К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 26 апреля 2023 года. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, 2023. С. 49-52.

References:

1. Mackey R. Million-dollar story: A masterclass for writers, writers and beyond. M.: Alpina non-fiction, 2008. 456 p.
2. Carcopino J. Everyday life of ancient Rome. Apogee of empire. M.: Young Guard, 2008. - 420 p.
3. Tyutchev F.I. Collected works: poems, translations, journalism. From letters. Tyutchev in memoirs, letters of contemporaries and documents. M.: Publishing Center "Classics," 2003. 512 p.
4. Vinogradov I.A. "When there is no agreement in comrades..." A.S. Pushkin, N.V. Gogol, S.S. Uvarov/Two centuries of Russian classics 2019 T. 1. № 1. P. 34-103.
5. Rattur M.V. Formation of legal policy in the field of public charity of subjects in the Russian Empire: historical lessons//Legal policy and legal life. 2022. № 1. P. 162-169.
6. Zhukov V.I., Rattur M.V. Genesis of pension ideas in the history of the Russian state and the theory of law (late XIX - early XX centuries) // State and law. 2021. № 4. P. 137-148.
7. Rattur M.V. Transformation of the idea of paternalism in the legal ideology of Russian society in the second half of the 19th century//Legal culture and legal ideology of Russian society: a collection of scientific articles of an international scientific and practical conference dedicated to the memory of prof. V.M. Kuritsyna, Moscow, December 22-23, 2020 M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2021. P. 169-173.
8. Charter and staff of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, January 8, 1836 - St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1836. 776 p.
9. History of diplomacy. Volume 1/Ed. V.P. Potemkin. M.: State Socio-Economic Publishing House, 1941. 566 p.
10. Narochnitskaya L.I. Russia and the abolition of the neutralization of the Black Sea. 1856-1871 to the history of the Eastern Question. M.: Science 1989. 222 p.
11. Bushuev S.K. A.M. Gorchakov: From the history of Russian diplomacy. M.: Publishing House of the Moscow Institute of Oriental Studies, 1944. 184 p.
12. Fortunatov V. Russian history in aphorisms. St. Petersburg: Peter, 2010. 320 p.
13. Dolgorukov P.V. Petersburg essays: Emigrant pamphlets. M.: News, 1992. 558 p.
14. Vinogradova E.V., Rattur M.V. "Right art" in the history of Russian education (1724-1917)//Law and management. 2022. № 10. P. 36-42.
15. Bulatova N. Foreign Affairs: relations between Russia and the United States are influenced by myths//Komsomolskaya Pravda. 2024. January 26. [E-resource] URL: <https://pda.kp.ru/online/news/5645857/> (Accessed on 22.05. 2024).
16. Rattur M.V. On the issue of all-Russian identity in the system of constitutional values: from construct to concept//Science, culture, education in the context of modern priorities: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Sterlitamak, April 26, 2023. Sterlitamak: Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, 2023. P. 49-52.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОТРАСЛИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КАК ОСНОВА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Personnel training for the agro-industrial complex as the basis of food security of the Russian Federation

ЛИТВИНОВА Валентина Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Институт экономики и управления АПК ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: t.litvina@mail.ru;

ФОМИНА Людмила Владимировна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Институт экономики и управления АПК ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: kfn@mail.ru;

LITVINOVA Valentina Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Institute of Economics and Management of the Agroindustrial Complex of the Krasnoyarsk State Agrarian University Mira
Ave., 90 Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: t.litvina@mail.ru;

FOMINA Lyudmila Vladimirovna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Institute of Economics and Management of the Agroindustrial Complex of the Krasnoyarsk State Agrarian University Mira
Ave., 90 Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: kfn@mail.ru

Краткая аннотация: В исследовании авторами предпринята попытка проанализировать институт продовольственной безопасности с точки зрения подготовки кадров в сфере агропромышленного комплекса. Освещены ряд критериев эффективности проводимой аграрной политики в современной России. Авторы раскрывают значимость подготовки кадров для АПК, формирование кадрового резерва, как ключевой задачи достижения продовольственной безопасности в государстве.

Abstract: In the study, the authors attempted to analyze the institute of food security from the point of view of personnel training in the field of agro-industrial complex. A number of criteria for the effectiveness of the agricultural policy in modern Russia are highlighted. The authors reveal the importance of personnel training for the agro-industrial complex, the formation of a personnel reserve, as a key task of achieving food security in the state.

Ключевые слова: кадровый потенциал, продовольственная безопасность, продовольственная независимость, государственная программа, кадровый резерв, аграрная политика Российской Федерации.

Keywords: human resources, food security, food independence, state program, personnel reserve, agrarian policy of the Russian Federation.

Для цитирования: Литвинова В.С., Фомина Л.В. Подготовка кадров для отрасли агропромышленного комплекса как основа продовольственной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 117-119. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_117.

For citation: Litvinova V.S., Fomina L.V. Personnel training for the agro-industrial complex as the basis of food security of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 117-119. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_117.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Основные направления обеспечения продовольственной безопасности предусмотрены Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года [1]. Стоит заметить, что данная Доктрина соотносится с основными положениями, которые отражены в Указе Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2]. Принятие новой Стратегии в 2021 году и корректив характера внешней и внутренней политики Российской Федерации обусловлено переменной ситуацией на международной арене (наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора [3]; провоцирование внутрисоюзных нестабильности и конфликтов, с сохранение очагов напряженности на Ближнем и Среднем Востоке; санкции в отношении России; ответные санкции России, и безусловно актуальная ситуация, которая вызвана двенадцатью пакетами санкций в отношении государства) [4].

Одним из основных законодательных актов Российской Федерации, обеспечивающий достижение продовольственной безопасности и развитие агропромышленного комплекса, является Федеральный закон от 29 декабря 2006 года «О развитии сельского хозяйства» [5]. Данный Федеральный закон устанавливает правовые основы реализации социально-экономической политики в области развития сельского хозяйства и регулирует отношения, возникающие и существующие в указанной области. Одной из важных мер в реализации аграрной политики служит государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утверждённой Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 года. Ежегодно ответственным федеральным органом публикуется национальный доклад о ходе и результатах осуществления Программы.

Основные цели программы: обеспечение продовольственной независимости России в соответствии с Доктриной; укрепление кадрового резерва, развитие и поддержка системы аграрного образования высшего и среднего звена; повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на рынке [6].

В соответствии с Доктриной продовольственная безопасность Российской Федерации интерпретируется как состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и финансовая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства. В свою очередь продовольственная независимость Российской Федерации определяется как устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объемах не меньше установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов. Также Доктриной определены критерии и система показателей для оценки состояния продовольственной безопасности. Российская государственная политика в аграрной сфере берёт своё начало с основополагающих документов, которые задают основной вектор развития в этой области [8].

Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определены национальные интересы и стратегические национальные приоритеты во внешней и внутренней политике, направленные на укрепление национальной безопасности и обеспечение устойчивого развития страны в долгосрочной перспективе. В контексте исследуемой темы, из данного документа следует обозначить, что обеспечение продовольственной безопасности государства является одним из направлений повышения качества жизни российских граждан как стратегического национального приоритета, обеспечивающего национальные интересы Российской Федерации [9]. При этом, обеспечение продовольственной безопасности осуществляется за счёт определенных аспектов (мер), из которых в первую очередь можно выделить: достижение продовольственной независимости Российской Федерации, ускоренное развитие и модернизация агропромышленного комплекса, повышение эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и прочее.

Большое значение в содержании продовольственной безопасности имеет обеспечение национальной безопасности, которая в свою очередь выступает условием сохранения государственности и суверенитета страны, значимым элементом демографической политики и необходимым фактором реализации стратегического национального приоритета - повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. Кроме этого, продовольственная безопасность выступает одним из ключевых критериев эффективности аграрной правовой политики проводимой в современной России [7].

Основными задачами обеспечения продовольственной безопасности являются:

- 1) Своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение угроз продовольственной безопасности, снижения их негативных последствий.
- 2) Устойчивое совершенствование и развитие отечественного производства продовольствия и сырья.
- 3) Достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина безопасных пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни.
- 4) Обеспечение безопасности пищевых продуктов.

Доктрина продовольственной безопасности является основополагающим базисом для разработки нормативных правовых актов и предусматривает тесное взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти и общественных структур в реализации единой государственной политики в аграрной сфере. Необходимо активно формировать российские союзы и ассоциации сельхозтоваропроизводителей, привлекать Общественную палату РФ и использовать институт общественного контроля в аграрной сфере [10].

Также определены участники, подпрограммы, задачи программы, объем бюджетных ассигнований, целевые индикаторы и показатели, ожидаемые результаты реализации государственной программы [11]. Для подведения итогов реализации Программы создается экспертная комиссия, которая составляет заключение.

В итоге, основными показателями продовольственной безопасности, которые в сумме выступают критериями аграрной правовой политики современной России, является следующее:

- наличие необходимого объема качественной продукции [12], производимой общественными сельхозтоваропроизводителями;
- эффективный баланс импорта/экспорта при реализации продовольственной продукции [13];
- наличие высокого уровня правовой культуры потребителей сельхозтоваропроизводителей;
- системное и всестороннее сопровождение реализации аграрной правовой политики со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
2. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/
3. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 121-123.
4. Постановление Правительства РФ от 12.06.2008 N 450 (ред. от 19.06.2017) «О Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77705/
5. Федеральный закон от 29.12.2006 N 264-ФЗ (ред. от 20.12.2021) «О развитии сельского хозяйства» / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/

6. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/1:0>
7. Заключение экспертной комиссии по результатам реализации в 2016 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/76f/76fdabe1c9adf06f0c8ba929837239e0.pdf>
8. Фастович Г.Г. Функционирование институтов гражданского общества как фактор повышения эффективности деятельности государственного механизма ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 51-55.
9. Рябченко О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145.
10. Фастович Г.Г., Фомина Л.В., Вяткина Г.Я. К вопросу об эффективности в системе государственного управления // Agrarian and land law. 2022. № 11 (215). С. 32-34.
11. Литвинова В.С., Фастович Г.Г., Фомина Л.В. К вопросу о формировании стратегии обеспечения трудовыми ресурсами в системе образовательных учреждений // Agrarian and land law. 2022. № 10 (214). С. 38-43.
12. Фастович Г.Г., Жикюлина А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области персональных данных // Юриспруденция. 2019. № 3. С. 199.
13. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 81-82.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 01/21/2020 No. 20 "On approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/
3. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems // Logistics - Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06/12/2008 No. 450 (as amended on 06/19/2017) "On the Ministry of Agriculture of the Russian Federation". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77705/
5. Federal Law No. 264-FZ of 12/29/2006 (as amended on 12/20/2021) "On the development of agriculture" / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 717 dated July 14, 2012 "On the State Program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food". URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70210644/paragraph/1:0>
7. Conclusion of the expert commission on the results of the implementation in 2016 of the State Program for the development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2013-2020. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/76f/76fdabe1c9adf06f0c8ba929837239e0.pdf>
8. Fastovich G.G. Functioning of civil society institutions as a factor of increasing the effectiveness of the state mechanism FUNCTIONING of CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS // Law and the state: theory and practice. 2016. No. 7 (139). pp. 51-55.
9. Ryabchenok O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145.
10. Fastovich G.G., Fomina L.V., Vyatkina G.Ya. On the issue of efficiency in the system of public administration // Agrarian and land law. 2022. No. 11 (215). pp. 32-34.
11. Litvinova V.S., Fastovich G.G., Fomina L.V. On the issue of forming a strategy for providing labor resources in the system of educational institutions // Agrarian and land law. 2022. No. 10 (214). pp. 38-43.
12. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data // Jurisprudence. 2019. No. 3. p. 199.
13. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the activity of the state mechanism // Eurasian Law Journal. 2020. No. 10 (149). pp. 81-82.

СИСТЕМА БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

The system of combating terrorism in the Russian Federation and the prospects for its improvement in the field of national security

АСЕЕВ Илья Иванович,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, 149.

E-mail: iiaseev@mail.ru

Aseev Ilya I.,

Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law

St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

196105, St. Petersburg, Moskovsky Ave., 149.

E-mail: iiaseev@mail.ru

Краткая аннотация: В представленном исследовании рассматриваются система борьбы с терроризмом в Российской Федерации и перспективы ее совершенствования в области национальной безопасности.

Abstract: The presented study examines the system of combating terrorism in the Russian Federation and the prospects for its improvement in the field of national security.

Ключевые слова: борьба с терроризмом, национальная безопасность, терроризм, преступность, террористы.

Keywords: the fight against terrorism, national security, terrorism, crime, terrorists.

Для цитирования: Асеев И.И. Система борьбы с терроризмом в Российской Федерации и перспективы ее совершенствования в области национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 120-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_120.

For citation: Aseev I.I. The system of combating terrorism in the Russian Federation and the prospects for its improvement in the field of national security // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 120-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_120.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Российская Федерация не единожды становилась объектом террористической преступности, принесшей огромные демографические и экономические проблемы. В современных условиях терроризм представляет серьезную угрозу для нашей страны¹, поскольку постоянно находится в процессе модернизации.

Террористами совершенствуются приемы и способы своей деятельности, активно используются достижения современной науки и техники, такие как информационно-коммуникационная сеть Интернет, мобильная связь, мобильные приложения, мессенджеры, социальные сети. Меняются способы организации связи террористов, а также способы совершения преступлений, в частности, в последнее время наблюдается отход от «традиционных» способов совершения преступлений террористической направленности – организация взрывов².

Сегодня тенденции развития терроризма в России характеризуются:

1. Повышенной активностью со стороны исламистских экстремистов. Так, в последние годы в ряде регионов России все отчетливее прослеживается усиление исламистского экстремизма³. Особенно это заметно на Северном Кавказе. Различные радикальные группировки, такие как ИГИЛ, Аль-Каида и другие стали проникать на территорию нашей страны и вербовать ее граждан для непосредственной реализации террористических преступлений или для пропаганды их совершения⁴.

2. Сетевыми формами радикализации. Сегодня, в связи с активной цифровизацией, интернет превратился в главное средство вербовки и пропаганды граждан для участия в террористических преступлениях. Кроме этого, при помощи интернет-ресурсов террористы осуществляют координацию действий между собой, обмен необходимой информацией и более тщательное планирование преступлений.

3. Использованием новейших видов террористических атак. Сегодня все чаще террористы стали использовать новые методы и новые виды оружия для реализации своих террористических деяний. В настоящее время, например, все чаще используются дроны для запуска неуправляемых ракет или доставки взрывчатки.

Следовательно, новые тенденции в террористической деятельности, а также возникающие, в связи с этим угрозы безопасности государства, обуславливают необходимость борьбы с терроризмом в нашей стране⁵.

Система борьбы с терроризмом или система противодействия терроризму – это совокупность мер (реализуемая специальными субъ-

¹ Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFV.

² Бруевич М.Ю., Лейнова О.С. К понятию предмета и обстановки как элементов криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 44. – С. 36.

³ Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.

⁴ Аксенов Д.В., Габиева Д.Д. Понятие, виды и основные тенденции в области современного терроризма // Юридическая наука: история и современность. 2023. №6. С. 114.

⁵ Назарова, И. С. Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Второе издание, переработанное. – Белгород – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 74 с. – EDN ATKIUI.

ектами), направленных на выявление, предупреждение и устранение причин и условий, порождающих и способствующих терроризму, на борьбу с терроризмом и минимизацию последствий террористического характера¹.

Правовую основу противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

В данный момент в России антитеррористическая деятельность регламентируется Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данным федеральным законом в России определены: организационные основы противодействия терроризму; условия и правовой режим проведения контртеррористических операций²; силы и средства, привлекаемые для проведения контртеррористической операции³; порядок возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, а также меры для пострадавших в результате террористического акта; правовая и социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом; ответственность организаций за причастность к терроризму; вознаграждение за содействие борьбе с терроризмом. терроризм, в основном, противоречия в обществе и социальная напряженность.

Между тем, борьба с терроризмом – это более объемное понятие, в которое включаются не только политический, но и экономический, социальный, идеологический, правовой и многие другие аспекты⁴.

Система мер борьбы с терроризмом, состоит из таких мер, как:

1. Правовые меры борьбы с терроризмом. Данный аспект включает в себя законодательные акты и международные конвенции по борьбе с терроризмом и организованной преступностью, особую роль в данном случае имеют уголовно-правовые меры противодействия терроризму.

2. Общепредупредительные меры, а также установление контроля над «рынками» оружия⁵ и других средств массового поражения.

3. Административно-режимные меры, к которым следует отнести режим контртеррористической операции, – это особый правовой режим на территории, где государство борется с террористической угрозой. На этой территории силовикам даются дополнительные полномочия, а остальных граждан, наоборот, временно ограничивают в правах

4. Специальные (включающие в себя: оперативные, розыскные, технические и охранные) меры предупреждения террористических проявлений.

5. Идеологические меры, к которым стоит отнести пропаганду идей толерантности особенно в среде молодежи⁶.

6. Меры по межгосударственному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом.

Прежде всего, активная борьба с терроризмом ведется в рамках Организации Объединенных Наций, которая развивает такие направления как: сдерживание, поощрение социальных и политических прав, борьба с организованной преступностью, уменьшение масштабов нищеты и безработицы и предотвращение распада государств; усилия по борьбе с экстремизмом и нетерпимостью, в том числе посредством образования и содействия публичным обсуждениям; разработка более действенных инструментов для глобального сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Огромное значение имеет работа Контртеррористического комитета в рамках Совета Безопасности ООН, который способствует укреплению потенциала государств-членов в борьбе с терроризмом, как на национальном, так и на международном уровне. Нельзя недооценивать важную роль Интерпола, международной организации уголовной полиции, которая занимается координацией борьбы с международным терроризмом⁷.

Важную роль при обеспечении комплексного решения борьбы с организованной преступностью и терроризмом составляет работа правоохранительных органов, которая сосредоточена на важнейших направлениях, а именно:

перекрытии каналов финансирования, снабжения продовольствием, оружием и боеприпасами лагерей бандформирований;

проведении единой информационно-пропагандистской работы, направленной на формирование негативного отношения общества к радикальным религиозным течениям;

создании сети информационных источников, обеспечивающих получение достоверной информации о местонахождении и передвижении каждого лидера бандгрупп⁸.

Россия готова сотрудничать с любым государством, готовым бороться с терроризмом¹. Наша страна призывает мировое сообщество к тому, чтобы борьба с терроризмом не превращалась в предлог для реализации своих геополитических задач, наращивания национальных и

¹ Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: монография / В. Г. Кикнадзе. – М.: Прометей, 2021. – С. 268.

² Строков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109-117. – EDN YMHUXM.

³ Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.

⁴ Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.

⁵ Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFV.

⁶ Савин П.Т. О многообразии средств противодействия терроризму и перспективах их совершенствования // Сборник докладов XI Московской юридической недели. – 2022. – № 1. – С. 113.

⁷ Кравцова Е.В. Борьба с терроризмом в современной России // Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. – 2019. – № 1. – С. 172.

⁸ Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.

блоковых военных потенциалов или принудительного реформирования суверенных государств. Россия выдвинула инициативу разработки под эгидой ООН действенного Кодекса защиты прав человека от терроризма. Важным вкладом в реализацию российского предложения стало принятие на 58 Сессии ГА ООН резолюции «Права человека и терроризм», вобравшей в себя в частности положения о праве каждого человека на защиту от терроризма и террористических актов независимо от национальной принадлежности, расы, пола, религии, а также о недопустимости предоставления убежища лицам, виновным в совершении терактов.

Специальные меры по выявлению терроризма осуществляют:

1. Федеральная служба безопасности России, которая осуществляет антитеррористическую деятельность путём проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение терроризма;
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации в рамках своей компетенции осуществляет надзор за законностью и качеством сбора оперативной информации о фактах терроризма, расследованием дел о терроризме;
3. Служба внешней разведки России предупреждает террористическую деятельность террористической направленности путём обеспечения безопасности учреждений РФ, находящихся за пределами территории России, их сотрудников и семей последних;
4. Министерство обороны России обеспечивает сохранность находящегося у него на вооружении оружия массового поражения, ракетного и отраслевого оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, защиту военных объектов; кроме того, оно принимает участие в обеспечении безопасности национальных морских судоходств, национального воздушного пространства, в проведении контртеррористических операций²;
5. Федеральная пограничная служба России осуществляет борьбу с политическим терроризмом путем предупреждения, выявления и пресечения перехода террористами государственной границы Российской Федерации³, незаконного перемещения на территорию России или, наоборот, с её территории оружия, взрывчатых веществ и иных предметов, которые могут быть использованы в качестве средств совершения террористических преступлений⁴;
6. Министерство внутренних дел России осуществляет борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели⁵. Через Национальное центральное бюро Интерпола в соответствии с возложенными на него функциями осуществляет взаимодействие между различными государствами по розыску и привлечению к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в терроризме⁶.
7. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации организует участие войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом, в обеспечении правового режима контртеррористической операции⁷.

Таким образом, в нашей стране сформирована весьма комплексная система борьбы с терроризмом.

Между тем, увеличение объемов финансирования силовых структур и государственного управления свидетельствует о том, что угроза терроризма не снижается⁸.

Основная проблема обеспечения безопасности Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом кроется в нарастающем противоречии между масштабами террористической деятельности и мощностью, а также мерами противодействия этой деятельности со стороны государства и общества. Все это указывает на то, что система борьбы с терроризмом требует тщательной и последовательной оптимизации общегосударственной системы противодействия терроризму в России, в структуре которой необходимо сформировать политику и развитую систему государственных структур антитеррора, механизмов руководства ими и правовой основы их деятельности⁹.

Главным препятствием в противодействии терроризму является отсутствие эффективных методов, направленных на борьбу с пропагандой терроризма и формирования у современного гражданина экстремистских побуждений, крайним проявлением которых является терроризм. Согласно криминологическим исследованиям группой риска в вопросах радикальных движений является, как правило, лица в возрасте от 14 до 30 лет.

Борьба с этим явлением должна проводиться широкомасштабно и иметь своей целевой аудиторией молодежь – главную рискованную группу¹⁰. Именно среди лиц возрастной категории 14-30 лет имеется наибольшая вероятность подпасть под влияние радикальных взглядов.

Соответственно, ввиду большой разницы в этапах социализации различных возрастов (14-17, 18-25 и 26-30 лет) необходимо приме-

¹ Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAУMY.

² Кравцова Е. В. Борьба с терроризмом в современной России // Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. – 2019. – № 1. – С. 173.

³ Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

⁴ Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA;

Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

⁵ Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

⁶ Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFIOU.

⁷ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

⁸ Бондуровский, В. В. Деятельность Парламентской Ассамблеи организации Договора о коллективной безопасности по гармонизации законодательства в сфере противодействия терроризму / В. В. Бондуровский, С. В. Поспелов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 41-48. – EDN IELGKN.

⁹ Цховребова О. А., Золоева З. Т. Современные проблемы противодействия терроризму // Синергия науки и творчества. – 2022. – № 1. – С. 77.

¹⁰ Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.

нение различных мер и подходов в рамках формирования гражданской позиции и неприятия идеологий терроризма. При этом категория лиц в возрасте 14-17 лет является приоритетной, так как профилактика терроризма и экстремизма среди данных лиц создает фундамент для дальнейшего развития гражданских поведенческих установок. У молодежи «авторитаризм» находится на высоком уровне, что означает ее дистанцирование от правоохранительных органов. Причиной этому являются недостатки нынешних профилактических мер, которые выражаются в отсутствии их адаптации к современным тенденциям¹.

Таким образом, поведенческие установки, формируемые на данном этапе социализации, трудно поддаются видоизменению, ввиду социально-психологического параметра лица, который всегда отражается в необходимости придерживаться своего мнения. Проведение комплексных мероприятий по формированию правовой культуры в молодежной среде не в полной мере может соответствовать культурно-образовательным целям профилактики экстремизма и терроризма. Любые подобные мероприятия не смогут возыметь нужный эффект, так как имеют разовый характер. Необходимо дальнейшее совершенствование социальных институтов, в которых проходит социализация молодежи (семья, учебные учреждения, молодежные организации). В рамках проведения информационных кампаний через СМИ до сведения населения должны доводиться методические рекомендации по противодействию терроризму и экстремизму.

Программа общего образования должна содержать положения об общественной опасности и уголовной ответственности за преступные деяния. Так как подобную информацию в современном обществе большинство граждан получает через СМИ, которые не могут в полной мере разъяснить правовую составляющую вопроса. На данный момент наиболее распространённым средством массовой информации является телекоммуникационная сеть Интернет и для молодежи она является практически основным источником информации. Данная информационная платформа чаще всего является средством воздействия террористическими организациями.

Актуальным вопросом стало формирование гражданского самосознания пользователей телекоммуникационной сети Интернет. Поэтому в рамках их работы по противодействию идеологии терроризма среди населения должны поддерживаться информационное укрепление позитивного образа сотрудника правоохранительного органа в глазах общественности. Этого можно достичь в том числе с помощью Интернет-ресурсов, пользующихся популярностью. Таким образом, социальные площадки, такие как Telegram и Вконтакте, могут стать базой для разъяснительной работы среди населения об опасностях экстремизма и терроризма².

Отдельного внимания в контексте противодействия терроризму заслуживает антикоррупционная политика, что играет важную роль в обеспечении безопасности российского государства. Терроризм как социальное явление – это один из методов (наиболее деструктивный и опасный) донесения политических и иных групповых взглядов до сведения всего общества. Согласно ряду исследований, среди источников финансирования террористической деятельности выделяют добровольную передачу физическими лицами собственных средств представителям террористических и сепаратистских организаций; обеспечение финансовой безопасности террористических группировок лицами, использующими свое служебное положение; требование финансовой помощи от юридических лиц со стороны тех лиц, которые используют свое служебное положение и др. Чтобы предотвратить хотя бы частично финансирование террористических организаций необходимо усилить контроль за переводом денежных средств, прописать на законодательном уровне четкие требования к регистрации благотворительных и иных некоммерческих организаций, особенно иностранных и/или учрежденных нерезидентами, степень государственного контроля за их деятельностью³.

Таким образом, система мер борьбы с терроризмом в Российской Федерации не является совершенной: существуют проблемы, связанные с распространением террористических идей, и многое другое, но тем не менее, в нашей стране создана и функционирует единая общегосударственная политика противодействия современному терроризму, включающая довольно большой спектр мер противодействия данному общественно опасному явлению.

Библиография:

1. Аксенов Д.В., Габиева Д.Д. Понятие, виды и основные тенденции в области современного терроризма // Юридическая наука: история и современность. 2023. №6. – С. 114.
2. Бондуровский, В.В. Деятельность Парламентской Ассамблеи организации Договора о коллективной безопасности по гармонизации законодательства в сфере противодействия терроризму / В.В. Бондуровский, С.В. Поспелов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 41-48. – EDN IELGKN.
3. Бруевич М.Ю., Лейнова О.С. К понятию предмета и обстановки как элементов криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 44. – С. 36.
4. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.
5. Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
6. Гаврилов Д. В. Современные меры противодействия экстремизму и терроризму, а также пути их совершенствования // Сборник материалов студенческого круглого стола Всероссийской научно-практической конференции. – 2022. – № 1. – С. 71.
7. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
8. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
9. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.

¹ Гаврилов Д. В. Современные меры противодействия экстремизму и терроризму, а также пути их совершенствования // Сборник материалов студенческого круглого стола Всероссийской научно-практической конференции. – 2022. – № 1. – С. 71.

² Гаврилов Д. В. Там же. С. 73.

³ Петренко А.В. Антикоррупционная политика как направление государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 54. – С. 67.

10. Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: монография / В. Г. Кикнадзе. – М.: Прометей, 2021. – С. 268.
11. Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.
12. Кравцова Е.В. Борьба с терроризмом в современной России // Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. – 2019. – № 1. – С. 172.
13. Кравцова Е.В. Борьба с терроризмом в современной России // Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. – 2019. – № 1. – С. 173.
14. Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.
15. Назарова, И. С. Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Второе издание, переработанное. – Белгород – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 74 с. – EDN ATKUI.
16. Петренко А.В. Антикоррупционная политика как направление государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 54. – С. 67.
17. Савин П.Т. О многообразии средств противодействия терроризму и перспективах их совершенствования // Сборник докладов XI Московской юридической недели. – 2022. – № 1. – С. 113.
18. Строчков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строчков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109-117. – EDN YMHUXM.
19. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
20. Цховребова О.А., Золоева З.Т. Современные проблемы противодействия терроризму // Синергия науки и творчества. – 2022. – № 1. – С. 77.
21. Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFIOU.
22. Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFV.
23. Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFV.
24. Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.
25. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
26. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

References:

1. Aksenov D.V., Gabieva D.D. The concept, types and main trends in the field of modern terrorism // Legal science: history and modernity. 2023. No.6. – p. 114.
2. Bondurovsky, V. V. Activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization on the harmonization of legislation in the field of countering terrorism / V. V. Bondurovsky, S. V. Pospelov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 2(59). – Pp. 41-48. – EDN IELGKN.
3. Bruevich M.Yu., Leinoва O.S. On the concept of the subject and the situation as elements of the criminalistic characteristics of terrorist crimes // Right. Safety. Emergency situations. – 2019. – No. 44. – p. 36.
4. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with social institutions: specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education": dissertation for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences / Vinichenko Lyudmila Alexandrovna. – Belgorod, 2009. – 231 p. – EDN QEIOBL.
5. Volkogon, T. A. On the issue of the legal regimes "martial law" and "counter-terrorism operation" and the implementation by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes / T. A. Volkogon, A. N. Tulaev, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 9(314). – Pp. 21-32. – EDN OTKMXR.
6. Gavrilov D. V. Modern measures to counter extremism and terrorism, as well as ways to improve them // Collection of materials of the student round table of the All-Russian Scientific and practical conference. – 2022. – No. 1. – p. 71.
7. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public security in the North-West of Russia as a factor of ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – pp. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
8. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
9. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
10. Kiknadze V. G. The Russian policy of protecting historical truth and countering the propaganda of fascism, extremism and separatism: a monograph / V. G. Kiknadze. – Moscow: Prometheus, 2021. – p. 268.11.
11. Kogut, V. G. The main trends in the development of the military-political situation around the Union State of Belarus and Russia in the context of its impact on the state of national security in the military sphere / V. G. Kogut, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2024. – № 5(322). – Pp. 83-88. – EDN XDNFEC.
12. Kravtsova E.V. The fight against terrorism in modern Russia // Proceedings of the VI International Scientific and practical Conference of teachers, practical staff, students, undergraduates, postgraduates. – 2019. – No. 1. – p. 172.
13. Kravtsova E.V. The fight against terrorism in modern Russia // Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference of teachers, practical staff, students, undergraduates, postgraduates. – 2019. – No. 1. – p. 173.
14. Metelkov, A. N. On the correlation of the concepts of "combating terrorism" and "minimizing and (or) eliminating manifestations of terrorism" in the fight against nuclear terrorism / A. N. Metelkov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 25-37. – EDN PCHSBK.
15. Nazarova, I. S. Countering extremist activity in the Russian Federation glossary / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Second edition, revised. Belgorod – Saint Petersburg: Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 74 p. – EDN ATKUI.
16. Petrenko A.V. Anti-corruption policy as a direction of state policy in the field of ensuring national security and sustainable development of the Russian Federation // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2022. – No. 54. – p. 67.
17. Savin P.T. On the variety of means of countering terrorism and the prospects for their improvement // Collection of reports of the XI Moscow Legal Week. – 2022. – No. 1. – p. 113.
18. Strokov, S. A. Features of the legal regime of the counterterrorist operation / S. A. Strokov, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2018. – № 1(246). – Pp. 109-117. – EDN YMHUXM.
19. Utkin, N. I. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – pp. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
20. Tskhovrebova O.A., Zoloeva Z.T. Modern problems of countering terrorism // Synergy of science and creativity. – 2022. – No. 1. – p.77.
21. Shenshin, V. M. The place of the National Guard troops in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Military law. – 2021. – № 6(70). – Pp. 31-40. – EDN OMFIOU.
22. Shenshin, V. M. On the concept of extremist crimes and on the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 7(312). – Pp. 89-94. – EDN XRZGFV.
23. Shenshin, V. M. On the concept of extremist crimes and on the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 7(312). – Pp. 89-94. – EDN XRZGFV.
24. Shenshin, V. M. Countering terrorism and extremism in the field of ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Criminal law impact as a special purposeful activity of the state: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), Tolyatti, November 26, 2021 / Tolyatti State University; Institute of Law. – Tolyatti: SAMARAMA Limited Liability Company, 2021. – pp. 107-113. – EDN PBULCP.
25. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. – Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 202 p. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
26. Shenshin, V. M. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 104-109. – EDN LOXPXA.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КАТАСТРОФА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

National security, emergency and information disaster: the correlation of concepts

ВИНОКУРОВ Владимир Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»;
заслуженный юрист Российской Федерации.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.
E-mail: tigr@igps.ru;

КУЗНЕЦОВ Михаил Сергеевич,

курсант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»;
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.
E-mail: tigr@igps.ru;

Vinokurov Vladimir A.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg State University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief
of the Russian Federation named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev; Honored Lawyer of the Russian Federation.
149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: tigr@igps.ru;

Kuznetsov Mikhail S.,

Cadet of the Faculty of Higher Education St. Petersburg State University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense,
Emergencies and Disaster Relief of the Russian Federation named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev.
149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: tigr@igps.ru

Краткая аннотация. Через призму конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации проанализированы отдельные правовые вопросы, касающиеся понятий «национальная безопасность», «чрезвычайная ситуация», «катастрофа», как часть чрезвычайных ситуаций техногенного характера и «информационная катастрофа», являющаяся видом катастрофы вообще. Рассмотрены вопросы защиты информационной инфраструктуры государственных органов и иных государственных организаций, а также выявлены проблемы при защите информационной инфраструктуры, находящейся в собственности негосударственных структур. В результате исследования сформулировано понятие информационной катастрофы, которая, по мнению авторов, является видом техногенной катастрофы, возникшей в процессе неуправляемого процесса в информационной сфере, повлекшего человеческие жертвы и серьезный материальный ущерб, в том числе информационной инфраструктуры.

Abstract. Through the prism of the constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation, certain legal issues related to the concepts of "national security", "emergency", "catastrophe" as part of man-made emergencies and "information disaster", which is a type of disaster in general, are analyzed. The issues of protecting the information infrastructure of state bodies and other state organizations are considered, as well as problems in protecting the information infrastructure owned by non-state structures are identified. As a result of the research, the concept of an information disaster has been formulated, which, according to the authors, is a type of man-made disaster that arose during an uncontrolled process in the information sphere, which caused human casualties and serious material damage, including to the information infrastructure.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина; безопасность, национальная безопасность, информационная безопасность, чрезвычайная ситуация, чрезвычайная ситуация техногенного характера; катастрофа, информационная инфраструктура, информационная сфера.

Keywords: human and civil rights and freedoms, security, national security, information security; emergency, man-made emergency, disaster, information infrastructure, information sphere.

Для цитирования: Винокуров В.А., Кузнецов М.С. Национальная безопасность, чрезвычайная ситуация и информационная катастрофа: соотношение понятий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 125-129. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_125.

For citation: Vinokurov V.A., Kuznetsov M.S. National security, emergency and information disaster: the correlation of concepts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 125-129. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_125.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, установленных Конституцией Российской Федерации [1], и соблюдения конституционных гарантий такой защиты [1, ст. 2, 45] в 2010 году был принят Федеральный закон «О безопасности» [2], пришедший на смену Закону Российской Федерации «О безопасности» [3], действовавшему с 1992 года.

Первоначально определение безопасности содержалось в Законе Российской Федерации «О безопасности», который определял её как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [3, ст. 1]. В Федеральном законе «О безопасности» содержание данного термина не определяется, но предусматривается, что понятия «безопасность» и «национальная безопасность» являются синонимами [2, ст. 1]. В настоящее время определение национальной безопасности (национальной безопасности Российской Федерации) сформулировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента

Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 [4]. Следует заметить, что Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» установил, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации «является базовым документом в области планирования развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором определяются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации» [5, п. 4 ст. 18].

Поэтому для работы, службы, научных изысканий следует использовать определение национальной безопасности Российской Федерации, зафиксированное в указанной Стратегии, по которому национальная безопасность Российской Федерации – это «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [4, подп. 1 п. 5].

Как видим, понятие безопасности (национальной безопасности) довольно широкое, предусматривающее состояние защищенности человека во всех сферах его жизни и деятельности и государства. Подтверждением внимания государства к вопросам безопасности является принятие значительного числа законов, регулирующих вопросы безопасности по различным областям [6–9].

Следуя норме подпункта «б» пункта 7 статьи 8 Федерального закона «О безопасности», в соответствии с которой Президент Российской Федерации решает вопросы, связанные с обеспечением защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также принимая во внимание статью 12 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10], определяющего общие нормы в области защиты граждан Российской Федерации и иных лиц, находящихся на территории страны, всего земельного, водного, воздушного пространства в пределах Российской Федерации, различных объектов, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (абзац первый преамбулы), глава государства образовал федеральный орган исполнительной власти – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), наделив его функциями «по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера ..., обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах» (пункт 1) [11].

Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» содержится также определение – первым законодательным актом новой России в указанной области, дается определение чрезвычайной ситуации, под которой понимается «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [10, ст. 1].

Обратим внимание на катастрофу. Процитированная дефиниция позволяет считать катастрофу видом чрезвычайной ситуации, причем исходя из наименования закона, такие катастрофы делятся на природные и техногенные. Однако законодательного закрепления понятия катастрофа не существует. В то же время интересно заметить, что лишь в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» зафиксировано, что катастрофы бывают природного и техногенного характера [12, п. 1 ч. 1 ст. 13].

Введенные в Российской Федерации стандарты поясняют, что является катастрофой. Так, в группе техногенных чрезвычайных ситуаций под катастрофой в соответствии с национальным стандартом понимается «крупная авария, повлекшая за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей, а также приведшая к серьезному ущербу окружающей среде» [13, п. 16], что по смыслу совпадает с зафиксированным в словаре русского языка толкованием слова «катастрофа», которое разъясняется как «событие с трагическими последствиями» [14, с. 274]. При этом определение аварии дается в Федеральном законе «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», в котором этот термин определяется как «опасное техногенное происшествие, создающее на объекте, определенной территории или акватории угрозу жизни и здоровью людей и приводящее к разрушению или повреждению зданий, сооружений, оборудования и транспортных средств, нарушению производственного или транспортного процесса, нанесению ущерба окружающей среде» [15, п. 2 ч. 2 ст. 2].

Определение катастрофы в группе природных чрезвычайных ситуаций в действующем с 2021 года стандарте отсутствует [16], несмотря на то, что в предшествующем документе – международном стандарте предлагалось использовать словосочетание «природно-техногенная катастрофа», которое объяснялось как «разрушительный процесс, развивающийся в результате нарушения нормального взаимодействия технологических объектов с компонентами окружающей природной среды, приводящий к гибели людей, разрушению и повреждению объектов экономики и компонентов окружающей природной среды» [17, п. 3.1.7].

Таким образом, катастрофа как крупная авария является последствием какого-либо происшествия и влечет за собой ряд негативных последствий, результатом которого часто становятся человеческие жертвы и серьезный материальный ущерб, в том числе окружающей природной среде.

Из сведений, опубликованных в Государственном докладе «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2023 году» [18], подготовленных МЧС России, следует, что на территории России, наряду со 122 чрезвычайными ситуациями *природного* характера, произошло 183 чрезвычайных ситуации *техногенного* характера (при которых погиб 281 человек; материальный ущерб составил более 2,8 миллиарда рублей). В течение предшествующих трех лет число техногенных чрезвычайных ситуаций составило: в 2019 году – 202 (погибло 498 человек, ущерб – более 5,7 миллиарда рублей); в 2020 году – 167 (погиб-

ло 322 человека, ущерб – более 151 миллиарда рублей); в 2021 году – 190 (погибло 505 человек, ущерб – более 1,3 миллиардов рублей); в 2022 году – 164 (погиб 181 человек, ущерб – почти 0,6 миллиарда рублей) [19–22].

Как видим, за последние пять лет количество техногенных чрезвычайных ситуаций варьируется от 164 до 202, при этом в зависимости от характера чрезвычайной ситуации имеются погибшие, материальный ущерб достигает сотен миллиардов рублей.

Следует отметить, что техногенная катастрофа всегда связана с поведением людей, то есть с недостатками в созданных людьми проектах, конструкциях, механизмах или ошибками и халатностями в их работе, нарушениями в технологическом процессе или ошибками в организации порученного дела. В подтверждение данного вывода приведем мнение Н. Куприной, которая справедливо полагает, что «причинами техногенных катастроф и различных происшествий с техническими средствами, ..., зачастую является не только человеческий фактор, но и недостатки регулирования процессов производства и эксплуатации таких устройств» [23, с. 2]. Солидарны с такой позицией И.О. Умалатов и С.Ю. Анисимов, которые прямо заявили, что причинами техногенных аварий являются умышленные или неумышленные действия человека [24, с. 112–115]. Более категорично высказывается журналист Дарья Березовская, которая полагает, что «Техногенные бедствия происходят по вине человека. Если войны и терроризм имеют политические, экономические, религиозные или идеологические причины, то в остальных случаях техногенные ЧС происходят из-за сочетания развивающихся технологий и организационных недостатков» [25].

В начале XXI века происходит бурное развитие электронной техники, особенно в области цифровых технологий, которое сопровождается массовым процессом перехода от изложения информации на бумаге к фиксации ее на электронных носителях различного рода. Сбои в электронных системах, неполадки в небумажных носителях информации дорого обходятся людям и организациям, а в конечном итоге – государству и обществу. Требуется защита информации на государственном уровне.

Первым законодательным актом в этой области стал Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором предусматриваются меры защиты информации, первой из которых является «обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации» [26, п. 1 ч. 1 ст. 16], для чего указанным Федеральным законом предусматриваются определенные меры и требования.

Для защиты информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей от компьютерных атак принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [27]. Данным Федеральным законом предусмотрено создание государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, во главе которой должен находиться федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обеспечения функционирования государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации. Таким федеральным органом в отношении информационных ресурсов Российской Федерации, а именно: информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и автоматизированных систем управления, находящиеся на территории Российской Федерации, в дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации, по решению главы государства является Федеральная служба безопасности Российской Федерации [28]. Из изложенного можно предположить, что ФСБ России занимается комплексом вопросов, связанных с информационной безопасностью, в отношении систем, относящимся к таким субъектам критической информационной инфраструктуры как государственные органы и государственные учреждения.

Иные субъекты критической информационной инфраструктуры, которым на законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в различных областях, при содействии ФСБ России, но самостоятельно разрабатывают и осуществляют мероприятия по обеспечению безопасности функционирования указанных систем.

Информационная инфраструктура, как было определено в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации в 2000 году [29], входит в информационную сферу. Несмотря на то, что в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 [30], новое определение информационной сферы не включает понятие «информационная инфраструктура», состав того, что в нее входит в соответствии с названной Доктриной, позволяет считать информационную инфраструктуру частью информационной сферы.

Отдельные ученые, рассматривая информационную сферу с социальных, экономических и технических позиций, используя сокращенное наименование «инфосфера», предлагают следующее определение этому понятию: «Инфосфера – это совокупность информации; информационных объектов, информационных процессов, информационной инфраструктуры (электро- и радиосвязь, средства передачи, тиражирования, хранения, воспроизведения, визуализации и обработки информации); сущностей (субъектов), осуществляющих сбор (добывание), упаковку, транспортировку, обработку, хранение, распределение (распространение), производство и потребление информации, а также системы регулирования возникающих при этом отношений производства, использования, владения и распоряжения информацией» [31, с. 69]. Данное определение позволяет сделать вывод, что в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, затрагивающих указанные элементы, данная чрезвычайная ситуация будет относиться к техногенной, что подтверждается требованиями действующей Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, по которой одним из основных направлений обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности является «повышение защищенности граждан и территорий от последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных информационно-техническим воздействием на объекты критической информационной инфраструктуры» [29, подп. «в» п. 23]. В юридической литературе термин

«инфосфера» используется чаще всего как сокращенное наименование информационной сферы, например, в описании специальности «Информационное право» или в анализируемых учеными областях [32–34].

Проведенный анализ позволяет сформулировать понятие информационной катастрофы следующим образом: **«Информационная катастрофа является видом техногенной катастрофы, возникшей в процессе неуправляемого процесса в информационной сфере (инфосфере), повлекшего человеческие жертвы и серьезный материальный ущерб, в том числе информационной инфраструктуре».**

Данное определение раскрывает суть информационной катастрофы, а потому может использоваться при изучении вопросов национальной безопасности, чрезвычайных ситуаций и катастроф.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 6 октября. № 0001202210060013.
2. Федеральный закон «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Закон Российской Федерации «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
5. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
6. Федеральный закон «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649.
7. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873.
8. Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 150.
9. Федеральный закон «О биологической безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 31.
10. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.
11. Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 года № 868 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 28. Ст. 2882.
12. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.
13. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 22.0.05-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения», утвержденный приказом Росстандарта от 11 сентября 2020 года № 644-ст. – М.: Стандартинформ, 2020. – 12 с.
14. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / Российская АН. Ин-т рус. яз.: Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.
15. Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 1. Ст. 5.
16. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 22.0.03-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Природные чрезвычайные ситуации. Термины и определения», утвержденный приказом Росстандарта от 11 сентября 2020 года № 641-ст. – М.: Стандартинформ, 2020. – 17 с.
17. Межгосударственный стандарт ГОСТ 22.0.03-97/ГОСТ Р 22.0.03-95 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Природные чрезвычайные ситуации. Термины и определения», утвержденный постановлением Госстандарта России от 25 мая 1995 года № 267. – М.: ИПК Издательство стандартов, 1995. – 16 с. (утратил силу).
18. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2023 году» // Официальный сайт МЧС России [Электронный ресурс] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7343> (дата обращения: 4 мая 2024 года).
19. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 году» // Официальный сайт МЧС России [Электронный ресурс] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/4602>. (дата обращения: 4 мая 2024 года).
20. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году» // Официальный сайт МЧС России [Электронный ресурс] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5304>. (дата обращения: 4 мая 2024 года).
21. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2021 году» // Официальный сайт МЧС России [Электронный ресурс] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5946>. (дата обращения: 4 мая 2024 года).
22. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2022 году» // Официальный сайт МЧС России [Электронный ресурс] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/> <https://mchs.gov.ru/dokumenty/6751> (дата обращения: 4 мая 2024 года).
23. Куприна Н. Мы в ответе за все, что эксплуатируем // ЭЖ-Юрист. 2011. № 28. С. 2.
24. Умалатов И.О., Анисимов С.Ю. Причины техногенных аварий, их виды и меры по предупреждению // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации чрезвычайных ситуаций (Воронежский институт ГПС МЧС России). 2015. № 1-1 (4) С. 112–115.
25. Березовская Д. Техногенные катастрофы: уроки прошлого и вызовы будущего // Специальный проект «Российской газеты» «Экологика» [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2023/12/21/tehnogennye-katastrofy-uroki-proshlogo-i-vyzovy-budushchego.html?ysclid=lvtfah3mf712180067#3> (дата обращения: 5 июня 2024 года).
26. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
27. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.
28. Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 2017 года № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 52 (ч. I). Ст. 8112.
29. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 года № Пр-1895 (утратила силу) // Российская газета. 2000. 28 сентября.
30. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
31. Соловьёв И.В. О происхождении и содержании понятия «инфосфера». Инфосфера как объект исследования наук об информации // Фундаментальные исследования. 2013. № 6. С. 66–71.
32. Власенко Н.А. Специальность 12.00.13 – «Информационное право» в новой номенклатуре научных специальностей по праву // Информационное право. 2011. № 2. С. 3–5.
33. Есаков В.А. Особенности управления объектами культуры в условиях мегаполиса // Трудовое право. 2008. № 3. С. 67–70.
34. Ловцов Д.А. Лингвистическое обеспечение правового регулирования информационных отношений в инфосфере // Информационное право. 2015. № 2. С. 8–13.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2022. October 6th. No. 0001202210060013.
2. Federal Law "On Security" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 2.
3. The Law of the Russian Federation "On Security" // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 15. Article 769.
4. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Article 5351.
5. Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (part I).
6. Federal Law "On Fire Safety" // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. St. 3649.
7. Federal Law "On road safety" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 50. St. 4873.
8. Federal law "On the quality and safety of food products" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2000. No. 2. Article 150.

9. Federal Law "On biological safety" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1 (Part I).
10. Federal Law "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-made Emergencies" // Collection of Legislation of the Russian Federation The Feds. 1994. No. 35. St. 3648.
11. Regulations on the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated July 11, 2004 No. 868 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 28. St. 2882.
12. Federal Law "On the troops of the National Guard of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part I). Article 4159.
13. The national standard of the Russian Federation GOST R 22.0.05 2020 "Safety in emergency situations. Man-made emergencies. Terms and definitions", approved by Order of Rosstandart dated September 11, 2020 No. 644-art. – M.: Standartinform, 2020. – 12 p.
14. Ozhegov S.I. and Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseols. expressions / Russian Academy of Sciences. In-t rus. yaz.: Russian Cultural Foundation. – M.: Az Ltd., 1992. – 960 p.
15. Federal Law "Technical Regulations on the safety of buildings and structures" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 1. Art. 5.
16. National standard of the Russian Federation GOST R 22.0.03-2020 "Safety in emergency situations. Natural emergencies. Terms and definitions", approved by Order of Rosstandart dated September 11, 2020 No. 641-art. – M.: Standartinform, 2020. – 17 p.
17. Interstate standard GOST 22.0.03-97/GOST R 22.0.03-95 "Safety in emergency situations. Natural emergencies. Terms and definitions", approved by Resolution No. 267 of the State Standard of Russia dated May 25, 1995. – Moscow: IPK Publishing House of Standards, 1995. – 16 p. (expired).
18. State report "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2023" // Official website of the Ministry of Emergency Situations of Russia [Electronic resource] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7343> (accessed May 4, 2024).
19. State report "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2019" // Official website of the Ministry of Emergency Situations of Russia [Electronic resource] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/4602> (accessed May 4, 2024).
20. State report "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2020" // Official website of the Ministry of Emergency Situations of Russia [Electronic resource] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5304> (accessed May 4, 2024).
21. State report "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2021" // Official website of the Ministry of Emergency Situations of Russia [Electronic resource] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5946> (accessed May 4, 2024).
22. State report "On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2022" // Official website of the Ministry of Emergency Situations of Russia [Electronic resource] // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/> <https://mchs.gov.ru/dokumenty/6751> (accessed May 4, 2024).
23. Kuprina N. We are responsible for everything that we exploit // EZH-Yurist. 2011. No. 28. p. 2.
24. Umalato I.O., Anisimov S.Yu. The causes of man-made accidents, their types and preventive measures // Problems of ensuring safety in emergency situations (Vonezh Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia). 2015. No. 1-1 (4) pp. 112-115.
25. Berezovskaya D. Technogenic catastrophes: lessons of the past and challenges of the future // Special project of the Rossiyskaya Gazeta Ekologika [Electronic resource] // URL: <https://rg.ru/2023/12/21/tehnogennye-katastrofy-uroki-proshlogo-i-vyzovy-budushchego.html?ysclid=lvlfah3mf712180067#3> (accessed: June 5, 2024).
26. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Article 3448.
27. Federal Law "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // Assembly of the Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (part I). Article 4736.
28. Decree of the President of the Russian Federation No. 620 dated December 22, 2017 "On improving the State system for detecting, preventing and eliminating the consequences of computer attacks on information resources of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 52 (Part I). Article 8112.
29. The Doctrine of Information Security of the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation on September 9, 2000, No. Pr-1895 (expired) // Rossiyskaya Gazeta. 2000. September 28th.
30. The Doctrine of information security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 50. St. 7074.
31. Solovov I.V. On the origin and content of the concept of "infosphere". The infosphere as an object of research in information sciences // Fundamental Research. 2013. No. 6. pp. 66-71.
32. Vlasenko N.A. Specialty 12.00.13 – "Information law" in the new nomenclature of scientific specialties in law // Information law. 2011. No. 2. pp. 3-5.
33. Esakov V.A. Features of the management of cultural objects in a megalopolis // Labor law. 2008. No. 3. pp. 67-70.
34. Lovtsov D.A. Linguistic support for the legal regulation of information relations in the infosphere // Information law. 2015. No. 2. pp. 8-13.

СИСТЕМА ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В РОССИИ: НУЖНА ЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ? RUSSIA'S SYSTEM OF INDIGENOUS PEOPLES RIGHTS: IS TRANSFORMATION NEEDED?

ГЛАДУН Елена Федоровна,

кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник сферы образования РФ
профессор кафедры государственного и муниципального управления, Тюменский государственный университет.
625048, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

E-mail: e.f.gladun@utmn.ru;

Gladun Elena F.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation

Professor of the Department of State and Municipal Administration, Tyumen State University.

6, Volodarskogo Str., Tyumen, Russia, 625048.

E-mail: e.f.gladun@utmn.ru

Краткая аннотация: В статье автор доказывает, что конституционно-правовое регулирование коренных народов, устанавливающее систему их основных прав, должно быть направлено не просто на защиту, а на развитие коренных народов в условиях проблем современного мира. До настоящего времени российский правовой комплекс, связанный с коренными народами, развивался односторонне: несмотря на предоставление достаточно широкого ряда прав, проводилась политика консервации традиционного образа жизни, культуры и хозяйственной деятельности. Основное внимание в конституционном праве уделялось защите со стороны государства, гарантиям закрепленных прав и интересов, которые выражаются, вплоть до настоящего времени, лишь в материальных и денежных компенсациях. В то же время коренные народы во всем мире фактически претендуют на особый характер развития, который предполагает возможность развиваться в соответствии со своими этническими интересами. Автор полагает, что в России назрела необходимость трансформации системы прав коренных народов и созданы условия для такой трансформации.

Abstract: In the article, the author proves that the constitutional and legal regulation of indigenous peoples, establishing a system of their fundamental rights, should be aimed not just at protecting, but at developing indigenous peoples in the context of the modern world's challenges. Until now, the Russian legal system related to indigenous peoples has developed in one dimension: it has granted a wide range of rights aimed to preserving the traditional way of life, culture and economic activity. The main attention in constitutional law was paid to state protection, guarantees of rights and interests, which are expressed, up to the present time, only in material and monetary compensation. At the same time, indigenous peoples all over the world actually claim a special character of development, which gives the opportunity to develop in accordance with their ethnic interests. The author believes that there is a pressing need to transform the system of rights of indigenous peoples in Russia and that conditions have been created for such a transformation.

Ключевые слова: коренные народы, права коренных народов, конституционно-правовое регулирование, право на развитие, Конституция, Концепция, нормы законодательства.

Key words: indigenous peoples, rights of indigenous peoples, constitutional and legal regulation, right to development, Constitution, legal frameworks, legislative norm.

Для цитирования: Гладун Е.Ф. Система прав коренных народов в России: нужна ли трансформация? // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 130-133. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_130.

For citation: Gladun E.F. Russia's system of indigenous peoples rights: is transformation needed? // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 130-133. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_130.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В последние десятилетия происходят существенные изменения в этнической политике и законодательстве стран, в которых исконно проживают коренные народы, в частности, в США, Канаде этот процесс происходил в 1970–1980-е годы, в России – с 1990-х. и особенно в последние несколько лет. Изменения были обусловлены тем, что коренные малочисленные народы становились более активны на международном политическом уровне, приобретали определенную политическую, правовую и социальную значимость в своих государствах, гарантирующих конституционно и законодательно закрепленную систему специальных прав. Спектр прав является достаточно разнообразным в зависимости от политики конкретного государства, но в целом государствами, где исконно проживают коренные народы, подтверждается их общемировая значимость.

Права и свободы коренных народов Севера на международном уровне обозначены в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов и Конвенции Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни 1989 года. В Российской Федерации система прав закреплена в Конституции, подтверждающей общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, федеральных законах от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», других федеральных законах, нормативных правовых актах Президента Российской Федерации Правительства РФ, документах стратегического планирования в сферах социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности, регионального развития, образования и культуры, а также иных документах, в основном относящихся к сфере государственной национальной политики. Таким образом, систему прав коренных народов в России можно считать сформировавшейся.

В то же время в современном турбулентном мире сформировался и комплекс вызовов, стоящих в том числе и перед коренными народами, влекущий существенные изменения традиционного образа жизни, препятствующий развитию традиционной хозяйственной деятельности, способ-

ствующий более низкому качеству жизни коренных народов Севера по сравнению с другими социальными группами. К таким вызовам можно отнести интенсивное изменение климата, ускорение темпов экономического освоения территорий Севера, высокие издержки при осуществлении хозяйственной деятельности, несоответствие современным требованиям транспортной и социальной инфраструктуры, низкое качество связи и более медленную цифровизацию жизни, низкую конкурентоспособность товаров, работ и услуг, производимых малочисленными народами Севера.

Федеральное агентство по делам национальностей РФ отмечает такие проблемы коренных малочисленных народов Севера как цифровое неравенство и ограниченный к публичным услугам цифровым услугам (телемедицина, дистанционное образование, социальная защита), аварийно-спасательным службам, разрешительная система, ограничивающая традиции и привычные виды деятельности в сфере природопользования (выдача разрешений на ношение и использование охотничьего оружия, на добычу объектов животного мира, распределение квот добычи водных биоресурсов и т.д.). Актуальной остается проблема ограниченного доступа коренных народов Севера к объектам животного мира, земельным участкам, особенно на землях лесного фонда или на особо охраняемых природных территориях (национальных парках).

Названные вызовы и проблемы явственно указывают, что в настоящий период назрела необходимость трансформации системы прав коренных народов, установленной в России. Все очевиднее проявляется необходимость, во-первых, более четких гарантий всей системы прав со стороны нашего государства, во-вторых, поиска баланса между сохранением традиционного образа жизни и традиционного хозяйствования коренных народов и новыми экономическими, климатическими и экологическими условиями.

Подобная ситуация складывалась и в Соединенных Штатах Америки, когда коренные народы Аляски осознали экономический потенциал ресурсов территории, которую они исторически занимали, сформировали четкое представление о своем положении в государстве и потребовали установления системы прав, гарантирующих им возможности экономического развития. Созданию данной системы прав в 1970–1980-е годы предшествовал долгий процесс комплексных исследований, переговоров между представителями коренных народов и органов государственной власти, согласования интересов, что в результате привело к созданию и принятию Федерального закона «Об урегулировании территориальных требований коренных жителей Аляски» (1971), благодаря которому стали решаться многие проблемы коренного населения. Основные права, закрепленные в Федеральном законе, включали: право на создание «корпораций коренных народов», т.е. организаций на основе этнических признаков, право осуществлять любые виды хозяйственной деятельности; право распоряжаться доходами, полученными в результате любой хозяйственной деятельности, право на участие в принятии решений по использованию земель и ресурсов недр на территории штата. Создание на Аляске в 1971 г. коммерческих корпораций с участием коренного населения стало серьезным стимулом дальнейшего экономического развития территории и коренных сообществ. Последствиями принятия данного закона стала более активная борьба коренного населения Аляски за социально-экономические права, которая сопровождалась ростом этнического самосознания, интереса к своей традиционной культуре, определением путей дальнейшего развития. Пройдя через сложный этап развития, коренные жители северных территорий США в настоящее время занимаются разнообразной экономической деятельностью, даже не связанной с традиционным образом жизни, например, туристическим и гостиничным бизнесом, строительством, услугами в сфере сервиса и обслуживания. Некоторые корпорации принимают участие в разработке нефтяных месторождений, занимаются банковской деятельностью, лесопользованием, промышленной добычей рыбных ресурсов.

При анализе российского законодательства мы приходим к выводу, что коренные малочисленные народы в основном имеют право на получение материальных и финансовых средств, необходимых для их социально-экономического и культурного развития, воспитания и обучения, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов (ст. 8 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»). Практика реализации системы прав в России за последние двадцать лет показала, что базовые законы фактически содержат нормы принципы и отсылочные положения, которые не развиваются в отраслевом законодательстве и применяются лишь некоторыми субъектами Российской Федерации в региональном законодательстве и практике. Более того, многие нормы не опираются на реальные этнические интересы.

Исходя из исследований, проведенных в сфере юриспруденции, этнографии, антропологии, социологии¹ [3, 4, 5, 6], можно выделить следующие этнические интересы коренных народов, подлежащие правовому регулированию:

- экономические (мотив и стратегии экономической деятельности, выработанные самими коренными сообществами и направленными на удовлетворение их потребностей, получение благ, повышение качества жизни);
- культурные (сохранение и использование культурных традиций, эталонов паттернов поведения; сохранение и проявление религиозных воззрений и традиций; сохранение и использование родных языков; а также объектов материальной и нематериальной культуры);
- социальные (социальная организация жизнедеятельности и хозяйствования в традиционных, привычных формах (семья, община); обеспечение услуг здравоохранения, образования, социального и бытового обслуживания, совместимых с особенностями образа жизни, религиозными и культурными воззрениями);
- политические (отношение коренных народов как социальной группы к правовой, социальной и экономической организации их жизнедеятельности и к процессам, происходящим в государстве, обществе, прямо или косвенно влияющих на их жизнедеятельность; а также желание участвовать в принятии решений, касающихся их жизнедеятельности).

¹ Кряжков В., Суханов К. Национальные меньшинства и коренные малочисленные народы в России: правовые проблемы идентификации // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 90–115; Ляпунова Р. Г. К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 293–305; Гарилов Р. Ш. Актуальные вопросы защиты прав коренных народов в России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 107–116; Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. 532 с.

На наш взгляд, в настоящее время в России система прав коренных народов сформирована односторонне, основные права ограничены условиями ведения ими традиционного образа жизни и использования ресурсов только в «традиционных» целях и «традиционными» способами, что обозначается в базовых нормативных актах. «Отход» коренных народов от традиций, ведение иных, чем традиционная, видов экономической деятельности, переезд на другие территории может рассматриваться государством как отказ от этнической идентичности, как следствие, утрата ими особых прав¹. Существующие нормы, с одной стороны, способствуют сохранению традиционного образа жизни и хозяйствования в соответствии с международным правом и установленной государственной этнополитикой, с другой – не предусматривают для коренных народов никаких иных стратегий развития, что иногда вызывает описанные выше социальные, экономические и психологические проблемы.

Полагаем, что для соответствия новому общемировому дискурсу приемлемо было бы обновить систему прав коренных народов, и в ее основу включить право на самоопределение и право на развитие, что позволит коренным народам самостоятельно решать вопрос выбора собственных приоритетов для процесса развития в той мере, в какой он затрагивает их жизнь, этнические интересы, духовное и материальное благополучие, и определять собственные экономические, социальные и культурные изменения².

Практика зарубежных полиэтничных государств убедительно доказывает, что проблема права народов на самоопределение – крайне сложная в теоретическом и острая в политическом отношениях, поэтому ни наукой ни практикой не предложено четкого определения данного понятия, не определена степень или пределы самоопределения; не перечислены предпосылки и основания, какими коренные народы могут выразить свое стремление к самоопределению, не определены механизмы самоопределения и ограничения в тех случаях, когда самоопределение напрямую влияет на базовый принцип государственного суверенитета. По нашему мнению, самоопределение коренных народов не может означать отделение или получения независимости от государства. Коренные народы, могут реализовывать право на самоопределение в других формах, а именно – отказавшись от какой бы то ни было независимости, они могут участвовать в решениях вопросов, влияющих на их жизнедеятельность, в том числе распоряжаться некоторыми вопросами самостоятельно (как, например, в США), иметь возможность принятия политических и правовых решений и самостоятельно вступать в рыночные отношения, не ожидая поддержки со стороны государства (как показывает опыт штата Аляска, США)³. Речь, таким образом, может идти только о внутреннем самоопределении. На наш взгляд, «самоопределение» в отношении коренных народов должно трактоваться как право коренных народов самостоятельно определять направления своего развития. Можно выделить и еще один механизм реализации права на самоопределение, а именно – культурное самоопределение, например, создание этнических музеев, фольклорных и культурных центров; организация учебных заведений, где преподавание ведется на родных языках, используются традиционные знания и медицина.

Наряду с правом на самоопределение коренные народы должны быть наделены правом на развитие, с тем чтобы стать реальными субъектами этнической политики и влиять на этническое законодательство, закрепляющее права и механизмы их реализации. Право на развитие может трактоваться как право самостоятельно определять направления своего развития, реализовывать выбранные стратегии развития, не лишаясь при этом своего особого конституционно-правового статуса.

Развитие в большей степени предполагает именно экономический процесс, который позволяет коренным народам не просто сохранять традиционный образ жизни, но и повышать уровень их материального благополучия, а также степень удовлетворенности своей жизнью. В арктических странах существуют различные модели развития хозяйственной деятельности коренных народов, доказавшие возможность преодоления проблем и вызовов, с которыми сталкиваются коренные народы⁴.

Для преодоления существующих недостатков системы правовых норм и проблем реализации прав коренных народов, а также для правового обеспечения новелл статьи 69 Конституции РФ (защита культурной самобытности, языкового и культурного многообразия в рамках сохранения общероссийской культурной идентичности) должны быть реализованы меры по совершенствованию конституционно-правового комплекса в исследуемой сфере. В какой-то мере такая цель ставится на федеральном уровне: в октябре 2024 года Федеральное агентство по делам национальностей представило Проект Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года⁵. Концепция направлена на объединение усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества, включая объединения малочисленных народов Севера, для решения вопросов устойчивого развития этих народов.

Концепция сохраняет базовые цели и задачи в рамках «особой государственной политики в отношении малочисленных народов Севера, предусматривающей системные меры по сохранению самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания этих народов» (п.6 проекта Концепции). Однако новым подходом Концепции является то, что она подчеркивает важность участия коренных малочисленных народов Севера в достижении своего устойчивого развития участия через экономическое освоение территорий: «участие малочисленных народов Севера в принятии решений, затрагивающих их интересы, в том числе при освоении природных ресурсов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности» (пп. «б» п.34 Концепции). Заслуживает внимания и такой принцип как «комплексность решения задач социально-экономического и этнокультурного развития малочисленных народов Севера».

Одной из целей устойчивого развития коренных народов проект Концепции называет «поддержку традиционной хозяйственной дея-

¹ Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии : сб. статей / отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Стратегия, 2003. 320 с.

² Коренные народы в странах БРИКС : политико-правовые аспекты: монография / Е. Ф. Гладун, К. К. Мутхукмарраппан, С. С. Нкоси [и др.]; под редакцией Е. Ф. Гладун. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2022. С. 100–102.

³ Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 3–19.

⁴ Нистен-Хаарала, С. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

⁵ Проект Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года / Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=151736> (дата обращения: 10.09.2024).

тельности и промыслов малочисленных народов Севера», осуществление которой возможно через «создание и развитие промышленной и технологической инфраструктуры традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера»; «продвижение на внутренний и внешний рынки товаров, работ и услуг, производимых в рамках традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера»; «развитие туристской индустрии в местах традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». Новаторскими и соответствующими зарубежному положительному опыту представляются предложения проекта Концепции в части обеспечения экономических и социальных прав коренных малочисленных народов Севера. В частности, предлагается модернизация традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов посредством «грантовой и иной финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, занятых видами традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», через развитие межрегионального сотрудничества, кредитования и лизинга (пп. «е» п. 37) или посредством совершенствования «хозяйственной деятельности общин малочисленных народов Севера, в том числе предпринимательской и иной приносящей доход деятельности» (пп. «а» п. 40 проекта). Безусловно, новые направления государственной этнополитики в отношении коренных народов в Российской Федерации, отраженные в проекте Концепции, должны быть обеспечены правовыми нормами на конституционном и законодательном уровне, а также механизмами их реализации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации в сегменте правового регулирования коренных народов давно назрела необходимость обновления законодательства, формулирования новых целей и задач развития коренных народов, а также трансформации системы их основных прав, обеспечивающих такое развитие. Опыт зарубежных стран также показывает, что возможны и обусловлены различными процессами государственного строительства изменения векторов законодательства о коренных народах. Суть изменений должна заключаться в создании действенной конституционно-правовой системы, закрепляющей их обновленные права и их основные гарантии, способствующей реальному самоопределению, обеспечивающей возможность коренным сообществам участвовать в принятии решений, касающихся их развития.

Для достижения задач, сформулированных как в новых нормах ст. 69 Конституции РФ, так и в проекте новой Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера. Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года, представляется важным предложить изменения в конституционно-правовые нормы о коренных народах.

Во-первых, целесообразно внести изменения в ст. 69 Конституции Российской Федерации, сформулировав ч. 1 следующим образом: «Российская Федерация гарантирует права коренных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, а также с учетом ценностей и интересов коренных народов с целью их развития» и ч. 2 следующим образом: «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует их участие в принятии значимых для их развития решений и возможности сохранения этнокультурного, экономического и языкового многообразия».

Во-вторых, в России целесообразно начать следующий этап развития федерального этнического законодательства, в котором будет закреплена обновленная система прав коренных народов, в том числе право на: сохранение и развитие традиционной культуры; сохранение традиционных видов социальной организации и ведение традиционного образа жизни в семье и общине; свободное определение своего социального, экономического и культурного развития; осуществление традиционной и/или иных видов экономической деятельности, в том числе с использованием современных технологий.

Представляется, что трансформация системы прав коренных народов жизненно необходима и возможна в рамках обновленной концепции их развития: именно в таком контексте коренные народы Севера Российской Федерации смогут полноценно осуществлять свою жизнедеятельность, сохраняя баланс между традиционным образом жизни и хозяйствования и современными реалиями, получать базовые права и гарантии со стороны государства, но в то же время самостоятельно определять траектории своего развития.

Библиография:

1. Кряжков В., Суханов К. Национальные меньшинства и коренные малочисленные народы в России: правовые проблемы идентификации // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 90–115.
2. Ляпунова Р. Г. К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики / ответственный редактор В. А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 293–305.
3. Гарипов Р. Ш. Актуальные вопросы защиты прав коренных народов в России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 107–116.
4. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. 532 с.
5. Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии: сборник статей / отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Стратегия, 2003. 320 с.
6. Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты: монография / Е. Ф. Гладун, К. К. Мутхукумараппан, С. С. Нкоси [и др.]; под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. 316 с.
7. Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 3–19.
8. Нистен-Хаарала, С. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.
9. Проект Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 г. / Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npalD=151736> (дата обращения: 10.09.2024).

References:

1. Kryazhkov V., Sukhanov K. National minorities and indigenous small peoples in Russia: legal problems of identification // Comparative Constitutional review. 2023. No. 6 (157). С. 90-115.
2. Lyapunova R. G. On the problem of ethnocultural development of the American Aleuts (from the second half of the XVIII century to the present day) // Historical destinies of American Indians: Problems of Indian studies / responsible editor V. A. Tishkov. M.: Nauka, 1985. pp. 293-305.
3. Garipov R. S. Actual issues of protection of the rights of indigenous peoples in Russia // Actual problems of Russian law. 2010. No. 1. pp. 107-116.
4. Tishkov V. A. Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 1997. 532 p.
5. The deer is always right. Studies in legal anthropology: a collection of articles / ed. by N. I. Novikov. M.: Strategy, 2003. 320 p.
6. Indigenous peoples in the BRICS countries: political and legal aspects: monograph / E. F. Gladun, K. K. Muthukumarappan, S. S. Nkosi [et al.]; edited by E. F. Gladun. Tyumen: TSU-Press, 2022. 316 p.
7. Reshetov Yu. A. The right to self-determination and separation // Moscow Journal of International Law. 1994. No. 1. pp. 3-19.
8. Nisten-Haarala, S. The economy of indigenous peoples in the Arctic regions: traditions and transformations (on the example of Russia, Finland, the USA) / S. Nisten-Haarala, E. F. Gladun, S. A. Tulaeva, O. V. Zakharova // Economic sociology. 2022. No. 23 (3). pp. 11-41.
9. Draft Concept of Sustainable Development of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation for the period up to 2036 / Federal Portal of draft normative legal Acts. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npalD=151736> (date of application: 09/10/2024).

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ CONCEPT OF DEVELOPMENT OF INFORMATION LAW SUBJECTS SYSTEM IN THE DIGITAL TRANSFORMATION CONTEXT

ЧУБУКОВА Светлана Георгиевна,

доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент.

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

E-mail: sgchubukova@msal.ru;

Chubukova, Svetlana G.,

Associate Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies at
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor.

125933, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9.

E-mail: sgchubukova@msal.ru

Краткая аннотация. Система субъектов информационного права находится в процессе постоянного развития, обусловленного появлением новых цифровых технологий. Концепция развития системы субъектов информационного права представляет собой совокупность взглядов о: внутренней структуре системы субъектов информационного права, включающей интересы, ценности, субъективные права и обязанности, гарантии их осуществления; системных взаимосвязях, объединяющих различных субъектов информационного права; системе субъектов информационного права как комплексном правовом образовании в системе информационного права; совокупности системного, объектно-ориентированного и субъектного подходов как методологической основы исследования системы субъектов информационного права; принципах построения и развития системы субъектов информационного права; тенденциях и перспективах развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации.

Abstract. The system of information law subjects is in the process of constant development due to the emergence of new digital technologies. Concept of development of information law subjects system in the digital transformation context is a set of views on: the internal structure of the system of subjects of information law, including interests, values, subjective rights and obligations, a guarantee of their implementation; systemic relationships uniting various subjects of information law; the system of subjects of information law as a comprehensive legal education in the system of information law; the totality of systemic, object-oriented and subjective approaches as a methodological basis for the study of the system of subjects of information law; principles of construction and development of the system of subjects of information law; trends and prospects for the development of the system of subjects of information law in the context of digital transformation.

Ключевые слова: информационное право, субъекты информационного права, цифровые технологии, электронное лицо, квази-субъект права, цифровые права.

Keywords: information law, subjects of information law, digital technologies, electronic person, quasi-subject of law, digital rights.

Для цитирования: Чубукова С.Г. Концепция развития системы субъектов информационного права в условиях цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 134-137. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_134.

For citation: Chubukova S.G. Concept of development of information law subjects system in the digital transformation context // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 134-137. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_134.

Статья поступила в редакцию: 21.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Построение согласованной и полной системы субъектов права – важнейшее теоретическое направления любой отраслевой юридической науки. Активное развитие цифровых технологий и систем привело к появлению новых субъектов информационных отношений. Наряду с этим, происходит развитие правового положения традиционных субъектов информационных правоотношений – органов государственной власти, юридических и физических лиц, появление в их статусе новых цифровых прав. Для целей выявления общих закономерностей и направлений развития системы субъектов информационного права, а также определения качественных изменений объема правовых возможностей субъектов предлагается авторская концепция цифровой трансформации системы субъектов информационного права.

Методологическая основа концепции. Исследования свидетельствуют о том, что «развитие методологии информационного права в последнее время ориентировано как на формирование новых методов, так и на междисциплинарное взаимодействие с техническими науками» [1, с. 169]. В связи с необходимостью учета новых цифровых тенденций изменяется методологическая основа исследования системы субъектов информационного права. К таким реалиям следует отнести:

активную динамику изменчивости цифровой среды деятельности субъектов информационного права. Появление новых информационных технологий и систем, основанных на жестких технологических стандартах, их определяющей роли в формировании общественных отношений, которые складываются в цифровой среде, быстрое изменению этих отношений вследствие интенсивного технологического прогресса требует от законодателя адекватного и оперативного реагирования;

качественные преобразования организационных управленческих структур. Традиционные иерархические системы управления не могут учитывать специфику децентрализованных сетевых отношений. Появление сетевых платформ и децентрализованных автономных организаций, работающих под управлением смарт-контрактов, требует разработки новых сетевых моделей управления;

глобальный трансграничный характер информационных отношений, порождает множество проблем, связанных с национальными и региональными правовыми традициями, этническими и политическими особенностями.

Для учета данных тенденций в качестве методологической основы концепции предлагается рассматривать три взаимодополняющих подхода – системный, рискоориентированный и субъектный.

В основе системного подхода как направления методологии научного познания лежит исследование объектов изучения как системы. Основными обязательными признаками системы являются наличие элементов и связи между этими элементами и способность системы приобретать новые интегральные свойства, отсутствующие у составляющих её элементов (эмерджентность).

Так совокупность субъектов информационного права образуют систему тогда, когда их поведение, обусловленное правовым статусом, является согласованным, не противоречивым, подчиненным единой цели. Субъективные информационные права одних субъектов определяют соответствующие обязанности других. Целью построения согласованной и полной системы субъектов информационного права являются обеспечение комплексного регулирования информационных правоотношений. Системный подход способствует адекватной и комплексной постановке проблем в научных исследованиях системы субъектов информационного права, рассмотрению этих проблем в контексте закономерностей функционирования внешней информационной среды, выработке эффективной стратегии их изучения и разрешения.

Стремительное развитие цифровой среды, появление новых не только с правовых позиций сущностей, чье влияние на систему общественных отношений невозможно полностью предсказать заранее, требует особого подхода и в научном исследовании. Такие технологические новации как технологии и системы искусственного интеллекта (ИИ-агенты, киберфизические системы, автономные беспилотные транспортные системы), метавселенные и технологии виртуальной реальности способствуют не только развитию научно-технического прогресса, но и несут объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений [2].

Своевременное выявление рисков цифровой реальности и принятие ограничительных норм в случае, когда они представляют угрозы правам человека и интересам общества и государства суть рискориентированного подхода. Одним из его важнейших правовых инструментов выступают экспериментальные правовые режимы [3, с. 12-19]. «Специальное регулирование в инновационной сфере цифровых технологий, как показывает зарубежный опыт, оказывается весьма эффективным и позволяет государству на уровне отдельных экспериментальных правовых режимов отследить эффективность регулирования той или иной цифровой инновации на локальном проекте» [4].

Субъектный подход в информационном праве предполагает, что информационные отношения будут исследоваться с позиций того или иного ключевого (для целей и задач исследования) субъекта. Такой субъект обладает определенным правовым статусом и играет в системе информационных отношений ту или иную определенную и юридически формализованную роль. Именно субъект является интегратором ситуации, определяет цели деятельности и организует ее, выбирая действия и операции с учетом научно-логически обоснованных закономерностей, действующих в профессиональной деятельности. Его отличает наличие собственных правовых интересов, потребностей, правовых устремлений, притязаний, ценностей [5].

Технологический прогресс обусловил возникновение когнитивных технологий и киберфизических систем, что, в свою очередь, породило попытки ревизии базовых правовых категорий, к которым относится субъект права и правосубъектность, распространения их на новые цифровые сущности за счет расширения их содержания. Такие попытки во многом противоречат гуманистическим началам права. Отношение к человеку как к высшей ценности должно доминировать при определении правового положения новых цифровых сущностей.

Субъектный подход в исследовании информационно-правовых проблем состоит в: изучении системы интересов и ценностей различных субъектов права; выявлении угроз и рисков интересам субъекта, в том числе создаваемых информационно-технологической средой; отражении прав и законных интересов субъекта в его информационно-правовом статусе; обеспечении юридических гарантий соблюдения прав и свобод субъекта информационных отношений.

Рассмотрим основные направления развития системы субъектов информационного права.

Цифровые права в правовом статусе субъектов права. В цифровой среде информационные права и свободы получают не только новые формы, но и новое содержание, обусловленное изменившимся механизмом их реализации. Это породило в правовой науке дискуссию о содержании понятия «цифровые права».

В российском гражданском законодательстве уже нашла реализацию модель имущественных цифровых прав, в рамках которой под цифровыми правами понимаются «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» [6].

Однако такой узкий подход в понимании цифровых прав все активнее критикуется учеными и практиками [7]. предлагается расценивать его как начальный эксперимент, «вокруг которого в будущем сформируются необходимые институты в рамках гражданского и других отраслей права» [8].

Уже сегодня к цифровым правам, в широком смысле, относят удостоверение прав на цифровые объекты, идентификацию субъектов и объектов цифровых прав с использованием соответствующих цифровых технологий, обеспечение конфиденциальности информации в цифровой среде, распоряжение правами посредством применения цифровых технологий и другие. С дальнейшим развитием цифровых технологий и их функциональных возможностей связанные с ними цифровые права субъектов информационных отношений будут только расширяться. Сегодня мы наблюдаем это на примере применения технологии блокчейн, в рамках которой цифровые удостоверения могут обеспечить децентрализованный подход к управлению данными и предоставить пользователям возможность выбирать, как и какие из их персональных данных могут быть распространены в сети Интернет.

Появление новых субъектов информационных отношений. В цифровой среде информационные процессы представляют собой сложную

технологическую процедуру, обеспечение которой является задачей специальных субъектов информационных отношений – операторов информационной инфраструктуры (операторов связи, провайдеров хостинга, операторов информационных систем, операторов цифровых платформ. Данные *цифровые посредники* призваны обеспечить функционирование информационной инфраструктуры с целью реализации права на информацию основных участников информационного отношения – обладателя и пользователя информации. Правовой статус цифровых посредников определяется, с одной стороны, правами и обязанностями субъектов основного правоотношения, заключение, изменение, и прекращение которого происходит посредством информационной системы (платформы, сервиса), а с другой – технологическими возможностями данной системы.

Информационно-правовой статус цифрового посредника включает обязанности по поддержанию работы информационной инфраструктуры, обязанности по идентификации и аутентификации пользователей, обеспечение безопасности информации в информационной системе и защиту персональных данных пользователей, своевременное и полное информирование пользователей о правилах и условиях работы системы, в том числе автоматизированном принятии решений в отношении них.

В связи с появлением сложных самообучающихся интеллектуальных систем возникла необходимость введения в состав субъектов информационного права такого субъекта как *разработчик информационных систем*. Разработчик систем искусственного интеллекта – это лицо, отвечающий за проектирование, разработку и внедрение решений искусственного интеллекта. Понятие разработчика собирательно и может объединять специалистов различных профессий, таких как инженер, дата сайентист, разметчик данных, инженеры по машинному обучению, инженеры по компьютерному зрению, менеджер по продуктам ИИ, инженер по обработке естественного языка (NLP), дизайнер/разработчик пользовательского опыта (UX) и др. С развитием технологий искусственного интеллекта будет происходить и все большая специализация.

В настоящий момент в стратегических документах определены только общие принципы правового статуса разработчика - обязанность принимать меры по предупреждению и минимизации рисков наступления негативных последствий его использования [9].

Разработка систем искусственного интеллекта связана с его возможностью обучения и самообучения. В законодательстве необходимо определить на каких наборах данных должны обучаться системы, требования для эталонных наборов данных, обязанности обладателей информации создавать и предоставлять для обучения эталонные наборы данных и обязанность разработчиков систем проводить обучения на эталонных наборах данных. Также правовой статус разработчика должен включать следующие обязанности: провести оценку риска, определив категорию риска системы и принять необходимые меры защиты информации и пользователей; проводить тщательное тестирование перед выходом системы на рынок и на протяжении всего срока службы; разработать техническую документацию, чтобы продемонстрировать соответствие установленным в законодательстве требованиям; разработать систему автоматического протоколирования событий для выявления рисков и изменений в системе; создать инструкции для пользователей, чтобы обеспечить соблюдение требований.

Развитие теории квазисубъектов права. Как уже отмечалось ранее, научный и технологический прогресс привел к появлению «нестандартных», с точки зрения правовой науки, участников общественных отношений в цифровой среде. Системы искусственного интеллекта, электронные агенты, киберфизические системы, роботы являются реальными участниками гражданского оборота, осуществляющими деятельность, автономную от их создателей, владельцев и пользователей, что поставило перед юристами насущный вопрос об их правовой идентификации. Особенностью данных лиц является то, что они не обладают всеми признаками субъекта права. Это позволило говорить о наличии квазисубъектов в информационном праве.

В правовой науке к квазисубъектам права относят национальные меньшинства, коренные народы [10; 11, с. 28], иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами по иностранному праву; неправительственные организации, международные организации, транснациональные корпорации, собрания работников, общности собственников и др.

Всех их объединяют то, что они не обладают всеми признаками субъекта права (в первую очередь способностью нести юридическую ответственность), но представляет собой социально-правовую ценность, чья значимость является признанной в правовом сообществе [12, с. 131-134]. Правосубъектность некоторых из них признается законодателем или судом.

Понятие цифровых квазисубъектов в информационном возникло с появления систем искусственного интеллекта, различных ИИ-агентов. Данные цифровые сущности уже стали на практике реальными участниками общественных отношений. Так ИИ-агенты с подключенными криптовалютными кошельками могут не только сами решать определенные задачи, но и нанимать людей для работы, которую они сами не в состоянии сделать, размещая задания на маркетплейсах [13]. Однако такие особенности как отсутствие воли в правовом смысле, отсутствие собственных интересов, не способность формировать субъективное отношение к совершаемым деяниям и нести юридическую ответственность по причине отсутствия чувства вины позволяют нам рассматривать указанные лица лишь как квазисубъекты права [14].

Появление цифровых квазисубъектов права, реально участвующих в общественных отношениях и способных осуществлять действия от своего имени, приводит к необходимости формулирования в праве конструкции *цифрового лица* как участника информационных отношений, который действует на основе формально-логических связей и закономерностей функционирования технологических систем, реализует установленные информационные права и обязанности, но ответственность за свои действия не несет [15, с. 32-48]. Введение на основании приема юридической фикции категории цифрового лица позволит признать юридически значимый характер совершаемых цифровой системой действий.

С точки зрения субъектного подхода, в качестве квазисубъекта информационного права также следует рассматривать *будущие поколения*, чьи интересы и ценности реализуются через правосубъектность других лиц.

В современных условиях недостоверная информация становится эффективным и действенным оружием. Распространение фейков все активно используется для достижения экономических и военно-политических целей на глобальной международной арене [16]. Все острее

встает проблема пересмотра истории и искажения понимания и значения исторических событий.

Интересы будущих поколений нашли отражение в новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, в которой поставлена цель формирования информационного пространства, основанного на знаниях – достоверной и систематизированной информации, а обеспечение надежности и сохранности информационных ресурсов заявлено как задача, успешность решения которой во многом определит способность будущих поколений жить и развиваться [17].

Таким образом, разработка концепции развития системы субъектов информационного права позволила обосновать:

возрастающую роль субъектного подхода в исследовании информационно-правовых проблем, определенных развитием методологии информационного права и основанного на изучении системы интересов и ценностей различных субъектов информационного права; выявление рисков и угроз в информационно-технологической среде интересам государства, общества и гражданина; отражение свобод и законных интересов субъектов в их информационно-правовом статусе; обеспечение юридических гарантий соблюдения прав и свобод субъектов информационных отношений. Применение субъектного подхода в научных юридических исследованиях также необходимо в целях дальнейшей гуманизации процессов правового регулирования и определения в качестве доминанты выделения субъекта информационных правоотношений антропологического фактора, включающего свободную волю и ответственность человека;

трансформацию информационно-правового статуса субъектов происходит на основе конвергенции информационных прав и формирующихся цифровых прав, обусловленных широким распространением прорывных (инновационных) информационных технологий;

необходимость включения в систему субъектов информационного права квазисубъектов, которым относят лиц, наделенных ограниченной правосубъектностью (интеллектуальные агенты, киберфизические системы, системы искусственного интеллекта, роботы), а также лиц, не обладающих правосубъектностью, но реализующих свои интересы опосредовано через других субъектов права (будущие поколения);

необходимость введения для цифровых квазисубъектов категории «цифрового лица» как участника информационных отношений который действует на основе формально-логических связей и закономерностей функционирования технологических систем, реализует установленные в законодательстве информационные права и обязанности.

Библиография:

1. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России. // Государство и право. 2024. № 9. С. 166-179.
2. OpenAI: есть опасность создания моделей, чьи возможности мы не до конца понимаем // URL: <https://t.me/alwebbci/2649>.
3. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / под общ. ред. В. Н. Синокова, М. А. Егоровой. Московский государственной юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2019. С. 12-19.
4. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 31-36.
5. Чубукова С.Г. Правовые проблемы защиты генетической информации: субъектный подход. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5 (69). С. 96-103.
6. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
7. Зоркин В. Д. Правовое будущее России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 7-16.
8. Цифровые права как новый объект гражданского права / Новоселова Л., Габов А., Савельев А. и др. // Закон. 2019. № 5. С. 31 - 54.
9. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
10. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность // Полис, 2001. № 2. С. 139-142/
11. Хабриева Т.Я. Введение / Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой, и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М.: Статут. 2017. С. 28.
12. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 131-134.
13. ИИ-агенты выходят на новый уровень: теперь они могут нанимать и оплачивать услуги людей // URL: <https://t.me/blockcainRF/10671> (дата обращения - 11.10.24)
14. Чубукова С.Г. Квазисубъекты в киберправе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 53-61.
15. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико- методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 32-48.
16. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
17. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

References:

1. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Transformation of the science of information law and information legislation: a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia. // State and law. 2024. No. 9. pp. 166-179.
2. OpenAI: there is a danger of creating models whose capabilities we do not fully understand // URL: <https://t.me/alwebbci/2649>.
3. Legal regulation of the digital economy in modern conditions of high-tech business development in a national and global context: monograph / under the general editorship of V. N. Sinyukov, M. A. Egorova. Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA). M.: Prospect, 2019. pp. 12-19.
4. Minbaleev A.V. Transformation of regulation of digital relations // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2019. № 12 (64). Pp. 31-36.
5. Chubukova S.G. Legal problems of protection of genetic information: a subjective approach. // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2020. № 5 (69). Pp. 96-103.
6. Federal Law No. 34-FZ of 03/18/2019 "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 12. St. 1224.
7. Zorkin V. D. The legal future of Russia // Journal of Russian Law. 2011. No. 10. pp. 7-16.
8. Digital rights as a new object of civil law / Novoselova L., Gabov A., Saveliev A., etc. // Law. 2019. No. 5. pp. 31-54.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. St. 5700.
10. Lukichev P.N., Skorik A.P. Quasi-statehood // Polis, 2001. No. 2. pp. 139-142/
11. Khabrieva T.Ya. Introduction / Legal personality: general theoretical, sectoral, and international legal analysis: a collection of materials for the XII Annual scientific readings in memory of Professor S.N. Bratusya. M.: Statute. 2017. From 28.12. Alekseev N.N. Fundamentals of the philosophy of law. St. Petersburg, 1998. pp. 131-134.
12. AI agents are reaching a new level: now they can hire and pay for the services of people // URL: <https://t.me/blockcainRF/10671> (date of appeal - 11.10.24)
13. Chubukova S.G. Quasi-subjects in cyber law // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023. № 2 (102). Pp. 53-61.
14. Yastrebov O. A. Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 2. pp. 32-48.
15. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 "On approval of the Doctrine of Information security of the Russian Federation" // Collection of Legislation RF. 2016. No. 50. St. 7074.
16. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. St. 2901.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_138

УДК 349.2

Льготные правовые режимы в сфере трудовых отношений Preferential legal regimes in labor relations

ОРЛОВА Елена Евгеньевна,

директор юридического института
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», кандидат юридических наук, доцент.
392000, Россия, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 106/5.
E-mail: ElenaOrlova@yandex.ru;

ПОДОЛЬСКИЙ Александр Владимирович,

доцент кафедры «Международное право»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», кандидат юридических наук.
392000, Россия, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 106/5.
E-mail: mse.shurik@gmail.com;

Podolsky Alexander Vladimirovich,

PhD in law, associate professor of the Department of international law, Tambov State Technical University.
392000, Russia, Tambov region, Tambov, Sovetskaya str., 106/5.
E-mail: mse.shurik@gmail.com;

Orlova Elena Evgenievna,

PhD in law, associate professor, Director of the Law Institute, Tambov State Technical University.
392000, Russia, Tambov region, Tambov, Sovetskaya str., 106/5.
ElenaOrlova@yandex.ru

Краткая аннотация: Льготные правовые режимы в системе правового регулирования нацелены на достижение в обществе правового равенства и социальной справедливости. В статье дается общее определение льготного правового режима в трудовом праве, выделяются отраслевые особенности и признаки трудового льготного правового режима. Отмечается, что правовыми средствами установления трудовых льготных правовых режимов могут выступать, как нормы законов и подзаконных нормативных актов, так и локальные акты организации. В сфере трудового права льготные правовые режимы могут устанавливаться исходя из возраста, пола работника, особых жизненных обстоятельств, условий труда. Приводится ряд примеров трудовых льготных правовых режимов.

Abstract: The aim of preferential legal regimes in the system of legal regulation is to achieving legal equality and social justice in society. The article gives a general definition of a preferential legal regime in labor law, highlights industry-specific features and signs of a preferential labor legal regime. It is noted, that the legal means of establishing labor preferential legal regimes can be both the norms of laws and by-laws, as well as local acts of the organization. In the field of labor law, preferential legal regimes can be established based on the age, gender of the employee, special life circumstances, and working conditions. A number of examples of labor preferential legal regimes are given.

Ключевые слова: льготный правовой режим, правовое средство, льгота, правовое равенство, трудовые льготы, условия труда.
Keywords: preferential legal regime, legal remedy, benefit, legal equality, labor benefits, working conditions.

Для цитирования: Орлова Е.Е., Подольский А.В. Льготные правовые режимы в сфере трудовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 138-141. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_138.

For citation: Orlova E.E., Podolsky A.V. Preferential legal regimes in labor relations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 138-141. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_138.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Качество жизни граждан любого государства зависит от выполнения им своих основных функций. Все функции государства по-разному воздействуют на осуществление прав и свобод и реализацию законных интересов людей. Одни - в целом создают условия или опосредуют поддержание жизненного уровня, другие – напрямую влияют на этот уровень, обеспечивая реализацию конкретных прав и свобод. Российская Федерация, будучи, согласно ст. 7 Конституции, социальным государством, взяла на себя обязательства по обеспечению социальных гарантий для граждан, тем самым определив курс государственной политики на достижение правового равенства и социальной справедливости.

Среди инструментов реализации указанного курса социальной политики государства, значимое место занимает система правовых льгот и создаваемые для ее функционирования специальные льготные правовые режимы.

Характеризуя льготный правовой режим как инструмент государственной политики в социальной сфере следует, в первую очередь, указать на цель льготного правового режима. Данный режим в качестве особого порядка правового регулирования предполагает создание благоприятных условий осуществления прав и исполнения обязанностей субъектов, в отношении которых он устанавливается. Решение данной задачи лежит в основе достижения главной, на наш взгляд, цели установления льготного правового режима – создания условий правового равенства и социальной справедливости в обществе. Следует, однако, отметить, что это не единственная цель льготного правового режима. В качестве другой цели его установления можно указать стимулирование позитивной активности субъектов права в стратегически важных для государства сферах экономической, политической и общественной жизни. Тем не менее, учитывая тот факт, что в основе мотивации к созидательной деятельности индивида лежит то, насколько он удовлетворен качеством своей жизни, указанная цель представляется вторичной по сравнению с первой.

В системе правовых средств стимулирования, применяемых в сфере труда и занятости, наиболее востребованными являются поощрения и льготы. Будучи одинаковыми по своей информационно-психологической направленности (стимулирование позитивной активности индивидов), они, в то же время, разнонаправлены по цели создаваемых с их помощью правовых режимов. Поощрение выступает стимулом к дости-

жению социально значимого результата путем наделения субъекта дополнительными правами, но уже после того, как соответствующая цель (общественная, производственная) будет достигнута. Именно поэтому правовые режимы поощрения содержат правовые стимулы в санкциях норм. Само поощрение есть ни что иное, как позитивная санкция, выражающаяся в одобрении должного, а чаще сверхдолжного поведения.

Льгота занимает место в диспозиции правовой нормы, указывая, что при определенных обстоятельствах правовое положение субъекта облегчается за счет предоставления дополнительных прав и гарантий, либо за счет уменьшения объема обязанностей и ответственности, либо их полного исключения.

Льготы в трудовом праве позволяют создать особенный порядок (режим) труда и занятости для тех, кто в силу особенностей семейного положения, условий исполнения должностных обязанностей, возраста или состояния здоровья не могут в обычном порядке либо не будут в состоянии вообще исполнять трудовые функции, либо будут вынуждены в значительной мере претерпевать определенные лишения (как то, затрачивать особые усилия, подвергать риску свое здоровье, лишаться возможности ухаживать за малолетними иждивенцами или лицами с ограниченными возможностями). Поэтому в сфере трудовых правоотношений предусмотренные льготные правовые режимы и формируемые с их помощью благоприятные условия для отдельных категорий работников всегда направлены на достижение социальной справедливости и правового равенства.

Исходя из анализа цели установления и задач, которые решают льготные правовые режимы в трудовом праве и входящих в состав их правовых средств трудовых льгот можно выделить признаки и сформировать определение трудовых льготных правовых режимов.

Поскольку, как уже отмечалось, трудовые льготные правовые режимы устанавливаются для того, чтобы уравнивать в правовых возможностях (возможностях реализации своих прав и интересов) субъектов трудовых правоотношений, основной целью трудовых льготных правовых режимов является установление социальной справедливости и правового равенства. Компенсация в виде облегчения условий труда или установления дополнительных надбавок к заработной плате призвана уравнивать возможности реализации прав разных субъектов. Нельзя сказать, что указанная цель – единственная. Ей может сопутствовать и другая цель льготных правовых режимов – стимулирование позитивной активности субъектов права в стратегически важных для государства сферах труда. Примером может служить осуществление трудовой деятельности в условиях крайнего севера (глава 50 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)). У государства имеется необходимость привлекать в такие районы рабочую силу, с этой точки зрения реализуется как раз вторая цель. Однако с позиции предоставления социальных гарантий и компенсаций работникам, основной целью льготного правового режима здесь будет уравнивание в правах лиц, привлекаемых к трудовой деятельности в условиях крайнего севера и лиц, работающих в обычных условиях. Таким образом, в качестве первого отличительного признака трудовых льготных правовых режимов можно назвать их приоритетную целевую направленность на достижение правового равенства и социальной справедливости.

Достижение указанной цели осуществляется в специальных правовых условиях, содержащих определенный набор правовых средств, главным из которых является трудовая льгота. Она представляет собой средство стимулирования субъектов права к осуществлению трудовой деятельности несмотря на объективные препятствия. Льготный инструментарий в трудовых льготных правовых режимах весьма широк. Причем различные виды льгот могут применяться в их сочетании. К примеру, сокращение рабочего времени может устанавливаться вместе с увеличением продолжительности отпуска, установлением надбавок и т.д. Во всяком случае, трудовой льготный правовой режим по отношению к общему правовому режиму труда является специальным. Это можно выделить в качестве второго признака.

В качестве третьего признака трудового льготного правового режима следует указать направление его воздействия на субъектов трудовой деятельности: создание для них особых, благоприятных условий осуществления такой деятельности. Это может выражаться как в облегчении реализации ими их трудовых функций (увеличение времени отдыха, особое рабочее место, нормированность рабочего дня и т.д.), так и в освобождении от определенных, обычно исполняемых по должности, обязанностей. Также облегчение правового положения работника может выражаться в освобождении его от дисциплинарной ответственности в определенных ситуациях.

Трудовые льготные правовые режимы, как и любые другие правовые режимы в своей структуре имеют определенные правовые средства их установления. Главным общим средством является ТК РФ и конкретизирующие его иные федеральные законы, подзаконные нормативные акты и региональное законодательство. Однако, работодатель может вносить коррективы в предлагаемые государством схемы льготных правовых режимов труда, расширяя их в коллективном договоре, либо в трудовом договоре с конкретным сотрудником. Очевидно, что такие коррективы могут быть сделаны только в сторону увеличения льгот, предусмотренных законодательством. Так, некоторые организации осуществляют дополнительное медицинское страхование своих работников, тем самым проводя политику сохранения человеческого потенциала. Если такая организация делает это в отношении всех своих работников, то в целом на локальном уровне данный трудовой льготный правовой режим будет являться общим. Однако по сравнению с общими для всех условиями труда, устанавливаемыми законодательством, его смело можно назвать специальным. Таким образом, четвертым признаком трудового льготного правового режима выступает возможность его установления как законодательством, так и локальными актами организации.

Исходя из перечисленных признаков трудовой льготный правовой режим можно охарактеризовать как специальный правовой режим осуществления трудовой деятельности, устанавливаемый законом, подзаконными нормативно-правовыми актами или локальными актами работодателя, создающий наиболее благоприятные условия реализации трудовых прав и обязанностей работников с целью достижения правового равенства и социальной справедливости в сфере труда и занятости.

Трудовым законодательством предусмотрены различные виды льготных правовых режимов. Следует отметить, что комплексно рас-

смагивать конкретный правовой режим следует как совокупность правовых средств установлений и правовых средств-деяний. Однако в данном исследовании, нас в большей степени интересуют правовые средства-установления, то есть нормы права, предусматривающие основания и порядок введения в действие («включение») трудовых льготных правовых режимов.

Правила ведения трудовой деятельности в особенных (тяжелых) условиях предусмотрены для уже упомянутых категорий работников, которые осуществляют такую деятельность в районах Крайнего Севера. Особенности регулирования их труда закреплены в ТК РФ (глава 50), в Законе РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19.02.1993 № 4520-1 (далее - Закон 4520-1).

В качестве основной льготы для данной категории работников предусмотрено повышение размера заработной платы. Согласно ст. 315 ТК РФ оплата труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях осуществляется с применением районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате. Размер районного коэффициента и порядок его применения для расчета заработной платы указанных работников, а также повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, пенсий по государственному пенсионному обеспечению, пособий, стипендий и компенсаций лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются Правительством Российской Федерации (ст. 10 Закона 4520-1). Кроме того, лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, выплачивается процентная надбавка к заработной плате за стаж работы в данных районах или местностях. В ст. 11 Закона 4520-1 подчеркивается, что суммы указанных расходов относятся к расходам на оплату труда в полном размере.

Как видно из текста ТК РФ его принятием была расширена нормативно-правовая база установления гарантий и компенсаций для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Так, в ч. 1 ст. 313 ТК РФ предусмотрено, что государственные гарантии и компенсации этим лицам устанавливаются не только ТК РФ и другими федеральными законами, но также иными нормативными правовыми актами РФ, а дополнительные гарантии - законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами. Величина дополнительных гарантий зависит от финансовых возможностей соответствующих субъектов РФ, органов местного самоуправления и работодателя [3, с. 121].

Помимо гарантий и льгот, связанных с оплатой труда гл. 50 ТК РФ и Законом 4520-1 указаны:

- компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно (ст. 325 ТК РФ);
- ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск (ст. 321 ТК РФ);
- сокращенная рабочая неделя для женщин (ст. 320 ТК РФ);
- дополнительный выходной день для родителей (ст. 319 ТК РФ).

Особый льготный режим осуществления трудовой деятельности предусмотрен для лиц, не достигших 18-летнего возраста. Так, ст. 265 ТК РФ вводит запрет на применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами, материалами эротического содержания). При установлении данного правового режима использованы правовые средства императивного характера, которые в целом не свойственны для льготных правовых режимов. Однако в данной конкретной ситуации именно императивными нормами (направленными к работодателю) устанавливаются льготы для несовершеннолетних в сфере труда.

Еще одной императивной нормой, предусмотренной ст. 268 ТК РФ, является запрет на направление работников в возрасте до восемнадцати лет в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни (за некоторыми исключениями).

Согласно ст. 267 ТК РФ ежегодный основной оплачиваемый отпуск работникам в возрасте до восемнадцати лет предоставляется продолжительностью 31 календарный день в удобное для них время.

ТК РФ предоставляет право работодателю устанавливать дополнительные гарантии прав несовершеннолетних работников. Так, в соответствии со ст. 271 при повременной оплате труда заработная плата работникам в возрасте до восемнадцати лет выплачивается с учетом сокращенной продолжительности работы. Работодатель может за счет собственных средств производить им доплаты до уровня оплаты труда работников соответствующих категорий при полной продолжительности ежедневной работы. Также труд таких работников, допущенных к сдельным работам, оплачивается по установленным сдельным расценкам, однако работодатель может устанавливать им за счет собственных средств доплату до тарифной ставки за время, на которое сокращается продолжительность их ежедневной работы.

Оплата труда работников в возрасте до восемнадцати лет, обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, и работающих в свободное от учебы время, производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Работодатель может устанавливать этим работникам доплаты к заработной плате за счет собственных средств.

Работодатель обязан направить и оплатить прохождение несовершеннолетними работниками обязательных предварительных при поступлении на работу медицинских осмотров, а также периодических ежегодных медицинских осмотров до достижения ими возраста 18 лет (ст. 69, 266 ТК РФ). Данная норма является реализацией гарантии несовершеннолетних на безопасный труд, который не должен приносить ущерб их физическому и психическому здоровью. Поэтому прохождение медицинских осмотров как перед трудоустройством, так и во время работы, на мой взгляд, для данной категории работников обязательно [1, с. 25].

Особое внимание трудовое законодательство уделяет регулированию труда женщин. Фактически относительно женщин действуют две

группы льготных труд правовых норм. Если первая группа норм связана с физиологическими особенностями женского организма, то вторая группа норм установлена для женщин как лиц с семейными обязанностями. Причем в законодательстве РФ отсутствует единое исчерпывающее определение термина «лицо с семейными обязанностями» [2, с. 33].

Ст. 253 ТК РФ предусмотрено обеспечение охраны здоровья женщин, которое осуществляется путем ограничения применения их труда на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах (за исключением нефизических работ, работ по санитарному и бытовому обслуживанию, обучения и прохождения стажировки). Беременным женщинам в соответствии с медицинским заключением и по их заявлению снижаются нормы выработки, нормы обслуживания либо эти женщины переводятся на другую работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе (ст. 254 ТК РФ). Женщины, имеющие детей в возрасте до полутора лет, в случае невозможности выполнения прежней работы переводятся по их заявлению на другую работу с оплатой труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе до достижения ребенком возраста полутора лет.

Женщинам по их заявлению и на основании выданного в установленном порядке листка нетрудоспособности предоставляются отпуска по беременности и родам продолжительностью 70 (в случае многоплодной беременности - 84) календарных дней до родов и 70 (в случае осложненных родов - 86, при рождении двух или более детей - 110) календарных дней после родов с выплатой пособия по государственному социальному страхованию (ст. 255 ТК РФ).

Об охране труда женщин свидетельствует, прежде всего, запрет необоснованного отказа женщине в приеме на работу: на основании ч. 1 ст. 64 ТК РФ запрещен необоснованный отказ в заключении трудового договора. Согласно ч. 3 данной статьи нельзя отказать женщине в заключении договора по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Работодатель в случае отказа женщине в приеме на работу по указанным мотивам обязан по письменному требованию женщины сообщить ей причину отказа в письменной форме в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования (ч. 5 ст. 64 ТК РФ).

При этом работодатель не вправе требовать от работницы представления справки из медицинской организации, если очевидно, что женщина беременна: в соответствии со ст. ст. 65, 283 ТК РФ справка о беременности не включена в перечень обязательных документов, предъявляемых при приеме на работу [2, с. 35].

Таким образом, на основании приведенных примеров льготных правовых режимов, предусмотренных трудовым законодательством, можно сделать вывод о том, указанные режимы в сфере регулирования трудовых отношений основной целью имеют установление правового равенства и социальной справедливости.

Библиография:

1. Санина Ю. Очень молодые работники: эксперт рассказал об особенностях трудоустройства подростков // Трудовое право. - 2023. - № 1. - С. 25 - 35.
2. Скачкова Г.С. Труд женщин в России: правовые новации по его охране // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2022. - № 2. - С. 31 - 36.
3. Снигирева И.О. Особенности правового регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 12. - С. 120 – 124.

References:

1. Sanina Yu. Very young workers: the expert spoke about the peculiarities of the employment of teenagers // Labor law. - 2023. - No. 1. - pp. 25-35.
2. Skachkova G.S. Women's labor in Russia: legal innovations for its protection // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2022. - No. 2. - pp. 31-36.
3. Snigireva I.O. Features of legal regulation of labor of persons working in the regions of the Far North and areas equated to them // Actual problems of Russian law. - 2014. - No. 12. - pp. 120-124.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_142

УДК 355.58

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ НАСЕЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ
ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ЗАЩИТЫ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
В Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF NORMATIVE ACTS REGULATING
THE ISSUES OF TRAINING THE POPULATION IN THE FIELD
OF CIVIL DEFENSE AND PROTECTION FROM EMERGENCY SITUATIONS
IN ST. PETERSBURG AND THE LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC**

ЗОКОЕВ Валерий Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры защиты населения и территорий
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: zva80@bk.ru;

МАРЧУК Виктор Леонидович,

старший преподаватель кафедры защиты населения и территорий
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: marvil71@mail.ru;

ШЕВЦОВА Владислава Михайловна,

студент Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: vladash-2002@yandex.ru;

Zokoev Valery Anatolievich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Protection of Population and Territories
of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after. Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev.
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: zva80@bk.ru;

Marchuk Victor Leonidovich,

Senior Lecturer at the Department of Population and Territory Protection of the St. Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev.
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: marvil71@mail.ru

Shevtsova Vladislava Mikhailovna,

student of the St. Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after. Hero of the Russian Federation Army General E. N. Zinichev.
196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: vladash-2002@yandex.ru

Краткая аннотация: Проводится сравнительно – правовой анализ нормативных актов, регламентирующих вопросы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций. Рассматриваются основные законы и постановления, определяющие порядок действий граждан при возникновении аварийных ситуаций, их права и обязанности, а также механизмы оказания помощи и защиты населения. В результате анализа выявляются общие и отличительные черты законодательства различных субъектах Российской Федерации в указанной сфере, а также предлагаются рекомендации по усовершенствованию нормативных актов для повышения эффективности подготовки населения к возможным угрозам и чрезвычайным ситуациям.

Abstract: A comparative legal analysis of normative acts regulating the issues of training the population in the field of civil defense and protection from emergency situations is carried out. The main laws and regulations defining the procedure for citizens' actions in case of emergency situations, their rights and obligations, as well as mechanisms for providing assistance and protection of the population are considered. As a result of the analysis, common and distinctive features of the legislation of various subjects of the Russian Federation in this area are identified, as well as recommendations for improving regulations to improve the effectiveness of preparing the population for possible threats and emergencies.

Ключевые слова: нормативно – правовая база, нормативный акт субъекта, чрезвычайная ситуация, гражданская оборона, защита населения, подготовка населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций.

Keywords: regulatory framework, regulatory act of the subject, emergency situation, civil defense, protection of the population, training of the population in the field of civil defense and protection from emergency situations.

Для цитирования: Зокоев В.А., Марчук В.Л., Шевцова В.М. Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих вопросы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в г. Санкт-Петербурге и Луганской Народной Республике // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_142.

For citation: Zokoev V.A., Marchuk V.L., Shevtsova V.M. Comparative legal analysis of normative acts regulating the issues of training the population in the field of civil defense and protection from emergency situations in St. Petersburg and the Luhansk People's Republic // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_142.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024
Дата публикации: 03.10.2024

Подготовка населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций – это система мероприятий по обучению

населения навыкам выживания и действиям в различных экстренных ситуациях и военных конфликтах и вследствие данных конфликтов осуществляемое в рамках единой системы подготовки.

Главная цель подготовки населения в области гражданской обороны (далее – ГО) и защиты от чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) – это повышение готовности населения к действиям в случае возникновения ЧС различного характера и военных конфликтов.

Работа по подготовке населения проводится в рамках мероприятий ГО и защиты от ЧС¹, которые координируются органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями². Активное участие в таких мероприятиях поможет населению быть готовым к действиям в различных ЧС и будет способствовать общей безопасности общества и государства.³

Правовое регулирование подготовки населения в области ГО и защиты от ЧС осуществляется законодательством каждого государства⁴.

Законы и нормативные акты определяют порядок подготовки населения к действиям в случае возникновения ЧС, обязанности по участию в мероприятиях ГО и защиты от ЧС, процедуру эвакуации, а также обязанности органов власти по обеспечению готовности населения и необходимых сил и средств, к действиям в условиях ЧС.⁵

Правовые нормы также регламентируют проведение учебных и тренировочных мероприятий, планирование действий при ЧС, организацию сил и средств для предотвращения и минимизации последствий ЧС, а также устранение их последствий.⁶

Указанные нормы обязывают органы власти и специализированные структуры поддерживать постоянную готовность к действиям в условиях ЧС различного характера и военных конфликтов, создавать необходимые резервы и ресурсы для реагирования на возможные угрозы, а также оказывать помощь пострадавшим.⁷

Основные аспекты правового регулирования подготовки населения в области гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций включают:

1) Законы и нормативные акты, которые определяют права, обязанности и порядок подготовки населения в области ГО и ЧС. В указанных документах прописаны порядок подготовки населения, проведения эвакуации, размещение пострадавших, предоставления жилья и гуманитарной помощи.

2) Обучение основным способам защиты и тренировки населения в случае ЧС и военных конфликтов. Проведение учений позволяет оценить готовность граждан к действиям в случае возникновения аварийных ситуаций, а также закрепить правильное поведение в экстренных ситуациях.

3) Создание системы оповещения и информирования населения о возможных ЧС и военных конфликтах⁸. На основе законодательства разрабатываются механизмы рассылки срочных сообщений и информации через средства массовой информации, социальные сети и иные доступные каналы.

4) Обеспечение населения средствами индивидуальной и коллективной защиты. Государство обязано обеспечить граждан необходимыми средствами защиты от опасности в случае ЧС и военных конфликтов.

5) Создание и подготовка необходимых сил для защиты и оказания помощи населению в случае возникновения аварийных и экстренных ситуаций, в которых могут принимать участие и добровольцы⁹.

Сравнительно – правовой анализ нормативных актов субъектов в области подготовки населения в области ГО и ЧС позволяет выявить различия и сходства в законодательстве различных регионов России. Это позволит определить уровень готовности населения в различных субъектах к ЧС военным конфликтам, а также выявить лучшие практики и опыт, который можно позаимствовать и применить в других регионах.

Анализ поможет определить, насколько нормативные акты субъектов соответствуют федеральным нормативным актам, а также выявить необходимость внесения изменений или улучшений в существующее законодательство. Кроме того, анализ позволяет выявить пробелы и несовершенства в нормативной базе и предложить меры по их устранению.

¹ Бабушкин, М. Ю. Анализ деятельности органов государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы по привлечению к административной ответственности за нарушения в сфере пожарной безопасности за 2022 год / М. Ю. Бабушкин, С. С. Приказчиков, А. М. Корчукова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 23-29. – EDN EITQAU.

² Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

³ Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDNTHPMIA.

⁴ Трофимов, В. В. Функция антикоррупционной экспертизы законопроектов в деятельности структуры законотворчества (постановка вопроса в контексте решения задачи усиления национальной безопасности) / В. В. Трофимов, Ю. В. Горюшина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 29-39. – EDN CURBUE.

⁵ Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDNZRPNOR.

⁶ Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDNRSTUZD.

⁷ Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 52-58. – EDNOMKQRM.

⁸ Глухов, Е. А. Некоторые предложения по приведению структуры военной организации государства в соответствие с возлагаемыми задачами (или о военной службе в противопожарных формированиях) / Е. А. Глухов, В. М. Шеншин, В. Ю. Иванов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 6(287). – С. 82-89. – EDN PWJNGH; Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.

⁹ Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.

Проведем сравнительно – правовой анализ нормативных актов субъектов: Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) и г. Санкт – Петербурга.

В г. Санкт – Петербург положения о подготовке населения в области ГО и защиты от ЧС закреплены в нормативном акте субъекта: Постановление Правительства Санкт – Петербурга №1393 «Об организации подготовки и обучения населения Санкт – Петербурга в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». В данном нормативном акте закреплены такие положения, как:

- 1) Полномочия Администраций районов по подготовке и обучению населения;
- 2) Правила пропаганды населения и органы, которые ее осуществляют;
- 3) Создание и развитие учебно – материальной базы в области ГО и защиты от ЧС;
- 4) Полномочия и обязанности органов местного самоуправления;
- 5) Рекомендации руководителям организаций по обучению работников в области ГО и защите от ЧС;
- 6) Основные программы и основания обучения в Учебно – методическом центре по гражданской обороне, чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности и др.

Необходимо отметить, что положения данного нормативного акта разработаны в соответствии с Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральным законом «О гражданской обороне», Постановлением Правительства РФ №841 «Об утверждении Положения о подготовке населения в области гражданской обороны», а также Постановлением Правительства РФ №1485 «Об утверждении Положения о подготовке граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

В ЛНР существует ряд нормативных актов, которые закрепляют некоторые положения подготовки населения области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций: Кодекс гражданской защиты и Постановление Совета Министров «Об утверждении Порядка осуществления обучения населения в сфере гражданской защиты». Следует отметить, что, не смотря на то, что ЛНР является субъектом Российской Федерации (далее – РФ), нормативная база составлена не опираясь на нормативную базу РФ.

При сравнительно – правовом анализе нормативных актов в области подготовки населения в г. Санкт – Петербурге и ЛНР можно сделать ряд выводов и рекомендации, касаемо нормативной базы ЛНР:

- 1) Нормативный акт должен опираться на основные нормативные акты РФ, которые закрепляют положения о ГО, защите от ЧС и подготовки населения в указанных сферах;
- 2) Закрепить права и обязанности населения, организаций, органов местного самоуправления и органов власти субъектов в области подготовки населения;¹
- 3) Правильно сформировать и закрепить положение об обучении в Учебно – методическом центре по гражданской обороне, чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности, указав при этом основную информацию (курсы, программы и т.п.) и основания обучения, а так же указать орган исполнительной власти, который будет обеспечивать решение задач и мероприятий в области подготовки населения;
- 4) Закрепить организацию системы обучения и мероприятий в сфере ГО, а так же правила поведения в случае ЧС;
- 5) Закрепить положение об организации информирования и оповещения населения о возможных угрозах и мерах предотвращения ЧС.

Необходимо отметить, что взаимодействие субъектов РФ по вопросам подготовки населения в области ГО и защиты от ЧС имеет большое значение, так как помогает освоить некоторые аспекты и особенности мероприятий в данной области². С помощью анализа нормативной базы субъектов можно выделить проблемные вопросы, которые можно разрешить, опираясь на опыт других субъектов

Таким образом, правовое регулирование подготовки населения в области ГО и защиты от ЧС направлено на обеспечение безопасности и защиты граждан в случае возникновения ЧС различного характера, а так же военных конфликтов. Сравнительно – правовой анализ нормативных актов субъектов играет важную роль в обеспечении безопасности населения и эффективного решения возможных ЧС. С помощью анализа возможно разрешения многих вопросов и проблем на территории определенного субъекта в области подготовки населения в сфере ГО и защиты от ЧС.

Библиография:

1. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
2. Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDNMEPIFS.
3. Зоков, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зоков, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDNRSTUZD.
4. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDNTHPMIA.
5. Немова, Н. Ю. Влияние конституционных норм на взаимоотношения органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 52-58. – EDN OMKRQM.

¹Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDNMEPIFS.

² Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

6. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
7. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // *Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.*
8. Глухов, Е. А. Некоторые предложения по приведению структуры военной организации государства в соответствие с возлагаемыми задачами (или о военной службе в противопожарных формированиях) / Е. А. Глухов, В. М. Шеншин, В. Ю. Иванов // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2021. – № 6(287). – С. 82-89. – EDN PWJNGH.
9. *Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.*
10. Бабушкин, М. Ю. Анализ деятельности органов государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы по привлечению к административной ответственности за нарушения в сфере пожарной безопасности за 2022 год / М. Ю. Бабушкин, С. С. Приказчиков, А. М. Корчукова // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2023. – № 4(61). – С. 23-29. – EDN EITQAU.
11. Трофимов, В. В. Функция антикоррупционной экспертизы законопроектов в деятельности структуры законодательства (постановка вопроса в контексте решения задачи усиления национальной безопасности) / В. В. Трофимов, Ю. В. Горюшина // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2022. – № 1(54). – С. 29-39. – EDN CURBUE.
12. Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

References:

1. Kapustin, A. Ya. Prevention and liquidation of emergency and crisis situations: problems of formation of international legal regulation / A. Ya. Kapustin // *Pravo. Safety. Extraordinary situations*. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
2. Shenshin, V. M. Restriction of human and civil rights and freedoms in an emergency situation and state of emergency / V. M. Shenshin, V. A. Ekushova, E. S. Kuznetsova // *Law in the Armed Forces - Military Law Review*. – 2024. – № 2(319). – Pp. 17-20. – EDNMEPIFS.
3. Zozov, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified state system for the prevention and liquidation of emergency situations / V. A. Zozov, V. M. Shenshin // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2023. – No. 1. – pp. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDNRSTUZD.
4. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // *Law in the Armed Forces - Military Law Review*. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDNTHPMIA.
5. Nemova, N. Y. The influence of constitutional norms on the relationship between state authorities and local self-government in the Russian Federation / N. Y. Nemova, V. P. Grigoris // *Pravo. Safety. Extraordinary situations*. – 2021. – № 3(52). – Pp. 52-58. – EDN OMKRQM.
6. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // *Law in the Armed Forces - Military Law Review*. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.
7. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of protection of the population from emergency situations / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // *Fire safety: modern challenges. Problems and solutions : Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zykov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Disaster Response of the Russian Federation, 2021. – pp. 141-145. – EDN IBAGYU.*
8. Glukhov, E. A. Some proposals for bringing the structure of the military organization of the state in line with the assigned tasks (or about military service in fire-fighting formations) / E. A. Glukhov, V. M. Shenshin, V. Yu. Ivanov // *Law in the Armed Forces - Military-legal review*. – 2021. – № 6(287). – Pp. 82-89. – EDN PWJNGH.
9. *Military law / A.V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkov [et al.]. Volume II. – Moscow : Limited Liability Company "Center for Legal Communications", 2021. – 888 p. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.*
10. Babushkin, M. Yu. Analysis of the activities of the state fire supervision bodies of the Federal Fire Service to bring to administrative responsibility for violations in the field of fire safety in 2022 / M. Yu. Babushkin, S. S. Prikazchikov, A.M. Korchukova // *Right. Safety. Emergency situations*. – 2023. – № 4(61). – Pp. 23-29. – EDN EITQAU.
11. Trofimov, V. V. The function of anti-corruption expertise of draft laws in the activity structure of lawmaking (posing the question in the context of solving the problem of strengthening national security) / V. V. Trofimov, Yu. V. Goryushina // *Pravo. Safety. Emergency situations*. – 2022. – № 1(54). – Pp. 29-39. – EDN CURBUE.
12. Shenshin, V. M. Criminal liability for crimes in the field of civil defense / V. M. Shenshin, Ya. M. Pogadaeva // *Law in the Armed Forces - Military Law Review*. – 2023. – № 11(316). – Pp. 83-88. – EDN SLRWPS.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ РОЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH THE MASS MEDIA AND THEIR ROLE IN THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY

ЮРЧЕНКОВА Валентина Николаевна,

старший инспектор отделения информации и общественных связей
Академия управления МВД России.

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: yurchenkovav@bk.ru;

Yurchenkova Valentina Nikolaevna,

Senior Inspector of the Information and Public Relations Department
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8.

E-mail: yurchenkovav@bk.ru

Краткая аннотация. В современных условиях выстраивание оптимальной организации правоохранительной системы во взаимодействии с институтами гражданского общества, включающими средствами массовой информации актуализирует потребность в изучении современного состояния правового регулирования и организации взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации. В научной статье определена роль средств массовой информации в системе обеспечения национальной безопасности.

Abstract. In modern conditions, building an optimal organization of the law enforcement system in interaction with civil society institutions, including the media, actualizes the need to study the current state of legal regulation and the organization of interaction between internal affairs bodies and the media. The scientific article defines the role of the media in the system of ensuring national security.

Ключевые слова: взаимодействие органов внутренних дел, средства массовой информации, национальная безопасность, правоохранительная система, институт гражданского общества.

Key words: interaction between internal affairs bodies, media, national security, law enforcement system, institute of civil society.

Для цитирования: Юрченкова В.Н. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации и их роль в системе обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 146-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_146.

For citation: Yurchenkova V.N. Interaction of internal affairs bodies with the mass media and their role in the system of ensuring national security // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 146-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_146.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Для современного геополитического устройства миропорядка характерны новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации. При этом важно учитывать три уровня национальной безопасности – безопасность личности, общества и государства [1, с. 100], которые в своей совокупности и взаимообусловленности обеспечивают надежную безопасность Российской Федерации в целом. Проблемные вопросы национальной безопасности Российской Федерации имеют достаточно широкое освещение в трудах ученых и практиков, представителей различных областей (политологи, социологи, историки, юристы и др.) [1; 2, с. 57-61].

Обеспечение национальной безопасности, как первостепенная стратегическая задача государства, в лице органов публичной власти – это реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности.

В целях реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, руководство страны и Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России, Министерство) принимают комплекс мер в целях выстраивания оптимальной организации правоохранительной системы, во взаимодействии с институтами гражданского общества, включающими средствами массовой информации (далее – СМИ), участвующими в реализации задач Стратегии национальной безопасности. К сожалению, несмотря на важность вышеуказанных мер, современные тенденции взаимодействия правоохранительных органов со СМИ в рамках обеспечения национальной безопасности остаются не в должной мере исследованными с точки зрения правового регулирования, организационного и научно-методического обеспечения.

В числе негативных тенденций следует особо выделить отсутствие концептуальных основ организации целенаправленной, непрерывной, многоаспектной деятельности в процессе взаимодействия ОВД и СМИ.

Постановка вопроса о необходимости формирования концепции совершенствования взаимодействия не нова и в современных условиях приобретает особый смысл [3, с. 213–217]. В свою очередь, комплекс системных мер, направленных на разрешение проблем взаимодействия ОВД со СМИ не будет иметь должную эффективность в отсутствие Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества (далее – Концепция, Концепция совершенствования взаимодействия) [4]. Именно Концепция как система взглядов на последовательное повышение эффективности взаимодействия, разработанная с целью определения и развития приоритетных направлений взаимодействия и принятия комплекса мер, направленных на: теоретико-методологическое обеспечение, правовое регулирование; создание организационных, экономических, информационных, материально-технических условий для повышения эффективности взаимодействия; и др. Особо актуально определить и закрепить

пить в нормах Концепции роль СМИ в системе обеспечения национальной безопасности.

Следовательно, по-прежнему не теряет актуальности поиск новых оптимальных форм, приемов, методов, а также стратегических направлений совершенствования взаимодействия ОВД и СМИ в рамках обеспечения национальной безопасности. СМИ традиционно называют «четвертой ветвью власти». Это особо очевидно в эпоху современных политических, социально-экономических, цифровых трансформаций, в процессе которых роль СМИ характеризуется многоаспектностью. Повсеместные проявления масштабных изменений, происходящих в государственном управлении в различных сферах, требуют осознания последствий вызовов и угроз, репутационных рисков в результате неэффективного взаимодействия с заинтересованными сторонами, в том числе со СМИ.

«Эффективное и качественное взаимодействие правоохранительных органов государства (в первую очередь МВД России) с иными федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти в субъектах Российской Федерации, государственными и негосударственными организациями, органами местного самоуправления в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности, борьбы с преступностью, как справедливо подчеркивают А.М. Кононов и О.В. Петрова, выступает сегодня важным системообразующим фактором...» [5, с. 118].

Анализ трудов известных ученых позволяет прийти к позиции, что понятие «взаимодействие» трактуется как в широком и узком значении. Широкая трактовка используется при познании указанной философской категорий. Зачастую понятие «взаимодействие» раскрывается с учетом системно-деятельностного подхода.

Взаимодействие определяется: во-первых, как философская категория, отражающая процессы воздействия взаимно обусловленных, взаимно порождающих объектов либо субъектов друг на друга; во-вторых, как процесс, способствующий образованию структур. Так, в социальных процессах взаимодействие обладает признаком наличия обратной связи, получаемой одним его субъектом от другого; в-третьих, как деятельность – способ осуществления социальных связей, с точки зрения социальной деятельности.

Интересен подход В.А. Морозова, изложенный в научной статье «Взаимодействие: понятие, виды и свойства». По мнению известного ученого «взаимодействия являются исходными пунктами разного рода познавательных ситуаций постольку, поскольку они обнаруживают сдвиги и изменения в состояниях и движениях предметов, в позициях, действиях и восприятиях человека. Взаимодействие, открывая свойства, включенных в него объектов, вместе с тем косвенным образом определяет ситуацию познания, фиксирует познавательные способности субъекта, его «помещенность» в ситуацию, его причастность взаимодействию, а стало быть, и его собственные свойства» [6, с. 1314]. В этой связи взаимодействии ОВД со СМИ с точки зрения наличия обратной связи, анализируя и обобщая состояние стратегических национальных приоритетов, интересов граждан, имеют возможность интерпретировать и уведомлять органы государственной власти, в том числе осуществляющие правоохранительные функции, о наличии тех или иных проблем, о степени общественной реакции, осуществлять мониторинг отношения к определенным фактам, событиям, процессам и формировать общественное мнение [7, с. 140]. Соответственно ОВД осуществляя свою деятельность на основе таких принципах как законность, открытость, публичность, общественное доверие и поддержка граждан [7, с. 140–143] обеспечивают посредством взаимодействия достижение целей и решение задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов.

На наш взгляд критично следует подойти к анализу понятия взаимодействия ОВД со СМИ, которое было положено в основу Концепции совершенствования взаимодействия. Данный правовой акт раскрывал взаимодействие как «создание необходимых условий для своевременного доведения до граждан информации о деятельности подразделений системы МВД России в области борьбы с преступностью, предупреждения и пресечения правонарушений, а также о принимаемых мерах по реализации государственной политики в сфере внутренних дел» [4].

Ограничение понятия «взаимодействие» исключительно созданием условий для своевременного доведения до граждан информации оказывает негативное влияние на развитие других направлений взаимодействия ОВД со СМИ. Следует подчеркнуть, что за пределами внимания остались такие значимые направления взаимодействия ОВД со СМИ в сфере организации деятельности, профилактики, противодействия преступности, обеспечения национальной безопасности и достижения иных целей.

Как справедливо отмечает О.И. Ильянова «под взаимодействием правоохранительных органов и средств массовой информации следует понимать постоянный управленческий процесс, осуществляемый через пресс-службы либо специально выделенных для данной деятельности сотрудников с представителями редакций СМИ на взаимовыгодных условиях для достижения собственных целей» [8, с. 15–16].

Термин «взаимодействие» зачастую определяет регулируемую нормативными правовыми актами, целенаправленную, согласованную, непрерывную, многоаспектную деятельность заинтересованных субъектов, предполагающую использование широкого спектра социально-коммуникативных технологий. Взаимовыгодные условия, при которых осуществляется процесс взаимодействия правоохранительных органов со СМИ, требуют реализации ряда управленческих функций, таких как информационное обеспечение, планирование, оценка деятельности и контроль ее результатов. При этом совместное участие и взаимная деятельность сотрудников, подразделений, организаций и органов, осуществляется на основе разделения функций, полномочий и взаимных обязательств [9, с. 9].

Особо следует подчеркнуть роль СМИ как одного из институтов гражданского общества, в процессе обеспечения национальной безопасности. Так, Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [10], определяя основные положения, правовые основы, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, в ст. 26 регламентирует, что «обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и обще-

ственная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

Национальная безопасность Российской Федерации как отмечено в ст. 27 обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов [10].

Важно отметить, что вышеуказанные стратегические национальные приоритеты могут быть достигнуты, в том числе при эффективном функционировании СМИ и непосредственном их участии в решении задач, предусмотренных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. При этом целесообразно: во-первых, совершенствовать правовое регулирование организационно-правовых форм, в которых осуществляют функционирование как ОВД, так и СМИ [10; 11]; во-вторых, совершенствовать с учетом современных подходов к модернизации органов публичной власти и институтов гражданского общества организационно-структурное построения субъектов взаимодействия (ОВД и СМИ); в-третьих, оптимизировать процесс функционирования и деятельности как ОВД, так и СМИ, в том числе с учетом традиционных функций управления, которые пронизывают все открытые системы социального управления; в-четвертых, осуществлять формирование организационных условий, средств, приемов и методов взаимодействия; в-пятых, совершенствовать научно-методическое обеспечение взаимодействия ОВД со СМИ; и др.

Взаимодействие ОВД со СМИ может осуществляться в различных формах с учетом: во-первых, уровней на которых осуществляется взаимодействие; во-вторых, взаимодействующих субъектов; в-третьих, целенаправленности деятельности; в-четвертых, условий и факторов, обуславливающих взаимодействие и др.

Как подчеркивает Э.В. Намруева «связи с общественностью в ОВД являются управленческой деятельностью, предполагающей взаимодействие, организованное с помощью технологий связей с общественностью, с обязательным каналом обратной связи» [12, с. 109].

Оптимизация взаимодействия ОВД со СМИ, как сложный управляемый процесс, включающий взаимосвязанные элементы, которые обеспечивают перевод процесса деятельности из начального состояния, существующего в данный момент времени, в новое состояние, максимально удовлетворяющее современным условиям и требованиям. Как справедливо отмечает И.П. Можаяева, в процессе оптимизации поиск наилучшего варианта относится и к преобразуемому объекту, и к процессу преобразования, а также и к процессу управления данным преобразованием [13, с. 78-80].

Оптимизация традиционных и поиск новых технологий взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации с учетом цифровой трансформации общественных отношений – это одно из направлений современной Концепции совершенствования взаимодействия.

Библиография:

1. Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. М.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 240 с.
2. Жаде З.А. Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. С. 57–61.
3. Янбукхтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 7 (57). В 2-х ч. Ч. II. С. 213–217.
4. Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества на 2009–2014 годы: приказ МВД России от 1 января 2009 г. № 1 (утратил силу) // Доступ из справочной правовой системы СТРАС «Юрист».
5. Кононов А. М., Петрова О. В. К вопросу о применении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в соглашениях МВД России и его территориальных органов на региональном уровне с государственными органами и негосударственными организациями // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 117–125.
6. Морозов В.А. Взаимодействие: понятие, виды и свойства // Креативная экономика. 2015. № 9 (10). С. 1309–1318.
7. Андреев А.В., Токарев Д.С. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации в интересах развития российского общества // Экономика и политика. 2015. № 1. С. 140–143.
8. Ильянова О.И. Особенности взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации. Право и управление. 2022. № 5. С. 15–19.
9. Ульянов А.Д., Гайфулин В.В., Болдырев У.К., Можаяева И.П. Организация управления органами внутренних дел : учеб. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2019. – 64.
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
11. Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16.06.2011 № 683 (ред. от 28.12.2021) // Доступ из справочной правовой системы «СтрасЮрист».
12. Намруева Э.В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Том 12. № 4. С. 104–111.
13. Можаяева И.П. Научно обоснованная система процессуальных, управленческих и криминалистических мер по повышению эффективности организационного обеспечения деятельности органов расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 78–83.

References:

1. Zubkov A.I. Geopolitics and problems of national security of Russia. M.: Publishing house "Legal Center Press", 2004. - 240 p.
2. Zhade Z.A. National interests and security of Russia in the context of geopolitics // Bulletin of the Adygea State University. 2005. pp. 57–61.
3. Yanbukhtin R.M. Law enforcement agencies and the media: problems and principles of interaction // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Certificate. 2015. No. 7 (57). In 2 parts. Part II. pp. 213–217.
4. On approval of the Concept for improving the interaction of units of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the media and civil society institutions for 2009–2014: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 1, 2009 No. 1 (lost force) // Access from the reference legal system STRAS "Lawyer".
5. Kononov A. M., Petrova O. V. On the issue of applying the concepts of "interaction" and "cooperation" in agreements of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its territorial bodies at the regional level with government agencies and non-governmental organizations // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (49). pp. 117–125.
6. Morozov V.A. Interaction: concept, types and properties // Creative Economy, 2015. No. 9 (10). pp. 1309–1318.
7. Andreev A.V., Tokarev D.S. Interaction of internal affairs bodies with the media in the interests of the development of Russian society // Economics and Politics. 2015. No. 1. pp. 140–143.
8. Ilyanova O.I. Features of interaction between internal affairs bodies and the media. Law and management. 2022. No. 5. pp. 15–19.
9. Ulyanov A.D., Gaifulin V.V., Boldyrev U.K., Mozhaeva I.P. Organization of management of internal affairs bodies: textbook. allowance. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 64.
10. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 5, 2021 No. 27 (Part II) Art. 5351.
11. On approval of the Regulations on the Department for Interaction with Civil Society Institutions and the Media of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 16, 2011 No. 683 (as amended on December 28, 2021) // Access from the StrasJurist reference legal system .
12. Namruева E.V. Interaction of internal affairs bodies with the media // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2020. Vol. 12. No. 4. pp. 104–111.
13. Mozhaeva I.P. A scientifically based system of procedural, managerial and forensic measures to increase the efficiency of organizational support for the activities of crime investigation bodies // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (43). pp. 78–83.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА Theoretical and legal aspect of modern Russian federalism

СЕМИЧЕВА Анастасия Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права

Института права и национальной безопасности РАНХиГС.

пр. Вернадского, 84, корп. 3, г. Москва, 119606, Россия.

E-mail: asemicheva@yandex.ru;

Semicheva Anastasia Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law

Institute of Law and National Security of the RANEPA.

84 Vernadsky Ave., building 3, Moscow, 119606, Russia.

E-mail: asemicheva@yandex.ru

Краткая аннотация: Федерализм, его сущность, формы, во все времена имели особую значимость в научных кругах. Повышенный исследовательский интерес обоснован тем, что при всем устоявшемся постулате признаков, для каждого государства, имеющего федеративное устройство, свойственно собственное его проявление, отличное от других. Современный федерализм, как форма организации государственной власти, может приобретать уникальные формы, которые порой сложно определить, отталкиваясь от его традиционных признаков. Отличается он и в России, получая свое правовое регулирование в Основном Законе нашего государства.

Abstract: Federalism, its essence, forms have always had special significance and interest in scientific circles. The increased research interest is justified by the fact that, despite the well-established postulate of characteristics, each state that has a federal structure is characterized by its own manifestation, different from others. Modern federalism, as a form of organization of state power, can take on unique forms that are sometimes difficult to define based on its traditional characteristics. It is also different in Russia, receiving its legal regulation in the Basic Law of our state.

Ключевые слова: государство, федерализм, федеративное устройство, Конституция Российской Федерации, форма организации государственной власти, признаки федерализма, территориальная организация власти.

Key words: state, federalism, federal structure, the Constitution of the Russian Federation, form of organization of state power, signs of federalism, territorial organization of power.

Для цитирования: Семичева А.С. Теоретико-правовой аспект современного российского федерализма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 149-150. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_149.

For citation: Semicheva A.S. Theoretical and legal aspect of modern Russian federalism // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 149-150. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_149.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Вопросы федерализма и его сущности – одна из актуальнейших тем в научных кругах современности, что видится вполне оправданным, поскольку с данным понятием связано не только территориальное устройство, но и более широкий круг характеристик любого государства, в том числе Российской Федерации.

Традиционно в научной доктрине федерализм ассоциируется с идеей организации власти, основанной «на относительном политико-территориальном обособлении его частей» [3, с. 40]. К его отличительным признакам, современные исследователи относят следующие:

- во-первых, отнесение и к структуре и функционированию государственной власти;
- во-вторых, целевое назначение, которое требуется рассматривать через призму обеспечения единства общественных структур, при всем их многообразии; следует отметить, что данный признак в научных кругах вызывает достаточно серьезную полемику, поскольку федерализм может приобретать как интеграционный, так и дезинтеграционный характер;
- в-третьих, объединяет в себе действия различных факторов: политического, социального экономического, идеологического и др.;
- в-четвертых, он самодостаточен, выполняя свои цели по обеспечению единства территорий, общества, он не может быть связан с унитаризмом или сепаратизмом;
- в-пятых, его основными направлениями выступают обеспечение развития государства, в условиях проблем общемирового масштаба.

Данный перечень признаков федерализма не носит исчерпывающий характер и непрерывно дополняется ввиду своего развития.

Сущность федерализма следует рассматривать через призму его функционального предназначения, заключающегося в объединении и общества и власти на всех уровнях его территориальной организации. Ошибочно предполагать, что он заключается исключительно во внутригосударственных отношениях. В современном пространстве он принимает особые формы, которые трудно связать с традиционным, сложившимся в доктрине понятием федерализма [4, с. 134]. Отличительные признаки свойственны и для отечественного федерализма. В частности, его построение в России отождествляется с принятием Основного Закона нашего государства [1], которым устанавливается ее федеративное устройство, а сам рассматриваемый институт получает свое правовое регулирование в рамках главы 3 данного правового акта.

По справедливому замечанию исследователей, он представляет собой уникальную форму, отличную от представленных форм федерализма в иных государствах, что в первую очередь, обусловлено его историческими корнями. В частности, ряд современных ученых полагают, что свои начала он берет еще со времен Древнерусского государства, которому было свойственно деление «на княжества, которые имели свои системы управления, вече в Новгороде и единоличная власть в Москве» [5, с. 72]. Однако, стоит иметь в виду, что указанная точка зрения не обоснована, поскольку, как уже было отмечено выше, Древнерусское государство, как федеративная форма организации власти не содержало основного признака федерализма, заключающегося в самостоятельности частей, но не исключающего зависимости от единого центра. Иначе говоря, в Древнерусском государстве «отсутствовал признак единой системы законов, а также единой системы управления территорией [2, с. 27].

Более обоснованной видится позиция о том, что «формирование федерализма в России выражается в том, что федерализм начался с развития России как централизованного унитарного государства унитарного государства» [5, с. 72].

Анализ положений Конституции Российской Федерации позволяет выделить ряд специфических черт, присущих отечественному федерализму, которые заключаются в следующем.

Первым следует выделить четкое разграничение компетенции между федеральными органами и органами субъектов. Так, в соответствии с положениями Основного Закона нашего государства, который обладает приоритетом над всей законодательной базой, в Российской Федерации устанавливается «единство столицы, государственной символики, государственного языка, денежной единицы, гражданства, Вооруженных Сил и др.» [3, с. 41]. Также, согласно его положениям, обеспечивается свобода экономического пространства, выраженная в запрете на установление таможенных границ, свободе перемещения товаров и пр.

Иным признаком федерализма выступает организация исполнительной власти, которая реализуется на всех уровнях. В частности, федеральные исполнительные структуры наделены компетенцией образовывать соответствующие территориальные органы на уровне субъектов Российской Федерации. В качестве еще одного признака отечественного федерализма следует рассматривать то, что положениями Основного Закона государства выделяется «три разновидности компетенции власти: исключительная компетенция федерального центра; совместная компетенция центра и субъектов; исключительная компетенция субъекта» [3, с. 40]. Но следует отметить возможность делегирования части полномочий структурам уровнем ниже.

Относительную самостоятельность, характерную для современного федерализма, демонстрирует возможность субъектов иметь свои собственные законы, наименования, аппарат органов власти, язык, символику, столицу, почетные звания и награды.

Между тем, к общей компетенции федерации и субъектов относятся вопросы изменения статуса последнего, его территории. В данном контексте важно отметить, что власть одного субъекта не может распространяться на другой, что говорит об их относительной самостоятельности, но Конституция Российской Федерации лишает их возможности в одностороннем порядке выйти из состава федерации. Также они лишены права на дипломатическое признание своей обособленности, заключения международных соглашений и совершения иных действий международного характера от своего имени.

В случаях, если данные действия не нарушают установленного конституционного строя, «Федерация может передавать часть своих полномочий по международным договорам межгосударственным объединениям» [3, с. 41]. Указанные признаки отечественного федерализма на современном этапе не носят исчерпывающего характера, но отчетливо демонстрируют целостность Российской Федерации, как государства, единства системы государственной власти, при разграничении предметов ведения. Между тем, его развитие сопряжено с рядом проблем, которые обусловлены необходимостью модернизации взаимодействия федерального уровня и уровня субъектов.

Так, ряд исследователей [2,3, 4.] видят необходимость в уменьшении самобытности субъектов, что необходимо закрепить в Конституции Российской Федерации. Свою позицию исследователи подкрепляют тем, что достаточно часто субъекты выдвигают требования о признании собственной независимости, что в последствии приводит к вооруженным конфликтам и при этом вне зависимости выдвигаются ли эти требования для обоснования отделения или просто улучшения положения при обычной борьбе между органами различных уровней государственной власти, они являются наиболее агрессивной тактикой, используемой региональной единицей.

В рамках разрешения данной проблемы можно предложить: во-первых, реализовать принцип субсидиарности на всех уровнях публичной власти; во-вторых, «закрепить институт федерального вмешательства непосредственно в тексте Конституции РФ; изменить порядок формирования Совета Федерации (непосредственные выборы), расширить полномочия палаты в законодательном процессе, при осуществлении контрольной функции» [3, с. 41]. Представленные точки зрения имеют право на существование, поскольку характерный для России федерализм на современном этапе объединяет субъекты скорее по экономическому признаку, нежели по национально-этническому, но представленные поправки способствуют сближению их экономического потенциала.

Таким образом, современное состояние федерализма следует рассматривать через призму наличия единой модели управления, способной обеспечить развитие такого крупного государства, как Россия. Рассмотрев его отличительные признаки, видится возможным отметить, что посредством его установления обеспечивается единство системы государственной власти, при разграничении предметов ведения. Между тем, к числу возможным путей совершенствования отечественного федерализма следует отнести необходимость укрепления государственности через совершенствование институтов государственной власти и общественных структур, а также совершенствования законодательства и взаимоотношений между федеральными структурами, регионами и муниципалитетами.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (с учётом поправок, внесённых законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Глигич-Золотарева М. В. Правовые основы федерализма. М., 2006. – 276с.
3. Давудов Д.А., Давтян В.Р. Российский Федерализм: краткая характеристика //Аграрное и земельное право. 2016. № 10(142). С. 40-49.
4. Епифанов А.Е., Баев Р.Р., Джумагулов А.С. Федеральное вмешательство как институт федеративного государства (вопросы теории государства и права). Волгоград, 2011. 167 с.
- 5.Ковалев С.В. Актуальные вопросы российского федерализма // Образование и право. 2022. № 9. С. 72-88.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. St. 4398.
2. Gligich-Zolotareva M. V. Legal foundations of federalism. M., 2006. – 276с.
3. Davudov D.A., Davtyan V.R. Russian Federalism: a brief description //Agrarian and land law. 2016. No. 10(142). pp. 40-49.
4. Epifanov A.E., Baev R.R., Dzhumagulov A.S. Federal intervention as an institution of a federal state (issues of theory of state and law). Volgograd, 2011. 167 p.
- 5.Kovalev S.V. Actual issues of Russian federalism // Education and law. 2022. No. 9. pp. 72-88.

**ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ
ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ
ОТРЯДА СОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ «ТИГР» ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**
**Volunteer movements in the mechanism of legal education of the younger
generation: the example of the Police Assistance Unit “Tiger” of the Penza region**

ГУСЕВА Алёна Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
Пензенского государственного университета.
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская обл., 440026, Россия.
E-mail: artguseva@mail.ru;

ПОНАМАРЕВА Маргарита Алексеевна,
студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская обл., 440026, Россия.
E-mail: ponamarevamargo@yandex.ru;

Guseva A.L.,
associate professor, candidate of jurisprudence
The Department of state and legal disciplines of the Penza state university.
Krasnaya str., 40, Penza, Penza region, 440026, Russia.
E-mail: artguseva@mail.ru;

Ponamareva M.A.,
student of the Law Institute Penza State University.
Krasnaya str., 40, Penza, Penza region, 440026, Russia.
E-mail: ponamarevamargo@yandex.ru

Краткая аннотация: Развитие демократических институтов настоящего времени демонстрирует вариативность модернизации и апробации новых форм общественных молодежных движений. Инициативные представители молодого поколения заявляют активную вовлеченность в механизмы общественного присутствия в работе органов государственной власти. Конституционные изменения 2020 года способствуют развитию по пути укрепления сфер взаимодействия публичной власти с институтами гражданского общества, обуславливается необходимость взаимного доверия, укрепления принципа законности во взаимной работе государства и общества, особая роль в сфере совместной деятельности принадлежит патриотическому и правовому воспитанию молодого поколения. Авторы представленной статьи обсуждают возможность распространения опыта Пензенской области, в частности, работы молодежного отряда «Тигр» по его основным направлениям, в других регионах Российской Федерации, в частности, на площадках научно-практических мероприятий.

Abstract: The development of democratic institutions of the present time demonstrates the variability of modernization and testing of new forms of social youth movements. Proactive representatives of the younger generation declare active involvement in the mechanisms of public presence in the work of public authorities. The constitutional amendments of 2020 contribute to the development of strengthening the spheres of interaction between public authorities and civil society institutions, the need for mutual trust, strengthening the principle of legality in the mutual work of the state and society, a special role in the field of joint activities belongs to the patriotic and legal education of the younger generation. The authors of the presented article discuss the possibility of spreading the experience of the Penza region, in particular, the work of the Tiger youth detachment in its main areas, in other regions of the Russian Federation, in particular, at the sites of scientific and practical events.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая культура, гражданское общество, волонтерство, общественные движения, конституционные ценности, патриотизм, молодежь, законность.

Keywords: legal education, legal culture, civil society, volunteerism, social movements, constitutional values, patriotism, youth, legality.

Для цитирования: Гусева А.Л., Понамарева М.А. Добровольческие движения в механизме правового воспитания молодого поколения: на примере Отряда содействия полиции «Тигр» Пензенской области // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 9(237). С. 151-154. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_151.

For citation: Guseva A.L., Ponamareva M.A. Volunteer movements in the mechanism of legal education of the younger generation: the example of the Police Assistance Unit “Tiger” of the Penza region // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 9(237). pp. 151-154. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_151.

Статья поступила в редакцию: 30.07.2024

Приоритетом развития и краеугольным пунктом в обеспечении стабильного развития государства, общества, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина сегодня выступает гражданско-патриотическое воспитание молодежи. Это очень важное направление в функционировании нашего государства обуславливает в своей перспективе подготовку нового кадрового потенциала страны, который должен быть ориентирован на общественно полезный труд, высокие нравственные и профессиональные компетенции, усвоение и внедрение в общественные отношения всех сфер функционирования государства конституционных ценностей, сквозь призму правового воспитания. Отмеченные и другие факторы служат мотивацией актуализации среди молодежных общественных организаций и объединений безукоризненной законности их деятельности, в частности, во взаимоотношениях с публичной властью и должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, правопорядка, что, например, обуславливает в перспективе борьбу с таким негативным явлением, как коррупция.

Среди перспективных направлений гражданско-патриотического воспитания молодежи особое место занимает добровольческая деятельность – волонтерство. Сказанное подтверждается тем, что в 2020 году в Основной закон Российской Федерации были внесены поправки, касающиеся поддержки добровольцев и волонтеров. Однако, закрепление гражданских инициатив на конституционном уровне не делает про-

цесс правореализации этих норм незамедлительно внедряемым, применяемым и эффективно работающим. Мы снова должны сказать о целом механизме обеспечения и реализации конституционно-правовой норме, в котором должны быть задействованы: публичная власть, институты гражданского общества, инициативная личность, готовая жертвовать личным свободным временем и своими силами в интересах общества и государства. По мнению А.К. Сисакьяна вопросы отражения в Конституции Российской Федерации институтов гражданского общества в п. «е1» ч.1 ст.114, которые выражаются в наделении Правительства Российской Федерации полномочиями по осуществлению мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, посредством обеспечения их участия в выработке и проведении государственной политики [1] не в полной мере отвечают запросам общества и государства. В частности, исследователь указывает «столь «мимо-летное и робкое» указание на важнейшую конституционную ценность в числе одного из многочисленных полномочий органа государственной власти, явно недостаточно. А потому, как и прежде, можно говорить о том, что конституционный законодатель так и не включил в содержание Конституции Российской Федерации категорию «гражданского общества», в том числе по-прежнему не обеспечивая возможности народного контроля, хотя ранее принимались законы об основах такого контроля, о парламентском контроле и т.д.» [2.С.17]. С учетом приведенной позиции, следует заметить, что в исследовании институты гражданского общества представляются в качестве важнейшей конституционной ценности, мы полностью солидаризируемся и поддерживаем данную точку зрения. Конституция России имеет весьма существенный потенциал в плане содержательных характеристик иерархии и системы конституционных ценностей, которые могут и должны оказывать непосредственное влияние на национальное конституционное правосознание, а также на конституционное правосознание представителей публичной власти, которые должны выстраивать стабильные и эффективно функционирующие взаимоотношения с институтами гражданского общества. Последнее также продолжает оставаться в процессе формирования в России, несмотря на то, что исследованием сущности гражданского общества, идеям его построения были посвящены работы Аристотеля, Платона, Гроция, Гоббса, Гегеля, Локка и других великих мыслителей многовековой истории. Понятие гражданского общества, применительно к рассмотрению в правовой сфере России, не закреплено на сегодняшний день в национальном законодательстве, что порождает различные научные трактовки и подходы к его генезису и определению. В частности, по мнению Л.Ю. Грудцкой, Д.А. Пашенцева, А.Г. Чернявского «гражданское общество – это взаимосвязанная система независимых от государственной власти общественно-политических институтов, участвующих в общественных отношениях (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, корпоративных, религиозных и др.), возникающих по поводу реализации гражданами своих прав и свобод и находящихся вне политических (государственных) и частных (личных) отношений, но в рамках национального законодательства» [3. С.7]. Данная точка зрения, на наш взгляд, интересна тем, что приводит к размышлениям о вопросе независимости элементов гражданского общества от публичной власти, с одной стороны, в понятие которого (публичная власть) на сегодняшний день включены и органы местного самоуправления, которые в свою очередь также в исследованиях характеризуются, как основная ячейка построения гражданского общества, с другой стороны, в процессе построения сильного государства, возникает вопрос о разумности противопоставления государству институтов гражданского общества, их полной независимости. Наша позиция состоит в том, что эффективность государственной политики напрямую зависит от эффективности взаимоотношений с представителями инициативных граждан и их объединений, приоритетности направления взаимной работы и совершенствования реализации инициатив гражданских объединений и организаций, среди которых все активнее деятельность молодежных добровольческих движений.

Подчеркивая важность добровольческих движений в современном эволюционировании государства, в действительности нельзя умолчать, что и период распространения коронавирусной инфекции, связанные с ним ограничения, а в большей степени период начала специальной военной операции обусловили новый виток развития добровольческой деятельности, которая стала распространенной и крайне востребованной. Конституционно-правовое регулирование правового обеспечения волонтерской деятельности, конечно, вышло на новый уровень, но справедливости ради отметим, что еще возникают вопросы и ситуации, требующие разрешения в рамках правового поля, в частности, они нередко касаются обеспечения прав и законных интересов участников добровольческих движений, процедур их деятельности и т.д. В поддержку сказанного, отметим позицию Р.Б. Пхитикова, указывающего «Несмотря на то, что волонтерство достаточно давно распространено в Российской Федерации, к настоящему моменту сохраняется множество дискуссионных вопросов в отношении правового регулирования данной деятельности. С одной стороны, в рамках заявленной проблематики принят целый ряд нормативно-правовых актов, с другой стороны, все еще сохраняются отдельные пробелы и противоречия теоретико-правового и практического характера, которые негативно отражаются на дальнейшем развитии волонтерской деятельности» [4.С.111]. С учетом этих обстоятельств, представляется, что практика и опыт функционирования волонтерства будут обуславливать и подсказывать законодателю актуальные векторы правового регулирования рассматриваемой деятельности.

Особого внимания в процессе формирования и успешной реализации общественных институтов заслуживает опыт Пензенской области, которая, действительно, может смело заявлять о положительной практике эффективной, реальной и успешной работы со стороны институтов гражданского общества, приносящем положительные результаты взаимодействием добровольческих объединений и движений с органами государственной власти региона. В рамках нашего исследования важно отметить, что в Пензенской области при непосредственной и весьма ответственной поддержке и инициативе губернатора О.В. Мельниченко создан и реализуется молодежный проект «Отряд содействия полиции «Тигр»» (далее отряд «Тигр»). Целями проекта изначально выступали патриотическое воспитание молодого поколения губернии, а также «Тигр» обеспечивает популяризацию деятельности полиции в молодежной среде и вовлекает молодежь во взаимодействие с органами внутренних дел, содействует самой полиции в выполнении ее прямых целей и задач, что имеет немаловажное значение в связи с неуклюжестью отдельных подразделений МВД (прежде всего – участковых уполномоченных полиции и ППС). Отряд содействия полиции «Тигр» был создан в День Героев Отечества 9 декабря 2022 года. Управлением МВД России по Пензенской области отряд «Тигр» официально внесен в Реестр на-

народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности региона. В дальнейшем задачи и направления работы отряда «Тигр» совершенствовались и вышли на новый уровень развития: правовое просвещение граждан, формирование конституционной культуры, формирование правосознания, правовой и политической культуры вышло на уровень подготовки бойцами научно-исследовательских проектов, проведения научно-практических конференций, олимпиад, подготовки стартапов, заявок научных проектов на грантовые конкурсы международного, всероссийского, межрегиональных и региональных уровней. Группами инициативных бойцов проводятся исследования законодательства, регулирующего волонтерскую деятельность, развитие гражданских инициатив, воспитания молодого поколения в духе патриотизма, обсуждаются инициативы совершенствования действующего нормативно-правового регулирования на различных уровнях организации власти по указанной выше тематике.

В 2023 году на базе отряда «Тигр» был создан Центр воспитания гражданственности и патриотизма «Источник права», успешной работе которого послужила грантовая поддержка проекта от Росмолодёжи на форуме «iВолга», автором поддержанного проекта является командир взвода отряда «Тигр» М. Понамарева. Стоит отметить, что проект «Центр воспитания гражданственности и патриотизма «Источник Права»» был поддержан трижды: 22 июля 2023 года губернатор Пензенской области О.В. Мельниченко выделил средства на его реализацию, 26 июля 2023 года на форуме «iВолга» объявили грантополучателей от Росмолодёжи, 30 марта 2024 года проект вошел в число победителей конкурса «Ректорские гранты» Пензенского государственного университета.

Проект непосредственно связан с развитием юриспруденции, поиском ответов на вызовы современной эпохи, формирования устойчивой системы правовых и, в частности, конституционных ценностей молодого поколения, гражданственности, патриотизма. Мероприятия проекта реализуются посредством проведения комплекса теоретических и практических занятий по четырем направлениям подготовки, где активно задействованы бойцы отряда «Тигр». Проводятся занятия по самообороне, пожарно-спасательному спорту, тактико-специальной подготовке, маскировке, практической работе с картой, по ознакомлению с беспилотными летательными аппаратами, разборке и сборке оружия, в этом направлении участникам помогают сотрудники Росгвардии, ГУ МЧС России по Пензенской области. В программу мероприятий включено также медицинское направление. Профильные специалисты обучают участников проекта правильному оказанию первой помощи пострадавшему. Все это стало возможным при содействии Министерства здравоохранения Пензенской области. Полученная поддержка проекта на региональном и федеральных уровнях открывает перед участниками возможности, которые они используют в расширении направлений своей работы и привлечении новых бойцов.

В настоящее время, состав бойцов молодежного отряда «Тигр» включает в себя студентов вузов Пензенской области, колледжей, техникумов, достигших совершеннолетия. Подразделения отряда созданы в муниципальных районах Пензенской области. Заметим, что в муниципальных районах, где отсутствуют учреждения среднего профессионального образования, структуры отряда «Тигр» формируются из работающей молодежи.

Для отряда разработана и утверждена экипировка в форму установленного образца, визитной карточкой которой является шеврон с изображением тигра (пошив формы и изготовление обуви осуществляется в регионе). Именно при поддержке губернатора Пензенской области всеми бойцами «Тигра» успешно осваивается курс специальной подготовки, как обязательное условие вступления в отряд, после прохождения которой приносится присяга, выдаются удостоверения и личные книжки, каждый боец «Тигра» застрахован.

С учетом актуальности исследуемой темы представляется целесообразным отметить, безусловно, положительный опыт работы отряда «Тигр». За период с декабря 2023 года молодежный отряд «Тигр» приступил к регулярному дежурству на территории всей Пензенской области. Дежурство и патрулирование осуществляется при тесном взаимодействии с сотрудниками полиции, бойцы отряда отмечают высокий уровень доброжелательных и уважительных взаимоотношений с сотрудниками полиции, их стремлении помочь, наставить, научить, объяснить правовые тонкости в процессе патрулирования пешеходных улиц, жилого сектора, в процессе осуществления охраны общественного порядка в местах массового скопления граждан. С особой внимательностью и ответственностью бойцы «Тигра» подходят к практике оформления протоколов об административных нарушениях, а также участвуют в поквартирных обходах в целях раскрытия совершенных преступлений, присутствуют при проведении обысков в качестве понятых, участвуют в посещениях и проверке лиц, состоящих на профилактическом учете МВД, бойцы «Тигра» активно задействованы в противопожарных профилактических рейдах.

Особый интерес для молодежного отряда представляет деятельность по противодействию совершению мошеннических действий, в частности, телефонного мошенничества. «Тигр» проводит разъяснительные беседы по данным темам с лицами старшего поколения (бойцы отряда раздают пенсионерам памятки МВД «Как не стать жертвой мошенников» и т.д.).

Снова подчеркнем, что отмеченные направления работы обеспечиваются при тесном взаимодействии «Тигра» с сотрудниками полиции, с сотрудниками подразделений уголовно-исполнительной инспекции ФСИН, Росгвардии, МЧС Пензенской области.

Согласно отчетным данным и предварительным итогам «за 12 месяцев 2023 года бойцами отряда содействия полиции «Тигр» осуществлено 8 385 выходов на дежурства под началом сотрудников МВД, МЧС, ФСИН и Росгвардии. Из них:

- 7 845 выходов – под началом сотрудников полиции;
- 234 выходов – под началом сотрудников МЧС;
- 260 выходов – под началом сотрудников уголовно-исполнительной инспекции ФСИН;
- 46 выходов – под началом сотрудников Росгвардии.

За этот же период 2023 года при участии бойцов отряда содействия полиции «Тигр» сотрудниками полиции на территории Пензенской

области было пресечено: 44 преступления и 1 822 административных правонарушений» [5].

Молодежный отряд «Тигр» успешно зарекомендовал себя в Пензенской области, как общественное объединение правоохранительной направленности, успешно содействующее деятельности пензенской полиции, а также как молодежное движение, познакомившее многих юношей и девушек с основами несения службы в правоохранительных органах и Вооруженных Силах России, с основами патриотического и правового воспитания, его деятельность демонстрирует, как молодежные движения должны и могут выстраивать эффективное взаимодействие с институтами публичной власти. Положительный опыт деятельности отряда «Тигр» и созданного при нем Центра воспитания гражданственности и патриотизма «Источник права» по существу во многом зависит от желания бойцов отряда тратить свое свободное время, имеющиеся знания и навыки на пользу и во благо других, а поддержка со стороны руководства региона, наставников, координаторов способствует саморегулированию и развитию молодежных движений, служит стимулом для ребят работать дальше, обеспечивая общественные интересы и стремиться к профессионально-личностному росту, осознанию своего места в гражданском обществе. В контексте сказанного, считаем, что опыт Пензенской области может быть представлен как инициатива развития деятельности молодежных движений на площадках всероссийского и межрегионального уровней, так как осуществляемая бойцами «Тигр» работа определяет положение индивида в обществе и государстве, формирует группу правовых ценностей, определяющих организацию общественных институтов и публичной власти, механизмы эффективного взаимодействия добровольческих молодежных движений с органами и должностными лицами государственной власти и местного самоуправления.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. №237.
2. Сисакьян, А.К. К вопросу о влиянии конституционных ценностей при формировании конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. – 2022. - №5. –С.16-19.
3. Чернявский, А.Г., Грудцына, Л.Ю., Пашенцев, Д.А. Государство. Гражданское общество. Право: монография. - М.: ИНФРА-М, 2017. -342 с.
4. Пхитиков, Р.Б. Актуальные вопросы правового регулирования волонтерской деятельности в Российской Федерации // Закон и право. – 2023. - №11. –С.110-115.
5. В Пензенской области подвели итоги работы отряда содействия полиции «Тигр»/ Электронный ресурс:- URL: <https://penza.bezformata.com/listnews/otryada-sodeystviya-politcii-tigr/115038054/> (дата обращения 25.07.2024г.).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No.237.
2. Sisakian, A.K. On the question of the influence of constitutional values in the formation of constitutional legal awareness // Constitutional and municipal law. - 2022. - No.5. -pp.16-19.
3. Chernyavsky, A.G., Grudtsyna, L.Yu., Pashentsev, D.A. The State. Civil society. Law: monograph. - M.: INFRA-M, 2017. -342 p.
4. Phitikov, R.B. Topical issues of legal regulation of volunteer activity in the Russian Federation // Law and Law. – 2023. - No.11. –pp.110-115.
5. In the Penza region summed up the work of the police assistance unit "Tiger"/ Electronic resource:- URL: <https://penza.bezformata.com/listnews/otryada-sodeystviya-politcii-tigr/115038054/> (accessed 07/25/2024).

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Lawyer monopoly: problems and prospects of legal regulation

МАНАЕВ Ислам Абубакарович,

студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская обл., 410028.

E-mail: manaevislam349@gmail.com;

ПОТАПЕНКО Ольга Вячеславовна,

студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская обл., 410028.

E-mail: universe135790@gmail.com;

Manaev Islam Abubakarovich,

student Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".

104 Chernyshevsky St., Saratov, Saratov region, 410028.

E-mail: manaevislam349@gmail.com;

Potapenko Olga Vyacheslavovna,

student Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".

104 Chernyshevsky St., Saratov, Saratov region, 410028.

E-mail: universe135790@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы введения адвокатской монополии в России. Авторы анализируют изменения в законодательстве, которые ограничивают круг лиц, имеющих право на судебное представительство, только адвокатами, и оценивает влияние этих нововведений на доступность юридической помощи для населения. Рассматриваются различные мнения сторонников и противников реформы, а также международный опыт адвокатской монополии. В работе подчеркиваются как положительные, так и отрицательные аспекты данных изменений для юридической системы. Авторы заключают, что в Российской Федерации наиболее эффективным в рамках сложившихся общественных отношений является введение двухуровневой системы адвокатской монополии: в высших судах, конституционном, уголовном и арбитражном судопроизводстве предполагается введение лицензирования представительской деятельности, в остальных же случаях лицензирование нецелесообразно.

Abstract: The article discusses the current problems of the introduction of a lawyer monopoly in Russia. The author analyzes changes in legislation that limit the circle of persons entitled to judicial representation to lawyers only, and assesses the impact of these innovations on the accessibility of legal aid to the public. The various opinions of supporters and opponents of the reform, as well as the international experience of the lawyer monopoly, are considered. The paper highlights both positive and negative aspects of these changes for the legal system. The authors conclude that in the Russian Federation, the most effective within the framework of established public relations is the introduction of a two-tier system of attorney monopoly: in higher courts, constitutional, criminal and arbitration proceedings, licensing of representative activities is supposed to be introduced, in other cases licensing should not be introduced.

Ключевые слова: Адвокатская монополия, судебное представительство, юридическая помощь, законодательство, адвокатура, реформы.

Key words: Lawyer's monopoly, judicial representation, legal assistance, legislation, advocacy, reforms.

Для цитирования: Манает И.А., Потапенко О.В. Адвокатская монополия: вызовы и перспективы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 155-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_155.

For citation: Manaev I.A., Potapenko O.V. Lawyer monopoly: problems and prospects of legal regulation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 155-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_155.

Статья поступила в редакцию: 29.09.2024

Право на судебную защиту является одним из основополагающих принципов гражданского права, обеспечивающим гражданам возможность обращаться в суд для защиты своих нарушенных прав. Гражданское законодательство закрепляет это право, гарантируя доступ к судебной системе для разрешения споров [1]. Однако, хотя закон предусматривает эту возможность, на практике существуют преграды, препятствующие полной реализации данного права. Не все граждане могут эффективно защищать свои интересы в суде — этому могут мешать физические заболевания, психические или когнитивные ограничения, а также неполная правоспособность. Данные факторы могут затруднить участие в судебных процессах и понимание их сложности, что делает самостоятельное представление своих интересов невозможным или крайне затруднительным для некоторых лиц. В связи с этим проблемой является вопрос о том, целесообразно ли введение адвокатской монополии в России.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с представительством в судебных инстанциях.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем проанализированы ключевые точки зрения на введение в Российской Федерации адвокатской монополии. Область применения исследования – действующее законодательство об адвокатской деятельности.

Необходимость в квалифицированной юридической помощи особенно важна для людей, сталкивающихся с серьезными препятствиями при самостоятельном представлении своих интересов. Например, проблемы со здоровьем могут ограничивать физические или умственные возможности для полноценного участия в судебном процессе [2]. Также лица с ограниченной дееспособностью, такие как несовершеннолетние или люди с определенными психическими нарушениями, могут не обладать достаточным пониманием своих прав или того, как наилучшим образом их защитить. В таких ситуациях назначаются представители, которые действуют от имени данных лиц. Данные представители обязаны учи-

тывать интересы своих доверителей, добиваясь наилучшего исхода дела для них.

В России введение адвокатской монополии формализовало необходимость в квалифицированной юридической защите в гражданских делах. Процесс начался с правительственной программы 2014 года по реформированию гражданского судопроизводства [3] и завершился изменениями в 2019 году, которые обязали представителей в суде иметь соответствующее образование или профессиональную квалификацию. До этого любой гражданин мог представлять интересы в суде, независимо от уровня своих юридических знаний или подготовки. Поправки 2019 года предполагают, что представители имеют высшее юридическое образование или учёную степень в области права, что отражает стремление государства обеспечить квалифицированную защиту прав граждан.

Адвокатская монополия не является уникальной для России. Во многих странах мира давно действует аналогичная система, где только лицензированные адвокаты могут представлять интересы граждан в суде. Например, в Франции, США, Австралии, Канаде и Новой Зеландии право на судебное представительство принадлежит исключительно квалифицированным юристам. В некоторых странах Ближнего Востока и Азии, таких как Израиль, Иордания, Южная Корея и Тайвань, право на представительство в суде предоставляется только лицензированным адвокатам, без возможности самопредставления в большинстве случаев. В других государствах, таких, как Германия, Нидерланды, Швеция, представителем может быть лицо, не имеющее статуса адвоката [4].

Интересным способом, на наш взгляд, устроена британская правовая система в контексте адвокатской монополии. Здесь существуют два основных вида адвокатов: барристеры и солиситоры. Барристеры специализируются на выступлении в судах и представлении интересов клиентов в сложных судебных разбирательствах. Они имеют право представлять клиентов в высших судах и часто получают дела от солиситоров. Для работы барристером требуется получение лицензии от коллегии барристеров, прохождение специализированной подготовки и членство в одной из юридических палат (Inns of Court). Этот путь считается сложным, поскольку требует не только прохождения пупилляжа — стажировки под руководством опытного барристера, но и высокой конкуренции на этапе лицензирования.

Солиситоры, напротив, занимаются более широким спектром юридических услуг, таких как консультирование клиентов, составление договоров и представление интересов в судах низших инстанций. Стать солиситором считается проще, так как путь к этому статусу более предсказуем. Солиситоры проходят обучение и стажировку в юридических фирмах, и для них не требуется проходить столь жесткий процесс лицензирования. Однако для выступления в высших судах им нужно дополнительно получить квалификацию [4].

Дискуссии по поводу юридических реформ, связанных с представительством в суде, отражают глубинные конфликты интересов между различными сторонами, включая представителей юридического сообщества, нелицензированных юристов, судей и правозащитников. В центре данных обсуждений находится вопрос о необходимости введения или усиления адвокатской монополии на представление интересов в суде. Сторонники таких реформ, обычно представляющие организованное юридическое сообщество, выступают за исключительное право лицензированных адвокатов представлять клиентов в судебных инстанциях. Они считают, что это повысит профессиональный уровень юридической помощи, гарантируя, что представители в суде обладают необходимым юридическим образованием, опытом работы и соблюдают этические нормы [5]. Противники же утверждают, что адвокатская монополия ограничит доступ к правосудию, особенно для тех, кто не может позволить себе оплатить юридические услуги, или предпочитает самостоятельное представление своих интересов, либо привлечение нелицензированных юристов [6].

В отличие от адвокатов, судьи выступают независимыми арбитрами, чья основная задача — обеспечение справедливости и беспристрастности в судебных спорах. Независимость судей гарантируется юридическими нормами, такими как Закон Российской Федерации «О статусе судей» [7], который защищает судей от внешнего давления, обеспечивает их несменяемость, за исключением крайних обстоятельств, и гарантирует пожизненное содержание. Данные меры призваны оградить судей от политического, социального или финансового влияния, которое могло бы поставить под угрозу их беспристрастность.

Думается, что независимость судебной власти контрастирует с финансовой зависимостью адвокатов от их клиентов, чьи интересы адвокаты обязаны отстаивать. Адвокаты могут столкнуться с конфликтом интересов, особенно когда цели клиента противоречат правовым или этическим нормам. Финансовая зависимость, побуждающая юристов добиваться победы в суде, порой может приводить к действиям, при которых адвокаты ставят интересы клиента выше интересов правосудия [2]. Исключением являются лишь адвокаты, назначаемые в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, а также лица, оказывающие юридическую помощь в рамках Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [8]. Данная зависимость якобы подрывает те этические и профессиональные обязанности, которые должны соблюдать адвокаты.

На наш взгляд, сторонники введения адвокатской монополии представляют ее как механизм, направленный на усиление судебной системы путем гарантии того, что только квалифицированные юристы с проверенными профессиональными компетенциями будут представлять интересы клиентов в суде и утверждают, что это повысит ответственность в юридической профессии, так как адвокаты будут подчиняться дисциплинарным нормам и этическим стандартам, что стимулирует их поддерживать высокий уровень профессионального поведения.

Несмотря на данные аргументы, следует отметить, что такая монополия создаст препятствия к получению юридической помощи, особенно для лиц с низким уровнем дохода, поскольку уменьшение числа профессионалов, имеющих право представлять интересы в суде, приведет к росту цен на юридические услуги в соответствии с основными экономическими законами спроса и предложения. В том случае, если представитель в суде для получения лицензии должен будет затрачивать дополнительные денежные средства, неизбежно вырастет цена оказываемых им услуг, так как затраты будут включены в их итоговую стоимость. Таким образом, на наш взгляд, в конечном счете адвокатская монополия

вылется в существенное ограничение доступа граждан к судебной защите своих прав, так как их уровень дохода не позволит нанять лицензированного представителя, а самостоятельно представлять свои интересы в суде они не смогут.

Помимо прочего, в числе недостатков предлагаемой модели лицензирования представительской деятельности в суде может снизить конкуренцию на рынке юридических услуг, что принесет выгоду только уже состоявшимся юристам, но сделает правовую систему закрытой от новых квалифицированных кадров, так как помимо затрат на получение высшего юридического образования для доступа к юридической деятельности в форме представительства в суде будет требоваться понести дополнительные затраты, что фактически вводит финансовый ценз для занятия юридической деятельностью в судах.

Вполне обоснованное беспокойство вызывает влияние монополии на практическое обучение студентов-юристов. В условиях предлагаемой системы студенты юридических факультетов не смогут представлять интересы клиентов в суде до получения официального адвокатского статуса, тем самым потеряв возможность непрерывно получать практические навыки в процессе или сразу по завершению теоретического обучения. Профессия юриста предполагает непрерывную практику, и введение адвокатской монополии, на наш взгляд, крайне негативно скажется на качестве юристов в Российской Федерации, причем наибольший отрицательный эффект в данной сфере произойдет не немедленно, а в течение 10-20 лет, когда многие существующие адвокаты-профессионалы уйдут по тем или иным причинам из профессии, а их замена будет иметь гораздо меньшую квалификацию ввиду упомянутого выше разрыва между теорией и практикой.

В ответ на опасения по поводу доступности услуг представителей председатель Федеральной палаты адвокатов предложил упрощенную процедуру перехода частных юристов в адвокатуру [9]. Данный план предполагает, что частные практики смогут вступить в адвокатуру, сдав экзамен, сосредоточенный только на Федеральном законе «Об адвокатской деятельности» [5]. Однако мы обоснованно сомневаемся, что данная система жизнеспособна и эффективна: обеспечит ли такой упрощенный процесс необходимые юридические квалификации для поддержания высоких стандартов, которые предполагает адвокатская монополия? На наш взгляд, предлагаемый шаг может снизить качество юридического представительства именно со стороны адвокатов, так как данный статус смогут получить лица, не прошедшие полное юридическое обучение и подготовку, которые обычно требуются от адвокатов с адвокатским статусом. Что, в свою очередь, негативно отразится в первую очередь на сфере уголовного судопроизводства, где адвокатская монополия в настоящее время существует, и, на взгляд автора, в данной сфере является вполне обоснованной ввиду чрезвычайной важности этапа защиты в судьбе людей, осуждаемых порой к длительным срокам лишения свободы.

Кроме того, предлагаемая выше схема затрагивает работу корпоративных юристов, трудоустроенных в компаниях. В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности» адвокатам запрещено находиться в трудовых отношениях, что может нарушить сложившуюся практику найма корпоративных юристов для решения внутренних правовых вопросов. Это вынудит компании прибегать к услугам внешних юристов, что может увеличить транзакционные издержки и создать неэффективность в управлении повседневными юридическими делами.

Таким образом, можно отметить, что введение адвокатской монополии в том виде, в каком оно предполагается сейчас, не решает всех заявленных целей, таких как повышение качества судебного представительства и обеспечение более справедливого доступа к правосудию. Напротив, данная реформа может привести к ограничению конкуренции среди юристов, увеличению стоимости юридических услуг и снижению доступности правовой помощи для населения, вплоть до невозможности обращения в суды для защиты своих прав. Кроме того, частнопрактикующие юристы и представители юридических подразделений организаций окажутся в невыгодном положении, что в конечном итоге может отрицательно сказаться на качестве правовой помощи и защите интересов граждан, удар будет нанесен и по будущему состоянию сферы оказания юридических услуг в стране, так как введение монополии повлечет за собой разрыв между теорией и практикой у граждан, выпускающихся из юридических вузов.

В то же время следует признать действительными некоторые аргументы сторонников введения адвокатской монополии, апеллирующих к необходимости обеспечения профессиональной защиты интересов граждан. Однако, на наш взгляд, профессиональная лицензированная защита более дорогого адвоката в одних делах может и должна сочетаться с возможностью менее квалифицированного, но и менее дорогого представительства в других делах. В этой связи целесообразным является введение двухуровневого подхода к представительству в суде: в высших судах, в уголовном, конституционном и арбитражном судопроизводстве возможность представительства должна быть ограничена лицензированными адвокатами, так как цена ошибки при представительстве в рамках указанных выше общественных отношений крайне высока, кроме того, у большей части населения нет запроса на представительство в указанных выше судебных инстанциях, то есть введение адвокатской монополии здесь не повлияет на доступность правосудия (в уголовном судопроизводстве принцип доступности правосудия гарантируется предоставлением оплачиваемого государством адвоката). В то же время для остальных категорий дел следует оставить существующую систему отсутствия лицензирования, что позволит предотвратить проблемы, связанные с введением адвокатской монополии для широких слоев населения, в частности, купирует проблемы роста цен на услуги представителей и получения молодыми юристами практического опыта.

На наш взгляд, предлагаемая система введения адвокатской монополии в Российской Федерации больше всего соответствует сложившимся общественным отношениям внутри нашей страны и обеспечит защиту права на беспрепятственный доступ к правосудию для ее населения.

Библиография:

1. Гринь Е.А., Оганезов Э.М. К вопросу о способах защиты интеллектуальных прав / Е. А. Гринь // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 1-3 (52). – С. 78-81.
2. Смирнов А. И., Королева Е. В. Перспективы внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации / А. И. Смирнов // Юридическая наука. – 2020. – № 4. – С. 121-129.

3. Корнеева А. Д. Адвокатская монополия: предпосылки формирования и проблемы реализации / А. Д. Корнеева // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 50. – С. 1361-1367.
4. Зыков Д. А., Лачин А. А. Проблемы монополизации полномочий адвокатуры в России и за рубежом / Д. А. Зыков // Modern Science. – 2020. – № 2-1. – С. 165-170.
5. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 22 апреля 2024 г. № 83-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
6. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. II Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.; III Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 г.; VI Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2013 г.; VII Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2015 г.; VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.; X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.) // Российская газета. 2005. 5 октября.
7. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 27 ноября 2023 г. № 544-ФЗ) // Российская газета. 1992. 29 июля.
8. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г. № 651-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
9. Мацкевич И. М. Стенограмма выступления президента федеральной палаты адвокатов российской федерации Юрия Сергеевича Пилипенко на итоговом заседании союза криминалистов и криминологов, состоявшемся 14 декабря 2018 г / И. М. Мацкевич // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – №. 4. – С. 159-172.

References:

1. Grin E.A., Oganezov E.M. On the question of ways to protect intellectual rights / E. A. Grin // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – № 1-3 (52). – Pp. 78-81.
2. Smirnov A. I., Koroleva E. V. Prospects for the introduction of a lawyer monopoly in the Russian Federation / A. I. Smirnov // Legal science. – 2020. – No. 4. – pp. 121-129.
3. Korneeva A.D. Attorney monopoly: prerequisites for formation and problems of implementation / A.D. Korneeva // Innovation. Science. Education. - 2022. – No. 50. – pp. 1361-1367.
4. Zykov D. A., Lachin A. A. Problems of monopolization of the powers of the bar in Russia and abroad / D. A. Zykov // Modern Science. – 2020. – No. 2-1. – pp. 165-170.
5. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 "On advocacy and advocacy in the Russian Federation" (ed . dated April 22, 2024, No. 83-FZ) // Federal Law of the Russian Federation. 2002. No. 23. St. 2102.
6. The Code of Professional Ethics of a Lawyer (adopted by the first All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (with amendments and additions, approved II All-Russian Congress of Lawyers on April 8, 2005; III All-Russian Congress of Lawyers on April 5, 2007; VI All-Russian Congress of Lawyers on April 22, 2013; VII All-Russian Congress of Lawyers on April 22, 2015; VIII All-Russian Congress of Lawyers on April 20, 2017; X All-Russian Congress of Lawyers on April 15, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. 2005. October 5th.
7. Law of the Russian Federation No. 3132-1 of June 26, 1992 "On the Status of Judges in the Russian Federation" (as amended. dated November 27, 2023, No. 544-FZ) // Rossiyskaya Gazeta. 1992. July 29th.
8. Federal Law No. 324-FZ of November 21, 2011 "On Free Legal Aid in the Russian Federation" (as amended. dated December 25, 2023, No. 651-FZ) // Federal Law of the Russian Federation. 2011. No. 48. St. 6725.
9. Matskevich I. M. Transcript of the speech by the President of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation Yuri Sergeevich Pilipenko at the final meeting of the Union of Criminologists and Criminologists, held on December 14, 2018 / I. M. Matskevich // Union of Criminologists and Criminologists. – 2019. – №. 4. – Pp. 159-172.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR PROTECTING THE RIGHTS OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE MODERN WORLD

ВАЙМАН Аркадий Борисович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права КФ ФГБОУВО «РГУП».
420088, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7А.
E-mail: secreter@kfrgup.ru;

Vaiman Arkady Borisovich,

Associate Professor, Department of Civil Procedure Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "RSUE", Ph.D.
7A 2nd Azinskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420088, Russia.
E-mail: secreter@kfrgup.ru

Краткая аннотация: Новое тысячелетие характеризуется увеличением распространенности инвалидности среди населения Земли. Нарушение прав инвалидов, в том числе детей-инвалидов, и отсутствие возможности их активного участия в жизни государства приводят к значительным экономическим потерям. В современных условиях обеспечение успешной интеграции инвалидов в повседневную жизнь возможно только с помощью координированного международного сотрудничества и разработки обязательных международно-правовых норм для их защиты.

Abstract: The new millennium is characterized by an increase in the prevalence of disability among the world's population. Violation of the rights of persons with disabilities, including children with disabilities, and the lack of opportunities for their active participation in the life of the State lead to significant economic losses. In modern conditions, ensuring the successful integration of persons with disabilities into everyday life is possible only through coordinated international cooperation and the development of binding international legal norms for their protection.

Ключевые слова: основополагающие международно-правовые акты, права инвалидов, дети-инвалиды, международное право, медицинская помощь, уязвимая группа, инвалидность.

Keywords: fundamental international legal acts, rights of persons with disabilities, children with disabilities, international law, medical care, vulnerable group, disability.

Для цитирования: Вайман А.Б. Международно-правовые основы защиты прав инвалидов в современном мире // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 159-163. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_159.

For citation: Vaiman A.B. International legal framework for protecting the rights of people with disabilities in the modern world // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 159-163. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_159.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2024

Инвалиды составляют самую многочисленную уязвимую группу в мире, находящуюся в наиболее неблагоприятном положении. По оценкам, более миллиарда человек, или около 15% населения мира, живут с какой-либо формой инвалидности, в 1970 г. данный показатель составлял 10%¹. Современная демографическая ситуация, выражающаяся в увеличении доли пожилых людей в структуре населения мира, напрямую влияет на показатели инвалидности. Более 250 млн. людей старшего возраста имеют среднюю или тяжелую форму инвалидности².

Пособия по инвалидности составляют значительную долю общих расходов на социальное обеспечение. Общие затраты на подобные программы в странах ОЭСР в среднем составляют примерно 2% ВВП, достигая в некоторых из них 5% ВВП, что зачастую превышает объем расходов на пособия по безработице. В среднем в ОЭСР лишь на программы по инвалидности приходится примерно 10% всех государственных социальных расходов³.

Инвалидность в современном мире проявилась как одна из глобальных проблем, затрагивающих интересы практически всех сфер деятельности, но, несмотря на существующие национальные, региональные и международные правовые нормы, а также деятельность международных организаций и усилия неправительственных организаций во всем мире, принадлежащие инвалидам права человека по-прежнему не соблюдаются на должном уровне.

При этом дискриминация инвалидов существовала в обществе на протяжении всей истории человечества и сохраняется до сих пор. Развитие механизмов защиты инвалидов в системе прав человека позволяет добиться изменения статуса инвалидов из получателей благотворительной помощи в независимых лиц. Подобный подход нацелен на поиск возможностей уважения прав инвалидов посредством создания условий, позволяющих обеспечивать их активное участие в общественной жизни. Поощрение и защита прав инвалидов сводятся не только к предоставлению особых услуг, а также к принятию мер для изменения дискриминационного отношения, принятия политики, законов и программ, устраняющих барьеры и гарантирующих осуществление гражданских политических, экономических и социальных культурных прав инвалидами.

Основополагающие международно-правовые акты, которые вместе формируют Международный билль о правах человека⁴ (Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹ (1966) и Международный пакт о

¹ Всемирный доклад об инвалидности. Всемирная организация здравоохранения. Всемирный банк; 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/49th-session/documents/2018-17-Disability-R.pdf> (дата обращения 10 марта 2024г.)

² Старение в XXI веке: триумф и вызов. — М.: ЮНФПА; 2012. — С. 45.

³ Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовые основы защиты прав инвалидов // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — 2016. - № 5. — С. 109.

⁴ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1998. — 10 декабря.

гражданских и политических правах² (1966)), закрепляют гражданские, политические, экономические социальные и культурные права, однако эти акты прямо не упоминают о правах инвалидов.

Отсутствие специального акта в области защиты прав инвалидов предопределило значительное повышение активности международного сотрудничества государств в области совершенствования правовых механизмов, обеспечивающих защиту инвалидов. Вопрос об инвалидах в контексте прав человека неоднократно рассматривался Организацией Объединенных Наций: активно разрабатывались руководства по совершенствованию международного сотрудничества в данной области.

В 1982 г. Генеральной Ассамблеи ООН была принята Всемирная программа действий в отношении инвалидов³, цель которой заключалась в осуществлении полного участия инвалидов на равных условиях в социальной жизни и развитии во всех странах независимо от их уровня экономического развития.

Генеральная Ассамблея провозгласила период 1983-1992 г.г. «Десятилетием инвалидов Организации Объединенных Наций» и призвала государства использовать этот период как одно из средств осуществления Всемирной программы действий в отношении инвалидов⁴.

В 1987 г. на первой Международной конференции по подведению итогов выполнения Всемирной программы действий в отношении инвалидов, состоявшейся в Стокгольме, было рекомендовано разработать конвенцию о правах инвалидов. Несмотря на предложения, выдвинутые правительствами Италии и Швеции, а также специальным докладчиком Комиссии социального развития по вопросу о положении инвалидов, переговоры по выработке такой конвенции не последовали.

В 1993 г. Генеральная Ассамблея приняла документ рекомендательного характера в виде «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов»⁵. Данные правила сформировали государственные обязательства по устранению барьеров, препятствующих инвалидам участвовать на равных условиях в жизни общества, которые впоследствии были включены в национальное законодательство многих государств.

Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам было принято замечание общего порядка № 5 1994 г. «Лица с какой-либо формой инвалидности», несмотря на тот факт, что в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах отсутствуют положения, связанные с инвалидностью⁶.

Комитет анализирует проблемы инвалидности в контексте положений Пакта. В частности, по мнению Комитета, согласно ст. 10 Пакта о праве на достаточный жизненный уровень, лица с какой-либо формой инвалидности обладают правом вступать в брак и иметь свою собственную семью. Подчеркивается необходимость сделать все возможное для того, чтобы позволить инвалидам проживать вместе со своими семьями. Согласно мнению Комитета, программы социального обеспечения и поддержания доходов имеют особое значение для лиц с какой-либо формой инвалидности (ст. 9).

По мнению Комитета, право на физическое и психическое здоровье (ст. 12) подразумевает право доступа к тем медицинским и социальным услугам, включая ортопедические протезы, которые позволяют лицам с какой-либо формой инвалидности стать самостоятельными, предотвратить дальнейшее обострение болезни и поддержать их социальную интеграцию, равно как и право пользоваться такими услугами.

В дополнение к необходимости обеспечить лиц с какой-либо формой инвалидности доступом к достаточному питанию, жилью и другим элементарным жизненными потребностям следует обеспечить также, чтобы для лиц с какой-либо формой инвалидности имелись вспомогательные устройства, помогающие им в повышении уровня их независимости в повседневной жизни и в осуществлении их прав.

Следует отметить, что Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в 1990 г. в своем Замечании общего порядка № 3 подчеркнул долг государств-участников защищать уязвимых членов общества, который приобретает значительную важность в периоды резкого сокращения имеющихся ресурсов. В контексте рыночных отношений выделяются два конкретных аспекта обязательств государств-участников. Первый аспект связан с необходимостью обеспечения такого положения, при котором не только государственный, но и частный сектор в соответствующих пределах подлежит регулированию, с тем, чтобы гарантировать справедливое отношение к лицам с какими-либо формами инвалидности. Второй аспект связан с условиями, когда все в большей степени приватизируются средства оказания общественных услуг и все больше делается упор на свободный рынок. В этих условиях необходимо, чтобы частные работодатели, частные поставщики товаров и услуг, а также другие негосударственные предприятия руководствовались недискриминационными нормами в отношении лиц с какой-либо формой инвалидности.

В декабре 2001 г. правительство Мексики выступило на Генеральной Ассамблее с инициативой создать специальный комитет по рассмотрению предложений, направленных на разработку всеобъемлющей и единой международной конвенции о защите и содействии осуществлению прав и достоинства инвалидов, который подготовил текст Конвенции о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г.

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. - № 12.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17. – Ст. 291.

³ Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993) [Электронный ресурс] // Дата доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=12211&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.162042733865015#029248880960086066> (дата обращения 10 марта 2020 г.)

⁴ Лыхина Т.А. Инвалидность с точки зрения современного международного права // Социальное обеспечение. – 2010. - № 6. – С. 89.

⁵ Игонина Н.А., Ашиткова Т.В. Защита прав инвалидов: содержание и сущностная характеристика // Законность и правопорядок. – 2018. - № 1. – С. 62.

⁶ Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Российские программы поддержки инвалидов (1993-2015 г.г.) и документы ООН о правах инвалидов: проблема соответствия по вопросам трудовой интеграции в общество // Вестник Томского государственного университета. – 2019. - № 9. – С. 104.

Конвенция о правах инвалидов состоит из 50 статей, посвященных целям, общим принципам, обязательствам, конкретным правам и мерам, которые должны быть приняты государствами-участниками для создания благоприятных условий по осуществлению прав инвалидов, укреплению международного сотрудничества и организации международного и национального мониторинга. Следует подчеркнуть, что Конвенция не создает никаких новых прав, лишь разъясняет обязательства государств в отношении существующих гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав. Цель Конвенции «заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства». Конвенция гарантирует признание правоспособности всех инвалидов. Она запрещает пытки, эксплуатацию, насилие и жестокое обращение и защищает жизнь, свободу и безопасность инвалидов, их право на свободу передвижения, свободу выражения мнения и право на неприкосновенность частной жизни. Конвенция налагает на государства-участники обязательство принимать все соответствующие меры, чтобы инвалиды могли в полной мере пользоваться своими правами наравне с другими людьми.

Конвенция учреждает Комитет по правам инвалидов, уполномоченный получать и рассматривать периодические доклады, представляемые государствами-участниками Конвенции. Согласно Факультативному протоколу к Конвенции, отдельные лица и группы лиц могут доводить до сведения Комитета утверждения о нарушении любых положений Конвенции. Факультативный протокол также разрешает Комитету проводить расследования в странах при наличии достоверных свидетельств грубых или систематических нарушений прав инвалидов¹. В Конвенции отсутствует всеобъемлющее определение термина «инвалидность»; в преамбуле Конвенции «инвалидность» признается эволюционирующим понятием, основывающимся на динамичном подходе, который может меняться в зависимости от времени и различных социально-экономических условий (пункт е). По Конвенции к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества (ст. 1). Очевидно, что для полного и эффективного осуществления Конвенции крайне важно, чтобы определение инвалидности в национальном законодательстве отражало понимание инвалидности как социального явления². Специалисты считают необходимым отказаться от определений, основанных на медицинских показаниях и сформулированных в зависимости от видов нарушений здоровья, или от определений, исходящих из понятия повседневной жизнедеятельности, в которых неспособность к такой деятельности увязана с нарушением здоровья.

Основные принципы Конвенции изложены в ст. 3: уважение присущего человеку достоинства, личной самостоятельности и независимости; недискриминация, равенство возможностей и равенство мужчин и женщин; вовлечение и включение в общество; уважение существующих различий между людьми и принятие факта человеческого многообразия; обеспечение доступности; уважение эволюционирующих способностей детей-инвалидов и уважение их права на сохранение своей индивидуальности.

Конвенция как бы базируется на триаде обязательств:

1. Обязательство по соблюдению. Государства-участники не должны создавать препятствий в вопросах осуществления прав инвалидов. В частности, государствам запрещается проводить над инвалидом без его свободного согласия медицинских или научных экспериментов.

2. Обязательство по защите. Государства-участники должны предотвращать нарушения прав инвалидов третьими лицами. В частности, государства обязаны требовать от частных работодателей гарантий обеспечения справедливых и благоприятных для инвалидов условий труда, в частности путем внедрения разумных приспособлений.

3. Обязательство по исполнению. Государства-участники должны принимать законодательные, административные, бюджетные, судебные и иные меры, для того чтобы гарантировать полную реализацию этих прав.

Некоторые государства, ратифицировавшие Конвенцию о правах инвалидов, попытались изменить некоторые положения этой Конвенции с помощью оговорок. Вместе с тем статьей 46 Конвенции о правах инвалидов допускается, чтобы участники заявляли оговорки при условии, что такие оговорки, не являются «несовместимыми с объектом и целью настоящей конвенции».

В Конвенции о правах инвалидов в ее преамбуле говорится о важности международного сотрудничества для улучшения условий жизни инвалидов в каждой стране, особенно в развивающихся странах. Согласно статье 32, международное сотрудничество признается в качестве способа реализации целей и задач Конвенции.

В отличие от других основных международных договоров по правам человека в Конвенции предусмотрено четыре направления, актуальных с точки зрения международного сотрудничества в поддержку реализации права инвалидов:

1. Доступное для инвалидов и инклюзивное международное сотрудничество, в том числе международные программы развития.

2. Укрепление имеющихся возможностей, в том числе путем взаимного обмена информацией, опытом, программами и передовыми наработками.

3. Сотрудничество в области исследований и доступа к научно-техническим знаниям.

4. Техничко-экономическая помощь, в том числе путем облегчения доступа к доступным и ассистивным технологиям и путем взаимного обмена ими, а также посредством передачи технологий.

Дети-инвалиды являются одной из наиболее маргинализированных и изолированных в социальном плане групп детей. Постоянное нарушение прав детей-инвалидов ведет к утрате ими человеческого достоинства, не позволяя реализовать свою индивидуальность.

¹Басик В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. - 2005. - № 1. - С. 28.

²Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята резолюцией 37/52 ГА ООН от 3 декабря 1982 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org/russian/disabilities/default.asp?navid=38&pid=553> (дата обращения: 16 марта 2023 г.).

В Замечании общего порядка № 9 (2006) Комитета по правам ребенка было отмечено, что дети-инвалиды сталкиваются с дискриминацией во всех аспектах своей жизни. Она возникает не в силу самой объективной природы инвалидности, а скорее в силу укоренившейся практики социального отчуждения, являющейся следствием решительного неприятия различий, нищеты, социальной изоляции, предрассудков, невежества, а также неадекватности системы оказания услуг и поддержки.

Специальные положения, касающиеся прав детей-инвалидов, были сформулированы в Конвенции о правах ребенка в 1989 г. Она запрещает дискриминацию детей по причине состояния здоровья (ст. 2), а также вводит обязательство заботиться о детях-инвалидах в целях обеспечения наиболее полного вовлечения ребенка в социальную жизнь (ст. 23).

Одним из принципов Конвенции о правах инвалидов (ст. 3) закреплено уважение развивающихся способностей детей-инвалидов и уважение права детей-инвалидов сохранять свою индивидуальность, а также предусмотрено общее обязательство государств (пункт 3 ст. 4) консультироваться с детьми через представляющие их организации при разработке соответствующего законодательства и стратегий.

Право на достижение наивысшего возможного уровня здоровья и право на получение качественной и доступной по цене медицинской помощи являются неотъемлемыми правами каждого ребенка. Однако во многих регионах мира реализации прав детей-инвалидов на охрану здоровья по-прежнему препятствуют дискриминация, недоступность и нехватка адресных программ охраны здоровья, в которых учитывались бы особые потребности детей-инвалидов. Многие программы медицинского страхования носят дискриминационный характер по отношению к инвалидам, если учитывать стоимость необходимого им медицинского обслуживания. Некоторые программы социального страхования не принимают в расчет тех дополнительных расходов, которые вынуждены нести семьи, имеющие ребенка-инвалида, и расходы которых на получение товаров и услуг часто превышают расходы других семей.

Необходимо принимать меры по целенаправленному оказанию услуг в интересах смягчения негативных последствий инвалидности и формирования системы всеобщего, недискриминационного по своему характеру и доступного обслуживания, в соответствии с которой медицинская помощь детям-инвалидам должна производиться на основе их свободного и осознанного согласия и одновременно уважения к независимости ребенка, а также устранить барьеры, препятствующие реализации прав детей-инвалидов, и признать важность международного сотрудничества для улучшения условий жизни детей-инвалидов в каждой стране.

Государствам принадлежит важная роль в определении компонентов справедливых и благоприятных условий работы в своем законодательстве, включая равное вознаграждение за труд равной ценности и право на безопасные и здоровые условия труда, а также в обеспечении того, чтобы законодательство охватывало вопросы равенства инвалидов во всех этих областях.

В докладе Всемирного банка, подготовленном совместно с ВОЗ, сформулированы 9 рекомендаций по улучшению жизни людей с инвалидностью:

1. Обеспечить доступ ко всем универсальным системам и услугам.
2. Инвестировать средства в специальные программы и услуги для инвалидов.
3. Принять национальную стратегию и план действий в области инвалидности.
4. Привлекать инвалидов к работе.
5. Совершенствовать кадровый потенциал.
6. Обеспечивать необходимое финансирование и повышать экономическую доступность.
7. Повышать информированность и осведомленность общества о проблемах инвалидности.
8. Улучшать сбор данных об инвалидах.
9. Укреплять и поддерживать научные исследования по проблемам инвалидности.

Внедрение данных рекомендаций требует привлечения к сотрудничеству различных секторов - здравоохранения, образования, социальной защиты, труда, транспорта жилищно-коммунальной сферы - и различных участников - государства, организации гражданского общества, специалистов, частного сектора, инвалидов и их семей и средств массовой информации.

Библиография:

1. Всемирный доклад об инвалидности. Всемирная организация здравоохранения. Всемирный банк; 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/49th-session/documents/2018-17-Disability-R.pdf> (дата обращения 10 марта 2024г.).
2. Старение в XXI веке: триумф и вызов. – М.: ЮНФПА; 2012. – С. 45.
3. Абащидзе А.Х., Маличенко В.С. Международно-правовые основы защиты прав инвалидов // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2016. - № 5. – С. 109.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. - № 12.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. - № 17. – Ст. 291.
7. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993) [Электронный ресурс] // Дата доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=12211&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.162042733865015#029248880960086066> (дата обращения 10 марта 2020 г.).
8. Лыхина Т.А. Инвалидность с точки зрения современного международного права // Социальное обеспечение. – 2010. - № 6. – С. 89.
9. Игонина Н.А., Ашиткова Т.В. Защита прав инвалидов: содержание и сущностная характеристика // Законность и правопорядок. – 2018. - № 1. – С. 62.
10. Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Российские программы поддержки инвалидов (1993-2015 г.г.) и документы ООН о правах инвалидов: проблема соответствия по вопросам трудовой интеграции в общество // Вестник Томского государственного университета. – 2019. - № 9. – С. 104.
11. Басик В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. - 2005. - № 1. - С. 28.

12. Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята резолюцией 37/52 ГА ООН от 3 декабря 1982 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org/russian/disabilities/default.asp?navid=38&pid=553> (дата обращения: 16 марта 2023 г.).

References:

1. The World Disability Report. The World Health Organization. The World Bank; 2018. [Electronic resource] // Access mode: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/49th-session/documents/2018-17-Disability-R.pdf> (date of appeal March 10, 2024)
2. Aging in the XXI century: triumph and challenge. – Moscow: UNFPA; 2012. – p. 45.
3. Abashchidze A.H., Malichenko V.S. International legal foundations for the protection of the rights of persons with disabilities // Medical and social expertise and rehabilitation. – 2016. - No. 5. – p. 109.
4. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – December 10.
5. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted on 12/16/1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1994. - № 12.
6. The International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 12/16/1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. – 1976. - No. 17. – Article 291.
7. Standard Rules for Ensuring Equal Opportunities for Persons with Disabilities (adopted by the UN General Assembly on 12/20/1993) [Electronic resource] // Access date: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=12211&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.162042733865015#029248880960086066> (accessed March 10, 2020)
8. Iykhina T.A. Disability from the point of view of modern international law // Social security. - 2010. - No. 6. – p. 89.
9. Igonina N.A., Ashitkova T.V. Protection of the rights of persons with disabilities: content and essential characteristics // Legality and law and order. - 2018. - No. 1. – p. 62.
10. Smirnov G.S., Smirnov S.S. Russian disability support programs (1993-2015) and UN documents on the rights of persons with disabilities: the problem of conformity on issues of labor integration into society // Bulletin of the Tomsk State University. - 2019. - No. 9. – p. 104.
11. Basik V.P. The evolution of the legal status of a person and its reflection in Russian legal science // Law studies. - 2005. - No. 1. - p. 28.
12. The World Programme of Action for Persons with Disabilities. Adopted by UN General Assembly Resolution 37/52 of December 3, 1982 [Electronic resource] // United Nations [Electronic resource] // Access mode: <http://www.un.org/russian/disabilities/default.asp?navid=38&pid=553> (accessed March 16, 2023).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_164

УДК 342.7

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ CURRENT DEVELOPMENT TRENDS OF THE INSTITUTE OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

МИНИНА Анна Александровна,

кандидат псих. наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин
Ставропольского филиала РАНХиГС.
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: ann247@yandex.ru;

БОГАТЫРЕВА Аминат Тамерлановна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополь.
355028, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 8.
E-mail: bogatyreva.amina@mail.ru;

ПЕРЕПАДЯ Ольга Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент юридических и специальных дисциплин
Ставропольского филиала РАНХиГС.
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: orizk1@yandex.ru;

ЧУНИХА Анжелика Арслановна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин
Ставропольского филиала РАНХиГС,
355002, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Лермонова 189,
E-mail: chunikh-a@ranepa.ru;

MININA Anna Alexandrovna,

Ph. D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines
of the Stavropol Branch of the RANEPA.
355002, Stavropol Territory, Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: ann247@yandex.ru;

BOGATYREVA Aminat Tamerlanovna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the branch of RTU MIREA in Stavropol.
355028, Stavropol Territory, Stavropol, Kulakov Ave., 8.
E-mail: bogatyreva.amina@mail.ru;

PEREPADYA Olga Alexandrovna,

Ph. D., Associate Professor, associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines
of the Stavropol Branch of the RANEPA.
355002, Stavropol Territory, Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: orizk1@yandex.ru;

CHUNIKHA Anzhelika Arslanovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines
of the Stavropol branch of the RANEPA.
355002, Stavropol, 189 Lermonov str.
E-mail: chunikh-a@ranepa.ru

Краткая аннотация: Авторы на основе анализа вопросов правового регулирования Больших данных, оборота клиентских баз организаций, искусственного интеллекта приходят к выводу о том, что персональные данные в современном мире – коммерческий актив, а законодательное закрепление коммерческого использования персональных данных - вопрос времени.

Abstract: The authors, based on the analysis of the issues of legal regulation of Big Data, turnover of client databases of organizations, artificial intelligence, come to the conclusion that personal data in the modern world is a commercial asset, and the legislative consolidation of the commercial use of personal data is a matter of time.

Ключевые слова: персональные данные, Большие данные, пользовательские базы данных, искусственный интеллект, коммерческий актив.

Keywords: personal data, Big data, user databases, artificial intelligence, commercial asset.

Для цитирования: Минина А.А., Богатырева А.Т., Перепадья О.А., Чуниха А.А. Современные тенденции развития института персональных данных в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 164-167. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_164.

For citation: Minina A.A., Bogatyreva A.T., Perepadya O.A., Chunikh A.A. Current development trends of the Institute of personal data in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 164-167. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_164.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Сегодня существует тенденция к вовлечению в гражданский оборот персональных данных, которые в условиях цифровизация становятся способом воздействия и контроля над конкурентной средой. Особые преимущества имеют обладатели Больших данных.

Термин «Большие данные» пришёл в юридическую науку из точечных наук, и сразу же стал предметом научных дискуссий. При этом, по мнению аналитиков можно выделить более 30 определений понятия «большие базы данных»: от определения количественного до определе-

ния качественного.

В целом можно говорить о двух подходах к определению искомого понятия. В рамках первого Большие данные рассматриваются как массив информации не имеющий одной целевой направленности, который быстро и вариативно обрабатывается. В рамках второго подхода Большие данные воспринимаются как технология (как совокупность методов обработки данных огромных объемов из различных источников). Представляется, что действующее законодательство должно взять за основу второй подход, установив требования к использованию технологий по обработке большого массива информации.

Итак, сегодня законодателю приходится регулировать то, сущность чего ещё до конца не известна. По сути, право должно «догонять» сложившиеся отношения. При этом, следует признать, что на сегодняшний момент ни одна страна в мире не сумела выработать хоть какой-то вменяемый подход к вопросу регулирования Больших данных.

В нашей стране благодаря документам стратегического планирования (Программа «Цифровая экономика, Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 года) Большие данные воспринимаются в качестве прорывных цифровых технологий, без раскрытия содержательной стороны понятия. При этом, некоторое время назад были попытки определить такие понятия «большие пользовательские данные». Осень 2018 года на рассмотрение Государственной Думы вносился Законопроект № 571124-7, предусматривающий внесение изменений в Закон № 149-ФЗ¹ и ликвидацию правового вакуума в сфере регулирования больших пользовательских данных. Так, под большими пользовательскими данными предлагалась понимать «совокупность не содержащей персональных данных информации о физических лицах и (или) их поведении, не позволяющая без использования дополнительной информации и (или) дополнительной обработки определить конкретное физическое лицо, собираемой из различных источников, в том числе сети «Интернет», количество которых превышает тысячу сетевых адресов».

Актуальность документы субъекты права законодательной инициативы обосновывали массовыми случаями незаконного использования операторами больших пользовательских данных для собственных целей, в том числе путём передачи их другим заинтересованным лицам безвозмездно или за плату.

Законопроект также предусматривал создание информационной системы «Реестр операторов больших пользовательских данных». При этом обязанность по ее созданию и ведению предполагалось возложить на Роскомнадзор. Осуществление указанных мероприятий требовало необходимого финансового обеспечения, а значит, при внесении инициатива должна была быть обеспечена заключением Правительства РФ. Именно в силу отсутствия последнего документа, Законопроект был возвращён субъекту права законодательной инициативы.

В литературе можно встретить мнение, что в мировой практике единственной правовой моделью, ориентированной на обработку «Больших данных» является американская модель, которая в целом ориентирована на восприятие данных, в том числе и личных, как товара и возможности субъекта этих данных распоряжаться ими. Европейская модель всё же в первую очередь ориентирована на обеспечение прав человека при применении технологий обработки персональных данных².

В настоящее время на территории Европейского союза действует Общий регламент по защите персональных данных (далее – Регламент GDPR), который состоит из двух частей: 99 статей (правила, замещающие местные законы) и 173 декларации (указание, гибкость и применение).

Регламент GDPR применяется к обработке персональных данных, которая полностью или частично выполняется автоматическими средствами. Он не распространяется на обработку данных компетентными органами в целях уголовного расследования или преследования. Регламент GDPR должны соблюдать контролёры и процессоры, зарегистрированные в Европейском союзе, независимо от того, осуществляется ли ими обработка персональных данных или нет на территории ЕС. Регламент GDPR применяется к контролёрам и процессорам, не зарегистрированным на территории ЕС, если их деятельность по обработке персональных данных связан с предложением товаров или услуг, а также с мониторингом поведения субъектов персональных данных, находящихся на территории Европейского союза.

Эксперты признают, что Европа первая во всём мире усилила требования к защите персональных данных. Многие страны (не Европейского Союза) после принятия Регламента GDPR, заимствовали подходы и принципы, положенные в основу документа. Если сравнить Регламент GDPR и Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», то можно увидеть следующие «разночтения». Во-первых, российский закон, в отличие европейского, перенос персональных данных воспринимает как нарушение, а также Cookies, IP-адреса в качестве самих персональных данных. Кроме того, в рамках российского законодательства обработку персональных данных осуществляет «оператор», который организует сбор данных, определяет цели сбора. По европейскому законодательству субъекту персональных данных противопоставлены «контроллер», который ставит цели и определяет способы обработки, и «процессор», который уже решает, как обрабатывать и как защищать персональные данные.

Следует заметить, что сегодня в России выстраивается беспрецедентный механизм локализации персональных данных. Предпосылкой его формирования стал так называемые «Пакет Яровой» (Федеральный закон № 374³, Федеральный закон № 375-ФЗ¹), согласно которому главная копия персональных российских граждан, собранных в России, должна быть расположена именно в России.

¹Законопроект № 571124-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения 12.05.2024)

² Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. - 376 с.

³ Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.12.2022

От Больших данных следует отличать клиентские базы организаций, содержание персональные данные третьих лиц. Владение этими базами влияет на конкурентоспособность организации в торговом обороте, помогает ей периодически или постоянно извлекать прибыль, избегая неоправданных расходов.

Действующее национальное законодательство не воспринимает персональные данные как предмет сделок. Однако de facto клиентские базы организаций (не смотря на то, что имеют режим коммерческой тайны) покупаются и продаются, причём как содержащие «оригинальные», так и обезличенные персональные данные. При этом на рынке присутствуют как компании, совершающие сделки с данными как с побочным для своей деятельности продуктом, так и компании, оборот данных для которых является их основной деятельностью. Для первых основная цель своей деятельности – продажа рекламы, прибыль от которой, безусловно, зависит использования персональных данных. В качестве примерами можно назвать поисковики Google и Яндекс.

Сегодня отдельного внимания заслуживает вопрос о пределах правового регулирования персональных данных при использовании технологий искусственного интеллекта

Искусственный интеллект – это имитация процессов человеческого интеллекта машинами, компьютерными системами. Как правило, системы искусственного интеллекта работают, поглощая большие объемы специальных обучающих данных, анализируя их на предмет наличия связей, закономерностей, и использует эти закономерности для моделирования. Например, чат-бот, получающий примеры текстовых чатов, может производить реалистичный обмен мнениями с людьми. Разработчик технологии искусственного интеллекта в процессе её создания фокусируется на сборе данных и определении правил того, как превратить данные в полезную информацию.

В настоящее время начинает складываться правовое регулирование отношений, связанных с развитием и применением технологий искусственного интеллекта. Так, в 2019 году Указом Президента РФ была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия), которая раскрывает понятие «искусственный интеллект».

В литературе можно встретить мнение, что определение данное Стратегией совершенно для реализации стратегических национальных целей, но оно не может использоваться в части определения правового режима искусственного интеллекта. Подход, при котором «результаты, аналогичные результатам интеллектуальной деятельности человека», не позволяет «умные системы», выдающие пользователю при контакте простую информацию или совершающие заранее определенные действия, признавать искусственным интеллектом². Кроме того, в легальном определении упущен важный признак искусственного интеллекта - обработка информации.

Согласно Регламенту ЕС, искусственный интеллект – это программное обеспечение, развивающиеся за счёт машинного обучения, индуктивного программирования и методов поиска оптимизации и др., для целей определённых человеком, а также для генерации данных по типу прогнозов, рекомендаций или решения, влияющих на среду, с которой искусственный интеллект взаимодействует. В этом определении присутствует важный признак искусственного интеллекта («потерянный» российскими правотворцами) – генерация данных. Технологии искусственного интеллекта не только обрабатывают информацию, но и генерируют новые данные на основе выявленных закономерностей. Это важно, так как «выходными» данными являются именно сгенерированные данные. При этом они могут обладать большей конфиденциальностью, нежели, чем входные данные.

Всё сказанное, в свою очередь, говорит о целесообразности внесения изменений в легальное определение искусственного интеллекта.

С развитием технологий искусственного интеллекта проблема защиты персональных данных приобрела особое значение³. Дело в том, что очень часто использование систем искусственного интеллекта сопровождается биометрической аутентификацией по отпечаткам пальцев, скану лица, сетчатки глаза или голоса. Данные способы ставят под угрозу конфиденциальность персональных данных человека. Сегодня действительно существует проблема доступности данных, которые являются базисом – основой для цифровой экономики в целом и для искусственного интеллекта в частности. Чем больше данных, чем они качественнее, тем качественнее будет результат, который выдаст машина. Это, в свою очередь, порождает конфликт с правом человека на приватность данных о себе.

Искусственный интеллект не только собирает сведения, но и систематизирует их по разным характеристикам. В основном такая систематизация данных приводится без согласия человека и может привести к новой форме дискриминации. Так, в Китае действует «Программа создания системы социального кредита», согласно которой внедрена программа социального рейтинга. Суть рейтинга, в том, что на основе данных формируются черные списки, которые включают в себя граждан, признанных неблагонадежными и им запрещено брать кредиты, путешествовать и т.д.

В 2020 году на рассмотрение Государственной Думы был внесён Законопроект № 992331-7⁴, вносящий поправки в нормы Закона № 152-ФЗ, регулирующие оборот обезличенных персональных данных. В частности, оператором больших баз предписывалось передавать персональные данных своих клиентов в единую государственную информационную систему (далее – ГИС) для последующей работы с ними разработчиков сервисов на базе искусственного интеллекта.

¹ Федеральный закон от 24.07.2023 № 375-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.12.2022

² Наташкина Е.А., Екатериничева А.Л., Бабаев А.Б. Вопросы государственного регулирования сферы искусственного интеллекта // Интеллектуальные информационные системы: теория и практика: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской с международным участием конференции. – Курск: Курский государственной университет, 2023. – С. 131-140

³ Шуршолова Е.С. Персональные данные и искусственный интеллект: проблемы защиты и пути их решения // Государство и право: сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции. Курск, 2022. – С. 18-21

⁴ Законопроект № 992331-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» (в части уточнения порядка обработки персональных данных) [электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения 12.05.2024)

Лаконичная версия внесенного в Государственную Думу законопроекта оговаривала возможность бизнеса заручиться согласием клиента на обработку его персональных данных для последующего использования их в уже обезличенном виде, но только через три года после их сбора. Она была принята в первом чтении 16 февраля 2021 года, но до второго так пока так и не дошла. Однако межведомственное обсуждение инициативы не закончилось: Минцифры России трижды вносило изменения в законопроект, третья версия была одобрена Правительством РФ. Согласно этой версии, бизнес по требованию Минцифры будет предоставлять имеющиеся у него персональные данные в соответствующую ГИС для обезличивания и формирования дата-сетов. Все остальные подробности предлагается прописать в подзаконных правовых актах.

Следует заметить, что бизнес подверг критике, идею, лежащую в основе законопроекта. В результате Ассоциация больших данных предложила свою версию законопроекта, по которой разработчики технологии искусственного интеллекта смогут бесплатно получать доступ к данным из ГИС. Государство сможет запрашивать у бизнеса обезличенные данные бесплатно только для выполнения задач по обеспечению безопасности и предотвращению чрезвычайных ситуаций, а в других случаях должно будет платить за подготовленные датасеты.

В 2021 году бизнес самостоятельно очертил границ искусственного интеллекта путём принятия Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. Соблюдение норм документа – добровольное обязательство, которое взяли на себя «Сбер», «Яндекс», МТС», Mail.ru и другие подписанты. В 2024 году к ним присоединились ещё пять российских компаний. Среди них, АНО «Цифровая экономика», «Домклик» и др. При этом, на сегодняшний момент числится свыше 330 подписантов из 20 стран.

Цель Кодекса – обеспечить охрану и защиту персональных данных, обработка которых осуществляется система искусственного интеллекта. При этом, как считают аналитики, документ имеет ряд недостатков. Один из них – это отсутствие положения, касающихся ликвидации дефицита инфраструктуры. Кроме того, «дефицитов» Кодекса является наличие расплывчатых понятия. Среди них, например, «сохранение нравственных и духовных ценностей» и «общепринятые этические нормы». Представляется, что Кодекс должен быть составлен с использованием упрощенного стиля, так как конечный адресат документа не будет иметь специальных познаний в области юриспруденции.

Итак, персональные данные в современном мире – коммерческий актив. Люди добровольно расплачиваются своими персональными данными за пользование «бесплатными» сервиса Интернета, которые впоследствии в качестве элемента базы данных становятся объектов продажи. При этом, по мнению экспертов мировая выручка от использования пользовательских данных может достигать \$300 млрд в год.

В качестве итога можно обозначить следующее. Законодательное закрепление коммерческого использования персональных данных - вопрос времени. Рано или поздно законодатель обратит внимание свободное обращение обезличенных данных. Между тем, представляется, что ему для начала необходимо определить перечень данных потенциально разрешённых для коммерческого использования. Видимо потребует разграничение понятий «обезличенных персональных данных» и «обезличенных данных». Кроме того, для целей защиты прав субъектов персональных данных потребуются новая система контроль операторов, вступающие в коммерческий оборот данных.

Библиография:

1. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. Москва: ИЗИСП, НОРМА, 2022. - 376 с.
2. Наташкина Е.А., Екатериничева А.Л., Бабаев А.Б. Вопросы государственного регулирования сферы искусственного интеллекта // Интеллектуальные информационные системы: теория и практика: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской с международным участием конференции. – Курск: Курский государственной университет, 2023. – С. 131-140
3. Шуршалова Е.С. Персональные данные и искусственный интеллект: проблемы защиты и пути их решения // Государство и право: сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции. Курск, 2022. – С. 18-21

References:

1. Digital economy: current directions of legal regulation: a scientific and practical guide / M.O. Dyakonova, A.A. Efremov, O.A. Zaitsev, etc.; edited by N. I.I. Kucherov, S.A. Sinitsyn. Moscow: Izop, NORMA, 2022. - 376 p.
2. E. Natashkina, A., Yekaterinicheva A.L., Babaev A.B. Issues of state regulation of the sphere of artificial intelligence // intelligent information systems: theory and practice: a collection of scientific articles based on the materials of the IV All-Russian conference with international participation. - Kursk: Kursk State University, 2023. – pp. 131-140
3. Shurshalova E.S. Personal data and artificial intelligence: problems of protection and ways to solve them // state and law: collection of scientific papers of the 5th International Scientific Conference. Kursk, 2022. – pp. 18-21

**ПРОБЛЕМАТИКА ДОКТРИНАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ
И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ СТАЖИРОВОК ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПО ПРОГРАММАМ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
**Problems of doctrinal interpretation and regulatory regulation
in the field of organizing internships for students in higher education programs**

ЧЕРНОВА Ольга Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент высшей школы публичного права,
Тихоокеанский государственный университет.

Тихоокеанская ул., 136, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680042, Россия.

E-mail: 003987@pnu.edu.ru;

ДЬЯКОВА Мария Анатольевна,

кандидат социологических наук,
начальник Центра профессионального развития и сопровождения карьеры,

Тихоокеанский государственный университет.

Тихоокеанская ул., 136, г. Хабаровск, 680042, Россия.

E-mail: 003787@pnu.edu.ru;

SHERNOVA Olga Anatolievna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Higher School of Public Law,
Pacific State University, Khabarovsk.

Pacific Street, 136, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680042, Russia.

DYAKOVA Maria Anatolievna,

candidate of sociological sciences,
Head of the Center for Professional Development and Career Support,

Pacific State University, Khabarovsk.

Pacific Street, 136, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680042, Russia.

Краткая аннотация. В статье на основе анализа доктринальных источников, действующего законодательства и сложившейся практики, делаются выводы о существующих проблемах организации стажировок по программам высшего профессионального образования. Проблематика практического внедрения института стажеров из числа обучающихся по программам высшего профессионального образования связывается, как с неоднозначностью используемого терминологического аппарата, так и с законодательной неурегулированностью порядка организации и осуществления всех видов стажировок обучающихся на базе организаций (подразделений организаций), деятельность которых соответствует профилю подготовки обучающихся. Авторами определены ключевые отличия стажировки от практики как элемента образовательной программы, сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего отраслевого законодательства.

Abstract. The article draws conclusions about the existing problems of organizing internships for students of educational institutions of higher education. Based on the analysis of doctrinal sources, current legislation and established practice. The problems of practical implementation of the institute of trainees from among students enrolled in educational programs of higher education are associated both with the ambiguity of the terminology used, and with the legislative inconsistency of the procedure for organizing and implementing all types of internships for students on the basis of organizations (divisions of organizations) whose activities correspond to the profile of training of students. The authors identify the key differences between internship and practice as an element of the educational program, and formulate specific proposals for improving the current industry legislation.

Ключевые слова: организация высшего профессионального образования, программа высшего образования, обучающийся, стажер, стажировка, программа стажировки, практическая подготовка, практика.

Keywords: organization of higher education, higher education program, student, intern, internship, internship program, practical training, practice.

Для цитирования: Чернова О.А., Дьякова М.А. Проблематика доктринального толкования и нормативно-правового регулирования в сфере организации стажировок обучающихся по программам высшего профессионального образования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 168-171. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_168.

For citation: Chernova O.A., Dyakova M.A. Problems of doctrinal interpretation and regulatory regulation in the field of organizing internships for students in higher education programs // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 168-171. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_168.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Стажировки обучающихся системы высшего образования в последние годы приобретают все большую популярность, как у организаций реального сектора экономики, так и самих образовательных организаций. Стажировки предоставляют обучающимся уникальную возможность получить практический опыт работы и являются эффективным инструментом, позволяющим будущим молодым специалистам еще в период получения образования применять полученные теоретические знания в реальных профессиональных ситуациях.

Традиционно понятие «стажировка» применялось по отношению к выпускникам системы профессионального образования, в том числе молодым специалистам – лицам, впервые принимаемым на работу в организацию. Однако, острейший дефицит рабочей силы на современном российском рынке труда вынуждает работодателей привлекать для раннего трудоустройства обучающихся старших курсов по программам бакалавриата и специалитета, что позволяет отбирать для себя наиболее лояльных и подготовленных кандидатов. Система высшего образования сегодня также ориентируется на реальные запросы рынка, стремится сформировать у будущих выпускников востребованные про-

фессиональные компетенции. Деятельность студента в качестве стажера имеет важное значение в подготовке востребованных кадров, поскольку позволяет сблизить образовательный и производственный процессы. Интегрирующая роль стажировок также позволяет сформировать у студентов актуальные практические навыки и умения самостоятельного применения знаний, изученных в теоретической части учебного процесса [1]. Прохождение производственных стажировок непосредственно у работодателя предоставляет возможность студентам более глубоко изучить особенности своей будущей профессиональной деятельности, участвовать в решении реальных задач и погружаться в рабочие процессы. Наличие опыта стажировки повышает конкурентоспособность будущего выпускника, молодого специалиста на рынке труда, а также позволяет быстрее адаптироваться и закрепиться на новом рабочем месте.

Однако, несмотря на преимущества студенческой стажировки, сегодня отсутствует единый доктринальный и законодательный подход к определению данного понятия, что создает определенные трудности при их организации и регулировании. Кроме того, изучение существующего опыта реализации стажировок обучающихся высшего образования в органах государственного управления и подведомственных им организациях, а также анализ принятых в этих органах положений о стажировке, часто показывает, что имеет место подмена понятий «стажировка» и «практика» обучающегося. Это в свою очередь затрудняет процесс ее организации и активного применения самими образовательными организациями как участниками системы высшего образования в процессе подготовки востребованных специалистов.

Подмена данных понятий часто встречается, как в научно-справочных изданиях, трудах некоторых ученых, так и в действующем законодательстве РФ. Например, Никулина Ю. Н. под стажировкой предлагает понимать практику, действия, направленные на приобретение практических навыков работы [2]. Акцент на производственную практику как один из составляющих элементов стажировки по освоению специфики конкретной специальности делается в российской энциклопедической литературе по охране труда [3]. Трудовое законодательство РФ также допускает возможность проведения стажировки при выполнении работ связанных с практикой (статья 59 ТК РФ).

Однако отождествлять практику и стажировку обучающихся, и следовательно, применять к их организации и проведению единые подходы в корне неверно, так как практика традиционно является частью образовательного процесса в подготовке профессиональных кадров среднего и высшего звена, в то время как стажировка связана с выполнением трудовых функций работника, получением практического опыта работы непосредственно на рабочем месте при исполнении трудовых обязанностей по замещаемой должности.

Принимая во внимание актуальность вопроса организации и проведения стажировок обучающихся в системе высшего образования, важно рассмотреть современное состояние нормативно-правового регулирования данного процесса.

Отличительные особенности процессов организации практики и стажировки обучающихся системы высшего образования представлены в табл. 1

Табл. 1

Критерии разграничения	Практика	Стажировка
Субъект	обучающиеся	
	студент, аспирант, ассистент-стажер	лицо, имеющее высшее образование: ассистент-стажер, слушатель программы дополнительного профессионального образования
Статус	форма организации образовательной деятельности при освоении образовательной программы	вид дополнительного профессионального образования
Условия организации	договор между образовательной организацией и профильной организацией	договор о сотрудничестве между образовательной организацией и организацией принимающей на стажировку; направление на стажировку
Цели	выполнение определенных видов работ связанных с будущей профессиональной деятельностью; приобретение практических навыков и компетенций по профилю осваиваемой образовательной программы	закрепления теоретических знаний на практике; изучение передового, в т.ч. зарубежного опыта; приобретение практических умений и навыков для эффективного выполнения должностных обязанностей
Характер	индивидуальный характер; двойное руководство: наличие ответственных лиц (руководителей практики) от образовательной и профильной организаций, обеспечивающих успешную реализацию компонентов образовательной программы	индивидуальный характер; наставничество; самостоятельная работа стажера в производственных условиях; индивидуальный учет результатов стажировки; самоконтроль выполняемой работы; индивидуальные или групповые консультации от наставников
Сроки	соответствуют календарному учебному графику и учебному плану	зависят от целей обучения; продолжительность проведения согласовывается с руководителем организации, где она проводится

Содержание	формируется с учетом индивидуального задания и рабочей программой практики	формируется с учетом предложений организации, направляющей на стажировку
Оформление трудовых отношений	заключение срочного трудового договора возможно при наличии в профильной организации вакантной должности, функциональные обязанности которой соответствуют требованиям к практической подготовке	обязательное заключение срочного трудового договора
Правовая основа	федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 22.06.2024) [4]	
	приказ министерства науки и высшего образования РФ и министерства просвещения РФ от 5 августа 2020 г. № 885/390 «О практической подготовке обучающихся»	приказ министерства образования и науки РФ от 1 июля 2013 г. № 499 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам»

Анализ действующего законодательства и нормативно-правовых документов по организации практики и стажировки обучающихся системы высшего образования позволил нам выявить ряд схожих моментов и отличительных особенности организации данных процессов.

Так, общими нормативно-правовыми и организационными моментами проведения практик и стажировок обучающихся можно считать наличие заключенных с организациями договоров (о практической подготовке, сотрудничестве), приобретение (формирование, закрепление, развитие) обучающимися практических навыков и умений.

В то же время, приобретение соответствующих профессиональных компетенций в период прохождения практики напрямую связано с профилем образовательной программы, которую осваивает студент. В период прохождения стажировки стажер приобретает и развивает компетенции необходимые для успешного выполнения конкретных должностных обязанностей в соответствии с занимаемой должностью. Следовательно, выполнение работ, непосредственно связанных с проведением практики в форме стажировки предполагает заключение со стажером срочного трудового договора. При организации практики обучающегося, как обязательного элемента его образовательной программы, заключение срочного трудового договора со студентом допускается при наличии в профильной организации вакантной должности, функциональные обязанности которой соответствуют требованиям, предъявляемым к практической подготовке.

Ключевыми отличительными особенностями данных процессов также можно считать:

- категорию обучающихся: практика как часть образовательного процесса предусмотрена для таких категорий обучающихся как студент, аспирант, ассистент-стажер. Стажировка же в свою очередь проводится для обучающихся из числа лиц уже имеющих высшее образование – ассистентов-стажеров и слушателей программ дополнительного профессионального образования. Причем реализация академических прав обучающихся на направление для прохождения стажировки в настоящее время возможна в рамках деятельности научных организаций или других образовательных организаций, в том числе расположенных на территории иностранных государств [4];
- уровень ответственности субъектов: практика обучающихся осуществляется под руководством ответственных лиц от образовательной и профильной организации. Руководители практики несут одинаковую ответственность за реализацию компонентов образовательной программы, успешность выполнения обучающимся программы практики. В процессе стажировки под руководством опытного наставника обучающийся ведет самостоятельную работу в условиях реальных производственных задач, осуществляет самоконтроль выполненной работы и индивидуальный учет результатов своей работы;
- сроки организации: период прохождения практики ограничивается учебным планом соответствующей образовательной программы, длительность прохождения стажировки согласовывается с руководителем организации, принимающей обучающегося на стажировку;
- содержание: содержание практики определяется соответствующей документацией (рабочая программа и индивидуальное задание, рабочий план-график прохождения), разработанной образовательной организацией и согласованной с профильной организацией; содержание стажировки формируется принимающей организацией с учетом предложений образовательной организации, направляющих обучающихся на стажировку.

Таким образом, становится очевидным, что в действующем отраслевом законодательстве имеется терминологическая неопределенность понятий «практика» и «стажировка», а недостаточная правовая регламентация порядка и условий проведения работодателями стажировок обучающихся по программам высшего профессионального образования (программам бакалавриата и специалитета), как потенциальных кандидатов на замещение вакантных должностей, на практике приводит к тому, что одни организации расширяют практику стажерских программ, ориентируясь при этом на имеющийся в этой сфере практический опыт других организаций. Что требует определенных законодательных решений, основанных на унифицированном подходе в нормативно-правовом регулировании.

Во-первых, необходимо законодательно расширить возможности использования программ стажировок обучающихся. Программы стажировок должны использоваться как непосредственно в процессе обучения, в том числе при проведении научных исследований на базе образовательных и научных организаций, включая образовательные и научные организации иностранных государств, но также для получения практического опыта на базе организаций, деятельность которых соответствует профилю подготовки обучающихся. Порядок организации и осуществления всех видов стажировок обучающихся в период реализации профессиональных образовательных программ высшего образования должен быть установлен федеральным исполнительным органом, уполномоченным осуществлять нормативно-правовое регулирование в сфере высшего образования. В этом же Порядке должно быть определено понятие «стажировка», «стажер», «наставник стажера», порядок отбора стажеров и их зачисления на программу стажировки, задачи и содержание стажировки, обязанности стажера, обязанности наставника стажера,

обязанности образовательной организации, порядок ведения реестра стажеров.

Во-вторых, необходимо устранить коллизию норм отраслевого законодательства (образовательного и трудового) в части использования стажировки как формы организации практики обучающегося. Поскольку действующая редакция федерального закона об образовании предусматривает реализацию стажерских программ исключительно для лиц, обучающихся по программам ординатуры и ассистентуры и по программам дополнительного профессионального образования [4].

В-третьих, считаем целесообразным законодательно закрепить правовой статус стажера в отдельной главе раздела XII Трудового кодекса РФ, поскольку со стажерами заключается срочный трудовой договор, а следовательно особенности правового статуса и условий труда стажеров, в том числе из числа обучающихся по программам высшего профессионального образования, должны быть законодательно регламентированы [5].

В-четвертых, порядок прохождения стажировки должен быть определен в локальных нормативных актах как самой образовательной организации, а также профильной организации, деятельность которой соответствует профилю подготовки обучающихся.

Библиография:

1. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремова Т.Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=стажировка> (дата обращения: 11.07.2024)
2. Никулина Ю.Н. Стажировки как инструмент формирования профессиональных компетенций выпускников и обеспечения их занятости / Ю. Н. Никулина. — Текст : электронный // ResearchGate : [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/334382479_Stazirovki_kak_instrument_formirovania_professionalnyh_kompetencij_vypusnikov_i_obespecenia_ih_zanatosti (дата обращения: 11.07.2024)
3. Воробьев И. А. Российская энциклопедия по охране труда / И. А. Воробьев. — 2-е изд. — Москва : НЦ ЭНАС, 2006.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 22.06.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2024)
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/a462b0f18cb5c73ceb2ea1ff71ae88aed4d67e84/ (дата обращения: 11.07.2024)

References:

1. Explanatory online dictionary of the Russian language by Efremova T.F. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=стажировка> (date of application: 07/11/2024)
2. Nikulina Yu.N. Internships as a tool for the formation of professional competencies of graduates and ensuring their employment / Yu. N. Nikulina. — Text : electronic // ResearchGate : [website]. URL: https://www.researchgate.net/publication/334382479_Stazirovki_kak_instrument_formirovania_professionalnyh_kompetencij_vypusnikov_i_obespecenia_ih_zanatosti (date of application: 07/11/2024)
3. Vorobyov I. A. Russian Encyclopedia on labor protection / I. A. Vorobyov. — 2nd ed. — Moscow : NC ENAS, 2006.
4. Federal Law No. 273-FZ dated 12/29/2012 "On Education in the Russian Federation" (as amended on 06/22/2024) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: 07/11/2024)
5. The Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 04/06/2024) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/a462b0f18cb5c73ceb2ea1ff71ae88aed4d67e84/ (date of access: 07/11/2024)

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_172

УДК 342.924

**ИНСТИТУТ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ И МАТЕРИАЛОВ
В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 28.1 КОАП РФ НА ПРЕДМЕТ НАЛИЧИЯ В НИХ
СОБЫТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
INSTITUTE OF VERIFICATION OF MESSAGES AND MATERIALS
IN THE ORDER OF ARTICLE 28.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES
OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PRESENCE
OF ADMINISTRATIVE OFFENSE EVENTS IN THEM**

ШУШИНА Екатерина Владиславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, 690091, Россия.
E-mail: ev.shushina@mail.ru;

Shushina Ekaterina Vladislavovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (branch)
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation".
st. Sukhanova, 8, 690091, Vladivostok, Russia.
E-mail: ev.shushina@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию факультативной стадии производства по делам об административных правонарушениях – проверке сообщений и материалов в порядке статьи 28.1 КоАП РФ. Установлено, что данная стадия урегулирована в КоАП РФ крайне неполно – не определен порядок, пределы, сроки, компетенция должностных лиц, права и обязанности проверяемых субъектов. Отмечено, что проекты кодекса об административных правонарушениях и процессуального кодекса об административных правонарушениях также не регулируют эту стадию возбуждения дела. Автором предлагается введение отдельной статьи в КоАП РФ с целью регламентации указанной деятельности органов административной юрисдикции. Иначе, по мнению автора, названная деятельность не может характеризоваться как юридический процесс.

Abstract: The article is devoted to the study of the optional stage of proceedings in cases of administrative offenses - verification of messages and materials in accordance with Article 28.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It has been established that this stage is regulated in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation extremely incompletely - the procedure, limits, terms, competence of officials, rights and obligations of the inspected entities are not defined. It is noted that the draft code of administrative offenses and the procedural code of administrative offenses also do not regulate this stage of initiating a case. The author proposes the introduction of a separate article in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in order to regulate the specified activities of administrative jurisdiction bodies. Otherwise, according to the author, this activity cannot be characterized as a legal process.

Ключевые слова: административная ответственность, возбуждение дела об административном правонарушении, проверка материалов на предмет установления события административного правонарушения.

Key words: administrative responsibility, initiation of a case of an administrative offense, verification of materials to establish the event of an administrative offense.

Для цитирования: Шушина Е.В. Институт проверки сообщений и материалов в порядке статьи 28.1 КоАП РФ на предмет наличия в них события административного правонарушения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_172.

For citation: Shushina E.V. Institute of verification of messages and materials in the order of Article 28.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for the presence of administrative offense events in them // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_172.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024**Дата публикации: 03.10.2024**

Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в статье 28.1 закрепляет поводы и некоторые правила возбуждения дел об административных правонарушениях.

По замыслу законодателя в 2002 году дела об административных правонарушениях – это так называемые «оперативные» «экспресс-дела», возбуждение которых происходило непосредственно на месте совершения правонарушения, а административный штраф уплачивался немедленно. Вместе с тем, за последние годы законодательство об административных правонарушениях серьезно усложнилось. И это касается не только общей части, но и особенной. Появились новые составы административных правонарушений¹, возбудить дело, по которым немедленно и даже в сроки, установленные частями 1,2 статьи 28.2 КоАП РФ, уже не представляется возможным. Более того, для выяснения факта наличия правонарушения требуется проведение полноценного административного расследования.

Однако, несмотря на усложнение текста закона процедура принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении осталась практически неурегулированной. О необходимости дополнительного правового регулирования стадии возбуждения дела в свое время писали Щербakov О.Н. [3, с.338], Волков В.Г. [1], Попугаев Ю.И. [3, с.14] Идея о редакции порядка возбуждения дел об административных правонарушениях заложена и в Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [16]

¹ Например с 01.01.2024 введено в действие три новых состава АП на основе изменений, внесенных Федеральными законами от 06.03.2022 N 40-ФЗ, от 13.06.2023 N 223-ФЗ (статья 9.16 дополнена частью 13. статья 13.46 частями 3 – 4).

Действующей редакцией кодекса для установления события правонарушения предусмотрено проведение проверочных мероприятий, при этом нормы о такой проверке достаточно скудны. В частности, частью 2 статьи 28.1 КоАП РФ предусмотрена обязанность проведения проверки поступивших материалов, а частью 5 регламентировано правило о вынесении определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении при отсутствии оснований для его возбуждения. Этим исчерпывается правовое регулирование данной деятельности органов административной юрисдикции.

За рамками остались многие вопросы, касающиеся полномочий органов административной юрисдикции и их должностных лиц при проведении проверок и их пределов, сроков и порядка их продления, передачи обязанности проведения проверочных мероприятий иному сотруднику, объем правомочий в отношении приобщенных к материалам проверки вещей и документов и определения их дальнейшей судьбы в случае отказа в возбуждении дела. Также немаловажной составляющей этой деятельности является закрепление прав и обязанностей иных участников проверочных мероприятий, которые также не определены.

Результаты проверки и их надлежащая фиксация являются основанием для возбуждения дела об административном правонарушении. Однако, когда законом не определены «контрольные точки» возникает возможность возникновения правового произвола.

Вполне закономерен теоретический вопрос: является ли данная деятельность органов административной юрисдикции юридическим процессом, а именно юрисдикционным процессом, одним из конститутивных признаков которых является их четкая нормативная регламентация, обеспечивающая реализацию и гарантии прав и свобод участников таких процессов, компетенцию уполномоченных органов, гласность осуществляемых процедур. Сложно ответить на этот вопрос полностью утвердительно.

В целях восполнения имеющихся пробелов в настоящее время некоторые органы административной юрисдикции разработали свои локальные акты, касающиеся порядка проведения соответствующих проверочных мероприятий. В частности, наиболее полно этот порядок урегулирован в Федеральной таможенной службе письмом от 28.04.2007 N 01-06/16201 "О направлении Методических рекомендаций"[11]. Так, в указанном письме в пункте 39 должностным лицам таможенных органов, осуществляющим проверочные мероприятия, предоставлена возможность инициировать проведение соответствующего вида государственного контроля, а также истребовать необходимые документы и сведения из функциональных подразделений таможенного органа, составленных при проведении таможенного оформления и таможенного контроля товаров (п.40). Состав сотрудников, осуществляющих рассмотрение информации об АП, сроки рассмотрения устанавливает должностное лицо таможенного органа, назначившее рассмотрение, с учетом конкретных задач и характера поступившей информации. Сроки проведения проверочных мероприятий не должны превышать сроков, установленных для рассмотрения обращений физических и юридических лиц, депутатов.

Приказом Министерства внутренних дел от 29.08.2014 № 736 утверждена Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, в которой есть аналогичное правило о сроках рассмотрения материалов (п.58) [6]. Инструкция не содержит положений о полномочиях субъектов административной юрисдикции при проведении проверочных мероприятий.

Протоколом заседания Центральной избирательной комиссии РФ от 27.09.2006 №187-4-4 одобрены рекомендации по некоторым вопросам применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях избирательными комиссиями [12]. Так, при поступлении обращения, содержащего сведения об административном правонарушении, в избирательную комиссию рекомендовано в целях более объективного подхода рассматривать такое обращение на заседании комиссии с принятием соответствующего решения и последующим поручением уполномоченному члену избирательной комиссии, комиссии референдума составить протокол об административном правонарушении либо вынести определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении.

В свою очередь, Методические рекомендации по порядку привлечения к административной ответственности лиц, совершивших административные правонарушения, отнесенные к подведомственности Федеральной службы судебных приставов, утвержденные директором ФССП РФ 04.06.2012 № 07-12, содержат только образец бланка определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении [10]. В самих рекомендациях не дано никаких разъяснений о порядке проведения проверок.

Аналогичное регулирование установлено регламентом подготовки и ведения дел об административных правонарушениях в центральном аппарате Федеральной антимонопольной службы, утвержденным приказом этой федеральной службы от 19.07.2019 N 980/19 [9].

В приказах Рослесхоза от 07.05.2018 №405 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и государственного контроля (надзора)» [8], Росприроднадзора от 30.04.2014 №262 «Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и по результатам надзорной деятельности» [7] утверждены только формы определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении.

Таким образом, даже в органах административной юрисдикции процесс проведения проверочных мероприятий в порядке статьи 28.1 КоАП РФ недостаточно урегулирован, что дает почву для произвольного правоприменения. Более того, в ряде случаев регулирование осуществляется на уровне методических рекомендаций, что дополнительно подтверждает обоснованные сомнения в определении правовой природы проверочных мероприятий и отнесению их к юрисдикционной деятельности.

Одной из целей Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, намеченной в пункте 5.1.5, является устранение конкуренции процессов производства по делам об административных правонарушениях и контрольно-надзорного производства, осуществляемых органом административной юрисдикции, когда последний может начать либо внеплановую проверку, либо производство по делу об административном правонарушении [16].

Так, по мнению инициаторов разработки, поступающие в уполномоченный орган материалы, а также непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, подлежат проверке в ходе контрольно-надзорного производства. В свою очередь, решение о возбуждении дела об административном правонарушении может быть принято только по его завершении.

Аналогичная позиция содержится и в проекте Процессуального кодекса об административных правонарушениях [15].

В настоящее время указанный порядок реализуется после введения частей 3.1, 3.2 статьи 28.1 КоАП РФ по делам, связанным с нарушением обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Соответственно, к указанной категории дел стадия проверки, установленная в части 2 статьи 28.1 КоАП РФ, не применима.

Предлагаемый проект Процессуального кодекса содержит аналогичное регулирование стадии проверки сообщений и материалов. Между тем, дела об административных правонарушениях могут возбуждаться не только по результатам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, в связи с чем в проекте процессуального кодекса целесообразно предусмотреть норму о проведении проверочных мероприятий по другим категориям дел.

В настоящее время широко распространена «нормотворческая» деятельность Конституционного Суда РФ, призванная восполнять пробелы и коллизии правового регулирования. Так, некоторые разъяснения о порядке проведения проверок даны Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 30.03.2021 №9-П [5]. В пункте 3 постановления содержатся разъяснения о сроках проведения проверки, которые не должны превышать сроков для рассмотрения обращений граждан. Проверочные мероприятия, по мнению Конституционного Суда РФ, могут проводиться путем проведения мероприятий по контролю, предусмотренных Федеральным законом от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» или иными нормативными актами, при наличии закрепленных в них оснований для контрольных мероприятий. Однако, видится, что такие рекомендации применимы к делам, возбуждаемым по результатам проведения государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [4].

Пределы проверочных мероприятий, на наш взгляд, должны быть ограничены установлением только события административного правонарушения, как это определено статье 28.1 КоАП РФ, иначе вероятность смешения проверочных мероприятий с административным расследованием слишком возрастает. Все иные элементы состава административного правонарушения являются предметом доказывания в ходе основного производства по делу.

В правоприменительной практике могут складываться ситуации, когда к материалам приобщаются какие-либо вещи, предметы, орудия предполагаемого административного правонарушения, оригиналы документов. Каким образом будет определена судьба данных предметов в случае вынесения определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, например, при вынесении решения об отказе ввиду неустановления субъекта административного правонарушения (п.2 ч.1 ст.24.5 КоАП РФ). В вышеуказанных документах такой вопрос правоприменителями не рассматривался. Соответствующих граф в изученных формах определений об отказе в возбуждении дел также не установлено. По аналогии с положениями статьи 29.10 КоАП РФ, на наш взгляд, уполномоченное лицо, принимающее решение по результатам проверки в определении об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении обязано отразить сведения о приобщенным к материалам проверки предметам и документам, также определив их дальнейшую судьбу. Если собственник известен - вернуть их собственнику, при его неустановлении - инициировать признание таких предметов бесхозяйными в порядке, определенном гражданско-процессуальным законодательством. В установленных законом случаях (если данные предметы изъяты или ограничены в обороте) инициировать их уничтожение или передачу в уполномоченные органы.

Также сугубо практическим будет являться вопрос правомерности перепоручения проведения проверки другому уполномоченному лицу органа. Вопрос об этом мог бы и не подниматься, если бы в существующей правоприменительной практике не сложилось правило об отказе в принятии жалобы на решение, вынесенное по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении в порядке части 5 ст. 30.9 КоАП РФ, поданной от имени должностного лица органа, уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях, но фактически дело не рассматривавшего¹ [13, 14]. На наш взгляд, учитывая, что уполномоченное должностное лицо органа является его представителем, то есть, выступает в правоотношениях от лица этого органа власти, перепоручение проведения проверки другому должностному лицу уполномоченного органа государственной власти является допустимым, как и составление протокола об административном правонарушении по окончании административного расследования иным должностным административного органа.

Отдельного правового регулирования требуют права и обязанности лиц, в отношении которых осуществляются проверочные мероприятия, что является важной процессуальной гарантией участников проверки. Если проводится государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль, на лиц распространяются положения Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Однако, как нами указывалось неоднократно выше, не все дела возбуждаются по результатам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

¹ Согласно обстоятельствам указанных судебных дел постановления по делам вынесены исполняющими обязанности должностного лица, тогда как жалобы на не вступившее в силу решение по жалобе судьи поданы непосредственно действующими должностными лицами. По мнению суда, в случае болезни, командировки, увольнения лица, которое не может реализовать свое право на обжалование, такое право может быть реализовано прокурором, к которому необходимо обратиться органу административной юрисдикции. Сложно согласиться с этим подходом, не всегда прокуратура поддерживает позицию органов, уполномоченных возбуждать дела об административных правонарушениях, поэтому, при отсутствии по объективным причинам должностного лица органа, уполномоченного рассматривать дела, ввиду его увольнения, отпуска, временной нетрудоспособности орган теряет право на дальнейшее обжалование постановления, что также на наш взгляд, требует дополнительного внимания законодателя. В данном случае должностное лицо выступает не от своего собственного имени, а от уполномоченного рассматривать дела органа. В противном случае, если он, будучи уволенным, подает жалобу от собственного имени, уже не замещающая должность, результат ее рассмотрения, полагаем, будет аналогичным.

Таким образом, институт проведения проверок в порядке статьи 28.1 КоАП РФ в таком виде, в котором он был введен с момента начала действия кодекса уже не отвечает современным реалиям и объективно требует дальнейшего совершенствования. Проведённый анализ также показал крайне недостаточное нормативное регулирование и необходимость восполнения имеющихся пробелов в новом процессуальном кодексе об административных правонарушениях. Восполнение таких пробелов представляется возможным введением отдельной статьи, посвященной порядку проведения проверки, в которой будут определены права и обязанности проверяемых лиц, сроки проведения проверочных мероприятий, компетенция органов административной юрисдикции.

Библиография:

1. Волков В.Г. Новый порядок проведения сотрудниками милиции проверочных мероприятий в сфере экономики Волков В.Г., Правовой департамент МВД России. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Попугаев Ю.И. Содержание и оптимизация правового регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 14 - 19.
3. Щербаков О.Н. Отдельные вопросы стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 338 – 342.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2021 № 9-П "По делу о проверке конституционности части 5 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Яковенко". [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
6. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 "Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях". [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Приказ Росприроднадзора от 30.04.2014 № 262 "Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и по результатам надзорной деятельности". [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
8. Приказ Рослесхоза от 07.05.2018 № 405 "Об оформлении процессуальных документов при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и государственного контроля (надзора)". [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
9. Приказ ФАС России от 19.07.2019 № 980/19 "Об утверждении регламента подготовки и ведения дел об административных правонарушениях в центральном аппарате ФАС России". [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
10. Методические рекомендации по порядку привлечения к административной ответственности лиц, совершивших административные правонарушения, отнесенные к подведомственности ФССП России (утв. ФССП России 04.06.2012 N 07-12). [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
11. Письмо ФТС РФ от 28.04.2007 № 01-06/16201 «О направлении Методических рекомендаций»// [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
12. Протокол заседания ЦИК России от 27.09.2006 № 187-4-4 "О Рекомендациях по некоторым вопросам применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях избирательными комиссиями". [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
13. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2023 №П16-1065/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
14. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 №П16-1782/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
15. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020) // [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
16. «Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://static.government.ru> по состоянию на 10.06.2019. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

References:

1. Volkov V.G. A new procedure for conducting verification measures by police officers in the field of economics Volkov V.G., Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
2. Parugaev Yu.I. The content and optimization of legal regulation of the stage of initiation of an administrative offense case // Administrative law and process. 2015. No. 4. pp. 14-19.
3. Shcherbakov O.N. Separate issues of the stage of initiation of an administrative offense case // Administrative and municipal law. 2016. No. 4. pp. 338-342.
4. Federal Law No. 248-FZ dated 07/31/2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.03.2021 No. 9-P "On the case of checking the constitutionality of Part 5 of Article 28.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and Part 3 of Article 201 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen O.S. Yakovenko". [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 08/29/2014 No. 736 "On Approval of Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Resolving Applications and Reports on crimes, Administrative Offenses, and Incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
7. Rosprirodnadzor Order No. 262 dated 30.04.2014 "On registration of procedural documents in the course of proceedings in cases of administrative offenses and based on the results of supervisory activities". [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
8. Order of the Federal Forestry Agency dated 05/07/2018 No. 405 "On registration of procedural documents in the course of proceedings in cases of administrative offenses and State control (supervision)". [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
9. Order of the FAS of Russia dated 07/19/2019 No. 980/19 "On approval of the Regulations for the preparation and conduct of cases of administrative offenses in the central office of the FAS of Russia". [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
10. Methodological recommendations on the procedure for bringing to administrative responsibility persons who have committed administrative offenses attributed to the jurisdiction of the FSSP of Russia (approved by the FSSP of Russia 04.06.2012 N 07-12). [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
11. Letter of the Federal Customs Service of the Russian Federation dated 04/28/2007 No. 01-06/16201 "On the direction of Methodological recommendations" // [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
12. Minutes of the meeting of the CEC of Russia dated 09/27/2006 No. 187-4-4 "On Recommendations on certain Issues of Application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation by Election Commissions". [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
13. Ruling of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 05/26/2023 No. P16-1065/2023 [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
14. The ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated 07.09.2022 No. P16-1782/2022 [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
15. The draft "Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation, project ID 02/04/01-20/00099061) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 30.01.2020) // [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
16. "The concept of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation". The text of the document is given in accordance with the publication on the website <http://static.government.ru> as of 06/10/2019. [electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_176

УДК 342.5

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ОЖИДАЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ПЛАНАХ, РАЗРАБАТЫВАЕМЫХ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ METHODOLOGICAL PROBLEMS OF FORMULATING EXPECTED RESULTS IN PLANS DEVELOPED IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

МОЖАЕВА Ирина Павловна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России.

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: mirina-crim@yandex.ru;

ГАБАРАЕВ Алан Шотаевич,

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России,

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: gabiron@mail.ru;

ТОРОПОВ Борис Андреевич,

кандидат технических наук, доцент, докторант, Академия управления МВД России.

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: torbor@mail.ru;

Mozhaeva Irina Pavlovna,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Organization of the Activities of Internal Affairs Bodies of the Center for Command and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8.

E-mail: mirina-crim@yandex.ru;

Gabaraev Alan Shotaevich,

Candidate of Political Sciences, Leading Researcher at the Scientific Research Center,
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8.

E-mail: gabiron@mail.ru;

Toropov Boris Andreevich,

doctoral student, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8.

E-mail: torbor@mail.ru

Краткая аннотация: Актуальность научного исследования обусловлена необходимостью разработки типовой методики формулирования содержания графы «ожидаемые результаты» для запланированных мероприятий, содержащихся в планах, разрабатываемых в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Несмотря на то, что территориальные органы МВД России принимают меры по совершенствованию организации планирования, наибольшие сложности при разработке планов субъекты планирования испытывают при создании системы показателей, объективно отражающих ситуацию в той или иной области общественных отношений.

Abstract: The relevance of the scientific research is due to the need to develop standard models of methodology and criteria for the formation of expected results of planned activities of plans developed in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter – the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry). Despite the fact that the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia are taking measures to improve the organization of planning, planning subjects experience the greatest difficulties in developing plans when creating a system of indicators that objectively reflect the situation in a particular area of public relations.

Ключевые слова: планирование в системе МВД России; управление; индикаторы; показатели; ожидаемый результат; типовые модели перечня мероприятий планов; органы внутренних дел.

Keywords: planning in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia; management; indicators; indicators; expected result; standard models of the list of measures of plans; internal affairs bodies.

Для цитирования: Можеева И.П., Габараев А.Ш., Торопов Б.А. Методические проблемы формулирования ожидаемых результатов в планах, разрабатываемых в системе МВД России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 176-180. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_176.

For citation: Mozhaeva I.P., Gabaraev A.Sh., Toropov B.A. Methodological problems of formulating expected results in plans developed in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 176-180. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_176.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Стратегическая важность проблемы оценивания эффективности документов планирования (на разных уровнях планирования), предопределяет потребность в управленческой практике выработки единого подхода и создания унифицированной методики оценки.

В целях совершенствования организационно-правового и научно-методического механизмов планирования в системе МВД России Академией управления МВД России подготовлены методические рекомендации по определению содержания графы «Ожидаемые результаты», характеризующего выполнение мероприятий планов, разрабатываемых в системе МВД России [1; 2; 3; 4]. Унифицированные варианты содержа-

ния графы «Ожидаемые результаты» были разработаны с учетом подходов и принципов, определенных для государственных программ и их структурных элементов, поскольку именно методика подготовки и реализации документов стратегического планирования (проектов государственных программ) в настоящее время наиболее разработана и отражает разнообразные модели оценивания эффективности мероприятий, что составляет целевой интерес в рамках выполненного авторским коллективом исследования [5].

Анализ эмпирических материалов позволил составить список типичных формулировок содержания запланированных мероприятий и соответствующих им формулировок ожидаемых результатов (всего 287 позиций) и установить типичные ошибки (проблемы) организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации. В процессе анализа этого списка формулировки *содержания запланированных мероприятий* были классифицированы по восьми категориям (табл. 1, рис. 1), формулировки ожидаемых результатов – по девяти (табл. 2, рис. 1).

Таблица № 1
Классификация формулировок содержания запланированных мероприятий

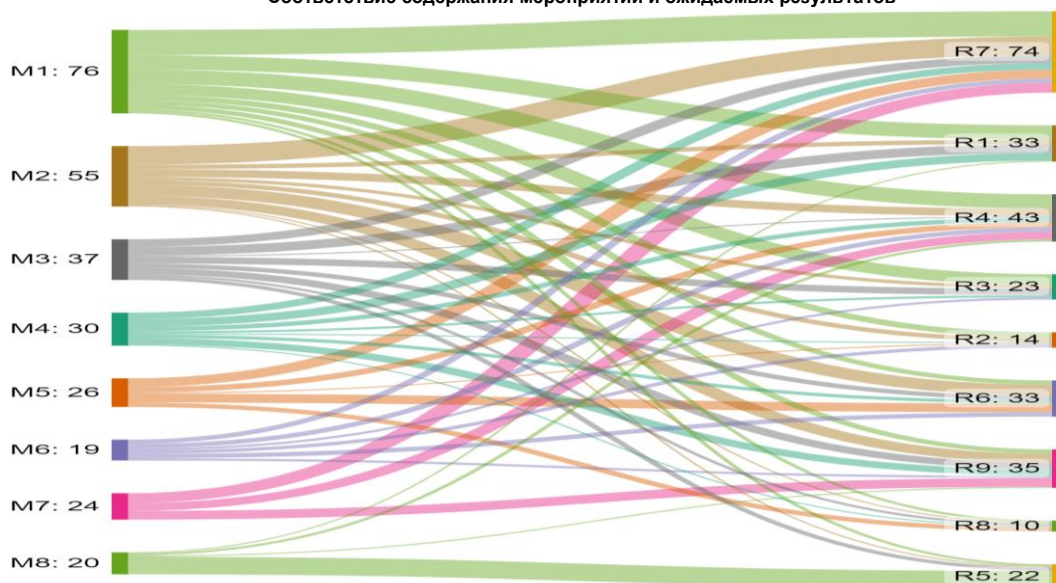
Код	Вид формулировки	Количество %
M1	Мероприятия, которые отражают работу по сбору, обобщению, анализу и мониторингу различных сведений и информации	76 / 26,48%
M2	Проведение организационных мероприятий	55 / 10,45%
M3	Деятельность по сбору, обобщению, подготовке и направлению / размещению обзоров информационных писем, предложений, иных материалов	37 / 9,06%
M4	Проведение семинар-совещаний, заседаний, рабочих встреч, проработка вопросов, решение вопросов, взаимодействие и взаимодействие	30 / 19,16%
M5	Организация и проведение оперативно-розыскных / оперативно-профилактических мероприятий	26 / 8,36%
M6	Организация и проведение проверок	19 / 6,97%
M7	Проведение занятий, обучения, учений, тренировок	24 / 12,89%
M8	Разработка и подготовка правовых актов, распорядительных актов	20 / 6,62%

Таблица № 2
Классификация формулировок ожидаемых результатов

Код	Вид формулировки	К-во / %
R1	Выработка / направление / предоставление / представление материалов, проектов, информации	33 / 11,50%
R2	Выявление фактов, тенденций, закономерностей	14 / 4,88%
R3	Доклад руководству	23 / 8,01%
R4	Достижение / поддержание / обеспечение требуемого (максимального / минимального / оптимизация) состояния	43 / 14,98%
R5	Издание / утверждение правового (распорядительного) акта	22 / 7,76%
R6	Недопущение / исключение / пресечение / предупреждение и профилактика фактов	33 / 11,50%
R7	Повышение уровня позитивных явлений / снижение уровня негативных явлений	74 / 25,78%
R8	Противодействие преступности	10 / 3,48%
R9	Факт проведения мероприятия	35 / 12,20%

Графы соответствия формулировок содержания запланированных мероприятий и формулировок ожидаемых результатов приведены на рисунке № 1.

Рис. № 1
Соответствие содержания мероприятий и ожидаемых результатов

Как видно из приведенной иллюстрации, среди проанализированных планов наиболее часто (74 раза) встречается формулировка, связанная либо с повышением уровня какого-либо явления, либо с его снижением. Во всех этих формулировках отсутствуют количественные

критерии названного повышения или снижения. Следовательно выполнение таких мероприятий проконтролировать либо невозможно в принципе, либо уже на этапе контроля придется вводить критерии, которые в плане не закладывались, что приведет к постановке ряда вопросов. Например, следует ли считать повышение некоторого уровня на сотые доли процента таковым? Формально в этом случае мероприятие следует считать выполненным, фактически же повышение уровня незначительно.

Изучение и анализ планов позволили оценить современное состояние исследуемой сферы и выделить следующие недостатки:

- в большинстве планов не проработан механизм учета результатов оценки эффективности и результативности при формировании планов;
- целевые показатели зачастую не увязываются с целями и задачами разработанных планов. Большинство индикаторов носит абстрактный характер, не позволяет конкретно оценить предлагаемые плановые мероприятия;
- приводимые в планах оценки предполагаемых результатов не имеют достаточных обоснований;
- реализуемые мероприятия планов детально не расшифровываются, что не позволяет определить обоснованность их включения в план и конечную эффективность;
- в ряде планов указаны только показатели конечного результата, что является проблемой для осуществления качественного текущего мониторинга, а также затрудняет внутренний и внешний контроль;
- задачи разрабатываемых планов не всегда соответствуют целям, а целевые показатели не отражают результатов решения поставленных задач.

В рамках существующего планирования различают показатели, которые измеряют достигнутые результаты, и показатели, которые отражают процессы, способствующие получению этих результатов. Обе категории показателей должны быть скоординированы друг с другом, так как для достижения первых (например, определенного уровня преступности) нужно реализовать вторые (например, ресурсное обеспечение).

Несмотря на то, что территориальные органы МВД России принимают меры по совершенствованию организации планирования¹, наибольшие сложности при разработке планов субъекты планирования испытывают при создании **системы показателей**, объективно отражающих ситуацию в той или иной области общественных отношений.

Предоставленные планы характеризуются шаблонными формулировками при описании результатов мероприятий: «улучшить качество ...», «увеличить количество ...», «повысить уровень ...» и т.д. Как правило, они содержат лозунги, которые не подходят для формулировки ожидаемых результатов и последующей оценки итогов мероприятий. Например, для мероприятия: «Реализовать комплекс организационно-практических мер по повышению эффективности взаимодействия со структурными подразделениями ГУ и ТОВД региона при обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите. О результатах доложить заместителю начальника ГУ – начальнику полиции» в качестве ожидаемого результата было указано: «Совершенствование организации деятельности по обеспечению лиц, подлежащих государственной защите».

Основные причины данной ошибки – это слабое представление субъектами планирования о конкретных результатах плана, которые должны быть измеримы и достижимы, а также наличие опыта формализма и написания шаблонных формулировок. Поэтому, в ходе планирования требуется подробно описать все основные ожидаемые результаты, указывая для каждого из них конкретные показатели. Для этого необходимо проанализировать все пункты плана и конкретизировать ожидаемые результаты.

Исследование показало, что большинство предоставленных планов характеризуются отсутствием конкретных показателей достижения результата. При работе над графой «Ожидаемые результаты» субъект планирования затрудняется либо забывает сформулировать и зафиксировать конкретные измеряемые показатели достижения запланированных результатов.

Так, при запланированном мероприятии: «Организовать проведение смены для детей, состоящих на профилактическом учете в ОВД, воспитывающихся в неблагополучных и малообеспеченных семьях» в качестве ожидаемого результата указывалось «Предупреждение подростковой преступности в летний период».

Основные причины данной ошибки: отсутствие опыта реализации планов и, как следствие, сложности при формулировании конкретных и измеряемых результатов; отсутствие умения и навыка формулировать и использовать качественные и количественные показатели достижения результатов проекта.

Для того, чтобы не допускать вышеуказанной ошибки, необходимо формулировать для каждого плана конкретные и измеряемые результаты. Следует определить, что будет считаться выполнением плана, а также изучить материалы ранее реализованных мероприятий, используемые при этом показатели и адаптировать их к своему плану.

Так же допускаются типичные ошибки в ходе установления ожидаемого результата реализации мероприятий плана в случае, если в них участвуют одни и те же люди, при этом субъект планирования при оценке реализации плана и его результатов посчитал их количество несколько раз. Например, субъекты запланировали «Проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на внутришкольном учете или учете в ПДН» и в графе «Ожидаемые результаты» указали общее количество участников – 20 человек.

Из содержания мероприятий следует, что во всех мероприятиях примут участие одни и те же подростки (люди) – всего 5 уникальных человек. Следовательно, в графе «Ожидаемые результаты» необходимо указать это количество.

Другой ошибкой при разработке планов является слишком глобальные ожидаемые результаты. Например, в таком планируемом ме-

¹ Интерес представляет опыт ГУ МВД России по Волгоградской области, в котором разработаны методические рекомендации по организации планирования в территориальных органах МВД России на районном уровне.

роприятию как «Реализовать комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение коррупционных преступлений в бюджетной сфере» в качестве ожидаемого результата субъекты планирования указывают ни много ни мало «Оздоровление оперативной обстановки на ключевых направлениях экономики».

Это достаточно распространенная ошибка, которая показывает, что субъект планирования не умеет соотносить имеющиеся ресурсы и возможности с глобальными формулировками ожидаемых результатов. Причины данной ошибки заключаются в отсутствии навыков реализации планов (документов планирования) с конкретными результатами. Для устранения вышеуказанной ошибки необходимо: проверять формулировки ожидаемых результатов с точки зрения реальности их достижения; соотносить имеющиеся ресурсы с масштабом поставленных целей и ожидаемых результатов; проводить анализ затрат служебного времени каждого участника процесса планирования на подготовку и реализацию плана.

Характерной ошибкой является несоответствие описания ожидаемых результатов мероприятия плана его цели и задачам. Работая над формулировкой результатов мероприятий плана, субъекты планирования «забывают» соотнести с ними уже сформулированные цель и задачи. Так, для запланированного мероприятия: «Провести мероприятия по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, а также профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, с привлечением членов Общественного совета при МВД по региону.» в качестве ожидаемого результата указывается «Привлечение членов Общественного совета при МВД России по региону к участию в работе по патриотическому воспитанию и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних», что противоречит содержанию планового мероприятия.

Основная причина в том, что у субъектов планирования возникают сложности с пониманием основных подходов формирования содержания графы «Ожидаемые результаты». План – это целостный документ, составные части которого связаны единой логикой. Следовательно, результаты должны вытекать из поставленных целей.

Таким образом, мониторинг правового регулирования и организации планирования в системе МВД России, позволил выработать предложения по определению содержания графы «Ожидаемые результаты», отражающего выполнение мероприятий планов, разрабатываемых в системе МВД России [1], а именно.

1. Исключить формулировки, позволяющие судить о повышении / снижении уровня криминальных явлений и результатах деятельности подразделений МВД России по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

2. При использовании в терминологическом значении слов *повышение*, *снижение* и др. следует указывать единицы измерения количественного показателя, который планируется повысить / понизить, а также основание (базу) сравнения (значение в предыдущий период, среднее значение показателя по федеральному округу, по России, и др.).

3. Исключить из формулировок планируемых результатов то, что является следствием выполнения сотрудниками полномочий, возложенных на ОВД законодательством.

4. Исключить формулировки результатов, для которых невозможно определить, являются ли они следствием проведенных мероприятий, например: *недопущение фактов*.

5. Для результатов, фиксирующих факт проведения мероприятия, следует использовать количественные показатели (количество участвовавших в мероприятии подразделений, сотрудников; количество проведенных мероприятий, их продолжительность и др.).

6. При формулировании результата в виде планируемого достижения максимальных / минимальных или оптимальных значений (показателей), следует указывать требуемые (максимальные) значения. При использовании термина *оптимальность* (что не рекомендуется) следует указывать оптимизируемую целевую функцию и ограничения по ресурсам (количеству личного состава, бюджету, материально-техническим ресурсам и др.).

7. Результатом анализа (мониторинга, изучения, исследования) может служить отчет (обзор, доклад, докладная записка и др.), а не *профилактика, противодействие преступности* или *повышение / снижение* какого-либо показателя.

8. Формулировки, связанные с докладом руководству, безусловно поддаются контролю, но одновременно вызывают вопросы с точки зрения необходимости подобных результатов и включения их в планы вместе с соответствующими мероприятиями (табл. 2).

Необходимо учитывать, что если речь идет об измеримости цели, то имеется в виду, что нужно устанавливать ожидаемые *количественные* и *качественные* показатели, анализ которых позволит судить об *успешности / неуспешности* реализации плана в целом (и отдельных мероприятиях). Поэтому не следует однозначно разграничивать эти две названные позиции, ибо *ожидаемые результаты* – это конкретные результаты (цели), которые предполагается достичь (получить) при реализации плана (мероприятий плана) *в количественном и качественном выражении*. Каждая цель должна быть соотнесена с соответствующими *показателями (индикаторами)*, по значению которых можно судить об успешности (или уровне) достижения поставленной цели.

«Эффективность реализации мероприятия не всегда может быть определена на основе соотношения затрат и результатов, поскольку результат (показатель) зачастую не поддается точной количественной оценке вследствие нематериального характера предоставляемых услуг» [6]. Именно такой показатель является качественным и, как правило, именуется *индикатором*.

На сегодняшний день в МВД России сложилась ситуация, когда система планирования отрегулирована на уровне нормативных правовых актов. Формально это так, но фактически это обуславливает составление субъектами планирования таких документов, которые содержат мероприятия и максимально абстрактными и не поддающимися объективному контролю ожидаемыми результатами.

Решением этой проблемы может выступать разработка методики, содержащей подходы к формулированию содержания графы «Ожидаемые результаты», которое, с одной стороны, должно соотноситься с формулировкой самого запланированного мероприятия, с другой сторо-

ны, включать четкие количественные либо качественные индикаторы выполнения мероприятия. При этом методика не должна жестко регламентировать названную сферу, а именно вводить основные принципы формулировки результатов и индикаторов их достижения, что позволит субъектам планирования следовать за требованиями времени и включать в свои планы новые, ранее не планируемые виды мероприятий и соответствующих им результатов.

Библиография:

1. Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.10.2020 № 683 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2024).
2. Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 03.02.2012 № 77 (ред. 23.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2024).
3. Об утверждении Перечня документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, с указанием сроков хранения, создание, хранение и использование которых осуществляется в форме электронных документов: приказ МВД России от 31.06.2011 № 600 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2024).
4. Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 14.11.2022 № 855 (ред. 27.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.05.2024).
5. Национальные цели развития, национальные проекты (программы) и государственные программы Российской Федерации. Методики расчета показателей. Общие положения и требования к применяемым при расчетах данным ГОСТ Р 71136–2023. М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.
6. Струнцова Н. О. Формирование системы целевых показателей эффективности и результативности реализации региональных целевых программ // Вестник ОГУ. 2008. № 9. С. 84–91.

References:

1. On the organization of planning in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10/01/2020 No. 683 // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 05/27/2024).
2. On the basics of organizing departmental control over the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02/03/2012 No. 77 (as amended on 06/23/2022) // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 05/27/2024).
3. On approval of the List of documents generated in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation, indicating storage periods, the creation, storage and use of which is carried out in the form of electronic documents: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 31, 2011 No. 600 // SPS "ConsultantPlus" (date access: 05/27/2024).
4. On approval of the Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated November 14, 2022 No. 855 (as amended on November 27, 2023) // SPS "ConsultantPlus" (date of access: May 27, 2024).
5. National development goals, national projects (programs) and state programs of the Russian Federation. Methods for calculating indicators. General provisions and requirements for data used in calculations GOST R 71136–2023. M.: Federal State Budgetary Institution "Institute of Standardization", 2023.
6. Struntsova N. O. Formation of a system of target indicators of efficiency and effectiveness of the implementation of regional target programs // Bulletin of OSU. 2008. No. 9. pp. 84–91.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ КЮРАСАО 19 МАРТА 2021 Г.
В УСЛОВИЯХ НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ**
**Organization of the electoral process at the Curacao parliamentary elections
on March 19, 2021 in an unfavorable epidemiological situation**

ЧИМАРОВ Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России).
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Басков переулок, 16, литера А.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com;

CHIMAROV Nikolay Sergeevich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
St. Petersburg Institute (branch) VSU RPA (Ministry of Justice of Russia).
199178, Russia, St. Petersburg, Baskov lane, 16, letter A.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com

Краткая аннотация: В настоящей статье представлен анализ национально-правового опыта самоуправляемого государства Кюрасао, в части организации избирательного процесса 2021 г. Специфика данного события характеризуется общим контекстом глобального ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки 2020-2023 гг., вызвавшего рост вызовов и угроз в области публично-правового регулирования. В рамках рассмотрения локального опыта Кюрасао, автор выявляет отдельные аспекты организационно-правовой уязвимости национальной системы и пути ее нейтрализации, представляющие несомненный интерес для современных исследователей избирательного процесса.

Abstract: This article presents an analysis of the national legal experience of the self-governing state of Curacao, regarding the organization of the electoral process in 2021. The specifics of this event are characterized by the general context of the global deterioration of the sanitary and epidemiological situation in 2020-2023, which caused an increase in challenges and threats in the field of public law regulation. As part of the consideration of the local experience of Curacao, the author identifies certain aspects of the organizational and legal vulnerability of the national system and ways to neutralize it, which are of undoubted interest to modern researchers of the electoral process.

Ключевые слова: конституционное право, избирательный процесс, общество, эпидемия, социальная дистанция, чрезвычайное положение.

Keywords: constitutional law, electoral process, society, epidemic, social distance, state of emergency.

Для цитирования: Чимаров Н.С. Организация избирательного процесса на парламентских выборах Кюрасао 19 марта 2021 г. в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 181-183. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_181.

For citation: Chimarov N.S. Organization of the electoral process at the Curacao parliamentary elections on March 19, 2021 in an unfavorable epidemiological situation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 181-183. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_181.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В условиях нарастающей неблагоприятной эпидемиологической обстановки 2020 г. мировое сообщество признало необходимость усиления санитарных норм в пределах большинства национальных территорий. Указанная позиция привела к смещению на массовом уровне фокуса внимания к вопросу адаптации системы здравоохранения к вызовам времени и возможности переноса актуальных к назначенному времени электоральных кампаний и, как следствие, способствовала возникновению по этому поводу дискуссий. Согласно данным Международного института демократии и содействия выборам (IDEA), с начала февраля 2020 г. порядка 80 государств приняли решения отказаться от проведения различного уровня выборов, с их последующим переносом на новый календарный период [1]. В тоже время, ряд стран приняли по указанному вопросу иное решение.

В этой связи представляется необходимым обращение к опыту проведения электоральных мероприятий 2021 г. в самоуправляемом государстве Кюрасао, которое выбрало самостоятельный курс на проведение выборов, что противоречило положению дел на европейской части Королевства Нидерландов. Следует заметить, что действующая система нидерландского конституционного регулирования во многом ставит входящие в состав этого государства островные образования в зависимое положение от проводимой государственной политики центральной власти. Используя свой особый статус, Кюрасао как самоуправляемое государственное островное образование на юге Карибского моря и член «Карибского агентства общественного здравоохранения» (CARPHA), по-своему решало вопросы здравоохранения. Указанное положение дел способствовало переводу общего вектора нормативного обеспечения избирательного процесса в направлении комбинации опыта европейского и латиноамериканского регионов.

Апеллируя к хронологии нормативного правового обоснования собственного пути в отношении принятия важных государственных решений в особый для общественной жизни Кюрасао период, необходимо обратить внимание на факт принятия 4 декабря 2020 г. № 136 «Государственного постановления об исключительных обстоятельствах» [2], детализирующего обстоятельства и порядок действий органов государственной власти в данный период. При этом уместно сделать оговорку, отметив, что правовая интерпретация рассматриваемого института и алгоритм соответствующих действий основывались на общих положениях нидерландского законодательства.

Формально, в содержательной части указанного Постановления № 136 не было прямого указания на дальнейшую судьбу проводимых выборов, но это и не было его основной целью. Руководствуясь основной задачей – восполнить пробел конституционной практики, законодатель подготовил почву для дальнейших административных процедур, облекая их в форму нормативно обоснованных. Так в ст. 2 Постановления было указано, что в условиях чрезвычайного положения ограничительные меры не могут превышать срок их действия более 90 дней. Введение, прекращение и продление указанного режима возможно только на основании издания специального декрета губернатора Кюрасао. Последующие нормативные преобразования не заставили себя ждать и уже 10 декабря 2020 г. был опубликован Национальный декрет № 20/1796 «Об объявлении чрезвычайного положения в связи с пандемией COVID-19» [3].

Представляется, что у выбранного временного отрезка нормативной актуализации была и иная причина, связанная с намерением организовать избирательный процесс в стандартном режиме гражданского участия. Подтверждается этот факт тем, что декрет прекращал свое действие за несколько дней до выборов. Между тем, возникший уровень санитарной угрозы не позволил ограничиться мерами временного характера. Согласно информации, представленной на официальном сайте губернатора Кюрасао, режим чрезвычайного положения неоднократно продлевался тождественными документами. Последнее пятое продление было оформлено декретом от 2 марта 2022 г. № 22/257, также подтвердившего режим ограничений в ставший уже стандартным срок в 90 дней [4].

Отмеченные законодательные действия вызвали в обществе Кюрасао широкую публичную дискуссию, предметом которой вновь стал вопрос о формате электоральных процедур, проводимых в границах острова. Примечательным в этой связи выглядело заявление главного эпидемиолога Кюрасао И. Герстенблута, отметившего невозможность переноса выборов, по причине риска оказаться в ситуации перманентных отсрочек их проведения, что было обусловлено неясностью в отношении сроков стабилизации эпидемиологической обстановки. Вместе с тем, указанный специалист обратил внимание на обязательность применения избирателями при своем волеизъявлении средств индивидуальной защиты [5]. При этом отмеченный эпидемиолог адресовал избирателям следующее замечание: «Ваши права никто не отбирал, но вы не в том положении, чтобы ими можно было воспользоваться» [6].

Корреспондируя положению ст. 96 Конституции Кюрасао [7], в части дозволения на ограничение права на свободу собраний в условиях чрезвычайного положения, Постановление № 136 способствовало парализации большого пласта политических прав граждан, включая свободу реализации пассивных и активных избирательных прав.

В разряд наиболее значимых документов, направленных на оптимизацию электоральной сферы деятельности в Кюрасао, следует отнести Постановление Министерства по общим вопросам от 17 марта 2021 г. № 24 «Временные меры по организации парламентских выборов 2021 г.», принятое от имени кабинета Ю. Руггенаата (Кабинет министров, действовавший в период 2017-2021 гг.) [8]. Целесообразность принятия данного документа непосредственно основывалось на положениях Постановления № 136 и иных актов губернатора о введении особых мер на территории Кюрасо.

Анализ Постановления № 24 и прилагаемых к нему дополнительных комментариев Кабинета министров государственного образования, позволяет выделить следующие защитные меры, которые предпринимались в ходе организации избирательного процесса: 1) материальное снабжение всех избирательных участков дезинфицирующими средствами и индивидуальными пищевыми принадлежностями; 2) использование средств индивидуальной защиты, с разрешением их одномоментного снятия в целях идентификации личности избирателя; 3) соблюдение т.н. «социальной дистанции» на территории участка для голосования и прилегающей к нему местности; 4) изменение количественных показателей при организации процесса голосования. Количество избирателей, способных находиться на избирательном участке в одно время сокращалось до 1000 человек. В конечном счете на 116000 избирателей приходилось 117 участков для голосования. Примечательно, что данный аспект в деталях расходился со ст. 52 «Избирательных правил Кюрасао», определяющей норматив числа избирателей на одну кабину для голосования [9]. Однако в самом тексте Постановления было указано на правомерность временного отступления от общих стандартов; 5) уточнение правил нахождения на территории избирательного участка.

С момента начала голосования и до момента открытия избирательной урны в помещении для голосования имели право находиться избиратели, в т.ч. лица, способные оказать им помощь в прохождении процедуры своего волеизъявления, а также члены избирательных комиссий. Присутствие же наблюдателей было возможно в случае соответствующего уведомления и на стадии вскрытия урны для голосования. Отдельное внимание было обращено на запрет по проведению собраний в пределах избирательных участков группами более четырех человек, за исключением лиц, являющихся организаторами выборов. Кроме того, вводилось ограничение для нахождения на избирательных участках и прилегающей к ней территории, несовершеннолетних лиц. Исходя из негативного воздействия на личность человека пагубного влияния эвентуального заболевания, вызванного состоянием эпидемии, избиратели должны были соблюдать правила, вводимого в период выборов комендантского часа.

Оценивая введенные меры, следует остановиться на основных статистических показателях. Так явка избирателей на выборах 2021 г. составила 74% против 66% прошлых выборов 2017 г. Безусловно то, что при сравнении этих данных следует учитывать фактор смертности и то, что не все избиратели смогли покинуть свои дома, ввиду ограничений. Но даже с учетом данных аспектов, явка в указанное время/при отмеченной ситуации, следует признать высокой. Кроме того, из общего количества поданных голосов (85 тыс. 910), действительными были признаны 98% (84 тыс. 858) [10]. На итоговый результат не повлияла даже неоднозначная ситуация с якобы пропавшими бюллетенями, которая, впрочем, обнажила проблему верификации подлинности выдаваемых экземпляров для голосования [11].

Подводя итог рассмотрению исследуемого вопроса, следует признать, что в случае с Кюрасао отказ от переноса даты выборов себя

оправдал. Существующие внутренние противоречия в финансовой и социальной политике острова объективно предполагали формирование нового политического вектора, в то время как возможная неопределенность в плане политического устройства только усугубила бы общую обстановку. Победа центристской партии МФК и обновление полного состава Кабинета министров в этом смысле является закономерным развитием событий. По справедливому замечанию, М. Годе и Э.В.Д. Меента, выборы 2021 г. позволили сформировать коалиционное правительство, куда помимо МФК, также вошла христианская демократическая партия PNP, проводящая более сдержанную политику, нежели тождественная демократическая партия, лидером которой до декабря 2022 г. выступал бывший глава Правительства Ю. Руггенаат [12, р. 38].

Подводя итог изложенному, необходимо заметить следующее.

1. В дискуссионном пространстве общества и суждениях ряда ученых-конституционалистов актуальным является вопрос относительно официальной позиции Кюрасао на проблему полноты реализации гражданами своих избирательных возможностей, особенно это относится к избирателям из числа уязвимых групп населения. По этой причине в целях соблюдения избирательных прав лиц, наделенных правами избирать и быть избранными, представляется необходимым организовать интегрирование на выборах всех уровней доступ избирателей к альтернативным формам голосования.

2. Выступая на мировой арене в качестве самоуправляемого государственного островного образования, Кюрасао уверенно обретает права своей государственности и молодой демократии. Проходя самостоятельный путь укрепления народовластия, народ и властные структуры Кюрасао уверенно продвигаются по пути утверждения своей самобытности, в том числе и в вопросе самостоятельного правотворчества.

Библиография:

1. James T.S., Clark C., Asplund E. Elections during Emergencies and Crises: Lessons for Electoral Integrity from the Covid-19 Pandemic, 2023. – Stockholm: International IDEA // URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/elections-during-emergencies-and-crises-en.pdf> (дата обращения: 20.06.2024 г.).
2. Lei Estado di Emergensia. Landsverordening van de 4de december 2020. № 136. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2020/12/136.-Lvo.-Lei-Estado-di-Emergensia.docx> (дата обращения: 17.06.2024).
3. Landsbesluit van de 10de december 2020. № 20/1796. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2020/12/141.-Lb.-afkondiging-uitzonderingstoestand-COVID-19-pandemie.docx> (дата обращения: 17.06.2024).
4. Landsbesluit van de 2de Maart 2022, № 22/257. // URL: <https://gobiernu.cw/nl/laws/landsbesluit-afkondiging-vijfde-verlenging-uitzonderingstoestand-covid-19-pandemie/> (дата обращения: 14.06.2024).
5. Curaçao naar de stembus onder strikte coronamaatregelen, 19 maart 2021. // URL: <https://www.telegraaf.nl/nieuws/1970971570/curacao-naar-de-stembus-onder-strikte-coronamaatregelen> (дата обращения: 16.06.2024).
6. The consequences of COVID-19 on the Curacao 2021 Election, 23 maart 2021 г. // URL: <https://www.bajanreporter.com/2021/03/the-consequences-of-covid-19-on-the-curacao-2021-election> (дата обращения: 17.06.2024).
7. Staatsregeling van Curaçao, 2010. // URL: http://www.kabinetvandegouverneur.org/images/pdf/de_gouverneur/Staatsregeling_Curacao_AB2010_no86.pdf (дата обращения: 17.06.2024).
8. Tijdelijke regeling maatregelen Statenverkiezing 2021 COVID-19 pandemie. Ministeriële regeling met algemene werking, van de 17de maart 2021. № 24. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2021/03/24.-MRMAW-Tijdelijke-regeling-maatregelen-Statenverkiezing-2021-COVID-19-pandemie.pdf> (дата обращения: 21.06.2024).
9. Landsbesluit van de 11de januari 2021. № 21/035. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2010/09/1.-Lb.-vaststelling-geldende-tekst-Kiesreglement-Curacao-2.pdf> (дата обращения: 21.06.2024).
10. Eerdere verkiezingen // URL: <http://www.kse.cw/eerdere.html> (дата обращения: 25.06.2024).
11. Opposition MP demands a recount, 29 maart 2021. // URL: <https://www.curacaochronicle.com/post/local/opposition-mp-demands-a-recount> (дата обращения: 25.06.2024).
12. Goede M., Meent E.V.D. What constitutes a majority in Curaçao Government? An analysis of the results of Curaçao's March 2021 elections // Archives of Business Research. – 2021. – № 9(6). – P. 38 – 44.

References:

1. James T.S., Clark C., Asplund E. Elections during Emergencies and Crises: Lessons for Electoral Integrity from the Covid-19 Pandemic, 2023. – Stockholm: International IDEA // URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/elections-during-emergencies-and-crises-en.pdf> (дата обращения: 20.06.2024 г.).
2. Lei Estado di Emergensia. Landsverordening van de 4de december 2020. № 136. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2020/12/136.-Lvo.-Lei-Estado-di-Emergensia.docx> (дата обращения: 17.06.2024).
3. Landsbesluit van de 10de december 2020. № 20/1796. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2020/12/141.-Lb.-afkondiging-uitzonderingstoestand-COVID-19-pandemie.docx> (дата обращения: 17.06.2024).
4. Landsbesluit van de 2de Maart 2022, № 22/257. // URL: <https://gobiernu.cw/nl/laws/landsbesluit-afkondiging-vijfde-verlenging-uitzonderingstoestand-covid-19-pandemie/> (дата обращения: 14.06.2024).
5. Curaçao naar de stembus onder strikte coronamaatregelen, 19 maart 2021. // URL: <https://www.telegraaf.nl/nieuws/1970971570/curacao-naar-de-stembus-onder-strikte-coronamaatregelen> (дата обращения: 16.06.2024).
6. The consequences of COVID-19 on the Curacao 2021 Election, 23 maart 2021 г. // URL: <https://www.bajanreporter.com/2021/03/the-consequences-of-covid-19-on-the-curacao-2021-election> (дата обращения: 17.06.2024).
7. Staatsregeling van Curaçao, 2010. // URL: http://www.kabinetvandegouverneur.org/images/pdf/de_gouverneur/Staatsregeling_Curacao_AB2010_no86.pdf (дата обращения: 17.06.2024).
8. Tijdelijke regeling maatregelen Statenverkiezing 2021 COVID-19 pandemie. Ministeriële regeling met algemene werking, van de 17de maart 2021. № 24. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2021/03/24.-MRMAW-Tijdelijke-regeling-maatregelen-Statenverkiezing-2021-COVID-19-pandemie.pdf> (дата обращения: 21.06.2024).
9. Landsbesluit van de 11de januari 2021. № 21/035. // URL: <https://gobiernu.cw/wp-content/uploads/2010/09/1.-Lb.-vaststelling-geldende-tekst-Kiesreglement-Curacao-2.pdf> (дата обращения: 21.06.2024).
10. Eerdere verkiezingen // URL: <http://www.kse.cw/eerdere.html> (дата обращения: 25.06.2024).
11. Opposition MP demands a recount, 29 maart 2021. // URL: <https://www.curacaochronicle.com/post/local/opposition-mp-demands-a-recount> (дата обращения: 25.06.2024).
12. Goede M., Meent E.V.D. What constitutes a majority in Curaçao Government? An analysis of the results of Curaçao's March 2021 elections // Archives of Business Research. – 2021. – № 9(6). – P. 38 – 44.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ THE IMPACT OF INTERNATIONAL SANCTIONS ON THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA

ЧИСТЯКОВА Ирина Николаевна,

аспирантка кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: irinachistyakova@inbox.ru;

CHISTYAKOVA Irina Nikolaevna,

graduate student of the Department of Theory and History of State and Law
Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: irinachistyakova@inbox.ru

Краткая аннотация. В статье дана оценка международным санкциям, применяемых в отношении России, рассматриваются вопросы влияния санкций на сферу искусственного интеллекта, описывается ряд мероприятий, направленных на выход экономики из санкционного режима. Целью написания статьи является рассмотрение вопросов влияния санкций на развитие искусственного интеллекта в России, анализируются меры поддержки государства для выхода страны из санкционного давления. В результате исследования произведен анализ теоретико-правовых аспектов, сделаны авторские выводы.

Abstract. The article assesses the international sanctions applied against Russia, examines the impact of sanctions on the field of artificial intelligence, and describes a number of measures aimed at getting the economy out of the sanctions regime and restoring the country's economic growth. The purpose of this article is to consider the impact of sanctions on the development of artificial intelligence and the country's economy as a whole, and analyzes state support measures to get the country out of the sanctions pressure. As a result of the research, the analysis of theoretical and legal aspects was carried out, the author's conclusions were drawn.

Ключевые слова: международные санкции, искусственный интеллект, национальная стратегия, государство, санкции.

Keywords: international sanctions, artificial intelligence, national strategy, state, sanctions.

Для цитирования: Чистякова И.Н. Влияние международных санкций на развитие искусственного интеллекта в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 184-187. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_184.

For citation: Chistyakova I.N. The impact of international sanctions on the development of artificial intelligence in Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 184-187. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_184.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Начиная с 2014 года в отношении России реализуется санкционная политика, преимущественно со стороны США и стран Евросоюза (ЕС). Определенно, данные обстоятельства отражаются как на состоянии экономики, так и на политическом курсе страны. После присоединения Крыма к территории России, отношения резко ухудшились, а начало военной операции на территории Украины в феврале 2022 года только усугубили и так натянутые отношения со странами ЕС. К 7 марта 2022 года Россия стала мировым лидером по числу санкций, введенных против нее.

За период с 2022 по 2023 годы на Россию было наложено более 11 пакетов санкций, которые включали в себя широкий набор ограничений, включая запреты на экспорт и импорт товаров и ограничения на финансовые операции, данные санкции не обошли стороной и технологический сектор экономики, в том числе, и искусственный интеллект. В 2024 году этот пакет санкций увеличился.

Основная цель санкций - нанести максимальный ущерб экономике России. «Экономические санкции ставят целью создать тяжелые последствия для России за ее действия и эффективно подорвать ее способность продолжать агрессию» [1], - было сформулировано Евросоюзом.

23 февраля 2024 года ЕС принял тринадцатый пакет санкций. Ограничения коснулись как отдельных людей и компаний из России, так и из Китая, Индии, Турции, Шри-Ланки, Сербии, Казахстана и Таиланда. Под ограничения попали 106 физических и 88 юридических лиц. Кроме того, расширился санкционный список товаров, запрещенных к ввозу в нашу страну. Указанный список физических лиц пополнили руководители и главы российских компаний, а также представители российских властей. Персональные санкции, в том числе, были введены в отношении пяти губернаторов: Тульской, Пензенской, Рязанской и Белгородской областей, а также Ханты-Мансийского автономного округа - Югры.

Список юридических лиц пополнился компаниями, связанными с военно-промышленным и оборонным сектором. В основном это производители вооружения, оборудования и комплектующих для российского военно-промышленного комплекса: механические и машиностроительные заводы, конструкторские бюро, производители электроники и радиоприборов, оборонные предприятия, ремонтные заводы, исследовательские центры.

В списке оказались и зарубежные компании, которые, по оценке ЕС, помогают России обходить западные санкции, а также поставляют в Россию оборудование и комплектующие, пригодные для использования в военных целях.

К примеру, в данном списке оказались компании, занимающиеся производством электронной продукции (китайские Guangzhou Ausay Technology, Shenzhen Biguang Trading и Yilufa Electronics, гонконгская RG Solutions); микроэлектроникой (индийская Si2 Microsystems Pvt); международной логистической перевозкой авиационных грузов (Euro Asia Cargo); оптовой продажей оптического оборудования и материалов (сингапурская Deflog Technologies); работающие в сфере информационных технологий (тайландская Thai IT Hardware Co); занимающиеся торговлей

электроникой и компонентами (турецкая Yildiz ip Teknoloji Elektronik Elektrik Bilgisayar Malzemeleri Ticaret Sanayi) и др.

24 июня 2024 г. Советом ЕС был принят очередной 14-й пакет санкций против России [2]. Направленные меры коснулись таких секторов российской экономики, как энергетический, финансовый, транспортный и торговый сектора. Также, были введены дополнительные механизмы контроля, способствующие усложнению возможности нарушений режима санкций ЕС. Кроме того, расширился перечень физических и юридических лиц, в отношении которых введены блокирующие санкции ЕС.

В частности, были заблокированы:

- российские бизнесмены и государственные служащие, а также отдельные деятели культуры и эстрады;
- российские организации (например, судоходная компания «Совкомфлот», авиакомпания «Уральские авиалинии», российская грузовая компания «Волга-Днепр», ООО «Инкотех», АО «Концерн «Автоматика», ООО «Нефтегазпромстрой» и пр.);
- иностранные компании, а именно: 19 китайских компаний (например, Chang Guang Satellite Technology Co. Ltd, China Head Aerospace Group, Changsha Tianyi Space Science and Technology Research (SpaceTy) и пр.); 9 турецких компаний (например, Megasan Elektronik Ticaret Ve Sanayi A S, Karasani Dis Ticaret Limited Sirketi, Bion Group Ic Ve Dis Ticaret Limited и пр.); казахская компания ТОО «DA GROUP 22» и иные лица.

Более того, к режиму санкций против России присоединились и другие страны - сторонники США и ЕС: Великобритания, Канада, Австралия, а также азиатские страны, такие как - Япония, Тайвань и Южная Корея. Так, например, США и ЕС запретили широкий спектр высокотехнологичных товаров и продуктов, включая системы связи, электронную продукцию и полупроводники [3].

В число фирм-разработчиков программного обеспечения, прекративших или приостановивших свою работу в России, вошли Oracle - мировой лидер и крупнейший разработчик управления базами данных; Autodesk - крупнейший в мире поставщик программного обеспечения для строительства и машиностроения; производитель сетевого оборудования - Cisco Systems; и немецкие компании-разработчики программного обеспечения - SAP и Siemens.

Кроме того, крупный поставщик программного обеспечения и технологий туристического бизнеса США - Sabre Corporation, расторгла дистрибьюторское соглашение с «Аэрофлотом», удалив данные рейсов российской авиакомпании из глобальной системы бронирования авиабилетов. Microsoft - временно остановила продажи своих продуктов и услуг в России и отключила русскоязычную поддержку Microsoft Office в мобильном приложении Android. Apple и Dell также прекратили продажу своих продуктов и услуг. Такие крупнейшие производители процессоров, как Intel и AMD - прекратили поставки своей продукции в Россию, в том числе и аренду клиентских серверов с графическими процессорами.

В сфере предоставления интернет-услуг, шведский сервис потокового аудио Spotify закрыл свой офис в России на неопределенный срок, а музыкальный стриминговый сервис Deezer решил полностью покинуть Россию. eBay маркетплейс - временно приостановил доставку заказов в Россию и онлайн-бронирование жилья, сервисы Booking.com и Airbnb также больше не работают с объектами размещения.

Более того, прекратила предоставлять услуги в России и электронная платежная система PayPal, хотя пользователи еще могут вывести средства в течение определенного периода времени. Точные сроки представители компании Confinity пока не назвали, но компания дала гарантии, что остатки на счетах «будут распределены в соответствии с применимыми законами и правилами».

Rockstar Games – американская видеоигровая дочерняя компания корпорации Take-Two Interactive, создатель популярных видеоигр, таких как Grand Theft Auto, Red Dead Redemption и Max Payne, а также Activision Blizzard, создатели Call of Duty и World of Warcraft, приостановили продажи своих игр в России. Наконец, популярный образовательный сервис Coursera закрыл доступ к курсам, созданным российскими авторами и университетами, и ограничил доступ к своим курсам для пользователей из Российской Федерации [4].

Так в ответ на санкции, Роскомнадзор принял решение о блокировке доступа к сети Facebook (принадлежит американской компании Meta Platforms) на территории России, обосновав свое решение случаями многочисленной дискриминация российских СМИ и информационных ресурсов со стороны социальной сети, а также за отказ от нее разблокировать счета четырех российских СМИ.

Доступ к Twitter согласно решению Роскомнадзора также был ограничен. Такая мера была принята после того, как социальная сеть ограничила доступ к аккаунтам российских СМИ, в частности страницам агентств РИА Новости и Sputnik, а также каналов RT и «Звезда».

Между тем, в России остаются доступными WhatsApp, YouTube, хотя Google объявил, что временно прекратил продажу контекстной рекламы сервиса Google Ads на своих площадках в России. Данное ограничение было распространено как на саму поисковую систему, так и видеохостинг YouTube. Ранее, Роскомнадзор потребовал от Google прекратить распространение «фейковой информации» о военной операции России на Украине и ограничить доступ к недостоверному контенту, действия, которые Google проигнорировал [5].

Подобные санкционные действия против России не ограничиваются только западными компаниями. Так, например, южнокорейская компания Samsung, имеющая обширные связи с российской индустрией искусственного интеллекта, временно прекратила экспорт своей продукции в Россию, начиная от продажи чипов и заканчивая смартфонами и бытовой электроникой. На данный момент она все еще продолжает предоставлять услуги поддержки, а ее мобильные приложения продолжают работать на территории России.

Одним из важных производителей, кто прекратил поставки своей продукции в Россию, в результате присоединения Тайваня к международному санкционному режиму, является Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC) - крупнейший в мире производитель полупроводников (или интегральных схем, или просто чипов). TSMC также прекратил выпуск разработанных в России полупроводников под брендами «Эльбрус» и «Байкал» [6]. Благодаря этим полупроводникам и работают наши телефоны, ноутбуки, автомобили, часы, холодильники и многое другое. Создавая чипы для Apple, Intel, Qualcomm, AMD, Nvidia и многих других важных для современного технологического уклада компаний, эта компания является лидером, способной обеспечить технологический сектор экономики большинства крупнейших экономик мира. На ее долю

приходится 90 % рынка производства продукции, поэтому она является доминирующим производителем во всем мире.

Таким образом, за последние несколько месяцев российский рынок покинули многие знаменитые бренды и компании. Список производителей – огромен, но ситуацию пока не считают критической. Бренды, ушедшие с российского рынка в начале 2024 года, уже начинают на него постепенно возвращаться, а многие продолжают работать под другими названиями и марками, хоть и с ограничениями.

Так как большинство поставок продукции в Россию запрещено, то приходится искать альтернативу, либо закупать у китайских производителей, либо создавать свою национальную базу производства товаров и услуг. Так, например, Китай занимает ведущее мировое лидерство на рынке производства товаров услуг. Хотя Россия импортирует около 70 процентов своих полупроводников из Китая, это значительно меньше, модернизированных типов, которые способны работать с бытовой техникой и автомобилями, но не с современными системами вооружения, облачные вычисления или передовые приложения для обработки данных, такие как искусственный интеллект и робототехника.

«Китай же планирует продолжать сотрудничество с Россией в сфере информационных технологий». Об этом заявил на Красноярском экономическом форуме в 2023 году заместитель руководителя департамента развития информационных технологий Минпромторга информатизации КНР, Ван Цзяньвэй. Он также сказал, что Китай стремится укрепить сотрудничество с Россией в таких областях, как большие данные (Big Data) и облачные технологии, и они готовы вместе работать над стандартами информатизации производств и создания общих интернет-платформ.

Ключевым аргументом в пользу санкций является то, что они могут заставить государство изменить их направление. Однако, на этот счет есть и другие мнения. Некоторые аналитики убеждены, что санкции могут привести к тому, что государство будет укреплять свою позицию и вводить еще больше ограничений для населения. Кроме того, санкции создадут еще большие проблемы для обычных людей, которые не имеют никакого отношения к политике.

В настоящее время в международной политике продолжают обсуждаться о том, каким образом следует применять санкции и какие последствия они могут иметь для обычных людей. В любом случае, использование санкций должно быть обоснованным и сбалансированным, чтобы не создавать дополнительных проблем для граждан и не приводить к серьезным экономическим последствиям [7].

Этому есть подтверждение, что несмотря на санкционные меры, принятые в отношении России, российский ВВП в 2023 году вырос на 3,6%, а рынок ИИ-решений увеличился на 18% и достиг отметки в 650 млрд рублей. При этом западные санкции оказали минимальное влияние на российскую индустрию искусственного интеллекта. Это кажется необычным, но имеет простое объяснение и связано с тем, что, во-первых, российский бизнес и госсектор в большинстве внедрений использовали отечественные решения, а во-вторых, барьеры, которые сегодня стоят на пути развития искусственного интеллекта, имеют всемирный характер, и как следствие, от текущей политической ситуации зависят слабо.

В 2019 году с принятием «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» в России началось формирование государственной политики в сфере искусственного интеллекта. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10.10.2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124) для обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области и была утверждена Национальная стратегия. Главной целью которой явилось – обеспечение экономического роста страны ВВП к 2030 году за счет использования искусственного интеллекта.

Кроме того, в соответствии с указанной стратегией, в ней предусмотрен пакет мер, направленный на поддержку компаний-разработчиков ИИ-решений и поддержку апробации таких решений на российских предприятиях, повышение кадрового обеспечения, развитие системы науки и образования, формирование инфраструктуры для благоприятного развития отечественного искусственного интеллекта.

По мнению заместителя Министра экономического развития России Максима Колесникова: «Одной из ключевых новелл обновленной стратегии стали конкретные измеримые цели для достижения заложенных в ней задач. И главная из них – совокупный прирост ВВП к 2030 году в размере 11,2 трлн рублей». Чтобы достичь такого экономического роста страны, предлагалось активно вовлекать все органы власти в вопросы развития искусственного интеллекта.

Другим важным аспектом стратегии явилось – создание новых вычислительных мощностей. Все это можно достичь путем предоставления набора мер, таких как, к примеру, приоритетное льготное кредитование.

Следующим не менее важным аспектом указанной стратегии является рост рынка услуг по разработке и реализации ИИ-решений к 2030 году в 5 раз. «Нашей задачей является формирование такого рынка, путем предоставления грантов компаниям на начальном этапе формирования и развития ИИ-решений. И такая поддержка будет оказываться на начальных этапах в рамках федерального проекта», - пояснил Максим Колесников.

И, наконец, «важная цель стратегии заключается в создании новых исследовательских центров искусственного интеллекта, принципиально новых программ обучения и подготовки специалистов. К 2030 году в России планируется выпускаться порядка 15,5 тысяч таких специалистов», - добавил Максим Колесников.

Правительство России отреагировало на санкции и разрыв сотрудничества заявлением о различных усилиях по поддержке отечественной ИТ-индустрии России. В краткосрочной перспективе правительство принимает немедленные меры по спасению российских компаний, пострадавших от санкций. Так, российским правительством было подготовлено три сценария взаимодействия с зарубежными странами партнеров.

Первый сценарий – если компания останется в России, в этом случае российское правительство попытается предоставить ей все необходимые ресурсы и материалы для продолжения ведения бизнеса. Второй сценарий предполагает временное отстранение от ведения бизнеса в России, при этом акции иностранных акционеров переводятся на время в контроль российских партнеров. Этот сценарий позволит компании

вернуться на российские рынки в будущем. Третий сценарий возможен, если иностранная компания полностью захочет закрыть свое производство и уволить работников. Правительство России расценил данные действия как преднамеренное банкротство компании, и таким образом, способствует его ускорению.

Для поддержки функционирования бизнеса и постоянной занятости своих граждан, президент России Владимир Путин подписал указ о мерах по ускорению темпов роста экономики. Эти меры упрощают для компаний процедуру трудоустройства иностранцев и возможность получить для них вид на жительство. Это также предоставит ряд преимуществ для отечественных ИТ-компаний, таких как, освобождение от проверок и уплаты подоходного налога в течении трех лет, а также предоставление скидок на процентную ставку по кредиту. Сотрудники таких фирм также смогут получить льготные ставки по ипотечным кредитам и будут освобождены от воинской службы на время трудоустройства [8].

Основная цель таких поощрений состоит в том, чтобы сократить бегство российских ИТ-специалистов за границу – тенденция, которая стремительно набирает обороты. Так, например, некоторые ИТ-компании, занимающиеся программным и аппаратным обеспечением, уже повышают зарплаты, используя государственные средства - субсидии для удержания работников и предотвращения «утечки кадров».

Премьер-министр России Михаил Мишустин призвал активизировать механизмы импортозамещения в стране в целях противодействия санкциям. Он также заявил, что «С учетом постоянно нарастающих санкционных угроз, по поручениям президента, за последние годы был принят целый ряд решений, чтобы поддержать развитие внутреннего производства и процессы импортозамещения» [9].

По словам пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова, эти меры восстановят быстрый экономический рост, поощряя международные компании «вернуться на российский рынок снова, и они будут более активно стремиться догнать и вернуть свои позиции как в прошлом».

Анализируя нынешнюю ситуацию вокруг сферы информационных технологий в России на середину 2024 года, можно сделать вывод, что санкции принесли серьезные изменения в работу большинства компаний, и не только напрямую связанных с информационными технологиями.

Стоит отметить, что уход многих брендов с нашего рынка или ограничение их в работе, связаны не только со знаком протеста против военных действий в Украине. С некоторых пор Российская Федерация стала невыгодным партнером для экспорта и импорта товаров, усложнились вопросы логистики, затруднена финансовая составляющая сотрудничества с нашей страной.

Сложившаяся ситуация стимулировала развитие информационных технологий в России за счет программы импортозамещения, которая началась еще с 2014 года и продолжается по сей день. Поэтому большинству компаний приходится прилагать множество усилий, чтобы сохранить конкурентоспособность, переходить на отечественные аналоги.

Кроме того, Правительством России были предложены ряд мероприятий, направленных на выход экономики из санкционного режима и восстановлению экономического роста страны.

Библиография:

1. EU sanctions against Russia explained // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/>
2. OJ L, 2024/1744, 24 июня 2024 г., ELI: <http://data.europa.eu/eli/dec/2024/1744/oj>
3. Бирюкова Т.И., Веверица Д.М. Санкции против России в перспективе будущего // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2022. - № 5–1. - С. 108–111.
4. Жижихин И.А., Ушакова Н.Н. Влияние санкций на развитие ИТ-отрасли в России // Вопросы технических и физико-математических наук в свете современных исследований. - 2022. - С. 58–63.
5. Логвиненко М.В. Развитие ИТ-индустрии России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2020. - № 3–2. - С. 129–132.
6. Буценко И.И., Бородина Ю.Б. Финансовые аспекты развития ИТ отрасли в призме санкций и пандемии коронавируса // Интеллектуальный потенциал Сибири. - 2022. - С. 386–389.
7. Новиков С.П., Новикова А.В. Особенности развития российского ИТ-бизнеса в условиях санкций // От синергии знаний к синергии бизнеса. - 2017. - С. 487–490.
8. Кокорев А.С., Калинин Н.Л. Проблемы и перспективы обеспечения устойчивого развития национальной экономики РФ в матрице международных санкций // Московский экономический журнал. - 2022. - № 8. - С. 73–89.
9. «Mikhail Mishustin: «Import substitution should become the main focus of our activity» (Михаил Мишустин: «Импортозамещение должно стать основным направлением нашей деятельности»), D-Russia.ru, Mar. 1, 2022, <https://d-russia.ru/mihail-mishustin-importozameshhenie-dolzhno-stat-osnovnym-napravleniem-nashej-deyatelnosti.html>.

References:

1. EU sanctions against Russia explained // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/>
2. OJ L, 2024/1744, June 24, 2024, ELI: <http://data.europa.eu/eli/dec/2024/1744/oj>
3. Biryukova T.I., Veveritsa D.M. Sanctions against Russia in the future // Economics and Business: theory and practice. - 2022. - No. 5-1. - pp. 108-111.
4. Zhizhikin I.A., Ushakova N.N. The impact of sanctions on the development of the IT industry in Russia // Questions of technical and physical-mathematical sciences in the light of modern research. - 2022. - pp. 58-63.
5. Logvinenko M.V. Development of the Russian IT industry under sanctions // Economics and Business: theory and practice. - 2020. - No. 3-2. - pp. 129-132.
6. Butsenko I.I., Borodina Yu.B. Financial aspects of the development of the IT industry in the prism of sanctions and the coronavirus pandemic // The intellectual potential of Siberia. - 2022. - pp. 386-389.
7. Novikov S.P., Novikova A.V. Features of the development of the Russian IT business in the context of sanctions // From knowledge synergy to business synergy. - 2017. - pp. 487-490.
8. Kokorev A.S., Kalinenko N.L. Problems and prospects of ensuring sustainable development of the national economy of the Russian Federation in the matrix of international sanctions // Moscow Economic Journal. - 2022. - No. 8. - pp. 73-89.
9. "Mikhail Mishustin: "Import substitution should become the main focus of our activity" (Mikhail Mishustin: "Import substitution should become the main focus of our activity"), D-Russia.ru, Mar. 1, 2022, <https://d-russia.ru/mihail-mishustin-importozameshhenie-dolzhno-stat-osnovnym-napravleniem-nashej-deyatelnosti.html>.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_188

МОРСКАЯ ДОКТРИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ THE MARITIME DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICS

СИДОРОВ Сергей Александрович,

доктор политических наук, доцент кафедры
Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).
ул. Герасимова, 31, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021, Россия.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

САХНО Василий Павлович,

преподаватель кафедры Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).
ул. Герасимова, 31, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021, Россия.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

SIDOROV Sergey Alexandrovich,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department
All-Russian State University of Justice (Far Eastern branch).
31 Gerasimova str., Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

SAKHNO Vasily Pavlovich,

lecturer at the Department of the All-Russian State University of Justice (Far Eastern branch).
Gerasimova str., 31, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье автор рассматривает основные положения новой Морской доктрины Российской Федерации в контексте геополитики.

Abstract: In the article, the author examines the main provisions of the new Maritime Doctrine of the Russian Federation in the context of geopolitics.

Ключевые слова: национальные приоритеты, развитие арктической зоны, независимость, суверенитет, морская доктрина.
Keywords: national priorities, development of the Arctic zone, independence, sovereignty, Maritime Doctrine.

Для цитирования: Сидоров С.А., Сахно В.П. Морская доктрина Российской Федерации в контексте геополитики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 188-192. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_188.

For citation: Sidorov S.A., Sakhno V.P. The maritime doctrine of the Russian Federation in the context of geopolitics // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 188-192. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_188.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Новый исторический этап, характеризующийся началом построения полицетричного, многополярного мира, безусловно, должен сопровождаться изменениями в мировом устройстве, разработке и принятии концептуальных основ, с последующим их закреплением в международном и национальном законодательстве.

Анализ событий, происшедших в XXI веке, наглядно продемонстрировал, что действующее международное законодательство, зачастую, используется в интересах ряда государств, трактующих нормы международного права в целях закрепления своего геополитического доминирования. Следует подчеркнуть, что теория «Американского века» - сходная в концептуальном отношении с «третьим Рейхом» Гитлера, во многом основывалась на расистских теориях. Эта теория, как и многие другие (американский универсализм и космополитизм), отождествляющий национальные интересы США с интересами всего человечества. В сфере идеологической войны это нашло выражение в пропаганде и насаждении «американского образа жизни», который призван заменить ценности национальных культур.

Норвежский философ Оттар Брокс¹ и норвежский политолог и философ Харальд Офстад, во время войны во Вьетнаме, охарактеризовали США как систему международного фашизма в мире. Во время Нюрнбергского процесса, Геринг заявил, что США продолжают борьбу нацистов против коммунизма...².

Г. М. Маленков так охарактеризовал планы США установить мировое господство и новый мировой порядок, в котором все страны были бы подвластны США: «Эта программа предполагает создание путем насилия и новых войн мировой американской империи, которая должна по своим масштабам превзойти все когда-либо существовавших в истории мировые империи завоевателей. Речь идет, о том, что бы превратить весь мир в колонию американских империалистов, низвести суверенные народы до положения рабов»³.

Одним из первых шагов, предпринятых для усиления России на международной арене, инициированным Президентом Российской Федерации Путиным В.В., было принятие поправок в Конституцию Российской Федерации⁴. А именно, закрепление в ст. 79 положения о том, что

¹ Ottar Brox. Structurfascismen Verdandi debatt. - Lund, 1972. Pp 192.

² Harald Ofstad. Our Contempt for Weakness: Nazi Norms and Values - and Our Own. - Gothenburg: Almqvist & Wiksell International, 1989, P. 260.

³ Маленков Г.М. О политике США. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://1957anti.ru/classics/malenkov/item/190-g-m-malenkov-o-politike-ssha> (дата обращения: 20.04.2024).

⁴ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 11.05.2024 г.)

Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации¹.

Мы полагаем, что важным геополитическим шагом, направленным на защиту государственного суверенитета стало подписание 31.07.2022 года новой «Морской доктрины Российской Федерации»². В доктрине, отражена совокупность официальных взглядов на национальную морскую политику Российской Федерации в условиях трансформации мирового порядка.

Крупнейшие в мире территория и протяженность морских границ, огромные запасы и разнообразие морских природных энергетических, минеральных и биологических ресурсов, качество и количество народонаселения Российской Федерации объективно предопределяют ее существование и развитие в XXI веке как великой континентальной и морской державы³.

Развитие морской деятельности и морского потенциала является одним из решающих условий устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации в XXI веке⁴.

На наш взгляд, глубоко продуманным геополитическим шагом, ведущим к пересмотру ключевых теорий геополитики, является закрепление положения о равном геополитическом значении морского и сухопутного пространства для реализации национальных интересов России в будущем.

Сравнивая содержание новой «Морской доктрины» с «Морской доктриной» от 2015 года, стоит отметить существенное расширение и конкретизация перечня национальных интересов (с 7 в Морской доктрине 2015 до 14 в Морской доктрине 2022). В частности добавлены положения о независимости, государственной и территориальной целостности, усиление национального влияния и развитие взаимовыгодных партнерских отношений в сфере морской деятельности в условиях формирующегося полицентричного мира, развитие морского потенциала и укрепление обороноспособности Российской Федерации в Мировом океане, право на изучение и освоение минеральных ресурсов международного района морского дна, безопасное функционирование морских трубопроводных систем по транспортировке углеводородного сырья, имеющих стратегическое значение для обеспечения внутреннего потребления и развития внешнеэкономической деятельности России, обеспечение гарантированного доступа РФ к глобальным транспортным коммуникациям в Мировом океане, осуществление военно-морской деятельности в Мировом океане в целях обеспечения и защиты национальных интересов РФ в Мировом океане, развитие российской Арктической зоны как стратегической ресурсной базы, включая полномасштабное освоение континентального шельфа Российской Федерации за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны Российской Федерации после закрепления его внешней границы, развитие Северного морского пути в качестве национальной транспортной коммуникации, конкурентоспособной на мировом рынке.

В данном документе, также закреплено положение, о том, что национальные интересы Российской Федерации как великой морской державы распространяются на весь Мировой океан и Каспийское море. Стоит отметить, что США и ее союзники, проводя политику сдерживания – признаются ее ключевым фактором давления на Российскую Федерацию. Придерживаясь концепции Морской Силы, США и Великобритания, а также их сателлиты, проводят активную политику по формированию военно-политических и экономических блоков по противодействию России и Китаю.

Начальник штаба ВМС США Майкл Гилдей сообщил, что в результате проведенного анализа угроз и потребностей США в отстаивании своих интересов, а также на основании полученного в ходе масштабных учений в Тихом океане «Боевые силы 2045», в частности отметил, «что нам нужно 12 авианосцев. Нам нужны сильные амфибийные силы, включающие, вероятно, девять крупнопалубных амфибий и еще 19 или 20 меньших по размерам, 60 эсминцев и 50 фрегатов. Семьдесят ударных подводных лодок и дюжина подводных лодок с баллистическими ракетами. Около 100 кораблей поддержки. И возможно, в будущем – 150 беспилотных кораблей». Благодаря этому, через двадцать пять лет американский флот будет представлять собой «более смертоносные, живучие, адаптируемые к новым угрозам, устойчивые и сбалансированные силы»⁵.

Подробный план по достижению превосходства над противником в части боевого применения надводных сил изложен в документе Surface Warfare: The Competitive Edge («Боевые действия надводных сил: конкурентное преимущество»)⁶, который командующий надводными силами ВМС и надводными силами Тихоокеанского флота ВМС вице-адмирал Рой Китченер обнародовал 11 января 2022 года.

В документе подчеркивается, что «Глобальная конкуренция с Китаем и возобновление напряженности в отношениях с Россией являются основными стратегическими факторами для специалистов по планированию ВМС. Мы конкурируем с первоклассными военно-морскими силами... чья сфера охвата простирается далеко за пределы территориальных вод». Авторы подчеркивают, что США являются «глобальной державой с уклоном в сторону Тихого океана» и «поддерживают интересы безопасности во всем Индо-Тихоокеанском регионе, включая союзы с

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.02.2024 г.)

² Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс]: <https://ria.ru/20220731/doktrina-1806187263.html> (дата обращения: 30.04.2024 г.)

³ Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.04.2024 г.)

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.12.2023 г.)

⁵ Официальный сайт новостного портала «Известия». Электронный ресурс: <https://newizv.ru/news/army/22-02-2022/mlyadychitsa-morey-k-2045-godu-ssha-sobirayutsya-postroit-menee-500-voennyh-korabley> (дата обращения: 20.04.2024);

⁶ Официальный сайт «Новой независимой газеты». Электронный ресурс: https://nvo.ng.ru/concepts/2024-04-20/1_1198_ocean.html (дата обращения: 20.04.2024).

пятью странами и тесные дружеские отношения со множеством других». В свою очередь, китайское военно-политическое руководство продолжает реализацию стратегической концепции «Три линии островов»¹. Согласно этой концепции, к 2050 году китайские ВМС должны обеспечить себе способность свободно действовать в первую очередь на рубеже Алеутские острова – Гавайские острова – страны Океании. А также обладать возможностью решать широкий спектр задач на огромной акватории – вплоть до южной части Бенгальского залива, центральной и северной части Аравийского моря, Персидского залива, Красного моря и восточного побережья Африки.

15 сентября 2021 года было опубликовано сообщение о создании «AUKUS» – трёхсторонний оборонный альянс, образованный Австралией, Великобританией и США. По мнению экспертов, пакт направлен на противодействие влиянию Китая в акватории Южно-Китайского моря. Кроме того, пакт также включает сотрудничество в области «кибер-возможностей, искусственного интеллекта, квантовых технологий и дополнительных подводных возможностей». В рамках альянса военно-морской флот Австралии впервые получит возможность строить атомные подводные лодки².

По мнению министра обороны РФ С. Шойгу, объединение AUKUS имеет потенциал перерасти в военно-политический союз, что взорвет Азиатско-Тихоокеанский регион. Противодействие Западу укреплению многополярного мира наиболее активно реализуется в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где США начали развал существующей системы регионального сотрудничества на основе АСЕАН. «Происходит сращивание AUKUS с НАТО, которое, в свою очередь, на июньском саммите заявило о претензии на доминирующую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. - подчеркнул Шойгу³. 25 июня 2022 США объявили о создании нового альянса. Организация по сотрудничеству в Тихом океане называется Partners in the Blue Pacific⁴, ее членами помимо США являются Австралия, Япония, Новая Зеландия и Великобритания. Как сообщил Вашингтон, новый альянс будет носить неформальный характер и поддерживать тихоокеанский регионализм и налаживать связь между правительствами региона и властями стран-участниц нового альянса.

Зеркальным ответом, так или иначе просматривающийся в новой Морской доктрине, является закрепление принципа использования для реализации национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане возможностей других государств, являющихся ее союзниками и партнерами. Тем самым, Россия также будет направлять свои усилия на формирование новых и расширения уже существующих экономических, военно-политических союзов и блоков, что дает возможность прогнозировать расширение всестороннего сотрудничества, особенно с государствами, которые в американских доктринальных документах фигурируют, как основные угрозы.

Российская Федерация в целях гарантированного обеспечения и защиты своих национальных интересов определяет приоритетные районы (зоны) в Мировом океане (Таблица 1). По значимости районы (зоны) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане могут быть жизненно важными, важными и другими⁵.

«Мы открыто обозначили границы и зоны национальных интересов России – и экономических, и жизненно важных, стратегических. Их защиту будем обеспечивать твердо и всеми средствами». Ключевым фактором глава государства назвал возможности военно-морского флота⁶.

Разделения Мирового океана на районы по значимости для реализации национальных интересов, дает возможность упреждать деструктивную деятельность других государств и подконтрольных им организаций по нанесению ущерба национальной безопасности. То есть своевременного и в полной мере реагировать на прогнозируемые и непрогнозируемые угрозы, вызовы и риски.

Так, в пункте 103 Морской доктрины закреплено, что для реализации и защиты своих национальных интересов Российская Федерация⁷:

1) в жизненно важных районах (зонах), наряду с политическими, дипломатическими, экономическими и информационными методами, в полном объеме использует военно-силовые методы, включая военно-морское присутствие, демонстрацию флага и силы, при необходимости применяет военную силу в соответствии с законодательством Российской Федерации и общепризнанными принципами и нормами международного права;

2) в важных районах (зонах) использует преимущественно политические, дипломатические, экономические, информационные и другие несиловые инструменты, а при исчерпании возможностей использования таких инструментов может применять военную силу адекватно сложившейся обстановке;

3) в других районах (зонах) использует, следуя принципам и нормам международного права, прежде всего политические и правовые инструменты, механизм дипломатии и информационных действий, а также применяет другие ненасильственные методы.

военный эксперт Виктор Литовкин. По мнению эксперта, в сложившейся геополитической ситуации РФ, прежде всего, будет ориентироваться на сотрудничество с партнерами из Азиатско-Тихоокеанского региона — Китаем и Индией. В документе также упоминается, что Россия планирует развивать судостроительный комплекс на Дальнем Востоке, в том числе для создания крупнотоннажных судов — это должно, в частности, помочь в освоении Арктики.

¹ Официальный сайт «Новой независимой газеты». Электронный ресурс: https://nvo.ng.ru/concepts/2024-03-20/1_1198_ocean.html (дата обращения: 20.03.2024).

² Официальный сайт союза «AUKUS». Электронный ресурс: <https://aokus.ru/> (дата обращения: 18.03.2024).

³ Официальный сайт новостного портала «РИА Новости». Электронный ресурс: <https://ria.ru/20240410/aokus-1809924469.html> (дата обращения: 10.04.2024);

⁴ Электронный ресурс: <https://deita.ru/article/518661> © DEITA.RU. (дата обращения: 19.03.2024).

⁵ п. 11-12 Указа Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.08.2022 г.).

⁶ Официальный сайт новостного портала «РИА Новости». Электронный ресурс: <https://ria.ru/20240418/doktrina-1806187263.html> (дата обращения: 18.04.2024);

⁷ п. 103 Указа Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.08.2024 г.).

Планируется формирование в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона пунктов материально-технического обеспечения (ПМТО) для межфлотских переходов сил ВМФ РФ. Кроме того, Москва заинтересована в создании аналогичных пунктов в Красном море и Индийском океане¹.

На наш взгляд, важным, является тот факт, что районы, входящие в число жизненно важных и важных, напрямую совпадают с районами наибольшей активности реализации своих интересов США и Великобританией, что подчеркивает возрастающую тенденцию противоборства в процессе построения полицентричного мира.

Ключевым инструментом в вышеуказанном противоборстве является силовой блок. Российская Федерация для защиты своих национальных интересов в Мировом океане реализует свое бесспорное право на присутствие Военно-Морского Флота и их применение в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации, ее международными договорами и нормами международного права.

В этих условиях возрастает значение военно-морского флота в решении геополитических вопросов, поэтому возникает необходимость развития и наращивания военно-морского потенциала РФ. Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании по вопросам развития кораблестроения отметил, что в 20222 году передали Министерству обороны 24 новых корабля и судна (2023 – 33), а в 2024 году планировано передать еще 40 кораблей и судов².

Важно подчеркнуть, что если в Морской доктрине 2015 года не конкретизировались угрозы и вызовы национальной безопасности, то в действующей Морской доктрине определены конкретные угрозы, вызовы и риски, диктующие необходимость своевременного и комплексного реагирования на их проявления в морском пространстве. В том числе, внезапно возникающих и труднопрогнозируемых³.

Важно подчеркнуть, что в Морской доктрине важное значение отведено развитию научной составляющей. Согласно проведенному нами контент-анализу в морской доктрине 35 раз прямо указывается на научную деятельность как в приоритетных, так и в региональных направлениях. Помимо этого, доктрина предполагает активное внедрение передовых научных технологий, а также совершенствование и модернизацию⁴.

Более того, впервые в отечественной законотворческой практике, был сформулирован и закреплён принцип соразмерное и своевременное реагирование на вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, эффективное сочетание невоенных и военных мер, приоритет политико-дипломатических, правовых, экономических, информационных и других невоенных методов и средств обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане⁵.

Рассматривая значение Морской доктрины в контексте «гибридной войны», стоит остановиться на таком принципе, как освещение в средствах массовой информации национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане, разъяснение целей и задач национальной морской политики.

Как известно, информационные операции, являются стержнем «гибридной войны»⁶. Ив Лакост считает, что наибольшим значением среди информационных систем, прямо влияющих на геополитические процессы, обладают средства массовой информации, особенно телевидение.

Политические, идеологические и геополитические воззрения формируются у значительной части общества исключительно на основании телекоммуникаций. Масс-медиа в современном обществе играют уже не чисто вспомогательную роль, как раньше, но становятся мощнейшим самостоятельным геополитическим фактором⁷, способным оказывать сильное влияние на исторические судьбы народов⁸.

Таким образом, закрепление вышеуказанного принципа, позволяет государству эффективно противодействовать информационным операциям противника, и проводить информационную политику внутри государства, по созданию объективной оценки о происходящих событиях, тем самым формировать отношения общества.

Реализация положений настоящей Доктрины будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию Российской Федерации, обеспечению ее национальной безопасности и укреплению авторитета на международной арене.

¹ Официальный сайт новостного портала «Известия». Электронный ресурс: <https://iz.ru/1372793/valeria-shiriaeva-roman-kretcul/cteli-i-sredstva-kak-morskaia-doktrina-rf-meniaet-rasstanovku-sil-v-mire> (дата обращения: 28.03.2024);

² Совещание по вопросам кораблестроения Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/74425>(дата обращения: 27.06.2024).

³ п. 22-25 Указа Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.06.2024 г.).

⁴ Справочно: в России свыше 348 тысяч исследователей. За 20 лет (2000–2019) их стало меньше в 1,2 раза (в 2000 426 тысяч). Россия остается одним из мировых лидеров в науке, уступая только Китаю, США и Японии. За 20 лет в России почти в 1,6 раза. Число НИИ заметно сократилось: с 2686 (2000 год) до 1618 (2019 год). В 2019 году около 61,4% — представлены в области технических наук, 22,8% естественные дисциплины, 5,6% — общественные, медицинское направление развивают 4,1%, гуманитарные 3,4%, 2,7% занятых в сельскохозяйственной сфере.

⁵ п. 32 Указа Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 17.04.2024 г.).

⁶ Там же.

⁷ Справочно: сумма расходов информационной атаки на Россию в сети с 24 февраля может достигать порядка \$270 млн. Всего обнаружено 3,1 млн фейковых. Согласно оценкам экспертов Лиги безопасного интернета, от \$500 тыс. до 1,7 млн в сутки тратится на рекламу фейков и призывов к участию в незаконных акциях в Facebook и Instagram на территории РФ и Белоруссии, на англоязычную аудиторию - от \$3 до 5 млн ежедневно. Данные по рекламным системам Google сопоставимы - порядка \$780 тыс. в сутки на российскую аудиторию и \$3 млн на англоязычную аудиторию. На оплату труда специалистов разного уровня из IT-сферы, которых также привлекли к информационной кампании против России, уходит \$1,4 млн ежедневно. Электронный ресурс: <https://tass.ru/politika/14086409> (дата обращения: 15.06.2024);

⁸ См.: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России/ Дугин А., Москва. 2000г.

Таблица 1
Приоритетные направления национальных интересов Российской Федерации

Приоритетные районы (зоны) в Мировом океане гарантированного обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации	
Жизненно важные районы (зоны) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане непосредственно связаны с развитием государства, защитой его суверенитета, территориальной целостности и укреплением обороны, критически влияют на социально-экономическое развитие страны. Утрата контроля над ними может поставить под угрозу национальную безопасность Российской Федерации и само существование государства ¹ .	1) ВМВ и ТМ Российской Федерации, а также их дно, недра и воздушное пространство над ними; 2) ИЭЗ и КШ Российской Федерации, включая КШ Российской Федерации за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны Российской Федерации в Арктическом бассейне в границах, определенных в рекомендациях Комиссии по границам континентального шельфа в соответствии со статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву; 3) Арктический бассейн, прилегающий к побережью Российской Федерации, включая акваторию Северного морского пути; 4) акватория Охотского моря и российский сектор Каспийского моря.
Важные районы (зоны) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане в значительной степени влияют на экономическое развитие, материальное благосостояние населения и состояние национальной безопасности Российской Федерации, а также на поддержание стратегической и региональной безопасности государства. ²	1) акватории океанов и морей, прилегающие к побережью Российской Федерации, включая Азовское и Черное моря; 2) восточная часть Средиземного моря; 3) Черноморские, Балтийские и Курильские проливы; 4) районы прохождения мировых морских транспортных коммуникаций, в том числе пролегающих вдоль азиатского и африканского побережья.
Другие районы ³	районы (зоны) открытой части Мирового океана, не отнесенные к жизненно важным и важным районам (зонам)

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.]// Российская газета.–2020.– 4 июля.–№144.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 №390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2021.–№27 (часть II) – Ст. 5351.
4. Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Российская газета № 84–2022.–31 июля.
5. Сидоров С.А. Пограничное пространство Российского Дальнего Востока: состояние, угрозы и вызовы национальной безопасности/ Сидоров С.А., Сахно В.П.// НАЦ. Раздел Социологические науки. – Санкт–Петербург, 2022.–С.10.
6. Панарин И.Н. «Гибридная война и геополитика». -М.: Горячая линия-Телеком, 2022.-472 с.
7. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России/ Дугин А., Москва. 2000г. 599с.
8. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History //The Geographical Journal. 1904. Ns 23.P. 421–437; рус. пер.: Макгиндер Х. Географическая ось истории // А. Г. Дугин. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491–506.
9. Ottar Brox. Structurfascismen Verdandi debatt. - Lund, 1972.
10. Harald Ofstad. Our Contempt for Weakness: Nazi Norms and Values - and Our Own. - Gothenburg: Almquist & Wiksell International, 1989, p. 205.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993]// Rossiyskaya Gazeta.-2020.– July 4th.–No.144.
2. Federal Law No. 390-FZ dated 12/28/2010 (as amended on 10/5/2015) "On Security" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 2.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Assembly of Legislation of the Russian Federation.– 2021.–No.27 (part II) – Article 5351.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated July 31, 2022 No. 512 "On Approval of the Maritime Doctrine of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta No. 84-2022.- July 31.
5. Sidorov S.A. The border space of the Russian Far East: the state, threats and challenges of national security/ Sidorov S.A., Sakhno V.P.// National. The section of Sociological sciences. – St. Petersburg, 2022.–p.10.
6. Panarin I.N. "Hybrid war and geopolitics". -M.: Hotline-Telecom, 2022.-472 p.
7. Dugin A. Fundamentals of geopolitics. The Geopolitical Future of Russia/ A. Dugin, Moscow. 2000. 599s.
8. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History //The Geographical Journal. 1904. Ns 23.P. 421–437; Russian translation: Mackinder X. The geographical axis of history // A. G. Dugin. Fundamentals of Geopolitics. Moscow: Arctogea Center, 2000. pp. 491–506.
9. Ottar Brox. Structurfascismen Verdandi debatt. - Lund, 1972.
10. Harald Ofstad. Our Contempt for Weakness: Nazi Norms and Values - and Our Own. - Gothenburg: Almquist & Wiksell International, 1989, p. 205.

¹ п. 13-14 Указа Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 [Электронный ресурс]: // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 10.08.2022 г.).

² п. 15. Там же.

³ п. 16. Там же.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ АБОРТОВ DEMOGRAPHIC CRISIS AS A CONSEQUENCE OF THE ABORTION PANDEMIC

КОРСУН Ксения Ивановна,

Уральский государственный экономический университет,
старший преподаватель кафедры конституционного и международного права.
ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.
E-mail: korsunksenia@mail.ru;

Korsun Ksenia Ivanovna,

Ural State University of Economics, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and International Law.
ul. 8 Marta, 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.
E-mail: korsunksenia@mail.ru

Краткая аннотация: мировой демографический кризис во многом вызван современной пандемией абортотв. Ежегодно под лозунгом свободы частной жизни в России уничтожаются миллионы потенциального здорового населения. Сформировалась целая идеология «Childfree» - общество свободное от детей. В статье автор последовательно анализирует историю проведения абортотв в России, а также обозначает существующие на сегодняшний день проблемы, сопутствующие абортотв. Практическая значимость исследования заключается в предложенных автором мерах, направленных на снижение числа абортотв и укрепления семейных ценностей.

Abstract: the global demographic crisis is largely caused by the modern abortion pandemic. Every year, millions of potential healthy people are destroyed in Russia under the slogan of freedom of private life. A whole ideology of "Childfree" has been formed - a society free of children. In the article, the author consistently analyzes the history of abortion in Russia, and also identifies the current problems associated with abortion. The practical significance of the study lies in the measures proposed to the authors aimed at reducing the number of abortions and strengthening family values.

Ключевые слова: абортотв, демографический кризис, фетальная терапия, семейные ценности.

Keywords: abortions, demographic crisis, fetal therapy, family values.

Для цитирования: Корсун К.И. Демографический кризис как следствие пандемии абортотв // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 193-195. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_193.

For citation: Korsun K.I. Demographic crisis as a consequence of the abortion pandemic // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 193-195. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_193.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Проблема абортотв никогда так остро не обсуждалась в России как в последнее десятилетие. Причем тревогу забило научное сообщество, изучающее демографическое состояние нашего государства и его перспективы в будущем, обозначив их как «катастрофические» [1, 2, 3]. На сегодняшний день катастрофа абортотв не надвигается, а полным ходом уничтожает миллионы потенциального российского населения, делая Россию привлекательной для мигрантов ближнего зарубежья с крепкими традициями многодетности. По прогнозам специалистов, если российские семьи в ближайшие годы не начнут рожать более трех детей, через десять лет можно с уверенности говорить о вымирании титульной нации [4].

Примечательно, что еще сто лет назад в России трудно было найти семью, в которой было менее восьми детей, многодетность считалась естественным и необходимым условием выживаемости рода, и это в условиях высокой детской смертности, полного отсутствия современной медицины и государственной поддержки. Так почему же сейчас, во времена технического прогресса, доступности медицинской помощи, колоссальных мер социальной поддержки для многодетных семей со стороны государства, российское общество, и, в первую очередь, молодежь, придерживается идеологии «Childfree» (англ. - свободные от детей), осознанно не желая иметь детей? Казалось бы, все должно быть наоборот. Ответ на данный вопрос требует глубокого и скрупулёзного анализа.

Как уже сказали, еще на начало XX века в России существовала традиция семьи и многодетности, однако с приходом советской власти ситуация изменилась в сторону раскрепощения и свободных отношений. Хотя семья все же оставалась основной образующей ячейкой общества, однако именно в это время происходит легализация советской властью абортотв – «бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ее максимальная безвредность» [5]. Под безвредностью подразумевалась низкая смертность женщин по сравнению со смертностью от проведения подпольных абортотв. Официальным разрешением воспользовались миллионы женщин, однако уже вскоре государство задумалось о его правильности – численность населения СССР резко снижалась, чему, впрочем, способствовала не только легализация абортотв, но и массовые репрессии.

Начиная с 1936 по 1955 годы абортотв были запрещены под угрозой уголовной ответственности [6], что привело к демографическому подъему и росту рождаемости. Нужно признать, что Постановление о запрете абортотв помимо самого запрета предусматривало и меры государственной поддержки роженицам и многодетным. Во многом благодаря запрету абортотв в советской России довольно быстро пошел прирост населения, даже в послевоенные годы.

Однако к середине 50-х годов отношение государства к абортотв снова изменилось. Поводом послужили массовые жалобы женщин о том, что в условиях отсутствия контрацепции они просто устали рожать. Кроме того, приводилась статистика женских смертей от незаконного производства абортотв. Как итог, Президиум Верховного Совета СССР вынес Указ об отмене запрещения абортотв [7], в котором говорится о росте сознательности и культурности женщин, а также способности самостоятельно решать вопрос о своем материнстве. Именно 1955 год считается отправной точкой постепенного самоуничтожения российского населения при помощи врачей.

Во многом культивированию аборт как естественной медицинской процедуры способствовала пропаганда Западом свободных отношений, не обременённых семьёй и детьми. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что демографический кризис, вызванный свободой абортов, подкрепляется кризисом раскрепощённости половых отношений, который, в свою очередь, неизбежно ведёт к маргинализации общества.

В обществе есть две противоположные точки зрения относительно вопроса абортов. Согласно первой, аборты в современном мире – это такая же медицинская процедура как поход к стоматологу, и пациент сам решает, нужно ему это или нет, а все вмешательства извне – это нарушение частной жизни человека. Вторая точка зрения прямо противоположна: аборты — это убийство нерожденных детей, угроза государственности и проявление изощрённой ненависти к собственному роду. Можно выделить еще одну точку зрения, так сказать пограничную, согласной которой аборты не поощряются, но, если есть медицинские показания, вполне возможны и даже необходимы.

Сторонники первой точки зрения заявляют, что плод в утробе является частью тела, и женщина самостоятельно решает сохранить его или избавиться. Сторонниками второй точки зрения выступают, как правило, религиозные люди, рассматривающие аборт исключительно как внутриутробное убийство, наказуемое если не законом, то раскаивающейся совестью. Однако цель данного исследования не взвесить все «За» и «Против», а обратить внимание на реально существующие проблемы, сопутствующие абортам.

Первое, и мы это уже обозначили – сильнейший демографический кризис России. По данным Росстата в 2023 году в России родилось всего 1 264 354 детей, что с 1999 года является наименьшим показателем, тогда как смертность существенно превышает рождаемость - 1 764 618 человек в 2023 году [8]. Как справедливо замечает социолог Е.Е. Жуковская, «потеря людей от абортов сопоставима со всеми вместе революционно-военными-лагеревыми потерями» [9]. Ситуация усугубляется тем, что в российском обществе аборты воспринимаются как рядовая медицинская услуга за невысокую цену¹.

Другая проблема - заинтересованность частных клиник в абортах. Эмбрионы абортированных младенцев являются ценнейшим биоматериалом для получения стволовых клеток с последующим применением их в трансплантационной медицине и индустрии красоты. Именно поэтому врачи частных клиник зачастую даже не пытаются отговорить женщин от аборта, а наоборот приводят различные доводы в пользу его совершения.

В виду того, что фетальная терапия является довольно прибыльным бизнесом, недобросовестные врачи могут использовать это в корыстных целях, вынося неподтверждённые диагнозы о пороках плода. Безусловно, мы можем только предполагать подобную врачебную недобросовестность, однако статистика женщин, решивших рожать вопреки диагнозу и родивших в результате здоровых детей очень высока.

Конечно, нужно отметить и положительную тенденцию добровольного отказа частных клиник от проведения абортов, например полный отказ зафиксирован в Республике Крым и Курской области, а также частичный отказ еще в ряде регионов России. К сожалению, это исключения, а не повсеместная практика. Полагаем, что необходимо задуматься о разработке и принятии федерального закона, позволяющего проводить аборты только государственным медицинским учреждениям.

Склонение женщин к аборту также является острой проблемой современного общества. Отсутствие федерального законодательного запрета к склонению усугубляется отсутствием необходимого психологического сопровождения женщин, оказавшихся между выбором рожать или не рожать. Только в последние несколько лет стали появляться фонды, направленные на всестороннюю поддержку женщин.

Так, благотворительный фонд «Женщины за жизнь» [10] ежедневно помогает сотням женщин сделать выбор в пользу рождения детей. За восемь лет существования фонда удалось спасти более четырёх тысяч младенцев, при этом повторимся, не просто отговаривая от совершения абортов, но оказывая на каждом этапе беременности медицинскую, психологическую, юридическую и материальную помощь. По инициативе Фонда в региональные законодательные органы вносятся законопроекты о запрете к склонению женщин к абортам. На сегодняшний день такие законы приняты в десяти субъектах Российской Федерации². Как отмечают создатели Фонда «... на практике мы видим, что в регионах, где закон принят, начинают воздерживаться от репродуктивного давления, отказываются от тех практик, которые, к сожалению, стали привычными для многих» [11]. За нарушение законодательной нормы предусматриваются большие штрафы. Уверены, что такой закон необходим на общегосударственном уровне.

Особенно устрашающей российская действительность выглядит на фоне общемирового помешательства по изменению природы человека. Ни для кого не секрет, что западные (и не только) страны уже несколько десятилетий легко пропагандируют индустрию абортов, однако мода на смену полу это поистине «ноу-хау» человечества по самоистреблению. Многие страны на законодательном уровне разрешили смену пола, в том числе детям, назвав пол «социальной конструкцией», которую возможно изменить³. Поэтому особенно важно направить все силы на защиту российского общества от информационной атаки и навязывания противоестественных идей.

В этом русле Россией за последние несколько лет принято и реализовано колоссальное количество мер, направленных на укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [12]. Уверены, что укрепление статуса традиционной семьи совместно с государственной поддержкой многодетности будет способствовать не только снижению числа абортов, но и укреплению общества в целом. Немаловажным здесь видится и развитие детской индустрии, имеющей целью вытеснение иностранного контента из воспитательно-образовательного медиапространства.

¹ В среднем по России стоимость аборта варьируется от 5 до 15 тыс. рублей.

² Региональные законы о запрете склонения к аборту путем принуждения, угроз, подкупа или обмана приняты сейчас в Мордовии, Коми, Забайкалье, Тверской, Псковской, Курской, Смоленской, Вологодской, Калининградской, Новгородской областях

³ В США, Дании, Канаде, Швеции, Германии, Норвегии, Великобритании, Австралии и ряде других стран разрешена смена пола, в том числе в несовершеннолетнем возрасте

Еще одной эффективной, на наш взгляд, мерой является введение в старших классах школ занятий, обучающих школьников основам создания семьи, семейно-нравственным ценностям, формирующим статусный образ семейного человека и многодетности. Необходимо рассказывать детям об абортах и их последствиях, а также о мерах поддержки и где ее могут оказать. Это своего рода «экология семейного поведения», которую важно возвращать у подрастающего поколения как в семье, так в школах, ВУЗах и информационном медиа. Безусловно, встает вопрос и об открытости информационного пространства, о его безопасности для национальных интересов. Культурное самосознание России должно победить нравственную деградацию коллективного запада, ведь это вопрос сохранения российской идентичности и человечности в целом.

Библиография:

1. Крылова И.А. Демографический кризис в современной России и его возможные негативные последствия // *Философия и общество*. 2008. № 3 (51). С. 138-159.
2. Верещагина А.В., Кабарухина И.А. Кризис традиционной семьи и демографические последствия в России // *Монография*. 2009. Изд-во: Ростовский гос. экономический ун-т «РИНХ». – 159 с.
3. Егорычева Е.В., Подереча А.В., Чернышева И.В. Оздоровление нации как инструмент борьбы с демографическим кризисом в России // *Novainfro.ru*. 2016. № 47. Т. 4. С. 240-244.
4. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // *Официальный интернет портал Федеральной службы государственной статистики*. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709>; Демографические изменения в России: взгляд в будущее // ООО «Кэпт Налог и Консультирование». – URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/07/ru-demographic-changes-in-russia-kept-review.pdf> (дата обращения 26.08.2024).
5. Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин» // *Справочная правовая система «Гарант»*. – URL: <https://base.garant.ru/70486514/> (дата обращения 26.08.2024).
6. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#QFzXMU86F0b9PX92> // *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#18R6YMUgCt3Q2B4l> (дата обращения 26.08.2024).
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23.11.1955 «Об отмене запрещения абортов» // *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#18R6YMUgCt3Q2B4l> (дата обращения 26.08.2024).
8. Официальный интернет портал Федеральной службы государственной статистики. - URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/vita1_bd.htm (дата обращения 26.08.2024).
9. Официальный телеграмм-канал социолога Е.Е. Жуковской. - URL: https://t.me/evgeniya_e_zh7886 (дата обращения 26.08.2024).
10. Официальный интернет портал Благотворительного Фонда «Женщины за жизнь». – URL: <https://womenprolife.ru/> (дата обращения 26.08.2024).
11. Закон, защищающий женщин от склонения к абортam, работает и спасает жизни! // Официальный интернет портал Благотворительного Фонда «Женщины за жизнь». – URL: <https://womenprolife.ru/news/197> (дата обращения 26.08.2024).
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портal правовой информации Pravo.gov.ru. - URL: <http://www.pravo.gov.ru/novye-postupleniya/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-09-11-2022-809-ob-utverzhenii-osnov-gosudarstvennoy-politi/> (дата обращения 26.08.2024).

References:

1. Krylova I.A. Demographic crisis in modern Russia and its possible negative consequences // *Philosophy and Society*. 2008. No. 3 (51). pp. 138-159.
2. Vereshchagina A.V., Kabarukhina I.A. Crisis of the traditional family and demographic consequences in Russia // *Monograph*. 2009. Publishing house: Rostov State University of Economics "RINH". – 159 p.
3. Egorychева E.V., Poderecha A.V., Chernysheva I.V. Improving the nation as a tool to combat demographic crises in Russia // *Novainfro.ru*. 2016. No. 47. Vol. 4. pp. 240-244.
4. Rosstat has published a demographic forecast until 2046 // *Official Internet portal of the Federal State Statistics Service*. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> Demographic changes in Russia: a look into the future // *Capt Taxes and Consulting LLC*. – URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/07/ru-demographic-changes-in-russia-kept-review.pdf> (accessed 08/26/2024).
5. Resolution of the People's Commissariat of Health of the RSFSR, People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated 11/18/1920 "On women's health protection" // *Reference legal system "Garant"*. – URL: <https://base.garant.ru/70486514/> / (date of appeal 08/26/2024).
6. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 65, Council of People's Commissars of the USSR No. 1134 dated 06/27/1936 "On the prohibition of abortions, increasing financial assistance to women in labor, establishing State assistance to multi-family families, expanding the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, strengthening criminal penalties for non-payment of alimony and some changes in legislation about divorces" // *Legal reference system "Consultant Plus"*. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#QFzXMU86F0b9PX92> (date of appeal 08/26/2024).
7. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 11/23/1955 "On the abolition of the prohibition of abortion" // *Reference legal system "Consultant Plus"*. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15519#18R6YMUgCt3Q2B4l> (accessed 08/26/2024).
8. The official Internet portal of the Federal State Statistics Service. - URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/vita1_bd.htm (accessed 08/26/2024).
9. The official telegram channel of sociologist E.E. Zhukovskaya. - URL: https://t.me/evgeniya_e_zh7886 (accessed 08/26/2024).
10. The official Internet portal of the Women for Life Charity Foundation. – URL: <https://womenprolife.ru/> / (date of appeal 08/26/2024).
11. The law protecting women from inducement to abortion works and saves lives! // The official Internet portal of the Charitable Foundation "Women for Life". – URL: <https://womenprolife.ru/news/197> (accessed 08/26/2024).
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/19/2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // *Official Internet portal of Legal Information Pravo.gov.ru*. - URL: <http://www.pravo.gov.ru/novye-postupleniya/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-09-11-2022-809-ob-utverzhenii-osnov-gosudarstvennoy-politi/> (accessed 08/26/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_196

УДК 342.9

ОСНОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ АКТОВ РЕАГИРОВАНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

The grounds for the adoption of administrative acts of response based on the results of control and supervisory activities

СИНЬКОВ Иван Андреевич,

ассистент кафедры административного и финансового права,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Университет Лобачевского).
603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Проспект Гагарина, 23.
E-mail: Sinkov_ia@mail.ru;

SINKOV Ivan Andreevich,

assistant of the Department of Administrative and Financial Law,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Prospekt Gagarina str., 23.
E-mail: Sinkov_ia@mail.ru

Краткая аннотация: В рамках настоящей статьи автором анализируются основания принятия административных актов реагирования, принимаемых по результатам контрольно-надзорной деятельности. Установлено, что административные акты реагирования, принимаемые по результатам контрольно-надзорной деятельности, принимаются на стадии возникновения соответствующих юридических фактов по результатам контрольно-надзорного мероприятия. Выявлено, что основания принятия административных актов реагирования, по результатам контрольно-надзорной деятельности подразделяются на юридические и фактические. Сделан вывод о том, что именно фактические основания принятия административных актов реагирования обладают практической значимостью, поскольку именно в зависимости от выявленных фактов в рамках контрольно-надзорных мероприятий будут приниматься те или иные властные решения.

Abstract: Within the framework of this article, the author analyzes the grounds for the adoption of administrative response acts adopted based on the results of control and supervisory activities. It has been established that administrative response acts adopted based on the results of control and supervisory activities are adopted at the stage of the emergence of relevant legal facts based on the results of control and supervisory activities. It is revealed that the grounds for the adoption of administrative acts of response, according to the results of control and supervisory activities, are divided into legal and factual. It is concluded that it is the actual grounds for the adoption of administrative acts of reaction that have practical significance, since it is depending on the revealed facts that certain governmental decisions will be made within the framework of control and supervisory measures.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, государственный контроль, административный надзор, контрольно-надзорное производство, административный акт, административные акты реагирования, основания принятия административных актов реагирования.

Keywords: control and supervisory activities, state control, administrative supervision, control and supervisory proceedings, administrative act, administrative acts of response, grounds for the adoption of administrative acts of response.

Для цитирования: Синьков И.А. Основания принятия административных актов реагирования по результатам контрольно-надзорной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 196-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_196.

For citation: Sinkov I.A. The grounds for the adoption of administrative acts of response based on the results of control and supervisory activities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 196-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_196.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Одной из характеристик стадийности любого вида юридического процесса является принятие решения, оформляемого в виде юридического документа, и означающего переход из одной стадии в другую. Контрольно-надзорное производство, являясь разновидностью юридического процесса, также закономерно состоит из стадий.

Решение контрольно-надзорного органа в форме административного акта реагирования, принимаемого по результатам контрольно-надзорной деятельности принимается не спонтанно, а при наличии оснований, достаточных для применения мер реагирования, содержащихся в соответствующем решении. При этом, недостаточное регулирование оснований выдачи административных актов реагирования по результатам контрольно-надзорной деятельности, а также недостаточная научная проработанность данного вопроса порождает в правоприменительной практике проблемы, связанные с законностью и обоснованностью указанных актов, что обосновывает актуальность данного исследования.

В рамках действующего контрольно-надзорного законодательства не содержится четкой формулы оснований принятия административных актов реагирования, принимаемых по результатам контрольно-надзорной деятельности. Вместе с этим, очевидно, что принятие подобного акта происходит на стадии принятия решения. В этой связи принятию административного акта реагирования предшествуют следующие факты:

- 1) проведение контрольно-надзорного или профилактического мероприятия - юридическая составляющая;
- 2) выявление по результатам мероприятия конкретного юридического казуса с участием контрольно-надзорного органа и подконтрольного субъекта - фактическая составляющая.

Наличие указанных фактов является необходимым условием для принятия контрольно-надзорными органами административного акта реагирования, принимаемого по результатам контрольно-надзорной деятельности.

В следствии чего, в рамках процедуры выдачи административного акта реагирования по результатам контрольно-надзорной деятельности представляется возможным выделить юридические и фактические основания их принятия.

Ученые-административисты выделяют *фактические основания* принятию индивидуальных административных актов при исследовании

управленческого механизма принятия решений.

Так, Ф. Ф. Яхин указывает, что обоснованность фактами имеет принципиальное значение при издании индивидуальных актов. В процессе правоприменения орган исполнительной власти устанавливает фактические обстоятельства по делу, выявляет факты, достаточные и необходимые для издания акта [1, С. 23]. При этом, как отмечает С. Б. Пашененко, обстоятельства, наличие которых обеспечивает принятие административных актов, могут быть предусмотрены в нормативных правовых актах. Процесс принятия административного акта подразумевает определение наличия связи фактических обстоятельств с нормой права, которая подлежит применению, а также юридической квалификации таких обстоятельств [2, С. 80].

Фактические основания представляют собой конкретные юридические факты, выражаемые в виде действия или бездействия физических лиц и организаций (подконтрольных субъектов), с возникновением которых юридические основания порождают необходимость или возможность принятия контрольно-надзорными органами административных актов реагирования.

В общей теории права под юридическими фактами понимаются определенные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Теоретики права традиционно подразделяют все юридические факты по волевому признаку на два вида:

- действия, в том числе бездействие, то есть волевые акты поведения людей, которые делятся на правомерные и неправомерные;
- события, то есть обстоятельства, не зависящие от воли и сознания людей.

Кроме того, в общей теории права выделяется понятие «фактический состав», под которым понимается совокупность двух или нескольких фактических обстоятельств, одновременное наличие которых необходимо для наступления определенных юридических последствий [3, С. 528-533; 4, С. 530-532]. Аналогичного подхода применительно к основаниям возникновения, изменения и прекращения административных правоотношений придерживаются и ученые-административисты [5, С. 92].

На наш взгляд, фактическим основанием принятия административных актов реагирования является выявление в ходе контрольно-надзорного мероприятия одного из следующих фактов:

- нарушение обязательных требований;
- угроза нарушения обязательных требований.

Под обязательными требованиями понимаются содержащиеся в нормативных правовых актах требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы [6].

Подробный анализ законодательного определения обязательных требований приведен в работе О. Н. Ермоловой [7, С. 59-69], которая приходит к выводу о его несовершенстве с точки зрения юридических техники, поскольку: «Закон об обязательных требованиях раскрывает понятие через категорию требования: обязательные требования - это требования... . В этом случае понятие определяется через него же, что является тавтологией и, соответственно, не позволяет достичь целей дефиниции правовой категории»; Автор отмечает, «если в качестве определяющего понятия для исследуемого термина сохранить слово «требование», то в определении дополнительно проявляется ошибка «порочно-го круга», когда характеристика определяемого термина «обязательный» скрыта в характеристике определяющего слова «обязательный для исполнения». Кроме того, словосочетание «обязательные требования» создает обманчивое впечатление, что в законодательстве присутствуют требования, не обязательные для выполнения».

Исследованию сущности категории «нарушение обязательных требований» в рамках административного контрольно-надзорного производства посвящены труды исследователя А. И. Стахова. Ученый формулирует содержание и признаки рассматриваемой категории.

Нарушение обязательных требований, выявляемое в ходе проверок и иных административно-процессуальных форм государственного контроля (надзора), имеет следующие характерные признаки:

- 1) носит противоправный характер;
- 2) является актом недобросовестного поведения;
- 3) выражается в форме действия или бездействия по неисполнению или ненадлежащему исполнению нормативных требований;
- 4) влечет применение административно-принудительных мер пресекательно-восстановительного характера, предусмотренных законодательством о государственном контроле и надзоре [8, С. 32].

Важным признаком нарушения обязательных требований, позволяющим не отождествлять данное деяние с административным правонарушением является административная устранимость (элиминированность) [9, С. 120] нарушения, то есть возможность с помощью «совокупной компетенции» контрольно-надзорных органов устранить существующие факторы, повлиявшие на совершение противоправных деяний [10, С. 43-49].

Угрозой нарушения обязательных требований следует считать потенциальную вероятность наступления нарушений, при которой действия (бездействие) подконтрольного лица само по себе не являются нарушениями обязательных требований, но с высокой степенью вероятности свидетельствуют о наличии риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Как было указано ранее, нарушение обязательных требований выявляется в ходе контрольно-надзорного мероприятия, и именно поэтому их следует называть фактическими.

Стоит отметить, что согласно юридической практике, отсутствие в действиях подконтрольного субъекта факта нарушений обязательных требований, либо угрозы такого нарушения является основанием для признания административного акта реагирования, принятого по результатам контрольно-надзорной деятельности недействительным [11, 12, 13, 14].

Таким образом, именно выявленный факт нарушений обязательных требований или угрозы их нарушения обосновывают принятие того или иного административного акта реагирования.

Юридические основания принятия административных актов реагирования, принимаемых по результатам контрольно-надзорной деятельности производны от самого факта проведения контрольно-надзорного или профилактического мероприятия.

По внешней форме выражения юридические основания представляют собой процессуальный документ, составляемый по окончании контрольно-надзорного мероприятия.

В рамках контрольно-надзорного производства юридическим основанием принятия административных актов реагирования, будет являться принятый по результатам контрольно-надзорного мероприятия акт контрольного (надзорного) мероприятия (акт проверки).

При этом, порядок формирования и содержание акта проверки регулируются не только нормами Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [15] (далее по тексту - Закон № 248-ФЗ), но нормами других нормативно-правовых актов (например, соответствующими положениями о виде контроля; федеральных законами, регулирующими правила осуществления отдельных видов государственного контроля (надзора), процессуальным законодательством).

Акт проверки представляет собой юридический документ, в котором фиксируются результаты проведения контрольно-надзорного мероприятия. Согласно части 1 статьи 87 Закона № 248-ФЗ, к результатам контрольного (надзорного) мероприятия относятся оценка соблюдения контролируемым лицом обязательных требований, создание условий для предупреждения нарушений обязательных требований и (или) прекращения их нарушений, восстановление нарушенного положения, направление уполномоченным органам или должностным лицам информации для рассмотрения вопроса о привлечении к ответственности.

Оформление акта проверки производится на месте проведения контрольного (надзорного) мероприятия в день окончания проведения такого мероприятия, если иной порядок оформления акта не установлен Правительством Российской Федерации.

Содержание акта проверки зависит от результатов контрольно-надзорного мероприятия. Так, в случае, если по результатам проведения такого мероприятия выявлено нарушение обязательных требований, в акте проверки указывается какие именно обязательные требования были нарушены и какими нормативно-правовыми актами оно установлено. Документы и иные материалы, являющиеся доказательствами нарушения обязательных требований, приобщаются к акту проверки и являются его неотъемлемой частью. В случае устранения выявленного нарушения до окончания проведения контрольно-надзорного мероприятия, предусматривающего взаимодействие с контролируемым лицом, в акте проверки указывается факт его устранения.

В случае если нарушение обязательных требований выявлено не было, данный результат фиксируется в акте проверки, после чего акт приобщается к материалам контрольно-надзорного производства, а сами сведения вносятся ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» [16]. По итогам такой проверки, контрольно-надзорный орган вправе выдать рекомендаций по соблюдению обязательных требований, либо провести иные мероприятия, направленные на профилактику рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Акт проверки приобретает юридическую силу с момента его направления на адрес электронной почты подконтрольного субъекта.

Таким образом, акт проверки является обязательным основанием принятия административного акта реагирования, так как он доказывает факт проведения контрольно-надзорного мероприятия и обосновывает то или иное решение контрольно-надзорного органа. Отсутствие акта проверки либо его составление в нарушении установленной процедуры является безусловным основанием для признания административного акта реагирования, принятого по результатам контрольно-надзорной деятельности недействительным [17, 18, 19, 20].

В заключении исследования сделаем следующие выводы:

- административные акты реагирования, принимаемые по результатам контрольно-надзорной деятельности принимаются по итогам контрольно-надзорного или профилактического мероприятия в случае выявления соответствующих юридических фактов;

- основания принятия административных актов реагирования, по результатам контрольно-надзорной деятельности подразделяются на юридические и фактические. Юридическим основанием выступает принятый в установленный законом форме акт проверки, который приобретает юридическую силу с момента его направления подконтрольному субъекту. Фактическим основанием принятия административных актов реагирования является нарушение обязательных требований, угроза совершения такого нарушения подконтрольным субъектом, которые были выявлены в ходе контрольно-надзорного или профилактического мероприятия.

По мнению автора, именно фактические основания принятия административных актов реагирования обладают практической значимостью, поскольку именно в зависимости от выявленных фактов в рамках контрольно-надзорных мероприятий принимаются те или иные властные решения. Вместе с этим, только при одновременном наличии соответствующих юридических и фактических оснований возможно принятие контрольно-надзорным органом того или иного решения в форме административного акта реагирования по результатам контрольно-надзорной деятельности.

Библиография:

1. Яхин Ф.Ф. Элементы административно-правового акта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. № 1. 2002. С 19-24.
2. Пашенко С.Б. Административные акты: признаки, сущность, правовое определение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 6

- (149). 2022. С. 75-83.
3. Марксистско-ленинская общая теория государства и права // Социалистическое право. М., 1973. – 647 с.
 4. Теория государства и права: Курс лекции / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2004. – 538 с.
 5. Общее административное право: Учебник / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007. – 760 с.
 6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I), ст. 5006
 7. Ермолова О.Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы дефиниции понятия // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 11 (242). 2021. С. 59-69.
 8. Гармонизация судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: актуальные проблемы теории и практики: монография / под ред. А. И. Стахова. М.: РГУП, 2019. – 282 с.
 9. Стахов А. И. Ключевые элементы структуры административного контрольно-надзорного производства, осуществляемого в России // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 117-127.
 10. Винокурова М. А. Правовая личность и профилактика нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора) // Правопорядок: история, теория, практика. № 2 (37), 2023. С. 43-49.
 11. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 сентября 2020 г. по делу № А51-20547/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 12. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 13 мая 2021 г. по делу № А83-17882/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 13. Определение Ленинградского областного суда от 02.10.2014 № 33-4860/2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 14. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 31 июля 2023 г. по делу № А33-34/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 15. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I), ст. 5007.
 16. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2021 г. № 604 (ред. от 18.07.2024) «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415» // СЗ РФ. 2021. № 17 ст. 2971.
 17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 10 марта 2015 г. № 309-КГ14-7461 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 18. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2018 г. по делу № А24-784/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 19. Определение Верховного Суда РФ от 02.11.2020 N 304-ЭС20-16056 по делу N А27-15640/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).
 20. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 3 марта 2022 г. по делу № А65-28458/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.09.2024).

References:

1. Yakhin F.F. Elements of an administrative legal act // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. No. 1. 2002. From 19-24.
2. Pashenko C.B. Administrative acts: signs, essence, legal definition // Bulletin of the Saratov State Law Academy. No. 6 (149). 2022. pp. 75-83.
3. Marxist-Leninist general theory of state and law // Socialist law. M., 1973. – 647 p.
4. Theory of State and law: Course of lectures / Edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. M., 2004. – 538 p.
5. General Administrative Law: Textbook / Edited by Yu.N. Starilov. Voronezh, 2007. – 760 p.
6. Federal Law No. 247-FZ of 07/31/2020 (as amended on 08/08/2024) "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" // SZ RF. 08/03/2020. No. 31 (part I).
7. Ermolova O.N. Mandatory requirements for entrepreneurial activity: issues of definition of the concept // Property relations in the Russian Federation. No. 11 (242). 2021. pp. 59-69.
8. Harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision: actual problems of theory and practice: monograph / edited by A. I. Stakhov. M.: RGUP, 2019. – 282 p.
9. Stakhov A. I. Key elements of the structure of administrative control and supervisory proceedings carried out in Russia // Russian Law Journal. 2021. No. 3. pp. 117-127.
10. Vinokurova M. A. Legal personality and prevention of violations of mandatory requirements in the implementation of state control (supervision) // Law and order: history, theory, practice. No. 2 (37), 2023. pp. 43-49.
11. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated September 15, 2020 in case No. A51-20547/2019 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of appeal: 09/01/2024).
12. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Crimea dated May 13, 2021 in case No. A83-17882/2018 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of application: 09/01/2024).
13. Ruling of the Leningrad Regional Court dated 02.10.2014 No. 33-4860/2014 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of appeal: 09/01/2024).
14. The decision of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated July 31, 2023 in case No. A33-34/2023 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of appeal: 09/01/2024).
15. Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (ed. dated 12/25/2023) // NW RF. 2020. No. 31 (Part I), art. 5007.
16. Resolution of the Government of the Russian Federation dated April 16, 2021 No. 604 (ed. dated 07/18/2024) "On Approval of the Rules for the Formation and Maintenance of the Unified Register of Control (Supervisory) Measures and on Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2015 No. 415" // NW RF. 2021. No. 17, art. 2971
17. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 10, 2015 No. 309-KG14-7461 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of application: 09/01/2024).
18. Decision of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated November 15, 2018 in case No. A24-784/2018 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of appeal: 09/01/2024).
19. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/22/2020 N 304-ES20-16056 in case N A27-15640/2019 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of application: 09/01/2024).
20. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated March 3, 2022 in case No. A65-28458/2021 // Access from the SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru (date of application: 09/01/2024).

КОНСТРУКЦИЯ СМЕШАННОЙ («СРЕДИННОЙ», ИЛИ ИДЕАЛЬНОЙ) ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

The construction of a mixed («middle», or ideal) form boards in the works of ancient thinkers

ЧЕРВОНЮК Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

107061, Россия, г. Москва, Окружной пр-д, 4.

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru;

ДОСАКАЕВ Алимберди Базарбиевич,

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин

Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.

355035, г. Ставрополь, проспект Кулакова, д. 43.

E-mail: dosakaev@yandex.ru;

CHERVONYUK Vladimir Ivanovich,

the doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow University of the Mia of Russia named after V. Ya. Kikot'.

4 Okružny Ave., Moscow, 107061, Russia.

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru;

DOSAKAEV Alimberdi Bazarbievich,

senior Lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines of the Stavropol Branch

of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

355035, Stavropol, Kulakova Avenue, 43.

E-mail: dosakaev@yandex.ru

Краткая аннотация. И Платон, и Аристотель, а в последующем и другие мыслители (Полибий, Цицерон), занимаясь исследованием развития двух противоположных начал, — демократии и олигархии — пришли к выводу, что обе эти формы власти несовершенны, при этом усматривали идеал в смешанной форме, которая теоретически устраняет недостатки каждой из крайних, или чистых форм. Смешанная же форма правления, по мнению классиков политической мысли, и есть та форма, где интересы сторон наиболее полно учтены. Во всей последующей античной литературе идея смешанной формы правления наиболее продвинутых мыслителей античности становится господствующей. В превосходстве смешанной формы правления, соединяющей в себе особенности всех возможных форм государственного устройства, античные мыслители усматривают обеспечение надлежащей устойчивости государства, предотвращающей переход к «извращенным» формам правления.

Abstract. Both Plato and Aristotle, and subsequently other thinkers (Polybius Cicero), studying the development of two opposite principles - democracy and oligarchy - came to the conclusion that both of these forms of power are imperfect, while seeing an ideal in a mixed form that theoretically eliminates the shortcomings of each of the extreme, or pure forms. The mixed form of government, according to the classics of political thought, is the form where the interests of the parties are most fully taken into account. In all subsequent ancient literature, the idea of a mixed form of government of the most advanced thinkers of antiquity becomes dominant. In the superiority of a mixed form of government, combining the features of all possible forms of government, ancient thinkers see the provision of proper stability of the state, preventing the transition to «perverse» forms of government.

Ключевые слова: аристократическая концепция (форма) правления, аристократия, тимократия, олигархия, демократия, тирания, «власть мудрого над совершенно пассивно подчиненной массой граждан», «правильные»/«неправильные» формы правления, монархическое правление (царская власть), «извращенные» формы правления, выборная тирания (эсимнетия), смешанная (идеальная) форма правления.

Keywords: aristocratic concept (form) of government, aristocracy, tyranny, oligarchy, democracy, tyranny, «the power of the wise over a completely passively subordinate mass of citizens», «right» / «wrong» forms of government, monarchical rule (tsarist power), «perverted» forms of government, elective tyranny (esymnetiya), a mixed (ideal) form of government.

Для цитирования: Червонюк В.И., Досакаев А.Б. Конструкция смешанной («срединной», или идеальной) формы правления в трудах античных мыслителей // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_200.

For citation: Chervonyuk V.I., Dosakaev A.B. The construction of a mixed ("median" or ideal) form of government in the works of ancient thinkers // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_200.

Статья поступила в редакцию: 08.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Идея формы правления в трудах мыслителей Древнего Востока и античности

Интерес к проблеме формы правления у мыслителей различных стран проявляется уже на ранних этапах функционирования государственности. Так, политико-правовая мысль Древней Индии и Древнего Китая уже в I тысячелетии до н. э. подвергает данную проблему активному осмыслению. Мыслители Древней Индии и Древнего Китая – брахманы (интеллектуальная элита) – в Древней Индии, Конфуций (551–479 до н. э.) – в Древнем Китае – исходили из признания божественного происхождения власти монарха; личные качества правителя презируются важнейшей гарантией против трансформации сильной монархической власти в деспотическую (Конфуций). «Правитель – «сын Неба», его наместник на земле» утверждал Конфуций, который, как и брахманы, считал личные качества правителя важнейшей гарантией против трансформации сильной монархической власти в деспотическую. При этом проблему ответственности и брахманы, и Конфуций решали одинаково: монарх ответственен, но перед своим Создателем, Творцом, Всевышним, Небом. При оценке приоритетной формы правления в работе «Лунь-юй» («Беседы и высказывания») Конфуций высказывался в пользу аристократической концепции правления, считая, что простой народ полностью отстраняется от участия в управлении государством¹.

Эта же идея получает развитие в трудах мыслителей Древней Греции, По свидетельству исследователей, «с самого начала греческая

¹Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Руководитель проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 1997. С. 210; Конфуций. Уроки мудрости : Сочинения. М.: Эксмо; Харьков : Фолио, 2010.

политическая мысль была связана с классификацией форм правления и уделяла этому много внимания¹, притом что мировоззренческим ориентиром (кредо) служило высказывание Гераклита: «там, где правит толпа, нет места лучшим». Ставшая знаменитой и первой классификация форм правления восходит к учению досократиков, постулировавших отличающиеся числом правителей три основные формы правления (служившие основой для всех последующих размышлений о наилучшей форме правления как главного вопроса): монархическую – если правит один; олигархию – если управляют несколько человек; народное правление или демократию – если суверенен народ². В трудах Пифагора, Гераклита, Демокрита (Древняя Греция) особое внимание уделяется аристократической форме правления. Известно, что задолго до самого Аристотеля древний греческий историк Геродот в своей «Истории» рассказывает о диспуте на собрании персов, низвергнувших тирана Лже-Смердиса. Между ними явились мысли об изменении формы правления в государстве, которое оставалось без законного наследника трона и безо всякого правительства³. Гераклит (530–470 до н. э.), зарекомендовавший себя в истории античной мысли как критик демократии и сторонник идеи «правления лучших», в своих воззрениях на форму правления исходил из того, что «там, где правит толпа, нет места лучшим»... Один для меня – десять тысяч, если он – наилучший»; «и воле одного повиновение – закон»⁴. Государство, где от правления отстранены аристократы, или благородные (для того времени – это синоним наилучшего) и к власти пришел демос, последователи Гераклита сравнивали с неуправляемым кораблем. Лучшие, по Демокриту (ок. 460–370 гг. до н. э.), это «не старая знать и не богачи, но все те, кто обладает высокими умственными и нравственными качествами»⁵.

Развивая эти представления, один из величайших мыслителей античности, древнегреческий философ Платон (427–347 до н. э.) в диалоге «Государство», соответственно пяти видам душевного склада людей, выделяет пять видов государственного устройства: аристократию, тимократию, олигархию, демократию и тиранию. При этом законная власть немногих – это аристократия, незаконная власть – тирания; законная власть многих – аристократия, незаконная – олигархия; далее располагается демократия с законами и без законов. Кроме того, Платон указывает еще на три разновидности правления: монархию, власть немногих и власть большинства, каждая из которых в зависимости от наличия или отсутствия законности делится надвое, включая законную монархию (царская власть) и противозаконную – тиранию⁶. Платон создал целое учение о динамике государственной жизни и смене вследствие испорченности человеческой природы, ее форм. Идеальное государство и его аристократическая форма, согласно этому учению, – не вечны. Государство может деградировать и, соответственно, в этом же направлении изменять свои формы.

Принципиально значимо то обстоятельство, что Платон обосновал линии взаимосвязи (корреляции) между выделенными им формами правления. В представлении Платона, аристократия как форма правления, приводящая к появлению частной собственности на землю и превращению свободных людей в рабов, обязательно вырождается в тимократию, тимократия, представляющая собой критско-спартанский тип государства, господство наиболее сильных воинов, может постепенно превращаться в олигархию. Олигархия же как строй, основанный на имущественном цензе и власти немногих богатых, трансформируется в демократию. Наконец, демократия как власть народа и для народа, в силу опьянения последнего свободой сверх меры, может вырождаться в свою противоположность – тиранию. Последнюю Платон считал «самой худшей формой государства, при которой безраздельно господствует произвол, бесправие широких масс и насилие. Тиранин всегда захватывает власть «от имени народа» или «как ставленник народа»⁷. Оценивая концепцию Платона, Б. Н. Чичерин определяет ее как основополагающую в теории конституционной монархии, совмещающую в себе суверенные права народа и властные prerogatives государя⁸.

Ученик Платона – Аристотель (384–322 до н. э.) государственную форму правления связывал с числом властвующих – «один, немногие, большинство». Он также различал «правильные» и «неправильные» формы правления: в «правильных» формах, по Аристотелю, правители имеют в виду общую пользу, при «неправильных» – только свое личное благо. Соответственно, тремя «правильными» формами он признает монархическое правление (царская власть), аристократию и полицию, а соответствующими ошибочными отклонениями от них – тиранию, олигархию и демократию⁹. При этом каждая форма имеет несколько видов, поскольку возможны различные комбинации формообразующих элементов. Согласно воззрениям Аристотеля, самая правильная форма – полиция, где правит большинство в интересах общей пользы; все же остальные формы рассматриваются мыслителем как отклонения от политики. В рассуждениях о видах государственного устройства Аристотель распределяет их следующим образом: три вида правильные – царская власть, аристократия, полиция – и три отклоняющиеся от них: тирания – от царской власти, олигархия – от аристократии, демократия – от политики.

Подводя итог своим рассуждениям о разнообразии видов форм правления, Аристотель заключает: «Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два – демократия и олигархия, подобно тому как говорят главным образом о двух ветрах – северном и южном, а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух». Отсюда, как следует из утверждений философа, «демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство». Небезынтересно и то, что Аристотель говорит о выборной тирании, или так называемой эсимнетии – феномене, аналогичном институту римского диктатора. К этой форме прибегают в чрезвычайных обстоятельствах: нашествия врагов, восстания рабов и т. д. В таких условиях граждане добровольно жертвуют собственной свободой в пользу общественных интересов, защищаемых самодержавием. Постулировалось, что выборная монархия может перейти в наследственную, бла-

¹ Бенетон Ф. Введение в политическую науку / пер. с франц. М.: Весь мир, 2002. С. 27.

² Там же. С. 27–28.

³ См.: Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского Изд-во «Наука», Ленинград, 1972.

⁴ Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Руководитель проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 1997. С. 212.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. С. 215.

⁷ Бенетон Ф. Указ. соч. С. 29.

⁸ Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. СПб., 1999. С. 17.

⁹ Аристотель. Политика. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 79.

годаря особым заслугам государя, которого наделяют полномочиями военачальника, судьи и жреца, с правом их передачи своему потомству¹.

Как отмечают исследователи проблемы, наиболее очевидная заслуга политического учения Аристотеля, пожалуй, в том, что в нем впервые философское обсуждение проблем формы правления соединяется с конкретным изучением реальной политической действительности, построенной на основе сравнительного анализа 158 античных городов-государств. Именно определение формы правления, наиболее подходящей к каждому данному государству, изучение того, как может быть устроено государство в конкретных условиях и каковы способы его совершенствования, как считал Аристотель, является важнейшей функцией политической науки². На основе глубокого анализа существующих форм правления древнегреческих государств Аристотель обосновывает причины их разнообразия, постулируя, что они заключаются в различии социальной структуры государств, в принципах формирования органов власти, способах замещения и распределения государственных должностей.

Идея смешанной (идеальной) формы правления

Именно Платон формулирует получившую в последующем развитии в работах его последователей идею смешанной формы правления. В частности, Платон считал, что любое государство во избежание общественных катаклизмов и общественных потрясений должно придерживаться середины между монархией и демократией наподобие спартанской общины. Платон исходил из того, что идеальной формой правления «идеального государства» как государства «лучших и благородных» является «законная власть немногих» – аристократия.

Отдавая предпочтение политике как наилучшей форме правления, Аристотель отмечает, что она возможна лишь при условии равномерного распределения среди населения «среднего класса» как наиболее умеренного в своих политических притязаниях и стиле поведения. Как лучшая форма правления, политика сочетает в себе лучшие стороны олигархии и демократии, являясь своего рода «средней» (смешанной) формой. Отсюда, как считал мыслитель, «государство, состоящее из «средних» людей, будет иметь и наилучший государственный строй»³. По Аристотелю, из различных комбинаций демократии и олигархии складываются и остальные, реально существующие формы правления: аристократия и тирания. По Аристотелю, из различных комбинаций демократии и олигархии складываются и остальные, реально существующие формы правления: аристократия и тирания⁴. Так, в зависимости от комбинации социальных элементов, входящих в состав государства, он фиксирует несколько вариантов олигархий и демократий, а также таких форм, как аристократия и тирания, подчеркивая, что «неизбежно получается столько же видов государственного строя, сколько имеется способов управления в зависимости от превосходств и отличительных свойств, присущих составным частям государства»⁵. По Аристотелю, именно олигархия и демократия являются теми основными формами, из которых создаются комбинации реально существующих государств, а политика как наиболее стабильная и умеренная форма правления – всего лишь нечто среднее между демократией и олигархией, а еще точнее – либо «умеренная» олигархия, либо «умеренная» демократия (т. е. олигархия и демократия, лишённые своих крайностей).

Таким образом, Платон и Аристотель, занимаясь исследованием развития двух противоположных начал, – демократии и олигархии – пришли к выводу, что обе эти формы власти несовершенны, при этом усматривали идеал в смешанной форме⁶, которая теоретически устраняет недостатки каждой из крайних, или чистых форм. Смешанная же форма правления, по их мнению, и есть та форма, где интересы сторон наиболее полно учтены.

Еще один древнегреческий мыслитель, Полибий (210–123 до н. э.), живший в эпоху республиканского периода истории Древнего Рима, исходя из генезиса государственности и последующей смены государственных форм как естественного процесса, «совершающегося по «закону природы», выделяет шесть основных форм правления: царство (царскую власть), тиранию, аристократию, олигархию, демократию и охлократию. В понимании Полибия, с точки зрения кругооборота государственных форм охлократия является не только худшей, но и последней ступенью в смене форм. Мыслитель отмечает присущую каждой из выделенных простых форм неустойчивость, воплощающих в себе только одно начало, которому по самой природе суждено вырождение в свою противоположность: царству сопутствует тирания, а демократии – необузданное господство силы. С учетом этого Полибий делает вывод о том, что «несомненно совершеннейшей формой надлежит признать такую, в которой соединяются особенности всех форм, поименованных выше», т. е. царской власти, аристократии и демократии. Преимущество такой смешанной формы правления Полибий видит в обеспечении надлежащей устойчивости государства, предотвращающей переход к извращенным формам правления⁷.

В развитие аристотелевской теории Полибий вводит понятие «смешанная форма правления», в которой соединяет признаки монархии, аристократии и демократии. Полибий отмечает, что монархия возникает естественным путем, когда в человеческом сообществе выделяется лидер, превосходящий всех прочих телесной силой и душевной отвагой. Именно так Ромул стал вождем квиринов. То же самое наблюдается и у всех неразумных животных: мы замечаем, что у них, например, у быков, кабанов, петухов наиболее сильные непременно бывают вожаками. Вот почему порядок этот надлежит признавать непререкаемым делом самой природы»⁸. Царская власть возникает позже, укреплению самодержавной власти способствует патриархальная семья, исповедующая принцип единоначалия главы семейства – *pater familias*, поэтому государь, правящий «всегда в согласии с народным настроением», рассчитывая на то, что «...подданные покоряются уже не столько из боязни насилия, сколько по велению рас-судка, содействуют ему в сохранении власти, как бы стар он ни был, единодушно помогают ему и непрестанно борются с людьми, злоумышляющими

¹ По прошествии двух тысячелетий концепт выборной монархии возрождается вновь, а затем, уже в новейших условиях (в XX–XXI вв.), приобретает особенное звучание (Червонок В. И. Форма государственного правления: конституционно-правовой анализ: монография / В. И. Червонок. М., 2018. С. 146–148).

² Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1984. С. 486–487.

³ См.: Платон, Аристотель. Наука об управлении государством. М.: Изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica. 2003. С. 390.

⁴ См.: Там же. С. 390.

⁵ Там же. С. 491.

⁶ Платон. Соч.: В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 106–107.

⁷ Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Руководитель проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 1997. С. 237.

⁸ Полибий. Всеобщая история. В 3-х т. Т. II. СПб., 2005. С. 8.

против его владычества. Примерно таким-то способом самодержец незаметно превращается в царя с того времени, как царство рассудка сменяет собою господство отваги и силы». На этой основе возникает доверие ко всему правящему роду, государственная власть таким образом передается по наследству потомкам первого царя. А если они становятся народу негодными, то «они выбирают себе начальников и царей уже не за телесную силу и не за отвагу, но за выдающиеся ум и рассудительность, так как на опыте познали разницу управления тех и других владык».

В пользу смешанной формы правления Полибий отмечал, что в Римском государстве существовало три власти: власть консулов, власть сената и власть народа. При этом власть была поделена таким образом, чтобы ни одна из ее составных частей не перевешивала другую¹. В работе «О государстве» знаменитый римский оратор, политический деятель и писатель Марк Тулий Цицерон (106 – 43 гг. до н. э.) критерии различения форм правления усматривал в «характере и воле» тех, кто правит государством. В зависимости от числа правящих он выделял три простые формы правления: царскую власть (фактически – монархию), власть оптиматов (аристократию) и народную власть, или демократию. «Народной же (ведь ее так называют) является такая община, в которой все находится в руках народа»². Цицерон считал, что все эти простые формы имеют достоинства и недостатки. При царской власти все прочие люди отстранены от участия в принятии решений и законов; при господстве оптиматов народ также не пользуется свободой и отстранен от власти; при демократии же, «когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство – это несправедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении».

Наилучшей же формой, в представлении Цицерона, является та (смешанная), в которой представлены достоинства всех перечисленных. Путь к смешанной форме правления Цицерон (как и Полибий) усматривал в эволюции римской государственности от первоначальной царской власти к сенатской республике³. Вместе с тем Цицерон солидаризируется с Полибием относительно преимуществ конкретных форм правления. «...Если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй, – отмечает он, – в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть и поставил ее на первое место...»⁴. Так же как и Полибий, Цицерон был уверен, что самодержавную власть можно усовершенствовать, совместить в ней достоинства власти оптиматов (аристократии) и народа (демократии), «ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воли народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, великое равенство, без которого свободные люди едва ли долго могут обходиться...»⁵. Примечательно, что писание подобного устройства встречается и в других работах⁶. Идеальное государственное устройство, по мнению Цицерона, возможно лишь в условиях наилучшего (т. е. смешанного) вида государственного устройства, образуемого путем равномерного смешения положительных свойств трех простых форм правления, «ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа»⁷. В качестве важнейших достоинств такого государственного строя Цицерон отмечал прочность государства и правовое равенство его граждан.

Учения и отдельные идеи, касающиеся форм государственного устройства и правления, развивались не только в Древней Греции и Риме, но и в других странах. Причем не только на ранних стадиях развития человеческой цивилизации, но и в последующие периоды истории⁸.

Библиография:

1. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Руководитель проекта Г. Ю. Семингин. – М.: Мысль, 1997. – 830 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
3. Бенетон Ф. Введение в политическую науку / пер. с франц. – М.: Весь мир, 2002. – 367 с.
4. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Ленинград: Изд-во «Наука», 1972. – 600 с.
5. Конфуций. Уроки мудрости : [Сочинения] : Пер. с древнекит. / Конфуций; Сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. - Москва : ЭКСМО - ПРЕСС ; Харьков : ФОЛИО, 2000. – 957.
6. Наука об управлении государством / Платон, Аристотель. - Москва : ЭКСМО; СПб. : Terra Fantastica, 2003 (АООТ Твер. полигр. комб.). – 859 с.
7. Платон. Государство. Законы. Политик [Текст] / Платон. - Москва : Мысль, 1998. - 798 с.
8. Цицерон Марк Туллий. Диалоги [Текст] : О государстве. О законах : [Пер. с лат.] / Изд. подгот. И. Н. Веселовский [и др.]. – Москва : Наука, 1966. - 224 с.
9. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях: в 2-х т. Том II. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ: в 2 книгах. Книга 2. Организация публичной власти / В. И. Червонюк [Текст]: моногр. афия. – М.: Юстицинформ, 2023. – 1048 с.
10. Червонюк В. И. Форма государственного правления (конституционно-правовой анализ) : монография. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. – 526 с.
11. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas: in 2 vols. Volume II. The theory of constitutional law: comparative legal and regional studies analysis: in 2 books. Book 2. The organization of public power / V. I. Chervonyuk [Text]: monograph. – М.: Justicinform, 2023. – 1048 с.

References:

1. An anthology of world political thought. In 5 vols. I. Foreign political thought: origins and evolution / Project manager G. Y. Semigin. – М.: Mysl, 1997. – 830 p.
2. Aristotle. Essays. In 4 vols. Vol. 4 / trans. from ancient Greek. – М.: Mysl, 1984. – 830 p.
3. Beneton F. Introduction to political science / translated from French. – М.: The Whole world, 2002. – 367 p.
4. Herodotus. History in nine books / Trans. and note by G. A. Stratanovsky. – Leningrad: Nauka Publishing House, 1972. – 600 p.
5. Confucius. Lessons of wisdom : [Essays] : Translated from ancient Chinese. / Confucius; Comp., introductory article and commentary by M. A. Blumenkrantz. - Moscow : EKSMO - PRESS ; Kharkov : FOLIO, 2000. – 957.
6. The science of government / Plato, Aristotle. - Moscow : EKSMO; St. Petersburg : Terra Fantastica, 2003 (AOOT Tver. polygr. comb.). – 859 p.
7. Plato. State. Laws. The politician [Text] / Plato. - Moscow : Mysl, 1998. - 798 p.
8. Cicero Marcus Tullius. Dialogues [Text] : About the state. About the laws : [Translated from Latin.] / Edited by I. N. Veselovsky [et al.]. – Moscow : Nauka, 1966. - 224 p.
9. Chervonyuk, V. I. The idea of law and law in ideas: in 2 vols. T. I. Theory, philosophy and methodology of law / V. I. Chervonyuk [Text]. – М.: Justicinform, 2021. – 736 p.
10. Chervonyuk V. I. The form of state government (constitutional and legal analysis) : monograph. – М. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2018. – 526 p.
11. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas: in 2 vols. Volume II. The theory of constitutional law: comparative legal and regional studies analysis: in 2 books. Book 2. The organization of public power / V. I. Chervonyuk [Text]: monograph. – М.: Justicinform, 2023. – 1048 p.

¹ См.: Полибий. Всеобщая история. Том 1. Кн. I-V Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 2005. 496 с.

² Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. С. 247.

³ Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. С. 201.

⁴ Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах / пер. с лат. Изд. подгот. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 21–22.

⁵ Цицерон. Диалоги: О государстве; О законах. С. 78.

⁶ Такая власть описана в трудах римского историка Диона Кассия (155–235 гг. до н. э.). См. об этом: Кассий Д. Об империи // Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М., 2000. С. 76.

⁷ Цицерон. Диалоги: О государстве; О законах. С. 32.

⁸ См.: Червонюк В. И. Идея права и право в идеях: в 2-х т. Том II. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ: в 2 книгах. Книга 2. Организация публичной власти / В. И. Червонюк [Текст]: монография. – М.: Юстицинформ, 2023. С. 61 и сл.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_204

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ. ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ

Special administrative and legal regimes. Concept, classification

КУТАСОВА Ирина Владимировна,
аспирант, Московский финансово-юридический университет (МФЮА).
ул. Чехова, 17, г. Серпухов, Московская обл., 142200, Россия.
E-mail: irina-kutasova@yandex.ru;

KUTASOVA Irina Vladimirovna,
postgraduate student, Moscow University of Finance and Law (MFUA).
Chekhov str., 17, Serpukhov, Moscow region, 142200, Russia.
E-mail: irina-kutasova@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются понятие о специальных административно-правовых режимах, их классификации по различным критериям, эффективность и целесообразность применения данных классификаций.

Abstract: The article discusses the concept of special administrative and legal regimes, their classification according to various criteria, the effectiveness and expediency of applying these classifications.

Ключевые слова: Административно-правовое регулирование, специальные административно-правовые режимы, правовое регулирование, общественная безопасность, ограничение прав и свобод граждан, сфера публичного управления, субъекты права, императивные методы.

Keywords: Administrative and legal regulation, special administrative and legal regimes, legal regulation, public safety, restriction of citizens' rights and freedoms, sphere of public administration, subjects of law, imperative methods.

Для цитирования: Кутасова И.В. Специальные административно-правовые режимы. Понятие, классификация // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 204-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_204.

For citation: Kutasova I.V. Special administrative and legal regimes. Concept, classification // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 204-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_204.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024
Дата публикации: 03.10.2024

Регулирование социально-экономических процессов приобретает в современный период особо актуальное значение. Оно позволяет создавать благоприятные правовые условия для деятельности субъектов права. Административно-правовое регулирование, как его разновидность, обеспечивает выражение и приоритет публичных интересов, применяя императивные, властные методы. Разновидности очевидны, поскольку приходится учитывать динамизм и многогранность объектов регулирования и, соответственно, способов воздействия административно-правовых режимов на них.

Понять природу административно-правовых режимов лучше всего можно с помощью общих характеристик правового режима. Они даются в юридической литературе. Подробнее приведем последние. Н.И. Матузов и А.В. Малько рассматривают правовой режим как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности или не благоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. Это система условий и методов осуществления правового регулирования, как бы «распорядок» действия права, это - функциональная характеристика права. Такая чрезмерно широкая характеристика как бы стирает грань между известными категориями права и затрудняет выделение специфических признаков правового режима. Авторы же к ним относят, установление режимов в законодательстве и обеспечение их государством, целевую ориентацию на регулирование конкретных областей общественных отношений во временных и пространственных границах, особое сочетание юридических средств, создание конкретной степени благоприятности или не благоприятности для субъектов права. Отсюда и много оснований для классификации правовых режимов. Подробнее Д.Н. Бахрах различает общий режим деятельности государственной администрации и специальные административно-правовые режимы. Они как бы дополнительно вводятся для обеспечения правового порядка специальными или тематическими законами, преимущественно запрещающими и обязывающими нормами, установлением зонирования, режимных правил жизнедеятельности, закреплением особого статуса объекта (носителя режима).

Режимы федеральные, региональные и местные иногда совмещаются. Безусловно, охарактеризованные выше природа, признаки и виды административно-правовых режимов весьма конструктивны и полезны для теории и практики. И все же попытаемся дополнить анализ в данной сфере.

Поясним, что, прежде всего цель административно-правовых режимов, которые нельзя отождествлять ни с общим правовым регулированием, ни с процессом реализации права. Они представляют собой особый вид регулирования, в рамках которого создается и используется специфическая комбинация юридических, организационных и иных средств для обеспечения того или иного государственного состояния. Оно поддерживается, сохраняется и меняется с помощью параметров, которые являются обязательными.

Специальные административно-правовые режимы, как правило, ограничивают права и свободы субъектов правоотношений, эту возможность предоставляет часть 3 статьи 55 Конституции РФ и устанавливается федеральными законами, указами Президента, постановлениями Правительства, актами государственных органов исполнительной власти в пределах их компетенции, а так же законодательством субъектов Российской Федерации. Конституция РФ осуществляет первичную легализацию таких специальных административно-правовых режимов, как

чрезвычайное и военное положение, режимов государственной границы, пограничных зон, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа, особо охраняемых природных территорий. Конституция РФ закрепляет принципы функционирования специальных административно-правовых режимов - принцип неприкосновенности основных прав и свобод, основания ограничения прав и свобод, отнесение специальных административно-правовых режимов к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Федеральные законы определяют вид правового режима, основания введения, субъект, осуществляющий режимное управление, режимные меры, правила режимной деятельности. Детализацию законов осуществляют указы Президента в отношении важнейших государственно-правовых режимов. Постановления Правительства в отношении режимов, имеющих федеральное значение, акты федеральных органов исполнительной власти в отношении режимов, действующих на подведомственных им территориях или объектах.

Специальные административно-правовые режимы устанавливаются тогда, когда иные меры административно-правового регулирования не в силах обеспечить правовой порядок на должном уровне (обеспечить безопасность, нормализовать обстановку в регионе и т. д.). Некоторые правовые режимы определяются как комплексные, во-первых, это режимы в конструировании которых принимают участие несколько отраслей права - международного, конституционного, административного, финансового, муниципального, во-вторых, эти режимы затрагивают различные по характеру права и обязанности субъектов режимного регулирования. Это касается режима исключительной экономической зоны, закрытого административно-территориального образования, режима в зоне проведения антитеррористической операции.

В содержании административно-правовых режимов можно выделить правовые и организационные элементы. При проведении режимных мероприятий речь идет не об упорядочении каких-либо работ, какой-либо деятельности с позиции технологического процесса, совершенствования управления в той или иной области.

В первую очередь, преследуется цель сделать эту деятельность подконтрольной с точки зрения интересов обеспечения государством общественной безопасности, не допустить отклонений от установленного в этих интересах порядка этой деятельности, предупредить, выявить и пресечь действия, наносящие ущерб охраняемым государством интересам. Поэтому в содержании административно-правовых режимов выдвигается регламентация порядка деятельности в режимных сферах, система разрешений, регистрация определенных видов деятельности отдельных категорий лиц, обеспечивающая необходимый контроль и учет, а также прямое запрещение определенных действий, некоторых видов деятельности, также в содержании устанавливается прямое запрещение отдельных положений, и применение различных видов юридической ответственности за нарушение действующих правил, административных мер воздействия для предупреждения и пресечения нарушений при строгом соблюдении при этом установленных гарантий законных прав и интересов лиц, попавших в сферу действия того или иного режима.

В них содержится точная регламентация порядка деятельности в режимных областях, осуществляемая преимущественно путем установления правил поведения и производства работ, которые в совокупности образуют определенные параметры этой деятельности, препятствующие совершению действий в ущерб общественной безопасности (например, порядок въезда и производства работ в пограничной зоне). В соответствующих нормативно-правовых актах, которые своевременно доводятся до субъектов каждого конкретного режима, часто определяется какого рода разрешения и от какого органа требуются на осуществление того или иного вида режимной деятельности, какие действия подлежат обязательной регистрации, какие действия запрещаются без специального на то разрешения, какие виды ответственности могут последовать за нарушения режима, в каком порядке обжаловать и заявлять жалобы на действия органов государства, превышающих свои полномочия в сфере данного режима.

Таким образом, правовой контекст является юридическим содержанием всех действующих в стране административно-правовых режимов, направленных на защищаемые государством интересы общественной безопасности. Другой необходимой составной частью каждого конкретного административного режима является организационное обеспечение необходимой реализации принятых правовых норм в той или иной охраняемой области общественных отношений.

Внутренняя организационная инфраструктура, обеспечивающая точность реализации и эффективность установленных режимом правил, характерна любому виду административно-правовых режимов. Их основы составляют специально создаваемые органы с учетом содержания и особенностей того или иного административно-правового режима (органы внутренних дел, федеральная служба безопасности, пограничная охрана, и др.). Применительно к определенному режиму эти органы наделены должными полномочиями. В общем виде они состоят в том, что режимные органы в пределах своей компетенции правомочны: осуществлять контроль за соблюдением режимных правил в порученной охраняемой сфере.

Специальные административно-правовые режимы широко распространены в сфере публичного управления и отображают обилие выполняемых органами исполнительной власти задач и функций. Чем более выработана система административно-правовых средств, чем больше различных форм административной деятельности, тем важнее объединение и разграничение их по определенным, имеющим юридическое значение признакам. Классификация специальных административно-правовых режимов призвана помочь законодателю систематизировать существующий в распоряжении органов власти административно-правовой инструмент, с тем, чтобы вовремя реагировать на возникновение всевозможных нетипичных ситуаций, реализовывать адекватное и комплексное регулирование территорий и объектов, обладающих особым общественным статусом. В зависимости от подведомственности специальные административно-правовые режимы могут быть поделены на три группы - федеральные режимы, устанавливаемые и регулируемые федеральными органами власти; региональные режимы, устанавливаемые органами власти субъектов Федерации; местные режимы, устанавливаемые органами местного самоуправления на территории муниципальных образований. Отдельные виды могут присутствовать во всех трех группах (режим чрезвычайной ситуации природно-техногенного характера, режимы осо-

бо охраняемых природных территорий).

Если в качестве критерия разграничения выбрать объект-носитель режима, то выделяются: территориальные режимы

- режим закрытого административно-территориального образования, военное положение, режимы исключительной экономической зоны, континентального шельфа;

- объектные режимы - режим объекта атомной энергетики, режим водохранилища, режим придорожных полос федеральных автомобильных дорог; функционально-деятельные режимы;

- режимы деятельности органов МЧС РФ, противопожарный режим, эвакуационный режим, режимы антитеррористической операции, таможенные режимы.

Специальные административно-правовые режимы можно различать по предмету регулирования

- природоохранные режимы, режимы обеспечения государственной безопасности, режимы охраны общественного порядка.

По критерию юридических свойств режимы можно подразделить на обычные и экстраординарные.

Последние вводятся только в случае возникновения чрезвычайных ситуаций социального или природно-техногенного характера, вызванных агрессией против государства, массовыми беспорядками, стихийными бедствиями.

Экстраординарные режимы - это особые правовые режимы жизнедеятельности населения, осуществления хозяйственной и иной деятельности организациями, а также функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления на территории, где возникла угроза безопасности и которая признана зоной чрезвычайной ситуации, зоной вооруженного конфликта, зоной военных действий.

Характерными чертами экстраординарных режимов являются: использование мер, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и организаций; введение дополнительных административно-правовых обязанностей и запретов; предоставление чрезвычайных полномочий органам власти для поддержания режима; введение форм особого управления территорией, на которой установлен такой режим, включая создание временных специальных органов, перераспределение компетенции, приостановление деятельности отдельных органов государственной власти и местного самоуправления.

Среди специальных административно-правовых режимов выделяются два, наиболее важных, отмеченных в Конституции РФ, - режимы чрезвычайного и военного положения, правовое регулирование которых осуществляется федеральными конституционными законами.

Одним из основных способов, позволяющих нормализовать чрезвычайную обстановку, выходящую из-под контроля органов власти и ставящую под угрозу общественную безопасность, основы конституционного строя, представляет режим чрезвычайного положения. Его исполнение наиболее сложно, т.к. основу данного режима составляют чрезвычайные меры, ограничивающие права и свободы человека и гражданина. Однако, организация действенного управления на территории, на которой возникла чрезвычайная ситуация или введено чрезвычайное положение, является ключевым вопросом. В условиях кризисной ситуации у каждого объекта управления должен быть исключительно один субъект управления, который может оказывать на него управляющее воздействие. Подчиненность (либо отсутствие четкого указания на подчинение всех сил и средств одному субъекту, а в одинаковой степени и равенство по статусу) двум или нескольким субъектам обеспечения чрезвычайного положения снижает эффективность управления, вносит противоречие в организацию деятельности органов государственной власти и влечет за собой негативные последствия.

Хотелось бы отметить, что ограничивать сущностную сторону административно-правовых режимов урегулированием ситуаций чрезвычайного или в целом неординарного порядка сомнительно. Об этом свидетельствует как существующая практика, так и теоретические разработки. Возьмем, к примеру, режим государственной границы либо таможенный режим. И тот, и другой - не ситуационный. Их существование невозможно признать и чем-то чрезвычайным или неординарным. Речь, в данном случае, идет об особых самостоятельных сферах государственного управления. Все же маловероятно, что у кого-нибудь возникнут серьезные возражения по поводу того, что речь здесь, в самом деле, идет об административно-правовых режимах.

Из этого следует вывод о том, что ситуациями чрезвычайного или вообще неординарного порядка область проявления административно-правовых режимов далеко не исчерпывается. Остается лишь констатировать, что в вопросах сущности и определения понятия специальных административно-правовых режимов окончательной ясности пока еще нет. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Представляется целесообразным абстрагироваться от специальных административно-правовых режимов и поискать решение поставленных вопросов не только лишь в особенностях и характеристиках исходного для любого административно-правового явления феномена - государственного управления, но и прежде всего в его родовых основаниях, относящихся к природе управления в общем и социального управления в частности.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ, 04.06.2001, № 23, ст. 2277.
3. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении» // Собрание законодательства РФ, 04.02.2002, № 5, ст. 375.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.03.2021) // Собрание законодательства РФ, 01.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
5. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ, 26.12.1994, № 35, ст. 3648.
6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2.

7. Бахрах Д.Н. Административное право. М., 1993.
8. Безруков А.В. Федеральная Конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечении правопорядка в России // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 2 - 5.
9. Горленко В.А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
10. Дивин И.М. К вопросу об определении понятия «административная ответственность» // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 25
11. Зиборов О.В. Статическое и динамическое проявления административно-правового режима военного положения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 16-21.
12. Кисин В.Р. Некоторые суждения по поводу Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 37 - 42.
13. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 7-е изд. СПб.: Питер, 2006.
14. Комовкина Л.С., Кропачева А.В. Административно-правовые меры и ограничения, вводимые в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 60-65.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.
2. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 30.05.2001 (as amended on 03.07.2016) "On the state of Emergency" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 04.06.2001 No. 23, Article 2277.3.
3. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 30.01.2002 (as amended on 07/01/2017) "On Martial Law" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02/04/2002, No. 5, Article 375.
4. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 03/27/2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (part 1), art. 1
5. Federal Law No. 68-FZ of 12/21/1994 (as amended on 12/28/2020) "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-made Emergencies" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/26/1994, No. 35, Article 3648.6.
6. Federal Law No. 390-FZ of 12/28/2010 (as amended on 11/19/2020) "On security" // Collection of legislation of the Russian Federation, 03.01.2011, No. 1, Article 2.
7. Bakhrah D.N. Administrative law. M., 1993.
8. Bezrukov A.V. The Federal Constitution and constitutional laws in the system of constitutional legislation and law enforcement in Russia // The Russian justice system. 2015. No. 10. pp. 2-5.
9. Gorlenko V.A. The regime of legal regulation (theoretical and applied aspect): abstract of the thesis ... cand. Jurid. Sciences. St. Petersburg., 2002.
10. Divin I.M. On the question of defining the concept of "administrative responsibility" // Administrative law and process. 2013. No. 10. p. 25
11. Ziborov O.V. Static and dynamic manifestations of the administrative-legal regime of martial law // Legal science and law enforcement practice. 2015. No. 1. pp. 16-21.
12. Kisin V.R. Some judgments about the Concept of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation // Administrative law and Process. 2020. No. 2. pp. 37 - 42.
13. Komarov S.A. General theory of state and law: textbook. 7th ed. St. Petersburg: St. Petersburg, 2006.
14. Komovkina L.S., Kropacheva A.V. Administrative and legal measures and restrictions imposed in emergency situations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 5. pp. 60-65.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_208

РОССИЙСКИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ: ПОПЫТКА ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Russian non-governmental universities: an attempt at an objective assessment of the current state and performance

ТАРАКАНОВ Александр Валериевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного права и дисциплин

ЧУ ВО «Институт государственного администрирования».

Ленинский пр-т., 80, г. Москва, 119261, Россия.

E-mail: orlov.stolica@mail.ru;

TARAKANOV Alexander Valeryevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Public Law Discipline

CHU VO "Institute of Public Administration".

80 Leninsky Ave., Moscow, 119261, Russia.

E-mail: orlov.stolica@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена проблеме объективной оценки деятельности частных высших учебных заведений. Рассматриваются показатели материально-технического, финансового, кадрового обеспечения негосударственных вузов, проблемы сохранения ими позиций на рынке образовательных услуг в условиях конкуренции с государственными. Выявлены характерные особенности кадровой и образовательной политики частных вузов, показана актуальность университетских рейтингов и мониторингов как инструментов объективной оценки деятельности вузов, проведен сравнительный анализ деятельности государственных и частных вузов г. Москвы. Автором предложены рекомендации по совершенствованию механизма управления частными вузами, направленные на улучшение их учебной, научно-исследовательской и воспитательной работы, а также финансово-экономической деятельности.

Abstract. The article is devoted to the problem of objective assessment of the activities of private higher educational institutions. The indicators of material, technical, financial, and personnel support of non-state universities, as well as the problems of maintaining their positions in the market of educational services in conditions of competition with state ones, are considered. The characteristic features of the personnel and educational policies of private universities are revealed, the relevance of university ratings and monitoring as tools for objective assessment of the activities of universities is shown, and a comparative analysis of the activities of public and private universities in Moscow is carried out. The author has proposed recommendations for improving the management mechanism of private universities, aimed at improving their educational, research and educational work, as well as financial and economic activities.

Ключевые слова: высшая школа, частные вузы, конкуренция, рейтинг, мониторинг, образовательная деятельность, научные исследования, финансирование, кадровое обеспечение, карьера.

Key words: higher school, private universities, competition, rating, monitoring, educational activities, scientific research, financing, staffing, career.

Для цитирования: Тараканов А.В. Российские негосударственные вузы: попытка объективной оценки современного состояния и результатов деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 208-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_208.

For citation: Tarakanov A.V. Russian non-governmental universities: an attempt at an objective assessment of the current state and performance // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 208-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_208.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение и постановка задачи исследования. В условиях постиндустриальной экономики одним из ключевых факторов развития является человеческий капитал [1]. Важную роль в его формировании играет высшее образование [2].

В национальных системах высшего образования развитых стран значимую роль наряду с государственными играют частные вузы. Так, в США насчитывается более 4000 вузов, из них 65% – негосударственные. При этом многие из них занимают верхние позиции в ведущих мировых университетских рейтингах – университеты Гарвардский, Йельский, Массачусетский технологический институт и др. [3]. В Великобритании число вузов существенно меньше – около 700, абсолютное большинство из них являются публичными - государство финансирует от 30 до 90% их бюджета, лишь несколько вузов получают финансирование от частных лиц. Однако 74% наиболее авторитетных судей, 61% самых успешных и высокооплачиваемых врачей, 51% наиболее известных журналистов Великобритании получали образование в частных университетах. В Германии, называемой «локомотивом европейской экономики», первый частный университет был создан в 1982 г., однако к настоящему времени их число достигает 113 [3]. Таким образом, негосударственный сектор высшего образования играет значимую роль в кадровом обеспечении национальных экономик развитых стран.

В новейшей истории России первые негосударственные вузы появились в 1994 г., пройденный ими за 30 лет путь не был простым. За периодом интенсивного «стартового роста» последовал дефолт 1998 г., подорвавший платежеспособность населения, что стало серьезным потрясением для учреждений, основной вид деятельности которых - образовательные услуги. После десятилетия относительной стабильности в «благополучные нулевые» Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки РФ) стало реализовывать политику «ликвидации слабых звеньев» в высшей школе, негосударственный сегмент которой в результате сократился наполовину. В настоящее время в РФ продолжают деятельность более 220 частных вузов, из них около 70 - в Москве. В сложившихся обстоятельствах актуален вопрос о месте негосударственных вузов в российской системе высшего образования и их роли в подготовке кадров для формирующейся инновационной национальной экономики.

В связи с изложенным *задачей исследования* является анализ:

- современного состояния отечественной частной высшей школы и проблем ее ресурсного обеспечения;

- объективных показателей деятельности частных вузов по различным направлениям (учебное, научно-исследовательское, экономическое и др.).

Проблемы ресурсного обеспечения российских частных вузов. *Студенческий контингент* является важнейшим ресурсом любого вуза, а в особенности – негосударственного. От численности обучающихся зависит статус вуза: так, право называться университетом имеет вуз, реализующий образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования по множественным направлениям подготовки и выполняющий фундаментальные и прикладные научные исследования по широкому спектру наук [4]. Очевидно, количество направлений подготовки и широта спектра научных исследований напрямую связаны с численностью студентов. Кроме того, штатное расписание любого вуза рассчитывается исходя из величины контингента обучающихся. Наконец, бюджет частных вузов практически полностью формируется за счет платы, вносимой студентами за обучение. Сведения о численности обучающихся в частных вузах РФ приведены в таблицах 1, 2. Для большей наглядности данные представлены в сравнении с государственными вузами. Табличные материалы позволяют заключить следующее:

1. Наиболее интенсивно число частных вузов увеличивалось в 1995-2000 гг. – в среднем более чем на 17% в год, или на 85,5% за 5 лет – табл.1, строка 6, жирный шрифт. Максимум показателя (462 вуза) был достигнут в 2010 г. - табл.1, строка 5, жирный шрифт. В этом же году отмечен максимум общей численности студентов платной формы обучения – более 4,4 млн. чел., при этом число «платников» превысило число «бюджетников» в 1,69 раза – таблица 1, строки 11,13, жирный шрифт. При этом в частных вузах контингент обучаемых также достиг максимума (1,2 млн. чел.) – табл. 2, строка 8, жирный шрифт. Эти показатели – прямой результат необдуманной коммерциализации образования в условиях перехода к рыночной модели экономики, данная проблема подробно рассматривается в работе [5]. Как следствие, даже в государственных вузах студентов-«платников» в 2010-2015 гг. обучалось больше, чем «бюджетников» - табл.2, строка 6, жирный шрифт.

2. Даже на пике своего развития частные вузы сильно проигрывали по масштабу государственным - средняя численность студентов в них составляла в 2005-2010 гг. около 9 тыс. студентов на вуз, а в частных – всего 2,6 тыс., т.е. в 3,5 раза меньше (табл.2, строки 3, 9, жирный шрифт). В целом же за все время своего существования негосударственные вузы РФ смогли увеличить показатель в 2,4 раза - от 700 до 1,7 тыс. чел. на вуз, однако это в 4,4 раза меньше, чем в государственных вузах – 7,5 тыс. чел. Как следствие, подавляющее большинство частных вузов имеют статус институтов, и лишь немногие получили право называться университетами либо академиями: Университет «Синергия» (более 43 тыс. студентов), Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУЭ - 12 тыс.), Московская финансово-юридическая академия (МФЮА - 11,6 тыс.), Российский новый университет (РосНОУ – 9,8 тыс.), Московская международная академия (ММА - 8,5 тыс.) и др. Заметим, что в перечисленных пяти вузах обучается более 85 тыс. студентов, что составляет более 20% контингента 2022 г. (385 тыс. чел. – табл. 2, строка 8). С учетом этого средняя численность обучающихся в остальных 117 частных вузах уменьшается до 1,4 тыс. чел. Для большинства из них значение показателя составляет около 700 чел. – так, в Краснодарском крае треть частных вузов работают с контингентом менее 500 чел. [6]. Малое число студентов ограничивает спектр направлений подготовки: не более 15 % частных вузов России реализуют 10 и более образовательных программ, а у 75 % вузов их значение показателя лежит в пределах от 3 до 9 [7].

3. Более 97% студентов частных вузов (375 тыс. из 385 тыс.) обучается на платной основе - табл.2, строки 8, 10. Места в пределах Контрольных цифр по приему стали выделяться им после 2005 г., однако прием студентов-«бюджетников» ведут только 6% негосударственных вузов, которые получают лишь около 0,5% от общего числа бюджетных мест. Как следствие, численность студентов-«платников» частных вузов составляет 21% от аналогичного показателя государственных вузов, а в 2010 г. соотношение доходило почти до 40% - табл. 2, строка 13, жирный шрифт. В условиях рыночной экономики такая ситуация создавала повод для конкуренции за платный контингент, но разрешалась она нерыночными способами. Реализуемая после 2010 г. политика Минобрнауки, направленная на повышение качества высшего образования, предполагала концентрацию ресурсов за счет сокращения числа вузов и увеличения их масштаба. Однако процесс сокращения затронул в основном негосударственные вузы – в 2015-2020 гг. их число уменьшилось на 41,8%, т.е. в среднем на 10% в год. В то же время показатель для государственных вузов был в 6,7 раза ниже - 6,2%, или 1,2% в год (табл.1, строки 4, 6). Как следствие, с 2010 по 2022 г. число государственных вузов сократилось с 653 до 500 (на 25%), а частных – с 462 до 222, т.е. более чем вдвое (табл. 1, строки 3,5). Это создает условия для перенаправления в государственные вузы потока абитуриентов, изначально ориентированных на платное обучение.

Говоря о контингенте обучающихся, нельзя обойти стороной аспект мотивации, а именно: каковы побудительные мотивы молодежи к поступлению в частные вузы и какова их удовлетворенность сделанным выбором? Исследованиями установлено, что тремя основными факторами для абитуриентов частных вузов являются: а) умеренная стоимость обучения, б) возможность поступления на основе багажа школьных знаний (без привлечения репетиторов), в) рекомендации родителей и друзей. Для поступающих в государственные вузы доминирующими факторами выступали: а) перспектива получения качественного образования, б) престиж выбранного вуза, в) рекомендации родителей. Характерно, что для абитуриентов частных вузов престиж вуза и котировки выдаваемого им диплома на рынке труда имели наименьшее значение. Для контингента частных вузов характерен высокий уровень удовлетворенности сделанным выбором: 56% полностью удовлетворены выбором вуза, скорее да, чем нет – 31%, скорее нет, чем да – 7% и совершенно не удовлетворены лишь 6% студентов. В отношении выбранного направления подготовки соответствующие значения показателей равны 56%, 25%, 13% и 6% соответственно [8]. Высокие показатели удовлетворенности студентов обучением в вузе во многом зависят от того, насколько компетентны и профессиональны преподаватели в нем. Перейдем к рассмотрению кадрового обеспечения частной высшей школы.

Кадровый потенциал частных вузов. Информация о профессорско-преподавательском составе (ППС) вузов содержится в статистических сборниках «Индикаторы образования», последний из них выпущен в 2024 г. и приводит данные на начало 2022/23 уч. года [9]. В таблице 3

представлены основные сведения о ППС частных и государственных вузов. Из табличных материалов видно, что процентная доля ППС в общей структуре работников частных вузов существенно выше, чем государственных - 52,7% и 41% соответственно (строка 6). То, что ППС составляют более половины персонала частных вузов, объясняется тем, что их бюджет формируется в основном за счет оплаты за обучение – отсюда приоритет работников, непосредственно занятых проведением учебного процесса. Незначительно различаются процентные доли по руководящим работникам (6,5% и 5,2% - строка 2), а по научным работникам они практически совпадают (около 4%). Доля административно-хозяйственных работников (АХР – строка 5) в частных вузах несколько выше, чем в государственных, а учебно-вспомогательного персонала (УВП – строка 6) - ниже. Отмеченные различия могут быть объяснены фактором масштаба - государственные вузы в среднем в 4,4 раза крупнее частных, соответственно удельный вес управленцев и администрации в них меньше. Напротив, удельный вес УВП в государственных вузах выше, т.к. практически все они имеют специализированные лаборатории и приборы, обслуживаемые данной категорией работников. Частные же вузы работают преимущественно с экономическими и юридическими направлениями и достаточно редко – с инженерно-техническими, соответственно, их потребность в УВП существенно меньше.

Негосударственные вузы более активно привлекают к работе внешних совместителей – ими укомплектовано 25% персонала, а в государственных вузах - лишь 15% (строка 1). Чаще всего совместители занимают должности научных работников (в частных вузах – 29%, в государственных – 37%) и ППС (38% и 22% соответственно) – строки 3, 6. Из-за меньшего размера зарплат негосударственные вузы испытывают определенные сложности с привлечением на работу штатных сотрудников, однако проводимая с 2020 г. Минобрнауки политика парадоксальным образом способствовала решению проблемы их кадрового обеспечения. Курс на омоложение корпуса ППС в государственных вузах привел к масштабным увольнениям преподавателей в возрасте 65+, чаще всего – путем отказа в продлении истекающего срока контракта. Многие лишившиеся работы ППС смогли трудоустроиться в частных вузах, компенсируя меньший размер зарплаты получаемой пенсией [10, с. 118-130]. Для справки – в 2000 г. доля внешних совместителей среди ППС в государственных вузах составляла 19%, т.е. почти за четверть века изменилась незначительно, а в частных – 193%, т.е. уменьшилась пятикратно.

Структура ППС в частных и государственных вузах практически совпадает (строки 7-14), самая многочисленная категория работников – доценты, составляющие около половины преподавательского корпуса. Профессора занимают нишу примерно в 13-14% в вузах обоих типов, а старшие преподаватели – в 17-20%. Для частных вузов характерна очень малая доля ассистентов – всего 1,1%. Данная категория ППС не имеет ученых степеней и званий и является самой низкооплачиваемой, на этих должностях чаще работают молодые сотрудники, которых охотно принимают на работу государственные вузы, обещая им перспективы быстрого профессионального роста. Кадровая проблема в значительной степени имеет финансовую природу, рассмотрим соответствующий компонент ресурсного обеспечения вузов.

Финансовое обеспечение частных вузов. Финансовые возможности вуза можно оценить по объему денежных средств в расчете на одного обучающегося. Численность студентов известна (см. табл. 2), сведения о финансовом обеспечении высшей школы приводит источник [9]. Произведем необходимые расчеты и сведем результаты в табл.4.

Таблица 4. Показатели финансирования частных и государственных вузов РФ в 2022 г.

№ п/п	Показатель	Всего		Образование		Наука	
		млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
1	Государственные вузы						
1.1	Объем финансирования	1160,5	100	812,2	100	152,7	100
1.2	В т.ч. - бюджетные средства	665,0	57,3	523,1	64,4	74,2	48,6
1.3	Средства организаций	148,5	12,8	27,6	3,4	70,1	45,9
1.4	Средства населения	275,0	23,7	228,2	28,1	4,1	2,7
1.5	Внебюджетные фонды	41,8	3,6	3,2	0,4	3,5	2,3
1.6	Иностранные источники	30,2	2,6	30,1	3,7	0,8	0,5
2	Частные вузы						
2.1	Объем финансирования	72,9	100	50,6	100	12,7	100
2.2	В т.ч. - бюджетные средства	16,0	21,9	3,5	7,0	7,6	59,4
2.3	Средства организаций	14,4	19,7	5,6	11,1	4,4	34,4
2.4	Средства населения	41,8	57,4	40,6	80,2	0,4	2,8
2.5	Внебюджетные фонды	0,4	0,5	0,3	0,6	0,3	2,5
2.6	Иностранные источники	0,4	0,5	0,6	1,1	0,1	0,9

Составлено автором на основании данных источника [9]

Табличные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Коммерциализация образования оказывает заметное влияние на государственные вузы – их финансирование осуществля-

ется за счет государства примерно на 60% (57% - госбюджет и 3% - внебюджетные фонды), остальные средства зарабатываются ими самостоятельно. В свою очередь, частные вузы не являются полностью финансово независимыми – около 22% финансирования они получают от государства.

2. Бюджетные средства составляют лишь 7% от расходов на ведение образовательной деятельности частными вузами. Финансирование осуществляется в рамках выделяемых контрольных цифр по приему. При этом даже крупные университеты получают не более 100-150 бюджетных мест: РосНОУ – 131, Университет «Синергия» - 105 и т.д. В большинстве же случаев число мест не превышает 50-60: Российская экономическая школа – 55 мест, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского – 43 места, Институт современного искусства – 26 мест и т.д. [11]. В государственных же вузах проведение учебного процесса на 64% обеспечивается за счет госбюджета. Механизм финансирования – сметный, т.е. денежные средства начисляются исходя из численности обучаемых с учетом сложности реализуемых вузом направлений подготовки.

3. В бюджете частных вузов расходы на образование составляют 69,4%, расходы на науку – 17,5%, прочие расходы – 13,1%. Соответствующие значения для государственных вузов – 70%, 13,2% и 16,8%, т.е. существенных различий в структуре расходов не наблюдается. Обращает на себя внимание то, что частные вузы около половины получаемых из бюджета средств (7,6 из 16 млрд. руб.) направляют на обеспечение научной деятельности, «закрывая» тем самым 60% расходов по этой статье. Финансирование научно-исследовательских работ (НИР) в частных вузах за счет государства обеспечивается участием в конкурсах грантов, организуемых Минобрнауки, Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), Российским научным фондом (РНФ), Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и пр.

С учетом численности студентов расчетная сумма расходов на обучение одного студента в частных вузах составляет в среднем 189,2 тыс. руб., а в государственных вузах – 309,9 тыс. руб., показатели разнятся в 1,64 раза. Следует признать, что на текущем этапе развития рыночной модели национальной экономики российские вузы не могут существовать без государственной поддержки. При этом в части доступа к бюджетному финансированию и другим госресурсам государственные вузы находятся в несравнимо лучшем положении, чем частные, как следствие, конкурентоспособность последних снижается [12]. Рассмотрим, каким образом отмеченные особенности ресурсного обеспечения частных вузов отражаются на результатах их деятельности.

Деятельность частных вузов в зеркале мониторинга Минобрнауки. Представители частной высшей школы достаточно противоречиво оценивают ее текущее состояние и перспективы дальнейшего развития. Так, в Западной Сибири ими диагностируются признаки угасания негосударственного сектора высшего образования - его состояние характеризуется как «прошлое без определенного будущего» [3]. Напротив, их коллеги в Краснодарском крае видят реальные перспективы для данного сектора, считая динамику его развития в регионе сравнимой с Москвой, Санкт-Петербургом и Казанью. Активно развиваются частные вузы в Екатеринбурге, Уфе, Волгограде [6]. Т.е. как минимум в Центральном, Северо-Западном, Южном, Приволжском и Уральском федеральных округах ситуация не является критической. На деятельность частных вузов оказывает влияние множество факторов – экономических, политических, социально-культурных, демографических и пр. [13], рассматривать их все в формате данной работы не представляется возможным. При анализе успешности деятельности вузов необходимо опираться на объективные количественные показатели, используя метрологический подход, что позволяет существенно повысить точность оценок [14]. Таковыми могут являться, например, результаты университетских рейтингов: среди отечественных наиболее авторитетными являются «RAEX-100» (Сто лучших российских университетов) и «Три миссии университета» (ТМУ). Особенность данных рейтингов - их соответствие международным аналогам, в частности – рейтингам «большой тройки» [15]. В расчетах рейтингового функционала они используют комплекс показателей, отражающих различные направления деятельности вузов – учебной, научной, воспитательной и др. Для частных вузов достойное место в рейтинге особенно важно, поскольку исследованиями установлена тесная корреляционная связь между положением университетов в авторитетных рейтингах и стоимостью оказываемых ими образовательных услуг [16]. Причем выявленная закономерность проявляется не только для российских вузов, но и для ведущих мировых университетов [17]. Однако в рейтинге «RAEX-100» присутствует лишь один негосударственный университет – РосНОУ, а рейтинг ТМУ рассматривает не только российские вузы – в 2023 г. в него вошло более 2 тыс. университетов из 112 стран мира. Предпочтительнее работать с источником, сосредоточенным на оценке российских вузов - как государственных, так и частных.

Апробированным инструментом оценки эффективности деятельности вузов является мониторинг Минобрнауки, проводимый с 2013 г. В нем отражаются образовательная (ОД), научно-исследовательская (НИД), международная (МД), финансово-экономическая деятельность (ФЭД) и средняя зарплата ППС (ЗП), а также дополнительный показатель (ДП) – наличие ученых степеней и званий у ППС. Единицы измерения показателей по различным направлениям деятельности следующие: а) ОД – средний балл ЕГЭ у зачисленных на первый курс, б) НИД – объем НИОКР на одного научно-педагогического работника (НПР), в) МД – процентная доля иностранных студентов, г) ФЭД – доходы вуза в расчете на одного НПР, д) ЗП – процентное соотношение зарплаты ППС и средней зарплаты по экономике региона, е) ДП – число ППС, имеющих ученую степень, в расчете на 100 студентов. В силу разнородности перечисленных величин эффективность деятельности конкретного вуза не может быть оценена по интегральному показателю, подобному рейтинговому функционалу RAEX-100 и ТМУ. Оценка производится по отношению к медианным значениям, рассчитанным для РФ в целом, для региона, в котором располагается вуз, а также для вузов одинаковой ведомственной принадлежности. Соответствующие медианные значения приведены в таблице 5, составленной на основании материалов источника [18].

Табличные данные свидетельствуют, что практически по всем направлениям деятельности показатели столичных вузов существенно выше, чем по РФ в целом, особо значителен разрыв по НИД и ФЭД - на 143% и 71% соответственно (строки 1, 4, жирный шрифт). Исключение составляет лишь зарплата ППС, которая в Москве оказывается даже на 2% ниже, чем в среднем по России (строка 5, курсив). Также можно видеть отставание частных вузов от государственных по большинству направлений, в особенности – по МД (на 79%), а также зарплате ППС (на 29%) - строки 3, 5, жирный шрифт. Однако по НИД и «остепенности» ППС частные вузы опережают государственные на 2% и 6% соответственно – строки 2, 6, курсив.

В настоящем разделе статьи не представляется возможным рассмотреть ситуацию по РФ в целом – для этого необходимо провести отдельное исследование. Пока же проведем анализ в масштабах Москвы – крупнейшего субъекта федерации с наивысшей концентрацией вузов. Результаты мониторинга 2023 г. говорят о следующем: в столице работают 143 вуза, в т.ч. 74 государственных и муниципальных и 69 частных – доли от целого составляют 52 и 48% соответственно. Всего в них обучаются 835,4 тыс. студентов, из них 75,2% – в государственных вузах и 24,8% – в частных. Контингент студентов-очников составляет 554,2 тыс. чел., или 66,3% от общей численности обучающихся [18]. Из приведенных данных следует, что в среднем контингент студентов московского частного вуза в 2,8 раза меньше государственного (по РФ в целом – 4,4, т.е. в столице разрыв по масштабу существенно меньше). Также можно отметить высокую концентрацию частных вузов в столице – в ней находится 31% от их общего количества (69 из 222), в то время как государственных – лишь 15% (74 из 500). Сравним показатели деятельности, сформировав 2 выборки, содержащих по 11 государственных и частных вузов, т.е. примерно по 15% от общего числа вузов каждого типа (эмпирически установленное минимальное значение показателя 10%) – таблица 6. Случайный характер формирования выборок предопределил присутствие в них как крупных университетов – МГУ им. Ломоносова, Синергии и пр., так и небольших вузов – Института государственного администрирования (ИГА), Института бизнеса и дизайна (ИБД) и др. Кроме того, в обеих выборках представлены вузы различной специализации – экономические, юридические, технические, технологические и пр. Расчетные статистические характеристики табличных данных показывают, что почти по всем направлениям деятельности варьированность анализируемых признаков очень высока в обеих выборках – так, коэффициенты вариации для НИД равны 88% у государственных вузов и 179% у частных, соответствующие значения для МД составляют 36% и 90%, а для ДП – 55% и 146% и т.д. Эти значения существенно превышают пороговое, при котором выборка может считаться однородной (30%), в этих условиях расчет интервальных оценок не имеет смысла. Исключение составляет ОД, для которой коэффициенты вариации равны 10% у государственных и 18% у частных вузов. Выборочные средние значения показателя составляют 73,8 и 69,5 баллов, а границы доверительных интервалов – 69,0+78,6 баллов и 61,3+77,5 баллов соответственно (при доверительной вероятности 0,95). Таким образом, разница в результатах ЕГЭ у зачисленных на обучение в государственные и частные вузы не слишком значительна и составляет для выборочных средних около 6%, верхние границы доверительных интервалов практически совпадают, а значение нижней границы у частных вузов 11% меньше.

По остальным показателям деятельности сравнение на основе интервальных оценок не будет корректным – ввиду неоднородности выборок, в этих условиях возможен следующий подход. Объединим выборки и произведем стратификацию полученного массива данных, в простейшем случае он разобьется на 2 страты – верхнюю и нижнюю (с более высокими и с худшими показателями). По каждому из шести направлений деятельности будут сформированы группы из «11 опережающих» и «11 отстающих» вузов. По количеству вузов различного типа в верхней страте можно будет судить об их успешности на разных направлениях деятельности: если показатели частных вузов будут существенно хуже, чем государственных, то они окажутся сосредоточенными преимущественно в группе «11 отстающих». Сведения о частных вузах, вошедших в группу «11 опережающих» по различным направлениям деятельности, представлены в табл.7.

Из табличных данных видно, что частота вхождения в верхнюю страту частных и государственных вузов примерно одинакова. При этом позиции государственных вузов несколько сильнее по направлениям ОД, НИД и МД, а частных – по ФЭД, ЗП и ДП. Преимущество государственных вузов по ОД и НИД предсказуемо и объясняется существенно большим объемом финансирования в расчете на одного студента, достигаемым за счет бюджетной поддержки. Относительно же МД следует иметь в виду, что подавляющее большинство иностранных студентов является гражданами стран СНГ, которые изначально ориентированы на получение дипломов государственных вузов РФ, высоко котирующихся на их родине. Лучшие показатели частных вузов в ФЭД также предсказуемы, т.к. они в условиях минимальной бюджетной поддержки существуют (а точнее – выживают) за счет именно этого вида деятельности. – см. табл. 4. Преимущество частных вузов по ДП в значительной степени обеспечено политикой Минобрнауки по омоложению преподавательского корпуса. Как отмечалось выше, многие ППС возрастной категории 65+ (как правило, все они имеют ученые степени), лишившись работы в государственных вузах, трудоустроились в частные вузы, существенно повысив в них показатель «остепененности». Более высокий уровень зарплаты в частных вузах Москвы – вопрос спорный и требующий уточнения на выборках большего объема (по РФ в целом государственные вузы по данному показателю опережают частные на 29% – см табл.6, строка 5). Также следует отметить, что каждый из 11 представителей выборки частных вузов хотя бы единожды вошел в группу опережающих, причем 5 вузов – по 4 и более раз. При этом наряду с таким «тяжеловесом» как Синергия в их числе – ИБД с контингентом около 1000 студентов. Масштаб вуза не является определяющим фактором при продвижении на более высокие позиции – так, одинаковую частоту вхождения в группу опережающих имеют РосНОУ и ИГА, численность обучающихся в котором меньше на порядок. Таким образом, результаты мониторинга Минобрнауки свидетельствуют, что у частных вузов Москвы не выявляется значительного отставания от государственных по основным направлениям деятельности.

Заключение. Частные вузы пережили сложный период 2010-2020 гг., связанный с проводимыми Минобрнауки преобразованиями высшей школы. В настоящее время продолжают деятельность 222 вуза данного типа, что составляет менее половины от существовавших в 2010 г. Сохранившиеся вузы смогли найти адекватные ответы на вызовы времени и укрепить свои позиции в российском образовательном поле. В частных вузах обучается более 385 тыс. студентов (9,5% от общей численности), из них только около 10 тыс. – на местах, финансируемых из госбюджета. Ограниченные возможности доступа к средствам государственной поддержки являются серьезной проблемой частных вузов. Как следствие, сумма располагаемых денежных средств в расчете на одного студента (189,9 тыс. руб.) у них в 1,64 раза меньше, чем у государственных вузов (309,9 тыс. руб.). Тем не менее, результаты мониторинга Минобрнауки РФ 2023 г. свидетельствуют, что в Москве результаты деятельности частных вузов близки к показываемым государственными вузами. При этом показатели частных вузов по научно-исследовательской работе и по наличию ученых степеней у ППС были даже несколько лучше, чем у государственных. Одна из причин успеха

негосударственных вузов на данных направлениях деятельности - проводимая ими кадровая политика: многие ППС возрастной категории 65+, потерявшие работу в государственных вузах в ходе мероприятий по омоложению преподавательского корпуса, были приняты в штат частных вузов. Эти работники, имеющие большой профессиональный и жизненный опыт (практически все - с учеными степенями и званиями) еще далеко не исчерпали свой человеческий потенциал. Малый формат большинства частных вузов (средняя численность студентов в них в среднем в 4,4 раза меньше, чем в государственных) существенно ограничивает возможности реализации ими масштабных проектов – издания собственных журналов из списка ВАК (не говоря уже о Scopus), организации международных конференций, создания отраслевых исследовательских лабораторий и пр. В этой связи актуальным представляется развитие межвузовской кооперации в негосударственном сегменте высшей школы. Результатом кооперации может стать создание кластерных структур с преобладанием «горизонтальных» связей между вузами-участниками, не утрачивающими своего самостоятельного статуса. Преимущества кластерной организации (фактор масштаба, снижение издержек, продвижение инноваций, разумное сочетание сотрудничества и конкуренции) способны существенно повысить эффективность деятельности частных вузов.

Библиография:

1. Комаров А.В. Роль образования в формировании человеческого капитала в современной России // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2017. №3. С. 83-88; Орлов В.В. Концептуальные основы проекта доктрины человеческого капитала Российской Федерации: основные барьеры и угрозы реализации // Социально-экономические, правовые и психолого-педагогические аспекты управления человеческим капиталом: вопросы теории и практики. Сборник статей. М., 2016. С. 84 – 96.
2. Орлов В.В. От элитного к массовому высшему образованию: приобретения и потери // Коммуникативные основания развития высшего образования: проблемы повышения качества обучения и компетентности выпускников. М.: РАНХиГС, 2016; Он же. Исторический опыт развития российской высшей школы в XX-XXI вв. // Государственная и частная высшая школа России в 1917-2017 гг.: вызовы и уроки столетия. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2017. С. 35-64; Он же. Качественное высшее образование – инвестиции в будущее // Качественное высшее образование – надежные инвестиции в будущее. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019. С. 79 – 87; Он же. Проблемы развития высшего образования и науки в эпоху цифровизации экономики и пути ее решения // Актуальные проблемы образования и науки в эпоху цифровизации экономики и пути ее решения: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2020. С. 61-77; Орлов В.В., Таточенко А.Л. Болонская система (процесс) в России: реализация, проблемы и решения // Проблемы гуманизации и суверенизации российской системы высшего образования: реформы, результаты, перспективы. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 70-84.
3. Tatochenko A., Tatochenko I., Chernegov N., Poletaeva L. Analysis of the potential of Russian universities due to the Project 5-100 implementation. В сборнике: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021; Казанцев Ю.И. Негосударственные вузы в Западной Сибири: прошлое без определенного будущего // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6. № 1. С. 76-80.
4. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.02.2012). Ст. 9 – «Виды и наименования высших учебных заведений»
5. Орлов В.В., Скрынченко Б.Л., Таточенко А.Л. Российская система высшего образования: основные количественные характеристики современного состояния // Образование и право. 2023. № 3. С. 137-148.
6. Нетребко Е.Н. Негосударственные вузы на рынке образовательных услуг Краснодарского края // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 2. С. 365-375.
7. Бессолицын А.А. Коммерческое образование в России: исторический опыт и современное состояние // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 4. С. 600-622.
8. Нетребко Е.Н., Хлабыстова Н.В. Социокультурные факторы, определяющие стратегию поведения поступающих негосударственных вузов Краснодарского края // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 2. С. 1.
9. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы образования – 2024. Статистический сборник. Москва. НИУ ВШЭ. 2024. 415 с.
10. Высшее образование в России: основные этапы и перспективы развития: коллективная монография / А.В. Тараканов, В.В. Орлов, А.Л. Таточенко и др.; Под ред. В.В. Орлова. М.: Юстицинформ, 2024. 282 с.
11. Справочно-информационный портал «Поступи онлайн» [электронный ресурс]. Режим доступа <https://postupi.online/vuzi/vuzgosnet/?ysclid=lwq976wttat725108872>
12. Петров В.Н. Сектор негосударственного высшего образования: проблемы функционирования и стимулы развития // Провинциальные научные записки. 2019. № 1 (9). С. 6-10.
13. Кураев А.Н., Теплая Н.А., Баскаков В.А., Ишмаева О.В., Таточенко А.Л. Анализ показателей естественного движения населения и внешней миграции в аспекте демографических проблем Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 116-122.
14. Положенцева И.В., Сурай Н.М., Таточенко А.Л., Сморгачева В.П., Гордеев И.А. Метрологический подход к анализу результатов университетских рейтингов: метод опорных точек шкалы как инструмент повышения точности прогнозных оценок // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. С. 54-62.
15. Таточенко А. Мировой рынок образовательных услуг: соответствие российских рейтингов университетов международным аналогам // Финансовая жизнь. 2014. № 1. С.33-40.
16. Таточенко А., Таточенко И. Экономическая деятельность российских вузов: рейтинговые оценки как индикатор стоимости образовательных услуг // Финансовая жизнь. 2014. № 1. С. 41-45.
17. Таточенко И., Таточенко А. Анализ связи стоимости обучения в ведущих мировых университетах с рейтинговыми оценкам их деятельности // Финансовая жизнь. 2013. № 3. С. 53-58.
18. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. Размещено на официальном сайте Главного информационно-аналитического центра Российского технологического университета [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vro&ysclid=lwu0vjpb585874350>

References:

1. Komarov A.V. The role of education in the formation of human capital in modern Russia // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2017. No.3. pp. 83-88; Orlov V.V. Conceptual foundations of the draft doctrine of human capital of the Russian Federation: main barriers and threats to implementation // Socio-economic, legal, psychological and pedagogical aspects of human capital management: issues of theory and practice. Collection of articles. M., 2016. pp. 84-96.
2. Orlov V.V. From elite to mass higher education: gains and losses // Communicative foundations of higher education development: problems of improving the quality of education and competence of graduates. Moscow: RANEP, 2016; On. Historical experience of the development of Russian higher education in the XX-XXI centuries. // State and private higher school of Russia in 1917-2017: challenges and lessons of the century. Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2017. pp. 35-64; The same. High-quality higher education is an investment in the future // High-quality higher education is a reliable investment in the future. Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2019. pp. 79-87; The same. Problems of development of higher education and science in the era of digitalization of the economy and ways to solve it // Actual problems of education and science in the era of digitalization of the economy and ways to solve it: a collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference. 2020. pp. 61-77; Orlov V.V., Tatochenko A.L. The Bologna System (process) in Russia: implementation, problems and solutions // Problems of humanization and sovereignty of the Russian higher education system: reforms, results, prospects. Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and practical conference. Moscow, 2022. pp. 70-84.
3. Tatochenko A., Tatochenko I., Chernegov N., Poletaeva L. Analysis of the potential of Russian universities due to the Project 5-100 implementation. In the collection: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021; Kazantsev Yu.I. Non-governmental universities in Western Siberia: the past without a definite future // Interexpo Geo-Siberia. 2017. Vol. 6. No. 1. pp. 76-80.
4. Federal Law No. 125-FZ of 08/22/1996 (as amended on 12/03/2011) "On Higher and Postgraduate Professional Education" (with amendments and additions, effective from 02/01/2012). Article 9 – "Types and names of higher educational institutions"
5. Orlov V.V., Skrynchenko B.L., Tatochenko A.L. The Russian system of higher education: the main quantitative characteristics of the current state // Education and law. 2023. No. 3. pp. 137-148.
6. Netrebko E.N. Non-state universities in the educational services market of the Krasnodar Territory // Electronic network polythematic journal "Scientific works of KubSTU". 2019. No. 2. pp. 365-375.
7. Bessolitsyn A.A. Commercial education in Russia: historical experience and current state // Historical and economic research. 2018. Vol. 19. No. 4. pp. 600-622.

8. Ntrebko E.N., Hlabystova N.V. Sociocultural factors determining the behavior strategy of incoming non-governmental universities of the Krasnodar Territory // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2019. Vol. 10. No. 2. p. 1.
9. Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gokhberg L.M. and others. Education indicators – 2024. Statistical collection. Moscow. Higher School of Economics. 2024. 415 p.
10. Higher education in Russia: the main stages and prospects of development: a collective monograph / A.V. Tarakanov, V.V. Orlov, A.L. Tatochenko, etc.; Edited by V.V. Orlov. M.: Justicinform, 2024. 282 p.
11. The reference and information portal "Come online" [electronic resource]. Access mode <https://postupi.online/vuzi/vuzgos-net/?ysclid=lwq976wtta725108872>
12. Petrov V.N. The sector of non-governmental higher education: problems of functioning and incentives for development // Provincial scientific notes. 2019. No. 1(9). p. 6-10.
13. Kuraev A.N., Teplaya N.A., Baskakov V.A., Ishmaeva O.V., Tatochenko A.L. Analysis of indicators of natural population movement and external migration in the aspect of demographic problems of the Russian Federation // Innovations and investments. 2023. No. 3. pp. 116-122.
14. Polozhentseva I.V., Surai N.M., Tatochenko A.L., Smorchkova V.P., Gordeev I.A. Metrological approach to the analysis of the results of university ratings: the method of reference points of the scale as a tool to improve the accuracy of predictive assessments // Modern pedagogical education. 2022. No. 4. pp. 54-62.
15. Tatochenko A. The world market of educational services: compliance of Russian university ratings with international analogues // Financial life. 2014. No. 1. pp.33-40.
16. Tatochenko A., Tatochenko I. Economic activity of Russian universities: rating assessments as an indicator of the cost of educational services // Financial life. 2014. No. 1. pp. 41-45.
17. Tatochenko I., Tatochenko A. Analysis of the relationship between the cost of education in the world's leading universities and the rating estimates of their activities // Financial life. 2013. No. 3. pp. 53-58.
18. Information and analytical materials on the results of monitoring the activities of educational institutions of higher education. Posted on the official website of the Main Information and Analytical Center of the Russian Technological University [electronic resource]. Access mode: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpob&ysclid=lyu0vjpb585874350>

Таблица 1. Динамика численности студентов бюджетной и платной форм обучения в вузах РФ

№ п/п	Год Показатель*	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
1	Вузов всего, ед.	494	762	965	1068	1115	896	710	717	722
2	Динамика показателя, %.	---	54,3	26,6	10,7	4,4	-19,6	-20,8	1,0	0,7
3	Вузов государственных и муниципальных, ед.	494	569	607	655	653	530	497	501	500
4	Динамика показателя, %.	---	15,2	6,7	7,9	-0,3	-18,8	-6,2	0,8	-0,2
5	Вузов негосударственных, ед.	0	193	358	413	462	366	213	216	222
6	Динамика показателя, %.	---	---	85,5	15,4	11,9	-20,8	-41,8	1,4	2,8
7	Студентов всего, тыс. чел.	2625	2655	4741	7065	7050	4767	4049	4044	4130
8	Динамика показателя, %.	---	1,1	78,6	49,0	-0,2	-32,4	-15,0	-0,1	2,1
9	Студентов бюджетной ФО, тыс. чел.	2625	2190	2802	3003	2619	1934	1897	1935	2008
10	Динамика показателя, %.	---	-17	28	7	-13	-26	-2	2	4
11	Студентов платной ФО, тыс. чел.	0	465	1939	4062	4430	2833	2145	2110	2122
12	Динамика показателя, %.	---	---	317,0	109,4	9,1	-36,1	-24,3	-1,6	0,6
13	Отношение показателей строк 13/9, отн. ед.	0	0,21	0,69	1,35	1,69	1,46	1,13	1,09	1,06
14	Динамика показателя, %.	---	---	225,9	95,4	25,0	-13,4	-22,8	-3,6	-3,1

*ФО – форма обучения

Составлено автором на основании данных источника [9]

Таблица 2. Средняя численность студентов в расчете на один вуз и структура контингента «платники-бюджетники»

№ п/п	Год Показатель*	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
1	Вузов государственных и муниципальных, ед.	494	569	607	655	653	530	497	501	500
2	Студентов в них, тыс. чел.	2625	2520	4271	5985	5848	4061	3707	3690	3745
3	Студентов/вуз, чел.	5314	4429	7036	9138	8956	7663	7459	7365	7489
4	Студентов бюджетной ФО в государственных и муниципальных вузах, тыс. чел.	2625	2190	2802	3003	2619	1924	1889	1926	1998
5	Студентов платной ФО в государственных и муниципальных вузах, тыс. чел.	0	330	1469	2983	3230	2137	1819	1764	1747
6	Доля студентов платной ФО в государственных и муниципальных вузах, %	0,0	13,1	34,4	49,8	55,2	52,6	49,1	47,8	46,6
7	Вузов частных, ед.	0	193	358,0	413,0	462,0	366,0	213,0	216,0	222,0
8	Студентов в них тыс. чел.	0	135	470,6	1079,3	1201	705,1	334,3	354,1	385,4
9	Студентов/вуз, чел.	0	699	1315	2613	2600	1927	1569	1639	1736
10	Студентов бюджетной ФО в частных вузах, тыс. чел.	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	10,0	8,0	8,9	10,2
11	Студентов платной ФО в частных вузах, тыс. чел.	0	135	470,6	1079,3	1200,5	695,1	326,3	345,2	375,2
12	Доля студентов платной ФО в частных вузах, %	0	1,00	1,00	1,00	1,00	0,99	0,98	0,97	0,97
13	Отношение численности студентов платной ФО в частных и в государственных и муниципальных вузов, отн. ед.	---	0,41	0,32	0,36	0,37	0,33	0,18	0,20	0,21

*ФО – форма обучения

Составлено автором на основании данных источника [9]

Таблица 3. Показатели кадровой обеспеченности государственных и частных вузов

№ п/п	Показатели* Категории работников***	Государственные и муниципальные вузы					Частные вузы					
		ШР	ВС	Всего	Доля в целом,** %	Доля ВС,	ШР	ВС	Всего	Доля в целом,** %	Доля ВС,	
1	Всего работников, тыс. чел	533,9	95,7	629,6	100,0	15,2	26,3	9,0	35,3	100,0	25,5	
2	Руководящий персонал, тыс. чел.	31,7	1,0	32,7	5,2	3,1	2,1	0,2	2,3	6,5	8,7	
3	Научные работники, тыс. чел.	16,3	9,6	25,9	4,1	37,1	1,0	0,4	1,4	4,0	28,6	
4	АХР, тыс. чел.	68,9	3,7	72,6	11,5	5,1	4,8	0,4	5,2	14,7	7,7	
5	УВП, тыс. чел.	80,8	7,3	88,1	14,0	8,3	3,9	0,3	4,2	11,9	7,1	
6	ППС, тыс. чел.	201,4	57,0	258,4	41,0	22,1	11,5	7,1	18,6	52,7	38,2	
7	Деканы факультетов, чел.	2166	39	2205	0,9	1,8	258	15	273,0	1,5	5,5	
8	Заведующие кафедрами, чел.	14082	1262	15344	5,9	8,2	957	190	1147,0	6,2	16,6	
9	Директора институтов, чел.	1019	16	1035	0,4	1,5	13	9	22,0	0,1	40,9	
10	Профессора, чел.	26016	9825	35841	13,9	27,4	1402	1090	2492,0	13,4	43,7	
11	Доценты, чел.	102739	24854	127593	49,4	19,5	6036	3785	9821,0	52,9	38,5	
12	Старшие преподаватели, чел.	35493	9341	44834	17,3	20,8	2251	1434	3685,0	19,8	38,9	
13	Преподаватели, чел.	6163	3014	9177	3,6	32,8	489	450	939,0	5,1	47,9	
14	Ассистенты, чел.	13743	8638	22381	8,7	38,6	104	94	198,0	1,1	47,5	

*ШР – штатные работники, ВС – внешние совместители; **в строках 1-6 доля от целого рассчитывается по строке 1, в строках 7-14 – по строке 6; ***АХР – административно-хозяйственные работники, ППС – профессорско-преподавательский состав, УВП – учебно-вспомогательный персонал

Составлено автором на основании данных источника [9]

Таблица 5. Медианные значения показателей деятельности вузов по различным направлениям

№ п/п	Медианные значения* Показатели	Единицы измерения	РФ	Регион	Регион/РФ, отн. ед.	ГМВ**	ЧВ	ГМВ/ЧВ, отн. ед.
1	Образовательная деятельность	баллов	63,87	71,85	1,12	64,34	58,30	1,10
2	Научная деятельность	тыс. руб.	128,70	312,80	2,43	131,20	134,30	0,98
3	Международная деятельность	%	5,71	6,34	1,11	7,09	3,96	1,79
4	Финансово-экономическая деятельность	тыс. руб.	3489,10	5958,40	1,71	3496,60	2988,30	1,17
5	Зарплата ППС	%	205,40	201,40	0,98	208,20	160,90	1,29
6	Дополнительный показатель	чел./100 студ.	3,39	4,31	1,27	3,34	3,57	0,94

*ГМВ – государственные и муниципальные вузы, ЧВ – частные вузы; **для вузов в ведении Минобрнауки
Составлено автором на основании данных источника [18]

Таблица 6. Показатели деятельности частных и государственных вузов Москвы (выборочно)

№ п/п	ВУЗ*	Показатели деятельности вуза**					
		ОД	НИД	МД	ФЗД	ЗП	ДП
1	АНО ВО Институт бизнеса и дизайна	75,52	262,17	2,38	10569,71	236,11	69,04
2	АНО ВО Институт деловой карьеры	55,03	112,18	4,12	9272,10	243,06	0,85
3	АНО ВО Институт мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского	63,7	198,27	5,13	5006,37	191,01	5,32
4	АНО ВО Институт непрерывного образования	73,46	6233,33	17,54	7125,33	167,95	12,50
5	АНО ВО Институт социальных наук	61,8	9802,27	6,90	9451,29	358,91	16,38
6	АНО ВО Российский новый университет	57,98	312,84	3,47	5931,70	223,57	1,98
7	НОУ ВО Российская экономическая школа	96,97	1243,05	2,00	20400,03	488,05	7,30
8	НОЧУ ВО Гуманитарный институт им. П.А. Столыпина	81,70	136,39	8,31	421,05	8,33	35,71

9	НОЧУ ВО Московский финансово-промышленный университет «Синергия»	71,88	394,74	26,47	3518,46	231,87	4,99
10	НОЧУ ВО Московский экономический институт	64,03	372,18	7,21	8030,28	205,9	0,64
11	ЧУ ВО Институт государственного администрирования	62,18	600,93	6,78	5242,57	122,86	2,06
12	ФГБОУ ВО Московский государственный автомобильно-дорожный университет	64,00	526,64	9,76	4245,67	160,52	5,13
13	ФГБОУ ВО Московский государственный гуманитарно-экономический университет	80,72	270,00	8,17	9764,91	202,00	3,51
14	ФГБОУ ВО Московский государственный педагогический университет	70,15	436,32	11,42	8671,36	210,02	2,52
15	ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана	78,67	1919,01	5,71	5589,46	200,57	5,36
16	ФГБОУ ВО Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	83,24	974,08	14,08	5273,25	186,91	10,30
17	ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского	69,91	284,08	9,11	5887,24	156,12	2,88
18	ФГБОУ ВО Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина	82,54	381,76	6,12	6864,87	237,83	3,39
19	ФГБОУ ВО Российский биотехнологический университет	75,11	486,83	13,33	8356,71	248,9	3,74
20	ФГБОУ ВО Российский государственный социальный университет	67,98	311,79	5,83	8382,63	211,33	2,06
21	ФГБОУ ВО Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина	76,07	82,28	5,61	6818,75	201,40	3,87
22	ФГБОУ ВО Российский университет транспорта	63,43	634,48	6,35	8709,38	221,75	2,64

*АНО – автономная некоммерческая организация, НОЧУ – негосударственное образовательное частное учреждение, ФГБОУ – федеральное государственное бюджетное учреждение, ЧУ – частное учреждение, ВО – высшего образования; **Од – образовательная деятельность, НД – научная деятельность, МД – международная деятельность, ФЭД – финансово-экономическая деятельность, ЗП – зарплата ППС, ДП – дополнительный показатель

Составлено автором на основании данных источника [18]

Таблица 7. Присутствие частных вузов Москвы в группе «11 опережающих» по различным направлениям деятельности

№ п/п	Направления деятельности** Вуз*	Од	НД	МД	ФЭД	ЗП	ДП	Итого
1	НОУ ВО Российская экономическая школа	1	1	0	1	1	1	5
2	АНО ВО Институт непрерывного образования	1	1	1	1	0	1	5
3	НОЧУ ВО Московский финансово-промышленный университет "Синергия"	1	1	1	0	1	1	5
4	АНО ВО Институт социальных наук	0	1	1	1	1	1	5
5	АНО ВО Институт бизнеса и дизайна	1	0	0	1	1	1	4
6	НОЧУ ВО "Гуманитарный институт им. П.А. Столыпина"	1	0	1	0	0	1	3
7	НОЧУ ВО Московский экономический институт	0	0	1	1	0	0	2
8	АНО ВО Институт деловой карьеры	0	0	0	1	1	0	2
9	АНО ВО Российский новый университет	0	0	0	0	1	0	1
10	АНО ВО Институт мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского	0	0	0	0	0	1	1
11	ЧУ ВО Институт государственного администрирования	0	1	0	0	0	0	1
12	Итого частных вузов в группе	5	5	5	6	6	7	34
13	Число государственных вузов в группе	6	6	6	5	5	4	32

*АНО – автономная некоммерческая организация, НОЧУ – негосударственное образовательное частное учреждение, ФГБОУ – федеральное государственное бюджетное учреждение, ЧУ – частное учреждение, ВО – высшего образования; **Од – образовательная деятельность, НД – научная деятельность, МД – международная деятельность, ФЭД – финансово-экономическая деятельность, ЗП – зарплата ППС, ДП – дополнительный показатель

Составлено автором на основании данных источника [18]

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СИСТЕМЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ MEASURES TO ENSURE THE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES

МИХАЙЛЕНКО Оксана Владимировна,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
E-mail: oksy_ment@mail.ru;

Mikhailenko O.V.,

Senior lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.
E-mail: oksy_ment@mail.ru

Краткая аннотация: в статье приведен анализ роли мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в реализуемой административным правом системе мер административного принуждения. Представлен авторский взгляд на сущность и особенности мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Abstract: the article provides an analysis of the role of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the system of administrative coercion measures implemented by administrative law. The author's view on the essence and features of measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses is presented.

Ключевые слова: обеспечение производства, административные правонарушения, административное принуждение, административное право, правонарушения.

Keywords: ensuring production, administrative offenses, administrative coercion, administrative law, offenses.

Для цитирования: Михайленко О.В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 217-220. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_217.

For citation: Mikhailenko O.V. Measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses in the system of administrative coercion measures // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 217-220. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_217.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В Российской Федерации система мер административного принуждения играет важную роль в обеспечении соблюдения административного законодательства и поддержании общественного порядка. Данная система включает в себя ряд мер, направленных на привлечение правонарушителей, к ответственности и наказанию.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в РФ нацелены на эффективное и быстрое разрешение дел, обеспечивая правильное и своевременное применение административных взысканий. Основная задача этих мер заключается в предотвращении дальнейших правонарушений со стороны лиц, в отношении которых ведется дело, а также в обеспечении сохранности доказательств и наличия лица, виновного в правонарушении, в месте проведения разбирательства.

Реализация указанных задач возможна через применение целого ряда инструментов, таких как задержание правонарушителя, изъятие предметов, имеющих отношение к делу, обеспечительные меры в виде временного ограничения выезда из страны и другие. Важно, чтобы данные меры соответствовали принципам законности, справедливости, неотвратимости наказания и уважения к правам и законным интересам граждан. Ключевым принципом является обеспечение баланса между необходимостью применения меры и защитой прав и свобод человека. С этим связана обязанность органов, применяющих меры обеспечения, строго соблюдать законодательство, избирательно подходить к выбору мер в зависимости от тяжести правонарушения, обстоятельств дела и личности правонарушителя.

Важно, что применение мер административного принуждения предполагает строгое соблюдение законности и процессуальной справедливости, что включает в себя гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых данные меры применяются. Это предполагает, в частности, обязанность органов и должностных лиц обосновывать применение тех или иных мер, обеспечивать право на обжалование принятых решений в вышестоящий орган или суд, а также право на защиту.

Трактуя расширительно понятие «мер», в его основе лежит направленное воздействие со стороны государства, которое может выражаться в двух универсальных способах государственного управления сознанием и поведением людей – убеждением и принуждением [4, С. 67].

В административном праве убеждение обычно представляет собой систему методов, осуществляемых уполномоченными государственными органами, которая определяется разъяснительными, воспитательными и мотивационными мерами по формированию у субъектов управления сознания необходимости удовлетворения требований законодательства.[6, С. 9]. Если методы убеждения как правило направлены на сознание субъектов управления, то методы принуждения воздействуют на поведение и волю данных субъектов. Более конкретно, принудительные методы – это меры, применяемые к лицам, совершившим противоправные действия, органами исполнительной власти и иными уполномо-

моченными органами. [3, С. 78]. Для того чтобы гарантировать качественное выполнение мер обеспечения и реализацию установленных санкций против лиц, нарушивших административное законодательство, крайне важно использовать специфические меры, направленные на обеспечение процесса рассмотрения таких дел.

Хотя оформленного термина «меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении» в нормативно-правовых актах не существует, его суть частично раскрывается в части 1 статьи 27.1 КоАП РФ. Это положение позволяет понимать под мерами обеспечения действия, которые уполномоченные лица предпринимают в рамках своих полномочий для остановки административных нарушений и выявления нарушителей. Такие действия могут включать различные меры, например составление протокола об административном правонарушении, если невозможно зафиксировать нарушение на месте его совершения, и другие подобные меры.

Не вдаваясь в существующую полемику, обратимся, по нашему мнению, к наиболее подробной трактовке мер обеспечения по делам об административных правонарушениях, предложенной А.Ю. Соколовым и В.В. Поповым, которые понимают под указанными мерами, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами мероприятия, применяемые органами исполнительной власти (их должностными лицами) и судами для пресечения административных правонарушений, проверки личности правонарушителя, составления протокола об административном правонарушении, если его невозможно составить на месте его выявления и т.д. [7, С. 78]. В контексте данного исследования нам интересна именно данная трактовка.

В рамках административного законодательства предусмотрен развернутый перечень различных указанных мер. Данный перечень отражает не только такие цели, как предупреждение административных правонарушений, установление виновного и т.д., отраженных в положениях ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ, но и широту иных правоприменительных инструментов, находящихся в арсенале органов власти.

Рассмотрим некоторые особенности мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

1. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях могут применяться как при наличии признаков административных правонарушений, закрепленных в отдельных разделах КоАП РФ, так и наличии достаточных оснований для предположения о наличии таких признаков. Следствием данной особенности является то, что применение мер обеспечения производства возможно только по отношению к конкретному лицу, в чьих действиях (бездействии) усматриваются признаки административного правонарушения, не отметая те случаи, когда меры обеспечения могут применены и в тех случаях, когда в действиях лица обнаруживаются признаки совершения преступления. В ряде случаев применение мер обеспечения целесообразно также при обнаружении правонарушений, чья правовая отраслевая принадлежность до конца не очевидна, и может быть установлена только после применения указанных мер и проведения дополнительных проверочных мероприятий.

Помимо самого факта совершения правонарушения, инициирующим событием для применения мер обеспечения, предусмотренных КоАП РФ, является наличие дополнительных оснований, к числу которых можно отнести, например невозможность составить процессуальный протокол на месте обнаружения правонарушения, попытка правонарушителя скрыться с места совершения правонарушения и т.д. Также инициирующие основания для некоторых мер обеспечения в виде необходимых процессуальных документов, отдельно закрепляются законодателем в положениях КоАП РФ, как например в случае направления лица в состоянии опьянения на медицинское освидетельствование, необходимо наличие соответствующего протокола.

2. Производство мер обеспечения производства возможно только в рамках процессуального производства. В области рассмотрения дел об административных правонарушениях существует четко выделенный период, в течение которого могут быть применены специальные меры обеспечения. Этот период ограничивается моментом возникновения производства по такому делу и его завершением. Суть этих ограничений заключается в создании необходимой процессуальной рамки, которая позволяет четко определить временные границы для осуществления указанных мер. Исходя из вышеизложенного следует, что использование процессуальных мер обеспечения строго привязано к определенной стадии рассмотрения дела об административном производстве. Это разделение на стадии не является произвольным и имеет под собой веские причины. Законодатель стремится таким образом четко отделить процессуальные меры обеспечения, действующие в контексте административного процесса, от остальных форм административного воздействия. Понимание этого различия исключительно важно для корректного осуществления административных норм, а также для защиты прав и интересов всех участвующих сторон. Такая регламентация процессуальных стадий крайне необходима. Она указывает на то, что применение мер, направленных на обеспечение производства, возможно лишь после того, как начнется рассмотрение дела о нарушении административного законодательства, и эти меры прекращают свое действие после окончания рассмотрения дела об административном правонарушении. Эта особенность подчеркивает процессуальную природу данных мер и отличает их от иных форм административного принуждения, которые могут применяться вне рамок рассмотрения конкретного дела.

3. Производство мер обеспечения по делам об административных правонарушениях осуществляется на основании закрепленного законодателем процессуального порядка. Этот процесс регулируется строгими нормами, установленными законодательством, чтобы обеспечить законность и справедливость в деле о нарушениях. Закрепление процессуального порядка по делам об административных правонарушениях в законодательстве не случайно, ведь это гарантирует соблюдение прав и свобод граждан в процессе их реализации. Рассмотрение мер обеспечения, таких как ограничения на свободу передвижения, права собственности или вождение транспортного средства, требует четкого подхода, так как эти действия имеют ограничительный характер и затрагивают фундаментальные права человека.

Осознавая важность защиты прав граждан, законодатель тщательно регламентирует применение мер обеспечения, обязывая придерживаться установленного федеральным законодательством процесса. Это обеспечивает баланс между необходимостью предотвращения

административных правонарушений и защитой прав и свобод нарушителей, ввиду чего каждое процессуальное действие, так или иначе направленное на применение мер обеспечения производства, во всех случаях требует полного, тщательного и законного обоснования.

4. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, имеющие в своей основе ограничительный характер, направлены на временное ограничение определённых прав и свобод граждан, таких как свобода передвижения, право собственности и право управления автотранспортом, среди прочих. В силу их влияния на базовые права людей, необходима строгая законодательная основа для их применения. Именно поэтому, процессуальные особенности и порядок применения таких мер должны быть чётко регламентированы на уровне федерального законодательства. Для этой цели КоАП РФ включает в себя разделы, устанавливающие основания, порядок и процессуальные аспекты применения мер обеспечения. Это обеспечивает не только законность и обоснованность таких мер, но и защищает права и интересы граждан в соответствии с принципами справедливости и пропорциональности. При введении мер обеспечения в рамках дел об административных правонарушениях, необходимо понимать, что это не равносильно полному лишению гражданина его прав. Несмотря на значимые ограничения, правонарушители все еще могут пользоваться своими правами. Это утверждение справедливо для всех мер обеспечения, применяемых в процессе рассмотрения административных дел, без исключения.

5. В контексте административного права, которое равно применимо к физическим и юридическим лицам, меры обеспечения производства, распространяются на обоих указанных правовых субъектов. Особую значимость здесь имеют различия между субъектами применения таких мер, которые включают в себя как индивидуальных предпринимателей, так и организации. Важно отметить, что несмотря на кажущуюся однородность в обращении с разными категориями правонарушителей, существуют определенные нюансы в применении мер обеспечения, что напрямую зависит от особенностей административного права. Эффективность административного производства во многом зависит от того, насколько адекватно и своевременно применяются меры обеспечения. Так, при выявлении материалов, указывающих на наличие административного правонарушения, актуализируется вопрос выбора соответствующих мер. Исходя из этого, становится очевидной важность комплексного подхода к каждому случаю применения данных мер, учитывая как общие требования законодательства, так и специфику конкретного дела.

6. В рамках рассмотрения дел об административных правонарушениях существуют определенные меры обеспечения, действия по которым фиксируются в установленном порядке. Для документирования применения таких мер особое внимание уделяется составлению процессуальных документов. В частности, когда речь идет о мерах, таких как административное задержание или отстранение от управления транспортным средством, необходимо составление отдельных протоколов. Эти документы служат юридическим подтверждением проведенных действий и включают в себя не только осмотр помещений и территорий, принадлежащих юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям, но и задержание судов, запрет осуществлять основную деятельность и т.д.

Подробнее остановимся на каждой из этих мер. Начнем с административного задержания, которое предусматривает временное ограничение свободы лица, совершившего правонарушение. Следующая мера — осмотр помещений, территорий и имущества, который направлен на обнаружение доказательств правонарушений или предметов, имеющих отношение к делу. Отстранение от управления транспортным средством применяется для предотвращения возможности совершения новых правонарушений. Арест товаров, транспортных средств и других вещей, а также временный запрет на деятельность являются мерами, направленными на обеспечение исполнения административных наказаний.

Следует подчеркнуть, что каждая из этих мер требует тщательного документирования. Процессуальные документы, составляемые в связи с применением таких мер, являются ключевым инструментом для обеспечения законности и справедливости при рассмотрении административных дел. Они помогают четко зафиксировать обстоятельства дела, обеспечивают возможность для контроля за действиями органов, осуществляющих административное производство, и гарантируют защиту прав индивидов и юридических лиц. К такому случаю относятся, например результаты освидетельствования на состояние опьянения, в ходе которого составляется отдельный акт, либо в ходе привода лица, факт применения меры обеспечения отражается в рапорте сотрудника [7, С. 77].

7. Применять меры обеспечения по делам об административных правонарушениях вправе только специально уполномоченные лица государственных органов Российской Федерации. Как правило к специально уполномоченным лицам относятся как служащие органов исполнительной власти, в чьи полномочия входит составление протоколов об административных правонарушениях, так и судебные органы, которые также вправе применять те или иные меры обеспечения по делам об административных правонарушениях. Ключевым параметром в русле данной особенности является наличие закрепленных в законе полномочий у конкретного должностного лица по производству дел об административных правонарушениях.

8. Меры обеспечения по делам об административных правонарушениях не несут в себе свойство правовой санкции. Данная особенность исходит из того, что во многом меры обеспечения по делам об административных правонарушениях являются вспомогательным средством, призванным как пресечь противоправные действия, так и нормализовать дальнейший ход делопроизводства. Даже несмотря на то, что зачастую меры обеспечения предшествуют собой применению мер административного наказания, они не несут в себе карательную функцию. Зачастую такие меры могут быть применены не только по отношению к предполагаемому правонарушителю, но и к заявителю, например с целью сохранения доказательственной информации, когда она может быть утрачена. Во многом данная особенность является составляющей презумпции невиновности, закрепленной в ст. 1.5 КоАП РФ, так в случае, если лицо будет признано невиновным в совершении административного правонарушения, все наложенные на него меры обеспечения по делу об административном правонарушении будут сняты.

Исходя из всего вышеизложенного, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях играют центральную роль в предотвращении дальнейших противоправных действий и обеспечивают создание условий для более эффективного сбора до-

казательств, что в целом способствует улучшению работы должностных лиц. Являясь частью более широкого арсенала административного принуждения, они отличаются от других мер своими структурными особенностями, хотя и тесно переплетаются с ними в процессе рассмотрения административных дел.

Обеспечение производства в контексте административных правонарушений нацелено на создание благоприятных условий для должностных лиц, что способствует более эффективному и целенаправленному сбору доказательной базы. В этом кроется их уникальная роль в предупреждении возможности повторения противоправных действий. Как следствие, это влияет на общую эффективность правоприменительной практики. Детальный анализ показывает, что хотя меры обеспечения производства являются специфическим инструментом в рамках административного принуждения, они неотделимы от общей системы мероприятий по обеспечению законности и порядка.

Библиография:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.12.2023). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Медяник М.С. Меры административного принуждения: понятие, виды и проблема их реализации // Вестник науки. 2023. №11 (68). С. 178–184
3. Пустовойт И.И. Место и значение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе административного принуждения // Вестник КРУ МВД России. 2012. №3 (17). С. 67–69.
4. Сафоненков П.Н. Административное убеждение и принуждение как методы государственного управления // Финансовое право и управление. 2017. №2. С. 1–12.
5. Соколов А.Ю., Попов В.В. Мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: понятие и признаки // Вестник СГЮА. 2012. №6 (89). С. 72–79.

References:

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 12/12/2023). The document has not been published in this form. Access from the legal reference system "Consultant-Plus".
2. Medyanik M.S. Measures of administrative coercion: the concept, types and problem of their implementation // Bulletin of Science. 2023. No.11 (68). pp. 178-184
3. Pustovoi I.I. The place and importance of measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses in the system of administrative coercion // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No.3 (17). pp. 67-69.
4. Safonenkov P.N. Administrative persuasion and coercion as methods of public administration // Financial law and management. 2017. No.2. pp. 1-12.
5. Sokolov A.Yu., Popov V.V. Measure of ensuring proceedings in cases of administrative offenses: the concept and signs // Bulletin of the SSS. 2012. No.6 (89). pp. 72-79.

ПОНЯТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ ОБЩЕЙ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ THE CONCEPT OF SPECIAL DISCIPLINARY RESPONSIBILITY AND ITS DIFFERENCE FROM GENERAL DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

АДРИАНОВСКАЯ Татьяна Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права

Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.

350004, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

E-mail: mesmai@mail.ru;

ADRIANOVSKAYA Tatiana Leonidovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

13 Kalinina str., Krasnodar Krai, 350004, Russia.

E-mail: mesmai@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с понятием специальной дисциплинарной ответственности в трудовом праве и ее отличием от общей дисциплинарной ответственности. Автор приводит примеры критериев для разграничения этих видов ответственности, мнения различных ученых, высказывает свою точку зрения. Автор обращает внимание на необходимость внесения в законодательство легального определения специальной дисциплинарной ответственности.

Abstract: The article discusses theoretical issues related to the concept of special disciplinary liability in labor law and its difference from general disciplinary liability. The author gives examples of criteria for distinguishing between these types of responsibilities, the opinions of various scientists, and expresses his point of view. The author draws attention to the need to introduce into legislation a legal definition of special disciplinary liability.

Ключевые слова: дисциплина, труд, специальная дисциплинарная ответственность, общая дисциплинарная ответственность, трудовое право.

Key words: discipline, labor, special disciplinary responsibility, general disciplinary responsibility, labor law.

Для цитирования: Адриановская Т.Л. Понятие специальной дисциплинарной ответственности и ее отличие от общей дисциплинарной ответственности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 221-223. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_221.

For citation: Adrianovskaya T.L. The concept of special disciplinary responsibility and its difference from general disciplinary responsibility // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 221-223. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_221.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Общие положения о привлечении работников к дисциплинарной ответственности закреплены в главе 30 ТК РФ, регулирующей вопросы дисциплины труда. Любое наложение на работника дисциплинарного взыскания должно происходить только по нормам трудового законодательства, то есть, не только ТК РФ, но и иных нормативных актов.

В соответствии со статьей 192 ТК РФ трудовое законодательство традиционно различает два вида дисциплинарной ответственности: общую и специальную. Работодатель может привлечь любого работника к общей дисциплинарной ответственности, а специальная дисциплинарная ответственность допускается в строго определенных случаях и регулируется различными федеральными законами, уставами о дисциплине и положениями о дисциплине.

В связи с существованием двух видов дисциплинарной ответственности существует два типа работников, которых работодатель может привлечь к ответственности. В трудовом праве именуются общие субъекты дисциплинарной ответственности и специальные субъекты.

В трудовом праве нет легального определения дисциплинарной ответственности, что, по нашему мнению, является правовым пробелом. В данном случае преодоление указанного недостатка возможно посредством внесения изменений в ТК РФ в части закрепления определения термина в ст. 192 ТК РФ. Для этого необходимо провести анализ теоретических положений, а также правоприменительной практики, чтобы выявить отдельные характерные черты специальной дисциплинарной ответственности.

Исследованием теоретических и практических вопросов дисциплинарной ответственности занимались многие ученые. В диссертации, о дисциплинарной ответственности, Самойлова В.Г. [1, с.84], называет признаками специальной дисциплинарной ответственности вид и одновременно меру принудительного воздействия на работника.

Последствия воздействия для работника – это лишение его некоторых нематериальных благ. Кроме того, последствием является наказание, которое работник несет за свои действия, которыми он нарушает свои обязанности. Речь идет о включенных в трудовой договор обязанностях, имеющих специальный характер, в связи с отдельными видами выполняемых работ. Их неисполнение или ненадлежащее исполнение должно быть виновным и противоправным. Акцент сделан на принуждение, наказание, лишение. Обязанности специального характера должны быть включены в трудовой договор.

Определение, предлагаемое Самойловой В.Г. имеет сходство с определением общей дисциплинарной ответственности. Среди всех характеристик специальной дисциплинарной ответственности автор выделяет следующие: «отдельная категория работы» и «специальные трудовые обязанности». Отдельная категория работы, по ее мнению, предполагает самостоятельное правовое регулирование определенной деятельности, включающее в себя, особые правила для привлечения к дисциплинарной ответственности.

То же самое касается и специальных трудовых обязанностей: специфика конкретной деятельности опосредует существование особых трудовых обязанностей, которые должны исполняться работником.

Под специальной дисциплинарной ответственностью, считает Филиппова М.Ю. надо понимать обязанность работников претерпеть дополнительные (кроме указанных в ТК РФ), негативные последствия, касающиеся их личных благ. Круг работников данной категории ограничивается лицами, осуществляющими трудовую деятельность в отдельных видах отраслей. Наступление негативных последствий связывается с такими признаками, как наличие вины, противоправность поведения работника, которая выразилась в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей. Обязанности рассматриваются как имеющие специальный характер [2, с.8].

Следует согласиться с автором, ведь специальные виды дисциплинарных взысканий установлены в иных нормативных актах, что позволяет накладывать такие взыскания в отношении определенного круга работников, занятых в особой сфере деятельности.

Иначе определяет специальную дисциплинарную ответственность Рузаева Е.М. Она указывает [3, с. 115] на наличие совокупности определенных правовых норм, которые и определяют обязанность работника получать дисциплинарные взыскания. Она считает таких работников специальными субъектами трудового права. Специальные дисциплинарные взыскания могут применяться исключительно к таким работникам. Можно отметить, что эти взыскания тоже имеют в определенном смысле специальный характер и применяются при определенных условиях, указанных в законодательстве.

Автором в качестве отличительной черты специальной ответственности выделены особые субъекты правоотношений, на которых возлагается бремя несения особых негативных последствий.

Следует считать ошибочным, по мнению Николаева А.Г. [4, с.89] рассмотрение специальной дисциплинарной ответственности как расширенное толкование ее видов. Он также считает, что специальная дисциплинарная ответственность, которая применяется для некоторых отдельных категории работников, регулируется административным законодательством, а не трудовым правом. В качестве примера приводятся государственные служащие. Дисциплинарная ответственность для них носит особый характер, и поэтому регулируется также в особом порядке, в нормах административного права. В этом он видит отличие ее от общей дисциплинарной ответственности.

Несмотря на то, что в некоторых случаях регулирование труда некоторых категорий работников осуществляется нормами административного права, вопросы привлечения к дисциплинарной ответственности относятся к предмету отрасли трудового права. В связи с этим мы не можем полностью согласиться с вышеуказанным утверждением автора о регулировании данных вопросов преимущественно нормами административного права, т.к. наложение дисциплинарных взысканий, хотя и имеет некоторое сходство с административным регулированием в части отсутствия равенства участников правоотношений, все же имеет самостоятельную правовую природу и преследует иные цели, чем административные наказания.

Высказывается интересная идея в науке о связи специальной дисциплинарной ответственности с образованием работника и трудовыми навыками. Наличие образования у работника, которое требуется для работы и наличие необходимых профессиональных навыков не может автоматически сделать его субъектом специальной дисциплинарной ответственности. Как считает Яхина М.Р. [5, с.96], никто не даст гарантий, что он будет работать по специальности.

Специальная дисциплинарная ответственность – это вид ответственности, которую несет работник за совершенный им дисциплинарный проступок, если его работа имеет особенности, подпадающие под действие федеральных законов, уставов и положений о дисциплине.

Возможность привлечения к данному виду ответственности устанавливается для строго определенных случаев.

Получение лицом образования в конкретной сфере еще не означает, что приобретенные навыки, умения, знания он будет применять на практике. Зачастую так случается, что люди не работают по профессии, соответствующей их высшему или иному образованию. В связи с этим наличие специального образования не может быть основанием для привлечения лица к специальной ответственности, предусмотренной трудовым законодательством.

В научной литературе до сих пор имеется множество мнений ученых-юристов относительно определения термина «специальная дисциплинарная ответственность», однако все точки зрения практически схожи и идентичны друг другу.

В действующем законодательстве не отражены критерии разделения общей и специальной дисциплинарной ответственности.

В настоящее время их определение в науке трудового права возможно на теоретическом уровне. Выводы о различиях анализируемых видов ответственности юристы делают из положений трудового законодательства.

В науке трудового права предлагается [6, с. 93] использовать в качестве критериев разделения общего и специального видов дисциплинарной ответственности круг субъектов ответственности, более широкое понятие дисциплинарного проступка, более разнообразные и строгие дисциплинарные меры.

Существование указанных критериев обусловлено спецификой той деятельности, в рамках которой работники осуществляют особые трудовые функции. Круг субъектов правоотношений при специальной ответственности более детализирован, т.к. устанавливается в соответствии с федеральным законодательством, уставами, положениями о дисциплине.

Чтобы не допустить ошибок на практике применения дисциплинарной ответственности, необходимо иметь четкие критерии для разделения общей и специальной дисциплинарной ответственности, считают теоретики трудового права [7, с. 361]. Например, для специальной дисциплинарной ответственности необходим особый круг лиц, требуется наличие в законодательстве особых санкций, применяемых за совершенный дисциплинарный проступок. Также требуется более широкая трактовка дисциплинарного проступка, и обязательное наличие в законодательстве специального порядка для применения взысканий.

В отдельный критерий выделяется объем дисциплинарной ответственности должностных лиц, который находится в зависимости от объема их полномочий (власти).

В науке трудового права сохраняется единство мнений по некоторым критериям разделения двух видов дисциплинарной ответственности. Единство состоит в утверждении, что общая и специальная ответственность различаются кругом лиц, содержанием понятия дисциплинарного проступка и санкциями. Дополнительно можно выделить объем дисциплинарной власти и порядок применения санкций.

Объем власти в данном случае подразумевает пределы должностных полномочий каждого должностного лица, которое вправе изменять или участвовать в применении дисциплинарного взыскания. В отдельных случаях за один и тот же дисциплинарный проступок на работника может быть наложено дисциплинарное взыскание в зависимости от лица, привлекающего к ответственности. Так, например, согласно п. 56 Дисциплинарного устава ВС РФ командир отделения, заместитель командира взвода, старшина роты (команды) и командир взвода (группы) имеют право объявлять выговор и строгий выговор; лишать солдат и матросов очередного увольнения из расположения воинской части или с корабля на берег. При этом согласно п. 59 Дисциплинарного устава ВС РФ командир полка (корабля 1 ранга) имеет право, помимо указанных выше, дисциплинарных взысканий также лишать нагрудного знака отличника; досрочно увольнять и т.п. В данном случае применение дисциплинарного взыскания к военнослужащим различно, что зависит от должностного положения лица, привлекающего к ответственности.

К критериям дифференциации общей и специальной дисциплинарной ответственности, считает Авилин С.В. [8, с.9] следует относить не только специальный круг лиц и определение объема дисциплинарной власти должностных лиц разных категорий, но и другие показатели. Например, следует учитывать наличие у работника специальных обязанностей или их отсутствие. Кроме того, имеются весьма разнообразные и строгие меры специальных дисциплинарных взысканий. Он предлагает использовать следующие критерии, связанные со сроками: основания для продления сроков для применения взыскания; специальные сроки для обжалования взысканий, рассмотрения жалоб от работников на законность их применения.

Выявление дополнительных критериев, используемых для разграничения общей и специальной ответственности в трудовых отношениях, определяется спецификой деятельности, а также совокупностью прав и обязанностей, составляющих содержание правового положения работника. Использование специальных правил для привлечения виновного к дисциплинарной ответственности имеет целью наложение санкций негативного характера на работника, который работает в особой сфере деятельности, для пресечения противоправного поведения, что позволит предотвратить совершение подобных правонарушений в будущем.

Специальная дисциплинарная ответственность применяется в случаях, которые не закреплены в ТК РФ. Этим объясняется дифференцированность в уровне правового регулирования, а также видах нормативных актов. Привлечение работника к специальной ответственности требует отдельной законодательной регламентации. ТК РФ не может закрепить в себе все имеющиеся в России виды дисциплинарных взысканий, а также перечни работников, к которым такие взыскания можно применять. Разнообразие видов деятельности в современной трудовой сфере нашего государства также обуславливает необходимость самостоятельного правового регулирования каждого такого вида деятельности.

Таким образом, понятие специальной дисциплинарной ответственности в настоящее время не закреплено на законодательном уровне. По нашему мнению, это является упущением. В связи с этим, учитывая проанализированные положения теории трудового права, мнения ученых-теоретиков в сфере трудовых правоотношений, полагаем, что в ст. 192 ТК РФ необходимо внести изменения, добавив определение термина «специальная дисциплинарная ответственность».

Специальная дисциплинарная ответственность представляет собой применение к работнику дисциплинарного взыскания за дисциплинарный проступок, который он совершил. Она должна связываться не только с трудовой функцией работника, но и со спецификой этой функции. Привлечь работника к этому виду ответственности работодатель может, если ответственность предусмотрена действующим трудовым законодательством. Существующие два вида дисциплинарной ответственности (общая и специальная) требуют дифференциации для правильного применения на практике. Необходимо использовать для этой цели такие критерии, как субъектный состав лиц, характер и вид выполняемой работы. Следует учитывать сферу применения дисциплинарной ответственности, а также учитывать особые виды дисциплинарных взысканий и существующий особый порядок привлечения к ответственности.

При этом иные критерии, которые существуют в теории трудового права, так же имеют место быть. Указанные нами выше положения носят обобщающий характер и могут применяться в любых случаях привлечения работника к специальной дисциплинарной ответственности.

Библиография:

1. Самойлов В.Г. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве: общая и специальная: дисс. ... к.ю.н. М., 2006. – 178 с.
2. Филиппова М.Ю. Правовое регулирование дисциплины труда работников железнодорожного транспорта Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2009. – 26 с.
3. Рузаева Е.М. Специальная дисциплинарная ответственность как следствие ненадлежащего выполнения трудовых обязанностей // Вопросы российского и международного права. 2016. № 2. С. 111-126.
4. Николаев А.Г. Дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 87-90.
5. Яхина М.Р. Специальная дисциплинарная ответственность: проблемы современного правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 92-102.
6. Карпенко О.И. Дисциплинарная ответственность работника в трудовом праве: понятие и виды: дис... канд. юрид. наук. М., 2003. – 166 с.
7. Трудовое право: учебник для бакалавров / В.Л. Гейхман, И.К. Дмитриева. 2-е изд. М.: Юрайт, 2012. – 520 с.
8. Авилин С.В. Уставы о дисциплине - одна из правовых форм регулирования внутреннего трудового распорядка: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1989. - 21 с.

References:

1. Samoilov V.G. Disciplinary responsibility in labor law: general and special: dissertation ... Candidate of Law, 2006. – 178 p.
2. Filippova M.Yu. Legal regulation of labor discipline of railway transport workers of the Russian Federation: abstract. dis... Cand. Jurid. M., 2009. – 26 p.
3. Ruzayeva E.M. Special disciplinary liability as a consequence of improper performance of work duties // Issues of Russian and international law. 2016. No. 2. pp. 111-126.
4. Nikolaev A.G. Disciplinary responsibility as a type of legal responsibility // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2 (30). pp. 87-90.
5. Yakhina M.R. Special disciplinary responsibility: problems of modern legal regulation // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2015. No. 2. pp. 92-102.
6. Karpenko O.I. Disciplinary responsibility of an employee in labor law: concept and types: dis... Cand. Jurid. M., 2003. – 166 p.
7. Labor law: a textbook for bachelors / V.L. Geikhman, I.K. Dmitrieva. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2012. – 520 p.
8. Avilin S.V. Charters of discipline – one of the legal forms of regulation of internal labor regulations: abstract. dis... Cand. Jurid. M., 1989. – 21 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_224

УДК 342.9

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО УСТАВА: ОТ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ДО СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИЦИИ, И ЕГО РОЛЬ В РЕГУЛИРОВАНИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

EVOLUTION OF THE DISCIPLINARY STATUTE: FROM THE SOVIET MILITIA TO THE MODERN POLICE AND ITS ROLE IN THE REGULATION OF OFFICIAL ACTIVITY

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич,

доцент кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент. 680020, Россия, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.

E-mail: nikitaslivko@mail.ru;**МОЛОКОВ Евгений Сергеевич,**

адъюнкт адъюнктуры Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. 680020, Россия, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.

E-mail: nikitaslivko@mail.ru;**Kozlov Sergey Sergeevich,**

Associate professor of the department of administrative Law and administrative-service activity of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, candidate of legal sciences, associate Professor.

15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, 680020, Russia.

E-mail: nikitaslivko@mail.ru;**Molokov Evgeny Sergeevich,**

Postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.

15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, 680020, Russia.

E-mail: nikitaslivko@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматривается эволюция дисциплинарного устава в России, начиная с советской милиции и заканчивая современной полицией. Особое внимание уделено роли дисциплинарного устава в регулировании служебной деятельности правоохранительных органов. Автор анализирует изменения и дополнения, которые произошли в уставе за последние десятилетия, и обсуждает их влияние на поведение и дисциплину сотрудников полиции. Исследование помогает понять, какие механизмы контроля и наказания используются в системе правоохранительных органов для обеспечения законности и эффективности их работы.

Abstract: This article examines the evolution of disciplinary regulations in Russia, starting with the Soviet police and ending with modern police. Particular attention is paid to the role of the disciplinary statute in regulating the official activities of law enforcement agencies. The author analyzes the changes and additions that have occurred in the statute over recent decades and discusses their impact on the behavior and discipline of police officers. The study helps to understand what control and punishment mechanisms are used in the law enforcement system to ensure the legality and effectiveness of their work.

Ключевые слова: устав, дисциплинарная ответственность, милиция, армия, дисциплинарные взыскания, служебное поведение.

Keywords: the charter, disciplinary responsibility, police, army, disciplinary penalties, official behavior.

Для цитирования: Козлов С.С., Молоков Е.С. Эволюция дисциплинарного устава: от советской милиции до современной полиции, и его роль в регулировании служебной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 224-227. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_224.

For citation: Kozlov S.S., Molokov E.S. Evolution of the disciplinary statute: from the Soviet militia to the modern police and its role in the regulation of official activity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 224-227. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_224.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Изучение дисциплинарных уставов милиции и органов внутренних дел с 1919 года по настоящее время представляет собой важную область научных исследований в правоприменительной деятельности. Рассмотрение процесса эволюции дисциплинарных норм в правоохранительных органах сквозь призму времени позволяет ученым и практическим сотрудникам получать ценную информацию, которая регулирует служебное поведение, а так же поддерживает порядок.

Для решения поставленной задачи, уставы органов внутренних дел можно объединить в следующие периоды 3 периода:

- 1) Период первых уставов (1916-1926 гг.);
- 2) Период советских уставов (1931-1984 гг.);
- 3) Современный период (после 1991 года):

Эти периоды отражают изменения в законодательстве и нормативной базе дисциплинарного регулирования в органах внутренних дел Российской Федерации с течением времени.

Отправной точкой развития и укрепления дисциплинарных правоотношений между сотрудниками, осуществляющими правоохранительные функции и Советской властью, является Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной армии (далее – ДУ РККА), утвержденный ВЦИК 30 января 1919 г., который так же распространялся на Рабоче-Крестьянскую милицию^[1, с. 4]. Данный документ закрепил основы поведения и морально-этические стандарты государственных служащих, которые выражаются в трех элементах: воинская дисциплина, воинский дух и воинская честь.

Необходимо отметить, что изложенные положения ДУ РККА: обязанность поддерживать уровень необходимых теоретических знаний и практических навыков, соблюдать все требования закона, послужили образцом для разработки последующих дисциплинарных уставов не только милиции, но и органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ).

22 августа 1919 г. был принят дисциплинарный устав для служащих рабоче-крестьянской милиции, в соответствии с которым за незначительные упущения по службе налагались следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) предостережение;
- 2) выговор строю и в приказе по милиции;
- 3) наряд вне очереди не свыше 10 суток;
- 4) арест на срок не свыше 10 суток;
- 5) смещение на низшие должности;
- 6) увольнение со службы.

Диапазон дисциплинарных мер, от предостережения до увольнения со службы, направлен на поддержание дисциплины и неукоснительного исполнения служебных обязанностей. Так же эти меры используются для укрепления профессиональной этики, соблюдения установленных правил и процедур. Введение нового и сурового вида дисциплинарной ответственности, как увольнение со службы направлено на создание более строгих и четких рамок для поведения сотрудников, улучшение дисциплины и повышения общей эффективности работы подразделения.

Каждый сотрудник милиции обязан строго и неукоснительно выполнять свои обязанности, имея в виду интересы РСФСР. Это требование направлено на обеспечение законности, защиты общественного порядка и правопорядка в обществе [2, с. 83]. За нарушение обязанностей сотрудник несет ответственность только по приговору суда или в порядке дисциплинарного устава.

При наложении дисциплинарного взыскания начальник должен учитывать следующие ключевые характеристики:

1. Степень вины обвиняемого – оценка того, насколько обвиняемый виновен в совершении нарушения, является важным критерием при принятии решения о наказании;
2. Время его пребывания на службе – длительность работы на данной должности или в службе может быть важным фактором при определении меры дисциплинарного воздействия;
3. Обстоятельства совершенного деяния – контекст и обстоятельства, в которых произошло нарушение, так же имеют значение. К примеру, были ли они преднамеренными или случайными, каковы их последствия и т.д.;
4. Ранее наложенные взыскания – история дисциплинарных взысканий может влиять на выбор наказания, вне зависимости от того, что ранее наложенное было снято. Повторные нарушения могут привести к более строгим мерам. Учитывая все факторы, начальник может принять обоснованное и справедливое решение о мере дисциплинарного воздействия в отношении подчиненного сотрудника.

Дисциплинарный устав стал вехой, на основе которой были внедрены ряд инноваций и новшеств в последующих редакциях уставов [3, с. 92]. Во-первых, перед тем как наложить взыскание за совершенный поступок, в обязательном порядке проводилось расследование. Закрепленный элемент позволил обеспечить прозрачность и объективность дисциплинарного процесса, что позволяет избежать необоснованных наказаний и поддержать доверие сотрудников к системе управления. Во-вторых, появилась форма персонального контроля и фиксации сведений по средствам занесения в журнал взысканий, в котором были отражены следующие положения: краткое содержание проступка, род и размер наказания. В-третьих, ежемесячно начальником передается информация в Главное управление о каждом наложенном дисциплинарном взыскании, что образует формирование единого аналитического учета в стране. В-четвертых, усилена ответственность начальников за неправильность наложения взыскания. Нововведение направлено на повышение уровня профессионализма, предотвращению случаев злоупотреблением властью и необоснованных наказаний. В-пятых, для публичного позора и дисциплинарного контроля над сотрудниками, осужденными по приговору суда за преступления или недостойные поступки заносились в особые списки на «черную доску». Сформированные данные направлялись в обязательном порядке в Главное Управление Советской Милиции, а так же распространялись по всем уездным Управлениям губернии, что служило инструментом для поддержания дисциплины, контроля и улучшения климата внутри милиции [1, с. 19].

После гражданской войны Советская власть стремилась к укреплению и консолидации своих институтов, включая силовой блок – милицию. Новый дисциплинарный устав Рабочей-Крестьянской Красной Милиции (далее – ДУ РККМ) от 16 августа 1923 года способствовал созданию более организованной и дисциплинированной структуры правопорядка, что было важно для поддержания стабильности в стране. Прошедшие события при революции и гражданской войны отразились на правоохранительных органах, в которых прослеживался кадровый дефицит и проблемы с дисциплиной и вступивший в силу устав стал инструментом борьбы с правонарушителями и коррупционерами среди сотрудников милиции. Проведенные органами ВЧК проверки выявили ряд служебных нарушений среди личного состава, а именно: взяточничество, вымогательство, пьянство, превышение должностных полномочий и т.д. [4, с. 69].

Соблюдение милицмейской дисциплины стало базироваться на принципах воинского духа и революционной чести. Воинский дух воплощает в себе преданность делу, готовность к самопожертвованиям и дисциплинированности, тогда как революционная честь акцентирует внимание на приверженность идеалам революции, справедливости и общему благу. Эти качества играют ключевую роль в формировании профессиональной этики и культурных норм внутри подразделений милиции.

Регламентирован порядок рассмотрения жалоб на неправомерные и несправедливые действия в отношении сотрудников милиции. Нормативно закреплена процедура подачи и разрешения обращений граждан, связанных с нарушением прав и законных интересов служащих

РКММ. Важным отличием от всех ранее действующих уставов заключается в предоставлении права вышестоящему начальнику в сокращении срока дисциплинарного взыскания – лишение права на повышение по службе, а так же на получение наград и отличий. Введение сокращения сроков дисциплинарного взыскания означает изменение в политике управления персоналом и в дисциплинарном производстве.

7 июля 1926 утверждается приказом Управления НКВД новый дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции (далее – ДУ РКММ). Контент новой версии устава соответствовал предыдущему акту, но имелся ряд модификаций. Так, в области дисциплинарной ответственности принят ряд изменений: во-первых, добавлено важное качество формируемое милицейской дисциплиной – честность, бескорыстность и вести себя достойно как на службе, так и вне ее; во-вторых, предостережение как мера дисциплинарной ответственности заменена на предупреждение, а так же исключено увольнение из казарменного помещения; в-третьих, подача жалоб осуществляется исключительно в письменной форме. Устная подача жалоб была упразднена. Срок подачи жалоб увеличился с пяти до семи суток. Эти изменения направлены на унификацию и упрощение процесса подачи жалоб, а так же на предоставление дополнительного времени для подготовки обращения.

Период советских уставов с 1931 по 1984 годы был связан с различными этапами развития Советского Союза и изменениями в политической, социальной и экономической жизни стран. Действующие уставы в этот период отражали государственную и партийную политику, а так же изменения в организации и функционировании системы государственных органов. Параллельно были введены следующие нововведения:

1. Впервые закреплена цель дисциплины сотрудников милиции: результат предполагает достижение результата по формированию у служащих, уверенности и стойкости, верность действующему государственному режиму, четкого понимания поставленных служебных задач в реконструктивный период при столкновении интересов и противодействие классов общества и т.д.
2. Ответственность за коллективные нарушения: введение дисциплинарной или судебной ответственности для сотрудников, подстрекающих к коллективному нарушению дисциплины.
3. Единое взыскание: при совершении нескольких дисциплинарных проступков в обязательном порядке применяется только одно взыскание по совокупности всех деяний.
4. Исчерпывающий перечень обстоятельств при определении меры дисциплинарного воздействия: учет начальником личных качества подчиненного, степени его вины, наличия халатности, ошибки или умысла, а так же степени вреда, нанесенного делу, при выборе меры дисциплинарного взыскания. При этом недопустимо унижение личного достоинства подчиненного и проявление грубости.
5. Процедура получения объяснения: обязательное получение объяснений от лица, совершившего дисциплинарный проступок, перед наложением взыскания.
6. Расширение полномочия Высшего начальника: возможность усиления примененного взыскания, такого как замечание и выговор, или замена его более строгим. Неотбытое взыскание может быть усилено путем увеличения его размера.
7. Дисциплинарное взыскание и судебная ответственность: дисциплинарное взыскание не освобождает виновного от судебной ответственности, если за преступление возбуждено уголовное дело.
8. Устная форма подачи жалобы: восстановление устной формы подачи жалобы, которая теперь рассматривается только при инспекторском опросе.
9. Учет дисциплинарных взысканий: введение карточной системы учета дисциплинарных взысканий. На каждого сотрудника милиции заводится дисциплинарная карточка установленной формы, хранящаяся в управлении, где должностное лицо проходит службу. При увольнении карточка сдается в архив.
10. Факторы увеличения строгости взыскания: учет повторных проступков одного и того же характера, совершение проступков при исполнении служебных обязанностей или существенное нарушение порядка в результате проступка.
11. Ответственность начальника за дисциплину: за состояние служебной дисциплины среди подчиненных отвечает начальник, так же в его обязанности входило воспитание сотрудников в духе неуклонного выполнения требований закона.
12. Арест как мера дисциплинарного воздействия: арест с содержанием на гауптвахте до 10 суток для сотрудников ОВД, за исключением высшего начальствующего состава. Применение данной меры возможно только при неэффективности других мер, принятых ранее начальником.
13. Сроки действия дисциплинарного взыскания: действие дисциплинарного взыскания прекращается, если в течение года со дня его наложения не последует нового взыскания. В порядке поощрения взыскание может быть снято до истечения года. Словесное взыскание теряет юридическую силу через месяц.
14. Восстановление специального звания: снятие дисциплинарного взыскания в виде понижения в специальном звании возможно не ранее чем через год при условии, что подчиненный доказал исправление образцовой службой и безупречным поведением.
15. Ответственность за ложные жалобы: привлечение к ответственности лиц рядового или начальствующего состава, подавших заведомо ложную информацию.

Описанные новеллы дисциплинарных уставов, прежде всего направлены на повышение дисциплины и эффективности работы сотрудников РК милиции, акцентируя внимание на личностных качествах, ответственности и прозрачности процедур. Особое внимание уделено формированию преданности пролетарскому государству и готовности к самопожертвованию. Установлены новые механизмы учета и контроля дисциплинарных проступков, усилена ответственность за коллективные нарушения и ложные жалобы. Введены процедуры для справедливого рассмотрения проступков, включая обязательное получение объяснений от виновных. Также предусмотрены меры поощрения и возможности воста-

новления ранее пониженного звания при условии исправления. Все эти изменения направлены на улучшение организационной структуры и повышение морального уровня сотрудников, что способствует успешному выполнению задач в условиях строительства социализма.

В ходе исследования рассматриваются ключевые периоды в истории дисциплинарного устава, начиная с формирования первых уставов для рабоче-крестьянской милиции в начале XX века до современного законодательства.

Первый период, охватывающий уставы конца 1910-х - начала 1920-х годов, выделяется своей ориентацией на установление жесткой дисциплины в условиях гражданской войны и первоначальной стадии советской власти. Уставы этого времени четко регламентировали поведение сотрудников и предусматривали строгие меры воздействия за совершенные нарушения.

Следующий период, приходящийся на 1930-е – 1940-е годы, характеризуется усилением централизации и идеологизации дисциплинарных норм. В этот период уставы стали частью общей политической системы и направлены на обеспечение лояльности идеалам коммунизма, что отразилось в строгих мерах по отношению к нарушителям.

Третий период, с 1970-х до конца советской эпохи, отмечен усилением правовой базы регулирования служебной дисциплины и модернизацией процедур установления вины и назначения наказаний. Уставы этого времени стали более детализированными и включали в себя механизмы защиты прав сотрудников.

Современный период, начиная с 1990-х годов, отмечается переходом к новым стандартам в области прав человека и укреплением принципов правового государства. Дисциплинарный устав ОВД РФ от 2012 года стал выражением этих изменений, учитывая международные стандарты и обеспечивая баланс между необходимостью поддержания дисциплины и защитой прав сотрудников.

Таким образом, статья освещает эволюцию дисциплинарного устава органов внутренних дел от времен советской милиции до современной полиции, подчеркивая его важную роль в регулировании служебной деятельности. Каждый этап развития уставов отражает изменяющиеся социально-политические условия и стремление обеспечить эффективность и законность деятельности правоохранительных органов.

Библиография:

1. Дисциплинарные уставы органов внутренних дел: хрестоматия / авт.-сост. Я.Л. Ванюшин. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2020. 134 с.
2. Камалова Г.Т. К вопросу о становлении дисциплинарных отношений в советской милиции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». Т. 16, № 4, С. 83-86.
3. Журавлев В.В. Становление дисциплинарных правоотношений в советской милиции в 1917-1919 годах // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 90-93.
4. Журавлев В.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников советской милиции в 20-30 годах XXвека // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 68-71.

References:

1. Disciplinary charters of internal affairs bodies: a textbook / author-comp. Ya.L. Vanyushin. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 134 p.
2. Kamalova G.T. On the question of the formation of disciplinary relations in the Soviet police // Bulletin of SUSU. Series "Law". Vol. 16, No. 4, pp. 83-86.
3. Zhuravlev V.V. Formation of disciplinary legal relations in the Soviet militia in 1917-1919 // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2. pp. 90-93.
4. Zhuravlev V.V. Disciplinary responsibility of Soviet police officers in the 20-30s of the twentieth century // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 1. pp. 68-71.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_228

УДК 347.963

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Digitalization of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: problems and solutions

КОВАЛЕВ Артем Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорской деятельности
Института Прокуратуры Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева,
620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

E-mail: artem.kovalev.1978.kovalev@mail.ru;

Kovalev Artem Aleksandrovich,

Associate Professor of the Department of Prosecutorial Activity
Institute of the Prosecutor's Office Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Candidate of Law, Associate Professor

Yekaterinburg, Russia, 620137, Russia, Sverdlovskaya oblast', g. Ekaterinburg, ul. Komsomol'skaya, 21.

E-mail: artem.kovalev.1978.kovalev@mail.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам цифровизации и информационной трансформации органов и организаций прокуратуры. Ввиду значительного количества информационных систем, используемых прокуратурой, для удобства научного анализа и практического применения предложена их классификация. Рассмотрены проблемы использования информационного обеспечения прокурорскими работниками, вопросы обучения оперативных сотрудников прокуратуры навыкам работы с новыми информационными системами, а также практические недоработки информационных ресурсов. Предложены пути решения обозначенных проблем.

Abstract: This article is devoted to the issues of digitalization and information transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office. Due to the significant number of information systems used by the prosecutor's office, their classification is proposed for the convenience of scientific analysis and practical application. The problems of using information support by prosecutors, issues of training operational staff of the prosecutor's office in the skills of working with new information systems, as well as practical shortcomings of information resources are considered. The ways of solving the identified problems are proposed.

Ключевые слова: цифровизация, информационные системы, информатизация, программное обеспечение, органы прокуратуры, Генеральная прокуратура РФ, прокуратура первичного звена, прокурорский надзор, прокурорский работник.

Keywords: digitalization, information systems, informatization, software, prosecutor's office, Prosecutor General's Office of the Russian Federation, primary prosecutor's office, prosecutor's supervision, prosecutor's employee.

Для цитирования: Ковалев А.А. Цифровизация деятельности прокуратуры Российской Федерации: проблемы и пути решения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 228-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_228.

For citation: Kovalev A.A. Digitalization of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: problems and solutions // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 228-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_228.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Процессы цифровизации и информатизации в XXI веке охватили все сферы деятельности современного общества, не оставив в стороне и деятельность органов государства и их должностных лиц [1]. Не являются исключением и органы прокуратуры Российской Федерации, которые, как имеющая важнейшее значение для нормальной жизни государства и общества система, должны использовать современные технологии. Цифровизация деятельности органов прокуратуры является одной из основных задач национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и направлена на повышение эффективности и оптимизацию деятельности прокуратуры. В 2017 году Генеральный прокурор РФ издал приказ «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года», реализация целей и задач которого получила бурный отклик на практике [2]. Вместе с тем, при практической реализации задачи по цифровизации органов прокуратуры возникает немало проблем, требующих решения. Таким образом актуальность темы настоящей работы очевидна.

Для решения задачи по цифровизации деятельности органов прокуратуры создается множество информационных систем, под которыми принято в самом общем смысле понимать комплексы, состоящие из вычислительного и коммуникационного оборудования, программного обеспечения, лингвистических средств и информационных ресурсов [7, с. 12-22]. На данный момент в системе органов и организаций прокуратуры действует более 50 единиц программно-информационных систем [3]. Исходя, в первую очередь, из характера устройства прокуратур первичного звена, на которые ложится основной объем работы, в том числе, исполнение различных поручений Генеральной прокуратуры и прокуратур субъектов РФ, непосредственная работа с гражданами, проведение подавляющего числа проверок поднадзорных субъектов и объектов, и ввиду значительного количества используемых в целом прокуратурой России информационных систем, представляется возможным привести обобщающую их классификацию.

Первая группа включает информационное обеспечение, которое применяется прокурорскими работниками при осуществлении надзора за деятельностью оперативно-розыскных органов, деятельностью следствия и дознания, например, ГАС ПС (государственная автоматизированная система правовой статистики), АРМ КУСП (автоматизированное рабочее место ведения книги учета сообщений о преступлениях в электронном виде), АРМ (автоматизированное рабочее место) «Правовая статистика».

Вторая – цифровые системы, применяемые при реализации полномочий по «общему надзору», в частности, ФГИС ЕРКНМ (Федераль-

ная государственная информационная система «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий).

Третья группа - общее программное обеспечение, разработанное специально для системы органов прокуратуры вне зависимости от направления деятельности, такое как СПО ЕПП (Специальное программное обеспечение Единый портал прокуратуры), популярный среди практиков прокурорского надзора АИК (автоматизированный информационный комплекс) «Надзор-WEB», АИС (Автоматизированная информационная система) «Архивное дело ОП (органов прокуратуры)», АРМ (автоматизированное рабочее место) «Статистика».

Четвертая, содержащая информационные системы, разработанные преимущественно для деятельности Генеральной прокуратуры и прокуратур субъектов РФ: ИС МЭВ ГП (Информационная система межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры), АИК «Кадры-ОП», АИС «Пенсия», ВПТК (Ведомственный программно-технический комплекс по ведению автоматизации бюджетного и управленческого учета системы прокуратуры России).

Пятая группа, состоящая из программ, используемых не только органами прокуратуры. Среди последних возможно выделить различного рода справочно-правовые системы, «КонсультантПлюс», «Спарк», «Маркер» и другие; программы, обеспечивающие возможность полноценной работы с компьютерной техникой, в частности, операционные системы «Microsoft Windows», «Linux», включая их офисные пакеты, интернет-браузеры «Спутник», «Яндекс Браузер», программы для работы в формате ВКС, программное обеспечение для просмотра файлов PDF, подключения USB-носителей и т.д.; системы для обеспечения защищенности информации, например, комплекс антивирусного программного обеспечения и управления «Kaspersky», пакет средств защиты «Secret Net Studio», программно-аппаратный комплекс от несанкционированного доступа «Соболь», комплекс программного обеспечения анализа уязвимостей RedCheck и другие.

Исследованию отдельных аспектов информатизации посвящены различные научные исследования [5, с. 52-53; 11, с. 387-388; 13, с. 188, 192], более того, они закреплены на официальном уровне [2]. По результатам их анализа можно прийти к выводу, что, в своей сущности, общее назначение цифровизации деятельности прокуратуры, в том числе, разработки и внедрения информационных систем можно определить как увеличение эффективности и качества прокурорского надзора, повышение оперативности работы должностных лиц прокуратуры с одновременным снижением нагрузки на них, а также достижение большей защищенности процессов использования и обмена служебной информацией.

Некоторые авторы акцентируют внимание на положительных проявлениях применения информационных систем и вносят предложения по их дальнейшему совершенствованию. Профессор С.Х. Джиоев обращает внимание на поэтапное внедрение цифровых систем в работу органов прокуратуры, констатирует положительные стороны данного процесса, предлагая меры дальнейшего осуществления цифровизации путем интеграции данных государственных порталов и Генеральной прокуратуры РФ, а также осуществления проекции опыта использования ГАС ПС на производства по административным составам [5, с. 56, 58-59]. Схожий подход усматривается в работе исследователя-практика А.А. Малова, посвященной цифровизации органов прокуратуры Республики Бурятия [10, с. 23-25].

Некоторые ученые подходят к рассматриваемой проблематике с другой стороны. Исследователь П.В. Широкова, отмечая плюсы разработки и применения ГАС ПС, справедливо обращает внимание на давно наболевшую проблему эффективности совмещения прокурорами своей непосредственной деятельности в условиях высокой загруженности текущей работой с оперативным внесением статистических данных в упомянутую цифровую систему [12, с. 198]. О подобной проблеме, но применительно к АИК «Надзор-WEB» пишет правовед Д.А. Алексеев [4, с. 73-74]. Разделяя существо и значимость обозначенной проблемы, полагаем возможным предложить собственный вариант ее разрешения, при этом не требующий введения в прокуратуре дополнительной должности. Целесообразной видится разработка специального программного обеспечения в виде нейросети с голосовым помощником, которая будет по заранее выработанным и строго выверенным алгоритмам выполнять различные поручения прокурорского работника, например, осуществлять поиск, загрузку, регистрацию и направление на подписание соответствующих документов и сканов – от оперативного работника потребуется только составление документа и его сканирование. Стоит заметить, что ранее в юридической науке уже рассматривалась возможность и целесообразность применения в работе прокуратуры первичного звена систем искусственного интеллекта [6, с. 17-23].

Не меньшее значение в контексте рассматриваемого вопроса имеет под собой проблема обучения прокурорских работников применению внедренных информационных систем. Примечательно, что существование трудностей в этой сфере отмечает подавляющее большинство ученых [9, с. 129; 12, с. 199; 8, с. 77-79]. В исследованиях, посвященных проблематике цифрового образования сотрудников прокуратуры, уже было предложено записывать к каждой информационной системе видеoinструкцию [4, с. 74-75]. Развивая данную мысль, представляется возможным рекомендовать разработку пакета образовательных курсов с видеоматериалами, к которым можно будет обратиться в любое время, а также общего закрытого чата работников прокуратуры для оперативной онлайн взаимопомощи.

Также полагаем, что в научной литературе уделяется недостаточное внимание исследованию и проблематике применения программного обеспечения, указанного в пятой группе предложенной в настоящей работе классификации. Проблемой видится возникающая на практике сложность поиска прокурорскими работниками актуальных электронных и фактических адресов различных организаций, муниципальных и государственных органов. Для этих целей сотрудникам предоставлен информационный ресурс «Спарк», однако, как показывает практика прокуратуры первичного звена, данная система не обладает свойствами, необходимыми для оперативной и стабильной работы. Во-первых, программа не всегда доступна для использования ввиду технических сбоев или обновлений. Во-вторых, данный ресурс нередко выдает излишне большое количество данных. В-третьих, содержащаяся в этой системе информация не всегда актуальна, а по некоторым органам, с которыми прокуратуре необходимо взаимодействовать, данные могут отсутствовать, например, такая ситуация сложилась с территориальными подразделениями ЦБ РФ. В связи с существующей проблемой применения данного ресурса, затрудняющей практику осуществления прокурорской деятельности, в-

дится правильной разработка закрытой, защищенной информационной системы, содержащей все необходимые, актуальные данные о поднадзорных субъектах и объектах, а также иных органах, с которыми взаимодействуют должностные лица прокуратуры. Разработку такого ресурса представляется возможным возложить на Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, а обязанности по постоянной актуализации информации, содержащейся в данном ресурсе, на Отделы информационных технологий и защиты информации прокуратур субъектов Российской Федерации.

Информатизация и цифровизация общества и государства, в частности, органов и организаций прокуратуры имеет колоссальное значение, однако, принципиально важно, чтобы возникающие при внедрении новых информационных систем практические проблемы не перекрывали положительного эффекта цифровизации. Вместе с тем, предложенные в настоящей работе варианты разрешения существующих проблем внедрения и применения цифровых систем позволят улучшить качество обеспечения органов прокуратуры информационными системами и, как следствие, повысят качество и эффективность прокурорской деятельности.

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Распоряжение Генерального прокурора Российской Федерации от 01.07.2022 №364/11р «Об утверждении единого реестра программного обеспечения, используемого в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации»: приложение. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Алексеев Д.А. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Актуальные исследования. 2022. №36 (115). С. 72-75. URL: <https://apni.ru/article/4567-tsifrovizatsiya-deyatelnosti-organov-prokurat> (дата обращения: 19.05.2024).
5. Джиоев С.Х. Вопросы развития информационных технологий и систем в деятельности органов прокуратуры // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. №3 (91). С.51-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razvitiya-informatsionnyh-tehnologiy-i-sistem-v-deyatelnosti-organov-prokuratury> (дата обращения: 19.05.2024).
6. Карпышева Ю.О. О возможностях использования искусственного интеллекта и иных информационных технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. № 4. С. 15-23. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68903 (дата обращения: 19.05.2024).
7. Коголовский М.Р. Перспективные технологии информационных систем. – М.: ДМК Пресс; Компания АйТи, 2003. – 288 с.
8. Коренюк А. Л. Некоторые вопросы прокурорской деятельности в связи с реализацией Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры // Вестник РПА. 2019. №3. С. 75-81.
9. Лихачёва Е.Ю. Подготовка кадров и дополнительное профессиональное образование работников органов прокуратуры в условиях цифровой трансформации // Теоретические, организационные и правовые проблемы создания цифровой среды органов прокуратуры Российской Федерации: монография / под общ. ред. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва: Проспект, 2021. – 140 с.
10. Малов А. А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2022. Вып. 1. С. 22–26.
11. Тарасова Т.С. Информационные системы в органах и организациях прокуратуры: понятие, преимущества и недостатки // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 387-389. URL: <https://moluch.ru/archive/470/103828/> (дата обращения: 18.05.2024).
12. Широкова П.В. К вопросу о применении информационных систем в деятельности прокурора // Вестник КГУ. 2023. №1. С. 196-200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-informatsionnyh-sistem-v-deyatelnosti-prokurora> (дата обращения: 19.05.2024).
13. Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 187–193.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" - Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus".
2. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated September 14, 2017 No. 627 "On approval of the Concept of digital transformation of bodies and organizations of the Prosecutor's Office until 2025" - Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus".
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 07/01/2022 No.364/11r "On approval of the Unified Register of software used in bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation": appendix. - Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus".
4. Alekseev D.A. Digitalization of the activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation // Actual research. 2022. No.36 (115). pp. 72-75. URL: <https://apni.ru/article/4567-tsifrovizatsiya-deyatelnosti-organov-prokuratury> (date of application: 05/19/2024).
5. Dzhioev S.H. Issues of the development of information technologies and systems in the activities of the prosecutor's office // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2022. No.3 (91). pp.51-60 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-razvitiya-informatsionnyh-tehnologiy-i-sistem-v-deyatelnosti-organov-prokuratury> (date of application: 05/19/2024).
6. Karpysheva Yu.O. On the possibilities of using artificial intelligence and other information technologies in the activities of the prosecutor for supervision of the execution of laws // NB: Administrative law and Practice of Administration. 2023. No. 4. pp. 15-23. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68903 (date of reference: 05/19/2024).
7. Kogalovsky M.R. Promising technologies of information systems. – М.: ДМК Press; IT Company, 2003. – 288 p.
8. Korenyuk A. L. Some issues of prosecutorial activity in connection with the implementation of the Concept of digital transformation of the prosecutor's office // Bulletin of the RPA. 2019. No. 3. pp. 75-81.
9. Likhacheva E.Yu. Training and additional professional education of employees of the prosecutor's office in the context of digital transformation // Theoretical, organizational and legal problems of creating a digital environment for the Prosecutor's office of the Russian Federation: monograph / under the general editorship of O.S. Kapinus; Un-t Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation. Moscow: Prospekt, 2021. – 140 p.
10. Malov A. A. Digital transformation of the Prosecutor's Office of the Republic of Buryatia // Bulletin of the Buryat State University. Jurisprudence. 2022. Issue 1. pp. 22-26.
11. Tarasova T.S. Information systems in bodies and organizations of the prosecutor's office: concept, advantages and disadvantages // Young Scientist. 2023. No. 23 (470). pp. 387-389. URL: <https://moluch.ru/archive/470/103828/> (date of access: 05/18/2024).
12. Shirokova P.V. On the issue of the use of information systems in the activities of the prosecutor // Bulletin of the KSU. 2023. No. 1. pp. 196-200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-informatsionnyh-sistem-v-deyatelnosti-prokurora> (date of appeal: 05/19/2024).
13. Yatsutsenko V. V. Problems and prospects of introducing digital technologies into the activities of the prosecutor's office // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 11. pp. 187-193.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ Problems of ethical regulation of the activities of experts in the field of public administration

КОРЕПИНА Анна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
160000, Россия, Вологодская область, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, 18.
E-mail: annakorepina_mgua35@mail.ru;
ORCID 0000-0002-5854-3492;

Korepina Anna Viktorovna,

PhD (Law), Associate Professor, Head of Administrative and financial law department
North-Western Institute Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
160000, Russia, Vologda region, Vologda, Maria Ulyanova str., 18.
E-mail: annakorepina_mgua35@mail.ru;
ORCID 0000-0002-5854-3492

Краткая аннотация. В статье проведен анализ законодательства, регламентирующего основы поведения экспертов в сфере государственного управления. Разброс этических требований, а также имеющиеся пробелы, не позволяют представить целостную картину нравственных принципов, которыми должны руководствоваться эксперты при проведении экспертиз в сфере государственного управления. Выявленная проблема отсутствия единой этической стандартизации экспертной деятельности в сфере государственного управления позволила автору обозначить ее причины.

Abstract. The article analyzes the legislation regulating the basis of behavior of experts in the field of public administration. The scattering of ethical requirements, as well as the existing gaps, do not allow to present a holistic picture of moral principles that should guide experts when conducting expert examinations in the field of public administration. The identified problem of the absence of a unified ethical standardization of expert activity in the field of public administration allowed the author to identify its causes.

Ключевые слова: государственное управление, экспертиза, эксперт, нравственные принципы, этическая стандартизация, экспертная деятельность.

Keywords: public administration, expertise, expert, moral principles, ethical standardization, expert activity.

Для цитирования: Корепина А.В. Проблемы этической регламентации деятельности экспертов в сфере государственного управления // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 231-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_231.

For citation: Korepina A.V. Problems of ethical regulation of the activities of experts in the field of public administration // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 231-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_231.

Статья поступила в редакцию: 08.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Применение института экспертизы в сфере государственного управления связано с необходимостью принятия эффективных и рациональных государственных управленческих решений. Реализация данного направления должна обеспечиваться за счет профессионализма экспертов. Это качество образуют не только знания, умения и навыки эксперта. Важной составляющей профессионализма эксперта выступают нравственные позиции, основанные на сложившихся в обществе моральных нормах и принципах, которыми он руководствуется в своей деятельности.

В научной литературе для их обозначения используют понятие «нравственные ценности», под которыми понимаются: «особые свойства объектов и субъектов, характеризующие высший уровень развития духовного мира личности, принявшей эти ценности посредством духовной деятельности» [1, с. 49]. «устойчивое мотивационное образование, которое выражается, с одной стороны, в склонности человека к отношениям и поступкам, отвечающим моральным нормам, с другой стороны, в понимании себя свободной, совестливой и ответственной личностью» [21, с. 128]; «нравственный интегратор человека, концентрирующий вокруг себя все его потребности, интересы, идеалы, установки и убеждения» [24, с. 90].

Юридический аспект исследования нравственных ценностей связан с рассмотрением их как основы организации общества. Они заложены в Конституции РФ, в которой высшей ценностью признается человек, его права и свободы. Основным закон государства определяет нравственность в качестве одного из национальных приоритетов, допуская возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в целях ее защиты. Правовая установка этических основ юридической деятельности на соблюдение, защиту и охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина в научной литературе не оспаривается [20, с. 194].

Профессиональные сообщества и государство, понимая значимость нравственных ценностей для формирования правовой культуры в обществе, определяют их в качестве основы поведения своих членов. Их нормативное закрепление на сегодняшний день осуществляется с помощью этических стандартов поведения, оформляемых кодексами профессиональной этики, которые утверждаются для определенных профессий и специальностей. Подобного рода акты носят неправовой характер [3, с. 41]. Вместе с тем, значимость этических кодексов неоспорима за счет своей ориентации на укрепление доверия общества к профессиональной деятельности. На специфичность и уникальность этических кодексов, задающих «ролевую модель поведения», указывает А.В. Оболонский [4, с. 15, 26]. Ученый отмечает, что пока данные документы не вписываются «в привычные рамки разделенной высокими междисциплинарными барьерами современной общественной науки», вместе с тем, потребность в дополнительной правовой легитимности моральных норм имеет место быть [5, с. 147].

Отмеченная проблема проявляется при регулировании деятельности экспертов в сфере государственного управления, где отсутствует единая этическая стандартизация.

Значительный объем экспертиз в сфере государственного управления проводят государственные эксперты, которые замещают государственные должности государственной службы (правовая и антикоррупционная экспертизы, государственная экологическая экспертиза, государственная экспертиза проектной документации и государственная экспертиза результатов инженерных изысканий, государственная экспертиза проектов освоения лесов, специальная экспертиза предприятий, учреждений и организаций, деятельность которых связана с проведением работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, государственная экспертиза внешнеэкономических сделок, государственная религиоведческая экспертиза, ведомственная экспертиза обоснования инвестиций в строительство, проектной документации на реконструкцию и строительство объектов уголовно-исполнительной систем и др.). На таких экспертов распространяют свое действие этические кодексы, принятые для государственных служащих федерального и регионального уровней. Основой для их разработки является Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [22]. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что подобные акты носят общий характер и не учитывают специфику профессиональной деятельности эксперта.

В отношении государственных экспертов, не являющихся государственными служащими, действуют этические кодексы государственных организаций, в которых они работают. Имеющиеся этические документы носят межотраслевой характер [19].

Для негосударственных экспертов и экспертных организаций, привлекаемых органами исполнительной власти к проведению экспертиз в сфере государственного управления, этические стандарты определяются либо профессиональными сообществами, либо их нет вообще. В последнем случае примером служит деятельность независимых экспертов, привлекаемых к решению кадровых вопросов на государственной службе, к организации проведения конкурсных, аттестационных, антикоррупционных процедур, специалистов-религиоведов, содействующих проведению религиоведческой экспертизы, представителей образовательных и научных организаций, научно-педагогических сообществ, учебно-методических объединений, участвующих на общественных началах в организации педагогической экспертизы.

Разброс этических требований, предъявляемых к субъектам экспертной деятельности, отсутствие структурного и содержательного единства определяющих их документов, имеющиеся пробелы, не позволяют представить целостную, системную картину тех моральных норм поведения и принципов, которыми должны руководствоваться эксперты и экспертные организации при проведении экспертиз в сфере государственного управления. Вместе с тем, эксперт относится к той категории профессионалов, оценить работу которого, а также поставить под сомнение результаты его деятельности, достаточно сложно. В этой связи нравственные основы поведения экспертов играют важную роль в укреплении доверия к результатам их деятельности со стороны общества и государства.

По мнению автора, к основным нравственным ценностям, на которые должен опираться эксперт при проведении экспертного исследования и составления экспертного заключения, являются честность и добросовестность. Их воплощение в поведение экспертов с помощью правовых норм должно выражаться в соответствующих правовых принципах.

Правовое выражение такой нравственной ценности как честность, безусловно, находит в принципе объективности, который предполагает отсутствие любого рода заинтересованности и предвзятости эксперта относительно содержания ее результата. Эксперт должен быть независим от органа исполнительной власти, принимающего управленческое решение на основе результата экспертизы. Ему следует избегать ситуаций, способных скомпрометировать его профессиональную репутацию, отношений, которые допускают влияние физических и юридических лиц, инициировавших проведение экспертизы и заинтересованных в ее результатах. Законодательное закрепление механизмов преодоления любого рода конфликтов интересов при проведении экспертиз, включающих институты отвода/самоотвода эксперта от проведения исследования, служит гарантией честности эксперта.

В целях обеспечения объективности экспертного исследования закрепляются обязанности и запреты, которые должны соблюдать эксперты и экспертные организации при проведении экспертизы. Среди них особо следует отметить: обязанность эксперта сообщить руководителю экспертного учреждения об обстоятельствах, препятствующих его привлечению к проведению экспертизы [12], а если указанные обстоятельства стали известны ему в период проведения экспертизы, отказаться от участия в проведении экспертизы [6], запрет эксперту и экспертному учреждению требовать непосредственно у заявителя и иных заинтересованных лиц дополнительных документов, материалов и сведений, необходимых для проведения экспертизы [11], запрет на разглашение информации, которая стала известна эксперту в связи с проведением экспертизы [23].

Добросовестность напрямую связана с такими правовыми принципами как полнота и всесторонность экспертного исследования. Эксперт должен проводить экспертизу, опираясь исключительно на свои профессиональные знания, умения и навыки, опыт проведения подобного рода исследований. Он должен изучить, проанализировать и оценить объект экспертного исследования со всех сторон, учитывая все факты и обстоятельства, дать заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями. В этой связи компетентность экспертов выступает необходимым элементом их правового статуса и важным принципом, обеспечивающим добросовестность при проведении экспертного исследования. В отдельных нормативных правовых актах предусмотрены квалификационные требования, соответствие которым позволяет эксперту проводить определенного вида экспертизу. Как правило, такие требования предъявляются к государственным экспертам [8] [8].

В некоторых нормативных правовых актах, регламентирующих порядок проведения экспертиз в той или иной сфере государственного управления, имеется прямое указание на необходимость применения экспертом научного подхода при проведении экспертизы. В частности, в Приказе Министерства промышленности и торговли РФ от 30 июля 2015 г. № 2167 «Об утверждении Порядка проведения обязательной метроло-

гической экспертизы содержащихся в проектах нормативных правовых актов Российской Федерации требований к измерениям, стандартным образцам и средствам измерений» [14] научный подход при проведении метрологической экспертизы определен наравне с такими принципами как ее полнота и объективность.

Добросовестность эксперта предполагает и своевременность выполнения своих профессиональных обязанностей. Важным представляется соблюдение установленных сроков проведения экспертного исследования. Для большинства экспертиз, реализуемых в рамках административно-процедурных производств, они нормативно определены. Так, например, срок проведения государственной экспертизы проекта освоения лесов не должен превышать пятнадцать рабочих дней [2], религиозно-этической экспертизы – трех месяцев [17], правовой экспертизы – 30 дней [16], педагогической экспертизы – 15 дней [10], экспертизы результатов регистрационных испытаний пестицидов и агрохимикатов – трех месяцев [15].

Основой для выводов, положенных в основу заключения эксперта, должен быть достаточный, достоверный и проверенный объем представленной информации. В этой связи для обеспечения полноты проведения экспертного исследования законодательством эксперту предоставлены соответствующие права. Так, при проведении государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий экспертная организация вправе: а) истребовать, в том числе в рамках межведомственного информационного взаимодействия, от органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций сведения и документы, необходимые для проведения государственной экспертизы; б) привлекать на договорной основе к проведению государственной экспертизы иные государственные и негосударственные организации, а также специалистов. При этом добросовестность при организации государственной экспертизы обеспечивается исполнением обязанности экспертной организацией принимать меры по обеспечению сохранности документов, представленных для проведения экспертизы, а также по неразглашению проектных решений и иной конфиденциальной информации, которая стала известна в связи с проведением государственной экспертизы [9].

Важным правом эксперта выступает возможность отказа от проведения экспертизы, если поставленные вопросы находятся вне его компетенции, выходят за пределы его специальных знаний, объекты исследований и материалы непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы [13].

В тех случаях, когда экспертное заключение принимает экспертная комиссия (экспертный совет), у эксперта есть право не согласиться с решением большинства ее членов. Так, например, эксперты постоянно действующих межведомственных экспертных групп, образуемых при Федеральной службе по техническому и экспортному контролю, при проведении государственной экспертизы внешнеэкономических сделок с товарами, информацией, работами, услугами и результатами интеллектуальной деятельности, в отношении которых установлен экспортный контроль [7], вправе подготовить особые обоснованные мнения в случае несогласия с результатами государственной экспертизы.

Таким образом, нравственные основы экспертной деятельности выступают ценностными ориентирами, на которые должен опираться эксперт в своей профессиональной деятельности при решении поставленных перед ним задач. Вместе с тем, отсутствие единой этической стандартизации деятельности экспертов в сфере государственного управления порождает проблему обеспечения их осуществления на практике. Анализ законодательства по данному вопросу позволил автору статьи увидеть причины данной проблемы. Разрозненность этической регламентации деятельности экспертов в сфере государственного управления обусловлена: во-первых, разнообразием видов экспертиз, организация или проведение которых возложены на органы исполнительной власти и их должностных лиц; во-вторых, отсутствием единого нормативного правового акта, определяющего основы экспертной деятельности в сфере государственного управления; в-третьих, использованием органами исполнительной власти институтов государственной и негосударственной экспертизы.

Библиография:

1. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43-51.
2. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
3. Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 39-44.
4. Оболонский А.В. Этика и ответственность в публичной службе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 7-32.
5. Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни: монография / А. В. Оболонский. 2-е изд., электрон. Москва; Челябинск: Социум. 2020. 448 с.
6. Постановление Правительства РФ от 25.04.2024 № 530 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 27.04.2024.
7. Постановление Правительства РФ от 16.04.2001 № 294 «Об утверждении Правил проведения государственной экспертизы внешнеэкономических сделок с товарами, информацией, работами, услугами и результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), в отношении которых установлен экспортный контроль» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 17. Ст. 1713.
8. Постановление Правительства РФ от 01.03.2023 № 335 «О государственной экспертизе запасов полезных ископаемых и подземных вод, геологической информации о предоставляемых в пользование участках недр, об определении размера и порядка взимания платы за ее проведение» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.03.2023.
9. Постановление Правительства РФ от 05.03.2007 № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 11. Ст. 1336.
10. Постановление Правительства РФ от 17.02.2014 № 120 «О порядке проведения педагогической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов, касающихся вопросов обучения и воспитания» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.02.2014.
11. Приказ Минздрава России от 20.03.2020 № 206н «Об утверждении Порядка организации и проведения экспертизы качества, эффективности и безопасности медицинских изделий» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2020.
12. Приказ Минздрава России от 31.01.2017 № 30н «Об утверждении Правил проведения биомедицинской экспертизы биомедицинских клеточных продуктов и форм заключений комиссии экспертов федерального государственного бюджетного учреждения по проведению биомедицинской экспертизы биомедицинских клеточных продуктов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 13.06.2017.
13. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 753н «Об утверждении порядка организации и проведения этической экспертизы возможности проведения клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения и формы заключения совета по этике» // Российская газета. № 199. 06.09.2010.
14. Приказ Минпромторга России от 30.07.2015 № 2167 «Об утверждении Порядка проведения обязательной метрологической экспертизы содержащихся в проектах нормативных правовых актов Российской Федерации требований к измерениям, стандартным образцам и средствам измерений» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.11.2015.

15. Приказ Минсельхоза России от 29.08.2022 № 565 «Об утверждении порядка проведения экспертизы результатов регистрационных испытаний пестицидов и агрохимикатов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.09.2022.
16. Приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» // Бюллетень Минюста РФ. № 1. 2013.
17. Приказ Минюста РФ от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиозно-этической экспертизе» // Российская газета. № 43. 13.03.2009.
18. Приказ Росаккредитации от 15.10.2021 № 178 «Об утверждении правил деловой и профессиональной этики эксперта по аккредитации, технического эксперта» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.11.2021.
19. Приказ ФАУ «Главгосэкспертиза России» от 26.09.2022 № 240 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики и делового поведения работников ФАУ «Главгосэкспертиза России»» // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2024).
20. Степаненко Р.Ф., Юн Л.В. Этические основы правоприменительной деятельности: актуальные вопросы теоретического правоведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 2 (32). 189-196.
21. Стецевич М.Ю. Нравственные ценности: воспитание, формирование, освоение, ориентация // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4 (43). С. 127-129.
22. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Официальные документы в образовании. № 36, декабрь. 2011.
23. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.
24. Чхутиашвили Л.В. Ценностные приоритеты в современной правовой системе // Нравственное измерение и человеческий потенциал права, Москва, 21–26 апреля 2017 года / Ответственный редактор В. М. Артемов. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект». 2017. 368 с.

References:

1. Bondareva Y.V., Molchan E.M. Spiritual and moral values as a vector of development of social systems // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2019. № 1. С. 43-51.
2. Forest Code of the Russian Federation from 04.12.2006 № 200-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006, № 50. Art. 5278.
3. Malinovsky A. A. Code of professional ethics: concept and legal significance // Journal of Russian law. 2008. № 4 (136). С. 39-44.
4. Obolonsky, A.V. Ethics and responsibility in public service // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. 2015. № 1. С. 7-32.
5. Obolonsky, A.V. Ethics of the public sphere and the realities of political life: a monograph / A.V. Obolonsky. 2nd ed., electron. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium. 2020. 448 c.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of 25.04.2024 № 530 "On approval of the Regulations on the state historical and cultural expertise" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 27.04.2024.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation from 16.04.2001 № 294 "On Approval of the Rules of the state examination of foreign economic transactions with goods, information, works, services and results of intellectual activity (rights to them), in respect of which export control is established" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 17. Art. 1713.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.03.2023 № 335 "On the state expert examination of mineral reserves and underground water, geological information on subsurface areas provided for use, on determining the amount and procedure for charging fees for its conduct" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 06.03.2023.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation from 05.03.2007 № 145 "On the order of organization and conduct of the state expert examination of design documentation and results of engineering surveys" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 11. Art. 1336.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation from 17.02.2014 № 120 "On the order of pedagogical expertise of draft normative legal acts and normative legal acts relating to issues of education and upbringing" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 20.02.2014.
11. Order of the Ministry of Health of Russia from 20.03.2020 № 206n "On approval of the Order of organization and conduct of expert examination of the quality, effectiveness and safety of medical devices" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2020.
12. Order of the Ministry of Health of Russia from 31.01.2017 № 30n "On approval of the Rules of biomedical expertise of biomedical cellular products and forms of conclusions of the commission of experts of the federal state budgetary institution for biomedical expertise of biomedical cellular products" // Official Internet Portal of Legal Information, 22.07.2020.
13. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation from 26.08.2010 № 753n "On Approval of the procedure for organizing and conducting an ethical review of the possibility of conducting a clinical trial of a medicinal product for medical use and the form of the ethics council's opinion" // Rossiyskaya Gazeta. № 199. 06.09.2010.
14. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia of 30.07.2015 No. 2167 "On Approval of the Procedure for Mandatory Metrological Examination of Requirements to Measurements, Standard Samples and Means of Measurement Contained in Draft Regulatory Legal Acts of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 19.11.2015.
15. Order of the Ministry of Agriculture of Russia from 29.08.2022 № 565 "On Approval of the procedure for expert examination of the results of registration tests of pesticides and agrochemicals" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 30.09.2022.
16. Order of the Ministry of Justice of Russia from 31.05.2012 № 87 "On approval of the Methodological Recommendations for the legal examination of normative legal acts of the subjects of the Russian Federation" // Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation. № 1. 2013.
17. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 18.02.2009 № 53 "On the state religious expertise" // Rossiyskaya Gazeta. № 43. 13.03.2009.
18. Order of Rosakkreditatsiya from 15.10.2021 № 178 "On approval of the rules of business and professional ethics of the accreditation expert, technical expert" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 26.11.2021.
19. Order of FAU "Glavgosexpertiza Russia" from 26.09.2022 № 240 "On approval of the Code of professional ethics and business conduct of employees of FAU 'Glavgosexpertiza Russia'" // [Electronic resource]: Access from the legal system 'ConsultantPlus' (access date: 30.07.2024).
20. Stepanenko R.F., Yun L.V. Ethical foundations of law enforcement activity: topical issues of theoretical jurisprudence // Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Т. 9. № 2 (32). 189-196.
21. Stetsevich M.Y. Moral values: education, formation, mastering, orientation // Bulletin of Cherepovets State University. 2012. № 4 (43). С. 127-129.
22. Model code of ethics and official conduct of civil servants of the Russian Federation and municipal employees (approved by the decision of the Presidium of the Presidential Council to combat corruption on December 23, 2010 (Minutes № 21)) // Official Documents in Education. No. 36, December. 2011.
23. Federal Law of 23.11.1995 № 174-FZ "On environmental expertise" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 48. Art. 4556.
24. Chkhutashvili L.V. Value priorities in the modern legal system // Moral dimension and human potential of law, Moscow, April 21–26, 2017 / Editor-in-Chief V.M. Artemov. Moscow: Limited Liability Company "Prospect". 2017. 368 c.

СУЩНОСТЬ, ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ THE ESSENCE, GOALS AND FUNCTIONS OF TAX LIABILITY IN THE CONTEXT OF COVERAGE OF THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

КАЗАНИН Игорь Николаевич,

аспирант кафедры теории права и публично-правовых дисциплин
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443030, Россия, Самарская область, г. Самара, проспект Карла Маркса, 4б.
E-mail: kazanin.in@yandex.ru;

РЕВИНА Светлана Николаевна,

доктор юридических наук, заведующая кафедры теории права и публично-правовых дисциплин
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: revinasn@yandex.ru;

Kazanin Igor Nikolaevich,

Postgraduate student of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
«Samara State University of Economics».

443030, Samara region, Samara, Karla Marksa str., 4b.

E-mail: kazanin.in@yandex.ru;

Revina Svetlana Nikolaevna,

Doctor of Law, Head of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
«Samara State University of Economics».

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.

E-mail: revinasn@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье обозначена сущность, цели и функции налоговой ответственности. Актуальность. Обязательность уплаты всех без исключения налоговых платежей является основополагающей для функционирования государства и поддержания его стабильности. Этот процесс напрямую связан с защитой собственных интересов каждого жителя страны. Эффективность и организованность налоговой системы в России играет ключевую роль в реализации различных социальных программ, выполнении государственных обязательств и решении прочих важных задач. Однако с развитием рыночной экономики в России, налоговые и правоохранительные структуры сталкиваются с увеличением числа налоговых правонарушений. Целью исследования является рассмотрение теоретических и практических особенностей существования налоговой ответственности. В результате исследования произведен обзор научно-практических данных, даны авторские выводы.

Abstract. The article outlines the essence, goals and functions of tax liability. Relevance. The obligation to pay all tax payments without exception is fundamental for the functioning of the state and maintaining its stability. This process is directly related to the protection of the self-interests of each resident of the country. The efficiency and organization of the tax system in Russia plays a key role in the implementation of various social programs, fulfilling government obligations and solving other important tasks. However, with the development of a market economy in Russia, tax and law enforcement agencies are facing an increase in the number of tax offenses. The purpose of the study is to consider the theoretical and practical features of the existence of tax liability. As a result of the research, a review of scientific and practical data was made, and the author's conclusions were given.

Ключевые слова: ответственность, налог, законодательство, нарушение, финансы, экономика.

Keywords: responsibility, tax, legislation, violation, finance, economics.

Для цитирования: Казанин И.Н., Ревина С.Н. Сущность, цели и функции налоговой ответственности в контексте освещения теоретических и практических вопросов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 235-237. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_235.

For citation: Kazanin I.N., Revina S.N. The essence, goals and functions of tax liability in the context of coverage of theoretical and practical issues // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 235-237. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_235.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. В экономике России налоговые взносы от физических и юридических лиц играют главную роль в формировании доходной части бюджетов на всех уровнях. Это обстоятельство обуславливает неуклонное стремление к усовершенствованию налоговой системы (далее НС), чтобы улучшить процесс сбора налогов и взимания платежей. Важность этой задачи подчеркивается наличием правонарушений в различных секторах национального хозяйства, что делает обновление и модификацию на НС необходимым условием для повышения эффективности ее работы.

Актуальность. Отсутствие консенсуса среди ученых по вопросам налоговой ответственности (далее НО), несмотря на исследования, продолжающиеся более пятидесяти лет, подчеркивает значимость этой темы в юридическом дискурсе. НО не только обеспечивает защиту интересов законопослушных налогоплательщиков, но и является неотъемлемой частью механизма баланса интересов и контроля, способствуя эффективному осуществлению прав и свобод всех участвующих сторон в налоговых отношениях. Обсуждение и анализ таких аспектов, как определение термина, его функции, основные принципы, критерии для распределения по категориям, а также взаимосвязь с другими юридическими понятиями, имеют ключевое значение. Успешное решение этих вопросов приведет к глубокому пониманию природы налоговых обязательств, что в свою очередь положительно отразится на эффективности выполнения государственных функций, соблюдении законности и поддержании порядка.

Целью исследования является рассмотрение теоретических и практических особенностей существования налоговой ответственности.

Материалы и методы исследования. Базируются на анализе научно-теоретических положений, использовании общих и частных ме-

тодов познания, сравнительно-правовом исследовании, статистическом анализе, синтезе мнений и показателей.

Результаты исследования. В области теории налогового права концепция НО и налоговых нарушений не имеет четкого определения. Тем не менее, значительное количество ученых-цивилистов активно обсуждает этот аспект, подчеркивая его важность для НС. Основная цель НО заключается в поддержании правового порядка, справедливости, а также в защите общественной и экономической стабильности на государственном уровне. Создание и поддержание эффективной работы системы, обеспечивающей исполнение налоговых обязательств, выделяется как критически важная задача для властных органов. Нарушение Налогового кодекса (далее НК) неизбежно влечет за собой наступление ответственности. Это правило применяется ко всем участникам налоговых отношений, включая как юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, так и обычных граждан. В основе обязанности получения наказания лежит совершение действия, которое законодательством признано как нарушение, при этом важным условием является наличие вины у нарушителя. В зависимости от характера и серьезности проступка применяются различные меры порицания, обусловленные правовыми нормами. НО означает, что государство применяет определённые санкции к нарушителям. Они могут выражаться в финансовых потерях, а иногда даже включать ограничение свободы в качестве более серьезного наказания [2, с. 441].

В Российской Федерации (РФ) согласно НК РФ, установлены спецификации для взыскания с лиц, допустивших нарушения в налоговой сфере:

- Основания для наложения санкций на нарушителей четко прописаны в данном законодательном акте.
- Налоговые органы должны убедиться в факте нарушения прежде, чем приступать к привлечению к юридической ответственности.
- В случае обнаружения нарушения, к нарушителю применяется ответственность однократно за каждый отдельный случай.
- Несмотря на применение налоговых санкций, это не освобождает лицо от возможности быть привлеченным к ответственности по другим правовым основаниям, включая административное и уголовное законодательство.
- Кроме этого, независимо от факта привлечения к НО, обязательство по оплате налогов, сборов и налоговых пени остается в силе для нарушителя [2, с. 441].

Исходя из юридических документов и литературных источников, нарушения в сфере функционирования НС определяются как акты, противоречащие законодательно установленным правилам для сбора налогов и других обязательных платежей, что ведет к привлечению нарушителя к НО.

Такой аспект, как опасность для общества, неизменно присутствует в любом преступлении. В то время как правонарушения против жизни и здоровья человека безусловно влекут за собой социальную опасность по понятным причинам, преступления в области налогов требуют дополнительных разъяснений по этому поводу.

В контексте нынешней рыночной экономики, в отличие от существовавшей плановой экономической системы Советского Союза, СН играет ключевую роль в наполнении государственной казны. Эти средства затем распределяются на такие важные сектора, как обеспечение общественной безопасности, поддержка системы образования и здравоохранения, а также финансирование оборонительных мер. В свою очередь, это позволяет государству выполнять свои основные функции. Отказ или уклонение от уплаты налогов подрывает эти усилия, ограничивая возможности страны в обеспечении своих граждан необходимыми услугами и правами, что делает налоговые преступления не только экономическим, но и социальным злом [4].

Определение целей, связанных с обеспечением НО, представляет собой проектирование будущих финансовых отношений (далее ФО). Этот процесс влечет за собой стремление к осуществлению нормотворческой и правоприменительной деятельности с целью налаживания и осуществления этого типа ответственности. В корне эти цели не зафиксированы в законодательных документах, однако они вытекают из общих задач, которые устанавливаются нормативными актами в рамках отдельных отраслей права. При этом, понимание и конкретизация целей НО обусловлены ее глубиной сущностью и спецификой. НО выполняет двойную роль в предупреждении неправомерных финансовых действий. С одной стороны, она действует как защитный барьер для общества, предотвращая ситуации, которые могут нарушить финансовые интересы государства. С другой стороны, она служит стимулом для законопослушного поведения в финансовом праве (далее ФП), оберегая субъекты от принятия недопустимых решений [3].

Функции НО можно разделить на несколько ключевых категорий: воспитательные, восстановительные, карательные, превентивные и регулятивные. В рамках регулятивного аспекта, основной акцент делается на стабилизацию и развитие ФО, приведение их в порядок, а также на поощрение законопослушного поведения участников. Превентивная функция направлена на предупреждение неправомерных действий, формируя корректное поведение и законные действия среди субъектов в финансовой сфере. Целью установления НО за нарушения, которые могут быть восприняты как противоправные в ФО, является не только наказание виновных посредством ограничений психологического, организационного или финансового характера. Она также направлена на предотвращение подобных действий в будущем и воспитательный эффект. Важной составляющей является возмещение ущерба и восстановление нарушенных общественных связей, что предполагает компенсацию убытков и возвращение к социальной справедливости. Таким образом, НО выполняет как карательную, так и восстановительную функции, стремясь обелечить порядок в общественных ФО [1, с. 48].

Ю. А. Крохина делает акцент на два основных направления действия НО: социальное и юридическое. В рамках юридического аспекта она разделяется на компенсационную и карательную функции. Первая связана с восстановлением правильного имущественного баланса между

государственными и частными участниками в финансовых вопросах, таких как налоги, сборы, страховые платежи, использование бюджетных средств, кредиты, валютные операции и прочее. Она направлена на корректировку неправомерных действий субъектов, повлекших за собой ущерб для публичных финансов, и на возмещение убытков, понесенных государственным бюджетом. В решении конфликтов, связанных с денежными ресурсами и законами, для страны предпочтительнее обеспечить защиту своих финансовых интересов, нежели применять к нарушителям не связанные с имуществом санкции. Основная идея наказаний НС заключается в создании для нарушителя условий, при которых он теряет свои имущественные блага, что является результатом нарушения правил ФО. Этот процесс предусматривает назначение штрафов - как способ нанесения юридического вреда нарушителю, становясь механизмом для обеспечения соблюдения законодательства. В дополнение, НО выполняет роль социального инструмента, направленного на предотвращение будущих нарушений через общее предостережение. Основная цель механизмов НО — гарантировать стабильное функционирование системы финансово-правового управления, стимулируя участников в области ФП к следованию установленным законодательным стандартам [3].

Уклонение от налогов ведет к серьезным проблемам: сокращение национальных и местных проектов из-за нехватки средств в бюджете. Практическим примером серьезности выполнения основ НО является отражение показателей статистики, которые основаны на данных о преступлениях в экономике за 2022-2023 год показывают снижение общего количества преступлений в России на 3,4% по сравнению с 2011 годом, составив 105 087 случаев. Специфически, налоговые преступления также зафиксировали уменьшение в том же периоде, с отметкой в 8 654 случая. Эта статистика подчеркивает эффективность действий российских налоговых служб в области налогового контроля и расследования. Снижение количества экономических преступлений может объясняться осознанием потенциальными нарушителями того, что их деяния, вероятнее всего, будут обнаружены. Однако, взглянув на ситуацию под другим углом, можно предположить, что были разработаны новые, более сложные методы избегания НО и других экономических правонарушений, которые еще не установлены и, следовательно, не раскрыты соответствующими службами [5, с. 6].

Обсуждение и выводы. В заключение стоит отметить, что ключ к развитию экономического федерализма в РФ и усилению её экономической безопасности лежит в эффективном управлении налоговыми проблемами. Для достижения этой цели, налоговые органы выполняют ряд важных функций, включая профилактику, обнаружение и предотвращение налоговых правонарушений, а также обеспечивают принудительное взыскание поборов в государственную казну, граждане при этом несут НО за любое нарушение налогового законодательства. Таким образом, управление вопросами функционирования НС через налоговый контроль является фундаментальным компонентом для укрепления государственной экономической системы. Одним из основополагающих элементов, способствующих защите хозяйственных интересов нации и способствованию достижению важнейших экономических целей, выступает налоговая система. В первую очередь, вклад налоговой политики в экономическую стабильность заключается в установлении основных стандартов, концепций и критериев для поддержания безопасности существования всех сфер. Задача НС заключается в том, чтобы стимулировать динамичное развитие, формировать основу для налогообложения, которая будет способствовать социальному и национальному процветанию страны, а также предотвращать внутренние и внешние угрозы стабильности.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что текущая система НО, которая применяется государством для борьбы с налоговыми нарушениями, в целом не вызывает серьезных вопросов при реализации ее подходов и функций в реальных условиях. Однако, стоит отметить появившуюся потребность в дополнительном законодательном оформлении концепции "НО", включая ее точное определение, характеристики, сроки, и различные аспекты возложения обязательств за нарушения. В динамично изменяющемся обществе, законы, касающиеся функционирования НС, требуют непрерывного обновления и доработки, особенно учитывая их тесную связь с экономическими операциями как физических, так и юридических лиц. Это необходимо для того, чтобы поддерживать актуальность норм, регулирующих несоблюдение основ ФП, что, в свою очередь, способствует развитию правовой системы и укреплению гражданского общества в стране. В связи с этим возникает потребность в классификации противоправных налоговых деяний с точки зрения различных аспектов ответственности - административной, гражданской, уголовной и, конечно, налоговой, чтобы четко определить границы каждого типа правонарушений.

Библиография:

1. Горлова, Е.Н. Сущность, цели и функции юридической ответственности за нарушение финансового законодательства. Актуальные проблемы российского права. - 2017. - №8. - с. 43-51. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.043-051>
2. Казанин, И. Н. Понятие, признаки и функции налоговой ответственности / И. Н. Казанин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 441-443. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_441.
3. Крохина, Ю. А. Финансово-правовая ответственность — необходимый атрибут правового государства // Правовое государство: теория и практика. - 2013. - № 2. - С. 72.
4. Липинский, Д.А., Мусаткина, А.А. Налоговое правонарушение: понятие и классификация/ Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина// Налоги и налогообложение, 2022. - № 3. – С. 39-53.
5. Сеуткина, Д. А. Влияние уклонения от уплаты налогов на экономическую безопасность государства / Д. А. Сеуткина, Т. А. Пенчукова // Российский экономический интернет-журнал. – 2023. – № 2. – С. 6.

References:

1. List of literature 1. Gorlova, E.N. The essence, goals and functions of legal liability for violation of financial legislation. Current problems of Russian law. - 2017. - No.8. - pp. 43-51. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.043-051>
2. Kazanin, I. N. The concept, signs and functions of tax liability / I. N. Kazanin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 441-443. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_441.
3. Krokina, Yu. A. Financial and legal responsibility is a necessary attribute of the rule of law // The rule of law: theory and practice. - 2013. - No. 2. - p. 72.
4. Lipinsky, D.A., Musatkina, A.A. Tax offense: concept and classification/ D.A. Lipinsky, A.A. Musatkina// Taxes and taxation, 2022. - No. 3. – pp. 39-53.
5. Seutkina, D. A. The influence of evasion from paying taxes on the economic security of the state / D. A. Seutkina, T. A. Penchukova // Russian Economic Online Journal. - 2023. – No. 2. – p. 6.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 5.35 КОАП РФ: ПРОБЛЕМЫ СПРАВЕДЛИВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ADMINISTRATIVE PENALTIES FOR COMMITTING AN ADMINISTRATIVE OFFENSE UNDER ARTICLE 5.35 OF THE ADMINISTRATIVE OFFENSE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF FAIR IMPOSITION

СОТНИКОВА Евгения Игоревна,
адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.
Россия, 644092, г. Омск, ул. Комарова, 7.
E-mail: sotnikova_zhenya@mail.ru;

Sotnikova Eugenia Igorevna,
Adjunct Associate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7 Komarova str., Omsk, 644092, Russia.
E-mail: sotnikova_zhenya@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются административные наказания, включенные в санкции ст. 5.35 КоАП РФ. Автор приходит к выводу о необходимости коррекции указанных мер административной ответственности с целью обеспечения их справедливого назначения родителям и иным законным представителям несовершеннолетних. Осуществлена оценка полученных результатов с целью возможной унификации действующего законодательства в сфере административной юрисдикции и уточнения его специфики. Сформулированы выводы, имеющие элементы научной новизны.

Abstract: the article analyzes administrative penalties included in the sanctions of article 5.35 of the administrative Offense Code of the Russian Federation. The author concludes that it is necessary to correct the mentioned measures of administrative responsibility in order to ensure their fair assignment to parents and other legal representatives of minors. The evaluation of the obtained results is carried out with the purpose of possible unification of the current legislation in the field of administrative jurisdiction and clarification of its specificity. The conclusions with elements of scientific novelty are formulated.

Ключевые слова: состав административного правонарушения, административные правонарушения, обязательные работы, административный арест, неисполнение обязанностей, родители, несовершеннолетний.

Keywords: corpus delicti, administrative offenses, administrative offenses, compulsory works, administrative arrest, dereliction of duty, parents, minor.

Для цитирования: Сотникова Е.И. Административные наказания за совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.35 КоАП РФ: проблемы справедливого назначения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 238-240. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_238.

For citation: Sotnikova E.I. Administrative penalties for committing an administrative offense under Article 5.35 of the Administrative Offense Code of the Russian Federation: problems of fair imposition // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 238-240. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_238.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Объектом правовой науки выступают многообразные сферы (области) общественной жизни. Отношения, вызванные нарушением нормы и последующим привлечением к юридической ответственности, вызывают неподдельный и живой интерес ученых-правоведов, специализирующихся в разных отраслях права. Априори без принудительного наказания невозможно эффективно противодействовать правонарушающему поведению.

Административные наказания входят наряду с мерами административного предупреждения и мерами административного пресечения в систему мер государственного административного принуждения. «Государственное принуждение является реакцией на противоправное поведение и применяется в рамках правоохранительной (юрисдикционной) деятельности уполномоченными должностными лицами государственных органов для обеспечения законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства» [1, с. 519].

Административные наказания представляют собой разновидность мер юридической ответственности, самостоятельные средства принудительного воздействия, используемые различными социальными институтами (судами, полицейскими органами, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав и т.п.), с помощью которых достигается цель производства по делам об административных правонарушениях. Их осуществление влечет правовые последствия (правовой урон) в виде каких-либо ограничений правового статуса личности. Наказание есть результат оценки неправомерного деяния, характеризующегося как административное правонарушение, кроме того, тождественно ему, то есть применяется в том объеме, который соответствует совершенному проступку. Государство наказывает административного делинквента, чтобы предотвратить больший вред. «Своевременная и адекватная реакция государства на административные правонарушения является превенцией преступлений» [2, с. 312].

Таким образом, административное наказание представляет собой основную и наиболее распространенную форму административной ответственности, применяемую в качестве ответной меры со стороны государства, и связанную с фактическим претерпеванием правонарушителем мер государственно-принудительного правового воздействия. Его содержанием выступает определенный объем правоограничений, субъективно выбранный в пределах, установленных законом [3, с. 97]. При этом административное наказание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица.

Закрепление в санкции статьи 5.35 КоАП РФ конкретных видов административных наказаний за административные правонарушения, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних, а также справедливое их назначение должно ис-

ходить из следующих обязательных условий: 1) быть научно обоснованным; 2) исключать нормотворческий волюнтаризм, избыточность наказаний, их легальную и фактическую строгость; 3) учитывать дифференцированный и индивидуализированный подход к каждому правонарушителю [4, с. 118-119]; 4) предусматривать альтернативность установленных в санкции наказаний.

«Лестница наказаний» за административные правонарушения по ст. 5.35 КоАП РФ начинается с самой «мягкого» взыскания – предупреждения. Согласно ст. 3.4 КоАП РФ это выносимая в письменном виде мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. Она устанавливается за впервые совершенные административные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы его причинения, а также при отсутствии имущественного вреда. Считаем правильным в дополнение к указанным условиям законодательно закрепить отсутствиеотячающих обстоятельств.

Наиболее популярным видом административных наказаний, предусмотренных в Особенной части КоАП РФ, является административный штраф. Административный штраф, налагаемый на родителей исчисляется только в абсолютной цифре. На размер назначаемого административного штрафа, памятуя об индивидуализации ответственности, влияет уровень материального благосостояния родителей. Ознакомление с санкциями статьи 5.35 КоАП РФ позволяет нам сделать вывод о явной неадекватности установленных административных наказаний общественной опасности содеянного. Размер взыскания не меняется уже на протяжении более двадцати лет и практически нивелировал какую-либо карательную составляющую. Например, в Республике Таджикистан и в большинстве других государств-участников СНГ при определении штрафа, налагаемого в административном порядке, используются показатели расчетов, принятых для исчисления налогов, пошлин, иных платежей, штрафных санкций, социальных выплат, а также для исчисления иных стоимостных величин. Показатель для расчета в Таджикистане составляет 72 сомони (\$6,6) и устанавливается ежегодно с учетом и уровня инфляции, прогнозируемого на соответствующий год [5].

В России наиболее строгие виды наказания в отношении родителей и иных законных представителей содержит ст. 5.35 КоАП РФ, предусматривая ответственность за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Санкция предусматривает обязательные работы либо административный арест или наложение административного штрафа на лиц, в отношении которых в соответствии с КоАП РФ не могут применяться обязательные работы либо административный арест.

Наказание к родителям есть, прежде всего, принуждение к исполнению обязанностей. Административно-деликтный закон заточен на репрессивный сценарий привлечения к ответственности, позитивные средства воздействия в финальной развязке разрешения дела установлены и применяются крайне редко. В частности, в соответствии с примечанием к ст. 6.9 КоАП РФ лицо, обратившееся в медицинскую организацию в связи с потреблением наркотических средств без назначения врача, освобождается от административной ответственности за данное правонарушение. В этой связи солидаризируемся со взглядом профессоров Н.Н. Дерюги и А.Н. Дерюги, справедливо отметившими, что «административное наказание само по себе не способно эффективно повлиять на поведение человека, сформировать устойчивое правомерное поведение» [6, с. 85]. Альтернативными методами применению административного наказания преимущественно выступают меры воспитательного воздействия, предусматривающие поддержку семьи органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Они могут включать социальную и психологическую поддержку, волонтерскую работу, ресторативное правосудие (от англ. слова «restore» – восстанавливать, возвращать), представляющее собой полное принятие ответственности правонарушителем и восстановление взаимодействия с потерпевшей стороной [7, с. 60]. Убеждены, что злостное, совершенное более двух раз в течение года родителями административное правонарушение должно влечь применение наиболее строгих видов наказания. Кроме того одним из вероятных и эффективных способов воздействия на нерадивых родителей, по нашему мнению, может стать использование института административной преюдиции путем закрепления в уголовном законе состава, предусматривающего ответственность за повторное злостное правонарушение.

В юридической литературе высказывалось мнение о необходимости включения в санкцию статьи 5.35 КоАП РФ обязательных работ ввиду неэффективности таких мер воздействия как предупреждение и административный штраф [8, с. 17]. Это мера изначально появилась в УК РФ в 1996 г. Ее установление в уголовном законе явилось попыткой снизить количество приговоров, связанных с лишением свободы. В 2012 г. обязательные работы были включены в КоАП РФ в качестве альтернативы административному аресту. Не вторгаясь в полемику о легализации запрещенного на международном и конституционном уровне принудительного труда, на этот счет в юридической литературе содержатся диаметрально противоположные мнения, обозначим нашу позицию по данному вопросу с практической стороны.

Суть обязательных работ в соответствии со ст. 3.13 КоАП РФ заключается в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. По общему правилу обязательные работы устанавливаются на срок от двадцати до двухсот часов и отбываются не более четырех часов в день.

Основные сферы общественно-полезной деятельности, где используется труд привлеченных к административной ответственности – это уборка общественных территорий от мусора, льда и снега, их благоустройство и озеленение, строительство и ремонт дорог, уход за большими и т.д.

Стоит заметить неудачное наименование данного вида наказания, сформулированного в КоАП РФ. Дело в том, что УК РФ содержит идентичную по названию меру уголовной ответственности. Ранее законодатель не использовал одинаковое обозначение наказуемых в уголовном и административном порядке и схожих по своей правовой природе наказаний. Мы видим это разведение применительно к штрафу и административному штрафу, аресту и административному аресту. С целью обособления анализируемой меры административной ответственности от

идентичной уголовной предлагаем заменить в КоАП РФ словосочетание «обязательные работы» на «общественные работы». Такое наименование предусмотрели административно-деликтные законы Азербайджана, Беларуси, Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и Украины.

Непроизвольно возникает вопрос: а целесообразно ли родителя несовершеннолетнего привлекать к физическому труду после рабочего дня на своей основной работе в ущерб заботе о ребенке? Примечательно, что тем самым не выполняется главная цель любого вида наказания: предупредить совершение новых правонарушений самим правонарушителем. Обязательные работы препятствуют реализации этой цели наказания и провоцируют на дальнейшее невыполнение возложенных обязанностей, особенно в тех случаях, когда родитель осознал свою вину и раскаялся. Каким бы ни было примененное наказание, оно неизменно ограничивает или лишает не только дозволенного поведения в той или иной сфере общественных отношений, но и определенных обязывающих действий.

Исключительно строгим наказанием КоАП РФ называет административный арест. Он находится на вершине «наказательной» пирамиды.

Предложения об установлении в санкциях статьи 5.35 КоАП РФ наказания в виде административного ареста в их нынешнем «облачении» не могут найти нашей поддержки. Более того, данная мера как эффективное средство превенции новых правонарушений переоценена законодателем. У маргинализированных граждан, а именно они, как правило, претерпевают лишения, связанные с изоляцией от общества, его назначение не вызывает сколь-нибудь значимых моральных потрясений, которые смогут повлиять на пересмотр ими своего асоциального поведения. К тому же порядок и условия исполнения административного ареста органами внутренних дел не отвечают целям административно-наказательной политики ввиду ограниченности мест принудительного содержания [9, с. 462], немалых материальных затрат на содержание правонарушителя, кратковременности примененного наказания. С другой стороны, отказавшиеся от заботы своих детей неоднократно подтвердившие это своим противоправным поведением горе-родители могут быть лишены прав на их дальнейшее воспитание. Сами же несовершеннолетние передаются из семьи (если нет близкого родственника, не лишенного соответствующих прав) на попечение органа опеки и попечительства. Вот в этом случае, на наш взгляд, уместно все карательное воздействие направить на субъекта административной ответственности с применением к нему административного ареста.

Заметим, что ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ запрещает применять административный арест к беременным женщинам, женщинам, воспитывающим детей в возрасте до четырнадцати лет. Изъясном в определении особых субъектов административной ответственности здесь выступает отсутствие упоминания о лицах, воспитывающих ребенка без одного из родителей. Законодателю следует сформулировать следующую формулу неприменения административного ареста, а именно: «к родителям (законным представителям), воспитывающим детей без одного из родителей, при условии невозможности обеспечения нахождения несовершеннолетних в безопасных для их жизни и здоровья условиях».

В завершение отметим, что восстановление социальной справедливости и воспитание привлеченного к административной ответственности лица являются наряду с общей специальной превенцией целями административного наказания. И это обстоятельство должно быть отражено в законе.

Высказанные в настоящем исследовании предложения направлены, прежде всего, на гуманизацию административного наказания. Вместе с тем ее пределы должны быть научно и практически обоснованными, касаться только тех родителей, которые заинтересованы в заботе о ребенке и доказывают это реабилитирующими свой проступок действиями.

Библиография:

1. Каплунов А.И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 518-524.
2. Газизов Д.А. Административные наказания за административные правонарушения в сфере оборота наркотических средств // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1. С. 311-316.
3. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Соотношение понятий административного наказания и административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 93-99.
4. Уткин В.А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 117-121.
5. Закон Республики Таджикистан от 5 января 2008 г. № 350 «О показателе для расчетов». Доступ: ИС «Континент» (дата обращения: 29.05.2024).
6. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Факторы снижения воспитательной функции административного наказания // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 83-91.
7. Расторопова О.В. Уголовные наказания и их альтернативы // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). С. 58-61.
8. Банщикова С.Л. Обязательные общественные работы как мера воздействия на лиц, не исполняющих, родительские обязанности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 1 (40). С. 14-18.
9. Авдейко А.Г., Газизов Д.А. Реформирование законодательства об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 454-467.

References:

1. Kaplunov A.I. Administrative responsibility as a form of administrative coercion // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16. No. 4. pp. 518-524.
2. Gazizov D.A. Administrative penalties for administrative offenses in the field of drug trafficking // Vestnik VSU. Series: Law. 2012. No. 1. pp. 311-316.
3. Deryuga A.N., Shaklein S.N. Correlation of concepts of administrative punishment and administrative responsibility // Siberian Law Review. 2020. Vol. 17. No. 1. pp. 93-99.
4. Utkin V.A. Criminal penalties in Russia: penalization and judicial practice // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. No. 4 (25). pp. 117-121.
5. Law of the Republic of Tajikistan dated January 5, 2008 No. 350 "On the indicator for calculations". Access: IP "Continent" (date of application: 05/29/2024).
6. Deryuga N.N., Deryuga A.N. Factors of reducing the educational function of administrative punishment // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 5. pp. 83-91.
7. Rastoropova O.V. Criminal penalties and their alternatives // Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. No. 3 (54). pp. 58-61.
8. Bانشchikova S.L. Compulsory community service as a measure of influence on persons who do not perform parental duties // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1 (40). pp. 14-18.
9. Avdeiko A.G., Gazizov D.A. Reforming legislation on administrative offenses // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16. No. 4. pp. 454-467.

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ НАЛОГОВОГО ПРАВА Lawful behavior of taxpayers and related categories of tax law

САДОВСКИЙ Данил Сергеевич,

аспирант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Садовая-Кудринская ул., 9, г. Москва, 123001, Россия.

E-mail: danil07sadovsk@gmail.com;

Danil Sergeevich Sadovsky,

post-graduate student of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, 123001, Russia.

E-mail: danil07sadovsk@gmail.com

Краткая аннотация: Категория правомерного поведения имеет большое значение в юридической теории и практике, что справедливо и для налогового права. В связи с публичной природой налоговых правовых отношений вопрос правомерности поведения налогоплательщиков является наиболее актуальным. Помимо понятий правомерного и неправомерного поведения, в науке и практике используются и иные термины для характеристики поведения налогоплательщиков. Разграничение этих терминов вызывает трудности, при этом ряд терминов не обладает самостоятельным юридическим содержанием, в связи с чем их использование в юридической науке и практике нецелесообразно.

Abstract: The category of lawful behavior is of great importance in legal theory and practice, which is also true for tax law. Due to the public nature of tax legal relations, the issue of the lawfulness of taxpayers' behavior is the most pressing. In addition to the concepts of lawful and unlawful behavior, science and practice also use other terms to characterize the behavior of taxpayers. The distinction between these terms causes difficulties, while a number of terms do not have independent legal content, and therefore their use in legal science and practice is inappropriate.

Ключевые слова: налогоплательщики, правомерное поведение, уклонение от уплаты налогов, избежание уплаты налогов, налоговое планирование, налоговая оптимизация, налоговое правонарушение.

Keywords: taxpayers, lawful behavior, tax evasion, tax avoidance, tax planning, tax optimization, tax offense.

Для цитирования: Садовский Д.С. Правомерное поведение налогоплательщиков и смежные категории налогового права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 241-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_241.

For citation: Sadovsky D.S. Lawful behavior of taxpayers and related categories of tax law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 241-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_241.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

К правомерности как самостоятельному понятию нечасто обращаются в юридической литературе – чаще категория правомерности выражается через понятие «правомерное (неправомерное) поведение». Так, согласно Толковому словарю Ожегова «правомерный – опирающийся на праве, основанный на праве» [1].

Анализу правомерного поведения, его понятия, признаков и видов посвящено множество исследований. Как отмечает В. П. Гавриков, «исследования проблемы правомерного поведения уходят в глубокую древность. Их можно найти в трудах древнегреческих философов Платона, Аристотеля, Эпикура; римских юристов Гая, Юстиниана, Ульпиана; ученых эпохи Средневековья Томаса Гоббса, Джона Локка; немецких философов Нового времени Эммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Людвига Фейербаха и других исследователей» [2].

По мнению В. Н. Оксамытного правомерным поведением личности является «обусловленная культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального действия права, основанная на сознательном выполнении его целей и требований» [3].

Многие авторы дают более лаконичные определения понятию «правомерное поведение». Так, М. Н. Марченко понимает под ним «такое поведение людей, которое в полной мере согласуется со всеми требованиями норм права» [4]. Схожее с М. Н. Марченко определение дает В. Н. Хропанюк - «правомерное поведение – это такое поведение людей, которое соответствует предписаниям правовых норм» [5].

Приведенные определения, как и многие другие, дают простую, но в то же время логичную концепцию: поведение является правомерным в том случае, когда оно не противоречит нормам права. Эта концепция применима ко всей системе права в целом и каждому её элементу по отдельности – в том числе для отрасли налогового права.

Взяв за основу определение М. Н. Марченко, правомерное поведение в налоговом праве можно рассматривать как поведение, которое в полной мере согласуется со всеми нормами налогового права.

Среди всех субъектов налоговых правоотношений налоговое право, как система норм, относящихся к публичному праву и направленных на законодательное регулирование порядка исполнения конституционной обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов, традиционно большее внимание уделяет правомерному поведению налогоплательщиков.

Опираясь на вышеприведенные определения, правомерное поведение налогоплательщика можно определить как поведение лица, обязанного уплатить законно установленные налоги и сборы (налогоплательщика), которое в полной мере согласуется со всеми нормами налогового права.

Таким образом, правомерность поведения налогоплательщиков выражается прежде всего в исполнении обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов.

Антиподом правомерного поведения налогоплательщика является поведение неправомерное, то есть совершение налогоплательщиком налогового правонарушения.

Центральным видом налоговых правоотношений являются правоотношения по уплате налогов. Из этого главным видом налоговых правонарушений, является их неправомерная неуплата. Все остальные неправомерные деяния налогоплательщика, выраженные в различных составах налоговых правонарушений (в том числе процессуальных), имеют в качестве следствия (а зачастую и цели) прямо или косвенно неуплату налогов.

Прежде всего неправомерная неуплата налогов выражается в уклонении от уплаты налогов (tax evasion), под которым следует понимать прямо запрещенные законодательством действия (бездействие) налогоплательщика, направленные на уменьшение налоговой обязанности.

Следует отметить, что в российском законодательстве термин «уклонение от уплаты налогов» используется исключительно в отношении уголовных преступлений, составы которых установлены в статьях 198, 199, 199.3, 199.4 УК РФ. Тогда как в НК РФ используется понятие «неуплата или неполная уплата налога», в том числе в отношении таких деяний, совершенных умышленно (пункт 3 статьи 122 НК РФ). Хотя термин «уклонение от уплаты налогов» вследствие вышеизложенного несет в себе определенный уголовно-правовой оттенок, за пределами формальной логики российского законодательства нет препятствий понимать уклонение от уплаты налогов в широком смысле, то есть как незаконное неисполнение или ненадлежащее исполнение налогоплательщиком обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов. Исходя из этого уклонение от уплаты налогов однозначно представляет неправомерное поведение налогоплательщика.

От уклонения от уплаты налогов кардинально отличается сходная по названию в русском языке категория избежания налогов (англ. tax avoidance). Суть избежания уплаты налогов состоит в применении формально законных методов для устранения или уменьшения налоговой обязанности. То есть в отличие от уклонения, избежание уплаты налогов представляют из себя формально законные действия.

Формы избежания уплаты налогов разнообразны. Наиболее простая – избежание самой ситуации, юридического факта (получения дохода, владения имуществом и др.), с которым закон связывает возникновение обязанности по уплате налога. С точки зрения юридического состава налога это означает отсутствие объекта налогообложения. Например, если лицо не владеет автомобилем, оно избегает уплаты транспортного налога просто потому, что отсутствует основание для возникновения такой обязанности.

Также под избежанием уплаты налогов можно понимать использование налогоплательщиком прямо предусмотренных законодательством инструментов для уменьшения налоговой обязанности. Прежде всего здесь идет речь о налоговых льготах.

Вышеописанные формы избежания уплаты налогов прямо предусмотрены буквой и духом закона, поэтому их можно назвать правомерным избежанием уплаты налогов, и поэтому они относятся к правомерному поведению налогоплательщиков.

Другой формой избежания уплаты налогов является использование налогоплательщиком различных пробелов, неточностей, коллизий и прочих лазеек в налоговом законодательстве, позволяющих ему формально законным образом уменьшить размер налоговой обязанности или ее избежать. Различные способы такого избежания освоили как физические, так юридические лица, включая транснациональные компании. Последние в силу пристального внимания контролирующих органов и общества редко прибегают к прямому нарушению закона, то есть к уклонению от уплаты налогов.

Как уже было отмечено, с формальной точки зрения избежание налогов законно. Однако фактически цели налогоплательщиков и негативные последствия для бюджетов могут быть такие же, как и в случае уклонения от уплаты налогов. В связи с этим, хотя избежание уплаты налогов формально не нарушает закона, оно может противоречить духу закона, его общим принципам и целям.

Поскольку в случае с избежанием уплаты налогов юридически некорректно использовать категории «законное/незаконное», наука и практика зачастую характеризуют поведение налогоплательщика посредством других категорий. Так, В. А. Гидирим пишет о проблеме разграничения «приемлемого и недопустимого», «дозволенного и недозволенного» поведения налогоплательщиков [6]. Разграничение избежания уплаты налогов на приемлемое и неприемлемое принято и в зарубежной литературе [7].

В качестве альтернативы терминам «недопустимое», «неприемлемое», «недозволенное» и др. более целесообразно использовать термин «неправомерное избежание уплаты налогов», поскольку такое поведение, хоть и является формально законным, не согласуется в полной мере со всеми нормами налогового права, противоречит его принципам и целям и направлено на недобросовестное уменьшение налоговой обязанности, возможность которого не была предусмотрена законодателем.

Таким образом, избежание уплаты налогов может относиться как правомерному, так и к неправомерному поведению налогоплательщиков. Между тем, неоднозначная природа избежания уплаты налогов и правомерности поведения налогоплательщиков в целом привела к появлению в юридической науке и практике множества других смежных терминов.

Так, близким к избежанию уплаты налогов является понятие «налоговое планирование». Например, С. В. Жестков со ссылкой на иностранную литературу определяет сущность налогового планирования как использование налогоплательщиком допустимых законом средств, приемов и способов для уменьшения своих налоговых обязательств [8]. Под налоговым планированием при этом он понимает «разработку и применение специальных приемов уменьшения налоговых обязательств налогоплательщика правомерными способами» [9]. В. А. Мачехин разграничивает налоговое планирование в экономическом и юридическом аспектах. В экономическом аспекте налоговое планирование рассматривается как элемент планирования финансовой и хозяйственной деятельности и является примером планирования в более широком понимании.

Под налоговым планированием в правовом аспекте понимается «прежде всего реализация права налогоплательщика на минимизацию своих налоговых платежей и осуществление этого права всеми допускаемыми законом средствами» [10].

Приведенные примеры определения налогового планирования показывают, что с точки зрения юридической природы оно очень близко к понятию избежания уплаты налогов (правомерного или нет) – это также деятельность налогоплательщика, направленная на уменьшение налоговых обязательств законными способами. Единственным отличием, пожалуй, является то, что семантически налоговое планирование всегда означает намеренную, обдуманную деятельность с постановкой задач и целей, тогда как избежание налогов может не обладать такими чертами – вряд ли отказ от покупки автомобиля в том числе по причинам нежелания уплаты транспортного налога можно охарактеризовать словом «налоговое планирование». Но все же наиболее часто (а в случае предпринимательской деятельности – практически всегда) избежание уплаты налогов характеризуется сознательным, спланированным выбором законных методов уменьшения налогового бремени, так что по юридической природе термины неотличимы.

Другой пример – «налоговая оптимизация». Конституционный суд РФ определял налоговую оптимизацию как «такие действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности и соответственно - оптимального вида платежа» [11]. А. П. Киреенко, отмечая, что данная позиция по отношению к налоговой оптимизации поддерживается большинством ученых, определяет её как «снижение налогов с использованием разрешённых и незапрещённых законодательством методов и не связанное с нарушением налогового законодательства» [12]. Таким образом, понятие налоговой оптимизации по юридической природе аналогично налоговому планированию.

Итак, значения терминов «налоговое планирование» и «налоговая оптимизация» аналогичны, а вместе – крайне близки к термину «избежание уплаты налогов».

Интерес при этом также представляет понятие «агрессивное налоговое планирование» – сравнительно новая категория, используемая по большей части в рамках работы ОЭСР. Борьба с агрессивным налоговым планированием в настоящее время является одним из приоритетных направлений работы ОЭСР. Так, внедрение правил об обязательном раскрытии информации о схемах агрессивного налогового планирования является одним из мер Плана BEPS. Кроме того, ОЭСР сформировал экспертную группу, которая отвечает за сбор информации о схемах агрессивного налогового планирования [13]. Несмотря на то, что в последние годы налоговая политика многих государств сосредоточена на борьбе именно с «агрессивным налоговым планированием», общепринятого значения этого термина не существует. Напрямую не дает его и ОЭСР. В рекомендации Европейской комиссии от 2012 года под агрессивным налоговым планированием понимается использование технических особенностей налоговой системы или несоответствий между двумя или более налоговыми системами с целью снижения налоговых обязательств [14]. В. А. Гидирим приводит формулировку, используемую налоговыми органами Австралии для обозначения агрессивного налогового планирования – «планирование, которое заходит за пределы установленных законом целей налоговой политики и применяет целевые и направленные подходы к устранению любых видов налогов» [15]. Анализируя феномен агрессивного налогового планирования, немецкий исследователь Йеннифер Лена Карпа справедливо указывает на недостаток в нем лингвистического и юридического содержания [16].

Проблема юридического содержания и разграничения терминов, связанных с правомерностью поведения налогоплательщика, остро стоит в науке и практике налогового права. Различными зарубежными исследователями отмечается сложность разграничения понятий уклонения от уплаты налогов и избежания уплаты налогов. Как указывает А. В. Демин, нидерландский ученый Сихат Онер отмечает, что в рамках права Европейского союза отсутствуют различия между *tax avoidance*, *tax evasion* и *tax fraud*, отмечается несогласованность и противоречивость судебных правовых позиций в части использования подобной терминологии [17].

В российской юридической науке также не сложилось единой концепции разграничения понятий, связанных с неуплатой налогов. Так, Д. А. Курочкин отмечает отсутствие однообразия в переводе иностранной терминологии на русский язык – «например, термины «*tax evasion*» и «*tax avoidance*» при раздельном употреблении могут быть переведены одинаково – уклонение от уплаты налогов, однако при их совместном использовании термин «*tax avoidance*», как правило, переводится как «обход налогового закона» или «избежание налогообложения»» [18].

В отношении разграничения понятий уклонения от уплаты налогов и избежания уплаты налогов, по мнению автора целесообразно использовать простой и наиболее принятый в общемировой практике подход: разграничивать уклонение от уплаты налогов от избежания уплаты налогов формальной законностью используемых способов, то есть, в случае уклонения от уплаты налога – использование способов, прямо запрещенных законом, а с случае избежания уплаты налогов – с использованием (формально) законных способов.

Наибольшую путаницу вносят попытки разграничения понятий «избежание уплаты налогов», «налоговое планирование», «налоговая оптимизация», «налоговая минимизация» и других схожих терминов. Как уже было отмечено, каждый из них характеризуется использованием предусмотренных законом способов, то есть формально законным поведением налогоплательщика, направленным на уменьшение или устранения налоговой обязанности. Некоторые смысловые различия в оттенках этого термина, как это было показано на примере налогового планирования, не изменяют главного – юридического существа такого поведения как формально законного. По этой же причине такие термины как «незаконное налоговое планирование», «незаконная налоговая оптимизация» [19] и т. д. является несколько некорректными.

Представляется, что использование различных терминов, описывающих аналогичные по юридической сущности явления, вызвано, по большей части, языковым многообразием, а не объективной необходимостью. По этой причине попытки разграничить юридическую природу этих понятий, выстраивая искусственные теоретические конструкции представляется излишними. Конечно, автор не выступает за полный отказ от ис-

пользования всех упомянутых терминов в различных контекстах. Например, если термины избежания уплаты налогов и налоговой оптимизации следует признать аналогичными с юридической точки зрения, то с точки зрения семантики, как уже было отмечено, они несколько отличаются. Термин «избежание уплаты налогов» в принципе не является общеупотребимым в России. В связи с этим, а также явной схожестью слова «избежание» со словом «уклонение», этот термин явно несет в себе несколько негативные коннотации для носителей русского языка – термин «налоговая оптимизация» в этом смысле является более нейтральным.

В связи с вышеуказанными действиями транснациональных компаний термин *tax avoidance* также приобрел скорее негативное содержание и в международной практике. Большую ценность разграничение указанных понятий может представлять и в других дисциплинах, например, в экономике, управлении и др. Но, когда дело касается юридической квалификации, все же необходимо следовать принципу бритвы Оккама, то есть не множить сущее без необходимости. По крайней мере, до возникновения этой необходимости. До этих пор, в юридической науке надеяться такие термины как «налоговое планирование», «налоговая оптимизация», «налоговая минимизация» и т.д. самостоятельной юридической сущностью нецелесообразно, равно, как и использовать их в законодательстве и правоприменении.

Библиография:

1. Ожегов, С. И.; Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Текст : электронный. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23259> (Дата обращения: 02.09.2024).
2. Гавриков, В. П. Теория государства и права : смена парадигмы / Гавриков В. П. - Москва : Проспект, 2017. – С. 308. // ЭБС «Проспект». – URL: <http://ebs.prospekt.org/book/35589> (Дата обращения 02.09.2024) – Режим доступа: по подписке. – Текст : электронный
3. Оксамытны, В. В. Правомерное поведение личности: автореферат Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – Текст: электронный / Сайт Dissercat. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pravomernoe-povedenie-lichnosti-teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy> (Дата обращения 10.12.2022).
4. Марченко, М.Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. — 2-е изд. — Москва : Проспект, [б. г.]. — Том 2 — 2015. – С. 624.
5. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / Под редакцией профессора В.Г. Стрекоза – М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л». 2008. – С. 327.
6. Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения / В. А. Гидирим — «TAX TERRA OU», 2016. – С. 508-509.
7. Демин, А. В. Tax avoidance. Вопросы семантики и сумрак неопределенности / А. В. Демин – Текст : электронный // Налоговед. 2020. № 1. – URL: <https://e.nalogoved.ru/785690> (Дата обращения 15.01.2023).
8. Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Альпина Паблшер, 2016. – С. 743.
9. Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Альпина Паблшер, 2016. – С. 743.
10. Налоговое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова. – Москва : Проспект, 2019. – С. 121.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П // Собрание законодательства РФ, 16.06.2003, № 24, ст. 2431. Следует оговориться, что в данном постановлении Конституционный Суд прямо не использует термин «налоговая оптимизация», однако, по существу, имелась ввиду именно она – см: Доклад В. Д. Зорькина «Налоговое право и практика Конституционного Суда Российской Федерации» на международной научно-практической конференции 14 апреля 2006 г. – Текст : электронный // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=17> (Дата обращения 20.01.2023).
12. Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения : монография для магистрантов, обучающихся по программам направления «Финансы и кредит» / И.А. Майбуров [и др.] ; под ред. И.А. Майбурова, А.П. Киреевко, Ю.Б. Иванова. - Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 11.
13. Co-operation and exchange of information on ATP – Текст : электронный // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <https://www.oecd.org/ctp/aggressive/co-operation-and-exchange-of-information-on-atp.htm> (Дата обращения 22.01.2023).
14. Commission Recommendation of 6 December 2012 on aggressive tax planning (2012/772/EU) – Текст : электронный // Официальный сайт законодательства Европейского Союза EUR-lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012H0772> (Дата обращения 22.01.2023).
15. Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения / В. А. Гидирим — «TAX TERRA OU», 2016. – С. 514.
16. Karpa, Jennifer Lena. "Aggressive Steuerplanung" Gestaltungsfreiheit multinational agierender Unternehmen vor dem Hintergrund des internationalen Steuerwettbewerb. PhD, Universität Regensburg. S. 7-11. / Jennifer Lena Karpa – Текст : электронный // Сайт Перенсбургского университета. – URL: <https://epub.uni-regensburg.de/38378/1/21122018.pdf> (Дата обращения 22.01.2023).
17. Демин, А. В. Tax avoidance. Вопросы семантики и сумрак неопределенности / А. В. Демин.
18. Курочкин, Д. А. Общие правила о запрете обхода налогового закона (General Anti-Avoidance Rules) в государствах БРИКС: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Д. А. Курочкин. – Екатеринбург, 2020 – С. 21.
19. Минфин собрался расширить круг сделок, подпадающих под "антиуклонительные" нормы НК. – Текст : электронный // Сайт Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/business/844617> (Дата обращения 01.02.2023).

References:

1. Ozhegov, S. I.; Shvedova, N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language / S. I. Ozhegov, N. Y. Shvedova. – Text : electronic. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23259> (Date of reference: 09/02/2024).
2. Gavrikov, V. P. Theory of State and law : paradigm shift / Gavrikov V. P. - Moscow : Prospekt, 2017. – p. 308. // EBS "Prospekt". – URL: <http://ebs.prospekt.org/book/35589> (Accessed 02.09.2024) – Access mode: by subscription. – Text : electronic
3. Okamytny, V. V. Lawful behavior of a person : The abstract of the dissertation of Dr. jurid. Sciences : 12.00.01. – Text: electronic / Dissercat website: – URL: <https://www.dissercat.com/content/pravomernoe-povedenie-lichnosti-teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy> (Accessed 10.12.2022).
4. Marchenko, M.N. Problems of the general theory of state and law : textbook / M. N. Marchenko. — 2nd ed. — Moscow : Prospekt, [B. G.]. — Volume 2 — 2015. – p. 624.
5. Khropanyuk V.N. Theory of state and law. Textbook for higher education institutions / Edited by Professor V.G. Strekoza – M.: Publishing house "Interstil", "Omega-L". 2008. – p. 327.
6. Gidirim V. A. Fundamentals of international corporate taxation / V. A. Gidirim — "TAX TERRA OU", 2016. – pp. 508-509.
7. Demin, A.V. Tax avoidance. Questions of semantics and the twilight of uncertainty / A.V. Demin – Text : electronic // Tax expert. 2020. No. 1. – URL: <https://e.nalogoved.ru/785690> (Accessed 15.01.2023).
8. Tax law: Textbook for universities / Edited by S.G. Pepelyaev. – M.: Alpina Publisher, 2016. – p. 743.
9. Tax law: Textbook for universities / Edited by S.G. Pepelyaev. – M.: Alpina Publisher, 2016. – p. 743.
10. Tax law: textbook for bachelors / ed. by E. Y. Gracheva, O. V. Boltinova. – Moscow : Prospekt, 2019. – p. 121.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/27/2003 No. 9-P // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/16/2003, No. 24, art. 2431. It should be noted that in this decision the Constitutional Court does not directly use the term "tax optimization", however, in essence, it was meant – see: V. D. Zorkin's report "Tax Law and Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation" at the international scientific and practical conference on April 14, 2006 – Text: electronic // The official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=17> (Date of application 20.01.2023).
12. Tax evasion. Problems and solutions : a monograph for undergraduates studying under the programs of the direction "Finance and Credit" / I.A. Maiburov [et al.]; edited by I.A. Maiburov, A.P. Kireenkov, Yu.B. Ivanov. - Moscow : UNITY-DANA, 2017. – С. 11.
13. Co-operation and exchange of information of information on ATP – Text : electronic // Official website of the OECD. – URL: <https://www.oecd.org/ctp/aggressive/co-operation-and-exchange-of-information-on-atp.htm> (Accessed 22.01.2023).
14. Commission Recommendation of 6 December 2012 on aggressive tax planning (2012/772/EU) – Text : electronic // Official website of the Legislation of the European Union EUR-lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012H0772> (Accessed 22.01.2023).
15. Gidirim V. A. Fundamentals of international corporate taxation / V. A. Gidirim — "TAX TERRA OU", 2016. – p. 514.
16. Karpa, Jennifer Lena. "Aggressive Steuerplanung" Gestaltungsfreiheit multinational agierender Unternehmen vor dem Hintergrund des internationalen Steuerwettbewerb. PhD, Universität Regensburg. S. 7-11. / Jennifer Lena Karpa – Text : electronic // Regensburg University website. – URL: <https://epub.uni-regensburg.de/38378/1/21122018.pdf> (Accessed 22.01.2023).
17. Demin, A.V. Tax avoidance. Questions of semantics and the twilight of uncertainty / A.V. Demin.
18. Kurochkin, D. A. General rules on the prohibition of circumvention of the tax law (General Anti-Avoidance Rules) in the BRICS states: comparative legal research: Dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.04 / D. A. Kurochkin. – Yekaterinburg, 2020 – p. 21.
19. The Ministry of Finance is going to expand the range of transactions that fall under the "anti-declining" norms of the Tax Code. – Text : electronic // In-terfax website. – URL: <https://www.interfax.ru/business/844617> (Accessed 02/01/2023).

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ On improving social protection of the population in the CIS member states

АСТАХОВА Екатерина Алексеевна,

кандидат юридических наук, младший научный сотрудник
Саратовского филиала Института государства и права РАН.
410028, Россия, г. Саратов, ул. имени Чернышевского Н.Г., д. 135, оф. 308.
E-mail: orhideya-katerina@mail.ru;

Astakhova Ekaterina Alekseevna,

Candidate of Legal Sciences, Junior Researcher of the Saratov Branch
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
410028, Saratov, N.G. Chernyshevsky St., 135, office 308.
E-mail: orhideya-katerina@mail.ru

Краткая аннотация: в статье на примере Республики Узбекистан рассмотрены основные направления совершенствовании социальной защиты населения, что является свидетельством реализации социальной функции государства.

Abstract: The article examines the main directions of improving social protection of the population using the example of the Republic of Uzbekistan, which is evidence of the implementation of the social function of the state.

Ключевые слова: социальная помощь; социальные гарантии; социальные пособия; социальная защита; социальная модель установления инвалидности; социальные услуги.

Keywords: social assistance; social guarantees; social benefits; social protection; social model of establishing disability; social services.

Для цитирования: Астахова Е.А. О совершенствовании социальной защиты населения в государствах-участниках СНГ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 245-247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_245.

For citation: Astakhova E.A. On improving social protection of the population in the CIS member states // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 245-247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_245.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В современных условиях развития государства и общества возрастает роль правового регулирования общественных отношений в области социальной защиты населения¹. Эта тенденция характера для вех государств – участников СНГ, реализуется по различным направлениям, которые закрепляются в национальных документах стратегического планирования². Как правило, такие мероприятия осуществляются в рамках проведения административных реформ³ и связаны с реализацией соответствующих функций современных государств, многие из которых на конституционном уровне провозгласили себя социальными⁴.

Рассмотрим положительный опыт правового регулирования в данной области в Республике Узбекистан (далее – РУз), где был принят Указ Президента РУз от 25 июля 2022 г. № ПФ-175 «Об утверждении стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан» (далее – Стратегия)⁵.

В качестве приоритетных направлений социальной защиты населения РУз определены: охват программами социальной помощи всех семей и лиц, нуждающихся в ней, и соответствующих критериям назначения социальных пособий; расширение возможности использования обязательных социальных гарантий, в том числе видов социальной защиты за счет цифровизации сферы, внедрение принципов открытости и прозрачности в данные процессы; обеспечение обязательных социальных гарантий и усиление социальной защиты нуждающихся слоев населения; поэтапный переход к социальной модели установления инвалидности, а также обеспечение занятости лиц с ограниченными возможностями и инвалидностью; обеспечение современными протезно-ортопедическими изделиями и средствами реабилитации нуждающихся слоев населения; внедрение практики оказания социальных услуг населению непосредственно на уровне махалли.

Были утверждены: Стратегия социальной защиты населения РУз (согласно приложению № 1); Целевые показатели Стратегии социальной защиты населения РУз (согласно приложению № 2); «Дорожная карта» по реализации Стратегии в 2022-2023 годах (согласно приложению № 3). Также установить, что в целях достижения целевых показателей, определенных в Стратегии, с 2024 года «дорожные карты» утверждаются Кабинетом Министров ежегодно. При этом Национальным агентством социальной защиты при Президенте РУз проводится оценка хода исполнения «дорожных карт» в течение одного месяца после формирования годовых социально-экономических показателей республики.

В составе Министерства финансов образован Фонд социального страхования без статуса юридического лица, источниками финансирования деятельности которого являются средства Государственного бюджета РУз и иные источники, не запрещенные законодательством.

Эти меры направлены на формирование в Узбекистане социального государства и построение в нем гражданского общества⁶.

Стратегия определяет приоритетные направления и комплексные меры развития системы социальной защиты населения в период до

¹ Административно-правовые отношения в отраслях экономики / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. А. Агамагомедова, Н. Г. Андрианова [и др.]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2023. – 386 с.

² Редкоус, В.М. Актуальные направления современного административно-правового регулирования общественных отношений / В. М. Редкоус // Глобализация, деглобализация и публичное право : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 09 декабря 2022 года. – Москва: РУДН, 2023. – С. 28-35.

³ Редкоус, В. М. Административные реформы в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Актуальные проблемы науки административного права : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора, Б.М. Лазарева, Москва, 11 февраля 2020 года. – Москва: Издательство "ОнтоПринт", 2020. – С. 130-136.

⁴ Проблемы теории государства и права : В двух частях / О. В. Белянская, Н. С. Ельцов, А. В. Кочетков [и др.]. Том Часть 2. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2014. – 500 с.

⁵ Указ Президента Республики Узбекистан от 25 июля 2022 года № ПФ-175 «Об утверждении стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан» // URL: <https://lex.uz/ru/docs/6130265> (дата обращения: 1.08.2024).

⁶ Civil public organizations for providing a public order and their role in forming of civil society / A. I. Yastrebova, A. S. Salomatkin, R. M. Dzhevakhyan [et al.] // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2016. – Vol. 7, No. 2. – P. 417-425. – DOI 10.14505/jarle.v7.2(16).26. – EDN YVVGJD.

2030 года, а также в результате реализации ее «Дорожной карты» будет обеспечено достижение намеченных целевых показателей.

Стратегия охватила следующие программы социальной защиты, гарантированной государством:

1) *в рамках программ социальной помощи*: назначение материальной помощи малообеспеченным семьям; назначение детских пособий малообеспеченным семьям; оказание материальной помощи нуждающимся семьям в Республике Каракалпакстан и Хорезмской области; назначение пенсий по возрасту; назначение пенсий пожилым гражданам, не имеющим необходимого стажа работы, и нетрудоспособным гражданам; назначение пособия по уходу законному представителю ребенка, занятому уходом за детьми с инвалидностью в возрасте до 18 лет, нуждающимися в постороннем уходе; назначение пособия по инвалидности с детства (лицам с инвалидностью I и II группы); назначение пособия детям с инвалидностью (до 18 лет); назначение пособия детям, не достигшим возраста 18 лет, заболевшим ВИЧ-инфекцией и другими опасными для жизни и хроническими редкими (орфанными) заболеваниями; назначение пособия по случаю потери кормильца; назначение единовременного пособия на погребение; выдачу единовременного пособия при рождении ребенка («суюнчи пули»); назначение компенсационной денежной выплаты по оплате жилищно-коммунальных услуг; социальную защиту лиц, участвовавших в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и предоставление льгот лицам пенсионного возраста, отслужившим военную службу на радиационно-ядерных объектах; назначение дополнительной выплаты на продукты питания ветеранам войны 1941 — 1945 годов, бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей и гражданам, работавшим в период блокады города Ленинграда; назначение дополнительной выплаты на покупку продуктов питания и одежды ветеранам войны 1941 — 1945 годов, бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей и гражданам, работавшим в период блокады города Ленинграда; выплату денежного вознаграждения участникам Второй мировой войны в связи с Днем памяти и почестей; предоставление некоторым категориям граждан льгот по бесплатному пользованию городским пассажирским транспортом; освобождение детей малообеспеченных семей в государственных дошкольных образовательных организациях от платежа; освобождение детей малообеспеченных семей от арендной платы за учебники в общеобразовательных средних школах; обеспечение одеждой детей малообеспеченных семей в общеобразовательных средних школах; освобождение от расходов на питание учащихся из малообеспеченных семей в школах-интернатах, специализированных на преподавании отдельных предметов; оказание помощи и содействия семьям, включенным в «Железную тетрадь», женщинам, включенным в «Женскую тетрадь», молодежи, включенной в «Молодежную тетрадь», детям-сиротам и детям, оставшимся без родительской опеки, включенным в «Мехр дафтари»; обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без родительской опеки; обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без родительской опеки, продуктами питания, одеждой и средствами санитарии; выплату пособия на каждого ребенка-сироту, взятого на воспитание в семью (патронат), и детей, оставшихся без родительской опеки; обеспечение жильем женщин, проживающих в нежилых помещениях, и совершеннолетних девушек, нуждающихся в жилье, лишенных родителей или одного из них, а также находящихся на попечении матери-одиночки, отца-одиночки или иных лиц; предоставление единовременной материальной помощи нуждающимся в социальной защите слоям населения;

2) *в рамках программ социального обеспечения*: назначение пенсии по возрасту; назначение пенсии по инвалидности; назначение пенсии по случаю потери кормильца; назначение пенсии лицам, участвовавшим при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС; назначение пособия по беременности и родам; назначение пособия по временной нетрудоспособности; назначение пособия по безработице; назначение выходного пособия в связи с увольнением с работы; назначение пособия на церемонию погребения в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, пенсии по инвалидности и пенсии по случаю потери кормильца;

3) *в рамках программ социальных услуг*: оказание медико-социальных услуг в домах «Мехрибонлик», детских городках, детских домах семейного типа и детских домах в системе Министерства здравоохранения; оказание медико-социальных услуг в домах-интернатах «Саховат» для престарелых и лиц с инвалидностью, «Мурувват» — для лиц с инвалидностью, «Мурувват» — для детей с инвалидностью; оказание медико-социальных услуг в санаториях для престарелых и лиц с инвалидностью, ветеранов войны и труда, в республиканском пансионате — для ветеранов войны и труда; оказание услуг экспертизы Республиканской инспекцией медико-социальной экспертизы и ее территориальными подразделениями; оказание медико-социальных услуг Национальным центром реабилитации и протезирования лиц с инвалидностью, региональными центрами реабилитации для лиц с инвалидностью; оказание услуг Республиканским центром реабилитации по предоставлению помощи жертвам торговли людьми; оказание услуг Республиканским центром реабилитации и адаптации женщин и территориальными центрами; оказание услуг центрами органов внутренних дел по реабилитации лиц без определенного места жительства; услуги по оказанию социально-правовой помощи несовершеннолетним; услуги по обеспечению нуждающихся лиц протезно-ортопедическими изделиями и техническими средствами реабилитации; организацию оказания медико-социальных услуг в домашних условиях; выплату дополнительных выплат одиноким престарелым, нуждающимся в постороннем уходе, и лицам с инвалидностью для приобретения продуктов питания; обеспечение одиноким престарелым, нуждающимся в постороннем уходе, и лиц с инвалидностью лекарствами на бесплатной или льготной основе; оказание социальных услуг престарелым и лицам с инвалидностью, а также формирование и реализацию программы индивидуальных социальных услуг; оказание медицинских, психологических и других услуг семьям, включенным в «Железную тетрадь», женщинам, включенным в «Женскую тетрадь», молодежи, включенной в «Молодежную тетрадь», детям-сиротам и детям, оставшимся без родительской опеки, включенным в «Мехр дафтари»;

4) *в рамках программ активных мер на рынке труда* (далее — АМРТ): организацию оплачиваемых общественных работ; стимулирование занятости и вовлечение в предпринимательство за счет государственных целевых фондов (субсидий, грантов и кредитных линий); оказание местными органами труда услуг лицам, находящимся в поиске работы, а также безработным лицам; определение минимального количества рабочих мест и резервирование рабочих мест; профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации лиц, находящихся в поиске работы, и безработных лиц; оказание правовой и социальной защиты, а также материальной помощи гражданам РУз, подвергшимся насилию, принудительно-

му труду и дискриминации, нарушению трудовых и иных прав, попавших в сложное финансовое положение и оставшихся без документов, подтверждающих личность, без средств к существованию в период осуществления трудовой деятельности за рубежом; медицинское обслуживание граждан Республики Узбекистан, которым в период нахождения в трудовой миграции потребовалась медицинская помощь по причине травмы, несчастного случая, тяжелого заболевания, в случае невозможности оплатить стоимость оказанных медицинских услуг за счет средств трудового мигранта или медицинского страхования; перевозку тел граждан РУз, умерших в период нахождения в трудовой миграции, а также граждан РУз, получивших увечье или тяжелые травмы во время трудовой деятельности за рубежом¹; возвращение граждан РУз, ранее направленных на работу за рубеж в рамках организованного набора и депортированных вследствие нарушения законодательства страны пребывания, с последующим возмещением оплаченных средств за счет указанных граждан, а также возвращение граждан РУз, которым со стороны иностранных работодателей не были обеспечены оговоренные условия трудоустройства; предвыездную адаптацию, профессиональную подготовку, обучение иностранным языкам граждан РУз, выезжающих для осуществления трудовой деятельности за рубеж; выплата компенсаций на некоторые расходы выезжающим в трудовую миграцию гражданам; покрытие гражданам, выезжающим в трудовую миграцию в порядке организованного набора в развитые государства, расходов на оформление «рабочей визы»; содействие организованному трудоустройству граждан за рубежом.

Также в Стратегии определены цели в рамках достижения социальной защиты населения РУз; система институционального управления и финансирования государственной социальной защиты; мониторинг и оценка².

Рассматриваемый опыт правового регулирования может быть востребован в российских условиях как в содержательном аспекте – в целях совершенствования российских документов стратегического планирования в данной области, так и в плане подготовки самих документов стратегического планирования. Следует признать положительным узбекский опыт в части одновременной разработки и принятия уже согласованных документов: стратегии, её целевых показателей, а также «дорожной карты» по реализации стратегии³. Необходимо как продолжение научных исследований данных вопросов⁴, так и их фундаментальная разработка на монографическом уровне⁵.

Библиография:

1. Административно-правовые отношения в отраслях экономики / М.Н. Кобзарь-Фролова, С.А. Агамагомедова, Н.Г. Андрианова [и др.]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2023. – 386 с.
2. Виноградова, Е. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.
3. Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения / Р. В. Пузиков, В. А. Сытюгина, М. А. Седых [и др.]. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010. – 306 с.
4. Проблемы теории государства и права : В двух частях / О. В. Белянская, Н. С. Ельцов, А. В. Кочетков [и др.]. Том Часть 2. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2014. – 500 с.
5. Редкоус, В.М. Актуальные направления современного административно-правового регулирования общественных отношений / В. М. Редкоус // Глобализация, деглобализация и публичное право : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 09 декабря 2022 года. – Москва: РУДН, 2023. – С. 28-35.
6. Редкоус, В. М. Административные реформы в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Актуальные проблемы науки административного права : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора, Б.М. Лазарева, Москва, 11 февраля 2020 года. – Москва: Издательство "ОнтоПринт", 2020. – С. 130-136.
7. Редкоус, В.М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2(70). – С. 107-116.
8. Civil Society of modern Russia: Problems of implementation of constitutional rights and freedoms / A. M. Voronov, M. N. Kobzar-Frolova, V. M. Redkous, A. M. Gogolev // International Journal of Economics and Business Administration. – 2019. – Vol. 7, No. S1. – P. 243-251. – DOI 10.35808/ijeba/268. – EDN KIFQXR.
9. Civil public organizations for providing a public order and their role in forming of civil society / A. I. Yastrebova, A. S. Salomatkin, R. M. Dzhavakhyan [et al.] // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2016. – Vol. 7, No. 2. – P. 417-425. – DOI 10.14505/jarle.v7.2(16).26. – EDN YVBGJD.
10. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya [et al.] // E3S Web of Conferences : 8, Rostovon-Don, 19–30 августа 2020 года. – Rostovon-Don, 2020. – P. 17023. – DOI 10.1051/e3sconf/202021017023.

References:

1. Administrative and legal relations in economic sectors / M. N. Kobzar-Frolova, S. A. Agamagomedova, N. G. Andrianova [et al.]. – Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2023. – 386 p.
2. Vinogradova, E. V. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings - 2022") / E. V. Vinogradova, M. N. Kobzar-Frolova // Administrative law and process. – 2022. – No. 5. – P. 79-88.
3. Legal policy in the sphere of private law: problems and solutions / R. V. Puzikov, V. A. Sytyugina, M. A. Sedykh [et al.]. – Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2010. – 306 p.
4. Problems of the Theory of State and Law: In two parts / O. V. Belyanskaya, N. S. Yeltsov, A. V. Kochetkov [et al.]. Volume Part 2. – Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2014. – 500 p.
5. Redkous, V. M. Current trends in modern administrative and legal regulation of public relations / V. M. Redkous // Globalization, deglobalization and public law: materials of the International scientific and practical conference, Moscow, December 09, 2022. – Moscow: RUDN, 2023. – P. 28-35.
6. Redkous, V. M. Administrative reforms in the CIS member states / V. M. Redkous // Actual problems of administrative law science: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the honored scientist of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, B. M. Lazarev, Moscow, February 11, 2020. – Moscow: OntoPrint Publishing House, 2020. – P. 130-136.
7. Redkous, V. M. Using foreign experience for the purpose of preparing strategic planning documents in the field of public security in the CIS member states / V. M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 2 (70). – P. 107-116.
8. Civil Society of modern Russia: Problems of implementation of constitutional rights and freedoms / A. M. Voronov, M. N. Kobzar-Frolova, V. M. Redkous, A. M. Gogolev // International Journal of Economics and Business Administration. – 2019. – Vol. 7, No. S1. – P. 243-251. – DOI 10.35808/ijeba/268. – EDN KIFQXR.
9. Civil public organizations for providing a public order and their role in forming of civil society / A. I. Yastrebova, A. S. Salomatkin, R. M. Dzhavakhyan [et al.] // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2016. – Vol. 7, No. 2. – P. 417-425. – DOI 10.14505/jarle.v7.2(16).26. – EDN YVBGJD.
10. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya [et al.] // E3S Web of Conferences : 8, Rostovon-Don, 19–30 августа 2020 года. – Rostovon-Don, 2020. – P. 17023. – DOI 10.1051/e3sconf/202021017023.

¹ Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya [et al.] // E3S Web of Conferences : 8, Rostovon-Don, 19–30 августа 2020 года. – Rostovon-Don, 2020. – P. 17023. – DOI 10.1051/e3sconf/202021017023.

² Civil Society of modern Russia: Problems of implementation of constitutional rights and freedoms / A. M. Voronov, M. N. Kobzar-Frolova, V. M. Redkous, A. M. Gogolev // International Journal of Economics and Business Administration. – 2019. – Vol. 7, No. S1. – P. 243-251. – DOI 10.35808/ijeba/268. – EDN KIFQXR.

³ Редкоус, В. М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2(70). – С. 107-116.

⁴ Виноградова, Е. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.

⁵ Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения / Р. В. Пузиков, В. А. Сытюгина, М. А. Седых [и др.]. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2010. – 306 с.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_248

УДК 353.5

ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ¹ PRINCIPLES OF STRATEGIC PLANNING FOR THE DEVELOPMENT OF METROPOLITAN REGION

ФРОЛКИНА Елизавета Юрьевна,

лаборант-исследователь Лаборатории правового сопровождения развития городских агломераций,
Кемеровский государственный университет,
650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: ecollaw@kemsu.ru;

FROLKINA Elizaveta Yurievna,

Laboratory research assistant of the Laboratory of Legal Support for the Development of Metropolitan Regions,
Kemerovo State University.

6, Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia.

E-mail: ecollaw@kemsu.ru

Краткая аннотация. Для стратегического планирования на уровне городской агломерации характерны собственные принципы, отражающие специфику объекта (группа населенных пунктов), и субъекта планирования (межмуниципальные или региональные органы управления). Выявление этих принципов позволит понять ключевые особенности этого уровня стратегического планирования.

Abstract. Strategic planning at the level of a metropolitan region is characterized by its own principles, reflecting the specifics of the object (a group of settlements) and the subject of planning (inter-municipal or regional government bodies). Identifying these principles will allow us to understand the key features of this level of strategic planning.

Ключевые слова: стратегическое планирование, городская агломерация, стратегия развития городской агломерации, управление городской агломерацией, межмуниципальное сотрудничество.

Key words: strategic planning, metropolitan region, metropolitan region development strategy, metropolitan region management, inter-municipal cooperation.

Для цитирования: Фролкина Е.Ю. Принципы стратегического планирования развития городских агломераций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 248-251. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_248.

For citation: Frolkina E. Yu. Principles of strategic planning for the development of metropolitan region // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 248-251. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_248.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Задача стратегического планирования – определить общие направления, цели и задачи развития определенных территорий, обозначить долгосрочные ориентиры развития для органов власти, муниципалитетов, бизнеса и населения. Поставленные при стратегическом планировании цели в дальнейшем проектируются на конкретную территорию, имеющую сложившуюся структуру землепользования, инженерную и социальную инфраструктуры и иные индивидуальные особенности [4].

Существуют общие принципы стратегического планирования, характерные для всех его уровней и закрепленные в законе «О стратегическом планировании»² - как например принцип реалистичности или принцип результативности. Вместе с тем можно выделить и специальные принципы, характерные для отдельных уровней стратегического планирования (Российской Федерации, федерального округа, субъекта РФ, городской агломерации, муниципального образования).

Пожалуй, наименее исследовано стратегическое планирование на уровне городской агломерации, то есть группы тесно взаимосвязанных между собой населенных пунктов, группирующихся вокруг города-ядра. Между тем, практическая востребованность документов такого уровня существенна, в ряде городских агломераций в России уже разработаны стратегии развития несмотря на неопределенность правового статуса такой стратегии³.

Рассмотрим, какие принципы стратегического планирования характерны для уровня городской агломерации.

1. Многоуровневость.

В России стратегическое планирование агломераций осуществляется на нескольких уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Федеральные органы власти разрабатывают общую стратегию развития агломераций в России, регионы прорабатывают свои уникальные планы для отдельных агломераций, а муниципалитеты принимают меры для реализации стратегий на своей территории.

Многоуровневость – важная особенность стратегического планирования агломераций в РФ. Здесь важно понимать, что агломерация – это территория, на которой функционируют несколько населенных пунктов, и развитие агломераций требует комплексного подхода и согласования действий на нескольких уровнях власти [5].

Успешное стратегическое планирование развития агломераций требует согласования интересов и взаимодействия на всех уров-

¹ Исследование проводилось в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Кемеровской области-Кузбасса, предоставленного в рамках конкурса заявок на создание научных лабораторий под руководством молодых ученых (соглашение № 7 от 23 ноября 2022 года).

² Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»

³ Как например, в Барнаульской, Пермской, Самарско-Тольяттинской, Саратовской агломерациях, агломерации «Томск-Северск-Томский район» др.

нях власти. Взаимодействие и координация между федеральными, региональными и муниципальными органами позволяют создать единое видение и обеспечить целостный подход к развитию агломераций.

В России стратегическое планирование агломераций осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Каждый уровень имеет свои компетенции и задачи в разработке и реализации стратегий агломераций.

На **федеральном уровне** разрабатываются общие стратегии развития агломераций, определяются основные принципы и направления развития. Федеральные органы власти также могут выделять финансовые и другие ресурсы для реализации стратегий и координировать действия региональных и муниципальных органов.

Какие же направления развития агломераций, *общие для всей России*, определяются федеральными органами?

Во-первых, федеральные органы решают, отдавать ли приоритет развитию агломераций или поддержке малых городов. Этот вопрос ожесточенно дискутируется еще с советских времен. Сейчас политика федеральных властей ближе к поддержке развития агломераций.

Во-вторых, федеральные власти выбирают, нужно ли развивать агломерации равномерно на всей территории России или следует попытаться ускорить этот процесс в некоторых федеральных округах. Сейчас федеральные власти стремятся снизить процесс перетока населения из регионов в Москву и ускорить процесс развития Дальнего Востока.

В-третьих, федеральные власти решают, чему отдавать приоритет при развитии агломераций – развитию экономики, улучшению качества городской среды или решению экологических проблем. В настоящий момент усилия стремятся сфокусировать на развитии экономики и на реформировании транспортной инфраструктуры.

Текущие направления федеральной политики в отношении городских агломераций зафиксированы в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года¹.

В целом, зафиксированные в Стратегии приоритеты действительно соблюдаются, за исключением одного: вместо зафиксированного в Стратегии развития агломераций за счет межмуниципального сотрудничества происходит развитие агломераций как дополнительного уровня государственного (а не муниципального) управления. Вопрос о том, правильна ли такая политика, очень дискуссионный.

На **региональном уровне** разрабатываются стратегии развития конкретных агломераций, учитывая особенности региона и его потенциал. Региональные органы власти принимают активное участие в разработке стратегий и обеспечивают их реализацию, привлекая необходимые ресурсы и координируя действия муниципалитетов.

Мы обратили внимание, что что в российских условиях стратегия развития городской агломерации всегда разрабатывается под фактическим руководством региональных органов власти – даже в тех агломерациях, где в дальнейшем управление строилось на основе межмуниципального сотрудничества («горизонтальная модель»).

Муниципальные органы власти занимаются практической реализацией стратегий на конкретной территории. Они разрабатывают планы действий, привлекают инвестиции, осуществляют контроль и мониторинг реализации стратегий. Муниципалитеты также могут проводить свои собственные исследования стратегических решений.

Таким образом, многоуровневость в стратегическом планировании агломераций в РФ обеспечивает согласованность и эффективность развития, а также предоставляет всем заинтересованным сторонам возможность активно участвовать в принятии решений и реализации стратегий на всех уровнях.

2. Результативность и эффективность.

Принцип результативности и эффективности стратегического планирования означает, что выбор способов и методов достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должен основываться на необходимости достижения заданных результатов с наименьшими затратами ресурсов в соответствии с документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках планирования и программирования.

Примером может являться широкое распространение во многих крупных городах мира (так как данная проблема является актуальной) системы перехватывающих парковок. Исследования показывают, что работа отдельной стоянки не может активно повлиять на транспортную ситуацию, в то время как их совокупность результативна, и транспортный эффект по снижению загрузки улично-дорожной сети в зоне влияния системы перехватывающих парковок может составлять 5...15 % [3]. Данные цифры являются подтверждением того, что перехватывающие парковки не являются панацеей при решении транспортной проблемы, но могут внести существенный вклад как часть концепции развития транспортной системы. Соответственно, выполнение транспортной функции не может являться единственной целью создания системы перехватывающих парковок.

3. Вовлечение бизнес-сообщества.

В процессе стратегического планирования агломераций в РФ активно привлекается бизнес-сообщество. Представители бизнеса могут участвовать в разработке стратегий, предлагать свои идеи и ресурсы для реализации проектов.

Чтобы обеспечить вовлечение бизнес-сообщества в стратегическое планирование агломераций, применяются следующие подходы:

1. Прямое участие представителей бизнеса в процессе разработки стратегических документов агломерации. Это может быть включение их в рабочие группы, проведение совместных консультаций и обсуждений, а также предоставление возможности высказаться по различным

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года N 207-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 7. (ч. II). ст. 702.

вопросам, связанным с развитием агломерации. К примеру, в процессе разработки Стратегии «Челябинск-2035» было проведено 14 рабочих встреч с представителями бизнес-сообщества¹.

2. Создание бизнес-консультативных органов: Можно сформировать специальные органы или комитеты, в которых будут представлены представители бизнес-сообщества. Эти группы могут быть ответственными за консультирование и выработку рекомендаций по вопросам развития агломерации. Рекомендации этих органов могут быть использованы при разработке и реализации стратегического плана.

Некоторые российские агломерации напрямую включают представителей крупных инвесторов в состав Координационного совета городской агломерации. Так, в состав Совета Томской агломерации входили представители Госкорпорации «Росатом», АО «ТВЭЛ», АО «Сибирский химический комбинат»².

3. Проведение открытых общественных слушаний: В отличие от рабочих встреч и включения представителей бизнес-сообщества в состав консультативных органов, публичные слушания позволяют учесть мнение представителей мелкого бизнеса. Открытые общественные слушания также способствуют повышению прозрачности и доверия со стороны бизнес-сообщества и общественности в целом.

В действующем законодательстве не предусмотрена обязанность проведения публичных слушаний в процессе стратегического планирования на уровне агломераций (кроме разработки Схемы территориального планирования). Тем более ценным является опыт «добровольного» проведения подобных мероприятий в некоторых агломерациях: Казанской, Улан-Удэнской, Самарско-Тольяттинской и других.

4. Разработка механизмов поддержки бизнеса: Разработка стратегического плана агломерации должна учитывать не только потребности развития бизнеса, но и предлагать конкретные механизмы поддержки предпринимателей. Это может быть создание специальных бизнес-инкубаторов, предоставление доступа к финансированию и более легким процедурам оформления бизнеса.

Подобные меры принимаются практически во всех российских агломерациях. Редко можно встретить агломерацию, в которой нет ни одного «кластера» - особой экономической зоны, территории опережающего развития, инновационного центра и других.

5. Мониторинг и оценка эффективности: После разработки и реализации стратегического плана важно проводить мониторинг и оценку его эффективности с участием представителей бизнес-сообщества. Это позволит определить проблемные места и корректировать стратегический план в соответствии с реальными потребностями предпринимателей.

4. Учет особенностей каждой агломерации.

В РФ каждая агломерация имеет свои уникальные особенности, которые необходимо учитывать при разработке стратегического плана. Это может быть особенности экономики, проблемы инфраструктуры, социальные и экологические аспекты и другие факторы. Например, на определении стратегических направлений развития Томской агломерации сказалась исторически сложившаяся атомная специализация входящего в агломерацию ЗАТО «Северск». А направления развития Владивостокской агломерации предопределялись положением Владивостока как «Ворот в Азию» (отсюда развитие портов) и его расположением на полуострове (ограниченность земельных ресурсов).

5. Прозрачность (открытость)

Принцип прозрачности (открытости) стратегического планирования означает, что документы стратегического планирования, за исключением документов или их отдельных положений, в которых содержится информация, относящаяся к государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне, подлежат официальному опубликованию.

По нашим наблюдениям, данный принцип соблюдается на практике очень слабо. Почти каждая городская агломерация имеет собственную стратегию развития или стратегический мастер-план, однако эти документы исключительно редко публикуются в интернете в открытом доступе. Несколько чаще можно встретить опубликованные презентации выступлений должностных лиц или представителей разработчиков документов стратегического планирования с изложением основных положений стратегии.

В ряде регионов вопросы развития агломераций акцентируются в документах стратегического планирования субъекта Российской Федерации – стратегиях социально-экономического развития, схемах территориального планирования и/или государственных программах субъекта Российской Федерации.

При ознакомлении с документами стратегического планирования нужно учитывать, что существуют два типа документов – так называемые «явные» и «невные».

К «явным» можно отнести документы, где тема агломераций вынесена в названия документов стратегического планирования. Так, Стратегия развития Барнаульской агломерации до 2035 года разработана, одобрена на заседании Межмуниципального совета Ассоциации «Барнаульская агломерация» (16 июня 2022 г.) и направлена в региональное Правительство для утверждения в качестве стратегии части территории Алтайского края³. [Источник в СМИ].

Вторая группа – это те документы стратегического планирования, где напрямую по названию нельзя установить связь документа с системой управлением агломерациями.

В качестве примера «невных» документов стратегического планирования можно привести «Стратегию социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года», в которой обозначен стратегический приоритет - «сбалансированное пространственное развитие

¹ Стратегия Челябинской агломерации – 2035.

² Состав Совета при Губернаторе Томской области по реализации соглашений между администрацией Томской области и Госкорпорацией «Росатом» и развитию агломерации «Томск – Северск – Томский район»: приложение № 1 к распоряжению Губернатора Томской области от 01.04.2013 № 120-р.

³ В администрации города прошло заседание Межмуниципального совета Ассоциации «Барнаульская агломерация интеграционного развития территорий» // Официальный сайт города Барнаул. URL: <https://barناول.org/news/v-administratsii-goroda-proshlo-zasedanie-mezhmunitsipalnogo-soveta-assotsiatsii-barnaulskaya-aglome.html>.

Ульяновской области». В его рамках важное место занимает задача развития двухъядерной агломерации «Ульяновск – Димитровград» на базе существующих Ульяновской и Димитровградской агломераций.

6. Обеспечение устойчивого развития.

Принципы устойчивого развития направлены на создание устойчивой социально-экономической системы, учитывающей потребности текущего поколения, не вредя при этом возможностям будущих поколений.

Реализация принципов устойчивого развития важна для всех уровней стратегического планирования. Однако именно на уровне городской агломерации возможно достаточно точно спланировать взаимное размещение системы расселения, промышленных предприятий и экологического каркаса территории.

Особенно тесно связана с экологическими проблемами разработка Схем территориального планирования городских агломераций (в составе СТП региона или в качестве самостоятельного документа), которые одновременно относятся и к документам территориального, и к документам стратегического планирования.

В современном понимании принцип устойчивого развития предполагает не только решение экологических проблем, но и **гармоничность социально-экономической системы**. Это важно для городских агломераций, ведь агломерация – это не в последнюю очередь единое пространство для деятельности разных групп населения. Что может сделать для этого стратегическое планирование?

1) Именно на уровне городской агломерации стратегическое планирование может обеспечить *оптимальное соотношение городских и сельских видов экономической активности*. В современном мире граница между городским и сельским населением все сильнее стирается. Так, крестьянские (фермерские) хозяйства – специфическая форма хозяйствования, присущая сельской территории. Но для них близость к городской агломерации – важное конкурентное преимущество. Нельзя сказать, что развитие городской агломерации – это негативный процесс для фермеров [6].

2) Важным направлением реализации принципов устойчивого развития в городских агломерациях должно стать *согласованное развитие социальной сферы соседних территорий*, расширение практики предоставления городами социальных услуг прилегающим сельским населенным пунктам [2].

К примеру, в Барнаульской агломерации была создана единая служба скорой помощи по агломерации. А в городе Щекино (Тульская область) работает спортивный центр «Мир», в который ходят ребята не только из города Щекино, но и из поселка «Первомайский». Между Щекино и Первомайским заключено межмуниципальное соглашение, предусматривающее совместное финансирование деятельности спортивного центра [1]. Именно такие небольшие вопросы известный конституционалист Е.С. Шугрина назвала «индикаторами» реального межмуниципального сотрудничества в рамках агломерации¹.

Библиография:

1. Афанасьева Е.Н. Горизонтальные субсидии на муниципальном уровне // Журнал «Бюджет». 2021. № 7. С. 86-88.
2. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Агломерация как объект и субъект стратегического планирования // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 2.
3. Данилина Н.В. Особенности формирования системы перехватывающих парковок в агломерациях // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Серия: Политетамическая. 2014. № 2.
4. Крамкова Т.В. Территориальное и стратегическое планирование: основные проблемы и тенденции развития законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 4. С. 40-51.
5. Муסיнова Н.Н. Развитие городских агломераций как одно из направлений стратегии пространственного развития России // Вестник университета. 2019. № 2. С. 46-51.
6. Яроцкая Е.В. «Эволюция» городской агломерации // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 425-431.

References:

1. Afanasyeva E.N. Horizontal subsidies at the municipal level. *Budget*. 2021. No. 7. P. 86-88.
2. Ivanov O.B., Bukhvald E.M. Agglomeration as an object and subject of strategic planning. *STAGE: economic theory, analysis, practice*. 2021. No. 2.
3. Danilina N.V. Features of the formation of an intercepting parking system in agglomerations. *Internet Bulletin of VolgGASU. Series: Polythematic*. 2014. No. 2.
4. P. 40-51.
4. Kramkova T.V. Territorial and strategic planning: main problems and trends in the development of legislation. *Property relations in the Russian Federation*. 2013. No. 4. P. 40-51.
5. Musinova N.N. Development of urban agglomerations as one of the directions of the strategy of spatial development of Russia. *Bulletin of the University*. 2019. No. 2. P. 46-51.
6. Yarotskaya E.V. "Evolution" of urban agglomeration. *Modern problems and prospects for the development of land and property relations*. Krasnodar, 2021. P. 425-431.

¹ Стенограмма парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы координации социально-экономического развития муниципальных образований в рамках агломерации. 27 мая 2021 года. С. 22-23. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127220/> (дата обращения 15.07.2024)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕЙ ЭКСТРЕМИЗМА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ОСНОВЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Countering the spread of ideas of extremism on the global Internet based on new information technologies

БАРАНОВ Владимир Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры информационных технологий Академии управления МВД России.

Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Kosmodemyanskikh, д. 8.

ORCID 0000-0002-4603-7533;

E-mail: de_la_sergio@mail.ru;

Baranov Vladimir Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department

of Information Technology Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8.

ORCID 0000-0002-4603-7533;

E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Краткая аннотация: Актуальность темы. Тема статьи является очень актуальной. Идеологи и распространители экстремистских идей активно используют возможности современных технологий для организации террористической деятельности и привлечения новых сторонников в свои организации. Поэтому органам внутренних дел требуется выстраивание эффективной системы технологического противодействия новым формам ведения экстремистской и террористической деятельности. Целью исследования является характеристика современных информационных технологий, которые применяются и могут быть в перспективе применены в целях оказания противодействия распространению экстремистских идей в сети Интернет. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с использованием современных информационных технологий в целях оказания противодействия распространению экстремистских идей в сети Интернет. По итогам проведенного исследования были получены следующие выводы. Противодействие распространению экстремистских идей в сети Интернет сейчас невозможно представить без использования информационных технологий. Для обеспечения наилучшей эффективности требуется комплексное использование таких технологий с учетом их особенностей. Перспективным направлением является более широкое вовлечение технологий в дело органичной социализации лиц, подверженных радикальным взглядам, в целях замещения антисоциальных установок социально приемлемыми взглядами и идеями.

Abstract: The topic of the article is very relevant. Ideologists and propagandists of extremist ideas actively use the possibilities of modern technologies to organize terrorist activities and attract new supporters to their organizations. Therefore, it is necessary to build a system of technological counteraction to new forms of extremist and terrorist activities. The purpose of the study is to characterize modern information technologies that are used and can be used in the future in order to counteract the spread of extremist ideas on the Internet. The object of the study is the social relations that develop in connection with the use of modern information technologies in order to counteract the spread of extremist ideas on the Internet. Based on the results of the study, the following conclusions were obtained. Countering the spread of extremist ideas on the Internet is now impossible to imagine without the use of information technology. To ensure the best efficiency, the integrated use of such technologies is required, taking into account their characteristics. A promising direction is the wider involvement of technology in the organic socialization of people subject to radical views in order to replace antisocial attitudes with socially acceptable views and ideas.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, информационные технологии, Интернет, противодействие экстремизму.

Keywords: extremism, terrorism, information technology, Internet, countering extremism.

Для цитирования: Баранов В.В. Противодействие распространению идей экстремизма в глобальной сети Интернет на основе новых информационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 252-255. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_252.

For citation: Baranov V.V. Countering the spread of ideas of extremism on the global Internet based on new information technologies // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 252-255. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_252.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Терроризм и экстремизм на протяжении длительного периода времени являются одной из главнейших угроз для существования государств. С течением времени эти негативные явления трансформируются и принимают новые формы, с которыми власти должны быть готовы бороться. Для этого требуется проведение постоянной научно-исследовательской деятельности, в результате которой должны разрабатываться эффективные меры по выявлению лиц, ведущих противозаконную деятельность.

Кроме этого, активная научная деятельность в рамках реализации комплексного подхода к решению проблемы распространения киберэкстремизма и кибертерроризма в нашей стране будет способствовать разработке и внедрению мер, направленных на предупреждение распространения указанных явлений, что является наиболее важным и эффективным средством борьбы с рассматриваемыми преступными проявлениями.

Перечисленные выше задачи должны решаться каждым государством самостоятельно. Не требуется при этом обращать внимание на отдельные страны, которые недостаточно активны в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Не исключено, что данные страны желают использовать фактор дестабилизации в других государствах в собственных интересах, в том числе сознательно поддерживая те или иные террористические и экстремистские группировки в сопредельных странах. Наше государство должно заботиться о своих гражданах, а его потенциал способствует этому в рамках реализации комплексного подхода к решению проблемы противодействия молодежному экстремизму.

В настоящее время в практике противодействия экстремизму и терроризму, включая распространение соответствующих идей, постепенно находят свое применение различные современные информационные технологии. Следует чуть подробнее остановиться на некоторых из них.

Нейротехнологии и искусственный интеллект. Обзор имеющихся исследований и публикаций, связанных с использованием нейротехнологий и искусственного интеллекта, дает объяснение того, какие нейротехнологии могут быть применены для выявления и предотвращения молодежного экстремизма. Перспективными направлениями использования данных технологий являются следующие:

1. изучение особенностей функционирования головного мозга, которые благоприятствуют восприятию человеком радикальных взглядов;
2. анализ большого объема данных и выявление потенциально опасного контента в сети Интернет с последующей его блокировкой;

3. использование чат-ботов, которые могут предоставлять информацию наиболее подверженным экстремистским идеям людям, оказывать им поддержку в случае возникновения трудных жизненных ситуаций и прохождения реабилитации;

4. технологическое осуществление мер по обеспечению конфиденциальности информационных массивов [1, с. 55].

Следующая технология, которая используется при противодействии распространению экстремизма и терроризма, - работа с большими данными. Данная технология предназначена для оперативного и точного анализа всего цифрового контента в сети Интернет. Именно в Интернете современные молодые люди получают информацию, делятся с ней, безусловно, знают люди и организации, заинтересованные в вербовке новых членов экстремистских формирований. Интернет в современных условиях активно задействован для вербовки террористов и экстремистов. Технологии анализа текста и данных могут помочь выявить потенциально опасные сообщения, а также установить связи между пользователями и определить ключевые тенденции, связанные с молодежным экстремизмом. Компьютерные системы можно настроить при помощи машинного обучения на выявление и классификацию контента в соответствии с заданными алгоритмами. Подобным образом можно быстро и точно установить подозрительные материалы, которые связаны с распространением экстремизма. Это может помочь автоматически обнаруживать и блокировать контент, содержащий такую информацию, а также комментарии и аккаунты. Существует термин «интеллектуальный анализ данных», при помощи которого возможно обрабатывать и анализировать огромный массив данных, что было бы не под силу людям, не ограничиваясь текстами, но и работая с графическими и видео-материалами [2, с. 5]. Такой анализ позволяет выявлять скрытые связи, которые могут указывать на экстремистскую сеть или группу.

Благодаря технологии big data можно создать систему раннего предупреждения деятельности экстремистов, установить их замыслы на раннем этапе. Это позволит правоохранительным органам своевременно отреагировать, предотвратить террористические и иные подобные акты, а также не допустить вербовку молодых людей в члены экстремистской группировки. Очень важно при этом, что технологии работы с большими данными могут быть использованы для создания коллаборативных платформ, где правоохранительные органы, общественные организации, ученые могли бы обмениваться информацией.

В противодействии распространению идей экстремизма в сети Интернет используются квантовые технологии, хотя в несколько ограниченном варианте. Так, новые методы защиты информации предлагает квантовая криптография, и они считаются более надежными по сравнению с классической криптографией. Благодаря этому, будет обеспечена лучшая безопасность передачи информации в информационных сетях, а также это будет способствовать более эффективному выявлению сообщений экстремистского характера, передаваемых через зашифрованные каналы связи. При помощи квантовых компьютеров возможно проводить обработку и анализ большого массива данных с гораздо большей эффективностью по сравнению с традиционными электронно-вычислительными машинами. Данное направление деятельности чрезвычайно важно при работе с большим количеством данных их сети Интернет, из которых может быть успешно выделены материалы экстремистского характера, а также установлены радикально настроенные лица. Квантовые технологии могут повысить реалистичность и интерактивность виртуальной реальности, что может быть использовано для создания, например, тренинговых программ, которые помогают молодым людям понять последствия экстремистских действий и насилия и быть ориентированными на пропаганду исключительно мирных ценностей. Но отмеченные технологии сами по себе не могут полностью разрешить проблему распространения экстремистских идей в молодежной среде. Для искоренения названной проблемы необходимо использовать комплексный подход.

Далее следует указать на производственные технологии в качестве инструмента противодействия распространению экстремистских идей в сети Интернет. Благодаря данным технологиям, развиваются промышленные сектора экономики, осуществляется привлечение инвестиций, создаются новые рабочие места. Это предоставляет молодежи возможности трудоустройства и интеграции в общество, что снижает вероятность их вовлечения в экстремистскую деятельность. Данные технологии можно использовать следующим образом: содействие получения молодыми людьми профессионального образования; развитие системы профессиональной переподготовки для молодежи; развитие образовательных программ в сфере новых инновационных технологий; содействие вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность; отвлечение внимания молодых людей от радикальной идеологии.

Технологии робототехники и сенсоры могут быть использованы для автоматического мониторинга социальных медиа платформ на предмет экстремистской пропаганды и призывов к насилию. Алгоритмы машинного обучения позволяют проводить анализ разнообразного контента для установления материалов и публикаций, которые могут являться пропагандой экстремистских идей. После установления таких публикаций соответствующие сообщения направляются в правоохранительные органы. Роботы и сенсоры могут использоваться для раннего обнаружения вовлечения в экстремистскую группировку. Компьютерное зрение и камеры, настроенные соответствующим образом с применением определенных алгоритмов, могут заблаговременно выявить подозрительное и представляющее угрозу поведение граждан. Технологии распознавания лиц могут быть использованы для идентификации разыскиваемых экстремистов, а также для установки связи между различными случаями проявления экстремистских действий. Перспективным является вовлечение роботов и сенсоров в образовательную деятельность в целях воспитания молодых людей в духе нетерпимости к радикальным идеям и толерантности к различным социальным группам, идеям и т.д.

В деятельности по противодействию распространению экстремистских идей применяются технологии систем распределенного реестра, которые сами по себе, конечно, не способны привести к искоренению молодежного экстремизма. Эти технологии должны использоваться вместе с другими методами и технологии, что в целом повышает эффективность профилактической деятельности. Технологии систем распределенного реестра позволяют сформировать надежную систему идентификации и аутентификации. Она устанавливает подлинность пользователей, что позволяет отслеживать активность каждого лица в сети Интернет, тем самым становится проще доказать противоправную деятельность отдельных лиц. Также использование указанной технологии препятствует появлению анонимных и фейковых аккаунтов пользователей в социальных сетях. Названные технологии являются важным средством выстраивания мониторинговых систем за деятельностью молодежных групп.

Записи о транзакциях, сообщениях и других видах взаимодействия могут быть сохранены в распределенном реестре, что позволит проводить анализ данных и выявлять потенциально опасные действия, в том числе экстремистские. Технологии систем распределенного реестра могут содействовать наилучшему сотрудничеству и осуществлению координации между субъектами антиэкстремистской деятельности [3, с. 29].

Далее следует сказать несколько слов о технологиях беспроводной связи. Благодаря им правоохранительные органы могут выявлять и проводить анализ контента социальных сетей, форумов и других онлайн-платформ. Для этого создаются специальные мобильные приложения, нацеленные на предупреждение пользователей о рисках и опасностях экстремистской деятельности, а также на их информирование о подозрительных действиях. Причем эти приложения могут быть доступны широкой аудитории молодежи, что может им помочь в принятии информированного решения. При помощи данных мобильных приложений молодые люди получают доступ к обучающему контенту, к различным образовательным платформам, на которых обсуждаются различные социально-политические, иные общественные вопросы, предлагаются варианты решения проблем. Молодые люди, вовлеченные в деятельность подобных площадок, могут почувствовать свою значимость для общества, так как их мнения будут выслушиваться и учитываться при принятии решений.

В деятельности по противодействию распространения экстремистских идей в сети Интернет, особенно среди молодежи, используют технологии виртуальной и дополненной реальности. С их помощью пользователи получают доступ к образовательным ресурсам. Контент таких ресурсов позволит выработать у людей критическое мышление, терпимость к другим точкам зрения, что в конечном итоге будет способствовать лучшему пониманию пользователями сложности современного мира и проблем, с которыми сталкивается общество. Этот эффект позволит не допустить радикализации граждан. Данные технологии позволяют создать интерактивные материалы, доносящие до зрителей опасность экстремизма и терроризма. Например, может быть создан интерактивный виртуальный тур в страны, которые сильно пострадали от террористической деятельности [4, с. 112]. Имеет смысл создавать виртуальную среду, где молодые люди смогут встречаться и общаться с теми, кто имеет различные точки зрения, которая способствует более глубокому пониманию и преодолению предубеждений и стереотипов. Данные технологии можно использовать при создании игр, направленных на развитие эмпатии и уважительного отношения к чужим взглядам и ценностям, на содействие сотрудничеству между людьми при принятии решений. Эти качества содействуют развитию у молодых людей навыков конструктивного общения, что само по себе является важным фактором недопущения радикализации.

В контексте рассматриваемой в работе проблематики имеет значение технология промышленного интернета. Она определяется в качестве совокупности связанных друг с другом устройств, обменивающихся между собой информацией [5, с. 10]. С помощью этих технологий возможно обнаружить изменения в активности в социальных медиа, поисковых запросах, что позволит определить потенциальные сигналы опасности. В рамках использования указанной технологии функционирует система фильтрации контента, позволяющая оперативно идентифицировать и блокировать опасный контент. В основе этой системы находится машинный анализ контента различного содержания на основании определенных алгоритмов, направленных на выявление опасных информационных материалов. Значительные усилия в целях обеспечения возможности внедрения новых технологий предпринимаются и в нашей стране. Однако, их использование ограничено преимущественно крупными городами в Европейской части страны. Это обусловлено географическим расположением нашей страны, а также иными обстоятельствами. Так, исследователи отмечают высокий риск нарушения конфиденциальности биометрических персональных данных в российских условиях. В связи с этим высказываются рекомендации не предоставлять гражданам своей биометрии до того момента, пока их получатель не предоставит гарантии сохранения конфиденциальности [6, с. 40].

В настоящее время в России функционирует единая биометрическая система, информацию в которую предоставляют банки. Помимо государственной биометрической системы развиваются коммерческие системы аналогичного функционала. Кроме этого, сегодня внедряется технология оплаты в различных торговых сетях и в банках с использованием тех же биометрических данных.

Главной проблемой при работе с информацией является обеспечение сохранности данных. Помимо существования очевидного риска кражи информации, также существует проблема эффективности хранения, обработки и использования информации. По мнению большинства исследователей, для решения указанных проблем необходимо применять различные технологии в их совокупности, например, блокчейн нейросетей, big data и т.д. [7, с. 23].

Следует указать на неравномерное распределение применения современных информационных технологий при работе с персональными данными. В России наилучшие результаты в этой сфере, которая тесно связана с противодействием распространению экстремистских идей в сети Интернет, имеются у Москвы. В этом городе последовательно наращиваются и совершенствуются собственные системы распознавания лиц, которые нацелены не только на распознавание конкретных людей, но и на отслеживание передвижения людей. Также планируется вводить биометрию в столичных школах. У крупных компаний также появляются собственные системы распознавания лиц. Например, в Яндексе такие системы применяются для биометрической идентификации водителей такси и каршеринга.

Одним из перспективных направлений развития информационных технологий в современных условиях является искусственный интеллект. Государство предпринимает целенаправленные усилия по развитию данного сегмента технологического кластера посредством оказания различных мер поддержки предпринимателям, развивающим технологию искусственного интеллекта. Отдельного федерального закона, регламентирующего использование искусственного интеллекта, не принято.

Однако, есть несколько важных подзаконных нормативных правовых актов, которые содействуют обеспечению технологического суверенитета России в этой сфере. Можно упомянуть следующие нормативные документы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Этим указом утверждена национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года. Фундаментальная важность стра-

тегии выражается в формулировании легального определения искусственного интеллекта;

2. Федеральный закон Российской Федерации от 24 апреля 2020 года №123-ФЗ, который установил основные параметры эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологии искусственного интеллекта. Пока эксперимент проводится только в г. Москва;

3. постановления Правительства Российской Федерации, утвердивших порядок предоставления финансовой поддержки некоммерческим организациям, которые развивают технологию искусственного интеллекта.

В отмеченных выше документах значение искусственного интеллекта формулируется очень широко, подразумевая его повсеместное использование в различных сферах общественной жизни. Но составители документов не выделяют в качестве самостоятельного и существенно направленного использования этой технологии сферу противодействия экстремизму в цифровой среде, а равно в целом ее использованию в целях достижения целей и задач правоохранительной деятельности. Данный пробел необходимо устранить, внося соответствующие дополнения в национальную стратегию. Значительно более разработанным является российское законодательство, посвященное развитию технологии биометрии. Следует выделить следующие нормативные правовые акты по указанному вопросу:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2022 года №572-ФЗ. В нем установлены правовые основы идентификации и аутентификации граждан с использованием биометрии. Данный закон является базовым для регулирования соответствующей сферы общественных отношений;

2. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года №152-ФЗ, в котором установлены особенности правового регулирования статуса биометрических данных в качестве разновидности персональных данных;

3. постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2023 года №478, которым утверждены правила отказа граждан от предоставления биометрических данных;

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 01 апреля 2024 года №408, которым определен перечень биометрических персональных данных, на которые распространяется действие упомянутого выше федерального закона №572-ФЗ;

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2023 года №883, которым утверждено положение о единой биометрической системе и др.

Как и в случае регулирования технологии искусственного интеллекта, нормативная правовая база биометрических технологий в России прямо не разрешает использование биометрии в качестве одного из современных технологичных средств противодействия преступности. Более того, согласно информации Минцифры РФ от 15 мая 2024 года, использование единой биометрической системы для проведения оперативно-розыскных мероприятий запрещено и не осуществляется. Полагаем, что дальнейшим этапом развития законодательства в этой сфере является дальнейшая детализация целей и задач использования соответствующих технологий применительно к различным социально значимым сферам, включая борьбу с преступностью. Для этого необходимо достаточное время на практическую апробацию правоохранительными органами данной технологии. Необходимость соответствующего законодательного регулирования возникнет, когда практика использования биометрии в правоохранительной деятельности станет распространенной по всей стране.

Таким образом, в практике противодействия распространению экстремизма в сети Интернет значительное место занимают современные информационные технологии. Они постепенно внедряются в деятельность правоохранительных органов. Для этого требуются значительные усилия. Для использования нейросетей требуется проведение их обучения. Оно заключается в размещении в системе большого количества информации. Далее происходит обработка этой информации, выявление совпадений и закономерностей, которые фиксируются с сохранением в системе. О реальных совпадениях система сообщает оператору. Для хранения большого объема информации, генерируемого нейросетями, требуется использование иных технологий, которые обеспечивают нормальное функционирование всей системы.

Исходя из вышесказанного следует отметить важность применения информационных технологий для борьбы с распространением экстремистских идей в сети Интернет. Они должны применяться комплексно, так как каждая из них имеет определенную узкую предметную сферу наибольшей эффективности.

Библиография:

1. Бычков В.В., Прорвич В.А. Киберэкстремизм в системе киберпреступности // Российский следователь. 2024. № 2. С. 54 - 58.
2. Ведерникова О.Н. Международно-правовые основы противодействия преступлениям против детей в сети Интернет // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 2 - 5.
3. Нечевин Д.К., Баранов В.В. Противодействие экстремизму в глобальной компьютерной сети Интернет: история и современность // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 26 - 33.
4. Волчекская Т.С., Осипова Е.В., Авакьян М.В. Современные формы насилия в молодежной среде: степень распространения и меры профилактики // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. 105 - 115.
5. Чеджемов С.Р., Золоева З.Т. Глобальное информационное общество - зло или благо для человечества? // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 10 - 14.
6. Чеджемов С.Р., Золоева З.Т. Биометрические персональные данные человека - средство защиты его прав или тотального контроля государства над личностью? // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 39 - 43.
7. Абрамян С.К. Защита прав граждан от необоснованного сбора персональных данных // Право и экономика. 2024. № 5. С. 19 - 24.

References:

1. Bychkov V.V., Prorvich V.A. Cyber extremism in the cybercrime system // A Russian investigator. 2024. № 2. pp. 54-58.
2. Vedernikova O.N. International legal foundations for countering crimes against children on the Internet // International criminal law and international justice. 2022. № 2. p. 2-5.
3. Nechevin D.K., Baranov V.V. Countering extremism in the global computer network Internet: history and modernity // Administrative law and process. 2022. № 2. pp. 26-33.
4. Volchetskaya T.S., Osipova E.V., Avakian M.V. Modern forms of violence among youth: the extent of its spread and preventive measures // Russian Law Journal. 2021. № 5. p. 105-115.
5. Chedzhemov S.R., Zoloeva Z.T. Is the global information society evil or good for humanity? // State power and local self-government. 2022. № 7. pp. 10-14.
6. Chedzhemov S.R., Zoloeva Z.T. Is biometric personal data of a person a means of protecting his rights or the total control of the state over a person? // Constitutional and municipal law. 2019. № 11. pp. 39-43.
7. Abrahamyan S.K. Protection of citizens' rights from unjustified collection of personal data // Law and Economics. 2024. № 5. pp. 19-24.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ Practical aspects of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses

ЖУКОВА Полина Дмитриевна,

доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); кандидат юридических наук.

125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

E-mail: pdshkurova@msal.ru;

Zhukova Polina Dmitrievna,

Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial and Investigative Activities

of the O.E. Kutafin University (MSAL); Candidate of Legal Sciences.

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9.

E-mail: pdshkurova@msal.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях в современной России, то есть возбуждение производства по делам об административных правонарушениях, рассматриваются особенности действий прокурора при осуществлении своих функций в данном направлении. В статье приведены статистические данные деятельности органов прокуратуры. Интерес представляет вопрос неоднозначности применения протеста прокурора, как способа обжалования судебных решений по делу об административном правонарушении, а также позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному аспекту.

Abstract. The article analyzes the participation of the prosecutor in the proceedings on administrative offenses in modern Russia, that is, the initiation of proceedings on administrative offenses, examines the specifics of the prosecutor's actions in the exercise of his functions in this direction. The article presents statistical data on the activities of the prosecutor's office. Of interest is the question of the ambiguity of the application of the prosecutor's protest as a way of appealing court decisions in the case of an administrative offense, as well as the position of the Supreme Court of the Russian Federation on this aspect.

Ключевые слова: административное правонарушение; Верховный Суд Российской Федерации; прокурор; участие прокурора; прокурор.

Keywords: administrative offense; Supreme Court of the Russian Federation; prosecutor; prosecutor's participation; prosecutor.

Для цитирования: Жукова П.Д. Практические аспекты участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 256-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_256.

For citation: Zhukova P.D. Practical aspects of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 256-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_256.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

На современном этапе развития общественных отношений необходимо детальнее рассмотреть вопрос участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях в качестве должностного лица, осуществляющего надзор, а также в рамках осуществления юрисдикционных полномочий. Так, согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года¹ в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина по постановлению прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении в период за январь-декабрь 2022 года уполномоченными органами и должностными лицами привлечено к административной ответственности 225 136 лиц.

В сфере экономики за рассматриваемый период по аналогичному показателю привлечено к административной ответственности 42 539 лиц. Данные показатели свидетельствуют о высоком уровне участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях как должностного лица, наделенного юрисдикционными полномочиями. В надзорной сфере показатели ожидаемо больше, так как полномочий у прокурора больше. В частности, в сфере экономики принесено 121 675 протестов, а в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина принесено 434 233 протеста. Это демонстрирует высокую эффективность данных мер реагирования в связи с тем, что законодательно установлены жесткие сроки рассмотрения протестов, обязательность рассмотрения и обязанность представить в прокуратуру документы по результатам рассмотрения меры реагирования.

Кроме того, в соответствии с Приказом Генерального прокурора Российской Федерации [1] с 1 января 2022 года вводится отдельная система отчета о реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях.

Однако отчет за 2022 год в настоящее время так и не представлен, но, основываясь на вышеуказанных статистических данных, можно предположить, что прокуроры активно реализуют свои надзорные и ненадзорные полномочия в производстве по делам об административных правонарушениях. Данной проблематике посвящены работы ряда ученых [2], [3].

Полномочия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях дифференцируются на два вида: юрисдикционные и надзорные. Это обусловлено разными целями участия прокурора в производстве.

Юрисдикционные полномочия прокурора заключаются в самом участии в производстве, а также в праве прокурора возбуждать производство по делу об административном правонарушении [4]. Составы правонарушений, по которым только прокурор вправе возбудить дело об административном правонарушении предусмотрены в ст. 28.4. КоАП РФ, однако данный перечень не является исчерпывающим и согласно ст. 22 ФЗ «О прокуратуре РФ» прокурор в рамках реализации надзорной деятельности вправе возбудить производство по любой статье КоАП РФ.

При этом важно помнить о принципе недопустимости подмены прокуратурой других государственных органов, в связи с чем, как ука-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 04.09.2023 г.).

зывает Верховный Суд Российской Федерации, прокурор, возбудивший производство по делу об административном правонарушении, вправе передать дело в уполномоченный орган для проведения административного расследования [5].

В целях реализации полномочий, независимо от вида (юрисдикционные или надзорные) прокурором принимаются определенные меры прокурорского реагирования, предусмотренные в ФЗ «О прокуратуре РФ» [6]. Так, материальной формой решения о возбуждении дела об административном правонарушении является постановление прокурора. Постановление выносится с учетом фактических обстоятельств дела в отношении физического или юридического лица и передается в орган, уполномоченный рассматривать дела об административном правонарушении. При этом в случае, если разрешение дела по существу производится судом, то Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не требует обязательного присутствия прокурора, однако в соответствии с Приказом Генерального прокурора Российской Федерации [7] считается обязательным участие прокурора в рассмотрении дела в суде, возбужденного по инициативе прокурора.

Одной из мер реагирования в рамках надзорной деятельности является представление об устранении нарушений закона. Представление вносится в орган или должностному лицу, который ведет производству по делу об административном правонарушении. Данный орган или должностное лицо обязаны безотлагательно рассмотреть представление прокурора и устранить выявленные нарушения, а также о принятых мерах сообщить прокурору письменно.

Другой мерой реагирования, которая применяется прокурором в ходе осуществления надзора, является предостережение о недопустимости нарушения закона. В производстве по делам об административных правонарушениях предостережение, как правило, не применяется или применяется крайне редко. Согласно Указанию Генпрокурора России [8], на основе правовой оценки ситуации предупреждения должностному лицу могут быть объявлены одновременно с другими средствами прокурорского реагирования. Из этого можно сделать вывод о том, что в силу иной направленности предостережения прокурора, как меры прокурорского реагирования, она реже используется в производстве по делам об административных правонарушениях, но также является мерой защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одной из наиболее значимых для производства по делам об административных правонарушениях мер прокурорского реагирования является протест прокурора.

Протест приносится на противоречащий закону правовой акт, что позволяет прокурору применять данную меру реагирования не только в отношении нормативных правовых актов, но и ненормативных, например, постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении. КоАП РФ наделил прокурора правом опротестовывать любые решения, принятые в ходе производства по делам об административных правонарушениях, включая право обжаловать постановления, вынесенные любыми уполномоченными органами, в том числе судами, о привлечении к административной ответственности [4]. Анализ норм КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что прокурор вправе приносить протест на судебные акты, которыми не разрешается дело по существу, например, определение о возвращении дела об административном правонарушении [9].

Таким образом, прокурор может приносить протест на постановление о привлечение к административной ответственности и назначении административного наказания; постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении; промежуточные решения органов и должностных лиц (например, определение о приостановлении производства по делу об административном правонарушении) и др.

Сложившаяся правоприменительная практика содержит определенные недостатки, вызванные отсутствием законодательного регулирования. Так, в частности, КоАП РФ не закрепляет обязательное участие прокурора в рассмотрении дела об административном правонарушении в суде, однако такая практика создает опасность того, что суд, рассматривающий дело, фактически осуществляет не только функцию по отправлению правосудия, но и функцию государственного обвинения. Один из таких споров [10] дошел до Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ)¹.

Еще одна проблема в правоприменительной практике – это неоднозначность применения протеста прокурора, как способа обжалования судебных решений по делу об административном правонарушении. Например, в Верховном Суде Российской Федерации было рассмотрено дело об оспаривании решений судов по делу об административном правонарушении.

Так, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации принесла протест в Верховный Суд Российской Федерации на вступившие в законную силу постановление мирового судьи, решение судьи Пресненского районного суда города Москвы и постановление судьи Второго кассационного суда общей юрисдикции, состоявшиеся в отношении заместителя директора Департамента инвестиционной политики и развития малого и среднего предпринимательства Министерства экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития России) по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 5.59 КоАП РФ. В рассматриваемом деле по обращению гражданина в Генеральную прокуратуру РФ была проведена прокурорская проверка, по результатам которой установлено, что при рассмотрении обращений гражданина в Минэкономразвитие России, должностным лицом были допущены нарушения порядка рассмотрения обращений граждан, предусмотренного соответствующим федеральным законом [11].

Прокуратурой возбуждено дело об административном правонарушении и материалы дела были переданы в суд, однако решением мирового судьи производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения. Данное решение оставлено в силе вышестоящими судами, что и стало поводом для принесения протеста в Верховный Суд Российской Федерации.

Однако вопреки очевидным нарушениям порядка рассмотрения обращения гражданина, судья Верховного Суда Российской Федерации, считая, что нарушений нижестоящими инстанциями допущено не было, постановил – решения, принятые по данному делу нижестоящими

¹ Важно помнить, что принятые после 15 марта 2022 года решения не будут исполняться в России. При этом решения Европейского суда по правам человека больше не являются основанием для пересмотра судебных актов российских судов.

судами оставить без изменения, протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – без удовлетворения. Данный казус из судебной практики демонстрирует, что не всегда протест помогает прокуратуре защитить права и законные интересы граждан.

При этом существуют и положительные примеры использования данной меры прокурорского реагирования. Так, например, в деле от 27.12.2021 года [12] заместителем Генерального прокурора Российской Федерации принесен протест в Верховный Суд Российской Федерации на незаконные судебные акты трех судебных инстанций, которыми индивидуальный предприниматель был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 6.3 КоАП РФ и подвергнут административному наказанию в виде административного приостановления деятельности.

Верховным Судом РФ при рассмотрении дела установлено, что гражданину-индивидуальному предпринимателю было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 236 Уголовного кодекса Российской Федерации. Верховный Суд РФ учел, что в силу статьи 24.5. КоАП РФ данное обстоятельство исключает производство по делу об административном правонарушении, в связи с чем, постановлено – протест заместителя Генерального прокурора РФ – удовлетворить, судебные акты нижестоящих судов – отменить, производство по делу об административном правонарушении – прекратить.

В целях повышения эффективности протеста прокурора, как способа обжалования судебных актов в рамках производства по делу об административном правонарушении, необходимо комплексно подходить к решению данной проблемы, а именно повышать качество самих актов прокурорского реагирования и создавать необходимые условия органам правосудия для детального, всестороннего и объективного исследования дел.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что возникающие проблемы и обозначенные в данной работе в правоприменительной практике возможно решить путём соответствующего законодательного регулирования, которое позволит избежать именно системных ошибок, возникающих, как правило, не из-за низкой квалификации самих правоприменителей, а в связи с законодательным пробелом, который не позволяет добиться единообразия и высокого уровня правоприменительной практики.

Библиография:

1. Приказ Генерального прокурора России от 04.02.2022 № 64 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «Реализация полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» по форме АДМ и Инструкции по его формированию» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях / А. Ю. Винокуров, С. В. Борисов, Н. Д. Бут [и др.] ; руководитель авторского коллектива А.Ю. Винокуров. – Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 340 с.
3. Анкудинова Я. С. Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: некоторые аспекты формирования научной мысли // Марийский юридический вестник. – 2022. – № 1(37). – С. 82-84.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 09.02.2005 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2004 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 7.
6. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» // Законность. 2015. № 5.
8. Указание Генерального прокурора РФ от 06.07.1999 № 39/7 (с изм. от 16.10.2000) «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. Том 1. М., 2004.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 10.08.2005 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2005 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 12.
10. Постановление ЕСПЧ от 20.09.2016 «Дело «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» (жалоба № 926/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 10.
11. Постановление Верховного Суда РФ от 29.08.2022 № 5-АД22-47-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Верховного Суда РФ от 27.12.2021 № 5-АД21-111-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Order of the Prosecutor General of Russia dated 04.02.2022 No. 64 "On the approval and introduction of the statistical report "Implementation of the prosecutor's powers in the proceedings on administrative offenses" in the form of the ADM and Instructions for its formation" // SPS "ConsultantPlus".
2. Theoretical foundations and applied problems of participation of the prosecutor in the proceedings on cases of administrative offenses / A. Y. Vinokurov, S. V. Borisov, N. D. Booth [et al.] ; head of the author's team A.Y. Vinokurov. – Moscow : Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. – 340 p.
3. Ankudinova Ya. S. Participation of the prosecutor in the proceedings on administrative offenses: some aspects of the formation of scientific thought // Mari Legal Bulletin. – 2022. – № 1(37). – Pp. 82-84.
4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 // Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 256.
5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2005 "Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2004" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 7.
6. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 No. 2202-1 // Vedomosti of the SND of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation. 1992. No. 8. St. 366.
7. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 78 dated 19.02.2015 "On the organization of work on the implementation of the prosecutor's powers in the proceedings on cases of administrative offenses" // Legality. 2015. № 5.
8. Instruction of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 06.07.1999 No. 39/7 (with amendments. from 16.10.2000) "On the application of a warning about the inadmissibility of violating the law" // Collection of the main organizational and administrative documents of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Volume 1. Moscow, 2004.
9. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.08.2005 "Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2005" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No.
10. ECHR Ruling of 09/20/2016 "Karelin case against the Russian Federation" (Complaint No. 926/08) // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2016. No. 10.
11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.08.2022 No. 5-AD22-47-K2 // SPS "ConsultantPlus".
12. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-AD21-111-K2 dated 12/27/2021 // SPS "ConsultantPlus".

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ Legal regulation of civil defense in the Republic of Armenia

РЕДКОУС Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmms@rambler.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmms@rambler.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа Закона Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне» раскрыты понятие гражданской обороны, принципы гражданской обороны, права и обязанности органов государственного управления и местного самоуправления, организаций (независимо от их организационно-правовой формы), граждан Республики Армения, лиц, не имеющих гражданства, и иностранных граждан (далее - граждане) в области гражданской обороны.

Abstract: The article, based on the analysis of the Law of the Republic of Armenia dated March 29, 2002 No. ЗР-309 "On Civil Defense", discloses the concept of civil defense, the principles of civil defense, the rights and obligations of state administration and local government bodies, organizations (regardless of their organizational and legal form), citizens of the Republic of Armenia, stateless persons, and foreign citizens (hereinafter referred to as citizens) in the field of civil defense.

Ключевые слова: правовое регулирование; гражданская оборона, принципы гражданской обороны; права и обязанности органов государственного управления и местного самоуправления, организаций; граждане; лица, не имеющие гражданства; иностранные граждане.

Keywords: legal regulation; civil defense, principles of civil defense; rights and obligations of state administration bodies and local governments, organizations; citizens; stateless persons; foreign citizens.

Для цитирования: Редкоус В.М. Правовое регулирование гражданской обороны в Республике Армения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 259-262. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_259.

For citation: Redkous, V.M. Legal regulation of civil defense in the Republic of Armenia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 259-262. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_259.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Одним из ведущих направлений развития науки административного права является развитие теории административно-правовых отношений. Так, например, М.Н. Кобзарь-Фролова на основе проведенного анализа делает акцент на существовании и бурном развитии отношений административно-правовой охраны¹. Данные вопросы являются предметом обсуждения на научных мероприятиях², а также учитываются в правовом регулировании деятельности соответствующих органов исполнительной власти, являющихся участниками данных отношений³.

В рамках этой группы отношений можно выделить большой пласт отношений, связанных с обеспечением национальной безопасности. Совершенствованию их правового регулирования придается первостепенное значение как в России, так и в государствах СНГ, в связи с актуализацией большого спектра угроз национальной безопасности⁴. К этой группе отношений относятся и отношения, складывающиеся в области гражданской обороны. Рассмотрим опыт Армении в этой области.

Закон Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне»⁵ устанавливает, что гражданская оборона – это «система мероприятий, направленных на защиту или подготовку к защите населения и материальных ценностей в случае вооруженного нападения на Республику Армения (далее – РА), наличия его непосредственной угрозы, либо объявления войны Национальным Собранием РА». Организация и осуществление гражданской обороны являются одной из важнейших функций государства и составляющей и неотъемлемой частью национальной безопасности. Государство готовится к задачам гражданской обороны заблаговременно, в мирных условиях.

Принципами гражданской обороны являются: а) организация и осуществление гражданской обороны по всей территории Республики Армения; б) дифференцированное осуществление гражданской обороны - по стратегическим, возрастным, территориальным, производственно-

¹ Кобзарь-Фролова, М. Н. К вопросу о формировании особой группы отношений - административно-правовой охраны (постановка проблемы) / М. Н. Кобзарь-Фролова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 75-94.

² Виноградова, Е.В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88; Кобзарь-Фролова, М.Н. Международная научно-практическая конференция «Пискотинские чтения – 2022» / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 63-69.

³ Кирюхин, В. В. Цифровая полиция для цифрового общества / В. В. Кирюхин // Цифровая трансформация системы МВД России : Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / Под редакцией И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 357-363.

⁴ Редкоус, В. М. Угрозы национальной безопасности и их влияние на развитие российской системы государственного управления / В. М. Редкоус // Личность. Общество. государство: проблемы развития и взаимодействия : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 29 марта – 02 апреля 2024 года. – Краснодар: «Перспективы образования», 2024. – С. 397-404. – EDN SYLTRP.

⁵ Закон Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне» // Официальные ведомости Республики Армения. – 2002. – № 12 (187). – Ст. 231.

территориальным особенностям; в) организация гражданской обороны по принципу централизованного управления.

Формами гражданской обороны являются эвакуация, укрытие и обеспечение средствами индивидуальной защиты, которые осуществляются в порядке, установленном Правительством Республики Армения.

Мероприятия по гражданской обороне подразделяются на подготовительные и основные мероприятия. Подготовительные мероприятия по гражданской обороне осуществляются заблаговременно. Основные мероприятия по гражданской обороне осуществляются в случае вооруженного нападения на РА, наличия его непосредственной угрозы либо объявления войны Национальным Собранием РА.

Подготовительными мероприятиями по гражданской обороне являются: создание, подготовка и обеспечение постоянной готовности сил гражданской обороны; обеспечение с точки зрения гражданской обороны стабильной деятельности и целесообразного размещения специальных объектов особо важного значения в генеральных планах и проектах детальной планировки населенных пунктов и других функциональных территорий; обеспечение безопасности и надежности строительства зданий, строений, инженерных сетей, гидротехнических сооружений, транспортных коммуникаций путей и магистралей, обеспечение безопасного функционирования объектов повышенной опасности; учреждение систем управления, связи и оповещения и обеспечение их нормального функционирования; подготовка государственных органов, органов государственного управления и местного самоуправления и организаций и обучение населения; создание и обеспечение деятельности системы постоянного контроля за радиационной, химической и бактериологической обстановкой; учреждение системы обеспечения извещения органов управления и населения; строительство и содержание защитных сооружений; накопление и содержание необходимых запасов средств индивидуальной защиты и иного имущества для целей гражданской обороны; создание и содержание необходимых продовольственных, медицинских и материально-технических запасов; разработка планов по гражданской обороне. Указанные в настоящей статье мероприятия осуществляются в порядке, установленном Правительством РА.

Основными мероприятиями по гражданской обороне являются: оповещение органов управления и населения; эвакуация и расселение; укрытие; обеспечение населения средствами индивидуальной защиты; маскировка; осуществление спасательных работ; медицинское обеспечение; противопожарное обеспечение; обнаружение опасных территорий, обезвреживание и обеззараживание от радиационных, химических и бактериологических средств; обеспечение жизнедеятельности населения; учет и захоронение погибших; усиление осуществления постоянного наблюдения и контроля за состоянием и зараженностью окружающей среды, воды, продуктов питания; обеспечение извещения органов управления и населения; химическое, радиационное и бактериологическое обеспечение; выполнение неотложных аварийно-восстановительных работ; обеспечение общественного порядка, а также усиление охраны специальных объектов особо важного значения; обеспечение целевого использования материально-технических запасов, транспортных и прочих средств; приоритетное использование республиканских, ведомственных и местных сетей связи для организации и осуществления спасательных работ. Указанные в настоящей статье мероприятия осуществляются в порядке, установленном Правительством РА.

Вышеназванное говорит о режимности правового регулирования в области гражданской обороны, в связи с чем правовой режим гражданской обороны можно рассматривать как разновидность административно-правовых режимов, устанавливаемых в целях обеспечения национальной безопасности¹.

Премьер-министр РА является начальником гражданской обороны Республики Армения. Руководитель уполномоченного Правительством РА органа в области гражданской обороны является заместителем начальника гражданской обороны РА.

Министры РА (руководители ведомств), губернаторы, руководители муниципалитетов и организаций являются начальниками гражданской обороны соответственно министерств (ведомств), областей, муниципалитетов и организаций. Руководители региональных подразделений уполномоченного органа являются заместителями начальников гражданской обороны областей.

Начальники гражданской обороны в пределах своей компетенции: несут ответственность за готовность гражданской обороны; организуют и руководят проведением мероприятий по гражданской обороне; утверждают и вводят в действие планы по гражданской обороне; издают решения, приказы, инструкции, относящиеся к гражданской обороне; контролируют выполнение мероприятий по гражданской обороне; осуществляют иные полномочия, установленные законодательством РА.

Важным элементом организации гражданской обороны является четкое установление компетенции всех субъектов в области гражданской обороны. Этому вопросу Закон РА уделяет особое внимание.

Так, Правительство РА в области гражданской обороны: осуществляет общее руководство гражданской обороной; обеспечивает осуществление единой государственной политики в области гражданской обороны; устанавливает порядок осуществления мероприятий по гражданской обороне; утверждает программы развития гражданской обороны и контролирует их выполнение; устанавливает перечень территорий, отнесенных к группам по гражданской обороне, согласно степени опасности; устанавливает порядок создания, подготовки и деятельности служб и формирований гражданской обороны; устанавливает порядок государственной экспертизы специальных объектов особо важного значения, а также предметов, процессов, проектов и решений; устанавливает порядок извещения и оповещения населения; осуществляет иные полномочия, установленные законодательством РА.

Уполномоченный орган в области гражданской обороны: разрабатывает планы и программы по гражданской обороне, обеспечивает в установленном порядке их представление на утверждение и организует их выполнение; координирует и контролирует деятельность органов уп-

¹ Редкоус, В.М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 48-55. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-48-55.

правления, организаций в области гражданской обороны; организует подготовку органов управления и обучение населения; организует извещение и оповещение населения; организует государственную экспертизу специальных объектов особо важного значения, а также предметов, процессов, проектов и решений, представляющих опасность с точки зрения гражданской обороны; координирует и контролирует с целью оказания помощи пострадавшим накопление финансовых, продовольственных, медицинских и иных материальных запасов, фондов и их целевое использование; осуществляет иные полномочия, установленные законодательством РА.

Республиканские органы государственного управления в области гражданской обороны: организуют защиту работников своей системы; создают службы гражданской обороны; осуществляют планирование и осуществление мероприятий по гражданской обороне; организуют стабильную деятельность организаций системы; осуществляют иные полномочия, установленные законодательством РА.

Территориальные органы государственного управления в области гражданской обороны: организуют и руководят осуществлением мероприятий по гражданской обороне на территории области; участвуют в мероприятиях по гражданской обороне, предусмотренных республиканскими государственными планами и программами; привлекают органы местного самоуправления, организации и население к осуществлению мероприятий по гражданской обороне; создают областные службы и силы гражданской обороны; дают поручения территориальным подразделениям республиканских органов государственного управления по проведению мероприятий по гражданской обороне; осуществляют эвакуацию населения области, материальных и культурных ценностей; осуществляют укрытие и обеспечение средствами индивидуальной защиты населения области; осуществляют иные полномочия, установленные законодательством РА.

Органы местного самоуправления в области гражданской обороны: организуют и осуществляют гражданскую оборону в муниципалитете; осуществляют мероприятия в целях обеспечения безопасной работы объектов муниципального подчинения; организуют планирование и осуществление мероприятий по гражданской обороне муниципалитета; проводят эвакуацию населения муниципалитета, материальных и культурных ценностей, укрытие и обеспечение индивидуальными средствами защиты населения; создают муниципальные службы гражданской обороны; осуществляют оповещение населения муниципалитета; создают силы, необходимые для организации гражданской обороны, и обеспечивают готовность этих сил; осуществляют иные полномочия, установленные законодательством РА.

Организации в области гражданской обороны: осуществляют защиту своих работников; создают силы, необходимые для осуществления спасательных и аварийно-восстановительных работ; осуществляют иные полномочия, установленные законодательством РА.

Оборонные, имеющие стратегическое значение для экономики, а также представляющие с точки зрения гражданской обороны высокую опасность организации создают службы гражданской обороны. Перечень таких организаций устанавливает Правительство РА.

Большое внимание Закон РА уделяет вопросам прав и обязанностей граждан в области гражданской обороны¹. При этом объем и характер прав и обязанностей граждан зависит от того, являются ли лица гражданами РА, или не имеют гражданства Республики Армения, или являются иностранными гражданами.

Так, граждане РА в порядке, установленном законодательством РА, имеют право: получать достоверные сведения о степени своей защищенности; получать компенсацию за убытки, понесенные вследствие осуществления мероприятий по гражданской обороне. Граждане РА обязаны участвовать в мероприятиях по гражданской обороне в порядке, установленном законодательством РА.

Лица, не имеющие гражданства РА, и иностранные граждане обязаны выполнять все указания органов управления гражданской обороной относительно мероприятий по гражданской обороне. Лица, не имеющие гражданства РА, и иностранные граждане привлекаются к участию в мероприятиях по гражданской обороне в соответствии с настоящим Законом и международными договорами РА.

Силами гражданской обороны являются: а) подразделения гражданской обороны; б) спасательные силы; в) формирования гражданской обороны. К мероприятиям по гражданской обороне могут быть привлечены подразделения других войск Р.

Подразделения гражданской обороны включаются в состав уполномоченного органа, считаются подразделениями постоянной готовности и предусмотрены для осуществления мероприятий гражданской обороны. Порядок пополнения, подготовки, боевого применения и компетенция подразделений гражданской обороны устанавливаются законом.

Во время осуществления мероприятий по гражданской обороне в целях выполнения спасательных работ и оказания населению специализированной помощи создаются спасательные силы, которые находятся в состоянии постоянной готовности и действуют по принципу централизованного управления. Спасательные силы создаются в составе органов государственного управления и местного самоуправления и организаций. К мероприятиям по гражданской обороне привлекаются также общественные спасательные объединения.

Формирования гражданской обороны предусмотрены для выполнения спасательных и аварийно-восстановительных работ. Формирования гражданской обороны подразделяются на областные, муниципальные формирования и формирования организаций. Формирования организаций создаются в организациях (независимо от организационно-правового вида).

Формирования организаций (за исключением специальных объектов особо важного значения) по решению начальника гражданской обороны муниципалитета могут объединяться с муниципальными формированиями.

Муниципальные формирования гражданской обороны по решению начальника гражданской обороны области могут объединяться с областными формированиями.

¹ Кириухин, В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса / В. В. Кириухин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии : IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94.

Формирования служб гражданской обороны предусмотрены для обеспечения мероприятий по гражданской обороне на республиканском, областном, муниципальном уровнях и на уровне организаций.

Органы государственного управления и местного самоуправления осуществляют материально-техническое обеспечение и финансирование мероприятий по гражданской обороне за счет средств соответственно государственного бюджета РА и муниципальных бюджетов. Организации (независимо от организационно-правовой формы) осуществляют предусмотренные настоящим Законом полномочия за счет собственных средств. Во время проведения мероприятий по гражданской обороне владение и пользование имуществом и иными ценностями, не считающимися государственной собственностью, осуществляется в соответствии с законодательством РА, с последующей равноценной компенсацией.

Таким образом, анализ содержания Закона Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне» всецело подтверждает одно из его нормативно закрепленных положений, что «организация и осуществление гражданской обороны являются одной из важнейших функций государства и составляющей и неотъемлемой частью национальной безопасности».

Библиография:

1. Виноградова, Е.В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.
2. Кобзарь-Фролова, М. Н. К вопросу о формировании особой группы отношений - административно-правовой охраны (постановка проблемы) / М. Н. Кобзарь-Фролова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 75-94
3. Кобзарь-Фролова, М.Н. Международная научно-практическая конференция «Пискотинские чтения – 2022» / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 63-69
4. Кирюхин, В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса / В. В. Кирюхин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии : IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94.
5. Кирюхин, В.В. Цифровая полиция для цифрового общества / В.В. Кирюхин // Цифровая трансформация системы МВД России : Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / под ред. И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 357-363.
6. Редкоус, В.М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 48-55. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-48-55.
7. Редкоус, В. М. Угрозы национальной безопасности и их влияние на развитие российской системы государственного управления / В. М. Редкоус // Личность. Общество. государство: проблемы развития и взаимодействия : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 29 марта – 02 2024 года. – Краснодар: "Перспективы образования", 2024. – С. 397-404. – EDN SYLTRP.

References:

1. Vinogradova, E.V. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings - 2022") / E. V. Vinogradova, M. N. Kobzar-Frolova // Administrative law and process. - 2022. - No. 5. - P. 79-88.
2. Kobzar-Frolova, M. N. On the issue of forming a special group of relations - administrative and legal protection (problem statement) / M. N. Kobzar-Frolova // Legal policy and legal life. - 2022. - No. 2. - P. 75-94.
3. Kobzar-Frolova, M.N. International scientific and practical conference "Piskotinsky readings - 2022" / M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina // Administrative law and process. - 2022. - No. 10. - P. 63-69.
4. Kiryukhin, V. V. Citizen Participation in the Protection of Public Order: in Search of a Reasonable Balance / V. V. Kiryukhin // Law and Order in the Third Millennium: IX Baltic Legal Forum. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kaliningrad, December 12, 2020. - Kaliningrad: Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - P. 93-94.
5. Kiryukhin, V.V. Digital police for a digital society / V.V. Kiryukhin // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Collection of scientific articles based on the materials of the International Forum. In 2 parts, Moscow, October 20, 2022 / edited by I.G. Chistoborodov. Volume Part 1. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - P. 357-363.
6. Redkous, V.M. Administrative and legal regimes established to ensure state security / V.M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 1 (65). - P. 48-55.
7. Redkous, V. M. Threats to national security and their impact on the development of the Russian public administration system / V. M. Redkous // Personality. Society. State: problems of development and interaction: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Krasnodar, March 29 – 02 2024. - Krasnodar: "Prospects of Education", 2024. - P. 397-404.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ PLANNING AND ITS ROLE IN THE SYSTEM OF INTERACTION BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS WITH THE MASS MEDIA

ИЛЬЯНОВА Оксана Ильинична,

старший эксперт отдела административного законодательства Административно-правового управления
Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Житная, д. 12 А.
E-mail: ilyanova_oksana@mail.ru;

Ilyanova Oksana Ilyinichna,

senior expert of the administrative legislation department of the Administrative Legal Department
Contractual Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Russian Federation, 119991, Moscow, st. Zhitnaya, 12 A.
E-mail: ilyanova_oksana@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена познанию вопросов планирования и его возможностей при взаимодействии органов внутренних дел и средств массовой информации. В процессе научного познания был обоснован вывод о том, что эффективность взаимодействия ОВД и СМИ, может быть достигнута посредством планирования, путем: обеспечения целенаправленности и непрерывности взаимодействия; своевременности выявления проблем в совместной деятельности и их разрешения; формирования алгоритмов деятельности и создания условий для ее оптимизации.

Abstract: The article is devoted to the knowledge of the issues of planning and its possibilities in the interaction of internal affairs bodies (hereinafter referred to as the Department of Internal Affairs) and the mass media (hereinafter referred to as the media). In the process of scientific knowledge, the conclusion was substantiated that the effectiveness of interaction between the police department and the media can be achieved through planning, by: ensuring the focus and continuity of interaction; timely identification of problems in joint activities and their resolution; formation of activity algorithms and creation of conditions for its optimization.

Ключевые слова: управление, органы внутренних дел, средства массовой информации, взаимодействие, планирование.
Key words: management, internal affairs bodies, mass media, interaction, planning.

Для цитирования: Ильянова О.И. Планирование и его роль в системе взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 263-265. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_263.

For citation: Ilyanova O.I. Planning and its role in the system of interaction bodies of the internal affairs with the mass media // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 263-265. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_263.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024
Дата публикации: 03.10.2024

В современных условиях деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и институтов гражданского общества актуализировалась потребность в модернизации системы социального управления и его функций. Особенно изменения усматриваются в системе управления органами внутренних дел (далее – ОВД) и институтами гражданского общества, участвующими в реализации правоохранительных функций. Следует обратить внимание на значимость своевременного, всестороннего взаимодействия ОВД и институтов гражданского общества, в части формирования эффективного механизма его регулирования.

Ежегодно Президент Российской Федерации В.В. Путин подводя итоги оперативно-служебной деятельности ОВД на заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Министерство, МВД России) ставит стратегические задачи. Так в 2021 г. руководитель страны подчеркнул, что «граждане России ждут большей эффективности от всех уровней власти, от всех государственных ведомств, в том числе от правоохранительных».

Поддержание стабильности и эффективности в процессе осуществления правоохранительной деятельности при непрерывном взаимодействии (сотрудничестве) ОВД с важнейшим социальным институтом гражданского общества – средствами массовой информации (далее – СМИ) должно основываться на принципах взаимодействия как функции социального управления, на совокупности критериев, показателей и индикаторов оценки социально значимых результатов данного взаимодействия. В процессе взаимодействия вышеуказанные субъекты имеют четко регламентированные функции, особенности реализации которых закреплены путем многоуровневой системы норм (Конституция Российской Федерации, совокупность нормативных правовых актов международного, национального законодательства, локальные правовые акты и др.). В процессе реализации функциональных полномочий в целях повышения эффективности взаимодействия ОВД и СМИ особое значение придается такой управленческой функции как социальное планирование.

Решая исследовательскую задачу, поставленную в данной научной статье, которая заключается в познании особенностей планирования как функции управления и его роли в системе взаимодействия ОВД и СМИ, важно: во-первых, рассмотреть понятие взаимодействие; во-вторых, изучить специфику социального планирования; в-третьих, выявить тенденции повышения эффективности взаимодействия ОВД и СМИ путем использования социального планирования.

1. Взаимодействие органов внутренних дел и средств массовой информации. Наиболее часто в научных исследованиях понятие взаимодействия определяется как деятельность – способ осуществления социальных связей, с точки зрения социальной деятельности.

Именно в данном качестве, в отличие от социальных контактов и действий, социальное взаимодействие обладает признаком наличия обратной связи, получаемой одним его субъектом от другого. Так СМИ с точки зрения наличия обратной связи, анализируя и обобщая интересы граждан, имеют возможность интерпретировать и уведомлять органы государственной власти, в том числе осуществляющие правоохранительные функции, о наличии тех или иных проблем, о степени общественной реакции, осуществлять мониторинг отношения к определенным фактам, событиям, процессам и формировать общественное мнение [1, с. 140]. Соответственно ОВД осуществляя свою деятельность на основе таких принципов как открытость, публичность, общественное доверие и поддержка граждан.

Сущность социального взаимодействия обоснована Н.П. Лукашевичем и Н.В. Туленковым, раскрывающими указанное понятие через характер и содержание отношений между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, различающихся по социальным позициям (статусам) и социальным ролям (функциям) [2].

По своей сути взаимодействие ОВД и СМИ это непрерывный, согласованный, целенаправленный процесс, осуществляемый в соответствии с нормативно-правовыми актами, с учетом компетенции, направленный на реализацию функций и достижения правоохранительных задач. Осуществление основных полномочий, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [3] и решение задач возможно путем комплексной реализации всех функций социального управления.

При осуществлении познания взаимодействия ОВД и СМИ следует особо отметить наличие субъективных и объективных условий и факторов. Как правило, они заключают в себе все процессы, связанные с субъектами социального взаимодействия, начиная от отношения индивидов друг к другу, основанного на взаимных ожиданиях процесса и результатов деятельности, поведения индивидов, осознание этих отношений и ожиданий, до действий по изменению процедур социального взаимодействия. При этом объективные условия и факторы взаимодействия – это процессы, не зависящие от отдельных личностей, но опосредующие и контролирующие содержание и характер их взаимодействия.

В целях достижения эффективности взаимодействия ОВД со СМИ, в том числе на основе принципов социального управления и теории научной организации управленческого труда в сфере правоохранительной деятельности, которые в современных условиях трансформации общественных отношений приобретают особое стратегическое значение [4, с. 140–148] важно сформировать оптимальную систему социального взаимодействия как деятельности. Системно-структурный анализ деятельности позволяет выявить ее составные элементы: субъект, объект, воздействие субъекта на объект, а также орудия, средства деятельности, предмет деятельности, цели и мотивы действий [5, с. 47–54; 6, с. 74–75]. Достичь эффективности социального взаимодействия ОВД и СМИ возможно путем реализации функций целеполагания и планирования.

2. Планирование при взаимодействии органов внутренних дел со средствами массовой информации. Складывающиеся геополитическая ситуация и общественные отношения, изменение оперативной обстановки, и как следствие условия оперативно-служебной деятельности ОВД предъявляют новые требования к технологии управления и повышению его организационного уровня. Анализ результатов инспекторских проверок позволяет прийти к выводу о том, что новые формы и методы организации деятельности, в том числе и планирования не всегда находят внедрение на практике. Планирование, являясь одним из обязательных условий деятельности, позволяет наиболее целесообразно и целенаправленно организовать работу, способствует быстроте, объективности, полноте и всесторонности в решении задач [7, с. 47]. В рамках данного исследования цель планирования – это, в первую очередь, повышение эффективности взаимодействия ОВД и СМИ, на основе последовательного либо комплексного решения основных задач и выполнения нормативно возложенных функций.

Следует обратить внимание на наличие множественных подходов к планированию и определению его как средства, формы, либо метода. Первоочередно – это функция управления, заключающаяся в познании закономерностей и на их основе определении целей, задач, этапов развития социальных процессов и систем.

Под социальным планированием как функцией процесса управления, понимается деятельность субъекта управления по определению целей и задач социальных систем на предстоящий период деятельности, способов и средств их достижения, а также последовательности их решения и сроков выполнения [7, с. 47–57]. Как справедливо отмечается в работах ученых, мыслительный процесс, составляющий основу планирования включает в себя логические операции, ощущения, восприятия, различные психологические акты, посредством которых осуществляется творческий поиск вариантов наилучшего построения деятельности [8, с. 142–143].

Социальное планирование обеспечивается соблюдением принципов законности, непрерывности, конкретности, комплексности, научной обоснованности, индивидуальности, динамичности, реальности, экономичности, ресурсности и др.

Эффективность планирования взаимодействия ОВД и СМИ во многом обусловлена следующими предпосылками: 1) четкое понимание субъектами взаимодействия тех процессов, социальных отношений и их специфических особенностей, на которые направлен функционал как ОВД, так и СМИ; 2) регламентирование функции субъектами взаимодействия, реализация которых закреплена путем многоуровневой системы норм; 3) целенаправленность совместных, согласованных действий; 4) устойчивость и непрерывность совместных, согласованных действий; 5) наличие организационной структуры и органов управления.

3. Тенденции повышения эффективности взаимодействия ОВД и СМИ путем использования социального планирования. В современных условиях указанные тенденции непосредственно связаны с модернизацией технологии управления и повышению его организационного уровня, в том числе путем реализации функции управления – социальное планирование, которое в зависимости от целей может иметь оперативный, тактический и стратегический характер. В процессе планирования взаимодействия ОВД и СМИ должны реализовываться следующие

щие направления: целенаправленность всех элементов взаимодействия, аккумулированных в структуре документов планирования; информационное обеспечение (сопровождение) деятельности; непрерывность и своевременность выявления проблем; организация и проведение совместных мероприятий; мониторинг информационного пространства; комплексные мероприятия по повышению доверия граждан к деятельности полиции, формированию положительного общественного мнения и позитивного имиджа сотрудников ОВД; оперативное реагирование на изменение оперативной обстановки, появление информационного повода, представляющего общественный интерес и т.д.

В Инструкции по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – Инструкция), утвержденной Приказом МВД России от 1 октября 2020 года № 683 приведено содержание механизма реализации и контроля плана, однако он не является исчерпывающим. Субъект планирования вправе включать в него и другие позиции, необходимые для обеспечения полного и своевременного выполнения запланированных мероприятий и осуществления эффективного контроля. Требования оценки эффективности реализации возможностей социального планирования при взаимодействии ОВД со СМИ связаны с: конкретизацией целей взаимодействия; оптимизацией организационно-распорядительных управленческих решений; уточнением планируемых мероприятий; выявлением в процессе реализации мероприятий узких мест и недостатков и т.д.

Таким образом, анализ трудов известных ученых (В.Г. Кутушев, Э.В. Маркина, Ю.Н. Сосновская, и другие) [9; 10, с. 177] исследующих проблемы социального планирования в деятельности органов внутренних дел послужил основой для авторских выводов в аспекте познания многоуровневой и многоаспектной структуры взаимодействия ОВД и СМИ.

Подводя итог рассматриваемого в научной статье вопроса, подчеркнем, что социальное планирование как функция управления, позволяет повысить эффективность взаимодействия ОВД и СМИ, путем: 1) обеспечения целенаправленности деятельности субъектов взаимодействия (ОВД и СМИ); 2) непрерывности взаимодействия; 3) своевременности выявления проблем в совместной деятельности и их разрешения; 4) достижение максимального использования приемов, методов, средств и ресурсов субъектов взаимодействия (ОВД и СМИ); 5) формирования алгоритмов деятельности в рамках взаимодействия с учетом типичных ситуаций; 6) создание условий для оптимизации взаимодействия ОВД и СМИ.

Библиография:

1. Андреев А.В., Токарев Д.С. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации в интересах развития российского общества // Экономика и политика. 2015. № 1. С. 140–143.
2. Лукашевич Н.П., Туленков Н.В. Социология. – Киев: МАУП, 2002. – 272 с.
3. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 11.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Можаяева И.П. Реализация принципов научной организации деятельности сотрудников правоохранительных органов в рамках электронного формата уголовного судопроизводства // Философия права. – 2021. – № 4 (99). – С. 140–148.
5. Сагатовский В.А. Деятельность как философское понятие // Философия науки. 1978. №2. С. 47–54.
6. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. – 216 с.
7. Ульянов А.Д., Можаяева И.П. Научная организация труда руководителя территориального органа МВД России: курс лекций. М.: Академии управления МВД России. – 128 с.
8. Гаврилин Ю.В., Можаяева И.П. Совершенствование технологий планирования расследования преступлений на современном этапе развития криминалистических знаний // Труды Академии управления МВД России, 2018. № 2 (46). С. 142–147.
9. Кутушев В.Г. Социальное планирование в органах внутренних дел; под ред. Г.А. Туманова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – 232 с.
10. Маркина Э.В., Сосновская Ю.Н. Актуальные вопросы планирования в системе органов внутренних дел. Некоторые аспекты стратегического планирования в правоохранительных органах // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России. –2016. – № 2. – С. 174-178.

References.

1. Andreev A.V., Tokarev D.S. Interaction of internal affairs bodies with the media in the interests of the development of Russian society // Economics and Politics. 2015. No. 1. P. 140–143.
2. Lukashevich N.P., Tulenkov N.V. Sociology. - Kyiv: MAUP, 2002. – 272 p.
3. On the approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 (as amended on February 11, 2023) // ATP "ConsultantPlus".
4. Mozhaeva I.P. Implementation of the principles of scientific organization of the activities of law enforcement officers in the framework of the electronic format of criminal proceedings // Philosophy of Law. – 2021. – No. 4 (99). – P. 140–148.
5. Sagatovsky V.A. Activity as a philosophical concept // Philosophy of Science. 1978. No. 2. C. 47–54.
6. Bueva L.P. Man: activity and communication. M.: Thought, 1978. – 216 p.
7. Ulyanov A.D., Mozhaeva I.P. Scientific organization of labor of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia: a course of lectures. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 128 p.
8. Gavrilin Yu.V., Mozhaeva I.P. Improving crime investigation planning technologies at the present stage of development of forensic knowledge // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. No. 2 (46). pp. 142–147.
9. Kutushev V.G. Social planning in internal affairs bodies / Kutushev V.G.; ed. G.A. Tumanov. Saratov: Sarat Publishing House. un-ta, 1983. – 232 p.
10. Markina E.V., Sosnovskaya Yu.N. Topical issues of planning in the system of internal affairs bodies. Some aspects of strategic planning in law enforcement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M.: Publishing House of Moscow. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 2. – S. 174-178.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_266

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДА УБЕЖДЕНИЯ, КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ON THE QUESTION OF THE EFFECTIVENESS OF THE METHOD OF PERSUASION, AS A MEANS OF IMPLEMENTING SEPARATE DIRECTIONS OF STATE POLICY

СЛИВКО Константин Юрьевич,

доцент кафедры нервных болезней, нейрохирургии и психиатрии
Института повышения квалификации специалистов здравоохранения Министерства здравоохранения Хабаровского края,
кандидат медицинских наук, врач-психиатр высшей квалификационной категории.
Краснодарская ул., 9, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680009, Россия.
E-mail: nikitaslivko@mail.ru;

СЛИВКО Никита Константинович,

доцент кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат юридических наук.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.
E-mail: nikitaslivko@mail.ru;

БОНДАРЕНКО Дина Максимовна,

курсант факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.
E-mail: nikitaslivko@mail.ru;

Slivko Konstantin Yurievich,

Associate professor of the department of nervous diseases, neurosurgery and psychiatry
of the Institute of Advanced Training of Healthcare Specialists of the Ministry of Health of the Khabarovsk Territory,
candidate of medical Sciences, psychiatrist of the highest qualification category.
Krasnodarskaya str., 9, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680009, Russia.
E-mail: nikitaslivko@mail.ru;

Slivko Nikita Konstantinovich,

Associate professor of the department of administrative Law and administrative-service activity
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, candidate of legal Sciences.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, lane. Barracks, 15.
E-mail: nikitaslivko@mail.ru;

Bondarenko Dina Maksimovna,

cadet of the Faculty of Jurisprudence of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, lane. Barracks, 15.
E-mail: nikitaslivko@mail.ru

Краткая аннотация: Либерализация общественных отношений последних десятилетий стала мировой тенденцией, принесшей населению многих стран подъем уровня свобод. Но кроме положительных эффектов, это привело к росту пороков общества. Наркотизация населения и приобщение граждан к деятельности по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, многие годы является масштабной общемировой проблемой. На борьбу с этими явлениями было приложено много сил и средств со стороны государства, о чем свидетельствует снижение количества противоправных деяний в указанной сфере. Однако, эффективная реализация государственной политики в вопросе борьбы с распространением наркомании, зачастую решается с использованием различных принудительных способов. В статье рассматривается значимость метода убеждения, как регулятора общественных отношений, через призму современного и опасного феномена, именуемого «бэд трип».

Abstract: The liberalization of social relations in recent decades has become a global trend that has brought the population of many countries an increase in the level of freedom. But in addition to the positive effects, this led to an increase in the vices of society. Narcotization of the population and the involvement of citizens in activities related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances has been a large-scale global problem for many years. The state has put a lot of effort and resources into combating these phenomena, as evidenced by the decrease in the number of illegal acts in this area. However, the effective implementation of state policy in combating the spread of drug addiction is often solved using various coercive methods. The article examines the importance of the method of persuasion as a regulator of social relations, through the prism of a modern and dangerous phenomenon called a "bad trip".

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот наркотиков, психоделический опыт, убеждение в административном праве, профилактика.

Keywords: drugs, illegal drug trafficking, psychedelic experience, conviction in administrative law, prevention.

Для цитирования: Сливко К.Ю., Сливко Н.К., Бондаренко Д.М. К вопросу об эффективности метода убеждения, как средства реализации отдельных направлений государственной политики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 266-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_266.

For citation: Slivko K.Yu., Slivko N.K., Bondarenko D.M. On the question of the effectiveness of the method of persuasion, as a means of implementing separate directions of state policy // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 266-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_266.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

На сегодняшний день, упорядочивание, систематизация и регулирование общественных отношений, представляет собой неотъемлемую часть любого современного государства, стремящегося к статусу истинно правового. Данные процессы осуществляются путем реализации управленческих решений с применением соответствующих методов управления.

Если рассмотреть все существующие в Российской Федерации нормы права, можно заметить, что, несмотря на разную отраслевую принадлежность, они имеют одну схожую цель – регулирование общественных отношений, в чем и заключается суть их существования. Однако, имеется отрасль права, которая выделяется среди остальных, так как направлена, в первую очередь, на управление социумом и государством в целом. Административное право или «право управления», регулирует общественные отношения, возникающие в сфере государственного управления, особенно в связи с изданием органами государственной власти управленческих нормативных правовых актов.

Само государственное управление реализуется при помощи двух основных методов: убеждения и принуждения. Последнее, обладая внушительным потенциалом в вопросе правового регулирования, состоит из разнообразных мер, посредством которых уполномоченные органы воздействуют на поведение граждан. Принуждение имеет в своем распоряжении множество инструментов и применяется государством в целях обеспечения законности и правопорядка, прав, свобод и законных интересов граждан, а также создания нормальных условий функционирования органов государственной власти. Не умаляя внушительного значения метода принуждения как регулятора общественных отношений, считаем нужным акцентировать внимание на убеждении, в связи со спецификой данного метода и его направленности на формирование у граждан тех моральных качеств личности, которые необходимы для добровольного и сознательного исполнения правовых и социальных установок [1, с. 35-38].

Классически к категории мер убеждения принято относить рекламу, пропаганду, агитацию и обмен опытом. Воздействие на формирование правовой установки поведения у личности в данном случае происходит при проведении инструктажей, митингов, собраний, организации пресс-конференций и т.д. Исходя из сути проводимых мероприятий, представляется возможным предположить, что сущность метода убеждения, заключается в формировании у объекта воздействия интереса к совершению (либо воздержанию от совершения) определенных действий или, наоборот, страха за нарушение установленных норм поведения.

Для лучшего понимания сущностного содержания метода убеждения, считаем необходимым иллюстративно раскрыть его потенциал в рамках регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе реализации государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту.

Как известно, действующее уголовное и административное законодательство Российской Федерации, включает широкий перечень деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершение которых влечет за собой наступление юридической ответственности. Однако, на наш взгляд, одного закрепления во внутригосударственных кодифицированных нормативных актах определенных действий (бездействия), признаваемых административным проступком, либо преступлением – недостаточно. Мы видим необходимость в проведении всесторонней, масштабной работы с населением, направленной на формирование устойчивого правомерного поведения, искоренение девиантных и делинквентных качеств личности. Данная работа во многом возможна именно при активном использовании метода убеждения. Кроме того, она в полной мере соответствует законодательно установленным принципам рассматриваемого направления государственной политики [2, ч. 2, ст. 4].

Исходя из международной классификации болезней, под наркоманией принято понимать «синдром зависимости» [3]. К сожалению, приходится констатировать, что в современных условиях наркомания является весьма распространенным негативным социальным явлением. Так, в соответствии с официальными данными Федеральной службой государственной статистики, на конец 2022 года под наблюдением у психиатров-наркологов с диагнозом наркомания в нашей стране состояли 213,8 тысяч человек [4, с. 49]. Наркотизация населения, несмотря на все усилия государства, в определенной степени продолжает быть следствием незаконного оборота наркотиков. Подтверждается данный тезис в рамках изучения статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России, согласно которым в 2023 году на территории Российской Федерации было выявлено 191,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 7,5% больше, чем за 2022 году [5].

Стоит отметить, что понятие зависимости, указанное выше, носит весьма обобщенный смысл и пришло к нам из стран запада, где многие десятилетия идет перманентная декриминализация оборота наркотиков. В свою очередь, отечественная психиатрическая наука в процессе изучения различных последствий употребления наркотиков, отражает природу явления наркомании более глубоко и детально. В совокупности с абсолютно справедливой нетерпимостью государства к незаконному обороту наркотиков и одобренной Президентом РФ в рамках прошедшей в 2024 году расширенной коллегии Министерства внутренних дел, линии профилактической работы ведомства, в частности, в отношении молодежи [6], изучение прогрессивного потенциала метода убеждения в рассматриваемой сфере приобретает особую значимость.

Рассматривая реализацию метода убеждения для борьбы с наркотизацией населения, стоит отдельно остановиться на возможности его применения к относительно новым формам проявления наркотической зависимости, крайне болезненных для самих наркоманов. Одной из таких форм, к слову, не имеющей официального легального закрепления в отечественном законодательстве, является «bad trip» (бэд трип).

«Бэд трип» (в переводе – «плохой трип») представляет собой негативное, зачастую опасное воздействие на психику при переживании лицом психоделического опыта, появляющегося при измененном состоянии психики. Характеризуется «бэд трип» возникновением у лица беспричинного страха, беспокойства, перерастающего в панику, чувства ненужности и ничтожности, предчувствия, будто бы человек теряет рассудок. Указанное также сопровождается пугающими галлюцинациями, усиливающими возникшие у лица чувства и ощущения. Например, наркоман может увидеть вместо лица своего родственника, друга, знакомого – пугающее нечто, что может спровоцировать агрессию со стороны употребляющего лица. Важно уточнить, что получение психоделического опыта возможно не только лишь при употреблении наркотических средств или психотропных веществ, но и например, при проведении некоторых дыхательных техник, используемых в психотерапевтической практике, таких как холотропное дыхание [7, с. 99-100].

На сегодняшний день, рассматриваемое явление известно узкому кругу лиц как раз по его сленговому обозначению. Мы предлагаем

проводить дальнейшее исследование, ссылаясь на положения отечественной психиатрической науки. Начать следует с психоза - состояния, характеризующегося активной деятельностью психики. В случае употребления некротических средств, лица подвержены наркотическому психозу, во время которого они чувствуют дезорганизацию и потерю с реальным миром, происходит нарушение сознания. Причинами развития подобных отклонений выступает ряд факторов:

- систематическое употребление наркотиков и, как следствие, истощение организма;
- личностные расстройства;
- резкий отказ от пагубной привычки, влекущий развитие абстинентного синдрома.

Существуют множество видов указанного расстройства психики, что зависит от индивидуальных особенностей употребляющего. Далее, перечислим основные из них.

1. Параноидальное расстройство психики. Достаточно тяжелая патология, сопровождается псевдогаллюцинозом, чувствами преследования, ревности, неконтролируемой агрессии, страха смерти и т.д. Находясь в таком состоянии, человек считает, что окружающие настроены к нему враждебно, представляют опасность и намерены причинить ему вред.

2. Интоксикационное расстройство психики. Наступает при передозировке наркотиками. Способствует появлению различных галлюцинаций (слуховых, зрительных, вкусовых, зачастую – комбинированных), бредовых идей, упразднению критического мышления, а также резким скачкам настроения.

3. Психоз Маньяна. Представляет собой бредовое помешательство, развивающегося в несколько последовательных этапов: изначально возникает тревога, усиливающаяся с развитием зрительных или иных галлюцинаций, далее наступает бред преследования, либо величия. В данном случае возможно сочетание с маниакальным или шизофреническим синдромом.

Говоря о наркотическом психозе, важно отметить, что определить заболевание на начальном этапе крайне затруднительно. Несмотря на это, имеется ряд признаков, характерных для большинства подобных патологий. К ним можно отнести следующие:

- снижение концентрации внимания;
- депрессивность;
- состояние стресса, тревоги;
- появление бредовых мыслей и идей;
- апатия, упадок сил и изоляция от окружающих;
- крайняя подозрительность, недоверие и раздражительность;
- резкие перепады настроения.

Рассмотрев виды и общую симптоматику наркотического психоза, можно проследить его сходство с «бэд трипом». Несмотря на это, указанные состояния представляют собой разные самостоятельные проявления отклонения психики. Объяснить это можно наличием некоторых отличительных аспектов, на наш взгляд, имеющих колоссальное значение.

Во-первых, наркотический психоз, как было указано, развивается с течением времени, то есть представляет собой длящийся процесс. Тем временем, наступление «бэд трипа» может произойти в любой момент употребления лицом наркотических средств, в том числе, после «первой дозы». Здесь стоит учитывать, что «бэд трип» не является обязательным результатом интоксикации наркотиков. Он может проявиться вне зависимости от количества потребляемого средства. Передозировка в данном случае просто увеличивает вероятность его наступления.

Во-вторых, «бэд трип» включает в себя несколько признаков разных видов наркотического психоза, но не является ни одним из них в силу того, что последний представляет собой разновидность психического расстройства, а «бэд трип» – неприятное, тяжелое, но кратковременное состояние изменения психики (от нескольких минут до нескольких часов). Причем «бэд трипы», в перспективе, способны и привести к развитию подобных расстройств, что уже будет требовать лечения у врача-психиатра.

В-третьих, повышенная опасность «бэд трипа» для употребляющего и окружающих, заключается в реальной возможности причинения вреда другим лицам, а также, как показывает практика, совершению самоубийства самим наркозависимым.

Исходя из вышесказанного, важно понимать, какие именно причины вызывают «бэд трип». Для этого следует рассмотреть ряд факторов, повышающих шансы наступления рассматриваемого явления. К ним можно отнести:

- 1) употребление непривычно большой дозы наркотического средства, либо нового, более «тяжелого» вида наркотиков;
- 2) пребывание в негативном эмоциональном состоянии в момент употребления наркотиков;
- 3) употребление алкоголя совместно с наркотическими средствами;
- 4) недостаточное потребление воды;
- 5) нахождение рядом иных лиц.

Для проводимого исследования важное значение имеет понимание того, что во многих странах запада легализованы различные виды наркотических средств, а их употребление вошло в обыденность. «Бэд трип» при этом стал рассматриваться как нежелательное отклонение от нормы в самочувствии наркозависимого, что привело к появлению и распространению различных статей в сети «Интернет», содержащих советы о том, как избежать данной ситуации.

Мы же исходим из того, что наркомания является крайне пагубным явлением, ведущим к деградации и смерти человека, а «бэд трип» при этом, служит закономерным результатом практики приема наркотических веществ. Стоит уточнить и про психоз, так как при его возникнове-

нии на фоне приема наркотиков, лицо должно по возможности как можно быстрее доставляться в специализированные медицинские учреждения и после снятия острого состояния ставиться на учет (наблюдение у врача-нарколога), как подлежащие лечению от наркозависимости, являющейся причиной возникновения психоза. Возврат к обычному образу жизни в западном обществе и приему наркотиков после возникновения психоза, является противоположным вариантом, по нашему мнению неприемлемым в Российской Федерации.

Считаем нужным уделить внимание примерному перечню наркотических средств [8], наиболее часто провоцирующих возникновение исследуемого состояния. Это обусловлено тем, что «бэд трип», как правило, сопровождается галлюцинациями, которые возникают от приема наркотиков-галлюциногенов (особенно психоделиков), таких как:

1. ЛСД – диэтиламид лизергиновой кислоты, Пожалуй, один из самых мощных стимуляторов получения негативного психоделического опыта.
2. ДМТ – N, N диметилтриптамин. Из-за того, с какой силой данное наркотическое средство действует на сознание человека, он с наибольшей вероятностью приведет к «бэд трипу».
3. МДМА, известен как экстази. Данный психостимулятор пользуется большой популярностью среди молодежи, вследствие чего, имеет достаточно широкую распространенность и частоту употреблений.
4. Марихуана. Единственный представленный нами наркотик полностью растительного происхождения. В середине XX века, «бэд трип» изучался и описывался именно на марихуане, так как в силу ее частого употребления, она является одним из первых наркотиков, которые стали вызывать такое состояние, а уже после появились и психостимуляторы и галлюциногены. Сейчас же нередко бывает, что наркозависимые, использующие более сильные наркотические средства, одновременно с ними принимают и марихуану, что в совокупности и вызывает исследуемое последствие.

Перечисленные наркотические средства содержатся в первом списке Постановления Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [8]. Согласно указанному нормативному правовому акту, данные наркотики полностью запрещены к обороту в Российской Федерации в соответствии с национальным и международным законодательством, что свидетельствует об их опасности и разрушающем воздействии на физическое и психическое здоровья человека.

Мы видим, что сегодня, наркотизация населения, представляет собой серьезную проблему, объединяющую в себе социальные, медицинские и правовые аспекты. Исходя из этого, для борьбы с данным антисоциальным, аморальным и противоправным явлением, нужно использовать комплекс мер социальной защиты, судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера, что было актуально еще в СССР, однако уже с учетом достижений современной науки и нынешнего состояния общества.

Необходимо отметить, что для лиц, желающих употребить запрещенные вещества, зачастую неизвестно, что помимо положительных чувств и эмоций, наркотики способны вызывать у них паническое, стрессовое и опасное состояние, влекущее наступление разного рода отрицательных последствий даже не в перспективе, а в моменте. Здесь мы можем проследить некое сходство с патологическим опьянением, так как человек, пребывая в таком положении, способен на совершение различных жестоких поступков, в том числе и преступлений.

На наш взгляд, необходимыми мерами по предупреждению формирования противоправного поведения, охватывающего незаконный оборот наркотических средств, будет, в первую очередь, работа по устранению негативной мотивации индивида на их употребление. Данные меры должны быть направлены на изменение внутренних условий мотивации за счет перестройки мотивационной сферы личности и устранения внешних криминогенных условий.

Для достижения вышеуказанной цели необходим комплекс социально-политических, правовых и воспитательных мероприятий, проводимых в рамках межведомственного взаимодействия различных государственных структур. Основными субъектами такого взаимодействия, в данном случае, являются Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и Министерство Здравоохранения Российской Федерации (далее – Минздрав России). Это обусловлено их активной совместной работой по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а также оказанию помощи больным наркоманией лицам [9, с. 383].

Стоит отметить, что задачей медицинских работников в большей степени является профилактика отклоняющегося поведения. Правоохранительные органы, как правило, подключаются уже на этапе сформированного противоправного поведения. Однако, отдельными категориями сотрудников полиции вносится неопределимый вклад и в дело предупреждения совершения новых административных правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере, в частности участковым уполномоченным полиции. Именно он наиболее эффективно применяет в своей служебной деятельности метод убеждения, так как его работа напрямую связана с систематической коммуникацией с различными гражданами: как законопослушными, так и допускаящими совершение аморальных, противоправных и антиобщественных действий. Таким образом, в его задачи входит реализация превентивных мер в отношении лиц, проживающих на обслуживаемом им административном участке, путем проведения профилактического обхода территории данного участка, профилактических бесед с гражданами, состоящими на профилактическом учете и т.д.

Специфика деятельности органов МВД России такова, что они лучше других понимают практическую сторону противоправности, сталкиваясь с ней в ежедневной работе. При наличии групп социального риска полезным бы явилось создание единых межведомственных баз данных граждан со сформированным делинквентным поведением. В дальнейшем, с этими группами граждан было бы возможно проведение работы по линиям социальной защиты, медицинской, психологической и других видов помощи. Таким образом, на примере незаконного оборота наркотиков, представляется возможным заметить, что метод убеждения является одним из эффективнейших средств реализации отдельных направле-

ний государственной политики. Это связано с тем, что зачастую, потенциальные наркозависимые граждане не имеют представления о существовании «бэд трипа» и его последствиях и узнать об этом могут в дальнейшем либо испытав лично (будучи уже зависимыми), либо от других лиц. В любом случае, данное явление остается слабо известным для большей части населения. Считаем целесообразным осуществлять различного рода профилактические мероприятия, такие как проведение встреч и бесед по данному вопросу, ведь наше общество должно быть осведомлено о том, что наркотики способны причинить серьезный вред здоровью человека. Причем не только с течением времени их употребления, но и в любой неожиданный для лиц, их употребляющих момент. Очевидно, что метод убеждения, на сегодняшний день, имеет важное целевое профилактическое и пресекающее значение, в силу чего, властным структурам в лице уполномоченных органов, следует уделять повышенное внимание качеству реализации рассматриваемого метода в жизнедеятельности современного социума.

Библиография:

1. Попов Л.Л. Убеждение и административное принуждение как методы публичного (государственного) управления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 6 (82). С. 35-38.
2. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Международная классификация болезней МКБ-10 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 179 с.
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf (дата обращения: 10.05.2024 г.).
6. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73770 (дата обращения: 10.05.2024 г.).
7. Байгильдина Ю. А., Чагина Е.В., Шарина А.С. Холотропное дыхание как метод реализации потенциала личности сотрудника // Векторы благополучия: экономика и социум. 2015. № 4 (19). С. 99-100.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Сливко Н.К., Сливко К.Ю. К вопросу о взаимодействии Министерства здравоохранения и Министерства внутренних дел в целях предупреждения совершения противоправных деяний наркотически зависимой молодежью. Актуальные проблемы науки и практики: электрон. сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018– . –Текст : электронный. Вып. 11. – 2023. С. 383-388.

References:

1. Popov L.L. Persuasion and administrative coercion as methods of public (state) management // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2021. No. 6 (82). pp. 35-38.
2. Federal Law No. 3-FZ of January 8, 1998 "On Narcotic drugs and psychotropic substances" // Access from the SPS "ConsultantPlus".
3. International Classification of Diseases ICD-10 // Access from the SPS "ConsultantPlus".
4. Healthcare in Russia. 2023: Stat.sat. / Rosstat. M., 179 p.
5. A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January-December 2023. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf (accessed: 05/10/2024).
6. Vladimir Putin spoke at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73770 (date of application: 05/10/2024).
7. Baigildina Yu. A., Chagina E.V., Sharina A.S. Holotropic breathwork as a method of realizing the potential of an employee's personality // Vectors of well-being: economics and society. 2015. No. 4 (19). pp. 99-100.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 1998 No. 681 "On approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their Precursors subject to control in the Russian Federation" Access from the ATP "ConsultantPlus".
9. Slivko N.K., Slivko K.Yu. On the issue of cooperation between the Ministry of Health and the Ministry of Internal Affairs in order to prevent the commission of illegal acts by drug-addicted youth. Actual problems of science and practice: electron. collection of scientific tr. based on the results of scientific research. events / Far East. Jurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Khabarovsk: RIO DVUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. –Text : electronic. Issue 11. – 2023. pp. 383-388.

О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОЦЕДУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ФОРМЕ ШЕСТВИЙ И ДЕМОНСТРАЦИЙ

About some contradictions in the legal regulation of the procedure for organizing and holding public events in the form of processions and demonstrations

БОГДАНОВ Алексей Викторович,

доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.
Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: abogdanov171@mvd.ru;

ГРАМОТЕЕВ Сергей Валерьевич,

старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России.
Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: gramserg@mail.ru;

Bogdanov Alexey Viktorovich,

PhD in law, associate Professor, Department of Organization of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: abogdanov171@mvd.ru;

Gramoteev Sergey Valerievich,

Senior lecturer at the Department of Organization of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: gramserg@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые коллизии при осуществлении процедуры организации и проведения публичных мероприятий в форме шествий и демонстраций, возникшие вследствие правотворческой деятельности компетентных органов Российской Федерации, предлагаются возможные варианты по устранению обозначенных пробелов в системе действующего законодательства.

Abstract. The article examines some legal conflicts in the implementation of the procedure for organizing and holding public events in the form of processions and demonstrations that arose as a result of the law-making activities of the competent authorities of the Russian Federation, and suggests possible options to eliminate the identified gaps in the system of current legislation.

Ключевые слова: шествия, демонстрации, законодательство, физические лица, юридические лица, публичные мероприятия, специально отведенные места, правовые нормы, полиция, правовые коллизии, общественная безопасность, социальная напряженность.

Keywords: processions, demonstrations, legislation, individuals, legal entities, public events, specially designated places, legal norms, police, legal conflicts, public safety, social tension.

Для цитирования: Богданов А.В., Грамотеев С.В. О некоторых противоречиях в нормативно-правовом регулировании процедуры организации и проведения публичных мероприятий в форме шествий и демонстраций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 271-273. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_271.

For citation: Bogdanov A.V., Gramoteev S.V. About some contradictions in the legal regulation of the procedure for organizing and holding public events in the form of processions and demonstrations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 271-273. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_271.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Закономерное функционирование существующего гражданского общества в рамках развития правового государства коррелирует не столько с присутствием у граждан неотъемлемых прав и свобод, сколько с возможностью реализации последних четко в пределах правовых норм, без негативно влияющих на социум злоупотреблений данными правами, а также ущемлений таковых применительно к отдельным индивидуумам.

Деятельность отдельных граждан по постановке своих собственных интересов выше интересов окружающего общества, выражающаяся в злоупотреблении предоставленными возможностями в части организации и участия в публичных мероприятиях, приводит к отсутствию реальной возможности осуществления имеющихся прав у других полноправных членов общества, отрицательно воздействует на повседневное здоровое развитие определенных направлений жизни общества и государства, служит основанием возникновения социальной напряженности. Данные негативные тенденции, если им своевременно не уделить пристальное внимание, могут стать причиной дисбаланса в системе имеющихся у граждан прав, соответствующих обязанностей, а также имеющихся в законодательстве ограничений.

В самом общем смысле социальная напряженность заключается в отсутствии коллективной общественной удовлетворенности существующей обстановкой в том или ином направлении, служащей основанием для реальной возможности возникновения угроз обеспечению безопасности граждан и общественному порядку при организации и проведении всех форм публичной активности граждан. Далее несколько подроб-

нее рассмотрим две публичные акции – шествия и демонстрации, которые характеризуются наиболее непредсказуемым характером, обусловленным форматом их проведения.

Президент Российской Федерации В. В. Путин 20 марта 2023 года во время расширенного заседания коллегии МВД России четко указал руководителям органов внутренних дел: «...провокации, незаконные уличные акции или иные попытки «раскачать» общество должны оперативно пресекаться» [6].

Весь массив публичных мероприятий условно делится на две группы (имеющие статичный и динамичный характер), каждой из которых присущ весь спектр отличительных особенностей, связанных в первую очередь с возможностью беспрепятственного перемещения групп людей по заранее определенному маршруту (включающему определенные территории или участки местности, улицы населенных пунктов и т.п.) или отсутствию таковой.

Собрания, митинги, пикетирования, относящиеся к первой обозначенной группе, и демонстрации, шествия – представляющие собой вторую, выступают в качестве исчерпывающего перечня форм, закрепленных в системе действующего законодательства Российской Федерации. Очевидные угрозы шествий и демонстраций, то есть динамичной формы публичных мероприятий, обеспечению безопасности граждан и общественному порядку значительно серьезнее, так как нередко могут не только предшествовать статичной форме, но и трансформироваться из нее в динамичную.

В соответствующем нормативном правовом акте, регламентирующем не только права полиции, ее назначение, правовую основу и основные направления, но и достаточно обширный круг обязанностей, закреплено, что сотрудники полиции обязаны обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок в местах проведения публичных мероприятий, в том числе шествий и демонстраций [3].

Уделив внимание статичности (характерной для собраний, митингов, пикетирований) и динамичности (свойственной демонстрациям, шествиям) как одним из возможных оснований условного деления публичных акций, отметим, что последние имеют наибольшее количество совпадающих признаков.

Однако положения законодательства Российской Федерации [2] четко разграничивают данные понятия по следующим критериям:

- отличительной особенностью демонстраций является применение средств наглядной агитации, что не характерно для шествий;
- передвижение в ходе демонстраций может осуществляться в том числе на транспортных средствах, а в ходе шествий – нет;
- целью демонстраций является выражение общественных настроений, а цель шествий – привлечение внимания к каким-либо проблемам.

Также следует принять во внимание тот факт, что еще со времен существования Союза Советских Социалистических Республик демонстрации в основной своей массе были приурочены к 7 ноября и 1 мая – тем дням, когда вся страна демонстрировала уважение к советскому режиму. Эта практика сохранилась и в настоящее время, но приобрела менее масштабный характер, в то время как шествия проводятся повсеместно и, зачастую, вообще не связаны с какими-либо праздничными мероприятиями.

При осуществлении мероприятий по организации и проведению публичных мероприятий в форме шествий и демонстраций физические лица, юридические лица, их региональные отделения и иные структурные подразделения, взявшие на себя обязательство по организации и проведению шествий и демонстраций, сталкиваются с определенными сложностями в части трактования и применения отдельных правовых норм, регулирующих правоотношения в данной сфере деятельности, которые значительно затрудняют процесс выполнения поставленных задач в связи с их противоречивостью, несовершенством или неопределенностью.

В качестве одного из таких примеров можно привести отдельные нормы, содержащиеся в правовом акте, регламентирующем основные направления в сфере организации и проведения публичных мероприятий, в том числе шествий и демонстраций [2].

В июне 2012 года в законодательство Российской Федерации [2] были внесены положения, на основании которых возникли критерии разграничения всех существующих видов публичных мероприятий на две категории: первая – публичные мероприятия, проходящие в специально отведенных местах; вторая – публичные мероприятия, проходящие за пределами специально отведенных мест. Существование описанных выше причин появления обозначенных критериев привело к наличию некоторых дискуссионных моментов в сфере теории и практики реализации гражданами прав на выражение своей публичной активности.

Особого внимания заслуживают возникшие в этой связи правовые коллизии, связанные с использованием законодателем отдельных терминов и словосочетаний с нетождественным смыслом. Четкого определения специально отведенных мест в законодательстве не содержится, однако некоторые признаки данного правового явления приводятся и включают в себя составные части определений собрания и митинг.

Но этими публичными формами не исчерпывается весь массив мероприятий, разрешенных к организации и непосредственному проведению в данных местах. Также признаки «специально отведенного места» не конкретизируют всех форм публичных мероприятий, теоретически возможных к проведению в этих местах. Более того, данное сочетание слов применяется законодателем вместе с определением «публичное мероприятие», которое включает исчерпывающий перечень форм публичной активности населения. Обозначенная коллизия в положениях действующего законодательства приводит к тому, что теоретически в настоящее время не имеется прямого запрета на организацию и проведение в специально отведенных местах шествий и демонстраций, а практически реализовать проведение гражданами данных форм именно на указанных территориях не представляется возможным [4].

Четкой и ясной позиции по данному вопросу придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, который констатирует, что в законодательстве не содержится причин, которые бы препятствовали организации и проведению гражданами в специально отведенных местах

любых публичных мероприятий [5].

Таким образом, во-первых, в признаках такого правового явления, как специально отведенное место, отсутствуют характерные особенности терминов шествие и демонстрация, а во-вторых, в законодательстве отсутствуют основания для невозможности их организации и проведения в указанных местах. Эти конкретные утверждения создают некоторые противоречия в, казалось бы, четкой структуре и содержании нормативного документа, что порождает противоречивость и неопределенность ряда положений [2], тем самым обуславливая присутствие пробелов в нормативном правовом акте, входящем в систему действующего законодательства.

С целью ликвидации данной правовой коллизии необходимо сформулировать и закрепить основания, которые будут запрещать организацию и проведение шествий и демонстраций в специально отведенных местах, или же, напротив, в пункт 1.1 части 1 статьи 8 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» включить в полном объеме определения понятий шествия и демонстрации.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ, вступивших в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 г. № 445)). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Консультант плюс. (Дата обращения: 28.06.2024).
2. Федеральный закон РФ от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (ред. от 11.10.2018) // СЗ РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.
3. Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
4. Симонова С.В. Установление режима специально отведенных для публичных мероприятий мест: юридико-ошибочный аспект правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64349-ustanovlenie-rezhima-specialno-otvedennykh-dlya-publichnykh-meropriyatij> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Решение Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 г. «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2016 года» // Документ опубликован не был.
6. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина 20 марта 2023 г. на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 07.04.2023).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 (taking into account the amendments introduced by the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/03/2020 No. 1-FKZ, which entered into force on July 4, 2020 (Decree of the President of the Russian Federation dated 07/03/2020 No. 445). [electronic resource]. Access from the SPS Consultant plus. (Date of application: 06/28/2024).
2. Federal Law of the Russian Federation dated June 19, 2004 No. 54-FZ "On Meetings, Rallies, demonstrations, marches and picketing" (ed. from 10/11/2018) // NW RF. - 2004. - No. 25. - Article 2485.
3. Federal Law of the Russian Federation dated February 7, 2011 No. 3-FZ "On Police" (ed. dated 02/24/2021) // NW RF. - 2011. - No. 7. - St. 900.
4. Simonova S.V. Establishment of a regime of places specially designated for public events: a legal and erroneous aspect of legal regulation [Electronic resource]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64349-ustanovlenie-rezhima-specialno-otvedennykh-dlya-publichnykh-meropriyatij> (date of appeal: 06/25/2024).
5. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/10/2016 "On approval of the review of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for the second and third quarters of 2016" // The document was not published.
6. Speech by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 20, 2023 at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/discussions/70744> (accessed 07.04.2023).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_274

УДК 34

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ И АУТЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ Individualization, identification and authentication of legal entities in the digital environment

БОЛОТАЕВА Ольга Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677007, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: hlolita@mail.ru;

Bolotaeva Olga Sergeevna,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Faculty of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova.
677007, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42.
E-mail: hlolita@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты индивидуализации субъектов права, определены особенности их идентификации и аутентификации как субъектов правоотношений, реализуемых с использованием цифровых технологий. Выявлены проблемы, связанные с правовым обеспечением достоверной идентификации субъектов правоотношений в цифровой среде, а также верификации свободы их волеизъявления. Раскрыты ключевые характеристики понятия «цифровой профиль» субъекта правоотношений; сделан вывод о том, что правовая индивидуализация лица как субъекта правоотношений, осуществляемых в цифровом пространстве, возможна только посредством цифрового профилирования и должна рассматриваться в качестве его основной цели.

Abstract: The article examines some aspects of the individualization of subjects of law, defines the features of their identification and authentication as subjects of legal relations implemented using digital technologies. Problems related to the legal provision of reliable identification of subjects of legal relations in the digital environment, as well as verification of their freedom of expression, have been identified. The key characteristics of the concept of "digital profile" of the subject of legal relations are revealed; it was concluded that the legal individualization of a person as a subject of legal relations carried out in the digital space is possible only through digital profiling and should be considered as its main purpose.

Ключевые слова: индивидуализация субъекта, средства индивидуализации, идентификация субъекта, биометрические персональные данные, цифровая среда, аутентификация, профилирование, цифровой профиль, цифровая личность.

Keywords: Individualization of the subject, means of individualization, identification of the subject, biometric personal data, digital environment, authentication, profiling, digital profile, digital personality.

Для цитирования: Болотаева О.С. Индивидуализация, идентификация и аутентификация субъектов правоотношений в цифровой среде // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 274-276. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_274.

For citation: Bolotaeva O.S. Individualization, identification and authentication of legal entities in the digital environment // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 274-276. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_274.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Индивидуализация лица – это его способность к индивидуальности, уникальности, обособлению и выделению среди других лиц. В правовых отношениях индивидуализация является важнейшим свойством субъекта, необходимым для обеспечения легитимности его участия в правоотношениях и надлежащей реализации соответствующих субъективных прав и юридических обязанностей. Все субъекты правоотношений обладают рядом индивидуализирующих признаков, формы выражения которых представляют собой средства индивидуализации соответствующих лиц. В свою очередь, средства индивидуализации лица выступают в качестве идентификаторов, когда необходимо установить подлинность субъекта правоотношения.

Средства индивидуализации, используемые субъектами правоотношений, достаточно многообразны, а в условиях развития цифровой среды их становится еще больше. У юридических лиц основным средством индивидуализации является наименование для некоммерческих организаций и фирменное наименование для коммерческих организаций, в отношении использования которых установлено различное содержание правового регулирования. Основными средствами индивидуализации физического лица являются его персональные данные, которые, в свою очередь, обладают различными индивидуализирующими свойствами и по-разному используются для целей идентификации физического лица как субъекта правоотношения. Некоторые персональные данные не отличаются постоянством и уникальностью (имя, место жительства, место работы) и их применение в качестве идентификаторов не всегда эффективно, другие же (биометрические персональные данные) могут принадлежать исключительно одному человеку, и с их помощью можно достоверно идентифицировать личность субъекта.

В цифровом пространстве индивидуализация субъектов права приобретает ряд особенностей, обусловленных техническими возможностями цифровых технологий. В частности, «индивидуализация личности может осуществляться при помощи биометрических технологий, под которыми понимаются методы и соответствующие им технические средства получения и использования биометрических данных человека в целях его идентификации» [1, с. 8]. То есть биометрические технологии позволяют зафиксировать уникальные биологические характеристики человека в форме биометрических персональных данных и использовать их в дальнейшем для идентификации (аутентификации) личности посредством измерения указанных характеристик и оценки полученных результатов.

Каждый субъект права с момента своего появления обладает уникальными характеристиками и свойствами, которые, в то же время,

требуют соответствующего измерения и оценки, а также документальной фиксации для последующего использования в целях идентификации и аутентификации лица. Индивидуализация субъекта, таким образом, предполагает не только фактическое наличие указанных характеристик и свойств, но также их фиксацию и интерпретацию, что порождает отношения, связанные с формированием и использованием средств индивидуализации субъектов права.

Развитие правоотношений с использованием цифровых технологий вносит свои коррективы в сферу индивидуализации субъектов права, приводя к формированию новых средств индивидуализации, подлежащих использованию исключительно в цифровой среде. Применяемые в цифровой среде средства индивидуализации не всегда являются прямым отражением индивидуальности лица. Если биометрические персональные данные реально отражают биологические характеристики человека, то такие идентификаторы как логин, пароль, PIN-код присваиваются конкретному пользователю без какой-либо связи со свойствами и качествами его личности.

Понятие «идентификация» в свете развития цифровых правоотношений приобрело значение, несколько отличающееся от традиционного. Если в общепринятом понимании идентификация представляет собой распознавание объекта или опознание субъекта, то применительно к функционированию современных информационных систем идентификация носит исключительно технический характер и сводится к сопоставлению представленного пользователем идентификатора с соответствующим идентификатором из базы данных, который ранее был присвоен заявленному пользователю. Совпадение идентификаторов презюмирует вход в систему именно того лица, которое зарегистрировано в системе под данным идентификатором. То есть такая идентификация не означает полную аутентификацию – проверку соответствия личности субъекта, представившего идентификатор, и пользователя, которому данный идентификатор был присвоен системой. Для более точной верификации заявленного лица используется так называемая двухфакторная аутентификация, которая предполагает двухэтапную проверку пользователя, который должен ввести в систему наряду с данными своей учетной записи (логин, пароль) дополнительные данные (ключ, ПИН-код, код из смс и т. д.). Но даже процедура двухфакторной аутентификации в информационных системах не гарантирует стопроцентной подлинности пользователя. Более эффективными в этом отношении являются информационные системы, использующие методы биометрической идентификации (распознавание лица, голоса, отпечатка пальца, радужной оболочки или сетчатки глаза и др.), хотя они также не совершенны и имеют свои уязвимости.

Ошибки идентификации субъектов правоотношений могут иметь различные негативные последствия и нести в себе определенную общественную опасность. Даже в доцифровой период возникали ситуации, когда невинные граждане привлекались к ответственности в результате полного совпадения фамилии, имени, отчества и других персональных данных с данными правонарушителя. В цифровых реалиях подобные ошибки также не исключены, поскольку дополнительные идентификаторы, создаваемые и используемые в цифровом пространстве, не обладают уникальными свойствами и имеют значение, только будучи привязанными к иным средствам индивидуализации лица, в частности к персональным данным конкретного человека. В отношении физических лиц абсолютной уникальностью обладают только биометрические идентификаторы, причем только те показатели, которые не меняются на протяжении жизни человека (папиллярный узор, структура сетчатки глаза, код ДНК и др.), и только их использование для целей идентификации способно обеспечить полную достоверность в установлении подлинности личности. Особенно актуально использование биометрических идентификаторов в свете развития цифровых технологий, позволяющих имитировать внешность и голос человека и использовать продукт такой имитации в цифровом пространстве в противоправных целях.

Современное законодательство в большинстве случаев предоставляет свободу в выборе способов идентификации и аутентификации субъектов правоотношений. Для гражданско-правовых отношений законом предусмотрена возможность в случае совершения сделки с помощью электронных или иных технических средств использовать любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. При такой достоверной идентификации лица закон признает выполненным требование о наличии подписи [2]. Однако используемые средства идентификации субъектов в цифровой среде не гарантируют соблюдения других важных условий реализации правоотношений. Так, при совершении сделки дистанционно с применением цифровых технологий, как правило, отсутствует возможность подтверждения свободы волеизъявления лица, являющегося стороной сделки. Достоверность определения лица, выразившего волю, не означает, что воля была выражена без какого-либо принуждения. Таким образом, цифровое взаимодействие субъектов правоотношений опирается на ряд презумпций, позволяющих совершать юридически значимые действия без достоверной верификации как личности субъекта, так и свободы его волеизъявления.

Участие лица в правоотношениях в условиях цифровой среды в большинстве случаев возможно только посредством создания в используемой информационной системе учетной записи и цифрового профиля - совокупности представленных в цифровом формате сведений об этом лице, индивидуализирующих его как соответствующего субъекта права. Информационная система, в которой создается такой профиль, должна обеспечивать надлежащую идентификацию субъекта правоотношений. Ошибки идентификации и аутентификации субъекта могут привести к серьезным правонарушениям. Учитывая, что лицом, фактически использующим учетную запись и, соответственно, выражающим волю, может быть другое лицо, не имеющее права доступа к соответствующему профилю, но получившее каким-либо способом такой доступ, можно говорить о наличии правовой фикции, предполагающей, что прошедший идентификацию (аутентификацию) пользователь – это именно тот субъект, сведения о котором составляют содержание цифрового профиля. Несмотря на то, что понятие «цифровой профиль» достаточно широко используется в подзаконных актах федерального уровня, его официального определения до сих пор нет. При этом важность легального определения цифрового профиля обусловлена необходимостью конкретизации данного понятия в соответствии с целями и содержанием действий по цифровому профилированию, которое в широком значении не сводится только к цифровой индивидуализации субъектов для их участия в правовых отношениях, а может осуществляться для изучения информации о субъекте и его поведении с различными намерениями, в том числе противоправными.

Очевидно, что цифровое профилирование, предусмотренное подзаконными актами, регулирующими функционирование в России Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), осуществляется с целью обеспечения взаимодействия граждан, организаций и государства, в том числе в части оказания государственных и муниципальных услуг [3]. То есть такое профилирование не ставит целью изучение и анализ поведения субъектов, как это происходит, если речь идет, например, о деятельности правоохранительных органов по выявлению правонарушителей или маркетинговой деятельности коммерческих организаций, направленной на продвижение продукции на рынке. Ранее на федеральном уровне предпринималась попытка ввести понятие цифрового профиля путем внесения изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. В проекте федерального закона № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)», внесенном в Государственную Думу в 2019 г. и отклоненном ею в 2022 г., содержалось следующее определение: «Цифровой профиль является совокупностью сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации» [5]. Данное определение не содержит указания на цель создания цифрового профиля и ограничивается только его информационным содержанием.

При создании универсального правового понятия цифрового профиля, которое будет применимо к любым правоотношениям, реализуемым в цифровом пространстве с использованием информационных систем, следует учитывать, что вне зависимости от содержания таких правоотношений цифровое профилирование всегда предшествует их возникновению. Более того, правовая индивидуализация лица в таких случаях возможна только посредством цифрового профилирования, предполагающего сбор и фиксацию информации о соответствующем лице, на основании которой в дальнейшем будет осуществляться его идентификация.

Таким образом, в основе дефиниции, которая подлежит применению в качестве общей правовой нормы, должно быть указание на то, что цифровой профиль создается в целях правовой индивидуализации и идентификации лица, сведения о котором составляют содержания цифрового профиля, и используется для обеспечения информационного обмена и взаимодействия граждан, организаций, государственных и муниципальных органов с соблюдением требований нормативно-правовых актов.

Библиография:

1. Лукашевич С.В. Индивидуализация физических лиц как субъектов гражданского права: автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Казань.: 2014. – 18 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51 -ФЗ (ред. от 11.03.2024) // КонсультантПлюс. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 12.07.2024).
3. Постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. №710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. - [Электронный ресурс]. - URL: https://base.garant.ru/72262102/#block_1000 (дата обращения 12.07.2024).
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 12.07.2024).
5. Проект федерального закона №747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» (внесен 05.07.2019 членами СФ ФС РФ В.К. Кравченко, Л.Н. Глебовой, М.Н. Пономаревым) (не действует) // Гарант. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/77510568/> (дата обращения 12.07.2024).

References:

1. Lukashevich S.V. Individualization of individuals as subjects of civil law: abstract of thesis. Ph.D. legal Sci. – Kazan: 2014. – 18 p.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // ConsultantPlus. - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date accessed 07/12/2024).
3. Decree of the Government of the Russian Federation of June 3, 2019 No. 710 "On conducting an experiment to improve the quality and connectivity of data contained in state information resources" (with amendments and additions) // Garant. - [Electronic resource]. - URL: https://base.garant.ru/72262102/#block_1000 (date accessed 07/12/2024).
4. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" // ConsultantPlus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 07/12/2024).
5. Draft federal law No. 747513-7 "On amendments to certain legislative acts (in terms of clarifying identification and authentication procedures)" (introduced on 07/05/2019 by members of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation V.K. Kravchenko, L.N. Glebova, M. N. Ponomarev) (not valid) // Garant. - [Electronic resource]. - URL: <https://base.garant.ru/77510568/> (date accessed 07/12/2024).

КООРДИНАЦИЯ КАК ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ КОМИССИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РЕЖИМУ СЕКРЕТНОСТИ

Coordination as the management function in the activities of the expert commissions of the internal affairs bodies under the secrecy regime

ЗВОНАРЕВА Анна Юрьевна,

начальник кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат социологических наук.
Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru;

Zvonareva Anna Yurievna,

PhD in Law, Head of the Department of Organization activities of the Internal Affairs Bodies of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru

Краткая аннотация: В органах внутренних дел коллегиальные формы принятия управленческих решений являются неотъемлемой частью служебной деятельности, их количество и видовое разнообразие достаточно существенны. Деятельность органов внутренних дел в сфере защиты государственной тайны требует принятия таких коллективных решений членами экспертных комиссий органов внутренних дел по режиму секретности, которые позволяют эффективно обеспечить согласованность действий структурных элементов системы управления.

Abstract. In the internal affairs bodies, collegial forms of organizational decision-making are an integral part of the official activities of any manager, their number and species diversity are quite significant. The activities of the internal affairs bodies in the field of protection of state secrets require the adoption of such collective decisions by the members of the expert commissions of the internal affairs bodies on the secrecy regime, which made it possible to effectively ensure the coherence of the actions of the structural elements of the management system.

Ключевые слова: органы внутренних дел, коллегиальные формы принятия управленческих решений, экспертная комиссия органов внутренних дел по режиму секретности, координация деятельности.

Keywords: internal affairs bodies, collegial forms of managerial decision-making, the expert commission of internal affairs bodies on the regime of secrecy, coordination of activities.

Для цитирования: Звонарева А.Ю. Координация как функция управления в деятельности экспертных комиссий органов внутренних дел по режиму секретности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 277-279. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_277.

For citation: Zvonareva A.Yu. Coordination as the management function in the activities of the expert commissions of the internal affairs bodies under the secrecy regime // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 277-279. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_277.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В соответствии с п. 1 Типового положения об экспертной комиссии органа внутренних дел по режиму секретности, утвержденного приказом МВД России от 12 августа 2022 г. № 599 [10], экспертная комиссия органа внутренних дел по режиму секретности¹ является коллегиальным органом, координирующим деятельность структурных и подчиненных подразделений по реализации задач в сфере защиты государственной тайны в системе органов внутренних дел.

Понятие «координация» в теории управления достаточно подробно охарактеризовано уже в ранней классической индустриальной парадигме. Впервые в понятийный аппарат его ввел Анри Файоль в своей работе «Общее и промышленное управление», опубликованной в 1916 году. В этом труде он отделяет правление от управления, в определении последнего выделяя предвидение, организовывание, распорядительство, координацию (координирование) и контроль.

По мнению А. Файоля, хорошая координация заметна тогда, когда каждая служба работает в согласии с остальными; все отделы и подотделы службы точно осведомлены относительно доли участия их в общей работе и той помощи, которую они должны друг другу оказывать; программа хода работ в различных службах и отделах каждой службы постоянно согласуется с обстоятельствами.

Очевидно, что А. Файоль подразумевал свободный обмен информацией и некую «открытость» в деятельности служб и их структурных элементов, а также «рассматривал управляемую организацию как механический обезличенный агрегат из индивидов, все отношения между которыми поддаются рационализации». [11] Поэтому предложенный им подход хоть и получил широкое распространение в трудах Л. Гьюлика, Л. Урвика, А. Гастева, Н. Витке, Ф. Дунаевского, Е. Розмирович и других исследователей в рамках классической теории управления в 1940-1960 гг., в последующем подвергся критическому анализу в связи с появлением иных парадигм.

В сфере государственного и административного права тема координации активно исследовалась с 60-80-х гг. XX в., что подтверждают труды Г.В. Атамчука, И.Л. Бачило, Б.М. Лазарева, Ю.А. Тихомирова и других правоведов, а также диссертации, подготовленные Бучаковой М.А. [1], Весёлым В.З. [2], Зинуровым Р.Н. [4], Иващук А.В. [5], Копейкиным В.В. [6], Корзун И.Г. [7], Кушнарёвой Е.В. [8], Майдыковым А.В. [9], Шилиным Г.В. [14].

Вместе с тем во всех перечисленных подходах и теориях не акцентировалось внимание на специфике координации в сфере защиты государственной тайны. Поэтому в современной юридической науке координационная деятельность экспертных комиссий органов внутренних дел по режиму секретности не являлась предметом специального исследования.

Среди объективных причин, которые продуцируют востребованность таких научных разработок, можно выделить: ужесточение требований по защите информации, значительный объем документооборота в органах внутренних дел, функциональные отличия ведомственных структурных подразделений, специфика возложенных на них задач и обязанностей.

¹ Далее – также «комиссия», «экспертная комиссия», «ЭКРС».

Орган внутренних дел, по мнению Веселого В.З., Г. М. Воскресенского, В. Е. Караханова, В.Д. Малкова и др. как сложная социальная система представляет собой определенным образом организованный коллектив сотрудников (ФГТС, работников), выполняющий возложенные на него функции и располагающий для этого соответствующей компетенцией и возможностями. По их мнению, с чем трудно не согласиться, элементами этой системы выступают людские, технические, финансовые, информационные и материально-хозяйственные ресурсы. Поэтому в ее составе можно выделить соответствующие указанным элементам подсистемы, то есть службы и подразделения. [11]

От согласованности их действий, соблюдения ими установленных единых требований и принципов зависит общий результат, а значит эффективность деятельности любого органа внутренних дел.

Координационные организационные структуры управления, в нашем случае экспертные комиссии, относятся к программно-целевому типу, формируются на основе действующих внутриведомственных оргструктур без выделения дополнительной штатной численности. Их преимущество состоит в гибкости, возможности оперативного решения комплексных проблем, затрагивающих интересы различных элементов системы управления.

Для правильного построения анализируемой оргструктуры управления необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на ее деятельность как напрямую (явно, непосредственно), так и неявно (косвенно). К первым относятся те факторы, которые характеризуют процесс управления, то есть цели, задачи, функции, принципы и методы. Ко вторым – технология управления, кадры, организация труда, техника.

Лексическая конструкция «процесс управления» выражает практическую, действенную, динамическую сущность управления.

Создание в органах внутренних дел постоянно действующих комиссий позволяет обеспечить сочетание централизованных и демократических творческих начал, а при правильном соотношении субъект-субъектных и субъект-объектных взаимосвязей – эффективность процесса управления в целом. Статус ЭКРС, как координатора, определяется объемом и характером их полномочий, содержанием задач и основных направлений деятельности в сфере защиты государственной тайны. Последние должны носить характер: совместной выработки единообразной правоприменительной практики по обеспечению режима секретности; согласованной разработки коллективных управленческих решений на основе анализа состояния, динамики, структуры, видов, распространенности и рисков нарушений; прогноза тенденций; выявления новых вызовов и угроз. Главным показателем эффективности управления является достижение ожидаемого результата в преобразовании объекта воздействия. Поэтому координация должна рассматриваться не как отдельно существующий процесс, а в тесной связи со всеми функциями управления: информационно-аналитической, прогнозирования, планирования, организации, регулирования, контроля.

Управление в области защиты государственной тайны базируется на полученном знании о проблемной ситуации, ее характеристиках, возможных состояниях. Особенностью управления в рассматриваемой области является то, что получение информации о проблеме для выработки коллективного управленческого решения всегда ограничено рамками действующего законодательства.

Кроме того, принимаемые комиссионно управленческие решения многокритериальны. В деятельности экспертных комиссий органов внутренних дел по режиму секретности важно учитывать все направления в сфере защиты государственной тайны в системе органов внутренних дел, а также полномочия и вовлеченность руководителей того или иного звена в реализации совместных действий по достижению ожидаемого результата. Нередко, оптимальный вариант по одному критерию, далек от оптимальности по другому.

Принимаемые комиссий коллективные управленческие решения можно дифференцировать по характеру координационного воздействия на превентивные, подготовительные, регулирующие, стимулирующие и другие виды.

Как правило, в проведенных научных исследованиях внимание уделялось исключительно сущности феномена межведомственной координации в рамках правоохранительной деятельности. Именно в этом аспекте проведен анализ правового регулирования этой функции, изучены организационно-правовые и непосредственные формы ее реализации.

Возникает вопрос: можно ли отождествлять подходы и проецировать содержание этой функции с совместной деятельности по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению, на рассматриваемую сферу? На наш взгляд, такой путь будет ошибочным. Во-первых, из-за отличий в нормативном правовом регулировании. Так, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью). В свою очередь правовая основа координации в сфере защиты государственной тайны установлена Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», а также источниками, которыми руководствуется Межведомственная комиссия по защите государственной тайны. [13] Во-вторых, в связи со спецификой факторов, влияющих на координационную деятельность как непосредственно (явно), так и косвенно (неявно).

Также непродуктивным, на наш взгляд, будет рассмотрение сущности внутриведомственной координации через призму межведомственной в сфере защиты государственной тайны, так как в данном случае существенно отличаются сами системы управления (элементы, порядки их взаимодействия и т.д.). Поэтому роль комиссии в реализации этой функции при отсутствии научных исследований и четких правовых ориентиров становится определяющей. Так, именно на заседаниях ЭКРС должны обосновываться основные направления координационной деятельности и полномочия участников в рамках их взаимодействия, вносятся предложения по обеспечению регламентации принимаемых коллективных управленческих решений.

Перечень вопросов, который может быть рассмотрен на заседаниях комиссии, формируется с учетом специфики оперативно-служебной деятельности конкретного подразделения или органа внутренних дел, где она создана. Так, для эффективной координации важно

своевременно выявлять проблемы в указанной сфере, чтобы иметь возможность недопустить или минимизировать негативные последствия; четко формулировать задачи с конкретными сроками для исполнителей, исходя из их полномочий и реальной возможности их решения; оптимизировать внутреннюю коммуникацию в рамках ограничения доступа к информации в соответствии с действующим законодательством; обеспечить алгоритмизацию процедур защиты сведений, составляющих государственную тайну; принять меры по формированию управленческой культуры, основанной на повышении персональной ответственности каждого исполнителя за общий результат. Такой подход обеспечивает гибкость в принятии коллективных управленческих решений, а также их «точечную» ориентированность на решение конкретной проблемы.

Активный поиск путей совершенствования внутриведомственной координации; накопление положительного опыта в организации деятельности комиссии; повышение понимания зависимости и взаимообусловленности личных, общественных и государственных интересов в достижении желаемого результата; заинтересованное участие всех членов (экспертов) ЭКРС в выработке стратегических, оперативных и тактических коллективных управленческих решений должны базироваться на научном познании многоаспектных видов деятельности по обеспечению режима секретности и защите государственной тайны, исключая «метод проб и ошибок». Поэтому в настоящее время актуально обеспечить также комплексную научную проработку как эффективного механизма регуляции, так и различных проблем координации в рассматриваемой сфере. Начиная с факторов, определяющих содержание этой деятельности, организационно-правового механизма формирования культуры управленческого труда, оценки коллективных управленческих решений, что в последующем позволит принять меры по совершенствованию подготовки кадров, непосредственно участвующих в деятельности комиссии.

В связи с изложенным сделаем несколько выводов: 1. Координацию деятельности структурных и подчиненных подразделений по реализации задач в сфере защиты государственной тайны в системе органов внутренних дел следует рассматривать в тесной взаимосвязи со всеми функциями управления (информационно-аналитической, прогнозирования, планирования, организации, регулирования, контроля). 2. Изучение проблем координации деятельности структурных и подчиненных подразделений по реализации задач в сфере защиты государственной тайны в системе органов внутренних дел является сложной наукоемкой задачей, а значит требуется проведение фундаментальных научных исследований.

Библиография:

1. Бучакова М.А. Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.06, 12.00.14 / Бучакова М.А. М., 2011. - 482 с.
2. Веселый В.З. Формирование теории управления в сфере правоохранительной деятельности и совершенствование управленческой подготовки кадров в органах внутренних дел : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.11 / Веселый В.З. - М., 1988. - 286 с.
3. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [Электронный ресурс] – Режим доступа свободный: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2024).
4. Зинуров Р.Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью (тенденции и закономерности) : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.11 / Зинуров Р.Н. Уфа., 2003. - 351 с.
5. Иващук А.В. Межрегиональная координация правоохранительной деятельности территориальных органов МВД России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Иващук А.В. М., 2018. - 220 с.
6. Копейкин В.В. Организационное и правовое обеспечение функции субъектов управления по координации деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Копейкин В.В. Рязань., 2013. - 243 с.
7. Корзун И.Г. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции: по материалам Дальневосточного федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Корзун И.Г. М., 2011. - 192 с.
8. Кушнарёва Е.В. Правовое регулирование деятельности совещательных органов системы МВД России: дис. ... канд. юрид. наук / Кушнарёва Е.В. М., 2023. 260 с.
9. Майдыков А.Ф. Совершенствование управления городскими и районными органами внутренних дел (теоретические и организационно - правовые основы): дис. д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Майдыков А.Ф. М., 1985. - 428 с
10. Приказ МВД России от 12 августа 2022 г. № 599 «Об утверждении Положения о Центральной экспертной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации по режиму секретности и Типового положения об экспертной комиссии органа внутренних дел по режиму секретности» [Электронный ресурс] – Режим доступа свободный: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2024).
11. Социология управления. Теоретические основы / Издание 2-е, доп. и перераб. / А.В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 472 с.
12. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности: учебник для слушателей Академии МВД СССР / В.З. Веселый, Г.М. Воскресенский [и др.] : под ред. докт-ра. юрид. наук, профессора В.Д. Малкова. – М., Академия МВД СССР, 1990. – 324 с.
13. Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2004 г. № 1286 (ред. от 11.03.2024) «Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны» [Электронный ресурс] – Режим доступа свободный: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2024).
14. Шилин Г.В. Координация как функция в деятельности администрации субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Шилин Г.В. - Томск, 2002. - 244 с.

References:

1. Buchakova M.A. Coordination in the system of state and municipal management of environmental protection of the Russian Federation : dis. ... doct. Jurid. Sciences : 12.00.06, 12.00.14 / Buchakova Marina Alexandrovna. M., 2011. - 482 p.
2. Vesely V.Z. Formation of the theory of management in the field of law enforcement and improvement of managerial training in internal affairs bodies : dis. ... doct. Jurid. Sciences : 12.00.11 / Vesely Valerian Zyamovich. - M., 1988. - 286 p.
3. Law of the Russian Federation No. 5485-1 of July 21, 1993 "On State secrets" [Electronic resource] - Free access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of reference: 05/02/2024).
4. Zinurov R.N. Conceptual foundations and scientific and practical problems of coordinating the activities of law enforcement agencies in the fight against crime (trends and patterns) : dis. ... doct. Jurid. Sciences : 12.00.11 / Zinurov Rafail Narimanovich. Ufa., 2003. - 351 p.
5. Ivashchuk A.V. Interregional coordination of law enforcement activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia : dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.11 /Ivashchuk Alexandra Vladimirovna. M., 2018. - 220 p.
6. Kopeikin V.V. Organizational and legal support of the functions of the subjects of the department for coordinating the activities of operational units of the penal enforcement system : dis. ... cand. Jurid. Sciences : 12.00.11 / Kopeikin Vladimir Vladimirovich. Ryzan., 2013. - 243 p.
7. Korzun I.G. Coordination by the Prosecutor's office of the activities of law enforcement agencies to combat corruption: based on the materials of the Far Eastern Federal District: dis. ... cand. Jurid. Sciences : 12.00.11 / Korzun Irina Grigoryevna. M., 2011. - 192 p.
8. Kushnareva E.V. Legal regulation of the activities of advisory bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia : dis. ... cand. Jurid. Sciences : 5.1.2 / Kushnareva Elena Vladimirovna. M., 2023. - 260 p.
9. Maydykov A.F. Improving the management of urban and district internal affairs bodies (theoretical and organizational and legal foundations): dis. Dr. jurid. Sciences : 12.00.11 / Maydykov Anatoly Fedorovich. M., 1985. - 428 s
10. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated August 12, 2022 No. 599 "On approval of the Regulations on the Central Expert Commission of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the secrecy regime and the Model Regulations on the expert commission of the Internal Affairs body on the secrecy regime" [Electronic resource] – Free access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of application: 05/02/2024).
11. Sociology of management. Theoretical foundations / 2nd edition, additional and revised / A.V. Tikhonov. M.: "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2009. – 472 p.
12. Theory of management in the field of law enforcement: a textbook for students of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR / V.Z. Vesely, G.M. Voskresensky [et al.]: edited by Dr. Jurid. Sciences, Professor V.D. Malkov. – M., Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. – 324 p.
13. Decree of the President of the Russian Federation dated October 6, 2004 No. 1286 (ed. dated 03/11/2024) "Issues of the Interdepartmental Commission for the Protection of State Secrets" [Electronic resource] – Free access mode: SPS "ConsultantPlus" (date of application: 05/02/2024).
14. Shilin G.V. Coordination as a function in the activities of the administration of the subject of the Russian Federation : dis. ... cand. Jurid. Sciences : 12.00.14 / Gleb Vya-cheslavovich Shilin. - Tomsk, 2002. - 244 p.

К ДИСКУРСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ Towards a discourse on national sovereignty

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

Danilewskaia-Urbanova Inna Leonidovna,

senior research assistant of constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and law
of the Russian Academy of Sciences, candidate of legal sciences.
Moscow, Znamenska, 10.

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

Краткая аннотация: В условиях современных политико-правовых глобализационных и интеграционных процессов в борьбе за национальный суверенитет решаются не только вопросы государственной политической независимости во внутренней и внешнеполитической деятельности, в ней сконцентрированы сохранение национального самосознания, отстаивание национальных интересов и само существование суверенных государств и наций. В связи с этим является актуальным исследование сущности и природы национального суверенитета, его исторической и теоретической составляющих.

Abstract: In the context of modern political and legal globalization and integration processes, in the struggle for national sovereignty, not only issues of state political independence in domestic and foreign policy activities are resolved, but also the preservation of national self-awareness, the defense of national interests and the very existence of sovereign states and nations are concentrated in it. In this regard, it is relevant to study the essence and nature of national sovereignty, its historical and theoretical components.

Ключевые слова: нация, национальный суверенитет, право наций на самоопределение, духовность, государство, народ, национальное самосознание, государственный суверенитет.

Keywords: nation, national sovereignty, the right of nations to self-determination, spirituality, state, people, national self-consciousness, state sovereignty.

Для цитирования: Данилевская-Урбанова И.Л. К дискурсу о национальном суверенитете // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 280-282. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_280.

For citation: Danilevskaia-Urbanova I.L. Towards a discourse on national sovereignty // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 280-282. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_280.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Под национальным суверенитетом, как правило, понимаются политическая свобода и полновластие нации, когда она имеет реальную возможность полностью распоряжаться своей судьбой, политически самоопределяться, образовывать самостоятельное государство. Содержание предмета регулирования национального суверенитета исследователями оценивается по-разному и связано это, в том числе, со значительными изменениями самой концепция суверенитета, которая начиная с середины XX в., претерпела значительные изменения, пройдя в своем развитии несколько этапов. Первый этап непосредственно связан с итогами Второй мировой войны, с новыми геополитическими реалиями, сложившимися в Европе и мире, а также с образованием Организации Объединенных Наций, Устав которой с точки зрения как членства, так и ее полномочий является важнейшей вехой в развитии концепции суверенитета. Вторым этапом в XXI в. стал пересмотр концепции суверенитета, связанный с неуклонным увеличением числа международных межправительственных организаций в сфере защиты прав и свобод человека. Третьим этапом стало начало европейского интеграционного процесса, вызвавшее к жизни всевозможные теории, основывающиеся как на абсолютизации суверенитета, так и на отрицании его как основного критерия государственности того или иного субъекта международного права [1, 59-60].

При этом во все этапы развития концепции суверенитета основной единицей в мировом сообществе и в международном праве (не смотря на существенное падение его авторитета в современных реалиях) фундаментом и форпостом национального суверенитета остается национальное государство. Устойчивой тенденцией является то, что сторонники десуверенизации в соответствии со своей концепцией предпринимают активные попытки пересмотреть такие базовые понятия, как государство и государство-нация, система международных отношений, патриотизм, право наций на самоопределение, национальные интересы, национальная безопасность и др. [2, 15]

В чем же сущность национального суверенитета, нужно ли обозначать его как фактически существующее самодостаточное явление или он является производным от государственного, народного суверенитетов, сохраняясь как стратегическая концепция, фундаментальная идея, воплощающая оправданные стремления нации и государства к самостоятельности и независимости? Обоснованно отмечается, что национальный суверенитет - это самостоятельная политико-правовая категория, хотя при этом устанавливать иерархию категорий, форм суверенитетов считается неоправданным; отношения национального суверенитета составляют совокупность связей между людьми, которые возникают по поводу реализации интересов личности, общества и государства в рамках исторически сложившейся политической и правовой систем. В основу определения национального суверенитета предлагается положить отношение к нации как к государственно-организованному сообществу. В подобном смысле феномен «нация» приобретет наднациональный характер, а суверенитет нации рассматривается, прежде всего, как право нации на собственную государственность [3, 57; 4, 24; 5, 9].

Обратим внимание, что нации являлись и являются объектом острой идеологической борьбы, находящей свое выражение в противостоянии интернационализма и национализма, испытывают на себе неоднозначное воздействие интернационализационных и интеграционных процессов [6, 358]. В современную эпоху нация стала ещё и идеологическим конструктом, играющим важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка. Один из принципиальных смыслов нации – отношения,

построенные на политико-правовом единстве, известным под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии [7, 83].

Вместе с тем, многозначность употребления понятие «нация» и сама постановка вопроса о том, является ли государственность одним из признаков нации, сужает проблему нации и государства. Теория нации не сводится к её определению. Нация и государство находятся между собой в органической связи, нация отличается от народности и других ещё более ранних общностей людей не только качественно высшим выражением таких признаков, как язык и территория, не только экономической связностью национальных областей, но и государственной организацией, самостоятельной политической жизнью. Нация и государство – общественные явления, находящиеся на разных плоскостях общественного развития. Нация – явление социальное, а государство – явление политическое, которые хотя и взаимодействуют между собой, но тем не менее не могут существовать друг без друга, в частности, нация без государства [8, 9-10]. Действительно, в современном мире, где неприменима формула «государство – это я», речь идет о национальной власти, суверенна только национальная власть и в этой точке понятие суверенитета смыкается с понятием «нация». Нация исчезнет, если граждане перестают размышлять о причинах своей общности и солидарности. За денационализацией следует развал государства – в отечественной истории так рухнул СССР, в европейской истории разложение национального чувства облегчило создание объединительных институтов и американизацию европейской жизни [9, 249, 380].

В эпохе советского конституционализма особая роль в формировании национального суверенитета принадлежала движению за самоопределение наций. Марксистско-ленинская теория нации, дающая научное объяснение объективным, историко-экономическим факторам её происхождения и развития в противовес духовным, которыми, как было принято тогда считать, манипулирует буржуазная наука, вскрывая соотношение классового и национального, социального и этнического, интернационального и национального, заключалась в том, что нация, как социальное явление, общность людей, появившаяся на определенной ступени истории и возникшая из потребностей общественного развития. Национальный суверенитет нации находил свое выражение в праве нации на самоопределение, являвшимся для нации верховным правом располагать собой [10, 7-9; 11, 73], именно это право охватывало область политического, государственно-правового самоопределения, имело решающее значение во всей системе национальных отношений, представляло собой программное положение и лежало в основе национальной политики Коммунистической партии и социалистического государства.

Как известно за короткое время после октября 1917 г. и до образования СССР в 1922 г. в России возникли национально-государственные образования – от независимой советской республики до автономной республики и области, затем национальных (автономных) округов. Марксистская теория по национальному вопросу придавала большое значение фактору государственности в формировании нации, её становлению и развитию. И хотя государственность не является строго обязательным признаком нации, даже социалистической, политико-территориальное оформление нации имело существенное значение при решении вопроса о том, является ли данный народ формирующейся или уже сформировавшейся нацией.¹ [10, 31]. По мысли И.В. Сталина, в случае признания нациями только таких народов, которые имеют свое собственное государство, «пришлось бы вычеркнуть из разряда наций» все угнетенные нации, «лишенные самостоятельной государственности», и борьбу их против национального гнета – «изъять из понятия «национальное, национально-освободительное движение» [8, 8].

Небезынтересно, что в характеристиках, подходах к проблемам реализации национального и государственного суверенитетов данного периода присутствует созвучие реалиям сегодняшнего дня: «грубые нарушения более сильными империалистическими государствами суверенитета слабых государств», «попытки буржуазных идеологов и политических деятелей подорвать само понятие суверенитета, как якобы устарелое и ненужное». В качестве примеров нарушения национального суверенитета приводятся стремление к мировому господству США, выраженное в «доктрине Трумена», «плане Маршалла», агрессивном Североатлантическом пакте и других проявлениях захватнической политики американских империалистов; попрание принципа равноправия людей и наций колониальных и зависимых стран правительствами империалистических государств. Так, «доктрина Трумэна», названная именем президента США Г.Трумэна с 1945 до 1953 г., была программой империалистической экспансии, подготовки новой мировой войны (ремилитаризация Западной Германии и Японии, оккупация о.Тайвань), предусматривающей под предлогом «оказания помощи» поддержку и американское вмешательство во внутренние дела других стран, а «план Маршалла» 1947 г. госсекретаря США Дж.К. Маршаллом (по имени которого и получил своё название) и в 1948 г. принятый конгрессом, был составной частью агрессивной политики американского империализма, рассчитанной на установление мировой гегемонии США с целью подготовки войны против СССР и других стран демократического лагеря [12, 341, 439; 13, 342]. Этим планам противостоял суверенитет СССР, опиравшейся на его государственную мощь – экономическую систему Советского государства и лежащую в её основе социалистическую собственность на средства производства, Вооруженные силы и суверенитет народа, с которыми неразрывно был связан суверенитет отдельных наций и народностей в многонациональном государстве [14, 29]. Отметим отличительное свойство российской государственности периода советского конституционализма – руководящую роль единственной, правящей партии во всей политической и общественной жизни. Одной из основ советского строя, формой организации общества был советский народ. Его реальное единство, идея общего дела позволили победить в Великой Отечественной, освоить космос, совершить прорывы в науке [15, 43].

В контексте рассматриваемого вопроса следует обратиться к приоритетному качеству феномена нации, её сущностной характеристике — духовности. Трактовка сущности нации посредством категории «духовное» дает возможность не только заглянуть во внутренний мир нации, понять духовный уклад жизни предков и современников, но и понять национальное сознание как форму проявления общественного сознания, выражающегося в языке, культуре, психологии, традициях, нравах и характеризующегося внутренним, субъективным миром нации [16, 82-84]. Суще-

¹ Шевцов. В.С. Указ.соч. С.31.

ственно, что духовная сфера развития общества, наряду с экономической и социальной, формирует соответствующие факторные поля для становления и развития государственности, определяя объективные требования к её содержанию, отвечая на вопрос, каким должно быть государство сегодня с учетом соблюдения суверенности своего и других народов [17, 26].

Для Российской Федерации, одного из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира, дискуссия о национальном суверенитете - не предмет абстрактных теоретических исследований. На территории России проживают представители свыше 190 национальностей, используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 - в качестве языка обучения, 81 - в качестве учебного предмета. Как следует из Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, основой российской нации, является гражданское единство. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры, языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации [18].

Осознанной потребностью нации в самосохранении, развитии и обеспечении безопасности становятся национальные интересы как задачи нации, требующие решений, они должны стать публичными интересами, общими для гражданского общества и государства, сформировать национальный суверенитет. Их внешний аспект - реализация национального суверенитета во внешнеполитической сфере, когда принимаются межгосударственные решения, заключаются международные договоры и каждое суверенное государство защищает свои национальные интересы, а значит и национальный суверенитет. Понятия национальный и государственный интерес тождественны по своей сути, принцип суверенитета, выступая универсальным индикатором той или иной государственности, в эмпирическом масштабе охватывает не только все аспекты устройства (конституирования) базовых общественно-политических взаимосвязей как внутри определенного государства, так и вовне, но и все без исключения стороны внутренней и внешней политики государства [19, 41-53]. Следует поддержать мнение о том, что суверенитет гораздо шире и богаче в институционально-правовом плане политического процесса, включает нормативно-правовые группы обеспечения соответствующих правовых статусов не только государства, но также общества и личности [4, 20].

Стремительные процессы «распыления» государственного суверенитета, сложности в реализации государствами национальных интересов не являются современным феноменом, практически на протяжении всей мировой истории сравнительно небольшое число стран обладали реальным суверенитетом. Представляется, что необходим единый подход к рассмотрению процесса развития национального суверенитета, поскольку он, по своей сути, является «несущей конструкцией» народного и государственного суверенитетов.

В условиях современных политико-правовых глобализационных и интеграционных процессов, когда стоит задача «доказывать и подтверждать суверенитет каждый день» [20], в борьбе за суверенитет реализуется не только государственная политическая независимость во внутренней и внешнеполитической деятельности, в ней сконцентрированы сохранение исторически сложившегося государственного единства, национального самосознания, продвижение национальных интересов и само существование России как суверенного многонационального государства.

Библиография:

1. Мешчерякова О.М. Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика. //Государство и право. 2014. № 8. с. 59-64.
2. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: КомКнига, 2005. – 72 с.
3. Морозова Л.А. Современное прочтение теории государственного суверенитета. //Государство и право. 2017. № 2. с.53-59.
4. Романова Л.М. Национальный суверенитет в условиях глобализации: институционально -правовой анализ. //Автореф.д.ю.н. Ростов н/Дону, 2009. – 42 с.
5. Мальсагов М.А. Национальный суверенитет в рамках реформы российского федерализма. //Автореф. к.ю.н. Спб., 2007. 23 с.
6. Краткий политический словарь. /Абаренков В.П., Абова Т.Е., Аверкин А.Г. и др. М.: Издательство политической литературы. – 1989. - 623 с.
7. Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В., Филатов Г.А. Национальная идентичность и идентификация. //Философия права. 2006. № 1. 82-87 с.
8. Агаев А.Г. Нация и государство: связь и взаимодействие. //Философские науки. № 5. 1985. 8-16 с.
9. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. – 800 с.
10. Шевцов В.С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М.: Юридическая литература. 1978. -232 с.
11. Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М., 1924. – 75 с.
12. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т.3. М.: «Большая советская энциклопедия». – 1955. 744 с.
13. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т.2. М.: «Большая советская энциклопедия». – 1955. 719 с.
14. Златопольский Д.Л. Национально-государственное устройство СССР. М., «Знание», 1977. 40 с.
15. Данилевская И.Л. К вопросу о Конституционном Собрании. //Государство и право. № 9. 2022. 37-46 с.
16. Болотоков В.Х. Духовность как предпосылка формирования нации. //В кн. Возрождение культуры России: диалог культур и межнациональные отношения. Выпуск 4. Спб.: Знание, 1996. -128 с.
17. Бачило И.Л. Факторы, влияющие на государственность. // Государство и право. 1993. № 7. 21-30 с.
18. «О Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2025 года», утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012. № 1666. //Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения 02.09.2024).
19. Добрынин Н.М. Вновь к вопросу о государственном суверенитете и новой геополитике: аксиология права и размышления автора // Государство и право. 2019. № 5. 41-53 с.
20. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 29 февраля 2024 года. <http://www.kremlin.ru>.

References:

1. Meshcheryakova O. M. Sovereignty and integration community: theory and practice. // State and Law. 2014. No. 8. pp. 59-64.
2. Kokoshin A. A. Real sovereignty in the modern world political system. Moscow: KomKniga, 2005. - 72 p.
3. Morozova L. A. Modern reading of the theory of state sovereignty. // State and Law. 2017. No. 2. pp. 53-59.
4. Romanova L. M. National sovereignty in the context of globalization: institutional and legal analysis. // Author's abstract of Doctor of Law. Rostov n / Don, 2009. - 42 p.
5. Malsagov M. A. National Sovereignty within the Framework of the Reform of Russian Federalism. //Abstract of Cand. Sci. (Law). St. Petersburg, 2007. 23 p.
6. Brief Political Dictionary. /Abarenkov V.P., Abova T.E., Averkin A.G. et al. Moscow: Publishing House of Political Literature. - 1989. - 623 p.
7. Bespalova T.V., Sviridkina E.V., Filatov G.A. National Identity and Identification. //Philosophy of Law. 2006. No. 1. 82-87 p.
8. Aгаев A.G. Nation and State: Connection and Interaction. //Philosophical Sciences. No. 5. 1985. 8-16 p.
9. Koliiev A.N. Nation and State. Theory of Conservative Reconstruction. M.: Logos, 2005. – 800 p.
10. Shevtsov V.S. National Sovereignty (Problems of Theory and Methodology). M.: Legal Literature. 1978. -232 p.
11. Gurvich G.S. Principles of Autonomism and Federalism in the Soviet System. M., 1924. – 75 p.
12. Encyclopedic Dictionary. In 3 volumes. Vol. 3. M.: "Great Soviet Encyclopedia". – 1955. 744 p.
13. Encyclopedic Dictionary. In 3 volumes. Vol. 2. M.: "Great Soviet Encyclopedia". – 1955. 719 p.
14. Zlatopolsky D.L. National-state structure of the USSR. M., "Knowledge", 1977. 40 p.
15. Danilevskaya I.L. On the Issue of the Constitutional Assembly. // State and Law. No. 9. 2022. 37-46 p.
16. Bolotokov V.Kh. Spirituality as a Prerequisite for the Formation of a Nation. // In the book. Revival of Russian Culture: Dialogue of Cultures and Interethnic Relations. Issue 4. St. Petersburg: Knowledge, 1996. -128 p.
17. Bachelo I.L. Factors Influencing Statehood. // State and Law. 1993. No. 7. 21-30 p.
18. "On the Strategy of National Policy of the Russian Federation until 2025", approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 12/19/2012. № 1666. //Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru (date of access 09/02/2024).
19. Dobrynin N.M. Again on the issue of state sovereignty and new geopolitics: axiology of law and the author's reflections. //State and Law. 2019. No. 5. 41-53 p.
20. Address of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. February 29, 2024. <http://www.kremlin.ru>.

**ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**
Obligations under the state defense order: legal aspects

БАТТАХОВ Петр Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна,
научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: domosedka@mail.ru;

Battakhov Petr Petrovich,
candidate of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right
of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru;

Ovchinnikova Yulia Sergeevna,
Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS).
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: domosedka@mail.ru;

Краткая аннотация: Особые цели правоотношений в рамках государственного оборонного заказа, а именно, обеспечение обороны и безопасности РФ, связаны с наличием публичного интереса. Отмечено, что обязательства по исполнению государственного оборонного заказа представляют собой определенную систему договоров с целью исполнения государственного оборонного заказа. В статье установлено, что особая цель правоотношений по государственному оборонному заказу предопределяет содержание соответствующих обязательств и их отличительные черты. Уделено внимание правовым режимам в сфере технического регулирования (в отношении государственного оборонного заказа). Сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в этой области. Отмечено, что законодательство о техническом регулировании в сфере государственного оборонного заказа должно отличаться единством, гармоничным сочетанием норм общего и специального характера, а также публично-правовых и частноправовых подходов. В статье проанализированы правовые аспекты и проблемы страхования имущественных интересов участников государственного оборонного заказа, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract: The special goals of legal relations in the framework of the state defense order, namely, ensuring the defense and security of the Russian Federation, are associated with the presence of public interest. It was noted that the obligations to fulfill the state defense order are a certain system of contracts for the purpose of fulfilling the state defense order. The article establishes that the special purpose of legal relations under the state defense order predetermines the content of the relevant obligations and their distinctive features. Attention was paid to legal regimes in the field of technical regulation (in relation to the state defense order). It was concluded that it is necessary to improve legal regulation in this area. It was noted that the legislation on technical regulation in the field of state defense order should be distinguished by unity, a harmonious combination of general and special norms, as well as public and private legal approaches. The article analyzes the legal aspects and problems of insurance of property interests of participants in the state defense order, formulated proposals for improving legislation.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, публичный интерес, договор, техническое регулирование, государственный заказчик, страхование, банковское сопровождение.

Keywords: state defense order, public interest, contract, technical regulation, state customer, insurance, banking support.

Для цитирования: Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Обязательства в рамках государственного оборонного заказа: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 283-286. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_283.

For citation: Battakhov P.P., Ovchinnikova Yu.S. Obligations under the state defense order: legal aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 283-286. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_283.

Статья поступила в редакцию: 09.08.2024

Прежде чем анализировать правоотношения, возникающие по поводу государственного оборонного заказа, необходимо отметить, что их особые цели, а именно, обеспечение обороны и безопасности РФ, связаны с наличием публичного интереса[1]. Можно согласиться с точкой зрения относительно того, что публичный интерес в целом представляет собой особый круг отношений, который, во-первых, имеет непосредственную связь с общественно значимыми целями, во-вторых, признается государством и, в связи с этим обеспечивается императивными нормами и, наконец, касается неопределенного круга лиц[2]. При этом, согласно Стратегии национальной безопасности РФ,¹ основным условием обеспечения прав и свобод граждан и благополучного социально-экономического развития страны является национальная безопасность. Вне всякого сомнения, одной из направленностей национальных публичных интересов является национальная безопасность, а субъектами - государство, общество и граждане.

Необходимо отметить, что публично-правовой аспект государственного оборонного заказа согласно ст. 3 ФЗ «О государственном оборонном заказе»², (далее-Закон) представляет собой задание, установленное Правительством РФ в следующих целях: во-первых, обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации и, во-вторых, поставки военно-технической продукции для иностранных государств в рамках исполнения международных обязательств. К содержанию государственного оборонного заказа (частноправовой аспект) относится предоставле-

¹ п.5 Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // СЗ РФ от 05.07.2021. № 27. Ст. 5351.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». СЗ РФ от 31.12.2012г. № 53(4.1). Ст.7600

ние услуг, выполнение работ и поставка товаров, осуществляемые для федеральных нужд в указанных выше целях.

Правовой основой для государственного оборонного заказа является как соответствующий правовой акт Правительства РФ, который содержит государственное задание, так и другие основополагающие акты, в частности, Военная доктрина РФ[3], федеральные целевые программы в области безопасности РФ, мобилизационный план экономики России и др. (п.1 ст.4 Закона). При этом в состав государственного оборонного заказа входят действия как по выполнению работ, так и по поставке товаров и оказанию услуг различного содержания[4].

В частности, в содержание государственного оборонного заказа могут входить научно-исследовательские работы по созданию вооружения, его модернизации и утилизации, строительные работы по реконструкции, созданию, перевооружению объектов, которые предназначены для обеспечения безопасности РФ, ремонт военной и специальной техники, поставки различного рода продукции для государственного материального резерва и т. д. Необходимо отметить, что обязательства по исполнению государственного оборонного заказа представляют собой *определенную систему договоров с целью исполнения государственного оборонного заказа*.

Перечисленная выше цель и направленность правоотношений по государственному оборонному заказу *предопределяет содержание соответствующих обязательств* и их отличительные черты, о чем будет сказано далее.

Отличительные черты правоотношений по государственному оборонному заказу выражаются прежде всего *в существенных условиях соответствующих обязательств*¹. Так, относительно правовой характеристики предмета обязательств по государственному оборонному заказу можно отметить следующее. Во-первых, в договорах в рамках государственного оборонного заказа, так же, как и в других правоотношениях, предмет обязательства должен содержать условия, которые характеризуют надлежащее (ненадлежащее) исполнение обязательства – речь идет о качестве продукции, количестве, комплектности и т. д. Во-вторых, условия о качестве должны соответствовать законодательству о техническом регулировании² и государственному контракту.

В связи с этим целесообразным представляется поднять *вопрос о качестве продукции, которая производится в рамках государственного оборонного заказа*. В данном ключе большое значение имеют правовые аспекты технического регулирования как в целом, так и применительно к правоотношениям по государственному оборонному заказу. В связи с этим *можно выделить несколько правовых режимов в сфере технического регулирования*. Так, во-первых, речь идет об общем правовом режиме в данной области. При этом можно отметить принципы и направленность технического регулирования, которые заключаются в следующем. Во-первых, единство в правилах и системе технического регулирования, а также их соответствие развитию национальной экономики. Во-вторых, направленность технического регулирования на достижение состояния безопасности продукции, а также ее производства (хранения, перевозки, утилизации и т. д.), при котором отсутствует так называемый недопустимый риск. Как таковое понятие «недопустимый риск» в ФЗ «О техническом регулировании» не раскрывается, но при этом закреплено, что данный риск связан с причинением вреда следующим категориям – жизни или здоровью граждан, имуществу юридических и физических лиц, окружающей среде, государственному или муниципальному имуществу, животным и растениям.

Как известно, технический регламент представляет собой документ, который устанавливает требования к объектам технического регулирования. Необходимо при этом отметить, что *технические регламенты должны содержать требования, которые являются минимально необходимыми для обеспечения безопасности вышеназванных категорий* (ст.7 ФЗ «О техническом регулировании»). Такова краткая характеристика общего правового режима в сфере технического регулирования, а также общих правовых подходов в данной области.

Вместе с тем существует и особый подход законодателя в сфере, который касается исполнения государственного оборонного заказа. Так, во-первых, речь идет о продукции, производство (поставка) которой связано со сведениями, составляющими государственную тайну (п.1 ст.5 ФЗ «О техническом регулировании») и, во-вторых, иной продукции для обеспечения обороны РФ.

Особенности технического регулирования вышеназванных категорий продукции состоят в том, что оно осуществляется на уровне подзаконных актов различного уровня, при этом на правоотношения по производству (поставке) продукции, которые связаны с государственной тайной, распространяется соответствующий закон³.

Таким образом, можно назвать три правовых режима в сфере технического регулирования (применительно к государственному оборонному заказу) – общий режим правового регулирования, правовой режим относительно продукции, производство (поставка) которой связана с государственной тайной, правовой режим в отношении иной продукции в рамках исполнения государственного оборонного заказа.

В связи с этим можно обозначить следующую проблему. С одной стороны, следует признать, что соответствующие подзаконные акты действительно обеспечивают особые правовые режимы в области технического регулирования для продукции, производство (поставка) которой осуществляется в рамках государственного оборонного заказа. С другой стороны, общий правовой режим, закрепленный в законодательстве о техническом регулировании, на такую продукцию также распространяется, это касается общих принципов и правовых подходов законодателя в данной сфере. Основным правовым подходом, как было обозначено выше, является следующий - *технические регламенты должны содержать требования, которые являются минимально необходимыми для обеспечения безопасности продукции*.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что законодательство о техническом регулировании в сфере государственного оборонного заказа должно отличаться единством, гармоничным сочетанием норм общего и специального характера, а также публично-правовых и частнопра-

¹ Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2022 г. № 1658 «О типовых условиях контрактов, заключаемых в целях выполнения государственного оборонного заказа, и о внесении изменений в Положение о примерных условиях государственных контрактов по государственному оборонному заказу» // СЗ РФ от 26.09.2022. № 39. Ст. 6632.

² См. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Российская газета от 31.12.2002 года № 245.

³ Ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета от 21.09.1993. № 182

выходных подходов[5]. Это объясняется особой целью правоотношений по государственному оборонному заказу, которая состоит в обеспечении обороны страны и безопасности государства, что соответствует национальным публичным интересам¹.

Таким образом, общие подходы законодательства о техническом регулировании (прежде всего о минимально необходимых требованиях к техническим регламентам с позиции безопасности) не соответствуют общей направленности и целям правоотношений по государственному оборонному заказу. Следовательно, на настоящий момент представляется необходимой разработка отдельного закона (или раздела в ФЗ «О техническом регулировании»), в котором устанавливались бы самостоятельные принципы и другие правила с учетом специфики правоотношений в рамках государственного оборонного заказа.

Развивая тему работы, необходимо отметить, что одним из существенных условий обязательств в рамках государственного оборонного заказа является цена. При этом цена в данных правоотношениях может быть как фиксированной, так и ориентировочной (или уточняемой) или возмещающей издержки. В договорах в рамках государственного оборонного заказа должны быть четко установлены как срок действия ориентировочной цены (цены, возмещающей издержки), так и условия для перевода ориентировочной цены (цены, возмещающей издержки) в фиксированную цену (типовые условия). Специфика правоотношений в сфере государственного оборонного заказа состоит в том, что *данные обязательства представляют собой систему договоров с особой ролью государственного заказчика при определении цены*².

Необходимо отметить, что по общему правилу подлежит применению именно фиксированная цена. Для перевода цены, возмещающей издержки, и ориентировочной цены в фиксированную, поставщик должен направить государственному заказчику обращение (с соответствующим обоснованием) с предложением о переводе цены на конкретную продукцию в разряд фиксированных. Государственный заказчик (в течение 20 рабочих дней) должен рассмотреть заявление, а также осуществить проверку расчета цены на поставленную продукцию (п.50 указанного выше Постановления Правительства № 1465). В случае отказа государственный заказчик должен направить поставщику мотивированное обоснование. Особенность, таким образом, состоит в том, что в последнем случае между государственным заказчиком и поставщиком происходит *процесс согласования цены*.

В рамках государственного оборонного заказа действует особый порядок расчетов, который связан со специфической целью правоотношений по государственному оборонному заказу. Основная особенность состоит в том, что для расчетов в рамках государственного оборонного заказа открывается специальный счет в уполномоченном банке. Требование об открытии отдельного счета является правилом Закона³ и возможно только в том банке, который имеет лицензию на осуществление операций, связанных с возможным получением сведений, которые составляют государственную тайну, речь идет об уполномоченных банках. Данное требование Закона относительно открытия участниками государственного оборонного заказа отдельного счета имеет императивный характер, т. е. иные варианты расчетов исключены, что подтверждается также и позицией судов.⁴

В данном случае применяется так называемый режим использования отдельного счета, при котором действует ряд ограничений. Во-первых, списание денежных средств осуществляется только на отдельный счет, который открыт в уполномоченном банке, (за исключением случаев, предусмотренных в законе), во-вторых, списание денежных средств осуществляется только при указании идентификатора государственного контракта, и, наконец, в-третьих, установлен запрет на совершение ряда операций (речь идет, в частности, о предоставлении ссуд, кредитов и займов, размещении денежных средств в финансовые инструменты, денежных выплатах в пользу работников).

В связи с вышеизложенным можно отметить следующую проблему. В отношении сведений, с которыми «работают» уполномоченные банки в системе государственного оборонного заказа, действует два режима – режим банковской тайны и режим государственной тайны. Однако дело в том, что сведения, которыми обладают участники государственного оборонного заказа в рамках его исполнения, подразделяются на два вида – те, которые связаны с государственной тайной и те, которые к государственной тайне не относятся. При этом, как уже упоминалось, относительно всех сопровождаемых сделок в рамках государственного оборонного заказа, действует единый правовой режим банковского сопровождения. Соответственно, возникает вопрос о соотношении режима государственной и банковской тайны в отношении двух категорий указанных выше сведений (связанных с государственной тайной и не относящихся к таковой).

Большое положительное значение для баланса интересов сторон обязательств государственного оборонного заказа может иметь страхование их имущественных интересов[6]. Так, как следует из приведенного выше, в ходе исполнения государственного оборонного заказа нередко возникают такие риски как невозможность исполнения договоров[7](в том числе оплаты работ и услуг в срок), наступление ответственности исполнителя за причинение вреда[8](последнее особенно актуально, поскольку нередко в ходе исполнения используются объекты, которые относятся к источникам повышенной опасности), повреждение имущества вследствие пожаров и других событий и т. д.[9] При этом институт страхования потенциально может являться механизмом защиты имущественных интересов участников системы обязательств в рамках государственного оборонного заказа и одновременно своего рода способом обеспечения его исполнения.

Однако можно констатировать тот факт, что в целом на настоящий момент имущественные интересы участников системы договоров по исполнению государственного оборонного заказа не подлежат страховой защите[10] в полной мере и причины данной ситуации следующие. Во-первых, в Законе отсутствуют соответствующие нормы о страховании имущественных интересов участников системы договоров в рамках госу-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ»//СЗ РФ от 05. 07. 2021.№ 27. Ст. 5351.

² Постановление Правительства РФ № 1465 от 02.12.2017 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ» // СЗ РФ от 11.12.2017. № 50 (часть 2). Ст. 7624.

³ См.ст.8.1 ФЗ «О государственном оборонном заказе».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2022 № 309-ЭС21-29247 по делу №А71-10824/2019.

дарственного оборонного заказа. Вместе с тем в данных правоотношениях у его участников возникают специфические риски, о чем упоминалось выше в статье. Во-вторых, если говорить о страховании имущественных интересов, связанных с исполнением договора¹, то в этом отношении существенно ограничивает возможности по страхованию норма ст.932 ГК РФ, согласно которой страхование ответственности за исполнение договора может осуществляться только в прямо предусмотренных законом случаях. Именно по этой причине данный вид страхования, который относится к весьма эффективным по своим возможностям^[12], не может использоваться во многих отраслях экономики (в том числе при исполнении государственного оборонного заказа).

1.Правоотношения в рамках государственного оборонного заказа связаны с наличием публичного интереса

2.Общие подходы законодательства о техническом регулировании (прежде всего о минимально необходимых требованиях к техническим регламентам с позиции безопасности) не соответствуют целям правоотношений по государственному оборонному заказу.

3.Большое значение для реализации функций участников правоотношений по исполнению государственного оборонного заказа имеет институт страхования¹, однако его возможности не могут быть на настоящий момент реализованы в полной мере вследствие пробелов в законодательстве.

Библиография:

1. Военное право: Монография: в 3 т. / Под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). – Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. – 560 с.
2. Кузбагаров Э.А. Принуждение в гражданском праве в публичном интересе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2020. – 186 с.
3. Военная доктрина РФ (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г.№ Пр.-2976) // Российская газета от 30.12. 2014 г.№ 298.
4. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное право). Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес. Менеджмент. Право, 2008. С.36.
5. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2004. С.24.
6. Фогельсон Ю.Б. Договор страхования в российском гражданском праве: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2005. С. 137.
7. Dickson, G.C.A. Risk and Insurance. Cambridge: The Chartered Insurance Institute, 2001, p. 24.
8. Четырус Е.И. Страхование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2015. С.123.
9. Абрамов В.Ю. Проблемы правового регулирования страховой деятельности в Российской Федерации: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2011. С.144.
10. Betterley, R.S. Intellectual property insurance market survey: a small, but important // The Betterley Report, no. 4, 2005, p. 101-123.
11. Бормотов А.В. Обеспечительная функция договора страхования в российском гражданском праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Пермь, 2010. – 216 с.
12. Coleman, J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990. p. 55.

References:

1. Military law: Monograph: in 3 volumes/Ed. A.N. Savenkova, A.V. Kudashkina. T. 1: History and theory of military law (with a preface). - Moscow: Center for Legal Communications, 2021. - 560 s.
2. Kuzbagarov E.A. Coercion in civil law in public interest: dissertation... Candidate of Law: 12.00.03. - Moscow, 2020. - 186 s.
3. Military doctrine of the Russian Federation (approved President of the Russian Federation December 25, 2014 No. Pre.-2976) //Rossiyskaya Gazeta dated 30.12. 2014 No. 298.
4. Laptev V.V. Entrepreneurial (economic law). Selected writings. - Yekaterinburg: Business. Management. Pravo, 2008. S.36.
5. Zankovsky S.S. Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2004. S.24.
6. Fogelson Yu.B. Insurance contract in Russian civil law: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2005. С. 137.
7. Dickson, G.C.A. Risk and Insurance. Cambridge: The Chartered Insurance Institute, 2001, p. 24.
8. Chetyrus E.I. Insurance of civil liability for harm: dissertation of the candidate of legal sciences: 12.00.03. - Moscow, 2015. S.123.
9. Abramov V.Yu. Problems of legal regulation of insurance activities in the Russian Federation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2011. S.144.
10. Betterley, R.S. Intellectual property insurance market survey: a small, but important // The Betterley Report, no. 4, 2005, p. 101-123.
11. Boromotov A.V. Security function of the insurance contract in Russian civil law: dissertation... Candidate of Law: 12.00.03. - Perm, 2010. - 216 s.
12. Coleman, J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990. p. 55.

¹ Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Москва: Статут. 2003.С.429.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ РЕБЕНКА: ПРАВО ЖИТЬ И ВОСПИТЫВАТЬСЯ В СЕМЬЕ

Implementation of the child's family rights: the right to live and be raised in a family

КОРОЛЬ Ирина Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

E-mail: 2050459@mail.ru;

Korol Irina Gennadyevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of civil law Department Russian State University of Justice.

69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia.

E-mail: 2050459@mail.ru

Краткая аннотация: на современном этапе регламентация образовательной деятельности и воспитание родителями своих детей имеет первостепенное значение. Право ребенка на образование, особенно в новой форме семейного образования и самообразования требует контроля со стороны общеобразовательной организации. Регламентации на законодательном уровне требует использование «гаджетов» обучающимися средних и высших учебных организаций, многие из них имеют статус несовершеннолетних.

Abstract: At the present stage, the regulation of educational activities and the upbringing of parents of their children is of paramount importance. The child's right to education, especially in the new form of family education and self-education, requires control by a general education organization. Regulation at the legislative level requires the use of "gadgets" by students of secondary and higher educational institutions, many of them have the status of minors.

Ключевые слова: ребенок, семья, родители, право на воспитание, право на образование.

Keywords: child, family, parents, right to upbringing, right to education.

Для цитирования: Король И.Г. Осуществление семейных прав ребенка: право жить и воспитываться в семье // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 287-289. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_287.

For citation: Korol I.G. Implementation of the child's family rights: the right to live and be raised in a family // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 287-289. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_287.

Статья поступила в редакцию: 05.07.2024

Политический конфликт на мировой арене изменил вектор участия России по итогам выборов в Генассамблее на 2024-2026 годы. Россия не попала в Совет ООН по правам человека, однако активно продолжает работу в качестве государства-наблюдателя.¹ Россия по собственной воле покинула Совет Европы, заявив о своем политическом решении 15 марта 2022 года установив позднее, что решения ЕСПЧ, вступившие в силу после указанной даты исполнению не подлежат.² Принимая во внимание данные обстоятельства или нет, Россия не прекратила участия в Конвенции ООН «О правах ребенка» и на законодательном уровне признает за ребенком как за полноправным субъектом его семейные права с учетом возраста.

Разработанность темы, посвященной личным неимущественным правам ребенка в семье связана с такими учеными как Ершова Н.М., Беспалов Ю.Ф., Нечаева А.М., Шерстнева Н.С. и др. За последние годы доктрина семейного права усилена новыми монографическими исследованиями, посвященными правовому положению ребенка: Кравчук Н.В. (2003) [1], Савельева Н.М. [2] (2006), Темникова Н.А. (2010) [3], Летова Н.В. (2011, 2018) [4, 5], Матвеева М.В. (2017) [6], Микрюков В.А. (2021) [7], Ульянова М.В. (2024) [8]. Отдельные научные изыскания посвящены анализу такого важнейшего права как право ребенка жить и воспитываться в семье. Впрочем, очевидно, что все права, закрепленные в СК РФ за ребенком важны для него иначе они не регулировались бы семейным законодательством.

Сагалаева Е.С. и Ивахненко С.Н. справедливо указывают: «несмотря на большое количество функционирования служб занимающихся выявлением фактов семейного неблагополучия они часто работают разобщенно и вместо оказания необходимой поддержке семьям с детьми выбирают самый простой вариант работы изъятия ребенка из семьи, который должен быть крайней мерой лишения семейного воспитания наряду с лишением родительских прав» [9, С. 123-124]. Такой подход и заметим, в основном государственных служб и местной власти отнюдь не обеспечивает реализацию права ребенка жить и воспитываться в семье и не отвечает принципу приоритета семейного воспитания, заложенного в ст. 1 СК РФ.

Как элемент содержания права на воспитание и как самостоятельную конструкцию можно рассматривать право ребенка на получение образования [10, С. 36]. Бесспорно и то, что родители ребенка имеют приоритет в праве на образование своих детей и «вправе с учетом мнения ребенка выбирать формы его получения, включая семейное образование и самообразование, а прохождение промежуточной госаттестации является их правом, а не должностованием (ст. 17, 34, 44, 45 Закона об образовании)» [10, С. 38]. Действительно в п. 3 ст. 34 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указано: «Лица, осваивающие основную образовательную программу в форме самообразования или семейного образования либо обучающиеся по не имеющей государственной аккредитации образовательной программе, вправе пройти экстерном промежуточную и государственную итоговую аттестацию...» [11]. Сейчас получили распространение частные школы домашнего обучения с 1 по 11 классы с полным дистанционным освоением образовательных программ. Такая форма обучения удобна для детей занимающихся спортом, часто и много болеющих, живущих в другом государстве и т.д. Но при этом напрашивается очевидный вопрос: не будет ли вредоносной для детей столь обширная демократизация полномочий родителей в выборе образования? Лишение родительских прав в последствии за уклонение от выполнения обязанностей родителей по ст. 69 СК РФ на пороге достижения возраста вручения школьного аттестата не вернет «золотого времени» отпущенного на обучение. Интересны иные

¹ https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1909016/ О выборах в Совет ООН по правам человека на период 2024-2026 гг. [дата вхождения: 27.06.2024].

² https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/1834254/ О выходе России из Совета Европы [дата вхождения: 28.06.2024].

взгляды в контексте ФЗ «Об образовании»: «обязательным является только сам процесс получения образования, т. е. обучение, нахождение в образовательном учреждении, прохождение промежуточных аттестаций <...>, а завершение образования является необязательным, что противоречит конституционной норме об обязательности основного общего образования.» [12, с. 29]. Мы солидарны с мнением Ульяновой М.В.: «Важно определить лиц, на которых возложена обязанность и ответственность за обеспечение получения образования детьми.» [13, с. 57].

Вывод: для того чтобы обеспеченное законом право на образование и детей и родителей активно «без эксцессов» работало необходимо обеспечивать обязательный поэтапный систематический контроль связи «право-обязанность» родителей со стороны в первую очередь государственной или муниципальной общеобразовательной организации на территории которой проживает ребенок, особенно в случае обучения в форме самообразования. Только так можно обеспечить реальную возможность прохождения итоговой аттестации и права на получение ребенком образования, а не пустых гарантий, учитывая нормы п. 4, 10 ст. 58 ФЗ «Об образовании». Важна конечная цель. Кроме того, указывает Ульянова М.В.: «В силу особенностей семейных правоотношений родители обладают не только правами, но и обязанностями <...> Родитель, выполняя обязанность, реализует принадлежащее ему правомочие, адресованное к иным лицам. Однако динамика этого семейного правоотношения не совпадает с административным правоотношением или каким-либо иным, так как ребенок не наделен обязанностями и право требования родителя адресовано не к нему.» [14, С. 115]. Конечно, СК РФ наряду, с правом ребенка на образование не закрепляет обязанности по образованию, но это не означает, что законодатель не регламентирует их вовсе. Обязанности ребенка как обучающегося установлены п. 1 ст. 43 ФЗ «Об образовании»: «добросовестно осваивать образовательную программу, выполнять индивидуальный учебный план, в том числе посещать предусмотренные учебным планом или индивидуальным учебным планом учебные занятия, осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям, выполнять задания, <...>» [11] и т.д. Отдельно заметим, что может не радовать в буквальном смысле, как преподавателя, так и родителя установление запрета для ребенка – обучающегося «не использовать средства подвижной радиотелефонной связи во время проведения учебных занятий <...>» [15]. Остается только сожалеть, что законодатель не распространил данное ограничение на обучающихся средних и высших учебных учреждений, конечно, здесь могут работать локальные акты учебной организации.

Вывод второй: необходимость внесения дополнения в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» аналогичного запрета на использование «гаджетов» для личных развлекательных нужд и не связанных с учебным процессом во время занятий у студентов очевидна. Уместно на занятии семинарского или иного типа открыть, например, кодекс в справочной правовой системе, но совсем не допустимо просматривать сайты эротического содержания. Однако, надо признать, что такое предложение напрашивается само, кроме того не все обучающиеся в средних и высших учебных учреждениях попадают в категорию «совершеннолетние» они все еще дети.

Право ребенка жить и воспитываться в семье не ограничивается только лишь правом на образование. Ребенок вправе знать своих родителей, своих отца и мать, знать о своем происхождении, а значит и иных родственников, неважно какой степени родства, здесь законодатель не устанавливает ограничений. Знать о своем родстве позволяет иметь возможность общаться любыми доступными способами. Но, что это право не всегда может быть реализовано, в том случае, если родители умерли, отбывают наказание по приговору суда, либо против один из родителей ребенка и не общается сам. Часто такая ситуация распространена в отношении родителя проживающего отдельно, если родители фактически прекратили брачные отношения и «разъехались», расторгли брак или не состояли вовсе и др. причинам. Хотя родитель, проживающий отдельно, его родственники и ребенок имеют в полном объеме законное право общаться друг с другом. Мы не берем во внимание экстремальные ситуации «папа плохой», так считаем мама и перед ним закрывает дверь. После этого в суде в буквальном смысле начинается «раздел ребенка» часто забывая о том, что такая ситуация приносит в первую очередь ребенку психическое и эмоциональное страдание, ранит еще не сформировавшееся сознание. Только по тому, что родители не желают найти компромисс между собой. Статус родитель, проживающий отдельно это не приговор, не конец родительского правоотношения, он имеет такие же права и главные обязанности в отношении своего ребенка. В научной литературе особо подчеркивается, что право ребенка «на жизнь и воспитание в семье сохраняется до утраты им статуса ребенка, т.е. до достижения возраста 18 лет. <...> характеризуется особой социальной значимостью и важностью в целом для российского общества и государства» [16, с. 181, 184]. Для осуществления прав ребенка важно сохранение и передача традиций семьи, в т. ч. национальных.

Для ребенка не достаточно только того, что он живет в семье со своими родителями, очень хорошими родителями, в семье, где отсутствуют бытовые и финансовые проблемы. Для него важно постоянное участие и забота родителей в его жизни, обеспечение его интересов и интерес родителей к тому, как и чем занимается ребенок (например, танцами, играет на скрипке, в шахматы, учится и т.д.).

Так, недавно министр Просвещения РФ заявил о создании учебника по воспитанию детей «От 0 до 18», чтобы каждый родитель имел фактически рекомендации на каждый день, как заниматься воспитанием ребенка¹. В школах с первого сентября 2024 года вводится новый предмет — семьеведение, на котором учителя будут формировать позитивное отношение к созданию семьи среди учеников².

Представляется уместным и своевременным вмешательство государства не только в вопросы демографии, но и образовательного процесса и воспитания родителями своих детей и в интересах детей. Необходимость вмешательства государства в процесс воспитания «к родителям-воспитателям» поддерживается в научной литературе [17, с. 269, 271].

Как известно СК РФ не определяет дефиниции семейной правоспособности и дееспособности ребенка, что затрудняет осуществление прав ребенка. Ребенок имеет реальную возможность по достижении 14 лет стать родителем или установить свое материнство, по достижении 10 лет давать или не давать согласие на изменение своего имени (п. 4 ст. 59 СК РФ), на восстановление родителей в правах (п. 4 ст. 72 СК РФ). С

¹ <https://ngs.ru/text/family/2024/07/04/73788464/?ysclid=ly9bufrn59777851976> [дата вхождения 5.07.2024].

² <https://msk1.ru/text/education/2024/07/01/73764536/> [дата вхождения 5.07.2024].

рождения ребенок имеет право жить со своими родителями, воспитываться своими родителями. В 10 лет ребенок не имеет фактической возможности вступить в брак или стать опекуном, заключить брачный договор или соглашение об уплате алиментов. В тоже время ребенок может исполнять свои семейные обязанности до достижения совершеннолетия, например, если он стал родителем.

Для семейного воспитания важно кто воспитывает ребенка, кровные родители, замещающие родители или он живет в одной большой семье - «детский дом». Семья обеспечивает социализацию ребенка, формирует физическое и нравственное здоровье ребенка, религиозные взгляды, если их придерживаются в семье. Семья обучает ребенка нравственной ответственности перед ней, долгу, чести и уважению. В этом смысле хорошо известна народная поговорка «от осинки не родятся апельсинки». Представляется, что для формирования в ребенке нравственных качеств и мировоззрения важную роль в семье имеет воспитание и уровень образования родителей.

Родители, если они не поражены в правах, имеют преимущества перед другими лицами в воспитании своих детей. Воспитание это непрерывный процесс, даже если ребенок временно находится у других лиц, например в гостях у бабушки. Родитель на это время не освобождается от обязанности по воспитанию ребенка. С целью всестороннего процесса воспитания и развития личности ребенка дети и родители насколько это возможно должны проживать совместно до совершеннолетия ребенка.

Вывод третий: для успешной реализации права ребенка жить и воспитываться в семье ему необходимо максимально возможными способами с рождения общение и взаимосвязь с его родными, что будет являться своего рода драйвером многоступенчатого процесса семейного воспитания. Семейное воспитание должно стать прочной основой воспитательного образовательного процесса по образовательным программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования, т.е. в общеобразовательной организации. Государство со своей стороны должно обеспечивать разумную «недостающую» регламентацию указанного процесса.

Библиография:

1. Кравчук Н.В. Защита права ребенка на жизнь и воспитание в семье по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовые и семейно-правовые аспекты / науч. ред. В.Д. Рузанова. Самара, 2006.
3. Темникова Н.А. Защита личных прав ребенка по семейному праву России. Омск, 2010.
4. Летова Н.В. Правовое положение детей по законодательству Российской Федерации. М., 2011.
5. Летова Н.В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: Монография. - М.: Проспект, 2018. - 144 с.
6. Матвеева М.В. Права ребенка в семейном праве: проблемы законодательства, теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017.
7. Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. Москва: Статут, 2021. 164 с. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> [дата вхождения: 1.07.2024].
8. Ульянова М.В. Принципы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей: Монография. – М.: Российский государственный университет правосудия (РГУП), 2024. 320 с. – URL: <https://op.raj.ru/serijnye-izdaniya/103-monografii/1250-ulyanova-m-v-printsipy-osushchestvleniya-semejnykh-prav-i-ispolneniya-obyazannostej-monografiya> [дата вхождения: 2.07.2024].
9. Сагалаева Е.С., Иващенко С.Н. О некоторых аспектах реализации права ребенка жить и воспитываться в семье // Закон и право. 2024. № 1. С. 121-124. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-realizatsii-prava-rebenka-zhit-i-vospityvatsya-v-semie/viewer> [дата вхождения: 1.07.2024].
10. Сошнева О.И., Тарусина Н.Н. О праве ребенка на образование: классика и современные вызовы // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 36–45.
11. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Жигалов С. В., Матвеева М. В. Конституционные конструкции прав и обязанностей получения образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 27–39.
13. Ульянова М. В. Право ребенка на образование и право родителя на выбор образовательной организации в период цифровизации среды // Современный юрист. 2022. № 2 (39). С. 55-66.
14. Ульянова М.В. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей в структуре семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1 (63). С. 112-133.
15. Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Каймакова Е.В. Право ребенка жить и воспитываться в семье // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика: Материалы международной научно-практической конференции, Ставрополь, 23 апреля 2015 года. - Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. С. 179-184. - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24392442_75596291.pdf [дата вхождения: 1.07.2024].
17. Громоздина М.В. Соотношение публичных и частных интересов в детско-родительских отношениях: правовая коннотация // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 269-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_272.

References:

1. Kravchuk N.V. Protection of the child's right to life and upbringing in the family according to the family legislation of the Russian Federation: abstract. ... cand. Jurid. M., 2003.
2. Savelyeva N.M. The legal status of a child in the Russian Federation: civil law and family law aspects / scientific ed. by V.D. Ruzanov. Samara, 2006.
3. Temnikova N.A. Protection of personal rights of a child under family law of Russia. Omsk, 2010.
4. Letova N.V. The legal status of children under the legislation of the Russian Federation. M., 2011.
5. Letova N.V. The family status of a child: problems of theory and practice: Monograph. - Moscow: Prospekt, 2018. - 144 p.
6. Matveeva M.V. The rights of the child in family law: theory and practice: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Samara, 2017.
7. Mikryukov V.A. Analogy of law and analogy of law in the practice of resolving family law disputes. Moscow: Statute, 2021. 164 p. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> [date of entry: 1.07.2024].
8. Ulyanova M.V. Principles of family rights and duties: Monograph. – M.: Russian State University of Justice (RGUP), 2024. 320 p. – URL: <https://op.raj.ru/serijnye-izdaniya/103-monografii/1250-ulyanova-m-v-printsipy-osushchestvleniya-semejnykh-prav-i-ispolneniya-obyazannostej-monografiya> [date of entry: 2.07.2024].
9. Sagalaeva E.S., Ivashchenko S.N. On some aspects of the realization of the child's right to live and be raised in a family // Law and law. 2024. No. 1. pp. 121-124. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-realizatsii-prava-rebenka-zhit-i-vospityvatsya-v-semie/viewer> [date of entry: 1.07.2024].
10. Sochnova O.I., Tarusina N.N. On the child's right to education: classics and modern challenges // Bulletin of TvSU. Series: law. 2024. No. 1 (77). pp. 36-45.
11. Federal Law No. 273-FZ of 12/29/2012 (as amended on 06/22/2024) "On Education in the Russian Federation" (with amendments and additions, introduction. effective from 06/23/2024) // SPS "ConsultantPlus".
12. Zhigalov S. V., Matveeva M. V. Constitutional constructions of the rights and obligations of education // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 3 (46). pp. 27-39.
13. Ulyanova M. V. The child's right to education and the parent's right to choose an educational organization during the digitalization of the environment // Modern Lawyer. 2022. No. 2 (39). pp. 55-66.
14. Ulyanova M.V. Implementation of family rights and performance of duties in the structure of family legal relations // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2024. Issue 1 (63). pp. 112-133.
15. Federal Law No. 618-FZ of 12/19/2023 "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
16. Kaymakova E.V. The right of a child to live and be raised in a family // Hereditary and family law: theory and law enforcement practice: Materials of the international scientific and practical conference, Stavropol, April 23, 2015. - Stavropol: North Caucasus Federal University, 2015. pp. 179-184. - URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24392442_75596291.pdf [date of entry: 1.07.2024].
17. Gromozdina M.V. Correlation of public and private interests in child-parent relations: legal connotation // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 10(226). pp. 269-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_272.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_290

УДК 340.20

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛИЦ В ВОЗРАСТЕ ДО ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF EMPLOYMENT OF PERSONS UNDER THE AGE OF EIGHTEEN

САВИН Виктор Тихонович,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры земельного, трудового и экологического права,
Кубанский государственный аграрный университет.

350000, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: svt.2002@mail.ru;

Savin Viktor Tikhonovich,

Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law
Candidate of Legal Sciences, Docent Kuban State Agrarian University.

13 Kalinina str., Krasnodar Territory, 350000, Russia.
E-mail: svt.2002@mail.ru

Краткая аннотация. В условиях дальнейшего развития рыночной экономики в России, характеризующейся негативными факторами, среди которых особое место занимает высокий уровень безработицы, проводимая государством политика в области содействия занятости несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, приобретает особую актуальность. В статье исследуются проблемы их трудоустройства, гарантией чего является резервирование рабочих мест (квотирование), обеспечивающее им конкретные рабочие места, которое содействует достижению целей отмеченной политики государства. Но, в отношении этой возрастной группы лиц квоты федеральным законодательством не установлены, в связи с чем, в работе анализируются ее специфические особенности, давшие автору возможность сделать вывод о том, что из всех категорий граждан, включенных законодателем в отдельный перечень лиц, испытывающих трудности в поиске работы, несовершеннолетние являются наиболее уязвимой социально-демографической частью населения. Поэтому они, в большей мере, чем другие граждане из указанного перечня, нуждаются в поддержке государства, в частности, в обеспечении их трудовой занятости, что вызывает необходимость установления для них квот рабочих мест. В связи с этим в статье предлагаются меры по совершенствованию действующего федерального законодательства, регулирующего обеспечение трудовой занятости граждан в РФ.

Abstract. In the conditions of further development of market economy in Russia, characterized by negative factors, among which the high level of unemployment takes a special place, the state policy in the field of promoting employment of minors aged 14 to 18 years old becomes especially important. The article examines the problems of their employment, which is guaranteed by the reservation of jobs (quota), providing them with specific jobs, which contributes to the achievement of the goals of the noted policy of the state. But, in relation to this age group of persons, quotas are not established by federal legislation, in this regard, the paper analyzes its specific features, which gave the author the opportunity to conclude that of all categories of citizens included by the legislator in a separate list of persons experiencing difficulties in finding a job, under-age children are the most vulnerable socio-demographic part of the population. Therefore, they, to a greater extent than other citizens from this list, need the support of the state, in particular, in ensuring their labor employment, which necessitates the establishment of job quotas for them. In this regard, the article proposes measures to improve the current federal legislation regulating the provision of labor employment of citizens in the Russian Federation.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство, возраст, несовершеннолетние, работодатель, лица в возрасте от 14 до 18 лет, граждане, квоты, лица, нуждающиеся в трудоустройстве.

Keywords: employment, employment, age, minors, employer, persons aged 14 to 18, citizen, quotas, persons in need of employment.

Для цитирования: Савин В.Т. Некоторые проблемы правового регулирования трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 290-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_290.

For citation: Savin V.T. Some problems of legal regulation of employment of persons under the age of eighteen // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 290-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_290.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

В условиях поступательного развития рыночной экономики в России, особую актуальность приобретает проводимая государством политики в области содействия занятости населения в Российской Федерации, представляющей определенный комплекс связанных между собой мер, осуществляемых им посредством воздействия на рынок труда с целью достижения максимальной занятости трудоспособных граждан, которая выполняется на государственном, региональном и местном уровнях. При этом государство уделяет повышенное внимание самой уязвимой части нашего населения, охватывающей несовершеннолетних граждан, которым присущи психофизиологические особенности их здоровья, препятствующие им реализовать свою способность к труду.

Так, Правительством РФ 14 декабря 2021 г. принята «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года, разработанная в соответствии с подпунктом «а» п. 2 перечня поручений Президента РФ по итогам Петербургского международного экономического форума от 26 июня 2021 г., целью которой является создание условий для реализации профессионального, трудового и предпринимательского потенциала молодежи в условиях трансформационных процессов на рынке труда. Данная программа, созданная для молодежи, представляющей социально-демографическую группу в возрасте от 14 до 35 лет, безусловно, действует и в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Поэтому, не случайно, во исполнение п. 4 Плана мероприятий по реализации указанной долгосрочной программы, Министерством труда и социальной защиты РФ разработаны Методические рекомендации по организации трудовой деятельности граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время и 30 мая 2024 г. направлены исполнительным органам субъектов РФ и работодателям.

В ч. 1 ст. 2 Федерального закона РФ от 12 декабря 2023 г. «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон № 565-ФЗ), закреплён перечень лиц, испытывающих трудности в поиске работы, в котором присутствуют, наряду с различными категориями граждан,

несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Согласно ст. 6 этого же закона, определяющей направления государственной политики в сфере занятости населения, «одним из основных ее направлений является осуществление мероприятий, способствующих занятости» указанных лиц. В соответствии со ст. 2 Закона № 565-ФЗ, занятость – это «трудовая деятельность и иная не противоречащая законодательству Российской Федерации деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода».

Отсюда следует, что занятыми гражданами следует считать людей, прилагающих свою способность к труду на предприятиях и организациях независимо от их форм собственности, занятость обеспечивает получение дохода, не признаются занятыми граждане, занимающиеся противозаконной деятельностью. В литературе занятость рассматривается как две взаимосвязанные категории: экономическая и правовая. Не анализируя понятия занятости, сформулированные учеными-экономистами, заметим, что в правовой науке отсутствует единство взглядов ее предшественников по поводу данного явления [1, 56; 6, 16], но при этом большинство авторов применяют узкую и широкую трактовки занятости [5, 44].

Категория «занятость» тесно взаимосвязана с трудоустройством трудоспособных граждан, которое ей предшествует. Ранее действовавший КЗоТ РФ закреплял главу «Обеспечение занятости и гарантии реализации права граждан на труд», в отличие от Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), который, к сожалению, не содержит аналогичную главу. Вместе с этим, в законодательстве, регулирующем трудоустройство граждан, отсутствует его определение, но в энциклопедических словарях его понятие формулируется, как «процесс, представляющий собой подбор места работы и соответствующего оформления путем заключения трудового договора с определенным работодателем» [3].

Занятости лиц не достигших 18 лет также предшествует их трудоустройство, позволяющее несовершеннолетним заниматься различными видами деятельности, цель которых состоит в удовлетворении их личных потребностей (преимущественно материальных), то есть в получении дохода. Правовое регулирование трудоустройства этих лиц обеспечивается ст. 272 ТК РФ, предусматривающей, что «особенности трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет определяются трудовым законодательством, коллективным договором, соглашением». В ст. 63 ТК РФ определяется трудовая правосубъектность граждан, т. е. возраст, по достижению которого они могут реализовать свое право на труд посредством заключения трудового договора с работодателями. В соответствии с ней, это могут сделать: лица, которым исполнилось 16 лет, а также 15, 14 лет, а также не достигшие возраста четырнадцати лет. Они, заключив трудовой договор, приобретают статус наемных работников, в связи с чем на них полностью распространяются трудовые права и гарантии, предусмотренные, в первую очередь, в ст. 265-271 ТК РФ.

Одной из форм трудоустройства граждан, является поиск для них работы, чем занимается государственная служба занятости, которая, в соответствии со ст. 12 Закона № 565-ФЗ, «осуществляет свою деятельность на территории РФ в целях обеспечения прав и гарантий граждан и работодателей в сфере занятости населения в соответствии с настоящим Федеральным законом». Федеральный закон от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», который под ребенком понимает «лицо до достижения им возраста 18 лет», способствующий воплощению в жизнь государственных программ по содействию трудоустройству указанных лиц, в ст. 11 предусматривает: «Работникам моложе 18 лет предоставляются льготы при совмещении работы с обучением, проведении ежегодного обязательного медицинского осмотра, квотировании рабочих мест для трудоустройства, расторжении трудового договора (контракта) и другие льготы, установленные законодательством Российской Федерации».

Из содержания данной нормы следует, что законодательством допускается квотирование рабочих мест для трудоустройства несовершеннолетних, но, к сожалению, такого федерального закона, который предусматривал бы квоты для несовершеннолетних, в правовом поле нет, да и в самой этой норме отсутствует прямое указание на необходимость установления для них квот. Резервирование же рабочих мест (квотирование) имеет огромную значимость для рассматриваемой категории граждан, так как это гарантирует их трудоустройство, определяя для них конкретные рабочие места, тем самым, содействует достижению целей политики государства по обеспечению занятости лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Термин «квоты» употребляется, наряду, с отмеченным Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ», в ст. 16 ТК РФ, в Федеральном законе «О занятости населения в РФ», в ст. 20 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. «О социальной защите инвалидов в РФ», а также в ст. 16 Закона от 2 июля 1992 г. «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

При этом законодатель использует разноуровневую практику установления порядка регулирования квот рабочих мест для приема на работу. Так, ст. 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в РФ» предусматривает, что регулирование квот для приема на работу инвалидов осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О занятости населения в РФ», т. е. на федеральном уровне, что представляется нам верным подходом к выполнению государственных программ по обеспечению занятости инвалидов. Но, в соответствии со ст. 16 Закона о психиатрической помощи, установление квот рабочих мест для лиц, болеющих психическими расстройствами, «осуществляется органами государственной власти субъектов РФ», т. е. на региональном уровне, в связи с чем, государство неоправданно передает свои функции субъектам РФ, которые должны предусматривать порядок установления квот, их размер и условия, при которых они считаются выполненными. Поэтому возникает трудно объяснимая ситуация, когда законодатель для инвалидов устанавливает квоты федеральным законом, а квоты для граждан с психическими расстройствами, посредством законов субъектов РФ.

К тому же, очевидно, что законодатель из перечня лиц, нуждающихся в трудоустройстве, особое значение придает инвалидам, так как только для них он предусматривает квоты рабочих мест, в связи с чем, все другие граждане из указанного перечня лишены права устроиться на работу в счет квот рабочих мест. С таким решением проблем трудовой занятости данных граждан, испытывающих сложности в трудоустройстве, трудно согласиться. Оно представляется абсолютно не справедливым, так как все они также, как и инвалиды, обладают специфическими особенностями, которые препятствуют им в реализации своих способностей к труду у конкретных работодателей.

В качестве примера, следует сослаться на несовершеннолетних не достигших 18 лет, включенных в указанную группу лиц, которые для того, чтобы стать субъектами трудовых отношений, должны иметь трудовую правосубъектность, обеспечивающую им возможность приобрести и осуществлять трудовые права и создавать для себя обязанности, предусмотренные трудовым законодательством. В связи с этим, важно напомнить, что в ст. 60 Конституции РФ закрепляется: «Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет». Тем самым, данная норма закрепляет возраст совершеннолетия гражданина, в связи с чем, устанавливается возрастной критерий его общей правосубъектности, который позволяет ему стать субъектом различных общественных отношений.

Но, как уже было отмечено, ст. 63 ТК РФ наделяет трудовой правосубъектностью физических лиц, как правило, с момента исполнения им 16 лет, а в некоторых случаях даже и тех, кто не достиг этого возраста (14 и 15 лет), в связи с чем, предоставляет им право осуществлять свою способность к труду с помощью заключения трудовых договоров с работодателями. Вместе с тем, как признано большинством ученых-трудовиков [9, 52; 2, 97], чтобы физическое лицо могло стать субъектом трудовых отношений, «обладание им указанным в данной норме возрастом недостаточно, так как для этого необходимо наличие у него еще определенного уровня фактической способности к труду, характеризующейся двумя критериями (признаками): волевым (психическое состояние человека) и физическим (физиологическое состояние человека)» [7, 141].

Эти критерии, являющиеся фундаментом возникновения трудовой правосубъектности у гражданина, указывают на фактический уровень его психофизиологического состояния здоровья, определяющий степень его трудоспособности, которая позволяет ему реализовать свою способность к труду в полном объеме. При этом, психическое и физиологическое состояние человека в его организме настолько взаимосвязаны между собой, что первое неотъемлемо от второго, в связи с чем появляются одновременно по достижению гражданином 18 лет. Учитывая это, в научной литературе «критериями, лежащими в основе трудовой правосубъектности физического лица, как правило, признаются: возрастной, волевой и физическое состояние лица» [7, 141].

Отсюда следует: возрастной критерий «является подтверждением того, что гражданин (физическое лицо) в своем психофизическом развитии уже достиг такого уровня, который позволяет ему быть способным к систематическому труду» [8, 253]. Но, отсутствие у этого гражданина совершеннолетия, т. е. возраста 18 лет, говорит о том, что он не обладает тем необходимым уровнем психофизического состояния здоровья, который бы давал ему возможность осуществлять предусмотренные трудовым законодательством многочисленные трудовые обязанности.

Значит, граждане в возрасте от 14 до 18 лет не в состоянии в полном объеме иметь трудовую правосубъектность, так как у них отсутствует требуемый показатель психической и физической способности к труду. Законодатель не оставляет этот факт без внимания, учитывая особенности психофизиологического состояния здоровья несовершеннолетних, так как охраняет их здоровье, предусматривая в ТК РФ нормы, которые запрещают принимать граждан в возрасте до 18 лет на отдельные виды работ (ст. 265, 282, 244, 298, 342 ТК РФ и др.). Помимо этого, в целом ряде федеральных законов для граждан предусматривается повышенный возрастной критерий для выполнения некоторых видов трудовой деятельности.

В целом, изложенное указывает на ограниченную трудовую правосубъектность несовершеннолетних, не способных, в силу этого, принимать полноценное участие в сфере труда, осуществляя регулируемые трудовым законодательством различные виды трудовой деятельности. Это создает большие проблемы при их трудоустройстве в качестве наемных работников, что требует их устранения на законодательном уровне.

Кроме этого, государству также нельзя не учитывать сложившуюся в России негативную ситуацию, связанную с девиантным поведением несовершеннолетних лиц, которое в государственных документах понимается, как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией». Это явление имеет массовый характер и ему, согласно информации государственных органов статистики, присуща тенденция непрекращающегося роста, что является большой опасностью для нашего общества, представляющую из себя сложную социальную проблему, вызывающую острую потребность ее решения. Поэтому не случайно в РФ был принят Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», нормы которого направлены на борьбу с их антиобщественными действиями.

Тем не менее, этого оказалось недостаточно для устранения указанной ситуации, но при этом, надо заметить, что, выявленный в научных трудах по данной тематике факт непосредственного влияния трудовой деятельности человека на его психофизическое развитие, имеет большое значение, так как это самым положительным образом сказывается на уровне их девиантного поведения, на формировании и повышении умственного интеллекта. В связи с этим, в настоящее время возрастает роль и значение трудового воспитания в деле профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, т. е. привлечения этих лиц к труду, которое одобряется их законными представителями, что становится далеко не редким явлением [4, 103]. Поэтому привлечение несовершеннолетних к труду представляется одним из основных способов борьбы с этим явлением, требующим обеспечения их любой посильной работой, что может быть успешно решено путем установления для них квот рабочих мест.

Таким образом, следует констатировать, что анализ факторов, во-первых, влияющих на формирование ограниченной трудовой правосубъектности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, являющейся основным элементом их правового статуса, как субъектов трудовых отношений, и, во-вторых, прямого влияния труда на психофизиологическое развитие человека, дает основание отнести их к причинам, которые влекут для указанной категории лиц проблемы, связанные с их трудовой занятостью. Данные факторы, вместе с другими социокультурными причинами, детерминирующими социальное положение несовершеннолетних, находящихся в возрасте, характеризующимся эмоциональной неустойчивостью, свидетельствуют о том, что эти лица, из всех граждан, выделенных в ч.1 ст. 2 Закона № 565-ФЗ, испытывающих трудности в

поиске работы, являются самой незащищенной социально-демографической частью населения. В связи с этим, нельзя отрицать наибольшую уязвимость в обществе этой группы лиц, которая приносит значительный ущерб и нашему социуму, и самим подросткам. Поэтому, эта специфическая группа, включающая несовершеннолетних лиц, в большей мере, чем другие категории граждан, испытывающих трудности в поиске работы, остро нуждается в помощи государства, которое с учетом этого обстоятельства, должно усилить меры по их трудоустройству при проведении им политики в области содействия занятости населения в Российской Федерации.

Поэтому, для достижения положительных результатов этой политики в части обеспечения трудовой занятости несовершеннолетних лиц, Российское государство должно обратить на них самое пристальное внимание с тем, чтобы разрешить проблемы их трудоустройства, обеспечения конкретными рабочими местами. Этому будет способствовать установление для этой категории граждан квот рабочих мест, являющихся весовыми гарантиями их трудовой занятости, что, в целом, требует совершенствования действующего законодательства.

В связи с этим, законодателю необходимо ст. 11 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» дополнить частью третьей в следующей редакции: «Несовершеннолетним в возрасте до 18 лет предоставляются гарантии трудовой занятости путем установления в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для их приема на работу». Данная новелла, в свою очередь, вызывает необходимость предусмотреть порядок установления квот несовершеннолетним, в связи с чем, нужно будет дополнить Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» главой 7.1 – «Содействие занятости несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет», сконструированной по образцу 7 главы этого закона.

Библиография:

1. Андреев С. В. Кадровый потенциал и проблемы занятости в условиях перехода России к рыночным отношениям. М.: Ин-т социологии, 1997. – 360 с.
2. Гейхман В. Л., Дмитриева И. К. Трудовое право: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2011. – 520 с.
3. Гришнова А. А. Трудовая карьера: понятие, значение, виды, планирование и реализация // Экономика труда и социально-трудовые [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uchebnikonline.com/ekonomika/ekonomika_pratsi_ta_sotsialno-trudovi_vidnosini_-_grishnova_oa/trudova_karyera_ponyattya_znachennya_vidi_planuvannya_realizatsiya.htm (Дата обращения 04.03. 2024)
4. Дементьева И. Ф. Социальное самочувствие семьи // СОЦИС. 2008. № 2. С. 102-109
5. Котова С. И. Правовое положение прекариата на рынке труда и концепция занятости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 206 с.
6. Орлова Е. Е. Занятость как правовая категория: понятие и признаки // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 15-17.
7. Савин В. Т. Работодатель, его виды и их трудовая правосубъектность в сфере трудовых отношений: учебно-практическое пособие. М., 2021. – 176 с.
8. Савин В. Т. Проблемы работодательской правосубъектности несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет // Теория и практика общественного развития. Выпуск № 10 (2023). С. 252-256.
9. Трошин А. Ф. Правовой статус рабочих и служащих – равная возможность для всестороннего развития // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. М., 1981. Вып. 20. С. 45-57.

References:

1. Andreev S. V. Personnel potential and employment problems in the conditions of Russia's transition to market relations. Moscow: Institute of Sociology, 1997. - 360 c.
2. Geikhman V.L., Dmitrieva I.K. Labor law: textbook for universities. Moscow: Yurait, 2011. - 520 c.
3. Grishnova A. A. Labor career: concept, meaning, types, planning and implementation // Labor economics and socio-labor [Electronic resource]. - Mode of access: http://uchebnikonline.com/ekonomika/ekonomika_pratsi_ta_sotsialno-trudovi_vidnosini_-_grishnova_oa/trudova_karyera_ponyattya_znachennya_vidi_planuvannya_realizatsiya.htm (Date of address 04.03. 2024)
4. Dementieva, I. F. Social well-being of the family (in Russian) // SOCIS. 2008. № 2. С. 102-109
5. Kotova S. I. Legal status of the precariat in the labor market and the concept of employment: diss. ... kand. juridical sciences. M., 2019. - 206 c.
6. Orlova E. E. Employment as a legal category: concept and signs // Labor law in Russia and abroad. 2017. № 1. С. 15-17.
7. Savin V. T. Employer, its types and their labor legal personality in the sphere of labor relations: textbook. M., 2021. - 176 c.
8. Savin V. T. Problems of employer's legal personality of minors at the age of fourteen to eighteen years // Theory and practice of social development. Issue № 10 (2023). С. 252-256.
9. Troshin A. F. Legal status of workers and employees - equal opportunity for comprehensive development // Problems of improving the Soviet legislation. Trudy. M., 1981.

ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ И ИХ ПРИЕМКА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТАХ: ПРАКТИКА СУДОВ Execution of works and their acceptance in state and municipal contracts: the practice of courts

РУДЫХ Светлана Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Иркутский юридический институт (филиал), ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

E-mail: rudsvet@mail.ru;

Rudykh Svetlana Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines,
Irkutsk Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
1, Shevtsovast., Irkutsk, Russia, 664035.

E-mail: rudsvet@mail.ru

Краткая аннотация: в контракте, как правило, устанавливается ответственность подрядчика за несвоевременное исполнение обязательств. Заказчик среди прочего требует взыскать с него неустойку за просрочку подписания акта выполненных работ. Автор, рассматривая судебную практику, сформировавшуюся при толковании судами условий привлечения к ответственности подрядчика, отвечает на вопрос, следует ли включать срок приемки результатов выполненных работ в срок выполнения работ по государственному (муниципальному) контракту.

Abstract: The contract, as a rule, establishes the contractor's responsibility for late fulfillment of obligations. The customer, among other things, demands to collect a penalty from him for the delay in signing the act of completed works. The author, considering the judicial practice formed during the interpretation by the courts of the conditions for holding the contractor accountable, answers the question whether the deadline for acceptance of the results of the work performed should be included in the deadline for the performance of work under a state (municipal) contract.

Ключевые слова: исполнение контракта, приемка товаров, работ, услуг, акт приемки, неустойка, толкование договора.

Keywords: contract execution, acceptance of goods, works, services, acceptance certificate, penalty, interpretation of the contract.

Для цитирования: Рудых С.Н. Выполнение работ и их приемка в государственных и муниципальных контрактах: практика судов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 294-295. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_294.

For citation: Rudykh S.N. Execution of works and their acceptance in state and municipal contracts: the practice of courts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 294-295. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_294.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Приемка товаров, работ, услуг и подписание соответствующего акта – завершающий и, пожалуй, самый ответственный этап исполнения государственного (муниципального) контракта. Большое количество споров возникает именно на этапе сдачи и приемки выполненных работ (оказанных услуг).

Частью 7 ст. 94 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [1] определено, что приемка результатов исполнения контракта, а также отдельного этапа его исполнения осуществляется в порядке и в сроки, которые установлены контрактом и оформляется документом о приемке, который подписывается заказчиком (в случае создания приемочной комиссии подписывается всеми членами приемочной комиссии и утверждается заказчиком).

Одним из распространенных нарушений законодательства о закупках является несоблюдение установленных государственным (муниципальным) контрактом сроков выполнения работы (оказания услуги). Как правило, ответственность несет подрядчик (исполнитель), несмотря на не всегда правомерные действия заказчика (несвоевременное предоставление подрядчику технической документации, необоснованное уклонение от принятия выполненной подрядчиком работы (услуги), нарушение сроков оплаты и т.д.).

Начисляя договорную неустойку за просрочку, заказчики часто неверно определяют период просрочки сдачи выполненных работ. Возникает вопрос, как определить момент окончания работ. Принцип свободы договора (ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляет возможность сторон самостоятельно согласовывать необходимые условия будущего договорного обязательства. И иногда эти условия настолько неоднозначны, что порождают споры, которые основываются на разном понимании значения определенного условия договора.

Так, в некоторых контрактах содержатся положения, согласно которым датой исполнения обязательств подрядчика (исполнителя) является дата утверждения заказчиком акта приемки результата выполненных работ, что ставит в зависимость момент исполнения контракта от подписания итогового акта его сторонами. Данная ситуация нередко приводит к нарушению сроков исполнения контракта, что влечет за собой негативные последствия для подрядчика (исполнителя). В этой связи между сторонами возникают разногласия относительно толкования условий контракта о том, когда же подрядчик (исполнитель) считается надлежаще исполнившим обязательства, предусмотренные контрактом, и, соответственно, о наличии оснований для привлечения его к ответственности.

Указанная ситуация не раз становилась предметом споров. К примеру, в положениях государственного контракта предусмотрена обязанность подрядчика направлять *заблаговременно* акт сдачи-приемки с целью проведения заказчиком приемки, которая прописана в контракте как обязательное условие выполнения обязательства. В установленный срок обязательства по государственному контракту подрядчиком не исполнены, что подтверждается актом сдачи-приемки. Суд первой инстанции, удовлетворяя исковые требования, пришел к выводу, что при заключении государственного контракта стороны связали факт завершения работ по этапам государственного контракта с датой утверждения заказчиком акта сдачи-приемки этапа работ по соответствующему этапу, в силу чего отчетные документы по этапам головным исполнителем должны были быть предоставлены заказчику с сопроводительным письмом не позднее, чем за 35 дней до окончания этапа. Суд апелляционной инстанции установил, что суд

первой инстанции ошибочно не принял во внимание тот факт, что акт сдачи-приемки выполненных работ был передан заказчику сопроводительным письмом, с отметкой о его получении до окончания установленного государственным контрактом срока выполнения.

Как верно отметил суд апелляционной инстанции, несвоевременное подписание истцом акта сдачи-приемки выполненного этапа работ не может повлечь неблагоприятные последствия для ответчика в виде взыскания штрафных санкций, поскольку согласно позиции постановления Президиума ВАС РФ № 12945/13 от 17 декабря 2013 года, момент окончания оказания услуг (выполнения работ) не должен определяться датой утверждения заказчиком акта сдачи-приемки, так как это ставит приемку работ в зависимость исключительно от усмотрения заказчика [2].

Безусловно, содержащееся в контракте условие о том, что датой исполнения обязательств подрядчиком (исполнителем) считается дата утверждения заказчиком акта сдачи-приемки работ ставит подрядчика (исполнителя) в крайне невыгодное положение. Даже если он выполнит работы в срок (а возможно и раньше назначенного срока), заказчик может проверять результаты выполненной работы достаточно долго, что повлечет за собой обязанность подрядчика (исполнителя) платить неустойку за просрочку. В итоге получается, что подрядчик (исполнитель) будет нести ответственность не за свою просрочку, а за просрочку заказчика, что явно противоречит гражданско-правовому принципу добросовестности.

Данная позиция подтверждается сложившейся судебной практикой. В настоящее время суды признают незаконным желание заказчика среди прочего взыскать с подрядчика неустойку за просрочку подписания итогового акта выполненных работ, аргументируя это тем, что, во-первых, начисление неустойки за просрочку подписания итогового акта не основано на условиях контракта и нормах законодательства (см. постановления АС МО от 29.01.2021 № Ф05-23720/2020 по делу № А40-80554/2020, от 21.01.2021 № Ф05-22641/2020 по делу № А40-303524/2019, от 14.10.2020 № Ф05-14741/2020 по делу № А40-331926/2019). Во-вторых, в контракте предусмотрена ответственность за несвоевременное выполнение работ. Подписание итогового акта к ним не относится и является лишь основанием для проведения окончательного расчета по контракту (см. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2020 № 09АП-47744/2020 по делу № А40-80554/2020). В-третьих, подписание итогового акта – это совместное действие заказчика и подрядчика, которое нельзя расценивать как отдельное обязательство, за нарушение сроков которого можно начислить неустойку. Первичная документация, являясь атрибутом приемки выполненных работ, сама по себе не представляет потребительской ценности, отмечает С.С. Кислов. Ни техническая, ни бухгалтерская документация, удостоверяющая приемку выполненных работ, не является неотъемлемой частью выполненных работ, без которой использование объекта по прямому назначению не представляется возможным [3] (см. постановления АС ДВО от 02.02.2023 № Ф04-7416/2022 по делу № А45-15812/2022, постановления АС МО от 23.10.2019 по делу № А40-302537/2018, от 21.05.2020 по делу № А40-12660/2019, от 13.05.2020 по делу № А40-57901/2019).

Таким образом, подписание итогового акта не является отдельным видом работ, в связи с чем, при нарушении срока его подписания с подрядчика не взыскивается неустойка, предусмотренная контрактом за просрочку окончания работ [4].

Показательным в этом отношении явилось определение Верховного Суда Российской Федерации, в котором указано на недопустимость подмены в договоре понятий «срок выполнения работ» и «срок приемки результатов работ», который является самостоятельным и может быть установлен в договоре подряда (п. 1 ст. 720 ГК РФ). Названные сроки различаются, соответственно, отличаются и последствия их нарушения. При этом, как правило, соблюдение срока выполнения работы зависит от подрядчика, срока приемки – от подрядчика и заказчика. В силу абз. 2 п. 1 ст. 708 ГК РФ подрядчик несет ответственность за нарушение как начального и конечного, так и промежуточных сроков выполнения работы. Иное может быть установлено законом, иными правовыми актами или предусмотрено договором.

Условия контракта подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо из его сторон извлекать преимущество из его незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Право заказчика осуществлять приемку в течение установленного контрактом срока после поступления отчетной документации не отменяет право подрядчика (исполнителя) выполнить работу в течение предусмотренного срока и предъявить ее к сдаче в последний день срока без учета времени на приемку работ... Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации, подойдя к рассмотрению данной ситуации с точки зрения справедливости договорных условий и недопустимости извлечения какой-либо из сторон преимущества из его недобросовестного поведения, определил, что «при расчете заказчиком неустойки, начисляемой за каждый день просрочки исполнения подрядчиком обязательства, в период просрочки не включаются дни, потребовавшиеся заказчику для приемки выполненной работы и оформления итогов такой приемки» [5]. Аналогичное мнение высказано и в других актах Верховного суда Российской Федерации (см. Определение ВС РФ от 12.07.2021 № 303-ЭС21-10359 по делу № А51-15517/2020 и др.).

Таким образом, рассматриваемые споры в очередной раз свидетельствуют о необходимости при заключении договора более детального урегулирования всех существенных и иных условий, регламентов и сроков, поскольку отсутствие прямого указания оставляет разрешение вопроса на усмотрение суда, что далеко не всегда может привести к вынесению такого решения, которое не будет учитывать реально имевшие место договоренности.

Библиография:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // *Собрание законодательства Рос. Федерации*. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 ноября 2019 г. № Ф05-20630/19 по делу № А40-273323/2018.
3. Кислов С.С. Комментарий к постановлению АС ДВО от 10.05.2023 п Ф03-694/2023 // *Строительство: акты и комментарии для бухгалтера*. 2023. № 6.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 июня 2021 № Ф05-12804/2021 по делу № А40-105727/2020.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 октября 2019 года № 305-ЭС19-12786 по делу № А40-236034/2018.

References:

1. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs : Feder. Law No. 44-FZ of April 5, 2013 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.
2. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 19, 2019 No. F05-20630/19 in case No. A40-273323/2018.
3. Kislov S.S. Commentary to the decision of the Court of Arbitration of 05/10/2023 n F03-694/2023 // *Construction: acts and comments for the accountant*. 2023. № 6.
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 28, 2021 No. F05-12804/2021 in case No. A40-105727/2020.
5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 15, 2019 No. 305-ES19-12786 in case No. A40-236034/2018.

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРАХ СОВМЕСТНОГО БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН

Balance of interests of the creditors in the processes of joint bankruptcy of citizens

БУСЫГИН Антон Андреевич,

аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», арбитражный управляющий.

171506, Россия, Тверская область, г. Кимры, ул. Володарского, 2.

E-mail: antonbus@bk.ru;

Busygin Anton Andreevich,

postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

"Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", arbitration manager.

171506 Tver Region, Kimry, Volodarsky St., Building, 2.

E-mail: antonbus@bk.ru

Краткая аннотация: Банкротство граждан в России это уникальный, динамично-развивающийся пласт законодательства, который идёт вперед широкими шагами, порождая новые и новые удивительные вопросы, которые требуют нестандартных ответов. Банкротство физических лиц, напрямую связано с качеством жизни граждан-должников, и порождает бесчисленное количество социальных конфликтов, нарушая баланс интересов сторон. В настоящее время, судебная практика, свидетельствует о том, что обращение с совместным заявлением о банкротстве не востребовано гражданами и редко применяется арбитражным судом. Это связано с тем, что несмотря на наличие процедуры совместного банкротства суды опасаются вводить процедуру совместного банкротства граждан из-за отсутствия правовой определенности. Пандемия, проведение мобилизации и специальной военной операции повысили спрос и востребованность процедуры совместного потребительского банкротства, стали нужным механизмом, позволяющим избежать разделение процедур банкротства, это помогает оптимизировать денежные и временные расходы. Выгода кредиторов заключается в том, что они могут оспорить сделку с несовершеннолетним гражданином и обратиться за его банкротством. Должники могут быстро списать общий долг, не дожидаясь окончания нескольких процедур что осуществляется с помощью объединения задолженности и реализации общего имущества супругов, а так же несовершеннолетних наследников. Совместное банкротство помогает в стабилизации баланса интересов кредиторов и должников, отвечает интересам правового Государства, каким без сомнения является и Российская Федерация. Автором предложен ряд изменений, которые помогут сделать процедуру подачи заявления о совместном банкротстве более эффективной и быстрой.

Abstract: Bankruptcy of citizens in Russia is a unique, dynamically developing layer of legislation that is moving forward with great strides, giving rise to new and new surprising questions that require non-standard answers. Bankruptcy of individuals is directly related to the quality of life of debtor citizens, and gives rise to countless social conflicts, upsetting the balance of interests of the parties. Currently, judicial practice indicates that filing a joint bankruptcy petition is not in demand by citizens and is rarely used by an arbitration court. This is due to the fact that, despite the existence of a joint bankruptcy procedure, the courts are afraid to introduce a joint bankruptcy procedure for citizens due to the lack of legal certainty. The pandemic, mobilization and a special military operation have increased the demand and relevance of the joint consumer bankruptcy procedure and have become a necessary mechanism to avoid the separation of bankruptcy procedures, this helps to optimize monetary and time costs. The benefit of creditors is that they can challenge a transaction with a minor citizen and apply for his bankruptcy. Debtors can quickly write off the common debt without waiting for the completion of several procedures, which is carried out through the consolidation of debt and the sale of common property of spouses, as well as minor heirs. Joint bankruptcy helps in stabilizing the balance of interests of creditors and debtors and meets the interests of the rule of law State, which the Russian Federation undoubtedly is. The author has proposed a number of changes that will help make the procedure for filing a joint application more effective and fast.

Ключевые слова: банкротство граждан, совместное банкротство, защита прав и интересов кредиторов и должников, банкротство несовершеннолетних, наследодатель, наследники, совершенствование законодательства, реестр требований кредиторов, режим собственности, права супругов, финансовый управляющий, арбитражный суд.

Keywords: bankruptcy of citizens, joint bankruptcy, protection of the rights, bankruptcy of minors, testator, heirs, improvement of legislation, register of creditors' claims, property regime, rights of spouses, financial manager, arbitration court.

Для цитирования: Бусыгин А.А. Баланс интересов кредиторов в процедурах совместного банкротства граждан // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 296-298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_296

For citation: Busygin A.A. Balance of interests of the creditors in the processes of joint bankruptcy of citizens // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 296-298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_296

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Целью настоящего исследования – дать ответ на вопрос существует ли совместное банкротство граждан в России и если да, то в какой форме. Задача данной статьи - проанализировать законодательство о банкротстве и судебную практику, выявив все аспекты процедуры совместного банкротства граждан. Теоретические результаты исследования могут послужить основой для написания последующих исследовательских работ, практическая значимость работы заключается в формировании критериев для подачи совместного заявления о банкротстве наследников умершего Должника, как для заявителя, так и для суда.

Большинство арбитражных управляющих выбирают именно банкротство граждан, как основное направление своей деятельности, это связано как с меньшими рисками для финансового управляющего, так и с относительно небольшим, сроком проведения процедуры. Возможность подачи заявления о совместном банкротстве способствует увеличению и улучшению работы судов и финансовых управляющих.

Практика Верховного Суда формирует законодательство о банкротстве граждан, в данный момент у нас есть федеральный закон, который описывает основные этапы процедур банкротства гражданина и практика Верховного суда, которая разъясняет все моменты, которые в законе не указаны. Основная проблема, на данном этапе, связана с тем, что закон был принят в 2015 году, на момент написания статьи, прошло около восьми лет, Верховным судом рассмотрено множество сложных и интересных дел, которые не нашли своего отражения в Федеральном законе, но ещё больше проблем, которые не решены, ни законом, ни судом. Изучению процедуры совместного банкротства граждан посвящено не так много работ, из дореволюционных авторов, можно Из последних опубликованных статей и работ по данному вопросу можно выделить статью Беловой И.Е. «Совместное банкротство супругов», опубликованную в журнале «Актуальные проблемы государства и права» (т.5 №18 2021).

Отсутствие критериев относимости того или иного случая совместного банкротства граждан, а так же отнесение решения данного вопроса к усмотрению суда, а не закона не позволяет увеличить количество процедур совместного банкротства в России. Критерии, сформулированные автором, а так же новые подходы к субъектному составу на стороне Должника в процедуре банкротства гражданина, позволяют по новому

решить данную проблему.

В научной статье предлагаются изменения действующего законодательства, в части возможности банкротства не только супругов, но и наследников умершего Должника, которые обладают совместными обязательствами и имуществом. Целью исследования является анализ действующей судебной практики, посредством которого формируются практические и теоретические пути разрешения процедурных сложностей процедуры совместного банкротства граждан, а так же поиск баланса интересов кредиторов в совместной процедуре банкротства граждан.

Для достижения поставленной цели был решен ряд задач: проведен обзор существующих подходов к пониманию и решению данной проблемы в практической сфере; изучены практические подходы, существующие в российской судебной практике и законодательстве;

Теоретическая и практическая значимость. Теоретические результаты исследования могут послужить основой для написания последующих исследовательских работ, практическая значимость работы заключается в формировании критериев для подачи совместного заявления о банкротстве наследников умершего Должника, как для заявителя, так и для суда.

Автором работы, применены методы анализа и синтеза полученной информации, данные методы применялись в ходе обобщения судебной практики. Метод аналогии и дедукции, так же помогли автору в написании данной работы.

Законодательство о банкротстве граждан это сложная система, которая постоянно изменяется, активно взаимодействуя с другими отраслями права¹. В связи с тем, что законодательство о банкротстве граждан это новая и активно развивающаяся сфера права, в ходе ее применения возникает множество правовых вопросов и проблем.

Одна из таких проблем — это возможность подать совместное заявление о банкротстве супругов. В законодательстве о банкротстве нет запрета на подачу совместного заявления о банкротстве². Суд вправе самостоятельно принять решение об объединении дел.

При этом в связи с тем, что судьи, особенно в регионах³, опасаются отмены приятного им судебного акта, то многие из них принимая решение о том рискнуть ли им раз в год и объединить дела или не рисковать и выделить дело в отношении другого супруга в отдельное производство, добавив работы другому судье, выбирает последний вариант.

Пленум ВС РФ⁴ узаконил правовой механизм совместного банкротства супругов, однако это касается только тех случаев, когда заявления уже поданы, процедуры банкротства введены или будут введены, и применяется судами, по аналогии, к заявлениям где супруги просят о совместном банкротстве.

Помимо существенной экономии временных и материальных ресурсов данная процедура помогает комплексно подойти к делу о банкротстве. Нередко встречается ситуация при которой квартира реализуется в процедуре банкротства жены, остаток долга ей списывают, в то время как остаток долга её супруга остаётся, что порождает конфликты, именно в процедурах банкротства граждан представления самих граждан о том как нужно, часто расходятся с тем, как установлено законом (в постановлении, как и во всем деле содержится история борьбы супругов за квартиру, обременённую залогом, которая по их мнению, не поддержала реализации в процедуре банкротства).

Возможность подачи совместного заявления о банкротстве граждан должна прямо регулироваться законом, необходимо ограничить диспозитивность суда. При этом, за исключением постановления пленума Верховного суда, никто не пытался как-то урегулировать данный пробел. В данный момент, поданное заявление о совместном банкротстве супругов могут или принять, или не принять⁵. Предсказать это невозможно. Если брак расторгнут, то его точно не примут⁶. Хотя кроме данного определения это ничем не регулируется, при этом количество созаемщиков взявших ипотеку, но не зарегистрировавших брак - существенно, "совместная ипотека сближает крепче брака".

Интересны ситуации, которые нередко возникают в жизни, которые решаются при наличии совместного банкротства. В законе есть возможность банкротства умершего должника, это так же подтверждает Верховный суд⁷, а что делать, если наследники успели принять на себя его права и обязанности. Долги будут общими, имущество невозможно разделить, до процедуры банкротства, из-за наличия арестов. Дополнительно, проведение процедуры осложняется наличием несовершеннолетних наследников, в отношении которых отдельная процедура банкротства невозможна. Что так же является достаточно спорным вопросом.

Нередко встречаются ситуации, когда должников несколько, среди которых есть законный представитель и несколько несовершеннолетних, на наш взгляд, это и есть идеальная ситуация для введения совместной процедуры банкротства - наличие общих долгов, наличие общего имущества, позволяет объединить дела и вести финансовому управляющему одну процедуру. Такие ситуации возникают при оспаривании сделок по выводу имущества, когда несовершеннолетний ответчик (находясь под влиянием своих представителей) не передает имущество или скрывает денежные средства.

Для подачи одного заявления о банкротстве в отношении нескольких Должников, оно должно соответствовать следующим условиям:

- задолженность граждан более 500 000 рублей, не оплачиваемая в течении трех месяцев с даты возникновения соответствующей обязанности;

- у Должников имеется совместное имущество на праве общей совместной собственности

¹ А. Амелин, А. Смирных, Ян-Око Хойер Ц- Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века. — М.: «Издание книг ком», 2021. — стр. 28

² Постановление девятого арбитражного апелляционного суда по делу А40-184816/2016 от 17.11.2016

³ Определение арбитражного суда Воронежской области по делу № А14-2359/2020 от 24.07.2023

⁴ Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»

⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2021 по делу № А40-167541/2020. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.05.2022 г. по делу № 09АП-25874/2022.

⁶ Определение Верховного суда Российской Федерации от 4 августа 2022 г. № 307-ЭС22-13696.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2018 N 305-ЭС18-16447 по делу N А41-62893/2017.

- имеется совместная задолженность перед одним или несколькими кредиторами

- в случае, если один из Должников является несовершеннолетним, необходимо привлечение законных представителей, службы опеки.

- Требования кредиторов будут предъявлены к наследникам, обладающим совместным имуществом.

- С учетом, того, что действующее законодательство не предусматривает возможности банкротства несовершеннолетних граждан, а также с учетом невозможности банкротства наследственной массы умершего гражданина, в связи со вступлением в наследство нескольких граждан, считаем, что заявление о совместном банкротстве граждан подлежит удовлетворению.

Полагаем, что в данных делах подлежат применению положения п. 10 Пленума ВС РФ¹:

1. Необходимо реализовывать имущество в совместном деле о банкротстве граждан. Таким образом появляется возможность для распределения денежных средств между кредиторами, а так же условия для распределения вырученных денежных средств пропорционально размеру требования.

2. Стоит учитывать, что помимо общих обязательств существуют и личные обязательства должника перед конкретным кредитором, например, задолженность, возникшая в связи с алиментными обязательствами, в таком случае выручка от реализации личного имущества гражданина, распределяется между его личными кредиторами.

3. Существует необходимость в ведение общего реестра требований кредиторов Должника, а так же в ведении реестра требований кредиторов гражданина, где учитываются его личные долги и погашения от реализации его имущества.

Применение критериев для подачи заявления о совместном банкротстве граждан поможет более эффективно подходить к рассмотрению дел о совместном банкротстве, не только супругов, но и наследников умершего Должника, благодаря этому кредиторы получают более эффективный механизм для удовлетворения своих требований, а так же для более рационального расходования денежных средств при проведении процедур банкротства гражданина.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.), (с учетом поправок от 05.02.14 N 2-ФКЗ) // Росс. газ. 2009, N 4831 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // «Российская газета», №1082, 13.07.2016;
2. Постановление девятого арбитражного апелляционного суда по делу А40-184816/2016 от 17.11.2016
3. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».
4. Определение арбитражного суда Воронежской области по делу № А14-2359/2020 от 24.07.2023
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 мая 2022 г. № 09АП-25353/2022.
6. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»
7. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30 октября 2019 г. по делу № А10-775/2017
8. Постановление десятого арбитражного апелляционного суда по делу 10АП-9866/2023 от 28.06.2023.
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2021 по делу № А40-167541/2020.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2022 г. по делу № 09АП-25874/2022.
11. Определение Верховного суда Российской Федерации от 4 августа 2022 г. № 307-ЭС22-13696.
12. Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2018 N 305-ЭС18-16447 по делу N А41-62893/2017.
13. Постановление двенадцатого арбитражного апелляционного суда по делу А12-4504/2016 от 22.03.2016.
14. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».
15. Амелин, А. Смирных, Ян-Око Хойер Ц- Личное банкротство в России и в мире: проблемы XXI века. — М.: «Издание книг ком», 2021. — стр. 28.
16. Белова И.Е. Совместное банкротство супругов 2021 С.271-280 <https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnoe-bankrotstvo-suprugov-voprosy-teorii-i-praktiki>. (дата обращения: 02.03.2024)
17. Алферова Л.М. Конкурсная правосубъектность должников — физических лиц: особенности реализации отдельными категориями граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 33 с.
18. Савельева Н. М. Совместное банкротство супругов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 65–79
19. Васильченко Е. И. Совместное банкротство супругов проблема правоприменения 2021, С.27-29 [https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnoe-bankrotstvo-suprugov-problemy-pravoprimeniya](https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnoe-bankrotstvo-suprugov-problemy-pravoprimeneniya). (дата обращения: 02.03.2024).
20. Овсянникова Н.А. Актуальные проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: Владимир, 2011 // ЭБД РГБ: <http://diss.rsl.ru/>
21. Ливанова А.С. Правовое регулирование банкротства граждан проблемы и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2009 // ЭБД РГБ: <http://diss.rsl.ru/>

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), (as amended on 02/05/14 N 2-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta, - 2009, N 4831
2. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 10/26/2002 No. 127-FZ (ed. dated 07/03/2016) // Rossiyskaya Gazeta, No. 1082, 07/13/2016;
3. The decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal in the case A40-184816/2016 dated 11/17/2016
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Resolution No. 46 dated 12/23/2021 "On the Application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when Considering Cases in the Court of First Instance"
5. Ruling of the Arbitration Court of the Voronezh Region in case no. A14-2359/2020 dated 07/24/2023
6. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 12, 2022 No. 09AP-25353/2022.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Resolution No. 48 dated 12/25/2018 "On some issues related to the specifics of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens"
8. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated October 30, 2019 in case No. A10-775/2017
9. Decision of the Tenth Arbitration Court of Appeal in case 10AP-9866/2023 of 06/28/2023.
10. Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 09/10/2021 in case no. A40-167541/2020.
11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 4, 2022 in case No. 09AP-25874/2022.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 4, 2022 No. 307-ES22-13696.
13. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/18/2018 No. 305-ES18-16447 in case No. A41-62893/2017.
14. The decision of the Twelfth Arbitration Court of Appeal in the case A12-4504/2016 dated 03/22/2016.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Resolution No. 48 dated 12/25/2018 "On some issues related to the specifics of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens".
16. Amelin, A. Smirnykh, Jan-Okko Hoyer C- Personal bankruptcy in Russia and in the world: problems of the XXI century. — М.: "Publishing books com", 2021. — p. 28
17. Belova I.E. Joint bankruptcy of spouses 2021 p.271-280 <https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnoe-bankrotstvo-suprugov-voprosy-teorii-i-praktiki>(date of application: 03/02/2024)
18. Alferova L.M. Competitive legal personality of debtors - individuals: features of implementation by certain categories of citizens: abstract of the thesis ... cand. Jurid. M., 2017. 33 p.
19. Savelyeva N. M. Joint bankruptcy of spouses // Bulletin of the Tver State University. Series: Law. 2018. No. 4. pp. 65-79
20. Vasilchenko E. I. Joint bankruptcy of spouses the problem of law enforcement 2021, pp.27-29 <https://cyberleninka.ru/article/n/sovместnoe-bankrotstvo-suprugov-problemy-pravoprimeniya>. (date of application: 03/02/2024).
21. Ovsyannikova N.A. Actual problems of legal regulation of insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation: dis. cand. Jurid. Sciences: Vladimir, 2011 // EBD RGB: <http://diss.rsl.ru/>
22. Livanova A.S. Legal regulation of bankruptcy of citizens problems and prospects of development: dis. ... cand. Jurid. Sciences: M., 2009 // EBD RGB: <http://diss.rsl.ru/>

¹ Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА Features of the legal regime of real estate

ЧЕШОКОВА Юлия Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»

ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

Chesnokova Yulia V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law

Penza State University "Penza State University".

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru

Краткая аннотация. Гражданское законодательство о правовом режиме недвижимого имущества в РФ характеризуется стабильностью и меньшей подверженностью изменениям по сравнению с иными отраслями права. Данный факт также способствует повышению юридической определенности статуса недвижимости. В статье рассмотрены критерии недвижимости, проанализированы особенности правового режима недвижимого имущества. На основе выделенных критериев недвижимость разделена на группы. Основываясь на текущем состоянии гражданского законодательства, взглядах ученых-цивилистов и судебной практики автор указывает, что правоприменительная практика неоднозначна в своем подходе к разрешению судебных споров о признании недвижимостью конкретных видов имущества. На основе проведенного исследования предлагается на законодательном уровне закрепить в п. 1 ст. 130 ГК РФ понятие недвижимого имущества, делается вывод о необходимости установления в гражданском законодательстве исчерпывающего списка объектов недвижимого имущества.

Abstract: Civil legislation on the legal regime of real estate in the Russian Federation is characterized by stability and less susceptibility to change compared with other branches of law. This fact also helps to increase the legal certainty of the status of real estate. The article considers the criteria of real estate, analyzes the features of the legal regime of real estate. Based on the selected criteria, the property is divided into groups. Based on the current state of civil legislation, the views of civil scientists and judicial practice, the author points out that law enforcement practice is ambiguous in its approach to resolving litigation on the recognition of real estate of specific types of property. Based on the conducted research, it is proposed to fix the concept of immovable property at the legislative level in paragraph 1 of Article 130 of the Civil Code of the Russian Federation, and it is concluded that it is necessary to establish an exhaustive list of immovable property objects in civil legislation.

Ключевые слова: вещи, недвижимое имущество, земельный участок, категории классификации недвижимого имущества, государственная регистрация.

Key words: things, real estate, land, categories of classification of real estate, state registration.

Для цитирования: Чеснокова Ю.В. Особенности правового режима недвижимого имущества // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 299-301. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_299.

For citation: Chesnokova Yu.V. Features of the legal regime of real estate // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 299-301. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_299.

Статья поступила в редакцию: 28.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Недвижимое имущество как объект гражданских правоотношений регламентируется комплексом норм гражданского права. Правовой статус недвижимости определяется, прежде всего, Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). Все объекты недвижимости, закрепленные на законодательном уровне, отличаются между собой.

Под правовым режимом недвижимого имущества понимается установленный законом комплекс правил, устанавливающий порядок реализации правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, требующий обязательную специальную регистрацию прав на недвижимость.

Статья 130 ГК РФ закрепляет, что к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Законодатель также установил, что к недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке [1].

При этом перечень данного имущества является открытым, что усложняет реализацию отдельных положений ГК РФ, относительно регулирования вещно-правовых отношений. Отметим, что при наличии такого объема видового разнообразия объектов недвижимости, официальное понятие «недвижимость» в законе отсутствует. В связи с этим в Гражданском кодексе используется под понятием недвижимость, как отдельные вещи, так и их совокупность.

В свою очередь, понятие «недвижимость» мы можем встретить в трудах ученых-юристов. Так, например, А. Я. Рыженков отмечает, что «понятие недвижимости в настоящее время определяется не путем установления признаков данного явления, а путем перечисления примеров недвижимых вещей» [2, с. 115].

Следует также согласиться с мнением профессора Л. А. Каско, «использование такого приема как перечисления примеров не может иметь исчерпывающее значение для общего определения» [3].

В связи с этим в кругах цивилистов нередко возникают споры по поводу отнесения к недвижимым вещам иного имущества. На практике это вызывает неоднозначность понимания терминов. По мнению А. П. Сергеева «под иным имуществом следует понимать как имущественные права и обязанности, так и материальные блага, которые не отвечают признакам вещей» [4, с. 229].

Как справедливо замечает В. В. Витрянский, что «понятие недвижимое имущество говорит не о едином объекте недвижимости, а о совокупности его четырех категорий» [5].

Остановимся более подробно на указанных В. В. Витрянским категориях.

1. По происхождению недвижимое имущество является природным творением (например, земельные участки, участки недр).
2. По признаку неразрывной физической и юридической связи с землей (здания, сооружения).
3. Имущество, признаваемое недвижимым в силу закона (воздушные и морские суда).
4. Имущество, отнесенное иными законами к недвижимому (предприятия, жилые помещения).

Следует отметить, что критика законодательного определения понятия «недвижимость» связана с непоследовательностью отнесения объектов к недвижимым.

Одной из особенностей недвижимого имущества как объекта права является его неразрывная связь с землей. Данный признак определяет особый правовой режим возникновения, осуществления и прекращения вещных прав на недвижимость. В частности, право собственности и иные вещные права на землю и объекты, которые прочно связаны с землей, возникают, изменяются и прекращаются только на основании сделок. Также в качестве необходимых признаков недвижимости в теории гражданского права следует указать прочность и не потребляемость.

Закон не указывает тот или иной признак недвижимого имущества в качестве основного. В связи с этим, на практике возникают вопросы по поводу правового оборота определенных видов объектов недвижимости.

В настоящее время многолетние насаждения прямо не относятся к недвижимому имуществу, поскольку были исключены из перечня объектов недвижимости на основании Федерального закона от 04.12.2006 г. № 201-ФЗ.

Тем не менее, в зависимости от обстоятельств могут быть квалифицированы как недвижимое имущество. Обратимся к материалам судебной практики. ООО «Агрофирма «Ю» обратилось в суд с иском к К.А.В., К.В.П., К.Е.П., К.М.П., С.И.В. о понуждении заключить договоры аренды земельных участков. В обоснование требований истец указал, что 4 декабря 2006 г. по договору купли-продажи ООО «З.А.», впоследствии преобразованное в ООО «Агрофирма «Ю», приобрело недвижимое имущество в виде многолетних насаждений виноградника, расположенных вблизи пос. Юбилейный Темрюкского района Краснодарского края. В связи с изменением законодательства многолетние насаждения перестали относиться к недвижимому имуществу. На момент предъявления иска часть принадлежащих истцу многолетних насаждений виноградника находится на земельных участках, находящихся в собственности ответчиков. При этом стоимость насаждений вдвое превышает рыночную стоимость земельных участков.

Изучив материалы дела, суд первой инстанции удовлетворил исковые требования, указав, что находящийся на земельных участках ответчиков виноградник является многолетней культурой, требующей значительных материальных затрат на его возвращение и уход за ним. С учетом особенностей данной культуры, её стоимости и количества растений, занимающих площадь спорных участков, перемещение этого виноградника невозможно без несоразмерного для него ущерба, в связи с чем, данные насаждения могут быть квалифицированы как недвижимое имущество [6].

Сама же судебная практика также не имеет единообразного подхода при принятии решений по указанным вопросам, что не позволяет в полной мере осуществить соблюдение на должном уровне прав и интересов участников имущественного оборота.

Рассматривая имущество по третьему критерию, недвижимость в силу закона, следует отметить, что ряд объектов, условно относящихся к объектам недвижимости, не имеют непосредственной связи с землей (воздушный и морской транспорт). Однако в связи с экономическим критерием, высокой рыночной стоимостью объекта, а также обязательным порядком государственного учета данные объекты нормой закона отнесены к недвижимым вещам.

Анализ законодательства, регулирующего имущественные отношения, позволил выделить существенные пробелы законодательного характера. К ним относятся: отсутствие закрепленного в гражданском законодательстве понятия «недвижимое имущество»; в ст. 130 ГК РФ указан открытый перечень объектов, относящихся к недвижимому имуществу.

На сегодняшний день законодатель заинтересован, в первую очередь в четком закреплении определения термина «недвижимое имущество», в установлении исчерпывающего перечня объектов недвижимого имущества, исключив из ст. 130 ГК формулировку «Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество».

Рассмотрим правовой режим недвижимого имущества в Российской Федерации. Несомненно, институт частной собственности на недвижимое имущество обладает рядом преимуществ перед иными возможностями владения такого рода активами. Во-первых, сам факт признания права частной собственности на недвижимость вселяет в собственников уверенность в прочности своих прав на владение, пользование и распоряжение соответствующим объектом. Во-вторых, законодательство о правовом режиме недвижимого имущества в РФ традиционно характеризуется стабильностью и меньшей подверженностью изменениям по сравнению с иными отраслями права.

Правовой режим различных видов недвижимого имущества имеет ряд особенностей, которые зависят от конкретного вида недвижимо-

го имущества. Так, например, для земельного участка установлен определенный правовой режим. Существует ряд ограничений прав на земельные участки, к которым относятся в соответствии со ст. 56 ЗК РФ ограничения использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий; особые условия охраны окружающей среды, в том числе животного и растительного мира, памятников природы, истории и культуры, археологических объектов, сохранения плодородного слоя почвы, естественной среды обитания, путей миграции диких животных; иные ограничения использования земельных участков в случаях, установленных законодательными актами.

Следует обратить внимание на объекты недвижимости, которые расположенные на земельном участке, самостоятельно участвующие в гражданском обороте.

Рассмотрим положения ст. 552 ГК РФ, регулирующие порядок перехода прав на земельные участки при продаже недвижимого имущества. Анализ нормы позволяет выделить следующие основные положения. В соответствии с указанной статьей, приобретению объекта недвижимости одновременно подлежат передаче права на земельный участок, если он принадлежит продавцу на праве собственности. В то же время закон допускает возможность продажи недвижимости без согласия собственника земельного участка в случае, если такой участок не является собственностью продавца, при отсутствии ограничений на использование участка, предусмотренных законодательством или ранее заключенными соглашениями сторон. В такой ситуации покупатель приобретает лишь право пользования землей на тех же условиях, которые были установлены для продавца.

Затрагивая вопрос правового режима недвижимости, стоит сказать несколько слов о государственной регистрации возникновения, изменения, перехода и прекращения права определенного лица на недвижимые объекты, либо ограничение такого права. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [7] определяет объекты недвижимости, которые подлежат государственному учету. Однако нормы данного закона не подлежат распространению на морские и воздушные суда, для которых существуют определенные правила регистрации, прописанные в иных действующих законодательных актах.

По мнению В. А. Чаркина прослеживается некая двойственность подходов к конструированию гражданско-правового режима недвижимости. Основную проблему он видит в том, что ее результатом становится концептуальная непоследовательность правовой политики в сфере недвижимого имущества, которая существенно различается, в зависимости от того, что находится в ее основе: представления о земле и ее принадлежности или понимание недвижимости как любого имущества, в отношении которого целесообразно ввести государственную регистрацию» [8, с. 165].

В заключение, хотелось бы отметить, что определяя правовой режим недвижимого имущества в Российской Федерации, следует учитывать наличие у объекта определенных признаков, относящих его к недвижимости. В случае спора, только судебные органы, оценив все доказательства, имеющиеся в деле, примут решение о том, отвечает ли спорный объект критериям недвижимости или нет. Стоит отметить, что своевременность проведения реформирования гражданского законодательства положительно повлияет на развитие правоприменительной практики.

Библиография:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Рыженков А. Я. К вопросу о понятии и содержании недвижимого имущества как объекта гражданских прав // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). С. 113–120.
3. Каско Л. А. Русское поземельное право. – М., 1906. – 260 с.
4. Рыженков А. Я., Анисимов П. В. О некоторых теоретических проблемах совершенствования законодательства о недвижимости // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 54–58.
5. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства. Промежуточные итоги. – М.: Статут, 2017. – 431 с.
6. Определение Верховного Суда РФ от 14.10.2014 № 18–КГ14–112 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=611800 (дата обращения: 27.07.2024).
7. Федеральный закон от 13 июля 2015 № 218–ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
8. Чаркин В. А. Онтологические и гносеологические аспекты гражданско-правового режима недвижимости // Власть закона. – 2024. – № 1 (57). – С. 156–166.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51–FZ (as amended on 03/11/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994. No. 32. St. 3301.
2. Ryzhenkov A. Ya. On the issue of the concept and content of immovable property as an object of civil rights // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. – 2012. – № 2 (17). Pp. 113-120.
3. Kasko L. A. Russian land law. – M., 1906. – 260 p.
4. Ryzhenkov A. Ya., Anisimov P. V. On some theoretical problems of improving real estate legislation // Gaps in Russian legislation. Law Journal. – 2012. – No. 5. – pp. 54-58.
5. Vitryansky V. V. Reform of the Russian civil legislation. Interim results. – M.: Statute, 2017. – 431 p.
6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.10.2014 No. 18–KG14–112 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=611800 (date of appeal: 07/27/2024).
7. Federal Law No. 218–FZ of July 13, 2015 (as amended on 02/14/2024) "On State Registration of Real Estate" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/20/2015. No. 29 (Part I). Article 4344.
8. Charkin V. A. Ontological and epistemological aspects of the civil law regime of real estate // The rule of law. – 2024. – № 1 (57). – Pp. 156-166.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

PROTECTION OF PERSONAL DATA OF CONVICTS AND PERSONS IN CUSTODY

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: a.e.o.77@yandex.ru;

АХВЕРДЯН Арутюн Гайкович,

юрист, юридическая компания «Юрискон».
390048, Россия, г. Рязань, ул. Васильевский переулок, д. 9.
E-mail: arutyun92@mail.ru;

ANANYEVA Ekaterina Olegovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Institute at the Department of Civil Law and Procedure of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: a.e.o.77@yandex.ru;

АНВЕРДЯН Harutyun Gaikovich,

lawyer, law firm "Yuriskon".
390048, Russia, Ryazan, Vasilyevsky lane, 9.
E-mail: a.e.o.77@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются гражданско-правовые основы поиска и решения вопросов защиты персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей. В современном обществе вопрос защиты персональных данных становится всё более актуальным, особенно в контексте защиты прав и законных интересов отдельных категорий граждан. Эти категории граждан часто сталкиваются с особыми рисками, связанными с утечкой личной информации, что может негативно сказаться на их репутации, безопасности и возможностях реабилитации. Защита персональных данных в данной сфере не только отвечает требованиям законодательства, но и является важным аспектом гуманного отношения к человеку, независимо от его социального статуса или правового положения. В данной статье мы рассмотрим ключевые аспекты законодательства о защите персональных данных, существующие практики и вызовы, с которыми сталкиваются как государственные органы, так и правозащитные организации в обеспечении прав осуждённых и лиц, находящихся под стражей.

Abstract: The article examines the civil law foundations of the search and solution of issues of personal data protection of convicts and persons in custody. In modern society, the issue of personal data protection is becoming increasingly relevant, especially in the context of protecting the rights and legitimate interests of certain categories of citizens. These categories of citizens often face special risks associated with the leakage of personal information, which can negatively affect their reputation, safety and rehabilitation opportunities. The protection of personal data in this area not only meets the requirements of legislation, but is also an important aspect of humane treatment of a person, regardless of his social status or legal status. In this article, we will look at the key aspects of legislation on the protection of personal data, existing practices and challenges faced by both government agencies and human rights organizations in ensuring the rights of convicts and persons in custody.

Ключевые слова: гражданское законодательство, персональные данные, уголовно-исполнительная система, осужденные, лица, содержащиеся под стражей, защита.

Keywords: civil legislation, personal data, the penal enforcement system, convicts, persons in custody, protection.

Для цитирования: Ананьева Е.О., Ахвердян А.Г. Защита персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 302-304. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_302.

For citation: Ananyeva E.O., Ahverdyan A.G. Protection of personal data of convicts and persons in custody // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 302-304. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_302.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. Повсеместная цифровизация, проникающая во все сферы деятельности человека, замена человека на искусственный интеллект, а также появление категории цифровой собственности в нормах гражданского законодательства, перевели личные данные граждан в контекст имущества, которое может оказать влияние на жизнь любого человека и гражданина на территории любого государства.

Персональные данные являются важной правовой категорией, охватывающей информацию, относящуюся к идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу. В условиях цифровизации и глобализации вопрос защиты таких данных становится всё более актуальным. Для специализированных органов и учреждений правоохранительной системы и, в частности, уголовно-исполнительной, данную категорию стоит рассматривать в качестве основных аспектов, касающихся особенностей персональных данных как правовой категории, их классификацию, законодательное регулирование и практические последствия работы с ними.

Цель исследования. На основе анализа норм гражданского, уголовно-исполнительного законодательства провести анализ норм, способствующих защите персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Методы. Проведен анализ отечественного законодательства по возможности применения норм, способствующих защите персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

В основном законе нашего государства установлено, что у каждого гражданина имеется закрепленное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений. Это создает защиту частной жизни человека, его семейную, личную тайну, влияет на защиту чести и его доброго имени (с. 23 Конституции РФ). Этот постулат является фундаментом для действия многих принятых нормативно-правовых актов, которые направлены на защиту таких правовых категорий как частная жизнь и персональные данные.

Персональные данные определяются как любая информация, которая может быть использована для идентификации личности. К ним

относятся:

- Идентификационные данные: фамилия, имя и отчество, дата рождения, адрес регистрации или проживания.
- Контактная информация: телефонные номера, адреса электронной почты.
- Финансовая информация: банковские реквизиты, информация о кредитах.
- Здоровье: медицинские записи, информация о состоянии здоровья.
- Биометрические данные: отпечатки пальцев, изображения лица, голос.

Существуют также специальные категории персональных данных, которые требуют дополнительной защиты, такие как данные о расовой или этнической принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях.

На международном уровне защита персональных данных регулируется рядом соглашений и стандартов. Одним из наиболее значимых документов является Общий регламент по защите данных (GDPR), принятый в Европейском Союзе в 2016 году. Он устанавливает строгие требования к обработке персональных данных и предоставляет гражданам значительные права. Не меняя основных принципов директивы 1995 года, он привнес достаточно нововведений в рамках европейской стратегии «Единого цифрового рынка».

В большинстве стран существуют свои законы о защите персональных данных. Например, в России действует Федеральный закон «О персональных данных» (152-ФЗ), который определяет основные принципы обработки и защиты таких данных. Закон требует от организаций получения согласия на обработку данных, а также обеспечивает права субъектов данных на доступ к своей информации и её исправление. [1, с. 15] Однако, все сайты, которые востребованы пользователями запрашивают такое согласие путем запросов, сформированных файлами куки. Это не дает выбора гражданину, которому требуется информация, находящаяся на страничке и, его данные собираются, а затем обрабатываются администратором.

Действующим законодательством установлены основные принципы работы с рассматриваемой категорией информации. Основные принципы обработки персональных данных включают:

- Законность и справедливость. Данные должны обрабатываться законно и справедливо.
- Целевое ограничение. Данные могут собираться только для конкретных, законных целей.
- Минимизация данных. Сбор данных должен ограничиваться теми сведениями, которые необходимы для достижения целей обработки.
- Точность. Данные должны быть точными и актуальными.
- Хранение в пределах срока. Персональные данные не должны храниться дольше, чем это необходимо для целей обработки. [2, с. 571]

Общие положения законодательства в данной сфере достаточно прозрачны и понятны. Стоит обратить внимание на те аспекты и направления деятельности государственных органов, которые на постоянной основе оказываются связанными с персональными данными граждан, имеющими особое значение.

К таким стоит отнести органы уголовно-исполнительного преследования, правосудия и исполнения уголовных наказаний.

В УИС существует несколько категорий субъектов, чьи персональные данные постоянно требуют определенной защиты при работе с ними. К первой группе относятся данные сотрудников и работников учреждений УИС с учетом не только ИУ, СИЗО, территориальных органов, но и научно-исследовательских, образовательных, медицинских и иных подразделений, входящих в состав пенитенциарной системы. Во вторую группу можно отнести лиц, вновь принимаемых на службу. К третьей – спецконтингент, а также подозреваемых или обвиняемых, подсудимых. И в четвертую группу входят, как правило, иные лица. В данном случае это члены семей всех перечисленных категорий граждан. И завершает этот перечень группа пользователей официальных сайтов ФСИН России, территориальных органов ФСИН в сети интернет.

Для первых групп правовыми основами обработки персональных данных служат федеральные законы «О службе в уголовно-исполнительной системе РФ», «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», «О государственной гражданской службе РФ» и непосредственно Трудовой кодекс РФ.

Для работы с персональными данными спецконтингента и лиц, содержащихся под стражей можно выделить следующую правовую основу. Во-первых, это Уголовно-исполнительное законодательство и ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» для ИУ и уголовно-исполнительных инспекций. На его основе проходит регистрация осужденных и сбор персональных данных путем фотографирования, диктилоскопирования, записи голоса. Стоит отметить, что содержание данной нормы права не отражает саму цель и условия их получения, а также полномочия сотрудника/работника на их обработку в соответствии с федеральным законодательством «О персональных данных», указанную в ст.6 ФЗ. Ведь в отношении категории осужденных в качестве персональных данных можно отнести не только дактокарты и основную информацию, включающую в себя имя, дату рождения, состав семьи, статью и срок наказания, но и прикроватные таблички, нагрудные отличительные знаки, журнал начальника отряда и дневники индивидуальной воспитательной работы с ним.

Если говорить о согласии на обработку персональных данных, то специальных норм в данном контексте для рассматриваемой категории граждан не существует. В данном случае можно учесть только п. 2 ст. 11 ФЗ №152. Конечно, такой нормы недостаточно, ее следует расширить некоторой конкретизацией, поскольку понятие осуществления обработки персональных данных в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов..., проведением обязательной дактилоскопической регистрации, предусмотренной уголовно-исполнительным законодательством, не отражает конкретные права уполномоченных органов, лиц, подвергающихся обработке и функций защиты персональных данных. При этом говорится только об обработке информации, а о том, что ее вначале необходимо собрать без согласия лица, не оговаривается законом.

Интересной является особенность обработки персональных данных при использовании средств автоматизации и без таковых. Это говорит о различных подходах к способам и формам защиты подобных данных. Нас же полностью будет интересовать конфиденциальность баз

данных, хранящихся на цифровых носителях и в электронно-вычислительных машинах на местах.

С начала XXI века учреждения УИС перешли на программные комплексы «Автоматизированного картотечного учета спецконтингента». Через более чем десять лет, эта программа стала основой для создания государственной системы подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В целом вопросы пользования и сохранности такой информации до настоящего момента являются полностью не урегулированными. Одним из последних документов, регламентирующих данное направление деятельности УИС является Приказ Минюста РФ № 417 от 23.06.2020 года «Об обработке персональных данных в уголовно-исполнительной системе РФ».

Однако, учреждения УИС многофункциональны и включают в себя обязанность по трудоустройству спецконтингента и привлечению его к получению образования. Значит, мы видим смену статуса осужденных. Однако, Трудовое законодательство, закрепляющее вопросы сбора, хранения, обработки и использованию персональных данных работника, не предусматривает для УИС и осужденных исключений для организации трудовой деятельности в условиях отбывания наказания. Такое положение вызывает трудности по работе с персональными данными у сотрудников/работников учреждений. Также налагает определенные проблемы установление ведения электронных трудовых книжек в отношении спецконтингента, отбывающего лишение свободы. Свои особенности сбора и обработки персональных данных имеет ФЗ «Об образовании», который также не делает исключений для правоохранительной и судебной системы. С увеличением объёма собираемых и обрабатываемых данных возрастают риски их утечки и неправомерного использования. Особенно данные риски актуальны сегодня, когда на вербовку сотрудников и спецконтингента направлены определенные силы извне, для создания препятствий деятельности правоохранительных структур и иных кризисных ситуаций в гражданском обществе. Не урегулированы вопросы обмена персональными данными об осужденных и лицах, подозреваемых, обвиняемых и, содержащихся под стражей в межведомственном масштабе. Такая законодательная нерегламентированность может привести к появлению определенных угроз.

Основные угрозы включают:

- Кибератаки. Хакеры могут получить доступ к базам данных и украсть информацию, как это было в 2021 году. [3]
- Неправомерное использование. Организации могут использовать данные не по назначению или без согласия субъектов.
- Социальная инженерия. Мошенники могут манипулировать людьми для получения доступа к их данным.

Для минимизации рисков защиты персональных данных в УИС необходимо использовать такие механизмы как:

- Шифрование. Защита информации путём её преобразования в недоступный вид.
- Анонимизация. Удаление идентифицирующих признаков из данных.

- Политики безопасности. Разработка внутренних регламентов по обработке и хранению данных. Ведь даже в уголовно-исполнительных инспекциях отсутствует закодированный доступ к рабочему месту сотрудника, а, следовательно, в свободном доступе могут быть пароли к базам данных подчетных лиц.

Приказом № 417 от 23.06.2020 г. не предусмотрена форма ознакомления спецконтингента с манипуляциями, проводимыми с их персональными данными, что нарушает гражданские права данной категории граждан.

Кроме того, немаловажным является внесение изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты, а не разработка ведомственных регламентов, которые должны содействовать специальным функциям работы, а не уточнять нормы законодательства. [4] Отсутствии понятийного аппарата института персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей, который бы позволил выделить объект защиты специальной информации в отношении данной категории граждан, отсутствие четких путей и механизмов их защиты, также является недостатком в системе их защиты.

Заключение. Концепция защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, одной из национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года, провозглашает цифровую трансформацию, включающую право на защиту биометрических и других персональных данных граждан. При этом права и свободы российских граждан ставятся на первое место в реализации положений государственной политики в области информационных технологий. Условием постепенного развития УИС в цифровой сфере выступает утвержденная ведомственная программа цифровой трансформации ФСИН России. Отмечается, что совместная деятельность органов исполнительной власти 4 по внедрению цифровых технологий должна быть направлена на улучшение контроля и упрощение обеспечения безопасности в учреждениях и органах УИС и соблюдения прав граждан, находящихся в местах лишения свободы. Самым опасным моментом является отставание учреждений УИС от развития современных цифровых технологий и разработку способов правовой защиты баз данных после появления рисков, а не упреждая их.

Таким образом, персональные данные как правовая категория для уголовно-исполнительной системы играют ключевую роль. Их защита требует комплексного подхода, включающего законодательное регулирование, технические меры безопасности и соблюдение прав субъектов данных. В условиях стремительного развития технологий важно продолжать совершенствовать механизмы защиты персональных данных и обеспечивать баланс между интересами государства и правами граждан.

Библиография:

1. Ананьева Е.О., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества// Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 14-18.
2. Блинкова Е.В., Ананьева Е.О. Правовой режим оборота информации//Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4 (28). С. 569-577.
3. СМИ: хакеры устроили DDoS-атаку на сайт ФСИН и прекратили ее после просьбы правозащитника проекта Gulagu.net / Хабр-URL:https://habr.com/ru/news/597923/(дата обращения 26.08.2024).
4. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. Цифровизация отдельных направлений в деятельности УИС//Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 304-306.

References:

1. Ananyeva E.O., Bondarenko A.V., Lukyanov M.Yu. Civil law regulation of issues of digitalization of society// Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). pp. 14-18.
2. Blinkova E.V., Ananyeva E.O. Legal regime of information turnover//Current problems of the state and law. 2023. Vol. 7. No. 4 (28). pp. 569-577.
3. Medien: Hacker haben einen DDoS-Angriff auf die FSIN-Website angeordnet und nach einer Anfrage des Menschenrechtsaktivisten des Projekts eingestellt Gulagu.net / Habr- URL:https://habr.com/de/news/597923/(Übermittlungsdatum 26.08.2024).
4. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. Digitalization of certain areas in the activities of the UIS//Eurasian Law Journal. 2023. No. 2 (177). pp. 304-306.

К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЖЕРТВАМ ТЕРРОРИЗМА On the issue of compensation for moral damage to victims of terrorism

ДАМБАЕВА Изабелла Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева.
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Советская, 131.
E-mail: div999@yandex.ru;

Dambaeva Isabella Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law V.F. Yakovlev Ural State Law University,
Candidate of Law, Associate Professor.
place of residence: Yekaterinburg, st. Sovetskaya, house 131.
E-mail: div999@yandex.ru

Краткая аннотация: Долг государства - сделать все возможное, чтобы предотвратить террористические акты, гарантируя при этом личную неприкосновенность и неприкосновенность имущества, защитить жизнь и достоинство граждан. В этих условиях, по мнению автора, особое значение приобретают вопросы компенсации морального вреда жертвам терроризма, если террористический акт предотвратить не удалось. Подчеркнуто, что правовое регулирование вопроса компенсации морального вреда содержит ряд пробелов и коллизий, что противоречит эффективной реализации прав граждан.

Abstract: It is the duty of the State to do everything possible to prevent terrorist acts, while guaranteeing the personal inviolability and inviolability of property, to protect the life and dignity of citizens. In these conditions, according to the author, the issues of compensation for moral damage to victims of terrorism, if a terrorist act could not be prevented, acquire special importance. It is emphasized that the legal regulation of the issue of compensation for moral damage contains a number of gaps and conflicts, which contradicts the effective implementation of citizens' rights.

Ключевые слова: террористический акт, компенсация морального вреда, определение размера возмещения, личную неприкосновенность, неприкосновенность имущества.

Keywords: terrorist act, compensation for moral damage, determination of the amount of compensation, personal inviolability, inviolability of property.

Для цитирования: Дамбаева И.В. К вопросу о компенсации морального вреда жертвам терроризма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 305-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_305.

For citation: Dambaeva I.V. On the issue of compensation for moral damage to victims of terrorism // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 305-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_305.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

I. Введение

Актуальность исследования. Правовое регулирование порядка компенсации морального вреда жертвам терроризма на данный момент осуществляется ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму». Возмещение такого вреда осуществляется за счёт средств лица, совершившего террористический акт, а также за счёт средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества.

Цель исследования – выявить основные проблемы компенсации морального вреда жертвам терроризма и предложить научно-обоснованные способы их решения.

II. Методы

Методологическими основами статьи являются принципы юридической науки: систематическое исследование, объективность и конкретность, которые позволили увидеть изучаемые процессы в их реальном развитии и взаимосвязях, провести комплексный анализ и оценку конкретных фактов. В ходе исследования используются методы сравнительного и критического анализа.

III. Основная часть.

В соответствии постановлением Правительства РФ от 28. 11. 2019 г. № 1928 существует установленный алгоритм денежных выплат в случае, если вред причинен не самими террористами, а при правомерных действиях органов государственной власти в борьбе с террористическим актом, что уже является немаловажной положительной динамикой.

Очевидно, что деньги в виде компенсации, выплачиваемые в соответствии с п. 5 вышеуказанного постановления, не могут ни возместить пострадавшему потерю близких родственников или повреждение здоровья, ни снять с него нравственные страдания от пережитого. Вместе с тем они как универсальный имущественный эквивалент способны помочь пострадавшему хотя бы сменить обстановку, сгладить страдания и смягчить переживания, снизить их остроту и уменьшить период их претерпевания [5, с. 8].

Законодательство различает две процедуры компенсационных выплат лицам, пострадавшим от террористического акта. Во-первых, это обычные граждане, которых ранили или убили террористы. Во-вторых, это причинение вреда лицу, в силу своих служебных обязанностей принимавшему участие в борьбе с терроризмом, и пострадавшему при этом [7, с. 586].

Лица, пострадавшие от террористического акта имеют право требовать возмещения морального вреда, которое, однако, происходит за счёт лиц, совершивших преступное действие, а также за счёт средств его близких родственников, родственников и близких лиц при определённых случаях. Данная норма носит декларативный характер, так как террористы либо гибнут при совершении акта, либо при проведении антитеррористической операции, либо их личность не устанавливается [6, с. 24]. Высшие судебные инстанции буквально толкуют закон, считая, что в вышеуказанных

случаях моральный вред не будет возмещён никогда. Так, например, в случае с Норд-Остом люди, потерявшие близких или оставшиеся в живых смогли получить компенсации не через судебные процедуры, а за счёт специально созданных компенсационных фондов [4, с. 329]. Вторая сложность заключается в том даже в случае поимки и вынесения обвинительного приговора нет никаких гарантий полного возмещения морального вреда.

Основная проблема в России – отсутствие единообразных ориентиров для назначения размеров компенсации морального вреда, признают эксперты. Если на Западе и США есть методика расчёта компенсации, то в нашей стране она отсутствует.

Установление размеров компенсации морального вреда носит спорный характер. Так в соответствии с п.2 ст.1101 ГК РФ суд должен руководствоваться рядом критериев, которые никак не позволяют обозначить конкретный размер ассигнаций, поскольку в действующем законодательстве не имеется чётко установленных минимальных или хотя бы средних границ для определения денежных сумм, а также правил применения указанных в законе условий. Данный законодательный пробел нарушает принципы правовой определённости, справедливости, соблюдение которых особенно важно в случаях, связанных с лицами, пострадавшими от террористического акта.

IV. Результат, предложения:

Ряд ученых-правоведов предлагают способ решения проблемы – выделение чётких формул, что исключило бы плюрализм судебных решений, например, учёт размеров компенсаций действительных и презюмируемых последствий, степени вины причинителя, а также коэффициента индивидуальных особенностей потерпевшего [10, с. 59-65]. Такой подход представляется наиболее оптимальным, так как позволяет унифицировать достаточно сложные категории, связанные с внутренним состоянием личности. При этом некоторые из ученых-правоведов предлагают обратиться к положениям международных соглашений и практике урегулирования данных вопросов в других странах. Так, Декларация прав и свобод человека и гражданина (в ст. 33) предусматривает охрану законом не только нарушенных прав потерпевших (как ст. 52 Конституции РФ), но и в целом прав жертв преступлений [2, с. 19]. Более-менее соразмерная компенсация вреда была бы возможна при введении механизма страхования ответственности за вред, причиненный в результате террористической деятельности, осуществляемой в местах массового пребывания людей, где страхователями бы выступали владельцы (ответственные) мест пребывания людей. В некоторых странах предусмотрены компенсации на основании государственного страхования, где государство признает свою гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный в результате террористических акций (например, во Франции) [1, с.110]. Компенсация физического и морального вреда в соответствии с тарифной схемой во внесудебном порядке предусмотрена в Великобритании [9]. Таким образом, актуальным остается вопрос о возмещении вреда, в том числе и морального. Р.Г. Хасаншина в своей работе подчеркивает высокую степень угрозы морального вреда, причиненного потерпевшему в результате террористической деятельности, важность его минимизации [8]. Человек получает сильнейшую психологическую травму, которая становится результатом проявления в дальнейшей жизни отдельных симптомов или полноценного синдрома посттравматического стрессового расстройства, учится жить с новыми особенностями его организма [3], что обуславливает важность возмещения морального вреда государством при невозможности. При этом определенным ориентиром для законодателя до недавнего времени могли служить решения ЕСПЧ. Но в связи с выходом России из Совета Европы постановления данного международного органа, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в РФ.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование вопроса компенсации морального вреда, безусловно, недостаточно, а также содержит ряд пробелов и коллизий, что противоречит эффективной реализации прав граждан. Основными решениями, как указывалось ранее, являются законотворческая деятельность, а также унифицирование и приведение к единообразию судебной практики, что, конечно же, не должно повлиять на учёт индивидуальных особенностей каждого дела.

Библиография:

1. Вуколова Н. В. Законодательство и практика возмещения вреда, причиненного террористическими актами // МНИЖ. - 2013. - №7-3 (14). - С. 108-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-i-praktika-vozmesheniya-vreda-prichinennogo-terroristicheskimi-aktami/viewer> (дата обращения: 01.06.2024).
2. Нардина О. В. Восстановление прав жертв преступлений и террористических актов: проблемы теории и практики // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2009. - №1. - С. 19-24.
3. «Последние воспоминания, которые у меня были – мужчина, бегущий по спинкам кресел»: вспоминают люди, выжившие во время теракта на Дубровке // Милосердие.RU / URL: <https://www.miloserdie.ru/article/poslednie-vozpominaniya-kotorye-u-menya-byli-muzhchina-begushhij-po-spinkam-kresel-vspominayut-lyudi-vyzhivshie-vo-vremya-terakta-na-dubrovke/> (дата обращения: 19.05.2024).
4. Рудых С.Н., Гыргенова Р.А. Сборник: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях, Иркутск, - 2014. - С. 328-330.
5. Трунов И.Л. Возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта // Юрист. - 2003. - №1. - С. 7 - 10.
6. Трушин С.А. Правовой механизм возмещения морального вреда потерпевшим от террористических актов // Закон и право. - 2007. - № 2. - С. 23-24.
7. Федорова П.А. Современные проблемы возмещения вреда, причиненного террористическим актом // Аллея науки. - 2021. - Т. 2. - №1(52). - С. 583-591.
8. Хасаншина Р.Г. Правовое регулирование механизма восстановления прав жертв террористических актов// ВЭПС. - 2014. - №1. - С. 106-110.
9. Шигуров А.В., Калигина А.Ю. Возмещение государством потерпевшему ущерба от преступления: международные стандарты и российское законодательство // Новый университет. Серия «Экономика и право». - 2015. - №5 (51). - С. 84-68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeshenie-gosudarstvom-poterpevshemu-uscherba-ot-prestupleniya-mezhdunarodnye-standarty-i-rossijskoe-zakonodatelstvo/viewer> (дата обращения: 21.05.2024)
10. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. Научно – практическое пособие. М.: Издательство ВЕК, 1998. -188 с.

References:

1. Vukolova N. V. Zakonodatel'stvo i praktika vozmesheniya vreda, prichinennogo terroristicheskimi aktami // MNIZh. - 2013. - №7-3 (14). - С. 108-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-i-praktika-vozmesheniya-vreda-prichinennogo-terroristicheskimi-aktami/viewer> (data obrashheniya: 01.06.2024).
2. Nardina O.V. Vosstanovlenie prav zhertv prestuplenij i terroristicheskix aktov: problemy teorii i praktiki // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. - 2009. - №1. - S.19-24.
3. «Poslednie vospominaniya, kotorye u menya by'li – muzhchina, begushhij po spinkam kresel»: vspominayut lyudi, vy zhivshie vo vremya terakta na Dubrovke // Miloserdie.RU / URL: <https://www.miloserdie.ru/article/poslednie-vozpominaniya-kotorye-u-menya-byli-muzhchina-begushhij-po-spinkam-kresel-vspominayut-lyudi-vyzhivshie-vo-vremya-terakta-na-dubrovke/> (data obrashheniya: 19.05.2024).
4. Rudy' x S.N., Gy'rgenova R.A. Sbornik: Deyatel' nost' pravooxranitel' ny' x organov v sovremenny' x usloviyax, Irkutsk, - 2014. - S. 328-330.
5. Trunov I.L. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo v rezul' tate terroristicheskogo akta // Yurist. - 2003. - №1. - S. 7 - 10.
6. Trushin S.A. Pravovoj mexanizm vozmeshheniya moral' nogo vreda poterpevshim ot terroristicheskix aktov // Zakon i pravo. - 2007. - № 2. - S. 23-24.
7. Fedorova P.A. Sovremenny'e i problemy' vozmeshheniya vreda, prichinyonnoho terroristicheskim aktom // Alleya nauki. - 2021. - T. 2. - №1(52). - S. 583-591.
8. Xasanшина R.G. Pravovoe regulirovanie mexanizma vosstanovleniya prav zhertv terroristicheskix aktov// VE' PS. - 2014. - №1. - S. 106-110.
9. Shigurov A.V., Kaligina A.Yu. Vozmeshhenie gosudarstvom poterpevshemu usherba ot prestupleniya: mezhdunarodny'e standarty i rossijskoe zakonodatel' stvo // Novy' j universitet. Seriya «E'konomika i pravo». - 2015. - №5 (51). - S. 84-68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeshenie-gosudarstvom-poterpevshemu-uscherba-ot-prestupleniya-mezhdunarodnye-standarty-i-rossijskoe-zakonodatelstvo/viewer> (data obrashheniya: 21.05.2024)
10. E'rdelevskij A. M. Moral' ny' j vred i kompensaciya za stradaniya. Nauchno – prakticheskoe posobie. M.: Izdatel' stvo VEK, 1998. -188 s.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ INTERIM MEASURES IN ARBITRATION PROCEDURE

РОМАНОВ Андрей Александрович,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»,
Управляющий партнер, Консультационная группа «Верно», г. Владивосток.
690002, Россия, г. Владивосток, проспект Красного Знамени д. 59.
E-mail: andrey.romanov@vernogroup.ru;
ORCID 0000-0003-1058-5834;

БОРИСОВА Виктория Романовна,

консультант Консультационной группы «Верно».
690002, Россия, г. Владивосток, проспект Красного Знамени д. 59.
E-mail: info@vernogroup.ru;

Romanov Andrey,

Assistant Professor for Civil Law and Procedure Department
of the Law School of the Far Eastern Federal University,
Managing Partner, VERNO, The Consulting Group, Vladivostok.
59 Krasny Znamya Avenue, Vladivostok, 690002, Russia.
E-mail: andrey.romanov@vernogroup.ru;

Borisova Viktoria,

Consultant for VERNO, The Consulting Group.
59 Krasny Znamya Avenue, Vladivostok, 690002, Russia.
E-mail: info@vernogroup.ru

Краткая аннотация: В данной статье посредством установления и рассмотрения существенных признаков обеспечительных мер анализируется правовая природа указанного института. Делается вывод о том, что обеспечительные меры – это производный способ защиты права, в связи с чем они носят ограничительный и превентивный характер. Принятие обеспечительных мер препятствует невозможности исполнения судебного акта и причинению значительного имущественного ущерба заявителю; предупреждает недобросовестное поведение лица, в отношении которого введены обеспечительные меры, направленное на затягивание судебного процесса.

Abstract: The article analyzes the legal nature of this institution by establishing and considering the essential features of interim measures. It is concluded that interim measures are a derivative way of protecting the right, and therefore they are restrictive and preventive in nature. The adoption of interim measures prevents the impossibility of executing a judicial act and causing significant property damage to the applicant; prevents dishonest behavior of a person against whom interim measures have been introduced, aimed at delaying the legal process.

Ключевые слова: суд, арбитражный процесс, обеспечительные меры, обеспечение иска, судебный процесс.

Keywords: court, arbitration procedure, interim measures, securing a claim, legal process.

Для цитирования: Романов А.А., Борисова В.Р. Обеспечительные меры в арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_307.

For citation: Romanov A.A., Borisova V.R. Interim measures in arbitration procedure // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_307.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В ч. 1 ст. 90 АПК РФ закреплено легальное определение обеспечительных мер, под которыми понимаются срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя.

В.В. Котлярова считает, что под обеспечительными мерами понимаются властные ограничения, как имущественного, так и неимущественного характера, направленные на временное ущемление прав ответной стороны, и в то же время, обеспечивающие баланс интересов сторон арбитражного процесса путем наделения «заявителя» обязанностью предоставления встречного обеспечения, что не колеблет реализацию принципа равенства процессуальных прав заинтересованных лиц¹. Однако действующее законодательство не закрепляет универсальную обязанность предоставления встречного обеспечения. Непредоставление заявителем встречного обеспечения при подаче заявления о принятии обеспечительных мер само по себе не может служить основанием для отказа в принятии соответствующих мер². Достоинством указанного определения является указание на властный характер обеспечительных мер, поскольку их исполнение происходит на основании решения суда, а не на добровольной основе.

В.М. Шерстюк определяет обеспечительные меры как меры, указанные в законе, меры безотлагательные (принимаются судом срочно, т.е. не позднее следующего дня после поступления заявления в суд, определение о принятии обеспечительных мер исполняется немедленно), принимаемые судом в упрощенном порядке (осуществляются судьей единолично без извещения сторон), они являются временными мерами (в законе указан срок действия этих мер) и должны быть соразмерными заявленному требованию³. Однако арбитражным судом может быть приня-

¹ Котлярова В.В. Сущность, виды и порядок применения обеспечительных мер в арбитражном процессе. Дис. ... к.ю.н. Самара: Самарский государственный университет, 2015. С. 8.

² О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2023 г. № 15. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2024).

³ Шерстюк В.М. Производство в арбитражном суде первой инстанции. М.: Проспект, 2011. С. 105 - 106.

та обеспечительная мера, не указанная в законе, что следует из толкования ч. 2 ст. 91 АПК РФ. Перечень обеспечительных мер законом не ограничен, суд по ходатайству заявителя может принять и иные обеспечительные меры¹.

Отдельные авторы под обеспечительными мерами понимают юридические ограничения, которые налагаются судами на основании заявления участвующих в деле лиц и носят срочный, временный и предупредительный характер². Так, указанный институт носит и превентивный характер, что проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, принятие обеспечительных мер препятствует невозможности исполнения судебного акта и причинению значительного имущественного ущерба заявителю. Во-вторых, такие меры предупреждают недобросовестное поведение лица, в отношении которого введены обеспечительные меры, направленное на затягивание судебного процесса.

Таким образом, можно выделить следующие признаки обеспечительных мер: срочность; временный характер; направлены на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя; принимаются по заявлению лиц, участвующих в деле; ограничительный характер; принимаются арбитражным судом.

Признак срочности обеспечительных мер проявляется в том, что оно рассматривается судьей единолично не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд без извещения сторон. В доктрине существует мнение о том, что необходимо законодательно закрепить регламентацию процессуальных правил рассмотрения судом заявления о принятии обеспечительных мер и установления обстоятельств, имеющих значение для их принятия, с извещением и участием сторон³. Однако полагаем, что принятие обеспечительных мер без вызова сторон в максимально короткие сроки гарантирует их оперативность, неожиданность, ибо именно эти цели зачастую преследуют заявители и именно они способствуют обеспечению исполнения будущего судебного акта⁴.

Ускоренный характер обеспечительных мер порождает невысокий стандарт доказывания, в связи с чем для принятия таких мер заявителю необходимо обосновать только наличие возможности наступления последствий, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ. Достаточно, чтобы основания принятия обеспечительных мер не были в глазах судьи очевидно надуманны, лишены смысла, нелогичны, нереальны и невероятны⁵.

Доказательства, обосновывающие необходимость обеспечения требований, оцениваются судом по своему внутреннему убеждению на основе их всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования. Однако на практике суды ограничиваются лишь ссылками на нормы права, по существу не мотивируя отклонение представленных доводов и доказательств, что приводит к нарушению интересов заявителя.

Как отметил Верховный Суд РФ, обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты, следовательно, для их принятия не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора⁶. Рассматривая заявление об обеспечении требований, судам следует соблюдать баланс интересов сторон, при этом не возлагая на заявителя излишнее бремя доказывания.

Полагаем, что применение пониженного стандарта доказывания также обусловлено невозможностью использования некоторых средств доказывания на этапе обоснования необходимости принятия обеспечительных мер.

Временный характер обеспечительных мер заключается в том, что они налагаются на срок, в течение которого существует угроза причинения ущерба интересам заявителя либо невозможности исполнения судебного акта в будущем⁷. Однако само по себе отпадение обстоятельств, в связи с которыми были приняты обеспечительные меры, не приводит к их автоматической отмене. В силу ч. 1 ст. 97 АПК РФ арбитражный суд может отменить обеспечительные меры по ходатайству лица, участвующего в деле.

Актуальным остается вопрос определения момента отмены обеспечительных мер по искам о признании. Назначение исков о признании состоит в том, чтобы устранить спорность или неопределенность права. Ответчик в случае предъявления к нему иска о признании не побуждается к совершению каких-либо действий в пользу истца⁸. В доктрине существует мнение о том, что обеспечительные меры по искам о признании в принципе не могут быть приняты, поскольку отсутствует материально-правовое требование истца к ответчику⁹. С этим нельзя согласиться. В силу ч. 1 ст. 90 АПК РФ, ч. 1 ст. 99 АПК РФ такие меры принимаются не только для обеспечения материально-правового требования, но и для обеспечения имущественных интересов заявителя. Так, при принятии предварительных обеспечительных мер еще отсутствует материально-правовое требование заявителя, однако такие меры принимаются в целях обеспечения его имущественных интересов. Итак, поскольку совершение каких-либо действий по иску о признании от сторон спора не требуется, исполнение судебного акта фактически происходит с его вступлением в законную силу. Так, суду при рассмотрении ходатайства об отмене обеспечительных мер необходимо в каждом конкретном случае выяснять, прекратила ли свое существование угроза причинения значительного ущерба заявителю.

¹ О практике рассмотрения заявлений о применении обеспечительных мер по итогам работы Арбитражного суда Республики Башкортостан в 2004 году. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.03.2024).

² Романов А.А. Обеспечительные меры арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.03.2024).

³ Штанкова Н.В. Обеспечительные меры в арбитражном процессе Российской Федерации: проблемы доказывания оснований применения. Дис. ... к.ю.н. М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2014. С. 10.

⁴ Анохин В.С. Обеспечительные меры как способ защиты прав в арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 4. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.03.2024).

⁵ Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 5. Приложение к № 5. С. 69 - 70.

⁶ О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2023 г. № 15. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.03.2024).

⁷ Башкилов Б.И. Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации. Дис. ... к.ю.н. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 59.

⁸ Свириной Ю.А. Размышления о гражданском процессе. [Электронный ресурс]. СПС «Гарант» (дата обращения 26.03.2024).

⁹ См.: Юсупов Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе. Дис. ... к.ю.н. М.: Московский государственный университет, 2005. С. 23.

Кроме того, необходимо учитывать, что при рассмотрении споров о признании сделок недействительными, исполнение решений по названной категории дел не всегда возможно с учетом действия обеспечительных мер. Таким образом, при отмене обеспечения по искам о признании судам надлежит учитывать широкий круг обстоятельств, чтобы, в том числе, способствовать реальному исполнению судебного акта.

Обеспечительные меры направлены на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя. Необходимым условием для принятия таких мер является нахождение в производстве суда соответствующего искового заявления. В случае, если заявление о принятии обеспечительных мер поступило в суд в отсутствие искового заявления, суд возвращает такое заявление, как не соответствующее требованию ч. 1 ст. 92 АПК РФ¹.

Обеспечительные меры принимаются только по заявлению лиц, участвующих в деле. Обеспечительная мера процессуально является производным способом защиты права, непосредственно связанным с основным способом защиты права - заявлением, иска и (или) иного спора, рассматриваемого арбитражным судом². В силу ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Защита прав – это возможность, а не обязанность лица. Следовательно, выбор способа защиты также относится к дискреции субъекта права. В силу этого арбитражный суд не уполномочен принять обеспечительную меру, отличную от той, что указана лицом в заявлении. Кроме того, возможность применения обеспечительных мер по инициативе суда привела бы к нарушению принципов диспозитивности и состязательности сторон в арбитражном процессе.

Ограничительный характер также присущ институту обеспечения иска, ввиду чего обеспечительные меры могут быть направлены на ущемление прав ответчика. Такой вывод следует даже из лингвистического анализа ст. 91 АПК РФ, которая закрепляет перечень возможных мер по обеспечению иска. Так, законодатель использует слова «запрещение», «арест». То есть в результате наложения обеспечительных мер лицо ограничивается судом в действиях, в возможности самостоятельно принимать решения, что подтверждает тезис об их ограничительном характере.

Данный признак обеспечительных мер в законодательстве не закреплен, поэтому является неоспорным. Так, согласно позиции Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ), изложенной в Определении от 12 июля 2005 г. N 316-О «сами по себе обеспечительные меры, выступающие правовой гарантией реальности исполнения судебных решений, не могут рассматриваться как нарушающие какие-либо конституционные права и свободы». Указанный тезис проистекает из условия о том, что нарушение прав связано с незаконным лишением лица возможности совершать какие-либо действия. При этом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает ограничение прав и свобод, в том числе, в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Таким образом, нарушение прав априори не может быть правомерным, в отличие от ограничения. При таких обстоятельствах следует, что данная позиция Конституционного Суда РФ не отрицает ограничительный характер обеспечительных мер, который, безусловно, им присущ.

Обеспечительные меры принимаются только арбитражным судом. Т. Б. Юсупов указывал, что обеспечение иска относится к институтам публичного права, поскольку регулирует специфику отношений между государством и лицами, заинтересованными в принятии, отмене мер или замене определенного вида обеспечения³. По этому признаку важно отличать обеспечительные меры, применяемые в арбитражном процессе, от обеспечительных мер, применяемых в ходе третейского разбирательства. Так, согласно ст. 17 федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» третейский суд по заявлению любой стороны может распорядиться о принятии какой-либо стороной обеспечительных мер, которые он считает необходимыми. Однако в компетенцию третейского суда на практике входит лишь решение вопроса о применении мер, которые стороны в состоянии исполнить самостоятельно⁴. Такие меры не исполняются в принудительном порядке. Однако сторона третейского разбирательства может обратиться в арбитражный суд с заявлением о принятии обеспечительных мер. В целом, изложенное позволяет выделить еще один признак обеспечительных мер – принудительность.

М.В. Фетюхин выделяет признак аргументированности обеспечительных мер, который заключается в обоснованности заявления о таких мерах. Заявитель должен правильно мотивировать свое требование, привести доводы, представить доказательства, свидетельствующие о наличии оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ⁵. Однако этот признак содержательно поглощается другим признаком обеспечительных мер – направленность на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя. Кроме того, обоснованность – это оценочная категория, поскольку определяется судом в каждом конкретном случае.

А.А. Селькова отмечает, что акцессорность является признаком обеспечительных мер, поскольку в случае вынесения решения об отказе в удовлетворении иска, оставлении иска без рассмотрения, прекращении производства по делу обеспечение действует только до вступления в законную силу соответствующего судебного акта⁶. Однако это положение характеризует временный характер обеспечительных мер, поэтому выделение акцессорности в качестве самостоятельного признака нецелесообразно.

Таким образом, обеспечительные меры – это юридические ограничения, которые налагаются арбитражным судом на основании заяв-

¹ О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2023 г. № 15. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2024).

² Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2021 № 12АП-10441/2020 по делу № А12-50/2019. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.05.2024).

³ См.: Юсупов Т.Б. Указ. соч. С. 16.

⁴ См.: Трезубов, Е.С., Курносов А.А. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.03.2024).

⁵ Фетюхин М.В. Обеспечительное производство в арбитражном процессе. Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов: Саратовская государственная правовая академия, 2005. С. 16.

⁶ Селькова А.А. Институт обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект. Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018.

ления лиц, участвующих в деле, и носят срочный, временный, принудительный и предупредительный характер. Законодательно закрепленное определение обеспечительных мер не содержит всех содержательных признаков понятия.

По своей природе обеспечительные меры носят ограничительный характер, то есть направлены на временное ущемление прав лица, в отношении которого они приняты. Однако ограничение не есть цель таких мер. В первую очередь они применяются для предварительной защиты прав и законных интересов заявителя, предотвращая невозможность исполнения решения суда, в том числе если исполнение судебного акта предполагается за пределами РФ, или причинение значительного имущественного ущерба испрашивающего их лицу.

Библиография:

1. Анохин, В. С. Обеспечительные меры как способ защиты прав в арбитражном судопроизводстве / В. С. Анохин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
2. Башилов, Б. И. Обеспечительные меры по корпоративным спорам в арбитражном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : дисс. ... канд. юрид.наук / Б. И. Башилов ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2019. – 206 с.
3. Карапетов, А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев // Вестник экономического правосудия РФ. – 2019. – № 5. Приложение к № 5. – С. 3-96.
4. Котлярова, В. В. К вопросу о принятии обеспечительных мер и их ограничительном характере / В. В. Котлярова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
5. Котлярова, В. В. Сущность, виды и порядок применения обеспечительных мер в арбитражном процессе : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : дисс. ... канд. юрид.наук / В. В. Котлярова ; Самарский государственный университет. – Самара, 2015. – 266 с.
6. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2023 г. № 15. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
7. О практике рассмотрения заявлений о применении обеспечительных мер по итогам работы Арбитражного суда Республики Башкортостан в 2004 году. – URL : <https://ufa.arbitr.ru/node/591> – Текст : электронный.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 06 мая 2016 г. № 308-ЭС15-18503. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2018 г. № 305-ЭС17-4004(2). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
10. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2021 № 12АП-10441/2020 по делу № А12-50/2019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
11. Романов, А. А. Обеспечительные меры арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве) / А. А. Романов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
12. Свиринов, Ю. А. Размышления о гражданском процессе: монография/ Ю. А. Свиринов. – Москва, 2022. Доступ из СПС «Гарант». – Текст : электронный.
13. Селькова, А. А. Производство обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : дисс. ... канд. юрид.наук / А. А. Селькова ; Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2018. – 240 с.
14. Трезубов, Е. С. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве / Е. С. Трезубов, А. А. Курносов // Российский судья. – 2022. – № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.
15. Фетухин, М. В. Обеспечительное производство в арбитражном процессе : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : автореф. дисс. ... канд. юрид.наук / М. В. Фетухин ; Саратовская государственная правовая академия. – Саратов, 2005. – 32 с.
16. Шерстюк, В. М. Производство в арбитражном суде первой инстанции : учеб. пособие / В. М. Шерстюк. – Москва : Проспект, 2011. – 378 с.
17. Штанкова, Н. В. Обеспечительные меры в арбитражном процессе Российской Федерации: проблемы доказывания оснований применения : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : дисс. ... канд. юрид.наук / Н. В. Штанкова ; Институт государства и права Российской академии наук. – Москва, 2014. – 196 с.
18. Юсупов, Т. Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : дисс. ... канд. юрид.наук / Т. Б. Юсупов ; Московский государственный университет. – Москва, 2005. – 178 с.

References:

1. Anokhin, V. S. Interim measures as a way to protect rights in arbitration proceedings / V. S. Anokhin // Arbitration and civil procedure. – 2007. – No. 4. Access from the SPS "ConsultantPlus". – Text : electronic.
2. Bashilov, B. I. Interim measures for corporate disputes in the arbitration process of the Russian Federation : specialty 12.00.15 "civil procedure; arbitration process" : diss. ... cand. Jurid.Sciences / B. I. Bashilov ; Peoples' Friendship University of Russia. – Moscow, 2019. – 206 p.
3. Karapetov, A. G. Standards of proof: analytical and empirical research / A. G. Karapetov, A. S. Kosarev // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2019. – No. 5. Appendix to No. 5. – pp. 3-96.
4. Kotlyarova, V. V. On the issue of taking interim measures and their restrictive nature / V. V. Kotlyarova // Arbitration and civil procedure. – 2013. – No. 7. Access from the ATP "ConsultantPlus". – Text : electronic.
5. Kotlyarova, V. V. The essence, types and procedure for the application of interim measures in the arbitration process : specialty 12.00.15 "civil procedure; arbitration process" : diss. ... cand. Jurid.Sciences / V. V. Kotlyarova ; Samara State University. – Samara, 2015. – 266 p.
6. On some issues of the adoption by the courts of measures to secure a claim, interim measures and measures of preliminary protection : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation dated June 1, 2023 No. 15. – Access from the SPS "ConsultantPlus". – Text : electronic.
7. On the practice of considering applications for the application of interim measures based on the results of the work of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan in 2004. – URL : <https://ufa.arbitr.ru/node/591> – Text : electronic.
8. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 06, 2016 No. 308-ES15-18503. – Access from the SPS "ConsultantPlus". – Text : electronic.
9. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2018 No. 305-ES17-4004(2). – Access from the ATP "ConsultantPlus". – Text : electronic.
10. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated 01/28/2021 No. 12AP-10441/2020 in case No. A12-50/2019. – Access from the ATP "ConsultantPlus". – Text : electronic.
11. Romanov, A. A. Interim measures of the arbitration court in insolvency (bankruptcy) cases / A. A. Romanov // Arbitration and civil procedure. – 2022. – No. 4. Access from the SPS "ConsultantPlus". – Text : electronic.
12. Svirin, Yu. A. Reflections on the civil process: a monograph/ Yu. A. Svirin. – Moscow, 2022. Access from the SPS "Garant". – Text : electronic.
13. Selkova, A. A. Institute of interim measures in the procedural legislation of Russia and England: comparative legal aspect : specialty 12.00.15 "civil procedure; arbitration process" : diss. ... cand. Jurid.Sciences / A. A. Selkova ; Ural State Law University. – Yekaterinburg, 2018. – 240 p.
14. Trezubov, E. S. Application of interim measures in arbitration proceedings / E. S. Trezubov, A. A. Kurnosov // Russian judge. – 2022. – No. 10. Access from the SPS "ConsultantPlus". – Text : electronic.
15. Fetyukhin, M. V. Security proceedings in the arbitration process : specialty 12.00.15 "civil procedure; arbitration process" : abstract. diss. ... cand. Jurid.M. V. Fetyukhin ; Saratov State Law Academy. Saratov, 2005. – 32 p.
16. Sherstyuk, V. M. Proceedings in the arbitration court of the first instance : textbook. the manual / V. M. Sherstyuk. – Moscow : Prospekt, 2011. – 378 p.
17. Shtankova, N. V. Interim measures in the arbitration process of the Russian Federation: problems of proving the grounds for application : specialty 12.00.15 "civil procedure; arbitration process" : diss. ... cand. Jurid.Sciences / N. V. Shtankova ; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2014. – 196 p.
18. Yusupov, T. B. Securing a claim in arbitration and civil proceedings : specialty 12.00.15 "civil procedure; arbitration process" : diss. ... cand. Jurid.Sciences / T. B. Yusupov ; Moscow State University. – Moscow, 2005. – 178 p.

СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЕДИНЫЙ НЕДВИЖИМЫЙ КОМПЛЕКС THE SPECIFICS OF THE CONTENT OF OWNERSHIP OF A SINGLE IMMOVABLE COMPLEX

ЧУРАКОВА **Елизавета Валерьевна**,

старший юрисконсульт АО НТЦ «Модуль»,
аспирант Московского финансово-юридического университета.
125445, Россия, г. Москва, ул. Левобережная, 4.
E-mail: e.v.churakova@bk.ru;

Churakova Elizaveta Valeryevna,

Senior Legal Adviser of JSC STC Modul, postgraduate student
at Moscow University of Finance and Law.
125445, Moscow, Levoberezhnaya str., 4.
E-mail: e.v.churakova@bk.ru

Краткая аннотация: Проблемы правового регулирования отношений, связанных с реализацией прав на такой относительно новый вид объектов гражданских прав, как единый недвижимый комплекс, во многом связаны с особенностями содержания права собственности и государственной регистрации права собственности на данные объекты. Актуальность изучения специфики права собственности на единый недвижимый комплекс обусловлена также практикой судебного рассмотрения правовых споров, связанных с установлением и государственной регистрацией права собственности на единый недвижимый комплекс. В процессе исследования нормативного материала, судебной практики и положений российской цивилистической доктрины автор приходит к выводу о наличии определенной специфики содержания права собственности на единый недвижимый комплекс как объект гражданских прав, что выражается в специальных требованиях закона к удостоверению права собственности при ее государственной регистрации, а также при разграничении тех объектов недвижимого имущества, которые являются по своей структуре единому комплексу недвижимого имущества. Кроме того, автор делает вывод о причине возникновения правовых споров, возникающих при реализации правомочия распоряжения правом на единый недвижимый комплекс, которые, во многом, связаны с несовершенством норм ст. 133.1 ГК РФ.

Abstract: The problems of legal regulation of relations related to the realization of rights to such a relatively new type of objects of civil rights as a single immovable complex are largely related to the peculiarities of the content of ownership rights and state registration of ownership rights to these objects. The relevance of studying the specifics of ownership of a single immovable complex is also due to the practice of judicial review of legal disputes related to the establishment and state registration of ownership of a single immovable complex. In the process of researching normative material, judicial practice and the provisions of the Russian civil doctrine, the author comes to the conclusion that there is a certain specificity of the content of ownership of a single immovable complex as an object of civil rights, which is expressed in the special requirements of the law for the certification of ownership rights during its state registration, as well as when distinguishing those objects of immovable property that are its structure is a single complex of real estate. In addition, the author concludes about the cause of legal disputes arising during the exercise of the right to dispose of the right to a single immovable complex, which, in many ways, are related to the imperfection of the norms of Article 133.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: объекты гражданских прав; право собственности; содержание права собственности; единый недвижимый комплекс; линейный объект; предприятие, сфера научных интересов: гражданское право, предпринимательское право, жилищное право, земельное право, корпоративное право.

Keywords: objects of civil rights; property rights; content of property rights; a single immovable complex; linear object; enterprise, sphere of scientific interests: civil law, business law, housing law, land law, corporate law.

Для цитирования: Чуракова Е.В. Специфика содержания права собственности на единый недвижимый комплекс // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 311-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_311.

For citation: Churakova E. V. The specifics of the content of ownership of a single immovable complex // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 311-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_311.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Несмотря на то, что дефиниция и правовой институт «единый недвижимый комплекс» в российском гражданском праве появились уже достаточно давно, когда ст. 133.1 была включена в ГК РФ Федеральным законом от 02.07.2013 г. №142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, проблемы, связанные с правовым регулированием отношений, связанных с возникновением и прекращением прав на данный вид объектов гражданских прав, сохраняют свою актуальность, о чем свидетельствует, прежде всего, судебная практика разрешения правовых споров относительно владения, пользования и распоряжения единичными имущественными комплексами. Определенные проблемы существуют и в цивилистической доктрине, что выражается в спорах относительно самой сущности и содержания дефиниции, что объясняется существованием в гражданском законодательстве видов объектов гражданских прав, по своей правовой сущности достаточно близких дефиниции «единый недвижимый комплекс» видов объектов гражданских прав.

В цивилистической доктрине под отношениями собственности понимается «разновидность общественных отношений, которая сложилась исторически и связана с присвоением материальных благ - как предметов потребления, так и средств производства»².

Укрепление рыночных отношений, основанных на свободе собственности, равном признании всех форм собственности, значительном

¹ Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

² Белова Т.В. Защита права собственности на недвижимое имущество в цивилистической парадигме: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2023. С. 12.

сокращении ограничений собственности, во многом связано со стабильным развитием института частной собственности физических лиц, поскольку состояние муниципальной и государственной собственности находится в непосредственной взаимосвязи с частной собственностью и зависит от нее. Полагаем, что именно конституционные права являются своеобразной предпосылкой возникновения права собственности, каждой из которых присущи свои особенности¹.

В доктрине профессор А.Н. Левушкин обоснованно устанавливает, что право собственности - категория гражданско-правовая и экономическая².

Целью настоящей работы является выявление особенностей содержания права собственности на единый недвижимый комплекс как объект гражданских прав, а также тех особенностей, которые характерны для содержания права собственности на данные объекты в сравнении с близкими по своей сущности объектами гражданских прав. В процессе исследования проблематики темы были применены общенаучные методы научного познания, такие как анализ, синтез, обобщение и систематизация научных источников по проблеме исследования, а также методы юридических исследований: системно-структурный, функциональный методы, метод юридического анализа нормативных источников, сравнительно-критический метод, метод сравнительного правоведения. Методологической основой стал диалектический подход к изучению явлений и процессов объективной реальности.

Следует согласиться с высказанным в науке мнением, что «российская экономика столкнулась с рядом трудностей: кризис, падение цен на нефть, рост курса доллара и евро, экономические санкции и пандемия, безусловно, отрицательно сказались на состоянии имущественных отношений»³.

Государственная собственность является объектом гражданских, публичных и иных правоотношений⁴. Если исходить из доктринального понимания правовой сущности на объекты гражданских прав, как это отражено в ст. 209 ГК РФ, то содержание права собственности на единый недвижимый комплекс как на любой другой объект гражданских прав ничем отличаться не будет от содержания права собственности на прочие виды недвижимого имущества.

Однако, исходя из нормативного определения сущности единого недвижимого комплекса и определения законодателем его места в Главе 6 ГК РФ, важнейшей правовой характеристикой данного объекта гражданских прав следует считать его неделимый характер.

Характерной особенностью правового режима права собственности в отношении единого недвижимого комплекса следует считать специфику государственной регистрации прав на него, поскольку единым недвижимым комплексом имущества данный объект гражданских прав рассматривается законодателем только при регистрации права собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Одной из важнейших особенностей содержания права собственности на единый недвижимый комплекс следует считать неразрывную связь права собственности на объекты недвижимости с правами на земельный участок, на котором они расположены. Отсутствие жесткого требования закона в отношении размещения объектов недвижимости на одном земельном участке следует считать определенной недоработкой законодателя, поскольку совпадение прав на комплекс объектов недвижимости, объединенных одним назначением, с правом на единый земельный участок могло бы рассматриваться как важнейшая сущностная характеристика данного объекта гражданских прав, как предпосылка для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в направлении понимания единства прав на земельный участок и объекты недвижимости, на нем расположенные.

Несмотря на несовершенство нормативного определения правовой сущности единого недвижимого комплекса имущества как объекта гражданских прав, его нельзя считать объектом, который не имеет права на существование в российском гражданском законодательстве, поскольку именно специфика содержания права собственности на данный объект позволяет приобретать и реализовывать права только на недвижимое имущество, включая права на земельный участок (участки) без дополнительных прав и обязательства, которые не обладают свойствами недвижимого имущества (как это характерно, например, для такого объекта гражданских прав, как предприятие), и не обладать свойством протяженности, что характерно для линейных и иных протяженных в пространстве объектов.

В доктрине обоснованно определено, что «российская экономика столкнулась с рядом трудностей: кризис, падение цен на нефть, рост курса доллара и евро, экономические санкции и пандемия, безусловно, отрицательно сказались на состоянии имущественных отношений»⁵.

Становление института единого недвижимого комплекса как института российского гражданского права отечественным исследователям представляется длительным процессом, занявшим длительный период времени (Клец, 2022; 13): от определения задачи введения в российское законодательство нового объекта гражданских прав в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе от 19 июня 2002 г.⁶, Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г.¹, к приданию нормативной определенности рассматриваемому гражданско-правовому институту в Федеральном законе от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ и введением в ГК РФ статьи

¹ Белова Т.В. Право частной собственности как «видоизмененное» право личной собственности в экономико-правовой парадигме // Право и экономика. 2024. № 1. С. 56.

² Левушкин А.Н., Власов А.А., Рахматуллин Т.Э., Рахматуллина Л.Э. Защита права государственной собственности за пределами Российской Федерации: проблемы правоприменения // Orsion. 2019. N 19. Tom 35. Stranicy 721 - 736.

³ Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 30.

⁴ Белова Т.В. Самовольная постройка и вопросы ее легитимации: теория и практика применения // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1. С. 64.

⁵ Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 30; Левушкин А.Н. Виндикационный иск в цивилистической парадигме: от теории к правоприменительному процессу // Гражданское право. 2022. № 5. С. 7 - 12.

⁶ Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2003. № 1-2 (14-15).

133.1. Механизм реализации прав на единый недвижимый комплекс завершился только в 2017 г. с вступлением в силу положений Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»², отраженных в ст. 46, нормы которой устанавливают особенности осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав в отношении единого комплекса и предприятия как имущественного комплекса.

Как и многие другие новые для российского гражданского права институты, относящиеся к объектам гражданских прав, которые введены в российский гражданский оборот в связи с их актуализацией в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г., единый недвижимый комплекс введен в российское гражданское право по аналогии с соответствующим ему институтом немецкого гражданского права, в котором со времен пандектного права сложилось понимание единства юридической взаимосвязи объектов недвижимости с правами и на земельный участок, на котором они расположены (Леонтьева, 2011; 123).

Можно выделить следующие фундаментальные позиции, выработанных в рамках судебной практики по вопросу признания объекта единым недвижимым комплексом, имеющие юридическое значение для правоприменительной деятельности³:

1) определение состава единого недвижимого комплекса (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013), раздел 5⁴);

2) расположение на одном земельном участке для объединения объектов в единый недвижимый комплекс не является обязательным условием (п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Это связано с тем, что гражданско-правовая норма, закрепленная в ст. 133.1 ГК РФ не признает земельный участок в качестве обязательного элемента ЕНК. Необходимо установить неразрывную физическую или технологическую связь между объектами, составляющими ЕНК.

3) составная часть единого недвижимого комплекса не может быть признана самовольной постройкой⁵. Указанное правило единодушно было поддержано российскими судами при рассмотрении аналогичных вопросов⁶.

4) единый недвижимый комплекс по своей правовой природе является неделимой вещью и не может быть признана сложной. Указанное правило непосредственно влияет на определение вариантов юридической судьбы ЕНК в процессе совершения с ним сделок. ЕНК участвует в гражданском обороте только как единый объект. Деление единого недвижимого комплекса на отдельные объекты недвижимости запрещено, его составные части не являются самостоятельными объектами и предметом сделок. Таким образом, при определении гражданско-правовой природы единого недвижимого комплекса, возможности заключения сделок с ним применяются правила гражданского законодательства о неделимой вещи. И в своих актах суды еще раз подчеркивают юридическую значимость данного вывода. Характеристика ЕНК осуществляется судами только с позиций неделимой вещи⁷.

5) государственная регистрация как единого недвижимого комплекса является обязательным условием признания его таковым. В силу прямого указания ст. 133.1 ГК РФ в отсутствие названной регистрации такая совокупность вещей не является единым недвижимым комплексом, что также подтверждается выводами судебной практики⁸.

Деление единого недвижимого комплекса на отдельные объекты недвижимости запрещено, его составные части не являются самостоятельными объектами и предметом сделок⁹.

Определение юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств является в настоящее время наиболее дискуссионным и принципиальным вопросом, имеющим значение для правоприменительной договорной деятельности, в особенности применительно к предпринимательским обязательствам¹⁰. В отношении недвижимого имущества нормы ГК РФ о виндикации подвержены критике в профессиональном сообществе в связи с тем, что они практически не учитывают юридическую специфику защиты прав на недвижимость и значение их обязательной государственной регистрации, в силу которой споры о принадлежности недвижимости должны в первую очередь касаться записей в ЕГРН и их оспаривания¹¹.

¹ Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

² Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

³ Чуракова Е. Формирование судебной практики по вопросу признания объекта единым недвижимым комплексом // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 96.

⁴ Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 (ред. от 04.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 3. – 2014. – Март; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 5. – Май (извлечение).

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 10. – Октябрь (начало); 2017. – № 11. – Ноябрь (окончание).

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.01.2017 № Ф08-9182/2016 по делу № А01-522/2014. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.07.2017 № Ф03-2275/2017 по делу № А51-23872/2015. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.07.2017 № Ф03-2275/2017 по делу № А51-23872/2015. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.07.2016 № 18-КГ16-61. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2016 № 18АП-10647/2016 по делу № А76-962/2016. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 60-КГ18-1. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.04.2023 № 11АП-4344/2023 по делу № А55-14980/2022. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.01.2023 № Ф04-7824/2022 по делу № А46-6559/2022. Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Чуракова Е.В. Актуальные вопросы правового регулирования договора купли-продажи предприятия как недвижимого комплекса // Научный аспект. 2023. Т. 3, № 2. С. 336-340.

¹⁰ Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 126; Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 151.

¹¹ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017.

Под влиянием понимания юридической взаимосвязи прав на земельный участок и строений, на нем расположенных, отечественными исследователями, например, К.С. Калиниченко, делаются выводы об отсутствии необходимости придания правового статуса недвижимой вещи зданиям, строениям, сооружениям, отдельным помещениям, поскольку они связаны с правом на земельный участок, а также делается вывод о нецелесообразности включения в ГК РФ норм о едином комплексе недвижимого имущества как самостоятельного объекта гражданских прав (Калиниченко, 2016; 7-8). Однако данная точка зрения является дискуссионной, поскольку в российском гражданском законодательстве принята за основу иная концепция - концепция взаимосвязи прав на земельный участок и объектов недвижимости, на нем находящихся, неразрывно связанных с ним, что определяет и специфику права собственности на земельный участок и иные объекты недвижимости, отличающиеся от концепции права следования, характерную для немецкого гражданского законодательства и правовой доктрины.

Само размещение нормативного материала, определяющего правовую сущность единого комплекса недвижимого имущества свидетельствует о том, что законодатель в большей степени, нежели с иными объектами гражданских прав, обладающими свойствами недвижимой вещи, связывает данный объект гражданских прав с пониманием его как неделимой вещи. На данное обстоятельство обращают внимание многие отечественные исследователи, например, С.П. Гришаев, который обращает внимание на характеристику неделимости единого комплекса недвижимого имущества как определяющую правовую сущность института характеристики (Гришаев, 2017; 57).

Отечественные исследователи не раз отмечали правовую неопределенность дефиниции, включенной в ст. 133.1 ГК РФ, понимали ее как более точное определение линейного объекта, как любой иной протяженный объект (Неброева, 2021; 234), что вытекает из нормы ст. 133.1 ГК РФ, проводили разграничение данного объекта гражданских прав с таким объектом, как предприятие (Клец, 2023; 136), а также разграничение институтов «имущественный комплекс» и «единый недвижимый комплекс» (Мариненко, 2017; 20 – 21).

Тем не менее, полагается вполне объективным считать единый недвижимый комплекс самостоятельным объектом гражданских прав несмотря на действительно существующую правовую неопределенность его нормативного закрепления. Относительно же отождествления единого недвижимого комплекса и линейного объекта следует отметить, что такую точку зрения верной признать невозможно, хотя бы из конструкции самой нормы права «в том числе линейных объектов», то есть не все единые комплексы могут обладать свойствами линейных и иных протяженных объектов.

Правовая неопределенность рассматриваемого объекта гражданских прав видится, прежде всего, в том, что законодатель устанавливает два варианта его возникновения, что лингвистически определяется использованием в норме ст. 133.1 ГК РФ разделительного союза «или», поэтому единый недвижимый комплекс рассматривается как самостоятельный объект гражданских прав либо при наличии совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, при условии, что в ЕГРП совокупность таких объектов зарегистрирована как одна недвижимая вещь.

Данное разграничение оснований для фиксации наличия единого недвижимого комплекса как объекта гражданских прав дало возможность Верховному Суду РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 г. № 23¹ установить общее правило возможности государственной регистрации единого недвижимого комплекса даже при условии размещения объектов недвижимости на разных земельных участках (п. 39 Постановления Пленума ВС РФ). Следует отметить, что ни в гражданском законодательстве, ни в актах обобщения судебной практики не учитывается условие наличия совместных границ земельных участков, на которых расположены объекты недвижимости, составляющие единый недвижимый комплекс.

Следовательно, единство права собственности на единый недвижимый комплекс предполагает его участие в гражданском обороте как самостоятельного объекта гражданских прав, что, находит подтверждение и в судебной практике, например, в констатации невозможности признания самовольной постройкой отдельного элемента (недвижимой вещи), входящего в единый недвижимый комплекс (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 18-КГ16-61).

Наиболее же значимой специфической особенностью права собственности на единый недвижимый комплекс следует считать сохранение разграничения прав на земельный участок (участки) и на объекты недвижимости, на нем расположенные. Принципы единства права собственности на эти объекты и следования прав на объекты недвижимости за правом на земельный участок, характерные для российского права, не соответствуют в полной мере пониманию содержания права собственности, характерному для пандектного и современного немецкого гражданского права, которые стали источником понимания сущности единого недвижимого комплекса как самостоятельного объекта гражданских прав, поскольку в континентальном праве принята совершенно иная модель права собственности на объект недвижимости: строения и иные объекты недвижимости не рассматриваются как самостоятельные объекты гражданских прав: таким объектом рассматривается земельный участок, все же, что с ним неразрывно связано, является только его элементами, что существенно упрощает гражданский оборот объектов недвижимости, их признание в качестве таковых.

Думается, что фактическое невключение прав на земельный участок в содержание права на единый недвижимый комплекс является существенным пробелом в российском праве, поскольку сам термин «единый» мог бы предполагать более устойчивое право на недвижимый комплекс, нежели просто на совокупность объектов недвижимости, зарегистрированных в ЕГРП как единый недвижимый комплекс.

На несовершенство правового регулирования имущественных отношений, связанных с возникновением и распоряжением прав на

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

единый недвижимый комплекс указывает и то обстоятельство, что особенности государственной регистрации на данный объект устанавливаются в рамках одной статьи Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ст. 46), нормы части второй которой устанавливают особенности государственной регистрации права собственности на предприятие, то есть на иной по своему правовому статусу объект гражданских прав, предполагающий в своем составе различные по своему правовому статусу элементы как имущественный комплекс, а недвижимостью признается законодателем лишь «в целом».

Внесение изменений в ГК РФ, касающихся введения в его содержание ст. 133.1, следует рассматривать как еще одну попытку введения в отечественное гражданско-правовое регулирование принципа единства прав на объекты недвижимости, земельные участки и объекты, неразрывно связанные с ними. Однако данную попытку следует признать не вполне успешной, поскольку законодателем не учтена основная особенность содержания права собственности на единый недвижимый комплекс, характерная для пандектного и современного немецкого права, которые стали источником рассматриваемой новации в российском гражданском праве: не просто связь права собственности на комплекс объектов недвижимости с правом на земельный участок (участки), но и единство этих прав при превалирующем значении права собственности на земельный участок.

Пока не будет установлено выше означенное правило определения права собственности и государственной регистрации прав на единый недвижимый комплекс, будут продолжаться дискуссии относительно разграничения данного объекта гражданских прав с другими, близкими по своей сущности правами на объекты недвижимого имущества, а также будет сохраняться правовая неопределенность в регулировании отношений, связанных с правом распоряжения на единый недвижимый комплекс, что будет порождать новые правовые споры несмотря на сформировавшиеся правовые позиции органов судебной власти по спорным вопросам, связанным с государственной регистрацией и реализацией прав на единые имущественные комплексы.

Представляется целесообразным разграничить такие объекты гражданских прав как линейный объект и единый недвижимый комплекс ввиду специфики содержания права собственности на них, а также в связи с тем, что единый недвижимый комплекс может и не обладать свойством протяженности и не располагаться на нескольких земельных участках.

Библиография:

1. Белова Т.В. Защита права собственности на недвижимое имущество в цивилистической парадигме: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2023. 180 с.
2. Белова Т.В. Право частной собственности как «видоизмененное» право личной собственности в экономико-правовой парадигме // Право и экономика. 2024. № 1. С. 55 - 60.
3. Белова Т.В. Самовольная постройка и вопросы ее легитимации: теория и практика применения // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1. С. 62 - 68.
4. Левушкин А.Н., Власов А.А. Рахматуллин Т.Э., Рахматуллина Л.Э. Защита права государственной собственности за пределами Российской Федерации: проблемы правоприменения // Opcion. 2019. N 19. Tom 35. Stranicu 721 - 736.
5. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29-36.
6. Левушкин А.Н. Виндикационный иск в цивилистической парадигме: от теории к правоприменительному процессу // Гражданское право. 2022. № 5. С. 7 - 12.
7. Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: учебник. М.: Проспект, 2021. 400 с.
8. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. N 2. С. 150-166.
9. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
10. Чуракова Е.В. Формирование судебной практики по вопросу признания объекта единым недвижимым комплексом // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 93-99.
11. Чуракова Е.В. Актуальные вопросы правового регулирования договора купли-продажи предприятия как недвижимого комплекса // Научный аспект. 2023. Т. 3, № 2. С. 336-340.

Referenses:

1. Belova T.V. Protection of the right of ownership of real estate in the civilistic paradigm: monograph / ed. by A.N. Levushkin. M.: Justicinform, 2023. 180 p.
2. Belova T.V. The right of private property as a "modified" right of personal property in the economic and legal paradigm // Law and Economics. 2024. No. 1. pp. 55-60.
3. Belova T.V. Unauthorized construction and issues of its legitimization: theory and practice of application // Bulletin of Arbitration Practice. 2024. No. 1. pp. 62-68.
4. Levushkin A.N., Vlasov A.A., Rakhmatullin T.E., Rakhmatullina L.E. Protection of state property rights outside the Russian Federation: problems of law enforcement // Opcion. 2019. N 19. Volume 35. Pages 721-736.
5. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of citizens, entrepreneurs and public legal entities as participants in investment legal relations in the securities market // Lawyer. 2022. No. 6. pp. 29-36.
6. Levushkin A.N. Vindication suit in the civilistic paradigm: from theory to law enforcement process // Civil law. 2022. No. 5. pp. 7-12.
7. Levushkin A.N. Contracts in entrepreneurial activity: textbook. M.: Prospect, 2021. 400 p.
8. Levushkin A.N., Kuzmina I.K. Trends in the fulfillment of entrepreneurial obligations in law enforcement activities // Modern lawyer. 2020. N 2. pp. 150-166.
9. Sukhanov E.A. Real law: a scientific and educational essay. M.: Statute, 2017. 559 p.
10. Churakova E.V. Formation of judicial practice on the issue of recognition of an object as a single immovable complex // Bulletin of Arbitration Practice. 2023. No. 5. pp. 93-99.
11. Churakova E.V. Actual issues of legal regulation of the contract of sale of an enterprise as a real estate complex // Scientific aspect. 2023. Vol. 3, No. 2. pp. 336-340.

**ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ELECTRONIC FORM OF TRANSACTION: CONCEPT AND LEGAL NATURE
WITHIN THE FRAMEWORK OF STUDYING THE COURSE OF CIVIL LAW
IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM**

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,

студент Института государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: virtoria.pekareva@yandex.ru;

ФРОЛОВСКАЯ Юлия Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

Академии права и управления ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: yul-frol@mail.ru;

Pekareva V.V.,

student of the Academy of Law and Management of FSIN.

Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru;

Frolovskaya Yu.I.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department

civil law and process Academy of Law and Management of FSIN of Russia.

Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: yul-frol@mail.ru

Краткая аннотация: В научной работе проанализировано правовое содержание электронной формы сделки с теоретической (норм права и доктрины) и практической (реализации через цифровую специфику привычной триадной системы «согласие — акцепт — оферта») сторон для улучшения профессиональных навыков, полноценного уяснения сути этой гражданско-правовой категории и повышения заинтересованности среди студентов, преподавательского состава, независимо от их статусной определенности в рамках трудовой, учебной, научной деятельности в образовательных учреждениях ФСИН России. Раскрываются и сравниваются существующие позиции о ее принадлежности к смежным категориям гражданского права. В статье сформулированы особенности электронной формой сделки, разъяснены положения, отстаиваемые точки зрения авторов. Исследуются нормы гражданского законодательства, которые подверглись изменениям вследствие появления сделок, заключаемых с помощью информационных технологий и технических устройств, процесс которых отличается от традиционных.

Abstract: The scientific work analyzes the legal content of the electronic form of transaction from theoretical (norms of law and doctrine) and practical (implementation through digital specificity of the usual triad system «consent - acceptance - offer») sides to improve professional skills, full understanding of the essence of this civil law category and increase interest among students, teaching staff, regardless of their status determination in the framework of labor, educational, scientific activities in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The existing positions about its belonging to related categories of civil law are disclosed and compared. The article formulates the peculiarities of electronic form of transaction, explains the provisions defending the authors' points of view. The norms of civil legislation, which have undergone changes due to the emergence of transactions concluded with the help of information technologies and technical devices, the process of which differs from the traditional ones, are studied.

Ключевые слова: электронная форма сделок, договорное право, гражданское законодательство, письменная форма сделки, гражданские права и обязанности, сделки, гражданское право, уголовно-исполнительная система, образовательные организации, учреждения ФСИН России.

Key words: electronic form of transactions, contract law, civil law, written form of transaction, civil rights and obligations, transactions, civil law, penal system, educational organizations, institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Для цитирования: Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Электронная форма сделки: понятие и правовая природа в рамках изучения курса гражданского права в образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 316-319. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_316.

For citation: Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. The electronic form of the transaction: the concept and legal nature in the framework of studying the course of civil law in educational institutions of the penal system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 316-319. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_316.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Цифровая трансформация подвергает значительным преобразованиям все общественные аспекты. Она предстает не только как одна из национальных программ, но и как ключевое направление в построении современной модели разных сфер деятельности (указываются подобные положения в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»), что иллюстрирует вектор в сторону социетального уровня развития общества. Исключением не является и правовое поле, в частности гражданское право, о части которого в данной статье пойдет речь.

Интерес к изучению привлек набирающий обороты потенциал взаимодействия разного рода субъектов (граждан, юридических лиц и иных публично-правовых формирований) с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют взаимодействовать он-

лайн. Интерес к изучению привлек набирающий обороты потенциал взаимодействия разного рода субъектов (граждан, юридических лиц и иных публично-правовых формирований) с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют взаимодействовать онлайн. Активно осуществляется подобным образом деятельность на динамичном рынке валюты (какого внимания стоят хотя бы не просто банковские транзакции через Интернет или покупка/продажа валют, а именно сферы криптовалюты, подразумевающие разностороннюю деятельность с отслеживанием, той же купли-продажи соответствующих денежных единиц), заключение и реализация сделок, то есть происходит насыщенное пользование различной цифровой инфраструктурой, такой как информационные порталы и сайты, предоставляющие товары, услуги и информацию за плату. В ряде случаев, естественно, возникают соглашения между лицами, подразумевающие определенные действия, влекущие установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделки охватывают широкий спектр целей и могут иметь различный характер, включая куплю-продажу товаров и услуг, заключение трудовых договоров, аренду недвижимости, интеллектуальную собственность, предоставление займов и т.д.[5]. Определенно, сложилось традиционное представление устных и письменных форм сделок, которые можно заключить. Однако совершенно нелепо упускать из виду изменения, которые позволили оптимизировать сам процесс достижения договоренности между лицами и предоставили вектор развития новой форме сквозь призму цифровых изменений. Благодаря этим технологиям субъекты могут проводить безопасные и прозрачные финансовые операции, минуя посредников и уменьшая риски. Очевидно, речь пойдет об электронной форме сделки, того, что они представляют из себя как категория гражданских правоотношений, внимание также будет обращено на характер самостоятельности от других форм сделок, а точнее на мнения, существующие в рамках научной доктрины, и позицию законодателя по этому поводу.

Наличие инкорпорирования IT-инфраструктуры в привычные сферы деятельности в рамках правового поля и внедрения разносторонних информационных изменений в общественные отношения, в том числе в уголовно-исполнительные, в совокупности создают определенные обстоятельства и ситуации. Для их понимания и решения, работы с возникающими правами и обязанностями требуются квалифицированные специалисты, подготовка которых осуществляется посредством освоения разных направлений юридической специальности, такие возможности предоставляют и в образовательных учреждениях, связанных со спецификой уголовно-исполнительной системы. Несмотря на то, что деятельность казенных учреждений УИС носит строго целевой характер, а потому возникновение имущественных отношений с целью получения дохода противоречит их целевой правоспособности [1], так как она имеет ряд особенностей из-за сути деятельности и целей, указанными в Уставе, можно подумать только об образовательном аспекте, однако это не совсем так. Присутствует возможность акцентировать на том факте, что права и обязанности учреждений УИС могут возникнуть на основании договора — государственного контракта, заключенного в соответствии с Федеральным законом №44-ФЗ, где в отдельных разделах прописываются права и обязанности учреждения или органа УИС, что вполне соответствует доктрине гражданского права, согласно которой права и обязанности устанавливаются на основании закона и договора[9]. Поэтому изучать понятийный аппарат и особенности электронной формы сделок в рамках таких особенностей уместно и необходимо как для научно-исследовательской и образовательной сфер деятельности, так и для того, чтобы понимать частичный касающийся аспект технической реализации их заключения на практике.

При достижении договоренности, образующей определенные действия для сторон, необходимо соблюдать определенные условия, включая наличие правоспособности у всех сторон, их добросовестное поведение, наличие воли и ясного согласия между сторонами. Легальное определение в ГК РФ, а точнее в статье 160 ГК РФ, отсутствует, однако об электронной форме можно рассуждать из того, что она из себя представляет на этапе реализации в гражданско-правовых отношениях. Электронная форма сделки подразумевает волеизъявление сторон, содержащее фактическую основу в виде условий, сроков, юридических последствий несоблюдения требований, реквизитов и другой необходимой информации, что выражается в совершении юридически значимых действий посредством технических устройств через проведение определенных электронных операций.

Поскольку позиция законодателя в плане регулирования подобного рода сделок строится на принципах недискриминации, технологической нейтральности и функциональной эквивалентности [12], необходимо обратить внимание на отсутствие упоминания такой категории в гражданском законодательстве, заменяя приравниванием к разновидности письменной формы, а более точно, как способу письменной сделки. В соответствии со ст. 160 ГК РФ к такой приравнивается сделка, совершенная с помощью электронных или иных технических средств, если с помощью таких содержание договоренности можно воспроизвести на материальном носителе. При этом условие наличия подписи считается выполненным, если использован любой способ однозначной идентификации лица, выражающего свою волю. В определенных ситуациях законодательством или соглашением сторон может быть предусмотрен особый метод. Чаще всего в цифровом соглашении могут использоваться для подтверждения волеизъявления электронные подписи, созданные с помощью криптографических средств или иные способы, обеспечивающие аутентификацию и целостность электронного документа, что позволяют нормы права.

В статье 309 Гражданского кодекса Российской Федерации говорится о возможности исполнения обязательств с использованием информационных технологий без дополнительного согласия сторон в определенных случаях, если это предусмотрено условиями сделки. Эти нормы права признают законным применение «смарт-контрактов», о которых мы поговорим позже, поскольку не всё так просто в технической части, не особо соответствующей подобной законодательной модели. Итак, позиция со стороны правовых норм ясна — отличие электронной формы сделки от письменной заключается всего лишь в способе заключения, что констатирует отсутствие причин для выделения отдельной формы как электронной. Однако это не значит, что это единственная позиция, имеющая право на своё существование.

При анализе научной доктрины и позиций юристов-практиков можно наткнуться на аргументированное существование трёх точек зрения: особый подвид письменной формы, о чем рассуждалось выше; самостоятельная исключительная электронная форма сделок; смешан-

ная конъюнктура привычного соглашения для возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей через призму технических устройств и функционирования цифрового поля, в частности сети «Интернет». Первая позиция отчасти и есть иллюстрация текущего законодательства, если не брать внимание те факты, что с правовой точки зрения можно заметить умаление значение этой формы, например, в текущей редакции ст. 309 ГК РФ не включается связь с цифровыми правами, это указывает на исполнение обязательств по поводу иных объектов гражданских прав; также п. 2 ст. 434, содержание статьи которое обращено на отражение сути форм договора, исключены упоминания об электронном документе, можно заметить только «сухую» отсылку на обновленную ст. 160 ГК РФ. С научной стороны также отстаивают, в большинстве случаев, позицию того, что в электронной форме сделки нет ничего особенного. Гладкова Е.О. и Евдокимова И.С. в своих работах утверждают, что заключаемая посредством Интернет сети, по признакам не отличается от сделки, заключаемой вне виртуального пространства, т.е. это обычная гражданско-правовая сделка, оформленная с помощью Интернет-технологий [4], другими словами, отсутствуют отличительные признаки от заключаемых в реальном мире[6]. Рассмотрим точку зрения, связанную с автономностью подобной разновидности договоренности посредством технических средств.

О.А. Пучков аргументированно привел позицию, что такие «продукты» цифровизации как биометрическая и цифровая подписи, внедренные в электронный документооборот, позволили вывести гражданско-правовые отношения на новый уровень, поскольку «появились новые формы заключения сделки» [10, с. 39]. Электронная сделка не ограничивается простым использованием устройств и нажатием нескольких кнопок (хотя на первый взгляд может показаться именно так), она осуществляется на языке компьютера, который состоит из систем кодирования и шифрования, а также гиперссылок на другие документы. Программное обеспечение, веб-приложение или сайт самостоятельно отслеживают, производят все скрытые технические процессы и обеспечивают тем самым легкость, доступность, относительную безопасность в исполнении обязательств и завершение сделки ее сторонами. Возникновение электронной гражданско-правовой сделки представляет собой начало для новой модели волеизъявления субъектов гражданского права, способствующее гарантировать защиту их прав в цифровом и реальном мире. Но для многих это неизведанное явление в силу своей специфики и некой правовой неопределенности. Данная форма считается новым способом волеизъявления и существует наряду с устной и письменной формами, а не в их тени[2].

Над вопросом об обеспечении дифференциации форм сделок из-за электронной характеристики в качестве самостоятельных задумывались с помощью принятия Федерального закона еще в 2000 году. В Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект «О сделках, совершаемых при помощи электронных средств (Об электронных сделках)». Данная идея не была реализована, правовое управление Государственной Думы РФ обосновали это тем, что необходимо конкретно обосновать предмет регулирования, при всей новизне и необходимости данного законопроекта это не могло перевесить то, что был затронуто слишком много аспектов данным нормативным актом. Однако это не означает, что идею можно забросить после поправок в ГК РФ 2019 году, наоборот усовершенствовать или хотя бы принять факт того, что электронные формы сделки своей конструкцией не совсем вписываются в письменные «рамки». Суммируя сказанное, все аргументы утыкаются именно в техническую структуру, то есть электронная форма не является разновидностью простой письменной формы договора, а представляет собой качественно новый способ волеизъявления, что представляет собой определенный файл, код, набор байтов машинной информации[8]. Не совсем разумно позволять себе искусственно срывать категории письменной и электронной формы. Опять же цифровой структуры и кодирования, другими словами, технический аспект, может быть недостаточно для самостоятельности такой категории для законодательства, в чем весь могут убедить теоретики и их позицию это не умаляет. Однако следует обратить внимание, что такие сделки стали воспроизводить более сложно устроенные подвиды, которые довольно сложно отнести к письменной форме.

Специализированные программы, которые автоматически выполняют операции с объектами в информационной системе (в блокчейне) без необходимости вмешательства сторон, позволяют заключать такую электронную форму сделок как смарт-контракты. Это такой набор программных кодов, который устанавливает и выполняет условия соглашений между участниками сети. Их использование позволяет автоматизировать различные процессы, устраняя необходимость доверия между сторонами и снижая издержки на промежуточных посредников. Они применяются в различных областях, таких как финансы, страхование, логистика, здравоохранение и другие, упрощая и ускоряя выполнение различных операций. Также, сталкиваясь с практической частью применения норм, регулирующих подобные области, как `browser-wrap` (`web-wrap`), перед правоприменителем встает ряд проблемных вопросов. Например, возможно ли признать принятие данного соглашения выражением согласия в явной форме? В данном случае необходимо обратиться к конкретным методам зрительного отображения указанной в соглашении информации. Следовательно, не во всех случаях действия, совершаемые пользователем, будут рассматриваться с позиции права как акцепт[3].

Другим подвидом можно считать сделки в компьютерных играх, которые вообще сложно отнести к формату достижения договоренности между игроками в письменной форме, чаще всего её приравнивают к устной форме, так как она не имеет за собой условия закрепления. Это объясняется рядом факторов: если соглашение достигнуто в чате интерфейса игры и отсутствием логов на сервере, что влечет к отсутствию возможности в воспроизведении на материальном носителе. Спрос на редкие игровые предметы может быть весьма велик, а некоторые игроки могут желать даже заплатить реальные деньги, что порождает целые рынки таких предложений. Есть возможность пользоваться специальными сервисами, однако она не всегда есть. Зачастую игроки договариваются о сделке путём обмена текстовыми сообщениями. Совершается ли данная сделка с помощью электронных либо иных технических средств? Безусловно. Позволяет ли такой порядок заключения воспроизвести содержание сделки на материальном носителе? Не обязательно[11].

Можно противопоставить тем, что данные действия будут являться юридическими значимыми сообщениями в соответствии со ст. 165.1 ГК РФ. Вполне, но все же это подходит больше для заключения сделок через электронную почту, в чем позволяет убедиться Постановле-

ние Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». При проведении таких сделок на серверах компьютерных игр возникает определенная сложность в идентификации участников сделки из-за никнеймов (даже при регистрации, при выяснении обстоятельств тяжело выйти на электронную почту человека, которую тоже в ряде случаев подделать или купить доступ на «специальных» сайтах), возможности использовать чужих имен для достижения соглашения и неизвестности обстоятельства в качестве наличия у лица сделкоспособности. Приведенный пример предоставляет «почву» для размышлений по поводу исключительного отнесения электронной формы сделок к письменной.

Таким образом, электронные сделки имеют определенные особенности (например, использование технических средств связи и цифровых платформ; аутентификация и идентификация участников (например, с помощью электронной подписи или иным способом); соответствующая электронная форма документов; автоматизированный процесс), которые необходимо учитывать при их регулировании в рамках гражданского права. В. М. Елин при рассуждении о специфике заключения сделки электронным способом утверждает о том, что форма волеизъявления при совершении сделки в интернете одновременно относится к конклюдентной и письменной с применением электронной подписи [7]. Поэтому на данный момент в правовом поле и на практике уместно утверждать об электронной форме сделок как о разнородной категории гражданского права, используемой для установления, изменения или прекращения прав и обязанностей по поводу тех или иных обстоятельств у сторон посредством эксплуатации технических устройств и цифровых площадок. Однако стоит быть готовым правоприменителям и законодателям к тому, что трансформация такого рода сделок в ближайшем времени вполне реальное последствие имеющейся их модели сейчас, и их самостоятельность и автономность наравне с устной и письменной формами всего лишь вопрос времени. Точно также было в начале столетия с цифровыми правами, значение которым не придавалось и что же мы имеем сейчас? Процесс заключения электронной формы сделок прогрессирует вместе с цифровыми возможностями.

Библиография:

1. Баринов, А. В. Особенности имущественных отношений казенных учреждений ФСИН России / А. В. Баринов, Л. В. Ращупкина, А. Л. Сердюк // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 3(36). – С. 5-10. – EDN UJVEJB.
2. Вершинина М. К. Электронная форма сделок: преимущества и недостатки / М. К. Вершинина // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 141-148. – EDN ADNUPE.
3. Вронская М. В. Трансформация формы сделки в условиях реализации цифровых технологий: актуальные проблемы и перспективы развития / М. В. Вронская // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 138-147. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/138-147. – EDN MRUUOC.
4. Гладкова Е.О. Правовое регулирование электронной формы заключения сделок / Е.О. Гладкова // в сб.: Актуальные проблемы современного частного права. Сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической студенческой конференции. - 2016. - С. 14-18.
5. Договорное право : Учебное пособие / И. В. Бондаренко, Т. А. Попова, Ю. И. Фроловская, И. В. Хорошко. – Рязань : ИП Конякин А.В., 2024. – 230 с. – ISBN 978-5-907811-24-9. – EDN PLSNZG.
6. Евдокимова И. С. Особенности правового регулирования электронной формы сделки, заключаемой в интернет-пространстве / И. С. Евдокимова // Актуальные проблемы применения норм гражданского права и процесса, трудового права, семейного права : Сборник статей I Студенческого юридического форума в Республике Крым, Симферополь, 21 апреля 2017 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2017. – С. 43-47. – EDN ZBRULZ.
7. Елин В. М. Правовая характеристика договоров, заключаемых в Интернет-среде // Государство и право. 2012. № 12. С. 52-58.
8. Ефимова, Л. Правовые особенности сделок в электронной форме в банковской практике / Л. Ефимова // Хозяйство и право. - 2012.- № 7. - С. 91-98.
9. Полтанова, М. С. Гражданская правосубъектность учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / М. С. Полтанова // Олимпиада обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний : сборник научных трудов студентов и курсантов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 115-122. – EDN WJHGJO.
10. Пучков О. А. Трансформация договорного права в условиях информационных технологий: новые тенденции // Правовое государство: теория и практика. - 2019. - № 2. - С. 39 - 46.
11. Шаклеин, В. В. К вопросу о форме сделок в компьютерных играх / В. В. Шаклеин // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. – 2022. – № 1-3. – С. 70-73. – EDN AAZZP.
12. Шугаев, Р. И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования / Р. И. Шугаев // Цифровое право. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 40-63. – DOI 10.38044/2686-9136-2023-4-2-40-63. – EDN DNLZMN.

References:

1. Barinov, A.V. Features of property relations of state institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia / A.V. Barinov, L. V. Rashchupkina, A. L. Serdyuk // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2015. – № 3(36). – Pp. 5-10. – EDN UJVEJB.
2. Verшинina M. K. Electronic form of transactions: advantages and disadvantages / M. K. Verшинina // Issues of Russian justice. - 2022. – No. 19. – pp. 141-148. – EDN ADNUPE.
3. Vronskaya M. V. Transformation of the transaction form in the context of the implementation of digital technologies: actual problems and prospects of development / M. V. Vronskaya // The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. – 2021. – Vol. 13, No. 4. – pp. 138-147. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-4/138-147. – EDN MRUUOC.
4. Gladkova E.O. Legal regulation of the electronic form of concluding transactions / E.O. Gladkova // in the collection: Actual problems of modern private law. Collection of scientific and practical articles of the All-Russian scientific and practical student conference. - 2016. - pp. 14-18.
5. Contract law : Textbook / I. V. Bondarenko, T. A. Popova, Yu. I. Frolovskaya, I. V. Khoroshko. – Ryazan : IP Konyakhin A.V., 2024. – 230 p. – ISBN 978-5-907811-24-9. – EDN PLSNZG.
6. Evdokimova I. S. Features of the legal regulation of the electronic form of a transaction concluded in the Internet space / I. S. Evdokimova // Actual problems of application of norms of civil law and procedure, labor law, family law : Collection of articles of the I Student Legal Forum in the Republic of Crimea, Simferopol, April 21, 2017. – Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 2017. – pp. 43-47. – EDN ZBRULZ.
7. Elin V. M. Legal characteristics of contracts concluded in the Internet environment // State and law. 2012. No. 12. pp. 52-58.
8. Efimova, L. Legal features of transactions in electronic form in banking practice / L. Efimova // Economy and law. - 2012.- No. 7. - pp. 91-98.
9. Poltanova, M. S. Civil legal personality of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation / M. S. Poltanova // Olympiad of students in federal state educational organizations of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Federal Penitentiary Service : collection of scientific papers of students and cadets of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Samara : Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. – pp. 115-122. – EDN WJHGJO.
10. Puchkov O. A. Transformation of contract law in the context of information technology: new trends // The rule of law: theory and practice. - 2019. - No. 2. - pp. 39-46.
11. Shaklein, V. V. On the question of the form of transactions in computer games / V. V. Shaklein // Collection of selected articles of the scientific session of TUSUR. – 2022. – No. 1-3. – pp. 70-73. – EDN AAZZP.
12. Shugaev, R. I. Electronic form of transactions: issues of legal regulation / R. I. Shugaev // Digital law. – 2023. – Vol. 4, No. 2. – pp. 40-63. – DOI 10.38044/2686-9136-2023-4-2-40-63. – EDN DNLZMN.

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ APPEAL OF DECISIONS TAKEN IN THE SIMPLIFIED PROCEDURE IN THE ARBITRATION PROCESS: PROBLEMS OF PRACTICE

МУСАЕВА Саламат Рустамовна,
магистрантка Дагестанского государственного университета.
367000, Россия, г. Махачкала, ул. Советская, 8.
E-mail: salamat.musayeva.02@inbox.ru;

MUSAYEVA Salamat Rustamovna,
magistrantka, Dagestan State University.
367000, Russia, Makhachkala, str. Sovetskaya, 8.
E-mail: salamat.musayeva.02@inbox.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются нормы статьи 229 АПК РФ по вопросам апелляционного обжалования решений, принятых в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе. В частности, анализируется часть практических проблем, складывающихся в процессе апелляционного обжалования решений, принятых арбитражным судом первой инстанции в порядке упрощенного производства.

Abstract. The article examines the norms of Article 229 of the APC of the Russian Federation on the issues of appeal against decisions taken in the simplified procedure in the arbitration process. In particular, part of the practical problems arising in the process of appeal against decisions made by the arbitration court of the first instance in the simplified procedure is analyzed.

Ключевые слова: арбитражный суд, апелляционное обжалование, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», копия судебного решения.

Keywords: arbitration court, appeal, information and telecommunication network "Internet", a copy of the court decision.

Для цитирования: Мусаяева С.Р. Апелляционное обжалование решений, принятых в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе: проблемы практики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 320-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_320.

For citation: Musayeva S.R. Appeal of decisions taken in the simplified procedure in the arbitration process: problems of practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 320-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_320.

Статья поступила в редакцию: 25.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Как правило, решение, принятое в порядке упрощенного производства структурно, состоит лишь из вводной и резолютивной частей, которое принимается немедленно после разбирательства дела путём подписания судьей резолютивной части решения и подлежит размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня её принятия. Данное решение вступает в законную силу по истечении пятнадцати дней со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. В случае, если по заявлению лица, участвующего в деле или в случае подачи апелляционной жалобы по делу, арбитражным судом было составлено мотивированное решение, то оно вступает в законную силу по истечении срока, установленного для подачи апелляционной жалобы. Следовательно, решение арбитражного суда первой инстанции по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня его принятия, а в случае составления мотивированного решения арбитражного суда - со дня принятия решения в полном объеме.

Обращаясь к ч.4 ст.229 АПК РФ следует заметить, что лица, участвующие в деле вправе обжаловать, как усеченное решение, т.е. состоящее из вводной и резолютивной частей, так и решение в полном объеме (мотивированное), где обязанность арбитражного суда при подаче апелляционной жалобы составить мотивированное решение является строго обязательным.

В связи с указанным у некоторых авторов возникает вопрос относительно лиц, участвующих в деле, а именно каким образом последние, должны приложить копию данного решения в силу п.1 ч.4 ст.260 АПК РФ, если АПК РФ не содержит законодательных требований о направлении лицам, участвующим в деле копии итогового решения на бумажном носителе? Один из вариантов решения данного вопроса отмечает Г.Н.Галковская, которая предлагает, «заимствовать положения из ГПК РФ и унифицировать обязанность суда направлять лицам, участвующим в деле, бумажную копию резолютивной части решения суда или мотивированного решения суда». [1, с.126].

Взгляд автора в целях решения данного вопроса солидарен с мнением в Г.Н.Галковской (в силу указанных ниже обстоятельств) и большинством других научных исследователей, поскольку данную позицию разделяют многие, о чём в своём научном исследовании подчёркивает Д.О.Моисеевских. [2, с.230]. Однако, здесь необходимо подчеркнуть, что, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», отсутствие копии на основании п.24 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, если после принятия апелляционной жалобы к производству суд выяснит, что к жалобе не приложен какой-либо из документов, названных в части 4 статьи 260 АПК РФ, то необходимо учитывать, что неприложение копии оспариваемого судебного акта не препятствует рассмотрению апелляционной жалобы,

если данный судебный акт размещен в информационной системе "Картотека арбитражных дел" и имеется в материалах дела. Следовательно, не требуется наличие копии решения суда, принятого в порядке упрощенного производства. [3].

Однако, почему все же следует предусмотреть направление копии решения суда, принятого в порядке упрощенного производства автором объясняется следующим. Так, вручение копии может оказаться в некоторой части действенным механизмом в целях экономии процессуального времени для арбитражных судов. Как уже было отмечено, АПК РФ в отличие от ГПК РФ не предусматривает высылку копии решения арбитражного суда первой инстанции, принятого в порядке упрощенного производства для лиц, участвующих в деле. Статья 229 АПК РФ закрепляет лишь то, что «принятая по результатам рассмотрения дела резолютивная часть решения размещается в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" не позднее следующего дня после дня ее принятия». [4]. По мнению автора, отсутствие высылки копии судебного решения арбитражным судом порождает следующие проблемы:

- лица, участвующие в деле вынуждены постоянно следить за информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» в целях своевременного возможного обращения с апелляционной жалобой или с заявлением о составлении мотивированного решения. Решить данную проблему возможно, путём обозначения в определении о рассмотрении арбитражного дела в порядке упрощенного производства, помимо сроков для представления доказательств и дату рассмотрения арбитражного дела, ведь, если лицам, участвующим в деле будет известна дата рассмотрения их дела, то они, во-первых, своевременно успеют защитить свои права, а во-вторых им не придётся постоянно следить за информационно-телекоммуникационной сетью;

- лица, участвующие в деле ввиду отсутствия высылки копии решения, принятого в порядке упрощенного производства, которое подлежит размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» могут вовремя не обнаружить его. Следовательно, лица, участвующие в деле будут ходатайствовать о восстановлении срока на апелляционное обжалование, что вновь приведёт к затягиванию арбитражного процесса.

Таким образом, законодательная позиция, закрепленная в статье 232.4 ГПК РФ по мнению автора является наиболее правильной, следовательно, видится наиболее целесообразным внести соответствующие изменения в АПК РФ. Однако, для того, чтобы лица, участвующие в деле не имели возможности говорить о том, что ими не была получена копия судебного решения видится наиболее правильным вручать соответствующую копию под расписку.

В целях ещё наиболее эффективного урегулирования данной проблемы видится наиболее правильным изменить срок исчисления подачи апелляционной жалобы, а именно внести изменения в АПК РФ, где будет закреплено, что срок на подачу апелляционной жалобы будет исчисляться с момента получения копии лицами, участвующими в деле. В научной доктрине ряд авторов отмечают, что почта и информационно-телекоммуникационная сеть не всегда являются надежными инструментами, а потому с установленным коротким сроком (15 дней) для подачи апелляционной жалобы, обозначенное является весьма разумным. Обозначенные в работе предложения в целях разгрузки арбитражных судов возможно применить и к положениям ГПК РФ для судов общей юрисдикции непосредственно.

Подводя итоги следует отметить, что прикладывать копию решения суда, принятого в порядке упрощенного производства в силу ч.4 ст. 260 АПК РФ не предусматривается, однако, автор видит наиболее правильным привести к единообразию решение данного вопроса, следовательно заимствовать положения ст. 232.4 ГПК РФ.

Библиография:

1. Галковская Н.Г. Проблемы исчисления сроков апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства // Правовое применение - .2023. - №1. – С.124-133.
2. Моисеевских Д.О. Проблемы обжалования решения суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства // Вестник науки. - 2024. - №3 (72). – С.229-233.
3. Российская Федерация. Верховный суд РФ. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции от 30.06.2020 № 12 // СПС КонсультантПлюс. - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/9fea4df6e7629d7660f7211659e4192f9f255675/.
4. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

References:

1. Galkovskaya N.G. Problems of calculating the terms of appeal against decisions made in the order of simplified proceedings // Law enforcement - .2023. - No.1. – PP.124-133.
2. Moiseevskikh D.O. Problems of appealing a court decision in a case considered in a simplified procedure // Bulletin of Science. - 2024. - №3 (72). – С.229-233.
3. Russian Federation. Supreme Court of the Russian Federation. On the application of the Arbitration process of the Code of the Russian Federation when considering cases in the arbitration court of appeal technology dated June 30, 2020 No. 12 // SPS ConsultantPlus. - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/9fea4df6e7629d7660f7211659e4192f9f255675/.
4. The Russian Federation. Laws. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 // SZ RF. 2002. No. 30. St. 3012.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_322

УДК 342.7

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ НОТАРИУСОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ БЕССПОРНЫХ ФАКТОВ The rights and obligations of notaries in the process of establishing indisputable facts

ФРОЛОВИЧ Эвелина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета.

ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614068, Россия.

E-mail: evelinafrolovich@yandex.ru;

Frolovich Evelina Mikhailovna,

Ph.D. of Juridical Sciences,

Associate Professor of the Department of business law, civil and arbitration procedure

Perm State University.

Bukireva str., 15, Perm, Perm Krai, 614068, Russia.

E-mail: evelinafrolovich@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию категорий «права нотариуса» и «обязанности нотариуса». Исследуются особенности осуществления нотариусом действий с точки зрения деятельности по установлению бесспорных фактов. Обосновывается обязанность нотариата по удостоверению бесспорных доказательств.

Abstract: The article is devoted to the study of the categories of "notary's rights" and "notary's duties". The features of the notary's actions from the point of view of establishing indisputable facts are investigated. The obligation of a notary to certify indisputable evidence is justified.

Ключевые слова: нотариус, права и обязанности нотариуса, бесспорные факты, бесспорные доказательства, нотариальное право.

Keywords: notary, the rights and duties of a notary, indisputable facts, indisputable evidence, notarial law.

Для цитирования: Фролович Э.М. Права и обязанности нотариусов в процессе деятельности по установлению бесспорных фактов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 322-324. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_322.

For citation: Frolovich E.M. The rights and obligations of notaries in the process of establishing indisputable facts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 322-324. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_322.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

С момента принятия Основ законодательства РФ о нотариате, появилось понятие нотариального права, как комплексной отрасли права. По мнению И.Г. Черемных, комплексный предмет данного права связан с регулированием общественных отношений, где необходима нотариальная деятельность. С данной позицией солидарен известный ученый В.В. Ярков. Он указал на комплексный характер данного права. В гражданском, гражданском процессуальном, административном праве выделяется деятельность нотариусов, связанная с осуществлением ряда нотариальных действий.

Существует мнение, что нотариат следует именовать институтом предупредительного (превентивного) правосудия. В диссертационном исследовании Г.В. Фадеевой, нотариальная деятельность отнесена к области бесспорной юрисдикции. Главной, при этом, признаётся функция по предотвращению судебных споров. Сохраняется тенденция, связанная с отнесением нотариата к особому виду гражданского процесса. При этом не предполагается прямое осуществление правосудия именно нотариусами. Нотариат лишь призван предупреждать обращение в суд. На таком же подходе настаивает Е.А. Тарасова. Данная концепция, на наш взгляд, повторяет советскую доктрину гражданского процессуального права.

Главный изъян данной концепции нотариата связан с тем, что деятельность нотариусов напрямую не связана с правосудием. Закон не предполагает медиацию или предварительное рассмотрение споров, путём обращения к нотариусам. Поэтому Р.Т. Кулишова, указывает на ошибочность отнесения нотариата к органам «превентивного правосудия». Целью любого правосудия выступает разрешение социального правового конфликта. В бесспорных ситуациях правосудие не осуществляется. Данную точку зрения следует поддержать. Правосудие в правовом государстве может вершить только суд. Иные органы власти такими полномочиями обладать не могут.

Анализ ст.15 Основ законодательства о нотариате, где определены права нотариусов, показывает, что компетенция нотариуса связана с совершением нотариальных действий в интересах физических и юридических лиц, обратившихся к нему, а не с осуществлением превентивного правосудия. Российский законодатель, как отмечается в литературе, права нотариуса связывает исключительно с потребностями клиента.

Отказ в совершении нотариальных действий может быть связан с тем, что данные действия должны быть совершены в иных местах. Например, нотариус может отказать в удостоверении завещания, если оно касается имущества, находящегося за границей. Нотариусами совершается ряд нотариальных действий по удостоверению бесспорных прав и фактов, приданию долговым и платежным документам исполнительной силы, обеспечению мер по охране наследственного имущества. Нотариус при удостоверении сделок, направленных на отчуждение или залог имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, проверяет принадлежность данного имущества лицу, его отчуждающему или закладывающему, за исключением случаев, если в соответствии со сделкой на момент ее совершения данное имущество еще не принадлежит этому лицу.

Таким образом, нотариус осуществляет контроль за недопущением заключения договора, противоречащего закону, а также предупреждает злоупотребление доверием сведущим лицом по отношению к несведущему с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть

использована им во вред.

При удостоверении сделки, нотариус может предложить сторонам использовать депозитный счёт для расчёта между собой. В этом случае нотариус будет выступать гарантом, что никто никого не обманет. При этом оценивает доказательственную силу нотариальных действий суд. Можно привести следующий пример: Отклоняя доводы ответчика Ш. в части того, истец не была лишена возможности сообщить Н.Н.В. о намерении приобрести долю в установленный срок, суд указал, что нотариальное удостоверение договора купли-продажи доли не свидетельствует о соблюдении продавцом порядка преимущественного права покупки.

Выделяются права нотариусов, связанные с возможностью составления проектов различных сделок, заявлений и иных документов. Нотариус проявляет себя как юрист, знающее лицо, имеющее опыт по составлению различных документов.

Нотариусы наделены правом делать копии документов, а также давать разъяснения по всем вопросам совершения нотариальных действий. Нотариус выступает как консультант по всем правовым вопросам, что определяет требования к его образованию. Среди прав нотариусов, особое значение имеет право, связанное с истребованием от всех лиц сведений, а также документов (в том числе содержащие персональные данные), которые необходимы для совершения нотариальных действий.

Деятельность нотариусов имеет важное значение при совершении сделок с недвижимостью. Нотариус может обеспечить граждан квалифицированной, и, что немаловажно, доступной правовой помощью. Размеры нотариального тарифа на удостоверение сделки с недвижимостью повышены для всех категорий населения.

Нотариусы имеют право, при обращении к ним клиента подавать заявление о государственной регистрации прав на недвижимое имущество. С введением данной нормы в законодательство о нотариате, как отмечается в литературе, были расширены нотариальные функции посредством предоставления нотариусу полномочий по оказанию юридической помощи гражданам путем непосредственного участия нотариуса в отношениях гражданина с органами публичной власти.

Сокращён срок и упрощён порядок государственной регистрации прав, основанных на нотариально удостоверенном документе. По нотариальным договорам государственная регистрация перехода права собственности осуществляется в сокращённые сроки. При подаче документов в электронном виде – 1 день регистрация и уменьшение государственной пошлины на 30 процентов. При личном обращении для регистрации понадобится 3 дня. Нотариус имеет право подавать иные необходимые документы на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав, ведение Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН).

Нотариусы наделены правом запрашивать из ЕГРН сведения о правах на объекты недвижимого имущества, иные сведения. Особое значение имеют права нотариусов, связанные с возможностью получения в форме электронного документа различных сведений из реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Электронные документы нотариус имеет право получить бесплатно.

В субъектах РФ органы власти могут наделять нотариусов иными правами. В литературе приведен пример такого наделения полномочиями: Органы исполнительной власти города Москвы наделили московских нотариусов правом самостоятельно организовывать работу их нотариальной канторы в выходные дни с сообщением об этом в нотариальную палату и территориальный орган юстиции.

Проблемой нотариата в России было то, что долгое время не было единой информационной системы, где можно было бы увидеть те нотариальные действия, которые совершаются нотариусами. С 2014 года развивается Единая информационная система (ЕИС) нотариата, ознаменовавшая развитие электронного нотариата XXI века в нашей стране. Нотариусы вносят сведения о совершенных нотариальных действиях в различные реестры. Это повышает ценность данного института в современных условиях. Большую роль играет внедрение единого реестра завещаний.

Таким образом, внесение сведений о нотариальных действиях является правом и одновременно обязанностью нотариуса.

С правами нотариусов связаны их обязанности. В отличие от прав, обязанности данных лиц описаны достаточно кратко, так как они напрямую вытекают из общих требований к деятельности нотариусов.

Перечень обязанностей, закрепленных в ст.16 Основ законодательства, начинается с указания общей обязанности по оказанию содействия клиентам в осуществлении их прав и защите законных интересов. Сложно представить осуществление нотариусом каких-либо нотариальных действий без разъяснений права и обязанностей участникам сделки или иного соглашения. Нотариус обязан предупреждать о последствиях, совершаемых нотариальных действий с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред.

Нотариусы обязаны сообщать в налоговые органы о выдаче свидетельств о праве на наследство и о нотариальном удостоверении договоров дарения. То есть, нотариус должен предупредить наследников, а также дарителей о том, что сведения о данной сделке он обязан сообщить в налоговый орган.

Верховный Суд РФ не раз обращал внимание на необходимость проверки судом первой инстанции исполнения нотариусом данных требований. Можно привести следующий пример: Наследникам было отказано в выдаче свидетельств о праве на наследство, в связи с наличием еще одного возможного наследника. Дело направлено на новое апелляционное рассмотрение. Судом не выяснено, содействовал ли нотариус наследникам в осуществлении их прав и в защите законных интересов, разъяснял ли им права и обязанности, предупреждал ли о последствиях нотариальных действий, истребовал ли доказательства, подтверждающие отношения родства с наследодателем, решался ли вопрос об отложении или приостановлении выдачи свидетельств в связи с обращением наследников в суд.

В Основах законодательства о нотариате закреплены обязанности по соблюдению нотариусом тайны. Нотариус обязан хранить в секрете лишь те сведения, которые ему стали известны в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

Только суд имеет право освободить нотариуса от данной обязанности в случае, если против нотариуса возбуждено уголовное дело в связи с совершением конкретного нотариального действия. В иных случаях нотариус имеет право сохранять данную тайну.

Несоблюдение нотариусом нотариальной тайны может повлечь административную или уголовную ответственность, а также меры дисциплинарного воздействия. Наиболее строгой мерой ответственности является лишение статуса нотариуса.

К обязанностям нотариуса следует отнести и требование об отказе от совершения того или иного нотариального действия, если оно не соответствует закону. Понятно, что если перед удостоверением завещания нотариус видит, что на завещателя оказывается давление со стороны возможных наследников, то он обязан отказаться от совершения данного действия.

Актуальную роль играют обязанности по размещению информации о работе нотариуса в сети Интернет, а также соблюдение требований об обеспечении регулярного приема граждан.

Основы законодательства о нотариате устанавливают два вида контроля в сфере профессиональной деятельности нотариусов. Наряду с контролем за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей, отнесенным к полномочиям нотариальной палаты, по мнению Г.Б. Акимова, предусмотрен судебный контроль, в рамках которого судом дается оценка на соответствие законодательству совершенного нотариального действия или отказа в его совершении.

Особое значение имеет включение в Основы о нотариате, обязанностей связанных с профессиональной подготовкой нотариусов. Надо отметить, что перечень обязанностей нотариуса не исчерпывается положениями ст. 16 Основ законодательства. Так, только для нотариусов, которые занимаются частной практикой в ст.18 Основ, определена обязанность по страхованию профессиональной деятельности. Особенностью данного страхования является то, что нотариус имеет право заключить такой договор лишь со страховой организацией, которая аккредитована Федеральной нотариальной палатой.

В настоящее время дифференцированы страховые суммы по страхованию гражданской ответственности. В частности, сумма в 2 млн. рублей установлена по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, имеющего нотариальную контору в городском поселении. Нотариус, который занимается частной практикой и удостоверяет договоры ипотеки, а также договоры по распоряжению недвижимым имуществом, обязан заключить договор гражданской ответственности на сумму не менее 5 000 000 руб. Поэтому, если нотариусом совершены какие-либо ошибки или в результате его действий причинен ущерб, то возможно выплата из страхового покрытия. Анализ правового регулирования прав и обязанностей нотариусов показал, что в состав обязанностей нотариусов не входит обеспечение установления бесспорных фактов. Это общая функция нотариата, так как нотариальные действия связаны только с фиксацией бесспорных фактов.

Таким образом, нотариат, как правоохранительный орган, призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, путем совершения нотариусами (работающими в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой) предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

Право совершать нотариальные действия закреплено за должностными лицами местного самоуправления и консульскими должностными лицами. Правосубъектность нотариусов определяется правами, связанными с основной функцией-совершением нотариальных действий от имени Российской Федерации. К обязанностям можно отнести полномочия связанные с оказанием содействия клиентам, обеспечением нотариальной тайны, размещения информации о работе нотариуса в сети Интернет, обеспечение приема граждан. Обязанностью нотариата, на наш взгляд, не прописанной в Основах, является удостоверение бесспорных доказательств и предотвращение судебных споров.

Библиография:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 12.12.2023) // Росс. газ. 13 марта 1993.
2. Черемных И.Г. Теоретические основы независимого нотариата России. М., 2006. С. 35.
3. Нотариальное право России: Учеб. / Под ред. В.В. Яркова. М., 2019. С. 256.
4. Фадеева Г.В. Административно-правовое регулирование организации нотариальной деятельности в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.
5. Тарасова Е.А. Нотариат – институт превентивной защиты или институт превентивного правосудия? // Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов: Материалы междунауч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 18 – 19 октября 2013 г.) / Отв. ред. О.А. Кузнецова, 2013. С. 173 .
6. Кулишова Р.Т. Специфика правовой природы нотариата и нотариальной деятельности в РФ // Нотариус. 2016. № 7. С. 3.
7. Ралько В.В. Нотариат. М., 2020. С.78. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 27.07.2022 по делу №33-6333/2022- Доступ из СПС «КонсультантПлюс»..
8. Нотариальное право: Учебник/ Под ред. В.В. Яркова. М., 2019. С.108.
9. Рудик И.Е. Вопросы участия нотариуса в отношениях по государственной регистрации прав на наследственное имущество // Нотариус. 2015. №2. С. 19.
10. Ушаков А.А. Комментарий к Основам законодательства РФ о нотариате (постатейный). М., 2021. С.109.
11. Определение Верховного Суда РФ от 30.11.2016 № 18-КГ16-137// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Романовская О.В. Нотариальная тайна и освобождение нотариуса от обязанности ее сохранения // Нотариус. 2016. № 4. С. 10.
13. Акимов Г.Б. Актуальные вопросы организации контроля исполнения нотариусами профессиональных обязанностей // Нотариус. 2017. №2. С.4.

References:

1. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries dated February 11, 1993 No. 4462-1 (ed. dated 12.12.2023) // Rossiyskaya Gazeta. March 13, 1993.
2. Cheremnykh I.G. Theoretical foundations of the independent notary of Russia. M., 2006. p. 35.
3. Notary law of Russia: Textbook. / Edited by V.V. Yarkov. M., 2019. P. 256.
4. Fadeeva G.V. Administrative and legal regulation of the organization of notarial activity in Russia: Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Saratov, 2012. p. 8.
5. Tarasova E.A. Notary – institute of preventive protection or institute of preventive justice? // The Fourth Perm International Congress of Legal Scholars: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Perm, Perm. state National research. Univ., October 18-19, 2013) / Ed. O.A. Kuznetsova, 2013. p. 173.
6. Kulishova R.T. Specificity of the legal nature of the notary and notarial activity in the Russian Federation // Notary. 2016. No. 7. p. 3.
7. Ralko V.V. Notariat M., 2020. P.78. The appeal ruling of the Perm Regional Court dated 07/27/2022 in case No.33-6333/2022 - Access from the ATP "Consul-tantPlus"..
8. Notarial law: Textbook/ Ed. V.V. Yarkova. M., 2019. P.108.
9. Rudik I.E. Issues of participation of a notary in relations on state registration of rights to hereditary property // Notary. 2015. No.2. P. 19.
10. Ushakov A.A. Commentary on the Basics of legislation of the Russian Federation on notaries (article by article). M., 2021. P.109.
11. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2016 No. 18-KG16-137// Access from the ConsultantPlus legal reference system.
12. Romanovskaya O.V. Notarial secrecy and the release of a notary from the obligation to preserve it // Notary. 2016. No. 4. p. 10.
13. Akimov G.B. Topical issues of the organization of control over the performance of professional duties by notaries // Notary. 2017. No.2. p.4.

НОВЕЙШИЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИИ И БУДУЩЕЕ ТРЕТЕЙСКОГО ПРОЦЕССА The newest IT technologies and the future of the arbitration process

ПОНКИН Игорь Владиславович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».

119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 82.

E-mail: ponkin-iv@ranepa.ru;

Ponkin Igor V.,

Doctor of science (Law), State Professor, Professor of the Institute of Public Administration and Civil Service
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia) (IPACS, RANEPА).

82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia.

E-mail: ponkin-iv@ranepa.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена предиктивно-аналитическому осмыслению будущего третейского (арбитражного) процесса. Автор делает вывод о том, что реализуемый ныне путь набора численности действующих арбитражных структур является экстенсивным и уже исчерпал себя, хотя и сыграл в своё время положительную роль, возможные решения коренятся в сфере новейших ИТ-технологий, в цифровом праве.

Abstract. The article is devoted to predictive-analytical understanding of the future of the arbitration (arbitration) process. The author concludes that the current way of recruiting the number of active arbitration structures is extensive and has already exhausted itself, although it played a positive role in its time. Possible solutions are rooted in the sphere of the newest IT-technologies, in Digital Law.

Ключевые слова: третейский процесс, третейское разбирательство, цифровое право, цифровые технологии в юридической деятельности, искусственный интеллект и право.

Keywords: arbitration process, arbitration proceedings, digital law, digital technologies in legal activity, artificial intelligence and law.

Для цитирования: Понкин И.В. Новейшие ИТ-технологии и будущее третейского процесса // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 325-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_325.

For citation: Ponkin I.V. The newest IT technologies and the future of the arbitration process // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 325-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_325.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Когда я начал работать в адвокатуре в 1977 году, технологии были сведены к пишущей машинке и бутылке корректора текста Тирре, а иногда и к революционному телексу. Мы прошли долгий путь. Мы начали с текстовых процессоров, перешли к факсам и персональным компьютерам, к интернету, к оцифровке, блокчейну и искусственному интеллекту, к метавселенной, квантовым вычислениям и децентрализованному Web 3.0. Это было очень интересное путешествие. Джоффри Вос¹.

Всё более интенсифицирующееся внедрение юнитов искусственного интеллекта² (в том числе генеративного ИИ) и других прорывных ИТ-технологий в практику юридической профессии и работы не привело (и едва ли приведёт когда-либо³) к упразднению позиции человека-юриста, но внесло существенные изменения в онтологию юридической профессии, и это объективно так.

Современный этап характеризуется резким умножением числа третейских арбитражей во всём мире, усложнением онтологии их функционирования и работы, диверсификацией по предметно-объектному (отраслевому) признаку рассматриваемых дел – морские арбитражи, спортивные арбитражи, энергетические арбитражи и др.

С 1970-х годов, когда в Лондоне было, пожалуй, три «настоящих» коммерческих палаты, а «коммерческая» работа в основном подразумевала судоходство. Крупнейшие лондонские юридические фирмы в 1970-х и 1980-х годах считали, что судебные разбирательства – это ниже их достоинства, и в основном нанимали управляющего клерка для их ведения. Сейчас, как указывает Джоффри Вос, существует бесчисленное множество палат, которые считают себя «настоящими» коммерческими палатами. Многие юрисдикции создали свои собственные международные коммерческие суды. Это произошло, в частности, в Казахстане, Дубае, Париже, Абу-Даби, Амстердаме, Сингапуре и в нескольких других местах. В некоторых случаях общепризнанной целью было переместить судебные разбирательства из Лондона. В других случаях это было обслуживание местных коммерческих сторон в региональной обстановке. В любом случае, сейчас больше международных коммерческих судов и международных арбитражных центров, чем несколько лет назад. В 2017 году в Великобритании был основан Постоянный международный форум коммерческих судов, в котором сейчас насчитывается около 46 юрисдикций со всего мира в качестве членов. Он провёл 4 общих собрания в Лон-

¹ Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Выступление руководителя архивов перед Советом адвокатов Англии и Уэльса] // <https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>. – 18.07.2023.

² См.: Морхат П.М. Право и искусственный интеллект / Российская гос. академия интеллектуальной собственности. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 544 с. Понкин И.В. К вопросу о будущем права интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 7. – С. 34–41. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки». – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.

³ См.: Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 61–85. Понкин И.В. Машинная правовая аналитика: понятие, онтология и значение для правовой деятельности // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – № 6. – С. 40–46.

доне, Нью-Йорке, Сингапуре и в октябре прошлого года в Сиднее и является набирающим силу для распространения надлежащей практики в разрешении коммерческих споров и верховенства права во всем мире¹. В Великобритании ныне создаётся судебная часть цифровой системы правосудия, которая в настоящее время создаётся в рамках программы реформы НМСТS для гражданских, семейных и арбитражных дел².

То есть у международного и национального бизнеса ныне существенно больше возможностей для эффективного разрешения коммерческих споров, нежели ранее.

Однако путь набора численности действующих арбитражных структур является экстенсивным и уже исчерпал себя, хотя и сыграл в своё время положительную роль. Возможные решения коренятся в сфере новейших IT-технологий, в цифровом праве³.

По Иэну Куирку, за последний год потенциал генеративного ИИ на рынке юридических услуг потряс юридическую профессию. Хотя его влияние ещё не полностью изучено, многие полагают, что генеративный ИИ трансформирует многие аспекты юридической практики⁴.

Чат GPT – генеративный искусственный интеллект – специфические компьютерно-программные модели – генеративные преобученные трансформеры текстов на естественном языке (более точно – «трансформер, обученный на генерацию текста»; англ. – «*Generative pre-trained transformer*»; франц. – «*transformeur génératif pré-entraîné*»; испан. – «*transformadores generativos preentrenados*»), реализуемые и управляемые юнитами генеративного искусственного интеллекта искусственными нейронными сетями, которые используются в задачах обработки естественного языка и способны по запросам (англ. – «*prompt*») пользователя в интерфейсе интерактивного чата генерировать связные и воспринимаемые человеком как осмысленные тексты⁵.

За три коротких месяца с момента выпуска GPT-4 компанией OpenAI 14 марта 2023 года все только и говорили о том, как генеративный ИИ в его текущих и будущих итерациях повлияет на юридическую практику. Ответ, очевидно, «сильно». В июле 2023 года Goldman Sachs подсчитал, что генеративный ИИ может автоматизировать 44% юридических задач в США⁶.

Помимо этого активно развиваются технологии создания и обеспечения функционирования искусственно-интеллектуальных ассистентов-компаньонов судьи, прокурора, адвоката, за этими технологиями большое будущее.

Но мы всё же вернёмся к теме влияния ИИ-технологий на третейское разбирательство.

Машиночитаемое и машиноформируемое право, договоры, цифровое моделирование третейского процесса, блокчейн-технологии для фиксации цепочек этапов сделок и юридических действий, применение киберметавселенных⁷ в интересах сторон, применение юристами юнитов искусственного интеллекта в машинной правовой аналитике и в подготовительной юридико-технической работе – всё это реально меняет онтологию юридической работы (не исключая при этом человека, но видоизменяя его роли).

В последние годы наблюдается рост использования технологий, связанных с блокчейном, в коммерческих контрактах и распространение смарт-контрактов. Технология блокчейн – это прозрачная, безопасная технология хранения и передачи информации, которая работает без центрального органа управления. Блокчейн можно описать как общую базу данных, заполненную записями («блоками» в «цепи»), которые должны быть подтверждены и зашифрованы и содержат историю всех обменов между его пользователями с момента его создания⁸.

20 ноября 2023 года Министерство юстиции Великобритании запустило Комитет по правилам онлайн-процедур (OPRC) для предоставления руководства и разработки стандартов данных для новой цифровой экосистемы разрешения споров, которая создаётся⁹. По словам Джоффри Воса, общее право предоставляет набор определённых и предсказуемых правил, которые применимы к коммерческим сделкам всех видов, будь то по известным и традиционным линиям или по-новому, охватывающим новые технологии. Именно эта гибкость, как правило, привлекает коммерческих сторон, которые иногда стремятся избегать систем гражданского права, основанных на толковании правовых кодексов, составленных десятилетия или столетия назад. База данных безопасна и распределена: она совместно используется различными пользователями, без посредников, что позволяет каждому проверить достоверность строки и затрудняет или делает невозможным изменение, взлом или обман системы. Цепочки блоков данных часто содержат «транзакции», но с технической точки зрения можно хранить и любой другой тип информации. Исходя из этого, в сочетании с другими технологиями, блокчейн имеет множество полезных применений¹⁰.

Как относиться юристам к технологическому «девятому валу», захлёстывающему и перехлёстывающему в нашей профессиональной сфере все её аспекты, в том числе и сферу третейского разбирательства?

Тем более, что такая уж «волшебность» технологий искусственного интеллекта сильно переоценена, планка их не критического восприятия и восхваления сильно, критически сильно задрана.

¹ Vos G. The future of London as a pre-eminent dispute resolution centre: opportunities and challenges [Будущее Лондона как ведущего центра разрешения споров: возможности и проблемы] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 20.04.2023.

² Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Выступление руководителя архивов перед Советом адвокатов Англии и Уэльса] // <<https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>>. – 18.07.2023.

³ См.: Понкин И.В., Лаптева А.И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 174 с.

⁴ Quirk I. Arbitration Tech Toolbox: The Future of Dispute Resolution: Evolution or Revolution? [Инструментарий арбитражных технологий: будущее разрешения споров: эволюция или революция?] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 01.02.2024.

⁵ См.: Понкин И.В. Chat GPT и проблема самостоятельности и оригинальности работы студентов // Администратор образования. – 2024. – № 3. – С. 3–5.

⁶ Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Выступление руководителя архивов перед Советом адвокатов Англии и Уэльса] // <<https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>>. – 18.07.2023.

⁷ См.: Понкин И.В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Vol. 11. – № 1. – С. 118–127.

⁸ Legler T., Bühlmann A. A look to the future of international IP arbitration [Взгляд в будущее международного арбитража в области ИС] // <<https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-ip-arbitration/third-edition/article/look-the-future-of-international-ip-arbitration/>>. – 24.05.2024.

⁹ Quirk I. Arbitration Tech Toolbox: The Future of Dispute Resolution: Evolution or Revolution? [Инструментарий арбитражных технологий: будущее разрешения споров: эволюция или революция?] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 01.02.2024.

¹⁰ Vos G. The future of London as a pre-eminent dispute resolution centre: opportunities and challenges [Будущее Лондона как ведущего центра разрешения споров: возможности и проблемы] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 20.04.2023.

Так, 25 июля 2024 года американские фондовые индексы резко снизились по итогам торгов в среду, Nasdaq Composite рухнул на 3,6%, показав наихудшую динамику с октября 2022 года. Падение S&P 500, составившее 2,3%, стало самым резким с декабря 2022 года. Обвал рынка спровоцировали квартальные результаты Tesla Inc. и Alphabet Inc., не дотянувшие до "высокой планки", поставленной аналитиками Уолл-стрит, пишет Market Watch. Это две первые компании из так называемой «великолепной семёрки» американских IT-гигантов, которые опубликовали отчёты за прошедший квартал¹. Инвесторы утратили интерес к искусственному интеллекту: очевидно, что вложения в эту отрасль будут окупаться очень долго. Инвесторы обеспокоены окупаемостью расходов на инфраструктуру ИИ. Массивные инвестиции в ИИ пока негативно сказываются на прибыли крупных компаний, что усиливает волну продаж. В результате увеличивается волатильность опционов на технологические акции². Это сильно напоминает «крахе доткомов» 2001 года. А потому следует внимательно переосмыслить применение новейших технологий в праве и правовом процессе.

Сам ChatGPT утверждает, что его наиболее ценное применение для юристов – это помощь в (а) составлении, (б) проверке документов, (в) прогнозировании исхода дела для обоснования стратегии и (г) переговорах об урегулировании. Теперь, спустя несколько недель после выхода GPT-4, мы все знаем о риске того, что генеративный ИИ будет выдавать неточную и откровенно ложную информацию. Это нашло свое воплощение в двух недавних делах в Нью-Йорке и Манчестере. Но сегодня гораздо интереснее вопрос о том, как ИИ может быть действительно полезен³.

Да и в принципе, это можно смело презюмировать: любой подсудимый в уголовном процессе, любой клиент в гражданском процессе, любая сторона в процессе третейского разбирательства предпочитают услышать, что думает его адвокат-человек относительно условий, возможностей и наиболее реальных перспектив реализации соответствующего процесса, шансов на успех в нём, а не ограничиваться тем, что выдаёт машина, нередко реализующая не модальность «искусственный интеллект», а, да простят меня читатели за вольность, модальность «искусственный идиот».

Джеффри Вос предложил три референтных руководящих принципа:

1) все мы обязаны перед теми, кому служим, а именно перед гражданами и предприятиями [своей страны], конструктивно использовать любые доступные технологии, если они помогают предоставлять клиентам более качественные, быстрые и экономически эффективные услуги, если вы адвокат, и обеспечивать более качественный, быстрый и экономически эффективный процесс разрешения споров, если вы судья;

2) неотъемлемой частью внедрения новых технологий является то, что мы должны сделать все возможное, чтобы защитить тех же граждан и предприятия от их негативного воздействия. Это означает, что там, где это необходимо, мы должны способствовать эффективному регулированию, нормотворчеству, защите данных, конфиденциальных материалов и минимизации киберпреступности. Все это в большей или меньшей степени несёт риски для сообществ, которым мы служим;

3) ни один из этих рисков не означает, что мы должны отказываться от новых технологий и тех преимуществ, которые они дают, только потому, что они несут риск или бросают вызов тому, как всё всегда делалось. Если бы мы так поступили, то не стали бы должным образом служить ни интересам правосудия или доступа к правосудию, ни интересам граждан и бизнеса, которые имеют право жить в демократическом обществе, управляемом верховенством закона, где возможность быстро и эффективно защищать законные права является центральным элементом этого верховенства закона⁴.

Развитие сферы третейского разбирательства ныне находится на подъёме, глобализация и санкционные войны только увеличили потребности бизнеса в таких ресурсах.

И в силу своей адаптируемости, масштабируемости, варьируемой операционабельности именно институт третейского разбирательства наиболее восприимчив и комплиментарен к релевантному внедрению новейших IT-технологий, а в силу своей компактности и мобильности этот институт наиболее подходит для тестировочного запуска и апробации таких технологических решений.

Библиография:

1. Американские IT-гиганты за день потеряли почти триллион долларов // <<https://finance.mail.ru/2024-07-25/amerikanskie-it-giganty-za-den-poteryali-pochti-trillion-dollarov-62083325/>>. – 25.07.2024.
2. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект / Российская гос. академия интеллектуальной собственности. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 544 с.
3. Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 61–85.
4. Понкин И.В. К вопросу о будущем права интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 7. – С. 34–41.
5. Понкин И.В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Vol. 11. – № 1. – С. 118–127.
6. Понкин И.В. Машинная правовая аналитика: понятие, онтология и значение для правовой деятельности // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. – № 6. – С. 40–46.
7. Понкин И.В. Chat GPT и проблема самостоятельности и оригинальности работы студентов // Администратор образования. – 2024. – № 3. – С. 3–5.
8. Понкин И.В., Лалтева А.И. Право и цифра: Машинночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 174 с.
9. Понкин И.В., Ребькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки». – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.

¹ Рынок акций США резко снизился, падение S&P 500 и Nasdaq стало максимальным с 2022 г. // <<https://www.interfax.ru/business/972359>>. – 25.07.2024.

² Американские IT-гиганты за день потеряли почти триллион долларов // <<https://finance.mail.ru/2024-07-25/amerikanskie-it-giganty-za-den-poteryali-pochti-trillion-dollarov-62083325/>>. – 25.07.2024.

³ Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Выступление руководителя архивов перед Советом адвокатов Англии и Уэльса] // <<https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>>. – 18.07.2023.

⁴ Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Выступление руководителя архивов перед Советом адвокатов Англии и Уэльса] // <<https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>>. – 18.07.2023.

10. Рынок акций США резко снизился, падение S&P 500 и Nasdaq стало максимальным с 2022 г. // <<https://www.interfax.ru/business/972359>>. – 25.07.2024.
11. Legler T., Bühlmann A. A look to the future of international IP arbitration [Взгляд в будущее международного арбитража в области ИС] // <<https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-ip-arbitration/third-edition/article/look-the-future-of-international-ip-arbitration>>. – 24.05.2024.
12. Quirk I. Arbitration Tech Toolbox: The Future of Dispute Resolution: Evolution or Revolution? [Инструментарий арбитражных технологий: будущее разрешения споров: эволюция или революция?] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 01.02.2024.
13. Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Выступление руководителя архивов перед Советом адвокатов Англии и Уэльса] // <<https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>>. – 18.07.2023.
14. Vos G. The future of London as a pre-eminent dispute resolution centre: opportunities and challenges [Будущее Лондона как ведущего центра разрешения споров: возможности и проблемы] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 20.04.2023.

References:

1. American IT giants lost almost a trillion dollars in a day // <<https://finance.mail.ru/2024-07-25/amerikanskie-it-giganty-za-den-poteryali-pochti-trillion-dollarov-62083325/>>. – 07/25/2024.
2. Morkhat P.M. Law and artificial intelligence / Russian State Academy of Intellectual Property. – Moscow: Unity-Dana, 2018. – 544 p.
3. Morkhat P.M. The use of artificial intelligence in the judicial process // Bulletin of civil procedure. – 2019. – Vol. 9. – No. 3. – pp. 61-85.
4. Ponkin I.V. On the question of the future of intellectual property law // Intellectual property. Copyright and related rights. - 2022. – No. 7. – pp. 34-41.
5. Ponkin I.V. Cyber meta-universe: a legal view // International Journal of Open Information Technologies. - 2023. – Vol. 11. – No. 1. – pp. 118-127.
6. Ponkin I.V. Machine legal analytics: the concept, ontology and significance for legal activity // Public service. – 2022. – vol. 24. – No. 6. – pp. 40-46.
7. Ponkin I.V. Chat GPT and the problem of independence and originality of students' work // Education Administrator. - 2024. – No. 3. – pp. 3-5.
8. Ponkin I.V., Lapteva A.I. Law and digit: Machine-readable law, digital twin models, digital formalization and digital onto-engineering in law: Textbook / Consortium "Analytics. Right. Digit". – М.: Buki Vedi, 2021. – 174 p.
9. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. "Legal Sciences". - 2018. – vol. 22. – No. 1. – pp. 91-109.
10. The US stock market has declined sharply, the fall of the S&P 500 and Nasdaq has become the highest since 2022. // <<https://www.interfax.ru/business/972359>>. – 07/25/2024.
11. Legler T., Bühlmann A. A look to the future of international IP arbitration [A look into the future of international IP arbitration] // <<https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-ip-arbitration/third-edition/article/look-the-future-of-international-ip-arbitration>>. – 24.05.2024.
12. Quirk I. Arbitration Tech Toolbox: The Future of Dispute Resolution: Evolution or Revolution? [Arbitration Technology Toolkit: The Future of Dispute resolution: evolution or revolution?] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 01.02.2024.
13. Vos G. Speech to the Bar Council of England and Wales [Speech by the head of Archives to the Bar Council of England and Wales] // <<https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-to-the-bar-council-of-england-and-wales/>>. – 07/18/2023.
14. Vos G. The future of London as a pre-eminent dispute resolution centre: opportunities and challenges [The future of London as a leading centre dispute resolution: opportunities and challenges] // <<https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/02/01/arbitration-tech-toolbox-the-future-of-dispute-resolution-evolution-or-revolution/>>. – 20.04.2023.

ПРОБЛЕМА АБОРТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ И МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ THE PROBLEM OF ABORTION IN THE MODERN WORLD: LEGAL AND MEDICAL ASPECTS

ТОРМЫШЕВ Даниил Анатольевич,

студент Института Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: daniil.tormishev@icloud.com;

КАЧКУРКИНА Софья Сергеевна,

студентка ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России.

390026, Россия, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9.

E-mail: sofakackurkina@gmail.com;

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: a.e.o.77@yandex.ru;

TORMYSHEV Daniil Anatolyevich,

Student of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

1 Sennaya str., Ryazan, 390000, Russia.

E-mail: daniil.tormishev@icloud.com;

KACHKURKINA Sofia Sergeevna,

Student of Ryazan State Medical University.

390026, Russia, Ryazan, High Voltage St., d. 9.

E-mail: sofakackurkina@gmail.com;

ANANYEVA Ekaterina Olegovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor

of the Institute at the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: a.e.o.77@yandex.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые правовые нормы и регулирования, касающиеся проведения аборт в различных юрисдикциях. Анализируются международные конвенции, национальные законодательные акты и судебные прецеденты, определяющие правовой статус аборта, а также права женщин в этом контексте. Особое внимание уделяется сравнению правовых систем разных стран, влиянию культурных и религиозных факторов на законодательство, а также текущим дебатам и изменениям в правовой сфере. Статья направлена на углубление понимания правовых и этических дилемм, связанных с абортами, и их влияния на общество.

Abstract. This article examines the key legal norms and regulations related to abortion in various jurisdictions. The article analyzes international conventions, national legislative acts and judicial precedents that determine the legal status of abortion, as well as women's rights in this context. Particular attention is paid to the comparison of legal systems in different countries, the influence of cultural and religious factors on legislation, as well as current debates and changes in the legal field. The article is aimed at deepening the understanding of legal and ethical dilemmas related to abortion and their impact on society.

Ключевые слова: гражданское право, право женщин, прерывание беременности, процедура, правовой аспект.

Keywords: civil law, women's right, termination of pregnancy, procedure, legal aspect.

Для цитирования: Тормышев Д.А., Качкуркина С.С., Ананьева Е.О. Проблема абортов в современном мире: юридический и медицинский аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 329-332. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_329.

For citation: Tormyshev D.A., Kachkurkina S.S., Ananyeva E.O. The problem of abortion in the modern world: legal and medical aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 329-332. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_329.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. В настоящее время проблема абортов достаточно актуальна, споры ведутся в различных кругах, как в научных, так и среди обывателей. Постоянно поднимаются вопросы о целесообразности и гуманности подобных процедур. Для того чтобы более точно ответить на вопрос: «нужны ли в наше время аборты?», необходимо провести исследование и с точки зрения медицины, и с точки зрения закона, обратиться к статистике, а также, изучить мнение специалистов. С учетом снижения уровня населения в нашей стране, а только пандемия, по оценке демографа Алексея Ракши, унесла с собой 1 миллион 100 тыс. чел., вопрос естественного прироста населения должен решаться за счет коренных жителей, а не мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев. Сохранение количественных показателей в данной области также может осуществляться за счет решения вопросов прерывания беременности.

Цель исследования. На основе анализа существующих норм гражданского законодательства провести анализ правовых возможностей проведения операций по прерыванию беременности с учетом правового, медицинского и этического аспектов.

Методы. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ норм законодательства государства в области здравоохранения и правовых возможностей проведения операций по прерыванию беременности.

Для начала стоит раскрыть термин «аборт». Это искусственное прерывание беременности путем медицинского вмешательства. Про-

цедура проводится двумя способами: медикаментозный (при помощи препаратов — медикаментов) и хирургический (при помощи проведения операции). По данным сайта Naromedizina.ru, существует следующая классификация, основанием для которой является срок беременности:

- медикаментозный (используются такие препараты, как Мифегин, Постинор) — подобный вид аборта достигается путем перорального приема таблетки, можно использовать на сроке до 5 недель;
- вакуум-аспирация (используется специальный аппарат с трубкой) - высасывание эмбриона через трубку, подключенную к аппарату, данный метод используется на сроке до 6 недель;
- хирургический (путем выскабливания) — очищение полости матки от эмбриона при помощи инструмента в виде петли — кюретки, проводится до 12 недель беременности [1].

Анализируя вышесказанное, достаточно просто сделать вывод, что любой из методов приводит к смерти плода. Но как появилась подобная практика, каким образом она получила такое широкое распространение и законны ли аборт вообще?

История процедуры берет начало еще во времена Гиппократ, упоминались аборт и в «Каноны врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны), из чего следует вывод, что они появились вместе с самим понятием медицины. Уже в это время можно заметить, как делились мнения на этот счет: Гиппократ в своей клятве упоминал фразу: «Я не вручу никакой женщине абортивного пессария». Тогда как Платон считал, что для создания «идеальной республики» необходимо определенное количество детей в каждой семье. В последующих беременностях следует настаивать на абортах.

Далее в различных государствах и эпохах власти относились к абортам по-разному: как правило, развитые и богатые государства строго карали аборт, ведь они приводили к смерти потенциального раба или налогоплательщика, страны же с бедной экономикой напротив, поощряли, а порой и принуждали к абортам женщин. Так, Аллеманский закон налагал штраф за выкидыши, при этом размер штрафа за мальчика был ниже, чем за девочку. Объяснялось это тем, что «мальчик — это один несостоявшийся солдат, девочка — мать нескольких». А на островной территории Формозы, где процветало перенаселение и бедность, всех женщин до 36 лет принуждали к абортам. В XVI веке в Европе повсеместно ввели смертные казни для матерей, прервавших свою беременность, подобную практику ввел и русский царь Алексей Романов, однако, с приходом к власти Петра I наказание смягчили.

Впервые ситуация начала меняться во Франции в XIX веке, здесь были приняты во внимание медицинские показания к аборт — клинически узкий таз, который физически не позволял родить женщине без последствий для неё самой. Однако, во многих странах долгое время, наказание за прерывание беременности оставалось жестким, поэтому женщины со всей Европы приезжали в Брюссель и Париж, где законы были более лояльными. Именно эти города и стали первыми центрами абортивных практик в мире.

Ещё одной серьезной вехой отечественной истории аборта стал XII съезд Пироговского общества в 1913 году, где данная проблема была подвергнута острой дискуссии. Итогом съезда стало признание аморальным искусственного выкидыша, но, при этом, было призвано отказаться от уголовной наказуемости плодозигнания как для матери, так и для врачей, выполнявших процедуру по просьбе. Исключением стали врачи, проводившие аборт из корыстных целей.

Популяризация процедуры в нашей стране прошла в 1920-х годах Советской России. Совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста от 18 ноября 1920 года гласило: «Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ей максимальная безвредность». Причиной данных вольностей для народа стала нехватка рабочих рук и политика государства по формированию «рабочего человека». Женщина-работница должна была быть раскрепощенной и, что не менее важно, малодетной, а так как другого метода ограничения рождаемости не было, приходилось прибегать к абортам. Таким образом, они и стали общедоступными. В 1924 году были созданы «абортные комиссии».

Данная политика возымела настолько сильный успех, что в скором времени не осталось свободных «коек», это привело к развитию коммерческих клиник. Так в России сформировалась первая в мире культура аборта, используемая как регулятор рождаемости. Таким образом, за 10 лет общество полностью изменило своё отношение к аборт, исключением не стали и врачи, дававшие клятву Гиппократ. С 1936 по 1955 из-за низкой рождаемости процедура аборта была запрещена законодательством. Однако, уже устоявшиеся привычки и военное время привели к нелегальным аборт, которые стали быстро распространяться. Распространение оказалось настолько сильным, что разрешение аборта в 1955 году не привело к уничтожению криминальных и полукриминальных абортных клиник.

На данный момент аборт в России разрешены, более того, статья 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» гласит, что «каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве». Как и прежде, существуют сроки для проведения процедуры:

- при медикаментозном аборт — до 12 недель;
- при хирургическом — до 20 недель

Однако, законодатель предусматривает различные жизненные ситуации, так:

- если женщина забеременела в результате изнасилования, то срок прерывания беременности — до 22 недель
- если же прерывание беременности необходимо по медицинским показаниям — срок не играет роли [2].

Сейчас каждая женщина в нашей стране может обратиться за помощью в проведении процедуры. Ей должны предоставить качественные препараты, подробную информацию о процедуре и, если на то есть необходимость, помощь мед. работника.

Как показывает статистика, ежегодно на каждые 100 родов приходится около 40 абортов. Главный внештатный репродуктолог Минздрава России Олег Аполихин заявил, что за последние несколько лет в стране делают около 400 000 абортов ежегодно. Не стоит забывать, что

данная категория статистики не относится к положительному показателю, из чего следует вывод, что цифра может быть больше. Не стоит забывать и про нелегальные процедуры, статистика проведения которых не учитывается.

Однако, несмотря на то что аборт легализован, существует множество противников процедуры. Для полного понимания отношения общества к аборту следует рассмотреть и аргументы тех людей, кто выступает против абортов.

Нередко в заявлениях против «убийства плода» используется аргумент религии. По данной теории каждый человек получает право на жизнь от Бога, следовательно, никакой человек не может пойти против божественного решения. К тому же, первой заповедью христианской нравственности является любовь, которая без сомнений будет нарушаться при выполнении процедуры. Таким образом, проведение аборта — это лишение жизни ни в чем неповинного человека, которое противоречит заповедям Бога и самой его воле, что для человека верующего крайне недопустимо.

Второй группой противников аборта являются люди, придерживающиеся крайней позиции. По их мнению, нет никаких смягчающих обстоятельств, позволяющих провести процедуру. Даже если роды опасны для жизни и здоровья матери, они должны проходить. Основным аргументом является то, что ребенок не виноват ни в болезни, ни в возможной смерти матери, почему же он должен страдать? Такой подход руководствуется тем, что ребенок с первых дней зарождения является живым человеческим существом, убийство которого можно даже формально приравнять к нарушению закона.

Существует и более мягкая позиция, где аборт допускают в определенных случаях. К таковым могут отнести опасность для жизни матери, беременность в результате изнасилования или инцеста. В этих случаях нарушается право матери на жизнь и добровольное согласие женщины, поэтому они и выделяются в качестве исключений. Здесь не забывают, что мать будущего ребенка тоже человек, имеющий право на жизнь, здоровье и свободу.

Также есть место теории о том, что мать биологически и социально ответственна за своего, пусть еще и не рожденного, но всё же ребенка. Родители несут ответственность за него, перед ними встает и моральный долг — защищать слабого. В этой теории права и свободы матери отходят на второй план, так как ребенок более незащищен, нежели она.

Следует отметить, что противники абортов приводят достаточно весомый аргумент — моральное давление на мать со стороны врача для проведения процедуры. Это обусловлено тем, что некоторые медики пытаются снять с себя ответственность за возможные негативные последствия, а некоторые и вовсе делают это для своей материальной выгоды. Что недопустимо, как с юридической, так и с врачебно-этической точки зрения.

Возвращаясь к вопросу о законности абортов на территории Российской Федерации, стоит обратить внимание на то, что некоторые регионы ведут активную политику против абортов, а кто-то даже старается и вовсе их запретить. В основном это коснулось процедур в частных клиниках. По данным интернет-портала Gogov со второй половины 2023 года 5 регионов уже ввели ограничения в проведении процедуры, к таковым относятся Липецкая область, республика Крым, Курская область, Татарстан, Челябинская область [3]. При этом интересен факт, что по данным, предоставляемым официальными источниками глав регионов в СМИ, частные клиники «добровольно» отказываются от проведения процедур.

Однако, по словам Ирины Гехт — замгубернатора Челябинской области: «Чиновники провели переговоры с каждым из 59 медцентров, которые занимаются прерыванием беременности. В результате три учреждения пообещали прекратить делать хирургические аборт; одна клиника будет проводить их лишь в условиях круглосуточного стационара. Другие центры оставят только медикаментозные прерывания на малых сроках по медпоказаниям. А три учреждения внедряют «мотивационное анкетирование» беременных женщин, направленное на профилактику абортов».

Исходя из данного заявления, можно отметить давление со стороны властей на частные клиники с целью снижения абортов. Именно таким путем власти хотят поднять демографию нашего государства. Примером данного утверждения являются слова небезызвестного политика Виталия Милонова, который в своем обращении к Минздраву предлагал сделать добровольную стерилизацию женщин лишь по медицинским показаниям, связанным с угрозой жизни. Конечно же данная позиция объяснялась демографической проблемой.

Рассматривая мнение простых людей, нельзя сказать ничего однозначного, ведь вопрос и вправду очень серьезный. Изучая мнение и истории общественности в социальной сети ВКонтакте и на интернет-сайте Bolshoyvopros, можно увидеть следующее: кто-то придерживается религиозной позиции, отвергая аборт полностью; кто-то считает сделанную процедуру своей главной ошибкой в жизни; другие, напротив, жалуют, что побоялись пойти на серьезный шаг в виде аборта. Здесь очень уместна фраза: «сколько людей, столько и мнений», ведь данный вопрос включает в себя слишком много «но», которые не дают точного ответа.

Всё же для разрешения вопросов стоит обратиться к мнению специалистов. Издание 63.RU провело интервью с акушером-гинекологом высшей категории, заведующей отделением совместного пребывания матери и ребенка Ларисой Щеголенковой. Она считает, что аборт никак нельзя назвать безопасной процедурой из-за возможных осложнений для матери как в физическом, так и психологическом плане. Специалист отмечает, что в обязанности врача входит информирование пациентки о всех возможных рисках и осложнениях, также дается время для тщательного обдумывания решения женщины. Ещё одним обязательным этапом будет беседа пациентки с психологом в кабинете социальной помощи, помимо этого перед самой процедурой необходимо пройти ряд обследований. На вопрос о запрете абортов специалист отвечает, что это нерационально, а лучше проводить информационную политику контрацепции. Это скажется гораздо лучше на состоянии многих женщин, нежели проведение процедуры [4].

Кроме того, стоит отметить, что уже длительное время как в правовой сфере нашего государства, так и в мировом сообществе обсуждают проблему права на жизнь до рождения. Дело в том, что Конституцией РФ закреплено право на жизнь. Вопрос возникновения этого права до настоящего времени четко не решен. Чье право должно быть защищено законом – право ребенка, право плода или право эмбриона в первую очередь. Если рассматривать нормы действующего законодательства, то у не рожденных наследников – nascитуров, в соответствии с п.1 ст. 1116 Гражданского кодекса РФ, есть право наследовать имущество своего умершего отца или иного наследодателя будучи зачатым при его жизни.

Семейное законодательство такие моменты не рассматривает и говорит только о ребенке. В ст.54 СК РФ дается определение, что ребенком считается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. [5]

Медицинское законодательство использует наименования стадий развития, то есть эмбрион, зародыш, преембрион, плод. И ни одна норма ни одной отрасли права не содержит правовой защиты такого момента. Даже гражданское законодательство говорит о дееспособности начиная с рождения. Но вновь обратимся к ст. 1116 ГК, которая защищает право на наследование не рожденного человека. [6] Следовательно, можно увидеть противоречия. До рождения ребенок законодательно не защищен, а вся защита начинается после рождения. Может именно в этом и скрыты проблемы проведения или отказа от проведения искусственного прерывания беременности.

В июне текущего года на форуме, проводимом в Санкт-Петербурге вице-спикером Государственной Думы П. Толстым поднята инициатива все же установить законодательно в России право на жизнь до рождения. И, хотя, эти поправки не будут иметь влияния на запрет аборт, но, думается, косвенно они смогут решить спектр вопросов, связанных с законодательным регулированием жизни до рождения. [7]

Подводя итог, стоит отметить, что современный мир не готов к полной отмене абортов, что делает их запрет невозможным. История наглядно показывает, что мнение людей всегда будут расходиться касаясь этого вопроса. Не стоит на основе этой темы строить проблему низкой рождаемости, причины этого необходимо искать в другом. Запреты процедур же породят нелегальные процедуры, что только усугубит ситуацию, ставя под удар здоровье матерей, а это недопустимо. В настоящее время законодательная политика нашего государства остается на правильном месте, давая права женщинам самим решать в первую очередь свою судьбу, что является хорошим примером демократического государства, коим и является Российская Федерация.

Библиография:

1. Виды абортов и осложнения при их проведении – [Электронный ресурс]. – URL: <https://naromedizina.ru/vidy-abortov-i-oslozhneniya-pri-ix-provedenii/?ysclid=m0f2glnmsh99111933> (дата обращения 30.08.2024)
2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 56. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 01.09.2024).
3. Где запрещены аборты в России – [Электронный ресурс]. – URL: <https://gogov.ru/articles/ban-on-abortions> (дата обращения 30.08.2024)
4. «Плод после 12 недель — это пациент»: акушер-гинеколог о вреде абортов и о праве выбора женщины проведения. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://63.ru/text/health/2021/10/14/70180298/?ysclid=m0f3a1m6b502309989> (дата обращения 01.09.2024).
5. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. Правовое обеспечение наследования в России и за рубежом: новеллы законодательства//Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2022. № 25. С. 49-54.
6. Ананьева Е.О., Фроловская Ю.И., Основы гражданского права: учебное пособие. – Рязань: Академия ФСИН России // Рязань: издательство ИП Коняхин А.В. (Book Jet) 2023. - 338 с.
7. В России хотят признать право на жизнь до рождения ребенка: законы о праве на жизнь с момента зачатия в России и за рубежом - 16 июля 2024 - НГС.ру – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ngs.ru/text/health/2024/07/16/73834694/> (дата обращения 01.09.2024).

References:

1. Types of abortions and complications during their implementation – [Electronic resource]. – URL: <https://naromedizina.ru/vidy-abortov-i-oslozhneniya-pri-ix-provedenii/?ysclid=m0f2glnmsh99111933> (accessed 30.08.2024)
2. Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 "On the basics of public health protection in the Russian Federation", Article 56. — [Electronic resource].
3. Where abortions are prohibited in Russia – [Electronic resource]. – URL: <https://gogov.ru/articles/ban-on-abortions> (accessed 30.08.2024)
4. "A fetus after 12 weeks is a patient": an obstetrician-gynecologist on the dangers of abortions and the right to choose a woman to carry out. – [Electronic resource]. – URL: <https://63.ru/text/health/2021/10/14/70180298/?ysclid=m0f3a1m6b502309989> (accessed 09/01/2024).— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed 01.09.2024).
5. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. Legal support of inheritance in Russia and abroad: novelties of legislation//Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". 2022. No. 25. pp. 49-54.
6. Ananyeva E.O., Frolovskaya Yu.I., Fundamentals of civil law: a textbook. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia // Ryazan: publishing house IP Konyakhin A.V. (Book Jet) 2023. - 338 p.
7. In Russia, they want to recognize the right to life before the birth of a child: laws on the right to life from the moment of conception in Russia and abroad - July 16, 2024 - NHS.ru – [Electronic resource]. – URL: <https://ngs.ru/text/health/2024/07/16/73834694/> (accessed 01.09.2024).

ОСОБЕННОСТИ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ЗАЯВЛЕННОГО ТРЕБОВАНИЯ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ FEATURES OF THE PROSECUTOR'S REFUSAL FROM THE STATED CLAIM FOR LABOR DISPUTES IN CIVIL PROCEEDINGS

УХИНОВА Анна Андреевна,

аспирант кафедры гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.
E-mail: anuta.artiomkina@yandex.ru;

UHINOVA Anna Andreevna,

postgraduate student of the department of civil procedure,
FGBOU VO «Saratov State Law Academy».
1 Volskaya str., Saratov, Saratov region, 410056, Russia.
E-mail: anuta.artiomkina@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье автором проведен анализ процессуального участия прокурора в гражданском процессе посредством подачи искового заявления в защиту работников, исследована практика движения дела в гражданском процессе при отказе прокурора от заявленных требований, а также вопрос о целесообразности дальнейшего рассмотрения трудового спора судом. Автором обозначена процессуальная проблема, а также разработано предложение о внесении изменений в гражданское процессуальное законодательство.

Abstract: In the article, the author analyzes the procedural participation of the prosecutor in civil proceedings by filing a statement of claim in defense of employees. During the analysis, the practice of moving the case in civil proceedings when the prosecutor refuses the stated requirements, as well as the question of the expediency of further consideration of the labor dispute by the court, was investigated. The author identifies a procedural problem, and also develops a proposal to solve it by introducing changes to the civil procedure legislation.

Ключевые слова: гражданский процесс, оставление искового заявления без рассмотрения, отказ от исковых требований, работник, работодатель, судебное разбирательство, трудовой спор, стороны.

Keywords: civil procedure, abandonment of a claim without consideration, refusal of claims, employee, employer, court proceedings, labor dispute, parties.

Для цитирования: Ухинова А.А. Особенности отказа прокурора от заявленного требования по трудовым спорам в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 333-336. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_333.

For citation: Uhinova A.A. Features of the prosecutor's refusal from the stated claim for labor disputes in civil proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 333-336. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_333.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Прокуратура – это государственный орган, преследующий цель обеспечения законности на территории Российской Федерации. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод граждан, выявляет нарушения законодательства, а также предпринимает активные действия по предотвращению нарушения законодательства.

Прокуратура, в том числе, является органом надзора за исполнением трудового законодательства.

Прокурор является лицом, участвующим в гражданском процессе с особым процессуальным статусом. Целью прокурора при участии в разрешении индивидуального трудового спора является обеспечение соблюдения трудового законодательства, дополнительно – восстановление нарушенных трудовых прав работника.

Следовательно, прокурор, выступая как «процессуальный истец», при подаче искового заявления в рамках инициативной формы участия отстаивает соблюдение норм закона первоначально. Если законность восстановлена, либо будет выяснено, что законность не нарушалась, то прокурор теряет свой интерес в дальнейшем рассмотрении дела.

Согласно ст. 391 Трудового кодекса РФ [1] прокурор наделен правом на обращение с иском в суд для рассмотрения индивидуального трудового спора.

Правоотношения участников гражданского процесса при подаче искового заявления прокурором в защиту работника, а также рассмотрении поданного иска являются объектом настоящего исследования.

Согласно ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [2] прокурор вправе обратиться с иском в суд для защиты прав и законных интересов работников при рассмотрении трудовых споров.

Реализация данного полномочия происходит независимо от участия работника как истца в гражданском процессе. Работник в целом имеет объективную возможность не принимать участия в гражданском процессе, но по итогам рассмотрения дела получить положительный результат – судебный акт о восстановлении нарушенных прав [8, с. 22-28].

Прокурор вправе самостоятельно предъявить иски, обосновать представленные доказательства, выступить в судебном заседании, собрать дополнительные доказательства и реализовать иные права, предоставляемые законом истцу за исключением заявления права об отказе от заявленных исковых требований [9, с. 106-115].

Точнее, заявить об отказе от требований прокурор может, согласно ч. 2 ст. 45 ГПК РФ. Однако заявленный отказ не будет иметь правовых последствий для истца (работника).

Только работник самостоятельно может реализовать право на отказ от исковых требований, так как прокурор не является субъектом спорного материального правоотношения. Прокурор не обладает правом на заключение мирового соглашения с ответчиком. В случае подачи прокурором заявления об отказе от заявленных требований, рассмотрение дела продолжается.

И.С. Симонова и М.С. Соколов подчеркивают, что прокурор не наделен правом самостоятельного прекращения дела по иску в защиту работников в целях соблюдения принципа диспозитивности [11, с. 59-66].

Принцип диспозитивности предполагает предоставление свободы реализации права на судебную защиту именно лицу, чье право нарушено, данное лицо принимает решение об обращении в суд.

М.С. Соколов, И.С. Симонова также подчеркивают, что продолжение рассмотрения дела после отказа прокурора от заявленных требований действует по аналогии с диспозицией абз. 2 ч. 3 ст. 326 ГПК РФ. Исходя из диспозиции указанной нормы суд апелляционной инстанции, принимая отказ от апелляционной жалобы, все равно продолжает рассматривать дело, если кроме жалобы, от которой отказался заявитель, остались иные требования, от которых иные заявители не отказались, то есть решение суда обжалуется иными лицами. Обозначенная норма не содержит указания на применение ее в отношении заявления об отказе от требования прокурором.

Работник – лицо, которое должно подтверждать наличие интереса в заявленных прокурором требованиях. Если истец не выражает заинтересованности в рассмотрении дела по существу, прокурор отказался от заявленных требований, а работодатель, как ответчик, не требует рассматривать дело по существу, то есть не настаивает на продолжении рассмотрения дела, то в указанной ситуации рассмотрение дела по существу нецелесообразно, т.к. интерес в рассмотрении дела отсутствует у сторон.

Закон (абз. 7-8 ст. 222 ГПК РФ) предусматривает в частности следующие основания для оставления заявления без рассмотрения:

— Истец, ответчик, не обеспечили явку в суд по вторичному вызову суда;

— Истец не обеспечил явку в судебное заседание по вторичному вызову, от истца в суд не поступало ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие, при этом ответчик не настаивает на рассмотрении исковых требований.

В указанных случаях суд, так как интерес в рассмотрении дела не подтверждается, вправе оставить заявление без рассмотрения, о чем выносит определение.

Бездействие истца трактуется судом как утрата процессуального интереса, что влечет за собой оставление заявления без рассмотрения.

Аналогичный подход следует применить к рассмотрению трудовых споров.

Прокурор осуществляет защиту прав и интересов работника при рассмотрении трудовых споров. Суд обеспечивает реализацию права на судебную защиту. Применительно к трудовым спорам при подаче искового заявления прокурором, реализация права на судебную защиту происходит от имени работника. Следовательно, именно работник должен настаивать на удовлетворении исковых требований, на рассмотрении дела по существу, как отмечает П.С. Долгополов [7].

Более того, настаивать на рассмотрении требования работник должен не пассивным способом, так как пассивный способ (бездействие) в данном случае недопустимо. Истец – работник, обязан доказывать, что его права нарушены и он заинтересован в их восстановлении. Доказывание своего интереса работником должно происходить путем активных действий – подача заявлений, ходатайств, дача пояснений. Как минимум – устное подтверждение, что истец настаивает на удовлетворении исковых требований. Именно такими способами истец может выразить свою волю.

А.Н. Марченко указывает, что бездействие истца в судебном процессе может быть квалифицировано как злоупотреблением процессуальным правом [10, с. 128-133].

Если прокурор отказывается от исковых требований, то суду актуально узнать мнение сторон, в частности истца о необходимости дальнейшего рассмотрения дела. В данном случае истец, не участвуя в гражданском судопроизводстве после отказа прокурора от заявленных требований, осуществляет бездействие.

Суд может квалифицировать бездействие истца как злоупотребление правом. Однако данное действие не повлечет за собой негативных последствий для истца.

Стоит учитывать, что защита интересов должна осуществляться с согласия защищаемого лица, а также при подтверждении интереса к рассмотрению дела.

Прокурор имеет право подать исковое заявление в интересах работника. Но интерес работника должен быть. При участии в деле прокурора, последний действует на основании ранее поданного обращения прокурору с просьбой защитить его интересы. Если прокурор отказывается от заявленных требований, то, возможно, интересы работника уже защищены, трудовые права восстановлены.

Если прокурор действует в интересах защиты неопределенного круга лиц, то суд удовлетворяет заявление прокурора об отказе от иска. Так, согласно решению Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 19.11.2019 по делу № 2-4565/2019 [4] суд принял отказ прокурора от части исковых требований и прекратил производство по делу в указанной части.

Прокурор отказался от части исковых требований к работодателю по организации специальной переподготовки работников, так как данное требование удовлетворено работодателем добровольно до судебного заседания. Суд принял отказ от иска в части, прекратил производство по делу.

Также стоит обратить внимание на то, что в рассматриваемом решении прокурор отказался от части требования, т.к. оно было удовлетворено добровольно ответчиком-работодателем.

Если прокурор, действуя в интересах защиты конкретного лица, отказался от иска, то суд продолжает рассматривать иск, пока не заявит об отказе материальный истец.

Согласно решению Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 11.05.2018 г. по делу № 2-863/2018 [3] установлено следующее.

Прокурор обратился с иском в суд для защиты интереса работника. В ходе рассмотрения дела прокурор отказался от исковых требований в полном объеме. Суд в отсутствие отказа от иска со стороны работника продолжил рассмотрение дела по существу.

Работник в судебном разбирательстве не участвовал, не представлял письменных либо устных пояснений и доказательств.

Суд в удовлетворении искового заявления отказал. Решение суда не содержит причин отказа прокурора от заявленных требований, но можно предположить, что прокурор также как и суд установил отсутствие оснований для удовлетворения иска, в связи с чем отказался от своих требований.

Согласно решению Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.09.2023 по делу № 2-788/2023 [5] суд принял частичный отказ прокурора от исковых требований, но ввиду отсутствия отказа материального истца от части заявленных требований рассмотрел изначально заявленные исковые требования в полном объеме. Прокурор отказался от части требования ввиду добровольного удовлетворения требования работодателем.

Обозначенные примеры демонстрируют, что интерес к рассмотрению спора у истца фактически прекратился одновременно с интересом прокурора. Прокурор заявил об отказе от исковых требований, так как он добросовестно реализует свои процессуальные права.

Материальный истец – работник не несет ответственности за подачу искового заявления, не прилагает усилий для разрешения трудового спора, перекладывая все процессуальные обязанности на прокурора. Обозначенный вывод позволяет утверждать, что работник, даже явно потеряв интерес к рассматриваемому спору, не обладает мотивацией для совершения действий по прекращению трудового спора.

Рассмотрение любого дела, а также разрешение любого спора судом требует финансовых затрат со стороны государства, временных затрат со стороны судей и сотрудников аппарата суда, а также иных затрат. Судебный процесс должен быть продуктивным, что обозначает рассмотрение судебных дел и разрешение споров, в которых заинтересованы стороны.

Проведенный анализ, а также примеры судебной практики демонстрируют процессуальную проблему – необходимость рассмотрения дела по существу, после утраты интереса к рассмотрению дела и прокурором и работником, в виде бездействия истца после заявления об отказе от заявленных требований прокурором. Данная проблема состоит в отсутствии целесообразности рассмотрения дела судом в обозначенном случае.

Суд не может прекратить дело по заявлению процессуального истца. Однако рассмотрение дела не обязательно должно заканчиваться определением о прекращении производства по делу. Суд вправе оставить заявление без рассмотрения, в отсутствие заинтересованности истца к рассмотрению дела.

Оставление заявления без рассмотрения может быть произведено в отношении всех заявленных требований, либо в отношении части требований посредством вынесения отдельного определения суда.

Для предоставления суду возможности оставления без рассмотрения дела, по которому прокурор отказался от требований, а истец не настаивает на рассмотрении дела и бездействует, необходимо внести изменения в ст. 222 ГПК РФ, и дополнить ее абзацем 9 следующего содержания: «Истец не настаивает на рассмотрении дела по существу при отказе прокурора от заявленных требований о защите прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений».

Также следует изменить ч. 2 ст. 45 ГПК РФ и дополнить ее предложением следующего содержания:

«При отказе прокурора от требования по рассмотрению трудового спора истец для рассмотрения спора по существу обязан заявить об этом в письменной либо устной форме».

Вносимые изменения вменяют истцу обязанность подтвердить наличие у него интереса к дальнейшему рассмотрению дела. Если интерес отсутствует, либо истец не желает самостоятельно участвовать в судебном заседании и не представляет никакой позиции, то есть бездействует – исковое заявление остается без рассмотрения.

Стоит отметить, что оставление искового заявления без рассмотрения не препятствует повторной подаче иска работником самостоятельно. Данный факт подтверждает, что права истца не нарушатся.

Однако данное изменение может существенно уменьшить судебную нагрузку на судей при рассмотрении трудовых споров. Суд будет освобожден от необходимости выполнять действия, которые не актуальны ни прокурору, ни истцу. Прекращение производства по делу препятствует повторному рассмотрению дела и влечет за собой отказ в принятии искового заявления с тем же предметом и основанием. С учетом того, что прокурор не вправе определять действительную волю материального истца, прекращение производства по делу в отсутствие заявления материального истца невозможно, что полностью соответствует позиции законодателя и правовой доктрины.

Как указывает П.В. Крашенинников, материальный истец должен обладать личным и материально-правовым интересом при рассмотрении спора, тогда как прокурор преследует только служебный и процессуальный интерес [6].

На основании изложенного, можно отметить, что для рассмотрения трудового спора судом обязательно наличие интереса со стороны истца. В отсутствие заинтересованности истца в дальнейшем рассмотрении дела, при отказе от заявленных требований прокурором, дальнейшее рассмотрение дела нецелесообразно.

Для предоставления суду возможности оставления без рассмотрения заявления, по которому прокурор отказался от требований, а истец не настаивает на рассмотрении дела и бездействует, необходимо внести изменения в ст. 222 ГПК РФ и ч. 2 ст. 45 ГПК РФ.

Предлагаемое решение выявленной проблемы может быть использовано при модернизации ГПК РФ, и будет способствовать повышению эффективности гражданского судопроизводства.

Библиография:

1. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // ПГ. - № 256. - 2001
2. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации / Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 11.05.2018 г. по делу № 2-863/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/kUo5Ryu9NF6g/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82+%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713373459273&snippet_pos=1084#snippet (дата обращения: 17.04.2024)
4. Решение Железнодорожного районного суда г. Екатеринбург от 19.11.2019 по делу № 2-4565/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/Yupj9pvQ221P/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82+%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713372931745&snippet_pos=274#snippet (дата обращения: 17.04.2024)
5. Решение Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 26.09.2023 по делу № 2-788/2023 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FZ4IMFHykix1/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2023®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713374028638&snippet_pos=464#snippet (дата обращения: 17.04.2024)
6. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, В.В. Блажеев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, - 2022. - Т. 1: Общая часть. - 550 с.
7. Долгополов П.С. Стороны в гражданском процессе Подготовлен для системы КонсультантПлюс // СПС КонсультантПлюс. - 2024.
8. Ливиева Г.С. Особенности рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров в суде // Юстиция. - 2019. - № 1. - С. 22 - 28.
9. Маматов М.В., Кремнева Е.В. Применение прокурором механизма судебной защиты прав уволенных лиц // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. - 2022. - № 7. - С. 106 - 115.
10. Марченко А.Н. Злоупотребление процессуальным правом в гражданском судопроизводстве: проблемы квалификации // Российский юридический журнал. - 2019. - № 3. - С. 128 - 133.
11. Симонова И.С., Соколов М.С. Правовые и организационные основы участия прокуроров в рассмотрении гражданских и административных дел апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2022. - № 2. - С. 59 - 66.

References:

1. "Labor Code of the Russian Federation" dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on February 14, 2024) // RG. - No. 256. - 2001
2. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 25, 2023, as amended on January 25, 2024) // Official Internet portal of legal information / Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Novosibirsk dated May 11, 2018 in case No. 2-863/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/kUo5Ryu9NF6g/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82+%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713373459273&snippet_pos=1084#snippet (date of access: 04/17/2024)
4. Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Yekaterinburg dated November 19, 2019 in case No. 2-4565/2019 // URL: [https://sudact.ru/regular/doc/Yupj9pvQ221P/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82+%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713374028638&snippet_pos=464#snippet">https://sudact.ru/regular/doc/Yupj9pvQ221P/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82+%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713374028638&snippet_pos=464#snippet](https://sudact.ru/regular/doc/Yupj9pvQ221P/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82+%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713372931745&snippet_pos=274#snippet) (date of access: 04/17/2024)
5. Decision of the Purovsky District Court of the Yamalo-Nenets Autonomous District dated September 26, 2023 in case No. 2-788/2023 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/FZ4IMFHykix1/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D1%81%D1%8F+%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+45.+%D0%A3%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%28%D0%93%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01/01/2023®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1713374028638&snippet_pos=464#snippet (date of access: 04/17/2024)
6. Civil procedural law: textbook: in 2 volumes / T.K. Andreeva, S.F. Afanasyev, V.V. Blazheev and others; edited by P.V. Krashenninnikova. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Statute, - 2022. - Т. 1: General part. - 550 s.
7. Dolgoplov P.S. Parties in civil proceedings Prepared for the ConsultantPlus system // SPS ConsultantPlus. - 2024.
8. Livieva G.S. Features of consideration and resolution of individual labor disputes in court // Justice. - 2019. - No. 1. - P. 22 - 28.
9. Mamatov M.V., Kremneva E.V. Application by the prosecutor of the mechanism of judicial protection of the rights of dismissed persons // Defense-industrial complex: management, economics and finance, law. - 2022. - No. 7. - P. 106 - 115.
10. Marchenko A.N. Abuse of procedural law in civil proceedings: problems of qualification // Russian Legal Journal. - 2019. - No. 3. - P. 128 - 133.
11. Simonova I.S., Sokolov M.S. Legal and organizational basis for the participation of prosecutors in the consideration of civil and administrative cases by appellate and cassation courts of general jurisdiction // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - 2022. No. 2. - P. 59 - 66.

СМАРТ–КОНТРАКТ И ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ПРОСТОЙ ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ: СООТНОШЕНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ A SMART CONTRACT AND A CONTRACT CONCLUDED IN SIMPLE WRITTEN FORM: THE RELATIONSHIP AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT

ПАТЛАЕНКО Александр Петрович,

аспирант юридического факультета
НОЧУВО "Московский Финансово-Промышленный Университет "Синергия".
125315, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 80.
E-mail: a_pp@inbox.ru;

PATLAENKO Alexander Petrovich,

postgraduate student of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy".
Leningradsky Prospekt, house 80, Moscow, 125315.
E-mail: a_pp@inbox.ru

Краткая аннотация: В настоящее время в России происходит процесс цифровизации всего экономического оборота, внедряются современные технологии, которые оказывают непосредственное влияние на развитие общественных отношений, трансформируются устоявшиеся, традиционные правовые институты договорного права. В представленной статье автором определена правовая природа, особенности и сфера применения смарт – контрактов в парадигме российского договорного права, проведено соотношение с договором, заключенный в простой письменной форме, выявлена динамика их развития, установлены актуальные проблемы теоретической направленности и предложены пути их преодоления.

Abstract: Currently, the process of digitalization of the entire economic turnover is taking place in Russia, modern technologies are being introduced that have a direct impact on the development of public relations, and well-established, traditional legal institutions of contract law are being transformed. In the presented article, the author defines the legal nature, features and scope of smart contracts in the paradigm of Russian contract law, correlates with a contract concluded in simple written form, identifies the dynamics of their development, identifies current theoretical problems and suggests ways to overcome them.

Ключевые слова: Договор, цифровые технологии, блокчейн, смарт-контракт, цифровизация договорного регулирования, письменная форма договора, исполнение договора.

Keywords: Contract, digital technologies, blockchain, smart contract, digitalization of contractual regulation, written form of the contract, execution of the contract.

Для цитирования: Патлаенко А.П. Смарт-контракт и договор, заключенный в простой письменной форме: соотношение и динамика развития // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_337.

For citation: Patlaenko A.P. A smart contract and a contract concluded in simple written form: the relationship and dynamics of development // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_337.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Внедрение информационных технологий и их широкое распространение во всех сферах современной общественной жизни значительно упрощает большинство процессов, происходящих в гражданском обороте. Именно в связи с технологической эволюцией и уже довольно привычным применением технологий возникает потребность в устранинии образовавшегося «правового вакуума» и закрепления на законодательном уровне регулирования технологически сложных процессов.

На данный момент одной из распространенных форм применения информационных технологий в гражданском обороте является система блокчейн, на основе которой работают смарт контракты. В связи с появлением новых внедряющихся в гражданский оборот механизмов, регулирующих гражданские правоотношения, появляется необходимость в создании качественной правовой среды в целях обеспечения эффективного применения новых технологий. Полагаем, что признание юридической силы за смарт-контрактом и его внедрение в гражданские правоотношения позволит создать условия, обеспечивающие доверие участников гражданского оборота, и снизить транзакционные издержки. а также положительно скажется на развитии цифровой экономики и бизнес-процессов [6, с. 45].

Как отмечает профессор А.Н. Левушкин, «глобализация цифровых систем современного общества неминуемо влияет на экономическую и правовую системы» [3, с. 20]. Считаем установленным, что на данный момент технология блокчейн стала настолько популярна, что ее внедряют практически во все отрасли права, в том числе и в публично-правовые. С моментом возникновения свободных рыночных отношений в России можно связать и начало существования необходимых форм обслуживания новой экономической системы [4, с. 18].

Цифровизация отношений между субъектами в гражданском обороте определяет главную тенденцию развития экономики на сегодняшний момент. С каждым годом размер доли интернет – рынка увеличивается, всё большее количество потребителей предпочитают совершать покупки через сеть «Интернет», субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, отдают предпочтения смарт контрактам, в связи с тем, что они обладают рядом преимуществ.

Примером цифровизации гражданского оборота может служить интернет-торговая площадка Ebay. На основе данной платформы осуществляется розничная торговля. Для того чтобы заключить с продавцом договор купли – продажи товара достаточно нажать кнопку, которая автоматически переводит денежные средства с расчетного счета покупателя на расчетный счет продавца, таким образом, обязательство покупателя по оплате вещи считается исполненным. В свою очередь, обязательство по передаче товара продавцом считается исполненной с момента подтверждения покупателем получения вещи через личный кабинет торговой площадки.

Центральным банком России было предложено собственное понимание смарт-контракта как договора, который записывается, испол-

няется и обеспечивается компьютерным алгоритмом в специализированной программной среде. Он также определил смарт-контракт как сделку, которая автоматически выполняется при наступлении заранее определенных условий¹.

Отечественными правоведами предлагаются собственные определения понятия «смарт-контракт». Например, Л.Г. Ефимова под смарт-контрактом предлагает понимать самостоятельную договорную конструкцию [2, с. 25].

В науке также сформировано следующее определение смарт-контракта - это «компьютерный код, реализуемый на автоматической основе в случае возникновения конкретных обстоятельств в соответствии с предварительно заданными функциями. Возможной представляется ситуация, когда смарт-контракт является составной частью юридического договора для установления, изменения и прекращения прав и обязанностей» [10, с. 52].

Смарт – контракт по своей правовой природе обладает рядом отличий от договора, заключенного в простой письменной форме. Сам по себе смарт - контракт не является «умным». Он не может думать или развиваться и не является формой искусственного интеллекта (ИИ). Смарт контракт может просто осуществлять автоматическое исполнение определенных условий существующего «традиционного» договора, но также он может рассматриваться в качестве доказательства заключения юридического соглашения, то есть смарт контракт сам по себе устанавливает правовые отношения между договаривающимися сторонами.

Для того чтобы определить место смарт – контракта в системе договорного права в Российской Федерации, необходимо провести сравнительный анализ смарт – контракта и договора, заключенного в простой письменной форме. По обоснованному мнению профессора А. Н. Левушкина, в правоприменительной деятельности очевидны отдельные результаты реформы, направленные на применение специальных договоров. Данные договорные конструкции позволяют определять типовые условия, включаемые в содержание договоров, устанавливать общие правила договорного сотрудничества сторон в будущем [5, с. 20]. Таким образом, важно сопоставить механизмы заключения электронных сделок, а также использование новых технологий.

Во-первых, смарт – контракт заключается в электронной среде. Исходя из положений статьи 160 Гражданского кодекса Российской Федерации электронная форма договора приравнивается к письменной форме. Такой договор будет обладать юридической силой на территории Российской Федерации и являться надлежащим доказательством в суде при разрешении споров, возникающих в связи с нарушением обязательств, предусмотренных договором, а также о признании недействительными отдельных положений договора и самого договора в целом. Однако тот факт, что смарт контракт заключается в электронной среде не говорит о том, что это электронная форма договора. Необходимо помнить, что смарт контракт – это программный код, который содержит в себе условия бумажного договора, то есть формой смарт контракта будет являться программный код.

Во-вторых, смарт – контракт работает на основе технологии блокчейн, которая обладает рядом особенностей:

- децентрализованность - система хранит свои данные в режиме реального времени на различных серверах, которые поддерживаются «майнерами». «Майнеры» - это лица, которые осуществляют контроль по внесению новых блоков в цепочку системы, получая при этом вознаграждение.

- хронологическая неизменность цепочки информации – данные, хранящиеся в системе блокчейн, не могут быть подвергнуты изменениям, и каждый участник может отследить определенный этап исполнения смарт – контракта

- открытость информации – информация является доступной для всех сторон смарт – контракта

- безопасность – технология блокчейн является компьютерной программой, которая может быть подвергнута атакам со стороны третьих лиц, однако в связи с тем, что система децентрализована и неизменна, внести изменения не представляется возможным.

«Одним из характерных плюсов использования блокчейн является снижение операционных расходов и ускорение движения средств в деятельности некоммерческих организаций. То есть за счёт использования данной технологии будут доставляться адресатам в ускоренном режиме, что немало важно при оказании помощи в связи с тяжёлым состоянием здоровья, когда это критически важно» [7, с. 29].

Таким образом, смарт – контракт по сравнению с договором, заключенным в простой письменной форме, является более безопасным средством для закрепления волеизъявления сторон.

В-третьих, при заключении смарт – контракта исключаются пороки заключения такого договора, так как все условия уже прописаны в программном коде и другой стороне остается только подтвердить свое намерение заключить договор на указанных условиях.

Однако все же есть риск того, что смарт контракт можно признать недействительным. Например, третье лицо завладело идентификационными данными пользователя для входа в платформу и заключило смарт контракт по перечислению криптовалюты на свой кошелек. В таком случае, данную сделку можно признать недействительной и применить реституцию.

В-четвертых, смарт – контракт – это программный код, написанный на языке программирования, вследствие чего смарт – контракт обладает автоматически встроенным саморегулятором, который контролирует исполнение договора.

По мнению отдельных авторов, блокчейн представляет собой пример масштабируемой технологии, которая имеет практически неограниченный потенциал для использования во многих сферах экономики [9, с. 91].

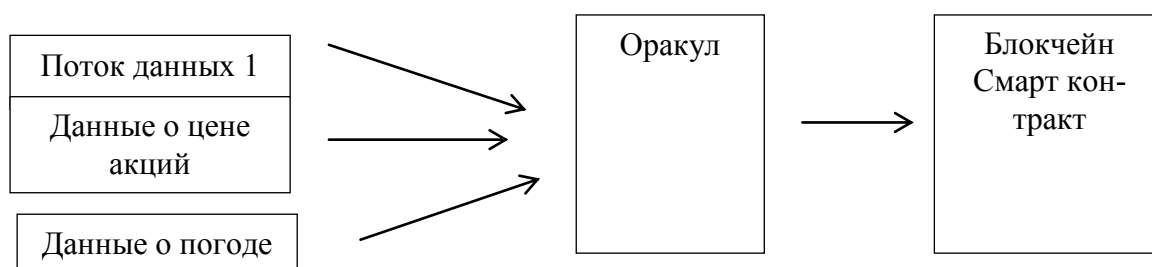
Итак, платформа блокчейн активно применяется для заключения смарт-контрактов, которые используют в банковской сфере, сфере страхования, в инвестиционных проектах, а также при заключении договоров купли-продажи, договоров на использование интеллектуальной собственности и в некоторых зарубежных странах при регистрации права собственности на недвижимое имущество [8, с. 25].

Смарт-контракт принимает реальные, юридически регулируемые события и собирает данные для измерения производительности, включая информацию от различных систем и других бизнес-процессов через Оракулов.

¹ Центральный банк Российской Федерации. Цифровой рубль // Офиц. сайт ЦБ РФ. URL: <https://www.cbr.ru/>.

Оракулы – это интерфейс, который доставляет данные из внешнего источника в смарт контракт [1, с. 252]. Он необходим для того, чтобы объединить реальный мир с миром блокчейна. Смарт-контракт запрограммирован так, что он выполняет условия сделки строго по заданному алгоритму и не получает никаких данных из реального мира для их исполнения. Например, по условиям смарт контракта необходимо, чтобы цена акций была равна какой-то определенной сторонами сумме, чтобы контракт мог исполнить условие о выплате дивидендов. Информацию о цене акций ему предоставляет Оракул путем записи в блокчейн.

Рис. 1. Схема взаимодействия Оракула и смарт контракта

Как показано на рисунке 1 эти данные затем информируют автоматизированные условия контракта путем размещения результатов и сопроводительного доказательства к блокам цепи. На основании чего исключается ненадлежащее исполнение по договору.

Однако ненадлежащее исполнение может возникнуть, например, при поставке некачественного товара по договору поставки. Смарт – контракт не сможет отследить какого качества и в каком ассортименте был поставлен товар.

Таким образом, полная автоматизация контроля за исполнением договора может повлечь многочисленные судебные споры.

В-пятых, в основе предмета умного договора лежит передача цифрового актива, а не реальной вещи или выполнения работ (оказание услуги).

Фактически при исполнении смарт – контракта стороны получают реальные вещи и результаты работ (результаты оказания услуг), однако в электронной среде данные предоставления оцифровываются при помощи криптографического шифрования и становятся цифровым активом.

В-шестых, отсутствие посредников при исполнении смарт – контракта. Например, в 2017 году была проведена сделка по купле – продаже квартиры в Киеве из Нью-Йорка. В данном случае одна из сторон, обладая цифровым активом в виде приобретенной криптовалюты, купила квартиру в Киеве, документы на которую были оцифрованы и переданы покупателю на прямую без участия каких-либо посредников.¹

Еще одним примером могут служить денежные переводы, которые совершаются без участия финансовых организаций, что значительно экономит время, затрачиваемое на совершение перевода.

В-седьмых, условия смарт – контракта – это четкая последовательность исполнения обязательства, запрограммированная в коде договора, которая не может быть подвергнута изменениям.

Таким образом, стороны при заключении смарт – контракта должны достаточно четко определить свою волю и прописать ее в программном коде договора, так как автоматизированная система работает на основе программирования с использованием логического выражения «ЕСЛИ...ТО».

Независимо от того, существует ли соответствующее нормативное регулирование, смарт контракты предоставляют беспрецедентную функциональность и автоматизацию условий договоров. Тем не менее, логическое выражение «ЕСЛИ...ТО», на котором работают смарт контракты и их кодирование, уже изначально не функционирует в полном соответствии с юридическим языком договора. Юристы могут разрабатывать контрактные условия, которые исполнительные команды не в состоянии соблюдать или администрировать.

Договор, заключенный в простой письменной форме, обладает следующими особенностями:

1. Договор заключается в простой письменной форме, в которой стороны переносят свою волю на бумагу.
2. Договоры, заключенные в простой письменной форме, часто преднамеренно двусмысленны, чтобы оставить место для пользы толкования. Оптимально расплывчатые формулировки договора оставляют место для аргументации и при этом дают возможность сторонам договора использовать толкование в свою пользу. Это может привести к претензиям, спорам, обострению юридических расходов, задержкам в исполнении обязательств по договору, выставлению счетов и задержкам платежей, а также к замедлению прекращения договора после завершения работ, что в свою очередь влияет на цепочку поставок и стоимость доставки, предусмотренной договором.
3. Договор, заключенный в простой письменной форме, не исключает пороков воли и содержания договора в связи с чем такой договор можно признать недействительным по основаниям, указанным в Гражданском кодексе Российской Федерации².
4. Существует возможность нарушения договора, заключенного в простой письменной форме, в то время как нарушение обязательства, предусмотренных смарт – контрактов исключается.
5. Договор, заключенный в простой письменной форме, можно подделать.

«К сожалению, российское законодательство в настоящий время пока не в полной мере отвечает задачам эффективного использова-

¹ URL: <https://taratutenko.ru/pervaya-v-mire-pokupka-nedvizhimosti-po-smart-kontraktu-ethereum.html> (дата обращения 21.06.2024 г.).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ния возможностей цифровых технологий в рамках деятельности некоммерческих организаций при том, что данная сфера правового регулирования в значительной степени будет определять перспективы для дальнейшего развития цифровых правоотношений» [7, с. 29].

На основе вышеизложенных выводов, можно составить таблицу, которая наглядно покажет различия между смарт – контрактом и договором, заключенным в простой письменной форме.

Таблица 1.

Критерии	Смарт – контракт	Договор в простой письменной форме
Форма	Программный код	Письменная
Кто осуществляет контроль за исполнением обязательств по договору?	Программный алгоритм, т.е. сам смарт - контракт	Стороны договора
Нарушение условий договора	Возможно	Возможно
Влияние сторон на исполнение обязательств	Исключается	Возможно
Платформа, на которой осуществляется заключение договора	Блокчейн	-

Таким образом, мы видим несомненное преимущество применения технологии блокчейн и смарт – контрактов в различных областях жизнедеятельности. В связи с постоянным развитием современных информационных технологий представляется возможным расширение сферы применения смарт – контрактов в общественной жизни.

Республика Беларусь стала первой страной СНГ, которая на законодательном уровне закрепила заключение смарт контрактов. Как уже ранее отмечал автор настоящего исследования, впервые термин на территории Республики Беларусь был закреплён в Декрете Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики».

Согласно п. 21 Декрета письменная форма сделки считается соблюденной, если сторона при получении оферты, в том числе в виде программного кода, созданного при помощи информационных систем, совершила действия направленные на выполнение условий оферты или иным способом, установленным нормативно-правовыми актами Республики Беларусь, акцептовала ее либо направила предложение заключить договор. При этом в таком предложении необязательно должна быть подпись стороны договора, если можно с достоверностью установить, что данное предложение исходит от нее.¹

Таким образом, законодательство Республики Беларусь приравнивает смарт контракт к письменной форме сделки.

Необходимо отдельно подчеркнуть, что на территории Российской Федерации уже создается нормативная база для регулирования блокчейн технологий, смарт-контрактов, цифровых финансовых активов, в том числе и криптовалюты. Таким образом, право развивается в соответствии с современными реалиями.

«Конечно, смарт-контракт, как и любая новая информационная технология, обладает определенными недостатками и преимуществами. Представляется возможным, что в дальнейшем появятся новые типы смарт контрактов, которые будут реализовываться на технологии блокчейн» [6, с. 45].

Таким образом, на основании таблицы 1 мы можем сделать вывод о том, что смарт – контракт обладает рядом преимуществ перед договором в простой письменной форме и является формой договора в виде программного кода. Однако, как было выше сказано, автор считает, что смарт – контракт по своей правовой природе следует отнести к особым самостоятельным договорным конструкциям.

Библиография:

1. Башир И. Блокчейн: архитектура, криптовалюты, инструменты разработки, смарт контракты/ пер. с англ. М.А. Райтмана. М.:ДМК Пресс, 2019. 538 с.
2. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. №1. С. 23-30.
3. Левушкин А.Н., Тюлин А.В. Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права // Юрист. 2021. № 11. С. 19-24.
4. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14-18.
5. Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19–26.
6. Патлаенко А.П. Правовая природа и сфера применения смарт-контрактов в парадигме российского права// Право и экономика. 2023. № 8. С. 42-46.
7. Патлаенко А.П. Особенности применения цифровых ресурсов, технологии блокчейн и смарт-контрактов в обязательственных правоотношениях с участием некоммерческих организаций // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 28-35.
8. Патлаенко А.П. Частноправовое регулирование смарт-контрактов как предпринимательских обязательств в эпоху перемен // Право и бизнес. 2023. N 4. С. 24 - 26.
9. Чурилов А.Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 89 - 99.
10. Швец А.В., Гайдук В.А. Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. N 1. С. 51 - 54.

References:

1. Bashir I. Blockchain: architecture, cryptocurrencies, development tools, smart contracts/ translated from English by M.A. Reitman. M.:DMK Press, 2019. 538 p.
2. Efimova L.G., Sizimova O.B. The legal nature of a smart contract // Banking law. 2019. No.1. pp. 23-30.
3. Levushkin A.N., Tyurin A.V. Deepfake and artificial intelligence systems in the paradigm of digital law development // Lawyer. 2021. No. 11. pp. 19-24.
4. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of majority and minority shareholders in corporate legal relations // Civil law. 2022. No. 6. pp. 14-18.
5. Levushkin A.N. Special contractual constructions: framework, option and subscription contracts // Actual problems of Russian law. 2018. No. 2. pp. 19-26.
6. Patlaenko A.P. The legal nature and scope of smart contracts in the paradigm of Russian law// Law and economics. 2023. No. 8. pp. 42-46.
7. Patlaenko A.P. Features of the use of digital resources, blockchain technology and smart contracts in binding legal relations with the participation of non-profit organizations // Eurasian Advocacy. 2023. No. 5 (64). pp. 28-35.
8. Patlaenko A.P. Private law regulation of smart contracts as entrepreneurial obligations in the era of change // Law and business. 2023. N 4. pp. 24-26.
9. Churilov A.Y. Fixation and turnover of exclusive rights to copyright objects using smart contracts: myth or reality? // Actual problems of Russian law. 2024. No. 3. pp. 89-99.
10. Shvets A.V., Gaiduk V.A. Smart contracts in Russian law: the lack of definition and the legal and practical problems caused by it // Lawyer. 2024. N 1. pp. 51 - 54.

¹ Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики».

АДАПТАЦИЯ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ Adaptation of the institute of compensation for losses in Russian legislation and modern judicial practice

КОКУХИН Никита Викторович,

аспирант Юридического института Сибирского федерального университета.

Свободный пр., 82А, г. Красноярск, Красноярский край, 660041, Россия.

E-mail: nikitakokukhin@gmail.com;

Kokukhin Nikita Viktorovich,

graduate student of the Law Institute of the Siberian Federal University.

82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660041, Russia.

E-mail: nikitakokukhin@gmail.com

Краткая аннотация. Цель данной работы заключается в рассмотрении актуальных вопросов, связанных с адаптацией института возмещения потерь (индемнити) в российской правовой системе. Автор исследует истоки возникновения и распространение правового института в зарубежных правовых порядках, а также анализирует особенности его российского правового аналога. Автор работы изучил позиции российских ученых-правоведов относительно целесообразности введения института индемнити в российский правовой порядок, а также качества законодательного регулирования. Автор работы проанализировал и обобщил актуальную судебную практику, связанную с применением статьи 406.1 ГК РФ. В результате проведенного анализа судебной практики автор пришел к следующим выводам: 1) институт возмещения потерь получил широкое распространение в российском деловом обороте и используется в различных гражданско-правовых договорах; 2) в судебной практике также встречаются проблемы, связанные с применением статьи 406.1 ГК РФ, а именно, суды в своих решениях нередко смешивают понятие возмещения потерь со схожими правовыми категориями: убытками, неустойкой, платой за отказ от договора. Обобщения представленных в статье особенностей правового регулирования института возмещения потерь, могут быть полезны в правоприменительной практике.

Abstract. The purpose of this paper is to consider topical issues related to the adaptation of the institution of indemnity in the Russian legal system. The author investigates the origins and spread of the legal institution in foreign legal orders, as well as analyzes the features of its Russian legal counterpart. The author has studied the positions of Russian legal scholars regarding the expediency of introducing the institution of indemnity in the Russian legal order, as well as the quality of legislative rule-making. The author of the work analyzed and summarized the current judicial practice related to the application of Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. As a result of the analysis of judicial practice, the author came to the following conclusions: 1) The institute of compensation for losses is widespread in Russian business turnover and is used in a wide range of civil law contracts; 2) In judicial practice there are also problems associated with the application of Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation, namely, the courts in their decisions often mix the concept of compensation for losses with similar legal categories: losses, penalties, payment for withdrawal from the contract. Generalizations of the peculiarities of legal regulation of the institute of compensation for losses presented in the article may be useful in law enforcement practice.

Ключевые слова: возмещение потерь, индемнити, англо-саксонская правовая система, реформа российского гражданского законодательства, налоговые вычеты по НДС.

Keywords: indemnity, common law system, reform of Russian civil legislation, VAT tax deductions.

Для цитирования: Кокухин Н.В. Адаптация института возмещения потерь в российском законодательстве и современной судебной практике // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_341.

For citation: Kokukhin N.V. Adaptation of the institute of compensation for losses in Russian legislation and modern judicial practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_341.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Институт возмещения потерь "indemnity" (далее – индемнити) появился более 250 лет назад в английском контрактном праве и на сегодняшний день получил свое широкое распространение в повседневном деловом обороте в США и Великобритании в различных сферах экономической деятельности, а именно в договорах поставки, лицензионных соглашениях, договорах аренды, и особенно в сделках слияния и поглощения [7].

Наиболее актуальное и общепринятое в академических кругах американских университетов определение института индемнити было дано в процессе по делу *Zalkind v. Seradyne, Inc.* (2011), в котором суд истолковал возмещение потерь как обязательство одной стороны договора возместить потери другой стороне в случае нарушения каких-либо гарантий и заверений, предоставленных в рамках заключенного соглашения [16].

Помимо США механизм индемнити перешел по наследству от Великобритании ко многим странам-членам Содружества наций (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Сингапур), а также к иным государствам, традиционно принадлежащим к англо-саксонской правовой семье (Ирландия). При этом в некоторых из перечисленных юрисдикций на текущий момент существует особое законодательство, которое регулирует применение механизма возмещения потерь наравне с прецедентным правом. Так, например, в правовой системе Сингапура существует Закон о несправедливых условиях договора (The Unfair Contract Terms Act) от 1977 года, который среди прочего содержит раздел 4 (1), запрещающий включать в договор несправедливые условия об индемнити, не отвечающие критерию разумности и установленные с целью уклонения от ответственности одной из сторон договора [9].

Начиная с XX века благодаря усилившимся тенденциям глобализации в международном сотрудничестве и мировой экономике многие юридические конструкции, изначально характерные для стран англо-саксонской правовой системы переключались в законодательство и правоприменительную практику стран континентальной и смешанной правовых систем, среди которых оказался и институт о возмещении потерь. Так, например, Коммерческий кодекс Чехии содержит раздел 725, посвященный обязательству возмещения потерь – в нем помимо стандартного определения содержатся обязанности сторон соглашения об индемнити (например, обязанность кредитора при наличии возможности принять

действия по минимизации потерь), а также указание на необходимость соблюдения письменной формы такого соглашения. Кроме того, как отмечает Д. И. Степанов, возможность заключения соглашения об indemnity закреплена в Гражданском кодексе Нидерландов, а также существует в деловой практике в Германии и в судебной практике Франции [6, С. 102].

В 2015 году в рамках реформирования российского законодательства в Гражданском кодексе РФ появилась статья 406.1 "Возмещение потерь", которая стала своего рода адаптацией института indemnity для российской правовой системы. Суть данной нормы заключается в том, что одна из сторон договора берет на себя обязательство возместить потери другой стороне при наступлении определенных обстоятельств, указанных в соглашении [3, С. 75].

По мнению Л. В. Санниковой, российский законодатель принял решение позаимствовать "индемнитет" и ряд других правовых институтов из англосаксонской правовой среды для того, чтобы сделать российскую экономическую среду более инвестиционно-привлекательной для иностранного бизнес-сообщества [4, С. 441 – 442]. При этом, автор признает, что качество законодательных норм, разработанных в результате реформ далеко неидеально, а представители бизнеса, активно выступавшие за принятие поправок к ГК РФ по итогу, не будут использовать новую рискованную правовую конструкцию. В свою очередь, А. Г. Карапетов выступил в защиту новеллы гражданского законодательства, указав, что соглашение об "индемнити" станет крайне полезным в деловом обороте, особенно при заключении крупных инвестиционных сделок [2, С. 45].

Несмотря на то, что ученые-правоведы разошлись в своих оценках и мнениях относительно целесообразности введения института возмещения потерь в систему российского гражданского права, бесспорным остается тот факт, что в своем текущем виде возмещение потерь по ст. 406.1 ГК РФ и английская концепция "индемнити" имеют достаточно много отличительных черт. Как указывает А. В. Добровинская, английское indemnity не имеет ограничений по субъектному составу, может устанавливаться без какого-либо прямого закрепления в договоре, а также может быть связано с правонарушением одной из сторон (чего не допускает российское право) [1, С. 22 – 23].

Также важно отметить, что российский законодатель налагает на стороны договора, содержащего положения о возмещении потерь обязанность определить размер потерь или установить в соглашении порядок их определения. Е. А. Сегалова указывает на то, что данная особенность характерна исключительно для российского института возмещения потерь и не имеет аналогов в правовых системах других государств. Как полагает ученая, в странах англо-саксонской правовой семьи главная функция "индемнити" состоит в том, чтобы вернуть материальное положение "застрахованной стороны" в "статус-кво", то есть, в то состояние, когда кредитор еще не столкнулся с потерями [5, С. 80]. Иными словами, процедура возмещения потерь имеет черты внутридоговорного страхования, которое устанавливается сторонами с целью компенсации потерь одной из сторон соглашения, и исходя из этого стороны не могут предварительно определить размер потерь, которые еще не наступили. Похожее мнения придерживается и А. Г. Карапетов – ученый считает, что требование законодателя заранее согласовывать размер возмещаемых потерь вводит в противоречие с самой природой правового института [2, С. 55].

Проведенный анализ судебной практики показывает, что условия о возмещении потерь можно встретить в самых разнообразных сферах делового оборота: в договорах эквайринга, аренды, поставки, перевозки, лизинга, купли-продажи, оказания услуг. Отдельно стоит отметить, что широкое применение механизма возмещения потерь можно встретить в сфере, связанной с получением налоговых вычетов по НДС. Подобное положение дел обусловлено тем, что включение продавцами НДС в стоимость товара или услуги производится в рамках всей организационно-обменной цепочки, начиная от производителя материала и заканчивая продавцом готового продукта. Исходя из этого, конечный покупатель в указанной цепочке платит не только НДС на товар, но и "зашитый" в стоимость всей цепочки НДС – то есть налог несколько раз уплаченный всеми многочисленными участниками товарооборота. Таким образом, для "подстраховки" покупателю выгодно включить в договор купли-продажи условие о возмещении потерь в случае, если продавец или кто-то из предыдущих участников организационно-обменной цепочки некорректно отразил информацию в налоговой отчетности [9].

Тем не менее, на практике у судов нередко возникают трудности при применении норм о возмещении потерь. Различное толкование судами одной и той же нормы может привести к принятию отличных друг от друга решений по одному делу судами разных инстанций. Так, например, по материалам одного из дел, стороны заключили между собой договор подряда по ремонту вагонов поезда, в котором указали пункт, в соответствии с которым при выявлении дефектов в работе подрядчика вагон транспортируется в ремонтный цех с целью устранения выявленных недостатков подрядчиком, который также обязуется оплатить простой вагонов по цене 12000 рублей за один день. Суд первой инстанции посчитал, что истец не может претендовать на возмещение потерь, поскольку не представил ни одного доказательства, что он понес потери или будет нести потери от несвоевременного ремонта вагона. Суды апелляционной и кассационной инстанции, напротив, указали, что истец не должен доказывать, что он понес потери, поскольку обязанность возместить потери возникает у ответчика вследствие самого факта простоя вагона, так как данное обстоятельство было заранее согласовано обеими сторонами соглашения [10].

Также на практике у судов нередко возникают трудности в процессе анализа того, насколько стороны договора смогли явно и недвусмысленно согласовать условие о возмещении потерь. Так, например, в одном из дел в своем иске лизингодатель заявил о взыскании с ответчика "сальдо встречных обязательств" в форме потерь. Как пояснил истец, "сальдо встречных обязательств" состоит из "суммы закрытия сделки", к которой добавлены неоплаченные лизинговые платежи, а также расходы на изъятие предмета лизинга. Суды первой и апелляционной инстанции встали на сторону истца, признав, что условие о взыскании сальдо встречных обязательств при расторжении договора является разновидностью возмещения потерь. Вышестоящий суд не согласился с таким выводом, указав на то, что алгоритм расчета сальдо является обременительным для истца и имеет явно непрозрачный характер, поскольку в документе отсутствует ясный порядок его расчета, что не отвечает критерию явноности и недвусмысленности соглашения о возмещении потерь [11].

Отдельно следует отметить, что суды нередко путают "индемнити" с близкими правовыми институтами, например, с институтом взыскания убытков. Так, в одном из дел стороны договора купли-продажи согласовали условие о том, что в случае, если продавец нарушит данное покупателю заверение о корректном отражении информации в налоговой документации, и данное обстоятельство в итоге приведет к невозможности получения покупателем вычета по НДС, продавец будет обязан возместить покупателю потери. Суд первой инстанции признал, что данное условие является корректным. Однако, суд апелляционной инстанции отменил первое судебное решение, указав на то, что по сути ссылаясь на нормы об имущественных потерях хозяйственное общество пытается взыскать с предпринимателя убытки. В дальнейшем, суд кассационной инстанции постановил, что первоначальное судебное решение необходимо оставить в силе, пояснив, что стороны самостоятельно устанавливая условия договора и именно истец обладает исключительным правом определения способа защиты его нарушенного права, и данный способ не может быть изменен судом по своему усмотрению [12].

В другом деле, суды первой и апелляционной инстанции указали, что в договоре аренды стороны согласовали условие о возмещении потерь. Однако, суд кассационной инстанции не согласился с подобной квалификацией и указал, что стороны фактически связали выплату возмещения потерь с нарушением договора, а именно с нарушением сроков передачи объекта недвижимости по договору аренды, что делает невозможным применение ст. 406.1 ГК РФ, однако допускает применение норм о взыскании убытков [13].

Следует отметить, что на практике также встречаются судебные решения, в которых суды смешивают возмещение потерь с другими правовыми институтами. Так, например, в одном из решений суд применяя нормы о возмещении потерь указал, что между сторонами была согласована неустойка [14]. В другом деле суд пояснил, что стороны согласовали возмещение потерь в качестве платы за отказ от договора аренды [15].

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что институт возмещения потерь является одним из важнейших способов защиты интересов сторон договора в современном контрактном праве, который получил повсеместное распространение в правовых системах различных стран мира. На сегодняшний день попытку адаптировать институт возмещения потерь в российскому гражданском праве следует считать в целом успешной, не смотря на то, что законодатель в ходе проведения реформ допустил ряд существенных ошибок (например, установил возможность предварительного расчета размера потерь). Также следует отметить, что анализ актуальной российской судебной практики показывает, что соглашение о потерях включает в самые разные виды договоров, особенно применительно к сфере налоговых правоотношений. В то же время, нельзя не отметить, что в судебной практике также встречаются проблемы, связанные с применением ст. 406.1 ГК РФ, а именно, стороны договора, а также суды в своих решениях нередко смешивают понятие возмещения потерь с убытками, неустойкой, платой за отказ от договора. Таким образом, институт возмещения потерь нуждается в дальнейшей адаптации к текущим правовым реалиям и обновлении с учетом выявленных проблем.

Библиография:

1. Добровинская А.В. Возмещение потерь: английские традиции и российские новеллы // Право и экономика. 2019. № 3. С. 21 – 26.
2. Карапетов А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ / А.Г. Карапетов // Закон. 2015. № 6. С. 43 – 56.
3. Кархалёв Д.Н. Возмещение потерь по правилам статьи 401.6 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 75 – 78.
4. Санникова Л.В. Возмещение потерь в странах общего права и в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. №4. С. 441 – 450.
5. Сегалова Е.А., Сатыров З.И. Индемнити и возмещение потерь как институты распределения договорных рисков по российскому и английскому праву // Вестник арбитражной практики. 2021. № 1. С. 75 – 88
6. Степанов Д.И. Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // Закон. 2012. № 9) С. 97 – 110.
7. Лекция LF Academy А.Н. Кучер Договорные механизмы распределения риска в российском праве: заверение об обстоятельствах и возмещение потерь [Видеозапись] – URL: <https://legalacademy.ru/course/1357745> (дата обращения: 13.09.2023).
8. The Unfair Contract Terms Act 1977 [Текст закона] – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/UCTA1977> (дата обращения: 25.12.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.12.2023 по делу № А53-6969/2023
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.12.2023 по делу № А40-130020/2022
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.07.2023 по делу № А41-39209/2022
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.09.2022 по делу № А32-41754/2021
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.01.2024 по делу № А32-64025/2022
14. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.04.2017 по делу № А43-16569/2016
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.05.2017 по делу № Ф07-4208/2017 по делу № А56- 62915/2015.
16. Zalkind v. Ceradyne Inc. (2011) 194 Cal. App. [Электронный ресурс] – URL: www.legislation.gov.uk (дата обращения: 20.12.2023).

References:

1. Dobrovinskaya A.V. Vozmeshchenie poter': anglijskie tradicii i rossijskie novelly // Pravo i ekonomika. 2019. № 3. p. 21 – 26.
2. Karapetov A.G. Zavereniya ob obstoyatel'stvah i usloviya o vozmeshchenii poter' v novoy redakcii GK RF / A.G. Karapetov // Zakon. 2015. № 6. p. 43 – 56.
3. Karhalyov D.N. Vozmeshchenie poter' po pravilam stat'i 401.6 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. № 2. p. 75 – 78.
4. Sannikova L.V. Vozmeshchenie poter' v stranah obshchego prava i v Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2016. №4. p. 441 – 450.
5. Segalova E.A., Satyrov Z.I. Indemniti i vozmeshchenie poter' kak instituty raspredeleniya dogovornykh riskov po rossijskomu i anglijskomu pravu // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2021. № 1. p. 75 – 88
6. Stepanov D.I. Proekt Grazhdanskogo kodeksa: ot paternalizma po-sovetski k istinnomu chastnomu pravu // Zakon. 2012. № 9) p. 97 – 110.
7. Lekciya LF Academy A.N. Kucher Dogovornye mekhanizmy raspredeleniya riska v rossijskom prave: zaverenie ob obstoyatel'stvah i vozmeshchenie poter' [Video] – URL: <https://legalacademy.ru/course/1357745> (circulation date: 13.09.2023)
8. The Unfair Contract Terms Act 1977 [Text] – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/UCTA1977> (circulation date: 25.12.2023).
9. Ruling of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 21.12.2023 in case No. A53-6969/2023
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 05.12.2023 in case No. A40-130020/2022
11. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of 10.07.2023 in case No. A41-39209/2022
12. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 08.09.2022 in case No. A32-41754/2021
13. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 15.01.2024 in case No. A32-64025/2022
14. Resolution of the Arbitration Court of the Volgo-Vyatsky District of 26.04.2017 in case No. A43-16569/2016
15. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 22.05.2017 in case No. F07-4208/2017 in case No. A56- 62915/2015.
16. Zalkind v. Ceradyne Inc. (2011) 194 Cal. App. [Text] – URL: www.legislation.gov.uk (дата обращения: 20.12.2023).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_344

УДК 336.763

ЦЕННЫЕ БУМАГИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ SECURITIES IN RUSSIAN CIVIL LEGISLATION

ГАРТИНА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

Gartina Yulia Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru

Краткая аннотация. Проблемы правового регулирования рынка ценных бумаг всегда вызывали повышенный интерес как у теоретиков, так и у юристов практиков. Стремительное развитие экономических и юридических процессов, современная цифровизация прав, приводят к существенным изменениям действующего законодательства. В настоящей статье автором анализируются нормы, регламентирующие особенности правового регулирования института ценных бумаг. Выявляются и раскрываются основные проблемы, связанные с обращением ценных бумаг на фондовом рынке, по наиболее проблемным аспектам делаются выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Abstract. Problems of legal regulation of the securities market have always aroused increased interest among both theorists and legal practitioners. The rapid development of economic and legal processes, modern digitalization of rights, lead to significant changes in current legislation. In this article, the author analyzes the norms regulating the features of legal regulation of the securities institution. The main problems associated with the circulation of securities on the stock market are identified and disclosed; conclusions and proposals for improving the current legislation are drawn on the most problematic aspects.

Ключевые слова: ценная бумага, эмиссия, эмитент, фондовая биржа, рынок ценных бумаг, гражданское законодательство, первичный рынок ценных бумаг, вторичный рынок ценных бумаг, цифровизация.

Key words: security, issue, issuer, stock exchange, securities market, civil legislation, primary securities market, secondary securities market, digitalization.

Для цитирования: Гартина Ю.А. Ценные бумаги в российском гражданском законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 344-347. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_344.

For citation: Gartina Yu.A. Securities in the Russian civil legislation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 344-347. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_344.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Ценные бумаги, а также особенности их правового регулирования всегда вызывали повышенный интерес у ученых и у практикующих юристов. В современных реалиях, в связи с усложнением не только правовых, но и экономических, социальных отношений, появление новых разновидностей ценных бумаг и их правовое закрепление в нормах действующего законодательства, является в полной мере обоснованным. Стремительное развитие правовых отношений в данной сфере требует от законодателя постоянного контроля и проработки нормативно-правовой базы, регламентирующей особенности правового регулирования механизмов осуществления сделок с ценными бумагами, как на фондовом рынке, так и за его пределами.

В гражданском законодательстве [1] есть отдельная глава 7, посвященная правовому регулированию института ценных бумаг. Согласно нормам данной главы, ценная бумага – это документ, а также обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске ценных бумаг, удостоверяющие обязательные и иные права, осуществление или передача которых возможна только при предъявлении таких документов.

Анализ правовых норм позволяет выделить следующие виды ценных бумаг: документарные, предъявительские, ордерные, именные и иные ценные бумаги. Несмотря на то, что законодатель называет основные виды ценных бумаг, в законе нет четкого определения их признаков, однако анализируя действующие статьи можно их сформулировать:

- ценная бумага имеет стоимостной характер;
- выпускается в форме и виде, установленном действующим законодательством;
- закрепляет имущественные и неимущественные права и является объектом гражданско-правовых сделок;
- передача ценной бумаги другому лицу влечет за собой переход прав, которые закрепляются данной ценной бумагой к другому лицу.

Но не только гражданское законодательство содержит нормы, регулирующие особенности выпуска, обращения ценных бумаг на фондовом рынке. Федеральный закон от 22.04.1996 г. №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 11.03.2024) [2] детально закрепляет отношения, возникающие при эмиссии и обращении ценных бумаг, определяет основные принципы и виды ценных бумаг, раскрывает вопросы государственного регулирования отношений, связанных с рынком ценных бумаг, а также регламентирует деятельность субъектов на рынке ценных бумаг. Нормы федерального закона охватывают наибольшую по объему сферу правового регулирования данного института, определяя не только основные понятия, но и детализируя вопросы ответственности за нарушение законодательства на рынке ценных бумаг, а также особенности раз-

мещения и обращения ценных бумаг на территории Российской Федерации.

Обращение ценных бумаг и основные сделки с ними происходят на специализированном рынке. Рынок ценных бумаг – это место, где осуществляется торговля ценными бумагами. В юридической литературе можно встретить и другие определения рынка ценных бумаг. Так, очень часто – это отношения между участниками или составная часть финансового рынка, на котором привлекаются денежные средства за счет выпуска и продажи ценных бумаг. Он бывает первичным и вторичным. Первичный рынок ценных бумаг – их эмиссия и первичная реализация, а все последующие сделки с ценными бумагами (их последующая продажа) производятся на вторичном рынке ценных бумаг. В зависимости от места проведения сделок с ценными бумагами рынок бывает: биржевым и внебиржевым. Биржевой рынок осуществляет торговлю ценными бумагами на фондовой бирже. Внебиржевой рынок не имеет определенного места торговли ценными бумагами. Рынок ценных бумаг необходим, для того чтобы реализовывать ценные бумаги по средствам заключения различного рода сделок.

Сделки совершаемые с ценными бумагами осуществляются в рамках действующего законодательства. Фактически, любая сделка с ценными бумагами – это соглашение сторон, заключаемое в зависимости от того вида обязательства, которое применимо в конкретных условиях. Это могут быть обязательства, связанные с договорами купли – продажи, займа, дарения, мены и так далее. Рассмотрим основные аспекты таких обязательств. Так как предметом сделок в каждом конкретном случае являются ценные бумаги, то законодателью, на наш взгляд, необходимо дополнительно уделить внимание отдельным условиям договоров, связанных с приобретением или отчуждением ценных бумаг. Например, анализ судебной практики по приобретению ценных бумаг на основе заключения договора купли-продажи показал, что проблемным в такого рода сделках, является вопрос определения стоимости конкретной ценной бумаги, а также еще одна частая ошибка заключения таких договоров – отсутствие срока оплаты, что является существенным условием нарушения договорных обязательств и может привести к аннулированию заключенной сделки.

Что касается договора займа, то его правовая природа предусматривает возврат предмета займа в том же количестве и качестве, получается, что возвращены должны быть те же ценные бумаги или другие, но соответствующего номинала. Поэтому возникает вопрос о возможности заключения такого рода сделок. Изучение правовых норм действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что ценные бумаги могут быть реализованы по средствам заключения договора займа, хотя анализ судебной практики показал, что проблемы чаще всего возникают по спорам из договоров займа, предметом которых являлись такие ценные бумаги, как акции. Причем речь идет именно о бездокументарной ценной бумаге, которая по своей правовой природе не является вещью и соответственно передача ее по договору займа вызывает очень много вопросов в правоприменении, не находящих своего правового закрепления и разрешения в действующем законодательстве. Отсутствуют в законе и какие-либо специальные нормы, позволяющие определять особенности займа различных видов ценных бумаг, хотя правовое регулирование ценных бумаг конкретного вида, позволяет сделать вывод, что это разные договорные конструкции, которые не могут быть одинаковыми по условиям заключения обязательства относительно того или иного вида ценной бумаги.

Изучая договор мены, как обязательство по отчуждению или приобретению ценных бумаг, необходимо помнить, что к данному договору применяются правила о купле-продаже, однако обмениваемые товары очень часто признаются равнозначными и проблемы чаще всего возникают в связи с отсутствием оценки ценных бумаг на конкретную дату заключения договора. Поэтому, в юридической практике очень часто встречаются договоры мены с ценными бумагами, которые направлены на заключение формальных, притворных сделок.

Таким образом, в связи со спецификой такого предмета обязательства, как ценная бумага, при возникновении споров из договоров купли-продажи, мены, дарения ценных бумаг, суд в первую очередь должен исходить из реальных целей таких сделок, чтобы избежать заключения обязательства с целью прикрытия другой сделки.

Как уже было описано выше, гражданское законодательство выделяет два основных классифицирующих вида ценных бумаг: документарные и бездокументарные.

Документарная ценная бумага – это документ, под которым согласно ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (в ред. от 01.05.2022) [3] понимается материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, имеющий реквизиты и позволяющий его идентифицировать, который предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.

Документарная ценная бумага может существовать исключительно в виде бумажного носителя с напечатанным или рукописным текстом. Главной особенностью документарной ценной бумаги является то, что в ней закрепляется обязательное требование. Чтобы иметь определенную ценность и быть ценной бумагой документ должен соответствовать определенной форме и содержать реквизиты. Кроме того, информация, изложенная в данной ценной бумаге, должна быть доступна и понятна для прочтения без каких-либо специальных средств. В законе отсутствуют понятия формы и реквизитов ценной бумаги. Разграничение данных определений можно встретить в судебной практике, хотя и там данное разграничение можно назвать условным. Как правило, документарные ценные бумаги печатают на бланках определенного образца. В законе есть обязательное правило, согласно которому, если в ценной бумаге отсутствуют, закрепленные законодательно реквизиты, то она не может являться ценной бумагой. Так, например, для того чтобы чек являлся ценной бумагой и обращение его на рынке было легитимным, он должен содержать обязательные реквизиты.

Вопрос исполнения прав по ценной бумаге также имеет существенное значение [4]. К документарным ценным бумагам можно отнести депозитные и сберегательные сертификаты, вексель, чек и т.д.

Бездокументарные ценные бумаги – это такие ценные бумаги, которые включают в себя обязательственные, а также иные права, за-

крепленные в решение эмитента о выпуске ценных бумаг, передача и осуществление прав по такой ценной бумаге становится возможной исключительно с соблюдением определенных правил учета такого рода ценных бумаг. К бездокументарным ценным бумагам следует отнести: облигации, акции, инвестиционные паи.

Анализ юридической литературы, посвященной институту ценных бумаг и его правовому регулированию, позволяет с уверенностью утверждать, что правовой природе бездокументарных ценных бумаг всегда уделялось пристальное внимание.

В основной дискуссии ученых заключались в определении вещной или обязательственной природы бездокументарной ценной бумаги. Бездокументарная ценная бумага – это имущественное право или права, которые не закреплены на бумажном носителе, т.е. по сути это – определенный комплекс прав или их совокупность, лишенный материального носителя [5, с. 85]. Фактически, бездокументарная ценная бумага, представляет собой совокупность электронных записей, внесенных в систему ведения реестра владельцев ценных бумаг и позволяющих признавать такой документ ценной бумагой. Можно сделать вывод, что бездокументарная ценная бумага отличается от документарной, только формой выпуска. Во всем остальном они идентичны, кроме того, бездокументарная ценная бумага является полноценным и самостоятельным объектом гражданских правоотношений, поэтому правовой режим таких объектов должен быть детально регламентирован нормами действующего законодательства.

Очень часто, граждане, не имеющие юридического образования, бездокументарные ценные бумаги путают с цифровыми правами. Статья 141.1, закрепляющая цифровые права была введена в действие в октябре 2019 года. Введение термина «цифровые права» свидетельствует о том, что законодатель признал цифровые права полноценным объектом гражданских правоотношений. Еще на этапе обсуждения законопроекта о включении цифровых прав в действующее гражданское законодательство, решался вопрос об отнесении их к бездокументарным ценным бумагам, однако в последствии они нашли свое закрепление в отдельной норме гражданского законодательства. При этом нельзя не согласиться, что сходство между цифровыми правами и бездокументарными ценными бумагами определенно присутствует [6, с.43]. Поэтому на наш взгляд, законодатель нашел наиболее верное решение вопроса правового закрепления «цифровых объектов» в подразделе 3 «Объекты гражданских прав» главе 6 «Общие положения» ГК РФ, тем самым разграничив институт цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг.

Однако, нужно помнить, что в связи с детальной реформацией в 2020 году института ценных бумаг и масштабной цифровизацией прав, которая затронула и фондовый рынок, а также внедрение технологий в цифровой сфере, появление новых финансовых и цифровых механизмов требует наиболее детальной и полной проработки действующего законодательства. В современных нормах не до конца еще раскрыты положения, регламентирующие правовое регулирование ценных бумаг с использованием цифровых технологий. Хотя само их появление уже создает достаточное правовое пространство для использования цифровых технологий в деятельности субъектов рынка ценных бумаг, что на наш взгляд, исключительно положительно скажется не только на теоретической, но и на практической сфере реализации прав с ценными бумагами.

Помимо перечисленных выше нормативных актов, еще один правовой акт играет важное значение в сфере правового регулирования обращения на рынке ценных бумаг и это Федеральный закон от 05.03.1999 №46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». Так как оборот с ценными бумагами является частью финансового рынка, то непосредственный контроль органов государственной власти за оборотом ценных бумаг на фондовом рынке является обязательной составляющей инвестиционного процесса. Нормы данного закона направлены на защиту, в том числе и судебную, прав и законных интересов инвесторов при реализации своих полномочий. Кроме того, отдельные нормы закона направлены на правовое регулирование программы выплаты компенсации инвесторам – физическим лицам, что свидетельствует о дополнительной защите и гарантиях для физических лиц и тоже является очень важным аспектом в современных реалиях.

Таким образом, анализ норм, регламентирующего особенности правового регулирования института ценных бумаг, позволяет сделать выводы о том, что в современных условиях, институт ценных бумаг развивается очень стремительно. Внедрение цифровизации во все сферы гражданских правоотношений, в ближайшем будущем позволит вывести сделки с ценными бумагами на новый уровень развития. Кроме того, рынок ценных бумаг является одним из важных элементов всей финансовой системы нашей страны, так как он обладает не только определенным субъектным составом, но и специфическим объектом правового регулирования.

В действующем законодательстве можно встретить большое количество видов ценных бумаг, поэтому, в настоящее время назрела необходимость законодательной систематизации данных видов, которая позволит не только профессиональным участникам быть субъектами на фондовом рынке, но и положительно скажется на возможности непрофессиональных участников реализовывать свои права при инвестировании денежных средств в ценные бумаги.

На наш взгляд, необходимо на законодательном уровне закрепить понятие рынка ценных бумаг, сформулировав его следующим образом: «Рынок ценных бумаг - это часть финансового рынка, на котором происходит выпуск и обращение ценных бумаг между его субъектами, за деятельностью которых осуществляется надзор органами государственной власти».

Так как рынок ценных бумаг – это часть не только финансового рынка, но и финансовый инструмент, позволяющий субъектам вложить свои инвестиции намного выгоднее, так как такое вложение менее подвержено инфляции. В настоящее время все чаще физические лица стали инвестировать свои финансы в ценные бумаги, а получаемая ими прибыль от инвестиций, является неплохим дополнительным доходом. Поэтому необходимо проработать определенные программы, направленные на повышение правовой и финансовой грамотности субъектов на рынке ценных бумаг, что позволит им наиболее активно и продуктивно использовать финансовые средства для инвестиций в ценные бумаги, и как итог, это положительно скажется не только на их доходах, но и на самом развитии фондового рынка.

Несомненно, появление в гражданских правоотношениях новых объектов, связанных с инновационным подходом и научно-техническим прогрессом в различных правовых сферах оказывает прямое влияние на рост стоимости ценных бумаг.

Таким образом, подводя итог, хотелось бы особо отметить, что для максимально стабильного развития рынка ценных бумаг необходимо не только повышать правовую и финансовую грамотность населения, но и создавать благоприятные условия для проработки норм действующего законодательства.

В настоящее время рынок ценных бумаг в России имеет значительные перспективы для дальнейшего развития, которые положительно скажутся не только на субъектах, но и на развитии бизнеса, а также научно-технических процессах, финансовых инструментах и экономике страны в целом.

Библиография:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 31.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 22.04.1996 г. №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №16. – Ст.1918.
3. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (ред. от 01.05.2022) // Собрание законодательства РФ. –1995. – №1. – Ст. 1.
4. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС Консультант-Плюс. – 2019.
5. Бойцов С.М. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 84 - 90.
6. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31 - 54.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part 1) dated November 31, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – St. 3301.
2. Federal Law of April 22, 1996 No. 39-FZ "On the Securities Market" (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 16. – Article 1918.
3. Federal Law of December 29, 1994 No. 77-FZ "On the Mandatory Deposit of Documents" (as amended on May 1, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. –1995. –No. 1. – St. 1.
4. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Sweet Yu.P. Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part one // SPS ConsultantPlus. – 2019.
5. Boytsov S.M. Legal nature of uncertificated securities // Leningrad Legal Journal. – 2015. – No. 2. – P. 84 - 90.
6. Novoselova L., Gabov A., Savelyev A., Genkin A., Sarbash S., Asoskov A., Semenov A., Yankovsky R., Zhuravlev A., Tolkachev A., Kamelkova A., Uspensky M., Krupenin R., Kisly V., Zhuzhalov M., Popov V., Agranovskaya M. Digital rights as a new object of civil law // Law. – 2019. – No. 5. – P. 31 - 54.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_348

УДК 342

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

АЛАМОВА Светлана Мухаметовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
УВО «Университет управления «ТИСБИ».
ул. Муштары, 13, г. Казань, Республика Татарстан, 420012, Россия.
E-mail: soldatovaalena@yandex.ru;

Alamova Svetlana Mukhametovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Civil Law and business law
Higher Education Institution "TISBI University of Management".
13 Mushtari str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420012, Russia.
E-mail: soldatovaalena@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье на основе культурологического подхода к правовому регулированию рассматривается понятие и значение правовых механизмов для защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде. Раскрыто предметное содержание терминов «цифровизация» и «правовой механизм защиты» применительно к интеллектуальной собственности. Показано, что цифровизация служит культурным контекстом, который, с одной стороны, преобразует ландшафт интеллектуальной собственности, а с другой – модифицирует правовые конструкции, посредством которых регулируются правоотношения в сфере интеллектуальной собственности. Выявлено, что значение правовых механизмов в защите интеллектуальной собственности сводится к трем направлениям: обеспечение правовой защиты авторских прав; регулирование цифрового контента; борьба с цифровым пиратством.

Abstract. Based on the culturological approach to legal regulation, the article examines the concept and meaning of legal mechanisms for the protection of intellectual property in the digital environment. The subject content of the terms "digitalization" and "legal mechanism of protection" in relation to intellectual property is revealed. It is shown that digitalization serves as a cultural context, which, on the one hand, transforms on the other hand, it modifies the legal structures through which legal relations in the field of intellectual property are regulated. It is revealed that the importance of legal mechanisms in the protection of intellectual property is reduced to three areas: ensuring the legal protection of copyright; regulation of digital content; Fight against digital piracy.

Ключевые слова: цифровизация, интеллектуальная собственность, правовой механизм, защита права, культурологический подход.
Keywords: digitalization, intellectual property, legal mechanism, protection of rights, culturological approach.

Для цитирования: Аламова С.М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 348-351. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_348.

For citation: Alamova S.M. Legal mechanisms for the protection of intellectual property in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 348-351. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_348.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Цифровая эпоха открыла человечеству множество новых возможностей оптимизации всех сфер жизни, от повседневных бытовых практик до глобального международного сотрудничества по наиболее значимым вопросам устойчивого развития. Вместе с тем отчётливо проявились себя и негативные стороны цифровизации, требующие повышенного внимания. Применительно к интеллектуальной собственности, которая составляет большинство наиболее ценных активов в современных развитых экономиках, в качестве примера можно перечислить следующее:

- онлайн пиратство, обусловленное лёгкостью копирования и последующего распространения цифровых произведений, чтократно умаляет способность владельцев авторских прав контролировать и получать выгоду от своего творчества;
- проблематичность конфиденциальности и хранения персональных данных в условиях цифровизации, что может повлиять на защиту прав интеллектуальной собственности и способы управления в данной сфере;
- повышенная уязвимость авторских прав в принципе, как объективное следствие цифровизации, упростившей несанкционированное воспроизведение и распространение в глобальной цифровой среде произведений, защищенных авторскими правами;
- появление цифровых бизнес-моделей, которые могут повлиять на способы монетизации и защиты прав интеллектуальной собственности.

Ввиду того, что в условиях цифровых технологий защита интеллектуальной собственности становится более сложной и дифференцированной, изучение соответствующих правовых механизмов в настоящий момент приобретает особую актуальность. В данной статье определим понятие цифровизации в интересующей нас связи с интеллектуальной собственностью и покажем значение правовых механизмов её защиты с учётом динамичного развития информационных технологий.

Обширная юридическая литература, посвящённая дефинициям цифровизации и обоснованию различных подходов к её изучению в правовой сфере, единством мнений не отличается. Подтверждение тому находим в терминологическом разнообразии, которое, на наш взгляд, точнее было бы назвать терминологической неупорядоченностью. Так, по существу одно и то же явление описывается в таких категориях, как

«цифровизация», «цифровая эпоха», «цифровые технологии», «диджитализация», «информационные технологии», «цифровая трансформация», «цифровая среда» и т.д. [4]¹

При определении понятия цифровизации в данной статье руководствуемся двумя исходными пунктами:

во-первых, такое определение должно быть соотносимым с существующей правовой терминосистемой, закреплённой в действующем законодательстве в широком смысле – в совокупности законов и подзаконных нормативных правовых актов;

во-вторых, в определении должен быть учтён ландшафт интеллектуальной собственности, то есть целостная картина, которая включает в себя все виды интеллектуальной собственности, такие как авторские права, патенты, товарные знаки, промышленные образцы и другие формы прав на интеллектуальную собственность.

В терминосистеме действующего российского права представлена лишь одна легальная дефиниция цифровизации. Согласно подпункту 3 пункта 1 Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённых приказом Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428,

цифровизация (цифровое развитие) – процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий.

При этом в тексте Разъяснений (методических рекомендаций) отмечается технико-юридическая небрежность, а именно – понятийное содержание цифровизации раскрыто через категорию «информационные технологии», тогда как сама эта категория никакой интерпретации не получила. Очевидно, её эквивалентом следует считать понятие цифровых технологий, раскрытое в пункте 29 названного документа следующим образом:

цифровые технологии – понятие используется в трех основных категориях:

постепенно внедряемые (цифровое образование, цифровые платформы, маркетинговая интеграция, умные помощники (чат-боты), мобильные платежи);

прорывные (интернет вещей, искусственный интеллект, виртуальная реальность, беспроводная связь, дополненная реальность);

технологии ближайшего будущего (офисные роботы, квантовые вычисления, директивная аналитика, криптовалюта).

Цифровые технологии планируется использовать в Российской Федерации в следующих направлениях:

государственное регулирование (законодательное закрепление основных понятий и принципов регулирования цифровой экономики, обязанности основных участников экономической деятельности);

информационная инфраструктура (увеличение роста числа патентов на изобретения в сфере информационных технологий).

Как следует из буквального толкования приведённых выше фрагментов, в действующей терминосистеме российского права представлено достаточно широкое понимание цифровизации, объединяющее в себе всё то, что в принципе допускает технологически новое воплощение привычных инструментов той или иной деятельности.

Иными словами, цифровизация – это процесс постепенной замены аналогового мира цифровым. Приоритетными направлениями такой замены, согласно разъяснениям Минкомсвязи России, являются государственное регулирование и информационная инфраструктура, где цифровые технологии планируется внедрять либо постепенно, либо в виде прорыва, либо в перспективе ближайшего будущего.

По нашему мнению, смысл понятия цифровизации, выраженный в действующем российском законодательстве, близок к интерпретации данного понятия в концепции немецкого культуролога М. Буркхардта. Он утверждает, что цифровизация – не «злой бездушный демон», а «дело рук человеческих, зеркало наших страстей, надежд и желаний» [1, С. 8, 167]. Соответственно и компьютер нужно рассматривать не как внезапно появившийся источник неопределённых угроз и страхов, а как результат труда нескольких поколений, как большой готический собор, в строительстве которого участвовало множество архитекторов, учившихся друг у друга.

В итоге все они и создали тот цифровой мир, в котором сегодня, здесь и сейчас, живёт каждый из нас и особенность которого в том, что он не знает границ: всё, что можно электрифицировать, можно и оцифровать, а всё, что можно оцифровать, можно сохранить, а потом размножить и передать в любую точку физического мира со скоростью света. В этом мире компьютер – не просто инструмент, а высокоуровневая общественная архитектура, формировавшаяся столетиями. [1, С.8, 168]

Согласно концепции М. Буркхардта, цифровизация есть нечто большее, чем кумулятивный эффект технологических изменений, длящихся столетиями. Переход к цифровой эпохе сопровождается созданием новых ценностей, новой структуры социальных отношений и культурных паттернов, порождаемых цифровыми технологиями. Этот своего рода ценностный сдвиг наблюдается во всех областях жизни. Новые ценности, порождаемые наступлением цифровой эпохи, позволяют констатировать, что цифровизация разворачивается в сфере культуры столь же интенсивно, как и в сфере экономики и технологий, и проявляет себя через новые формы культуры и общественных отношений.

Добавим, что важнейшие из общественных отношений урегулированы правом, а следовательно, цифровизация и правовое регулирование могут состоять в отношениях комплементарности, то есть дополнять друг друга.

В настоящее время такое сосуществование феноменов права и цифровизации сомнениям не подвергается. С одной стороны, право сохраняет свою устойчивую роль регулятора социально-экономических и иных процессов в обществе как внутри страны, так и в международном

¹ Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.; Право в цифровую эпоху. Программа XII научной конференции 01 декабря 2023 г. <https://pravo.hse.ru/mirror/pubs/share/876580459.pdf> и мн.др.

плане. С другой стороны, цифровизация и новые информационные технологии преобразуют характер деятельности субъектов права и меняют объём их правоотношений. В совокупности тем самым обеспечивается как стабильность, так и необходимая динамика государственных и общественных институтов на национальном и международном уровнях. [3]

На основе обозначенных подходов и теоретических положений определим, что по отношению к интеллектуальной собственности цифровизация может рассматриваться как широкий культурный контекст, который, с одной стороны, преобразует ландшафт интеллектуальной собственности, а с другой – модифицирует правовые конструкции, посредством которых регулируются правоотношения в сфере интеллектуальной собственности. Совокупность таких конструкций образует соответствующий правовой механизм.

Например, в системе правового регулирования закрепляются положения о технических средствах защиты авторских прав. Согласно пункту 1 статьи 1299 ГК РФ, техническими средствами защиты авторских прав признаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирурующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения.

Вместе с тем уже давно разработаны, широко разрекламированы и, к сожалению, небезуспешно применяются технологии, технические устройства и/или их компоненты, которые предлагаются к продаже и продаются в качестве средств обхода технических средств защиты.

Как следствие, в подпункте 2 пункта 2 статьи 1299 ГК РФ законодатель устанавливает безусловный законодательный запрет таких технологий: в отношении произведения не допускаются изготовление, распространение, сдача в прокат, предоставление во временное безвозмездное пользование, импорт, реклама любой технологии, любого технического устройства или их компонентов, использование таких технических средств в целях получения прибыли либо оказание соответствующих услуг, если в результате таких действий становится невозможным использование технических средств защиты авторских прав либо эти технические средства не смогут обеспечить надлежащую защиту этих прав.

Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в самом общем виде понимаются нами как наборы, или комплексы правовых средств, гарантирующих незыблемость исключительных и/или личных неимущественных прав автора как лица, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности.

В состав такого правового механизма, сочетающего в себе материально-правовые и процессуальные элементы, могут входить способы защиты исключительных прав и способы защиты личных неимущественных прав, как то:

заявление денежных требований (например, пункт 1 статьи 1472 ГК РФ);

пресечение нарушения права (например, подпункт 2 пункта 1 статьи 1252 ГК РФ);

требование защиты чести, достоинства и деловой репутации автора в порядке статьи 1152 ГК РФ (например, пункт 2 статьи 1266 ГК РФ) и др.

Другими примерами правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде могут быть:

авторское право и патентование (нормативные правовые акты, регулирующие авторское право и патентное право, устанавливают права и обязанности правообладателей, а также процедуры защиты прав на интеллектуальную собственность);

законодательство в сфере обеспечения кибербезопасности (правовые нормы, регулирующие защиту информации от киберугроз, применимы также и к защите интеллектуальной собственности);

международные соглашения (правовая защита посредством участия в международных соглашениях и конвенциях по интеллектуальной собственности).

Таким образом, понятие правового механизма является обобщённо-собирающим и достаточно широким. Выбор той или иной совокупности правовых средств зависит от конкретной юрисдикционной ситуации.

Отметим, что термин «механизм» по происхождению связан с древнегреческим словом *mechané*, первоначально употреблявшимся в значении «хитрость», «обман природы», а в дальнейшем – и в значении «машина». История данного термина восходит к древнегреческому театру: первая крупная машина служила отнюдь не производственным целям, а была краном, с помощью которого в ходе театральной постановки на сцену опускался актёр, игравший роль бога – *deus ex machina* («бог из машины»), снизошедшего с Олимпа, чтобы разрешить конфликт героев. [1, С. 171-172]

Изучив вопрос о переносе термина «механизм» из механики в правоведение, Н.А. Нарыжный пришел к выводу, что такой перенос стал возможным благодаря универсальным свойствам механизма, не зависящим от того, в какой области знаний мы применяем данный термин. Так, всякий механизм характеризуется:

целевой направленностью (всегда предназначен для формирования либо функционирования чего-либо);

наличием субъектов и объектов, то есть носителей действия, с одной стороны, и результатов действия – с другой;

способами организации взаимодействия субъектов, порождающими множественные связи и зависимости и обеспечивающими динамику механизма в целом либо в какой-то из его частей;

системой индивидуальных стимулов и информационным обеспечением – механизм приводится в действие определенной системой рычагов, импульсов, побуждающих сил. [2, С. 116]

Соответственно механизм защиты интеллектуальной собственности в сфере цифровизации рассматривается названным выше автором «в качестве упорядоченной совокупности рычагов, стимулов и мер, благодаря которым сохраняется баланс интересов создателей и пользователей цифровых технологий и обеспечивается насыщение окружающего пространства прогрессивными информационно-коммуникационными

технологиями и решениями, экономический рост и национальная безопасность». [2, С.116]

Значение правовых механизмов в защите интеллектуальной собственности прослеживается по нескольким направлениям:

- 1) обеспечение правовой защиты авторских прав (правовые механизмы определяют права и обязанности правообладателей, обеспечивая им защиту от незаконного использования и копирования интеллектуальных продуктов);
- 2) регулирование цифрового контента (правовые нормы определяют правила использования цифрового контента, авторские отношения и способы защиты авторских прав в онлайн-среде);
- 3) борьба с цифровым пиратством (правовые механизмы направлены на предотвращение и пресечение онлайн пиратства, защиту от нелегального распространения и использования интеллектуальных продуктов).

Таким образом, правовые механизмы в контексте цифровых технологий предоставляют правообладателям правовую защиту и содействуют развитию инноваций и креативности. Гибкость правовых защитных механизмов означает их постоянное усовершенствование и адаптацию к изменяющейся цифровой среде, при этом ожидаемые эффекты имеют не только правовое, но и экономическое, а также социокультурное значение. Оптимальная система защиты интеллектуальной собственности может обеспечить благополучие всех людей, открывая доступ к новым возможностям творческой самореализации всех и каждого.

Библиография:

1. Буркхардт М. Краткая история цифровизации. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 184 с.
2. Нарыжный Н. А. Механизм защиты интеллектуальной собственности в сфере цифровизации и его составляющие // Вестник ДонНУ. Серия В. Экономика и право. 2020. № 1. С. 114-122.
3. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4-23.
4. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

References:

1. Burkhardt M. Kratkaya istoriya cifrovizacii. M.: Ad Marginem Press, 2021. 184 s.
2. Naryzhnyj N. A. Mexanizm zashhity` intellektual`noj sobstvennosti v sfere cifrovizacii i ego sostavlyayushhie // Vestnik DonNU. Seriya V. E`konomika i pravo. 2020. № 1. S. 114-122.
3. Tixomirov Yu. A., Kichigin N. V., Czomartova F. V., Bal`xaeva S. B. Pravo i cifrovaya transformaciya // Pravo. Zhurnal Vy`shhej shkoly` e`konomiki. 2021. № 2. S. 4-23.
4. Transformaciya prava v cifrovuyu e`poxu: monografiya / Pod red. A.A. Vasil`eva. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2020. 432 s.

РАЙДШЕРИНГ (КАРПУЛИНГ): ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Ridesharing: the concept, problems and issues of qualification

КУРГАНОВ Вадим Викторович,

аспирант кафедры «Гражданского и предпринимательского права»
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,
Адвокат «Адвокатская палата Ульяновской области».
Университетская набережная ул., 1, корп. 4, г. Ульяновск, Ульяновская обл., 432007, Россия.
E-mail: advokat731010@mail.ru;

Kurganov Vadim Viktorovich,

Postgraduate student of the Department of Civil and Business Law
Ulyanovsk State University, Lawyer "Ulyanovsk Region Law Chamber".
Universitetskaya embankment str., 1, building 4, Ulyanovsk, Ulyanovsk region, 432007, Russia.
E-mail: advokat731010@mail.ru

Краткая аннотация. В связи с развитием цифровых и телекоммуникационных технологий происходит трансформация общественных отношений и появление новых ранее не известных цивилистической науке форм договорных конструкций. Ярким примером шеринговой экономики в области транспортных перевозок пассажиров и багажа является договор райдшеринга. Фактически райдшеринговые правоотношения в РФ существуют благодаря успешно развивающимся цифровым платформам, но в Гражданском кодексе РФ рассматриваемый договор не поименован. Гражданское законодательство РФ не содержит понятие договора райдшеринга, права и обязанности сторон. В настоящей статье излагается сущность райдшеринга и вопросы квалификации. По нашему мнению, в настоящее время договор райдшеринга нельзя отнести ни к одному из договоров, поименованных в ГК РФ. Договор райдшеринга является смешанным договором, который содержит элементы различных поименованных в ГК договоров.

Abstract. In connection with the development of digital and telecommunication technologies, there is a transformation of public relations and the emergence of new forms of contractual structures previously unknown to civil science. A striking example of the sharing economy in the field of passenger and baggage transportation is the ridesharing agreement. In fact, ridesharing legal relations in the Russian Federation exist due to successfully developing digital platforms, but the contract in question is not named in the Civil Code of the Russian Federation. The civil legislation of the Russian Federation does not contain the concept of a ridesharing agreement, the rights and obligations of the parties. This article outlines the essence of ridesharing and qualification issues. In our opinion, at present, the ridesharing agreement cannot be attributed to any of the agreements named in the Civil Code of the Russian Federation. A ridesharing agreement is a mixed agreement that contains elements of various contracts named in the Civil Code.

Ключевые слова: райдшеринг, карпулинг, смешанный договор, договор перевозки, договор фрахтования.

Keywords: ridesharing, carpooling, mixed contract, carriage contract, chartering contract.

Для цитирования: Курганов В.В. Райдшеринг (Карпулинг): понятие, проблемы и вопросы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 352-355. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_352.

For citation: Kurganov V.V. Ridesharing: the concept, problems and issues of qualification // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 352-355. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_352.

Статья поступила в редакцию: 20.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Общественные правоотношения развиваются благодаря естественному развитию человечества и стремлению адаптироваться к окружающей действительности. Мировые финансовые кризисы, загруженность транспортной инфраструктуры, ухудшающаяся экологическая обстановка, урбанизация с одной стороны и развитие информационно-телекоммуникационных технологий, интернета с другой стороны способствовали появлению ранее не известных правоотношений именуемые шеринговая экономика. Под шеринговой экономикой понимается совместное использование товаров и услуг. В процессе развития государства в обществе происходит переосмысление культуры потребления материальных благ и переход от индивидуального к совместному потреблению товаров и услуг. Право собственности стало восприниматься не только как возможность владеть и распоряжаться имуществом, но и как обязанность нести материальные расходы. Среди причин появления шеринговой экономики следует отметить социальные причины, вызванные естественным желанием человека оказать помощь людям и экзогенные причины, вызванные желанием получить экономическую выгоду. Проблемам становления и развития шеринговой экономики посвящены научные труды Д.Р. Аксенова, С.Л. Яблочникова, А.С. Веселова, В.В. Швед, Г.А. Гимранова, А.А. Зотолюкина, И.В. Попова и других Российских ученых. Шеринговая экономика получила развитие в различных отраслях. Не исключением явилась отрасль перевозок пассажиров и багажа. Развитие цифровых технологий послужило причиной трансформации общественных правоотношений и появлению ранее не известных цивилистической науке форм договорных конструкций. Как справедливо отмечается в юридической литературе трансформация общественных отношений, вызванная развитием цифровых технологий, требует своевременного правового регулирования [1, с. 14]. Ярким примером ранее не известной юридической науке формы договорной конструкции, возникшей в эпоху цифровизации общества, является договор «Райдшеринга» или «Карпулинга»

Словосочетание «Райдшеринг» возникло из английского слова «Ride», что означает «Поездка» и слова «Share», что означает «Делиться». Распоряжение Правительства РФ «О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» содержит определение райдшеринга как совместное использование транспортного средства с помощью онлайн сервисов по поиску попутчиков. Мировой рынок райдшеринга постоянно увеличивается. Ежегодный прирост составляет около 16,3%. На период 2023 год денежный оборот составляет 113 миллиардов долларов. По оценкам специалистов на период к 2032 году объем рынка райдшеринга составит примерно 439 миллиардов долларов [2]. Райдшеринг получил ускоренное развитие в связи с усовершенствованием смартфонов и мобильных приложений. В России представлены такие компании как «Яндекс», «BlaBlaCar» и другие. Лидерами по развитию отрасли райдшеринга в

РФ являются такие мегаполисы как Москва и Санкт-Петербург. В малых городах страны райдшеринг не имеет такой популярности. По нашему мнению, причиной этому является недостаточная осведомленность населения, иные потребности и ритм жизни населения.

Несмотря на фактически существующие райдшеринговые правоотношения договор райдшеринга не поименован в ГК РФ. В гражданском законодательстве отсутствуют специальные нормы права, которые устанавливают понятие, права и обязанности сторон договора райдшеринга. В связи с указанным правовым пробелом суды при рассмотрении споров применяют нормы права, которые регулируют иные поименованные в ГК РФ договоры. Возникает правовая неопределенность исследуемого договора. Как указал Камышанский В.П. изменение общественных правоотношений происходящие в результате развития цифровых технологий требуют своевременного правового регулирования [3, с. 14]. Например, Алейский городской суд Алтайского края РФ при рассмотрении иска к владельцу информационного сайта ООО «Комьюто Рус», ООО «Элемент Лизинг», ООО «Альянс» «О взыскании ущерба причиненного в результате ДТП» пришел к выводу о том, что доводы истца о применении к райдшеринговым правоотношениям Закона РФ «О защите прав потребителей» основаны на неправильном понимании действующего законодательства [4]. Суть дела заключалась в том, что попутчик осуществлял поездку на райдшеринговом автомобиле, найденном с помощью сайта информационного агрегатора. В период поездки по вине водителя райдшерингового автомобиля произошло ДТП, в результате которого попутчику причинен вред здоровью. Пострадавший попутчик пытался взыскать ущерб с информационного агрегатора, но суд отказал, так как информационный агрегатор не является стороной договора, заключенного между водителем и попутчиком. Указанные обстоятельства подтверждают дискуссионность вопроса правовой природы договора райдшеринга и актуальность темы исследования.

Рассмотрим сущность райдшеринга. Райдшеринг является частью мультимодальной транспортной инфраструктуры. Занимает промежуточное место между общественным транспортом и такси. Стоимость поездки дороже чем в общественном транспорте, но дешевле чем в такси. Поездка в рамках договора райдшеринга может выполняться между населенными пунктами или непосредственно внутри населенного пункта. Водитель, желающий найти попутчиков для совместной поездки до пункта назначения регистрируется на сайте информационного агрегатора. При этом предоставляет информацию, фотографии документов, которые предусмотрены правилами регистрации. В случае успешной регистрации оферта (открытая или закрытая) о запланированной поездке размещается на сайте в сети интернет и становится доступной всем пользователям. Водитель размещает оферту о маршруте поездки, конечном пункте назначения, дату и время отправления, размер денежного вклада попутчиков, количество попутчиков, информацию о транспортном средстве. Попутчик, желающий добраться до пункта назначения заходит на сайт информационного агрегатора размещенного в сети интернет и выбирает оферту водителя о совместной поездке. После подтверждения оферты сторонами информационный агрегатор предоставляет контактную информацию для сторон. Водитель может отказать попутчику в поездке, если такое право указано в оферте. Таким образом схема сторон райдшеринговых правоотношений выглядит следующим образом: водитель (владелец транспортного средства) - информационный агрегатор - попутчик. Наличие информационного агрегатора между водителем и попутчиком является отличительным признаком договора райдшеринга. Информационный агрегатор кооперирует водителя и попутчика. Основная задача информационного агрегатора заключается в исключении труда человека в процессе кооперации водителя и попутчика и цифровизация процесса, что в свою очередь ведет к автоматизации, ускорению процесса и удешевлению.

Райдшеринг является некоммерческой поездкой и не предназначен для предпринимательской деятельности. Коммерческие организации, индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в области перевозок пассажиров и багажа, не могут быть стороной договора райдшеринга. Водителем по договору райдшеринга может быть только физическое лицо, владеющее транспортным средством на законных основаниях. Поездка до пункта назначения планируется водителем заранее, по выбранному водителем маршруту и осуществляется независимо от наличия попутчиков. Попутчики осуществляющие совместные поездки с водителем вносят денежный вклад в равных долях или не равных долях в заранее определенных пропорциях с целью частичной компенсации водителю эксплуатационных транспортных расходов необходимых для поездки до пункта назначения [5, с. 204-213]. Под эксплуатационными транспортными расходами понимаются расходы на топливо, платную парковку, проезд по платной автодороге и другие согласно условиям договора райдшеринга. Денежный вклад попутчика носит компенсационный характер и не включает оплату труда водителя или коммерческую прибыль. По справедливому мнению, Бубновской Т.А. под райдшерингом понимается некоммерческое использование физическими лицами транспортного средства, где поиск попутчиков осуществляется с помощью онлайн-сервисов [6, с. 11]. Предметом договора райдшеринга является выполнение водителем и попутчиками совместных действий, направленных на поездку до пункта назначения. Под совместными действиями понимается предоставление водителем транспортного средства, перевозка до пункта назначения, внесения попутчиками денежного вклада для покрытия транспортных расходов на топливо, парковку и т.д. Некоммерческая направленность перевозок является отличительным признаком договора райдшеринга.

По мнению Затолокина А.А., под совместными поездками при которых пассажиры вкладывают денежные средства в счет компенсации эксплуатационных расходов понимаются коммерческие поездки повышенной комфортности осуществляемые на основании договора фрахтования [7, с. 91-94]. С утверждением о коммерческой направленности договора райдшеринга нельзя согласиться. Под коммерческой деятельностью понимается деятельность, которая направлена на извлечение прибыли. В связи с отсутствием законодательного регулирования договора каршеринга водитель может на основании ст. 421 ГК РФ устанавливать условия совместной поездки по своему усмотрению. Определить заранее размер денежной суммы, которая необходима для компенсации эксплуатационных расходов не представляется возможным в связи с объективными причинами. Допускаем ситуацию, что водитель получил от попутчиков денежную сумму которая превысила размер эксплуатационных расходов, связанных с поездкой и водитель получил прибыль в виде разницы. Получение водителем от совместной поездки прибыли единожды еще не означает ведение коммерческой деятельности. Данный вывод следует из ст. 2 ГК РФ которая в качестве существенного признака коммерческой деятельности указывает на систем-

ность извлечения прибыли. Так как райдшеринг предполагает поездки вызванные личной потребностью водителя говорить о системности не приходится.

Стоит остановиться на преимуществах райдшеринга. Благодаря райдшерингу снижается нагрузка на автодорожную транспортную инфраструктуру, улучшается экология, снижается потребление топлива, поездка становится более комфортной чем в общественном транспорте и дешевле чем в такси, общение с попутчиками, отсутствует необходимость получения специального разрешения для выполнения поездок, появляется возможность путешествовать используя удобный логистический маршрут, появляется возможность доехать до населенного пункта в котором отсутствует общественный транспорт, способствует развитию транспортной инфраструктуры включая придорожные сервисы. Для России райдшеринг имеет особое значение с учетом огромных территорий страны. Транспортная инфраструктура страны имеет особенности в развитии с учетом особенностей регионов, плотности населения, рельефа местности. Не в каждый населенный пункт РФ осуществляется перевозка общественным транспортом. Райдшеринг позволяет гражданам построить удобный логистический маршрут до населенного пункта в который общественный транспорт не выполняет перевозку пассажиров и багажа. Правительство РФ считает также заинтересованно в развитии райдшеринга, так как это повышает качество жизни населения, способствует выявлению перспективных логистических маршрутов, в которых можно использовать профессиональных перевозчиков с целью получения налоговых платежей, способствует развитию информационных и телекоммуникационных технологий, повышает уровень доверия населения к некоммерческим перевозкам.

Существуют проблемные вопросы райдшеринговых правоотношений. В связи с отсутствием нормативного регулирования стороны договора по своему усмотрению формируют условия, которые могут ставить противоположную сторону в невыгодные условия. Отсутствует ответственность сторон в случае неисполнения или нарушения условий договора. Актуальным остается вопрос безопасности пассажиров. Водителю для выполнения перевозки по договору райдшеринга не требуется специального разрешения на перевозку пассажиров, водитель не проходит предрейсовый медицинский осмотр, не проверяется техническое состояние транспортного средства перед поездкой, не определен размер ответственности в случае причинения вреда здоровью или наступлении смерти пассажира, что может явиться причиной причинения вреда жизни и здоровью попутчиков. У владельца информационного ресурса отсутствует возможность проверить достоверность предоставленных данных оферентом. Договор о предоставлении информационных услуг между перевозчиком и владельцем информационной платформы заключается «На вере». Указанным законодательным пробелом пользуются недобросовестные перевозчики, которые используют сайты райдшеринга для предпринимательской деятельности и извлечения прибыли. Следует указать, что владельцы сайтов райдшеринга принимают меры для выявления недобросовестных пользователей и осуществляют их последующую блокировку.

Увеличение роста нелегальных перевозок негативным образом отражается на легальном бизнесе перевозок, что ведет к уменьшению налоговых поступлений в бюджеты разных уровней, снижению доходности автотранспортных предприятий влекущих уменьшение расходов на поддержание автопарка в исправном состоянии и расходов на обеспечение безопасности пассажиров. Жизнь и здоровье пассажиров при осуществлении легальных перевозок автотранспортными компаниями подлежит обязательному страхованию, в отличие от перевозки пассажиров с использованием сервиса райдшеринга. В случае причинения вреда жизни и здоровью у пассажира при отсутствии страховки у перевозчика могут возникнуть трудности по возмещению ущерба. Придется взыскивать причиненный моральный вред и материальный ущерб в судебном порядке с перевозчика физического лица, что является не всегда эффективным способом защиты нарушенных прав. Отсутствие законодательного регулирования райдшеринга в настоящее время не позволяет пассажиру в случае причинения вреда взыскивать ущерб с владельца информационного сайта и применить Закон РФ «О защите прав потребителей», так как онлайн платформа не является перевозчиком, оператором и агентом пользователей интернет площадки, не заключает трудовые договоры с водителями, не является организатором и посредником перевозок, что подтверждается судебной практикой [8]. С таким положением дел, по нашему мнению, нельзя согласиться так как это ведет к нарушению прав пассажиров райдшеринга. Судебные решения «О взыскании ущерба с перевозчика» физического лица не всегда фактически исполнимы в виду материального положения должника. Возможность взыскать ущерб с владельца информационного сайта повышает шансы на справедливое судебное разбирательство и исполнение решения суда. Указанные проблемы подтверждают необходимость введения административно-правового регулирования интернет сервисов по поиску попутчиков и принятия мер правового характера для пресечения использования указанных сервисов нелегальными перевозчиками с целью противоправного извлечения прибыли и обхода действующего законодательства.

Для решения указанной проблемы необходимо внести в ГК РФ понятие «Райдшеринг» или «Карпуллинг». На законодательном уровне отнести сервисы по поиску попутчиков к агрегаторам информации, по аналогии с сервисами по заказу такси. Указанные меры позволят взыскать причиненный ущерб не только с причинителя вреда, но и с сервиса по поиску попутчиков на основании Определения ВС РФ от 09.01.2018 г. № 5-КГ. Необходимо обязать владельцев информационных сервисов проверять размещенную информацию на сайте на предмет достоверности и обеспечивать безопасность попутчиков. Обязать раскрывать полную информацию о перевозчике включая сведения о наличии или погашенной судимости, количестве административных правонарушений, количестве ДТП с участием водителя, степень вины в ДТП, информацию о наличии исполнительных производств. Размещение указанных сведений позволит попутчикам делать выбор перевозчика не только на основании отзывов и рейтинга водителя, но и на основании объективной административной практики. Необходимо обязать владельцев сайта собирать информацию о перевозчиках, которые используют райдшеринг для обхода закона и извлечения прибыли без регистрации в установленном законом порядке в качестве перевозчика и передавать указанные сведения в компетентные государственные органы с целью привлечения виновных к установленной законом ответственности. Данная мера позволит уменьшить количество нелегальных перевозчиков, использующих карпуллинг для извлечения прибыли, что в свою очередь повысит доверие пользователей к подобным сервисам и повысит безопасность граждан.

Перейдем к вопросу квалификации. Из правоотношений райдшеринга можно выделить два договора. Во-первых, договор на оказание

информационных услуг заключенный между перевозчиком и владельцем информационного агрегатора. Для заключения договора перевозчик должен соответствовать требованиям, которые предъявляет информационный агрегатор (наличие водительского удостоверения, технически исправное транспортное средство, отсутствие противопоказаний к управлению транспортным средством и другие). Стоит отметить, что информационный агрегатор не осуществляет контроль соответствия водителя указанным требованиям. Во-вторых, договор райдшеринга заключенный между перевозчиком и попутчиками, который заключается в устной форме. В свою очередь договор райдшеринга можно квалифицировать на консенсуальный и реальный. Консенсуальный договор можно считать заключенным в момент принятия попутчиком оферты и предоставление информационным порталом доступа к контактным данным сторон. Реальный договор райдшеринга можно считать заключенным с момента совершения сторонами конклюдентных действий направленных на исполнение условий соглашения, а именно в момент внесения вклада денежных средств и начала движения автомобиля в пункт назначения. Следует отметить, что в связи с правовой неопределенностью отсутствует ответственность сторон договора в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения условий или отказа от договора на любой стадии действия.

Договор райдшеринга на первый взгляд можно квалифицировать как договор перевозки (такси). Проанализировав судебную практику, научную литературу следует вывод о том, что несмотря на сходство договоры имеют существенные различия. Первозчиком по договору райдшеринга является владелец транспортного средства, являющийся физическим лицом, а не индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом вид деятельности которых является перевозка пассажиров. Райдшеринг не преследует цель извлечения прибыли в отличие от договора перевозки. Вклады попутчиков имеют компенсационный характер, призваны минимизировать расходы водителя и включают затраты на топливо, парковку, необходимые эксплуатационные расходы. При перевозке на такси плата включает помимо эксплуатационных расходов дополнительно оплату труда водителя и коммерческую прибыль. При райдшеринге день, время, маршрут следования определяется водителем, а не попутчиком и является заранее запланированным владельцем транспортного средства. Запланированная водителем поездка по договору райдшеринга совершится и при отсутствии попутчиков, а при договоре перевозки поездка при отсутствии пассажиров водителем не осуществляется. При заключении договора перевозки маршрут, время, день определяется по требованию пассажира в момент заключения договора. Цель договора райдшеринга является доставка до пункта назначения попутчиков и водителя транспортного средства, а целью договора перевозки является перемещение до пункта назначения пассажира, при этом у водителя отсутствует цель переместиться до пункта назначения. Владелец транспортного средства по договору перевозки обязан страховать свою ответственность в случае причинения вреда пассажирам и иметь специальное разрешение на перевозку полученное в установленном законом порядке, в отличие от договора райдшеринга при котором такая обязанность отсутствует.

Различается предмет договора. По договору перевозки предметом является обязанность перевозчика доставить пассажира в пункт назначения с возложением на перевозчика обязательств по совершению действий, направленных на исполнение договора. По договору райдшеринга предметом договора является совершение совместных действий, направленных на достижение общей цели. Наличие информационного посредника между пассажирами и владельцем транспортного средства также является отличительным признаком райдшеринга от договора перевозки.

Договор Райдшеринга - это договор заключенный в устной форме между владельцем транспортного средства и попутчиком найденного с помощью информационного ресурса в сети интернет согласно которого перевозка до пункта назначения водителя транспортного средства являющийся физическим лицом и попутчика выполняется по заранее определенному водителем маршруту, которая осуществляется без цели извлечения прибыли, с внесением попутчиками в равных или в неравных долях вклада денежных средств на эксплуатационные расходы транспортного средства.

Выводы: в настоящий исторический период времени, по нашему мнению, договор райдшеринга нельзя отнести ни к одному из поименованных договоров в ГК РФ. Имеются существенные перспективы развития райдшеринговых правоотношений так как государственные органы способствуют развитию правоотношений, которые основаны на цифровых и телекоммуникационных технологиях. По нашему мнению, договор райдшеринга является смешанным договором, который включает в себя элементы договора перевозки, оказания услуг по бронированию транспортного средства и договора присоединения. Договор райдшеринга является некоммерческим договором. В целях устранения правовой неопределенности и минимизации нарушений прав сторон, возникающих в процессе реализации райдшеринговых правоотношений необходимо внести законодательные изменения в действующее законодательство, без издания отдельного Федерального закона «О договоре райдшеринга». Требуется на законодательном уровне закрепить понятие райдшеринга с определением прав и обязанностей сторон. Необходимо внести дополнения в часть 2 ГК РФ и указать договор райдшеринга как отдельный вид договора.

Библиография:

1. Камышанский В.П. Проблемы современной юридической науки и образования: что день грядущий нам готовит? // Власть закона. 2018. № 4. С. 14.
2. Мировой рынок райдшеринга продолжает расти - PRO Шеринг. [электронный ресурс] режим доступа: <https://sharingpro.ru/mirovoy-rynok-raydsheinga-prodolzhaet-rasti/>
3. Камышанский В.П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1(37). С. 14.
4. Решение Алейского городского суда Алтайского края РФ по делу № 2-471/2018 от 16.07.2018 года // СПС «Консультант Плюс».
5. Дерюгина С.Р. Райдшеринг: проблемы правового регулирования и гражданско-правовой ответственности // Власть закона. 2019. № 1 (37). С. 204-213.
6. Бубновская Т.А. Райдшеринг как объект правового регулирования // Транспортное право. 2017. № 4. С. 11.
7. Затолокин А.А. О государственном контроле за автомобильными поездками, при которых пассажиры компенсируют часть расходов (карпулинг, райдшеринг) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3 (41). С. 91-94.
8. Решение Алейского городского суда Алтайского края РФ по делу № 2-471/2018 от 16.07.2018 года // СПС «Консультант Плюс»

References:

1. Kamyshansky V.P. Problems of modern legal science and education: What does the coming day have in store for us? // The rule of law. 2018. No. 4. p. 14.
2. The global ridesharing market continues to grow - PRO Sharing. [electronic resource] access mode: <https://sharingpro.ru/mirovoy-rynok-raydsheinga-prodolzhaet-rasti/> (accessed 10/22/2024).
3. Kamyshansky V.P. On the digital economy and digital law // The Power of Law. 2019. No. 1(37). p. 14.
4. Decision of the Aleysky City Court of the Altai Territory of the Russian Federation in case No. 2-471/2018 dated 07/16/2018 // SPS "Consultant Plus".
5. Deryugina S.R. Ridesharing: problems of legal regulation and civil liability // The power of law. 2019. No. 1 (37). pp. 204-213.
6. Bubnovskaya T.A. Ridesharing as an object of legal regulation // Transport law. 2017. No. 4. p. 11.
7. Zatolokin A.A. On state control over automobile trips, in which passengers compensate for part of the costs (carpooling, ridesharing) // Vestnik Krasnodar
8. The decision of the Aleysky City Court of the Altai Territory of the Russian Federation in case No. 2-471/2018 dated 07/16/2018 // SPS Consultant Plus

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ГЕРМАНИИ Qualification of immovable property in Germany

КУРМАНБАЕВ Мелис Мажитович,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Уральского государственного экономического университета.
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Советская, 131.
E-mail: melis66@yandex.ru;

Kurmanbaev Melis Mazhitovich,
Senior Lecturer, Department of Civil Law Ural State Economic University.
place of residence: Yekaterinburg, st. Sovetskaya, house 131.
E-mail: melis66@yandex.ru

Краткая аннотация. Интеграционные процессы в мировой экономике требуют пристального исследования юридических конструкций, сложившихся в правовых порядках разных стран. В статье рассмотрены вопросы, связанные с подходом законодателя к раскрытию понятия «недвижимое имущество» в Германии и возможностей его применения в России. Автором делается вывод о различиях законодательного определения данной категории в законодательстве обоих государств. Сделан вывод о достаточности квалификационных характеристик объектов недвижимого имущества, которые на сегодняшний день имеются в отечественном законодательстве. Обращено внимание на важность правоприменительной (судебной) практики при решении вопроса об отнесении того или иного объекта к недвижимости.

Abstract. Integration processes in the world economy require a close study of legal constructions developed in the legal orders of different countries. The article considers issues related to the approach of the legislator to the disclosure of the concept of "immovable property" in Germany and the possibilities of its application in Russia. The author makes a conclusion about the differences in the legislative definition of this category in the legislation of both states. The conclusion is made about the sufficiency of qualifying characteristics of immovable property objects, which are currently available in the domestic legislation. Attention is drawn to the importance of law enforcement (judicial) practice in deciding the issue of attributing this or that object to real estate.

Ключевые слова: римское право, правопорядок, недвижимое имущество, земельный участок, вопросы квалификации, объекты недвижимости, судебная практика.

Keywords: roman law, law and order, real estate, land plot, qualification issues, real estate objects, judicial practice.

Для цитирования: Курманбаев М.М. Квалификация недвижимого имущества в Германии // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_356.

For citation: Kurmanbaev M.M. Qualification of immovable property in Germany // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_356.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Актуальность исследования. В современном мире недвижимость представляет собой значительную часть имущества физических и юридических лиц. Гражданский оборот в отношении недвижимости осуществляется путем заключения сделок, посредством которых может быть осуществлено отчуждение недвижимости с переходом права собственности к иному лицу, передача недвижимости во временное пользование и владение, залог и т.д. Действующее гражданское законодательство РФ закрепило в своих положениях основные виды сделок, определив права и обязанности сторон, порядок оформления сделок и иные значимые положения.

Однако при совершении сделок часто возникает проблема определения критериев отдельных видов и типов недвижимого имущества, требующая внимательного изучения с учетом различных технических и юридических факторов, влияющих на определение критериев в конкретном случае (в частности, можно вспомнить машино-места, сравнительно недавно приобретшие «автономность» (самостоятельность правового регулирования) и вышедшие из состава общего имущества здания (дома)). Это связано, прежде всего, с тем, что во многом нерешенными остаются вопросы, касающиеся, собственно, самого понятия и правовой природы недвижимости, его значения в гражданском (экономическом) обороте.

Основной раздел. Поскольку в настоящее время само по себе понятие объекта недвижимости, а также отдельные его признаки представляют интерес для науки гражданского права и часто исследуются учеными, представляется актуальным и значимым анализ зарубежных правовых порядков в части подходов к определению понятия и признаков недвижимого объекта.

Понятие недвижимого имущества в законодательстве России получило закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 130 ГК РФ недвижимые вещи, недвижимое имущество и недвижимость являются синонимами и определяют все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно. Следует при этом указать, что современные технологии позволяют осуществлять перемещения и зданий, и сооружений, в силу чего признак неподвижности характеризуется некоторой условностью.

Пристальное внимание толкованию исследуемого понятия уделяется в законодательстве Германии, что и предопределяет возможность исследования в этой части права данного государства, в сравнительном контексте с соответствующими положениями российского законодательства.

Обращаясь к анализу правового подхода к квалификации недвижимого имущества в Германии, следует отметить, что основным источником правового регулирования прав на недвижимое имущество в Германии является Германское гражданское уложение 1896 г. (далее –

ГГУ). Исследование положений данного акта проводили многие отечественные ученые прошлого столетия, а также современные ученые. В настоящее время изучение указанного источника по-прежнему остается актуальным, что, прежде всего, обусловлено принадлежностью России и Германии к одной правовой семье.

Германское гражданское уложение не оперирует термином «недвижимость». В положениях закона речь идет о праве собственности на земельные участки, а также уделяется значительное внимание пространственному ограничению данного понятия [4, с.58]. Вместе с тем, необходимо отметить, что ГГУ осуществляет, условно говоря, классификацию вещей на движимые и недвижимые, однако классификация выглядит так: земельные участки и движимые вещи. Вследствие этого, при исследовании понятия недвижимости по праву Германии необходимо уделить внимание именно понятию земельного участка. Между тем, в научных трудах ученых, изучающих частное право Германии, термины «недвижимость», «недвижимые вещи» встречаются.

Анализ научных трудов, направленных на исследование понятия недвижимости в гражданском праве Германии, позволил Ю. А. Волочай сделать вывод о том, что наиболее распространенным и часто цитируемым определением земельного участка (недвижимости) является следующее: «недвижимость (земельный участок) в правовом смысле – это пространственно-ограниченная часть земной поверхности, которая зарегистрирована в Земельном кадастре и в инвентарной описи Поземельной книги под собственным номером». Как отмечает ученый, «это постоянно цитируемое понятие земельного участка, данное еще Имперским верховным судом» [2, с.9].

В силу того, что определение земельного участка в Германском гражданском уложении не дает возможности выделить основные признаки земельного участка, представляется необходимым обратиться к иным положениям названного источника права, а также к выводам ученых о содержании данного понятия.

С. А. Бабкин считает, что определение понятия «земельный участок» может быть выведено из ст. 93, 94, 98 и 905 ГГУ. Итак, земельный участок складывается из существенных составных частей, каждая из которых не может быть обособленным, самостоятельным объектом прав.

Среди этих составных частей можно выделить три группы объектов:

- 1) собственно «земля» – почвенный слой, недра и «воздушный столб»;
- 2) строения и продукты земли, включая растения;
- 3) права, связанные с правом собственности на земельный участок, например, сервитут и наследственное право застройки» [1, с.48].

Вследствие того, что предметом настоящей статьи является понятие недвижимости по гражданскому праву Германии как таковое, представляется необходимым для более глубокого детального компаративистского исследования понятия недвижимости выделить основные признаки недвижимости по праву Германии:

1) понятие земельного участка и недвижимости отождествляются в гражданском праве Германии. Это не означает, что законодатель относит к недвижимым вещам исключительно земельные участки. ГГУ приравнивает иные недвижимые вещи к земельным участкам для целей правового регулирования связанных с ними правоотношений. Именно это дает основание говорить о том, что указанные понятия в германском праве отождествляются;

2) законодательное определение в качестве существенного формального признака существования земельного участка как недвижимой вещи указывает на необходимость записи о нем в Поземельной книге, что свидетельствует о высокой важности института регистрации для имущественного права Германии;

3) ГГУ, будучи основным источником гражданского права в Германии, в своих положениях устанавливает «границы» земельного участка.

Заключение. Как видно, подходы к понятию недвижимости в исследованных правовых системах существенно отличаются друг от друга.

Как замечает Н.Дювернуа, «право римское не имело никогда значения в нашем отечестве» [3, с.13], и рецепция римского права в том объеме, как в Германии, в России не произошла. Это обстоятельство во многом предопределяет аутентичное толкование понятия «недвижимость» и, как следствие, применение в Российской Федерации концепции множественности объектов.

Исходя из этого существенными отличительными чертами будет характеризоваться и правовое регулирование сделок с недвижимостью, а также смежные институты – например, регистрация прав на недвижимое имущество. Например, в Российской Федерации наличие государственной регистрации, равно как и ее отсутствие, не является определяющим признаком объекта недвижимости, хотя публичный реестр имеет важнейшее значение для признания и защиты права собственности, в то время как в Германии наличие записи в Поземельной книге выступает необходимым квалифицирующим признаком объекта недвижимости. Что касается, собственно, подходов к определению понятия недвижимого имущества, то в исследованных правовых системах также отмечается ряд существенных отличий: если французский законодатель, например, толкует данное понятие достаточно широко, относя к недвижимости некоторые бестелесные вещи (ограниченные права и средства защиты), то законодатель Германии применяет совершенно иной, более узкий, подход, и относит к недвижимости земельные участки и помещенные на него на постоянной основе предметы.

Российский законодатель избрал более дифференцированный подход, установив по образцу римского частного права квалифицирующий признак – прочная связь с землей и невозможность перемещения без причинения несоразмерного ущерба назначению объекта.

Применяемая на сегодняшний день в России концепция «множественности объектов недвижимости» несет в себе существенные проблемы практического характера. Ст. 130 ГК РФ предусматривает открытый перечень объектов, что провоцирует многочисленные злоупотребле-

ния на практике. Применение вышеуказанной концепции влечет нагромождение объектов при государственной регистрации, затрудняет применение существующей нормативно-правовой базы [5, с. 250].

Как показывает практика, в каждом конкретном случае судам приходится устанавливать наличие вышеуказанного признака и его принадлежности конкретному объекту, что, безусловно, вызывает трудности у судов. Неизбежно именно судам отведена роль разрешения данного вопроса и конкретизации закрепленных в статье 130 ГК РФ норм.

Несмотря на это, можно сделать вывод о достаточности на текущий момент тех квалификационных характеристик, которые на сегодняшний день имеются в российском законодательстве; разрабатываемые дополнительные критерии не являются универсальными, а потому затруднительны к применению в практической судебной деятельности. Право здесь проявляет свойственную ему эластичность, реагируя на вызовы реальной действительности.

Библиография:

1. Бабкин С. А. Основные начала организации оборота недвижимости. – М., 2001. – 370 с.
2. Волочай Ю. А. Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. – М.: Статут, 2013. – 224 с.
3. Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. - URL: https://vk.com/doc45183356_487474964?hash=7GmqzdjXrwVSz06V8JoPpNZWDBWJGIFqFYODbHRIGkk (дата обращения 10.06.2024).
4. Калининченко К. Сравнительный анализ права недвижимости в Германии и России // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Вып. 3. – С. 56-81.
5. Трухина М.Л., Шерстобитов А.Е. Сравнительный анализ объекта недвижимости в Российской Федерации и Германии // В сборнике: Россия и мир в поисках новых решений: экономика, право, гуманитарные науки. Доклады научно-практической конференции. под общ. ред. Ф.Л. Шарова. 2017. С. 245-251.

References:

1. Babkin S. A. Osnovny'e nachala organizacii oborota nedvizhivosti. – M., 2001. – 370 s.
2. Volochaj Yu. A. Priobretenie prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushhestvo po dogovoru: sravnitel'ny'j analiz zakonodatel'stva Rossii i Germanii. – M.: Statut, 2013. – 224 s.
3. Dyuvernuia N.L. Znachenie rimskogo prava dlya russkix yuristov. - URL: https://vk.com/doc45183356_487474964?hash=7GmqzdjXrwVSz06V8JoPpNZWDBWJGIFqFYODbHRIGkk (data obrashheniya 10.06.2024).
4. Kalinichenko K. Sravnitel'ny'j analiz prava nedvizhivosti v Germanii i Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2009. – Vy`p. 3. – S. 56-81.
5. Truxina M.L., Sherstobitov A.E. Sravnitel'ny'j analiz ob`ekta nedvizhivosti v Rossijskoj Federacii i Germanii // V sbornike: Rossiya i mir v poiskax novy'x reshenij: e'konomika, pravo, gumanitarny'e nauki. Doklady' nauchno-prakticheskoj konferencii. pod obshh. red. F.L. Sharova. 2017. S. 245-251.

СРОКИ ОБРАЩЕНИЯ В СУД РАБОТНИКОВ ЗА ЗАЩИТОЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Deadlines for employees to apply to the court for protection of labor rights: problems of theory and practice

ГОРЮНОВА Татьяна Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
Интернациональная ул., 33, г. Тамбов, Тамбовская обл., 392000, Россия.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

Goryunova Tatyana Alexandrovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law
at the Institute of Law and National Security of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, Tambov region, 392000, Russia.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются проблемы правового регулирования сроков обращения работниками в суд за разрешением индивидуального трудового спора. Анализируются нормы, регламентирующие вопросы взыскания заработной платы работниками в трудовых отношениях, включая судебную практику. Автором дается оценка статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации на основе сложившейся судебной практики.

Abstract: The article examines the problems of legal regulation of the timing of employees' appeal to the court for the resolution of an individual labor dispute. The norms regulating the issues of collecting wages by employees in labor relations, including judicial practice, are analyzed. The author evaluates Article 392 of the Labor Code of the Russian Federation on the basis of established judicial practice.

Ключевые слова: срок обращения в суд, работник, восстановление нарушенного права, судебная защита работников, невыплата или неполная выплата заработной платы, индивидуальный трудовой спор, судебная практика.

Keywords: term of appeal to the court, employee, restoration of violated rights, judicial protection of employees, non-payment or incomplete payment of wages, individual labor dispute, judicial practice.

Для цитирования: Горюнова Т.А. Сроки обращения в суд работников за защитой трудовых прав: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 359-362. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_359.

For citation: Goryunova T.A. Deadlines for employees to apply to the court for protection of labor rights: problems of theory and practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 359-362. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_359.

Статья поступила в редакцию: 30.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Сроки обращения в суд являются важной правовой категорией, которая позволяет защитить права работника и работодателя. Их правильное применение обеспечивает баланс интересов участников трудового спора и влияет на формирование судебной практики.

Согласно статье 352 Трудового кодекса РФ судебная защита является одним из важнейших способов защиты трудовых прав и свобод работников.

Одним из важных вопросов при реализации права на защиту нарушенного права как работника, так и работодателя является применение срока на обращение в суд. соответствии с частью первой статьи 392 Трудового кодекса РФ работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении - в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки.

В соответствии с частью второй статьи 392 Трудового кодекса РФ за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе в случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику при увольнении.

Так А.Н. Шашкова отмечает, что нормы статьи 392 Трудового кодекса РФ, которые обходят своим вниманием механизм применения сроков, порождают дискуссии об их правовой природе, создают правовую неопределенность и не способствуют обеспечению баланса интересов сторон трудовых отношений¹.

Суды при рассмотрении трудовых споров подходят к вопросу о применении сроков в каждом конкретном случае индивидуально, в связи с чем единообразная судебная практика отсутствует.

Так, например, решением Котовского городского суда Тамбовской области от 13 июня 2023г. по делу № 2-78/2023 удовлетворены иски о взыскании с работодателя сверхурочной заработной платы за период с сентября 2020 г. по август 2022 г., морального вреда, не смотря на то, что сверхурочная оплата работодателем работнику не начислялась и на дату подачи искового заявления истцом срок был пропущен. Своё решение суд обосновал тем, что заявление работодателя о пропуске работником срока на обращение в суд само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования, поскольку в указанном случае срок на обращение в суд не пропущен, так

¹ Шашкова А.Н. Сроки защиты нарушенных трудовых прав в российском законодательстве: в поиске баланса интересов работника и работодателя // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 65.

как нарушение носит длящийся характер и обязанность работодателя по своевременной и в полном объеме выплате работнику заработной платы, а тем более задержанных сумм, сохраняется в течение всего периода действия трудового договора, соответственно, срок необходимо исчислять с даты увольнения работника.

26 марта 2024г. апелляционным определением Тамбовского областного суда по делу № 33-412/2024 решение Котовского городского суда оставлено без изменений, апелляционная жалоба работодателя оставлена без удовлетворения.

Тамбовский областной суд мотивировал принятое апелляционное определение тем, что «Истец о нарушенном праве узнал при увольнении, не получив полный расчет по отыскиваемым суммам, срок обращения в суд истцом не пропущен, а, следовательно, на работодателе лежит обязанность по выплате причитающихся истцу сумм за сверхурочную работу и работу в выходные и праздничные дни, процентов за задержку заработной платы и компенсации морального вреда в связи с нарушением трудовых прав.»¹.

В данном случае нельзя согласиться с принятыми судебными актами, так как при рассмотрении ходатайства работодателя о пропуске истцом срока на подачу искового заявления о взыскании сверхурочной оплаты не принял во внимание даты выплат заработной платы работнику и при получении расчетного листа истец должен был знать, что денежные средства им не получены, данные денежные средства не являются выплатами при увольнении.

Работодатель, не согласившись с принятыми судебными актами, обратился с кассационной жалобой во Второй кассационный суд общей юрисдикции с единственным доводом о том, что истцом пропущен срок на взыскание, указанных денежных средств и 06 августа 2024г. в рамках рассмотрения дела №8Г-15779/2024 Второй кассационный суд общей юрисдикции отменил решение Котовского городского суда, апелляционное определение Тамбовского областного суда, в связи с выявленными нарушениями норм материального и процессуального права и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Данный вывод подтверждается и другими судебными актами, например, Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 июля 2022г. по делу № 88-14010/2022² указано, «учитывая, что о предполагаемом нарушении своих прав истец должен был знать каждый месяц при получении заработной платы в соответствии со статьей 136 Трудового кодекса Российской Федерации, то обратившись в суд 23 июля 2021г. с требованиями о взыскании заработной платы по периодам с мая 2019 по июнь 2021 года истец пропустил установленный статьей 392 Трудового кодекса РФ срок на обращение в суд за защитой нарушенных трудовых прав.»

Также, Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 июля 2022г. по делу № 88-14010/2022³ указано на необходимость исчисления трехмесячного срока обращения в суд отдельно по каждому месяцу, за который истцу не была начислена оплата сверхурочной работы.

В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08 августа 2024г. № 88-19470/2024 указано, что «Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска о взыскании задолженности по заработной плате за период с 01.01.2019 г. по 28.02.2022 г., суд первой инстанции согласился с заявлением ответчика о пропуске истцом предусмотренного частью 2 статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации срока для обращения в суд, поскольку о нарушении права на получение оспариваемых не начисленных работодателем сумм истцу становилось известно ежемесячно в срок выплаты заработной платы, установленный в обществе, обстоятельств, с которыми трудовое законодательство связывает возможность восстановления пропущенного срока, истцом не указано, а судом не установлено, в связи с чем пропуск срока для обращения в суд по данному периоду послужил самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.»⁴.

Согласно части первой статьи 136 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает обязанность работодателя извещать работника о составных частях заработной платы, ее размере, следовательно, у работника ежемесячно возникает право на получение у работодателя данной информации при выплате заработной платы либо когда работодатель не исполнил данной обязанности.

Работодателем заработная плата выплачивалась в установленном трудовым договором размере, исходя из фактического отработанного времени, нарушений статьи 129 Трудового кодекса РФ при начислении заработной платы ответчиком не допущено, задолженность работодателя перед работником отсутствует. При этом доказательств невозможности выполнения работы в рамках установленной трудовым договором продолжительности рабочего времени представлено не было, при увольнении с истцом произведен расчет, в том числе с выплатой компенсаций за неиспользованные дни дополнительного отпуска

Основаниями для начисления заработной платы являются первичные учетные документы, например: табель учета рабочего времени, расчетно-платежная ведомость (расчетная ведомость и платежная ведомость). Они должны содержать обязательные реквизиты. Формы таких документов определяет работодатель.

Документы по учету рабочего времени и расчетов с персоналом по оплате труда за сверхурочную работу оплачиваются по мере поступления первичных документов по учету использования рабочего времени или по учету выработки бухгалтерия проверяет правильность их оформления и проводит счетную обработку.

Согласно Постановлению Госкомстата РФ от 05.01.2004 № 1 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты» расчет заработной платы рабочих и служащих за сверхурочные работы, причитающихся премий (на основании приказа формы № Т-11) и других выплат.

¹ Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 26.03.2024 по делу № 33-412/2024(33-4794/2023) // СПС «Консультант Плюс».

² Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 по делу № 88-14010/2022 // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 по делу № 88-14010/2022 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 по делу № 88-19470/2024 // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, исчисление срока за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, но по каждой выплате необходимо исчислять трехмесячный срок по каждой выплате со дня когда он узнал или должен был узнать о своем нарушенном праве.

В части сроков обращения в суд с иском заявлением о признании отношений трудовыми ситуация неоднозначна и в настоящее время нет единого подхода как среди ученых, так и в правоприменительной практике какой нормативный акт применять Трудовой кодекс РФ или Гражданский кодекс РФ.

Так в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 по делу № 88-12952/2022 указано, «приняв во внимание заявление ответчика о пропуске истцом срока на обращение в суд, предусмотренного ст. 392 ТК РФ, а также учитывая, что требования истца направлены на установление факта трудовых отношений с ответчиком, которые возникли, но в установленном трудовым законодательством порядке не были оформлены, суд апелляционной инстанции не нашел правовых оснований для применения последствий пропуска срока на обращение в суд.»¹.

Есть позиция, что на споры об установлении факта трудовых отношений не распространяется норма статьи 392 Трудового кодекса РФ о трехмесячном сроке для подачи искового заявления по трудовому спору, поскольку указанный специальный срок исковой давности исчисляется только с момента признания отношений трудовыми, тогда как на момент подачи иска они таковыми еще не признаны (Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2013 № 49-КГ12-14)².

По вопросу о сроках обращения в суд по спорам о признании отношений трудовыми представлена на практике и другая позиция, в соответствии с которой работник вправе обратиться в суд в сроки, установленные статьей 392 Трудового кодекса РФ. При определении дня, с которым связывается начало срока, в течение которого работник вправе обратиться в суд с иском об установлении факта трудовых отношений, следует исходить не только из даты фактического допущения работника к работе, но и с учетом конкретных обстоятельств дела устанавливать момент, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своих трудовых прав (например, работник обратился к работодателю с заявлением о заключении трудового договора, потребовал выплатить заработную плату и др.) (Определение Верховного Суда РФ от 10 июня 2019 г. № 45-КГ19-3).

Данной позиции придерживается Второй кассационный суд общей юрисдикции, так в Определении от 20 декабря 2022г. № 88-29911/2022, указавшись с выводами суда первой инстанции о пропуске истцом срока на обращение в суд, суд апелляционной инстанции, сославшись на положения статьи 392 Трудового кодекса РФ, исходил из того, что по общему правилу работник вправе обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. К таким спорам относятся, в том числе, споры о признании трудовыми отношений, возникших на основании фактического допущения работника к работе, в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен.

При разрешении этих споров и определении дня, с которым связывается начало срока, в течение которого работник вправе обратиться в суд с иском <данные изъяты>, следует исходить не только из даты фактического допущения работника к работе, но и с учетом конкретных обстоятельств дела устанавливать момент, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своих трудовых прав (например, работник обратился к работодателю за надлежащим оформлением трудовых отношений, в том числе об обязанности работодателя уплатить страховые взносы, предоставить отпуск, выплатить заработную плату, составить акт по форме Н-1 в связи с производственной травмой и т.п., а ему в этом было отказано).»³.

К требованиям о признании трудовых отношений, по мнению Роструда, применяется общий срок исковой давности - три года, установленный п. 1 ст. 196 ГК РФ (сайт «Онлайнинспекция.рф», 2022).

Поскольку исковые требования о взыскании невыплаченной заработной платы, являются производными от основного требования об установлении факта трудовых отношений, они не могут быть разрешены и удовлетворены без установления факта трудовых отношений.

Согласно пункту 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абзац второй пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса РФ). Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и не имеется уважительных причин для восстановления этого срока для истца - физического лица, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела.

Так, например, в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 № 88-4747/2022 указано следующее: «Доводы кассационной жалобы истца направленные на установление трудовых отношений не подлежат рассмотрению, поскольку судами обеих инстанций данный вопрос не исследовался, в связи с отказом в удовлетворении исковых требований по мотиву пропуска срока в порядке абзаца второго пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса РФ, а также с учетом также разъяснений, содержащимися в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от ДД.ММ.ГГГГ № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 по делу № 88-12952/2022 // СПС «Консультант Плюс».

² Спор об установлении факта трудовых отношений (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2024.

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2022 № 88-29911/2022 // СПС «Консультант Плюс».

Российской Федерации об исковой давности».¹

Таким образом, суды при установлении отношений трудовыми применяют общие нормы исчисления сроков исковой давности, предусмотренный Гражданским кодексом РФ.

Хотелось бы обратить внимание на иную судебную практику, которая не применяет нормы Гражданского кодекса РФ к требованиям об установлении отношений трудовыми.

Так, например, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 № 88-16133/2024 определено, правила статей 196 - 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающие общий срок исковой давности, в данном споре применению не подлежат, поскольку срок обращения для разрешения индивидуального трудового спора определен нормами специального закона, а именно нормами Трудового кодекса Российской Федерации².

В Определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-6469/2023, 2-327/2022 указано, что довод кассационной жалобы о том, что к заявленным требованиям следует применять общий трехлетний срок исковой давности, отклоняется кассационным судом как основанный на неверном толковании норм материального права, в частности положений статьи 392 Трудового кодекса РФ³.

На основании вышеизложенного, в настоящее время отсутствует единое понимание применения сроков обращения в суд с исками о выплате не начисленной заработной платы за работу сверхурочно, в выходные и праздничные дни, а также в признании отношений трудовыми. По нашему мнению, споры с работодателем о взыскании не начисленной заработной платы должны исчисляться со дня, когда работнику произведена заработная плата за предыдущий период работы, а в части, о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора или без такового, относятся к трудовым спорам, а в случае признания иска вытекающим из трудовых отношений такой спор квалифицируется как индивидуальный трудовой спор и, соответственно, подлежат применению нормы части 1 статьи 392 Трудового кодекса РФ.

Библиография:

1. Шашкова А.Н. Сроки защиты нарушенных трудовых прав в российском законодательстве: в поиске баланса интересов работника и работодателя // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 65.
2. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 26.03.2024 по делу № 33-412/2024(33-4794/2023) // СПС «Консультант Плюс».
3. Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 по делу № 88-14010/2022 // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2022 по делу № 88-14010/2022 // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 по делу № 88-19470/2024 // СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 по делу № 88-12952/2022 // СПС «Консультант Плюс».
7. Спор об установлении факта трудовых отношений (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2024.
8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2022 № 88-29911/2022 // СПС «Консультант Плюс».
9. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 № 88-4747/2022 // СПС «Консультант Плюс».
10. Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 № 88-16133/2024 // СПС «Консультант Плюс».
11. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-6469/2023, 2-327/2022 // СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Shashkova A.N. Terms of protection of violated labor rights in Russian legislation: in search of a balance of interests of an employee and an employer // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (72). p. 65.
2. Appeal ruling of the Tambov Regional Court dated 03/26/2024 in the case № 33-412/2024(33-4794/2023) // SPS "Consultant Plus".
3. By the ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 07/26/2022 in case No. 88-14010/2022 // SPS "Consultant Plus".
4. The ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 07/26/2022 in case No. 88-14010/2022 // SPS "Consultant Plus".
5. The ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 08.08.2024 in case No. 88-19470/2024 // SPS "Consultant Plus".
6. The ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/07/2022 in the case No. 88-12952/2022 // SPS Consultant Plus.
7. Dispute on the establishment of the fact of labor relations (based on the judicial practice of the Moscow City Court) // Lawyer's assistant: electron. Journal 2024.
8. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 12/20/2022 No. 88-29911/2022 // SPS "Consultant Plus".
9. Definition of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 03/23/2022 No. 88-4747/2022 // SPS Consultant Plus.
10. The ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 08.08.2024 No. 88-16133/2024 // SPS Consultant Plus.
11. The ruling of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction from 10.08.2023 № 88-6469/2023, 2-327/2022 // SPS Consultant Plus.

¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 № 88-4747/2022 // СПС «Консультант Плюс».

² Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 № 88-16133/2024 // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2023 № 88-6469/2023, 2-327/2022 // СПС «Консультант Плюс».

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ KEY ISSUES OF DETERMINING THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACT FOR THE PERFORMANCE OF DESIGN AND SURVEY WORK

ИГНАТЬЕВ Глеб Дмитриевич,

аспирант кафедры предпринимательского права
Российского государственного гуманитарного университета ФГБОУ ВО РГУ.
125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: lewuskin@mail.ru;

IGNATIEV Gleb,

Postgraduate student of the Department of Business Law
The Russian State University for the Humanities FGBOU VO RGGU.
6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia.

E-mail: lewuskin@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящем исследовании проводится анализ правовой природы соглашения о выполнении проектных и изыскательских работ. Автор исследует специфические черты данного вида соглашения, уделяя особое внимание его юридической природе, структурным компонентам и основным правовым принципам, регулирующим его реализацию. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию правовой природы соглашения о выполнении проектных и изыскательских работ в контексте юридической практики и поднимают вопрос о целесообразности действующего правового регулирования данного договорного механизма.

Abstract: This study analyzes the legal nature of the agreement on the performance of design and survey work. The author explores the specific features of this type of agreement, paying special attention to its legal nature, structural components and basic legal principles governing its implementation. The results obtained contribute to a deeper understanding of the legal nature of the agreement on the performance of design and survey work in the context of legal practice and raise the question of the expediency of the current legal regulation of this contractual mechanism.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование проектных работ в строительстве, проектные работы, изыскательские работы, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские работы, договор подряда.

Keywords: civil law regulation of design work in construction, design work, survey work, research work, development work, contract.

Для цитирования: Игнатиев Г.Д. Ключевые вопросы определения правовой природы договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 363-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_363.

For citation: Ignatiev G.D. Key issues of determining the legal nature of the contract for the performance of design and survey work // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 363-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_363.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Предпринимательство, неотъемлемая часть рыночной экономики, пронизывает все ее структуры. Строительная отрасль, как активный компонент этого сектора экономики, играет решающую роль в долгосрочном инфраструктурном развитии страны. Государство несет ответственность за создание нормативной базы, регулирующей отношения между участниками строительной деятельности на всех этапах ее реализации.

Неотъемлемыми частями строительного процесса являются инженерные изыскания и проектные работы. Они выступают исходным этапом для осуществления строительства объекта. Неудачные проектные решения или некачественно выполненные изыскания способны привести к невозможности реализации строительного проекта, а в дальнейшем не только к негативным финансовым последствиям, но созданию рисков для дальнейшей эксплуатации построенного объекта.

Предпринимательские отношения по выполнению проектных и изыскательских работ наполнены различными видами судебных споров, в частности вытекающих из заключенных договоров на выполнение данных видов работ. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), посвященные проектным и изыскательским работам, в течение всего периода существования не подвергались изменениям или корректировкам.

Между многими исследователями в области подрядных отношений ведется длительная полемика относительно классификации проектных и изыскательских работ к подрядным обязательствам. Согласно статье 758 ГК РФ: «по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ подрядчик (проектировщик, изыскатель) обязуется по заданию заказчика разработать техническую документацию и (или) выполнить изыскательские работы, а заказчик обязуется принять и оплатить их результат»¹.

Предмет рассматриваемого договора является существенным условием и эксплицируется как разработка технической документации и выполнение изыскательских работ как совместно, так и раздельно, исходя из целей заключаемого сторонами договора и задания заказчика². Сроки выполнения работ также относятся к существенным условиям договора ПИР. Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее - ГрК РФ) раскрывает природу их непосредственного результата.

Статья 47 ГрК РФ определяет инженерные изыскания как работы, направленные на сбор данных о возможности строительства объек-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации Часть 2 от 26 января 1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ 1996. № 5 Ст. 410.

² См.: Улаева Н.Л. Сущность и специфика договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 2016.

та на определенной территории и потенциальных проблемах, которые могут возникнуть при проектировании. Виды инженерных изысканий устанавливаются Правительством Российской Федерации¹.

Статья 48 ГрК РФ посвящена проектированию. Результатом проектных работ является проектная и рабочая документация. Проектная документация содержит технические решения, обеспечивающие строительство объекта в соответствии с обязательными требованиями. Рабочая документация обеспечивает непосредственное строительство объекта с более подробной детализацией решений, изложенных в проектной документации².

Эти характеристики устанавливают неразрывную связь между этими типами технической документации, что отражено в пункте 2.1 статьи 48 ГрК РФ. Исходя из описанных характеристик результата работ, можно выделить особенности и специальные признаки обязательственных отношений, которые закрепляют их выполнение и отличают их от других подрядных обязательств.

Нормативно-целевая направленность таких работ выражаются в их выполнении только в рамках капитального строительства, реконструкции или ликвидации объектов капитального строительства.

Также, в отличие от классического договора подряда, обязательственное отношение по такому типу договора направлено на создание объекта гражданских прав, который имеет потребительскую ценность для заказчика, поскольку предоставляет данные о возможности строительства и характеристиках территории строительства, если эти данные соответствуют обязательным требованиям и требованиям, установленным заказчиком в задании для подрядчика, а также предоставляет проектные решения, если эти решения основаны на полученных данных и позволяют осуществить строительство объекта в соответствии с обязательными требованиями и дополняющими требованиями заказчика.

Из изложенного видно, что задание заказчика играет основополагающую роль в определении качественных признаков и характеристик результата работ. Например, заказчик может потребовать, чтобы разработанная проектная документация была достаточной для получения положительного заключения экспертизы. В этом случае заказчик рассчитывает на получение результата, который соответствует этому требованию³.

Положительное заключение экспертизы проектной документации является распространенным доказательством надлежащего качества выполнения проектных работ. Однако его отсутствие по вине заказчика, например, из-за непредоставления исходных данных для проектирования, само по себе не может являться доказательством ненадлежащего качества результатов выполненных подрядчиком проектных и изыскательских работ.

Согласно легальному определению договора ПИР, помимо разработки документации или выполнения изысканий, подрядчик должен выполнить определенные действия, выраженные в подтверждении от третьих лиц возможности использовать результат работ по его назначению, определенному градостроительным законодательством и договором. Закон возлагает эти действия на подрядчика, однако заказчик также обязан участвовать в них в соответствии со статьей 762 ГК РФ.

Однако указанные в законе обязанности выходят за рамки классического подряда. Они устанавливают механизм подтверждения соответствия результата работ строительным требованиям и правилам, без которого подрядчик фактически разработает документацию, которую заказчик не сможет использовать в дальнейшем.

Вместе с тем, эта мысль имеет двойственный характер. Невыполнение подрядчиком необходимых согласований и неполучение положительного заключения экспертизы в определенных случаях не препятствует использованию результата работ по его назначению. Заказчик может получить положительное заключение и необходимые согласования самостоятельно, если документация разработана надлежащим образом. Корректировку готового проекта также можно считать его использованием, поэтому критерий ценности результата работ в этом случае соблюдается. Также проектные работы могут быть осуществлены независимо от строительства, обладая определенной степенью самостоятельности. Наличие проекта не всегда означает, что за ним последует строительство, и иногда создание проекта может показать, что строительство невозможно.

Так, например в процессе выполнения договора на изыскательские работы, подрядчик может получить данные, препятствующие строительству объекта на исследуемой территории. В свою очередь, если договор предусматривает достижение результата, способного получить положительное заключение экспертизы, то в такой ситуации создается невозможность исполнения договора подрядчиком, без наличия вины с его стороны.

Подобная ситуация может возникнуть при выполнении проектирования или изыскательских работ. Возникает невозможность исполнения, поскольку проектирование по заданию заказчика становится невозможным ввиду противоречия исходным данным, или расчетам, полученным при выполнении работ, что также может повлечь и негативные последствия для заказчика.

Также примером неисполнения Заказчиком обязательств по содействию можно обозначить несовершение необходимых действий для осуществления согласований и экспертизы. Такие действия также могут быть совершены Заказчиком с существенной просрочкой, что может повлиять на необходимость корректировки документации в соответствии с изменившимися стандартами и нормами, и возникновению убытков у обеих сторон договора. При этом результат работ был в разумный срок пригоден для использования, однако требование заказчика по заданию недостижимо в результате исполнения договора.

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. №1 (часть 1). Ст. 16.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. №1 (часть 1). Ст. 16.

³ Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2022 № 309-ЭС22-8748 по делу № А47-8829/2020 // СПС Консультант Плюс.

Общие нормы ГК РФ, регулирующие невозможность исполнения, а также нормы о договоре подряда создают регулирование сложившихся случаев, однако не соответствуют специфике выполняемых видов работ. При этом законодатель учел особенности, связанные с невозможностью продолжения опытно-конструкторских и технологических работ, и невозможностью достижения результатов. Стоимость работ, проведенных до выявления возможности недостижения результатов и фактически выполненные и принятые заказчиком работы, являются разными терминами, обуславливающими определенные отличия двух существующих договорных конструкций.

Президиум ВАС РФ в Постановлении от 18.01.2011 г. № 11659/10 разъяснил, что условие договора об оплате результата работ после получения положительного заключения экспертизы не может считаться условием о сроке наступления обязательства, поскольку не отвечает признакам события, которое должно неизбежно наступить, поскольку полностью зависит от воли заказчика.

При этом, положительное заключение государственной экспертизы также не является результатом работы Подрядчика, а представляет собой лишь предусмотренный законом порядок подтверждения соответствия результата работ нормативным требованиям¹. Такой подход представлялся правильным, но вместе с тем, в некоторых случаях суды применяют более новую позицию, утвержденную пунктом 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

Верховный Суд указал, что стороны вправе, руководствуясь принципом свободы договора, обусловить исполнение обязательства возникновением обстоятельств, полностью или частично относящихся к сфере контроля стороны обязательства, и формально не обладающих свойством неизбежности. Защита интересов другой стороны договора, не имеющей возможности контролировать обстоятельство, от которого зависит срок исполнения обязанности его контрагента, осуществляется иным образом, а именно через механизм фикции наступления или ненаступления определенного обстоятельства, чему намеренно способствовала сторона, которой это выгодно. При этом срок исполнения обязательства может исчисляться в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной, совершения ею определенных действий или с момента наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Если действия кредитора, совершением которых обусловлено исполнение обязательства должником, не будут выполнены в установленный законом, иными правовыми актами или договором срок, а при отсутствии такого срока - в разумный срок, кредитор считается просрочившим (статьи 328 или 406 ГК РФ)².

В такой ситуации, если одна из сторон обязательства в обоснование отсутствия своей обязанности недобросовестно ссылается на выгодное для нее ненаступление обстоятельства, находящегося в сфере ее контроля, при истечении разумного и обычного для наступления такого рода обстоятельств срока суд вправе в соответствии с пунктом 4 статьи 1 ГК РФ счесть такую обязанность наступившей. Аналогичным образом суд вправе считать обязанность стороны непрекращенной при наступлении такого обстоятельства, если такая сторона этому недобросовестно содействовала³.

Также при рассмотрении споров из договоров ПИР суды достаточно часто отказывают в признании права на оплату подрячиком работ, если результат работ не был достигнут без его вины. Вину, как основание для привлечения к ответственности за просрочку выполнения работ и признания одностороннего отказа от договора на основании пункта 2 статьи 715 ГК РФ законным следует сопоставлять с исполнением заказчиком обязательств встречного характера, так и исполнением обязанности, предусмотрено статьей 718 ГК РФ о содействии в исполнении договора подрячику. Для вынесения положительного решения по делу, добросовестному подрячику следует обеспечить наличие совокупности доказательств, подтверждающих просрочку кредитора или нарушение заказчиком обязанности по содействию исполнению договора подряда.

Нарушение таких обязанностей заказчиком может послужить невозможности достижения результата работ.

Подкрепляю тему настоящей статьи, следует выделить ключевые вопросы, стоящие перед исследователями подрядных обязательств: что же является более важным для целей договора при исполнении подрячиком обязательств – его деятельность или достигнутый результат? Можно ли обусловить заранее достижение результата, который стороны определяют договором и заданием, если результат работ по умолчанию является определяемым в процессе исполнения договора?

Согласно позиции некоторых исследователей, правовая природа проектирования и изысканий не позволяет отнести данную деятельность к подрядному обязательству, поскольку результат такой деятельности не является о вещественным⁴.

Верховный Суд указывает, что из буквального толкования норм о подряде и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации следует, что по договору подряда для заказчика, прежде всего, имеет значение достижение подрячиком определенного вещественного результата⁵.

В отличие от классического подряда, результат работ по договору ПИР нельзя назвать о вещественным. Ценность для заказчика представляют в первую очередь проектные решения и данные, полученные в ходе выполнения работ. В данном случае преобладает презумпция «содержание превышает форму». Это означает, что ценность результатов проектных работ определяется не физическим носителем документации, а ее содержанием как продуктом интеллектуального труда.

¹ Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу №А43-405/2020 от 30.11.2021, Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-250107/22-14-1876 от 20.01.2023 г.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 N 305-ЭС23-5 по делу N А40-26114/2022

⁴ См.: Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ин-т государства и права РАН. М., 2004. С. 11.

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2023 N 305-ЭС22-24429 по делу N А40-67639/2021

Подтверждение этому можно найти в различных рекомендациях по инвестиционной деятельности, где указывается, что результатом проектной деятельности является проектная продукция - интеллектуальный продукт градостроительной деятельности, который может выступать в качестве товара в гражданском обороте¹.

Кроме того, нормы ГК РФ об обязательствах заказчика по договору ПИР также подтверждают эту позицию:

- Заказчик может использовать техническую документацию только на цели, предусмотренные договором.
- Заказчику запрещено передавать техническую документацию третьим лицам.
- Заказчику запрещено разглашать содержащиеся в технической документации данные без согласия подрядчика.

Эти положения подчеркивают, что ценность результатов проектных работ заключается в их содержании, а не в физическом носителе.

Такая характеристика результата работ по рассматриваемому договору, а также высокая степень риска возможности получения негативного результата работ, подчеркивает сходство рассматриваемой договорной конструкции с договором на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР)².

Договор на выполнение НИОКР стоит опосредованно от обязательств из подряда. Однако, их взаимосвязь проявляется в применении норм о подряде к данному типу договора, при отсутствии противоречий специальным нормам о данном договоре.

Из-за творческого характера деятельности и особенностей предмета договора, некоторые положения о НИОКР существенно отличаются от норм о подряде, предусматривая специальные правила. Результат работ по такому договору является определенным в процессе его исполнения.³

Одним из значимых достоинств норм, содержащихся в ГК РФ, посвященных договору НИОКР, является урегулирование юридических отношений, связанных с невозможностью достижения планируемого результата и продолжением работ в случае возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля исполнителя договора.

Статья 775 ГК РФ, например, устанавливает обязанность заказчика оплатить те работы, которые были закончены до того, как стало понятно, что достижение согласованного сторонами результата стало невозможным. Это должно быть в пределах соответствующей части цены работ, указанной в договоре или смете.

С другой стороны, статья 776 ГК РФ устанавливает обязанность заказчика оплатить расходы, понесенные исполнителем, если продолжение работ стало невозможным без вины исполнителя.

Ответственность исполнителя в договоре на проведение научных и опытно-конструкторских работ имеет существенные отличия от ответственности подрядчика по договору ПИР. Например, статья 777 ГК РФ говорит о том, что исполнитель несет ответственность неисполнение договорных обязательств только при наличии вины, независимо от его статуса предпринимателя. Ответственность исполнителя также регулируется вопросом определения возмещаемых заказчику убытков, которые ограничиваются стоимостью работ с недостатками, если иное не предусмотрено в договоре.

Эти различия показывают, что законодатель с учетом особенностей работы подходит к определению ответственности исполнителя в договоре на выполнение научных и опытно-конструкторских работ, учитывая вероятные ситуации, которые могут привести к невыполнению сделки без вины исполнителя. При этом выявление самостоятельной правовой природы договора ПИР имеет существенное теоретическое и практическое значение, поскольку придание выполнению проектно-исследовательских работ статуса промежуточной, а не самостоятельной стадии строительной деятельности не сказывается положительно на развитии института проектирования и изысканий⁴.

Предполагаемый результат выполнения проектных работ, как и результат научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ – носит неопределенный характер. Несмотря на то, что проектировщик, выполняя договор, полностью действует в соответствии с заданием заказчика, результат выполнения работ имеет зависимость как от действий заказчика, так и других факторов. Проектировщик должен создать соответствующий обязательным требованиям и иным требованиям заказчика вариант строительства объекта. Эту особенность можно определить как составную часть предмета договора на выполнение проектных и изыскательских работ, которая должна учитываться в законе для сохранения баланса интересов заказчика и подрядчика при выполнении договора.

В результате, опосредуя признаки договора НИОКР, деятельность подрядчика по договору ПИР можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) Творческий характер работ, ограниченный заданием заказчика и техническими стандартами, в отличие от презюмируемой полной творческой свободы по договору НИОКР;
- 2) Цель договора – создание проектной и рабочей документации, обеспечивающей строительство объекта с требованиями заказчика и техническими стандартами, но не создание некоего новшества или инновационной технологии;
- 3) Результат работ может как быть и результатом интеллектуальной деятельности, так и стандартным типовым техническим решением, используемым для строительства, в отличие от договора НИОКР требование к новизне не предъявляются;

¹ Рекомендации по защите интеллектуальной собственности – проектной продукции – в процессе создания и реализации инвестиционных проектов. Шифр МДС 11-12.2000. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Жарский М.И. Ответственность сторон по договорам на выполнение проектно-исследовательских и строительных работ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

³ Свит Ю.П., Капинус Н.И., Ишин А.В. Пути совершенствования правового регулирования отношений по договору на выполнение проектных и изыскательских работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. N 7. С. 72.

⁴ Книга Е.В. Проблемы гражданско-правового регулирования проектной и изыскательской деятельности: монография / Под. ред. С.Т. Максименко. М.: Юстицинформ, 2019. 232 с.

4) Результат работ может быть материальным, но ценность его выражается в первую очередь в его нематериальных компонентах. Также он может быть положительным, так и отрицательным. В этом проявляется схожесть с договором НИОКР;

5) Предметом следует считать выполнение работ и их результат. Этот признак также можно назвать схожим для договора ПИР и договора НИОКР.

6) Рассматриваемый тип договорной конструкции имеет тесную взаимосвязь с установленной ст. 718 ГК РФ обязанностью Заказчика по содействию исполнению договора, что проявляется в максимально выраженной синаллагматической природе рассматриваемого соглашения.

Таким образом, обязательственные отношения, регулирующие выполнение инженерных изысканий и проектирования, имеют уникальные характеристики, которые отличают их от других подрядных обязательств. Эти характеристики связаны с нормативно-целевой направленностью работ, уникальностью результата и основополагающей ролью задания заказчика.

Участники проектной деятельности часто пытаются включить в договор положения о том, что ответственность подрядчика определяется исходя из причин возникновения той или иной ситуации, влияющей на исполнение им своих обязательств. Однако судебная практика по спорам, вытекающим из данного вида договора, разрешает такие вопросы исходя из критерия вины. Эти решения не находят своего подтверждения при буквальном толковании норм закона.

Рассмотренный подход представляется правильным, поскольку он наиболее соответствует природе проектных и изыскательских работ, отражая их сущность как результата интеллектуальной деятельности, определенного технического решения. Достижение такого решения не всегда напрямую зависит только от действий подрядчика.

Правильность и полнота задания на проектирование, а также исходных данных определяют качество и потребительскую ценность проектной документации, а также объекта строительства. Специфика проектных и изыскательских работ предполагает более конструктивную обязательственную регламентацию, соответствующую неопределенной природе их результата.

Библиография:

1. Вайпан В.А. Соотношение справедливости и предпринимательства в фокусе права // Юрист. 2019. № 1. С. 6 - 13.
2. Вайпан В.А. Пробелы в праве как фактор искажения принципа социальной справедливости в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2018. № 5. С. 3 - 6.
3. Жарский М.И. Ответственность сторон по договорам на выполнение проектно-изыскательских и строительных работ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
4. Жарский М.И. Понятие и правовая природа договора на выполнение проектных и изыскательских работ // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 96-99.
5. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ин-т государства и права РАН. М., 2004. 56 с.
6. Книга Е.В. Проблемы гражданско-правового регулирования проектной и изыскательской деятельности: монография / под ред. С.Т. Максименко. М.: Юстицинформ, 2019. 232 с.
7. Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: Учебник / А.Н. Левушкин. Москва: Проспект, 2021. 400 с.
8. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике / А.Н. Левушкин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 31 - 35.
9. Левушкин А.Н. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37 - 42.
10. Левушкин А.Н. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150 - 166.
11. Проблемы строительного права: сборник статей / И.Р. Абдуллин, Л. Октай-кызы Аласкарова, Г.А. Александров и др.; сост. и отв. ред. Н.Б. Щербачков. Москва: Статут, 2022. Вып. 1. 330 с.
12. Свит Ю.П., Капинус Н.И., Ишин А.В. Пути совершенствования правового регулирования отношений по договору на выполнение проектных и изыскательских работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 69-78.
13. Улаева Н.Л. Сущность и специфика договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 155-160.

References:

1. Vaipan V.A. The ratio of justice and entrepreneurship in the focus of law // Lawyer. 2019. No. 1. pp. 6-13.
2. Vaipan V.A. Gaps in law as a factor of distortion of the principle of social justice in judicial practice // Bulletin of arbitration practice. 2018. No. 5. pp. 3-6.
3. Zharskiy M.I. Responsibility of the parties under contracts for the performance of design, survey and construction works: Abstract of the thesis ... cand. Jurid. M., 2013. 25 p.
4. Zharskiy M.I. The concept and legal nature of the contract for the performance of design and survey work // Gaps in Russian legislation. 2012. No. 5. pp. 96-99.
5. Zankovsky S.S. Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation: Abstract... doct. Jurid. sciences'. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, M., 2004. 56 p.
6. Book E.V. Problems of civil law regulation of design and survey activities: monograph / edited by S.T. Maksimenko. M.: Justicinform, 2019. 232 p.
7. Levushkin A.N. Contracts in entrepreneurial activity: Textbook / A.N. Levushkin. Moscow: Prospekt, 2021. 400 p.
8. Levushkin A.N. Organizational business contracts in the system of norms of the law of obligations and judicial practice / A.N. Levushkin // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 8. pp. 31-35.
9. Levushkin A.N. Checking the counterparty before entering into an agreement as an unnamed way to ensure the fulfillment of business obligations // Lawyer. 2021. No. 7. pp. 37-42.
10. Levushkin A.N. Trends in the fulfillment of entrepreneurial obligations in law enforcement activities // Modern lawyer. 2020. No. 2. pp. 150 - 166.
11. Problems of construction law: collection of articles / I.R. Abdullin, L. Oktay-kyzy Alaskarova, G.A. Alexandrov et al.; comp. and ed. by N.B. Shcherbakov. Moscow: Statute, 2022. Issue 1. 330 p.
12. Svit Yu.P., Kapinus N.I., Ishin A.V. Ways to improve the legal regulation of relations under a contract for the performance of design and survey work // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. No. 7. pp. 69-78.
13. Ulaeva N.L. The essence and specifics of the contract for the performance of design and survey work // Actual problems of the development of civil law and civil procedure at the present stage: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, 2016. pp. 155-160.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_368

**ЧАСТНОПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО СОГЛАШЕНИЯМ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ
PRIVATE LAW LIABILITY OF BUSINESS ENTITIES
UNDER FINANCIAL SUPPORT AGREEMENTS**

КЛИМОНТОВ Сергей Владимирович,

сотрудник правового управления

Департамента предпринимательства и инновационного развития города Правительства Москвы,
аспирант, Московский финансово-юридический университет.

117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1А.

E-mail: valerio-abh@mail.ru;

KLIMONTOV Sergey Vladimirovich,

employee of the Legal Department

Department of Entrepreneurship and Innovative Development of the Moscow City Government,
postgraduate student, Moscow University of Finance and Law.

1A Vvedenskiy str., Moscow, 117342, Russia.

E-mail: valerio-abh@mail.ru

Краткая аннотация: в данной статье исследуются аспекты частноправовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности по соглашениям о предоставлении финансовой поддержки. Проанализировано отечественное законодательство. Рассмотрены меры гражданско-правовой ответственности. При написании научной статьи были использованы издания периодической печати. В основу исследования положены такие методы, как обобщение, анализ, систематизация сбора данных.

Abstract: This article examines the aspects of private law liability of business entities under financial support agreements. The domestic legislation is analyzed. The measures of civil liability are considered. Periodicals were used when writing a scientific article. The research is based on such methods as generalization, analysis, and systematization of data collection.

Ключевые слова: ответственность, гражданское законодательство, финансовая поддержка, предпринимательская деятельность, договорная ответственность.

Keywords: responsibility, civil legislation, financial support, entrepreneurial activity, contractual responsibility.

Для цитирования: Климонтов С.В. Частноправовая ответственность субъектов предпринимательской деятельности по соглашениям о предоставлении финансовой поддержки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 368-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_368.

For citation: Klimontov S.V. Private law liability of business entities under financial support agreements // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 368-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_368.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В современных экономических реалиях, гражданское законодательство устанавливает частноправовую ответственность для субъектов предпринимательства, касающуюся договорных обязательств по предоставлению финансовой поддержки.

Реализация Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон) подчеркивает предоставление экономической поддержки субъектам малого и среднего бизнеса, а также учреждениям, способствующим созданию поддерживающей инфраструктуры для таких предприятий, как часть консолидированной политики на основании российского законодательства. Инициативы финансовой поддержки реализуются за счет средств, выделенных из региональных и муниципальных бюджетов, в форме субсидий, бюджетных вложений и выдачи государственных и муниципальных гарантий в отношении обязательств указанных организаций.

В частности согласно ч. 1 ст. 16 вышеупомянутого Закона поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, включает в себя интересующую нас в настоящей статье финансовую поддержку.

Финансовая поддержка является основой для правового института, который способствует развитию малого и среднего бизнеса, взаимодействуя с другими мерами поддержки.

Субсидии юрлицам и ИП (кроме субсидий государственным и муниципальным учреждениям) предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе на возмещение недополученных доходов и (или) финансовое обеспечение (возмещение) затрат в связи с производством (реализацией) товаров (кроме некоторых подакцизных товаров), выполнением работ, оказанием услуг (п. 1 ст. 78 БК РФ). Такие субсидии предоставляются из бюджетов бюджетной системы РФ (п. 2 ст. 78 БК РФ). В том числе могут предоставляться гранты в форме субсидий (п. 7 ст. 78 БК РФ).

Субсидии СМСП, в том числе гранты в форме субсидий, как правило, предоставляются за счет средств федерального, региональных и местных бюджетов.

Критерии отбора получателей субсидий также устанавливаются на конкурсной основе. Этот процесс обычно осуществляется путем запроса предложений или участия в конкурсе (п. 2 и п. 3 ст. 78.5 БК РФ).

На федеральном уровне отбор получателей субсидий, как правило, осуществляется в соответствии с установленным Правительством РФ порядком (согласно п. 4 ст. 78.5 БК РФ). Правила отбора получателей субсидий, включая гранты для юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и производителей товаров, работ и услуг, утверждены постановлением Правительства РФ от 25.10.2023 № 1781.

Из бюджета субъекта РФ также могут быть предоставлены субсидии в виде грантов. Порядок предоставления этих субсидий определен в соответствии с п. 2 или п.2.1 ст. 78 БК РФ (согласно п. 7 ст. 78 БК РФ).

В московском регионе отбор получателей субсидий осуществляется в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 29.11.2021

№ 1849-ПП «О предоставлении субсидий, грантов в форме субсидий из бюджета города Москвы юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам» и иными правовыми актами.

Нормативные правовые акты исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, регулирующие предоставление субсидий и грантов юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам из бюджетов субъектов Российской Федерации, должны соответствовать общим требованиям, установленным Правительством Российской Федерации и региональным требованиям.

В целях определения порядка осуществления контроля за соблюдением целей, условий и порядка предоставления субсидий и грантов и ответственности за их несоблюдение в правовом акте указываются меры ответственности за несоблюдение условий, целей и порядка предоставления субсидий и грантов, в частности, возврат финансовой поддержки в бюджет бюджетной системы Российской Федерации.

Вышеуказанные положения подчеркивают ключевую роль правовых норм в аспекте финансовой поддержки предпринимательства и выявляют основные аспекты гражданско-правовой ответственности, регламентирующей меры в отношении нарушений в данной сфере [2].

Аналитический обзор норм гражданского законодательства и накопленный опыт его применения свидетельствуют о том, что ныне действующая законодательная база, регламентированная в ГК РФ, адекватно отражает характер и ключевые задачи правовой регуляции в данной сфере.

Ключевые аспекты, регламентированные в определенных разделах и статьях ГК РФ, касаются ряда значимых моментов [4]:

1. Ответственность субъектов предпринимательской деятельности по договору (соглашению).
2. Обязательства гражданско-правового характера и детали договорных отношений.
3. Разнообразие форм обязательств, а также их характер и исполнение.
4. Механизмы защиты прав, включая определение способов и средств защиты в ст.ст. 11-16 ГК РФ.

Эти нормы регулируют исполнение договорных обязательств и обеспечивают наступление гражданско-правовой ответственности в случаях, когда обязательства не исполняются или исполняются ненадлежащим образом.

Договорная ответственность, определяемая как наступление последствий для стороны, не выполнившей или выполнившей ненадлежащим образом свои обязательства по договору, является ключевым элементом обеспечения дисциплины и порядка в гражданско-правовых отношениях.

Гражданское законодательство четко формулирует этот принцип:

«Должник обязан компенсировать кредитору убытки, вызванные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства» (п. 1 ст. 393 ГК РФ).

А также, «в случаях, когда за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства предусмотрена неустойка, убытки возмещаются в части, не покрытой неустойки. По договоренности сторон или в силу закона могут быть установлены случаи, при которых возможно взыскание только неустойки без убытков, убытки в полном объеме поверх неустойки, или по выбору кредитора — либо неустойка, либо убытки» (п. 1 ст. 394 ГК РФ) [1].

Закон не запрещает требовать проценты за пользование чужими деньгами в случае нецелевого использования бюджетной субсидии, предоставленной по договору с предпринимателем. Такую позицию озвучил Верховный суд Российской Федерации в определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.01.2018 № 308-ЭС17-9296. БК РФ не предусматривает начисления процентов на сумму субсидии, подлежащей возврату, поскольку не устанавливает ответственность лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса. Правоотношения между органом, предоставляющим субсидию, и лицом, претендующим на ее получение (производителем товаров, работ, услуг), не являются бюджетными. Следовательно, к подобным правоотношениям применимы нормы ГК РФ, в т. ч. предусматривающие, что неосновательно обогатившееся лицо обязано не только вернуть неосновательное обогащение, но и уплатить проценты за пользование чужими деньгами. Если деньги были израсходованы не по целевому назначению, то это свидетельствует о возникновении на стороне лица, получившего субсидию, неосновательного обогащения. Соответственно, лицо обязано уплатить упомянутые проценты. При этом не имеет значения то обстоятельство, что полученные средства являются бюджетными.

При этом согласно правовой позиции, содержащейся в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», если законом или соглашением сторон установлена неустойка за нарушение денежного обязательства, на которую распространяется правило абзаца первого п. 1 ст. 394 ГК РФ, то положения п. 1 ст. 395 ГК РФ не применяются. В этом случае взысканию подлежит неустойка, установленная законом или соглашением сторон, а не проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ (п. 4 ст. 395 ГК РФ).

Таким образом, законодательство предусматривает разнообразные механизмы ответственности и санкций, цель которых — обеспечить справедливое и целесообразное урегулирование правовых вопросов, возникающих из договорных отношений по финансовой поддержке.

В сфере правового регулирования, нарушение обязательств, которые не имеют договорного происхождения, но возникли на иных основаниях, инициирует применение внедоговорной ответственности. Данная форма ответственности находит свое применение, в частности, когда осуществляется причинение ущерба личности или собственности физического лица, а также имуществу юридического лица, где ущерб подлежит компенсации в полной мере стороной, которая выступила в роли причинителя данного ущерба, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ.

В соответствии с п. 5 ст. 78 БК РФ при предоставлении субсидий, указанных в данной статье, обязательным условием их предоставления, включаемым в договоры (соглашения) о предоставлении субсидий, является согласие их получателей.

Учитывая данную норму, по нашему мнению, БК РФ обязывает включать условие согласия на осуществление проверок именно в договор (соглашение) о предоставлении субсидии.

Соответственно, если БК РФ называет включение указанного условия в договор (соглашение) обязательным, следует заключить, что и само заключение договора (соглашения) обязательно.

Между тем в судах встречаются случаи обратного толкования, где в постановлении ФАС Поволжского округа от 25.07.2014 № А57-9582/2013 суд указал, что БК РФ не устанавливает ни обязательности заключения договора на получение субсидий из средств бюджетов субъектов Федерации, ни специальных правил определения момента возникновения бюджетного обязательства по выплате субсидии. В постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2014 по делу № А55-22796/2013 отражено, что отсутствие договора о предоставлении субсидий не может являться основанием для отказа в иске о возмещении убытков, в результате незаконных действий органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов.

Статьей 1102 ГК РФ определено, что лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение).

Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.02.2024 по делу № А58-7653/2021 требование публичного органа удовлетворено, поскольку доказан факт представления обществом (получателем субсидии) недостоверных данных и нарушения условий, установленных при предоставлении субсидии.

В другом деле (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.08.2020 по делу № А20-2737/2019) Министерство указывало на выявленные нарушения законодательства при предоставлении субсидии, так как у Организации имеется задолженность перед бюджетом, отсутствуют документы, подтверждающие право пользования земельными участками. Полученные денежные средства в добровольном порядке не возвращены.

Требование удовлетворено частично, поскольку было установлено, что Организация получила субсидию на основании недостоверных сведений, что повлекло возникновение на его стороне неосновательного обогащения, размер которого определен с учетом пропуска министерством срока исковой давности по части заявленного периода взыскания.

Аналогичный подход закреплен в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 23.06.2023 № А07-22444/2021, где исковое требование о взыскании неосновательного обогащения в виде неправомерно полученной субсидии удовлетворено, поскольку субсидия перечислена без законных оснований, установлена недобросовестность в действиях получателя субсидии, который на дату подачи заявления о предоставлении субсидии знал о наличии у него задолженности по налогам и страховым взносам в сумме, исключающей право на получение субсидии.

Хотя обязательства, возникающие вследствие деликтов, а также обязательства, происходящие из неосновательного обогащения, могут появиться на фоне договорных отношений, ключевым основанием для активации ответственности является не договорное нарушение, а конкретные ситуации причинения вреда или неосновательного обогащения за счет чужого имущества.

Таким образом можно сделать вывод, что к основным мерам гражданско-правовой ответственности в рамках предоставления финансовой поддержки относятся [2]:

1. Взыскание неустойки (штрафа, пени) - это определенный законом или договором размер суммы, которую обязан выплатить должник кредитору без необходимости демонстрации претерпевших убытков (ст. 330 ГК РФ).
2. Возмещение убытков включает расходы, которые были произведены лицом, чье право было нарушено, в целях восстановления прав состояния, причем убытки могут оцениваться как реальный материальный ущерб (потеря или повреждение имущества), так и упущенная выгода (неполученные доходы) (п. 2 ст. 15 ГК РФ).
3. Взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами: предусмотрено ст. 395 ГК РФ.
4. Взыскание неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ).

Данные меры отражают механизмы защиты субъектов гражданских прав и их имущественных интересов, определяющиеся в зависимости от характера и обстоятельств правонарушения.

В рамках проведенного анализа судебной практики, касающейся гражданско-правовой ответственности субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) за неисполнение или неправомерное исполнение договорных обязанностей, было выявлено, что среди мер ответственности чаще всего применяются неустойка и (или) взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами. Вышеуказанные при-

меры из судебной практики иллюстрируют применение данной ответственности. Такая мера, как правило, выбирается за ее универсализм и простоту внедрения в практику.

Кроме изложенного, следует отметить подход Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в определении от 9 июня № 1451-О, которым отказал в принятии к рассмотрению жалоб на нормы, обязывающие получателя субсидии возратить в федеральный бюджет всю полученную сумму при выявлении нарушений с его стороны. Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел неопределенности в правилах возврата субсидий из-за нарушений их получателя. При этом суд указал, что оспариваемое положение БК РФ не препятствует принятию таких правил предоставления и возврата субсидии, которые предполагают необходимость возврата лишь части предоставленной субсидии в случае, если в оставшейся части цели предоставления конкретной субсидии будут полностью достигнуты.

При других обстоятельствах, касаемо непредоставления отчетности в срок, указанный в договоре субсидии суд, определением Верховного Суда РФ от 23.11.2016 по делу № А32-28228/2015 согласился с выводами нижестоящих судов, и указал, что формирование отчетности об использовании субсидии и ее своевременная сдача имеют под собой единственную цель, проконтролировать целевое использование финансовых средств. Нарушение получателем финансовой поддержки сроков сдачи документов может повлечь применение штрафных санкций, но не меры бюджетного принуждения в виде возврата полученной суммы. Однако встречается и противоположенная судебная практика, где непредоставление финансовой (итоговой) отчетности по соглашениям является основанием для возврата полной суммы финансовой поддержки, а не ее части.

Библиография:

1. Губанова, В. М. Ответственность субъектов предпринимательской деятельности / В. М. Губанова // Научный электронный журнал Меридиан. – 2021. – № 7(60). – С. 119-121.
2. Климонтов С.В. Гражданско-правовая ответственность субъектов МСП по договорам субсидий // *Аграрное и земельное право*. 2023. №5 (221). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-subektov-msp-po-dogovoram-subsidiy> (дата обращения: 20.04.2024).
3. Медведев, А. Н. К вопросу об особенностях ответственности предпринимателей по нормам гражданского права / А. Н. Медведев. — Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. — 2020. — № 44 (334). — С. 259-261.
4. Чертакова Е. М. Понятие и принципы гражданского права /Е. М. Чертакова, О. А. Воробьева // *Балтийский гуманитарный журнал*. –2017. –Т. 6. № 4(21).

References:

1. Gubanov, V. M. Responsibility of business entities / V. M. Gubanov // *Scientific electronic journal Meridian*. – 2021. – № 7(60). – Pp. 119-121.
2. Klimontov S.V. Civil liability of SMEs under subsidy agreements // *Agrarian and land law*. 2023. №5 (221). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-subektov-msp-po-dogovoram-subsidiy> (date of application: 04/20/2024).
3. Medvedev, A. N. On the issue of the specifics of the responsibility of entrepreneurs according to the norms of civil law / A. N. Medvedev. — Text: non-mediocre // *Young scientist*. — 2020. — № 44 (334). — Pp. 259-261.
4. Chertakova E. M. The concept and principles of civil law /E. M. Chertakova, O. A. Vorobyova // *Baltic Humanitarian Journal*. -2017. -Vol. 6. No. — 4(21).

ПРОФЕССИОНИЗМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ PROFESSIONALISM OF THE REPRESENTATIVE: REGULATORY AND LEGAL GUARANTEES

ШЕРЕМЕТЬЕВА Анна Константиновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права
Дальневосточный филиал «Российский государственный университет правосудия».

680000, Россия, г. Хабаровск, Восточное ш., 49.

E-mail: sher198029@rambler.ru;

КИРИЧУК Татьяна Андреевна,

студент, Дальневосточный филиал «Российский государственный университет правосудия».

680000, Россия, г. Хабаровск, Восточное ш., 49.

E-mail: sher198029@rambler.ru;

Sheremetyeva Anna Konstantinovna,

candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of Civil procedural law

Far eastern branch «Russian State University of Justice».

680000, Russia, Khabarovsk, Vostochnoye sh., 49.

E-mail: sher198029@rambler.ru;

Kirichuk Tatyana Andreevna,

student Far eastern branch «Russian State University of Justice».

680000, Russia, Khabarovsk, Vostochnoye sh., 49.

E-mail: sher198029@rambler.ru

Краткая аннотация: Институт представительства призван обеспечить справедливое судебное разбирательство, защитить права и интересы лиц, участвующих в процессе, и повысить доступность и эффективность судебной системы. Договорное представительство предполагает, что лицо, обращающееся в суд в защиту интересов доверителя, обладает некими познаниями в сфере юриспруденции, а иначе теряется смысл данного правового явления. Однако, вопросы необходимости и обязательности закрепления квалификационных требований к представителю не решены однозначным образом ни на законодательном уровне, ни в научной среде.

Abstract: The institution of representation is designed to ensure a fair trial, protect the rights and interests of persons involved in the process, and increase the accessibility and effectiveness of the judicial system. Contractual representation assumes that the person applying to the court to protect the interests of the principal has some knowledge in the field of jurisprudence, otherwise the meaning of this legal phenomenon is lost. However, the issues of necessity and obligation to consolidate the qualification requirements for a representative have not been resolved unambiguously either at the legislative level or in the scientific community.

Ключевые слова: право, представитель, адвокат, профессионализм, критерии, правовой статус.

Keywords: law, representative, lawyer, professionalism, criteria, legal status.

Для цитирования: Шереметьева А.К., Киричук Т.А. Профессионализм представителя: нормативно-правовые гарантии // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 372-373. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_372.

For citation: Sheremetyeva A.K., Kirichuk T.A. Professionalism of representative: regulatory and legal guarantees // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 372-373. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_372.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Институт представительства выступает механизмом, призванным обеспечить юридическую помощь на высоком профессиональном уровне. Гарантия наличия в Российской Федерации квалифицированных юридических услуг определена в конституционных положениях [1]. Буквальное толкование этой нормы предполагает наличие неких правовых возможностей по обеспечению защиты всякому лицу, ищущему её. Однако, представленная возможность ориентирована на необходимость осуществления подобных услуг специалистами.

Профессионализм означает существование компетенций, отражающих наличие специальных знаний в соответствующей сфере. Представитель должен обладать познаниями в сфере юриспруденции, но наличие высшего образования не указано в качестве обязательного условия его участия в правоотношениях от имени доверителя.

Судебная защита выступает важным элементом обеспеченности правопорядка и восстановления нарушенных прав. Принцип состязательности, реализующийся во всех видах судопроизводства, определяет активную позицию участников процессуальных отношений по отстаиванию своей правовой позиции. Роль суда в процессе доказывания имеет усеченный характер, поэтому от деятельности участников судопроизводства зависит исход рассмотрения дела. Представитель как раз является тем самым лицом, цель вступления которого в дело – оказание содействия и правовой помощи участникам процесса, уровень которых позволяет добиться желаемого результата. Компетентность рассматриваемого участника позволяет обеспечить наибольшую эффективность как процесса рассмотрения дела, так и глубину понимания разрешаемых правовых вопросов.

Законодательно весьма специфически воплотились идеи профессионализма представителя. Так, принятый в 2002 г. Арбитражный процессуальный кодекс [2] закреплял, что представителями организации могут вступать адвокаты либо лица, состоящие в штате указанных организаций. Требования к претенденту на получение статуса адвоката предполагают наличие высшего юридического образования, но категория «штатные сотрудники» не обязательно касается работников юридической сферы. Кроме того, в штате организации вообще может не быть должности юриста [3]. Такая правовая регламентация существовала не продолжительное время и подверглась критике как со стороны практикующих специалистов, так и научного сообщества.

Несомненно, что гарантией для осуществления правовой помощи на должном уровне является закрепление в нормативно-правовых

актах требования о наличии у представителя соответствующего образования.

Участвовать в рассмотрении дела арбитражным судом может только представитель при подтверждении высшего образования или ученой степени по юридической специальности (п. 3 ст. 59 АПК РФ). Именно такое же общее правило содержится в Кодексе административного судопроизводства (ч. 1 ст. 55 КАС РФ). Однако, правила административного процесса предполагают в четко указанных случаях обязательное участие профессионального представителя (например, п. 9 ст. 208 КАС РФ). Можно констатировать, что подобные правила нацелены на формирование культуры ведения процесса через высокую квалификацию участников, а также значимостью и сложностью споров.

Гражданский процессуальный кодекс допускает возможность привлечения представителя без подтверждения соответствующего образования при производстве у мирового судьи и в районном суде. Большую лояльность относительно квалификационных требований к представителю проявляют процессуальные правила Кодекса РФ об административных правонарушениях. В нем совсем отсутствует обязательность образования (с. 25.5 КоАП РФ).

Возвращаясь к конституционным положениям с учетом проведенного анализа отраслевых норм можно констатировать следующее, а именно, Конституция РФ в ч. 1 ст. 48 указывает на гарантию квалифицированности юридической помощи при этом процессуальное законодательство не всегда отражает такой подход. Часть 2 ст. 48 Конституции РФ выступает основой для уголовно-процессуального законодательства в сфере оказания надлежащей правовой помощи, которая заключается в наличии права пользоваться услугами адвоката (защитника).

Уголовно-процессуальный кодекс РФ раскрывает представленное конституционное положение в ст. 49. Данная норма неоднократно оспаривалась на несоответствие Конституции РФ [4]. По мнению заявителей, уголовно-процессуальное законодательство ограничивает, по сравнению с Конституцией РФ, право выбора защитника только возможностью обращения к адвокату. Однако рассматривать в отрыве друг от друга две части ст. 48 Конституции РФ, предполагая их разную отраслевую принадлежность совершенно не верно, поскольку нарушает общие правила толкования правовых норм. Соотношение видится в следующем, адвокаты – обеспеченная государством возможность получения квалифицированного правозащитника, но законом может определяться право обращения к иным лицам в таком качестве, но с обязательным требованием к квалификации как того требует Конституция РФ.

Вопросы профессионализма и его достижения становились объектом рассмотрения и в научном сообществе. Так, в рамках XI Петербургского международного юридического форума представители крупных юридических консалтингов, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Министр юстиции Российской Федерации Константин Чуйченко отметили, что необходимо ограничить доступ лиц без юридического образования в сферу судебного представительства и даже постепенно переходить на ограниченную адвокатскую монополию [5]. Подобные идеи озвучивались и ранее как перспектива совершенствования института представительства. Более того, в ходе Конституционного Сопределения, при обсуждении положений ныне существующей Конституции РФ, неоднократно предпринимались попытки ограничить круг лиц, оказывающих юридическую помощь, только членами коллегии адвокатов. Все эти поправки были отклонены в связи с тем, что их принятие, как указывалось на Сопределении, привело бы к созданию «закрытых профсоюзов» для адвокатов, лишаящих практики тех, кто не вступил в коллегию, и создающих «монопольное право» адвокатов оказывать юридическую помощь [6].

Итак, профессионализм обеспечивается возможностью, а в определенных законом случаях обязанностью, обращения за представительскими услугами к лицу, получившему юридическое образование, либо субъектами обладающих соответствующей квалификацией, исходя из их правового статуса (адвокаты, т.д.)

Противоречие, заложенное в законодательстве, заключается в одновременной гарантированности доступности и профессионализма рассматриваемых субъектов. Специалист соответствующего уровня вправе требовать достойного вознаграждения своего труда. Возможный вариант балансировки подобной ситуации видится в следующем. Создание бесплатной юридической помощи предполагает, что бремя содержания будет осуществлять кто-то другой, т.е. в данном случае – государство. Ныне существующее правовое регулирование вопросов профессионализма представителей делает возможным участие у мирового судьи и в районном суде лиц без юридического образования. Соответственно такими «дешёвыми» представителями должны стать студенты как стажеры от учебного заведения или практикующего юриста.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). – М., 2024. – 64 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 27 июля.
3. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 N 11 (ред. от 17.11.2015) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2.
4. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова : постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П // СЗ РФ. – 1997. – № 7. – Ст. 871.
5. Яковенко Е.В. Тенденции развития института судебного представительства в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 2 (77).
6. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Э.М. Аметистова к постановлению Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // СЗ РФ. – 1997. – № 7. – Ст. 871.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). – М., 2024. – 64 p.
2. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002// Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – July 27.
3. On some issues related to the entry into force of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation : Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09.12.2002 No. 11 (as amended on 11/17/2015) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2003. – № 2.
4. In the case of checking the constitutionality of part four of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints of citizens B.V. Antipov, R.L. Gitis and S.V. Abramov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 28, 1997 No. 2-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1997. – No. 7. – St. 871.
5. Yakovenko E.V. Trends in the development of the Institute of judicial representation in civil proceedings // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 2 (77).
6. Special opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation E.M. Ametistov on the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated January 28, 1997 "In the case of checking the constitutionality of Part four of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with complaints from citizens B.V. Antipov, R.L. Gitis and S.V. Abramov" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 7. – Article 871.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ACTUAL PROBLEMS OF COPYRIGHT RECOGNITION FOR THE RESULTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ACTIVITIES

КИСЕЛЕВ Дмитрий Валерьевич,

студент, Юридический институт, Севастопольский государственный университет.
200953, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: skylexj@gmail.com;

ЛАХИН Даниил Николаевич,

доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Юридический институт, Севастопольский государственный университет.
200953, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: lahin.daniil@mail.ru;

ЧЕБАНОВ Илья Валерьевич,

студент, Юридический институт, Севастопольский государственный университет.
200953, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: chebanov1lia@mail.ru;

KISELYOV Dmitry Valeryevich,

student, Law Institute, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, Russia, 200953.
E-mail: skylexj@gmail.com;

LAKHIN Daniil Nikolaevich,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Process",
Law Institute, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, Russia, 200953.
E-mail: lahin.daniil@mail.ru;

CHEBANOV Ilya Valeryevich,

student, Law Institute, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya str., Sevastopol, Russia, 200953.
E-mail: chebanov1lia@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам признания авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта. Рассмотрены существующие концепции и действующие нормативные правовые акты, применяемые в Российской Федерации в сфере регулирования авторских прав искусственного интеллекта, а также возможность внесения соответствующих поправок в российское законодательство.

Abstract: The article is devoted to the actual problems of recognizing copyright in the results of artificial intelligence activities. The existing concepts and current regulatory legal acts applied in the Russian Federation in the field of copyright regulation of artificial intelligence, as well as the possibility of making appropriate amendments to Russian legislation, are considered.

Ключевые слова: искусственный интеллект; гражданское право; авторское право; нейронная сеть; интеллектуальная деятельность человека.

Keywords: artificial intelligence; civil law; copyright; neural network; intellectual activity of a person.

Для цитирования: Киселев Д.В., Лакхин Д.Н., Чебанов И.В. Актуальные проблемы признания авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 374-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_374.

For citation: Kiselev D.V., Lakhin D.N., Chebanov I.V. Actual problems of copyright recognition for the results of artificial intelligence activities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 374-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_374.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Современное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), особенно в сфере нейронных сетей, не только изменило ландшафт технологических достижений, но и вызвало споры о правовом статусе самого ИИ, в том числе о произведениях, созданных с использованием данных технологий.

Определение искусственного интеллекта в настоящее время больше относится к научно-популярным понятиям, нежели к научным терминам, в связи с чем существуют различные подходы к выбору дефиниции рассматриваемого явления. Так, С. Рассел и П. Норвиг описывают искусственный интеллект как систему, думающую как человек или действующую как человек, т. е. используют критерий ее сходства с человеком. [2]. В нашем понимании, ИИ для определения его как такового обязан обладать самосознанием. Д. Л. Кутейников считает, что на данном этапе развития технологий рано говорить об искусственном интеллекте как о «сущности», способной думать или действовать как человек [3]. В контексте исследования необходимо обозначить, что определение авторского права рассматривается на результат деятельности нейронной сети, как подмножества искусственного интеллекта. Понятие нейронной сети возникло при изучении процессов, протекающих в человеческом мозге, при попытке симитировать эти процессы и обеспечить их обучаемость. [4]

В российском праве искусственный интеллект определен следующим образом: это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором ис-

пользуются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

На современном этапе развития нейронных сетей уже не раз возникали споры по вопросу защиты авторских прав при создании произведения нейронных сетей. Первым проблемным вопросом необходимо обозначить использование авторских произведений, которые загружаются в базу нейронной сети с целью ее обучения [5]. Нейронные сети для создания новых произведений по тем запросам, которые задает пользователь, анализируют тысячи схожих работ. После анализа нейронная сеть компилирует произведение на основе того множества произведений, которые были ею изучены. В науке гражданского права такая концепция некоторыми учеными определяется как переработка произведения, и, хотя такой подход может показаться вполне приемлемым, все же остается вопрос о том, что такое переработка, каковы ее пределы и где грань между переработанным и новым произведением.

Законодатель на данный ряд вопросов не отвечает, вдобавок ко всему, в XXI веке ученые до сих пор не дали однозначный ответ на вопрос о сущности и природе творчества человека, который уводит специалистов от юриспруденции в психологию и философию. В данном случае перед юристами стоит вопрос не только о том, как защитить нарушенное право, но и вопрос наличия нарушения авторских прав в принципе, поскольку нейронная сеть направлена на имитацию когнитивной функции человека, а человек в свою очередь обретает свою способность творить не с рождения, а в ходе развития индивида, насыщения его внутреннего мира моделями поведения, образами и другими внешними явлениями, которые в силу когнитивной функции мозга человек способен воспринять [6]. Точно также нейронная сеть собирает информацию, которая ей доступна из сети «Интернет» и анализирует ее, как любой зритель, читатель или слушатель, может увидеть или услышать произведение, взять за основу имеющуюся концепцию и создать свое авторское произведение.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» объясняет, что отсутствие новизны, уникальности или оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права [7]. Исходя из данной нормы, а также из положений п.1 ч.2 ст. 1259 Гражданского Кодекса РФ, можно сделать вывод, что создание нового произведения на основе анализа и компиляции тысяч существующих работ является объектом авторских прав.

В связи со спецификой работы искусственного интеллекта не менее важными становятся вопросы определения критерия уникальности произведения, установление пределов производности самого произведения, поскольку будет излишне категоричным называть производным произведение, при создании которого заимствование оказалось минимальным.

На наш взгляд, необходимо законодательно закрепить количественно-процентный стандарт заимствования исходного произведения в составе производного. Определение процента заимствования может быть основано на различных критериях, таких как количество перенятых элементов, существенность этих элементов для характеристики произведения и т. д. Это позволит избежать неоднозначных ситуаций при определении статуса произведения, в том числе созданного с применением технологий искусственного интеллекта.

В целях реализации данной законодательной инициативы наиболее оптимальным решением видится формирование института оценки уникальности произведения с использованием технологий искусственного интеллекта. Так, например, некоторые нейронные сети используют генеративно-состязательную сеть, в основе которой лежит концепция двух сетей [12].

Следующей существенной проблемой является роль и сущность нейронной сети в создании произведения науки, литературы или искусства. Анализируя положения ст. ст. 1228, 1257 ГК РФ, автором является гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности. Однако, ч. 5 ст. 1259 ГК РФ определяет, что авторское право не распространяется на идею или концепцию. В ходе работы с нейронной сетью возникает противоречие между нормами данных статей. Так, пользователь нейронной сети лишь предлагает идею своего произведения, описывает её концепцию, предлагает те или иные способы и методы реализации данной идеи. В то время как нейронная сеть выполняет остальную творческую работу: генерирует, на основе компиляции, новое произведение и передает его на доработку или полноценное использование. Также абз. 2 ч. 1 ст. 1228 ГК РФ регламентирует, что автором не является гражданин, оказавший лишь техническую и иную помощь, а также не внесший личного творческого вклада в создание произведения. С одной стороны, нейронная сеть является техническим средством для достижения поставленной творческой цели. Она выполняет запрос пользователя. С другой стороны, в процессе создания произведения она имитирует творческую деятельность человека, как уже упоминалось выше, анализируя и компилируя сотни, тысячи и даже миллионы примеров. Данная коллизия формирует следующие концепции определения авторского права на созданное произведение:

1. авторское право закрепляется за самой нейронной сетью;
2. авторское право закрепляется за создателем нейронной сети;
3. авторское право определяется как соавторство между создателем нейронной сети и конечным пользователем;
4. авторское право закрепляется за конечным пользователем;
5. авторское право определяется как соавторство между самой нейронной сетью и конечным пользователем;
6. авторское право рассматривается как служебное произведение;
7. авторское право переходит в общественное достояние.

Первая концепция не может быть реализована в современных правовых реалиях, а также в связи с уровнем развития искусственного интеллекта. Как упоминалось ранее, в данной статье исследуются результаты интеллектуальной деятельности нейронной сети. Только в случае создания искусственного интеллекта, способного осознавать себя и иметь дееспособность, встанет вопрос о правовом регулировании данного феномена. Так, в науке выдвигается концепция «электронных лиц». В случае предоставления правосубъектности осознанному ИИ, у него по-

явится возможность обладать авторскими правами на созданное произведение согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации.

Вторая концепция, по нашему мнению, также не оправдана. Создатель нейронной сети лишь предоставляет пользователю инструмент, техническую возможность, благодаря которой второй может реализовывать свои творческие потребности. Однако стоит отметить, что на данном этапе правового регулирования нейронных сетей их создатели формируют пользовательские соглашения. Так, в пользовательском соглашении нейронной сети от Публичного акционерного общества «Сбербанк» (далее – Банк) – «Gigachat» – присутствуют определенные нормы, регулирующие авторские права на созданные их нейронной сетью произведения.

Во-первых, нейронная сеть предоставляется пользователю исключительно в некоммерческих целях, т.е. для личного использования. Стоит отметить, что данная норма противоречит концепции закрепления авторского права за пользователем нейронной сети, т.к. не соответствует положениям ст. 1270 ГК РФ, в которой закреплено исключительное право на произведение и его реализацию любыми формами, не запрещенными законом.

Во-вторых, пользователь, при создании с помощью нейронной сети нового объекта авторского права, автоматически предоставляет Банку простую (неисключительную) безотзывную, безвозмездную лицензию на использование сгенерированного контента [8]. Исходя из данного положения, Банк имеет право монетизировать созданные с помощью запроса пользователя объекты авторского права (например, согласно пользовательскому соглашению «Gigachat», использовать сгенерированный контент в маркетинговых и рекламных кампаниях).

Проанализировав пользовательское соглашение одной из нейронных сетей, можно сделать вывод, что на данном этапе развития законодательства авторское право по большей степени закрепляется за создателем нейронной сети, в то время как авторское право пользователя носит лишь «формальный» характер.

Суть третьей концепции заключается в закреплении соавторства между создателем нейронной сети и конечным пользователем. Ст. 1258 ГК РФ регламентирует понятия соавторства: это граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом. Подобная ситуация встречается в пользовательском соглашении ранее упомянутого «Gigachat»: пользователь обязан обнародовать полученные в ходе взаимодействия с нейронной сетью объекты авторских прав с маркировкой Банка. Однако в рамках рассматриваемой проблемы существуют противоречия с нормами законодательства.

Во-первых, как было упомянуто ранее, разработчик нейронной сети лишь предоставляет инструмент для создания объектов авторского права. Он не участвует напрямую в создании нового произведения и не привносит никакого творческого вклада.

Во-вторых, А.И. Черенкова отмечает, что юридическое лицо может быть правообладателем авторских прав, однако оно лишено возможности приобретать статус автора на результат творческой работы [9]. Данный вывод формулируется из положений ст. 1257 ГК РФ.

В-третьих, исходя из проанализированных выше положений пользовательского соглашения «Gigachat», пользователь и Банк не имеют равные авторские права.

Таким образом, данная концепция также не состоятельна.

Четвертая концепция, предполагающая закрепление авторского права на результат деятельности нейронной сети за конечным пользователем, по нашему мнению, является основной. Предлагаемая концепция базируется на следующих основных принципах:

1. Активное участие пользователя. Пользователь нейронной сети является инициатором и контролирующей стороной в процессе создания произведения. Он предоставляет входные данные, указывает параметры и направления для генерации, что означает его активное участие в формировании конечного материала.

2. Ответственность за созданный контент. Конечный пользователь, в качестве инициатора и контролера процесса, несет ответственность за созданный материал, исходящий из использования нейронной сети. Пользовательское соглашение «Gigachat» обладает подобными нормами: пользователь несет все риски, в т.ч. связанные с возможным нарушением прав третьих лиц, несет ответственность за все негативные последствия [8].

3. Прозрачность и идентификация процесса. Современные нейронные сети обладают функционалом, который позволяет обеспечить прозрачность в процессе создания произведения. Это достигается благодаря тому, что пользователи имеют персональные аккаунты, а вся история создания контента хранится как на серверах нейронной сети, так и в личных кабинетах пользователей. Подобные системы сохраняют информацию о входных данных, использованных параметрах и примененных алгоритмах в процессе генерации произведения. Такой подход обеспечивает возможность однозначного определения роли пользователя в создании материала и позволяет установить связь между конечным результатом работы и действиями пользователя внутри системы искусственного интеллекта.

Пятый подход, заключающийся в соавторстве между нейронной сетью, как подмножеством искусственного интеллекта, и конечным пользователем так же нереализуем в современных условиях, как и первый, в связи с отсутствием правосубъектности у нейронной сети. Данная концепция, как и первая, может существовать только после разработки «осознанного» ИИ.

Шестая концепция служебного произведения исходит из положений статьи 1295 ГК РФ. Так, авторское право на служебное произведение закрепляется за работодателем, если иное не предусмотрено трудовым или гражданско-правовым договором. Однако вновь возникают противоречия касательно правосубъектности ИИ.

Во-первых, в настоящее время нет возможности заключить подобный договор с любой нейронной сетью.

Во-вторых, исходя из нормы, предусмотренной абз. 3 ч. 2 ст. 1295 ГК РФ, автор в случае использования работодателем его произведения имеет право на вознаграждение. В нашем понимании даже осознанный ИИ не будет иметь потребности в какой-либо форме вознаграждения в связи с основополагающими принципами его работы.

Таким образом, данная концепция также не может быть реализована.

Последний подход предполагает переход созданного нейронной сетью произведения в общественное достояние. Так, некоторые ученые считают, что у произведения, создаваемого с помощью искусственного интеллекта, нет автора, охрана произведения прекращается по истечении определенного времени, после чего такое произведение может использоваться любым лицом без разрешения правообладателя. Для объектов, созданных искусственным интеллектом, эта концепция предполагает внесение изменений в ГК РФ: срок охраны такого объекта будет истекать непосредственно в момент создания объекта [10]. Однако, исходя из положений ст. ст. 1337, 1338 ГК РФ, пользователь нейронной сети приобретает права публикатора, позволяющие монетизировать полученный объект авторского права.

Также Е.А. Михович отмечает недостатком данной концепции отсутствие экономического стимула для дальнейшего развития нейронных сетей ввиду отсутствия монетизации созданного нейронной сетью контента [11].

По нашему мнению, данная концепция также не может быть реализована, ведь она противоречит принципам, выделенным в концепции авторства конечного пользователя. Одной из задач реализации национальной стратегии развития ИИ в Российской Федерации является формирование соответствующего законодательства, регулирующего правовые отношения, возникающие при использовании данных технологий.

Таким образом, исходя из проведенного исследования, предлагается внести дополнения в Гражданский Кодекс РФ, а именно дополнить ч. 2 ст. 1259 ГК РФ «Объекты авторских прав» пунктом 3 следующего содержания:

3) произведения, созданные с применением технологий искусственного интеллекта.

Дополнить ГК РФ ст. 1257.1 «Автор произведения, созданного с применением технологий искусственного интеллекта» следующего содержания:

1. Автором произведения науки, литературы или искусства, созданного с применением технологий искусственного интеллекта, признается гражданин, который непосредственно управлял процессом реализации таких результатов.

2. Автор произведения науки, литературы или искусства, созданного с применением технологий искусственного интеллекта, обладает правами и обязанностями, предусмотренными настоящим Кодексом.

3. Лица, разработавшие и предоставившие технологии искусственного интеллекта, не могут претендовать на авторские права к полученным результатам, если отсутствует их непосредственное участие в процессе формирования данных результатов.

Автор произведения науки, литературы или искусства, созданного с применением технологий искусственного интеллекта, передает лицам, разработавшим и предоставившим технологии искусственного интеллекта, право на пользование произведением в порядке ст. ст. 1235, 1236 настоящего Кодекса.

4. С целью подтверждения авторских прав на произведения науки, литературы и искусства, полученные с использованием технологий искусственного интеллекта, гражданин может представить необходимую документацию, включающую в себя записи о входных данных, параметрах и алгоритмах, примененных в процессе создания произведения.

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. М.: Вильямс, 2007. 1410 с.
3. Кутейников Дмитрий Леонидович, Ижаев Осман Аликович, Зенин Сергей Сергеевич, Лебедев Валерий Алексеевич Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №3 (111). С. 75-79.
4. Радионова, Ю. В. Нейронные сети, их сущность, сфера применения и реализация / Ю. В. Радионова, А. Г. Певнева // Научный вестник Московского государственного горного университета. – 2011. – № 8. – С. 76-82. – EDN NXZHID.
5. Пащук Елена Олеговна ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕЙРОСЕТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ // Вопросы российской юстиции. 2023. №24. С. 10-13.
6. Психология: учебник и практикум для вузов / А.С. Обухов [и др.] ; под общ. ред. А. С. Обухова. - 2-е изд., пере-раб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2023. - 404 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/> (дата обращения: 13.12.2023)
8. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat (в режиме бета-тестирования) [Электронный ресурс] <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/beta> (дата обращения: 13.12.2023).
9. Черенкова Анна Игоревна ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА: PUNCTA PRO ET CONTRA // StudNet. 2022. № 6. С. 6697.
10. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта / В.В. Наумов, Е.В. Тютюк. - Правоведение. - 2018. - № 3. - С. 531-540.
11. Михович Екатерина Анатольевна ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАНЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА // Скиф. 2022. №5 (69). С. 124-126.
12. Сухань Андрей Александрович Генеративно-состязательные нейронные сети в задачах определения трендов // Московский экономический журнал. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativno-sostyazatelnye-neyronnye-seti-v-zadachah-opredeleniya-trendov> (дата обращения: 16.12.2023).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030") // SZ RF. 2019. No. 41. St. 5700.
2. Russell S., Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach. M.: Williams, 2007. 1410 p.
3. Kuteynikov Dmitry Leonidovich, Izhayev Osman Alikovich, Zenin Sergey Sergeevich, Lebedev Valerian Alekseevich Cyberphysical, cyberbiological and artificial cognitive systems: the essence and legal properties // Russian law: education, practice, science. 2019. No.3 (111). pp. 75-79.
4. Radionova, Yu. V. Neural networks, their essence, scope and implementation / Yu. V. Radionova, A. G. Pevneva // Scientific Bulletin of the Moscow State Mining University. - 2011. - No. 8. - pp. 76-82. – EDN NXZHID.
5. Paschuk Elena Olegovna PROBLEMATIC ISSUES OF COPYRIGHT RECOGNITION FOR NEURAL NETWORK WORKS: LEGAL ASPECT // Questions of the Russian justice system 2023. No.24. pp. 10-13.
6. Psychology : textbook and workshop for universities / A. S. Obukhov [et al.]; under the general editorship of A. S. Obukhov. — 2nd ed., re-slave. and add. — Moscow : Yurait Publishing House, 2023. — 404 p.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource] <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/> (date of access: 12/13/2023)
8. User Agreement on the use of the GigaChat Service (in beta testing mode) [Electronic resource] <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/beta> (date of appeal: 12/13/2023).
9. Cherenkova Anna Igorevna LEGAL ENTITY AS A SUBJECT OF THE ORIGINAL COPYRIGHT: PUNCTA PRO ET CONTRA // StudNet. 2022. No. 6. p. 6697.
10. Naumov V.B., Tytyuk E.V. On the question of the legal status of the "creativity" of artificial intelligence / V.V. Naumov, E.V. Tytyuk. - Law studies. 2018. No. 3. pp. 531-540.
11. Mikhovich Ekaterina Anatolyevna THE LEGAL REGIME OF WORKS CREATED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE // Skif. 2022. No.5 (69). pp. 124-126.
12. Sukhan Andrey Alexandrovich Generative-adversarial neural networks in the tasks of determining trends // Moscow Economic Journal. 2019. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativno-sostyazatelnye-neyronnye-seti-v-zadachah-opredeleniya-trendov> (date of application: 12/16/2023).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_378

УДК 005.87:347.965:303.62:347.9

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АДВОКАТСКОГО ОПРОСА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ POSSIBILITY OF USING THE RESULTS OF A LAWYER'S SURVEY IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

КОЗЛОВА Валерия Николаевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, проспект Ленина, 92/1.
E-mail: kozlovavn@mail.ru;

Kozlova Valeriya Nikolaevna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines
Institute of History and Law Khakass State University them. N.F. Katanova.
92/1 Lenin Avenue, Abakan, Republic of Khakassia, 655017, Russia.
E-mail: kozlovavn@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается содержание и порядок оформления результатов реализации статусного права адвоката опрашивать лиц, которым предположительно известна информация, имеющая значение для рассмотрения и разрешения гражданского дела. С учетом правовых позиций высшей судебной инстанции и рекомендаций, сформулированных адвокатским сообществом, автор приходит к выводу о необходимости закрепления процессуальной формы адвокатского опроса как источника потенциальной доказательственной информации в гражданском и арбитражном процессах. При этом подчеркивается, что сам по себе адвокатский опрос средством доказывания являться не может, а его использование при рассмотрении гражданских дел лишь способствует сборанию соответствующих доказательств.

Abstract. The article examines the content and procedure for formalizing the results of the implementation of a lawyer's status right to interview persons who presumably know information relevant to the consideration and resolution of a civil case. Taking into account the legal positions of the highest court and recommendations formulated by the legal community, the author comes to the conclusion that it is necessary to consolidate the procedural form of lawyer questioning as a source of potential evidentiary information in civil and arbitration proceedings. At the same time, it is emphasized that a lawyer's interview in itself cannot be a means of proof, and its use in civil cases only contributes to the collection of relevant evidence.

Ключевые слова. Адвокатский опрос, адвокатская деятельность, доказательства, средства доказывания, письменные доказательства, свидетельские показания, гражданское дело, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Keywords. Lawyer interview, advocacy, evidence, means of proof, written evidence, witness testimony, civil case, civil process, arbitration process.

Для цитирования: Козлова В.Н. Возможность использования результатов адвокатского опроса в гражданском и арбитражном процессах // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 378-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_378.

For citation: Kozlova V.N. Possibility of using the results of a lawyer's survey in civil and arbitration proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 378-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_378.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Содержащееся в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве определение доказательств прямо указывает на то, что в качестве последних принимаются сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела; при этом такие сведения могут быть получены лишь из определенных средств доказывания, прямо именованных в процессуальном законе. Перечень средств доказывания носит исчерпывающий, закрытый характер, в связи с чем актуальность приобретает изучение возможностей использования адвокатских опросов в качестве источника доказательственной информации по гражданским делам.

Сама возможность проведения опросов адвокатами закреплена в пп. 2 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] (далее – Закон об адвокатуре), причем системное толкование норм данной статьи позволяет прийти к однозначному выводу о том, что опрос признается способом собирания доказательственной информации. Очевидно, что собранную информацию, имеющую доказательственное значение по делу, в рамках которого оказывается юридическая помощь, необходимо предоставить в суд для ее дальнейшего исследования и оценки. Однако процессуальное законодательство не содержит указания ни на такое средство доказывания, как адвокатский опрос, ни на порядок исследования и оценки данных, собранных адвокатом в рамках предоставленных ему законодательством об адвокатуре полномочий.

Проблема использования информации, собранной в ходе адвокатских опросов, обусловлена еще и позицией Конституционного Суда РФ [6], применительно к уголовному судопроизводству указавшему, что сведения, собранные адвокатом в ходе опроса, самостоятельного доказательственного значения не имеют и подлежат собиранию, проверке и оценке, в том числе в судебном разбирательстве, как сведения, сообщенные суду (прокурору, следователю, дознавателю), иной же подход нарушал бы принцип юридического равенства и противоречил единому порядку собирания, исследования и оценки доказательств.

Вместе с тем наделение адвоката правом опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией, имеющей значение для дела, требует изучения механизма реализации этого права и придания собранной информации доказательственного значения.

Сам факт наличия информации, имеющей значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, не позволяет однозначно при-

завать такую информацию доказательством. Как следует из анализа норм ст. 55 ГПК РФ [1] и ст. 64 АПК РФ [2], правовая природа доказательств дуалистична и представляет собой единство содержания (наличие сведений о фактах, входящих в предмет доказывания) и формы (выражение полученных сведений о фактах в средствах доказывания, прямо поименованных в процессуальном законодательстве). Именно дуалистичность доказательств позволила Совету Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики в своих разъяснениях сделать вывод о том, что полученные адвокатом в ходе опроса лиц объяснения, даже если они выражены в форме соответствующего протокола, не создают доказательств по делу, «поскольку собранные адвокатом сведения не обладают требуемой законом процессуальной формой» [5]. Иными словами, поскольку процессуальное законодательство не закрепляет в перечне средств доказывания протоколы опросов, проведенных адвокатами, письменные объяснения лиц, опрошенных адвокатами и подобные средства доказывания, постольку говорить о появлении доказательств по результатам адвокатского опроса нельзя.

В профессиональной литературе делались попытки приравнять оформленные результаты адвокатских опросов к «иным документам и материалам» как средству доказывания, прямо поименованному в ст. 64 АПК РФ [9]. Однако сами же авторы отмечают, что подобная возможность крайне противоречива, а спорная правовая природа иных документов и материалов и отсутствие детальной регламентации проведения и порядка предоставления результатов опроса адвоката в совокупности с закрепленным запретом суду принимать доказательства, противоречащие закону, фактически препятствуют квалификации объяснений лица, данных в ходе опроса, в качестве доказательства.

Логичным казалось бы признание результатов опроса адвоката, оформленного в письменной форме, письменными доказательствами. На такую возможность прямо указывает Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в одном из своих определений, давая оценку процессуальным действиям суда нижестоящей инстанции. Так, отмечая, что суд первой инстанции отклонил акт опроса водителя такси о поведении лица, привлекаемого к административной ответственности, кассационная инстанция подчеркивает: «...суд не учел, что пояснения водителя такси относятся к письменным доказательствам, предусмотренным статьей 55 ГПК РФ, и подлежат оценке наравне с другими доказательствами...» [8].

Однако приведенная практика носит разовый, а не системный характер и не позволяет однозначно говорить о возможности использования актов (протоколов и т.д.) адвокатских опросов в качестве письменных доказательств.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о попытках некоторых адвокатов предоставлять акты опросов (оформленные в свободной форме) в качестве письменных показаний свидетелей. Однако ГПК РФ предусматривает получение письменных показаний свидетелей лишь в исключительных случаях и лишь судом (в частности, в порядке обеспечения доказательств при наличии уважительных причин), а не другими участниками процесса. АПК РФ предусматривает возможность получения письменных показаний свидетелей, но опять же лишь «по предложению суда», причем излагаются письменно показания, уже данные суду устно (ч. 3 ст. 88 АПК РФ).

Таким образом, и в качестве письменных свидетельских показаний приобщить результаты адвокатских опросов процессуальной возможности законодательство не предусматривает. При этом главным аргументом против исследования результатов адвокатского опроса в качестве свидетельских показаний (наряду с отсутствием предупреждения опрашиваемого лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных объяснений) суды указывают на отсутствие допроса свидетеля непосредственно в судебном заседании [7].

Все сказанное свидетельствует о назревшей необходимости определения правовой природы адвокатского опроса и закрепления требований к его процессуальной форме.

Вполне очевидно, что результаты опроса должны предоставляться в суд в письменной форме - в форме протокола (акта) опроса. При этом данный протокол в обязательном порядке должен содержать указание на то, что опрос проведен с согласия соответствующего лица (на что прямо указано в пп. 2 п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре).

В Методических рекомендациях по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», утвержденных Федеральной палатой адвокатов РФ (далее – ФПА) 22 апреля 2004 г. [4], указывается, что опрос адвоката может быть оформлен либо в виде свободного рассказа опрашиваемого лица (в конце такого рассказа адвокат может задать уточняющие вопросы), либо в формате «вопрос – ответ», суть которого сводится к предварительно подготовленным адвокатом вопросам, которые он задает в ходе опроса лицу, участвующему в указанном процессуальном действии [12, с. 47].

Указанные Методические рекомендации также содержат и другие, необходимые, по мнению представителей адвокатского сообщества, элементы протокола опроса лица адвокатом: сведения об адвокате, проводившем опрос (с указанием на его принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате соответствующего субъекта РФ и на реестровый номер адвоката), номер ордера, на основании которого адвокат выполняет поручение; фамилия, имя, отчество, дата и место рождения опрашиваемого лица, его место жительства, место работы, должность, телефон, сведения о документах, удостоверяющих его личность, отметка о согласии на опрос. Поскольку Методические рекомендации касаются реализации права адвоката на опрос в уголовном процессе, предлагается еще указывать «отношение к обвиняемому и потерпевшему» опрашиваемого лица. Представляется, что относительно гражданского и арбитражного процессов это указание следует трактовать как «отношение опрашиваемого лица к сторонам процесса», тем более что такое отношение в любом случае в дальнейшем должно быть выяснено судом в ходе допроса соответствующего свидетеля. Подобный подход видится тем более логичным, что в Рекомендациях ФПА прямо указывается на необходимость соответствия акта опроса требованиям, предъявляемым к протоколу допроса свидетеля (опять же применительно к уголовным делам).

Следует сделать вывод о необходимости подписания протокола опроса двумя лицами – самим опрашиваемым (целесообразно, чтобы он собственноручно указал, что опрос проводился с его согласия) и адвокатом, проводившим опрос. Именно процессуальный статус последнего не позволят придавать акту опроса доказательственное значение. И в доктрине, и в судебной практике неоднократно указывалось, что адвокат не вправе предупреждать опрашиваемое лицо об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (объяснений), как следствие – придавать таким объяснениям силу доказательства оснований нет. Лишь суд, вызвав опрошенное адвокатом лицо для допроса в качестве свидетеля, может облечь показание последнего в процессуальную форму и сделать их допустимыми.

Среди представителей адвокатского сообщества неоднократно поднимался вопрос о необходимости разработки типовых (рекомендательных) формуляров, бланков опроса [см., например: 10], однако, как представляется, закрепление рекомендательной формы акта (протокола) опроса системно проблему использования результатов адвокатских опросов судами не решит. Для легитимации таких опросов представляется необходимым закрепление порядка реализации статусного права адвоката на опрос в процессуальном законодательстве. Следует подчеркнуть, что подобное закрепление не должно придавать акту опроса юридическую силу средства доказывания; вполне логичным и обоснованным видится вывод о том, что адвокатский опрос является вспомогательным инструментом, имеющим целью обоснование и мотивировку процессуальных требований [11]. Однако в процессуальном законодательстве есть прекрасный пример процессуальной легитимации другого такого вспомогательного средства собирания и исследования доказательств по гражданским делам – консультации специалиста (ст.188 ГПК РФ). Сама по себе консультация специалиста не является средством доказывания, поскольку не названа в качестве такового в ст. 55 ГПК РФ, однако ее использование способствует собиранию, исследованию и - в конечном итоге - объективной оценке доказательств по делу в их совокупности. При этом ст. 188 ГПК РФ содержит требования к форме консультации специалиста, порядку допроса специалиста, т.е., несмотря на невозможность использования ее в качестве средства доказывания, консультации придается специальная процессуальная форма, что представляется вполне логичным и правильным.

В связи с этим видится необходимым дополнить ГПК РФ статьей 188.1 «Адвокатский опрос» следующего содержания:

1. Адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь.
2. Акт опроса оформляется в письменной форме либо в виде ответов опрашиваемого на конкретные вопросы адвоката, либо в форме свободного рассказа опрашиваемого с постановкой уточняющих вопросов в конце его.
3. Акт опроса должен содержать сведения об адвокате, проводившем опрос (с указанием на принадлежность адвоката к адвокатскому образованию и адвокатской палате соответствующего субъекта РФ и на реестровый номер адвоката), номер ордера, на основании которого адвокат выполняет поручение; фамилию, имя, отчество, дату и место рождения опрашиваемого лица, его место жительства, место работы, должность, телефон, сведения о документах, удостоверяющих его личность, отметку о согласии на опрос, а также отношение опрашиваемого лица к сторонам процесса.
4. Акт опроса подписывается адвокатом, проводившим опрос, и опрашиваемым лицом.
5. Адвокат не вправе опрашивать лиц, уже допрошенных в качестве свидетелей по данному делу.

Статью с аналогичным содержанием видится необходимым ввести и в АПК РФ.

Предлагаемые изменения, как представляется, будут способствовать, во-первых, эффективной реализации закрепленного в Законе об адвокатуре статусного права адвоката на проведение опросов лиц с их согласия, во-вторых, позволят придать процессуальную форму результатам таких опросов и позволят адвокатам предоставлять акты опроса как вспомогательный источник фиксации информации, которая в дальнейшем может быть признана судом доказательством, суду же, в свою очередь, - принимать такие акты и исследовать их для выявления и собирания сведений о фактах, имеющих значение для быстрого и правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Библиография:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: в ред. Федер. закона от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ // Рос. газ. 2002. 27 июля; 2024. 04 июня.
2. Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: в ред. Федер. закона от 06 апр. 2024 г. № 74-ФЗ // Рос. газ. 2002. 20 нояб.; 2024. 10 апр.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ: в ред. Федер. закона от 22 апр. 2024 г. № 83-ФЗ // Рос. газ. 2002. 05 июня; 2024. 26 апр.
4. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: утв. Решением Совета ФПА РФ от 22 апр. 2004 г., протокол № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://parf.ru/documents/ra-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/>. – (дата обращения: 08.07.2024).
5. Разъяснения № 1 Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/5513/>. – (дата обращения: 08.07.2024).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яруллина Ильнура Рафкатовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, статьей 84, частями второй и третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подпунктами 2 - 3 пункта 3 статьи 6 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации": Определение Конституционного Суда РФ от 27 февр. 2024 г. № 294-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – (дата обращения: 08.07.2024).
7. Определение Верховного Суда РФ от 25 авг. 2017 г. № 308-ЭС17-10903 по делу № А61-2258/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – (дата обращения: 08.07.2024).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 окт. 2020 г. № 78-КГ20-36-К3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – (дата обращения: 08.07.2024).
9. Ефремов В., Потеряйко Л., Вершинин И., Чупарнова Е. Признание проведенных адвокатами опросов доказательствами в арбитражном и уголовном процессах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/priznanie-provedennykh-advokatami-oprosov-dokazatelstvami-v-arbitrazhnom-i-ugolovnom-protsessakh/>. – (дата обращения: 08.07.2024).

10. Права и обязанности адвокатов. На XV конференции «Адвокатура. Государство. Общество» обсудили права адвокатов, вопросы налогообложения и бесплатной помощи, планы создания музея адвокатуры [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/prava-i-obyazannosti-advokatov/>. – (дата обращения: 08.07.2024).
11. Рубин А. Протокол адвокатского опроса как вспомогательный инструмент доказывания. Что поможет усилить его процессуальную значимость [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/protokol-advokatskogo-oprosa-kak-vspomogatelnyy-instrument-dokazyvaniya/>. – (дата обращения: 08.07.2024).
12. Хвенько Т.И. Формы участия адвоката в доказывании // Адвокатская практика. 2022. № 1. С. 46 - 49.

References:

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002: as amended. Feder. Law No. 107-FZ of May 29, 2024 // Russian Gas. 2002. July 27; June 2024. 04.
2. The Code of Civil Procedure grew. Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002: as amended. Feder. Law No. 74-FZ dated April 06, 2024 // Russian Gas. 2002. 20 Nov.; 2024. 10 Apr.
3. On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Feder. Law No. 63-FZ of May 31, 2002: as amended. Feder. Law No. 83-FZ of April 22, 2024 // Russian Gas. 2002. 05 June; 2024. 26 Apr.
4. Methodological recommendations on the implementation of the rights of a lawyer provided for in paragraph 2 of Part 1 of Article 53, Part 3 of Article 86 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and paragraph 3 of Article 6 of the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation": approved. By the decision of the FPA Council of the Russian Federation dated April 22, 2004, Protocol No. 5 [Electronic resource]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-ri/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/>. – (date of access: 07/08/2024).
5. Clarifications No. 1 of the Council of the Moscow Chamber of Advocates on professional ethics [Electronic resource]. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/5513/>. – (date of access: 07/08/2024).
6. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yarullin Ilnur Rafkatovich for violation of his constitutional rights by paragraph 6 of Part Two of Article 74, Article 84, parts two and three of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, sub-paragraphs 2-3 of paragraph 3 of Article 6 of the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation": Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 27, 2024 No. 294-O [Electronic resource]. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – (date of application: 07/08/2024).
7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated Aug. 25, 2017 No. 308-ES17-10903 in case No. A61-2258/2016 [Electronic resource]. Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". – (date of appeal: 07/08/2024).
8. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 27, 2020 No. 78-KG20-36-K3 [Electronic resource]. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus". – (date of application: 07/08/2024).
9. Efremov V., Poteryayko L., Vershinin I., Chuparova E. Recognition of interviews conducted by lawyers as evidence in arbitration and criminal proceedings [Electronic resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/priznanie-provedennykh-advokatami-oprosov-dokazatelstvami-v-arbitrazhnom-i-ugolovnom-protsessakh/>. – (date of access: 07/08/2024).
10. The rights and obligations of lawyers. At the XV conference "Advocacy. State. The Society" discussed the rights of lawyers, issues of taxation and free assistance, plans to create a museum of advocacy [Electronic resource]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/prava-i-obyazannosti-advokatov/>. – (date of access: 07/08/2024).
11. Rubin A. The protocol of the lawyer's survey as an auxiliary tool of proof. Which will help to strengthen its procedural significance [Electronic resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/protokol-advokatskogo-oprosa-kak-vspomogatelnyy-instrument-dokazyvaniya/>. – (date of application: 07/08/2024).
12. Khvenko T.I. Forms of participation of a lawyer in proving // Law practice. 2022. No. 1. pp. 46-49.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_382

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ ПО ДОГОВОРУ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Judicial protection of electricity consumers under an energy supply contract in the context of digitalization

АДАМЕНКО Алла Петровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
Новочеремушкинская ул., 69, г. Москва, 117418, Россия.
ORCID 0000-0003-1018;
E-mail: a_alla@rambler.ru;

ПISKУНОВА Наталия Игоревна,

старший преподаватель кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
Новочеремушкинская ул., 69, г. Москва, 117418, Россия.
ORCID 0000-0002-9164;
E-mail: Npiskunova1982@yandex.ru;

Adamenko Alla P.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".
Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, 117418, Russia.
ORCID 0000-0003-1018;
E-mail: a_alla@rambler.ru;

Piskunova Natalia I.,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Russian State University of Justice".
Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, 117418, Russia.
ORCID 0000-0002-9164;
E-mail: Npiskunova1982@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье осуществляется анализ положений правовых актов и судебной практики, связанных с защитой прав потребителей в сфере энергоснабжения в условиях цифровизации. В ходе исследования авторы обращают особое внимание на взаимодействия гарантирующего поставщика и сетевой организации с потребителями электроэнергии и между собой, рассматриваются возникающие проблемы, в результате этого взаимодействия, а также вопросы, связанные с ответственностью вследствие поставки энергии ненадлежащего качества. На основании проведенного анализа делаются выводы об отсутствии единообразного правоприменения, что препятствует обеспечению надежности энергоснабжения, защиты законных прав и интересов потребителей. В связи с этим, целесообразным является приведение существующей судебной практики к единообразию, путем издания соответствующих документов высшими судебными органами. Такое действие будет способствовать улучшению правовой системы в целом и обеспечению более качественной защиты прав и интересов потребителей.

Abstract: Judicial protection of electricity consumers under energy supply contracts in the context of digitalization. This article analyzes the provisions of legal acts and judicial practice related to the protection of consumer rights in the field of energy supply in the context of digitalization. In the course of the study, the authors pay special attention to the interactions of the supplier of last resort and the network organization with electricity consumers and among themselves, and examine the problems that arise as a result of this interaction, as well as issues related to liability due to the supply of energy of inadequate quality. Based on the analysis, conclusions are drawn about the lack of uniform enforcement, which impedes ensuring the reliability of energy supply and protecting the legal rights and interests of consumers. In this regard, it is advisable to bring the existing judicial practice to uniformity by issuing relevant documents by the highest judicial authorities. Such action will help improve the legal system as a whole and ensure better protection of the rights and interests of consumers.

Ключевые слова: гарантирующий поставщик, сетевая организация, потребитель, ответственность, качество энергии.

Keywords: guaranteeing supplier, network organization, consumer, responsibility, energy quality.

Для цитирования: Адаменко А.П., Пискунова Н.И. Судебная защита потребителей электроэнергии по договору энергоснабжения в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 382-384. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_382.

For citation: Adamenko A.P., Piskunova N.I. Judicial protection of electricity consumers under an energy supply contract in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 382-384. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_382.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Цифровизация в электроэнергетике это процесс внедрения цифровых технологий, таких как smart-сети, интернет вещей (IoT), аналитика данных и искусственный интеллект для улучшения эффективности, надежности и управления электроэнергетическими системами. Она регулируется различными законами и нормативными актами, включая законы о техническом регулировании, о защите персональных данных, о кибербезопасности, а также специальные нормативные акты, устанавливающие требования к цифровым технологиям в энергетике. Цифровизация в электроэнергетике позволяет повысить эффективность управления энергосистемами, улучшить прогнозирование и планирование потребления энергии, снизить потери энергии, повысить надежность сетей, а также обеспечить более гибкое управление энергосистемами.

В соответствии с Федеральным законом "Об электроэнергетике" Правительство Российской Федерации утвердило Правила предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности), министерство энергетики Российской Федерации утвердило методику и порядок кодификации мест установки приборов учета электрической энергии и точек поставки электрической энергии; по согласованию с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации утвер-

жден перечень и спецификация защищенных протоколов передачи данных, которые могут быть использованы для организации информационного обмена между владельцами и пользователями интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности); совместно с Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Федеральной службой по техническому и экспортному контролю и Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработана базовая модель нарушителя (базовая модель угроз безопасности информации) в интеллектуальных системах учета электрической энергии (мощности); Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по согласованию с Министерством энергетики Российской Федерации утверждены перечень и спецификация защищенных протоколов передачи данных, которые могут быть использованы для организации информационного обмена между компонентами интеллектуальной системы учета электрической энергии (мощности) и приборами учета электрической энергии, которые могут быть присоединены к такой системе.

Вместе с тем, при цифровизации в электроэнергетике могут возникнуть вызовы и проблемы, связанные с кибербезопасностью, защитой данных, стандартизацией цифровых технологий, обучением персонала, а также необходимостью интеграции новых технологий с существующими системами. Для обеспечения безопасности и защиты данных при цифровизации в электроэнергетике принимаются различные меры, такие как внедрение систем кибербезопасности, шифрование данных, установка механизмов контроля доступа, обучение персонала по вопросам безопасности и соблюдение соответствующих нормативных требований.

Одной из основных проблем с которой сталкивается потребитель в сфере энергетики является нарушения со стороны субъектов электроэнергетики относительно тарифов, качества поставляемой энергии и тд.

Гражданско-правовую ответственность за качество и надежность обеспечения электрической энергией перед потребителями несут следующие субъекты электроэнергетики: гарантирующий поставщик, сетевая организация, исполнитель коммунальной услуги.

Гарантирующий поставщик - это коммерческая организация, осуществляющая энергосбытовую деятельность и заключающая публичные договоры. Однако, несмотря на кажущуюся проработанность материальных норм, до сих пор не урегулированы отдельные аспекты правоприменения.

Прежде чем переходить к рассмотрению практических проблем, необходимо выявить юридическую природу договора энергоснабжения. Стоит отметить, что к отношениям по договору энергоснабжения, не урегулированным Гражданским кодексом РФ, применяются законы и иные правовые акты об энергоснабжении, а также обязательные правила, принятые в соответствии с ними (п. 3, ст. 539 ГК РФ). [1]

Договор энергоснабжения рассматривается как разновидность договора купли-продажи. Согласно абз. 3 п. 6 Правил розничных рынков представление гарантирующим поставщиком интересов обслуживаемых им покупателей электрической энергии в отношениях с территориальными сетевыми организациями, другими собственниками объектов электросетевого хозяйства не требует специально оформленных полномочий. Эта норма дает гарантию поставщику быть представителем покупателя. Основываясь на положения п. 1 ст. 182 ГК РФ отношения гарантирующего поставщика с потребителем можно рассматривать как отношения по договору представительства.

А. В. Герасимов и И. К. Харитонов считают договор поставки своего рода «симбиозом» договоров купли-продажи и договора поручения на заключение договора об оказании услуг по передаче электрической энергии. [2]

Однако, это утверждение противоречит правовой природе договора энергоснабжения, который включает в себя ответственность поставщика за действия сетевой организации. Неоднозначность правовой природы договора энергоснабжения способствует не единообразному правоприменению судами норм материального права.

Во-первых, это проявляется при регрессном требовании гарантирующего поставщика после добровольного возмещении убытков с его стороны. Исходя из логики п.30 III. «Правила заключения договоров между потребителями (покупателями) и гарантирующими поставщиками и правила их исполнения, включающие существенные условия таких договоров, а также условия договоров, заключаемых потребителями (покупателями) с энергосбытовыми (энергоснабжающими) организациями, производителями электрической энергии (мощности) на розничных рынках» право регрессного требования в пользу гарантирующего поставщика не зависит от наличия вины сетевой организации. Однако, ряд судов придерживается иного мнения например Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 апреля 2018 г. по делу № А45-39765/2017 : качество поставленной энергии обеспечивается совместными действиями лиц, обеспечивающих снабжение электрической энергией потребителей, а ответчик как сетевая организация не является единственным лицом, ответственным за причинение вреда вследствие поставки энергии ненадлежащего качества. Следовательно, привлечение его к ответственности в виде возмещения вреда требует представления доказательств того, что причинение вреда явилось следствием действий ответчика. Суды занимают позицию, подразумевая долевую ответственность субъектов по договору энергоснабжения, а потому гарантирующий поставщик должен исчерпывающе доказать факт понижения качества электроэнергии именно по вине сетевой компании.

При рассмотрении споров между потребителями и гарантирующим поставщиком наблюдается следующая тенденция: отказ последнего от возмещения ущерба, вызванного аварийным отключением, со ссылкой на недоказанность причинно-следственной связи между действиями гарантирующего поставщика и возникновением убытков.

По мнению Е.О. Родина: «Происходит фактическое смешение деликтных и договорных обязательств. Потребителю достаточно доказать факт нарушения гарантирующим поставщиком договорных обязательств, а причинно-следственная связь в данном случае обосновывается наличием договора». [3] Гарантирующий поставщик может отказать потребителю в возмещении причиненного вреда только в случае, если докажет, что сбой произошел в результате несоблюдения потребителем обязанности по обеспечению целостности и сохранности прибора учета (в

приборе было обнаружено постороннее устройство, включенное в разрыв цепей счетного механизма, а на пломбе присутствовали следы ее модификации).

В ходе судебного разбирательства, гарантирующий поставщик привлекает сетевую компанию в качестве третьей стороны и возникает спор между потребителем и сетевой организацией относительно причин аварийных отключений и доказательства ущерба.

Если сетевая организация докажет несостоятельность правовой позиции потребителя, то суд откажет ему во взыскании ущерба с гарантирующего поставщика. Если же потребителю все же удастся обосновать свою позицию, то гарантирующий поставщик и тут остается защищенным, поскольку при таком развитии событий сформируется судебная преюдиция, это освобождает гарантирующего поставщика от необходимости сбора доказательств при обращении в сетевую компанию в регрессном порядке.

Е.О. Родин отдельно выделяет формирование судебной преюдиции, как способ уклонения гарантирующего поставщика от возложенных обязательств. Однако, с другой стороны, судебную преюдицию можно рассматривать как способ обеспечения экономических и юридических гарантий гарантирующему поставщику как особому субъекту, осуществляющему посреднические функции по договору энергоснабжения.

Законодателем предусмотрены следующие основания возникновения гражданско-правовой ответственности гарантирующего поставщика: за надежность снабжения потребителя электрической энергией и ее качество, ограничение режима потребления электрической энергии сверх допустимого числа часов ограничения. Однако, на практике гарантирующий поставщик все чаще осуществляет, на наш взгляд, действия с целью получения неосновательного обогащения, в частности: применяют штрафы и санкции путем составления акта о неучтенном (безучетном) потреблении электроэнергии, которого потребитель фактически не совершал.

Это происходит из-за установки приборов учета в помещении потребителя с классом мощности несоответствующей объему подаваемой электрической энергии, а также путем неверного определения уровня напряжения в отношении опосредованно присоединенных потребителей (например, ВН и СН-2). Позиция ВС РФ: «потребитель, опосредованно присоединенный к понижающей подстанции сетевой организации через сети лица, не оказывающего услуги по передаче электроэнергии, для целей ценообразования и взаиморасчетов считается присоединенным на уровне напряжения, соответствующем значению питающего (высшего) напряжения этой подстанции». Противоположной позиции придерживается, например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа.

Очевидно, что потребители электроэнергии являются более слабой стороной: у потребителя нет возможности знать все особенности в работе приборов учета электрической энергии, а также измерительных компонентов (трансформаторов тока, напряжения), в связи с чем выявить правомерность или неправомерность действий энергоснабжающей организации представляется весьма затруднительным, что ведет к нарушению прав потребителей. Для защиты прав потребителей в энергетической сфере необходимо развивать законодательство, которое бы учитывало особенности цифровой среды в современных реалиях.

Безусловно, отсутствие единообразного правоприменения препятствует обеспечению надежности энергоснабжения, защиты законных прав и интересов потребителей.

В связи с этим, целесообразным является приведение существующей судебной практики к единообразию. Данная цель может быть достигнута через издание соответствующих постановлений пленумов высших судебных инстанций, а также разъяснений со стороны ведущих регуляторов в отрасли, таких как Федеральная антимонопольная служба РФ и Министерство энергетики РФ. Этот подход будет способствовать обеспечению единого толкования законодательства и регулированию, а также созданию стабильной и предсказуемой правовой среды для различных субъектов права. Такое приведение практики к единообразию будет способствовать улучшению правовой системы в целом, способным обеспечить более качественную защиту прав и интересов граждан и организаций.

В том числе развитие правовой базы должно быть направлено на повышение мотивации субъектов электроэнергетики реализовывать мероприятия по обеспечению качества электрической энергии, а также на усиление ответственности за искажения, генерируемые в сеть, ответственности за автоматизированные системы и принимаемые ими решения, определение правовых механизмов для урегулирования вопросов ответственности за автоматизированные системы учета электроэнергии.

Библиография:

1. Адаменко А.П. Ответственность гарантирующего поставщика за неисполнение обязательств по договору энергоснабжения /А.П. Адаменко// Современный юрист. – 2018. – № 3(24). – С. 84-93. – EDN KAQOBZ.
2. Герасимов А.В., Харитонов И.К. Правовое положение гарантирующего поставщика в договоре энергоснабжения: проблемы и перспективы // Общество и право. 2016. N 3.
3. Родин Е.О. Отдельные правовые аспекты обеспечения надежности энергоснабжения// VEGAS LEX. Промышленная и экологическая безопасность охрана труда.

References:

1. Adamenko A.P. Responsibility of the supplier of last resort for non-fulfillment of obligations under the energy supply agreement /A.P. Adamenko // Modern lawyer. - 2018. - No. 3 (24). - S. 84-93. - EDN KAQOBZ.
2. Gerasimov A.V., Kharitonov I.K. The legal position of the guaranteeing supplier in the power supply contract: problems and prospects // Society and Law. 2016. N 3.
3. Rodin E.O. Certain legal aspects of ensuring the reliability of energy supply// VEGAS LEX. Industrial and environmental safety labor protection.

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР С ДИСТАНЦИОННЫМ РАБОТНИКОМ An employment contract with a remote employee

САЙФУТДИНОВА Венера Максutowна,

старший преподаватель кафедры экологического и трудового права
Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».
4500005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.
E-mail: venera-svm@mail.ru;

Sayfutdinova Venera Maksutovna,

Senior Lecturer at the Department of Environmental and Labor Law
of the Institute of Law Ufa University of Science and Technology.
4500005 Republic of Bashkortostan Ufa, 131 Dostoevsky str.
E-mail: venera-svm@mail.ru

Краткая аннотация: Активное внедрение формата дистанционной работы в современные социально-экономические отношения подтолкнуло законодателя к изменению и дополнению норм, регулирующих данную сферу правоотношений. В статье автор рассматривает как особенности регулирования труда дистанционных работников, так и вопросы, связанные с применением общих правил регулирования труда данной категории работников. Сделан вывод о том, что несмотря на достаточное количество норм, предоставляющих работодателям право регулировать отношения с дистанционными работниками, работодателями часто нарушаются нормы, касающиеся не только правил, дифференцирующих дистанционного работника как особого субъекта трудовых отношений, но и общие нормы и требования трудового законодательства.

Abstract: The active introduction of the remote work format into modern socio-economic relations has prompted the legislator to change and supplement the norms governing this area of legal relations. In the article, the author examines both the specifics of regulating the work of remote workers and issues related to the application of general rules for regulating the work of this category of workers. It is concluded that despite a sufficient number of norms granting employers the right to regulate relations with remote workers, employers often violate norms concerning not only the rules differentiating a remote worker as a special subject of labor relations, but also general norms and requirements of labor legislation.

Ключевые слова: дистанционный работник, дистанционная работа, прекращение трудовых отношений, трудовой договор, трудовые отношения.

Keywords: remote worker, remote work, termination of employment relations, employment contract, employment relations.

Для цитирования: Сайфутдинова В.М. Трудовой договор с дистанционным работником // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 385-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_385.

For citation: Sayfutdinova V.M. An employment contract with a remote employee // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 385-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_385.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

О дистанционной работе и платформенной занятости в науке говорят как о нетипичной «цифровой» форме занятости¹. В тоже время существует мнение, с которым следует согласиться, что дистанционная работа является характерной формой труда в информационном обществе и отнесение ее к нетипичной занятости не вполне обоснованно². Изначально появление дистанционной работы обусловлено развитием в XXI в. систем управления человеческим капиталом, социального партнерства, современных моделей тайм-менеджмента и гибких форм занятости³. Дистанционная работа позволяет быть занятым тем, кто при определенных условиях не смог бы иметь работу. Поэтому дистанционный труд — это важный и необходимый элемент социального государства⁴.

Несмотря на то, что правовое регулирование дистанционной работы свое более полное структурирование в законодательстве получило относительно недавно, так как это один из наиболее молодых институтов трудового права⁵, важность и значимость такого совершенствования правового регулирования очень велика. На наш взгляд, развитие информационного общества, экономической сферы общественной жизни и далее будут «вести за собой» трансформацию рынка труда в сторону увеличения количества дистанционных работников.

Данное в Трудовом кодексе РФ⁶ (далее – ТК РФ) определение дистанционной (удаленной) работы сводится к выделению двух ее ключевых признаков: 1) выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, 2) при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования.

Основными видами дистанционной работы являются постоянная (в течение срока действия трудового договора) и временная. При

¹ Шуралева С.В. О влиянии цифровых технологий на правовое регулирование труда и занятости уязвимых групп работников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 645.

² Иванчина Ю.В. Стационарные и нестационарные рабочие места: конвергенция правового регулирования // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 24.

³ Кузнецов Д.Л. Трансформация института регулирования труда дистанционных работников: новые правовые механизмы // Закон. 2021. № 1. С. 158 - 168.

⁴ Тимонин А. Н. Социальное государство: к истории концепта // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 1(59). – С. 28-37.

⁵ Белицкая И.Я. Дистанционный труд в России: в поисках решения // Закон. 2019. № 11. С. 57.

⁶ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 70-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).

этом временная включает в себя разновидности: непрерывная, в течение определенного трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору срока, не превышающего шести месяцев, либо периодически при условии чередования периодов выполнения работником трудовой функции дистанционно и периодов выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте.

Таким образом, к дистанционным работникам относятся работники, заключившие трудовой договор или дополнительное соглашение к трудовому договору, на постоянной или временной основе. Кроме того, законодатель установил норму о том, что к таким временным работникам, относятся и те, кто выполняет трудовую функцию в соответствии с локальным нормативным актом (ЛНА), принятым работодателем в соответствии со статьей 321.9 ТК РФ. Рассмотрим некоторые проблемы, связанные с регулированием труда дистанционных работников.

В первую очередь отметим, что из содержания трудового договора, дополнительного соглашения к нему должно явно следовать, что это дистанционный работник.

Так, при рассмотрении одного из дел было установлено, что дистанционному сотруднику была предоставлена площадка для дистанционной работы, отчетность отправлялась и по установленной работодателем электронной почте, и через мессенджеры. Через какое-то время данный сотрудник перестал выходить на связь, затем был уволен по ст. 312.8 ТК РФ. Рассмотрение дела в апелляционной инстанции¹ установило, что фактически в трудовом договоре не содержалось конкретизации и признаков, указывающих что этот работник принят в качестве дистанционного, а значит и не было оснований для увольнения. Работнику удалось взыскать за время вынужденного прогула почти один миллион рублей.

К числу специфических признаков дистанционной работы относится и процесс взаимодействия работника и работодателя. Работодателю дано право принять решение о взаимодействии с дистанционными работниками в формате правил осуществления электронного документооборота (ст. 22.1-22.3 ТК РФ), нормативно установив данные правила и ознакомив с ними работника.

При этом установленный в ЛНА порядок взаимодействия не должен нарушаться сторонами. Например, использование для взаимодействия курьера ни в трудовом договоре, ни в локальных нормативных актах не было предусмотрено в одной из организаций. Сотрудник данной организации не вышел на связь, что подтвердил и отправленный к нему курьер. Работодатель уволил сотрудника². Но суд указал, что в организации отсутствовали ЛНА, регулирующие дистанционный характер работы, в трудовом договоре порядок взаимодействия не описан, письменное объяснение не затребовано – все эти факты говорят о недоказанности уважительной причины увольнения.

К особенностям организации труда дистанционных работников законодатель относит и обеспечение его работодателем необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами или использование для выполнения трудовой функции принадлежащих работнику или арендованных таких средств, но с материальной компенсацией от работодателя, а также возмещением иных расходов, связанных с их использованием.

Так, у менеджера по работе с ключевыми клиентами работа носила дистанционный характер и требовала обеспечения его соответствующим оборудованием, технической документацией, однако работодателем эти условия выполнены не были. Работодатель лишь создал учетную запись, почтовый «ящик» и им был предоставлен доступ к служебным программным продуктам. Работник арендовал оборудование, а по окончании срока аренды в письменной форме (служебные записки) неоднократно обращался с просьбой предоставить оборудование. Работодатель указал, что разъездной характер работы ориентирован на встречи с клиентами, отчетность может отправляться через установленные средства связи, а также имеется много иных способов коммуникации с работодателем. Менеджер перестал отправлять отчеты и был уволен³, а затем оспорил это увольнение, взыскав с работодателя сумму арендной платы за ранее используемое оборудование.

В другом деле⁴ истица указала, что выполняла работу дистанционно при этом использовался ее личный персональный компьютер, электроэнергия, интернет, осуществлялся износ оборудования, а ответчиком никакие расходы истца не возмещены, не определен размер их возмещения, так как никакого соглашения между ними не заключалось и трудовым договором данные расходы не согласованы. В тоже время переписка посредством корпоративной электронной почты показала, что согласно представленного акта приема-передачи от 05.02.2021 г. данному работнику было передано оборудование: системный блок VRN-YUR-009, монитор ASUS 238 VZ 249, клавиатура, мышь. В результате судом компенсация за дистанционную работу была установлена в меньшем размере, по фактическим расходам.

В практической действительности часто споры возникают по поводу ситуаций с «возвращением» дистанционного работника в очный формат работы. Так, введенный в организации, из-за коронавируса, временный дистанционный режим работы был отменен, о чем был оповещен персонал организации. Один специалист продолжил работать удаленно⁵, не вернувшись на стационарное место в офисе. Службы безопасности заблокировали сотруднику доступ к корпоративной системе, в том числе и потому что он вошел в нее из другой страны. Кроме того, специалист не приехал на встречу и не подписывал служебные документы. В общей сложности таких «прогулов» набралось на месячный срок и сотруднику был объявлен выговор, а затем он был уволен. Сотрудник пытался аргументировать потребность в удаленном характере работы, обосновывая это многодетностью и уходом за больной матерью. Однако суды посчитали увольнение законным.

В тоже время достаточно случаев, когда при «возвращении в очный формат работы» работодатели нарушают не только присущие дистанционным работникам трудовые права, но и общие основы трудового законодательства. Например, в ситуации с увольнением технического

¹ Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 по делу № 8Г-25445/2023.

² Апелляционное определение СК по гражданским делам Тверского областного суда от 28.07.2022 по делу № 33-2673/2022.

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Саратовского областного суда от 23.03.2023 по делу № 33-2279/2023.

⁴ Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа по делу № 2-4702/23 от 29 ноября 2023 г.

⁵ Определение 2-го КСОЮ от 23.05.2024 по делу № 88-10057/2024.

директора¹ со стороны работодателя была проявлена абсолютная «юридическая несостоятельность». С 01.08.2018 г. истец работал в должности технического директора вне места расположения работодателя (дистанционно). Ответчик издал приказ о проведении организационных мероприятий от 12.12.2022 г., согласно которому с 21.02.2023 г. изменил условия трудового договора технического директора, обязав его присутствовать в офисе.

В последующем, истцу был объявлен выговор приказом от 13.01.2023 г. в связи с неисполнением п. 2 и п. 4 приказа № от 12 декабря 2022 г.: за неисполнение им обязанности подготовки, предоставления на согласование и утверждения в очной форме в установленные приказом сроки Плана выполнения задач Отделом разработки. А 21.02.2023 г. ответчик составил акт об отсутствии на рабочем месте истца и договор был прекращен с 21.02.2023 года в связи с отказом работника от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора (п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ).

В этом деле судом были установлены многочисленные нарушения трудового законодательства:

- истцом не получены устные или письменные требования работодателя о предоставлении письменных объяснений по факту нарушений, поименованных в приказе от 13.01.2023 г., а значит его лишили возможности дать объяснения;
- работодателем нарушен и срок уведомления работника (менее двух месяцев), и обязанность в письменной форме предложить работнику вакансии, которые у него имелись;
- ответчик не предоставил доказательств невыхода истца на связь либо невыполнение им должностных обязанностей;
- в организации отсутствовала, регулирующая труд истца должностная инструкция, а с ЛНА ответчика он ознакомлен не был; кроме того, в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих отсутствует характеристика должности «Технический директор», таким образом, у истца отсутствовал четко определенный спектр должностных обязанностей;
- нарушен и сам порядок вызова сотрудника на рабочее место, ведь в нарушение ст. 312.4 ч. 3 ТК РФ, работодатель не имеет права без согласия работника, выполняющего дистанционную работу постоянно, вызывать работника на рабочее место, а п. 2 приказа от 12.12.2022 г. требовал очного согласования плана выполняемых задач;
- в организации отсутствовал перечень изменений организационных или технологических условий труда (приказ от 12.12.2022 г.), а также отсутствовала обоснованность их принятия, также ответчик не представил доказательств таких изменений.

Следует отметить, что такие нарушения со стороны работодателей по отношению к дистанционным сотрудникам можно уже считать классическими. Ведь трудовое законодательство определяет общие основания прекращения трудового договора, которые также применяются к дистанционным работникам. И в тоже время специфика исполнения трудовой функции дистанционно дает возможность включить и иные основания расторжения трудового договора с дистанционным работником по инициативе работодателя (ст. 312.8 ТК РФ):

- отсутствие взаимодействия без уважительной причины с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя (более длительный срок может быть установлен порядком взаимодействия работодателя и работника (ч.9 ст. 312.3 ТК РФ));
- изменение работником местности выполнения трудовой функции, а это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях.

Сложность для работодателя состоит в том, что дистанционный работник не может быть уволен за прогул (исключения могут быть в случае с комбинированным режимом) в его классическом понимании² (ст. 81 ТК РФ), то есть отсутствуя на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), вне зависимости от его (ее) продолжительности, или отсутствуя на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены). Такой вывод подтверждается и правоприменительной практикой по подобным делам³.

Действительно, прямого запрета на увольнение дистанционного работника, отсутствующего более четырех часов подряд, за прогул в трудовом законодательстве нет.

В то же время, как мы указывали выше, само определение дистанционной работы предполагает ее выполнение исключительно вне какого-либо места, прямо или косвенно находящегося под контролем работодателя. Из этого следует, что у дистанционного работника конкретизируется в виде адреса определенное трудовым договором место работы. В судебном порядке⁴ часто признаются незаконными увольнения за прогул отсутствующего в офисе дистанционного работника. Суды указывают и на то, что при переменном режиме работы работодателю следует конкретно устанавливать время нахождения работника в офисе⁵.

Таким образом, трудовое законодательство содержит достаточное количество норм, регулирующих труд дистанционного работника. Сложность состоит в том, что в большинстве случаев регулирование труда передается на усмотрение сторон трудовых отношений с соблюдением общих требований законодательства. А работодатели не всегда четко устанавливают обязанности дистанционного работника, режим его ра-

¹ Решение по делу № 2-1300/13 от 28 ноября 2023 г. Советского районного суда г. Новосибирска.

² Ганчурина Н.С. Рабочее место и место работы как условие трудового договора с дистанционным работником // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. №2. С. 53-55.

³ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.

⁴ Определение Седьмого КСОЮ от 14.11.2023 по делу № 8Г-19340/2023; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.01.2024 по делу № 33-3119/2024; Определение Московского городского суда от 19.03.2024 по делу № 33-3231/2024.

⁵ Определение Тамбовского областного суда от 24.01.2024 по делу № 33-106/2024.

боты, порядок взаимодействия и вызова на рабочее место, дополнительные основания для прекращения трудовых отношений, при этом не соблюдая и общие нормы трудового законодательства. Однако и дистанционным работникам, и работодателям следует более внимательно относиться не только к включению тех или иных условий в трудовой договор, но и контролю за их выполнением.

Библиография:

1. Белицкая И.Я.: Дистанционный труд в России: в поисках решения // Закон. 2019. № 11. С. 57-65.
2. Ганчурина Н.С. Рабочее место и место работы как условие трудового договора с дистанционным работником // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. №2. С. 53-55.
3. Иванчина Ю.В. Стационарные и нестационарные рабочие места: конвергенция правового регулирования // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 24 -27.
4. Кузнецов Д.Л. Трансформация института регулирования труда дистанционных работников: новые правовые механизмы // Закон. 2021. № 1. С. 158 - 168.
5. Тимонин А. Н. Социальное государство: к истории // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1(59). С. 28-37.
6. Шуралева С.В. О влиянии цифровых технологий на правовое регулирование труда и занятости уязвимых групп работников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 645 - 661.

References:

1. Belitskaya I.Ya.: Remote labor in Russia: in search of a solution // Law. 2019. No. 11. pp. 57-65.
2. Ganchurina N.S. Workplace and place of work as a condition of an employment contract with a remote worker // Labor law in Russia and abroad. 2022. No. 2. pp. 53-55.
3. Ivanchina Yu.V. Stationary and non-stationary workplaces: convergence of legal regulation // Labor law in Russia and abroad. 2021. No. 3. pp. 24-27.
4. Kuznetsov D.L. Transformation of the Institute for regulating the work of remote workers: new legal mechanisms // Law. 2021. No. 1. pp. 158 - 168.
5. Timonin A. N. The social state: towards history // The Rule of law: theory and practice. 2020. No. 1(59). pp. 28-37.
6. Shuraleva S.V. On the impact of digital technologies on the legal regulation of labor and employment of vulnerable groups of workers // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2023. No. 4. pp. 645-661.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS AND ITS INTERRELATION WITH HUMAN RIGHTS

ТЮЛИН Александр Васильевич,
заместитель директора Московского Представительства
ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» по безопасности.
115035, Россия, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 9/28, стр. 2.
E-mail: tyulin@list.ru;

Tyulin Alexander Vasilievich,
Deputy Director of the Moscow Representative Office
of PJSC "VSMPO-AVISMA Corporation" for Security.
115035 Moscow, Pyatnitskaya St., 9/28, building 2.
E-mail: tyulin@list.ru

Краткая аннотация: Искусственный интеллект на сегодняшний день является активным участником гражданского оборота, таким образом остро стоит проблема правовой регламентации отношений с его участием. Поэтому безотлагательными являются такие ключевые вопросы, как правовая природа искусственного интеллекта, права человека, средства защиты прав человека и их взаимосвязь. С одной стороны, наблюдается быстрое укрепление позиций искусственного интеллекта, что положительно характеризует темпы цифровизации общества. С другой стороны, вызовы и достижения современного общества влекут за собой вызовы и риски, для минимизации которых необходима разработка норм права, которые способны сдерживать угрозы, в том числе и посредством определения и использования средств защиты гражданских прав. В представленной статье определены права человека и их взаимосвязь с искусственным интеллектом, как средством защиты гражданских прав, определены основные проблемы и риски, связанные с использованием систем искусственного интеллекта

Abstract: Artificial intelligence is currently an active participant in civil turnover, thus the problem of legal regulation of relations with its participation is acute. Therefore, such key issues as the legal nature of artificial intelligence, human rights, means of protecting human rights and their relationship are urgent. On the one hand, there is a rapid strengthening of the position of artificial intelligence, which positively characterizes the pace of digitalization of society. On the other hand, the challenges and achievements of modern society entail challenges and risks, for the minimization of which it is necessary to develop legal norms that are capable of containing threats, including through the definition and use of means of protecting civil rights. The presented article defines human rights and their relationship with artificial intelligence as a means of protecting civil rights, identifies the main problems and risks associated with the use of artificial intelligence systems.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, права человека, средства защиты гражданских прав.
Keywords: artificial intelligence, digital technologies, human rights, civil rights protection.

Для цитирования: Тюлин А.В. Искусственный интеллект как средство защиты гражданских прав и его взаимосвязь с правами человека // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_389.

For citation: Tyulin A.V. Artificial intelligence as a means of protection of civil rights and its interrelation with human rights // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_389.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024
Дата публикации: 03.10.2024

Цифровое право и цифровые технологии очень интенсивно развиваются, реализуя синергетический подход¹. Изучением искусственного интеллекта и гражданского законодательства в сфере защиты гражданских прав исследователи твердо ставят на первое место человека, личность, его сознание индивидуальность, защищаемую от любого рода механического воздействия (роботов) Только при условии, что сохранится личность человека можно создать для людей достойное общество. Соединить людей и общество, объединить личные интересы в будущем призвано справедливое государство с «человеческим лицом». Как указывается в науке, «Защита интеллектуальных прав на международном и региональном уровнях тесно связана с мировым технологическим и культурным развитием в целом, созданием, распространением и использованием существующих и новых проприетарных технологий»².

10 мая 2023 года на встрече профильных комитетов Европарламента было принято решение начать консультативный процесс по поводу искусственного интеллекта. Комитеты Европарламента по гражданским свободам и внутренним рынкам на стадии предварительных переговоров поставил мандат для действий в целях подписания правил системы искусственного интеллекта, который был подтвержден перед пленарными сессиями Европейской Парламентской ассамблеи. Далее последовали дебаты с секретарями Совета Евросоюза о финальном тексте данного законодательного акта и как итог проведения данных встреч и обсуждений - 13 марта 2024 года Европейский Парламент принял, а Совет Европейского союза одобрил - 21 мая 2024 года Регламент «Об искусственном интеллекте» (также Закон «Об искусственном интеллекте»).

Закон ЕС об искусственном интеллекте направлен на классификацию и регулирование приложений, использующих искусственный интеллект, в зависимости от риска причинить вред пользователю. Исходя из предложенной классификации продукты искусственного можно разделить на три категории:

- запрещенные системы (с недопустимой степенью риска);

¹ См. подробнее: Левушкин А.Н., Тюлин А.В. Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права // Юрист. 2021. № 11. С. 19 - 24.

² Левушкин А.Н., Бирюкова Е.Г. Интеллектуальная собственность в медицине и фармацевтике: особенности применения и защиты // Гражданское право. 2018. № 3. С. 17.

- системы с высокой степенью риска;
- остальные системы искусственного интеллекта.

Европейский Союз высоко ценит как те возможности, которые появляются в связи с внедрением искусственного интеллекта для жизни людей, так и вызовы, предоставленные его применением.

Предназначение и развитие такого феномена в обществе как искусственный интеллект требует проведения глубокого анализа того количества изменений, которые необходимы для включения искусственного интеллекта во все сферы жизни общества. В том числе новелл нормативно-правового регулирования прав человека на любые виды деятельности по осуществлению жизнедеятельности страны.¹

Переход к цифровой экономике с неизбежностью предполагает ускорение, установление точности, мобильности, а за счет этого и эффективности реализации всех производственных процессов, предоставления различных услуг, достижение ими высоких уровней сложности и конкурентоспособности². Робототехника и связанные с ней технологии искусственного интеллекта могут помочь в совершенствовании возможностей человека, что принесет пользу как самому человеку, так обществу тоже. Сюда можно отнести искусство; литературу; медицину; охрану здоровья людей; профилактику и диагностирование заболеваний; контроль за соблюдением правопорядка; профилактика правонарушений (включая охрану границ и предотвращение террористических атак); способы защиты окружающей среды. Охрана природной среда, рациональное природопользование и энергоснабжение (включая сельскохозяйственные нужды), прогнозирование природных процессов времени воздействия на них, действия в чрезвычайных ситуациях; сокращение вероятности появления опасных условий труда и снижение их опасности; создание рабочих мест для людей с ограниченными возможностями здоровья; лечение хронических заболеваний, облегчающее труд в определенных сферах (например, повышение трудоспособности); снижение уровня смертности на дорогах, развитие возможностей для перевозки грузов и людей; развитие механизмов государственного управления, взаимодействия общества и государства; выход на новые рынки и совершенствование продаваемой продукции.

Технологии искусственного интеллекта также могут помочь обучаться, расширяя границы своих познаний и умений.³

С помощью цифровых технологий в нашу жизнь приходит множество возможностей для инноваций, роста и создания рабочих мест. Это способствует нашей глобальной конкурентоспособности, а также творческому разнообразию.

Но также стоит упомянуть о тех трудностях и опасностях, которые несет использование систем искусственного интеллекта для гражданского общества.⁴

Одной из ярких проблем искусственного интеллекта является проблема использования дипфейков. По своей сути deepfake (от англ. deep learning – «глубокое обучение» и fake – «фальшивый») – реалистичная манипуляция аудио- и видеоматериалами с помощью искусственного интеллекта. Эта технология заставляет человека говорить то, чего он не произносил, и делать то, чего он никогда не совершал. Исходя из содержания deepfake является технологией компьютерного синтеза изображения, основывающаяся на искусственном интеллекте, где объединяется несколько изображений с человеком, запечатленным в разных ракурсах и с разными выражениями лица и делает из них видео фрагмент.

Применительно к решению ряда проблем связанных с дипфейками необходимо провести научно-обоснованную и практически полезную классификацию дипфейков, так предлагается классифицировать дипфейки по следующим критериям:

- по уровню ущерба: физический, психологический, финансовый, репутационный

- по субъектам посягательства: государство и его органы власти, муниципалитет и муниципальные органы власти, коммерческие структуры, некоммерческие структуры, физические лица

- по акторам дипфейков: физ. лица любители (физические лица любители, создающие дипфейки), физ. лица профессионалы (физические лица, профессионалы-IT отрасли создающие дипфейки), коммерческие структуры (представители СМИ, медиаиндустрии, PR-компаний, IT-компаний), представители общественных организаций, государство (в лице его организаций, учреждений, органов, ведомств и прочих структур)

По отношению к соблюдению Законодательных норм и правил акторы дипфейков делятся на добропорядочных и недобропорядочных.

В свою очередь не менее важной сферой возможных угроз использования искусственного интеллекта является использование машинного мышления военными. Так, военные действия с применением искусственного интеллекта нарушают самое главное и неотъемлемое право человека – права на жизнь.

В данный момент искусственный интеллект находится в стадии развития практически во всех сферах деятельности вооруженных сил многих стран. Это логично, так как в истории известно много случаев, когда новейшие достижения науки брались за разработку и на вооружение (в прямом смысле) сначала военными ведомствами. Однако, как будет сочетаться с правом человека на жизнь, зафиксированном в Хартии Европейского Союза об основных правах и Всеобщей декларации прав человека 1948 г., право (возможность) использовать системы искусственного интеллекта для принятия решений о том должны ли быть уничтожены люди или объекты, которые могут содержать людей.

Но не только проблемы морали и этики, связанные с подменой «человеческого» управления управлением, основанным на принятии решений машиной, возникают в результате внедрения искусственного интеллекта во сферы социального руководства. Использование юнитов ис-

¹ Евменов В.П. Интеллектуальные системы управления: превосходство искусственного интеллекта над естественным интеллектом? М.: КД Либроком, 2016. С. 104.

² См.: Левушкин А.Н. Правовое регулирование коллекторской деятельности как бизнес-процесса в эпоху цифровых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 4 (223). С. 82.

³ Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай. Кремниевая долина и новый мировой порядок. 2-е издание М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 72.

⁴ Безусловный доход по всему миру: какие страны вводят, а какие отказались URL: <https://vc.ru/future/42937-bezuslovnyy-dohod-po-vsemu-miru-kakie-strany-vvodyat-a-kakie-otkazalis> (дата обращения 01.08.2024)

кусственного интеллекта. В управлении людьми следует учитывать, что у роботов нет духовной, нравственной основы. И принятие искусственным интеллектом на себя управления, приводит к утрате человечности в конечном счете.

Утрата подлинно человеческого смысла в управлении обществом, нравственных начал управления и основ человеческой справедливости ведет к различным проявлениям дискриминации: женщины-мужчины (богатые – бедные), разные народы или религии – идеология вообще. Без сомнений, робототехнические устройства с искусственным интеллектом создаются для того, чтобы служить человеку и воспримут то, что заложено в них человеком. Однако эти системы —самообучающиеся, в то же время логике их решений человек иногда не может полностью проследить. Такие системы искусственного мышления могут либо приводить к дискриминации какой-либо одной социальной группы людей в пользу другой на базе заранее заданных алгоритмов программирования, руководствуясь собственным решением; а также являются хорошим способом для получения собственной выгоды. Особенно сильно риск того, что человек отдаст предпочтение роботу с искусственным интеллектом при выборе между своими интересами и целями машины.

Учредительные документы Европейского Союза прямо говорят, что каждый имеет право на эффективное средство правовой защиты и доступ к беспристрастному суду. И это прописано в их уставных документах: «Каждый кто имел нарушенные права или свободы может рассчитывать также получать эффективную правовую защиту при помощи судебных разбирательств». По общему правилу каждый имеет право на справедливое и публичное рассмотрение его дела в разумный срок независимо от других лиц независимо, беспристрастным судом, который изначально предусмотрен законом.

Человеческий фактор и не имеющие логической взаимосвязи факторы, которые могут повлиять на решение суда являются негативным фактором в защите фундаментальных прав личности. Их устранение может быть негативно для решения судебных дел о справедливости или оправданности таких решений.¹

Такие возможности всеобъемлющего использования роботизации и искусственного интеллекта в производстве ставят под сомнение само право человека на труд, а также использование его результатов. Тут встает вопрос о существовании целого комплекса трудового права, начиная от физического труда и заканчивая умственным. Право на труд и свобода профессиональной деятельности включены в число фундаментальных прав граждан. Каждый имеет право трудиться по своей профессии или же согласиться с выбранной для себя профессией. Также Трудовым кодексом РФ предусматривается право на защиту в случае неосновательного увольнения, права работника и работодателя получить справедливые условия труда. При внедрении систем искусственного интеллекта встает вопрос о будущем трудовых отношений, которые изменятся по причине влияния искусственной интеллект на предложение и спрос человеческого труда. Так как системы ИИ могут выполнять различные задачи вместо людей: роботы будут заменять их в рабочее время. Таким образом, искусственный интеллект меняет характер работы: некоторые рабочие места будут создаваться и другими исчезнут. Большинство из них станут преобразованы в соответствии с требованиями искусственного интеллекта. Правительство РФ должно сделать приоритетным модернизацию системы образования всех уровней.²

Когда говорится о праве работников на приватность, оно подводит к ещё одной области «вторжения» искусственного интеллекта, в которую является обоснованным беспокойством – конфиденциальности персональных данных и охране частной жизни граждан. Технологии искусственного интеллекта дают возможность людям открыто вторгаться в частную жизнь, ломая давно приобретенное право. Человек имеет право на неприкосновенность частной жизни и личную защиту.

Большие объемы и глобальный оборот данных являются важнейшими условиями для технологического прогресса искусственного интеллекта. Тем не менее, эти значительные изменения в сфере информации затрагивают отношения обмена персональными данными и охраны частной жизни таким образом что последние требуют внесения дополнительных мер по их защите.

И чем более размытым будет быть сфера неприкосновенности частной жизни, в следствие сбора и объединения большого количества данных об индивидуумах тем опаснее сбор информации сейчас может осуществляться.³

Иными способами, которых рядовой человек даже не имеет возможность иметь ввиду. Большинство потребительских товаров имеют встроенный искусственный интеллект или подобие машинного мышления: бытовая техника, детские игрушки и автомобили с прибором для отслеживания данных о здоровье. Все эти продукты делают это через передачу личных данных, в том числе их персональных данные на удаленные хранилища своих разработчиков или организаций, оказывающих услуги. На вопрос о том, является ли при данном конфиденциальность передачи информации в достаточной мере гарантированной трудно всегда дать однозначный ответ. На данный момент торговля данными процветает и на этот счет нельзя давать утвердительный ответы с полной уверенностью. Это означает, что приобретенные сведения могут не удерживаться у получившего их лица, а передаются третьим лицам. Имеет потенциально отслеживаемую информацию практически любая информация о пользовании современными электронными устройствами, об осуществлении платежей (и притом не обязательно осуществленных с использованием традиционных банковских карт), часто — о передвижениях.⁴

Благодаря этому сбор и соответствующая обработка данных об индивидах могут привести к дискриминации, нарушению принципов

¹ Бобков В.Н., Одинцова Е.А., Черных Е.А. Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: постановка проблемы и введение в анализ // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 13-27.

² Ежова В.Д., Николаева Н.А. Безусловный базовый доход: положительные и отрицательные стороны // В сборнике: Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (СНГ – 2018). 103. Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. Отв. ред. О.М. Барабаков, Ю.А. Зобнин. Изд-во: Тюменский индустриальный университет. 2018. С. 184-187.

³ Золотов С.А. Потенциальное влияние безусловного основного дохода на суммарные затраты рабочего времени в экономике России // Ученые записки Крымского педагогического университета. 2018. № 2 (60). С. 107-112.

⁴ Кислицына О.А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 32-47.

равенства справедливости, позволяют осуществлять контроль над правами человека. При использовании искусственного интеллекта нарушение права человека на приватность, может быть, не всегда связано с явно ненадлежащими действиями его оператора или достижением непропорциональных целей. Оно бывает даже побочным эффектом, когда происходит достижение важных общественных и государственных дел. Здесь также необходимо иметь баланс частного и общественного.

Необходимо найти такие формы электронного лица, юнита искусственного интеллекта, которые смогла бы на юридическом уровне и в правовых формах совместить подлинно человеческие качества человека-создателя с тем, что приносит искусственный интеллект. Нужно определить законодательно грань, после которой допустимо «очеловечивание» искусственного интеллекта.¹

Библиография:

1. Евменов В.П. Интеллектуальные системы управления: превосходство искусственного интеллекта над естественным интеллектом? М.: КД Librokom, 2016. 304 с.
2. Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай. Кремниевая долина и новый мировой порядок. 2-е издание М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.
3. Безусловный доход по всему миру: какие страны вводят, а какие отказались URL: <https://vc.ru/future/42937-bezuslovnyy-dohod-po-vsemu-miru-kakie-strany-vvodyat-a-kakie-otkazalis> (дата обращения 01.08.2024).
4. Бобков В.Н., Одинцова Е.А., Черных Е.А. Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: постановка проблемы и введение в анализ // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 13-27.
5. Ежова В.Д., Николаева Н.А. Безусловный базовый доход: положительные и отрицательные стороны // В сборнике: Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (СНГ – 2018). 103. Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. Отв. ред. О.М. Барабаков, Ю.А. Зобнин. Изд-во: Тюменский индустриальный университет. 2018. С. 184-187.
6. Золотов С.А. Потенциальное влияние безусловного основного дохода на суммарные затраты рабочего времени в экономике России // Ученые записки Крымского педагогического университета. 2018. № 2 (60). С. 107-112.
7. Кислицына О.А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 32-47.
8. Левушкин А.Н., Бирюкова Е.Г. Интеллектуальная собственность в медицине и фармацевтике: особенности применения и защиты // Гражданское право. 2018. № 3. С. 17-21.
9. Левушкин А.Н. Правовое регулирование коллекторской деятельности как бизнес-процесса в эпоху цифровых отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 4 (223). С. 80-88.
10. Лященко А.А., Антонова Н.А. Кардинальные изменения трудовых отношений как результат внедрения социальной концепции basic income // В сборнике: Актуальные проблемы реформирования современного законодательства // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. 2017. С. 145-148.

References:

1. Evmenov, V.P. Intelligent control systems: the superiority of artificial intelligence over natural intelligence? / V.P. Evmenov. - M.: KD Librokom, 2016. 304 p.
2. Kai-Fu Lee Superpowers of artificial intelligence. China. Silicon Valley and the new world order. 2nd edition M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 240 p.
3. Unconditional income around the world: which countries are introducing it, and which have refused URL: <https://vc.ru/future/42937-bezuslovnyy-dohod-po-vsemu-miru-kakie-strany-vvodyat-a-kakie-otkazalis> (accessed on August 6, 2024)
4. Bobkov V.N., Odintsova E.A., Chernykh E.A. Unconditional basic income as a regulator of improving the standard and quality of life: problem statement and introduction to analysis // Population. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 13-27.
5. Ezhova V.D., Nikolaeva N.A. Unconditional basic income: positive and negative aspects // In the collection: Problems of forming a single space of economic and social development of the CIS countries (CIS – 2018). 103. Proceedings of the annual International scientific and practical conference. Ed. O.M. Barabakov, Yu.A. Zobnin. Publisher: Tyumen Industrial University. 2018. Pp. 184-187.
6. Zolotov S.A. Potential impact of unconditional basic income on total labor costs in the Russian economy // Scientific notes of the Crimean Pedagogical University. 2018. No. 2 (60). Pp. 107-112.
7. Kislytsyna O.A. Introduction of the unconditional basic income system: what do Russians think? Who is for, who is against? // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 3. Pp. 32-47.
8. Levushkin A.N., Biryukova E.G. Intellectual property in medicine and pharmacy: features of application and protection // Civil law. 2018. No. 3. pp. 17-21.
9. Levushkin A.N. Legal regulation of collection activities as a business process in the era of digital relations // Property relations in the Russian Federation. 2020. No. 4 (223). pp. 80-88.
10. Lyashchenko A.A., Antonova N.A. Radical changes in labor relations as a result of the introduction of the social concept of basic income // In the collection: Actual problems of reforming modern legislation // Collection of articles of the International scientific and practical conference. Ufa. 2017. Pp. 145-148.

¹ Лященко А.А., Антонова Н.А. Кардинальные изменения трудовых отношений как результат внедрения социальной концепции basic income // В сборнике: Актуальные проблемы реформирования современного законодательства // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. 2017. С. 145-148.

ВЛИЯНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В РАМКАХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧАСТНЫХ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ЗАКУПКАХ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД The influence of inter-industry relations within the framework of multi-component legal relations on ensuring legal opportunities for individuals participating in procurement for state and municipal needs

ТЕРЕБУНОВ Андрей Анатольевич,
прокурор Ульяновской области, старший советник юстиции,
Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.
433000, Россия, Ульяновская область.
E-mail: sled22@mail.ru;

Terebunov Andrey Anatolyevich,
Prosecutor of the Ulyanovsk Region, Senior Justice Advisor, Honorary
Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
433000, Russia, Ulyanovsk region.
E-mail: sled22@mail.ru

Краткая аннотация. В статье доказывается, что правоотношения, возникающие из государственных закупок товаров работ и услуг, являются многокомпонентными и по мере их динамического развития регулируются различными отраслями права. Это дает возможность выявить межотраслевые связи в рамках единого правоотношения. Данные обстоятельства следует учитывать при осуществлении прокурорского надзора за осуществлением деятельности субъектов в рамках государственной контрактной системы.

Abstract. The article proves that legal relations arising from public procurement of goods, works and services are multi-component and as they develop dynamically are regulated by various branches of law. This makes it possible to identify inter-branch connections within a single legal relationship. These circumstances should be taken into account when implementing prosecutorial supervision over the implementation of activities of entities within the state contract system.

Ключевые слова: прокурорский надзор, государственные закупки, многокомпонентные отношения, закупочная деятельность, объект надзора, гарантированное осуществление гражданских прав, межотраслевые связи, государственные и муниципальные нужды.

Keywords: prosecutorial supervision, public procurement, multi-component relations, procurement activities, object of supervision, guaranteed implementation of civil rights, inter-branch connections, state and municipal needs.

Для цитирования: Теребунов А.А. Влияние межотраслевых связей в рамках многокомпонентных правоотношений на обеспечение правовых возможностей частных лиц, участвующих в закупках для государственных и муниципальных нужд // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 393-396. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_393.

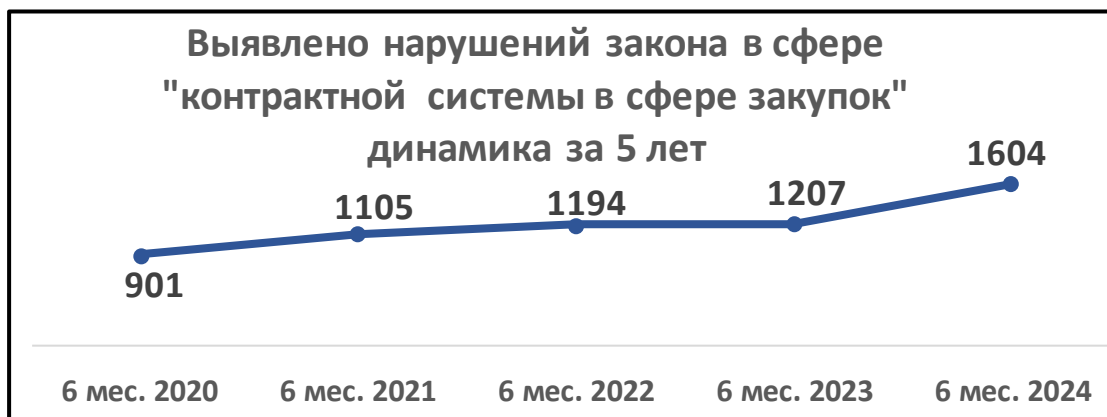
For citation: Terebunov A.A. The influence of inter-industry relations within the framework of multi-component legal relations on ensuring legal opportunities for individuals participating in procurement for state and municipal needs // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 393-396. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_393.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Закупки товаров работ и услуг для государственных и муниципальных нужд являются одной из приоритетных сфер прокурорского надзора, поскольку количество выявленных правонарушений в данной сфере остается достаточно высокой. Динамика надзорной деятельности прокуратуры Ульяновской области приведена на диаграмме 1.

Диаграмма 1. Динамика надзорной деятельности прокуратуры Ульяновской области

Правоотношения, возникающие из закупок для государственных и муниципальных нужд, носят неоднородный характер. При тщательном рассмотрении развития такого рода правоотношений в них можно обнаружить признаки различных отраслей права. При этом, данные признаки проявляются не хаотично, а на вполне конкретных участках развития правоотношения. Например, на стадии планирования закупок для государственных и муниципальных нужд возникает правовая связь административно-правового характера. Данное утверждение подтверждается, в частности тем, что за невыполнение предписаний законодательства, относящегося к отношениям, возникающим на данной стадии, наступает административно-правовая ответственность. Такая ситуация, на наш взгляд, является вполне естественной и органичной, поскольку было бы странным, если в процессе правового регулирования публичных закупок отсутствовал бы публично-правовой элемент. Следующая стадия организации и проведения торгов на право заключения договора носит гражданско-правовой характер. На стадии расчетов за поставленные товары (работы, услуги) возникают отношения, регулируемые финансовым правом, поскольку денежные средства выделяются из государственного бюджета.

Такие правоотношения, в которых поэтапно общественные отношения, регулируемые одной отраслью права, сменяют общественные отношения другой отраслевой принадлежности, предложено называть многокомпонентными. Идея существования таких динамических многокомпонентных правоотношений принадлежит О.А. Беляевой, позицию которой мы всецело поддерживаем [1]. Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о межотраслевых связях, которые также можно обнаружить при правовом регулировании общественных отношений, возникающих из государственных закупок для государственных и муниципальных нужд. Разница заключается в том, что межотраслевые связи свидетельствуют об общности, взаимной зависимости и обусловленности между различными правовыми отраслями [9, с. 37], а каждый компонент динамических многокомпонентных правоотношений характеризуется конкретной отраслевой принадлежностью и может быть однозначно отнесен к определенной отрасли права в соответствии с принципом дифференциации элементов системы права.

Характеризуя межотраслевые связи гражданского права, М.Ю. Чельшев пришел к следующему выводу: «Следовательно, с позиций проблематики межотраслевых связей можно выделить два сегмента предмета практически в любой отрасли права: «сферу интересов» только этой конкретной отрасли права и область совместного регулирования с другими правовыми образованиями» [9, с. 31]. Исследуя межотраслевые связи, мы имеем дело с правовым регулированием однородных общественных отношений, принадлежащими к одной конкретной отрасли права, выявляя при этом наличие в этой отрасли признаки, присущие другим отраслям. Например, от того, что в налоговом праве используется такой правовой инструмент, как договор, оно не трансформируется в гражданское право. Многокомпонентные динамические правоотношения, напротив, однородными с точки зрения отраслевой принадлежности не являются. Несмотря на то, что по мере развития таких правоотношений одна отрасль права поэтапно сменяет другую, можно утверждать, что речь идет не о совокупности множества правоотношений различной отраслевой принадлежности, а об едином правоотношении, основу которого составляют гражданско-правовые отношения. Так, например, расчеты за поставленные товары, работы и услуги за счет бюджета, хотя и регулируются финансовым правом, но самостоятельного правоотношения не порождают. Соответствующие действия по расчетам имеют преклюзивное значение, поскольку их совершение не порождает возникновение новых прав и обязанностей, а свидетельствует об исчерпании закупочного правоотношения в соответствующей части. Несогласие с данным утверждением приведет нас, например, к тому, что каждая операция в рамках проведения безналичных расчетов по договору банковского счета является самостоятельным гражданско-правовым договором.

Хотелось бы особо отметить, что каркасом, объединяющим разноотраслевые компоненты, является гражданско-правовое обязательственное правоотношение. Именно по мере его развития, в него вкрапляются компоненты других отраслей права.

Далее, следует сказать о том, что в рамках динамических компонентных правоотношений возникают межотраслевые правовые связи. Сама комплексная природа такого правоотношения, которое к тому же является единым и вполне самостоятельным, обуславливает наличие таких связей. Цивилистическое учение о межотраслевых связях гражданского права с иными правовыми отраслями разработал М.Ю. Чельшев. Он выделял внутренние и внешние межотраслевые связи.

Межотраслевые связи, возникающие в рамках динамических многокомпонентных правоотношений в сфере государственной контрактной системы, обуславливают влияние публично-правовых средств на осуществление правовых возможностей частных лиц. Данное утверждение представляется в рамках заявленной темы стабильным, на наш взгляд, важным, поскольку прокурор в своей надзорной деятельности применяет не только гражданско-правовые, но и публично-правовые средства. И те, и другие призваны обеспечить реальное осуществление правовых возможностей частных лиц. Воздействие на один из участков многокомпонентных динамических отношений публично-правовыми средствами может положительно сказаться на осуществлении правовых возможностей и исполнения обязанностей на других его участках. Рассмотрим отдельные случаи влияния публично-правовых средств на обеспечение частноправовых возможностей в сфере публичных закупок. Как отмечает М.Ю. Чельшев, существует тенденция увеличения степени комплексности правового регулирования в экономической сфере, и «этим осуществляется по сути нормативное признание соответствующей части системы межотраслевых связей гражданского права (выраженного В законодательстве о закупках)» [10, с. 201]. Во-первых, следует отметить, что только органы прокуратуры имеют право проводить плановые проверки в отсутствие жалоб от заинтересованных лиц [1]. Так при проведении прокуратурой надзорных мероприятий были выявлены такие нарушения законодательства поднадзорной организацией, как осуществление закупки без включения в план закупки, существенное превышение стоимости услуг при осуществлении закупки у единственного поставщика и др. Возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, основанного на материалах проверки прокуратурой, повлекли принятие мер по приостановке взыскания денежных средств по исполнительному листу [4, с. 34-37].

Возникают межотраслевые связи при применении публично-правовых средств прокурорского надзора за осуществлением публичных закупок с отраслью гражданско-процессуального права.

Роль прокурорского надзора в обеспечении баланса частных и публичных интересов неоднократно отмечалась в научной юридической литературе [3, с. 53]. Ненадлежащее соблюдение законов нарушает такой баланс, способствует разрушению правовой определенности, в связи с чем надзор за соблюдением законов и принятие мер реагирования напрямую направлены на приведение публичных и частных интересов в состояние сбалансированности» [4, с. 43]. При этом, надзорная деятельность самой прокуратуры должна служить как обеспечению публичных интересов, так и правовых возможностей частных лиц. Если такая направленность действий отсутствует, то это может привести к негативным последствиям. Приведем пример из судебной практики. Арбитражный суд Поволжского округа, рассмотрев жалобу первого заместителя прокурора Волгоградской области на решение на решение Арбитражного суда Волгоградской области от 26.06.2023 и постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2023 по делу № А12-35205/2022 своим постановлением от 25 декабря 2023 г. № Ф06-11678/202 в удовлетворении жалобы отказал. Заявитель жалобы просил признать недействительным (ничтожным) муниципальный контракт от 13.09.2022 № 2131, заключенного муниципальным учреждением коммунально-дорожного строительства, ремонта и содержания, г. Волгоград (далее - Учреждение) и Предпринимателем, и применить последствия недействительности ничтожной сделки в виде взыскания с Предпринимателя в пользу Учреждения 6373500 руб. 11 коп [6].

По мнению представителя прокуратуры сделка должна быть признана недействительной, поскольку на момент заключения муниципального контракта на предпринимателя было наложено административное взыскание в виде права занимать руководящие должности, поэтому он не соответствовал требованиям, предъявляемым к участникам электронного аукциона. Между тем, суд кассационной инстанции верно указал, что участник торгов дисквалифицирован как директор ООО «Портэк», а не как предприниматель.

Но более важным выводом, изложенном в Постановлении суда является указание на то, что признание контракта недействительным не отвечает публичным интересам. Несмотря на то, что прокуратура выступала в интересах муниципального образования (городской округ - герой Волгоград), у публично-правового образования были совсем другие интересы, поэтому оно выступило в суде против удовлетворения жалобы прокуратуры. В самом деле, предприниматель, выступая в качестве подрядчика, полностью исполнил контракт по строительству дорог. Согласно условиям контракта гарантийный срок устранения подрядчиком дефектов выполненных работ составляет 10 лет. Поэтому, признание контракта недействительным повлечет отмену гарантийных обязательств Предпринимателя, что не может не ухудшить положение собственника, а также обременит его дополнительными организационными, временными и финансовыми издержками. Обратной стороной медали является то, что удовлетворение жалобы послужит необоснованному урезанию частно-правовых возможностей подрядчика.

Прокурор, выступая в цивилистическом процессе, связанном с публичными закупками, должен во главу угла ставить интересы тех лиц, в защиту которых он обращается. На это, в частности указано в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 25 октября 2023 г. № Ф06-9227/2023, рассмотревшего жалобу прокурора о признании муниципального контракта недействительным. Суд учел, что интересы муниципального образования будут не защищены, а, напротив, ущемлены. «В случае признания контрактов недействительными, бюджет понесет дополнительные затраты на организацию аукциона и поиск организаций для устранения недостатков, которое подлежали бы устранению в рамках гарантийных обязательств ООО «Ренессанс». Признание контрактов недействительными в данном случае не соответствует общественным и государственным интересам, не повлечет за собой восстановление нарушенного, по мнению заявителя права, поскольку оспариваемые контракты сторонами фактически исполнены» [7].

Если в 2018 г. М.Ф. Максютлов пришел к однозначному выводу о том, что «из года в год объемы закупочных процедур, реализуемых посредством Закона № 223-ФЗ, увеличиваются, при этом эффективность закупочной деятельности остается на довольно низком уровне, что требует повышенного прокурорского внимания», то в последнее время количество закупочных процедур год от года уменьшается. По данным сайта <https://zakupki.gov.ru/> общая сумма заключенных государственных контрактов по 44-ФЗ в 2022 г. – 11 532,17 млрд руб., 10 211,09 млрд руб., по 223-ФЗ в 2022 – 11 614,64 млрд руб., в 2023 -10 635,39 млрд руб. Между тем, данную динамику нельзя назвать однозначной. По данным Ежеквартального отчета Росфинмониторинга по результатам мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за III квартал 2023 г. по состоянию на конец III квартала 2023 г. наблюдается существенное увеличение (в 25 раз) количества закупок у единственного поставщика в электронной форме в соответствии с частью 12 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (через "электронный магазин") [2].

Выводы:

1. Правоотношения, в которых поэтапно общественные отношения, регулируемые одной отраслью права, сменяют общественные отношения другой отраслевой принадлежности, являются многокомпонентными. Межотраслевые связи, возникающие в рамках динамических многокомпонентных правоотношений в сфере государственной контрактной системы, обуславливают влияние публично-правовых средств на осуществление правовых возможностей частных лиц.
2. Нельзя сказать, что отсутствуют подвижки в повышении качества эффективности закупочных процедур, однако об их полной эффективности говорить преждевременно, а, следовательно, необходимо работать и над эффективностью прокурорского надзора в данной сфере.

Библиография:

1. Беляева О.А. Закупки по 223-ФЗ: комментарии, разъяснения, практика (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.
2. Ежеквартальный отчет Росфинмониторинга по результатам мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за III квартал 2023 г. [Электронный ресурс] // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1720765971&tld=ru&lang=ru&name=Monitoring_3_kvartal_2023_n.pdf&text
3. Максютов М.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. 219 с.
4. Махмудов З.Ш., Бурчак К.А. Надзор за исполнением законодательства при осуществлении закупок юридических услуг у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц // Законность. 2022. №1. С. 34-37.
5. Обеспечение прокурором баланса частного и публичного интересов в сфере защиты права частной собственности: моногр. / Н.Д. Бут [и др.]; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. 197 с.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 декабря 2023 г. № Ф06-11678/202 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 октября 2023 г. № Ф06-9227/2023.
8. Сотрудники Института приняли участие в Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы кодификации российского законодательства: история, современное состояние и векторы развития (к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года)» [Электронный ресурс] // URL: <https://izak.ru/institute/events/sotrudniki-instituta-prinyali-uchastie-v-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-aktualnye/?impaired=y&ysclid=ly6r2zvzw4337859599> (дата обращения 04.07.2024).
9. Чельшев М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 160 с.
10. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. Гос. Ун-та, 2008. 205 с.

References:

1. Belyaeva O.A. Procurement under 223-FZ: comments, clarifications, practice (article by article) // SPS ConsultantPlus.
2. Quarterly report of Rosfinmorning on the results of monitoring purchases of goods, works, and services for public and municipal needs, as well as purchases of goods, works, and services by certain types of legal entities for the third quarter of 2023 [Electronic resource] // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1720765971&tld=ru&lang=ru&name=Monitoring_3_kvartal_2023_n.pdf&text
3. Maksyutov M.F. Prosecutorial supervision of the execution of laws in the field of procurement of goods, works, services by certain types of legal entities. Diss. ...cand. Jurid. Sciences. – M., 2018. 219 p.
4. Mahmudov Z.Sh., Burchak K.A. Supervision of the implementation of legislation in the procurement of legal services from a single supplier by certain types of legal entities // Legality. 2022. No. 1. pp. 34-37.
5. Ensuring the balance of private and public interests by the prosecutor in the field of protection of private property rights: monograph / N.D. Booth [et al.]; Acad. Gener. The prosecutor's office was growing. Federation. M., 2015. 197 p.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated December 25, 2023 No. F06-11678/202 // SPS "ConsultantPlus".
7. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated October 25, 2023 No. F06-9227/2023.
8. The staff of the Institute took part in the International scientific and practical conference "Actual problems of codification of Russian legislation: history, current state and vectors of development (to the 100th anniversary of the Civil Code of the RSFSR of 1922)" [Electronic resource] // URL: <https://izak.ru/institute/events/sotrudniki-instituta-prinyali-uchastie-v-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-aktualnye/?impaired=y&ysclid=ly6r2zvzw4337859599> (accessed 07/04/2024).
9. Chelyshev M.Y. The concept of optimization of intersectoral relations of civil law: problem statement. Kazan: Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin, 2006. 160 p.
10. Chelyshev M.Y. Fundamentals of the doctrine of intersectoral relations of civil law. Kazan: Kazan Publishing House. State. Unita, 2008. 205 p.

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ MEDIATION PROCEDURE AS AN ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION METHOD: ANALYSIS OF APPLICATION PRACTICE

МАРТЬЯНОВА Галина Васильевна,

доцент, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: martyanova@rgust.ru;

ГОЛОВОЧЕВА Юлия Александровна,

магистрант факультета юриспруденции

ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: golovacheva@rgust.ru;

MARTIANOVA Galina Vasilyevna,

Associate Professor, Candidate of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian State University of Social Technologies.

Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.

E-mail: martyanova@rgust.ru;

GOLOVOCHEVA Yulia Alexandrovna,

undergraduate student, Faculty of Law, Russian State University of Social Technologies.

Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.

E-mail: golovacheva@rgust.ru

Краткая аннотация: в данной научной статье проанализирована практика применения медиации при разрешении споров в различных сферах общественных отношений с учетом результатов, полученных в ходе анкетирования респондентов о наличии и преимуществах института медиации.

Abstract: This scientific article analyzes the practice of mediation in dispute resolution in various spheres of public relations, taking into account the results obtained during the survey of respondents about the availability and advantages of the mediation institute.

Ключевые слова: медиация, судебная практика, анкетирование, респондент, медиатор, арбитражный спор.

Key words: mediation, judicial practice, questionnaire, respondent, mediator, arbitration dispute.

Для цитирования: Мартьянова Г.В., Головачева Ю.А. Процедура медиации как альтернативный способ разрешения споров: анализ практики применения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 397-400. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_397.

For citation: Martianova G.V., Golovacheva Yu.A. Mediation procedure as an alternative dispute resolution method: analysis of application practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 397-400. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_397.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Медиация представляет собой один из эффективных механизмов разрешения споров. В данном контексте будут проанализированы практические аспекты ее внедрения в различные сферы общественных отношений.

В ходе исследования было проведено анкетирование методом случайной выборки респондентов и произведен статистический анализ показателей осведомленности граждан России о наличии и преимуществах института медиации. В проведенном нами анкетировании приняло участие 270 человек, из которых 58,14% мужчины и 41,85% женщины (см. табл. 1). Возраст респондентов от 18 до 24 лет составил 6,66% от общей численности опрошенных, от 25 до 29 лет – 24,81%, от 30 до 39 лет – 36,29%, от 40 до 49 лет – 13,70%, от 50 до 59 лет – 16,66%, от 60 и старше – 1,85%.

Таблица 1 – Анализ контингента респондентов, принимавших участие по анкетированию по вопросам процедуры медиации

Возраст респондентов/ период проведения анкетирования	2021 г. [18] (всего 370 респондентов)				2022-2024 гг. (всего 270 респондентов)			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
	214	57,8	156	42,2	157	58,14	113	41,85
	чел.		%		чел.		%	
От 18 до 24 лет	94		25,4		18		6,66	
От 25 до 29 лет	139		37,6		67		24,81	
От 30 до 39 лет	100		27		98		36,29	
От 40 до 49 лет	28		7,6		37		13,70	
От 50 до 59 лет	7		1,9		45		16,66	
От 60 лет и старше	2		0,5		5		1,85	

В рамках анкетирования респондентам был сформулирован вопрос о том, знают ли они, что такое медиация, на который 51,11% респондентов ответили утвердительно, что знают, 21,48% – не знают и 27,40% респондентов затруднились с ответом (см. табл. 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ ответов (по годам) на вопрос о том, знают ли респонденты о том, что такое медиация

Вопрос - что такое медиация	Вариант ответа «Да»				Вариант ответа «Нет»				Вариант ответа «Затрудняюсь ответить»			
	2021		2022-2024		2021		2022-2024		2021		2022-2024	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
	194	32,4	138	51,11	16	33,3	98	31,48	190	24,3	24	227,4

Также анкета содержала вопрос с выбором верного варианта определения медиации, в которых кроме верного варианта ответа содержались варианты дефиниций, связанных с понятиями медиатизация и медитация. На поставленный вопрос 56,30% респондентов выбрало верное определение медиации, 35,18% опрошиваемых соотнесли процедуру медиации с деятельностью средств массовой информации (медиатизацией) и 8,51% респондентов соотнесли с медитацией (см. табл. 3).

Таблица 3 – Сравнительный анализ ответов (по годам) на вопрос о верном (по мнению респондентов) определении понятия «медиация»

Вопрос о верном определении понятия «медиация»	Верный вариант определения медиации				Вариант определения, связанный с понятием медиатизация				Вариант определения, связанный с понятием медитация			
	2021		2022-2024		2021		2022-2024		2021		2022-2024	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
	130	35,1	152	56,29	138	37,3	95	35,18	102	27,6	23	8,51

Анкетирование также включало вопрос о главной задаче медиатора в рамках процедуры медиации, на который большая часть респондентов (62,59%) верно определила его задачу, 32,22% респондентов ошибочно определили задачу медиатора и 5,18% опрошиваемых затруднились в выборе верного ответа (см. табл. 4).

Таблица 4 – Сравнительный анализ ответов (по годам) на вопрос о главной задаче медиатора в рамках процедуры медиации (по мнению респондентов)

Вопрос о главной задаче медиатора в рамках процедуры медиации	Верный вариант определения задачи медиатора				Ошибочный вариант определения задачи медиатора				Выбор варианта определения задачи медиатора затруднителен			
	2021		2022-2024		2021		2022-2024		2021		2022-2024	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
	227	61,4	169	62,59	59	15,9	87	32,22	84	22,7	14	5,18

Также в рамках анкетирования респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, насколько они доверяют медиатору по десятибалльной шкале. Анализ данных ответов показал, что большинство опрошиваемых доверяют на 8 баллов.

Наиболее низкий балл, который выбрало большинство респондентов (21,48%) – 5 баллов, а наиболее высокий балл, который большинство респондентов (50,74%) обозначило как максимальный уровень доверия медиатору было 8 баллов (см. табл. 5).

Таблица 5 – Анализ уровня доверия медиатору респондентов по десятибалльной шкале

Баллы	Вопрос о доверии респондентов медиатору по десятибалльной шкале	
	чел.	%
1 балл	0	0
2 балла	1	0,37
3 балла	4	1,48
4 балла	8	2,96
5 баллов	58	21,48
6 баллов	16	5,92
7 баллов	34	12,59
8 баллов	137	50,74
9 баллов	7	2,59
10 баллов	5	1,85

На основании анализа проведенного анкетирования можно сделать вывод о том, что показатели осведомленности граждан РФ о процедуре медиации по сравнению с данными за 2021 год выросли на незначительный процент. По-прежнему, среди населения показатель знания содержания процедуры медиации является доминирующим, однако также существует тенденция смешения института медиации с деятельностью средств массовой информации. При этом, большая часть респондентов оценила уровень доверия медиатору как более высокий.

Интересна практика применения процедуры медиации. Активную позицию в урегулировании спора посредством процедуры медиации занимает такая повсеместно известная компания как АО «Газпром», например, в Суде по интеллектуальным правам (спор об использовании словесного обозначения «Газпром» в фирменном наименовании), а также в арбитражных спорах (спор о просрочки поставки продукции) [11].

Посредством медиации был урегулирован также спор по интеллектуальным правам между ООО «ДИАМ ДИДЖИТАЛ» и ООО «Диамир» [12] о защите исключительных прав на товарные знаки, досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков, а также спор между ООО «РС Балчуг» и ООО «НАМВЕЗЁТ» о досрочном прекращении правовой охраны знака обслуживания вследствие его неиспользования (дело: СИП-1069/2022) [13]. Аналогичный спор [16] был также между иными лицами, который завершился заключением медиативного соглашения, содержание которого сводилось к отказу сторон от своих требований (первый – о досрочном прекращении правовой охраны знака обслуживания, а второй – от любых требований к Истцам, связанных с использованием знаков обслуживания) и соглашению Сторон о признании обстоятельства, что все действия Истца, связанные с использованием знака обслуживания до 31.05.2022 года, осуществлялись с согласия Ответчика (хотя, как следует из фактических обстоятельств дела, такого согласия от Ответчика не поступало).

Сильные позиции медиация занимает также по спорам с участием иностранных компаний, особенно в условиях введения санкций против российских организаций. В таких условиях медиация имеет преимущество как для российской стороны, так и для ее иностранного контрагента. Данное обстоятельство обусловлено тем, что российские суды принимают решение в пользу отечественных компаний с определенной предвзятостью судей к компаниям из «недружественных» стран, например, по делу «свинки Пепы» (№ А28-11930/2021) [17]. Тем не менее, пусть даже и не открыто

как в данном примере, но имеется тенденция поддержания отечественных компаний в спорах с иностранными. Для российских компаний трудности, возникающие в ходе исполнения судебного решения могут начинаться от предвзятого отношения к российским лицам иностранных судов и заканчиваться наймом юристов, получением присужденного имущества, доставкой почтовой корреспонденции в зарубежные страны, что вызывает длительные отложения заседаний, а также исполнением решения российского суда против иностранного лица, у которого нет имущества в России.

Ввиду данных обстоятельств медиация имеет ряд преимуществ, среди которых возможность выбора в качестве медиатора лицо, которое будет иметь нейтральную не только личную позицию по отношению к обеим сторонам, но и нейтральную национальность и гражданскую принадлежность относительно гражданской принадлежности Сторон спора, что стало важным в настоящее время.

Несмотря на санкционную политику государств взаимодействия между иностранными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями по-прежнему продолжают. Так, например, интересен случай заключения медиативного соглашения в рамках бесспорного урегулирования бизнес-ситуации между российским предпринимателем и американской компанией «Starbucks Corporation» (далее – «Старбакс») [2] о сходном до степени смешения обозначении. Еще один спор при участии также известной организации (ООО «СКОЛКОВО ИНФРАСТРУКТУРА»), в отношении которой сербская компания АО «Путеви» Ужице подало исковое заявление о признании незаконным одностороннего отказа от исполнения договора подряда № *** от 20.12.2013 на разработку рабочей документации, выполнение строительно-монтажных работ, выполнение пусконаладочных работ, оказание услуг по авторскому надзору и ввод в эксплуатацию объекта [5] на сумму исковых требований 1 208 110 902,52 руб.

Также практика показывает о возможности мирного урегулирования споров не между разными компаниями, а руководителями одной организации, то есть речь идет о корпоративных конфликтах. Так, содержание спор (арбитражное дело №А65-25393/2020) сводилось к тому, что один из руководителей компании взял в лизинг от имени общества автомобиль, после чего по истечении одного года данный автомобиль был реализован гражданке по выкупной цене в 1 тыс. рублей, без оформления права собственности за лизингополучателем [4]. Общество посчитало, что фактически лишилось имущества без эквивалентного встречного предоставления.

Другое медиативное соглашение было заключено между ООО «СТРОЙКО» и МУП «Служба эксплуатации мостов» г. Иркутска по строительному спору (судебное дело А19-14334/2020) [6] о задолженности по договору субподряда на сумму 3,4 млн. рублей.

Иное медиативное соглашение между организациями было заключено в ходе судебного разбирательства, содержание которого включило в себя условия о возмещении затрат на управление и содержание общей инфраструктуры коттеджного поселка г. Москвы [7].

Стороны доверяют процедуре медиации также в разрешении межбанковских споров с участием физических лиц о просроченной задолженности клиента между банками («Сбер» и «Тинькофф») и самим заемщиком [19]. По результатам такого взаимодействия заемщик получил отсрочку по выплате кредитов в обоих банках и комфортный размер платежей в льготный период [20]. Аналогичные споры, одной из сторон по которому являлось ПАО «СберБанк» были рассмотрены и урегулированы с помощью процедуры медиации в рамках дала А33-9807/2023 [9] и дела А33-9809/2023 [10].

При этом, следует отметить положительное отношение государства к применению процедуры медиации при решении вопросов о реструктуризации задолженности. Так, в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года сделан акцент на необходимости создания работающего механизма выхода заемщиков банков из сложной ситуации закредитованности с помощью института медиации [1].

Важно подчеркнуть, что государственные органы активно принимают участие в процедуре медиации, что также способствует развитию института примирения. Примером может послужить урегулированный посредством медиации спор между физическим лицом (Истец) и ГБУ «Жилищник района Бирюлево-Восточное» о возмещении ущерба от залива [14].

Медиация имеет место быть также и в области торговли. Так, по спору между ООО «ОКА Молоко» и ООО «Жемчужина» возник спор о взыскании задолженности за поставку молока на сумму 3,8 млн. рублей (дело: А54-6948/2022) [15].

Выше представленная судебная практика показывает о высоком спросе на разрешение спора посредством процедуры медиации, при этом также есть основание полагать, что Федеральная служба судебных приставов не до конца осведомлена об особенностях медиативного соглашения. Так, Девятым арбитражным апелляционным судом было рассмотрено исковое заявление ООО «Новый мир» к АО «Альфа-Банк» о взыскании неосновательного обогащения в размере 831 789 руб. 40 коп., а также проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 89 753 руб. 50 за соответствующий период [3]. Поводом для подачи данного искового заявления служило удержанием банком комиссии в размере 10% от остатка денежных средств на счете за проведение операции по исполнительному документу (медиативному соглашению). В своем Постановлении Девятый арбитражный апелляционный суд подтвердил позицию истца и указал, что исполнительный документ – это распоряжение, принимаемое банком к исполнению в соответствии с законом об исполнительном производстве, а не с договором банковского счета.

Также судебная практика говорит нам о том, что на основании нотариально удостоверенного медиативного соглашения может быть начата процедура банкротства должника (арбитражный суд Челябинской области от 23.06.21 по делу А76-9079/21). Такой подход придает дополнительный вес медиативным соглашениям. Даже если ваш должник не исполнил медиативное соглашение, вы без суда получаете не только исполнительный документ, но и возможность начать процедуру банкротства, если сочтете это необходимой мерой для защиты нарушенного права. При этом, как отмечалось ранее, медиативное соглашение, удостоверенное нотариально имеет силу исполнительного листа, что также подтверждается судебной практикой по спору из договора поручительства, возникшему между организациями [8]. Из материалов арбитражного спора следовало, что ввиду неисполнения одной из сторон своих обязательств по медиативному соглашению, компания-кредитор (Истец) обратилась в суд с просьбой возбудить дело о банкротстве поручителя. Общество с этим не согласилось, утверждая, что для инициирования банкротства нужен судебный акт о взыскании задолженности, а медиативное соглашение может стать основой для возбуждения дела о несостоя-

тельности только тогда, когда оно утверждено судом как мировое соглашение. Тем не менее, апелляционная инстанция подтвердила, что нотариально удостоверенное медиативное соглашение имеет силу исполнительного листа.

В заключении, подчеркнем, что результаты исследования свидетельствуют о высокой востребованности медиации в разрешении конфликтов, однако для максимального его внедрения в практику обществу необходимо достичь определённого уровня знания и психологического стремления к решению спора путём нахождения компромисса. Важно отметить, что медиация способствует сохранению отношений, снижению конфликтности и достижению взаимовыгодных решений для сторон. Этот метод не только экономит время и ресурсы, но и предоставляет участникам процесса больший контроль над исходом спора, способствует построению долгосрочных позитивных взаимоотношений, что делает его неотъемлемой частью современной системы разрешения споров.

Библиография:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, № 1 (часть III), ст. 476.
2. Постановление Суда по интеллектуальным правам г. Москвы от 17.09.2021 года по делу № СИП-712/2020. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.07.2024).
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2023 года по делу № А40-209370/2022. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.09.2021 года по делу № А65-25393/2020. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 07.07.2024).
5. Определение Арбитражного суда города Москвы от 23.12.2023 года по делу № А40-130408/21-14-970. – URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 07.07.2024).
6. Определение Арбитражного суда Иркутской области от 21.06.2023 года по делу № А19-14334/2020. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 18.08.2023).
7. Определение Арбитражного суда города Москвы от 19.05.2023 года по делу № А40-247165/22. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
8. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 13.02.2023 года по делу № А76-9068/2021. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 04.07.2023 года по делу № А33-9807/2023. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
10. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 21.06.2023 года по делу № А33-9809/2023. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
11. Определение Арбитражного суда города Москвы от 23.08.2023 года по делу № А40-45910/21-125-316. URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
12. Определение Суда по интеллектуальным правам города Москвы от 01.02.2023 года по делу № СИП-883/2021. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
13. Определение Суда по интеллектуальным правам города Москвы от 07.06.2023 года по делу № СИП-1071/2022. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
14. Определение Нагатинского районного суда города Москвы от 28.10.2020 года по делу № 02-3813/2020. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
15. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 10.02.2023 года по делу № А54-6948/2022. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
16. Определение Суда по интеллектуальным правам города Москвы от 17.05.2023 года по делу № СИП-1069/2022. - URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
17. Решение Арбитражного суда Кировской области от 03.03.2022 года по делу № А28-11930/2021. – URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).
18. Галимзянова А.Р. Медиация и судебное примирение: сравнительный анализ и перспективы их развития: дип. Работа (диссертация магистра юриспруденции). Тюменский государственный университет, Тюмень, 2021.
19. Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Ростовской области. - URL: <https://tppro.ru/> (дата обращения: 07.07.2024).
20. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. - URL: <https://clck.ru/> (дата обращения: 07.07.2024).

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2022 No. 4355-r (ed. dated 12/21/2023) "On approval of the Strategy for the development of the financial market of the Russian Federation until 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02.01.2023, No. 1 (Part III), Art. 476.
2. Resolution of the Intellectual Property Court of Moscow dated 09/17/2021 of the year in case no. SIP-712/2020. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date of appeal: 07/05/2024).
3. Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 05/17/2023 in case No. A40-209370/2022. - URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07/10/2024).
4. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 09/29/2021 in case No. A65-25393/2020. - URL: <https://clck.ru/> (date of appeal: 07.07.2024).
5. Ruling of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 12/23/2023 in case No. A40-130408/21-14-970. – URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07.07.2024).
6. The ruling of the Arbitration Court of the Irkutsk region dated 06/21/2023 in case No. A19-14334/2020. - URL: <https://clck.ru/> (date of appeal 08/18/2023).
7. Ruling of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 05/19/2023 in case No. A40-247165/22. - URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07/10/2024).
8. The ruling of the Arbitration Court of the Chelyabinsk region dated 02/13/2023 in case No. A76-9068/2021. - URL: <https://clck.ru/> (date of appeal: 07/10/2024).
9. Ruling of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated 07/04/2023 in case No. A33-9807/2023. - URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07/10/2024).
10. The ruling of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated 06/21/2023 in case No. A33-9809/2023. - URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07/10/2024).
11. The ruling of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 08/23/2023 in case No. A40-45910/21-125-316. - URL: <https://clck.ru/> (date of appeal: 07/10/2024).
12. Ruling of the Moscow Intellectual Property Rights Court dated 02/01/2023 in case No. SIP-883/2021. - URL: <https://clck.ru/> (date of request: 07/10/2024).
13. Ruling of the Moscow Intellectual Property Rights Court dated 06/07/2023 in case No. SIP-1071/2022. - URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07/10/2024).
14. The ruling of the Nagatinsky District Court of Moscow dated 10/28/2020 in case No. 02-3813/2020. - URL: <https://clck.ru/> (date of appeal: 07/10/2024).
15. Ruling of the Arbitration Court of the Ryzan Region dated 02/10/2023 in case No. A54-6948/2022. - URL: <https://clck.ru/> (date of access: 07/10/2024).
16. The ruling of the Intellectual Property Rights Court of the City of Moscow dated 05/17/2023 in case No. SIP-1069/2022. - URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date of access: 07/10/2024).
17. Decision of the Arbitration Court of the Kirov region dated 03.03.2022 in case No. A28-11930/2021. – URL: <https://clck.ru/> (date of appeal: 07/10/2024).
18. Galimzyanova A.R. Mediation and judicial reconciliation: comparative analysis and prospects for their development: dip. Work (dissertation of the Master of Jurisprudence). Tyumen State University, Tyumen, 2021.
19. Official website of the Chamber of Commerce and Industry of the Rostov region. - URL: <https://tppro.ru/> (accessed 07.07.2024).
20. The official website of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. - URL: <https://clck.ru/> (accessed 07.07.2024).

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ On the issue of the specifics of using digital currency and electronic money in the process of doing business

НАЗАРЕНКО Богдан Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденции»

АНОВО «Московский международный университет».

125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.

E-mail: b-nazarenko@yandex.ru;

МАРЬИНА Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

АНОВО «Московский гуманитарный университет», доцент кафедры «Юриспруденции»

АНОВО «Московский международный университет».

125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.

E-mail: marina.a.a@inbox.ru;

Nazarenko Bogdan Anatolyevich,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence ANOVO «Moscow International University».

125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.

E-mail: b-nazarenko@yandex.ru;

Mariana Anastasia Alexandrovna,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

ANOVO «Moscow University for the Humanities», Associate Professor of the Department of Jurisprudence

ANOVO «Moscow International University».

125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.

E-mail: marina.a.a@inbox.ru

Краткая аннотация. В статье проведен сравнительный анализ таких экономико-правовых явлений как цифровая валюта и электронные деньги, определена их правовая природа, а также акцентируется внимание на особенностях использования указанных объектов гражданских прав в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Авторы указывают на существенные различия криптовалюты и электронных денег как средств платежа, не предусматривающих открытие банковских счетов, и приходят к выводу, что нормы законодательства о цифровых валютах будут уточняться по мере их проникновения в жизнь современного общества, однако криптовалюты (как разновидность цифровых валют) в силу своего происхождения не найдут широкого применения в хозяйственном обороте.

Abstract. The article provides a comparative analysis of such economic and legal phenomena as digital currency and electronic money, defines their legal nature, and focuses on the specifics of the use of these objects of civil rights in the process of entrepreneurial activity. The authors point out the significant differences between cryptocurrencies and electronic money as means of payment that do not provide for the opening of bank accounts, and conclude that the norms of legislation on digital currencies will be clarified as they penetrate into the life of modern society, however, cryptocurrencies (as a kind of digital currencies), due to their origin, will not find wide application in economic turnover.

Ключевые слова: цифровая валюта, виртуальная валюта, криптовалюта, электронные деньги, субъекты предпринимательской деятельности, средство платежа.

Keywords: digital currency, virtual currency, cryptocurrency, electronic money, business entities, means of payment.

Для цитирования: Назаренко Б.А., Марьина А.А. К вопросу об особенностях использования цифровой валюты и электронных денег в процессе осуществления предпринимательской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 401-403. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_401.

For citation: Nazarenko B.A., Maryina A.A. On the issue of the specifics of using digital currency and electronic money in the process of doing business // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 401-403. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_401.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Анализ правовой природы таких объектов гражданских прав как цифровая валюта и электронные деньги, а также особенностей их использования субъектами предпринимательской деятельности, необходимо предварить рассмотрением понятия «денежные средства» в его юридическом и экономическом аспектах.

Современные денежные средства, обращающиеся в системе внутригосударственных и внешних экономических связей, представлены двумя основными видами: деньги наличные (монетные и бумажные (банкноты, векселя, чеки и т. д.) и безналичные, в т.ч. электронные, движение которых не всегда предусматривает запись на банковских счетах [2]. Однако в России эмитентом электронных денег могут выступать исключительно кредитные организации, имеющие лицензию Банка России [8] (т.н. операторы электронных денежных средств (п. 1 ст. 12 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о национальной платежной системе)).

С точки зрения функциональной роли денег в хозяйственном обороте как меры стоимости, накопления, а не только средства платежа и (или) обращения [9], чек и вексель не могут быть отнесены к деньгам в классическом их смысле. С позиции гражданско-правового регулирования вексель и чек – ценные бумаги (документы) и используемые формы расчетов. Чек – форма расчетов, предусмотренная Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) (п. 1 ст. 862 ГК РФ), вексель – форма расчетов, сложившаяся на практике, правомерность применения которой подтверждена судебной практикой (п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33, Пленума Высшего Арбитражного

Суда Российской Федерации № 14 от 04.12.2000 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей»).

В то же время не следует забывать и о двойственной правовой природе наличных и безналичных денег. Банкноты и монеты – это вещь как объект гражданского права, а безналичные деньги – разновидность имущественных прав (ст. 128 ГК РФ): право требования клиента (владельца счета) к банку по перечислению безналичных денег на иные счета и (или) получению наличных денег [4]. В этой связи рассуждая о сущности денег, их видах и формах, необходимо различать экономическое и юридическое содержание рассматриваемого понятия.

В научной литературе является дискуссионным вопрос об отнесении иных «...цифровых технологий, используемых в финансовой сфере...» [10] (т.н. цифровых выражений стоимости, криптовалют (например, «биткоинов»), цифровых валют в целом) к электронным деньгам, т.к. «...виртуальная валюта не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией...» и «...отграничена от национальной...» [10].

Однако по состоянию на июль 2024 г. в Государственной Думе Российской Федерации рассматривается законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования цифровой валюты)» (далее – Законопроект № 237585-8), который разработан в целях установления порядка и условий осуществления майнинга цифровой валюты¹ как деятельности «...по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических средств и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим майнинг цифровой валюты (в том числе участником майнинг-пула), вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе» (абз. 2 пп. «б» п. 1 ст. 1 Законопроекта № 237585-8). Майнинг – это сложный вычислительный процесс т.н. «добычи» «биткоинов» (криптовалюты) [5].

Следует также отметить, что в связи с бурным развитием в последние годы информационных технологий (программно-аппаратных средств, локальных и глобальных сетей и т.д.), возрастанием возможностей вычислительных процессов, а также передачи и распространения информации, объектом всё более детального правового регулирования становится такое явление как цифровые права (и цифровые финансовые активы, как их составляющее) (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых финансовых активах), ст. 141.1. ГК РФ), а также цифровая валюта (п. 3 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах) как средство платежа (одна из базовых функций денег) и потенциальная цель для инвестиций.

Согласно п. 3 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах цифровая валюта – это электронные данные (их совокупность) (цифровой код или цифровое обозначение), размещенные в информационной системе, предлагаемые и (или) принимаемые в качестве средства платежа (и (или) в качестве инвестиций), но не являющиеся денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и (или) международной денежной (расчетной) единицей. Однако для цифровой валюты (криптовалют), признаваемой законодателем в качестве средства платежа и (или) инвестирования, на уровне правовых предписаний не предусмотрены «...криптовалютные биржи, криптовалютные обменники...» [6] (т.н. инфраструктура) и т.п., что, как представляется, является законодательным упущением. Кроме того, в отношении цифровой валюты отсутствует лицо (посредник), которое бы несло обязательство перед её владельцем, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соблюдение правил этой информационной системы при выпуске электронных данных (их совокупности) и внесении (изменении) в неё записей.

Легальное определение цифровой валюты содержит в себе все признаки криптовалюты. В этой связи дискуссию прошлых лет в научных кругах об отнесении криптовалюты к электронным деньгам можно считать закрытой. Криптовалюта – это, однозначно, цифровая валюта.

В п. 18 ст. 3 Закона о национальной платежной системе содержится определение электронных денег, под которыми понимаются денежные средства (в наличной или безналичной форме), предварительно предоставленные одним лицом другому лицу (обязанному лицу, посреднику), учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для целей (с правом) исполнения денежных обязательств перед третьими лицами с использованием исключительно электронных средств платежа. Электронное средство платежа позволяет клиенту оператора по переводу денежных средств распоряжаться ими путем применения форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Таким образом, существенное, как представляется, отличие криптовалюты от электронных денежных средств заключается в том, что, во-первых, цифровая валюта не предусматривает «...верифицирующего платеж посредника...» [10] (в отличие от электронных денег), во-вторых, перевод электронных денег возможен путем применения форм безналичных расчетов (закрепленных в п. 1 ст. 862 ГК РФ), и, в-третьих, электронные денежные средства предполагают предварительное предоставление «...одним лицом другому фиатных или банковских денег» [11]. Кроме того, криптовалюта не имеет номинальной (нарицательной, установленной эмитентом) стоимости, а ее рыночная стоимость определяется такими группами факторов, «...как оценка рынком перспективности технологий для обслуживания платежей в экономике (как в легальном, так и в нелегальном секторах)...» и «...стремлением участников рынка к получению быстрого дохода» [7].

Следует также обратить внимание на то, что, если электронные деньги с точки зрения гражданского права – это разновидность денежных средств в безналичной форме (которые учитываются без открытия банковского счета), и, следовательно, относятся к категории имущественное право (право требования), то цифровые валюты (криптовалюты)² – это вещи. При этом, как справедливо пишет Е.Н. Абрамова, в криптовалютах «...отсутствует такой основополагающий для вещи признак как материальность» [1]³, однако отмечает, что криптовалюты можно отнести к категории «квазивещи». Цифровые валюты упоминаются в качестве имущества и в российском законодательстве (например, в ст. 3 Федерально-

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 10.07.2024).

² Цифровые валюты и криптовалюты по своим юридическим признакам понятия, как уже было отмечено выше, равнозначные.

³ Вместе с тем в научной литературе встречается иная, спорная, как представляется, позиция, согласно которой криптовалюты «...своим нематериальным характером ... отличаются от вещей и напоминают права требования и прочие имущественные права» [3].

го закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Однако в п. 5 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах установлено ограничение на использование цифровой валюты (криптовалюты) при исполнении гражданско-правовых обязательств. Так российские юридические лица, обособленные подразделения иностранных юридических лиц (корпоративных образований), учрежденных на территории России, а также физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев (признак резидентства) не могут принимать цифровую валюту (оплачивать цифровой валютой) в качестве встречного предоставления при реализации ими товаров, выполнении работ, оказании услуг. Следовательно, цифровые валюты не признаются, например, предметом договора мены или способом оплаты по договорам купли-продажи (договорам поставки), если одной из сторон являются указанные выше субъекты правоотношений (а это – подавляющее число участников хозяйственного (предпринимательского) оборота). Вместе с тем цифровые валюты могут быть объектом инвестиций.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Современные информационные технологии (программно-аппаратные средства, локальные и глобальные сети и т.д.), возрастание возможностей вычислительных процессов, а также передачи и распространения информации привели к появлению новых объектов гражданских прав, в т.ч. электронных денег и цифровой валюты (криптовалюты, виртуальной валюты), порядок использования которых в хозяйственном обороте, очевидно, будет уточняться в процессе эволюции общественных отношений.

2. К средствам платежа, несомненно, относятся цифровая валюта и электронные деньги.

Вместе с тем цифровые валюты не признаются, например, предметом договора мены или способом оплаты по договорам купли-продажи (договорам поставки), если одной из сторон являются юридические лица, обособленные подразделения иностранных юридических лиц (корпоративных образований), учрежденных на территории России, а также физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев (в т.ч. индивидуальные предприниматели) (а это – подавляющее число участников хозяйственного (предпринимательского) оборота). Указанное положение законодателя, по мнению авторов, оправданно, т.к. только рубль (и никакая иная денежная единица) может быть единственным законным средством платежа. Однако цифровые валюты могут выступать в качестве объекта для инвестиций.

3. Существенное отличие криптовалюты от электронных денежных средств заключается в том, что, во-первых, цифровая валюта не предусматривает верифицирующего платеж посредника (в отличие от электронных денег), во-вторых, перевод электронных денег возможен путем применения форм безналичных расчетов (закрепленных в п. 1 ст. 862 ГК РФ), и, в-третьих, электронные денежные средства предполагают предварительное предоставление одним лицом другому (посреднику) денежных средств в наличной или безналичной форме (в отличие от криптовалюты).

Библиография:

1. Абрамова Е.Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 18-22.
2. Баликов В.З. История и методология науки о деньгах, кредите и банках: учебное пособие / В.З. Баликов, Н.Г. Протас; под редакцией В.З. Баликова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», 2020. С. 90-96.
3. Будылин С.Л. Кriptoактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 74-115.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. Москва: Статут, 2023. С. 299, 300.
5. Давыдов-Громадин Д. Что такое майнинг. Как появляются новые биткоины // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65cfabac9a79474f7910baef> (дата обращения: 10.07.2024).
6. Зайнутдинова Е.В. Цифровая валюта, цифровые права и цифровой рубль: перспективы использования в российской юрисдикции // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 30-34.
7. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций. Москва, 2022. С. 10 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 11.07.2024).
8. Матерова Е.С., Миназова Д.Ф. Электронные деньги: сущность, функции и роль в экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 5-2 (99). С. 128.
9. Финансовое право: учебник / отв. ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. Москва: Проспект, 2023. С. 14.
10. Чернобровкина Е.Б. Цифровые финансовые активы – объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е.Ю. Грачевой. Москва: Проспект, 2023. С. 68-70.
11. Якушев А.О. Платежная система Российской Федерации: основные практические проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы финансового и налогового права: учебное пособие / отв. ред. М.В. Карасева. Москва: Проспект, 2023. С. 200.

References:

1. Abramova E.N. On the question of the ratio of electronic money and cryptocurrencies // Competition law. 2019. No. 3. pp. 18-22.
2. Balikov V.Z. History and methodology of the science of money, credit and banks: textbook / V.Z. Balikov, N.G. Protas; edited by V.Z. Balikov. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", 2020. pp. 90-96.
3. Budylin S.L. Crypto Assets: the role in civil turnover and the legal nature // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 5. pp. 74-115.
4. Civil law: textbook: in 2 volumes / edited by B.M. Gongalo. Vol. 1. Moscow: Statute, 2023. pp. 299, 300.
5. Davydov-Gromadin D. What is mining? How New Bitcoins Appear // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65cfabac9a79474f7910baef> (date of issue: 07/10/2024).
6. Zainutdinova E.V. Digital currency, digital rights and digital ruble: prospects of use in the Russian jurisdiction // Law and business. 2024. No. 2. pp. 30-34.
7. Cryptocurrencies: trends, risks, measures. The report of the Bank of Russia for public consultations. Moscow, 2022. p. 10 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (date of reference: 07/11/2024).
8. Materova E.S., Minazova D.F. Electronic money: essence, functions and role in the economy // Economics and Business: theory and practice. 2023. No. 5-2 (99). p. 128.
9. Financial law: textbook / ed. by E.Y. Gracheva, O.V. Boltinova. Moscow: Prospekt, 2023. p. 14.
10. Chernobrovkina E.B. Digital financial assets – an object of financial and legal regulation // Actual problems of financial law in the context of digitalization of the economy: monograph / ed. by E.Y. Gracheva. Moscow: Prospekt, 2023. pp. 68-70.
11. Yakushev A.O. The payment system of the Russian Federation: the main practical problems of legal regulation // Actual problems of financial and tax law: a textbook / ed. by M.V. Karasev. Moscow: Prospekt, 2023. p. 200.

**ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ФИНЛЯНДСКОГО И ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО)**
**Diachronic analysis of the implementation of constitutional projects
in the Russian Empire (using the example
of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland)**

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

РАТТУР Мария Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru;

Danilevskaia-Urbanova Inna Leonidovna,

senior research assistant of constitutional law and constitutional justice sector
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, candidate of legal sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

Rattur Maria Vladimirovna,

PhD in History, Associate Professor, Researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация: Исследование начальных этапов развития отечественного конституционализма является актуальной исследовательской задачей. Период монархической России представляет особый интерес. На всем его протяжении Россия была унитарным государством, но, вместе с тем, в этот период закладывались ключевые теоретические основы будущей федерации, создавалось правовое регулирование особого статуса отдельных территорий Российской империи. С помощью диахронного анализа в статье рассматриваются особенности конституционного проектирования территорий Финляндии и Польши.

Abstract: The study of the initial stages of development of domestic constitutionalism is a relevant research task. The period of monarchical Russia is of particular interest. Throughout its duration, Russia was a unitary state, at the same time, during this period, the key theoretical foundations of the future federation were laid, legal regulation of the special status of individual territories of the Russian Empire was created. Using diachronic analysis, the article examines the features of constitutional design of the territories of Finland and Poland.

Ключевые слова: конституционный проект, Российская империя, диахронный анализ, Великое княжество Финляндское, Царство Польское, компаративистика, монархический конституционализм.

Keywords: constitutional project, Russian Empire, diachronic analysis, Grand Duchy of Finland, Kingdom of Poland, comparative studies, monarchical constitutionalism.

Для цитирования: Данилевская-Урбанова И.Л., Раттур М.В. Диахронный анализ реализации конституционных проектов в Российской империи (на примере Великого княжества Финляндского и Царства Польского) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 404-407. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_404.

For citation: Danilevskaia-Urbanova I.L., Rattur M.V. Diachronic analysis of the implementation of constitutional projects in the Russian Empire (using the example of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 404-407. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_404.

Статья поступила в редакцию: 29.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Диахронный анализ как метод исследования позволяет рассмотреть сущностно-временные изменения политико-правовой реальности. Его использование при исследовании различных аспектов реализации конституционных проектов в Российской империи в XIX столетии дает возможность взглянуть на ход исторических событий для установления последовательности начальных этапов развития отечественного конституционализма. Применение диахронного анализа в качестве ведущего метода исследования способствует достижению понимания внутренних законов развития и выделения качественных стадий такого многопланового политико-правового явления как конституционализм.

Как справедливо отмечено, автономия окраин, действительно, трудно мирится с централизмом, присущим неограниченной власти. Отстаивать идею централизации в таком разноплеменном и огромном государстве, как Россия, значит обречь его на вечное рабство, раздор и волнения. Свободная, могущественная Россия без автономии окраин это - внутреннее противоречие [1, с. 6]. Российская империя всегда была едина, по форме государственного устройства это было унитарное государство, применявшее различные, гибкие, конструктивные формы влия-

ния на своих окраинных территориях, которые никогда не нарушали основополагающий принцип единства Российского государства.

Особенности статуса территорий Финляндии и Польши, которые в разные периоды входили в состав Российской империи, не только ярко иллюстрируют переплетение их исторических судеб с Россией, но и показывают своеобразие отечественного монархического конституционализма: как в классической, абсолютной неограниченной монархии, какой была в начале XIX в. царская Россия, разрабатывались, принимались и действовали конституционные акты её национальных окраин.

Одной из причин разнообразия трактовок вопроса о юридическом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи стала недостаточность знаний в отношении последовательности реальных исторических событий и выводов, закрепленных в международных и российских нормативно-правовых актах [2, с. 75]. Отсутствовала и последовательность в законодательной деятельности российских монархов (решения Елизаветы Петровны и Павла I), что создавало путаницу в управлении Финляндией [3, с. 229]. На государственно-правовое развитие Финляндии значительное влияние оказали разнообразные факторы: длительное пребывание под владычеством Швеции и в составе России, русское революционное движение, острота классово-политической борьбы. Они обусловили особенности в форме правления и форме государственного устройства Финляндского государства, оказали значительное влияние на политический режим в стране на разных этапах её развития [4, с. 12].

Политико-юридическая дискуссия о суверенной финской государственности с разной степени актуальности, возникающей уже на протяжении нескольких столетий в теоретическом плане, была взаимосвязана с совершенствованием отечественного государственного права. Источники XVIII и XIX вв. и общеизвестные факты объясняют причины появления данной дискуссии и придание и в то время, и сегодня исторического характера этой во многом политически умозрительной проблематике. К 1717 г. шведская территория (Финляндия) к востоку от Балтийского моря была завоевана Петром I. По Ништадскому мирному договору Швеции возвратили большую часть этих земель, за исключением Карелии с дистриктом Выборгского лена без конфирмации в этой области «привилегий, обыкновений прав и справедливостей» [5, с. 13]. Привилегированное положение получали присоединенные земли Лифляндии и Эстляндии [6, С.832]. Ни при Петре I, ни при его преемниках шведские порядки не менялись несмотря на то, что отсутствовали какие бы то ни было правовые ограничения. Только после войны 1741-1743 гг., когда к России присоединились финляндские Кюменегорская провинция, Нейшлотский дистрикт и часть кирхшпиля Пюттиса, ст. 9 Абоского мирного договора 7 августа 1743 г. закрепила, что в этой части Финляндии «обыватели шляхетные и не шляхетные города, магистраты, цехи и цунфты будут постоянно и непоколебимо содержены и защищены при их под швейским правлением» [7].

Исследователи приходили к выводам, что русское законодательство убедило себя задним числом в том, будто конфирмация прав и вольностей при Петре состоялась и в пользу области Выборга и рассматривала всю позднейшую финляндскую губернию как край привилегированный» [6, С.835]. Вся система административных и судебных мест, созданная в Российской империи учреждением о губерниях 1775 г., устанавливалась в Финляндии, образовавшей Выборгское наместничество согласно Указу от 25 июля 1793 г. [8]. Особенности управления окраинами и Выборгским наместничеством были восстановлены в самом начале царствования Павла I.

Работа комиссии «для устройства Выборгской губернии» была закончена в 1809 г., когда Россия победила в войне со Швецией. Всю территорию Финляндии Российская империя получила по Фридрихсгамскому мирному договору [9, с. 75]. Существенно, что как инкорпорированная провинция в составе Швеции, Финляндия не имела собственной конституции. Финляндский сейм, избранный по шведскому избирательному закону и состоявший из представителей четырех сословий (дворянства, духовенства, горожан и крестьян) созвали в 1809 г. в Борго (ныне Порвоо). Открывая сейм, Император Александр I подтвердил сохранение конституции и коренных законов. Сохранялось действие шведских конституционных актов - Формы правления 1772 г. и Акта соединения и безопасности 1789 г., которые, исходя из их статуса, император назвал «коренными законами». Русским административным и судебным установлениям Финляндию не подчинили, но был создан Правительствующий Совет, затем сенат и статс-секретариат, принятыми царскими манифестами, по сути, создается конституция Финляндии. В юридической дореволюционной литературе отмечалось, что речь шла о сохранении политического строя и тех законов, которые не противоречили новому положению Финляндии как части Российского государства, сохранение действия шведских законов было актом русской государственной власти [10, с. 206,209].

Царство Польское Александр I получил от Венского конгресса европейских держав на основании договора, который должен был установить в Европе новый порядок, опирающийся на принципы международной справедливости и правды. Оно было присуждено русской императорской династии под условием сохранения его национальной самобытности, особого управления и издания конституции, которая служила бы звеном, связывающим его с Россией. Основные начала, которыми надлежало руководствоваться, состояли из 37 статей, большая их часть вошла в конституцию. Обособленность Царства Польского от России характеризовалась следующим: Царство Польское имело свои законодательство, управление, судостроительство, армию, монету; польский государственный язык, господствующий «в управлении, суде и армии без всякого исключения» (ст. 28); все государственные должности, гражданские и военные, могли быть занимаемы только поляками (ст. 29), при этом «поляком» конституция называла всякого вообще гражданина Царства Польского; все иностранные дела, поскольку они касались Царства Польского, были вверены особому министру статс-секретарю (ст. 81), и, наконец, в финансовом отношении Царство Польское было совершенно независимо от России, т.к. каждое из обоих государств имело свой отдельный государственный долг (ст.158) [1, с. 16].

На основании изложенных соображений польский ученый С. Зембужский приходил к заключению, что связь между Царством Польским и Россией представляла так называемую реальную унию. Теория государственного права в XIX в. понимала под этим термином соединение двух самостоятельных государств таким образом, что одно и тоже лицо является всегда носителем верховной власти в обоих государствах. Реальная уния может возникнуть различными способами, в том числе и путем уступки данного государства (или его части) его верховной властью прави-

тельству другой державы без слияния его с этой державой. Венский Конгресс называл Царство Польское государством, имеющим свое особое управление (ст. 10 Конституции говорит прямо «о двух государствах»). Законодательная власть принадлежала сейму, состоявшему из короля и двух палат – сенаторов и депутатов, созываемому каждые два года на тридцатидневный срок. Данное распределение законодательной власти было позаимствовано из устройства бывшей Речи Посполитой. Сейм созывался королем, который имел право распустить его, продолжить или отсрочить. Членами верхней палаты были принцы императорской крови, епископы католический и униатский, воеводы и каштеляны. Нижняя палата состояла из 77 депутатов, избранных дворянами-помещиками. Проект, принятый обеими палатами и утвержденный монархом, становился законом. Исполнительная власть в полном объеме принадлежала королю. Суд был совершенно независим от исполнительной власти, судьи несменяемы. Численность армии, которая сохраняла польскую национальную военную форму, определял король; сохранялись польские знаки отличия [1, с. 16-21].

Исследователи отмечали ряд несовершенств польской конституции, в частности, смешение принципов сословного и общенародного представительства, отсутствие права законодательной инициативы сеймов, но при этом полагали, что эта конституция могла бы удовлетворить нравственные и материальные потребности польского народа, если бы она исполнялась. В итоге, был сделан вывод, что вся история конституционного Царства Польского с момента его образования до восстания 1830 г. – это ряд нарушений конституции, делавших последнюю пустой фикцией [1, с. 22].

Александр I благожелательно относился к намерениям поляков восстановить независимое государственное существование. Отметим, что серьезную роль в формировании его мировоззрения сыграл польский аристократ Адам Ежи Чарторыйский. С целью получить расположение поляков императору советовали восстановить польское государство, назвав его Королевство Польское, провозгласив себя польским королем. Для России остро стоял вопрос, каким должно быть политическое устройство польского государства и степень его автономии. В январе 1812 г. по поручению императора конституционный проект был составлен председателем комитета по делам Финляндии Густавом Армфельдом. Согласно проекту, Польское королевство должно было иметь собственное «внутреннее устройство», национальную армию и независимую администрацию [11, с. 28-32].

В 1812-1814 гг. возникает около десяти различных по форме и содержанию конституционных проектов. Их авторами были представители различных социальных групп польского общества [11, с. 33-34]. Среди основных положений проектов были следующие: отдельное, независимое существование Польского государства или вхождение в состав другого государства на правах автономии, определение широты автономии; наличие короля – избранного в соответствии с польской политической традицией, или же «данного», назначенного по специальному решению (как это было во времена Княжества Варшавского, когда Наполеон провозгласил короля Саксонского королем польским); сохранение традиционных польских политических и общественных институтов (сейма и сеймиков, армии, польского языка, как официального – в администрации и в сфере образования); привилегированное положение католиков и свобода вероисповедания для приверженцев других конфессий; и чрезвычайно важный вопрос – вопрос о территории, будет ли восстановлено Польское государство в границах 1772 г., т.е. до первого раздела, или же в иных – в таком случае, в каких именно. Важное место отводилось вопросу о независимости Польши, существенным был вопрос о границах (первоначально почти единодушно признавались границы до 1772 г.). Для магнатов этот вопрос был не только политический, но и материальный, связанный с их земельными владениями, оказавшимися на территориях разных государств, а для «местной» шляхты – как принципиальный вопрос о вхождении в состав собственного польского, а не «чужого» иностранного государства. Политические свободы, демократические принципы существования государства, как правило, отступали на второй план [11, с. 35-36].

Польская шляхта западных российских губерний не ощущала, что находится на чужой, этнически непольской территории, хотя основное коренное население составляли украинцы, белорусы и литовцы. Однако, поскольку местное население преимущественно было православным или униатским, возникавшие конфессиональные проблемы, практически отождествлявшиеся с национальными, заставляли её предпринимать шаги, направленные на укрепление позиций католической церкви и усилению её влияния на этих территориях [11, с. 36].

Профессор П.А. Кулаковский, выступая в 1906 г. на торжественном собрании Славянского общества подчеркнет, что вся история славянства со времени начала его возрождения свидетельствует, что интересы и пользы России и русского народа – в то же время интересы и пользы всего славянства, и все, что вредно для России, что умаляет её силы и оскорбляет её достоинство, вредно и губительно для славянства. Поляки сами признают, что большая половина польского народа и самая большая и лучшая часть польской земли волею судеб тесно связана с Россией, они сохранили в России свой язык, веру, бытовые и культурные особенности, под русским владычеством развили свою литературу, выросли экономически. Как бы ни была непоследовательна русская политика в Царстве Польском, она никогда не преследовала целей обезличить польскую народность, отнять у неё то, чем вправе дорожить каждый народ. Да и теперь лишь в России поляки добиваются такого положения для себя, при котором возможно осуществление польской государственности, рассчитывая при том на помощь и защиту России. Ведь ничего подобного поляки не предъявляют Пруссии, не предъявляют и Австрии [12, с. 10-11]. С сожалением отмечалось, что в польских областях и даже там, где поляки лишь гости, как в северных и юго-западных краях, имело место прямое преследование русского народа и всего русского, даже знаков русской государственности, что привело не к скреплению поляков и польской области с Россией, а к прямо противоположному результату [12, с. 7].

В брошюре «Об автономии Польши», изданной в 1906 г. политической партией «Союз 17-го октября», мы читаем: «Всего поучительнее опыт Польши. Она обладала полной автономией и это был добровольный дар русского самодержца. Она имела конституцию, когда в России не было об этом помина. Она обладала даже особым национальным войском. Как же воспользовалась она этой автономией, для чего послужило ей

это войско? Автономия, данная полякам, привела их к вооруженному восстанию, целью которого было отделение от России и восстановление Польши «от моря до моря». Политики отмечали экспансивность польской национальности посредством распространения своего языка, иммиграции, покупки земель и религиозной пропаганды, погубив восстановление автономии. Создалось революционное правительство, патриотическая экзальтация превратилась в террор, навлекший на Польшу катастрофу, сделав надолго невозможным возвращение к политике уступок [13, с. 2, 4, 6].

Рассмотрение сущностно-временных изменений при реализации конституционных проектов в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском, входящих в состав Российской империи в XIX в., позволило не только расчленить процесс эволюции изучаемого предмета, но и определить в качестве хронологического рубежа события Отечественной войны 1812 г. Среди выявленных закономерностей особо важной представляется неизменность приверженности российского императора Александра I конституционным идеям, учитывая при этом, что в монархической России отсутствовала общероссийская конституция и в стране не было практического конституционализма, однако проводилась разработка и принятие либеральных конституций национальных окраин. К одной из важнейших тенденций, установленных в результате проведенного диахронного анализа, следует отнести неизменное и возрастающее с течением времени желание местных элит Великого княжества Финляндского и Царства Польского получать все больше преференций, привилегий и благ при усилении демонстрации сепаратистских настроений.

Библиография:

1. Подвинский Ю. Конституция Царства Польского и её судьба. (1815-1830). М.: Типография Т-ва И.Д.Сытина, 1906. 47 с.
2. Раттур М.В. Об историзации политико-юридической дискуссии о правовом статусе Великого княжества Финляндского в Российской империи // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 11(227). С. 74-77.
3. Виноградова Е.В., Данилевская-Урбанова И.Л. Суверенитет и территориальная целостность. К дискурсу о российском влиянии на финскую государственность. // *Вестник Пермского университета*. 2024. Вып. 2 (64). С. 217-238.
4. Могунова М.А. Государственный строй Финляндии. М.: Гос. институт междунар. Отношений, 1979. 325 с.
5. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л., Раттур М.В. Российская грань шведского конституционализма // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2023. Т. 18, № 5. С. 11-34.
6. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. III Единство и нераздельность России // *История формирования Российской империи / Б.Э.Нольде; отв.ред. акад. РАН В.А.Тишков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 956 с.*
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XI. №8760.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXI. №15795, №15796.
9. Раттур М.В. Шведское великодержавие и Российская империя: историко-правовой анализ взаимовлияния (1611-1809 гг.) // *Будущее нашего прошлого - 8. Империи в историческом дискурсе: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 17 февраля 2023 г. М.: РГГУ, 2023. С. 65-76.*
10. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т.1. Конституционное право. Петроград: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов. 1917. 272 с.
11. Макарова Г.В. Проекты конституции для Королевства Польского (1812-1815). // *Славянский альманах*. 2007. М.: «Индрик», 2008. 544 с.
12. Кулаковский П.А. Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб.: Типография В.Д. Смирнова. 1906. 24 с.
13. Об автономии Польши. М.: «Союз 17-го Октября». Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1906. 7 с.

References:

1. Podwinski J. The Constitution of the Kingdom of Poland and its Fate. (1815-1830). Moscow: Typography of the I.D.Sytin's T-va, 1906. 47 p.
2. Rattur M.V. About the historicization of political and legal discussion about the legal status of the Grand Duchy of Finland in the Russian Empire // *Law and State: Theory and Practice*. 2023. № 11(227). Pp. 74-77.
3. Vinogradova E.V., Danilevskaya-Urbanova I.L. Sovereignty and territorial integrity. To the discourse on the Russian influence on the Finnish statehood. // *Vestnik of Perm University*. 2024. Vyp. 2 (64). Pp. 217-238.
4. M.A. Mogunova. The State System of Finland. Moscow: State Institute of International Relations, 1979. Relations, 1979. 325 p.
5. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Rattur M.V. Russian facet of Swedish constitutionalism // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2023. T. 18, № 5. Pp. 11-34.
6. Nolde B.E. Sketches of Russian state law. III Unity and indivisibility of Russia // *History of the formation of the Russian Empire / B.E.Nolde; ed. by Acad. RAS V.A.Tishkov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2013. 956 p.*
7. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. VOL. XI. No. 8760.
8. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. VOL. XXI. No. 15795, No. 15796.
9. Rattur M.V. Swedish great power and the Russian Empire: historical and legal analysis of mutual influence (1611-1809) // *The Future of our past - 8. Empires in Historical Discourse: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, February 17, 2023. Moscow: RSUHU, 2023. Pp. 65-76.*
10. Lazarevsky N.I. Russian State Law. Vol. 1. Constitutional Law. Petrograd: Typography of the editorial office of periodicals of the Ministry of Finance. 1917. 272 p.
11. Makarova G.V. Drafts of the Constitution for the Kingdom of Poland (1812-1815). // *Slavic Almanac*. 2007. M.: "Indrik", 2008. 544 p.
12. Kulakovskiy P.A. Poles and the Question of Autonomy of Poland. Spb.: Tipografiya V.D. Smirnov. 1906. 24 p.
13. On the Autonomy of Poland. Moscow: "Union of the 17th October Revolution". Printing House of S.P. Yakovlev. 1906. 7 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_408

УДК 342.7

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Traditional family values. Constitutional and legal aspect

САМОЙЛОВ Тимур Владимирович,

заместитель директора Института профессионального образования и аккредитации
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
Знаменка ул., 10, г. Москва, 119019, Россия.
E-mail: timsam1989@gmail.com;

SAMOILOV Timur Vladimirovich,

Deputy Director of the Institute of Professional Education and Accreditation
Federal State Budgetary Institution "National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine"
Ministry of Health of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS).
Znamenka str., 10, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: timsam1989@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу конституционных гарантий защиты традиционных семейных ценностей. Актуальность темы исследования предопределена трансформациями, происходящими в последние годы, которые изменяют структуру аксиологической системы. В результате проведенного исследования делается вывод, что отечественное право нуждается в создании дополнительных механизмов, направленных на укрепление традиционных для России ценностей – семейного воспитания, защиты семьи, материнства и детства.

Abstract: The article is devoted to the analysis of constitutional guarantees for the protection of traditional family values. The relevance of the research topic is predetermined by the transformations taking place in recent years, which change the structure of the axiological system. As a result of the conducted research, it is concluded that domestic law needs to create additional mechanisms aimed at strengthening traditional values for Russia – family education, family protection, motherhood and childhood.

Ключевые слова: семейные ценности, конституционные гарантии, защита прав несовершеннолетних, семейное воспитание.

Keywords: family values, constitutional guarantees, protection of the rights of minors, family education.

Для цитирования: Самойлов Т.В. Традиционные семейные ценности. Конституционно-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 408-410. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_408.

For citation: Samoilov T.V. Traditional family values. Constitutional and legal aspect // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 408-410. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_408.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Изучение института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений следует начинать не с них самих, а обращая внимание на сущностные, нормативные, структурные и функциональные проблемы, складывающиеся в социальной среде, представленной формами различной коммуникации членов семейных отношений (внутрисемейная и внешняя), а также морально-нравственными регуляторами социальных отношений.

Учитывая, что подобные исследования больше затрагивают важнейшие стороны права, религии (теологии), морали, социальной культуры и других регуляторов общественных отношений, они не могут рассматриваться исключительно в них, ввиду необходимости интегрированно-подхода к изучению семейных отношений и субъективных прав членов семьи, в том числе, несовершеннолетних.

Важно проанализировать семейные отношения не только с точки зрения нормативного регулятора, но и раскрыть влияние духовно-нравственных регуляторов на семейные отношения.

Понятие семьи не дано в Семейном кодексе РФ, а исключительно упоминается в ст.1 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»¹, под которыми законодатель понимает лиц, которые связаны родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. Не углубляясь в понятийный аппарат семейного права, следует только отметить, что в каждой семье есть определенные традиции и взгляды на выстраивание семейных отношений. Из семейных традиций складывается определенный уклад семейной жизни, формируются социальные нормы, включающие в себя манеру поведения, заложенную в семье и привитая детям, взгляды, поведение и другие составляющие, закладывающие основы поведения в социуме.

Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»² (далее - Стратегия) укреплению института семьи, сохранению и поддержанию традиционных российских духовно-нравственных, в том числе семейных ценностей уделено важное внимание. Данное направление озвучено в качестве базовой общественной ценности. Данная политическая инициатива по мнению Президента России должна быть реализована через поддержание традиционных ценностей в России. Учи-

¹ Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 06.12.2021) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 43. - Ст. 4904.

² Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 21. - Ст. 3696.

тывая невмешательство государства в семейные отношения необходимо сформулировать важную позицию.

Во-первых, существующий институт семьи представляет собой сферу индивидуального выбора каждого относительно внутренних отношений, где закон не уместен. Внутри семьи формируются семейные узы, традиции и моральные установки.

Во-вторых, право в его границах разумного вмешательства остается толерантным к внутрисемейным отношениям до тех пор, пока не нарушаются права отдельных людей. Моральные установки относительно образа жизни и этического поведения остаются внутри семьи.

В-третьих, безусловно, что нормами права нельзя активно и императивно влиять на продвижение моральных убеждений, однако благодаря программным установкам и стратегии, проводимой государством, можно пассивно создавать возможность укрепить институт семьи.

Государство обязано защищать институт семьи, права и свободы его членов, в особенности, в то время, когда можно наблюдать разрушение морально-этических догм, складывающихся из поколения в поколения и предрассудков, негативно влияющих на психологическое состояние несовершеннолетних, порой приводящие к серьезным последствиям.

Как отмечается в п.16 Стратегии преобладающими внешними причинами смертности среди детей в возрасте до 17 лет включительно (97 % всех случаев) остаются дорожно-транспортные происшествия, утопление, удушение, отравление (в том числе, алкоголем, медикаментами, средствами бытовой химии), падение с высоты, самоубийство, несчастные случаи в результате неосторожного обращения с огнем, несчастные случаи на транспорте, убийство. Около 8 % общего числа случаев смерти детей составляют случаи самоубийства. Более 86 % случаев смерти детей в результате дорожно-транспортных происшествий происходят по вине водителей транспортных средств.

Либерализация общества не должна быть воспринята социумом как уход от исторических традиций семейных отношений, а, напротив, должна предоставить человеку шанс сформировать себя в качестве морального субъекта, исключая информационное манипулирование для совершения антиобщественных поступков.

Особо подвержены негативному влиянию дети, учитывая не сформировавшуюся до конца психику, что представляет угрозу для их нормального становления.

Стоит отметить, что мораль принадлежит к общественному порядку, а государство с использованием программ всего лишь ставит задачу усиления духовно-нравственных традиций и установок, в том числе, в семейных отношениях.

Как отмечает Г.В. Мальцев «когда общества традиционной морали клеймят определенное поведение как морально или юридические неправильное, они делают это не под влиянием эмоциональных порывов, не из соображений текущей выгоды или вреда, а на основе тысячелетнего общежитского опыта, проверенного сотнями человеческих поколений в разные времена, в бесконечном множестве вариантов»¹.

Институт семьи, подвергнувшись определенной форме общественного прогресса, трансформировался в сторону ложных моральных дозволений и привел к новой реальности, когда историческая тенденция по установлению лучших условий по биологическому, психологическому и социальному выживанию (институт семьи в его классическом понимании) уходит в прошлое, а современное общество приходит к кризису института семьи.

Появляются новые формы псевдобрачных отношений, таких как гостевой брак, гражданский брак, сожительство. К примеру, в 2018-2022 годах доля новых «гражданских» браков составляла 43,7% у мужчин и 38,7% у женщин от общего количества союзов по информации Росстата². Это почти в 4 раза больше, чем в 2010-2014 годах (мужчины – 13,2%, женщины – 9%).

Исследуя правовой институт семьи с точки зрения генетического подхода, анализируя ее социальные основания, следует уделить внимание вопросам взаимодействия индивидов в данном институте. Это означает, что различные по своей функциональной природе стороны взаимодействия в семье, выступают в самых разнообразных формах интеракции, и право наделяет их различными правами и обязанностями.

Формы коммуникации, реализуемые в самых различных моделях семейных отношений, а их на сегодняшний день в мире кроме классической выделяется еще и такие как неполные семьи (с одним родителем), семьи без детей, семьи с однополыми партнерами и другие альтернативные модели, влияют на внутрисемейные отношения. Это связано с изменением отношений внутри семьи и сменой представлений о семейных ценностях в обществе.

Таким образом, в определении границ семейных отношений мы невольно сталкиваемся с изменениями под влиянием различных факторов (социальных, экономических, технологических и др.), описываемых в терминах человеческой коммуникации, взаимодействия или общения членов семьи между собой.

Глубинные деятельностно-коммуникативные корни социальных явлений в обществе за последние годы отмечают тенденцию к распространению различных форм семейного устройства. Многочисленные спектры сексуальной ориентации и гендерной идентичности привели к появлению новых типов семейных отношений в мире – нетрадиционных семей.

Семейные ценности играют важную роль в государстве, а потому им уделяется значительное внимание на современном этапе развития. Негативные тенденции, складывающиеся в семейных отношениях, могут привести к ухудшению демографической ситуации в стране, к формированию антиморальных взглядов, преступности, агрессивности и иным последствиям.

Акты, принимаемые в России, направлены на укрепление института брака и семьи и представляют собой формализацию типов и способов взаимодействия индивидов в правовом пространстве семейных отношений.

В России сложилось четкое представление о тенденции к подрыву семейных устоев, с учетом влияния западных прототипов в проти-

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: Норма, 2015. С. 245.

² Статистика и показатели // <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/> (Дата обращения: 05.06.2023).

вовес исторически сложившимся в нашей стране традиционным представлениям и как следствие, неверном понимании института семьи и брака.

К примеру, в Европейском суде по правам человека были рассмотрены жалобы трёх однополых пар из России, которым ранее отказали в юридическом оформлении отношений.

ЕСПЧ счёл, что этот отказ нарушает Европейскую конвенцию о правах человека, а точнее — 8-ю статью. В ней говорится о праве на уважение частной и семейной жизни. При этом суд отметил, что Россия может сама выбрать наиболее подходящую для себя форму регистрации однополых союзов.

Суд единогласно постановил, что отказ этим парам в официальном признании их отношений в РФ является нарушением статьи 8 Европейской конвенции о правах человека (право на уважение частной и семейной жизни). ЕСПЧ пришёл к заключению, что Россия обязана обеспечить правовую основу на признание и защиту отношений, подавших жалобу в соответствии с внутренним законодательством¹.

Суд отклонил аргумент правительства России о том, что интересы сообщества в целом могут оправдать отсутствие у однополых пар возможности официально оформить свои отношения. ЕСПЧ пришёл к выводу, что, отказав однополым парам в регистрации их статуса, российские власти вышли за рамки предоставленной им свободы усмотрения.

С учетом этого, со стороны государства был принят шаг не только в отношении укрепления и охраны семьи, но и ее защиты. С целью укрепления традиционных ценностей и воспитания детей были внесены изменения в отдельные положения Конституции РФ, а именно, в ст. 72 Конституции, которая дополнена п. «ж.1»: «...защита института брака как союза мужчины и женщины...». Данную позицию ранее занял Конституционный Суд, указав, в частности, что «в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и женщины, что в полной мере согласуется с предписаниями статей 7 и 38 Конституции Российской Федерации»².

Гарантии государства, по укреплению семейных ценностей не ограничиваются судебной сферой³. Многие важные решения реализуются в положениях отечественных нормативно-правовых актах разного уровня. Вместе с тем следует обозначить, что на сегодняшний день, защита традиционных семейных ценностей осуществляется фрагментарно. Институализация правового регулирования ценностей семейного воспитания должна стать предметом научного анализа, что позволит создать систему нормативного регулирования этих отношений, отвечающих конституционным положениям.

Библиография:

1. Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 06.12.2021) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. -1997. - № 43. - Ст. 4904.
2. Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. -2023. - № 21. - Ст. 3696.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. - 2014. - N 40 (Часть III). - Ст. 5489.
4. Виноградова Е.В. Конституционно-институциональные основы принципов судопроизводства. // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции (Абовские чтения). М.: Издательство Планета, 2022 — 322 с.
5. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: Норма, 2015.
6. Статистика и показатели // <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/> (Дата обращения: 05.06.2023).
7. ЕСПЧ обязал Россию разрешить однополые браки // URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/espch-obyazal-rossiyu-razreshit-odnopolye-braki> (Дата обращения: 15.06.2023).

References:

1. Federal Law No. 134-FZ of 10/24/1997 (as amended on 12/29/2020, with amendments. dated 06.12.2021) "On the subsistence minimum in the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. -1997. - No. 43. - Article 4904.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/17/2023 No. 358 "On the Strategy of integrated child safety in the Russian Federation for the period up to 2030" // Collection of legislation of the Russian Federation. -2023. - No. 21. - Article 3696.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/23/2014 No. 24-P "In the case of checking the constitutionality of part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N.A. Alekseev, Ya.N. Yevtushenko and D.A. Isakov" // Collection of Legislation of the Russian Federation. -2014. - N 40 (Part III). - Article 5489.
4. Vinogradova E.V. Constitutional and institutional foundations of the principles of judicial proceedings. // Protection and protection of civil and family rights in modern conditions. Collection of scientific papers of the Third International scientific and practical conference (Abov readings). Moscow: Planeta Publishing House, 2022 — 322 p.
5. Maltsev G.V. The moral foundations of law. – M.: Norm, 2015.
6. Statistics and indicators // <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/> (Date of access: 06/05/2023).
7. The ECHR obliged Russia to allow same-sex marriages // URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/espch-obyazal-rossiyu-razreshit-odnopolye-braki> (Date of notification: 06/15/2023).

¹ ЕСПЧ обязал Россию разрешить однополые браки // URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/espch-obyazal-rossiyu-razreshit-odnopolye-braki> (Дата обращения: 15.06.2023).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Собрание законодательства РФ. -2014. - N 40 (Часть III). - Ст. 5489.

³ Виноградова Е.В. Конституционно-институциональные основы принципов судопроизводства. // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции (Абовские чтения). М.: Издательство Планета, 2022. С.12-18.

ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРОК СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Limits of the implementation of the powers of the Federal Labor Inspectorate under the current restrictions on inspections of business entities

ВЕЛИЧКО Дмитрий Владимирович,
аспирант ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».
пр. Мира, 55А, г. Омск, Омская обл., 644077, Россия.
E-mail: vdmitry303@gmail.com;

VELICHKO Dmitry Vladimirovich,
postgraduate student of the Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.
Mira ave., 55A, Omsk, Omsk region, 644077, Russia.
E-mail: vdmitry303@gmail.com

Краткая аннотация: Конституцией Российской Федерации гарантируется защита государством прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, в том числе и трудовых прав работников. В нынешней экономической ситуации страны стратегия национальной политики ориентирована на защиту прав субъектов предпринимательства, которые, в свою очередь, являются работодателями для большого количества граждан. Поэтому в 2022 году Правительство Российской Федерации ввело ограничения на проведение плановых и внеплановых проверок коммерческих организаций контролирующими (надзорными) органами, в том числе проверок по обращениям граждан на предмет нарушений их трудовых прав. В данной статье рассматривается вопрос эффективности правоприменения федеральной инспекции труда и ее территориальных органов в сфере соблюдения трудовых прав граждан, несмотря на введенные ограничения на проведение проверок коммерческих субъектов.

Abstract: The Constitution of the Russian Federation guarantees the protection by the State of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation, including the labor rights of employees. In the current economic situation of the country, the national policy strategy is focused on protecting the rights of business entities, which, in turn, are employers for a large number of citizens. Therefore, in 2022, the Government of the Russian Federation imposed restrictions on scheduled and unscheduled inspections of commercial organizations by regulatory (supervisory) bodies, including inspections on citizens' appeals for violations of their labor rights. This article examines the effectiveness of law enforcement by the Federal Labor Inspectorate and its territorial bodies in the field of compliance with the labor rights of citizens, despite the restrictions imposed on inspections of commercial entities.

Ключевые слова: соблюдение трудовых прав, контрольные (надзорные) мероприятия, мораторий, малозначительные нарушения, проактивные меры, профилактические мероприятия.

Keywords: observance of labor rights, control (supervisory) measures, moratorium, minor violations, proactive measures, preventive measures.

Для цитирования: Величко Д.В. Пределы реализации полномочий федеральной инспекции труда в условиях действующего ограничения на проведение проверок субъектов предпринимательской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 411-415. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_411.

For citation: Velichko D.V. Limits of the implementation of the powers of the Federal Labor Inspectorate under the current restrictions on inspections of business entities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 411-415. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_411.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение

В Российской Федерации в последнее время акцентируется внимание на соблюдении прав и обеспечении законных интересов экономических субъектов. Это связано, в первую очередь, с различными экономическими факторами, а также с целью государства создать оптимальные условия для развития и укрепления бизнеса, который способствует созданию новых рабочих мест.

В своем обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации президент В.В. Путин высказал основные принципы, направленные на обеспечение гарантий защиты прав и законных интересов предпринимателей:

- реализация методов оценки рисков потенциальных угроз в рамках экономической сферы, с целью выявления ключевых областей, где нарушение законодательства может иметь серьезные последствия. Это поможет контрольно-надзорным органам сконцентрировать усилия на этих критических областях и эффективно распределить ресурсы для проведения надзорных мероприятий;

- введение временного прекращения плановых контрольно-надзорных проверок в отношении субъектов малого бизнеса, которые не допускали значительных нарушений за последние три года (за исключением случаев, угрожающих жизни и здоровью граждан). Данная мера направлена на снижение административного давления на малые предприятия и создание благоприятных условий для развития их деловой деятельности без лишнего бремени со стороны регуляторов.

В целях реализации данных поручений Президента Российской Федерации был принят Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Впоследствии был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ).

Новизна темы исследования обусловлена тем, что ключевой задачей государственной политики усматривается дальнейшее сохранение ограничений на проверки контролирующими органами коммерческих организаций. Так называемое приостановление проверок перестает

быть временной мерой и, возможно, будет зафиксировано как постоянное правило в законе, регулирующем порядок государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Эта тенденция прослеживается с 1 января 2016 года по настоящее время. Например, возможность проведения плановых проверок уже ограничена Правительством Российской Федерации до 2030 года за исключением объектов контроля, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска.

Принятие таких мер также должно способствовать улучшению общего делового климата и стимулировать предпринимательскую деятельность, что положительно скажется на экономическом росте и привлечении инвестиций. Вопрос важности предпринимательства для развития государства и повышения общественного благосостояния анализировался, в частности, А.А. Огибениной и И.В. Петровым, которые отмечают, что «предпринимательство является одной из важнейших составляющих экономического развития любой страны. Предприниматели создают новые рабочие места, способствуют росту ВВП» [1].

Однако политика ослабления государственного контроля (надзора) за деятельностью субъектов экономической деятельности имеет обратную сторону и не исключает тенденции увеличения числа правонарушений. Особенно это актуально для сферы труда, где традиционно высок уровень конфликтности и явно прослеживается исторически сложившаяся зависимость работника от работодателя и частая объективная необходимость подмены личной активности работника в защите своих прав и свобод мерами внешней защиты трудовых прав – профсоюзами и государством.

Отрицательные последствия моратория на проведение проверок анализируются в научной статье А.В. Мартынова и В.В. Черниковой «Мораторий на проверки как специальный метод регулирования контрольно-надзорной деятельности», в том числе делается вывод, что некоторые недобросовестные субъекты злоупотребили предлагаемыми льготами, что привело к негативным последствиям [2].

Примеры злоупотреблений отдельными лицами предоставленными им преимуществами, в частности, в области соблюдения норм трудового законодательства, сейчас активно выявляют органы прокуратуры Российской Федерации, на деятельность которых мораторий не распространяется. Об этом говорит С.А. Гончаров, подчеркивая, что проверку деятельности работодателей в силу сказанного инспекторы государственной инспекции труда могут провести только совместно с прокуратурой и по инициативе последней, но это в некоторой мере выход из ситуации для работника. На основании обращений в прокуратуру лица, нарушающие трудовые права, привлекаются к ответственности, предусмотренной действующим законодательством» [3].

В соответствии с информацией, опубликованной на сайте прокуратуры Омской области, за время проведенных в 2023 году проверок количество выявленных нарушений в деятельности работодателей превысило 2 тысячи – и это в условиях моратория, зная о котором, многие работники предпочитают судебную защиту административной форме. Большинство нарушений традиционно связано с несвоевременной или неполной выплатой заработной платы работникам; также было установлено, что порядка 40 работодателей избегали оформления трудовых договоров с сотрудниками, что свидетельствует о массовых нарушениях обозначенного законодательства.

Необходимо четко отделять юрисдикционные органы, рассматривающие трудовые споры, от федеральной инспекции труда и органов прокуратуры, относящихся к контрольно-надзорным органам, так как их цели и задачи не всегда схожи. Однако не согласимся при этом с М.И. Губенко в том, что «окончательное разрешение конфликтных ситуаций должно быть прерогативой комиссии по трудовым спорам и судебных органов»[4] – при очевидных нарушениях законодательства административный способ защиты трудовых прав вполне эффективен, так как не касается иногда только вопроса компенсации причиненного работнику морального вреда.

Основная часть

Для достижения названной цели и решения указанных задач проанализируем ключевые аспекты, отражающие текущую ситуацию рассматриваемой области.

Ведущую роль государства в соблюдении трудовых прав и свобод отмечали в том числе К.А. Хавронин и О.В. Почкаева [5].

Основополагающий принцип демократического и правового государства – свобода труда – закреплена на уровне Конституции Российской Федерации (статья 37) и должен быть гарантирован каждому.

Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства является самостоятельной формой защиты трудовых прав и свобод и осуществляется в организациях всех форм собственности и различных организационно-правовых структур, а также у работодателей – физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей.

Статья 355 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ) формирует статус федеральной инспекции труда на основе принципов независимости и автономности, исключая законные способы воздействия на нее должностных лиц со стороны поднадзорных субъектов, иных органов власти и местного самоуправления, работников, профсоюзов, политических партий.

Е. Зайцев отмечал, что в ходе проверок соблюдения трудовых норм инспекторы государственной инспекции труда требуют от работодателей обеспечения общих прав для всех работников и предоставления специальных гарантий и компенсаций, предусмотренных законодательством, которые зависят от семейного положения, профессиональной квалификации, возраста, занимаемой должности и иных индивидуальных характеристик [6].

В статье 356 ТК РФ перечислены полномочия федеральной инспекции труда, которые предоставляют ей возможность эффективно выполнять возложенные на нее функции. Однако указанной нормой полномочия инспекции труда, не ограничиваются.

В соответствии с законодательством, органы федеральной инспекции труда обязаны осуществлять свою деятельность строго в пределах своей компетенции, так как их превышение может затруднить выполнение контрольных (надзорных) функций другими государственными

органами или ненадлежащим образом вмешаться в деятельность проверяемых работодателей. Проблему возникновения у бизнеса серьезных финансовых проблем в результате проверок отмечал и Д.С. Фесько [7].

Стоит отметить, что осуществление данного вида государственного контроля (надзора) строится на основе одновременного применения норм Федерального закона № 248-ФЗ и положений Трудового кодекса Российской Федерации в части статей 353 и 354 – 365.

В частности, согласно федеральному законодательству, государственная инспекция труда выполняет контрольные (надзорные) функции, реализуя указанные в статье 56 Федерального закона № 248-ФЗ мероприятия.

Основаниями для организации указанных мероприятий, в частности, являются: наличие информации о нанесении ущерба либо угрозе нанесения ущерба охраняемым законом ценностям; указание Президента Российской Федерации или распоряжение Правительства Российской Федерации касательно осуществления контрольных (надзорных) действий по отношению к определенным субъектам контроля и др.

Необходимость применения риск-ориентированного подхода для определения периодичности проверок отмечал А.В. Мартынов [8].

В свою очередь Ю.А. Браташова акцентирует внимание, что плановые контрольные (надзорные) мероприятия осуществляются в соответствии с утвержденным планом на календарный год, предварительно согласованного с органами прокуратуры [9].

С учетом изложенного в 2023 году государством принято решение продлить приостановление проведения проверок, связанных с соблюдением трудового законодательства, до 2030 года, однако, с исключением, сделанным для компаний, занимающихся деятельностью в областях с высоким и чрезвычайно высоким риском.

Наибольшая известность термина мораторий в современной юридической практике отмечена А.В. Мартыновой [10]. «Мораторий» обычно понимается как временная отсрочка или приостановка, которую официально объявляют органы государственной власти для выполнения определенных действий или обязательств [11].

Аналогичным образом, как отсрочка исполнения обязательств в период действия чрезвычайных обстоятельств, «мораторий» определяется и в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [12].

Основания для осуществления контрольного (надзорного) мероприятия в период с 2022 по 2024 годы установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (далее – постановление Правительства № 336) и не подлежат расширительному толкованию.

В период с 2022 по 2024 годы государственные инспекторы труда смогут проводить внеплановые проверки лишь при наличии письменного одобрения со стороны органов прокуратуры в случаях, предусмотренных постановлением Правительства № 336 (данный перечень является исчерпывающим).

Определено также несколько случаев возможного проведения внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий без согласования с органами прокуратуры.

К инструментам внепланового контроля (Г.Ф. Ручкина) также можно отнести следующие методы и подходы:

- внеплановый инспекционный визит – осуществляется при поступлении информации о потенциальной угрозе для жизни или здоровья сотрудников. В данной ситуации согласование проведения внеплановой инспекции с прокуратурой не требуется;

- рейдовый осмотр, то есть проверка, которая осуществляется при получении сведений о возможных нарушениях на объекте, находящемся в совместном владении нескольких работодателей (компаний) [13].

Выводы

1. На практике введение моратория на осуществление плановых и внеплановых проверок работодателей существенно снизило эффективность применения контрольных (надзорных) полномочий в области соблюдения норм трудового права. Фактическое отсутствие у работников одного из основных способов защиты своих трудовых прав из-за введенного моратория справедливо отмечал Я.В. Купреев [14].

При этом главной целью государственной контрольной (надзорной) деятельности в современном обществе является предупреждение рисков ущерба охраняемым правовыми нормами ценностям. Следовательно, в ТК РФ следовало бы более подробно закрепить обязанности федеральной инспекции труда по профилактике нарушений трудовых прав и свобод.

Наиболее распространенными типами профилактических мероприятий при выполнении государственного надзора (контроля) являются: информирование; объявление предостережения; консультирование; профилактический визит. Наибольшую значимость такого профилактического мероприятия как предостережение подчеркивала А.А. Минаева [15].

Причиной применения данной проактивной меры является наличие у федеральной трудовой инспекции информации о планируемых нарушениях обязательных правил или очевидных признаках их нарушений, а также отсутствие подтвержденных данных о том, что нарушение обязательных правил причинило ущерб законно защищаемым интересам или создало угрозу такого ущерба. В случае выдачи предостережения обязательным будет четкое указание на действия, рекомендованные для исключения ситуации правонарушения, а также нормативное обоснование выданного предостережения.

Однако, закон не требует от работодателя обязательного информирования федеральной инспекции труда о результатах рассмотрения предписания и выполнении изложенных в нем требований. Данный факт следует считать дефектом законодательства, требующим его устранения.

Согласно постановлению Правительства № 336, работодателю предоставляется возможность в течение 10 дней с момента получения предостережения подать возражение. Федеральная инспекция труда обязана рассмотреть это возражение в течение 20 рабочих дней с даты его

получения и отправить ответ контролируемой стороне. Следовательно, отсутствие возражений означает презюмируемое согласие на выполнение предостережения.

Как было упомянуто ранее, вынести предостережение работодателю можно лишь тогда, когда у Федеральной инспекции труда имеются подтверждения о планируемых нарушениях обязательных нормативных требований или обнаружены признаки данных нарушений. Для получения таких данных подходят неанонимные обращения (заявления) граждан и организаций; информация, предоставляемая органами власти и местного самоуправления, сведения, обнародованные средствами массовой информации.

Согласно части 2 статьи 58 Федерального закона № 248-ФЗ, представитель контрольного (надзорного) органа осуществляет оценку достоверности предоставленной информации, в том числе путем запроса пояснений у контролируемого лица. Следовательно, после получения от работодателя информации об отсутствии нарушений трудового законодательства и, соответственно, неподтверждения фактов, изложенных в обращении (заявлении), у контрольного органа не возникает оснований для вынесения предостережения и проведения, в том числе, прочих профилактических мероприятий.

Исходя из вышеизложенного, логично закрепить в федеральном законодательстве нормативное требование о предоставлении в государственную инспекцию труда мотивированного ответа на информацию о результатах рассмотрения объявленного предостережения и исполнения изложенных в нем требований в течение 10 дней с приложением копий подтверждающих документов. В случае неисполнения этого требования целесообразно привлекать к административной ответственности руководителя контролируемого юридического лица или индивидуального предпринимателя согласно ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, что также требует нормативного оформления.

Также возможно включение в текст постановления Правительства РФ № 336 положений, которые предоставят государственной инспекции труда возможность проводить внеплановые проверки без предварительного согласования с прокуратурой хотя бы по отдельным вопросам очевидных нарушений трудовых прав (например, длительное непредоставление отпуска работнику, продолжительная задержка заработной платы или существенное нарушение правил охраны труда), что позволит защитить трудовые права работников, испытывающих сложности с обращением за судебной защитой своих трудовых прав.

2. Второй значимой и широко распространенной проблемой считается систематическое совершение малозначительных правонарушений со стороны административных и руководящих должностных лиц подведомственных органов. За первые четыре месяца 2024 года прокуратура Омской области и Государственная инспекция труда в Омской области получили более 800 жалоб от граждан на нарушение их трудовых прав. Эти нарушения включали задержку выдачи трудовых книжек, невыплату заработной платы в сроки, установленные локальными нормативными актами, и несоблюдение правил внутреннего трудового распорядка, а также другие инциденты, не повлекшие за собой каких-либо существенных последствий.

Государственными инспекциями труда не осуществляются контрольные (надзорные) функции в отношении организаций, допускающих несущественные нарушения трудового законодательства, даже если имеются соответствующие жалобы от граждан. Причина этого заключается в отсутствии достаточных оснований, которые могли бы послужить поводом для запуска и проведения внеплановых проверок.

Это серьезная проблема, требующая тщательной проработки, так как применительно к нарушению трудовых прав сложно применить их оценку как «несущественных», поскольку достойное отношение к человеку труда – это конституционный вектор. Вероятнее всего, несущественными можно было бы считать (и прямо закрепить это) нарушения, вытекающие из положений локальных нормативных актов (кроме охраны и оплаты труда как признаков достойного труда); нарушения положений ТК РФ, федеральных законов должны считаться существенными в любом случае.

3. В области организации государственного контроля (надзора) в сфере труда необходимо также создание стратегии для изменения направленности на проактивные меры.

Для обеспечения эффективной работы в условиях моратория и в целом в деятельности инспекции труда необходимо уделить особое внимание проактивным мерам, таким, как предоставление консультаций субъектам предпринимательской деятельности, разработка и внедрение рекомендаций по соблюдению законодательства, организация обучающих мероприятий и осуществление постоянного мониторинга соблюдения нормативных правовых актов в области охраны труда и техники безопасности. Например, в настоящее время в государственных инспекциях труда ежедневно с 9 до 21 часов функционирует горячая линия для информирования участников трудовых отношений по вопросам применения норм трудового законодательства. Государственные инспекторы труда также осуществляют профилактические визиты, включая использование видеоконференцсвязи, по заявлениям субъектов контроля и по итогам несчастных случаев на производстве.

4. Следует также закрепить правовые признаки непосредственной угрозы жизни и здоровью граждан, что является элементом компетенции органа контроля (надзора) в сфере труда и потому требует четкости.

Заключение

Хотелось бы отметить, что в условиях ограничения на проведение проверок субъектов предпринимательской деятельности федеральная инспекция труда сталкивается с определенными ограничениями в реализации своих полномочий, что в значительной мере связано с отсутствием учета специфики защищаемых административными методами трудовых и социальных прав, однако в силу важности обеспечения безопасных условий труда и в целом контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства правовое регулирование этой деятельности нуждается в совершенствовании.

Библиография:

1. Огибенина А.А., Петров И.В. Защита прав и интересов предпринимателей // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 11-2 (86), 2023, с. 129.
2. Мартынов А.В., Черников В.В. Мораторий на проверки как специальный метод регулирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2023, № 1, с. 114 – 132.
3. Гончаров С.А. Взаимодействие органов прокуратуры и государственных инспекций труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион, 2017, № 4(44), с. 38.
4. Губенко М.И. Правовая регламентация деятельности Государственной инспекции труда // Вестник Челябинского государственного университета, 2003, № 2 (6), с. 79 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-deyatelnosti-gosudarstvennoy-inspektcii-truda> (дата обращения: 22.05.2024).
5. Хаврошин К.А., Почекаева О.В. Понятие и виды государственного контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства // Вопросы студенческой науки, 2023, № 11 (87), С. 320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora-za-soblyudeniem-trudovogo-zakonodatelstva/viewer> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Зайцев Е. Однотипные нарушения наказываются один раз / Е.Зайцев, Н. Матушина // Административное право. 2016. № 3. С. 85-87.
7. Фесько Д.С. Риск-ориентированный подход при организации государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства: некоторые вопросы применения // Юридическая техника. 2019 № 13.
8. Мартынов А.В. Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес // Юрист. 2016. № 18. С. 22-27.
9. Браташова Ю.А. Проблемы совершенствования системы государственного контроля в современных условиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 28-34.
10. Мартынов А.В., Черников В.В. Мораторий на проверки как специальный метод регулирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник ННГУ. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moratoriy-na-proverki-kak-spetsialnyy-metod-regulirovaniya-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti> (дата обращения: 11.05.2024).
11. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2002. 856 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
13. Ручкина Г.Ф. К вопросу о совершенствовании мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 13-20.
14. Купреев Я.В. История становления и развития правового регулирования отношений по профсоюзному контролю в сфере труда // Труд и социальные отношения. 2023. Том 34. № 2. С. 196-203.
15. Минина А.А., Атаян Г.Ю., Богатырева А.Т. Основные тренды контрольно-надзорной деятельности в условиях моратория на проверки // Agrarian and land law. 2023. №1 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-trendy-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-v-usloviyah-moratoriya-na-proverki> (дата обращения: 12.05.2024).

References:

1. Ogibeniina A.A., Petrov I.V. Protection of the rights and interests of entrepreneurs // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 11-2 (86), 2023, с. 129.
2. Martynov A.V., Chernikov V.V. Moratorium on inspections as a special method of regulating control and supervisory activities // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named by N.I. Lobachevsky, 2023, № 1, с. 114 – 132.
3. Goncharov S.A. Interaction between the prosecutor's office and state labor inspectorates // News of higher educational institutions. Volga region, 2017, № 4(44), с. 38.
4. Gubenko M.I. Legal regulation of the activities of the State Labor Inspectorate // Herald of Chelyabinsk State University, 2003, № 2 (6), с. 79 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-deyatelnosti-gosudarstvennoy-inspektcii-truda> (date of the application: 22.05.2024).
5. Khavroshin K.A., Pochekaeva O.V. The concept and types of state control and supervision of compliance with labor legislation // Questions of student science, 2023, № 11 (87), С. 320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora-za-soblyudeniem-trudovogo-zakonodatelstva/viewer> (date of the application: 10.06.2024).
6. Violations of the same type are punished once / E. Zaitsev, N. Matyushina // Administrative law, 2016. № 3, С. 85-87.
7. Fesko D.S. Risk-based approach in organizing state control and supervision in the field of entrepreneurship: some application issues // Legal technology, 2019, № 13.
8. Martynov A.V. Application of a risk-based approach in the implementation of state control and supervision as a necessary condition for reducing pressure on business // Lawyer. 2016. № 18. С. 22-27.
9. Bratashova Yu.A. Problems of improving the system of state control in modern conditions // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 11. С. 28-34.
10. Martynov A.V., Chernikov V.V. Moratorium on inspections as a special method of regulating control and supervisory activities // Bulletin of UNN. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moratoriy-na-proverki-kak-spetsialnyy-metod-regulirovaniya-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti> (date of the application: 11.05.2024).
11. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. 4th ed., stereotype. M.: Rus. language, 2002. 856 с.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradova. 4th ed., add. M.: Azbukovnik, 1999. 944 с.
13. Ruchkina G.F. On the issue of improving state support measures for small and medium-sized businesses in the digital economy // Business Law. 2019. № 4. С. 13-20.
14. Kupreev Ya.V. History of the formation and development of legal regulation of relations on trade union control in the sphere of labor // Labor and social relations. 2023. Том 34. № 2. С. 196-203.
15. Minina A.A., Atayan G.Yu., Bogatyreva A.T. Main trends in control and supervisory activities under the conditions of a moratorium on inspections // Agrarian and Land Law. 2023. №1 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-trendy-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-v-usloviyah-moratoriya-na-proverki> (date of the application: 12.05.2024).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PROCEDURE DETENTION: LEGAL ANALYSIS OF COERCIVE MEASURES

ГАРАЕВА Татьяна Борисовна,

кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Владивостокский филиал).
692500, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21.
E-mail: beskat27@mail.ru;

GARAEVA Tatyana Borisovna,

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of General Legal Disciplines
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilova (Vladivostok branch).
692500, Primorsky Krai, Vladivostok, st. Kotelnikova, 21.
E-mail: beskat27@mail.ru

Краткая аннотация. В работе акцентируется внимание на вопросах понятийного содержания и оснований административно-процессуального и уголовно-процессуального задержания, отличия и взаимосвязь указанных мер принуждения, обращается внимание на проблемы применения задержания подозреваемого и предлагаются меры совершенствования законодательного регулирования уголовно-процессуального задержания.

Abstract. The work focuses on issues of conceptual content and grounds for administrative procedural and criminal procedural detention, the differences and interrelationships between these coercive measures, draws attention to the problems of using the detention of a suspect and proposes measures to improve the legislative regulation of criminal procedural detention. Abstract.

Ключевые слова: меры принуждения, административно-процессуальное задержание, уголовно-процессуальное задержание, срок задержания, порядок задержания, фактическое задержание.

Keywords: coercive measures, administrative procedural detention, criminal procedural detention, period of detention, procedure for detention, actual detention.

Для цитирования: Гараева Т.Б. Административное и уголовно-процессуальное задержание: правовой анализ принудительных мер // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 416-418. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_416.

For citation: Garaeva T.B. Administrative and criminal procedure detention: legal analysis of coercive measures // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 416-418. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_416.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024
Дата публикации: 03.10.2024

Административно-процессуальное и уголовно-процессуальное задержание достаточно часто применяются сотрудниками полиции в рамках реализации правоохранительной деятельности, в связи с чем, основание и порядок применения, эффективность использования указанных мер принуждения играет важную роль в обеспечении прав и законных интересов граждан.

Перечень лиц, которых полиция вправе подвергнуть задержанию, а также основания и порядок применения данной меры принуждения закреплены в положениях ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [3]. Однако у правоприменителя возникает сложность в интерпретации этой правовой нормы, так как она включает в себя два вида задержания, как уголовно-процессуальное, так и административно-процессуальное задержание. В этой связи молодым сотрудникам полиции зачастую достаточно сложно разграничить эти правовые категории относительно оснований, сроков, и порядка применения. Вопрос изучения отличий и взаимосвязей административно-процессуального и уголовно-процессуального задержания является актуальным аспектом совершенствования деятельности полиции в сфере применения мер принуждения, в связи с чем, изначально необходимо рассмотреть содержание дефиниций «административно-процессуальное задержание» и «уголовно-процессуальное задержание».

Согласно положению, ст. 27.3 КоАП РФ, административным задержанием является «кратковременное ограничение свободы физического лица». Данная мера «может быть применена лишь в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, а также исполнения постановления по делу об административном правонарушении» [1].

В соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ под уголовно-процессуальным задержанием подозреваемого подразумевается «мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления» [2]. При этом, согласно ст. 91 УПК РФ, необходимо наличие одного из следующих оснований: «когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления». Вместе с тем, лицо может быть задержано, если имеются «иные данные, дающие основание подозревать его в совершении преступления, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство

об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу» [2].

Рассматривая вопрос взаимосвязи административно-процессуального и уголовно-процессуального задержания, следует отметить, что данные меры принудительного воздействия применяются только в отношении лиц, которые совершили правонарушение (административное либо уголовное), с целью обеспечения порядка административного или уголовно-процессуального производства. И в том и другом случае правонарушитель ограничивается уполномоченным лицом в свободе передвижения и помещается на определенный период времени в соответствующее учреждение органа внутренних дел. По факту применения задержания в отношении лица в обязательном порядке составляется процессуальный документ, строго регламентированный КоАП РФ или УПК РФ соответственно.

В свою очередь данные меры принуждения имеют явные отличия между собой. В своей работе А.М. Яловой указывает, что «административное задержание и уголовно-процессуальное не имеют между собой никакой связи, и объединяет их лишь то, что применяются они лишь в отношении лица, совершившего правонарушение» [7].

Разделяем мнение Е.В. Денисенко, который в своей статье, посвященной вопросам сравнительно-правового анализа административного и уголовно-процессуального задержания, обращает внимание на отличительные признаки оснований – в первом случае задержание «носит исключительный характер и может быть осуществлено лишь в связи с совершением административного правонарушения, а порядок и процедура применения задержания, как меры уголовно-процессуального принуждения, регулируется главой 12 УПК РФ» [6].

Важно отметить и различие целей указанных видов задержания. В рамках административного законодательства целью задержания правонарушителя является обеспечение явкой лица, совершившего административное правонарушение в суд (орган), где будет рассматриваться административное производство. Уголовно-процессуальное задержание в большинстве случаев представляет собой кратковременное лишение свободы передвижения подозреваемого в совершении преступления с целью дальнейшего избрания в отношении последнего меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно опросу следователей (дознателей) задержание подозреваемого с целью установления личности встречается в правоприменительной практике достаточно редко.

Анализ субъектного состава лиц, уполномоченных осуществлять задержание лица также различен. Согласно приказа МВД России от 30.08.2017 г. № 685 «О должностных лицах системы МВД РФ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» сотрудники полиции, внесенные в Перечень должностных лиц системы МВД РФ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, вправе осуществлять административное задержание этих лиц [5]. Данный нормативный документ определяет огромный перечень сотрудников, начиная с должностных лиц Центрального аппарата МВД РФ и заканчивая сотрудниками полиции отдельных подразделений ОВД. Если обратиться к ч. 1 ст. 91 УПК РФ, то только «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления» [2].

Временные границы рассматриваемых мер принуждения также различны. В административном производстве срок задержания согласно ст. 27.5 КоАП РФ «не должен превышать три часа», в исключительных случаях этот срок может быть продлен до 48 часов [1]. В работе С.В. Алешина указывает, что «согласно ч. 4 ст. 27.5 КоАП законодатель не учитывает время доставления в срок административного задержания гражданина на 48 часов, в то время как в уголовно-процессуальном законодательстве данная мера предусмотрена в ч. 1 ст. 92 УПК РФ» [4]. Целесообразно отметить, что срок уголовно-процессуального задержания начинает исчисляться с момента фактического задержания подозреваемого, то есть его «захвата» и не может превышать 48 часов. В исключительных случаях этот срок может быть продлен судом еще на 72 часа. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ, «в срок не более 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю должен быть составлен протокол задержания» [2]. Таким образом, важно отметить, что задержание лица в рамках уголовного преследования, имеет два фактических времени: первое – момент «захвата» лица в месте его пребывания, второе – момент доставления лица в орган внутренних дел к следователю (дознателю).

Еще одним отличием данных принудительных мер является место содержания задержанного лица. В соответствии с административным законодательством лицо, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, в случае задержания помещается в комнату административно задержанных ОВД РФ. В свою очередь подозреваемое в совершении преступления лицо, помещается в соответствии со ст. 95 УПК РФ, в изолятор временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД РФ.

По факту помещения лица в изолятор временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД РФ должен быть составлен протокол. Важно отметить, что положениями уголовно-процессуального законодательства не учитываются обстоятельства, зачастую препятствующие своевременному составлению протокола задержания, а именно: необходимость установления личности лица, в случае его отказа либо невозможности предоставить о себе персональные данные; нахождение лица в состоянии алкогольного опьянения. Вместе с тем, в положении ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ установлено, что «срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления» [1].

Немало важным аспектом в рамках изучения рассматриваемых категорий принуждения следует отметить факт вручения копии протокола о задержании. Согласно ч. 2 ст. 27.4 КоАП РФ «копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе», при этом в уголовно-процессуальном законе, право на получение копии протокола о задержании отсутствует [1].

Учитывая вышеизложенное, полагаем целесообразно дополнить ст. 92 УПК РФ:

- пунктом 1.2 следующего содержания: «В случае необходимости с целью установления личности лица, а также для выяснения обстоятельств совершенного преступления, протокол задержания может быть составлен с момента установления соответствующей информации»;

- пунктом 1.3 следующего содержания: «Срок задержания и составление протокола задержания подозреваемого, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления».

Библиография:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях// Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 06.04.2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 06.04.2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»: ред. от 04.08.2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД России от 30.08.2017 г. № 685 «О должностных лицах системы МВД РФ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание»: ред. от 24.10.2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Алешин С.В. О мерах административного принуждения, применяемых в деятельности полиции // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (сорокинские чтения). 2023. С. 1140-1145.
6. Денисенко Е.В. Сравнительно-правовой анализ административного и уголовно-процессуального задержания // Актуальные вопросы публичного права. 2013. С. 41-50.
7. Ялов А.М. Отличие уголовно-правового задержания от административного и уголовно-процессуального // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 240-242.

References:

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal. Law of December 30, 2001 No. 195-FZ: ed. from 04/06/2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal. Law of December 18, 2001 No. 174-FZ: ed. from 04/06/2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
3. Federal Law of 02/07/2011 No. 3-FZ "On the Police": ed. from 08/04/2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 30, 2017 No. 685 "On officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to draw up protocols on administrative offenses and carry out administrative detention": ed. from 10/24/2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
5. Aleshin S.V. On measures of administrative coercion used in police activities // Current problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings). 2023. pp. 1140-1145.
6. Denisenko E.V. Comparative legal analysis of administrative and criminal procedural detention // Current issues of public law. 2013. pp. 41-50.
7. Yalov A.M. The difference between criminal law detention and administrative and criminal procedural detention // Public service and personnel. 2022. No. 1. pp. 240-242.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В АЭРОКОСМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ:
ТРУДНОСТИ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛОВ. РЕЦЕНЗИЯ НА 2-Е ИЗДАНИЕ
ТРЕХТОМНИКА И.В. ПОНКИНА «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ»,
«ДЕВИАНТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ»
И «PUBLIC ADMINISTRATION DEVIANTOLOGY» (2024 ГОД, ИНФРА-М)
Public Administration in the Aerospace Sphere:
difficulties in training professionals Review of the second edition
of the three-volume set on the theory of public administration by I.V. Ponkin –
«Theory of Public Administration», «Deviantology of Public Administration»
and volume on the deviantology of public administration in English (2024, Infra-M)**

МОРЕВА Светлана Леонидовна,

кандидат технических наук, доцент кафедры управления в технических системах
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.
Большая Морская ул., 67, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.

ORCID 0009-0000-3670-9538;

E-mail: sweetmoreva@yandex.ru;

Moreva Svetlana Leonidovna,

PhD (Technical science), associate professor of the Department of Management in Technical Systems
of the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
Bolshaya Morskaya str., 67, St. Petersburg, 190000, Russia.

ORCID 0009-0000-3670-9538;

E-mail: sweetmoreva@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье, являющейся откликом-рецензией на второе издание трёхтомника по теории государственного управления авторства И.В. Понкина – «Теория государственного управления», «Девантология государственного управления» и «Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes» (2024 год, Инфра-М) и на издание тома по девантологии госуправления на английском, автор поднимает важные вопросы подготовки специалистов в области государственного управления в аэрокосмической сфере.

Abstract: In the article, which is a response-review of the second edition of the two-volume book on the theory of public administration by I.V. Ponkin – «Theory of Public Administration», «Deviantology of Public Administration» and for the publication of a volume on the deviantology of public administration in English (2024, Infra-M), the author raises important issues of training specialists in the field of public administration in the aerospace sphere.

Ключевые слова: государственное управление, девантология государственного управления, аэрокосмическая сфера, подготовка государственных управленцев, публичное право.

Keywords: public administration, deviantology of public administration, aerospace sphere, training of public managers, public law.

Для цитирования: Морева С.Л. Государственное управление в аэрокосмической сфере: трудности подготовки профессионалов. Рецензия на 2-е издание трёхтомника И.В. Понкина «Теория государственного управления», «Девантология государственного управления» и «Public Administration Deviantology» (2024 год, Инфра-М) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 419-421. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_419.

For citation: Moreva S.L. Public Administration in the Aerospace Sphere: difficulties in training professionals Review of the second edition of the three-volume set on the theory of public administration by I.V. Ponkin – «Theory of Public Administration», «Deviantology of Public Administration» and volume on the deviantology of public administration in English (2024, Infra-M) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 419-421. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_419.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

*Каждый день вы должны узнавать что-то новое, всегда расти.
Африка де лас Эрас¹.*

Как писал Сантьяго Рамон-и-Кахаль, признаком любой хорошей книги является то, что читатель получит от неё не только те мысли, которые автор излагал намеренно, но и другие, совершенно новые и даже совершенно различные для каждого человека: эти мысли порождаются противоречием между кругом наших представлений и идеями, изложенными в тексте. Отсюда видно, что монография общего характера, являясь хорошим источником научной информации, служит также эффективным реагентом для нашей собственной мозговой активности². Тем более, таким должен быть хороший учебник.

Программы магистерской подготовки по направлению «Государственное управление в космической отрасли» и сопряжённым направлениям всё более и более внедряются в практику работы крупнейших образовательных центров страны, однако ключевой проблемой продолжает оставаться практически полное отсутствие учебников по этим направлениям в части преподавания основ теории и механизмов (инструмента-

¹ Цит. по: Разведчик. – 2024, июнь. – № 2 (7). – С. 71.

² Рамон-и-Кахаль С. Избранные научно-популярные труды. В 4-х книгах. Кн. 1: Правила и советы для научного исследования. Воспитание воли: Пер. с испан. В. С. Воробьева / Под ред. Э.Г. Улумбекова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2024. – 176 с. – С. 63.

риев) государственного управления.

Однако можно сколь угодно много сетовать на недостатки государственного управления в аэрокосмической сфере, практическое устранение их невозможно без подготовки кадрового состава и резерва управленцев надлежащего качества.

Нужны программы, учебники, преподаватели – всё наилучшего, продвинутого качества и в сложных модальностях, инновационное¹.

И тогда нам за отсутствием профильных для нашей сферы учебников по теории госуправления приходится обратиться к учебникам по теории государственного управления общей (общетеоретической) направленности, фундаментальным по своему содержанию, то есть подходящим как к нам обсуждаемой сфере, так и иным сферам.

Внимательное изучение представленных ныне и за последние 10 лет издательствами предложений позволяет выделить как наиболее релевантный, во всяком случае – для высоко-технологических инженерно-индустриальных сфер, двухтомник д.ю.н. проф. И.В. Понкина (ИГСУ РАНХиГС, а также МГУА), увидевший свет в мае 2024 года уже во втором издании². Одновременно (чуть ранее) вышел том по девиантологии на английском языке³, добротный профессиональный английский язык перевода делает это издание уникальным, позволяющим применять авторский курс и для обучения иностранных студентов.

В инновационном авторском двухтомном учебнике нового поколения теории и девиантологии государственного управления изложены и объяснены теоретические и нормативные основы, ключевые аксиомы, концепты и парадигмы этой теории, онтология, особенности организации, субъектно-объектный состав, инструменты и технологии, процесс, проблемы правового обеспечения, планирования и реализации государственного управления (с.2 учебника по теории госуправления).

Уровень подачи и изложения материала в трёхтомнике – более чем сложный, но как раз, как надо, это то, что требуется для высоко-технологических отраслей.

В сравнении с предыдущими изданиями⁴ очень много дополнено и выправлено, в переиздания вошло немало текстов статей И.В.Понкина, этот автор вообще в числе локомотивов отечественной и мировой теории государственного управления⁵. Учебники тщательно, можно, сказать «просушены», излагаемые материалы – сублимированы и кристаллизованы. Ушло много казавшегося излишним справочного материала, осталось только насущно необходимое.

Не следует удивляться тому и заикливаться на том, что ряд тем, такие, например, как конституционная экономика (исходно нерыночная, связанная как раз с госуправлением) или как платформенные подходы к госуправлению, совсем не затронуты в рассматриваемом двухтомнике, а некоторые – только обозначены. Любой учебник потенциально можно обвешать, словно новогоднюю ёлку, ярлыками «а вот этого-то тут как раз и нет». Но лучшее – враг хорошего, и, по словам классиков, учебник (как и книгу-монографию) оценивают по тому, что в ней есть, а не по тому, что осталось за её пределами. Таков концептуальный замысел автора, детерминируемый академической свободой и, надо полагать, его видением главных содержательных доминант по этим тематическим горизонтам. Невозможно ожидать всеобщего единодушия в том, что следует позиционировать и маркировать как главное в содержании образовательной дисциплины.

Но в нашем случае автор выбрал и воплотил беспрюирышную стратегию – структура обоих томов очень сильно дробная, обобщающе-охватывающая и объясняющая многие и многие сотни вопросов так, что двухтомник подходит под любую компоновку и наполнение, под любую привязку программ подготовки в направлении «Государственное и муниципальное управление». И главное – весьма эффективно этот двухтомник подходит под цель и задачи подготовки профессионалов в аэрокосмической сфере.

Автору трёхтомника могут попенять, что его издание слишком сложно, слишком замкнуто на специфическую профессиональную терминологию, хоть автор, как это чётко просматривается, и стремился избежать в учебниках своих усложнения, это не удалось, многие разделы приходится читать со словарями. Но давайте зададимся вопросами: а не устали ли мы от убогих и «никаких» управленцев – тех, что всё чаще даже публично порицаются Президентом и Премьером страны, а не стоит ли как раз учить на сложных задачах, готовя их к реалиям управленческой жизни и работы в структуре государства, где этой пресловутой простоты на поверку нет и в помине.

Рассматриваемое издание – это долгожданное прорывное улучшение современного состояния концептуального осмысления и теоретизирующей репрезентации знаний о фундаментальных основах государственного управления.

¹ Понкин И.В. К вопросу об инновациях в образовании // Инновации в образовании. – 2017. – № 3. – С. 61–76.

² Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 566 с. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 324 с.

³ Pонкин I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 304 p.

⁴ Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 529 с. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с.

⁵ Понкин И.В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № 5. – С. 47–52. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника (Ежегодник). – 2021. – № 15. – С. 231–236. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морев С.Л., Понкин Д.И. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – № 8. – С. 60–68. Понкин И.В. Понятие «принцип» в праве // Юридическая техника (Ежегодник). – 2020. – № 14. – С. 281–283. Понкин И.В. Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – Vol. 7. – № 10. – С. 80–90. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах (ежегодный научный журнал). – 2019. – Вып. 2. – С. 24–37. Понкин И.В. Теория государственного управления: децентрализация публичной администрации // Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 28–33. Понкин И.В. Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного управления // Административное право и процесс. – 2014. – № 4. – С. 8–12. Понкин И.В. К вопросу об определении понятия «юридическое пространство» в контексте публичного управления // Власть. – 2014. – № 1. – С. 105–108. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 95–111. Понкин И.В. Понятие резильентности системы к негативным факторам // Государственная служба. – 2015. – № 5. – С. 15–17. Понкин И.В. Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // Административное право и процесс. – 2016. – № 11. – С. 8–10. Понкин И.В. Энтропия, неэнтропия и порядок в публичном управлении и в праве // Право и образование. – 2016. – № 9. – С. 11–20.

Библиография:

1. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 324 с.
2. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с.
3. Понкин И.В. К вопросу об инновациях в образовании // Инновации в образовании. – 2017. – № 3. – С. 61–76.
4. Понкин И.В. К вопросу об определении понятия «юридическое пространство» в контексте публичного управления // Власть. – 2014. – № 1. – С. 105–108.
5. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника (Ежегодник). – 2021. – № 15. – С. 231–236.
6. Понкин И.В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № 5. – С. 47–52.
7. Понкин И.В. Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – Vol. 7. – № 10. – С. 80–90.
8. Понкин И.В. Понятие «принцип» в праве // Юридическая техника (Ежегодник). – 2020. – № 14. – С. 281–283.
9. Понкин И.В. Понятие резильентности системы к негативным факторам // Государственная служба. – 2015. – № 5. – С. 15–17.
10. Понкин И.В. Теория государственного управления: децентрализация публичной администрации // Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 28–33.
11. Понкин И.В. Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // Административное право и процесс. – 2016. – № 11. – С. 8–10.
12. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 566 с.
13. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зелентова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 529 с.
14. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. – 2014. – № 12. – С. 95–111.
15. Понкин И.В. Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного управления // Административное право и процесс. – 2014. – № 4. – С. 8–12.
16. Понкин И.В. Энтропия, негэнтропия и порядок в публичном управлении и в праве // Право и образование. – 2016. – № 9. – С. 11–20.
17. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л., Понкин Д.И. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – № 8. – С. 60–68.
18. Понкин И.В., Редкина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах (ежегодный научный журнал). – 2019. – Вып. 2. – С. 24–37.
19. Рамон-и-Кахаль С. Избранные научно-популярные труды. В 4-х книгах. Кн. 1: Правила и советы для научного исследования. Воспитание воли: Пер. с испан. В.С. Воробьева / Под ред. Э.Г. Улумбекова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2024. – 176 с.
20. Ponkin I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 304 p.

References:

1. Ponkin I.V. Deviantology of public administration: Textbook. 2nd ed., supplement. and reprinted in Moscow: INFRA-M, 2024. – 324 p.
2. Ponkin I.V. Deviantology of public administration: Textbook. – M.: INFRA-M, 2019. – 301 p.
3. Ponkin I.V. On the issue of innovations in education // Innovations in education. - 2017. – No. 3. – pp. 61-76.
4. Ponkin I.V. On the question of defining the concept of "legal space" in the context of public administration // Power. - 2014. – No. 1. – pp. 105-108.
5. Ponkin I.V. The concept of machine-readable law // Legal technique (Yearbook). – 2021. – No. 15. – pp. 231-236.
6. Ponkin I.V. The concept of the digital state: concept, nature, structure and ontology // Public service. - 2021. – Vol. 23. – No. 5. – pp. 47-52.
7. Ponkin I.V. The concept of "analytics" // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – Vol. 7. – No. 10. – pp. 80-90.
8. Ponkin I.V. The concept of "principle" in law // Legal technique (Yearbook). - 2020. – No. 14. – pp. 281-283.
9. Ponkin I.V. The concept of the system's resistance to negative factors // Public service. - 2015. – No. 5. – pp. 15-17.
10. Ponkin I.V. Theory of public administration: decentralization of public administration // Administrative law and process. – 2014. – No. 2. – pp. 28-33.
11. Ponkin I.V. Theory of public administration: the content of the concept of "order" // Administrative law and process. – 2016. – No. 11. – pp. 8-10.
12. Ponkin I.V. Theory of public administration: Textbook. 2nd ed., supplement. and reprinted in Moscow: INFRA-M, 2024. – 566 p.
13. Ponkin I.V. Theory of public administration: Textbook / Preface by A.B. Zelentsova. – M.: INFRA-M, 2019. – 529 p.
14. Ponkin I.V. "Soft power" technologies as a means of dysfunctionalization and destruction of the state // Law and education. - 2014. – No. 12. – pp. 95-111.
15. Ponkin I.V. Simplification of legislation as an instrument of a "new" model of public administration // Administrative law and process. – 2014. – No. 4. – pp. 8-12.
16. Ponkin I.V. Entropy, negentropy and order in public administration and law // Law and education. – 2016. – No. 9. – pp. 11-20.
17. Ponkin I.V., Kuprianovsky V.P., Moreva S.L., Ponkin D.I. Disruptive technological innovations: concept, meaning and ontology // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – No. 8. – pp. 60-68.
18. Ponkin I.V., Redkina A.I. Digital ontologies of law and the digital legal space // Perm Law Almanac (annual scientific journal). – 2019. – Issue 2. – pp. 24-37.
19. Ramon-i-Kahal S. Selected popular science works. In 4 books. Book 1: Rules and tips for scientific research. Education of the will: Translated from Spanish by V.S. Vorobyov / Edited by E.G. Ulumbekov. – M.: GEOTAR-Media, 2024. – 176 p.
20. Ponkin I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. Moscow: INFRA-M, 2024. – 304 p.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ ОРД The methodological basis for the construction of the theory of hordes

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. Теория ОРД будучи системой научных идей, обобщающих практический опыт оперативно-розыскной работы оперативных подразделений полиции и отражающих совокупность его закономерностей. Обобщенные научные принципы также выступают неотъемлемой частью указанной теории. Теория ОРД как относительно самостоятельная область знания имеет свою собственную методологическую основу, включающую помимо названных ее компонент предмет и метод. Выборочное изучение затронутой нами проблемы показало, что она еще слабо проработана особенно с учетом коренных изменений, обусловленных прежде всего цифровой трансформацией. Учитывая данное обстоятельство, автор настоящей статьи еще раз возвращается в поисках новых знаний к проблеме, связанной с методологией построения теории ОРД [5].

Abstract. The theory of HORDES is a system of scientific ideas that summarize the practical experience of operational investigative work of operational police units and reflect the totality of its patterns. Generalized scientific principles are also an integral part of this theory. The theory of HORDES, as a relatively independent field of knowledge, has its own methodological basis, which includes, in addition to its named components, a subject and a method. A selective study of the problem we have raised has shown that it is still poorly developed, especially taking into account the fundamental changes caused primarily by digital transformation. Considering this circumstance, the author of this article returns once again in search of new knowledge to the problem related to the methodology of constructing the theory of HORDES.

Ключевые слова: органы внутренних дел, их оперативные подразделения, теория оперативно-розыскной деятельности, ее методология, структура и содержание, факторы, обуславливающие развитие теории.

Keywords: internal affairs agencies, their operational units, theory of operational investigative activity, its methodology, structure and content, factors determining the development of the theory.

Для цитирования: Иванов П.И. Методологическая основа построения теории ОРД // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 422-426. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_422.

For citation: Ivanov P.I. Methodological basis for the construction of the theory of hordes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 422-426. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_422.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Вопросы «методологии» оперативно-розыскной науки в теории занимают центральное место, поскольку «методология» выступает отправной точкой («реперной точкой») в ее дальнейшем развитии. Ключевой ее характер определяется, прежде всего, по причине того, что она как бы «оживляет» оперативно-розыскную науку, приводя ее в соответствие современным реалиям. Между тем среди специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) обнаруживается неоднозначное понимание сути и содержания «методологии» оперативно-розыскной науки. Методология выступает ядром любой отрасли знания, в том числе нами рассматриваемой, поскольку она включает в себя концептуально важные для науки неотъемлемые ее части. Вначале отметим некоторые общие положения, касающиеся «методологии» вообще. «Методология» рассматривается как учение об организации деятельности [14].

Применительно к оперативно-розыскной науке речь идет о «методологии» профессиональной деятельности. Если быть более точным, то следует говорить о «методологии» научной деятельности («методологии» научного исследования). В научном исследовании мы выделяем проблемы теории, методологии, методов и методики. В свою очередь, «методология» имеет свою стройную структуру, состоящую из множества взаимосвязанных между собой компонентов: системы научных методов и принципов, обобщенных способов организации теоретической и практической деятельности. Весьма важно при научных исследованиях продемонстрировать новый подход (методологических парадигм) с учетом общей тенденции интеграции научного и вненаучного (прикладного) знаний в период социальных трансформаций и деформаций системы ценностей. В другом источнике «методология» определяется как учение о методах, способах и стратегиях исследования предмета¹. При этом структуру «методологии», по мнению авторов, образуют теоретико-прикладные вопросы, а именно: теория познания (гносеология), система принципов и способов организации теоретической и практической деятельности. Методология в развернутом виде ими представлена в виде следующих компонентов: «фундамента» (основания), им, в частности, выступает наука уголовно-правового цикла – криминология, уголовное и уголовно-испол-

¹ Определения понятия «методология» [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Методология> (дата обращения: 08.03.2024).

нительное право, уголовный процесс, криминалистика; специфических особенностей деятельности; ее логической структуры, стадий и технологии осуществления. В представленном виде мы имеем дело с самим содержанием методологии. Перейдем к рассмотрению «методологии» оперативно-розыскной науки. Хотелось узнать, как специалисты теории ОРД понимают анализируемый нами термин. Справедливости ради следует признать, что проблемы, связанные с методологией ОРД, не новы. Они стали предметом углубленного изучения многими учеными в области теории ОРД, в том числе такими, как: А.И. Алексеев, А.Ф. Возный, Д.В. Гребельский, А.Г. Лекарь, В.А. Лукашов, С.С. Овчинский, Г.К. Синилов, А.Ю. Шумилов. Прежде чем приступить к анализу, приведем само понятие «теория ОРД», которая также имеет свою методологию. Профессора И.А. Климов и Г.К. Синилов, определяя указанное понятие через призму оперативно-розыскной науки, основной упор делают на следующую группу закономерностей: а) закономерности о механизме совершения преступлений и противодействия криминальной среде; б) закономерности возникновения оперативно значимой информации о преступных проявлениях и лицах, к ним причастных; в) наконец, закономерности фиксации, закрепления и использования фактических данных в процессе доказывания по уголовному делу. Авторы справедливо подчеркивают, что с учетом познанных закономерностей и оперативно-тактической ситуации подбираются наиболее приемлемые тактические приемы применения оперативно-розыскных сил, средств и методов [11, 3]. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что мы бы не стали отождествлять теорию¹ с наукой², поскольку они, на наш взгляд, неравнозначные понятия. Мы полагаем, что оперативно-розыскная наука – это очередной этап развития теории ОРД, совокупность обобщенных положений, отражающих систему закономерностей. Как нам представляется, оперативно-розыскную науку целесообразно определять как относительно самостоятельную отрасль знаний о четырех группах закономерностей: 1) закономерности, присущие межотраслевым связям уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства; 2) закономерности, проявляющиеся в процессе противодействия преступности, в том числе трансграничной; 3) закономерности, связанные с использованием сил, средств, методов, форм ОРД, и с проведением оперативно-розыскных мероприятий; 4) закономерности, проявляющиеся в процессе организации указанной деятельности.

Для сравнения приведем еще одно определение. Формулируя понятие «оперативно-розыскная наука», автор подчеркивает такие ее признаки (черты), характеризующие качественные параметры, как относительная область научного знания, наличие своего предмета, категориального аппарата, научных методов познания. Кроме того, в числе характерных признаков представлена система закономерностей, научных принципов и способов организации деятельности, влекущих оперативно-розыскные правоотношения [12]. Как нам представляется, просматривается некая терминологическая неустойчивость молодой оперативно-розыскной науки, что свидетельствует о её неопределенности, прежде всего в предмете своего исследования. Однако, по нашему мнению, не вызывает сомнений, что данная наука является комплексом теоретико-прикладных знаний, имеет свой объект и предмет, систему и функцию, методологию и методы, форму и правовую регламентацию. В таком виде оперативно-розыскная наука вполне вписывается в общую систему современных научных знаний.

Доказано, что любая наука, в том числе оперативно-розыскная, если она считается ею, должна иметь свой предмет и метод. Традиционно при этом выделяют три параметра науки: предмет, метод и ее место в системе других наук. В литературе метод науки определен далеко не однозначно. Вместо слова «метод» используют «методология».

Так, например, профессор В.Д. Малков употребляет следующее выражение: «Криминология как наука, ее предмет, методология и место в системе других наук» [13]. При этом автор, скорее всего, исходит из того, что понятие «методология» имеет двойное значение: 1) методология – это учение о научном методе познания; принципы и способы организации теоретической и практической деятельности; 2) методология есть совокупность методов, применяемых в какой-либо науке³. Вот почему, говоря о методологии науки криминологии, подразумевается совокупность методов, то есть приемов и средств. Заметим, с их помощью раскрывается по существу содержание предмета криминологии (закономерности возникновения, существования и изменения преступности; ее детерминанты; личность преступника; система мер предупреждения преступлений) [13]. Небезынтересна в рассматриваемом контексте точка зрения профессора Г.А. Аванесова, который под «методологией» понимает «совокупность методов, приемов, способов исследования соответствующих явлений или процессов ...» [1]. Не вдаваясь в глубину затронутого нами вопроса, можно заметить, что в первом случае в структуру «методологии» включают совокупность приемов⁴ и средств⁵, во втором – совокупность методов⁶, приемов, способов⁷. В такой трактовке нетрудно понять, что автор во втором случае несколько шире рассматривает понятие «методология». Мы указанные рассуждения привели для того, чтобы понять, насколько сегодня специалисты неоднозначно подходят к рассмотрению методологии науки.

Вернемся к оперативно-розыскной науке. Как специалисты теории ОРД понимают анализируемый нами термин?

Одни авторы (И.А. Климов, Г.К. Синилов) утверждают, что «методология» есть система методов познания действительности и методик исследования изучаемого предмета [10].

¹ Теория – 1) учение, система научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности общества; 2) совокупность обобщенных положений, образующих науку или раздел какой-нибудь науки, а также совокупность правил в области какого-нибудь мастерства; 3) сложившееся у кого-нибудь мнение, суждение, взгляд на что-нибудь. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2006.

² Наука – 1) система знаний о закономерностях развития общества; 2) то, что поучает, дает опыт, урок. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб.

³ Методология – это учение о научном методе познания; принципы и способы организации теоретической и практической деятельности; методология есть совокупность методов, применяемых в какой-либо науке. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб. – С.354.

⁴ Слово «прием» употребляется в двух значениях – 1) отдельное действие, движение; 2) способ в осуществлении чего-нибудь. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб.

⁵ Средство – 1) прием, способ действия для достижения чего-нибудь; 2) орудие (предмет, совокупность приспособлений).

⁶ Метод – 1) способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь; 2) способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб.

⁷ Способ – действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб.

Представляется, что в таком ключе методика¹ становится одним из элементов «методологии»², тем самым, на наш взгляд, теряет свое собственное предназначение.

Другие же (В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров) считают, что такие вопросы «методологии» теории ОРД, как объект, предмет, принципы, методы этой теории и т.д., требуют дальнейшего изучения [2]. Они отмечают, что по ним среди специалистов в области теории ОРД нет единого мнения. Расхождение их взглядов, по их мнению, не означает неприемлемость общих положений, касающихся методологических вопросов теории ОРД.

Существует точка зрения, согласно которой «методология» рассматривается лишь через призму объекта и предмета теории ОРД. Её отстаивали до недавнего времени А.Г. Лекарь, В.А. Лукашов. В предмет познания теории ОРД они включали две группы закономерностей. Первая группа подразумевала наличие устойчивой связи между способом совершения преступления и специальными силами, и средствами его выявления. В свою очередь, вторая группа закономерностей, по мнению указанных авторов, находит свое проявление в процессе организации оперативно-розыскной работы по предупреждению и раскрытию преступлений.

Профессор В.А. Лукашов научно обосновал идею о природе правоотношений, которые в совокупности образуют объект познания теории ОРД [3]. Разделяя в целом позицию авторов, нельзя не заметить, что структура «методологии» ими рассмотрена несколько в усеченном виде, что, безусловно, негативно сказывается на целостном представлении системы теории ОРД.

Профессор В.И. Елинский, проводя специальное исследование «методологии» теории ОРД [4], делает заключение, что «методология» теории включает в себя более широкий круг проблем: историко-гносеологических, объекта, предмета, языка, содержания (проблематики) и других компонентов [4]. Эти методологические вопросы в большей мере подверглись специальному изучению. Однако, несмотря на достаточно глубокую научную их разработанность, к настоящему времени в незначительной степени исследованы, на наш взгляд, учение о методах, частные теории и концепции, также входящие в содержание «методологии».

Весьма своеобразное мнение высказал и научно обосновал профессор А.Ю. Шумилов про методологию профессионального сыска и сыскное (оперативно-розыскное) искусство с позиций права и закона [15]. Им на основе изучения и анализа актуальных проблем теории ОРД определены основные направления развития теоретических основ этой деятельности (создана тем самым теоретическая платформа), обоснована целесообразность формирования в России науки уголовно-розыскного права, разработаны основы уголовно-правовой оценки сыскной информации. Благодаря усилиям профессора А.Ю. Шумилова были созданы реальные предпосылки формирования в России единой сыскной (оперативно-розыскной) теории. При этом он исходил из того, что ОРД в современной России выступает как комплексный объект научного познания.

Приведем еще одно определение «методологии» оперативно-розыскной науки, рассматриваемой как учение о специальных методах познания объективной действительности в области ОРД, имеющее своей целью фиксацию такой действительности без учёта её субъективного восприятия конкретным исследователем, представляющее собой систему основополагающих принципов, способов и методов формирования теории и практики ОРД [12]. Как нам представляется, данное определение, к сожалению, содержит не все важнейшие структурно-содержательные элементы методологии оперативно-розыскной науки. Несмотря на его дискуссионность, автор попытался сформулировать некоторые общие положения, которые в настоящее время являются общепризнанными.

Со своей стороны считаем, что предлагаемые определения «методологии» оперативно-розыскной науки должны содержать (по мере возможности) значимые черты (признаки). К их числу мы относим: познание оперативно-розыскной наукой закономерностей, отношений и связей [9], характерных для объекта ее исследования; использование при проведении теоретических исследований оперативно-розыскных проблем достижений не только наук уголовно-правового цикла, но и других отраслей научного знания (теории управления, информатики, социологии и т.д.); легитимность оперативно-розыскной функции в борьбе с преступностью; неизбежность эволюции взглядов на методологию оперативно-розыскной науки.

На основе проанализированных нами суждений попытаемся сформулировать понятие «методология оперативно-розыскной науки». Мы все же склонны считать, что это совокупность приемов, методов, способов и средств, с помощью которых раскрываются закономерности, входящие в предмет оперативно-розыскной науки. Метод этой науки тесно связан с ее предметом, которые находятся в диалектической взаимосвязи. Проблемы, изучаемые оперативно-розыскной наукой, глубоко могут быть исследованы только на основе диалектики – всеобщего метода познания, поскольку он позволяет глубже проникнуть в сущность изучаемых явлений и процессов.

Как известно, философия, вооружая рассматриваемую отрасль знания методологией познания, не дает готовых рецептов для решения вопросов, стоящих перед ней. Но вместе с тем она предлагает изучать явления с позиции исторического и системного подхода. Помимо всеобщего метода познания, оперативно-розыскная наука широко использует общенаучные, частнонаучные методы и специальные методики, которые нами из-за ограниченности объема настоящей статьи не представляется возможным более подробно рассмотреть.

Учитывая многоаспектность термина «методология», кратко остановимся на приоритетах развития оперативно-розыскной науки в новых условиях – постсоветского периода, с учетом происходящих процессов в области науки и техники, а также планируемых социально-экономических перемен на основе отечественных и зарубежных достижений.

Как нам представляется, в настоящее время остро нуждаются (на предмет определения «реперных» точек, связанных с поиском эффективных средств и методов борьбы с преступлениями) в теоретическом осмыслении ведомственной наукой следующие объективно обусловленные перемены:

¹ Методика 1) наука о методах преподавания; 2) совокупность методов обучения чему-нибудь, практического выполнения чего-нибудь. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. раб. –
² Методология ОРД состоит из трех уровней: 1) общенаучные методы; 2) отраслевые (специальные) методы; 3) методика научных исследований конкретных проблем ОРД. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». Указ. раб.

1. Использование криптовалюты при совершении, например, преступлений экономической направленности. Отрадно, что эта проблема на сегодня, несмотря на множество нововведений, не осталась без внимания со стороны образовательных и научных организаций.

2. Механизм адаптации искусственного интеллекта (больших данных) в интересах оперативных подразделений полиции. На этот счет мы в научных изданиях высказали некоторые подходы [7]. Между тем твердо убеждены в том, что оперативно-розыскная наука должна включиться в исследование и этой необычной для нее проблемы. Моделирование оперативно-тактических ситуаций, разработка пошагового алгоритма действий – вот неполный перечень вопросов, которые должны явиться результатом теоретической ее проработки.

3. Противодействие киберпреступлениям¹. Думается, что данный вопрос должен изучаться на комплексной межотраслевой (междисциплинарной) основе, что предполагает объединений усилий специалистов различных областей знаний и практических работников.

4. Приобретение организованной преступностью черт транснационального социально-правового явления. Мы на примере транснациональной организованной налоговой преступности предприняли попытку изучить ее природу, сущность и содержание [7]. При этом убедились в том, что проблема гораздо шире и масштабнее, чем предполагали. Со своей стороны считаем, что она должна стать предметом специального комплексного исследования в рамках оперативно-розыскной науки.

Кроме того, мы полагаем, что в настоящее время успешное решение методологических проблем ОРД немислимо в отрыве от *основных положений Концепции научно-технической политики МВД России до 2030 года*², поскольку одним из ее принципов является интеграция ведомственной науки, образования и практики. Среди основных направлений реализуемой Концепции – выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений (в том числе оперативно-розыскная и экспертно-криминалистическая деятельность), которое должно быть подвергнуто оперативно-розыскной наукой теоретическому осмыслению путем изучения их с позиции исторического, системного (комплексного) подходов. Следует при этом отметить, что одной из целей анализируемой Концепции выступает совершенствование информационных и телекоммуникационных технологий, средств связи, системы за-щиты информации, кибербезопасности. Указанная цель, на наш взгляд, полностью удовлетворяет потребности оперативно-розыскной науки.

Мы считаем, что цифровизация ОРД – одно из перспективных направлений дальнейшего развития оперативно-розыскной науки.

Данный вопрос стал предметом обсуждения на межведомственной конференции на тему «Технологии информационного общества и развитие теории ОРД», которая состоялась в ФГКУ «ВНИИ МВД России» 15 ноября 2019 г. Участники конференции единодушно высказались, что это будущее теории ОРД, цифровизация в допустимых пределах (с определенными ограничениями) присуща и теории ОРД, которая не может развиваться изолированно, отвергая достижения других отраслей научного знания. Всё новое всегда вначале воспринимается с некоторым опасением, безусловно, есть проблемы на пути освоения процесса цифровизации, но они временные и преодолимые [6].

Другим не менее важным направлением «методологии» развития теории ОРД, на наш взгляд, может стать требование о необходимости *снижения административного давления на бизнес со стороны правоохранительных органов*. Так, например, эта проблема обсуждалась на международной конференции-практикуме на тему «Налоговые преступления: вопросы правоприменения», которая состоялась 30 сентября 2020 г.³ В частности, на ней рассматривались актуальные вопросы, связанные: с квалификацией уклонения от уплаты налогов и сборов с организации; трансформацией полученной налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды в результате совершения уклонения от уплаты налогов; правовой преюдицией в налоговых преступлениях; соотношением налоговых преступлений и правонарушений; освобождением от уголовной ответственности. Теория ОРД не должна обходить названную проблему молчанием, которая требует дальнейших теоретических исследований, поскольку глава государства каждый раз обращает внимание на недопустимость административного давления на бизнес.

Министр внутренних дел Российской Федерации В. Колокольцев в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России обратил внимание присутствующих и на это обстоятельство, сказав, что «в контексте развития диалога с бизнес-сообществом мы приняли участие в создании цифровой платформы для работы с обращениями предпринимателей и готовы активно взаимодействовать в данном формате. Всего нами рассмотрено порядка 370 материалов, вместе с тем только каждый десятый из них касается тематики давления на бизнес, ради чего и создавалась эта платформа. В большинстве случаев заявители пытаются вовлечь полицию в гражданско-правовые споры и требуют проведения проверок финансово-хозяйственной деятельности контрагентов. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы платформа выполняла своё прямое предназначение, а не превращалась в инструмент достижения корпоративных целей»⁴. Отсюда, на наш взгляд, вытекает три взаимосвязанных между собой принципиально важных момента, а именно: 1) недопустимость отвлечения сил и средств, на первый взгляд, казалось бы, на не совсем свойственные виды деятельности (мы имеем в виду, прежде всего, вовлечение сотрудников полиции в разрешение гражданско-правовых споров); 2) втягивание их в некие коррупционно-рискованные зоны (коррупциогенные); 3) сведение тем самым на нет роль и предназначение цифровой платформы. Одновременно со своей стороны считаем, что основные усилия полиции должны быть направлены на повышение качества проверки поступающих в адрес цифровой платформы обращений предпринимателей, недопущение фактов принятия процессуальных решений о возбуждении уголовных дел по недостаточно проверенным материалам.

¹ Сноска: 10 декабря 2020 г. в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ состоялась Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция на тему: «Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий».

² Проект Концепции научно-технической политики МВД России до 2030 года (Основные положения). – М.: Академия управления МВД России, 2019.

³ Международная конференция-практикум была организована под эгидой Автономной некоммерческой организации «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» и МГИМО МИД России.

⁴ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 03 марта 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/23305248/> (дата обращения: 06.03.2024).

Еще одно направление. Думается, что специалистам в области теории ОРД следует сосредоточить свои усилия на *решении методологических проблем* указанной теории. Содержание ее объекта и предмета, язык теории, ее принципы и методы, и другие компоненты нуждаются в дальнейшем их изучении. К сожалению, отдельные из них требуют уточнений. Так, например, профессора В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров к числу объектов теории ОРД, помимо традиционно к ним причисляемых, относят: совокупность правонарушений, не носящих криминального характера (административные, гражданско-правовые), а также факты и обстоятельства не противоправного характера, но используемые в преступных целях. Ими всего вынесено на обсуждение научной общественности дополнительно 5 «элементов» объекта теории [2]. В одной, отдельно взятой статье вряд ли можно рассмотреть их более обстоятельно, да и такую задачу мы не ставили перед собой при выборе темы настоящей научной работы. Однако твердо убеждены в том, что с учетом современного состояния преступности, оперативно-розыскного противодействия [8] ей и ныне действующего законодательства оперативно-розыскная наука и ее методологические основы не могут оставаться неизменными. Думается, что высказанные указанными авторами «элементы», безусловно, заслуживают внимания, в дальнейшем они могут быть предметом углубленного теоретического исследования.

Перечень вышеприведенных направлений, требующих углубленного теоретического осмысления, безусловно, неисчерпывающий. Нами указаны лишь наиболее значимые из них, которые должны, на наш взгляд, изучаться в первоочередном порядке специалистами рассматриваемой области науки. К сожалению, ощущается некоторое отставание от оперативно-розыскной практики самой ведомственной науки. Не хочется, чтобы это имело место. Отчасти случилось такое положение из-за резкого «омоложения» специалистов, нарушения принципа преемственности.

Таким образом, дальнейшее развитие оперативно-розыскной науки в первую очередь зависит от разрешения таких ее методологических вопросов, как объект, предмет, принципы и методы. Оперативно-розыскная наука и ее «методология» развивается не в замкнутых ведомственных рамках, она постепенно приобретает междисциплинарный характер на единой методологической основе.

Библиография:

1. Аванесов Г.А. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 109.
2. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2001. – С. 9.
3. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилова Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2014. – С. 98.
4. Елинский В.И. О методологии науки и ее значимости для дальнейшего совершенствования теоретических и прикладных основ оперативно-розыскной деятельности (выводы проведенного исследования по материалам органов внутренних дел) // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2001.
5. Иванов П.И. Некоторые вопросы оперативно-розыскной науки: методология и перспективы ее развития // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. № 1. Москва. 2021. С. 38–45.
6. Иванов П.И., Шитов А.С. Актуальные проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Технологии информационного общества и развитие теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2020. – С. 27-33.
7. Иванов П.И., Шитов А.С. К вопросу о важности приспособления механизма противодействия налоговой преступности к цифровой реальности // Искусственный интеллект (Большие данные) на службе полиции: сборник статей междунар. науч.-практ. конф. – М.: Академия управления МВД России, 2020. – С. 98-103.
8. Ишин И.А. «Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. – № 3(92).
9. Климов И.А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1995.
10. Климов И.А., Синилов Г.К. Методология развития теории и совершенствования практики оперативно-розыскной деятельности в условиях современного российского общества // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2001. – С. 35;
11. Климов И.А., Синилов Г.К. Некоторые вопросы методологии оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского ун-та МВД России. 2003. № 1. – С. 58-62.
12. Кондратьев М.В. Генезис и методология оперативно-розыскной науки // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2020. № 3 (87). – С. 162.
13. Малков В.Д. Криминология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2011. С. 6.
14. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология: словарь системы основных понятий. – М.: Librocom, 2013. С. 3.
15. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография. В 3-х т. Т. 1: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней Серия: «Теория и практика профессионального сыска». – М.: ИП «Шумилова И.И.», 2013.

References:

1. Avanesov G.A. Criminology: textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / 5th ed., reprint. and additional. – M.: UNITY-DANA, 2012. – p. 109.
2. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the main directions of further development of the theory of operational investigative activities of internal affairs bodies // Actual issues of theory and practice of operational investigative activities: Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - M.: Academy of Management The Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. – p. 9.
3. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Sinilova G.K. Theory of operational investigative activity: textbook / 3rd ed., reprint. and additional. – M.: INFRA-M, 2014. – p. 98.
4. Elinsky V.I. On the methodology of science and its importance for further improvement of the theoretical and applied foundations of operational investigative activities (conclusions of the study based on the materials of internal affairs bodies) // Actual issues of theory and practice of operational investigative activities: Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001.
5. Ivanov P.I. Some issues of operational investigative science: methodology and prospects for its development // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. No. 1. Moscow. 2021. pp. 38-45.
6. Ivanov P.I., Shitov A.S. Actual problems of digitalization of operational investigative activities // Technologies of the information society and the development of the theory of operational investigative activities: collection of scientific tr. – M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – pp. 27-33.
7. Ivanov P.I., Shitov A.S. On the issue of the importance of adapting the mechanism of countering tax crime to digital reality // Artificial intelligence (Big data) in the police service: collection of articles international scientific and practical conference - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – pp. 98-103.
8. Ishin I.A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. – № 3(92).
9. Klimov I.A. Operational investigative activity of internal affairs bodies as a process of cognition (problems of theory and practice): author's abstract. dis. ...Dr. Jurid. Sciences. – M., 1995.
10. Klimov I.A., Sinilov G.K. Methodology for the development of theory and improvement of the practice of operational investigative activities in modern Russian society // Actual issues of theory and practice of operational investigative activities: Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. – p. 35;
11. Klimov I.A., Sinilov G.K. Some issues of the methodology of operational investigative activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 1. – pp. 58-62.
12. Kondratiev M.V. Genesis and methodology of operational investigative science // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (87). – p. 162.
13. Malkov V.D. Criminology: textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence" / 4th ed. and additional. M.: Justicinform, 2011. p. 6.
14. Novikov A.M., Novikov D.A. Methodology: dictionary of the system of basic concepts. – M.: Librocom, 2013. p. 3.
15. Shumilov A.Y. Operational investigative science in the Russian Federation: monograph. In 3 volumes. Vol. 1: Operational investigative activity and the formation of science about it Series: "Theory and practice of professional investigation". – M.: IP "Shumilova I.I.", 2013.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ПЕНСИИ ПО ИНВАЛИДНОСТИ И ПЕНСИИ ПО СЛУЧАЮ ПОТЕРИ КОРМИЛЬЦА СОТРУДНИКУ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ЧЛЕНАМ ЕГО СЕМЬИ LEGAL ISSUES OF ASSIGNING A DISABILITY PENSION AND A SURVIVOR'S PENSION TO AN EMPLOYEE OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM AND HIS FAMILY MEMBERS

ФРОЛОВСКАЯ Юлия Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления ФСИН России.
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.
E-mail: yul-frol@mail.ru;

БОНДАРЕНКО Иван Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления ФСИН России.
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.
E-mail: ivan.bondarenko.5959@mail.ru;

FROLOVSKAYA Yulia Ivanovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department civil law and process Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.
E-mail: yul-frol@mail.ru;

BONDARENKO Ivan Vasilievich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department civil law and process Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.
E-mail: ivan.bondarenko.5959@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы пенсионного обеспечения сотрудников в уголовно – исполнительной системы в случаях назначения пенсии по инвалидности в следствии военной травмы или заболевания. Раскрываются правовые основания назначения пенсии по случаю потери кормильца членам семьи сотрудника. Рассматриваются правовые основания для получения пенсионного обеспечения, в том числе анализируются нормативно – правовые акты регулирующие пенсионные права граждан.

Abstract: the article examines the issues of pension provision for employees of the criminal-executive system in cases of assigning a disability pension due to a military injury or illness. The legal grounds for assigning a survivor's pension to members of the employee's family are disclosed. The legal grounds for receiving pension provision are considered, including an analysis of regulatory and legal acts governing the pension rights of citizens.

Ключевые слова: пенсия по инвалидности, пенсия по случаю потери кормильца, военная травма, заболевание, уголовно – исполнительная система.

Keywords: disability pension, survivor's pension, military injury, illness, criminal-executive system.

Для цитирования: Фроловская Ю.И., Бондаренко И.В. Правовые вопросы назначения пенсии по инвалидности и пенсии по случаю потери кормильца сотруднику уголовно-исполнительной системы и членам его семьи // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 9(237). С. 427-429. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_427.

For citation: Frolovskaya Yu.I., Bondarenko I.V. Legal issues of assigning a disability pension and a survivor's pension to an employee of the criminal-executive system and his family members // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 9(237). pp. 427-429. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_427.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. Актуальность темы настоящего исследования придает тот факт, что профессиональная деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы может привести к утрате работоспособности сотрудниками из-за высокой сложности и особенностей работы или по различным другим факторам. В таких обстоятельствах, пострадавшим работникам положена выплата пенсии по инвалидности.

Цель исследования. На основе анализа изучения правового аспекта и особенностей пенсионного обеспечения сотрудников уголовно – исполнительной системы выявить основные особенности правового регулирования пенсии за выслугу.

Методы исследования. В данном исследовании применялся описательный и метод систематизации.

Инвалидность характеризуется как обстоятельство, влияющее на способность индивида выполнять стандартные жизненные функции из-за физиологических или психологических ограничений. Такое положение приводит к социальной изоляции и потребности в поддержке из-за ухудшения здоровья, что ограничивает его активность.

Пенсионные выплаты по инвалидности основываются на факте невозможности продолжения службы по медицинским показаниям, которые подразделяются на три степени. В соответствии со ст. 21 Федерального закона № 4468-1, существует две разные группы лиц с инвалидностью, которые различаются по уровню получаемого пенсионного обеспечения. В первой группе находятся те, кто получил ранения или другие увечья, находясь на службе, в частности во время участия в боевых действиях или военных операциях за рубежом, выполняя задачи страны. Эти люди подверглись серьезным рискам для своего здоровья и, как следствие, стали инвалидами, причём их состояние связано напрямую с военной службой.

В течение жизни, особенно работая в правоохранительных структурах, человек сталкивается с многочисленными трудностями. Работа в таких условиях часто сопровождается высоким уровнем стресса и рисками, способными серьезно подорвать здоровье. Это универсальная реальность, от которой никто не может быть полностью изолирован. Во вторую категорию инвалидности включаются те, кто столкнулся с инвалидностью из-за болезней, приобретенных в период своей профессиональной деятельности, а также те, кто стал инвалидом в результате случайных происшествий, которые не связаны с выполнением служебных задач.

Назначение пенсии по инвалидности не зависит от продолжительности работы в уголовно-исполнительной системе. Важным условием

для начисления таких выплат является факт установления инвалидности и последующее увольнение с должности, согласно статье 6 Федерального закона № 4468-1. Различие в суммах выплат обусловлено характером инвалидности: для лиц с инвалидностью после военной травмы первой и второй группы предусмотрено 85% от зарплаты, для третьей группы – 50%; в случае инвалидности, наступившей из-за заболеваний, приобретенных на службе, выплаты составляют 75% для первой и второй группы и 40% для третьей группы, как указано в статье 22 того же закона.

Инвалиды первой группы, которые столкнулись с увечьями во время военных действий, имеют право на минимальную пенсию, превышающую базовую на 300%. Для инвалидов второй группы, пенсия составляет 250% от минимума, в то время как для лиц с инвалидностью третьей группы этот показатель равен 175%. В случае получения инвалидности из-за заболевания во время службы, законодательство РФ предусматривает, что лица первой и второй групп могут рассчитывать на не менее 250% и 200% соответственно, тогда как инвалиды третьей группы – на 150% от минимального уровня пенсии по старости. В последнем случае, решение о размере пенсии делегировано военно-врачебным комиссиям и бюро медико-социальной экспертизы, которые подходят к этому вопросу с полной серьезностью, исходя из установленных законом положений и степени инвалидности сотрудников УИС. Определение инвалидности и основания для этого описаны в ряде законодательных актов, среди которых ключевое значение имеет регулирование, связанное с военно – медицинской экспертизой. Данное регулирование закреплено постановлением от 4 июля 2013 г. № 565, которое было обновлено 12 декабря 2021 г. В ситуации, когда обсуждается переход сотрудника на пенсию, процедура включает его осмотр медицинскими экспертами военно-врачебной комиссии (ВВК). На основании проведенных медицинских исследований ВВК определяет, может ли сотрудник продолжать службу. В процессе определения связи между заболеванием, которое может стать причиной инвалидности, и особенностями служебной деятельности, выносятся разнообразные вопросы: полная пригодность к службе, частичная пригодность или полная непригодность. В некоторых ситуациях для принятия окончательного решения может потребоваться дополнительное медицинское обследование. После получения заключения от военно-врачебной комиссии (ВВК) и документа, подтверждающего наличие заболевания, при рассмотрении вопроса о наличии прямой связи между служебной деятельностью и заболеванием медико – социальное бюро экспертизы отталкивается исключительно от выводов, сделанных ВВК, не имея права вносить изменения в медицинские выводы.

Когда бывший работник исправительной системы обращается в медико-социальное экспертное учреждение с результатами врачебно-военной комиссии, этот момент отмечен как начало признания его статуса инвалидности. В случае несогласия с вынесенным заключением, работник имеет возможность подать апелляцию в орган высшей инстанции, но следует иметь в виду, что их решение будет иметь окончательный характер.

Помимо этого, обычной практикой является предоставление и регулярная выплата пенсий по инвалидности для тех, кто покинул службу в УИС на время по состоянию здоровья. Обычно, право на получение инвалидности и соответствующих выплат определяют специалисты в области медицины и социальной поддержки. В контексте российского законодательства, особенно акцентируется внимание на случаях, когда инвалидность возникает в период службы или в течение трех месяцев после ее завершения. Также учитываются случаи, когда инвалидность проявляется позже, но имеется прямая связь с полученной травмой, болезнью или повреждениями во время службы. В соответствии с статьями 19 и 20 Федерального закона № 4468-1, такие лица имеют неоспоримое право на денежную компенсацию. Кроме того, предусматриваются дополнительные выплаты для тех, кто был уволен с военной службы, в том числе и в органах уголовно-исполнительной системы, на основании статуса инвалидности.

Размер выплат, предоставляемых бывшим сотрудникам с инвалидностью, зависит от того, кто находится под их опекой, из-за возрастных ограничений или проблем со здоровьем. Данный момент более тщательно разъясняется в статьях 17 и 24 Федерального закона № 4468-1. Согласно статье 25 этого же закона, инвалидам, ранее работавшим в системе уголовного исполнения и уволенным с должности, гарантируется пенсия на все время признания их инвалидами. Это подтверждается решением медико-социальной экспертизы. Кроме того, пожизненная инвалидность устанавливается для лиц, достигших пенсионного возраста, при этом повторная проверка их состояния не требуется.

В случае, когда ветеран после медицинской проверки решит подтвердить свою способность к трудовой деятельности, его обычное пенсионное пособие будет ограничено выплатами за настоящий месяц и заморожено на следующий период. Тем не менее, если этот человек заработал право не только на инвалидную пенсию, но и на пенсию за долгие годы службы, он имеет возможность подать заявку на военную пенсию. Это обеспечит ему финансовую поддержку во время приостановки его основной пенсии. Работа в армии и на службе в системе исполнения наказаний сопряжена с серьезными опасностями и вызовами.

К сожалению, инциденты, ведущие к смерти сотрудников, не являются исключением. В этих обстоятельствах ближайшие родственники умершего, ранее зависимые от него финансово, наследуют право на получение пенсии после его кончины. Правила, касающиеся данного аспекта, зафиксированы в Федеральном законе России с номером 4468-1.

Обычно, факт утраты кормильца фиксируется по его смерти или в случае объявления его пропавшим без вести, с подтверждением через необходимые документы.

Пенсионные выплаты в связи с утратой кормильца предоставляются членам семьи умершего согласно установленным правилам.

В соответствии с российским законодательством, определенным Законом РФ № 4468-1 и Постановлением Правительства от 22 сентября 1993 г. № 941, родственники неспособные к труду военнослужащих или сотрудников органов внутренних дел и прочих учреждений, перечисленных в документе, в случае смерти кормильца имеют право на получение пенсии. Данное право на пенсию актуально в нескольких случаях: если смерть наступила во время выполнения служебных обязанностей, в течение трех месяцев после ухода со службы или позже, при условии, что причиной смерти стало заболевание, связанное с прохождением службы.

Чтобы иметь право на получение пенсии после потери кормильца, простого родственной связи недостаточно. Важно соответствовать определенным критериям, установленным законодательством. В частности, статья 29 Федерального закона № 4468-1 уточняет, кто может рас-

смагиваться как получатель такой пенсии. Кандидаты на получение должны быть официально признаны неспособными к труду и зависимыми от умершего до наступления его смерти. Тем не менее, иногда требование об иждивении может не рассматриваться как обязательное.

Существуют также конкретные условия, при которых возможно претендовать на пенсию по потере кормильца. Во-первых, в случае если смерть наступила в результате ранений или заболеваний, полученных во время службы, или в течение трёх месяцев после её завершения, при условии, что смерть была связана именно с этими обстоятельствами. Во-вторых, несчастный случай может быть рассмотрен, если причиной отставки с должности стало ошибочное обвинение, что, в свою очередь, привело к летальному исходу. Отдельно стоит упомянуть и тех, кто на момент смерти погибшего уже получал пенсию от соответствующего ведомства.

В случае утраты кормильца, будь то сотрудник, внезапно пропавший без следа или пенсионер, его семья обладает правом на получение пенсии независимо от того, была ли смерть официально подтверждена. Закон РФ № 4468-1 в ст. 36 углубленно описывает порядок, правила и объём выплаты пенсии после потери кормильца, подчеркивая, что выплаты могут варьироваться в зависимости от обстоятельств смерти. Иждивенцы умершего кормильца, который участвовал в военных действиях, получал ранения или заболевания, приведшие к его смерти, или скончался в результате выполнения служебных обязанностей, имеют право на получение 50% от его денежного обеспечения независимо от количества таких иждивенцев.

Члены семьи, которые потеряли своего кормильца из-за болезни, связанной с военной службой, могут претендовать на 40% компенсацию. Те, кто зависит от сотрудника, ушедшего из жизни в результате военной травмы, также будут иметь право на аналогичный процент выплат. Кроме того, близкие родственники умершего, который служил в уголовно-исполнительной системе или был уволен на пенсию после службы, могут полагаться на пенсионные выплаты в случае потери кормильца в соответствии с установленными льготными условиями. Положение о выплатах для членов семьи умершего, которые ранее были на его материальном обеспечении, ясно изложено в законодательстве. В частности, закон РФ № 4468-1 в статье 31 уточняет, кто имеет право считаться иждивенцем. Рассматриваются две главные категории, влияющие на признание членов семьи зависимыми от умершего, что включает и обязательное условие их полной материальной поддержки со стороны умершего до его смерти. При этом неважно, были ли родители формально задокументированы как иждивенцы; выплаты им полагаются обязательно [1]. Это подразумевает, что средства для поддержания жизни обычно зарабатывались исключительно покойным кормильцем. Семья ранее зависела от его доходов и активов как от первоначального метода для обеспечения своих нужд. Более того, ключевым фактором является стабильное и непрерывное экономическое взаимодействие покойного кормильца с семьей, что обеспечивало основную экономическую поддержку, не предполагая единовременной помощи[2].

Подразумевается, если есть «основной источник средств к существованию», у членов семьи могут быть иные формы доходов, такие как пенсии, стипендии, заработные платы и другие, не связанные с покойным кормильцем средства для жизни. Для того чтобы помощь от кормильца считалась первостепенным средством для жизни семьи, ее объём должен быть недостаточным для полного удовлетворения потребностей семьи в необходимом. Понятно, что она выступает в качестве основного, но не исключительного источника дохода. Также, для установления факта зависимости не требуется совместное проживание. В случае смерти кормильца, если его вклад был непрерывным и основным для жизни его семьи, при этом члены семьи получали какие-либо виды пенсии, они могут, согласно Российскому закону No. 4468-1, ч. 2 ст. 31, оформить пенсию после потери кормильца. Если возникают вопросы относительно назначения кого-то в роли иждивенца, можно обратиться за разъяснениями в судебные инстанции. Согласно разделу 7 федерального закона № 4468-1 Российской Федерации, родственники военнослужащих, которые потеряли жизнь на службе, могут выбирать одну из нескольких предоставляемых государством пенсий, если им полагается более одной по закону. Тем не менее, благодаря внесенным изменениям и обновлениям в законодательстве, определенным категориям лиц теперь разрешается получать две пенсии одновременно: пенсию за потерю кормильца и пенсию по возрасту.

Основываясь на обновлениях законодательства, были внесены существенные изменения в правила предоставления пенсий в случаях потери кормильца. Раньше право на одновременное получение двойных пенсий было ограничено как для супругов, так и для их родителей. Однако, изменения в законе теперь позволяют сохранять пенсии после вступления в новый брак, что прежде было запрещено. Согласно статье 35 Закона РФ №4468-1, вдовам или вдовцам, которые выходят заново замуж или женятся, больше не теряют пенсию, предназначенную за потерю кормильца. Но важно учитывать, что если вдова (вдовец) потеряет эту пенсию по какой-либо причине, например, из-за перехода на стандартную пенсию от Пенсионного Фонда РФ, то возможность её восстановления будет утрачена навсегда.

Анализируя законодательные аспекты выдачи пенсий для людей с ограниченными возможностями и для тех, кто потерял кормильца, в контексте работников системы исполнения наказаний, можно заметить ясность и определенность в законодательных формулировках. Тем не менее, когда дело доходит до практического применения этих положений, возникают трудности, требующие правового вмешательства. Изменения, внесенные в Закон РФ № 4468-1 за последнее время, направлены на повышение размеров этих пенсий, что является весомым плюсом.

Библиография:

1. Бондаренко, И. В. Правовое регулирование государственной пенсий по инвалидности сотрудников уголовно-исполнительной системы / И. В. Бондаренко, Ю. И. Фроловская // Бизнес и общество. – 2022. – № 3(35). – EDN CIERGV.
2. Бондаренко, И. В. Пенсия по случаю потери кормильца сотрудников уголовно-исполнительной системы / И. В. Бондаренко, Ю. И. Фроловская // Бизнес и общество. – 2022. – № 3(35). – EDN FONSRC.
3. Ивлиев, П. В. Правовое регулирование социальной защищенности сотрудников уголовно-исполнительной системы / П. В. Ивлиев, Ю. И. Фроловская // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 7(170). – С. 161-163. – EDN МУНТРК.
4. Фроловская, Ю. И. Правовое регулирование пенсий за выслугу лет сотрудников уголовно-исполнительной системы / Ю. И. Фроловская, И. В. Бондаренко // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8(171). – С. 172-173. – EDN ZWXPTW.

References:

1. Bondarenko, I. V. Legal regulation of state disability pensions for employees of the penal system / I. V. Bondarenko, Yu. I. Frolovskaya // Business and Society. - 2022. - No. 3 (35). - EDN CIERGV.
2. Bondarenko, I.V. Survivor's pension for employees of the penal system / I.V. Bondarenko, Yu.I. Frolovskaya // Business and Society. - 2022. - No. 3(35). - EDN FONSRC.
3. Ivliev, P. V. Legal regulation of social protection of employees of the penal system / P. V. Ivliev, Yu. I. Frolovskaya // Eurasian Law Journal. - 2022. - No. 7 (170). - P. 161-163. - EDN МУНТРК.
4. Frolovskaya, Yu. I. Legal regulation of pensions for length of service of employees of the penal system / Yu. I. Frolovskaya, I. V. Bondarenko // Eurasian Law Journal. - 2022. - No. 8(171). - P. 172-173. - EDN ZWXPTW.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_430

УДК 343.4; 343.54

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АРСЕНАЛ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

The criminal law arsenal of protection of family and children in modern Russia

ХАРЛАМОВ Валентин Станиславович,профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1.

E-mail: valentinx55@mail.ru;

ORCID 0000-0002-2009-197X;

KHARLAMOV Valentin Stanislavovich,Professor of the Department of Criminal Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova str., 1.

E-mail: valentinx55@mail.ru;

orcid 0000-0002-2009-197X

Краткая аннотация: Статья посвящена регламентации охраны детей и семейных отношений отечественным уголовным законом. Раскрыта роль семьи и подрастающего поколения для любой страны. Рассмотрен базовый понятийный аппарат. Представлена официальная судебная статистика о численности лиц, осужденных в России в период 2010-2022 гг. за совершение криминальных посягательств в отношении детей и семьи, предусмотренных главой 20 Уголовного кодекса. Исследованы составы всех девяти преступлений, включенных в главу 20 Уголовного кодекса

Abstract: The article considers the regulation of the protection of minors and family relations by the domestic criminal law. The role of the family and the younger generation for any country is revealed. The basic concepts are considered. The official judicial statistics on the number of persons convicted in Russia in the period 2010-2022 for committing criminal offenses against children and family provided for in Chapter 20 of the Criminal Code are presented. The compositions of all nine articles included in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation have been analyzed. The problems of law some individual of certain criminal law norms are reflected.

Ключевые слова: потерпевший, криминальное посягательство, семья, ребенок, ответственность, осужденный.

Keywords: victim, criminal assault, family, child, responsibility, convicted.

Для цитирования: Харламов В.С. Уголовно-правовой арсенал защиты семьи и детей в современной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 430-434. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_430.

For citation: Kharlamov V.S. The criminal law arsenal of protection of family and children in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 430-434. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_430.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. В эпоху глобализации, открытости, интеграции в мировое сообщество конкурентоспособной является только сильная Россия. Известно, ядро сильного государства формирует здоровая семейная ячейка. Созидательный и целительный ресурс семьи уникален. Не случайно мировое сообщество с прошлого XX века предлагает правоприменительные и законодательные пути обеспечения охраны семейных отношений от внутрисемейного криминала. Текущий 2024 год в России объявлен Годом семьи, что в очередной раз подчеркивает значимость рассматриваемого института¹.

Основное исследование. К драгоценному потенциалу семьи и общества следует отнести детей. От благополучия и безопасности подрастающего поколения зависит стабильность государства и судьба общества. В числе приоритетов государственной политики в интересах семьи и детей отнесено гарантированная защита семьи и ценностей семейной жизни, защита достоинства личности детей, их права на жизнь, а также права на свободу и личную неприкосновенность, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, поддержания социальной устойчивости каждой семьи². К провозглашаемым традиционным семейным ценностям относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины³. В статье 1 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» закреплено, что **семья** - лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство⁴.

В уголовно-правовых науках статусом потерпевшего наделено «физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации» (ст. 42 УПК РФ). Законные права и интересы жертв противоправных проявлений обеспечиваются государственной защитой независимо от их состояния здоровья, возраста и уровня интеллектуального развития. Потерпевшими от криминальных посягательств в семье и вне семьи высту-

¹ Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 876 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 27.11.2023 г. № 48. Ст. 8560.

² Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 12.06.2024); Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.08.1998.

³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 12.06.2024).

⁴ Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

пают дети, родители, усыновители и опекуны. Дефиниция «дети» употребляется в юриспруденции как совокупность или множество несовершеннолетних. В качестве синонима термина «несовершеннолетний» законодатель применяет понятие «ребенок». Отечественным Семейным кодексом в статье 54 (пункт 1) закреплено, что «ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)». Защита прав ребенка и его законных интересов осуществляется в соответствии со статьей 56 (пункт 1) родителями либо их заменяющими лицами, а в отдельных предусмотренных законом случаях также судом и прокурором, органом опеки и попечительства¹.

Международное и национальное (в том числе, уголовное, семейное, административное, гражданское) законодательство, а также региональная, ведомственная и межведомственная нормативно-правовые базы, содержат правовые нормы, обеспечивающие защиту детства, материнства, семьи. Уголовно-правовая охрана указанных институтов предусмотрена нормами, расположенными в различных главах уголовного закона. Они отличаются видовыми объектами. Так, в главе 16 УК РФ, именуемой «Преступления против жизни и здоровья», правовое регулирование ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка закреплено в статье 106 УК РФ. В главе 18 УК РФ, именуемой «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», правовое регулирование ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, - в статье 134 УК РФ. В главе 25 УК РФ, именуемой «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», правовое регулирование ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего - в статье 240.1. УК РФ. Наряду с вышеуказанным, в действующем Уголовном кодексе России наличествует отдельная глава 20, которая называется «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Глава 20 УК РФ содержит, в целом, девять статей: от ст. 150 до ст. 157 УК РФ. Рассмотрим статьи представленной главы более подробно.

В уголовно-правовой литературе под криминальными проявлениями в отношении детей и семьи понимаются «общественно опасные виновно совершенные противоправные деяния, посягающие, с одной стороны, на семью как ячейку общества, основанную на принципах кровного или иного родства, выполняющую социально-полезные функции, в том числе по воспитанию, образованию и заботе о детях; с другой стороны, на несовершеннолетних, как субъектов общественных отношений, на их нормальное нравственное, интеллектуальное, физическое и психическое развитие» [11, с. 200].

Массив лиц, осужденных в России в период 2010-2022 гг. за совершение криминальных посягательств, закрепленных в гл. 20 УК РФ, представлен в таблице 1.

Таблица 1 [9]

Массив лиц, осужденных в РФ в период 2010-2022 гг. за совершение криминальных посягательств, закрепленных в гл. 20 УК РФ

Годы	Численность осужденных, осужденных за совершение преступлений, предусм. гл. 20 УК РФ (человек)	Общее количество осужденных за все преступления (человек)	Удельный вес числа осужденных за совершение преступлений, предусм. гл. 20 УК РФ, к гр. 3 (%)
1	2	3	4
2010	52166	845071	6,2
2002	60700	739278	8,2
2014	64830	719297	9,0
2016	36447	741329	4,9
2018	47824	658291	7,3
2020	39293	530998	7,4
2022	50546	578751	8,7

Ежегодные показатели официальной судебной статистики в период 2010-2022 годов о численности лиц, осужденных за совершение криминальных посягательств, закрепленных в гл. 20 УК РФ, свидетельствуют о варьировании их значений от минимального 36 447 человек (удельный вес – 4,9%) до максимального 64 830 человек (удельный вес – 9,0%).

Объект криминальных посягательств против семьи и несовершеннолетних (ст. ст. 150–157 УК РФ), именуемый видовым, образован общественными отношениями, обеспечивающими защиту интересов семьи и нормального развития подрастающего поколения, охрану прав детей и нетрудоспособных членов семьи [11, с. 200].

С субъективной стороны «все криминальные посягательства против семьи и несовершеннолетних совершаются с прямым умыслом» [11, с. 201]. Среди обязательных признаков субъективной стороны отдельных исследуемых деликтов наличествует мотив в виде побуждений низменных, в том числе корыстных. К числу таковых посягательств относятся подмена ребенка (см. ст. 153 УК РФ), незаконное усыновление (удочерение) (см. ст. 154 УК РФ) и разглашение тайны усыновления (удочерения) (см. ст. 155 УК РФ).

Определенной спецификой каждого из исследуемых преступлений против семьи и несовершеннолетних наделяются как объективная сторона, так и их субъект. Так, объективную сторону посягательства, предусмотренного ст. 150 УК РФ, составляет вовлечение ребенка в совершение преступления посредством дачи обещаний, обмана, угрозы или другим способом в форме лести, подкупа, уговоров и т.п. Важное разъяснение дал Конституционный Суд России о том, что ребенок признается «потерпевшим по уголовному делу о его вовлечении в совершение преступления в период несовершеннолетия независимо от способа такого вовлечения и от последующего достижения совершеннолетия» [6].

Субъектом преступления признается злоумышленник, достигший шестнадцатилетнего возраста. Указанный субъект, вовлекший ребенка в совершение любого криминального посягательства, подлежит уголовной ответственности на основании статьи 150 УК РФ и той статьи

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает его ответственность за совершение криминального посягательства, в котором он непосредственно участвовал в качестве организатора, соисполнителя, подстрекателя или пособника [4, с. 20].

В случаях вовлечения в совершение преступления малолетнего ребенка взрослый злоумышленник будет отвечать за вменяемое преступление как исполнитель, если он являлся иным соучастником преступления [13, с. 140].

Часть 2 ст. 150 УК РФ выделяет квалифицированные признаки деликта. В указанной норме установлена ответственность за совершение рассматриваемого посягательства педагогическим работником или родителем, а также другим лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию ребенка.

В части 3 ст. 150 УК РФ предусмотрена ответственность за вовлечение ребенка в совершение преступления с применением насилия или с угрозой его применения. Насилие физическое выражается в побоях, связывании, причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью. Если умышленно причинен тяжкий вред здоровью (ст. 111 УК РФ) или посягательство выразилось в истязании (ч.2 ст. 117 УК РФ), то содеянное надлежит квалифицировать по совокупности ст. 111 УК, ч.2 ст. 117 УК РФ и ч.3 ст. 150 УК РФ.

Насилие психическое выражается в угрозе причинения вреда здоровью ребенка любой степени тяжести. В числе таковых: угроза убийством, изнасилованием, побоями. Дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ при этом не требуется.

Часть 4 ст. 150 УК предусматривает ответственность за деяния, закрепленные в частях первой, второй или третьей ст. 150 УК РФ, которые связаны с вовлечением ребенка в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления или в преступную группу, а также в совершение преступления по мотивам экстремистской направленности. Среди последних выделяют не только мотивы религиозной, идеологической, расовой, политической, национальной ненависти или вражды, но и мотивы ненависти или вражды в отношении любой социальной группы.

Объективная сторона аналогичного посягательства в виде вовлечения несовершеннолетнего в совершение не преступления, а антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) формируется при вовлечении ребенка в следующие два альтернативные неправомерные деяния: 1) в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ и 2) в бродяжничество или попрошайничество. Уголовным законом санкционировано вовлечение только в систематическое (точнее, не менее трех раз) употребление спиртных напитков или немедицинское употребление одурманивающих веществ [9, с. 23].

В практике судебно-следственной указанный признак применяется в том случае, когда зарегистрировано не менее трех фактов вовлечения ребенка. Период злонамеренных действий взрослого по вовлечению ребенка в рассматриваемые правонарушения не должен быть продолжительным, то есть раз в неделю, каждый месяц. Важно отметить, что законодатель декриминализировал факт вовлечения в занятие бродяжничеством ребенка его собственным родителем. В соответствии с примечанием к ст. 151 УК РФ, действие статьи 151 УК РФ не распространяется на случаи вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства.

Субъект вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий аналогичен рассмотренным ранее в статье 150 УК РФ.

Часть 2 ст. 151 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за то же деяние, совершенное педагогическим работником, родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию ребенка.

Часть 3 ст. 151 УК РФ устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные частями первой или второй ст. 151 УК РФ, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения.

Объективная сторона другого преступления, предусмотренного ст. 151.1. УК РФ, выражается в розничной продаже злоумышленником несовершеннолетним водки, коньяка, вина, иной алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно. Уголовным законом санкционировано рассматриваемое посягательство только в том случае, если злоумышленник привлекался ранее за розничную продажу детям алкогольной продукции к административной ответственности по ч. 2.1. ст.14.16. КоАП РФ. При этом злоумышленник при очередной продаже спиртного ребенку должен иметь статус подвергнутого административному наказанию. Очевидно, что субъект рассматриваемого криминального проявления – специальный: им является продавец алкогольной продукции как индивидуальный предприниматель либо продавец этой продукции, состоящий в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем или с торговой структурой независимо от ее организационно-правовой формы.

Объективная сторона другого преступления в виде вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, состоит в совершении действий, представляющих опасность для жизни ребенка (ст. 151.2. УК РФ). Преимущественно это экстремальные молодежные досуговые развлечения, такие как: «диггерство» - исследование искусственных подземных сооружений, «тринсерфинг» - незаконный проезд на крыше движущегося поезда, «банджи-джампинг» - прыжок с моста или небоскреба, «хайдайвинг» - прыжки в воду с экстремальных высот. Обязательным элементом рассматриваемого общественно-опасного деяния является отсутствие признаков склонения к совершению самоубийства либо вовлечения в совершение криминального посягательства или в совершение антиобщественных действий. Субъектом данного посягательства признается только совершеннолетний фигурант.

Часть 2 ст. 151.2. УК РФ устанавливает уголовную ответственность за то же деяние, совершенное в отношении двух или более детей; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; публично демонстрирующемся произведении, в публичном выступлении, информационно -телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») либо СМИ [1, с. 181].

Деяние по замене одного новорожденного ребенка другим без наличия согласия на то родителей или законных представителей мла-

денца представляет объективную сторону подмены ребенка (ст. 153 УК). Такая подмена происходит нередко в родильном доме, доме ребенка либо другом месте, где находится новорожденный. Состав криминального посягательства образует как подмена своего ребенка чужим или чужого - своим, так и чужого ребенка чужим [12, с. 48].

Субъект рассматриваемого криминального посягательства является лицом, достигшим 16 лет и осуществившим фактическую подмену младенца.

Объективную сторону такого преступления как незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ) образуют противоправные умышленные действия по усыновлению (удочерению) несовершеннолетних, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи (российские и зарубежные), совершенные неоднократно или из корыстных побуждений. Неоднократное совершение незаконных действий по усыновлению (удочерению) означает совершение два или более раз указанных общественно-опасных деяний с нарушением соответствующей процедуры и требований законодательства. Необходимый элемент диспозиции в виде корысти обусловлен стремлением получить финансовую выгоду за вышеперечисленные противоправные действия.

Субъектом упомянутого деяния признается фигурант, обязанный заниматься устройством и выявлением детей, оставшихся без попечения родителей. Среди них: работники лечебных организаций, детских учреждений, органа опеки и попечительства, а также должностное лицо, обязанное по закону принимать решение по указанным выше вопросам с выдачей аутентичных документов [2, с. 25].

Объективная сторона разглашения тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ) заключается в извещении вопреки воле усыновителя сведений о факте усыновления (удочерения) ребенка фигурантом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, или иным фигурантом. Разглашения такой тайны может быть осуществлено любым образом: то есть, устно, письменно, а также с применением современных средств коммуникации и связи. Не имеет значения, кому было адресовано негласное сообщение. Это может быть, как постороннее лицо, так и сам усыновленный несовершеннолетний.

К субъектам рассматриваемого общественно опасного деяния относятся лица, обязанные хранить факт усыновления (удочерения) как служебную и профессиональную тайну, либо другое лицо, совершившее данное преступление из корыстных или иных низменных побуждений [8, с. 288].

Объективную сторону неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) образует деяние, выраженное в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или другим указанным в законе лицом, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Законодатель и правоприменитель рассматривают жестокое обращение с ребенком в данной уголовно-правовой норме как понятие оценочное. Учитывается явно неадекватная реакция воспитывающего наставника на поведение ребенка. Особые страдания причиняются ребенку воспитателем обычно в виде регулярного унижения достоинства, побоев, лишения крова, питания, одежды в холодное время года, связывания [5, с. 335]. В случаях совершения причинении ребенку вреда здоровью любой степени тяжести либо истязаний, содеянное следует квалифицировать по совокупности с соответствующими статьями, в т.ч. ст. ст. 111, 112, 115, 117 УК РФ.

Субъектом указанного преступления являются не только воспитатели, педагоги, медицинские работники либо родители, попечители, опекуны, усыновители, но и иные лица, на которых возложены обязанности по воспитанию детей.

Объективная сторона неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) выражается в следующих альтернативных общественно опасных проявлениях:

- в неуплате родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно (ч. 1 ст. 157 УК РФ). Под такой неуплатой законодатель подразумевает неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (п. 1 примечаний к ст. 157 УК РФ);

- в неуплате совершеннолетними трудоспособными детьми без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание нетрудоспособных родителей, если это деяние совершено неоднократно (ч. 2 ст. 157 УК РФ), которой признается неуплата совершеннолетними трудоспособными детьми без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, на содержание нетрудоспособных родителей, подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (п. 2 примечаний к ст. 157 УК РФ).

Под «аналогичным» понимается деяние, совершенное в нарушение того же самого судебного акта или нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов, в связи с неисполнением которого указанное лицо ранее было подвергнуто административному наказанию по статье 5.35.1 КоАП РФ [7]. Если фигурант, совершивший преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, в полном объеме погасил задолженность по выплате средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, или нетрудоспособных родителей в порядке, определяемом российским законодательством, он освобождается от уголовного преследования в соответствии с п.3 примечания к ст. 157 УК РФ.

Субъект рассматриваемого посягательства – специальный. А именно: по ч. 1 ст. 157 УК РФ к ним относятся законно признанные отцом или матерью ребенка усыновители и родители, которые были подвергнуты ранее административному наказанию за аналогичное деяние. Субъектом преступления по ч. 2 ст. 157 УК РФ являются трудоспособные совершеннолетние дети, которые были подвергнуты ранее административному наказанию за аналогичное деяние [3, с. 121].

Заключение. Таким образом, установление уголовной ответственности за криминальные посягательства, направленные против детей и семьи, является важнейшим инструментом защиты интересов ребенка и семейных отношений. Действующие нормы современного уголовного закона надежно охраняют интересы и права несовершеннолетних, гарантированно защищают ценности семейной жизни и членов семьи от криминальных посягательств.

Библиография:

1. Васильченко А.В. Проблемы дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2 УК РФ) // Эпомен. 2021. № 58. С. 179 – 183.
2. Колесникова В.А., Чермит Р.Р. Характеристика преступлений, связанных с незаконным усыновлением (удочерением) // Полиматис. 2017. № 7. С. 21-27.
3. Корниенкова М.Р. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 221 с.
4. Литвинова И. В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иные антиобщественные действия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
5. Мясникова А. И. Актуальные проблемы квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 334-336.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406837550/> (дата обращения: 14.06.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405902101/> (дата обращения: 16.06.2024).
8. Саматова А.А. Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): проблемы теории и практики // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 288 – 290.
9. Сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2012-2022 гг. Форма № 10-а.
10. Татимов А.М. Квалификация преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, по объективным признакам // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 20 – 24.
11. Тимина Т.Н., Алешина-Алексеева Е.Н. Преступления против семьи и несовершеннолетних / Уголовное право. Особенная часть: учебник. СПб.: СПб У МВД России, 2021. – 1087 с.
12. Устинова Т.Д. Подмена ребенка: проблемы законодательства и правоприменения // Судья. 2016. № 4 64). С. 47-49.
13. Факова Р.А., Рябова Л.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблемы квалификации // Вестник науки. 2020 г. №5 (26). Т.4. С. 136 - 140.

References:

1. Vasilchenko A.V. Problems of differentiation of responsibility for involving a minor in committing actions that pose a danger to his life (Article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Eromen. 2021. No. 58. pp. 179-183.
2. Kolesnikova V.A., Chermit R.R. Characteristics of crimes related to illegal adoption // Polymatis. 2017. No. 7. pp. 21-27.
3. Kornienkova M.R. Criminal liability for non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents: dis. ... cand. Jurid. M., 2020. 221 p.
4. Litvinova I. V. Criminal liability for involving minors in committing crimes or other antisocial actions: abstract of the dissertation. ... cand. Jurid. M., 2008. 26 p.
5. Myasnikova A. I. Actual problems of qualification of crimes against the family and minors // Young scientist. 2020. No. 21 (311). pp. 334-336.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 25, 2023 No. 26-P "On the case of checking the constitutionality of Part Four of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of provisions of Articles 42, 45, 145, 146 and 222 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens M.V. Zolotareva and V.V. Frolova". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406837550/> (date of access: 06/14/2024).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2022 No. 39 "On judicial practice in criminal cases on non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405902101/> (date of application: 06/16/2024).
8. Samatova A.A. Criminal liability for disclosure of the secret of adoption: problems of theory and practice // Current problems of economics and law. 2011. No. 4. pp. 288-290.
9. Information from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases were issued for 12 months 2012-2022. Form No. 10-a.
10. Tatimov A.M. Qualification of a crime related to the involvement of a minor in committing antisocial acts, according to objective signs // Criminal Justice. 2022. No. 19. pp. 20-24.
11. Timina T.N., Alyoshina-Alekseeva E.N. Crimes against family and minors / Criminal law. Special part: textbook. St. Petersburg: St. Petersburg At the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – 1087 p.
12. Ustinova T.D. Substitution of a child: problems of legislation and law enforcement // Judge. 2016. No. 4 64). pp. 47-49.
13. Fakova R.A., Ryabova L.V. Involvement of a minor in the commission of a crime: problems of qualification // Bulletin of Science. 2020 No.5 (26). vol. 4. pp. 136 – 140.

**О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НОРМАТИВНОГО (МЕТОДИЧЕСКОГО) ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОРЯДКА РАСЧЕТА
ОБЪЕМА СЛУЖБЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ УЧРЕЖДЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**On the need to improve the normative (methodological) provision
of the procedure for calculating the volume of service of security units
of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation**

ЦАПЛИН Игорь Семенович,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент.
Нарвская ул., 15А, стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: aplin.ig@yandex.ru;

TSAPLIN Igor Semenovich,
Leading Researcher of SIC-3 of the Federal Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. В представленной статье проведен анализ нормативного (методического) обеспечения порядка расчетов объема службы подразделений охраны уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время имеется потребность в совершенствовании методики, регламентирующей порядок расчетов объема службы подразделений охраны УИС, что требует издания нового нормативного акта.

Abstract. The presented article analyzes the normative (methodological) provision of the procedure for calculating the volume of service of the security units of the penal enforcement system of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that there is currently a need to improve the methodology governing the procedure for calculating the volume of service of the UIS security units, which requires the publication of a new regulatory act.

Ключевые слова: временные караулы, объем службы, подразделения охраны УИС, психиатрические больницы (стационары) с интенсивным наблюдением Министерства здравоохранения Российской Федерации, судебно-психиатрические экспертные медицинские организации.

Keywords: temporary guards, scope of service, security units of the penal institution, psychiatric hospitals (inpatient units) with intensive supervision of the Ministry of Health of the Russian Federation, forensic psychiatric expert medical organizations.

Для цитирования: Цаплин И.С. О необходимости совершенствования нормативного (методического) обеспечения порядка расчета объема службы подразделений охраны учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 435-437. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_435.

For citation: Tsaplin I.S. On the need to improve the normative (methodological) provision of the procedure for calculating the volume of service of security units of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 435-437. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_435.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

С организационной стороны процесс труда требует соединения и координации всех факторов, участвующих в нем, установления оптимальных пропорций между основными элементами и ресурсами и объединения их в единую систему, именуемую организацией труда.

В подразделениях охраны уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) организация труда должна быть эффективной и гибкой, ориентируемой на выполнение поставленных руководством Федеральной службы исполнения наказаний служебных задач. Правильное планирование служебных задач и последующее распределение служебной нагрузки на сотрудников позволяет обеспечить своевременное, качественное и эффективное использование сил и средств. Как правило, достижению данной задачи, в том числе, способствует достаточное нормативное (методическое) регулирование, вопросов расчета служебной нагрузки на сотрудников рассматриваемых подразделений.

Вместе с тем, результат анализа нормативной (методической) базы, регламентирующей порядок расчетов объема службы подразделений охраны УИС, показал, что действующие нормативные правовые акты, в основном, закрепляют порядок расчета штатной численности подразделений охраны учреждений УИС. Вопросы расчета объема службы, по некоторым из имеющихся служебных задач, в них затрагиваются опосредованно. Полученный вывод подтверждают результаты проведенного опроса. Сказанное подтверждают результаты проведенного опроса (в январе-мае 2024 года был проведен опрос, в котором приняли участие 192 сотрудников, замещающих должности заместителей начальников учреждений – начальников отделов охраны в 80 территориальных органах ФСИН России).

Так, при ответе на вопрос: «В какой части необходимо совершенствовать нормативное (методическое) обеспечение, регламентирующее порядок расчета объема службы подразделений охраны учреждений УИС?» респонденты предложили разработку дополнительного методического обеспечения для следующих служебных задач:

- по осуществлению пропускного режима на охраняемом объекте

в части выставления сотрудника группы досмотра на контрольно-пропускном пункте по пропуску людей (41,20 % сотрудников, принявших участие в исследовании);

- по конвоированию и охране осужденных и лиц, содержащихся под стражей, при оказании им медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения (21,30 % опрошенных);

- по охране и обеспечению безопасности в психиатрических больницах (стационарах) с интенсивным наблюдением Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее – ПБСТИН), а также охране судебно-психиатрических экспертных медицинских организациях (далее – СПЭМО) (19,15 % респондентов);

- иные служебные задачи (дежурство по племенному питомнику служебного собаководства, перевозка технических средств, оружия и боеприпасов на склад ФКУ «Центр инженерно-технического обеспечения и вооружения» (далее – ФКУ ЦИТОВ) территориального органа ФСИН России и обратно, проведение учебных стрельб, тактико-строевых занятий, занятий по боевой и служебной подготовке) (19,15 % анкетированных).

Следует отметить, что с полученными результатами можно согласиться лишь отчасти. Рассмотрим их более подробно.

В первую очередь хотелось бы отметить недостаточность методического обеспечения для проведения расчетов объема службы сотрудников при выполнении служебной задачи «Осуществление пропускного режима на охраняемом объекте в части выставления сотрудника группы досмотра на контрольно-пропускном пункте по пропуску людей».

Так, распорядительными документами ФСИН России [1] предусмотрены досмотровые группы (из числа сотрудников отделов охраны и режима учреждений УИС) на контрольно-пропускных пунктах при входе на охраняемую территорию, с режимом несения службы по 12-ти часовому рабочему графику.

В результате проведенного исследования было установлено отсутствие методического обеспечения для проведения расчетов объема службы сотрудников, привлекаемых к ее выполнению. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость разработки формулы расчета объема службы по данной служебной задаче, а также включения ее в единую методику расчета объема службы подразделений охраны УИС. Вместе с тем, для реализации указанной необходимости требуется соразмерное увеличение установленного коэффициента служебной нагрузки.

Переходя к рассмотрению вопросов расчета объема службы для временных караулов (служебных нарядов) по конвоированию и охране осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, хотелось бы отметить некоторые противоречия, которые были выявлены в ходе проведения исследования.

Так, в результате анализа опросных листов было установлено, что для расчета объема службы подразделений, выполняющих данную служебную задачу, руководителями отделов охраны могут применяться различные формулы, что, по нашему мнению, в условиях ежегодно возрастающего объема служебных задач, является не допустимым.

В частности, при определении среднесуточного объема службы в течение месяца могут использоваться следующие:

$$V_{вр} = (S \times C \times T_{сл}) / (20,8 \times 24)$$

где,

$V_{вр}$ – объем службы,

S – среднее количество выездов в месяц,

C – численность караула,

$T_{сл}$ – время несения службы (в часах),

20,8 – среднее количество рабочих дней в месяц ,

24 – количество часов в сутках,

или

$$V_{вр} = (S \times C \times T_{сл}) / (30 \times 24)$$

где,

$V_{вр}$ – объем службы,

S – среднее количество выездов в месяц,

C – численность караула,

$T_{сл}$ – время несения службы (в часах),

30 – среднее количество рабочих дней в месяц,

24 – количество часов в сутках.

На первый взгляд может показаться, что разница не существенна.

В первом случае, переменная «среднее количество рабочих дней» – 20,8, во втором – 30. В этой связи актуальным представляется вопрос: «Какую из представленных формул следует применять при проведении расчетов?» Полагаем, что вторую.

Следует отметить, что среднемесячное значение, используемое в первой формуле, как правило, применяется при определении коэффициента служебной нагрузки, для вычисления которого, используются средне годовые значения. Более того, нормативными правовыми актами ФСИН России, регламентирующими порядок установления среднесуточного объема службы подразделений охраны УИС в течение месяца, в

том числе документами, утратившими юридическую силу, для проведения соответствующих расчетов установлен тридцатидневный показатель (например, Методические рекомендации ФСИН России по расчету численности отдела охраны исправительного учреждения, следственного изолятора УИС, указание ФСИН России от 04.08.2016 исх-08-44424, Инструкция по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов УИС, утвержденная приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 15.02.2006, имеющего ограниченный гриф распространения).

В результате проведения экспериментальных расчетов было установлено, что при использовании первой формулы среднемесячная разница объема службы может составлять более 30 %. Иными словами, налицо искусственное увеличение основных показателей подразделения и, как следствие, неправильный расчет требуемой численности личного состава.

Что же касается методики расчета объема службы по данной служебной задаче, следует отметить ее недостаточность.

Результат анализа методической базы показал, что действующие нормативные правовые акты, регулирующие рассматриваемую сферу, в основном, раскрывают порядок расчета необходимой численности, а также методику организации охраны осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения. Вопросы расчета объема службы в них отражены не в полной мере. Сказанное подтверждает наличие вышеуказанных противоречий, выявленных в ходе исследования.

Относительно определения объема службы служебных нарядов по охране и обеспечению безопасности в ПБСТИН, охране СПЭМО, отметим следующее.

В соответствии с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314, подразделениями УИС осуществляется охрана объектов Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Как правило, она обеспечивается силами, входящими в состав отделов охраны учреждений УИС, находящихся в районах дислокации объектов Министерства здравоохранения Российской Федерации. Однако, несмотря на то, что методика организации несения службы на данных объектах строго регламентирована ведомственными документами, нам не удалось найти методику расчета объема службы по данным служебным задачам.

По нашему мнению, ее отсутствие обусловлено тем, что количество суточных постов в данных учреждениях, а также периодичность несения службы сотрудниками уже имеют строгую регламентацию. Вместе с тем, сказанное совершенно не обозначает отсутствие необходимости разработки таковых, поскольку в процессе несения службы количество служебных задач имеет свойство увеличиваться, что, в ряде случаев, влечет увеличение количества суточных постов.

Что касается вопроса о необходимости разработки методики расчета объема службы для иных, выполняемыми рассматриваемыми подразделениями задач (дежурство по племенному питомнику служебного собаководства, задач по перевозке технических средств, оружия и боеприпасов на склад ФКУ ЦИТОВ территориального органа ФСИН России и обратно, проведение учебных стрельб, тактико-строевых занятий, занятий по боевой и служебной подготовке), считаем нецелесообразным включать их в полном объеме в формулу расчета объема службы подразделения.

Относительно задач по проведению учебных стрельб, тактико-строевых занятий, занятий по боевой и служебной подготовке отметим, что данные служебные задачи изначально были включены в формулу коэффициента расчета штатной численности подразделений охраны УИС и, следовательно, были учтены при формировании их штатных расписаний.

Вместе с тем, по результатам проведенного исследования нами была выявлена потребность в необходимости увеличения числа сотрудников, обеспечивающих стабильное функционирование подразделений охраны учреждений УИС. Так, за повышение установленного коэффициента и последующее увеличение штатного расписания высказалось 67,2 % опрошенных.

В этой связи считаем целесообразным организовать проведение дополнительных исследований, посвященных расчету коэффициента служебной нагрузки на сотрудников подразделений охраны УИС, а также методике расчета их штатной численности.

Что касается служебных задач по перевозке технических средств, оружия и боеприпасов на склад ФКУ ЦИТОВ территориального органа ФСИН России, следует отметить, что данная служебная задача не требует выделения дополнительных единиц и может быть решена имеющимися силами. По этой причине включение ее в формулу расчета объема службы рассматриваемых подразделений считаем нежелательным.

Относительно служебной задачи «дежурство по племенному питомнику служебного собаководства», следует отметить, что она, как и «осуществление пропускного режима на охраняемом объекте в части выставления сотрудника группы досмотра на контрольно-пропускном пункте по пропуску людей», безусловно, требует разработки дополнительных формул расчета объема службы и последующего их включения в единую методику расчета объема службы подразделений охраны УИС. Однако, для ее реализации также требуется увеличение установленного коэффициента служебной нагрузки в рамках выявленного в результате исследования диапазона.

Одновременно, мы считаем недопустимым привлечение к решению обозначенных служебных задач сотрудников, входящих в состав караулов, поскольку подобное решение может негативным образом отразится на обеспечении надежной охраны учреждений УИС.

Таким образом, в настоящее время имеется потребность в совершенствовании методики, регламентирующей порядок расчетов объема службы подразделений охраны УИС, что требует издания нового нормативного акта.

Библиография:

1. Протокол совещания при заместителе директора ФСИН России генерал-лейтенанте внутренней службы В.Г. Бояринева от 06.07.2016 № 31, указание ФСИН России от 12.09.2016 исх-03-52512.

References:

1. Minutes of the meeting with the Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lieutenant General of the Internal Service V.G. Boyarinov dated 07/06/2016 No. 31, instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 09/12/2016 ex-03-52512.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR AT THE PRESENT STAGE

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.

E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

СУВОРОВА Анастасия Юрьевна,

подполковник полиции, преподаватель кафедры административного права

и административной деятельности органов внутренних дел,

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.

E-mail: anastas-vasil@yandex.ru;

Vlasova Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor

of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

110 Lermontov St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.

E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

Suvorova Anastasia Yuryevna,

police lieutenant colonel, lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities

of Internal Affairs Bodies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

110 Lermontov St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.

E-mail: anastas-vasil@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать действующее законодательство в части процессуальной самостоятельности современного следователя. Однозначных выводов автор не делает, хотя высказывает свое субъективное мнение о наделии следователей абсолютной процессуальной самостоятельностью, гарантированной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора, иных должностных лиц органов государственной власти.

Abstract: the article attempts to analyze the current legislation in terms of procedural independence of a modern investigator. The author does not draw any unambiguous conclusions, although he expresses his subjective opinion on vesting investigators with absolute procedural independence guaranteed by the criminal procedure legislation of the Russian Federation, without unjustified influence from the head of the investigative body, the prosecutor, and other officials of state authorities.

Ключевые слова: следователь, руководитель следственного органа, прокурор, процессуальная самостоятельность следователя, судебный контроль, квалификация.

Keywords: investigator, head of the investigative body, prosecutor, procedural independence of the investigator, judicial review, qualification.

Для цитирования: Власова Е.Л., Суворова А.Ю. Процессуальная самостоятельность следователя на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 438-440. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_438.

For citation: Vlasova E.L., Suvorova A.Yu. Procedural independence of the investigator at the present stage // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 438-440. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_438.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Согласно толковому словарю В.И. Даля «следователь» произошло от слова «след». «Следить» означает «идти по следам, искать или преследовать по приметам, наблюдать, узнавать обо всем», а «следствие – это следование; розыск по делу» [2, с. 120]. Следовательно, буквальный смысл слова следователь – «идущий по следам, преследующий по приметам». Метод «следования по следам» является единственным на сегодняшний день способом раскрытия преступлений [5, с. 148]. Именно следователю принадлежит ведущая роль в процессе производства по уголовному делу, который, согласно п. 41 ст. 5, ст. 38 УПК РФ¹ является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные процессуальные полномочия, а именно: осуществлять защиту прав и законных интересов потерпевших от посягательства третьих лиц, в том числе, обеспечивать возмещение ущерба, причиненного преступлением; выявлять обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу; осуществлять защиту личности от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности; обеспечивать безопасность субъектов, попавших в сферу уголовного судопроизводства.

Полномочия следователя также установлены п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

По УПК РФ следователь – процессуально самостоятельное лицо, он наделен властными полномочиями и несет личную ответственность за своевременность, законность и обоснованность принимаемых им решений. При этом, следователь, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, по своему внутреннему убеждению на основании закона и совести обладает правом свободной оценки доказательств. Таким образом, в УПК РФ закрепляется процессуальная самостоятельность следователя и его персональная ответственность за результаты расследования уголовного дела, что не совсем согласуется с реалиями сегодняшнего времени, особенно, после принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – ст. 4921.

в которых с «изменением полномочий руководителя следственного органа и прокурора, следователь стал еще более зависим от своего непосредственного руководителя, чем это было ранее» [9, с. 360].

Анализируя ст. 39 УПК РФ, которой установлены полномочия руководителя следственного органа, сам собой напрашивается вывод об упразднении процессуальной самостоятельности следователя, закрепленной ст. 38 УПК РФ. Кроме того, Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» наделил руководителя следственного органа целым рядом дополнительных полномочий, таких как осуществление уголовного преследования; возбуждение уголовного дела; непосредственное рассмотрение сообщений о преступлениях и участие в их проверке; проведение допроса подозреваемого (обвиняемого) без принятия уголовного дела к своему производству при решении вопроса о даче следователю согласия на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуальных действий.

Последние полномочия руководителя следственного органа – дополнительно лично допрашивать подозреваемого (обвиняемого), вызывает неоднозначные вопросы, в том числе, и по поводу оснований его проведения, учитывая, что следователь несет персональную ответственность за ход и результаты предварительного следствия. «Это лишний раз ставит под сомнение установленную уголовно-процессуальным законом процессуальную самостоятельность следователя» [9, с. 361].

По действующему УПК РФ следователь без согласования с руководителем следственного органа не вправе принять ни одно из следующих решений:

- о прекращении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- об обжаловании решения прокурора, по причине не согласия с ним (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- о направлении прокурору дела с обвинительным заключением (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- о возбуждении ходатайства перед судом о даче согласия на проведение следственных действий (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, выразившим согласие о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ);
- о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

По итогу, следователь стал практически полностью зависим от руководителя следственного органа, полномочия которого, напротив, расширились, и, который, в настоящее время осуществляет по отношению к следователю как процессуальные, так и административные полномочия (прием на работу, перемещение по службе, составление графика отпусков, поощрения и взыскания и т.п.), что ставит следователя в прямое подчинение своему начальнику. Самостоятельность следователя ограничивается, помимо того, надзорными полномочиями прокурора и судебным контролем.

Согласно п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и в п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, следователь может обратиться в суд с ходатайством об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, только с согласия руководителя следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). В то же время прокурор (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) обязан участвовать в судебных заседаниях, рассматривающих указанные ходатайства, когда как руководитель следственного органа и следователь только «вправе участвовать». Руководитель следственного органа подписывает ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, однако, поддерживать это ходатайство в суде – обязанность прокурора, владеющего гораздо меньшим, по сравнению со следователем и руководителем следственного органа, объемом информации по конкретному уголовному делу. В связи с этим на практике возникают ситуации, когда прокурор для объективности расследования обязывает следователя вместо себя участвовать в судебном заседании, что вряд ли является обоснованным и целесообразным [10].

Целесообразно внести в закон положения о согласовании ходатайств следователя об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, не с руководителем следственного органа, а с прокурором.

Согласие руководителя следственного органа должно быть получено следователем и в следующих случаях:

- 1) прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);
- 2) прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ);
- 3) прекращение уголовного дела по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ);
- 4) прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ);
- 5) продление срока предварительного следствия либо установление дополнительного срока следствия (ст. 162 УПК РФ);
- 6) сохранение в тайне данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);
- 7) направление прокурору обвинительного заключения, подписанного следователем (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- 8) обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения (либо квалификации действий обвиняемых) или составлении другого обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (ч. 4 ст. 221 УПК РФ);
- 9) направление прокурору мотивированного постановления следователя о возбуждении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ).

Во всех этих случаях законодателем употребляется формулировка «следователь вправе», но «с согласия руководителя следственного органа». Представляется очевидным, что следователь значительную часть процессуального срока по уголовному делу тратит на всевозможные согла-

сования [7, с. 197]. Таким образом, практически все значимые для расследования уголовного дела решения, принимаемые следователем в соответствии с действующим УПК РФ, нуждаются в согласовании с судом и в предварительном одобрении руководителем следственного органа.

По мнению С.Д. Игнатов, «следователя можно считать руководителем процесса расследования лишь до тех пор, пока принятые им решения по уголовному делу не будут изменены руководителем следственного органа. В результате процессуальная роль следователя при законодательно закреплённой коррекции его действий руководителем следственного органа, судом и прокурором сводится к простому техническому оформлению принятых указанными должностными лицами решений» [3, с. 103].

В.М. Корнуков считает, что «многих следователей это положение устраивает, поскольку оно безответственное. За что отвечает следователь? Формально – за все. По общей норме – фактически ни за что» [4]. Однако, единство мнений по данному вопросу не достигнуто.

Так, П.Г. Марфицин и А.А. Пронин, считают, что в процессуальной деятельности говорить достаточно сложно по причине различного уровня квалификации последних. Так, следователь-профессионал и следователь-новичок требуют различной степени подконтрольности. Начинаящий следователь заинтересован в том, чтобы его действия и принимаемые им решения больше контролировались. Во избежание ошибок в расследовании такой следователь готов быть зависимым [8, с. 242].

Отсюда и дилемма: следователь должен быть – зависимым или самостоятельным? По мнению Х.Б. Бегиева «регулярные отчеты о проделанной работе руководителю следственного органа и получение от него указаний о направлении хода расследования во многих случаях позволяющим начинающим следователям избежать процессуальных нарушений и набраться опыта следственной работы. В то же время негативной стороной подобного контроля может стать привыкание следователя к такому порядку профессиональной деятельности и, как следствие, может привести к его процессуальному иждивенству» [1, с. 52]. К данному мнению присоединяется И.В. Ткачев, который указывает, что при таком положении закона «следователь при принятии решений будет руководствоваться не своим внутренним убеждением и законом, а мнением начальника» [11, с. 14].

В УПК РФ в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ содержатся требования об осуществлении уголовного преследования в разумные сроки. Полагаем, что они напрямую зависят от профессионализма следователя, а лишь потом от организации работы в следственном органе, в том числе от его руководителя. По нашему мнению, чтобы говорить о ведущей роли следователя в ходе производства по уголовным делам необходима его реальная процессуальная самостоятельность.

В настоящее время в согласовании нуждается большая часть принимаемых следователем решений. Считаем, это одной из причин отсутствия инициативы у следователя при расследовании уголовных дел, которая, не способствует полному и своевременному производству по делу, качественному его расследованию. «Следователь должен осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в условиях абсолютной процессуальной самостоятельности, гарантированной УПК РФ, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора, иных должностных лиц органов государственной власти» [6, с. 79]. В связи с этим, считаем, что уголовно-процессуальное законодательство требует внесения поправок и изменений в части сокращения до разумных пределов решений следователя, принимаемых по согласованию с уполномоченными лицами.

Библиография:

1. Бегиев, Х.Б. Проблемы соотношения процессуальной самостоятельности следователя с процессуальным контролем руководителя следственного органа / Х.Б. Бегиев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2011. – № 1. – С. 50-55.
2. Даль, В.А. Толковый словарь живого великорусского языка / В.А. Даль. – М.: Проспект, 1955. – 712 с.
3. Игнатов, С.Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания / С.Д. Игнатов // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – № 2. – С. 101-106.
4. Корнуков, В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования / В.М. Корнуков // Стратегии уголовного судопроизводства. – URL: <http://uaj.net/modules.php?name=News&file=article&id=196> (Дата обращения: 02.04.2024 г.).
5. Лубин, А.Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лекций / А.Ф. Лубин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. – 201 с.
6. Мазюк, Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства / Р.В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 4 (18). – С. 76-84.
7. Мазюк, Р.В. Участники современного российского уголовного судопроизводства: монография / Р.В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 435 с.
8. Марфицин, П.Г. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя / П.Г. Марфицин, А.А. Пронин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 242-245.
9. Семенов, В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальное руководство / В.А. Семенов // Актуальные проблемы применения норм уголовного-процессуального права при расследовании преступлений. – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 360-370.
10. Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный [Электронный ресурс] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.04.2024 г.).
11. Ткачев, И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Ткачев. – М., 2008. – 29 с.

References:

1. Begiev, H.B. Problems of the relationship between the procedural independence of the investigator and the procedural control of the head of the investigative body / H.B. Begiev // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2011. - No. 1. - P. 50-55.
2. Dal, V.A. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language / V.A. Dal. - M.: Prospect, 1955. - 712 p.
3. Ignatov, S.D. Status of the investigator as a subject of criminal procedural evidence / S.D. Ignatov // Bulletin of the Udmurt University. - 2015. - No. 2. - P. 101-106.
4. Kornukov, V.M. Procedural powers, professional skill and responsibility of the investigator: relationship and prospects for improvement / V.M. Kornukov // Strategies for criminal proceedings. – URL: <http://uaj.net/modules.php?name=News&file=article&id=196> (Accessed: 02.04.2024).
5. Lubin, A.F. Forensic foundations of crime investigation activities: lecture course / A.F. Lubin. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. – 201 p.
6. Mazyuk, R.V. Procedural interests of participants in criminal proceedings / R.V. Mazyuk // Siberian criminal procedural and forensic readings. – 2017. – No. 4(18). -P. 76-84.
7. Mazyuk, R.V. Participants in modern Russian criminal proceedings: monograph / R.V. Mazyuk. – M.: YurLitinform, 2017. – 435 p.
8. Marfitsin, P.G. Main directions of optimization of procedural independence of the investigator / P.G. Marfitsin, A.A. Pronin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2011. – No. 5 (1). – P. 242-245.
9. Semenov, V.A. Procedural independence of the investigator and procedural guidance / V.A. Semenov // Actual problems of application of norms of criminal procedure law in investigation of crimes. – M.: Buki-Vedi, 2012. – P. 360-370.
10. Smirnov, A.V. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article-by-article [Electronic resource] / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky. - Access from the reference and legal system "ConsultantPlus" (Accessed: 10.04.2024).
11. Tkachev, I.V. Modern problems of reforming pre-trial proceedings in accordance with the criminal procedure legislation of the Russian Federation: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences / I.V. Tkachev. - M., 2008. - 29 p.

ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ VALUATION CATEGORIES IN CRIMINAL LAW

ИЗАКСОН Раиса Андреевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Восточно-Сибирский филиал)
664074, Сибирский федеральный округ, Иркутская область, г.Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 а.
E-mail: raysa@mail.ru;

Izakson Raisa Andreevna,

Candidate of historical sciences, assistant professor of the department of criminal law
East Siberian branch of the Russian State University of Justice.
St. Ivana Franko, 23 a, Irkutsk, Russian Federation.
E-mail: raysa@mail.ru

Краткая аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена тем, что каждый день правоприменитель вынужден преодолевать различные коллизии и пробелы в своей деятельности. В числе прочего, это связано с невыполнением правил юридической техники некоторых норм уголовного законодательства. Так, использование «оценочных» категорий затрудняет буквальное толкование уголовного закона, что несомненно ведет к его разночтениям, а, следовательно, приводит к недоверию граждан к законности и обоснованности судебных решений. В данной статье мы приводим некоторые такие «оценочные» категории, делаем выводы об их использовании в уголовном законодательстве.

Abstract: The relevance of the research topic is due to the fact that every day a law enforcement officer is forced to overcome various conflicts and gaps in his activities. Among other things, this is due to failure to comply with the rules of legal technique of certain provisions of criminal law. Thus, the use of "evaluative" categories complicates the literal interpretation of the criminal law, which undoubtedly leads to its different interpretations, and, consequently, leads to citizens' distrust in the legality and validity of court decisions. In this article we present some of these "evaluative" categories and draw conclusions about their use in criminal law.

Ключевые слова: юридическая техника, уголовно-правовая норма, суд, уголовный закон, правоприменение.

Keywords: legal technology, criminal law, court, criminal law, law enforcement.

Для цитирования: Изаксон Р.А. Оценочные категории в уголовном законе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 441-443. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_441.

For citation: Izakson R.A. Valuation categories in the criminal law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 441-443. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_441.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Законодательство предусматривает определенные понятия и категории, использование которых не позволяет двояко истолковывать нормы права. Это выступает в качестве одного из правил юридической техники.

Ранее нами рассматривался вопрос о выполнении правил юридической техники в административном законодательстве [4], также как и об этом прямо или косвенно упоминается и в работах других авторов [1], однако в данной статье мы рассмотрим оценочные категории в уголовном законодательстве.

В силу того, что уголовное законодательство является наиболее репрессивной отраслью права, несомненно, наличие данного правила необходимо. Однако у законодателя не получилось пройти мимо оценочных категорий, в результате чего раскрытие содержания некоторых таких категорий было закреплено в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (далее – ПП ВС РФ). При этом, в ПП ВС РФ установлены лишь приблизительные перечни критериев, которые позволяют сделать вывод о содержании какой-либо оценочной категории.

Несомненно, при вынесении какого-либо решения, судебные органы руководствуются предусмотренными положениями Пленума Верховного Суда РФ, но даже при наличии таких рекомендаций суды редко выходят за их пределы. Также большой круг оценочных категорий, предусмотренных в уголовном законодательстве, является формально неопределенным. «Содержание оценочных уголовно-правовых категорий порой «наполняется» на основе традиционно сложившейся судебной практики в конкретном регионе страны, что может порождать отсутствие единообразия в деятельности российских судов в целом и позволяет говорить о «тюменской, рязанской, московской и иной законности» [3].

По мнению А.А. Малиновского, «оценочные категории – это обобщение явлений и процессов правовой действительности, которые фиксируются в законодательстве посредством указания лишь наиболее общих признаков явления или процесса» [6].

Кроме этого, нельзя не согласиться с мнением Я.М. Брайнина, который считает, что «включение в диспозиции уголовных законов оценочных признаков в большинстве случаев неизбежно и необходимо» [2].

Можно выделить следующие виды оценочных категорий в уголовном законодательстве в зависимости от элементов состава преступления: связанные с объектом преступного деяния; связанные с объективной стороной преступления; связанные с субъектом преступления; связанные с субъективной стороной преступления.

Оценочные категории, которые связаны с объектом противоправного общественно опасного деяния, подразумевают под собой оценочное содержание объекта, либо оценочное содержание каких-либо понятий, связанных с определением потерпевшего от преступного посягательства или предмета преступного деяния.

Так, примерами оценочных категорий являются честь и достоинство личности, общественная нравственность, интересы службы в ком-

мерческих или иных предприятиях. Как правило, честь и достоинство личности, которые выступают оценочными категориями, связанными с объектом оскорбления, рассматриваются парно. Под честью понимается оценка личности обществом, мера духовных, социальных качеств лица. В свою очередь, достоинство необходимо рассматривать как понятие из субъективной сферы. В этой связи, при осуществлении объективной оценки слов, которые унизили достоинство лица, возникают определенные трудности, поэтому лицо, которое проводит проверку по факту оскорбления личности, обращается в соответствующие органы для проведения этико-лингвистической экспертизы. В науке уголовного права существует позиция, согласно которой высказывание в адрес другого лица ненормативной лексикой (матом) необходимо признавать оскорблением. При этом возникают и другие вопросы. Так, существует проблема соотношения объекта жестокого обращения с животными и общественной нравственности с традициями этнических групп населения страны. Так как детей, которые принадлежат к той или иной этнической группе, учат охотиться, преследовать и разделывать животных еще с малых лет.

К оценочной категории также можно отнести беспомощное состояние потерпевшего, осуществление потерпевшим общественного долга. Содержание второй оценочной категории представлено в пункте 6 Постановления пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Некоторые исследователи указывают, что данное содержание является широким, а также не обладает научной корректностью.

Например, Н.Г. Иванов высказал мнение о том, что «общественным долгом может быть лишь такая обязанность, которая возлагается на гражданина Конституцией РФ или нормативными документами общественных организаций, поскольку долг всегда определялся как императив: безусловная обязанность выполнения возложенных на лицо обязанностей» [5]. Действительно, содержание общественного долга, представленное в ПП ВС РФ от 27 января 1999 года № 1, указывает не на общественный долг в современном его определении, а на «долг-мораль», под которым понимается нравственная ментальность.

Помимо этого, беспомощное состояние потерпевшего рассматривается по-разному. В пункте 7 ПП ВС РФ от 27 января 1999 года № 1 указано, что состояние сна не является беспомощным состоянием, в то время как ПП ВС РФ 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» в качестве беспомощного состояния предусматривает и состояние сна.

При установлении предмета общественно опасного деяния такие признаки как значительный ущерб; особая ценность предмета хищения (как историческая, научная, так и художественная, культурная); товары, работы, услуги, которые не отвечают требованиям безопасности, являются оценочными. Содержание такой оценочной категории как «значительный ущерб» не раскрывается не только в законе, но и в иных актах, что, несомненно, вызывает ряд вопросов как при квалификации деяния, так и при вынесении решения суда.

Оценочные категории, которые связаны с объективной стороной общественно опасного деяния, относятся не только к противоправному деянию (чаще всего к способам совершения преступления), но и к опасным для общества последствиям такого преступного деяния. В качестве оценочных категорий способа совершения преступления в уголовном законодательстве указаны: «особая жестокость», «развратные действия», «жестокое обращение» и другие. «Трактовка понятий, связанных с жестокостью», как правило, основана на систематичности действий в отношении потерпевшего, «неприличная форма» оценивается исключительно с точки зрения жизненной позиции судьи» [7].

При описании объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 135 УК РФ, законодатель не конкретизировал виды развратных действий (бездействия), а только указал на то, что при совершении данного преступного деяния насилие отсутствует. То есть при отсутствии конкретных признаков данного состава преступления возникают определенные сложности при квалификации деяния как преступного. Поэтому проблема определения действий (бездействия) как развратных все еще не урегулирована.

В свою очередь, описание общественно опасных последствий при совершении преступления возможно и при применении оценочных категорий, например, «тяжкие последствия». Такая категория применяется часто.

Так, в ПП ВС РФ № 15 от 27 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» и в ПП ВС РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в качестве тяжких последствий, как квалифицирующего признака состава преступления, закрепленного в статьях 230, 285, 286 УК РФ, предусмотрены как самоубийство, так и покушение на самоубийство.

Что касается такого элемента состава преступления как субъект преступления, то оценочные категории также затрагивают и его. Самой проблемной категорией выступает «служебное положение», которая предусмотрена во многих статьях Особенной части УК РФ. Определить содержание данной оценочной категории возможно при изучении содержания понятия «служебная деятельность».

Так, пункт 6 ПП ВС РФ от 27 января 1999 года № 1 предусматривает: «под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству».

Исходя из данного определения, возникает несколько спорных моментов: служащим признается любой работник, будь то грузчик либо банковский служащий. То есть выполнение служебных функций – это осуществление любых трудовых полномочий; содержание «служебная деятельность» ограничено только деятельностью, осуществляемой в связи с трудовым договором. Данный факт не раз критиковался учеными. Так, И.В. Шишко указала, что «даже обязанности руководителя и главного бухгалтера могут осуществляться на основании гражданско-правового,

а не трудового договора» [8].

Оценочными категориями, которые относятся к субъективной стороне преступления, выступают «хулиганские побуждения», «иная личная заинтересованность», которые также не обладают единым подходом к их пониманию и толкованию.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» при определении «хулиганских побуждений» также применяет оценочные категории: «явное неуважение к обществу», «желание противопоставить себя окружающим», «продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение».

Таким образом, в мы рассмотрели некоторые оценочные категории, предусмотренные уголовным законодательством РФ. Толкование таких категорий всегда отличается как при вынесении решений судами первой инстанции, так и при рассмотрении дела в Верховном Суде РФ.

Библиография:

1. Ахметова И.Н., Вайсергисер Е.Ю. Проблемные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 69-72.
2. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Брайнин Я.М // М. : Госюриздат, 1963. 275 с.
3. Джинджолия Р. С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности. Монография // Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 273 с. ISBN 5-238-00751-5. EDN RAZFMZ.
4. Изаксон Р.А. О некоторых вопросах выполнения правил юридической техники в административном законодательстве // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2017. С. 59-62.
5. Иванов Н.Г. Об унификации оценочных признаков уголовного закона //Российская юстиция. 1996. № 4. С. 18.
6. Малиновский А.А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей. Т.1 / под ред. В.М. Баранова // Н. Новгород, 2001.
7. Сумачев А.В. Трактовка уголовно-правовых оценочных категорий в деятельности судов // Проблемы формирования единства правоприменительной практики в деятельности мировых судей Тюменской области: Материалы научно-практической конференции федеральных и мировых судей Тюменской области (26 ноября 2010 г.). Тюмень. 2010.
8. Шишко И.В. Квалификация служебного долга в условиях рыночных отношений // Российская юстиция. 2003. № 4. С.53.

References:

1. Ahmetova I.N., Vajsergiser E.Ju. Problemnye voprosy obespechenija bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija // Gosudarstvennaja sluzhba i kadry. 2024. № 2. S. 69-72.
2. Brajnin Ja. M. Ugolovnaja otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave / Brajnin Ja.M // M. : Gosjurizdat, 1963. 275 s.
3. Dzhindzholija R. S. Unifikacija ocenocnyh priznakov pri kvalifikacii prestuplenij protiv lichnosti. Monografija // Moskva : JuNITI-DANA, 2010. 273 s. ISBN 5-238-00751-5. EDN RAZFMZ.
4. Izakson R.A. O nekotoryh voprosah vypolnenija pravil juridicheskoj tehniky v administrativnom zakonodatel'stve // V knige: Dejatel'nost' pravooxranitel'nyh organov v sovremennyh uslovijah: sbornik materialov XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 tomah. 2017. S. 59-62.
5. Ivanov N.G. Ob unifikacii ocenocnyh priznakov ugolovnogo zakona //Rossijskaja justicija. 1996. № 4. S. 18.
6. Malinovskij A.A. Ocenocnyje ponjatija v zakonodatel'stve // Zakonotvorcheskaja tehnika sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy, sovershenstvovanie: sbornik statej. T.1 / pod red. V.M. Baranova // N. Novgorod, 2001.
7. Sumachev A.V. Traktovka ugolovno-pravovyh ocenocnyh kategorij v dejatel'nosti sudov // Problemy formirovanija edinstva pravoprimeritel'noj praktiki v dejatel'nosti mirovyh sudej Tjumenskoj oblasti: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii federal'nyh i mirovyh sudej Tjumenskoj oblasti (26 nojabrja 2010 g.). Tjumen'. 2010.
8. Shishko I.V. Kvalifikacija sluzhebnogo dolga v uslovijah rynchnyh otoshenij // Rossijskaja justicija. 2003. № 4. S.53.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_444

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЪЕКТОВ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА) The causal complex of economic and corruption crime (using the example of objects of the military-industrial complex)

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: IvanovP11952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoia and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: IvanovP11952@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье на основе изучения и критического анализа состояния противодействия экономической и коррупционной преступности на предприятиях оборонно-промышленного комплекса страны автором отмечается, что влияние на него причинного комплекса очевидно. На этом фоне объективная необходимость поиска мер по его нейтрализации и локализации выходит на первый план. Установлены криминогенные звенья, которые в первую очередь нуждаются в профилактическом воздействии посредством применения апробированных на практике форм и методов. Автором предложена система комплекса мер, направленных на стабилизацию оперативной обстановки, сложившейся на предприятиях оборонно-промышленного комплекса [2, 3].

Abstract. In this article, based on the study and critical analysis of the state of countering economic and corruption crime at enterprises of the country's military-industrial complex, the author notes that the influence of the causal complex on it is obvious. Against this background, the objective need to find measures to neutralize and localize it comes to the fore. Criminogenic links have been identified, which primarily need preventive action through the use of forms and methods proven in practice. The author proposes a system of complex measures aimed at stabilizing the operational situation at the enterprises of the military-industrial complex [2, 3].

Ключевые слова. Система факторов, причина и условия, причинный комплекс, экономическая и коррупционная преступность, оборонно-промышленный комплекс, оперативные подразделения полиции.

Keywords. The system of factors, cause and conditions, causal complex, economic and corruption crime, military-industrial complex, operational police units.

Для цитирования: Иванов П.И. Причинный комплекс экономической и коррупционной преступности (на примере объектов оборонно-промышленного комплекса) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 444-448. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_444.

For citation: Ivanov P.I. The causal complex of economic and corruption crime (using the example of objects of the military-industrial complex) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 444-448. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_444.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Уяснение сущности предупредительно-профилактической деятельности, осуществляемой на объектах оборонно-промышленного комплекса в целях недопущения на них преступлений экономической и коррупционной направленности, немислимо без предварительного определения терминов и понятий, связанных с ней, поскольку даже среди специалистов в области теории криминологии на сегодня в указанном плане отсутствует единого мнения. Автор настоящей статьи не ставит перед собой цель подробного анализа существующих точек зрения. Вкратце приведем лишь смысл часто используемых терминов.

Изучение и анализ криминологической литературы показывает, что в ней широко используются такие термины, как «детерминанты», «факторы», «обстоятельства», «причины преступности», «условия преступности», «причинный комплекс», «фоновые явления». Не вдаваясь в глубину их анализа, приведем вкратце определения названных понятий, чтобы понять их схожесть и различия.

Мы разделяем мнение специалистов в области теории криминологии о том, что *детерминантами* преступности считают конкретные причины (факторы), которые порождают явления, их обуславливают. Взаимообусловленность можно объяснить следующим образом: детерминанты преступности, в буквальном переводе – "порождение преступности", означают то, что преступность порождается (определяется) какими-то явлениями, т.е. она детерминирована; от взаимодействия каких-то определенных явлений рождается следствие – совсем другое явление. Значит, "детерминант", "детерминанты" можно отождествлять с причинами преступлений, поэтому в криминологической литературе широко применяется термин "детерминанты" в качестве причин.

Понятие «*фактор*» (от лат. factor – делающий, производящий) – причина, движущая сила явления, определяющая его характер или отдельные черты. Отсюда вытекает, что причина и фактор – это тождественные по смысловому значению слова, а потому взаимозаменяемость их возможна, поскольку они определяют, порождают и обуславливают идентичные по смысловому значению слова.

Заметим, что преступность как социальное явление, изменяясь с течением времени качественно и количественно в ту или иную сторону, не только меняет свою природу, но и воспроизводит новые криминогенные факторы.

Что же касается термина «обстоятельства», то можно дать на этот счет следующее пояснение: в словаре русского языка под "обстоятельством" подразумевают явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное, но "сопутствие" не означает обусловленность или порождение, это слово подразумевает "сопровождение" или же "происхождение" одновременно с чем-нибудь.

Следующий термин причины и условия преступности. В частности, профессор В.Д. Малков под *причинами преступности* понимает негативные социальные явления и процессы, обусловленные закономерностями функционирования общества, которые порождают и воспроизводят преступность и преступления как свое закономерное следствие. Он указывает, что значительную роль в существовании преступности играют и *условия*, ей способствующие. Под которыми им понимаются различные явления социальной жизни, которые не порождают преступность, но содействуют, способствуют ее возникновению и существованию. Обобщая сказанное, констатирует, причина создает возможность определенного следствия. Условия же способствуют реализации этой возможности [5]. Мы присоединяемся к мнению профессора В.Д. Малкова.

При изучении преступности некоторые исследователи употребляют термин «*причинный ее комплекс*». Говоря об этом, отметим два момента, а именно: *во-первых*, представления о причинах преступности в нашей стране претерпели в последние десятилетия значительные изменения. Длительное время в условиях советской системы вообще отрицалось существование присущих социалистическому обществу социальных причин преступности. Она объяснялась лишь пережитками прошлого и негативным влиянием капиталистического окружения. *Во-вторых*, изучение причинного комплекса преступности в современной России свидетельствует о многообразии ее истоков. В качестве причин этого негативного явления выступают социальные явления и процессы, коренящиеся в самом обществе, имеющие объективный характер, обусловленные закономерностями его функционирования. В качестве наиболее важных причин и условий современной преступности выступают указанные явления и процессы в сферах экономики, политики, социальных отношений, идеологии.

Наконец, приведем еще один термин «*фоновые явления преступности*». Здесь речь идет о допреступной форме социально-отклоняющегося поведения (к примеру: пьянство (болезнь - алкоголизм), наркотизм (наркомания), проституция, суицид, бродяжничество, беспризорность, попрошайничество, тушеядство). Такие явления тесно связаны с преступностью, создают общий негативный "фон" для ее существования или имеют прямые криминальные проявления.

Возвращаясь к теме основные факторы, влияющие на оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса, отметим, что потребность в таком обеспечении продиктована следующими взаимосвязанными между собой обстоятельствами, а именно: ежегодными огромными бюджетными финансовыми вливаниями на исполнение гособоронзаказов, ростом количества выявленных хищений бюджетных денежных средств и фактов нецелевого их расходования, увеличением размера причиненного материального ущерба.

Забегая вперед, считаем необходимым подчеркнуть, что совокупность сведений о внутренних и внешних факторах целесообразно хранить в систематизированном виде в соответствующем деле оперативного учета. Планирование комплекса оперативно-розыскных мероприятий в интересах обеспечения экономической безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса следует осуществлять на основе мониторинга криминогенной ситуации, складывающейся преимущественно из совокупности факторов негативного свойства. Обеспечение экономической безопасности непременно предполагает объединение усилий всех оперативных подразделений полиции. Требуется проработать вопрос о создании интегрированного банка данных по линии защиты бюджетных средств, выделяемых на исполнение гособоронзаказа, от преступных посягательств.

Теперь перейдем к характеристике рассматриваемой отрасли. Оборонно-промышленный комплекс России (далее – ОПК) как отрасль экономики представляет собой совокупность динамично развивающихся научно-исследовательских, испытательных организаций и производственных предприятий, расположенных на территории 66¹ субъектов РФ. Основной вид деятельности данных предприятий – разработка, производство, хранение и постановка на вооружение военной и специальной техники, амуниции, боеприпасов преимущественно для российской армии, а также на экспорт. За последние пять лет на вооружение поставлено 80 межконтинентальных баллистических ракет, 102 баллистические ракеты подводных лодок, три ракетных подводных крейсера стратегического назначения «Борей», 55 космических аппаратов, 3 237 танков, более одной тысячи самолетов и вертолетов, 150 кораблей и судов, шесть подводных лодок, 13 береговых ракетных комплексов «Бал» и «Бастيون»². Высокие результаты достигнуты в сфере ОПК в ходе выполнения государственных программ Российской Федерации вооружения на 2011–2020 гг. и развития оборонно-промышленного комплекса³. В настоящее время активно реализуется новая государственная программа вооружения на период 2018–2027 гг., бюджет которой составляет 19 трлн рублей⁴. Глава государства В.В. Путин, выступая на торжественном вечере, посвященном 60-летию создания Военно-промышленной комиссии, указал на «необходимость эффективно выстраивать и продолжать эту работу, обеспечить практически стопроцентное выполнение гособоронзаказа»⁵. Вместе с тем статистические сведения ГИАЦ МВД России свидетельствуют о том, что выделяемые предприятиям ОПК бюджетные средства нередко становятся объектом преступных посягательств, ущерб от которых составляет десятки млрд рублей. Так, за январь – декабрь 2018 г. органами внутренних дел зарегистрировано 302 (2015 г. – 117, 2016 г. – 187, 2017

¹ Об утверждении перечня организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса [Электронный ресурс]: приказ Минпромторга России от 3 июля 2015 г. № 1828. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Расширенное заседание коллегии Министерства обороны. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56472> (дата обращения: 30.10.2018).

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16 мая 2016 г. № 425-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: федер. закон от 5 декабря 2017 г. № 362-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 50 (ч. I, II, III). Ст. 7533.

⁵ Торжественный вечер, посвященный 60-летию создания Военно-промышленной комиссии. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56380> (дата обращения: 31.10.2018).

г. – 245) преступления экономической направленности, выявленные подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России (далее – ЭБиПК), следствие по которым обязательно. Расследовано 170 преступлений данной категории, из них направлено в суд 143. Размер причиненного материального ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам (из числа находившихся в производстве) составил более 2,29 млрд рублей¹. В качестве характерного примера можно привести выявленный в 2017 г. факт мошеннических действий со стороны руководства ОАО «РАТЕП» (г. Серпухов Московской области), одного из ведущих предприятий России по разработке и производству систем управления зенитных ракет и артиллерийских комплексов². В ходе следствия установлено, что директор указанного общества заключал договоры на монтаж и обслуживание военного оборудования с подставными фирмами, работы по которым фактически не выполнялись, тем самым похитив более 80 млн рублей. Закрытость сведений от правоохранительных и контрольно-надзорных органов о выполнении данных работ и их оплате позволили фигуранту длительное время скрывать преступный характер своих действий. Не менее показательным является хищение бюджетных средств, выделенных ЗАО «Специальная производственно-техническая база "Звездочка"» на ремонт атомного ракетного крейсера «Петр Великий»³. Проверкой установлено, что должностные лица военного представительства, а также генеральный директор данного предприятия, достоверно зная о том, что ремонт в полном объеме не выполнен, составили и подписали акты якобы выполненных работ, причинив тем самым ущерб государству в размере 265 млн рублей. При этом само общество даже не имело лицензии на проведение данного вида работ и соответствующего оборудования.

Проведенное нами комплексное исследование⁴ позволило выявить ряд факторов, влияющих на оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности предприятий ОПК. Одни из них, как показывает изучение, способствуют совершению экономических и коррупционных преступлений, другие же, наоборот, положительно влияют на обеспечение своевременного их предупреждения и раскрытия. Данные факторы мы условно делим на две группы: внутренние и внешние (по отношению к системе органов внутренних дел). Рассмотрим основные из них. К числу внутренних факторов, положительно влияющих на оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности предприятий ОПК, относятся:

во-первых, определение руководством МВД России для конкретных территориальных органов, на территории оперативного обслуживания которых расположено значительное количество предприятий ОПК, приоритетных видов деятельности – «Оборонно-промышленный комплекс» и «Производство оружия и боеприпасов». МВД России обращает особое внимание органов внутренних дел на необходимость принятия дополнительных мер, направленных на повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), по выявлению, пресечению и раскрытию прежде всего хищений государственных средств, выделяемых на исполнение гособоронзаказа, путем укрепления оперативных позиций, повышения качества документирования, которое обеспечивало бы полноту принятия мер по установлению имущества подозреваемых (обвиняемых) для последующего обращения в доход государства, а также новых и сложных коррупционных схем.

Во-вторых, начиная с 2012 г. в форме статистической отчетности «5-БЭП» ГИАЦ МВД России в разделе «Сведения о преступлениях экономической направленности, следствие по которым обязательно, выявленных подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации в приоритетных сферах экономической деятельности», введена позиция о преступлениях, связанных с оборонно-промышленным комплексом⁵. Это позволило увидеть складывающуюся оперативную ситуацию в указанной сфере и нацелить конкретные территориальные органы ЭБиПК на работу в данном направлении.

В-третьих, ГУЭБиПК МВД России активно реализуется практика заслушивания руководителей подразделений ЭБиПК территориальных органов, имеющих низкие результаты работы по выявлению и раскрытию экономических и коррупционных преступлений в сфере оборонно-промышленного комплекса, на оперативных совещаниях при непосредственном участии начальника указанного подразделения.

В числе внутренних факторов, оказывающих негативное влияние на оперативно-розыскное обеспечение, необходимо выделить следующее:

– низкое качество профессионального мастерства сотрудников подразделений ЭБиПК органов внутренних дел, обслуживающих объекты ОПК. Как показали результаты проведенного анкетирования, только 28,5 % сотрудников знакомы с системой реализации государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ); 25,71 % из них имеют общее представление о рыночной экономике; 20 % знают особенности отраслевого характера; 14,39 % используют в повседневной деятельности ведомственные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность подразделений ЭБиПК в указанной сфере; и лишь 11,4 % знакомы с такого рода нормативными актами. По нашему мнению, подобное положение дел требует усиления роли руководителей подразделений ЭБиПК в постоянном повышении квалификации подчиненных сотрудников [7], уточнении их функциональных обязанностей;

– несовершенство организационной структуры органов внутренних дел, обслуживающих объекты ОПК. До недавнего времени существовала так называемая спецмилиция⁶, которая в своем составе имела оперативных работников и по линии ЭБиПК. В настоящее время они на-

¹ Статистическая форма «5-БЭП» (495), книга 102 «Сводный отчет по России. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за январь – декабрь 2018 г.». М., 2019. С.760-778.

² Новые сводки о мошенничестве с гособоронзаказом // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/110806-novye-svodki-omoshennichestve-s-gosoboronzakazom.html> (дата обращения: 30.10.2018).

³ «Петру Великому» залезли в карман. URL: <https://rg.ru/2011/07/26/kreiser.html> (дата обращения: 31.10.2018).

⁴ В основу написания настоящей статьи положены результаты проведенного адъюнктом Академии управления МВД России А.В. Анниковым в период 2015–2019 гг. диссертационного исследования на тему: «Выявление и раскрытие подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел экономических и коррупционных преступлений в сфере закупок для нужд оборонно-промышленного комплекса».

⁵ До 2012 г. централизованный учет ФГКУ «ГИАЦ МВД России» выявления и раскрытия указанной категории преступлений не осуществлялся.

⁶ Задачи спецмилиции // Еженедельник «Военно-промышленный курьер». URL: <https://vpk-news.ru/articles/5285> (дата обращения: 31.10.2018).

ходятся в ведении крупных территориальных органов МВД России, на территории обслуживания которых расположены предприятия ОПК. Сотрудники при таком организационно-структурном построении как бы оторваны от реальной ситуации из-за отсутствия возможности постоянного слежения за состоянием складывающейся на этих объектах оперативной обстановки. К сожалению, по этой же причине оперативно-розыскная деятельность осуществляется не в полном объеме. Возможности содействия лиц из числа работников указанных предприятий используются крайне слабо. Оперативные разработки редко сопровождаются проведением комплекса мероприятий;

– недостаточная организация взаимодействия подразделений полиции при расследовании уголовных дел о хищении средств гособоронзаказа. В данном контексте необходимо указать на взаимодействие между оперативным сотрудником и следователем [8], в чьем производстве находится уголовное дело. Изучение оперативно-следственной практики показало, что следователь не всегда информирует оперативного сотрудника об имеющихся в его распоряжении сведениях и документах, заслуживающих внимания и требующих дополнительной оперативной проверки, к тому же он в исключительных случаях в ходе предварительного следствия инициативно изучает имеющиеся у оперативного сотрудника материалы, полученные при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. В отдельных регионах такая форма работы практикуется. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что оперативный сотрудник, предоставляя следователю результаты ОРД, сформированные им по своему усмотрению, часто упускает из виду важные и имеющие значение для расследования уголовного дела обстоятельства произошедшего события. По нашему мнению, именно сбалансированное сочетание возможностей оперативно-розыскной и следственной работы позволяет создать единый механизм оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования. Что же касается внешних факторов, то к числу положительно влияющих мы относим лишь организацию внешнего взаимодействия подразделений ЭБиПК с оперативными подразделениями ФСБ России, обеспечивающими экономическую безопасность предприятий ОПК. Глава государства, выступая на коллегии ФСБ, подчеркнул следующее: «Масштабные ресурсы, которые страна выделяет на цели развития, а также на реализацию гособоронзаказа, должны быть защищены» [6]. Это требование в равной степени относится и к подразделениям ЭБиПК, осуществляющим оперативное обслуживание объектов ОПК. Проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий и реализация полученных результатов в последнее время получили довольно широкое распространение. Использование сотрудниками ФСБ России современных специальных технических средств позволяет на высоком уровне зафиксировать и закрепить противоправные действия проверяемых (разрабатываемых) лиц, причастных к хищениям бюджетных средств, выделенных для исполнения гособоронзаказа. Кроме того, преодолеть предпринимаемое со стороны подозреваемых (обвиняемых) противодействие органам предварительного расследования и суда. Большим достоинством проводимых совместно с ФСБ России оперативно-розыскных мероприятий является и то, что удается своевременно и без лишних сложностей провести обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, расположенных на территории оборонного предприятия, осмотр оборудования, в том числе уже установленного на военной технике.

К числу факторов, негативно влияющих на оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности предприятий ОПК, необходимо отнести: во-первых, отраслевые ограничения и запреты. В частности, невозможность получения подразделениями ЭБиПК данных, включающих сведения о содержании и результатах выполнения целевых программ, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере ОПК, об объемах, планах (заданиях) гособоронзаказа [9], о связях оборонных предприятий по кооперации и об иных смежных вопросах, так как последние, согласно закону Российской Федерации «О государственной тайне», являются таковыми. Решение данной проблемы видится во внесении дополнения в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в части расширения полномочий органов, осуществляющих на территории Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность, наделив последних правом на основании судебного решения изымать находящиеся в распоряжении предприятий ОПК предметы и документы, составляющие государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну.

Во-вторых, недостатки в организации информационного взаимодействия с органами, осуществляющими ОРД (Федеральной таможенной службой России, Федеральной службой исполнения наказаний России), а также контрольно-надзорными органами (Генпрокуратурой России, Казначейством России, Счетной палатой России, Федеральной налоговой службой России). Это находит свое выражение в непредоставлении или несвоевременном предоставлении находящейся в их распоряжении информации о результатах проведенных плановых и внеплановых проверок и принятых на их основе решений, о сомнительных финансовых операциях с участием исполнителей ГОЗ, контрагентов из числа аффилированных либо имеющих признаки фирм-однодневок¹ [1]. Считаем необходимым более тщательно проработать порядок и механизм обмена информацией между указанными государственными органами в рамках действующих межведомственных инструкций, соглашений, планов проведения совместных мероприятий.

В-третьих, отсутствие единой информационной системы, отражающей реализацию гособоронзаказа, начиная от формирования технического задания и заканчивая приемкой выполненных работ и их оплатой². В каждом ведомстве (МВД России, ФСБ России, ФНС России, ФТС России, Минобороны РФ, Минпромторг РФ и др.) имеется собственный информационный массив. По нашему мнению, назрела объективная потребность в создании единой информационной системы, отражающей полный цикл реализации гособоронзаказа, с предоставлением доступа к ней подразделениям ЭБиПК.

Подводя итог рассмотрению затронутой в работе проблемы, отметим следующее.

Во-первых, рассматривая детерминанты преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых на объектах

¹ На это обстоятельство обращают свое внимание многие специалисты..

² Эксперты: единая информационная система почти не отличается от сайта госзакупок. URL: <https://fcs.hse.ru/news/179282584.html> (дата обращения: 30.10.2018).

оборонно-промышленного комплекса, мы должны исходить из причинной связи, которая представляет собой такую объективную связь между явлениями, когда одно из них (причина) при наличии определенных условий порождает другое (следствие)

Во-вторых, именно причинная связь образует внутреннее содержание детерминации и выражает ее сущность. Категория причинности включает в себя причину, условие и следствие (результат). Кроме того, связь между причиной и следствием, а также условием и причиной либо между условием и следствием.

В-третьих, в системе комплекса мер, направленных на недопущение преступлений экономической и коррупционной направленности на объектах оборонно-промышленного комплекса, научное и научно-методическое обеспечение экономической безопасности этих объектов на сегодня в условиях проведения специальной военной операции занимают важное место. Среди множества задач в рамках такого обеспечения обобщение положительного отечественного и зарубежного опыта в интересах разработки практико-ориентированных предложений и рекомендаций по оперативно-розыскному противодействию [4] преступлениям экономической и коррупционной направленности является одним из его системообразующих компонентов.

Библиография:

1. Диканова Т.А. О комплексном характере прокурорского надзора и факторах, влияющих на импортозамещение // Сборник материалов круглого стола «Прокурорский надзор за исполнением, направленных на реализацию государственной политики в сфере импортозамещения, в том числе при производстве образцов вооружения, военной и специальной техники» (30 марта 2023 г.) / под ред. Т.А. Дикановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М. 2023. С.14.
2. Иванов П.И. Оптимизация механизма правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в сфере импортозамещения // Сборник материалов круглого стола «Прокурорский надзор за исполнением, направленных на реализацию государственной политики в сфере импортозамещения, в том числе при производстве образцов вооружения, военной и специальной техники» (30 марта 2023 г.) / под ред. Т.А. Дикановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М. 2023. С.132-139.
3. Иванов П.И., Анников А.В. Основные факторы, влияющие на оперативно-розыскное обеспечение экономической безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса // Труды Академии управления МВД России, 2019, № 1 (49). – С.112-117;
4. Ишин И. А. "Противодействие преступности" или "борьба с преступностью": анализ понятий / И. А. Ишин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 3(92). – С. 213-220. – EDN IWPQBJ.
5. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д.Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 60,62.
6. Латухина К. Барьер для шпиона // Рос. газ. 2019. 7 марта. № 51 (7809). С.2.
7. Павленков Р.В. Особенности подготовки оперативных сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в условиях реализации приоритетного профиля подготовки Нижегородской академии МВД России: состояние и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С.168.
8. Янин С. А. О некоторых аспектах организации расследования преступлений в сфере исполнения государственного оборонного заказа и в оборонно-промышленном комплексе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С.66.
9. Янишевский А.Б. Опосредованное правовое регулирование ОРД по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере исполнения государственного оборонного заказа // Государственная служба и кадры. 2016. № 1. С.83.

References:

1. Dikanova T.A. On the complex nature of prosecutorial supervision and factors affecting import substitution //Collection of materials of the round table "Prosecutor's supervision of execution aimed at the implementation of state policy in the field of import substitution, including in the production of samples of weapons, military and special equipment" (March 30, 2023) / edited by T.A. Dikanova; Un-t Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation. M. 2023. p.14.
2. Ivanov P.I. Optimization of the mechanism of legal regulation of prosecutorial supervision of the execution of laws in the field of import substitution // Collection of materials of the round table "Prosecutorial supervision of execution aimed at the implementation of state policy in the field of import substitution, including in the production of samples of weapons, military and special equipment" (March 30, 2023) / ed. T.A. Dikanova; The Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation. M. 2023. pp.132-139.
3. Ivanov P.I., Annikov A.V. The main factors influencing the operational and investigative provision of economic security of enterprises of the military-industrial complex // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, № 1 (49). – Pp.112-117;
4. Ishin I. A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts / I. A. Ishin // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2022. – № 3(92). – Pp. 213-220. – EDN IWPQBJ.
5. Criminology: textbook for universities / edited by V.D.Malkov. 4th ed., reprint. and additional M., 2011. pp. 60.62.
6. Latukhina K. Barrier for a spy // Russian gas. 2019. March 7th. No. 51 (7809). p.2.
7. Pavlenkov R.V. Features of the training of operational staff of economic security and anti-corruption units in the context of the implementation of the priority training profile of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: state and prospects of development // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (39). p.168.
8. Yanin S. A. On some aspects of the organization of the investigation of crimes in the field of execution of the state defense order and in the military-industrial complex of Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4 (26). p.66.
9. Yanishevsky A.B. Indirect legal regulation of the ORD to combat economic and corruption crimes in the field of fulfilling the state defense order // Civil service and personnel. 2016. No. 1. p.83.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

The criminal procedure for investigating crimes in emergency situations

КОМАРОВА Елена Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, 9.
E-mail: ele0770@yandex.ru;

Komarova E.A.,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Procedure, Criminalistics and Participation of the Prosecutor in the Criminal Justice
of the Crimean Institute of Law (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.
9 Gogol str., Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: ele0770@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается закрепленный в российском уголовно-процессуальном законодательстве порядок расследования уголовных дел. Подчеркивается значение досудебного производства как основы достижения назначения уголовного судопроизводства. В рамках рассмотрения уголовно-процессуального порядка расследования преступлений рассматривается очередность процессуальных действий и решений, производимых должностными лицами органов предварительного расследования. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства были сделаны выводы о необходимости расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций только в форме предварительного следствия и в составе следственной группы.

Abstract: The article examines the procedure for investigating criminal cases enshrined in the Russian criminal procedure legislation. The importance of pre-trial proceedings as the basis for achieving the purpose of criminal proceedings is emphasized. As part of the consideration of the criminal procedure for the investigation of crimes, the sequence of procedural actions and decisions made by officials of the preliminary investigation bodies is considered. Based on the analysis of the criminal procedure legislation, conclusions were drawn about the need to investigate crimes in emergency situations only in the form of a preliminary investigation and as part of an investigative team.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный порядок, чрезвычайная ситуация, следственные группы, предварительное следствие, преступления.

Keywords: criminal procedure, emergency situation, investigation teams, preliminary investigation, crimes.

Для цитирования: Комарова Е.А. Уголовно-процессуальный порядок расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 449-451. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_449.

For citation: Komarova E.A. The criminal procedure for investigating crimes in emergency situations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 449-451. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_449.

Статья поступила в редакцию: 30.07.2024

Досудебное производство по уголовному делу является фундаментом для всего уголовного процесса. На первоначальных стадиях процесса собираются и фиксируются основные доказательства по делу, выявляются лица, причастные к совершению преступления и от того, насколько качественно и эффективно будет произведено предварительное расследование, зависит достижение основных задач уголовного судопроизводства. Основная роль в досудебном производстве отведена следователю и дознавателю, именно эти должностные лица определяют судьбу уголовного процесса на данном этапе.

Дефицит порядка - наша многовековая проблема. Это относится и к современному уголовному судопроизводству, страдающему от недостатка процессуальной гармонии (порядка) [1; с.73-81].

Уголовному судопроизводству присуща определенная последовательность событий, действий, правил, закрепленных на законодательном уровне, в соответствии с которыми осуществляется расследование преступлений. Такие правила в уголовном процессе принято называть «общие условия предварительного расследования». Ряд ученых рассматривая и анализируя данную категорию подчеркивает те или иные особенности. Так, А.А. Гарницкий предлагает рассматривать их как особые, присущие только досудебной стадии уголовного судопроизводства, правила, необходимые для соблюдения в уголовном процессе [2; с.11-12]. Аналогичной позиции придерживается и П.Г. Марфицин, который определяет их как установленные законом и обусловленные принципами уголовного судопроизводства единые требования, устанавливающие порядок деятельности по уголовным делам [3; с.133-139]. С.А. Скворцова, Н.В. Угольникова и С.С. Шуренкова, в свою очередь, не отходя от указанной концепции, подчеркивают правовую природу данного понятия, предлагая понимать под ними совокупность требований закона, закрепляющих наиболее общие правила, которые определяют содержание порядка расследования от начала и до конца [4; с.70]. Рассмотрев все эти точки зрения можно прийти к выводу, что «порядок судопроизводства един и обязателен по всему многообразию уголовных дел, каждому из которых присущи свои индивидуальные особенности» [5].

При изучении каждого этапа уголовного процесса следует помнить, что в действительности (при расследовании реальных преступлений) большая часть действий и событий носит вероятностный характер, который определяет уникальность процедуры досудебного производства по конкретному уголовному делу. Сложность досудебного расследования преступлений зачастую и определяется разнообразием составов, рас-

следуемых преступлений: объектов, на которые они направлены, особенностями лица, совершившего противоправное деяние, и др. Для эффективного выполнения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей в досудебном производстве необходимо изучение общих алгоритмов процессуальных действий по уголовным делам.

То есть уголовно-процессуальный порядок расследования преступлений - это своего рода очередность процессуальных действий и решений, производимых должностными лицами органов предварительного расследования, направленных на движение уголовного дела. Среди всех процессуальных действий и решений можно выделить ряд основных, таких как:

- Возбуждение уголовного дела. С момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела начинает исчисляться срок предварительного следствия;
- Решение вопроса о подследственности уголовного дела. В это же время принимается решение о создании специальных следственных групп;
- Ряд первоначальных процессуальных действий, направленных на поиск подозреваемых по уголовному делу, а также сбор и проверка доказательств, подтверждающих и опровергающих подозрения в причастности к совершению преступления;
- Предъявление обвинения, а также сбор и проверка доказательств по уголовному делу, подтверждающих обвинение;
- Окончание предварительного следствия и принятие решения по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением прокурором. После чего уголовное дело передается в суд.

Уголовно-процессуальный порядок, в первую очередь, расставляет акценты на тех задачах, которые являются приоритетными для того или иного этапа расследования. Эти приоритетные задачи закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, это: 1) Сбор достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ) - данная задача решается на этапе проверки сообщения о преступлении; 2) Сбор достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ст. 171 УПК РФ) - данная задача решается на первоначальном этапе; 3) Сбор доказательств, достаточных для принятия решения об окончании предварительного следствия (ст. 212, 215 УПК РФ) - данная задача решается на последующем этапе; 4) Подведение итогов предварительного следствия (глава 30 УПК РФ) - данная задача решается на завершающем этапе расследования [6].

Помимо того, что в законе установлен общий порядок движения уголовного дела, каждый этап также обладает определенными признаками системности. Например, на этапе процессуальной проверки сообщения о преступлении составляется план расследования, оформляется рапорт об обнаружении признаков преступления в порядке ст. 143 УПК РФ, отбираются объяснение, назначается судебная экспертиза, выносится постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе и др. То есть каждый этап предусматривает определенный набор действий, который как правило завершается принятием процессуального решения.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» чрезвычайная ситуация - это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [7].

Таким образом, чрезвычайная ситуация в значительной степени изменяет течение повседневной жизнедеятельности отдельной территории, населения и государства в целом.

В законодательно закрепленный общий порядок расследования преступлений возможно внесение изменений, которые могут определяться чрезвычайными условиями. Это сказывается на ходе и процедуре расследования. В зависимости от ситуации формируются устойчивые связи, отношения и тенденции, которые образуют специфические закономерности расследования преступлений в чрезвычайных условиях [8].

Однако особенности порядка расследований преступлений на законодательном уровне отражения не нашли. Вместе с тем, данные вопросы регулируются непосредственно органами предварительного расследования на ведомственном уровне. При этом, зачастую эти распорядительные документы носят ограниченный характер и предназначены для служебного пользования.

Но все же, общие вопросы организации предварительного расследования отражены и в открытых источниках. В частности, в соответствии с требованиями Приказа Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» руководителям следственных органов предписано лично выезжать на место акта терроризма, аварии, возникновения чрезвычайных ситуаций и техногенных катастроф, повлекших человеческие жертвы, значительные разрушения и иные тяжкие последствия с целью организации квалифицированного проведения первоначальных следственных действий и взаимодействия с оперативно-розыскными подразделениями, органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Кроме того, для производства предварительного расследования по таким категориям уголовных дел необходимо незамедлительно создавать следственно-оперативные группы из числа наиболее квалифицированных следователей [9].

В научной среде вопросы организации предварительного расследования в условиях чрезвычайной ситуации также находят свое отражение. В частности, В.Н. Григорьев, говоря об организации расследования преступлений данной категории, структурирует расследование следующим образом: «особенности доказывания обстоятельств преступлений, совершенных в чрезвычайных условиях; возбуждение уголовных дел и сбор первичных сведений о преступлениях; организация и тактика первоначальных действий следственных групп; особенности производства по уголовным делам на последующих этапах» [10].

Необходимо подчеркнуть, что, как практические работники, так и представители научной среды склоняются к тому, что расследование в условиях чрезвычайных ситуаций необходимо производить следственными группами с привлечением органов дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в связи с чем видится необходимым законодательное закрепление обязательного расследования таких преступлений следственными группами.

Учитывая, что в условиях чрезвычайной ситуации могут совершаться преступления различных видов, подследственных различным органам предварительного расследования, в том числе и органам дознания, количество преступлений может быть необычно большим, охватываться большой территорией, видится целесообразным производство расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций исключительно в форме предварительного следствия.

Библиография:

1. Зашляпин, Л. А. Процессуальный порядок: проблема понимания / Л. А. Зашляпин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3(38). – С. 73-81.
2. Гарницкий А.А. Предварительное расследование // Российский следователь. 2018. - № 11. - С. 11-12.
3. Проваторова К.В. Система нормативных положений, регламентирующих общие условия предварительного расследования: становление и пути реформирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. - № 1 (48). - С. 133-139.
4. Скворцова С.А., Угольников Н.В., Шуренкова С.С. Уголовный процесс: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 70.
5. Топорков А.А. Криминалистическая методика расследования преступлений: учебник. - "Юстиция", 2018 г.
6. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях / А. М. Багмет, Ю. В. Васильченко, В. Н. Григорьев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Прспект", 2020. – 304 с.
7. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 30.01.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
8. Кардашевская М.В., Шипилова Е.С. Этапы процесса расследования и их характеристика // Таврический научный обозреватель. 2015. №2-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-protsesssa-rassledovaniya-i-ih-harakteristika> (дата обращения: 02.07.2024).
9. Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации»
10. Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-teorii-rassledovaniya-prestupleniy-v-chrezvychaynyh-usloviyah> (дата обращения: 25.07.2024).

References:

1. Zashlyapin, L. A. Procedural order: the problem of understanding / L. A. Zashlyapin // Law and order: history, theory, practice. – 2023. – № 3(38). – Pp. 73-81.
2. Garnitsky A.A. Preliminary investigation // Russian investigator. 2018. - No. 11. - pp. 11-12.
3. Provatorova K.V. The system of regulations governing the general conditions of preliminary investigation: formation and ways of reform // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. - № 1 (48). - Pp. 133-139.
4. Skvortsova S.A., Ugolnikova N.V., Shurenkova S.S. Criminal procedure: studies. manual. M.: INFRA-M, 2003. – p. 70.
5. Toporkov A.A. Criminalistic methods of crime investigation: textbook. - "Justice", 2018
6. Investigation of crimes in emergency conditions / A.M. Bagmet, Yu. V. Vasilchenko, V. N. Grigoriev [et al.]. – Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2020. – 304 p.
7. Federal Law No. 68-FZ dated 12/21/1994 (as amended on 30.01.2024) "On the Protection of the population and Territories from natural and man-made emergencies".
8. Kardashevskaya M.V., Shipilova E.S. Stages of the investigation process and their characteristics // Tauride scientific observer. 2015. No.2-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-protsesssa-rassledovaniya-i-ih-harakteristika> (date of appeal: 07/02/2024).
9. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation dated 01/15/2011 No. 2 "On the organization of a preliminary investigation in the Investigative Committee of the Russian Federation"
10. Grigoriev V. N. The structure of the theory of investigation of crimes in emergency conditions // Gaps in Russian legislation. 2008. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-teorii-rassledovaniya-prestupleniy-v-chrezvychaynyh-usloviyah> (date of application: 07/25/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_452

УДК 343.14

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ
И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ,
В ТОМ ЧИСЛЕ ПОЛУЧЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ**
**On the issue of the procedural form and evidentiary value of other documents,
including those obtained using special knowledge**

ВОРОНИН Вадим Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: vadimvoronin74@yandex.ru;

ЦАРЕВА Юлия Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса.
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: yu.v.tsareva@gmail.com;

Voronin Vadim Veniaminovich,

Candidate of law, associate professor at the Department of criminal procedure Law
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
603022, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: vadimvoronin74@yandex.ru;

Tsareva Yuliya Victorovna,

Candidate of law, associate professor at the Department of criminal procedure.
FSPEE HT «Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
603950, 3 Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: yu.v.tsareva@gmail.com

Краткая аннотация: Исследование в настоящей статье такого источника доказательств как иные документы, не случайно. Это объясняется отсутствием его конкретизации в действующем законодательстве и нашим намерением предложить конкретные процессуальной формы его закрепления (выражения).

Abstract: the study in this article of such a source of evidence as other documents is not accidental. This is explained by the lack of its specification in the current legislation and our intention to propose specific procedural forms of its consolidation (expression).

Ключевые слова: источник доказательств, иные документы, вещественные доказательства, сведущие лица, специальные знания.

Keywords: source of evidence, other documents, material evidence, knowledgeable persons, special knowledge.

Для цитирования: Воронин В.В., Царева Ю.В. К вопросу о процессуальной форме и доказательственном значении иных документов, в том числе полученных с использованием специальных знаний // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 452-456. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_452.

For citation: Voronin V.V., Tsareva Yu.V. On the issue of the procedural form and evidentiary value of other documents, including those obtained using special knowledge // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 452-456. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_452.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2024

Положения, закрепленные законодателем в части 2 ст. 84 УПК РФ [1], предлагающие относить к иным документам материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, привели нас к размышлениям о разнообразии современных интерпретаций электронных доказательств. Дело в том, что эта проблематика затрагивается в настоящее время практически в каждом научном источнике, посвященном уголовно-процессуальным доказательствам. Авторы задаются вопросом о том, к какому виду традиционных источников доказательств их следует отнести: к вещественным доказательствам или иным документам [2, 3], а некоторые предлагают расширить перечень, предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, новым пунктом – электронные доказательства [4, 5, 6]. Существует и отдельное мнение [7, 8], что любые доказательства, нашедшие отражение на электронных носителях информации, необходимо считать электронными. Данной позиции нам хочется апеллировать, ведь исходя из предложенных толкований, даже видеозапись, прилагаемую к протоколу допроса, проведенного посредством видео-конференц-связи, нужно рассматривать как электронное доказательство. Однако единственно верным видится признание в качестве доказательств именно показаний допрашиваемого лица, материальной формой закрепления которых является электронный носитель. Продолжая дезавуировать озвученной трактовке, можно акцентировать, что потенциальная возможность существования электронного уголовного дела (в отсутствие требования о документировании материалов посредством бумажного носителя), автоматически исключит все источники доказательств, существующие на сегодняшний день (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), поскольку уголовное дело будет состоять лишь из электронных доказательств, несмотря на наличие в нем показаний участников процесса, заключений экспертов и специалистов, протоколов следственных и судебных действий.

Мы придерживаемся позиции, что электронному доказательству присущи следующие свойства:

(1) оно должно являться *первоисточником* сведений, имеющих значение для дела: подходящим примером будет флеш-накопитель с видеозаписью, зафиксировавшей событие преступления, а диск, полученный в результате видеосъемки осмотра места происшествия, наоборот

никакого отношения к подобным доказательствам иметь не будет, так как служит способом закрепления иного доказательства – сведений, полученных при производстве осмотра и отраженных в протоколе следственного действия.

(2) оно должно быть зафиксировано с помощью любого электронного носителя информации.

Электронные носители информации и содержащуюся на них информацию следует осматривать, и при установлении её значимости, признавать вещественными доказательствами и приобщать к материалам уголовного дела. С этих позиций нам интересна точка зрения Ю. Н. Соколовой о том, что информация в электронной форме, выраженная в виде вещественного доказательства, обладает определенной спецификой – доказательственное значение здесь имеет не сам материальный носитель, а та информация, которая на нем содержится [9].

Несмотря на конкуренцию уголовно-процессуальных норм, с одной стороны, указывающих на принадлежность электронных носителей информации (в первую очередь, как предметов) к вещественным доказательствам (п. 4 ч. 2 ст. 74, п. 1-3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ), с другой стороны – предписаний ч. 2 ст. 84 УПК РФ, позволяющих относить их к иным документам, при решении вопроса о признании электронных носителей в качестве доказательств следует отдавать предпочтение первой группе норм, поскольку положения пунктов 1-5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, сформулированные законодателем согласно принципу исчерпывающего перечня источников доказательств [10, с. 144], содержат основное правило, имеющее приоритетное значение для целей эффективного доказывания по делу, а ст. 84 УПК РФ, посвященная иным документам, с точки зрения юридической техники сконструирована по остаточному принципу: всё, что не отвечает требованиям конкретных источников доказательств, подпадает под иные документы [6, с. 81].

По этим причинам в настоящей статье мы изучим некоторые особенности иных документов как доказательств, но с позиции ординарного понимания документа. Речь пойдет о документах, оформляемых на бумажном носителе.

Словосочетание «Иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) содержит термин «документ», что подтверждает факт отражения в нем какой-либо информации. Данная информация является доказательством по уголовному делу, если она имеет значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. И наша задача, определить процессуальные формы её закрепления, предложив рассматривать в качестве доказательств конкретные «иные документы».

В современной уголовно-процессуальной доктрине исследуемый нами источник доказательств называют формально свободным [11]. Это подтверждает и сам закон, выделяя его как наименее конкретный и определенный в отличие от позиций, обозначенных в пунктах 1-5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Мы однозначно солидаризируемся с мнением коллег, поскольку считаем очевидным отсутствие каких-либо законодательно установленных границ, правил применения и процессуальных процедур приобщения в качестве доказательств иных документов.

Более того, наличие «иных документов» в заключительном пункте части 2 ст. 74 УПК РФ, на наш взгляд, преобразует перечень доказательств (и их источников) в формально свободный (открытый), позволяя причислить к доказательствам любые документы, отражающие важную для дела информацию.

Очевидно, что большая часть доказательств в виде совокупности, достаточной для принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, а затем для составления обвинительного заключения (обвинительного акта), формируется на стадии предварительного расследования. УПК РФ регламентирует исчерпывающий перечень способов и методов собирания доказательств, предусмотренных пунктами 1-5 части 2 ст. 74 УПК РФ. Речь идет о производстве следственных действий:

– показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста – должны быть получены при производстве допроса по правилам ст. 187-191 УПК РФ;

– заключение эксперта – посредством производства судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ);

– протоколы следственных и судебных действий – составляются по результатам производства следственных действий, закрепленных ст. 176-186.1, 192-194, 202 УПК РФ и судебных действий, регламентированных ст. 284, 287-290 УПК РФ. Однако производство последних осуществляется уже на более поздней стадии, во время судебного разбирательства по уголовному делу;

– вещественные доказательства – могут быть получены по итогам следственных действий, элементом которых является изъятие (обыск, выемка, осмотр места происшествия);

– заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) – получают от него в письменном виде по результатам проведенного анализа представленных ему материалов. Оно составляется в произвольной форме и представляет собой совокупность письменных суждений специалиста (то есть профессиональную интерпретацию, транскрипцию) в виде ответов на заранее поставленные ему вопросы. Является наименее распространенным источником доказательств, ввиду возможности проведения по делу огромного количества разнообразных судебных экспертиз либо осуществления допроса специалиста, который в отличие от допроса эксперта, возможен в любой момент стадии расследования.

По мнению Е. В. Селиной, цель введения в закон в 2003 году нового вида доказательств – заключения специалиста – максимально наделить защитника полномочиями, сопоставимыми с правом компетентных должностных лиц назначать по делу судебную экспертизу [12, с. 121].

Но положения ч. 1 ст. 86 УПК РФ гласят, что доказательства могут быть получены и путем производства иных процессуальных действий, не относящихся к следственным.

Сначала разберемся с доказательственным значением результатов таких действий и дадим им правовую оценку, затем аргументируем, что они будут относиться к доказательствам как «иные документы», закрепленные в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Вместе с тем, положения ст. 86 УПК РФ не противоречат тому, что отдельные доказательства (такие, как «иные документы») могут быть получены и в стадии проверки сообще-

ния о преступлении.

Поэтому в первую очередь проанализируем результаты таких процессуальных действий, как: получение объяснений, истребование документов, назначение документальных проверок, ревизий, исследований документов.

(1) **Акт исследования, документальной проверки, ревизии, инвентаризации**, – подготавливается специалистом, обладающим знаниями в той или иной области, по итогам инициируемого следователем, дознавателем либо органом дознания соответствующего процессуального действия.

При необходимости разрешения вопроса о наличии либо отсутствии признаков преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, таких как: хищения, подлог (фальсификация), должностные, коррупционные преступления, привлекается специалист-ревизор. В отечественном законодательстве его правовое положение не урегулировано, но в большинстве случаев к помощи такого сведущего лица (специалиста) стараются прибегнуть на начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности, когда возникает необходимость применения экономических знаний в области развития банковской сферы, финансового и бухгалтерского учета, аудита [13, с. 86].

Таким образом, исследования по материалам проверки поступивших в правоохранительные органы сообщений о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, иными словами – ревизии назначаются, когда должностные лица, ведущие процесс, не могут сами установить или выявить те или иные факты злоупотреблений экономической направленности без использования специальных знаний и получения на их основе убедительных заключений [14, с. 109; 15].

В рамках подготовки настоящей статьи нами было изучено 15 уголовных дел, находившихся в производстве следственного подразделения Управления МВД России по г. Нижнему Новгороду в период с 2021 по 2023 гг. [16, 18]. Семь из них отнесены к категории дел о преступлениях, совершенных в сфере экономики и экономической деятельности [16], возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (одно уголовное дело), ч. 2 ст. 159 УК РФ (два уголовных дела), ч. 3 ст. 159 УК РФ (два уголовных дела), ч. 4 ст. 159 УК РФ (одно уголовное дело) и ч. 5 ст. 171.1 УК РФ (одно уголовное дело). Решения в порядке ст. 145 УПК РФ по пяти уголовным делам, приняты по факту, по остальным – в отношении конкретных лиц. Впоследствии лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого, были установлены, уголовные дела направлены прокурору либо в суд для рассмотрения по существу. В материалах пяти уголовных дел имелся акт исследования специалиста-ревизора Отдела документальных проверок и ревизий Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Нижегородской области, который в обвинительном заключении по каждому из данных дел фигурировал в качестве отдельного доказательства, в перечне иных документов. При этом ни по одному из названных дел не проводились судебно-экономические, судебно-бухгалтерские либо иные смежные экспертизы, полностью либо частично дублировавшие выводы, сформулированные в акте документального исследования, что подтверждает доказательственную силу данного документа по уголовным делам экономической направленности.

С нашей точки зрения, данный *иной документ*, подготовленный специалистом-ревизором по материалам проверки экономических составов преступлений, способствует укреплению доказательственной базы по делу независимо от того, проводилась ли впоследствии судебная экспертиза.

(2) **Объяснение** лица, которое впоследствии не представилось возможным допросить.

Часть 1 ст. 144 УПК РФ в качестве процессуального действия, проводимого в ходе доследственной проверки, называет получение объяснений, которое в правоприменительной деятельности еще именуют опросом. На первый взгляд, данное процессуальное действие, как и его результат в виде письменного объяснения лица, не несет доказательственной нагрузки, поскольку, как прямо указано в законе, доказательством являются показания лица, полученные в ходе допроса. Однако, если рассмотреть ситуации, при которых лицо, ранее давшее объяснение, не представилось возможным допросить ввиду объективных причин, к примеру, ввиду его скоростижной кончины, первоочередной вывод окажется не столь очевидным.

По нашему мнению, такое объяснение, которое, к тому же, содержит значимую, имеющую существенное значение для дела информацию, следует рассматривать в качестве доказательства, по признаку «иной документ». Запрет на это в уголовно-процессуальном законе не содержится. Объяснение подлежит включению в перечень содержащихся в обвинительном заключении (обвинительном акте) доказательств, на которые ссылается сторона обвинения либо сторона защиты, в зависимости от содержащихся в нём сведений, изобличающих либо оправдывающих потенциального подозреваемого. Объяснения лица, переехавшего на постоянное место жительства в другой субъект Российской Федерации или за рубеж, мы не рассматриваем, ведь в настоящее время есть возможность произвести допрос посредством видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ).

(3) **Ответ на запрос**. В УПК РФ предусмотрено процессуальное действие в виде истребования документов и сведений. На основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ запросы, направляемые компетентными органами в рамках их полномочий в ходе проверки сообщения о преступлении либо на стадии предварительного расследования, носят обязательный характер для всех организаций, предприятий, учреждений независимо от их формы собственности и организационно-правовой формы, а также государственных органов, должностных лиц и граждан.

Чтобы проиллюстрировать, какой доказательственный потенциал может иметь ответ на запрос, приведем пример из собственного опыта профессиональной деятельности в качестве следователя органов внутренних дел. В 2012 г. в следственном подразделении Управления МВД России по г. Нижнему Новгороду находилось уголовное дело, возбужденное в отношении генерального директора ООО «Интелл» Лаврова А.В.¹ по признакам

¹ Исходные данные лиц, наименования коммерческих структур изменены

преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту незаконного возмещения из бюджета налога на добавленную стоимость (далее – НДС). Исходя из фактуры уголовного дела, данное Общество приобрело у третьей фирмы дорогостоящее оборудование немецкого производства стоимостью около 6,5 млн рублей. Основанием для возмещения налога явилось представление Обществом в налоговый орган по месту регистрации счета-фактуры, выставленного в его адрес продавцом, с заявленной суммой НДС, равной 998 тыс. рублей, которая в соответствии с действующим налоговым законодательством при условии добросовестности совершенной между контрагентами сделки, должна возмещаться государством покупателю, уплатившему её продавцу, как включенную в общую стоимость сделки.

В результате направления следователем запроса в Федеральную таможенную службу РФ было установлено, что фигурировавшее в договоре купли-продажи и иных документах крупногабаритное производственное оборудование зарубежной марки с момента его выпуска на территорию РФ не ввозилось. Таким образом была установлена фиктивность документально оформленной сделки, а фактически отсутствие у генерального директора Общества Лаврова А.В. права на возмещение из бюджета указанного налога. Ответ на запрос из ФТС России стал значимым, имеющим важнейшее значение для доказывания по делу документом и в обвинительном заключении фигурировал как иной документ.

Как мы упоминали выше, в отличие от первых двух, процессуальное действие в виде истребования документов путем направления соответствующих запросов и приобщения ответов на них производится как в ходе первоначальной проверки, так и после возбуждения уголовного дела.

По нашему мнению, рассмотренные нами документы имеют прямое доказательственное значение, то есть могут быть признаны доказательствами по уголовному делу без последующей проверки следственным путем, а вот доказательства, о которых пойдет речь дальше, в такой проверке будут нуждаться.

О них стоит сказать отдельно. На наш взгляд, их доказательственное значение второстепенно. **Материалы, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности** (далее – ОРД), могут быть признаны доказательствами по уголовному делу, если они проверены следственным путем (ст. 89 УПК РФ). Но поскольку результаты следственных действий по своей правовой природе уже являются доказательствами, значение результатов ОРД в том, что они выступают первоисточником имеющей значение информации, которая впоследствии приобретает процессуальную форму протоколов следственных действий и приобщенных к делу вещественных доказательств. В этой связи в каждом конкретном случае необходимо рассматривать возможность их признания в качестве доказательств по делу, как «иных документов». Порядок их представления в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, определен соответствующей инструкцией [17]. Они передаются следователю на основании постановления о рассекречивании результатов ОРД и постановления об их предоставлении в компетентный орган.

Четыре уголовных дела из пятнадцати изученных нами возбуждены по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК РФ. Аналогичное количество уголовных дел – по ч. 3 ст. 207 УК РФ [18]. Шесть из восьми уголовных дел возбуждены в отношении не установленных следствием лиц, по трём – на момент возбуждения дела имелись подозреваемые. Впоследствии лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого, были установлены, уголовные дела направлены прокурору либо в суд. Решения о возбуждении всех восьми уголовных дел, а также уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 5 ст. 171.1 УК РФ (на материалы которого мы ссылались выше), были приняты по результатам ОРД. Материалы, полученные органом, производившим ОРД, были признаны доказательствами по шести уголовным делам. В обвинительных заключениях фигурировали следующие документы: постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия; акт, свидетельствующий о содержании, ходе и результатах его проведения; судебное решение на производство оперативно-розыскного мероприятия в виде наблюдения с использованием средств аудио-, видеозаписи и др.

Перейдем к выводам. Проведенный анализ действующих законодательных предписаний, теоретико-доктринальных позиций и правоприменительной практики в виде изученных материалов уголовных дел, а также собственный опыт профессиональной деятельности в следственных подразделениях ОВД и Следственного комитета Российской Федерации позволил нам выделить четыре формы **иных документов**, подлежащих оценке на предмет принадлежности к числу доказательств по уголовному делу (трём из них присущ процессуальный характер, и лишь одна (результаты ОРД) – регулируется иным федеральным законодательством и ведомственными правовыми актами), которые мы рекомендуем использовать в правоприменительной деятельности уполномоченным государственным органам и должностным лицам, осуществляющим предварительное следствие и дознание по уголовным делам.

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. (в ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.05.2024).
2. Пастухов П. С., Терехин В. В. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник КРАГСиУ. Серия : Государство и право. – 2014. – № 18. – С. 71.
3. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
4. Малык А. В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. – 2023. – № 3(54). – С. 45-51.
5. Кольчугин А. Г., Садырина Л. В. Электронные доказательства в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 150-152.
6. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. – 2019. – № 7(152). – С. 76-82.
7. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ. – М. : Проспект, 2022. 248 с.
8. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок : История, теория, практика. – 2016. – № 4. – С. 46-50.
9. Соколов Ю. Н. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве : монография. – Екатеринбург : Телекоммуникационное право, 2010. – 418 с.
10. Головок Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головок. – М. : Статут, 2016. 1280 с.
11. Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Камышин В. А. – Ижевск, 1998. – 23 с.
12. Селина Е. В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 119-125.

13. Семенов Е. А., Васюков В. Ф., Вольводз А. Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты. – М.: МГИМО-Университет, 2020. 227 с.
14. Бурков И. В. Заключение и показания эксперта в уголовном процессе: моногр. – М.: Юрлитинформ, 2010. 144 с.
15. Лукичев Б. А., Алексеев С. Г. Производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовных процессах России и Латвии // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Том 19. – № 1. – С. 68-90.
16. Уголовные дела №№ 12301220001000427, возбужденное 29.09.2023 по ч. 3 ст. 30 ч. 4 ст. 159 УК РФ; 12201220072001396, возбужденное 21.09.2022 по ч. 2 ст. 159 УК РФ; 12201220071001847, возбужденное 04.08.2022 по ч. 2 ст. 159 УК РФ; 12301220036000888, возбужденное 04.07.2023 по ч. 4 ст. 159 УК РФ; 12201220072000550, возбужденное 19.04.2022 по ч. 3 ст. 159 УК РФ; 1210122089000354, возбужденное 01.06.2021 по ч. 3 ст. 159 УК РФ; 12201220007000462, возбужденное 13.09.2022 по ч. 5 ст. 171.1 УК РФ.
17. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 31.05.2024).
18. Уголовные дела №№ 12201220001000135, возбужденное 15.04.2022 по ч. 2 ст. 207 УК РФ; 12201220001000390, возбужденное 20.07.2022 по ч. 3 ст. 207 УК РФ; 12201220001000551, возбужденное 27.09.2022 по ч. 3 ст. 207 УК РФ; 12301220001000143, возбужденное 25.05.2023 по ч. 2 ст. 207 УК РФ; 12301220001000267, возбужденное 18.07.2023 по ч. 3 ст. 207 УК РФ; 12301220001000285, возбужденное 04.08.2023 по ч. 3 ст. 207 УК РФ; 12301220001000430, возбужденное 06.10.2023 по ч. 2 ст. 207 УК РФ; 12301220001000497, возбужденное 10.11.2023 по ч. 2 ст. 207 УК РФ.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001: adopted by the State Duma on November 22, 2001; approved by the Federation Council on December 5, 2001 (as amended, dated 04/22/2024) // SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 05/23/2024).
2. Pastukhov P. S., Terekhin V. V. On the question of the concept and essence of electronic evidence in criminal proceedings // Bulletin of the KRAGSiU. Series: State and Law. – 2014. – No. 18. – p. 71.
3. Okonenko R. I. "Electronic evidence" and the problems of ensuring the rights of citizens to protect privacy in criminal proceedings: comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. M., 2016.
4. Malyk A.V. Formation and nature of electronic evidence // Bulletin of the Voronezh State University. – 2023. – № 3(54). – Pp. 45-51.
5. Kolchurin A. G., Sadyrina L. V. Electronic evidence in criminal proceedings // Humanities, socio-economic and social sciences. - 2022. – No. 1. – pp. 150-152.
6. Voronin M. I. Electronic evidence in the CPC: to be or not to be? // Lex Russica. – 2019. – № 7(152). – Pp. 76-82.
7. Laptsev V. A., Solovyanyenko N. I. Digital justice. Digital document. – Moscow: Prospect, 2022. 248 p.
8. Vekhov V. B. Electronic evidence: problems of theory and practice // Law and order: History, theory, practice. - 2016. – No. 4. – pp. 46-50.
9. Sokolov Yu. N. Information technologies in criminal proceedings: monograph. – Yekaterinburg: Telecommunications Law, 2010. – 418 p.
10. Golovko L. V. Course of criminal procedure / edited by D.yu.n., prof. L. V. Golovko. – M.: Statute, 2016. 1280 p.
11. Kamyshin V. A. Other documents as "free" evidence in criminal proceedings. Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. Sciences / Kamyshin V. A. – Izhevsk, 1998. – 23 p.
12. Selina E. V. Conclusion and testimony of a specialist in criminal proceedings // Journal of Russian Law. – 2015. – No. 12. – pp. 119-125.
13. Semenov E. A., Vasjukov V. F., Volevodz A. G. The legal status and legal regulation of specialist participation in criminal proceedings: theoretical, procedural and organizational aspects. – Moscow: MGIOM University, 2020. 227 p.
14. Burkov I. V. Conclusion and testimony of an expert in criminal proceedings: monograph. – M.: Yurilitinform, 2010. 144 p.
15. Lukichev B. A., Alekseev S. G. The production of forensic expertise and the procedural status of knowledgeable persons in criminal proceedings in Russia and Latvia // Siberian Legal Review. - 2022. – Volume 19. – No. 1. – pp. 68-90.
16. Criminal cases No. 12301220001000427, initiated on 09/29/2023 under Part 3 of Article 30, Part 4 of Article 159 of the Criminal Code; 12201220072001396, initiated on 09/21/2022 under Part 2 of Article 159 of the Criminal Code; 12201220071001847, initiated on 08/04/2022 under Part 2 of Article 159 of the Criminal Code; 12301220036000888, initiated on 07/04/2023 under Part 4 of Article 159 of the Criminal Code; 12201220072000550, initiated on 04/19/2022 under Part 3 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation; 1210122089000354, initiated on 06/01/2021 under Part 3 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation; 12201220007000462, initiated on 09/13/2022 under Part 5 of Article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.
17. On approval of the Instructions on the procedure for submitting the results of operational investigative activities to the body of inquiry, investigator or court: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the FSB of Russia, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Customs Service, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, Of the Investigative Committee of the Russian Federation dated September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // SPS Consultant Plus (date of application: 05/31/2024).
18. Criminal cases No. 12201220001000135, initiated on 04/15/2022 under Part 2 of Article 207 of the Criminal Code; 12201220001000390, initiated on 07/20/2022 under Part 3 of Article 207 of the Criminal Code; 12201220001000551, initiated on 09/27/2022 under Part 3 of Article 207 of the Criminal Code; 12301220001000143, initiated on 05/25/2023 under Part 2 of Article 207 of the Criminal Code; 12301220001000267, excited on 07/18/2023 by the hour . 207 of the Criminal Code of the Russian Federation; 12301220001000285, initiated on 08/04/2023 under Part 3 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation; 12301220001000430, initiated on 10/10/2023 under Part 2 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation; 12301220001000497, initiated on 11/11/2023 under Part 2 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ
С ЛИЦАМИ, ПЕРЕВЕДЕННЫМИ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ДЛЯ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ИЛИ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ
ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES
WITH PERSONS TRANSFERRED FROM CORRECTIONAL INSTITUTIONS
TO PARTICIPATE IN INVESTIGATIVE ACTIONS OR COURT PROCEEDINGS**

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России.

Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

МОРОЗ Елизавета Николаевна,

курсант, Владимирский юридический институт ФСИН России.

Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

Gusev Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law

and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society,

Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

Moroz Elizaveta Nikolaevna,

full-time student of VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В рамках работы исследован вопрос организации воспитательной работы в следственных изоляторах как с осужденными, привлекаемыми к участию в следственных действиях так и подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении преступлений. Особое внимание уделяется приказу Министерства юстиции от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», регламентирующим проведение социальной и воспитательной работы в исправительных учреждениях и исправительных центрах.

Abstract: Within the framework of the work, the issue of organizing educational work in pre-trial detention centers with both convicts involved in investigative actions and suspects (accused) of committing crimes is investigated. Special attention is paid to the Order of the Ministry of Justice dated November 29, 2023 No. 350 "On the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons Subject to probation in accordance with Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation", regulating the conduct of social and educational work in correctional institutions and correctional centers.

Ключевые слова: воспитательная работа; следственный изолятор; осужденные; подозреваемые; обвиняемые.

Keywords: educational work; pre-trial detention center; convicts; suspects; accused.

Для цитирования: Гусев А.С., Мороз Е.Н. Организация воспитательной работы в следственных изоляторах с лицами, переведенными из исправительных учреждений для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 457-459. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_457.

For citation: Gusev A.S., Moroz E.N. Organization of educational work in pre-trial detention facilities with persons transferred from correctional institutions to participate in investigative actions or court proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 457-459. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_457.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В соответствии с действующей редакцией статьи 98 Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (далее: УПК РФ) предусмотрено 8 видов различных мер пресечения, каждая из которых может избираться подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления в зависимости от тяжести совершенного им деяния, а также его личности.

В настоящее время самой строгой мерой пресечения, исходя из наличия ограничений в правах и свободах, выступает – содержание под стражей, которая подразумевает содержание подозреваемого и обвиняемого в изоляции от общества на территории специализированных учреждений, перечень которых закреплен в положениях Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В соответствии с положениями статьи 109 УПК РФ предусмотрено, что подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений могут содержаться под стражей до 2 месяцев, при этом указанный срок может быть продлен судьей районного суда до 6 месяцев, а случае расследования тяжких и особо тяжких преступлений – на срок до 12 месяцев.

Стоит заметить, что столь длительное время пребывания на территории учреждений, исполняющих меру пресечения в виде содержания под стражей в ограниченном пространстве камерного помещения может негативно сказаться на подозреваемом и обвиняемом, особенно в части сохранения (поддержания) его интеллектуального уровня и трудовых навыков.

Обратим внимание, что действующая редакция и Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, и уголовно-процессуального законодательства в качестве целей содержания под стражей преследуют именно обеспечение участия подозреваемого и обвиняемого в следственных действиях, а также предупреждение совершения им действий препятствующих следствию или на предупреждение совершения новых преступлений.

Заметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, в части реализации меры пресечения содержание под стражей, не ориентировано на то, что бы обеспечить возможность подозреваемым (обвиняемым) поддерживать свой интеллектуальный или профессиональный уровень, что с нашей точки зрения представляется не совсем корректным, особенно в случаях, если подозреваемый (обвиняемый) после длительной изоляции от общества будет оправдан.

Сразу оговоримся и заметим, что в соответствии с положениями Приказа Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» предусмотрено, что в период содержания под стражей подозреваемые и обвиняемые имеют право пользоваться библиотекой, обучаться в дистанционной (заочном) формате, а также работать на объектах следственных изоляторов, если там организованы производственные участки.

Кроме того, подозреваемые и обвиняемые могут, за счет личных средств, выписывать журналы (книги) по тематике своей профессиональной деятельности, что с нашей точки зрения, отчасти может позволить им поддержать имеющуюся квалификацию и профессиональные навыки.

На основании изложенного можно заключить, что лица содержащиеся на территории СИЗО, при условии осознанного понимания ими вектора личностного развития, имеют возможность отчасти поддерживать уровень своего интеллектуального развития и профессиональных навыков.

Как предложение для внесения изменений в законодательство, с нашей точки зрения целесообразно было бы включить возможность подозреваемым и обвиняемым, которые занимаются саморазвитием, также как и в случае с обучающимся по образовательным программам, иметь возможность, под присмотром администрации СИЗО, выходить в сеть «Интернет» для поиска материала в сфере их профессиональной деятельности (к примеру интернет публикаций), его печати (за счет личных средств) для последующего изучения в камере.

Одновременно с этим, стоит указать, что на территории СИЗО могут содержаться подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, которые своим противоправным поведением, а также отношению к установленному порядку содержания в СИЗО нуждаются в корректировке убеждений в сторону законопослушания и дисциплины – в данном ключе актуальным встает вопрос проведения с указанными лицами воспитательной работы, которая была бы направлена на исправления указанных лиц.

Также, здесь же стоит обратить внимание на осужденных, которые, в соответствии со статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) переведены в СИЗО для участия в следственных действиях. Говоря о данной категории, в соответствии с положениями статей 9 и 109 УИК РФ, проведение воспитательной работы с ними обязательно.

Анализ ведомственных нормативных актов ФСИН России, а также положений УИК РФ показал, что в настоящее время законодательно не закреплен ни порядок, ни тематика, ни обязанность администрации СИЗО проводить воспитательную работу с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными переведенными в СИЗО для участия в следственных действиях, что с нашей точки зрения достаточно серьезное упущение.

Так, актуальным нормативно-правовым актом, регламентирующим порядок организации и осуществления воспитательной работы с осужденными к лишению свободы является приказ Министерства юстиции от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», урегулировано, в полном объеме сроки, порядок, содержание, материально-техническое обеспечение и, что немало важно в данном исследовании, примерный тематический план проведения воспитательных занятий с осужденными.

Как нами было уже казано, а настоящее время законодательно не закреплены особенности и порядок проведения воспитательной работы с лицами содержащимися в СИЗО – приказ Министерства юстиции от 29 ноября 2023 года № 350 не является исключением, в вышеуказанном документе отсутствуют нормы, регламентирующие порядок организации и проведения воспитательной работы в следственных изоляторах, что, безусловно, негативно сказывается на дальнейшем поведении лица, .

Кроме того, при исследовании данной темы нами было выявлено, что следственные изоляторы не предусматривают мест для осуществления указанной деятельности (библиотек, комнат воспитательной работы и т.д.), что также усложняет реализацию направления в них. В связи с чем, на наш взгляд, необходимым выступает внесение изменений в приказ Министерства юстиции от 29 ноября 2023 года № 350 в части включения обязательного осуществления воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, привлеченными к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве, а также подозреваемыми и обвиняемыми к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Соответственно, еще одним из мероприятий-нововведений, которые нами предлагаются – это внедрение порядка проведения лекций воспитательного характера с использованием громкоговорящей связи – репродуктора.

С нашей точки зрения, воспитательная работа на территории СИЗО, со всеми подозреваемыми и обвиняемыми должна осуществ-

ляться посредством установленного в каждой камере репродуктора, где воспроизводились бы записи в соответствии с утвержденным тематическим планом.

В ходе исследования, на основе приложения № 6 приказа Министерства юстиции от 29 ноября 2023 года № 350, был разработан перечень лекций, который с нашей точки зрения целесообразно доводить до подозреваемых и обвиняемых через репродуктор, а именно:

- История следственного изолятора;
- Правовой статус подозреваемых и обвиняемых;
- Правила внутреннего распорядка следственного изолятора;
- Права и обязанности свидетеля и потерпевшего;
- Права и обязанности обвиняемого и подозреваемого;
- Соблюдение правил пожарной безопасности в следственном изоляторе. Правила пользования первичными средствами пожаротушения (огнетушителями);
- Соблюдение правил личной гигиены и требований санитарии;
- О вреде курения и употребления алкогольной и наркотической продукции;
- Информация о событиях в Российской Федерации и в мире;
- О пользе здорового питания и занятий физкультурой;
- О традициях и обычаях народов России;
- Автобиографии известных людей, которые внесли большой вклад в развитие российского общества;
- Информация о днях воинской славы России и о подвигах героев различных войн;
- Прочая информация.

В заключении данного исследования стоит подытожить и указать, что места изоляции от общества, будь это места лишения свободы или места содержания под стражей – это учреждения, в которых содержатся как лица, которые представляют реальную, так и потенциальную угрозу для общества, в следствии чего, со стороны администрации указанных учреждений должен постоянно реализовываться комплекс мероприятий направленный на предотвращение совершения указанными лицами противоправных деяний. Считаем, что сформулированные в работе предложения целесообразны как к внедрению в уголовно-исполнительное законодательство, так и в практическую деятельность учреждений и органов реализующих меру пресечения в виде содержания под стражей.

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.
2. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 1995 г., № 29, ст. 2759
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 6 июля 2022 г. N 0001202207060002
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198.
5. О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»: Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/>

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation : [feder. the law of 18 Dec. 2001 No. 174-FZ : adopted by the State Duma on November 22, 2001] // Assembly of the Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52, Part 1, Article 4921.
2. On the detention of suspects and accused of committing crimes : Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 // Assembly of the Legislation of the Russian Federation of July 17, 1995, No. 29, Article 2759
3. On approval of the Internal Regulations of Pre-trial detention facilities of the penal enforcement system, the Internal Regulations of Correctional institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the penal enforcement system: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 No. 110 // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru) July 6, 2022 N 0001202207060002
4. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation : [feder. Law No. 1-FZ of January 8, 1997 : adopted by the State Duma on Dec. 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1997. – No. 2, Article 198.
5. On the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons in respect of whom probation is applied in accordance with Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation": Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated November 29, 2023 No. 350 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/>

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_460

УДК 343.1

**ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**
**The problems arising in the investigation of criminal cases involving minors
in the commission of crimes and antisocial actions**

ЕРОФЕЕВА Виктория Александровна,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России.
Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: Yerofeevaeva@mail.ru;

EROFEEVA Victoria Alexandrovna,
Senior Researcher at the Scientific Research Center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoia and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125130, Russian Federation.
E-mail: Yerofeevaeva@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при расследовании уголовных дел, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение противоправных действий. Особое внимание уделено особенностям отношений между взрослыми участниками и несовершеннолетними, а также правовым и терминологическим аспектам статьи 150, 151 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализ правоприменительной практики показывает, что значительная часть преступлений совершается посредством обещаний, что требует детального рассмотрения и уточнения понятия "вовлечение". В статье рассматриваются трудности доказывания причастности взрослых к вовлечению несовершеннолетних и предлагаются возможные пути их преодоления.

Abstract. The article is devoted to the study of problems arising in the investigation of criminal cases related to the involvement of minors in unlawful actions. Special attention is paid to the features of relationships between adult participants and minors, as well as the legal and terminological aspects of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. Analysis of law enforcement practice shows that a significant portion of crimes are committed through promises, which requires a detailed examination and clarification of the concept of "involvement". The article discusses the difficulties in proving the involvement of adults in the involvement of minors and suggests possible ways to overcome them.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, правоприменительная практика, преступление, обещания, терминологические проблемы, доказывание, уголовное право, профилактика правонарушений.

Keywords: involvement of minors, law enforcement practice, crime, promises, terminological problems, evidence, criminal law, prevention of offenses.

Для цитирования: Ерофеева В.А. Проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 460-463. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_460.

For citation: Erofeeva V.A. The problems arising in the investigation of criminal cases involving minors in the commission of crimes and antisocial actions // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 460-463. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_460.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и преступлений остается одной из наиболее актуальных и сложных для правоохранительных органов. Несмотря на положительную динамику снижения количества уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, статистические данные свидетельствуют о том, что данная проблема все еще требует пристального внимания и эффективных мер противодействия.

В январе-марте 2024 года количество случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий сократилось на 33,0% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (183 случая против 286). В 2023 году также наблюдалось снижение на 17,3% (1021 случай против 1118 в 2022 году). Эти положительные тенденции во многом являются результатом активной профилактической работы, проводимой сотрудниками полиции [8].

Однако, несмотря на достигнутые успехи, мы как исследователи не можем не отметить, что при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, возникает множество трудностей. Причины сложившейся ситуации кроются в особенностях психологии и поведения несовершеннолетних, специфике их взаимоотношений с окружающими, а также в недостаточной эффективности существующих методов и подходов к расследованию данной категории дел.

В связи с этим исследование проблем, возникающих при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, представляется крайне актуальным и имеющим важное теоретическое и практическое значение.

В соответствии с частью 1 статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3], преступлением считается вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправного деяния с использованием обещаний, обмана, угроз или других методов со стороны лица, достигшего 18-летнего возраста. Анализ правоприменительной практики за 2023 год показывает, что 40 процентов преступлений, предусмотренных статьей 150 УК РФ, были совершены посредством обещаний [8].

Наряду с обещаниями, значительную долю случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность занимает обман. Наибольшее количество таких преступлений совершается родителями, обманывающими своих несовершеннолетних детей. Редким явлением в судебной практике за 2023 год являются преступления, инициированные самими несовершеннолетними.

Привлечение несовершеннолетних к участию в преступных действиях, осуществленных группой лиц на основе предварительной договоренности или структурированной преступной группой, а также использование несовершеннолетних, которые из-за своего возраста освобождены от уголовной ответственности, представляет собой вопрос высокой практической значимости.

Тем не менее, некоторые действия, оговоренные в статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, не классифицируются как преступления из-за неопределенности термина "вовлечение". Статья 150 УК РФ уточняет механизмы вовлечения, что ведёт к разнообразию в толковании этого понятия на практике. Вопрос о том, в какой момент следует считать преступление завершенным в случае, когда его результатом является совершение преступления несовершеннолетним, не несущим за это ответственности из-за своего возраста, продолжает быть предметом споров.

Также важно подчеркнуть, что при анализе дел, связанных со статьей 150 УК РФ, судебным органам необходимо углубиться в особенности отношений между участниками, так как именно эти отношения могут иметь ключевое значение в определении степени ответственности взрослых участников. В.С. Бирюкова и И.И. Карташов правомерно указывает на то, что взрослые, которые втягивают несовершеннолетних в преступления, зачастую избегают наказания, поскольку доказать их причастность бывает сложно, ведь доказательства редко бывают очевидными и их часто трудно получить [4].

Для борьбы с преступлениями среди несовершеннолетних еще в 1999 году был разработан и внедрен Федеральный закон № 120, который заложил основы системы для предотвращения беспризорности и правонарушений среди молодежи [1]. Данный закон предусматривает создание системы учреждений, осуществляющих профилактику беспризорности и предупреждения преступлений среди несовершеннолетних, но при этом, для эффективности борьбы с такими преступлениями, необходимо постоянно осуществлять взаимодействие данных учреждений и правоохранительных органов. Кроме этого, необходимо повышать уровень профессиональной подготовки сотрудников, которые занимаются данной деятельностью.

Анализируя развитие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), можно выделить значимые модификации в рамках процедур, касающихся несовершеннолетних. Основные изменения затрагивают методы проведения предварительного расследования, усовершенствование процессуальных ограничений для подозреваемых или обвиняемых несовершеннолетних, а также условия для прекращения уголовного преследования этой категории лиц. Закон также уделяет внимание тщательному анализу личности несовершеннолетнего правонарушителя. Несмотря на прогрессивность ряда изменений, существуют специфические аспекты, потенциально ограничивающие эффективность исполнения норм в процессе расследования дел несовершеннолетних, требующие детального рассмотрения.

В рамках предварительного расследования уголовных дел, касающихся несовершеннолетних, установлен специфический предмет доказывания, расширяющий стандартный перечень обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. Это обусловлено необходимостью учета особых условий жизни и психологического развития несовершеннолетних, что, в свою очередь, влияет на принятие решений о привлечении к уголовной ответственности, выборе меры пресечения и применении специфических правовых мер. Статья 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнительно акцентирует внимание на таких факторах, как возраст подозреваемого, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и влияние старших лиц, учитывая, что психика несовершеннолетних находится в процессе активного формирования и подвержена значительному влиянию социализирующих агентов [2].

В контексте уголовного процесса в отношении несовершеннолетних, законодательство предусматривает усиленные процедурные гарантии для защиты их прав и интересов. Следственные органы обязаны оценивать, способен ли несовершеннолетний осознавать характер и общественную опасность своих действий или бездействий, и управлять ими, особенно если имеются сведения о психическом недоразвитии, не достигающем уровня расстройства. В случаях, когда расследуется уголовное дело о преступлениях средней тяжести или тяжком преступлении, совершенном несовершеннолетним, за исключением некоторых особых случаев, следователь также должен проверить наличие у подозреваемого заболеваний, мешающих его обучению или содержанию в специализированных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа. Это исследование направлено на то, чтобы суд мог рассмотреть возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания с направлением его на исправление в специальное учебное заведение на срок до трех лет, где обеспечиваются специальные условия для педагогического воздействия и обучения.

В рамках уголовного процесса по делам с вовлечением несовершеннолетних, необходимость сбора дополнительной информации требует проведения усиленных следственных мероприятий, таких как допросы, запросы документов и назначение экспертиз. Это может затягивать процесс расследования, что потенциально нарушает права несовершеннолетних и их психофизическое состояние. Некоторые процессуалисты предлагают закрепить в УПК РФ нормы, позволяющие сокращать сроки расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних, учитывая международные стандарты.

Также обращает внимание неоднозначность в вопросе о выделении в отдельное производство дел с участием несовершеннолетних. Действующее законодательство предоставляет следователям и дознавателям право, но не обязанность, выделять такие дела в отдельное производство. В научной среде преобладает мнение, что обязательство по выделению не должно возникать исключительно на основании участия несовершеннолетнего в преступлении. Кроме того, отсутствие процессуальных документов, фиксирующих решения о невозможности выделения,

подчеркивает необходимость дальнейшего развития процессуальных норм в этой области.

При исследовании уголовных дел, в которых фигурируют несовершеннолетние, мы сталкиваемся с рядом специфических проблем, обусловленных возрастными особенностями подозреваемых. В этих условиях несовершеннолетние часто выступают не только как обвиняемые, но и как потерпевшие, что осложняет их взаимодействие со следствием и может снижать их мотивацию к сотрудничеству. На законодательном уровне предлагается закрепить обязательные критерии для выделения уголовных дел с участием несовершеннолетних в отдельные процедуры. К таким критериям следует отнести случаи, когда несовершеннолетний подозреваемый подвергается влиянию взрослого соучастника, что может продолжаться на стадии предварительного расследования; когда несовершеннолетний является пособником в преступлении; а также когда несовершеннолетний отстает в психическом развитии от сверстников. Учет этих факторов необходим для адаптации процессуальных норм к особенностям уголовных дел с участием несовершеннолетних и для обеспечения их прав и законных интересов в процессе уголовного преследования.

Одной из ключевых проблем при проведении следственных действий, особенно допросов в рамках дел, касающихся подростков, является формирование психологической связи между следователем и несовершеннолетним. Эффективность допроса значительно возрастает, когда удается установить такой контакт, который влияет на ход и качество получаемой информации.

В научных работах по психологии и юриспруденции существуют разнообразные определения термина "психологический контакт". Например, Г. А. Вартанян описывает его как "отношения, основанные на доверии между индивидами, которые отличаются симпатией и отсутствием конфликтов" [5].

Полагаем, что приведенное определение психологического контакта не охватывает всю его глубину и кажется несколько ограниченным для контекста допроса. Несомненно, наличие доверия между сторонами способствует получению достоверной информации, и следователь должен стремиться создать такую атмосферу. Тем не менее, в реальных условиях полностью избежать конфликтов зачастую не удается. Противостояние и конфликтные моменты являются частью многих допросов, и даже в условиях открытой враждебности обмен информацией все еще возможен, хотя и может отличаться по своей эмоциональной насыщенности и точности.

Как указывают С.А. Тишков и Д.С. Тишков, психологический контакт в контексте допроса можно определить как формирующиеся в процессе взаимодействия особые отношения между следователем и допрашиваемым, которые выражаются в готовности последнего взаимодействовать на тех условиях, которые ему предлагаются, а также в его готовности соблюдать законные указания следователя [7].

Обобщая позиции исследователей относительно проблематики установления психологического контакта, возможно определить его как взаимоотношения, основанные на готовности и стремлении допрашиваемого к общению, при котором важна не столько конечность результатов, сколько сам процесс взаимодействия. Это особенно актуально при взаимодействии с подростками в контексте допросов, где уникальные психологические особенности несовершеннолетних, такие как ограниченные знания и жизненный опыт, недостаточная способность к концентрации, высокая внушаемость, слаборазвитые аналитические навыки, склонность к смешению реального и воображаемого, а также эмоциональность восприятия и оценок, заслуживают особого внимания при установлении эффективного психологического контакта.

В исследовании С.В. Корнаковой и О.С. Сергеевой [6] подчеркивается, что эффективность допроса подростков сильно зависит от установления психологического контакта, который оказывается более сложным по сравнению с взрослыми. Особенно значимыми факторами в этом процессе являются не только вербальные и невербальные аспекты коммуникации со стороны следователя, но и его внешний вид. Неподходящее поведение следователя, такое как небрежность или пренебрежительный тон, может восприниматься подростком как неуважение, что снижает эффективность допроса. В то же время, внимательное и уважительное отношение к показаниям несовершеннолетних не только повышает их ощущение значимости своих показаний в контексте судопроизводства, но и способствует развитию их правового и нравственного сознания.

В процессе предварительного расследования в отношении несовершеннолетних возникает задача выбора меры пресечения, особенно когда речь идет о содержании под стражей. Согласно статье 97 УПК РФ, основания для применения мер пресечения являются одинаковыми для всех категорий лиц, включая несовершеннолетних. Тем не менее, к несовершеннолетним такие меры применяются только под строгими условиями: при совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а также в редких случаях при совершении преступлений средней тяжести. Уголовно-процессуальное законодательство не содержит четкого списка таких исключений, что оставляет широкий простор для субъективной оценки следователя при принятии решений о необходимости заключения под стражу. При этом следует особо учитывать некоторые критические ситуации, которые на наш взгляд, должны автоматически рассматриваться как исключительные. К таким ситуациям относятся отсутствие у несовершеннолетнего фиксированного места жительства, совершение нового преступления во время расследования, несоблюдение ранее наложенных ограничений, попытки уклонения от следствия, а также участие в двух и более преступлениях.

Таким образом, анализ вопросов, связанных с применением статей 150 и 151 УК РФ, выявляет множество сложностей и неоднозначностей. Особое внимание следует уделить детальному изучению особенностей взаимоотношений между взрослыми и несовершеннолетними участниками преступлений, что может существенно влиять на определение степени ответственности. Необходимость точного толкования термина "вовлечение" и определения момента завершения преступления также остается актуальной задачей для правоприменительной практики. Наконец, вопрос о выделении дел с участием несовершеннолетних в отдельное производство требует дальнейшего законодательного и процессуального совершенствования. В целом, для эффективного противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность необходимо комплексное развитие правовых норм и подходов, учитывающих все аспекты и особенности данных преступлений.

Библиография:

1. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 14.05.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 14.05.2024).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 14.05.2024).
4. Бирюкова, В.С. Особенности объективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / В.С. Бирюкова, И.И. Карташов // Кронос. – 2020. – №5 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obektivnyh-priznakov-vovlecheniya-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya> (дата обращения: 14.05.2024).
5. Вартанян, Г.А. Психологический контакт: терминологические проблемы использования феномена в научном обиходе и практической деятельности следователя / Г.А. Вартанян // ОмГУ. – 2020. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-kontakt-terminologicheskie-problemy-ispolzovaniya-fenomena-v-nauchnom-obihode-i-prakticheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 14.05.2024).
6. Корнакова С.В., Сергеева О.С. Психологические и тактические особенности первого допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Пролог: журнал о праве. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-takticheskie-osobennosti-pervogo-doprosa-nesovershennoletnego-podozrevaемого> (дата обращения: 14.05.2024).
7. Тишков, С.А. Установление психологического контакта или вовлечение в беседу. Проблема терминологии или различные подходы к тактике допроса / С.А. Тишков, Д.С. Тишков // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-psihologicheskogo-kontakta-ili-vovlechenie-v-besedu-problema-terminologii-ili-razlichnye-podhody-k-taktike-doprosa> (дата обращения: 14.05.2024).
8. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Доступ: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (дата обращения: 14.05.2024).

References:

1. Federal Law No. 120-FZ dated 06/24/1999 (as amended on 11/21/2022) "On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency" [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of application: 05/14/2024).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 04/22/2024) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of application: 05/14/2024).
3. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 04/06/2024) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of application: 05/14/2024).
4. Biryukova, V.S. Features of objective signs of involvement of a minor in the commission of a crime / V.S. Biryukova, I.I. Kartashov // Kronos. – 2020. – №5 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obektivnyh-priznakov-vovlecheniya-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya> (date of application: 05/14/2024).
5. Vartanyan, G.A. Psychological contact: terminological problems of using the phenomenon in scientific usage and practical activity of the investigator / G.A. Vartanyan // OmSU. – 2020. – No.2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-kontakt-terminologicheskie-problemy-ispolzovaniya-fenomena-v-nauchnom-obihode-i-prakticheskoy-deyatelnosti> (date of address: 05/14/2024).
6. Kornakova S.V., Sergeeva O.S. Psychological and tactical features of the first interrogation of a minor suspect // Prologue: Journal of Law. 2017. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-i-takticheskie-osobennosti-pervogo-doprosa-nesovershennoletnego-podozrevaемого> (date of application: 05/14/2024).
7. Tishkov, S.A. Establishing psychological contact or engaging in conversation. The problem of terminology or different approaches to interrogation tactics / S.A. Tishkov, D.S. Tishkov // Actual problems of Russian law. – 2014. – No.9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-psihologicheskogo-kontakta-ili-vovlechenie-v-besedu-problema-terminologii-ili-razlichnye-podhody-k-taktike-doprosa> (date of reference: 05/14/2024).
8. The state of crime [Electronic resource] // Access: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (date of access: 05/14/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_464

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИСПРАВЛЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE CORRECTION OF CONVICTS

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, 1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье затрагиваются основные направления деятельности общественных организаций в целях успешной интеграции осужденных в гражданское общество. Также рассматривается деятельность общественных организаций с точки зрения обеспечения более качественного отбытия наказания не связанного с лишением свободы. Также рассматриваются основные функции общественных организаций, призванных предпринять комплекс мер для успешного предотвращения рецидивного поведения осужденных.

Abstract: This article touches upon the main areas of activity of public organizations for the purpose of successful integration of convicts into civil society. It also examines the activities of public organizations from the point of view of ensuring better quality serving of sentences not related to imprisonment. It also examines the main functions of public organizations called upon to undertake a set of measures for the successful prevention of recidivism of convicts.

Ключевые слова: Общественные организации, рецидивное поведение, уголовное правосудие, реабилитация, уголовно-исполнительная инспекция, уголовно-исполнительная система, федеральная служба исполнения наказаний, осужденные, учреждения и органы исполняющие наказания, уголовно-исполнительное законодательство.

Keywords: Public organizations, recidivism, criminal justice, rehabilitation, criminal-executive inspection, criminal-executive system, federal penitentiary service, convicts, institutions and bodies executing punishments, penitentiary legislation.

Для цитирования: Ивлиев П.В. Роль общественных организаций в исправлении осужденных // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 464-466. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_464.

For citation: Ivliev P.V. The role of public organizations in the correction of convicts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 464-466. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_464.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. Система уголовного правосудия часто фокусируется на наказании, но истинное правосудие требует больше, чем просто тюремное заключение. Реабилитация играет решающую роль в нарушении цикла преступности и создании более безопасного общества. Общественные организации являются жизненно важными игроками в этом процессе, предлагая поддержку и ресурсы, чтобы помочь осуществить реинтеграцию в общество и стать продуктивными его членами. Необходимо отметить, что общественные организации могут оказывать сильное содействие в работе учреждений, исполняющих наказания, а также принимают участие в исправлении осужденных в формах и в порядке, которые установлены действующим законодательством России. Современным уголовно-исполнительным законодательством общественное участие в процессе исправлении осужденных относится к основным средствам их исправления. И по этой причине тема настоящего исследования приобретает особую актуальность.

Цель исследования. На основе анализа практики работы с лицами отбывшими наказание, а также отбывающих наказание не связанное с лишением свободы выявить основные направления деятельности общественных организаций, связанных с качественной реинтеграцией осужденных в гражданское общество и успешной борьбы с рецидивами

Методы исследования. В данном исследовании применялся описательный и методы систематизации. Посредством описательного метода исследуется направления деятельности общественных организаций в целях успешной реинтеграции осужденных в гражданское общество, а также эффективной борьбы с рецидивами. А посредством метода систематизации анализируется роль общественных организаций для успешной реализации вышеназванных целей.

На сегодняшний день в нашем государстве сформировались объективные предпосылки создания такой системы обеспечения взаимодействия общества и государства, которая должна соответствовать реалиям современной действительности. Основами данной реалии выступают предпосылки в различных сферах общественной жизни, в том числе в экономике и самое главное в социальной политике. Вопросы эффективной защиты прав человека на сегодняшний день стоят очень остро. И именно по этим причинам взаимодействие органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с общественными организациями являются более чем актуальными. Именно такой плодотворное сотрудничество и взаимодействия обеспечит наиболее полную защиту прав и свобод граждан отбывающих наказание и создаст дополнительные возможности связанные с реализацией целей уголовного наказания, а также эффективной борьбы с рецидивной преступностью и успешной реинтеграции лиц отбывших наказания в виде лишения свободы и лиц отбывающих наказания не связанных с изоляцией от общества.

Как известно после отбытия наказания, осужденные не редко сталкиваются с серьезными проблемами, которые касаются успешной интеграции в гражданское общество. И именно общественные организации могут сыграть существенную роль в решении текущих проблем лиц только что освобожденных из мест не столь отдаленных.

Решающая роль общественных организаций может находить свое выражение в следующих аспектах.

Во-первых, это предоставление различных услуг. Так общественные организации предлагают помощь, а также борются с различными проблемами осужденных после их освобождения. Эти организации предоставляют разнообразные инструменты, такие как программы обучения в области трудоустройства до поддержки психического здоровья и лечения злоупотребления психоактивными веществами, предоставляют всевозможные механизмы, необходимые для восстановления для улучшения качества своей жизни. Эти услуги часто имеют решающее значение для людей, которые пережили серьезные психические травмы и не имеют ресурсов для решения своих проблем.

Во-вторых, общественные организации могут оказывать серьезное содействие осужденным в трудоустройстве. Необходимо отметить, что общественные организации понимают стигму, связанную с судимостью и трудностями, с которыми сталкиваются осужденные при поиске работы. Они обеспечивают обучение для успешного трудоустройства, развитие навыков, также обеспечивают формирование новых профессиональных компетенций и мастерства и осуществляют консультирование, которые позволяют им приобрести ценные знания и получить возможности для трудоустройства. Это не только улучшает их экономические перспективы, но и способствует росту самооценки и успешной интеграции в гражданское общество.

В-третьих, деятельность общественных организаций, в том числе направлена на борьбу с рецидивизмом. И именно этот аспект является крайне важным для безопасного функционирования социума. Общественные организации часто работают с осужденными, чтобы решить основные вопросы, способствующие препятствованию их преступному поведению. Это касается профессиональной переподготовки, психологической помощи, консультирования, предоставление помощи в целях борьбы с зависимостями и травмами. Управляя этими основными причинами, организации стремятся предотвратить рецидивизм и способствовать долгосрочным позитивным изменениям.

В-четвертых, необходимо отметить, создание специальных институтов поддержки для осужденных. Именно это направление является очень актуальным на сегодняшний день и призвано радикально облегчить вливание осужденных в здоровое гражданское общество. Речь идет о наставниках, а также иных специалистов, которые могут предложить непосредственную помощь и иное взаимодействие в отношении осужденных. Данные структуры обеспечивают чувство принадлежности, уменьшают чувство изоляции и увеличивают вероятность успешной реинтеграции.

В-пятых, общественные организации играют решающую роль в пропаганде изменений в политике, которые способствуют реабилитации и снижению рецидивизма. Они работают с политиками и законодателями, в целях обеспечения принятия эффективного и своевременного законодательства и практики посредством которых можно поддерживать реинтеграцию осужденных и способствовать более справедливой и более эффективной системе уголовного правосудия.

В случае активного развития и качественного применения всего инструментария общественных организаций в рамках реинтеграции осужденных в гражданское общество можно качественно улучшить психологический климат в обществе, увеличить безопасность социума, а также качественно поднять экономические показатели в государстве.

Более того необходимо отметить, что общественные организации, обладают ресурсами и опытом для реализации комплексных программ, которые касаются коренных причин рецидивизма. Они могут использовать возможности и знания социальных работников, психологов и специалистов по уголовному правосудию для разработки и реализации эффективных программ, направленных на реабилитацию и реинтеграцию. Также необходимо отметить, что тесное сотрудничество общественных организация учреждениями уголовно исполнительной системы позволят в сжатые сроки формировать эффективные стратегии, обеспечивающие более качественный подход к реинтеграции осужденных в российское гражданское общество. Так, например эффективная деятельность комиссий по делам несовершеннолетних преступников может облегчить и без того очень сложную работу уголовно исполнительных инспекций. Более того необходимо отметить, что необходимость качественного и всестороннего повышения взаимодействия общественных организаций с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы закреплена в концепции развития УИС до 2030 г. Таким образом законодатель предоставляет плодородную почву для более скрупулезного взаимодействия между вышеназванными структурами и постулируя объективную необходимость данного взаимодействия. Необходимо отметить, что механизмы эффективного воздействия на осужденных, которые отбыли лишение свободы либо приговорены к наказаниям не связанным с изоляцией от общества сильно ограничены по сравнению с воздействием на лиц отбывающих наказания в местах не столь отдаленных. И по этой причине формируется дополнительная объективная зависимость во взаимодействии органов и учреждений федеральной службы исполнения наказаний с общественными организациями. А если учесть, что в последнее время наметилась острая тенденция увеличения назначения уголовных наказаний не связанных с лишением свободы, то необходимость взаимодействия общественных организаций и органов и учреждений уголовно-исполнительной системы будет только возрастать. Тенденция увеличения количество наказаний не связанных с лишением свободы является крайне востребованной и перспективной на сегодняшний день. Это может помочь уменьшить стигму, связанную с преступностью, и способствовать более справедливой и сострадательной системе уголовного правосудия[1]. К лицам, совершившим преступления, которым определены наказания без изоляции от общества, могут также применяться и меры уголовно-правового характера[2].

Также надо сказать, что общественные организации призванные обеспечить качественную интеграцию осужденных взаимодействуя с религиозными группами, диаспорами, общинами и иными структурами, а также устанавливая с ними партнерские отношения тем самым создают возможности для наставничества для людей возвращающихся обратно в общество. Общественные организации могут собирать и анализировать данные о показателях рецидивизма, позволяя тем самым выявлять тенденции и актуализировать программы для максимальной их эффективности. Этот основанный на фактических данных подход гарантирует, что ресурсы распределяются с качественно и постоянно развиваются про-

граммы для удовлетворения конкретных потребностей населения. Все это способствует прозрачной подотчетности, что формирует атмосферу доверия к таким организациям и увеличивает вероятность качественной реабилитации осужденных после отбытия наказания.

Важной функцией, которую могут выполнять общественные организации в целях обеспечения более успешной реинтеграции осужденных в гражданское общество, а также борьбы с рецидивными проявлениями является сбор статистических данных. Общественные организации могут собирать и анализировать данные о показателях рецидивизма, позволяя им выявлять тенденции и уточнить свои программы для достижения максимальной эффективности своих целей. Этот основанный на фактических данных подход гарантирует, что ресурсы распределяются качественно и удовлетворяются потребности всех участников процесса.

Инвестирование в программы реабилитации является гораздо более эффективным подходом к общественной безопасности, чем просто сосредоточиться на наказании. Разрушив цикл преступности, общественные организации вносят вклад в развитие общества и увеличение его безопасности. Необходимость сотрудничества с общественными организациями предусматривается по вопросам оказания адресной социальной помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы[3].

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному можно с уверенностью утверждать, что общественные организации играют жизненно важную роль в реабилитации осужденных, способствуя позитивным изменениям и строительству более сильного общества. Рецидивизм, как акт повторного преступления после освобождения из мест лишения свободы, является сложной социальной проблемой с разрушительными последствиями. В то время как индивидуальная ответственность играет роль, решение этой проблемы требует многогранного подхода, а общественные организации стоят как важные колонны в этой борьбе. И именно по этой причине общественные организации важны для борьбы с рецидивизмом. Предоставляя основные услуги, устраняя коренные причины и выступая за изменение политики, эти организации дают людям возможность освободиться от цикла преступности и стать продуктивными членами общества. Их усилия имеют решающее значение для обеспечения более справедливой и более эффективной системы уголовного правосудия, которая отдает приоритет, как справедливости, так и искупления своей вины перед обществом и государством.

Библиография:

1. Ивлиев П.В., Никитина О.А. «Перспективы развития и применения наказаний, не связанных с лишением свободы в современной России // «Аграрное и земельное право», № 5 (233), 2024 г. С: 335-337.
2. Самойлова А.А., Ивлиев П.В. «К вопросу о воспитательной работе с осужденными в учреждениях УИС» // Право и государство: теория и практика, № 8 (224), 2023 г., С: 352-354.
3. Ольховик Н.В. «Правовые основы участия институтов гражданского общества в исправлении осужденных без изоляции от общества» // Вестник Кузбасского института, № 4 (57), 2023 г., С: 65-72.

References:

1. Ivliev P.V., Nikitina O.A. "Prospects for the Development and Application of Punishments Not Involving Deprivation of Liberty in Modern Russia // "Agrarian and Land Law", No. 5 (233), 2024. Pp.: 335-337.
2. Samoilova A.A., Ivliev P.V. "On the Issue of Educational Work with Convicts in Penal Correction Institutions" // Law and State: Theory and Practice, No. 8 (224), 2023, Pp.: 352-354.
3. Olkhovik N.V. "Legal Foundations for the Participation of Civil Society Institutions in the Correction of Convicts Without Isolation from Society" // Bulletin of the Kuzbass Institute, No. 4 (57), 2023, Pp.: 65-72.

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ, НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАР-
СТВЕННЫХ СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК (СТ. СТ. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ)
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL CIRCU-
LATION OF SUBSTANDARD, UNREGISTERED MEDICINES, MEDICAL DEVICES
AND FALSIFIED BIOLOGICALLY ACTIVE SUPPLEMENTS (ARTICLES 235.1,
238.1, 327.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

ДЗЬОНИК Елена Витальевна,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилытова, д. 1.
E-mail: elleno4ka@mail.ru;

DZONIK Elena Vitalievna,
Adjunct of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, St. Petersburg, Pilyutova str., 1.
E-mail: elleno4ka@mail.ru

Краткая аннотация. Объектом исследования в данной научной статье являются составы преступления в сфере незаконного оборота недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок. Посредством анализа материалов правоприменительной практики, а также различных научных точек зрения автором исследуются наиболее спорные вопросы квалификации при соотношении таких деяний друг с другом. В конечном итоге, автор приходит к выводу о необходимости унификации уголовной ответственности посредством декриминализации ст. ст. 235.1 и 327.2 УК РФ.

Abstract. The object of research in this scientific article are the corpus delicti in the sphere of illegal circulation of substandard, unregistered medicines, medical devices and falsified biologically active supplements. By analyzing the materials of law enforcement practice, as well as various scientific points of view, the author investigates the most controversial issues of qualification in the correlation of such acts with each other. In the end, the author comes to the conclusion that it is necessary to unify criminal liability through decriminalization of Articles 235.1 and 327.2. 235.1 and 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, проблемы квалификации, унификация уголовной ответственности.

Keywords: medicines, medical devices, biologically active supplements, problems of qualification, unification of criminal liability.

Для цитирования: Дзьоник Е.В. Проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок (ст. ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 467-470. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_467.

For citation: Dzonik E. V. Problems of qualification of crimes in the sphere of illegal circulation of substandard, unregistered medicines, medical devices and falsified biologically active supplements (Articles 235.1, 238.1, 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 467-470. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_467.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Особенностью составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ является их бланкетный характер, взаимосвязь с законодательством в сфере медицинской и фармацевтической деятельности, сложная специальная терминология, что непосредственным образом влияет на квалификацию данных преступных посягательств, существенно осложняя ее. Как показал анализ материалов судебной практики в совокупности с изучением юридической литературы, основная доля проблем в области квалификации данных преступлений, связана с их отграничением друг от друга.

В основу разграничения анализируемых смежных составов преступлений положен предмет преступления. Так, предметом преступления, предусмотренного ст. 235.1 УК РФ, выступают доброкачественные лекарственные средства и медицинские изделия. В то время как предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, образуют фальсифицированные, недоброкачественные, незарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия, а также фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции. Анализ ст. 327.2 УК РФ позволяет говорить о том, что предметом данного состава являются поддельные документы на лекарственные средства и медицинские изделия, а также поддельные первичная и (или) вторичная упаковка лекарственного препарата.

При этом, если рассматривать особенности объективной стороны преступления в совокупности с предметом, то можно отметить, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, включает более широкий круг преступных деяний, однако на практике нередко возникают ситуации, когда преступное поведение виновного одновременно подпадает под признаки ст. ст. 235.1 и 238.1 УК РФ, что обуславливает закономерные трудности при квалификации указанных преступных деяний.

Так, А.А. Бимбинов при исследовании отдельных элементов объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, отмечает, что сбыт незарегистрированной медицинской продукции подпадает под признаки данной статьи в том случае, когда он является неза-

конной гражданско-правовой сделкой, а сам факт реализации незарегистрированной продукции не может быть истолкован в качестве таковой сделки [1, с. 149]. Более того, соотношение сравниваемых составов усложняется тем, что Федеральным законом от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» предоставлена возможность отпуска незарегистрированных в Российской Федерации лекарственных препаратов, изготовленных лицами, у которых есть лицензия на фармацевтическую деятельность [2].

Другими исследователями высказываются иные позиции относительно разграничения сравниваемых составов. К примеру, В.Д. Ларичев полагает, что на практике возможны случаи квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 235.1 и 238.1 УК РФ, например, при производстве фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий при отсутствии лицензии [3, с. 9]. В.Д. Винокуров, напротив, считает, что совокупность в таком случае недопустима, так как лицензирование фальсифицированных лекарственных средств не осуществляется. Подводя итог своим размышлениям, автор предлагает ст. 238.1 УК РФ рассматривать в качестве специальной по отношению к ст. 235.1 УК РФ, и считает верным именно по ней осуществлять квалификацию содеянного в указанных случаях [4, с. 16].

Мы же полагаем необходимым проанализировать отдельные материалы правоприменительной практики, при этом сразу же хотелось бы отметить, что их изучение также не вносит ясности по этому вопросу. При исследовании судебных актов можно встретить как случаи привлечения к ответственности по совокупности составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 235.1 и ст. 238.1 УК РФ, так и варианты квалификации по одному из составов, когда деяния в обоих случаях совершаются аналогичным образом.

Так, приговором Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 февраля 2019 года по делу № 1-135/2018 к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 235.1, ч. 1 ст. 238.1 УК РФ, был привлечен генеральный директор ООО «НПЦ Северо-Западные Технологии-мед» - Вишталоук Д.С. Из материалов дела следует, что осужденный, будучи руководителем юридического лица, осуществлял от имени компании незаконное производство медицинских изделий (шкаф для хранения эндоскопов) при отсутствии соответствующего вида лицензии и регистрации, а также их последующий сбыт иным юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на общую сумму более двухсот пятидесяти тысяч рублей [5]. То есть в указанном случае содеянное в части осуществления незаконного производства медицинских изделий судом действительно квалифицировано по ст. 235.1 УК РФ, в части их сбыта – по ст. 238.1 УК РФ.

При этом, в других примерах из судебной практики можно встретить иную квалификацию. Так, в Альметьевский городской суд Республики Татарстан было направлено уголовное дело в отношении Караманова А.В. – генерального директора коммерческой организации. На стадии предварительного расследования его действия были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 235.1, ч. 1 ст. 238.1 УК РФ. При судебном рассмотрении дела было установлено, что юридическим лицом, руководителем которого был подсудимый, осуществлялось производство без лицензии и регистрации медицинского кислорода, при этом, при анализе материалов дела суд посчитал сделанную квалификацию неверной, указав, что обвинение по ч. 1 ст. 238.1 УК РФ предъявлено ошибочно, поскольку все незаконные действия подсудимого охватываются признаками состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 235.1 УК РФ [6]. Аналогичные квалификации содеянного по ст. 235.1 УК РФ (реализация произведенной продукции имеется в каждом из рассматриваемых случаев) при отсутствии совокупности со ст. 238.1 УК РФ встречаются при вынесении иных приговоров по уголовным делам [7, 8]¹. Также как сбыт медицинской продукции квалифицируются случаи ее реализации после приобретения различными способами у третьих лиц (довольно часто встречаются случаи реализации медицинской продукции, произведенной в Китайской Народной Республике [9,10]). Подобные результаты получены при проведении исследования другими учеными, в частности Н.Ю. Скрипченко [с. 96-101]².

Л.В. Готчина и С.С. Семенова на основе обобщения результатов анализа судебной практики применения ст. ст. 235.1 и 238.1 УК РФ предложили три основные модели квалификации незаконного производства лекарственных средств или медицинских изделий³. В соответствии с первой моделью, «применяется квалификация по совокупности преступлений, предусматривающих ответственность по ст. 235.1 УК РФ и ст. 238.1 УК РФ, где по первой статье вменяют ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий без лицензии (разрешения), а по второй – за незаконное производство и последующий незаконный сбыт, представляющий их реализацию». Соответствующий пример приведен в данной научной статье ранее [5]. Такая точка зрения разделяется отдельными исследователями, например, Д.М. Молчановым и А.С. Куликовым. В пример авторы приводят ситуацию, когда у предприятия истек срок лицензии либо она отозвана, но предприятие осуществило сбыт недоброкачественной продукции, совокупная стоимость которой превысила 100 000 рублей [11, с. 157].

Вторая модель квалификации, предложенная Л.В. Готчиной и С.С. Семеновой, заключается в привлечении к уголовной ответственности только за преступление, предусмотренное ст. 238.1 УК РФ, без предъявления обвинения по ст. 235.1 УК РФ [12, с. 158-159]. В качестве примера приводятся материалы следующего уголовного дела. Так, приговором Октябрьского районного суда г. Самары по п. «а» ч. 2 ст. 238.1 УК РФ (7 эпизодов преступлений) был осужден гражданин Ф. Являясь генеральным директором ООО «Промышленные газы», гражданин Ф., достоверно зная о том, что у его предприятия отсутствует регистрационное удостоверение и соответствующая лицензия на производство лекарственных средств, вступил в преступный сговор с иными лицами и осуществил незаконное производство и последующий сбыт кислорода жидкого (технического), не включенного в Государственный реестр лекарственных средств Российской Федерации и не являющегося лекарственным средством,

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 29.11.2018 по делу № 1-428/2018 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Саратова. URL: https://leninsky-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=doc&number=12546689&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 28.03.2024); Приговор Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 9 августа 2019 г. по делу № 1-494/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5nV8xG4rldLC/> (дата обращения: 28.03.2024).

² Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.02.2019 в отношении В. Уголовное дело № 1-6/19.

³ Готчина Л.В., Семенова В.В. Незаконное производство и обращение лекарственных средств и медицинских изделий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 155-166.

под видом лекарственного средства «кислород жидкий (медицинский)» с указанием недостоверных сведений об его производителе – ООО «Маг-ТехГаз, в крупном размере [13].

Наконец, третья модель квалификации, выведенная Л.В. Готчиной и С.С. Семеновой, напротив, состоит в привлечении к уголовной ответственности только по ст. 235.1 УК РФ, без предъявления обвинения по ст. 238.1 УК РФ. Такой пример из судебной практики также приводился нами ранее [6]. Именно данная модель является наиболее поддерживаемой в научном сообществе, о необходимости ее применения пишут такие авторы как А.И. Рагог [14, с. 850], Т.П. Деревянская, Е.С. Илимбаева [15, с. 119], А.А. Лихолетов [16, с. 30], а также вышеуказанные Л.В. Готчина и С.С. Семенова [13, с. 165]. В обоснование своей позиции сторонники обозначенного подхода указывают на разницу предметов сравниваемых преступлений.

Рассматривая проблему конкуренции уже трех сравниваемых составов (ст. ст. 235.1, 238.1 и 327.2 УК РФ), стоит уделить внимание и вопросу о возможности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 238.1 УК РФ и (или) ст. 235.1 УК РФ по совокупности со ст. 327.2 УК РФ, так как довольно часто незаконные производство и сбыт лекарственных средств сопровождаются изготовлением или использованием поддельной упаковки лекарственных средств или медицинских изделий.

В судебной практике можно встретить примеры, где судом усматривается совокупность указанных преступных деяний. В частности, Люберецким городским судом Московской области постановлением по делу № 1-31/2018 было прекращено производство по уголовному делу в связи с назначением гражданину Ж. судебного штрафа. Гражданину Ж. предъявлялось обвинение в совершении по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 238.1, ч. 2 ст. 327.2 УК РФ, суд несогласие с данной квалификацией не выразил [17]. В.Н. Воронин в своих научных исследованиях указывает на правильность осуществленной квалификации [18, с. 179], тогда как в научном сообществе большинство специалистов критически оценивают совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 235.1, 238.1 УК РФ со ст. 327.2 УК РФ. Так, И.В. Фирсов указывает на то, что такая совокупность возможна в случае, если виновный участвовал в изготовлении поддельных документов или упаковки. В иных случаях, по мнению исследователя, совокупность исключается [19, с. 165].

Во многом схожей позиции придерживается А.А. Бимбинов, который полагает, что говорить о возможности квалификации по совокупности можно лишь в исключительных случаях, когда для сбыта сфальсифицированных лекарственных средств использовалась оригинальная упаковка средства, которое ранее уже было в обороте [1, с. 151-152].

Б.Б. Сокальский, рассматривая соотношение деяний, закрепленных в ст. ст. 238.1 и 327.2 УК РФ, полагает, что само производство лекарственных средств уже предполагает их изготовление в упакованном виде, а их сбыт невозможен без регистрационного удостоверения [20, с. 82]. То есть по мнению автора, данные составы соотносятся как целое (ст. 238.1 УК РФ) и часть (ст. 327.2 УК РФ).

Обобщая вышеприведенные точки зрения, а также с учетом анализа материалов судебной практика, можем констатировать наличие ряда существенных недостатков в законодательной конструкции ст. ст. 235.1, 238.1 и 327.2 УК РФ, затрагивающих правовую регламентацию как объективных, так и субъективных признаков указанных составов преступных посягательств, что в том числе наглядно проявляется в отсутствии единства судебной практики. Представляется, что обнаруженные недостатки выступают одной из фундаментальных причин, обуславливающих наличие описанных выше проблем квалификации сравниваемых составов.

Со своей стороны, полагаем, что наиболее оптимальным шагом в сторону устранения квалификационных проблем преступлений, предусмотренных ст. ст. 235.1, 238.1 и 327.2 УК РФ является унификация уголовной ответственности в сфере незаконного оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок посредством декриминализации ст. 235.1 УК РФ и ст. 327.2 УК РФ, а также совершенствования действующей редакции ст. 238.1 УК РФ в целях придания ей статуса унифицированной уголовно-правовой нормы, объединяющей в себе основной потенциал мер уголовно-правового воздействия за преступные посягательства в сфере незаконного обращения медицинской продукции.

В качестве аргументации своей позиции можно обозначить следующие ключевые моменты.

1. Уголовно-правовая норма – ст. 238.1 УК РФ, по своим объективным признакам интегрирует себе положения декриминированных ст. ст. 235.1 и 327.2 УК РФ, что, в контексте идеи унификации уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, позволяет рассматривать ее в качестве основного уголовно-правового средства реагирования на совершение преступлений в указанной сфере жизнедеятельности.

2. Недостаточная востребованность правовой нормы, отраженной в ст. 327.2 УК РФ, по которой с момента введения в уголовный закон (с 2014 года), вынесено менее 20 обвинительных приговоров [21].

3. Унификация уголовной ответственности рассматриваемым образом позволит исключить случаи различной квалификации деяний, совершенных при аналогичных обстоятельствах, что, в свою очередь, позитивно повлияет на действие принципа законности и справедливость назначаемого наказания.

Библиография:

1. Бимбинов А.А. Преступный сбыт ненадлежащей медицинской продукции: понятие и проблемы квалификации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т.28. №4. С. 148-153.
2. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 30.01.2024) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. ст. 1815.
3. Ларичев В.Д. Объективная сторона незаконного обращения лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3 (41). С. 8-13.

4. Винокуров М.В. Актуальные проблемы определения объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ // *Baikal Research Journal*. 2020. Т.11. №4. С. 16-23.
5. Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 февраля 2019 года по делу № 1-135/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kc6HrqTidvR/?ysclid=ipgoc2colf497921287> (дата обращения: 02.07.2024).
6. Приговор Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 18 мая 2020 г. по делу № 1-18/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iGcrFOlhDsQm/?ysclid=ipgroy7bqo106828756> (дата обращения: 27.03.2024).
7. Приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 29.11.2018 по делу № 1-428/2018 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Саратова. URL: https://leninsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=12546689&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 28.03.2024).
8. Приговор Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 9 августа 2019 г. по делу № 1-494/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5nV8xG4rldLC/> (дата обращения: 28.03.2024).
9. Приговор Советского районного суда г. Иваново Ивановской области от 10 февраля 2020 г. по делу № 1-10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1bmmgDzbXkIO/> (дата обращения: 28.11.2023).
10. Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 21 ноября 2019 г. по делу № 1-594/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RoEW27JR9fb9/> (дата обращения: 28.11.2023).
11. Молчанов Д.М., Куликов А.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств (ст. 238.1 УК РФ): вопросы квалификации // *Закон*. 2022. № 8. С. 153-165.
12. Готчина Л.В., Семенова В.В. Незаконное производство и обращение лекарственных средств и медицинских изделий // *Вестник Российской правовой академии*. 2023. № 3. С. 155-166.
13. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары Самарской области № 1-414/2020 1-56/2021 от 13.07.2021 по делу № 1-414/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O15re6MITBr4/> (дата обращения: 12.05.2024).
14. Рарог А.И. Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (статья 235.1 УК РФ) // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 6. С. 845-855.
15. Деревянская Т.П., Иликбаева Е. С. Проблемы конкуренции норм, регулирующих ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 117-124.
16. Лихолетов А.А. Пути совершенствования уголовной ответственности за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий // *Российская юстиция*. 2017. № 3. С. 28-31.
17. Постановление Люберецкого городского суда Московской области от 11.01.2018 по делу № 1-31/2018 // Официальный сайт Люберецкого городского суда Московской области. URL: https://luberety--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=64720734&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.05.2024).
18. Фармацевтическое уголовное право России: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская и др.; отв. ред. А.И. Рарог. Москва: Проспект, 2019. – 214 с.
19. Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: уголовно-правовое исследование: Дисс. ... канд. юр. наук. Москва. 2016. – 208 с.
20. Сокальский Б.Б. Подлог документов в уголовном праве России и Германии: Сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2016. – 203 с.
21. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.05.2024).

References:

1. Bimbinov A.A. Criminal sale of improper medical products: concept and problems of qualification // *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2018. Т.28. №4. P. 148-153.
2. Federal Law of 12.04.2010 № 61-FZ (ed. from 30.01.2024) "On the circulation of medicines" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 16. art. 1815.
3. Larichev V.D. Objective side of the illegal circulation of medicines, medical devices and turnover of falsified biologically active additives // *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. № 3 (41). P. 8-13.
4. Vinokurov, M.V. Actual problems of determining the objective signs of the corpus delicti of the crime provided by Art. 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Baikal Research Journal*. 2020. Т.11. №4. P. 16-23.
5. Verdict of the Vasileostrovsky district court of St. Petersburg of February 14, 2019 in case No. 1-135/2018 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kc6HrqTidvR/?ysclid=ipgoc2colf497921287> (date of address: 02.07.2024).
6. Verdict of Almet'yevsk City Court of the Republic of Tatarstan of May 18, 2020 in case No. 1-18/2020 // *Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iGcrFOlhDsQm/?ysclid=ipgroy7bqo106828756> (date of address: 27.03.2024).
7. Verdict of the Leninsky District Court of Saratov dated 29.11.2018 in case No. 1-428/2018 // *Official website of the Leninsky District Court of Saratov*. URL: https://leninsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=12546689&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (date of address: 28.03.2024).
8. Verdict of the Sovetsky District Court of the city of Kazan of the Republic of Tatarstan of August 9, 2019 in case No. 1-494/2019 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5nV8xG4rldLC/> (accessed on 28.03.2024).
9. Verdict of the Sovetsky District Court of Ivanovo, Ivanovo region, dated February 10, 2020 in case No. 1-10/2020 // *Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1bmmgDzbXkIO/> (date of address: 28.11.2023).
10. Verdict of the Sovetsky District Court of the city of Ufa of the Republic of Bashkortostan of November 21, 2019 in case No. 1-594/2019 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RoEW27JR9fb9/> (accessed on 28.11.2023).
11. Molchanov D.M., Kulikov A.S. Circulation of falsified, substandard and unregistered drugs (Art. 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues // *Law*. 2022. № 8. P. 153-165.
12. Gotchina L.V., Semenova V.V. Illegal production and circulation of medicines and medical devices // *Bulletin of the Russian Legal Academy*. 2023. № 3. P. 155-166.
13. Sentence of the Oktyabrsky District Court of Samara, Samara Region, No. 1-414/2020 1-56/2021 of 13.07.2021 in case No. 1-414/2020 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O15re6MITBr4/> (date of address: 12.05.2024).
14. Rarog A.I. Illegal production of medicines and medical devices (article 235.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *All-Russian criminological journal*. 2018. Т. 12. № 6. P. 845-855.
15. Derevyanskaya T.P., Ilikbayeva E. C. Problems of competition of norms regulating responsibility for the illegal circulation of medicines and medical devices // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Jurisprudence*. 2022. Т. 8 (74). № 1. P. 117-124.
16. Likholeto A.A. Ways to improve criminal liability for the illegal production of medicines and medical devices // *Russian Justice*. 2017. № 3. P. 28-31.
17. Resolution of the Lyuberetsky City Court of the Moscow region from 11.01.2018 in case No. 1-31/2018 // *Official website of the Lyuberetsky City Court of the Moscow region*. URL: https://luberety--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=64720734&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (date of address: 15.05.2024).
18. Pharmaceutical criminal law of Russia: a monograph / A.A. Bimbinov, V.N. Voronin, T.G. Poniatovskaya et al; ed. by A.I. Rarog. Moscow: Prospect, 2019. - 214 p.
19. Firsov I.V. Illegal turnover of medical products: a criminal-legal study: Diss. ... cand. jur. nauk. Moscow. 2016. - 208 p.
20. Sokalsky B.B. Document forgery in the criminal law of Russia and Germany: Comparative legal study: Cand. Cand. jurid. nauk. Moscow. 2016. – 203 p.
21. Data of judicial statistics // *Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of reference: 18.05.2024).

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Legal and organizational problems of ensuring the personal safety of employees of the penal enforcement system

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

СИЛЕНКОВ Виктор Иванович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета Университета ФСИН России.
Сапёрная ул., 34, г. Санкт-Петербург, 196602, Россия.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya St., 1.
E-mail: silenkov62@gmail.com;

SILENKOV Viktor Ivanovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Faculty of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia University.
Sapernaya str., 34, St. Petersburg, 196602, Russia.
E-mail: silenkov62@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются правовые и организационные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников исправительных учреждений в современных условиях. Установлены и описаны предмет безопасности персонала, характеристики профессиональной деятельности, влияющие на особенности и порядок ее организации. Направления обеспечения личной безопасности, основные формы, методы, средства и технологии, применяемые в этих целях в современной пенитенциарной практике. При изучении проанализированных нами причин представляется возможным разработать определенную систему обеспечения личной безопасности сотрудников исправительных учреждений, которая будет обеспечивать защиту их жизни и здоровья.

Abstract: The article examines the legal and organizational problems of ensuring the personal safety of correctional facility employees in modern conditions. The subject of personnel safety, characteristics of professional activity influencing the features and procedure of its organization are established and described. Directions of ensuring personal safety, basic forms, methods, means and technologies used for these purposes in modern penitentiary practice. When studying the reasons analyzed by us, it seems possible to develop a certain system of ensuring the personal safety of correctional facility employees, which will ensure the protection of their life and health.

Ключевые слова: личная безопасность, персонал, исправительные учреждения, проблема, режим, надзор, ОРД, формы, средства, экстремальные ситуации.

Key words: personal safety, personnel, correctional institutions, problem, regime, supervision, operational search activities, forms, means, extreme situations.

Для цитирования: Моисеев Н.Д., Силенков В.И. Правовые и организационные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 471-473. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_471.

For citation: Moiseev N.D., Silenkov V.I. Legal and organizational problems of ensuring the personal safety of employees of the penal enforcement system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 471-473. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_471.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Личная безопасность сотрудников исправительных учреждений ФСИН России является основным фактором при выполнении ими своих служебных обязанностей и представляет собой совокупность правовых, специальных, тактических и психологических мер, направленных на сохранение жизни и здоровья, в условиях выполнения сотрудниками своих служебных обязанностей.

Концепцией развития УИС на период до 2030 года одним из направлений определено обеспечение личной безопасности персонала [1]. Законодатель к указанной категории относит аттестованных и вольнонаемных работников. Первые из которых имеют специальные звания высшего, среднего и младшего начальствующего состава сотрудников УИС. Вторые относятся к рабочим и служащим [2]. Порядок, особенности и условия прохождения службы в УИС, специальные требования к аттестованным работникам установлены в специальных законодательных и ведомственных актах (возраст, состояние здоровья, образование и т.д.) [4, с. 380]. Учитывая актуальность и теоретико-прикладное значение темы для современной пенитенциарной практики, нами было проведено исследование организационных и правовых проблем обеспечения личной безопасности сотрудников исправительных учреждений, в котором использовались методы диалектического анализа, изучения теоретических источников, опрос сотрудников оперативных, режимных и надзорных подразделений, отделов безопасности ИУ.

Обеспечение личной безопасности сотрудников исправительных учреждений является приоритетным направлением обеспечения безопасности учреждений и органов УИС на современном этапе ее реформирования. Она представляет собой многовекторный феномен теоретико-прикладного характера, включающий в себя организационное и правовое направления обеспечения, а также комплекс специальных форм, мето-

дов, средств и технологий осуществляемых для его эффективной реализации.

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе уделяется значительное внимание вопросам обеспечения личной безопасности сотрудников. Улучшается положение подозреваемых, обвиняемых и осужденных, что снижает их эмоциональное напряжение. Улучшается техническое оснащение учреждений видекамерами, комплексами наблюдения, охраны и надзора. Проводится работа психологических служб по повышению устойчивости сотрудников в стрессовых ситуациях, воспитательных служб по соблюдению дисциплины. Вместе с тем, необходимо отметить, что обеспечение личной безопасности сотрудников УИС требует поиска путей улучшения ситуации.

Для эффективного осуществления полномочий сотрудников по обеспечению личной безопасности персонала учреждений и членов их семей активно используются такие виды профессиональной деятельности как оперативно-розыскная, режимная, надзорная, охранная, воспитательная, психологическая, инженерно-техническая, информационная и компьютерная. Реализуя которые, применяются регистрация осужденных, видео наблюдение за их поведением, дактилоскопирование, постановка на различные профилактические учеты (поскольку лица осужденные за преступления против персонала, являются нарушителями установленного порядка отбывания наказаний), обыскные и досмотровые, а также оперативно-розыскные мероприятия, перлюстрация корреспонденции и др. Применение указанных средств обеспечения безопасности персонала УИС сопровождается закрепленными в законе и ведомственных правовых актах нормами наделяющими должностных лиц исправительных учреждений УИС полномочиями привлечения к дисциплинарной (нарушение режимных требования) и административной ответственности (пронос на территорию учреждений запрещенных предметов), совершение других противоправных действий. При этом существует отлаженный механизм надзора за законностью исполнения наказаний, в том числе применения дисциплинарной практики, обеспечения законных прав и интересов осужденных [5, с. 192].

Зачастую, сотрудник УИС в своей профессиональной деятельности действует в условиях высокого физического и психологического напряжения. Во многом это обуславливается степенью нагрузки ввиду должностного положения, нехватки кадров и нерационального распределения объема работы, а также в виду специфики контингента людей, с которыми приходится работать. Как показывает практика, абсолютное большинство лиц из числа спецконтингента имеет негативное отношение к сотрудникам УИС, и, соответственно, угрозы нападения и причинения вреда здоровью следует ожидать в любой момент [6, с. 31–35].

Постоянный контакт персонала исправительного учреждения с осужденными, большинство из которых отрицательно настроены по отношению к представителям администрации, приводит к конфликтным ситуациям, перерастающим в нападения. Наибольшее количество случаев нападений на сотрудников исправительных учреждений происходит при проведении обысковых мероприятий, в момент изъятия у осужденных запрещенных предметов (средств сотовой связи, наркотических средств и психотропных веществ). Зачастую совершение подобных нападений становится возможным из-за нарушений сотрудниками ведомственных нормативных документов, например, регламентирующих порядок посещения сотрудниками камер ШИЗО. Также в силу избранной профессии сотрудники исправительных учреждений обладают профессиональной виктимностью, провоцируя проявление насилия против самого себя неправомерными и некомпетентными действиями.

Одним из обязательных условий обеспечения личной безопасности сотрудников является профилактическая работа с осужденными в соответствии с Инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС [3], ст. 109 УИК РФ «Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы» и ст. 110 УИК РФ «Основные формы и методы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы». В профилактическую работу с осужденными входят: личные беседы с правонарушителями в местах лишения, направленные на искоренение предпосылок совершения правонарушений, в том числе случаев применения насилия и оскорблений в отношении сотрудников УИС с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденного; различные воспитательные мероприятия с применением мер поощрения и взыскания в отношении осужденных. Самый большой недостаток состоит в незначительной психологопедагогической подготовке, с одной стороны, являющейся причиной нарушений законности и серьезных профессиональных просчетов, часто подталкивающих сотрудников к использованию силовых методов, а с другой – проявляющейся в беспечности, медлительности, совершении служебных ошибок, зачастую приводящих к травмам и гибели самих сотрудников. Соответственно, сотрудник исправительного учреждения должен обладать определенным набором профессиональных качеств, быть предусмотрительным в своих действиях, что позволит ему решить ряд проблем в области обеспечения личной безопасности. В целях обеспечения личной безопасности сотрудник исправительного учреждения должен не вступать в какие-либо отношения с осужденными и их родственниками; не оставлять ключи от личного кабинета в доступных для осужденных местах; не оставлять открытым кабинет, даже если он отлучается на несколько минут; в случаях задержания осужденного в состоянии алкогольного опьянения проявлять сдержанность, чтобы не вызвать агрессивных действий в свой адрес. Умение распознавать опасность при исполнении служебных обязанностей связано с бдительностью, которая зависит от физического состояния сотрудника, его психологической и профессиональной подготовки.

В связи с этим следует заметить, что обеспечение личной безопасности сотрудников УИС очень серьезное направление деятельности и должно включать в себя обязательные элементы защищенности. Чем качественнее обеспечиваются элементы защищенности, тем выше безопасность. В связи с этим выделим на наш взгляд наиболее важные элементы обеспечения личной безопасности:

- правовая защищенность - соответствие правовой нормативной базы, объективным условиям и задачам деятельности уголовно-исполнительной системы. Она определяет уровень правового обеспечения профессиональной деятельности сотрудника и возможности его правовой защиты при решении им профессиональных задач;

- материально-техническая защищенность - соответствие материально-технического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников ее объективным потребностям и задачам;

-социально-психологическая защищенность - соответствие общественного мнения о деятельности уголовно-исполнительной системы реальным профессиональным и личностным качествам сотрудников. Особым аспектом социально-психологической защищенности является стабильный положительный эмоционально-психологический климат в коллективах сотрудников.

- экономическая защищенность - соответствие материального обеспечения сотрудников УИС их объективным материальным и иным потребностям;

- кадровая защищенность - соответствие уровня профессиональной надежности личного состава (т. е. нравственных, интеллектуальных, эмоционально-волевых качеств сотрудников и их профессиональной компетентности) требованиям, предъявляемым к личности сотрудника уголовно-исполнительной системой и ее задачами;

- информационная защищенность - соответствие возможностей получения информации, необходимой для эффективной профессиональной деятельности (в том числе научных и практических знаний, умений и навыков), реальной необходимости иметь такие знания для решения профессиональных задач и обеспечения профессиональной защищенности и личной безопасности. Специальным компонентом информационной защищенности сотрудника исправительного учреждения является пресечение утечки информации о его профессиональной деятельности или личной жизни, которая могла бы препятствовать решению профессиональных задач или повышать степень личного риска для него и его близких;

- психологическая защищенность - соответствие специальных мер, направленных на профилактику и предотвращение психологической деформации личности сотрудника, степени реального воздействия на него психотравмирующих факторов, связанных с профессиональной деятельностью;

- физическая защищенность - соответствие комплекса правовых, материально-технических, управленческих и иных мер, обеспечивающих сохранность жизни и здоровья сотрудника при решении им профессиональных задач, реальным возможностям снизить этот риск до объективного предела.

Уголовно-исполнительная система - является составной частью государственных органов, призванных противодействовать преступности, осуществляет свою деятельность в непростых условиях функционирования, расширения спектра решаемых ею задач и усложнения, выполняемых ее органами и учреждениями функций. В целях повышения эффективности деятельности по обеспечению безопасности органов и учреждений, исполняющих наказания, требуется принятие соответствующих организационно-правовых мер реагирования таких как:

- совершенствование уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства, направленного на обеспечение личной безопасности сотрудника исправительного учреждения. Считаем целесообразным создание единого нормативно-правового акта, регулирующего обеспечение личной безопасности сотрудников в различных ситуациях;

- направленность организации исполнения наказаний на реализацию программы реформы УИС, прежде всего на индивидуализацию, дифференциацию мер исправительного воздействия на осужденных и социализацию процесса исполнения наказания;

- изменение практики назначения наказаний, которое должно происходить с учетом личности лица, совершившего преступление, общественной опасности и характера совершенного деяния, а также последствий совершенного преступления.

В завершении можно сделать вывод о том, что личная безопасность сотрудника исправительного учреждения на данный момент является важнейшим элементом при выполнении им служебных обязанностей, а это создание всех необходимых условий для сохранения жизни и здоровья, а также устранение причин, которые могут представлять угрозу. Необходимо обеспечить единую систему обеспечения личной безопасности сотрудника уголовно-исполнительной системы, которая обеспечила бы эффективное и результативное выполнение служебных обязанностей.

Библиография:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» //consultant.ru [сайт]. - URL.:<http://www.consultant.ru/documer> (дата обращения 17.01.2022).
2. Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21.07.1993 № 5473-1//consultant.ru [сайт]. - URL.:<http://www.consultant.ru/documer>.
3. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 // Российская газета. – 2013. – 5 июня.
4. Чорный В. Н. Уголовно-исполнительное право: Общая часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина. 2-е изд., испр. и доп. Москва.; Рязань, 2006.
5. Настольная книга прокурора (под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус). – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт, 2020.
6. Ковалев О.Г. К вопросу обеспечения личной безопасности персонала учреждений и органов УИС / О.Г. Ковалев, Н.В. Семенова // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4, № 1.

References:

1. Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r "On the concept of development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030" //consultant.ru [website]. - URL.: <http://www.consultant.ru/documer> (date of access 17.01.2022).
2. Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal punishments in the form of imprisonment" dated 21.07.1993 No. 5473-1 // consultant.ru [website]. - URL.: <http://www.consultant.ru/documer>.
3. On approval of the Instructions for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system: order of the Ministry of Justice of Russia dated May 20, 2013 No. 72 // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. – June 5.
4. Chorny V. N. Criminal-executive law: General part / under the general editorship of Yu. I. Kalinin. 2nd ed., corrected. and add. Moscow; Ryazan, 2006.
5. The prosecutor's handbook (under the general editorship of S. G. Kekhlerov and O. S. Kapinus). – M.: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Yurait Publishing House, 2020.
6. Kovalev O. G. On the issue of ensuring the personal safety of the personnel of institutions and bodies of the penal system / O. G. Kovalev, N. V. Semenova // Stolypinsky Vestnik. – 2022. – Vol. 4, No. 1.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_474

УДК 343.3/.7

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА INFORMATION SECURITY AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE

АХЪЯДОВ Эльман Саид-Мохмадович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», пр. Бульвар Дудаева, 17, г. Грозный, Чеченская Республика, 366007, Россия.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

Akhyadov E.S.M.,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security, Deputy Dean for Research at the Faculty of Law Kadyrov Chechen State University. 17 Dudaev Boulevard Ave., Grozny, Chechen Republic, 366007, Russia.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru

Краткая аннотация. Статья раскрывает понятие информационной безопасности как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. Информационная безопасность является неотъемлемым элементом национальной безопасности, поскольку защищенность информационного пространства, ресурсов и инфраструктуры напрямую влияет на устойчивое развитие государства, его обороноспособность и суверенитет. Рассматриваются правовые, организационные и технические меры обеспечения информационной безопасности.

Abstract. The article reveals the concept of information security as a state of protection of an individual, society and the state from internal and external information threats. Information security is an integral element of national security, since the security of the information space, resources and infrastructure directly affects the sustainable development of the state, its defense capability and sovereignty. Legal, organizational and technical measures to ensure information security are considered.

Ключевые слова: информационная безопасность, национальная безопасность, киберугрозы, информационные технологии, государственное регулирование.

Keywords: information security, national security, cyber threats, information technology, government regulation.

Для цитирования: Ахъядов Э.С.-М. Информационная безопасность как элемент национальной безопасности государства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 474-476. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_474.

For citation: Akhyadov E.S.M. Information security as an element of the national security of the state // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 474-476. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_474.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В современном мире информация и информационные технологии играют ключевую роль во всех сферах жизни общества. Стремительное развитие цифровых технологий, глобализация и информатизация общественных процессов привели к тому, что информация стала одним из важнейших стратегических ресурсов государства. Однако, наряду с возможностями, которые открывает информационная эпоха, возникают и новые угрозы национальной безопасности.

Обеспечение информационной безопасности является одной из приоритетных задач современного государства. Информационная безопасность выступает неотъемлемым элементом национальной безопасности, поскольку защищенность информационного пространства, информационных ресурсов и инфраструктуры напрямую влияет на устойчивое социально-экономическое развитие страны, ее обороноспособность и суверенитет.

Понятие "информационная безопасность" является комплексным и многоаспектным. В научной литературе и нормативно-правовых актах представлены различные подходы к его определению.

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, информационная безопасность Российской Федерации определяется как "состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства" [6].

Таким образом, информационная безопасность в данном определении рассматривается как состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, обеспечивающее реализацию их жизненно важных интересов.

Схожее определение содержится в Федеральном законе "О безопасности" от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ, где безопасность определяется как "состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз" [8].

В научной литературе также представлены различные подходы к определению информационной безопасности. Так, В.Н. Лопатин рассматривает информационную безопасность как "состояние защищенности интересов личности, общества и государства в информационной сфере от преднамеренных или случайных воздействий, нарушающих целостность, объективность, доступность, конфиденциальность и оператив-

ность самой информации или информационно-телекоммуникационной инфраструктуры" [3, с. 17].

Т.А. Полякова определяет информационную безопасность как "состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, состоящих из совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства, от внутренних и внешних угроз" [4, с. 120].

Анализируя различные подходы к определению информационной безопасности, можно выделить ее ключевые характеристики:

1) защищенность от внутренних и внешних информационных угроз. Информационная безопасность предполагает защиту информационных ресурсов, инфраструктуры и процессов от различных угроз, исходящих как изнутри государства, так и извне;

2) обеспечение реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства. Информационная безопасность направлена на защиту прав и свобод граждан, обеспечение достойного качества жизни, сохранение суверенитета и территориальной целостности государства, его социально-экономическое развитие;

3) комплексный характер. Информационная безопасность включает в себя различные аспекты - правовой, организационный, технический, кадровый и др. Ее обеспечение требует скоординированных усилий различных субъектов - органов государственной власти, бизнеса, гражданского общества.

Таким образом, информационная безопасность представляет собой многогранное понятие, отражающее состояние защищенности информационного пространства, информационных ресурсов и инфраструктуры от различных угроз, обеспечивающее реализацию жизненно важных интересов личности, общества и государства. Она является неотъемлемым элементом национальной безопасности, поскольку информация и информационные технологии играют ключевую роль во всех сферах жизнедеятельности современного государства.

Информационная безопасность является неотъемлемым элементом национальной безопасности современного государства. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и цифровизации всех сфер жизни общества, информация становится ключевым стратегическим ресурсом, от защищенности которого зависит устойчивое развитие государства.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, одним из девяти стратегических национальных приоритетов является обеспечение информационной безопасности [5]. Это свидетельствует о том, что информационная безопасность рассматривается государством как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, определяет информационную безопасность как "состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства" [6]. Таким образом, информационная безопасность напрямую связана с обеспечением национальной безопасности государства.

Информационная безопасность включает в себя защиту информационных ресурсов, информационной инфраструктуры, а также противодействие информационным угрозам. К основным угрозам информационной безопасности относятся: кибератаки, утечка конфиденциальной информации, распространение недостоверной информации (фейков), информационно-психологическое воздействие на население и органы власти, использование информационных технологий в террористических и экстремистских целях и др. [1].

Защищенность информационной сферы является важным условием обеспечения национальной безопасности государства, поскольку информация выступает ключевым ресурсом, влияющим на все аспекты жизнедеятельности общества и государства - политические, экономические, социальные, военные и др. Утрата контроля над информационными ресурсами или их несанкционированное использование может привести к серьезным негативным последствиям для национальной безопасности.

Информационная безопасность тесно связана с другими видами безопасности, входящими в систему национальной безопасности государства. Так, информационная безопасность является неотъемлемой составляющей экономической безопасности, поскольку защита конфиденциальной информации, связанной с финансово-экономической деятельностью, является важным условием обеспечения устойчивого развития экономики. Информационная безопасность также является элементом военной безопасности, так как защита государственной тайны и информации, связанной с обороноспособностью страны, является ключевым фактором обеспечения национальной безопасности [3].

Кроме того, информационная безопасность тесно связана с общественной безопасностью, поскольку распространение недостоверной информации, манипулирование общественным сознанием, информационно-психологическое воздействие на население могут привести к дестабилизации общественно-политической ситуации в стране.

Таким образом, информационная безопасность является системообразующим элементом национальной безопасности государства, пронизывающим все ее сферы и обеспечивающим устойчивое развитие страны.

Обеспечение информационной безопасности требует комплексного подхода, включающего правовые, организационные, технические и иные меры. На законодательном уровне основы информационной безопасности закреплены в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, а также в ряде федеральных законов, таких как "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", "О безопасности", "О государственной тайне" и др. [2, 7, 8].

Организационные меры по обеспечению информационной безопасности включают создание специальных государственных органов и служб, ответственных за защиту информационных ресурсов, а также разработку и реализацию государственной политики в данной сфере.

Технические меры предполагают внедрение современных средств и систем защиты информации, таких как криптографические средства, системы обнаружения и предотвращения вторжений, средства защиты от вредоносного программного обеспечения и др.

Важную роль в обеспечении информационной безопасности играет международное сотрудничество. Россия участвует в разработке международных правовых актов в сфере информационной безопасности, а также взаимодействует с другими государствами в целях противодействия трансграничным информационным угрозам.

Таким образом, информационная безопасность является ключевым элементом национальной безопасности современного государства. Ее обеспечение требует комплексного подхода, включающего правовые, организационные, технические и международные меры. Защищенность информационной сферы является важным условием устойчивого развития государства и общества в целом.

Библиография:

1. Гребенюк М.И. Информационная безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 211-215.
2. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 "О государственной тайне" // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1391.
3. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. СПб.: Фонд "Университет", 2000. 428 с.
4. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 56 с.
5. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
6. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
8. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ "О безопасности" // Российская газета. 2010. 29 декабря.

References:

1. Grebenyuk M.I. Information security as an element of national security of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. pp. 211-215.
2. Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5485-1 "On State secrets" // Vedomosti SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 33. St. 1391.
3. Lopatin V.N. Information security of Russia: Human, Society, State. St. Petersburg: University Foundation, 2000. 428 p.
4. Polyakova T.A. Legal provision of information security in building an information society in Russia: Abstract of the dissertation by Dr. Yurid. M., 2008. 56 p.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Article 5351.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 "On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 50. St. 7074.
7. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1 part). Article 3448.
8. Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 "On Security" // Rossiyskaya Gazeta. 2010. December 29th.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ CURRENT ISSUES OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE HUMAN RIGHT TO PRIVACY AND PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE ERA OF DIGITALIZATION

БУНОВА Ирина Ивановна,

кандидат юридических наук, Академия управления МВД России, докторант.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

E-mail: bynva@rambler.ru;

Bunova Irina Ivanovna,

Candidate of Legal Sciences, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctoral student.

125171, Russia, Moscow, st. Zoya and Alexandra Kosmodemyansky, 8.

E-mail: bynva@rambler.ru

Краткая аннотация. В статье освещены актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны права человека на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Проанализирована современная судебная практика, обращено внимание на повсеместное использование информационно-телекоммуникационных сетей при собирании и распространении сведений о частной жизни лица. Проанализировано действующее законодательство, отмечены тенденции увеличения санкций за совершение преступлений, нарушающих неприкосновенность частной жизни, в части защиты персональных данных личности. Обоснованы предложения по совершенствованию законодательства в сфере охраны права человека на неприкосновенность частной жизни.

Abstract: The article highlights topical issues of improving criminal legislation in the field of protecting the human right to privacy and personal data protection. Modern judicial practice is analyzed, attention is drawn to the widespread use of information and telecommunication networks in the collection and dissemination of information about a person's private life. The current legislation is analyzed, the trends of increasing sanctions for crimes violating privacy in terms of personal data protection are noted. The proposals for improving legislation in the field of protection of the human right to privacy are substantiated.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, охрана права человека, персональные данные, публичность, распространение сведений, цифровизация.

Key words: privacy, protection of human rights, personal data, publicity, dissemination of information, digitalization.

Для цитирования: Бунова И.И. Актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны права человека на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных в эпоху цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 477-479. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_477.

For citation: Bunova I.I. Current issues of improving criminal legislation in the field of protection of the human right to privacy and protection of personal data in the era of digitalization // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 477-479. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_477.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Основным гарантом обеспечения личного права человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну выступает Основной закон государства (ст. 23)¹. Уголовно-правовая охрана права человека обеспечивается статьей 137 УК РФ, в случае нарушения которого, посредством преступного посягательства, предусмотрена уголовная ответственность. Однако, в силу эволюционирования современных способов совершения преступлений, посредством использования цифровых технологий, человек далеко не всегда чувствует себя защищенным.

Высказывается мнение, что «в условиях публичных правоотношений государство берет на себя ответственность обеспечить, прежде всего, неприкосновенность и охрану личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства» [2, с. 3].

Подвергая теоретическому осмыслению роль государства в обеспечении личных прав человека, в том числе, на неприкосновенность частной жизни, нельзя не сказать о том, что государство, будучи политическим институтом, выступает регулятором отношений между индивидами, являясь не только центробежной и центростремительной силой, но и его главной ценностью.

Вопросу охраны неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных государством на сегодняшний день уделяется особое внимание. Речь идет о принятии на законодательном уровне нормативно-правовых актов, призванных обеспечить безопасность человека, неприкосновенность его частной жизни, персональных данных, сохранении оптимального баланса между обеспечением прав человека и внедрением цифровых технологий.

Но в то же время, динамичное развитие информационно-цифрового пространства открывает все новые возможности для доступа и использования преступным элементом персональных данных человека, правоприменителю становится все сложнее обеспечить гарантированную государством неприкосновенность его частной жизни. Особо негативным моментом на сегодняшний день, служит публичное распространение сведений, посредством цифровых платформ и социальных сетей, ориентированных на широкую аудиторию.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. [Электрон. ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 05.04.2024).

По мнению Э.В. Талапиной, с которым сложно поспорить, «внедрение цифровых технологий ослабляет защиту частной жизни на массовом уровне. Одновременно, на индивидуальном уровне право на защиту персональных данных получает все большее внимание и регламентацию. Проблема обеспечения прав человека в условиях развития цифровых технологий должна рассматриваться в более широком контексте, с учетом возникающих социальных и нравственных проблем» [5, с. 123].

Анализ материалов правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии надлежащей уголовно-правовой оценке, учитывающей распространенность и общественную опасность соответствующих деяний, совершенных публично в компьютерных сетях, ввиду отсутствия в диспозиции ч. ч. 1, 2 ст. 137 УК РФ признака «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что наиболее распространенными формами получения информации является использование средств видеофиксации в целях получения сведений о частной жизни¹, получение сведений о детализации телефонных соединений потерпевшего², незаконного доступа к персональным страницам в социальных сетях³.

Исходя из описательной части приговоров, значительное количество действий, сопряженных с нарушением неприкосновенности частной жизни, были совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

Корыстная заинтересованность как мотив преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ означает возможности получения имущественной выгоды. Иная личная заинтересованность может заключаться в стремлении дискредитировать потерпевшего, обеспечить превосходство над ним, привлечь к себе внимание и др.

Однако проанализированные материалы судебной практики по уголовным делам, предусмотренным ст. 137 УК РФ, позволили сформулировать вывод об игнорировании законодателем значения таких внутренних побуждений при совершении преступления, как корыстная или иная личная заинтересованность, поскольку эти мотивы не являются конститутивными признаками анализируемого состава преступления, в связи с чем, правоприменитель не описывает их в процессуальных документах, в том числе в резолютивной части приговора.

Вместе с тем, обращаясь к статистике, можно отметить динамику роста зарегистрированных преступлений, по ст. 137 УК РФ (2013 г. – 142; 2023 г. – 1031)⁴, что актуализирует вопрос создания эффективного правового поля, гарантирующего обеспечение надежной охраны неприкосновенности частной жизни человека и защиту его персональных данных.

Представляется возможным обозначить одной из причин доступности персональных данных человека не только их «утечки» от лиц и организаций, которые наделены полномочиями по их хранению, но и личному желанию человека по размещению на цифровых платформах информации, частично раскрывающей его частную жизнь.

Речь идет как о добровольном предоставлении информации, фото и видео материалов о своей личной жизни на открытых цифровых платформах так и вынужденном, посредством повсеместного использования искусственного интеллекта и сервисов, отслеживающих геолокацию пользователя, использования цифровых платформ, собирающих Cookie и т.п.

В этой связи нами разделяется мнение А.В. Родионова, который не снимает ответственности с граждан, добровольно предоставляющих о себе личную информацию, «осуществление права на неприкосновенность частной жизни зависит не только от действующего законодательства и научно-технического прогресса... но и от уровня развития граждан, их правовой культуры» [3, с. 92].

Используя цифровые технологии, человек оставляет «цифровые следы», обобщая которые можно создать достаточно полное и четкое представление не только о личности, но о его контактах, интересах, иных персональных данных, таких как место жительства, состав семьи, банковские счета и т.п.

Получая доступ к персональным данным человека, преступники зачастую прибегают к различным формам мошенничества, шантажа, используют дипфейки с целью получения материальной выгоды от потерпевшего.

По данному вопросу учеными высказывается мнение, которое нами полностью разделяется, «люди не успевают за происходящими изменениями в эпоху цифровизации, не могут адекватно воспринимать происходящие изменения, в том числе и в праве» [1, с. 12], это происходит по той причине, что «способы нарушения неприкосновенности частной жизни в цифровой среде намного опережают меры защиты этой неприкосновенности» [4, с.73].

На сегодняшний день, можно говорить о том, что человек проигрывает искусственному интеллекту, доверяя ему свои персональные данные, не может, а порой и не пытается, спрогнозировать к каким негативным последствиям может привести их доступность.

В этой связи можно говорить о необходимости введения неких стандартов «цифровой гигиены», которые будут в себя включать не только обучающих контент, но и ограничивать возможность размещения в открытом доступе личной информации.

На сегодняшний день, на законодательном уровне предпринимаются попытки скорректировать в сторону увеличения санкции за совершение преступлений, нарушающих неприкосновенность частной жизни. На рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации на-

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 15 Свердловского района г. Иркутска от 20 февраля 2017 г. по делу № 1-1/2017 в отношении Г.В.И. [Электрон. ресурс]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/puy5yE7euvHX/> (дата обращения: 17.04.2024).

² Приговор Мировой судьи судебного участка № 40 Карасунского внутригородского округа гор. Краснодара от 14 февраля 2017 г. делу № 1-2/2017 в отношении Ш.А.В. [Электрон. ресурс]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/leMWSWE0Yxb/> (дата обращения: 17.04.2024).

³ Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 ноября 2021 г. по делу № 7У-10850/2021 [Электрон. ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=29898837&case_uid=2e2a0f2f-2676-47aa-aeac168962549419&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2013 год по форме. М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ. 2014. С.12; Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2023 год. М.: ФКУ ГИАЦ МВД РФ. 2024. С.12.

ходится законопроект¹ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в части «установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные». В пояснительной записке к законопроекту акцентировано внимание на «возросшее число утечек персональных данных граждан нашей страны, которое только за 2022 г. составило более 1600 млн. записей»².

Данный законопроект как нельзя актуален и своевременен в связи с осуществлением сбора информации о личности различными цифровыми платформами, частными корпорациями, активным развитием средств цифрового контроля за личностью.

Реалии сегодняшнего дня обусловлены кластеризацией данного рода преступлений. Создаются профессиональные организованные преступные группы, включающие, в том числе, психологов, деятельность которых направлена на осуществление управляемого воздействия на потерпевшего (потенциального потерпевшего). Персональную информацию, полученную о лице, используют в преступных целях, для получения материальной выгоды, посредством воздействия в ходе настойчивых телефонных разговоров, смс оповещений для перехода по ссылкам, взламывания персональных интернет аккаунтов, мессенджеров и т.п.

При этом, подчеркнем, что до сих пор отсутствует единый доктринальный подход к пониманию понятия неприкосновенности частной жизни и его содержательных аспектов, в связи с чем актуализируются вопросы совершенствования активной теоретической работы, выработке практически значимых подходов.

Проведенный анализ позволяет внести предложение о необходимости внесения уточнения в ч. 1 ст. 137 УК РФ, предусмотрев мотив, внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, в целях «*корыстной или иной личной заинтересованности*». Предусмотреть в диспозиции ч. ч. 1, 2 ст. 137 УК РФ признака «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

Уязвимость права человека на защиту своих персональных данных в полноценном его обеспечении позволяет сделать вывод о назревшей необходимости развития уголовного законодательства, более конкретной законодательной регламентации и расширенного толкования норм права в сфере охраны права человека на неприкосновенность частной жизни и защиту его персональных данных.

Цифровой прогресс порождает неопределенность в применении отдельных норм уголовного права (ст. 137 УК РФ) и требует внесения своевременных изменений в нормативные акты, позволяющие эффективно сдерживать рост преступности.

Изложенное выше лишь частично отражает глубину назревшей проблемы и перспективу масштабных негативных общественно-опасных последствий, которые может повлечь нарушение незыблемости права неприкосновенности частной жизни человека в условиях всемерной цифровизации общества. Представляется целесообразным подвергнуть комплексному анализу возникшие противоречия между возможностями действующего законодательства и ограничениями их реализации в современной правоприменительной практике.

Библиография:

1. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7-19.
2. Нафикова Г.А. Механизм реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.
3. Родионов А.В. Актуальные проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни // Актуальные проблемы гуманитарных наук в техническом вузе. 2017. № 21. С. 92-96.
4. Супрович И.В., Быкова А.Г. Проблемы реализации права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации. // Символ науки. 2021. №11-2. С. 71-73.
5. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 122-146.

References:

1. Zorkin V.D. Providence or on the law of the future in the era of digitalization // State and Law. 2020. No. 6. pp. 7-19.
2. Nafikova G.A. The mechanism of implementation of the principle of protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings: abstract. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2010. 26 p.
3. Rodionov A.V. Actual problems of realization of the right to privacy // Actual problems of humanities in a technical university. 2017. No. 21. pp. 92-96.
4. Suprovich I.V., Bykova A.G. Problems of realization of the human and citizen's right to privacy in the Russian Federation. // The symbol of science. 2021. No.11-2. pp. 71-73.
5. Talapina E.V. Evolution of human rights in the digital age // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14. No. 3. pp. 122-146.

¹ Законопроект федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

² Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. [Электрон. ресурс]: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 28.03.2023).

**СВЕДЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
НОРМЫ ОПЕРАТИВНОГО РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
INFORMATION ABOUT A CRIME AS A BASIS FOR OPERATIVE SEARCH MEASURES: PROPOSALS
FOR IMPROVING THE STANDARDS OF OPERATIONAL SEARCH LEGISLATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION BASED ON THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

КУКЛИН Дмитрий Викторович,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,

Академия права и управления ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: dk.ord@mail.ru;

KUKLIN Dmitriy Viktorovich,

Adjunct Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel,

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, st. Sennaya, 1.

E-mail: dk.ord@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы конструирования нормы, определяющей сведения о преступлении как основания для проведения оперативно-розыскного мероприятия в Российской Федерации. На основе сравнительно-правового анализа со схожей нормой оперативно-розыскного закона Республики Беларусь сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства.

Abstract. The article discusses the problems of constructing a norm that defines information about a crime as the basis for conducting an operational-search activity in the Russian Federation. Based on a comparative legal analysis with a similar norm of the operational investigative law of the Republic of Belarus, proposals for improving Russian legislation are formulated.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, сведения о преступлении, оперативно-розыскный закон, единство терминологии.

Keywords: operational-search activities, grounds for conducting operational-search activities, information about a crime, operational-search law, unity of terminology.

Для цитирования: Куклин Д.В. Сведения о преступлении, как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий: предложения по совершенствованию нормы оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации на основе опыта Республики Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 480-482. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_480.

For citation: Kuklin D.V. Information about a crime as a basis for operative search measures: proposals for improving the standards of operational search legislation of the Russian Federation based on the experience of the Republic of Belarus // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 480-482. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_480.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В настоящее время особый научный интерес вызывают вопросы, связанные с основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ), отражающие фундаментальные основы теории оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД). Они сопряжены с законностью проведения государственной деятельности, обоснованным ограничением конституционных прав и свобод личности в отношении объектов ОРМ.

Анализ практики осуществления ОРД демонстрирует, что лица, в отношении которых проводились ОРМ, преследуя цель избежать уголовной ответственности, пытаются обжаловать в судебном порядке полученные оперативными сотрудниками результаты. В аргументировании нарушений, сторона защиты ссылается на обосновательное проведение ОРМ, тем самым, добивается исключения результатов ОРД из доказательственной базы. Нарушение предписаний законодательства со стороны оперативных сотрудников повлечет за собой объявление судом оправдательного приговора и как итог, лицо может избежать уголовной ответственности. Такая ситуация не соответствует принципу неотвратимости наказания и ставит под сомнение авторитет правоохранительных органов.

Одним из сложных и неоднозначных для правоприменения оснований является предусмотренное пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД»). Оно представляет собой известия, сообщения или иную информацию, в результате которых сформировалось знание, представление, предположение о событиях, действиях, лицах и (или) фактах, представляющих оперативный интерес.

Проводя по данному основанию ОРМ нельзя допустить подстрекания, склонения и побуждения лиц, в отношении которых они осуществляются, к совершению противоправных действий, что определено в ст. 5 Федерального закона «Об ОРД». Также, при их реализации требуется соблюдать условия, перечисленные в ст. 8 Федеральном законе «Об ОРД». Кроме того, много разъяснений по поводу применения норм можно найти в практике Конституционного суда Российской Федерации. Например, в Определении от 14.07.1998 № 86-О [5] сказано, что в Федеральном законе «Об ОРД» под противоправным деянием понимается исключительно преступление; обзоры судебной практики Верховного Суда РФ разъясняют основания проведения оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка», «оперативный эксперимент», условия проведения ОРМ с участием несовершеннолетних и ряд других. При этом, судебных разъяснений слишком много, что не позволяет сказать о ясности оперативно-розыскного закона и достаточности правового регулирования.

Впервые, схожее основание было закреплено в пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона России от 13.03.1992 №2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». Оно было сформулировано следующим образом: «Ставшие известными органам, осуществляющим опе-

ративно-розыскную деятельность, сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, по которому обязательно производство предварительного следствия, когда нет данных, указывающих на признаки преступления». Ретроспективный анализ свидетельствует, что в действующем Федеральном законе «Об ОРД» законодатель расширяет список преступлений, сведения о которых могут быть признаны основанием для проведения ОРМ. Теперь оперативники не ограничены только теми деяниями, по которым необходимо предварительное следствие. Других кардинальных изменений не последовало, перечисленные выше обстоятельства свидетельствуют, что в условиях настоящей действительности все более возрастает необходимость рассмотрения вопроса о соответствии текущего правового регулирования оснований для проведения ОРМ современным условиям. Все более актуальным становится уточнение и дополнение имеющихся научных представлений об основаниях возникновения данной категории оперативно-розыскных правоотношений.

Исследуя потенциальные пути решения указанных проблем, представляет интерес вопрос о регламентации оснований для проведения ОРМ в зарубежных странах, в частности, входящих в состав Содружества Независимых Государств. Это позволит установить положительный опыт и сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства.

Примечательна правотворческая деятельность законодателя Республики Беларусь. Ранее, в правовой базе государства уже значились открытые законы, регулирующие ОРД. По своему содержанию и структуре они были схожи с ныне действующим оперативно-розыскным законом России. Однако, белорусский законодатель, разработал и принял новый Закон 15.07.2015 №307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», предприняв меры по увеличению объема правового регулирования. В обеих странах ОРД тесным образом связана с ОРМ, инициировать проведение которых органы, осуществляющие ОРД, могут только при наличии законных оснований. Одно из них, сформулировано следующим образом «сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также, о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем». В большинстве своем оно схоже по структуре с российской нормой, закрепленной в пп.1 п.2 ч.1 ст.7 Федерального закона «Об ОРД», но тем не менее, имеет и отличительные признаки.

Проводя сравнительно-правовой анализ указанных норм, первоначально внимание обращается на различие применяемой терминологии. В Республике Беларусь основанием для проведения ОРМ являются сведения о преступлении, в России используется термин «противоправное деяние». С одной стороны, вопрос решается толкованием, представленным в Определении Конституционного суда России №86-О, которое мы указывали ранее. С другой, отечественный судебный орган конституционного контроля в своем Постановлении отмечает, что «единообразное понимание, а значит, и применение правовой нормы обеспечивается соблюдением критерия ее определенности, ясности и недвусмысленности, который вытекает из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства» [4]. Действительно, адекватно, квалифицированно, правильно и с сознанием дела применять ту или иную норму права - главное в работе оперативных сотрудников, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, нотариусов и других работников юридических служб [2, С. 6].

В настоящее время в нормативных правовых актах России термин «противоправное деяние» встречается достаточно часто, в частности, в законах, регулирующих деятельность по противодействию преступности. Например, в положениях Федерального закона от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» в содержание рассматриваемого понятия входят как преступления, так и административные правонарушения. Следовательно, о единстве терминологии, под которым С.С. Алексеев понимает «употребление одного и того же термина в данном законе (и во всех других нормативных актах) в одном и том же смысле» [1, С. 127] говорить не приходится.

Примечательно, что законодатель Республики Беларусь демонстрирует единство терминологии в контексте оперативно-розыскного закона, где изучаемое нами основание для проведения ОРМ построено с учетом согласованности с задачей ОРД, представленной в следующем виде «предупреждение, выявление, пресечение преступлений, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих и совершивших». В свою очередь, такой подход не свойственен отечественным нормам, где в задаче ОРД используется термин «преступление», а в основании для проведения ОРМ, которое непосредственно используется для ее решения законодатель употребляет «противоправное деяние», что не соответствует законодательной технике. Многочисленные научные изыскания в сфере ОРД демонстрируют тенденцию учета междисциплинарной связи с уголовным правом. Что обусловлено приоритетной направленностью ОРД на борьбу с преступностью, в связи с этим, считаем необходимым применить в пп.1 п.2 ч.1 ст.7 Федерального закона «Об ОРД» вместо «противоправное деяние» термин «преступление», расшифровка которого содержится в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Следующий аспект связан с употребляемыми в диспозиции сравниваемых норм, терминами «гражданин» и «лицо». Белорусский законодатель в оперативно-розыском законе под «гражданином» понимает граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства. Это не в полной мере соответствует Закону Республики Беларусь от 01.08.2002 №136-ФЗ «О гражданстве Республики Беларусь», где под «гражданином» понимаются лица, состоящие в гражданстве или те, кто приобрели гражданство и не охватывает иностранных граждан. В нормах российского законодательства понятие гражданин не закреплено, но как указано в Федеральном законе от 28.04.2023 №138-ФЗ «О гражданстве в Российской Федерации», таковым является лицо, которое имеет гражданство Российской Федерации. Термин «гражданин» подразумевает, что человек обладает способностью участвовать в политической деятельности конкретного общества и государства, включая управление общественными и государственными делами и связан территориальной принадлежностью. В свою очередь, территориальные границы ОРД обоих государств определены уголовными законами, положения которых распространяют их действие и в отношении граждан государств и постоянно проживающих на его территории, лиц без гражданства в случае совершения ими преступления вне пределов государства, а также в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в государстве, совершивших преступление вне пределов государства, если совершенное ими преступление направлено против интересов страны, и в случаях, предусмотренных международными договорами. Термин «гражданство» подразумевает тесную правовую связь человека с определенным государством, это не соответствует территориальным границам

ОРД, которое проводится не только в отношении данной категории лиц, так как ОРД направлено выявление, предупреждение, пресечения преступной деятельности любого лица, вне зависимости от его государственной принадлежности. На наш взгляд термин «лицо», исключающий качественную оценку и предполагающий равную правосубъектность, способен более грамотно обозначить субъекта права.

Далее, одним из самых интересных существенных отличий является предоставление возможности оперативным подразделениям Республики Беларусь, проводить ОРМ в отношении лиц, только лишь осведомленных о преступлении. Что отсутствует в отечественном оперативно-розыском законе. В свою очередь, предоставление такого права оперуполномоченным вполне оправдано и коррелирует современному состоянию преступности, связанным с повышенной латентностью отдельных видов уголовно-наказуемых деяний и необходимости снижения уровня нераскрытых фактов. Кроме того, это соответствует особенности ОРД, заключающейся в ее разведывательно-поисковом характере, что обусловлено тайным, замаскированным характером действий преступников, их деятельностью в условиях неочевидности, тщательной предварительной подготовкой своих действий, дерзостью, жестокостью преступного поведения, уничтожением следов совершаемых общественно опасных деяний, необходимостью получения сведений о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, поиска неизвестных юридически значимых фактов, выяснения обстоятельств совершенных преступлений и др. [3, С. 6] В практическом отношении значительное количество экономических, коррупционных преступлений, фактов наркопреступности выявляется исключительно оперативно-розыским путем.

Следовательно, оперуполномоченные в своей деятельности нацелены на добывание оперативно-значимой информации и нельзя исключать факт того, что соответствующими сведениями, которые потенциально могут быть признаны таковыми, обладают лица, не совершающие преступление. Они могут не осознавать, что известная им информация представляет интерес для правоохранительных органов, в виду отсутствия представлений о признаках состава преступления. Смоделируем ситуацию, отражающую вышеуказанное суждение. Например, оперуполномоченному исправительного учреждения поступила информация о лице А., который осведомлен о сформированных коррупционных связях сотрудника и осужденного, выражающихся в доставке и передаче запрещенных предметов в учреждение. Установить конкретную личность сотрудника и осужденного не представляется возможным без проведения ОРМ в отношении А. В свою очередь, А. не осознавая преступный характер действий или же не преследуя цели сокрытия этих фактов может рассказывать о неслужебных отношениях другим лицам, например, в ходе переговоров по средствам сотовой связи.

В представленной ситуации ОРД проводится в условиях значительной неопределенности, неполноты, недостоверности сведений о преступлении и преступнике. Осуществление оперативно-розыских действий непосредственно в отношении участников преступления, о которых оперуполномоченный может только лишь догадываться на основе анализа оперативной обстановки в учреждении, может повлечь, что фигуранты приостановят активную деятельность по реализации умысла или более тщательно станут маскировать коррупционные связи. В связи с этим, целесообразно для получения дополнительного объема сведений проводить ОРМ в отношении лица, только лишь осведомленного о преступном факте.

Примечательно, что в ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об ОРД» предусматривается условие проведения ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» в отношении лиц, располагающих сведениями о преступлении средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого. Фактически законодатель предоставляет право проведение ОРМ в отношении лиц, только лишь осведомленных о преступлении. Однако, объектами ОРМ они могут выступать в ситуациях, когда у оперативников уже имеются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого, совершенного противоправного деяния и о лицах, непосредственно их подготавливающих, совершающих и совершивших. Следовательно, не имеется возможности проведения ОРМ в отношении указанной категории лиц, только лишь при наличии у оперативников сведений об их осведомленности о преступлении.

Таким образом, считаем, что отсутствие оснований для проведения ОРМ в отношении лиц, осведомленных о преступлении, является существенным пробелом законодательства, что негативно влияет на результативность и наступательность в деятельности оперативников. Разведывательно-поисковый характер ОРД диктует необходимость закрепления более широкого спектра возможностей получения оперативно-значимой информации. Сравнительно-правовой анализ позволил нам выделить некоторые пути совершенствования отечественной нормы оперативно-розыского закона, определяющей сведения о признаках преступления и преступнике как основания для проведения ОРМ. В связи с чем, предлагаем для обеспечения единой терминологии, используемой в уголовно-правовом законодательстве, в число которых входит и Федеральный закон «Об ОРД», а также, повышения эффективности добывания оперативно-значимой информации с последующей ее реализацией в контексте достижения целей и решения задач ОРД предлагаем изложить пп.1 п.2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ОРД» в следующем виде:

Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность сведения о *признаках подготавливаемого, совершаемого, совершенного преступления и лицах, их подготавливающих, совершающих и совершивших, либо осведомленном о них, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела*.

Библиография:

1. Алексеев С. С. Государство и право : начальный курс. – М.: Юрид. лит., 1993. 190 с.
2. Лунеев В.В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Всероссийский криминологический журнал. 2007. №1-2. С. 6-24.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности / О.А. Вагин, К.К. Горяинов, А.В. Земскова и др. ; под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. 760 с.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2023 № 23-П «по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шестакина» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Определение Конституционного суда России от 14.07.1998 №86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // СПС «КонсультантПлюс»

References:

1. Alekseev S.S. State and law: initial course. – M.: Legal. lit., 1993. 190 p.
2. Luneev V.V. The science of the criminal cycle and criminological realities // All-Russian Criminological Journal. 2007. No. 1-2. pp. 6-24.
3. Theory of operational-search activities / O.A. Vagin, K.K. Goryainov, A.V. Zemskova and others; ed. K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Norma: INFRA-M, 2017. 760 p.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2023 No. 23-P "in the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 250 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Shestavin" // SPS "ConsultantPlus"
5. Ruling of the Constitutional Court of Russia dated July 14, 1998 No. 86-O "In the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On Operational-Investigative Activities" based on the complaint of citizen I.G. Chernovoy" // SPS "ConsultantPlus"

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ, ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Criminal law analysis of illegal hunting: some aspects of theory, practice and legislation

ВЛАСОВ Валерий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права и экологических экспертиз Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, действительный член РАЕН, член РАЮН, член Общественной палаты г. Красноярск, член Совета Красноярского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: vav.70@mail.ru;

VLASOV Valery Alexandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Land Law and Environmental Expertise Krasnoyarsk State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, full member of the Russian Academy of Sciences, member of the Russian Academy of Sciences, member of the Public Chamber of Krasnoyarsk, member of the Council of the Krasnoyarsk regional branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia".
Mira Ave., 90 Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: vav.70@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье автором анализируются отдельные правовые аспекты действующего законодательства Российской Федерации, доктринальные положения и примеры из судебной практики, связанные с незаконной охотой, одним из самых распространенных экологических преступлений на территории Российской Федерации. Анализ уголовных дел указывает на то, что органы дознания, как правило, не уделяют должного внимания фактической организованности, сплоченности лиц, совершающих данное преступление. Такие группы имеют постоянный состав, в них четко распределены роли, выработаны стандарты поведения, установлена четкая иерархия. Соответственно, организованная группа – гораздо более типичная форма соучастия для незаконной охоты, чем группа лиц по предварительному сговору.

Abstract: In this article, the author analyzes individual legal aspects of the current legislation of the Russian Federation, doctrinal provisions and examples from judicial practice related to illegal hunting, one of the most common environmental crimes in the Russian Federation. An analysis of criminal cases indicates that the investigative bodies, as a rule, do not pay due attention to the actual organization and cohesion of the persons committing this crime. Such groups have a permanent composition, roles are clearly distributed in them, standards of behavior are developed, and a clear hierarchy is established. Accordingly, an organized group is a much more typical form of complicity for illegal hunting than a group of persons by prior agreement.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, охота, экологические преступления, организованная группа, незаконная охота, состав преступления, правовые средства, объекты животного мира, охотничье хозяйство, охотничьи ресурсы, экологическая безопасность, судебная практика.

Key words: environmental protection, hunting, environmental crimes, organized group, illegal hunting, elements of the crime, legal means, wildlife, hunting industry, hunting resources, environmental safety, judicial practice.

Для цитирования: Власов В.А. Уголовно-правовой анализ незаконной охоты: отдельные аспекты теории, практики и законодательства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 483-486. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_483.

For citation: Vlasov V.A. Criminal law analysis of illegal hunting: some aspects of theory, practice and legislation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 483-486. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_483.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Проблемы отдельных традиционных видов уголовно-юридической ответственности за экологические преступления следует исследовать посредством анализа наиболее распространенных на практике составов уголовно-наказуемых деяний. Имеющаяся объективная необходимость теоретического и практического анализа специфики и оценки отдельных составов экологических преступлений вытекает из проводимой в Российском государстве уголовно-правовой политики, направленной на обеспечение рационального природопользования и экологической безопасности. В Указе Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» закреплены механизмы реализации, задачи и цели государственной политики в части сохранения «видового разнообразия животного мира» (п. «ж» ч.20 и п. «м» ч. 26) [1].

Ежегодно совершается достаточно большое количество преступлений экологической направленности, которые имеют отрицательные последствия для всей страны. Рассматриваемая группа преступлений отличается высокой латентностью, возникают сложности, связанные с их квалификацией [2].

Обеспечение сохранности объектов животного мира осуществляется посредством реализации положений природоресурсного права, которое регулирует порядок использования как данных объектов, так и среды их обитания. В то же время, если данные методы не дают положительного результата, возникает объективная необходимость в обеспечении данных положений посредством институтов ответственности, вплоть до преследования нарушителей в уголовно-правовом порядке в случае совершения уголовно-наказуемых деяний [3]. Важнейшим направлением

охраны окружающей среды в России следует считать сохранение объектов животного мира, выражающееся в недопущении таких негативных форм человеческого поведения, как незаконная охота [4].

Только по официальным данным, ущерб от указанного выше преступного деяния по некоторым оценкам составляет 19 млрд. рублей [5]. Но с учетом высокой латентности этого преступления он гораздо больше. Охота является древнейшим видом деятельности человека и в современный период осуществляется как в целях удовлетворения естественных потребностей (например, в регионах компактного проживания коренных малочисленных народов), так и в качестве хобби. Действующее законодательство возлагает ряд ограничений, относящихся к приобретению права охоты. Это обусловлено и необходимостью охраны животного мира от истребления, и целями контроля за использованием охотничьего оружия [6].

Следует разграничивать две категории: «охота» и «незаконная охота». Охота – это деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой [7]. Охота имеет место также в том случае, если лицо находится в охотничьих угодьях с оружием, собаками, ловчими птицами, капканами или другими орудиями охоты либо с добытой продукцией охоты [8]. Соответственно, из буквального толкования законодателем понятия охоты к ней можно отнести такую деятельность, которая фактически охотой не является.

Следует обратить внимание на то, что охота в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности осуществляется лицами, относящимися непосредственно к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока России, и их общинами, а также лицами, которые не относятся к указанным выше субъектам, но постоянно проживают в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и для которых охота является основой существования, свободно (без каких-либо разрешений на добычу охотничьих ресурсов) в объеме добычи охотничьих животных, необходимом для удовлетворения личного потребления. В всех других случаях для занятия охотой обязательно приобретение статуса охотника. Соответственно, охотником признается физическое лицо, сведения о котором содержатся в государственном охотхозяйственном реестре, или иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и заключивший договор об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства.

Некоторые специалисты утверждают, что имеются три принципиальных момента, которые требуют уяснения для верного понимания охоты как признака состава преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ:

1. Из законодательного определения охоты противозаконно извлечена цель поиска, выслеживания, преследования охотничьих ресурсов - добыча объектов животного мира. Таким образом, создана предпосылка для ложного расширительного толкования понятия охоты: фактически к охоте стало возможным отнести любую деятельность человека на территории охотничьих угодий.

2. В законодательном определении охоты не содержится указания на необходимую связь таких действий, как первичная переработка и транспортировка объектов животного мира, с ключевым действием охоты - добычей. Поскольку указанные действия осуществляются после достижения цели охоты (добычи объектов животного мира), то при отсутствии такой связи эти действия не имеют отношения к охоте и, соответственно, не могут составлять часть объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ.

3. Состав незаконной охоты в уголовном праве признается формальным (кроме преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ) и считается оконченным уже с начала поиска, выслеживания объектов животного мира. Но поскольку при незаконной охоте деятельность, связанная с поиском и выслеживанием объектов животного мира, осуществляется именно с целью их добычи, то оконченным данное преступление следует считать с того момента, когда виновный готов произвести отстрел или отлов животного или птицы, выполняя действия по их поиску или выслеживанию. Если лицо, хотя и передвигается в охотничьих угодьях с целью оценки обстановки с зачехленным орудием охоты, то такие действия еще не направлены непосредственно на поиск, выслеживание, преследование, поскольку осуществить саму добычу, реализовать поставленную цель лицо еще не готово [9].

Предметом данного преступления являются дикие животные (звери и птицы), обитающие в состоянии естественной свободы, а также выпущенные на волю (в охотничьи угодья) в целях разведения. Объектом преступления незаконной охоты выступают общественные отношения в области охраны и использования животного мира. Основными объектами данного преступного посягательства являются: экологическая безопасность общества, обеспечиваемая охраной животного мира, его рациональным использованием, воспроизводством и обеспечением необходимой численности диких животных, сохранением экологического равновесия на Земле; жизнеспособность животного мира во всем его многообразии.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] к охотничьим ресурсами на территории РФ относятся копытные животные - кабан, кабарга, дикий северный олень, косули, лось, благородный олень, пятнистый олень, лань, овцебык, муфлон, сайгак, серна, сибирский горный козел, туры, снежный баран, гибриды зубра с бизоном, домашним скотом. В качестве предмета незаконной охоты выступают дикие промысловые звери и птицы, находящиеся в состоянии естественной свободы.

Важное практическое значение имеет Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации» [11], в котором указаны виды охотничьих ресурсов и такса (в рублях за одну особь), например: благородный олень – 70000 рублей; медведи - 60000 рублей; рысь - 40000 рублей и т.д. Также при решении вопроса о том, является ли ущерб, причиненный незаконной охотой, крупным, целесообразно не только исходить из количества и стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных, но и учитывать иные обстоятельства содеянного, в частности эко-

логическую ценность животного, значимость для конкретного места обитания, численность популяции этих животных.

При решении вопроса о том, является ли ущерб, причиненный незаконной охотой, крупным, необходимо не только исходить из количества и стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных, но и учитывать иные обстоятельства содеянного, в частности экологическую ценность животного, значимость для конкретного места обитания, численность популяции этих животных.

Субъект данного преступления - общий - физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. Объективная сторона составов преступления выражается в форме действия: а) получении продукции охоты (пушного сырья, шкур, мяса диких зверей и птиц) неразрешенными способами; б) осуществлении охоты в запрещенные для нее сроки, в запрещенных местах (вне отведенных мест), неразрешенными орудиями, без надлежащего на то разрешения, вопреки специальному запрету либо по разрешению, но с отстрелом, выловом, добычей зверей и птиц сверх количества, указанного в лицензии (разрешении); в) проведении охоты лицом, не имеющим права на охоту или получившим лицензию без необходимого основания.

Субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется виной в форме умысла, при котором виновное лицо осознает противоправность своих действий и желает их совершить, а в некоторых случаях предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба. Следует отметить, что незаконная охота с причинением крупного ущерба, с применением механического средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов и иных способов массового уничтожения птиц и зверей, в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, на территории заповедника, заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, считается оконченной с момента начала добычи, выслеживания, преследования, независимо добыты дикие животные или нет. В результате лица, признанные виновными привлекаются к уголовно-правовой ответственности. Ранее, автор настоящего исследования уже обращал внимание на то, что уголовно-правовая ответственность как правовой институт представляет собой систему юридических норм, призванных обеспечивать эффективное применение и реализацию принудительных мер уголовно-правового воздействия на правонарушителей, установленного законом порядка рационального использования и охраны природных объектов и природных ресурсов [14]. В свое время Калининский райсуд Саратовской области, по одному из резонансных дел вынес приговор депутату Государственной думы Российской Федерации Валерию Рашкину три года условно за убийство лося на охоте [16].

Сложность разграничения незаконной охоты как административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния заключается в том, что не всегда удается определить грань между ними, которая является достаточно размытой. Так, на практике возникают проблемы при квалификации по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ с причинением крупного ущерба. Согласно данным судебной практики, за схожие преступления устанавливается как уголовная, так и административная ответственность. Так, по одному из дел мировой судья судебного участка № 131 в Шарыповском районе Красноярского края принял решение о привлечении к уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ за то, что гражданин Чечков А.П. отстрелял одну косулю. Свою вину в совершении преступления он признал частично, заявил о том, что умысла на добычу косули у него не было, так как предполагал, что стрелял в лису, при этом транспортное средство и фару при охоте не использовал и подал апелляционную жалобу. По итогам ее рассмотрения, приговор мирового судьи судебного участка № 131 в Шарыповском районе Красноярского края от 11 марта 2021 года в отношении Чечкова А.П. оставить без изменения, а апелляционную жалобу - без удовлетворения [12].

Постановлением мирового судьи по Шимановскому районному судебному участку от ДД.ММ.ГТТГ Мацуков О. А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 7.11 КоАП РФ, а именно произвел добычу копытных животных, относящихся к охотничьим ресурсам без разрешения и был подвергнут административному наказанию в виде лишения права осуществлять охоту на срок 2 года. Он подал апелляционную жалобу. По итогам ее рассмотрения, постановление мирового судьи по Шимановскому районному судебному участку от ДД.ММ.ГТТГ по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 7.11 КоАП РФ, в отношении Мацукова Олега Алексеевича оставить без изменения, а жалобу без удовлетворения [13]. Подобная противоречивость судебной практики была обусловлена отсутствием четких критериев определения крупного ущерба. Частично вопрос об определении ущерба при незаконной охоте был решен в постановлении Правительства РФ от 10 июня 2019 года № 7501[11]. Порог крупного и особо крупного ущерба устанавливается примечанием к ст. 258 УК РФ УК РФ, где указано, что крупным ущербом признается ущерб, превышающий сорок тысяч рублей, особо крупным – сто двадцать тысяч рублей. Анализ уголовных дел указывает на то, что органы дознания, как правило, не уделяют должного внимания фактической организованности, сплоченности лиц, совершающих данное преступление. Как правило, такие группы имеют постоянный состав, в них четко распределены роли, выработаны стандарты поведения, установлена четкая иерархия. Члены таких групп часто имеют иные, помимо непосредственно для участия в охоте, связи – рабочие, дружеские и т.д. Все это позволяет сделать вывод, что организованная группа – гораздо более типичная форма соучастия для незаконной охоты, чем группа лиц по предварительному сговору [14].

Разграничение незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (части 1 - 1.3 ст. 8.37 КоАП РФ) осуществляется по таким признакам, как причинение крупного ущерба, применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, совершение деяния в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, либо на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации [15].

Таким образом, по субъективному мнению автора настоящей статьи, в связи с тем, что в современный период времени охота перестала быть основным источником добычи пищевых продуктов, а больше относится к увлечениям, то имеется реальная потребность в иницировании предложения об ужесточении уголовной ответственности за совершение рассмотренного состава преступления, которое будет способствовать улучшению экологическую ситуацию в нашей стране.

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.
2. Каримова Ч.Р. Проблемы квалификации незаконной охоты / Ч.Р. Каримова // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 2(10). С. 144 -149.
3. Пономарев А.А. Незаконная охота в России: проблемы квалификации и расследования / А.А. Пономарев, В.С. Волков // Вестник Прикамского социального института. Гуманитарное обозрение. 2013. № 2 (7). С. 41-46.
4. Власов В.А. Отдельные актуальные аспекты уголовно-правовой ответственности за незаконную охоту (ст. 258 УК РФ) (на примере Красноярского края) / В.А. Власов, Ю.С. Асочакова, А.А. Саенко // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 107-111.
5. Минприроды: ежегодный ущерб от незаконной охоты превышает 19 млрд. рублей // РИА Новости URL: <http://ria.ru> (дата обращения: 13.06.2024).
6. Питулько К.В. Квалификация экологических преступлений: учебное пособие / К.В. Питулько, В.В. Коряковцев // Москва: КНОРУС, 2023. 144 с.
7. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
8. Власов В.А. Теоретический и практический анализ уголовно-правовой характеристики «Незаконной охоты» (ст. 258 УК РФ) / В.А. Власов, А.Е. Афанасьева // Agrarian and land law. 2022. № 7 (211). С. 86-89.
9. Сурихин П.Л. Внесистемность определения понятия «охота» как признака состава преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ / П.Л. Сурихин, В.В. Бабури // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4(75). С. 9 - 16.
10. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.
11. Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 24. Ст. 3102.
12. Постановление Шарыповского района Красноярского края № 10-4/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 10-4/2021 // Судебные решения. // URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 13.07.2024).
13. Решение Шимановского районного суда Амурской области № 12-59/2021 от 28 июня 2021 г. по делу № 12-59/2021 // URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 13.07.2024).
14. Власов В.А. Уголовно-правовая ответственность за совершение преступлений в области охраны и использования земель: отдельные актуальные аспекты / В.А. Власов, А.А. Тесленко, В.А. Толстик // Agrarian and land law. 2019. № 12 (180). С. 6-8.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 31.10.2012. № 251.
16. Рашкину дали 3 года условно за лося. Придется ли ему попрощаться с Госдумой? // URL: <https://www.kp.ru> (дата обращения: 13.07.2024).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/19/2017 No. 176 "On the Strategy of Environmental safety of the Russian Federation for the period up to 2025" // SZ RF. 2017. No. 17. St. 2546.
2. Karimova Ch.R. Problems of qualification of illegal hunting / Ch.R. Karimova // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 5. No. 2(10). pp. 144 -149.
3. Ponomarev A.A. Illegal hunting in Russia: problems of qualification and investigation / A.A. Ponomarev, V.S. Volkov // Bulletin of the Kama Social Institute. Humanitarian Review. 2013. No. 2 (7). pp. 41-46.
4. Vlasov V.A. Certain topical aspects of criminal liability for illegal hunting (Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation) (on the example of the Krasnoyarsk Territory) / V.A. Vlasov, Yu.S. Asochakova, A.A. Saenko // Law and the State: theory and practice. 2021. No. 7 (199). pp. 107-111.
5. Ministry of Natural Resources: annual damage from illegal hunting exceeds 19 billion rubles // RIA Novosti URL: <http://ria.ru> (date of reference: 06/13/2024).
6. Pitulko K.V. Qualification of environmental crimes: textbook / K.V. Pitulko, V.V. Koryakovtsev // Moscow: KNORUS, 2023. 144 p.
7. Federal Law No. 209-FZ of 07/24/2009 (as amended on 02/06/2023) "On Hunting and on the Conservation of Hunting resources, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2009. No. 30. St. 3735.
8. Vlasov V.A. Theoretical and practical analysis of criminal lawlegal characteristics of "Illegal hunting" (Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation) / V.A. Vlasov, A.E. Afanasyeva // Agrarian and land law. 2022. No. 7 (211). pp. 86-89.
9. Surikhin P.L. The non-systemic definition of the concept of "hunting" as a sign of a crime under Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation / P.L. Surikhin, V.V. Baburin // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(75). P. 9 - 16.
10. The Federal law from 24.07.2009 № 209-FZ (ed. from 08.08.2024) "About hunting and preservation of hunting resources and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Sz the Russian Federation. 2009. No. 30. St. 3735.
11. Decree of the Government of the Russian Federation No. 750 dated 06/10/2019 "On approval of taxes and methods for calculating large and especially large damage for the purposes of Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation" // NW RF. 2019. No. 24. Article 3102.
12. Resolution of the Sharypovsky district of the Krasnoyarsk Territory No. 10-4/2021 dated July 30, 2021 in case No. 10-4/2021 // Court decisions. // URL: <http://sudact.ru> (date of appeal: 07/13/2024).
13. Decision of the Shimanovsky District Court of the Amur region No. 12-59/2021 dated June 28, 2021 in case No. 12-59/2021 // URL: <http://sudact.ru> (date of application: 07/13/2024).
14. Vlasov V.A. Criminal liability for the commission of crimes in the field of land protection and use: selected topical aspects / V.A. Vlasov, A.A. Teslenko, V.A. Tolstikov // Agrarian and land law. 2019. No. 12 (180). pp. 6-8.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/18/2012 No. 21 (ed. dated 12/15/2022) "On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management" // Rossiyskaya Gazeta. 31.10.2012. № 251.
16. Rashkin was given 3 years probation for the moose. Will he have to say goodbye to the State Duma? // URL: <https://www.kp.ru> (date of application: 07/13/2024).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF RESPONSIBILITY OF THOSE SENTENCED TO FORCED LABOR: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

КЛИМАНОВ Павел Александрович,

преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО Самарский юридический институт ФСИН России, капитан внутренней службы.
443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рыльская ул., д.24 «В».
E-mail: Climonovpavel@mail.ru;

Klimonov Pavel Aleksandrovich,

lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, captain of the Internal Service.
443022, Samara region, Samara, Rylskaya str., 24 «V».
E-mail: Climonovpavel@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящем исследовании автор анализирует статистические данные Верховного Суда Российской Федерации по назначению наказания в виде принудительных работ, чем определяется актуальность темы. Анализ нормативных актов, определяющих порядок назначения и исполнения наказания в виде принудительных работ позволяет сформулировать и общую и специфическую правовую природу института ответственности осужденных к принудительным работам. Приведена авторская позиция, позволяющая рассмотреть ответственность осужденных к принудительным работам в конкретизированных аспектах. Рассматриваются некоторые проблемы практического характера при отбывании наказания в исправительных центрах (далее: ИЦ). По итогам исследования автором приводятся рекомендации по повышению эффективности привлечения к ответственности лиц, отбывающих наказания в ИЦ.

Abstract. In this study, the author analyzes the statistical data of the Supreme Court of the Russian Federation on the imposition of punishment in the form of forced labor, which determines the relevance of the topic. The analysis of normative acts defining the procedure for the appointment and execution of punishment in the form of forced labor allows us to formulate both the general and specific legal nature of the institution of responsibility of convicts to forced labor. The author's position is given, which makes it possible to consider the responsibility of convicts to forced labor in specified aspects. Some practical problems are considered when serving sentences in correctional centers (hereinafter: IC). Based on the results of the study, the author provides recommendations to improve the effectiveness of bringing to justice persons serving sentences in the IC.

Ключевые слова: принудительные работы, правовая природа, ПДН, ответственность осужденных, исправительные центры, дисциплинарная ответственность.

Keywords: forced labor, legal nature, PDN, responsibility of convicts, correctional centers, disciplinary responsibility.

Для цитирования: Климонов П.А. Правовая природа института ответственности осужденных к принудительным работам: теоретический и практический аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 487-490. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_487.

For citation: Klimonov P.A. The legal nature of the institution of responsibility of those sentenced to forced labor: theoretical and practical aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 487-490. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_487.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В современных реалиях особенно актуально изучение института ответственности осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы. Неоднозначность и бланкетность правовых норм, регулирующих рассматриваемый институт, создают полемику среди ученых. Настоящее исследование посвящено проблемам ответственности осужденных к принудительным работам, которые на сегодняшний день изучены в меньшей степени.

Согласно статистическим данным, опубликованным на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, судами в 2021 году по всем статьям УК РФ был назначен основной вид наказания в виде принудительных работ 1313 осужденным. В 2022 году - 3566 осужденных были приговорены к принудительным работам. В 2023 году - 17 333 человека [1].

Вышеприведенная статистика свидетельствует об актуальности рассмотрения данной темы исследования на сегодняшний день. Комментируя данные показатели, Константин Чуйченко на коллегии ФСИН России отметил, что в 2023 году по сравнению с 2020 годом в 5 раз увеличилось количество назначенных судами приговоров к принудительным работам, и этот показатель продолжает расти [2].

Также стоит отметить, что в 2023 году более 26 000 осужденных к принудительным работам привлекались к труду в 1700 организациях. В 2022 году их число составляло около 9300 человек. Несомненно, увеличение количества осужденных, пребывающих в исправительных центрах (далее ИЦ) порождает более подробное изучение темы института ответственности в отношении данной категории лиц.

Совершенствование существующих альтернативных видов наказаний невозможно без более подробного рассмотрения правового регулирования применения мер дисциплинарного взыскания. Наложение взысканий влечет за собой изменение правового статуса осужденных, тем самым является серьезной предпосылкой для дальнейшего формирования у них стимула к правопослушному поведению.

Так, по мнению Н.В. Ольховика, соблюдение осужденными требований порядка исполнения наказаний (непенитенциарного режима) обеспечивается как положительными, так и отрицательными стимулами. Стимулами в данном случае будут являться не только меры поощрений, но и меры взысканий. Именно их применение способно изменить поведение людей [3, с. 125].

Общую правовую природу ответственности осужденных к принудительным работам составляют положения Конституции РФ, междуна-

родные договоры, ратифицированные Российской Федерацией, подзаконные акты, принятые Минюстом России и ФСИН России, нормы Трудового Кодекса РФ, КоАП РФ.

Специфику правовой природы исследуемой темы составляют:

- ч. 3 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы;

- гл. 8.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (далее – УИК РФ).

- статья 60.14. Меры взыскания, применяемые к осужденным к принудительным работам;

- статья 60.15. Нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ;

- статья 60.20. Материальная ответственность осужденных к принудительным работам [4].

- Раздел 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 29.11.2023) Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (далее ПВР ИЦ) [5].

Исследуя меры взыскания при исполнении альтернативных лишению свободы видов наказаний, правовой основой которых является уголовно-исполнительное и трудовое право, вопрос значимости и приоритетности одного права над другим остается открытым. По нашему мнению, правильно считать уголовно-исполнительное право основным, так как именно оно задает координацию в вопросе регулирования условий и порядка исполнения и отбывания наказаний, значения средств исправления осужденных. Из этого следует, что правовое регулирование трудовой деятельности осужденных необходимо считать сопутствующим. Аналогичного мнения, в своем диссертационном исследовании придерживается и П.Н. Красоткин [6, с. 78].

Представляется целесообразным рассматривать институт ответственности осужденных к принудительным работам в нескольких аспектах:

Во-первых, в уголовно-правовом. Уголовная ответственность наступает с момента вынесения обвинительного приговора суда. В уголовном законе законодателем закреплены общие начала назначения наказания, которые можно определить в качестве сформулированных в уголовном законе основополагающих правил (требований), которыми обязан руководствоваться суд при назначении наказания. За совершенное преступление лицо претерпевает лишения и ограничения, которые могут выражаться в назначении такого наказания как принудительные работы. Частью 1 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) уголовное наказание рассматривается в качестве меры государственного принуждения, назначаемой по приговору суда [7].

Во-вторых, в уголовно-исполнительном. Осужденный, прибывший в исправительный центр для отбывания наказания в виде принудительных работ, автоматически несет дисциплинарную ответственность, как вид уголовно-исполнительной. Осужденный обязан подчиняться ПВР, действующим на территории ИЦ в период отбывания наказания [5].

Согласно УИК РФ, к осужденным к принудительным работам, допустившим нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ, администрацией исправительного центра могут применяться следующие меры взыскания:

а) выговор;

б) отмена права проживания вне общежития;

в) водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток. Помещения для нарушителей в исправительном центре является аналогом штрафного изолятора в колонии.

Нарушениями порядка и условий отбывания принудительных работ являются:

а) нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности;

б) нарушение трудовой дисциплины;

в) нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре;

г) неявка без уважительных причин на регистрацию в исправительный центр осужденного, которому разрешено проживание за его пределами.

Злостными нарушениями порядка и условий отбывания принудительных работ являются:

а) употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ;

б) мелкое хулиганство;

в) неповиновение представителям администрации исправительного центра или их оскорбление при отсутствии признаков преступления;

г) изготовление, хранение или передача запрещенных предметов и веществ;

д) организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно участие в них;

е) отказ от работы;

ж) самовольное без уважительных причин оставление территории исправительного центра;

з) несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания [4].

Так, осужденный к принудительным работам признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ при совершении злостного нарушения, а также при совершении в течение года трех нарушений, предусмотренных ч.1 ст. 60.15 УИК РФ, поста-

новлением начальника исправительного центра по представлению дисциплинарной комиссии исправительного центра.

Следует отметить, что материальная ответственность осужденных к принудительным работам может рассматриваться как отдельный вид ответственности или же как составная часть дисциплинарной ответственности, так как регламентируется УИК РФ. Автор придерживается точки зрения самостоятельности материальной ответственности.

В исследуемый аспект следует отнести и дисциплинарную ответственность осужденных к принудительным работам, которая регламентируется УИК РФ и ПВР.

Дисциплинарная ответственность осужденных за нарушения установленного порядка отбывания наказания в объективном аспекте – это требования, которые предъявляются к осужденным государством, дисциплинарные меры, с помощью которых государство в лице администрации ИЦ обеспечивает выполнение осужденными возложенных на них обязанностей.

Дисциплинарная ответственность осужденных в субъективном смысле – это их отношение к мерам дисциплинарной ответственности, в том числе к мерам взысканий, их восприятие и осознание. Осознание дисциплинарной ответственности является средством управления поведением осужденных.

Специфика дисциплинарной ответственности осужденных заключается в том, что она осуществляется в рамках уголовно-исполнительных правоотношений, которые возникают между государством и лицом, отбывающим наказание в ИЦ. Проблема субъектов, реализующих и исполняющих дисциплинарную ответственность, в юридической литературе практически не освещена. На основании действующего уголовно-исполнительного законодательства, в частности, ч.6 ст.60.16 УИК РФ, субъектом, имеющим право в полном объеме налагать дисциплинарные взыскания, а также применять меры поощрения является начальник ИЦ или лица, его замещающие. Однако, считаем целесообразным наделить старших инспекторов и инспекторов, а также оперативного дежурного правом налагать выговор устно, по аналогии с осужденными к лишению свободы ч.3 ст.119 УИК РФ, а также применять меры поощрения в виде благодарности подобно п. а ч.2 ст.119 УИК РФ для этого внести соответствующие дополнения в действующие нормы, конкретно в ст.60.16 УИК РФ. Что касается других мер ответственности, к которым относится привлечение к уголовной ответственности за повторное совершение преступления, привлечение к административной ответственности то следует отметить, что при их применении круг субъектов расширяется, то есть субъектами становятся суды, сотрудники полиции и другие субъекты, которые наделены предоставленными государством правами (полномочиями), другой стороной - нарушители установленного порядка отбывания наказания, в том числе и злостные.

А.И. Марцев рассматривает дисциплинарную ответственность как «исправительно-трудовое правоотношение, в котором администрация ИТУ, как представитель государства, применяет к правонарушителю дисциплинарное взыскание, предусмотренное исправительно-трудовым законодательством, в чем выражается отрицательное отношение государственного органа к содеянному и к личности правонарушителя, а правонарушитель тем самым несет тяготы и лишения, содержащиеся в применении к нему дисциплинарного взыскания» [8 с. 51]. Данное определение можно интерпретировать через призму альтернативных лишению свободы наказаний, к которым относятся принудительные работы.

В обоих определениях говорится, что дисциплинарная ответственность заключается в наложении дисциплинарных взысканий. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться, так как, содержанием дисциплинарной ответственности являются именно применение мер взыскания.

Резюмируя изложенное, нужно сказать, что изучение правовой природы института ответственности осужденных к принудительным работам следует начинать с общих нормативно-правовых актов к частным, выделенных в исследовании специфическими критериями с целью более конкретного разъяснения. Некоторые нормы носят бланкетный характер и имеют отсылку к ТК РФ, КоАП РФ, УК РФ, что также следует учитывать. Непосредственно дисциплинарная ответственность осужденных регламентируется нормами УИК РФ, ПВР.

Так как тема института ответственности осужденных к альтернативному лишению свободы наказаниям является диссертационной, в рамках данного исследования освещены лишь некоторые виды таковой.

На наш взгляд, обязанность осужденного к принудительным работам закрепленная в ПВР ИЦ (п. 8.6 добросовестное отношение к труду), является субъективной категорией. [5] Согласно ст. 60.15 УИК РФ нарушением порядка и условий отбывания принудительных работ, в частности, являются: нарушение трудовой дисциплины, отказ от работы. На практике представляется затруднительным привлечь к ответственности осужденного, явно не нарушающего требований ПВР, однако, по мнению работодателя, относящегося к труду не добросовестно.

Также, немало важной практической проблемой является не полная оснащенность техническими средствами контроля и надзора, конкретно камерами видеонаблюдения. Данный факт создает прецеденты нарушений, которые не удается своевременно зафиксировать. Так на примере ФКУ ИЦ № 1 УФСИН России по Ставропольскому краю можно констатировать, что на территории ИЦ есть «слепые» участки, не охватываемые камерами видеонаблюдения, где осужденные зачастую нарушают требования ПВР (курение в местах, не отведенных для этого) и иные правонарушения, конечно это не единичный случай.

В заключении исследования следует констатировать, тот факт, что существующий на данный момент институт ответственности осужденных к принудительным работам, в целом соответствует достижению целей наказания. Однако, необходимо обозначить ряд мер рекомендательного характера способных повысить эффективность привлечения осужденных к принудительным работам к дисциплинарной и иным видам ответственности. В первую очередь, важнейшими факторами, оказывающими влияние на применение в отношении осужденного тех или иных мер взысканий, будут являться такие особенности, характеризующие личность осужденного, как его поведение до совершения проступка, наличие вины в его действиях, степень тяжести совершенного им проступка по отношению к виду предполагаемого взыскания. Также на эффективность применяемых мер дисциплинарного воздействия в отношении осужденных будет оказывать влияние взаимодействие между сотрудниками

УИС и представителями администрации организации в которой трудоустроен осужденный. Практическая реализация вышеперечисленных аспектов будет способствовать осознанию и восприятию ответственности, формированию в сознании осужденных правопослушного поведения и добросовестного отношения не только к труду, но и к тем требованиям, которые диктует современное общество.

Несмотря на улучшения материально-технического обеспечения органов и учреждений ФСИН России, остаются некоторые учреждения, оснащённость которых камерами видеонаблюдения не является достаточной для фиксации нарушений. Представляется целесообразным устранить или конкретизировать формулировки, носящие субъективный характер предусмотренных ПВР ИЦ.

Библиография:

1. Электронный ресурс. Судебная статистика РФ.2021-2023 гг. <https://stat.ani-npecc.pdf/stats/ug/t/12/s/8> (Дата обращения: 15.06.2024 г.)
2. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2024/03/21/otrabotaiut-vinu.html> (Дата обращения: 01.07.2024 г.)
3. Ольховик Н.В. Эффективность уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных средств обеспечения непенитенциарного режима // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 125–129.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в последней редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.]
5. Приказа Минюста России от 04.07.2022 N 110 (ред. от 29.11.2023) Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157).
6. Красоткин П.Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: Дис. ... к-та юрид. наук. Рязань, 2014. 204 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2024).
8. Марцев А.И. Дисциплинарная ответственность осужденных по исправительно-трудовому праву: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1969. С. 55; Тихонов А.А. Дисциплинарная ответственность лиц, лишенных свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1984. С.50-51; Конегер П.Е. Указ. соч. С. 14.

References:

1. Electronic resource. Judicial statistics of the Russian Federation.2021-2023 <https://stat.ani-npecc.pdf/stats/ug/t/12/s/8> (Date of reference: 06/15/2024)
2. Electronic resource: <https://rg.ru/2024/03/21/otrabotaiut-vinu.html> (Date of appeal: 07/01/2024)
3. Olkhovik N.V. Effectiveness of criminal law, penal enforcement and criminal procedural means of ensuring a non-penitentiary regime // Bulletin of Tomsk State University. 2012. No. 356. pp. 125-129.
4. The Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1-FZ dated 08.01.1997 (in the latest edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 2. – Article 198.]
5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 07/04/2022 No. 110 (as amended on 11/29/2023) On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Enforcement System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Enforcement System (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 07/05/2022 No. 69157).
6. Krasotkin P.N. The application of educational measures to convicts serving sentences in the form of compulsory labor and correctional labor: Dis. ... to-that jurid. sciences'. Ryzan, 2014. 204 p.
7. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 07/01/2024).
8. Martsev A.I. Disciplinary responsibility of convicts under correctional labor law: Dis. ...Dr. Jurid. M., 1969. p. 55; Tikhonov A.A. Disciplinary responsibility of persons deprived of liberty: Abstract. ... cand. Jurid. sciences'. Kiev, 1984. pp.50-51; Koneger P.E. Decree. op. p. 14.

О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ON THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ЗАМАЛЕЕВА Светлана Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова».

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15.

E-mail: zam77@bk.ru;

Zamaleeva Svetlana Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure

FSBEI HE "Far Eastern Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov".

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.

E-mail: zam77@bk.ru

Краткая аннотация: статья посвящена исследованию научных подходов понятия доказательств в уголовном процессе. Автор, основываясь на законодательном определении, а так же на теории «единого понимания» сущности данного термина делает вывод, что доказательствами в уголовном процессе являются различные сведения, факты, материалы или информация, используемые для подтверждения или опровержения обстоятельств, имеющих существенное значение для установления вины или невинности обвиняемого в совершении преступления. Они служат основой для вынесения судебного решения и играют ключевую роль в процессе расследования и судебных заседаниях.

Abstract: The article is devoted to the study of scientific approaches to the concept of evidence in criminal proceedings. The author, based on the legislative definition, as well as on the theory of "common understanding" of the essence of this term concludes that evidence in criminal proceedings are various information, facts, materials or information used to confirm or refute the circumstances that are essential to establish the guilt or innocence of the accused in the commission of a crime. They serve as the basis for the judgment and play a key role in the process of investigation and court hearings.

Ключевые слова: доказательства, допустимость, надежность, источники доказательств, уголовный процесс, уголовное дело, следователь, суд, факты, источники, события, фактические данные.

Keywords: evidence, admissibility, reliability, sources of evidence, criminal process, criminal case, investigator, court, facts, sources, events, factual data.

Для цитирования: Замалеева С.В. О понятии и значении доказательств в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 491-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_491.

For citation: Zamaleeva S.V. On the concept and significance of evidence in criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 491-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_491.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Эволюция научных подходов в отношении понятия доказательств протекала в течение продолжительного периода времени. До революции, юристы в целом понимали под доказательствами событие, цель которого заключалась в убеждении судьи в существовании или отсутствии определенного обстоятельства, составляющего объект судебного исследования [3, с. 98; 12, с. 51].

В период советской власти у некоторых авторов доказательства стали рассматриваться как факты, представляющие собой объективно существующие события реальной действительности, используемые для установления совершения преступления [4, с. 223].

В последующем многие ученые стали рассматривать под термином «доказательства» сущности фактических данных. Основная часть специалистов в области уголовного процесса определяли доказательства через фактические данные, при этом интерпретируя их как те самые факты реального происшествия [7, с. 23-24].

К примеру, В.Д. Арсеньев отмечал, что уголовно-процессуальными доказательствами считаются фактические данные (события настоящего и прошлого), связанные с фактическими обстоятельствами, требующими установления в уголовном деле [1, с. 92]. В то время как некоторые ученые выражали мнение, что в уголовном процессе понятие доказательств охватывает как сами факты, так и источники этих фактов.

М.С. Строгович выделил смысл термина «доказательство» в контексте уголовного процесса: в первую очередь, как источник информации, предоставляемой следователем и судом относительно конкретного события, и, во-вторых, как самостоятельный факт или обстоятельство, на основе которого делаются выводы относительно других фактов, необходимых для разрешения уголовного дела [13, с. 160; 5, с. 11-12].

Научное сообщество в основном придерживается информационной концепции доказательств, в соответствии с которой доказательства складываются из фактических данных – информации о событиях, полученной из законом установленных источников.

Этот взгляд на определение доказательства в уголовном процессе, впервые выдвинутый В.Ю. Дороховым, получил широкую поддержку от многих экспертов в области процессуального права [6 с. 227]. Такой подход акцентирует важность рассмотрения доказательств как информации, извлекаемой из законом разрешенных источников, формируя понимание того, как факты представляются и толкуются в рамках законодательства [16, с. 4; 11, с. 96-98].

Тем не менее, существуют точки зрения, выдвигающие идею о различии между фактическими данными, представляющими собой информацию о событиях, и источниками, из которых эти данные происходят.

Процессуалист Ф.М. Кудин отстаивает позицию о том, что ключевая роль в формировании выводов следователя и суда принадлежит исключительно доказательствам – фактическим данным. Источники представляют собой некий контейнер, в котором содержатся указанные факты.

В соответствии со статьей 69 УПК РСФСР доказательствами рассматриваются все фактические данные, на основе которых органы дознания, следователи и суды в установленном законом порядке устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего данное деяние, а также другие обстоятельства, важные для правильного разрешения дела (часть 1 статьи 69 УПК РСФСР) [2, с. 10].

Далее, согласно части 2 статьи 69 УПК РСФСР, такие данные могут быть установлены показаниями свидетелей, потерпевшего, подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных действий и другими документами. Такая формулировка законодателя привела к «двойственному» пониманию понятия доказательств, где оно охватывает два аспекта.

В основном, доказательства представляют собой события, на которых основано наличие или отсутствие события преступления, определение вины или невиновности конкретного лица в его совершении, а также другие аспекты дела влияющие на его эффективное расследование. В дополнение к этому, категория доказательств включает в себя источники, предусмотренные законом, из которых органы дознания, следствия и суды извлекают информацию о фактах, значимых для расследования уголовного дела, и которые служат подтверждением этих фактов [8, с. 354].

Тем не менее, существуют ученые, придерживающиеся концепции «единого» понимания доказательств, которые стоят на противоположной точке зрения.

В рамках данной теории предлагается выделить две основные составляющие в структуре доказательств – содержание и форму. «Содержание отображения в доказательстве» включает в себя фактические данные, то есть конкретную информацию, в то время как «форма, способ существования и выражения отображения» связана с источником этих фактических данных.

В последующем, многие ученые приступили к критическому рассмотрению терминов «факт» и «фактические данные», опираясь на представление, что общепринятое толкование факта предполагает его объективное существование вне зависимости от человека. Факт, используемый в логическом доказательстве, представляет собой знание, выведенное на основе информации о фактах (доказательствах), которое следует различать от самих доказательств [10, с. 39].

В теории термин «факт» это фрагмент объективной реальности, представляющий собой «действительное, реально существующее, невымышленное событие» или «нечто реальное, в противоположность вымышленному».

В уголовном процессе, при предъявлении доказательств необходимо осуществлять тщательную проверку и оценку всех имеющихся данных, поступающих от органов следствия, дознания и суда, будь то информация, полученная от живых лиц, или следы, зафиксированные на материальных носителях (вещественные доказательства).

К примеру, информация, предоставленная свидетелями, потерпевшими или обвиняемыми, может не соответствовать объективной реальности. Лица, предоставляющие показания, могут совершать ошибки в восприятии событий из-за неправильного восприятия окружающего мира или предоставлять заведомо ложные сведения. Следовательно, принимать их информацию за факты или фактические данные без должной проверки нецелесообразно.

В настоящее время, учитывая предложенные выше замечания ученых относительно недостатков определения термина «доказательства», законодатель закрепил понятие «доказательства» в статье 74 УПК РФ. В отличие от предыдущей формулировки, термин «фактические данные» был заменен на «любые сведения». Также, в настоящей законодательной формулировке понятия «доказательства» имеется отражение теории «единого понимания» сущности данного термина [14, с. 262].

В первой части упомянутой статьи утверждается, что «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

В части 2 статьи 74 УПК РФ утверждено, что «В качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы». Такая формулировка закона относительно понятия «доказательства» позволяет ученым сделать вывод о том, что доказательства представляют собой неразрывную связь между их содержанием (часть 1 статьи 74 УПК РФ) и процессуальной формой, в которую они должны быть внесены (часть 2 статьи 74 УПК РФ).

Ю.К. Орлов выделяет неразрывность формы и содержания, ссылаясь на общее понимание того, что информация, также как и энергия, существует лишь в материальном носителе. Форма доказательств, по его мнению, должна быть способом выражения содержания, служащим их процессуальным и законодательным выражением.

В этой связи процессуальная форма доказательств совпадает с такой категорией, как «источник сведений», на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Статья 74 УПК РФ устанавливает, что сведения, зафиксированные в установленном законом порядке в результате процесса следообразования, отражающего обстоятельства преступления, могут быть получены либо из сознания людей, либо зафиксированы на неодушевленных предметах. Согласно различным теориям уголовного процесса, часть 2 данной статьи может рассматриваться как перечень видов доказательств.

С.А. Шейфер считает, что термин «источники доказательств» неопределен, поскольку, по его мнению, этот термин фактически означает различные виды доказательств, которые различаются способом сохранения и передачи информации, то есть их формой. Однако данную точку зрения можно оспорить, учитывая, что, как уже отмечалось, протоколы следственных действий, материальные объекты (вещественные доказательства), заключения экспертов и другие подобные элементы, не содержащие информации, связанной с делом, не могут установить фактические обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ, и, следовательно, не являются полноценными доказательствами [15, с. 97].

Точно так же сведения, имеющие отношение к делу, но полученные и зафиксированные не в соответствующей процессуальной форме или с нарушением процессуального порядка, также будут лишены юридического значения. Это обусловлено тем, что законодателем предъявляются определенные требования к доказательствам, которые в науке уголовного процесса обычно называют признаками доказательств [9, с. 82-83].

Таким образом, отметим, что доказательствами в уголовном процессе являются – различные сведения, факты, материалы или информация, используемые для подтверждения или опровержения обстоятельств, имеющих существенное значение для установления вины или невиновности обвиняемого в совершении уголовного преступления. Они служат основой для вынесения судебного решения и играют ключевую роль в процессе расследования и судебных заседаний.

Следует сказать, что доказательства в уголовном процессе представляют собой ключевой инструмент, неотъемлемо взаимодействующий с целью выяснения истины и обеспечения справедливости в ходе расследования уголовного дела. Эти элементы информационного содержания служат основой для установления фактических обстоятельств, важных для вынесения судебных решений.

Значение доказательств заключается в их способности оказывать влияние на мнение органов суда, относительно существенных аспектов уголовного преступления, включая обвинение в его совершении, виновность подсудимого, а также другие аспекты уголовного дела.

Доказательства, включающие в себя как факты, так и источники, служат основой для формирования юридических заключений и выводов. Важным аспектом является их соответствие установленным законом критериям допустимости и надежности. Таким образом, значение доказательств состоит в их способности эффективно поддерживать объективность судебного процесса и обеспечивать законное решение уголовных дел.

Библиография:

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 92.
2. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 10.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. СПб., 1910. С. 98.
4. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 223.
5. Гродзинский М.М. Доказательства в советском уголовном процессе // Государственный обвинитель в советском суде: сборник. М., 1954. С. 11-12.
6. Дорохов В.Я. Понятие доказательства / Теория доказательств в советском уголовном процессе (часть общая). М., 1966. С. 227.
7. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. С. 23-24.
8. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 2018. С. 354.
9. Костенко Р.В. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств. Краснодар, 2021. С. 82-83.
10. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2020. С. 39.
11. Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства / Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 28. С. 96-98.
12. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 51.
13. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1958. С. 160.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2020. С. 262.
15. Шейфер С.А. Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Государство и право. 2019. № 10. С. 97.
16. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 4.

References:

1. Arsenyev V.D. Questions of the general theory of judicial evidence. M., 1964. P. 92.
2. Belkin R.S. Collection, research and evaluation of evidence. M., 1966. P. 10.
3. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. Parts: general and special. St. Petersburg, 1910. P. 98.
4. Vyshinsky A.Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. M., 1950. P. 223.
5. Grodzinsky M.M. Evidence in the Soviet criminal process // The State prosecutor in the Soviet court: collection. M., 1954. pp. 11-12.
6. Dorokhov V.Ya. The concept of evidence / Theory of evidence in the Soviet criminal process (part general). M., 1966. p. 227.
7. Kaz Ts.M. Evidence in the Soviet criminal process. Saratov, 1960. pp. 23-24.
8. Karneeva L.M. Evidence in the Soviet criminal trial. Volgograd, 2018. p. 354.
9. Kostenko R.V. Theoretical, legislative and law enforcement aspects of the concept of criminal procedural evidence. Krasnodar, 2021. pp. 82-83.
10. Orlov Yu.K. Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings: scientific and practical. manual. M., 2020. p. 39.
11. Orlov Yu.K. The structure of judicial evidence and the concept of judicial evidence / Issues of combating crime. M., 1978. Issue 28. pp. 96-98.
12. Poznyshch S.V. Elementary textbook of the Russian criminal process. M., 1913. P. 51.
13. Strogovich M.S. Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process. M., 1958. P. 160.
14. Criminal lawprocedural law of the Russian Federation: textbook / ed. by P.A. Lupinskaya. M., 2020. p. 262.
15. Shafer S.A. Problems of legal regulation of evidence in the criminal procedure legislation of the Russian Federation // State and law. 2019. No. 10. p. 97.
16. Shafer S.A. The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process. M., 1972. p. 4.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_494

УДК 343.829

**УСТАНОВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВА, ПОДЛЕЖАЩЕГО КОНФИСКАЦИИ,
КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ESTABLISHMENT OF THE PROPERTY SUBJECT TO CONFISCATION
AS ONE OF THE TASKS OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES:
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS**

КАЗАК Игорь Брониславович,

доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

ГРУШИН Федор Владимирович,

главный научный сотрудник НИЦ 1, ФКУ НИИ ФСИН России.

Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

Kazak Igor Bronislavovich,

Associate, Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees

in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

Grushin Fyodor Vladimirovich,

Chief Researcher at SIC 1, Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье излагаются основные правовые и теоретические проблемы, связанные с решением задачи оперативно-розыскной деятельности по установлению имущества, подлежащего конфискации. Проведен анализ основных положений законодательства в данной сфере, выявлены особенности правовой регламентации данной задачи оперативно-розыскной деятельности и проблемы, связанные с ее реализацией.

Abstract: The article outlines the main legal and theoretical problems associated with solving the task of operational investigative activity to identify property subject to confiscation. The analysis of the main provisions of legislation in this area has been carried out, the features of the right regulation of this task of operational investigative activity and the problems associated with its implementation have been identified.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конфискации имущества, оперативные подразделения, задачи, собственность, коррупция, конституционный суд.

Keywords: operational investigative activities, confiscation of property, operational units, tasks, property, corruption, constitutional court.

Для цитирования: Казак И.Б., Грушин Ф.В. Установление имущества, подлежащего конфискации, как одна из задач оперативно-розыскной деятельности: теоретический и правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 494-498. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_494.

For citation: Kazak I.B., Grushin F.V. Establishment of the property subject to confiscation as one of the tasks of operational investigative activities: theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 494-498. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_494.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Согласно ст. 2 Федерального закона №144-ФЗ от 12.08.1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») одной из ее задач является установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации. Впервые задача установления имущества, подлежащего конфискации была внесена в рассматриваемую статью в 2008 году. Данные изменения обосновывались прежде всего тем, что в соответствии с положениями Конституции РФ и требованиями уголовно-процессуального законодательства конфисковать можно то, что обнаружено в натуре, то, о чем имеет представление суд. Исходя из этого, в обязанности должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вменяется не только обнаруживать местонахождение искомого имущества, но и добывать информацию, подтверждающую источник его происхождения. Обнаруженное имущество также может использоваться в качестве вещественных доказательств по конкретному уголовному делу[1, С. 14].

Согласно ст. 81 УПК РФ установлению подлежит:

- имущество, находящееся в личной собственности осужденного или его доля в общей собственности (например, машина, квартира, дача и т.д.), в том числе имущество, нажитое преступным путем;
- любые предметы, которые служили орудиями или средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;
- предметы, на которые были направлены преступные действия;

- предметы, запрещенные к свободному обращению;

- платежные документы, деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, а также доходы от этого имущества.

Однако последующее развитие уголовного, а также антикоррупционного, антитеррористического и антиэкстремистского законодательства выявило необходимость дополнения данной задачи исходя из реалий сегодняшнего времени. Так, Федеральным законом от 28.06.2022 № 202-ФЗ внесены изменения в статьи 2 и 11 Федерального закона «Об оперативной - розыскной деятельности» и в указанную задачу включено и установление имущества, которое необходимо для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа и других имущественных взысканий.

В пояснительной записке к данному закону отмечается, ежегодный рост количества преступлений экономической направленности, а также увеличение материального ущерба от них и достаточно низкий процент его возмещения (не больше 60%).

Сенаторы предлагают прямо указать, что к задачам оперативно-розыскной деятельности относится установление имущества, которое необходимо для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа и других имущественных взысканий. По их мнению, в Законе об ОРД также следует упомянуть, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться для розыска этого имущества.

В соответствии со ст. 160.1 УПК следователь и дознаватель, установив имущественный вред от преступления, должны принять меры по установлению имущества подозреваемого или обвиняемого, однако, подозреваемые и обвиняемые нередко пытаются скрыть имущество, на которое можно наложить арест. Ускорить обнаружение незаконно приобретенного имущества, а также иного имущества, на которое может быть наложен арест с целью полного возмещения ущерба, можно лишь при наличии своевременных, активных и скоординированных действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов расследования, в том числе своевременного предоставления последним оперативными подразделениями данных об указанном имуществе.

Согласно ч. 1 ст. 115 УПК для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации на имущество подозреваемого или обвиняемого можно наложить арест. Однако, среди задач ОРД было закреплено только обнаружение имущества, подлежащего конфискации. То есть органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, не уполномочены разыскивать другое имущество, на которое налагается взыскание для возмещения причиненного преступлением материального вреда.

На наш взгляд решение задачи - установления имущества, подлежащего конфискации изначально действительно было направлено на обеспечение именно уголовно-процессуальной деятельности и реализацию положений уголовного законодательства. Однако, на сегодняшний день, данная задача законодателем расширена и включает в себя не только конфискацию имущества как меру, предусмотренную уголовным законодательством, но иными правовыми актами, например, антикоррупционным законодательством.

Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера, заключается в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью лица, совершившего преступление [2].

Конфискацию необходимо отличать от принудительного взыскания ущерба, причиненного преступлением, путем обращения его на имущество осужденного. В этом случае имущество изымается в пользу конкретного лица или на погашение конкретного ущерба, при конфискации же обращается в доход государства. В то же время и данная задача после внесения указанных изменений также стоит перед оперативными подразделениями субъектов ОРД.

Применение меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества (деньги, ценности и иное имущество) предусмотрено главой 15.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и состоит в его принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства в следующих случаях:

- если имущество получено в результате преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, или явилось предметом незаконного перемещения через таможенную границу либо через Государственную границу Российской Федерации,

- имущество, в которое было частично или полностью превращено или преобразовано имущество, полученное в результате совершения преступлений,

- кроме того, подлежат конфискации деньги, ценности и иное имущество, используемые для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) либо предназначенные для этих целей,

- орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, могут быть конфискованы судом по делам о преступлениях, перечень которых законом не ограничен.

Конфискация орудий, оборудования или иных средств совершения преступления допустима, когда такое имущество находится в собственности обвиняемого.

При этом имущество подлежит конфискации и не может быть возвращено лицу, являющемуся его владельцем, если это лицо участвовало в совершении преступления, в связи с которым применяется конфискация (например, владельцу предметов контрабанды, участвовавшему в их незаконном перемещении).

По делам о коррупционных преступлениях деньги, ценности и иное имущество, переданные в виде взятки или предмета коммерческо-

го подкупа, подлежат конфискации и не могут быть возвращены взяткодателю либо лицу, совершившему коммерческий подкуп, в том числе в случаях, когда они освобождены от уголовной ответственности в связи с тем, что активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления, или в отношении лица имело место вымогательство взятки или предмета подкупа со стороны должностного лица, либо когда лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки или совершении подкупа. Исключением являются случаи передачи взятки или предмета коммерческого подкупа под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с целью задержания с поличным лица, заявившего требование о даче взятки или коммерческом подкупе.

По уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности конфискации подлежат любое имущество, принадлежащее обвиняемому, являющееся орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления. Деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), подлежат конфискации независимо от их принадлежности.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, в целях обеспечения возможной конфискации, арест может быть наложен судом на имущество, находящееся не только у подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, но и у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Арест на такое имущество может быть наложен и в тех случаях, когда личность подозреваемого или обвиняемого не установлена.

Если с учетом обстоятельств уголовного дела осуществить конфискацию определенного предмета не представляется возможным в связи с его использованием, продажей или по каким-либо иным причинам, то подлежит конфискации иное имущество, соразмерное стоимости утраченного.

Не является конфискацией имущества передача в соответствующие учреждения или уничтожение по решению суда приобретенных к уголовному делу в качестве вещественных доказательств предметов, запрещенных к обращению либо изъятых из незаконного оборота.

При решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь решается вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу, в том числе за счет имущества, подлежащего конфискации.

Порядок применения конфискации имущества определен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве».

Однако конфискация имущества предусмотрена не только Уголовным кодексом, но и антикоррупционным законодательством, и в первую очередь речь идет о Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Федеральном законе от 03.12.2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц, их доходам». Последний, согласно ст. 1, устанавливает основания для контроля за соответствием расходов должностного лица, его супруга и несовершеннолетних детей их доходам. Статья 17 указанного закона предоставляет право прокуратуре обращаться в суд с иском об обращении в доход государства имущества, в отношении которого должностным лицом, не представлено сведений о его приобретении на законные доходы. То есть, в данном случае речь идет о конфискации имущества которое проводится в рамках гражданско-правовых правоотношений, что безусловно является новеллой в оперативно-розыскном законодательстве.

ФЗ «Об ОРД» помимо рассматриваемой ст. 2 закрепляет и иные положения касающиеся решения данной задачи, например, ч. 3 ст. 7 и ст. 11.

Так в ст. 11 говорится, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и установлению имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, для принятия решений, указанных в части третьей статьи 7 настоящего Федерального закона. В том числе органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий вправе также собирать данные, необходимые для принятия решений:

О достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены в результате террористической деятельности, но не ранее установленного факта начала участия лица, совершившего террористический акт, в террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при наличии запроса, направленного в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции, в пределах своих полномочий проводят оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания информации, необходимой для принятия решений:

1. О достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами гражданами, претендующими на замещение:

1) государственных должностей Российской Федерации, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки указанных сведений;

2) государственных должностей субъектов Российской Федерации;

3) должностей глав муниципальных образований, муниципальных должностей, замещаемых на постоянной основе;

4) должностей федеральной государственной службы;

5) должностей государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации;

6) должностей муниципальной службы;

7) должностей в государственной корпорации, Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;

8) отдельных должностей, замещаемых на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

9) должностей служащих Центрального банка Российской Федерации;

10) должностей уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (финансового уполномоченного) и руководителя службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного.

2. О достоверности и полноте сведений, представляемых лицами, замещающими должности, указанные в пункте 1 настоящей части, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки достоверности сведений.

3. О соблюдении лицами, замещающими должности, указанные в пункте 1 настоящей части, ограничений и запретов, которые установлены Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении ими обязанностей, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки соблюдения указанными лицами данных ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении обязанностей.

4. О достоверности и полноте сведений, представляемых гражданином, претендующим на замещение должности судьи.

В то же время решение данной задачи выявило и ряд проблемных вопросов в деятельности субъектов ОРД. Например, ФЗ «Об ОРД» не определяет четко круг лиц, в отношении которых можно проводить оперативно-розыскные мероприятия по вышеуказанным основаниям и содержит отсылочную норму на Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц, их доходам» №230-ФЗ от 03.12.2012. Согласно ст.1, указанный закон устанавливает основания для контроля за соответствием расходов должностного лица, его супруга и несовершеннолетних детей их доходам. То есть, принимаются во внимание только супруг и дети. Статья 17 указанного закона предоставляет право прокуратуре обращаться в суд с иском об обращении в доход государства имущества, в отношении которого должностным лицом, не представлено сведений о его приобретении на законные доходы. И здесь сразу возникает вопрос – на чье имя это имущество должно быть приобретено? По логике закона – на имя самого должностного лица, его супруга, и несовершеннолетних детей. Ведь о других (аффилированных) лицах в законе вообще не упоминается. Такую точку зрения подтверждает и КС РФ, ведь Постановлением КС РФ от 29.11.2016 №26-П (п.1) установлено, что обратить в доход государства можно только имущество, принадлежащее должностному лицу, его супругу, несовершеннолетним детям. Однако тот же Конституционный суд в своем Определении от 2.10.2019 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Дмитрия Викторовича и Семьиной Марины Александровны на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» признал законным конфискацию имущества у родственников и знакомых коррупционеров. А точнее – у тех, кто не смог обосновать наличие средств на покупку дорогостоящего имущества. КС РФ разъяснил, что лицо, у которого конфискуют имущество, не лишено права представлять доказательства законного его происхождения. Причем, без прямого указания, какое именно лицо – близкий родственник или «просто знакомый». Однако, из описания сути жалобы можно сделать вывод, что речь идет про любое лицо.

Еще до данного решения КС РФ именно по такому пути пошла правоприменительная практика, например: решение Красногорского городского суда от 08.04.2019 по делу №2-3150/2019 (в качестве ответчиков по делу «друзья и знакомые» – 14 физических и 20 юридических лиц. Иск прокуратуры удовлетворен полностью, всего в доход государства конфисковано (у ответчиков) имущество на сумму до 10 млрд.рублей); решение Клинского городского суда от 15.05.2019 по делу №2-1916/2019 (ответчики – 12 юридических и 12 физических лиц (друзья и знакомые, родственники). Иск прокуратуры удовлетворен полностью, в доход государства обращено имущество на сумму несколько млрд. рублей). Таким образом, «расширительное» применение ст.17 закона к друзьям и знакомым должностных лиц применялось на практике и ранее.

Об этом говорит и следственная практика, в отдельных случаях ч. 3 ст. 115 УПК позволяет наложить арест на имущество третьих лиц, которые не являются ни подозреваемыми, ни обвиняемыми. В последнее время все чаще в ходатайствах следователя о наложении ареста на имущество и в соответствующих постановлениях судов мы встречаем фразу, что у органа предварительного расследования имеются достаточные основания полагать, что данное имущество фактически принадлежит подозреваемому (обвиняемому) или приобретено на средства от противоправной деятельности. Поэтому, исходя из вышесказанного, и принимая во внимание судебную и следственную практику, при решении рассматриваемой задачи оперативные сотрудники должны проводить работу по достаточно большому кругу лиц, в ходе чего должны быть получены

неопровержимые доказательства, без которых невозможно наложить арест на имущество.

Помимо этого, решение данной задачи часто сталкивается с отсутствием оперативности, так как финансовые активы все чаще прячутся в иностранных юрисдикциях, что существенно осложняет процесс их розыска и возврата для погашения ущерба, причиненного преступлением. В результате даже при наличии обвинительного приговора ущерб потерпевшему не возмещается. Также отсутствуют рабочие механизмы, которые повысят эффективность поиска сокрытого имущества и оперативность его изъятия. В частности, возможность неотложной блокировки банковских счетов и ареста криптовалюты. А на практике в случае кибермошенничества шанс вернуть денежные средства есть только в ближайшие два дня. Также ч. 10 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» при проведении оперативно-розыскных мероприятий по основаниям, предусмотренным пунктами 1 - 4, 6, 6.1 и 7 части второй статьи 7, запрещается осуществление действий, указанных в пунктах 8 - 11 части первой статьи 6 настоящего Федерального закона, то есть оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, без проведения которых часто невозможно найти имущество.

Также ст. 14 ФЗ «Об ОРД» в качестве обязанностей оперативно-розыскных органов не закрепляет решение рассматриваемой задачи, что приводит к ее игнорированию при разработке ведомственных нормативных актов и распорядительных документов [3, С. 118].

Вызывает много вопросов и процесс рассекречивания результатов ОРД для использования в гражданском производстве, если они ранее не были рассекречены в рамках уголовного дела. Так как действующая Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27.09.2013 г. не предусматривает данного механизма.

Библиография:

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) // Горяинов К.К. и др. – М.: Проспект, 2023.
2. Векленко С. В. Конфискация и «иная» мера уголовно-правового характера: проблемы решения в правоприменении // Институт конфискации имущества в законодательстве государств — членов Совета Европы и в российском законодательстве: материалы Международного семинара. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
3. Ахмедов А.Г. Значение расширения задач оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Журнал правовых и экономических исследований. 2023, № 1. С. 116–122

References:

1. Scientific and practical commentary on the Federal Law "On operational investigative activities" (article by article) // Goryainov K.K. et al. – M.: Prospect, 2023.
2. Veklenko S. V. Confiscation and "other" measure of a criminal nature: problems of solution in law enforcement // The Institute of Confiscation of Property in the legislation of the member States of the Council of Europe and in Russian legislation: proceedings of the International Seminar. Barnaul: Publishing House of the Alt. University, 2008.
3. Akhmedov A.G. The importance of expanding the tasks of operational investigative activities in criminal proceedings // Journal of Legal and Economic Research. 2023, No. 1. pp. 116-122

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ LEGAL ASPECTS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENTS IN CONNECTION WITH CONCALLATION FOR MILITARY SERVICE

БОНДАРЕНКО Сергей Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России.
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24 в.
E-mail: m003tt163@mail.ru;

ИВАНОВ Виталий Валерьевич,

курсант, Самарский юридический институт ФСИН России.
443022, Россия, г. Самара, ул. Рылская, 24 в.
E-mail: vitaly_ivanov_0@list.ru;

Bondarenko Sergey Vyacheslavovich ,

PhD in Law, docent, Head of the Department of Criminal Law Disciplines,
Samara Law Institute Federal Penitentiary Service of Russia.
24 v Rylskaya str., Samara, 443022, Russia.
E-mail: m003tt163@mail.ru;

Ivanov Vitaly Valerievich,

Cadet, Samara Law Institute Federal Penitentiary Service of Russia.
24 v Rylskaya str., Samara, 443022, Russia.
E-mail: vitaly_ivanov_0@list.ru

Краткая аннотация. В статье проведен анализ норм уголовного законодательства, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания в связи с призывом на военную службу, также проанализированы некоторые положения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Авторы обозначили ряд вопросов относительно формулировки норм уголовного закона и потенциальные криминологические проблемы, связанные с их реализацией на практике, и, исходя из этого, предложили меры по совершенствованию действующего законодательства.

Abstract. The article analyzes the norms of criminal legislation regulating exemption from criminal liability and criminal punishment in connection with conscription, as well as analyzes some provisions of criminal procedure and penal enforcement legislation. The authors identified a number of questions regarding the formulation of the norms of the criminal law and potential criminological problems associated with their implementation in practice, and, based on this, proposed measures to improve the current legislation.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус личности, обороноспособность государства, правосознание, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, освобождение от уголовной ответственности, призыв на военную службу, судимость, мобилизация, условное освобождение от наказания.

Key words: the constitutional and legal status of the individual, the defense capability of the state, legal awareness, the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, exemption from criminal liability, conscription, criminal record, mobilization, conditional release from punishment.

Для цитирования: Бондаренко С.В., Иванов В.В. Правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 9(237). С. 499-502. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_499.

For citation: Bondarenko S.V., Ivanov V.V. Legal aspects of exemption from criminal liability and punishments in connection with consallation for military service // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 9(237). pp. 499-502. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_499.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Исполнение военной обязанности является важным элементом конституционно-правового статуса личности, играет большую роль в обороноспособности государства, а ее реализация зависит от уровня правосознания конкретного гражданина.

События, произошедшие на мировой и национальной арене за последние годы, ясно демонстрируют необходимость гибкости и оперативности изменений законодательства. Только так государство сможет эффективно реагировать на вызовы современности и изменения в обществе. Результатом подобных преобразований стало принятие федерального закона № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 64).

Стоит отметить, что маневренность законодательства в аналогичных ситуациях – явление не новое. Так, еще 12 июля 1941 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ об освобождении от наказания определенных категорий осужденных¹. В рамках указа, введенного в регионах с военным положением, предусматривалось освобождение осужденных, совершивших преступления небольшой тяжести, в их число входили: нарушение рабочих норм и мелкое воровство на предприятиях, исключение составляли только злостные хулиганы и рецидивисты. Кроме того, освобождение предоставлялось беременным женщинам, матерям с детьми дошкольного возраста и студентам профессионально-технических училищ и школ, ранее осужденным.

¹ Верт Н., Мироненко С. В. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР – М.: «Российская политическая энциклопедия* (РОССПЭН)» - 2004. – С. 425.

В конце 1941 года действие рассматриваемого указа распространилось на весь Советский Союз, при этом расширился перечень категорий граждан, освобождавшихся от наказания за довоенные преступления. В этой связи некоторые исследователи отмечали рост преступности в послевоенном СССР¹.

Следовательно, можно утверждать, что наше государство уже проходило сложные исторические периоды, когда подобные основания освобождения от ответственности были необходимы и диктовались первостепенными и значимыми государственными целями.

Возвращаясь к современному этапу, стоит отметить, что проведение специальной военной операции обусловило законодательные изменения. В частности, Федеральный закон от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – ФЗ № 270), который в настоящее время утратил силу из-за внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), детализировал категории лиц, подлежащих освобождению от уголовной ответственности и наказания:

- 1) лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 205.2, ч.1 и ч.2 ст. 220, ч.1 ст. 221 и ст. 280 УК РФ; в отношении которых осуществлялось предварительное расследование;
- 2) лица, проходящие военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершившие преступления, в отношении которых осуществляется предварительное расследование (п.2 ст.2 ФЗ №270);
- 3) лица, имеющие судимость, за исключением судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, либо преступлений, предусмотренных ст.205 – 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276 - 280, 281 – 281.3, 282.1 – 282.3, 360, 361 УК РФ, приговоры по которым вступили в законную силу до дня вступления в силу ФЗ № 270, в том числе лица, отбывшие наказание или условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания.

Для начала необходимо отметить, что порядок уголовного судопроизводства, согласно ст. 1 УПК РФ устанавливается упомянутым кодексом. Более того, статья не устанавливает возможность регулирования уголовного процесса иными федеральными законами. Помимо этого УК РФ в части 1 статьи 1 называет себя основным источником уголовного права, а ч. 1 статья и 3 закрепляет, что любые уголовно-правовые последствия определяются исключительно УК. Соответственно принятие ФЗ № 270 вызвало определенные вопросы и сложности, как у теоретиков, так и у правоприменителя, многие из них поднимали вопрос о возможном нарушении единства норм материального и процессуального права.

Буквальное толкование диспозиции статьи 5 ФЗ №270 указывало на возможность освобождения от ответственности без учёта характера и степени общественной опасности преступного деяния. Одновременно законодателем была предоставлена возможность освобождения от наказания для тех же категорий граждан. Таким образом, новые уголовно-правовые институты выглядели несколько противоречиво, некоторые ученые высказывали сомнения в их соответствии принципам уголовного законодательства. Также вызвали определенные вопросы упоминания о «ходатайстве командования воинской части» как об основании приостановления уголовного преследования, которое не было законодательно предусмотрено процессуальным законом. Таким образом, основания освобождения от уголовной ответственности не в полной мере соотносились с положениями УПК РФ.

Данный закон вызывал сомнения в достижении цели исправления осужденных, закрепленной в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ).

Так, ст.5 ФЗ № 270 не содержала каких-либо ограничений, а лишь устанавливала возможность освобождения осужденных от наказания. Можно сделать вывод, что лицо, обвиняемое, например, в убийстве, не подпадало под его действие (согласно ст. 3 ФЗ № 270), но ст.5 позволяла ему уже после назначения наказания обойти данный барьер, из-за чего опять же возникают вопросы к логичности формулировки норм закона с точки зрения юридической техники. Также следует обратить внимание, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, как ранее было упомянуто, состоят, соответственно из УК РФ и УПК РФ согласно ст.1 УК РФ и ст.1 УПК РФ. Согласно ст. 2 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство состоит из кодекса и из иных федеральных законов, однако сами по себе последние не могут устанавливать основания освобождения от ответственности и наказания, а лишь закреплять их порядок. А главное – ФЗ № 270 не предполагал изменений в указанные кодексы, что нарушало принцип кодификации.

В дальнейшем, 06.03.2024 г., в Государственную Думу был внесён законопроект №569651-8 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» (далее – законопроект № 569651-8)² и законопроект №569682-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ (далее – законопроект № 569682-8)³ которые конкретизировали и дублировали положения ФЗ №270 в УК РФ и УПК РФ, а второй законопроект также признал утратившим силу ФЗ №270. Положительной стороной законопроекта явилось важное уточнение, что освобождение от наказания является условным, это предполагает контроль

¹ Попова А.Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945-1950-е гг.) [Электронный ресурс] // СибСкрипт. – 2021. – №1(85). – С. 62 (<https://cyberleninka.ru/article/n/front-posle-pobedy-prichiny-rosta-prestupnosti-v-sssr-v-poslevoennye-gody-1945-1950-e-gg>) (дата обращения: 10.02.2024).

² Законопроект №569651-8 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный интернет – информационный ресурс Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8>) (дата обращения: 07.03.2024).

³ Законопроект № 569682-8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (по вопросу привлечения к участию в специальной военной операции лиц, имеющих судимость или осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный интернет – информационный ресурс Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/569682-8>) (дата обращения: 07.03.2024).

за поведением освобождённого.

Вслед за этим вступили в силу ФЗ № 64 и федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – ФЗ № 61) соответственно.

Таким образом, законодательно были решены проблемы, связанные с ранее упомянутым нами нарушением принципа кодификации, ведь соответствующие положения были введены в УК РФ, УПК РФ и другие федеральные законы. Так, ФЗ № 64 дополнил ст. 208 УПК РФ пунктом 3.1, тем самым обеспечив законодательную базу для временной приостановки расследований. При этом были урегулированы и другие правовые пробелы и сложности.

Вступила в силу статья 78.1 УК, которая закрепляла, что лицо, совершившее преступление, но призванное на военную службу в период мобилизации или военного времени, освобождается от уголовной ответственности. Освобождение возможно в двух случаях: если лицо было награждено государственной наградой за действия в период службы или уволено с военной службы по определённым основаниям, установленным федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». Норма, безусловно, направлена на стимулирование правопослушного поведения военнослужащего, однако законодательные изменения решили большинство правовых проблем, но остались открытыми вопросы возникновения потенциальных криминологических проблем.

Изменения, внесенные Федеральным законом № 61, установили категории граждан, с которыми может быть заключен контракт на военную службу. Однако ряд ученых считает, что остались вопросы в части освобождения от уголовной ответственности и наказания в контексте призыва на военную службу, главный из которых – совершение повторных преступлений. Об этом говорит Н. А. Лопашенко¹, по ее мнению, достижение целей уголовного законодательства невозможно при применении в упомянутых случаях института освобождения от уголовной ответственности. Эти теоретические положения подтверждаются реальными фактами, когда некоторые граждане, после службы в зоне поведения СВО, возвращаются и вновь совершают преступления. Такие случаи, безусловно, единичные и являются скорее исключением, однако считаем необходимым обсудить и предупредить возможные проблемы. Представляется, что ситуация носит двойственный характер. С одной стороны, призыв осужденного на военную службу, обусловленный потребностью в выполнении важнейшей государственной задачи, является возможностью для него деятельно раскаяться и искупить вину в совершенном преступлении перед обществом, поскольку риск получения ранений, увечий или даже смерти вполне реален. Однако с другой стороны участие в военных действиях может повлечь серьезные психологические травмы и последствия, особенно для тех, кто уже испытывает стресс и эмоциональные проблемы, что в целом характерно для некоторых осужденных. Военная служба требует строгой дисциплины и подчинения, это может усложнить процесс реабилитации осужденных. Необходимо учитывать и оценивать иные риски и сложности, например, во время службы у осужденных появляется доступ к оружию, формируется опыт его использования, что потенциально повышает их общественную опасность при возможном рецидиве.

Решение потенциальных проблем представляется нам вариативным. В рамках освобождения ответственности предлагаем исключить возможность освобождения от уголовной ответственности сразу после прохождения военной службы. По нашему мнению, существующая диспозиция влечёт непредсказуемость с точки зрения дальнейшего противоправного поведения лица. Однако, в случае с наказанием, в роли так называемой «компенсации» возможно прибегнуть к таким инструментам, как отсрочка от отбывания наказания, изменение вида исправительного учреждения, снижение сроков отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания с внесением соответствующих изменений в УК РФ и УИК РФ соответственно. О необходимости совершенствования законов говорят и ученые².

Диспозиция статьи 80.2 предполагает условное освобождение от исполнения наказания и надзор командования воинской части или учреждения. Ч. 2 ст. 80.2 раскрывает условия окончательного освобождения от наказания.

Здесь важно, на наш взгляд, отметить ряд дискуссионных моментов.

Во-первых, освобождение от отбывания наказания по рассматриваемым основаниям – новелла в уголовном законе. Например, статьей 79 УК РФ достаточно обширно проработаны вопросы реализации условно-досрочного освобождения в целом, однако в статье 80.2 УК РФ указан лишь субъект контроля за условно освобожденным – командование воинской части. Однако в норме не указаны возможные негативные последствия для лица в случае противоправных действий (не являющихся преступлением), а также сами условия такого освобождения. Имеется лишь указание на последствия совершения нового преступления.

Считаем, что в ст. 80.2 необходимо указать условия освобождения от наказания, например: «Судом должно быть признано, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, что определяется на основании поведения осужденного, его отношения к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющихся поощрений и взысканий, отношения осужденного к совершенному деянию, возмещению осужденным частично или полностью причиненного ущерба или иного образа заглаживания вреда, причиненного в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения».

¹ Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. - 2023. - №2 (53). – С. 50.

² Лопашенко, Н. А. О необходимости законодательного регулирования участия осужденных, не отбывших наказание, в специальной военной операции (тезисы) // Пени-тенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 01–02 июня 2023 года. – 2023. – С. 131.

Во-вторых, примечательно, что закон не препятствует заключению контрактов с осужденными по квалифицированным видам убийств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, с пожизненно осужденными, с осужденными при особо опасном рецидиве преступлений.

В-третьих, по нашему мнению, целесообразно заменить императивную установку «освобождается» в ч.1 ст. 80.2 УК РФ на «может быть освобождено» (аналогичное целесообразно и в отношении ч.1 ст.78.1 УК РФ)

Особенности заключения контрактов о прохождении военной службы в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с осужденными, определяются Министерством обороны Российской Федерации в 5.2 ст. 34 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». В связи с этим, возможно предположить, что отдельные нюансы процедуры заключения контрактов могут быть урегулированы совместным соглашением между ФСИН России и ВС РФ.

В заключение необходимо отметить, что освобождение от уголовной ответственности и наказания в период военных действий является важным уголовно-правовым институтом, однако на сегодняшний день, по нашему мнению, возможны некоторые потенциальные проблемы и сложности правоприменения. Совершенствование законодательства в этой области необходимо продолжать, гибко и своевременно реагируя на изменения в обществе.

Библиография:

1. Лобов. Я. В. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Военное право. – 2023. – № 4 (80). – С. 181 – 184.
2. Лопашенко. Н. А. О необходимости законодательного регулирования участия осужденных, не отбывших наказание, в специальной военной операции (тезисы) // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 01–02 июня 2023 года. – 2023. – С. 131-132.
3. Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. - 2023. - №2 (53). – С. 48-59
4. Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945-1950-Е ГГ.) [Электронный ресурс] // СибСкрипт. - 2021. - №1(85). – С. 62-68 (<https://cyberleninka.ru/article/n/front-posle-pobedy-prichiny-rosta-prestupnosti-v-sssr-v-poslevoennye-gody-1945-1950-e-gg>) (дата обращения: 10.02.2024).
5. Яков. И. Как законопроект об обвиняемых для фронта разрушает законодательство РФ [Электронный ресурс] // Интернет-сайт СМИ vpost.media (<https://vpost-media.ru/opinions/kak-zakonoproekt-ob-obvinyaemykh-dlya-fronta-razrushaet-zakonodatelstvo-rf>) (дата обращения: 15.06.2023).
6. Законопроект №569651-8 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный интернет – информационный ресурс Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8>) (дата обращения: 07.03.2024).
7. Законопроект № 569682-8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (по вопросу привлечения к участию в специальной военной операции лиц, имеющих судимость или осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный интернет – информационный ресурс Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/569682-8>) (дата обращения: 07.03.2024).
8. Смирнов Л. Б., Очередько В. П. Пенитенциарная система советского государства в предвоенные и военные годы (1930 - 1945 Г. Г.) и ее роль в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2005. - №2. – С. 61-66.
9. Н. Верт, С. В. Мироненко. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) - 2004. — 728 с.

References:

1. Lobov, Ya. V. On the peculiarities of exemption from criminal liability of persons involved in participation in a special military operation // Military Law. – 2023. – No. 4 (80). – P. 181 – 184.
2. Lopashenko, N. A. On the need for legislative regulation of the participation of convicts who have not served their sentences in a special military operation (thesis) // Penitentiary security: national traditions and foreign experience: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Samara, June 01–02, 2023 of the year. – 2023. – P. 131-132.
3. Lopashenko N. A. about some legal and criminological problems of participation of convicted convicts in the Svo: a private view on known events // Bulletin of the Samara Law Institute. - 2023. - No. 2 (53). – pp. 48-59.
4. Popova A. D. Front after the victory: reasons for the growth of crime in the USSR in the post-war years (1945-1950s) [Electronic resource] // SibScript. - 2021. - No. 1(85). – P. 62-68 (<https://cyberleninka.ru/article/n/front-posle-pobedy-prichiny-rosta-prestupnosti-v-sssr-v-poslevoennye-gody-1945-1950-e-gg>) (access date: 02/10/2024).
5. Yakov, I. How the bill on the accused for the front destroys the legislation of the Russian Federation [Electronic resource] // Media website vpost.media (<https://vpost-media.ru/opinions/kak-zakonoproekt-ob-obvinyaemykh-dlya-fronta-razrushaet-zakonodatelstvo-rf>) (date of access: 06/15/2023).
6. Bill No. 569651-8 On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on the peculiarities of exemption from criminal liability of persons called up for military service upon mobilization or in wartime) [Electronic resource] // Support system legislative activity. The official Internet is an information resource of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8>) (date of access: 03/07/2024)ю
7. Bill No. 569682-8 On amending certain legislative acts of the Russian Federation and invalidating the Federal Law of June 24, 2023 No. 270-FZ "On the peculiarities of criminal liability of persons involved in participation in a special military operation" (on the issue of attracting to participate in a special military operation of persons with a criminal record or sentenced to serve a sentence of imprisonment) [Electronic resource] // System for ensuring legislative activity. The official Internet is an information resource of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/569682-8>) (date of access: 03/07/2024).
8. Smirnov L. B., Ocheredko V. P. The penitentiary system of the Soviet state in the pre-war and war years (1930 - 1945 G.) and its role in achieving victory in the Great Patriotic War of 1941-1945 // Vestnik St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2005. - No. 2. – pp. 61-66.
9. N. Vert, S. V. Mironenko. History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s: Collection of documents in 7 volumes / Vol. 1. Mass repressions in the USSR - M.: "Russian Political Encyclopedia " (ROSSPEN) - 2004. - 728 p.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ CRIMINAL LEGAL RISKS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION AND COUNTERING THEM

ШИШКИН Радий Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России.
Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: Lvovich.1990@mail.ru;

SHISHKIN Rادی Vladimirovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Policy,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Zoia and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: Lvovich.1990@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся уголовно-правовых рисков в условиях цифровой трансформации и противодействия им, в том числе предлагаются некоторые меры противодействия преступлениям совершаемым в указанной сфере.

Abstract: the article discusses issues related to criminal legal risks in the context of digital transformation and countering them, including proposing some measures to counter crimes committed in this area.

Ключевые слова: уголовно-правовые риски, цифровая трансформация, новые технологии, сфера жизнеобеспечения общества, уголовно-правовое содержание, условия цифровизации, криминалитет, современные условия, криминальные угрозы стратегическим объектам государства, глобализация цифровизации, формирование единого информационного пространства, противоправные посяательства, сеть Интернет, бюджетная сфера, криминологическая характеристика преступности, криминальная ситуация, динамика преступлений, криминальная среда, стратегические объекты, превентивные меры, борьба с преступностью.

Key words: criminal legal risks, digital transformation, new technologies, the sphere of life support of society, criminal legal content, conditions of digitalization, criminality, modern conditions, modern conditions, criminal threats to strategic objects of the state, globalization of digitalization, formation of a unified information space, illegal encroachments, Internet, budgetary sphere, criminological characteristics of crime, criminal situation, dynamics of crimes, criminal environment, strategic objects, preventive measures, fight against crime.

Для цитирования: Шишкин Р.В. Уголовно-правовые риски в условиях цифровой трансформации и противодействие им // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 503-506. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_503.

For citation: Shishkin R.V. Criminal legal risks in the conditions of digital transformation and countering them // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 503-506. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_503.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Развитие цифровой сферы не только открывает новые возможности для становления государства в условиях цифровой трансформации, но, и представляет возможность использовать различные вариации обществу развиваться и полноценно пользоваться благами обеспечения их жизни с помощью новых технологий.

В современном обществе, где технологии играют все большую роль в жизни населения, преступность также находится в состоянии постоянной трансформации. Совершенствуя возможности своей преступной деятельности, что позволяет им дольше оставаться в тени на какое-то время, в том числе в условиях цифровизации, что провоцирует появлению дополнительных рисков, к их уже противоправному поведению в сферах жизнедеятельности, уголовно-правового содержания. Таким образом криминалитет прогрессирует и быстро адаптируется в условиях современных реалий, а также преступность создает дополнительные уголовно-правовые риски для многочисленных сфер жизни общества, в том числе криминальные угрозы стратегическим объектам государства.

Итак, уголовно-правовые риски – понимаются как опасность быть подвергнутым уголовному преследованию без законных материально-правовых оснований для этого либо претерпеть различного рода ограничения, связанные с предварительной или окончательной, вступившей в силу или отмененной оценкой деяния как преступления [3], в том числе к уголовно-правовым рискам можно отнести и поведение, влияющее на лиц со взглядом и убеждениями противоправного характера. Они выражаются в совокупности противоправных действий, создающих опасность преднамеренного противоправного нанесения ущерба объекту (общественным отношениям и т.п.), имуществу (материального содержания), здоровью и жизни физического лица, хищению материальной и интеллектуальной собственности [6] и др.

Вместе с тем новые цифровые технологии позволили, во-первых, перейти на новый уровень обеспечения развития всех сфер жизнедеятельности общества, во-вторых, перевести все отрасли жизнеобеспечения общества и государства в целом на режим дистанционного общения и выполнения многих государственных задач, а также решения множества проблем, связанных с организацией и управлением данными процессами на расстоянии.

Глобализация цифровизации – определяет процессы, которые оказывают значительное влияние на обеспечение жизнедеятельности общества и государства с одной стороны, а с другой интеграцию различных экономических, политических, культурных и социальных сфер в еди-

ную государственную систему. Формируя тем самым единое информационное пространство, с повсеместным внедрением цифровых технологий во все сферы жизнеобеспечения населения, эффективно влияющее на развитие промышленности, производства, продаже товаров и услуг, экономики в целом, здравоохранения и других областей. В том числе глобализация научно-технического прогресса цифровизации современных технологий позволяет развивать базовые предметы и составляющие их элементы (например, компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны и др., сеть Интернет, а также дистанционное управление различными данными, связанные с отправкой информации разного содержания (в том числе, конфиденциальной), сообщениями, фотографиями, видео-сообщениями и др.), что позволяет беспрепятственно общаться на больших (в масштабах всей территории земли) расстояниях в социальных сетях и стало неотъемлемой частью жизни населения любого развитого государства.

Поэтому цифровизация всех отраслей жизнеобеспечения является глобальной тенденцией, которой следуют все страны мира, нацеленные на развитие не только отрасли экономики, но и в целом улучшение качества жизнедеятельности общества своих государств. Россия также идет по пути трансформации новых технологий, внедряя их во все сферы, отрасли и процессы обеспечивая потребности общества и государства, создавая новые механизмы работы всех институтов, адаптируя и совершенствуя их в современных условиях.

Вместе с тем переход к цифровым технологиям и трансформации их в процесс обеспечения жизнедеятельности общества, в том числе на дистанционном уровне работы спровоцировал и увеличение числа противоправных посягательств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, сеть Интернет, безусловно, сказывается и на уголовно-правовой статистике, а также отображает и уголовно-правовые риски.

Уголовно-правовые риски в условиях цифровой трансформации нами понимаются, как риски, связанные непосредственно с преступностью, и противоправными действиями, совершаемыми с помощью цифровых технологий, в том числе, гаджетообразных технологий и информационно-телекоммуникационной связи, а также сеть Интернет и др.

В этой связи к уголовно-правовым рискам в условиях цифровой трансформации, необходимо относить:

- противоправные деяния, предметом которых в том или ином статусе объекта общественных отношений выступает не только информация и ее носители, но, и имущество (например, цифровые финансовые активы, ценные бумаги электронные деньги, биткойны и др.);
- противоправные деяния, объективная сторона которых включает действия, связанные с искажением информации – фишинг, так сказать фальшивая, не достоверная.
- преступления, объективная сторона которых связана с мошенничеством.
- преступления, способ которых может включать использование информационно-телекоммуникационных технологий и т.д.

Кроме того, в условиях трансформации цифровых технологий к уголовно-правовым рискам необходимо относить и такие противоправные деяния, как например, хищение безналичных денежных средств, противоправные деяния в отношении криптовалют, преступления против интеллектуальной собственности и незаконное распространение аудиовизуальных произведений в сеть Интернет, незаконная передача информационных ресурсов компаний и персональных данных третьим лицам, использование вредоносных компьютерных программ, преступные деяния в экономической сфере, в том числе финансово-кредитной и бюджетной.

Это позволяет нам говорить о современных проблемах, с которыми необходимо бороться методами новых технологий, так как ежегодный рост преступлений с использованием цифровых технологий поражает своей криминальной сферой все отрасли обеспечения жизнедеятельности общества и государства в целом.

Так по официальным данным ГИАЦ МВД России криминологическая характеристика преступности за период 2019-2023 гг. показывает ежегодный прирост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что говорит об активности незаконной деятельности преступных элементов в последние годы в условиях цифровой трансформации.

В 2019 году зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, в общем числе их удельный вес увеличился до 14,5 %, половина которых, а это (48,5 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (149,0 %); половина (53,3 %) совершается с использованием сеть «Интернет»: 157,0 тыс. (45,4 %), более трети (39,5 %) – средств мобильной связи: 116,2 тыс. (89,5 %). Четыре таких преступления (80,0 %) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (83,2 %), каждое двенадцатое (8,4 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. 31,2 %) [4].

2020 год характеризуется значительным ростом числа таких преступлений по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Их число возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств гаджетообразной техники (мобильных телефонов, айфонов, смартфонов, планшетов и другой связи). В этот период зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В 2021 году сохраняется тенденция таких криминальных проявлений, сопряженных с ростом на 1,4 %, зарегистрировано 517,7 тыс., их удельный вес увеличился до 26,5 %. Половина таких преступлений (55,7 %) также относится к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; 7,7 %), более двух третей (67,9 %) совершается с использованием сеть «Интернет» (351,5 тыс.; 17,0 %), почти половина (42,0 %) – средств мобильной связи (217,6 тыс.; -0,5 %). 78,4 % преступлений совершается путем кражи или мошенничества: 406,0 тыс. (-1,1%), почти каждое десятое (9,9 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 51,4 тыс. (9,3 %).

Год спустя (2022) криминальная ситуация стала меняться, так как динамика преступлений такого содержания показывает прирост на – 0,8 %, что на порядок меньше аналогичного периода прошлого года, казалось бы, должно идти на минимизацию криминальных преступных про-

явлений. Однако тенденция сохраняется прежняя, и, лишь, по некоторым позициям статистика преступлений идет к снижению, а в остальном сохраняет тот же уровень преступности, что и в прошлом году. Половина таких преступлений (52,1 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (272,2 тыс.; -5,6 %), почти три четверти (73,0 %) совершается с использованием сеть «Интернет» (381,1 тыс.; 8,4%), более трети (40,8 %) – средств мобильной связи (213,0 тыс.; -2,1 %). В том числе 71,1 % совершается путем кражи или мошенничества: 371,2 тыс. (-8,6 %), почти каждое восьмое (11,9 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 62,2 тыс. (20,9 %).

В 2023 году прирост составил – 26 %, что гораздо больше, чем в предыдущие годы, и составляет – 677,0 тыс. преступлений совершаемых с использованием цифровых технологий, что также на 29,7 % больше, чем в прошлогодний период, удельный вес увеличился до 34,8 % по сравнению с 2022 годом. 50,6 % относится к категориям тяжких и особо тяжких (342,6 тыс.; 25,9 %). 77,8 % совершается с использованием сеть «Интернет» (526,8 тыс.; 38,2 %), почти половина (44,7 %) – средств мобильной связи (302,9 тыс.; 42,2 %). 70,2 % совершается путем кражи или мошенничества: 475,3 тыс. (28,1%), почти каждое восьмое (12,0 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 81,5 тыс. (31,0 %) [5].

Особую озабоченность вызывает криминальная ситуация, которая не только сохраняет тенденцию роста преступлений совершаемых с использованием цифровых технологий, но и отображает слабые стороны правовых основ, регулирующие данную отрасль в условиях цифровой трансформации.

Итак, за четыре месяца 2024 год по сравнению с периодом прошлого (2023) выявлено противоправных деяний на 17,4 % больше.

При этом следует обратить внимание на то, что речь идет не только о зарегистрированных деяниях, в то время как их реальное количество может быть больше официальной статистики, тем самым криминальная ситуация уводит нас на ее скрытость – латентность. Однако это тема и предмет другого исследования.

Поэтому отметим лишь то, что с развитием современных технологий и стремлением государства к полной цифровой трансформации во все сферы жизнедеятельности общества, происходит и цифровой прогресс совершенства определенных инструментов преступной среды, которые они используют при совершении преступных деяний разной категории, увеличивая их количество и качество.

В уголовно-правовом понимании это означает, что понятие «преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий» имеет собирательный смысл, так как законодательно это пока не урегулировано в буквальном его понимании, и включает в себя большую часть преступных деяний в узком его представлении, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации.

Поэтому в практической деятельности правоприменитель квалифицирует данные преступления представляя их в узком смысле, как правило к таким противоправным деяниям он относит в сфере компьютерной информации и др.

Вместе с тем, здесь необходимо обратиться к совместному указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России при формировании статистических отчетов определен Перечень № 25 преступлений, совершаемых с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий [8], которым предусмотрены составы без дополнительных условий, например, кражи денег с банковских карт, в том числе расчетного счета, посредством перевода денежных средств через Киви Банк (АО), мобильный банк, «ВТБ Онлайн», «СберБанк Онлайн», QIWI Кошелек и др. предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также мошенничество предусмотренное ст. ст. 159, ст. 159.3, 159.6 УК РФ и другие деяния, совершаемые с использованием цифровых технологий и сеть Интернет. В том числе преступления имеющие квалифицирующие альтернативные признаки, совершаемые в условиях цифровой трансформации, включая также и сеть Интернет.

Данным указанием определен круг таких преступлений, как например, против жизни и здоровья, связанных с оказанием медицинской помощи через общение посредством современных телекоммуникаций в условиях цифровой трансформации [7], в том числе оставляя такое общение на конфиденциальной основе. Это может быть связано и с искажением вносимой информации, что приводит к ошибке медицинских диагнозов, связанных с различным исходом, в том числе, летальным, или совершаемые деяния против жизни предусмотренные главой 16 «Преступления против жизни и здоровья» доведения до самоубийства совершаемые разными способами (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 и ч. 6 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2 УК РФ) и др.

Совершаются и противоправные действия, направленные против здоровья граждан, которые квалифицируются как «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (гл. 25, ст. ст. 228, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 234, 234.1, 238, 240 УК РФ и др.).

Проблема уголовно-правовых рисков, связанная с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий является в значительной степени более масштабной.

Поэтому сегодня необходимо говорить о таких преступлениях, как самостоятельном круге определенным одним объектом посягательств, например, отдельным разделом УК РФ, и изложить его в следующей редакции, «Преступления в цифровой сфере» или «Преступления в сфере цифровых технологий», в том числе предусмотрев такие противоправные признаки как совершаемые с использованием телефонов, смартфонов, айфонов, андроидов, цифровых телевизоров, планшетов, компьютеров и их комплектующих, а также сеть Интернет. Тогда все это будет соответствовать современным реалиям, происходящим в жизни общества и развивающимся технологиям в условиях цифровой трансформации.

Кроме этого можно учитывать в части касающегося зарубежный опыт борьбы с киберпреступлениями не принятой нашим государством Европейской Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.), в которой указывается и такая классификация преступной деятельности как «киберпреступность». С другой стороны, как бы не называлась классификация преступлений с использованием цифровых технологий, это расценивается как противоправная деятельность преступной среды, априори, запрещенной

законами уголовно-правового цикла, и карается различными видами наказаний. Поэтому первоочередные меры предупреждения и способы защиты от уголовно-правовых рисков для потерпевших при совершенном преступлении в отношении их, это прежде всего, незамедлительность его выявления, пресечения и раскрытия, которое зависит от своевременного обращения потерпевшего в правоохранительные органы, так как от них требуется первичная фиксация всех наступивших последствий от преступных действий. И никак не оставлять происходящее, и не укрывать такие противоправные действия от уголовно-правовой статистики, так как это придаст уверенности в эффективности борьбы с такими видами преступной деятельности.

Нами также предлагаются и превентивные меры противодействия преступлениям в условиях цифровой трансформации. Поэтому для того, чтобы избежать или не допустить совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, необходимо упреждать их, в том числе знать потерпевшему не только алгоритм последовательных шагов и алгоритм своих действий, но и одновременно взаимодействовать с органами правопорядка для принятия превентивных мер, так как они являются наиболее эффективными формами и методами борьбы с преступностью в условиях цифровой трансформации.

К таким мерам можно отнести ряд их содержания, например, связанные с чистотой пользования или, как еще говорят специалисты, гигиеной в интернет-пространстве.

В этой связи к мерам такого характера необходимо относить:

- работу на разных сайтах, где Вам предлагают ввести платежную информацию, по проверке наличия разного рода документации, сертификатов [1], в том числе их соответствие к определенной классификации (например, SSL: DV – с проверкой домена, OV – с проверкой организации, EV – с расширенной проверкой организации) и др.;

- работу по проверке отсутствия опечаток в названии доменного имени, то есть (они служат для удобного запоминания пользователями компьютеров, сеть Интернет и др.) адресов узлов и сетевых ресурсов (сайтов, блогов, социальных сетей, почтовых серверов и т. д.), которые на них расположены;

- работу по ознакомлению с разными комментариями, отзывами о сайтах в сети Интернет, в том числе проведению проверок наличия на сайте дополнительной информации о контактных данных, и предоставлении услуг, работ какой-либо организации (государственной, негосударственной) и т.д.;

- проведение работ с использованием сложных паролей, которые должны быть разными, в том числе с периодическим их изменением, и хранением в недоступных местах для других пользователей;

- работу по использованию дополнительных инструментов, таких как Онлайн-Банка (СМС на телефон, ограничение онлайн-покупок, двойную аутентификацию [2] и т.п.);

- работу по использованию лицензионных средств защиты компьютерной информации (например, различными антивирусными программами, при этом можно их периодически менять);

- работу по обращению в индивидуальном порядке по правилам пользования персональными данными в сети Интернет в условиях цифровой трансформации и др.

Подводя итог данного анализа, можно заключить, что развитие общества в условиях цифровой трансформации всех отраслей государства сопряжено не только ростом числа уголовно-правовых рисков во всех сферах жизнедеятельности общества, но и разнообразием преступлений, посягающих на родовые и видовые объекты расположенных в разных разделах УК РФ, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, а также сеть Интернет. Поэтому век цифровой трансформации только набирает обороты и требует незамедлительно реагировать на все изменяющиеся положения в данной сфере, не дожидаясь последствий уголовно-правового характера.

Библиография:

1. SSL (англ. Secure Sockets Layer – уровень защищенных сокетов) – криптографический протокол, который подразумевает более безопасную связь.
2. Двухфакторная аутентификация – это дополнительная мера защиты при входе в свой аккаунт на новом устройстве или после выхода из профиля. Ее можно бесплатно и быстро настроить во всех популярных сервисах, выбрав один из способов подтверждения. Если не любите получать коды на телефон, можете пользоваться приложением, которое генерирует коды: такой вариант поддерживают многие сервисы.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2009. – 400 с.
4. Официальный сайт МВД России. Электронный ресурс. Статистика и аналитика (xn--b1aew.xn--p1ai) (дата обращения: 23.06.2024).
5. Официальный сайт МВД России. Электронный ресурс. Статистика и аналитика (xn--b1aew.xn--p1ai) (дата обращения: 23.06.2024).
6. Системы охраны и безопасности. Термины и определения. ГОСТ Р 52551-2006.
7. Телемедицинские технологии – информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента.
8. Указание. Главная прокуратура Российской Федерации и МВД России. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности от 05.02.2024 года № 97/11/1.

References:

1. SSL (English Secure Sockets Layer) is a cryptographic protocol that implies more secure communication.
2. Two-factor authentication is an additional security measure when logging into your account on a new device or after logging out of your profile. It can be set up for free and quickly in all popular services by choosing one of the confirmation methods. If you don't like receiving codes on your phone, you can use the application that generates codes: many services support this option.
3. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis / A.E. Zhalinsky. 2nd ed., reprint. and additional. M.: Prospekt, 2009. 400 p.
4. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. An electronic resource. Statistics and analytics (xn--b1aew.xn--p1ai) (date of application: 06/23/2024).
5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. An electronic resource. Statistics and analytics (xn--b1aew.xn--p1ai) (date of application: 06/23/2024).
6. Security and safety systems. Terms and definitions. GOST R 52551-2006.
7. Telemedicine technologies – information technologies that provide remote interaction of medical workers with each other, with patients and (or) their legal representatives, identification and authentication of these persons, documentation of their actions during consultations, consultations, remote medical monitoring of the patient's health.
8. Indication. The Main Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of Russia. On the entry into force of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reports dated 05.02.2024 No. 97/11/1.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ – ОРГАН ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ (ИСТОРИКО – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) Federal Bailiff Service – the body of compulsory execution of judicial acts (historical and legal aspect)

ТКАЧЕНКО Николай Иванович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре юридической психологии и педагогики, доцент Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: tkachenkonikolaj1953@gmail.com;

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

TKACHENKO Nikolay Ivanovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Institute in the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Associate Professor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st. Sennaya, 1.

E-mail: tkachenkonikolaj1953@gmail.com;

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, 1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматривается исторический этап зарождения и функционирования принудительного исполнения в России. Затрагивается вопрос объективной необходимости принудительного исполнения актов органов власти как неотъемлемый атрибут государственной деятельности направленной на создание безопасности общества и укрепления государства. Также рассмотрены примеры успешного применения судебными приставами исполнителями специальных средств в отношении правонарушителей в целях качественного исполнения своих профессиональных обязанностей.

Abstract. This article examines the historical stage of the origin and functioning of enforcement in Russia. It addresses the issue of the objective necessity of enforcement of acts of authorities as an integral attribute of state activity aimed at creating social security and strengthening the state. It also examines examples of successful use of special means by bailiffs against offenders in order to efficiently perform their professional duties.

Ключевые слова: Судебный исполнитель, Федеральная служба судебных приставов, принудительное исполнение, должностные обязанности, специальные средства, Министерство юстиций, акты органов власти, надзор, исполнительные действия, судебные акты.

Keywords: Bailiff, Federal Bailiff Service, enforcement, job responsibilities, special means, Ministry of Justice, acts of authorities, supervision, enforcement actions, judicial acts.

Для цитирования: Ткаченко Н.И., Ивлиев П.В. Федеральная служба судебных приставов – орган принудительного исполнения судебных актов (историко-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 507-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_507.

For citation: Tkachenko N.I., Ivliev P.V. Federal Bailiff Service – the body of compulsory execution of judicial acts (historical and legal aspect) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 507-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_507.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. Федеральная служба судебных приставов, часто рассматривается как особая структура, представляющая государственную власть в зале судебного заседания или скрывающиеся в тени во время выселения, часто неправильно понимают и недооценивают. Тем не менее, ФССП играет решающую роль в поддержании порядка и справедливости в нашем обществе и государстве. Актуальность теме настоящего исследования придает еще и тот факт, что функции, которые исполняют судебные приставы архи важны для функционирования государства и общества, а также рассматриваются аспекты, почему их вклад заслуживает признания. С каждым днем роль судебных приставов становится все более значимой, на них возложены две основные задачи: обеспечение установленного порядка деятельности судов и принудительное исполнение решений и актов иных уполномоченных органов[3].

Цель исследования. Изучить исторические аспекты и предпосылки формирования системы принудительного исполнения, а также выявить объективную необходимость для государства и общества в деятельности Федеральной службы судебных приставов.

Методы. В данном исследовании применялся исторический метод и описательный. Посредством исторического метода изучались аспекты формирования и становления системы принудительного исполнения, а посредством описательного метода анализировались отдельные примеры высококлассного исполнения судебными приставами своих обязанностей.

В соответствии с Толковым словарём С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой пристав – в старину на Руси должностное лицо, приставленное к какому-нибудь делу для надзора.

Во втором значении судебный пристав в Царской России – судебный исполнитель.

В соответствии с указанными законами в 1997 – 1999 гг. в составе Министерства юстиции Российской Федерации была создана Служ-

ба судебных приставов. Она получила статус органа принудительного исполнения судебных актов и имеет четко очерченную законом организационно – правовую структуру, централизованную систему управления, где каждое вышестоящее звено организует и контролирует работу подчиненных ему подразделений, определенных законом каналы финансирования.

Создание и становление Службы судебных приставов происходило в период политической и экономической нестабильности. Ярким примером являются показатели работы судебных приставов – исполнителей.

В настоящее время Федеральная служба судебных приставов исполняет не только судебные решения, на принудительное исполнение направляются также постановления специально уполномоченных органов: налоговых, таможенных, административных и др. В общей сложности эта служба исполняет постановления более чем 20 уполномоченных органов и при этом является единственным органом принудительного исполнения.

Необходимость в принудительном исполнении актов органов власти является абсолютно объективным и архивостребованным явлением. Без этого государству будет крайне сложно существовать и тем более налаживать безопасность и вообще нормальную гражданскую жизнь.

Само государство Н.М. Коркунов определял как общественный союз свободных людей с принудительным мирным порядком посредством исключительного права принуждения только органам государства. Государство по этой причине рассматривается им как монополия принуждения, стремящаяся к установлению государственного порядка. Случаи насилия сокращаются по мере установления такого порядка.

Принуждение как необходимый атрибут права и государства фигурировало в известном определении права. Сформулированным А.Я. Вышинским на 1-м совещании по вопросам науки советского государства и права в 1938 г.

В 70-е годы XX в. известный теоретик права С.С. Алексеев писал, что, пока существует право, сохраняется надобность в государственном принуждении как одном из его неотъемлемых признаков, одним из средств его обеспечения.

В современной теории государства и права принуждению не придается такого абсолютного характера, но в то же время его необходимость никем не отрицается.

Современный исследователь Ю.А. Тихомиров считает, что принуждение выступает как важнейший элемент публичной власти, и прежде всего государственной власти. Принуждение вместе с убеждением, пишет указанный автор, «всегда рассматривались в качестве основных методов осуществления власти».

В.К. Бабаев по этому поводу пишет, что «основным, главным методом является метод убеждения, который представляет собой совокупность средств, приемов и способов воздействия на сознание человека с целью формирования у него мнения об осознанном и добровольном соблюдении и исполнении правовых предписаний».

Возможность применения принуждения со стороны государства в случае невыполнения или ненадлежащего исполнения требований норм права в современной науке рассматривается в качестве одного из признаков права в отличие от иных социальных норм.

Государственное принуждение - не единственный вид принуждения в человеческом обществе или, иными словами, не единственный вид социального принуждения, во-первых, потому, что принуждение имело место и в догосударственном состоянии, когда оно осуществлялось от всего общества и выражало его и коллективную волю. Во-вторых, в общесоциологическом плане принуждение исходит не только от государства, но и от отдельных лиц, их групп и представляет собой метод воздействия, который обеспечивает совершенствование действий людьми вопреки их воле, в интересах принуждающего.

Необходимо отметить, что для полноценного исполнения своих должностных обязанностей судебные приставы исполнители обладают определенным количеством полномочий, в том числе имеют право применять специальные средства. Так, например можно выделить качественную работу управления Федеральной службы судебных приставов по Рязанской области. Так судебным приставом Рыбновского района Рязанской области в целях исполнения своих обязанностей успешно были применены физическая сила и специальные средства, ограничивающие движения (наручники). Необходимо отметить, что физическая сила и специальные средства были применены судебными приставами по ОУПДС и применялись в объеме минимального воздействия, во избежание причинения физических повреждений, в соответствии с создавшейся ситуацией. Телесных повреждений у нарушителя не наблюдалось. Также надо сказать, что в ходе совершения исполнительных действий судебным приставом исполнителем Отдела судебных приставов по г. Рязани и Рязанскому району также были применены специальные средства и физическая сила в мере минимального воздействия, для избегания причинения физических повреждений, в соответствии с создавшейся ситуацией и в рамках действующего законодательства. Все выше рассмотренные примеры ярко свидетельствуют, о качественном исполнении своих обязанностей службой судебных приставов. Необходимо отметить, что деятельность ФССП России позволяет оказывать в некотором смысле воспитательное воздействие на правонарушителей, что, безусловно, снижает количество рецидивной преступности. В противном случае правоохранительным органом постоянно придется бороться с проявлениями этого недуга, который будет иметь тенденцию к возрастанию, что в свою очередь создаст дополнительное напряжение как в сфере правосудия, так и в обществе в целом[1]. Понимание и оценка этих особенностей имеет решающее значение для поддержания баланса между общественными интересами и эффективным управлением[2].

Также необходимо понимать деятельность судебного пристава исполнителя часто бросает вызов, требуя, чтобы они имели дело с трудными ситуациями и конфронтационными субъектами. Они должны поддерживать нейтральное и профессиональное поведение, осуществляя полномочия и обеспечивая соблюдение закона. Несмотря на эту требовательную роль, судебные приставы часто работают на заднем плане, их вклад в развитие правового государства и укрепления общества в значительной степени упускают из виду.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному можно с уверенностью сказать, что Федеральная служба судебных приставов является жизненно важными инструментами в механизме реализации справедливости как для всего общества так и для функционирования государственных институтов. Их роль в обеспечении соблюдения постановлений суда, и защите целостности системы правосудия неоценима. Хотя их работа не может быть легкой, тем не менее, их деятельность имеет решающее значение для качественного функционирования отечественной правовой системы и поддержки справедливости для всех. Признание и оценка жизненно важной роли судебных приставов необходимо для содействия справедливому и безопасному обществу.

Библиография:

1. Ивлиев П.В., Никитина О.А. «К вопросу рецидивизма и сокращения повторных преступлений» // *Аграрное и земельное право*, № 1 (229), 2024 г., С: 14-16.
2. Ивлиев П.В., Сабанаев А.А. «Особенности правосубъектности органов публичной» // *Аграрное и земельное право* № 2 (230), 2024 г., С: 181-183.
3. Батырова В.А. «Современная реформа службы судебных приставов: статус сотрудников, полномочия судебных приставов-исполнителей» // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции., статья в сборнике трудов конференции, 2020 г., С: 44-46

References:

1. Ivliev P.V., Nikitina O.A. "On the Issue of Recidivism and Reduction of Repeated Crimes" // *Agrarian and Land Law*, No. 1 (229), 2024, pp. 14-16.
2. Ivliev P.V., Sabanaev A.A. "Features of the Legal Capacity of Public Bodies" // *Agrarian and Land Law* No. 2 (230), 2024, pp. 181-183.
3. Batyrova V.A. "Modern Reform of the Bailiff Service: Status of Employees, Powers of Bailiffs" // *The Current State of the Compulsory Enforcement System in the Russian Federation and Ways to Improve It. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference.*, article in the conference proceedings, 2020, pp. 44-46.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_510

УДК 343.31; 343.32

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АНТИГОСУДАРСТВЕННУЮ ПРОПАГАНДУ И АГИТАЦИЮ ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR ANTI-STATE PROPAGANDA AND AGITATION

СТУПИНА Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы
Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России.
662972, Россия, г. Железногорск, ул. Северная, 1.

E-mail: sstupina@mail.ru;

STUPINA Svetlana Alexandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Examination
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia.
662972, Zheleznogorsk, Severnaya str., 1.

E-mail: sstupina@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены такие общественно-опасные формы поведения, как антигосударственная пропаганда и агитация. Представлен анализ потенциала современного уголовного законодательства в борьбе с такими действиями. С учетом опыта, накопленного советским уголовным правом, сформулированы возможные направления совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации.

Abstract: The article considers such socially dangerous forms of behavior as anti-state propaganda and agitation. The analysis of the potential of modern criminal legislation in the fight against such actions is presented. Taking into account the experience gained by Soviet criminal law, possible directions for improving the Criminal Code of the Russian Federation are formulated.

Ключевые слова: антигосударственная преступная деятельность, пропаганда, агитация, публичные призывы, криминализация.

Keywords: anti-state criminal activity, propaganda, agitation, public appeals, criminalization.

Для цитирования: Ступина С.А. К вопросу об уголовной ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 510-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_510.

For citation: Stupina S.A. On the issue of criminal liability for anti-State propaganda and agitation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 510-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_510.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Общественная опасность антигосударственной агитации и пропаганды заключается в том, что они способны исказить реальность, породить недоверие к власти и разрушить устои общества. Эти явления могут провоцировать массовые беспорядки, угрожающие национальной безопасности и стабильности государства.

Антигосударственная пропаганда является одним из методов ведения гибридной войны, представляя собой систематическое распространение дезинформации и ложной информации с целью дестабилизации ситуации в стране и подрыва авторитета государственных институтов.

Развивающаяся концепция когнитивной войны ставит перед научной общественностью новые задачи по оценке рисков в области обеспечения национальной безопасности [1].

Уголовная политика, как неотъемлемая составляющая государственной политики, также ориентируется на своевременную выработку специально-правовых средств и методов противодействия новым угрозам и вызовам.

Подобно тому, как ученые добиваются деления атома, успешные операции когнитивной войны могут заставить человеческие группы в обществе или даже само общество думать против себя.

Закономерен вопрос: «Какие инструменты и какая аналитическая точка зрения необходимы для борьбы с когнитивной войной?», особенно в части использования методик и средств для воздействия на сознание человека с целью формирования у него антигосударственной позиции, т.е. позиции непринятия или сопротивления основным базисным устоям государственного и политического строя.

Если в таком случае аргументировать сложность борьбы с таким воздействием отсылкой к отсутствию государственной идеологии, то, полагаем возможным утверждать, что на современной этапе развития российского общества такая идеология уже формируется и представлена, прежде всего, теми ценностями, которые защищают российские бойцы в зоне специальной военной операции. Они же и становятся активными субъектами реализации отечественной идеологии.

Исторический опыт становления советского государства свидетельствует, что всегда обращалось пристальное внимание на различные способы воздействия на умы людей.

Еще 4 (17) ноября 1917 г. в своем выступлении на заседании ВЦИК по вопросу о печати В. И. Ленин говорил: «Частные объявления должны быть признаны монополией. Члены союза печатников смотрят с точки зрения куска хлеба. ... Мы не можем дать буржуазии возможность клеветать на нас. Нужно сейчас же назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков. Какая свобода нужна этим газетам? ... Мы должны уйти от этой свободы печати, зависящей от капитала. Этот вопрос имеет принципиальное значение. Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи» [2, с. 54].

За более чем сто лет к использованию печатных изданий, как методов воздействия на умы людей добавился весь спектр способов и приемов, который стал возможен в связи с широким развитием информационных технологий, в частности социальных сетей и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Вместе с тем, нельзя игнорировать те специально-правовые методы, в частности, уголовно-правовые, которые на протяжении истории развития российского государства выступали достаточно эффективными при противодействии общественно-опасным деяниям, направленным на антигосударственное информационное воздействие на членов общества.

Естественно, что учет тенденций уголовной политики в зависимости от этапов развития государства, связанных с определенными общественно-политическими периодами, должен быть критически оценен и адаптирован с учетом критериев криминализации деяний, как традиционных, так и вновь вводимых с учетом конъюнктуры государственной политики и запросов общества.

В условиях специальной военной операции, актуализировалась необходимость в изменениях и дополнениях уголовного законодательства, что и осуществляется планомерно и обоснованно на законодательном уровне.

При этом, как было отмечено в рамках Петербургского международного юридического форума, состоявшегося (26-28 июня 2024 г.) с момента принятия Уголовного кодекса в него внесено около 320 изменений, предусматривающих криминализацию, а декриминализация имела место 95 раз.

Заместитель Министра юстиции Российской Федерации Федоров Вадим Витальевич отметил, что в настоящее время для внесения поправок в УК РФ нужно подготовить законопроект, поскольку в основу изменений в УК РФ должны быть положены текущая криминогенная ситуация и стратегический курс государства в сфере борьбы с преступностью, закрепленной в концепции уголовно-правовой политики. И предлагаемые поправки в УК должны соответствовать этой концепции¹.

Действия по антигосударственной агитации и пропаганде представляют серьезную угрозу как безопасности нашего государства, так и национальным целям его развития, что определяет формирование адекватных ситуации уголовно-правовых мер противодействия, путем совершенствования имеющихся, а также выработке новых (криминализация соответствующих деяний).

Системный анализ уголовного правовых норм свидетельствует о достаточно высоком потенциале действующего уголовного законодательства в сфере борьбы с отдельными формами антигосударственной пропаганды.

Так, в УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4).

Толкование положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» в части изложенных в них разъяснений по пониманию действий по публичным призывам, позволяет констатировать, что к таковым следует относить выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению запрещенной соответствующими нормами преступной деятельности.

Если же имеет место не просто такое обращение к другим лицам, а информация содержит обоснование необходимости совершения таких действий, то, в зависимости от фактических обстоятельств содеянного, следует уже вести речь не о публичных призывах, а о конкретных действиях по возбуждению ненависти или вражды, либо об оправдании отдельных преступлений.

При этом публичные призывы не должны быть направлены на склонение определенных лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний, поскольку последнее в таком случае образует либо самостоятельный состав преступления (например, по с. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности»), либо соучастие в форме подстрекательства к преступлению.

Что же касается именно такого действия, как пропаганда, то под ней с учетом положений УК РФ (прим. 1.1 ст. 205.2 УК РФ, прим. 4 ст. 281.3 УК РФ) следует понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица соответствующей идеологии, убежденности в ее привлекательности, о необходимости либо допустимости осуществления запрещенной УК РФ соответствующей деятельности.

В целом, термин пропаганда в исследуемом контексте антигосударственной деятельности предусмотрена как непосредственно форма действия в следующих статьях Особенной части УК РФ: 205.2; ч. 3 ст. 239; 282.4.

Кроме этого, ст. 205.4 и ст.281.3 установлено, что соответствующее запрещенное этими статьями преступное сообщество может быть создано в целях пропаганды терроризма или диверсии.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что содержание деятельности по пропаганде не равнозначно действия, образующим публичные призывы. Пропаганда, прежде всего, направлена на формирование у лица концептуальных идей и взглядов, которые меняют мировоззрение человека на то, которое необходимо актерам такой пропаганды.

Такой термин, как «агитация» не используется при описании уголовно-правовых норм.

С учетом разъяснений, предложенных различными толковыми словарями, агитация может пониматься как устная или печатная деятельность (отдельных лиц, групп, сообществ, организаций и т.п.) по распространению своих взглядов, идей среди населения для формирования

¹ Минюст готовит запрет спонтанного изменения статей Уголовного кодекса. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/21209221>. (Дата обращения – 29.06.2024).

определённого общественного мнения, отношения к кому-, чему-л.

Таким образом, позволим себе определить, что у пропаганды и агитации есть общая квинтэссенция, которая, по нашему мнению, сводится к активным с помощью различных технологий действиям по изменению мировоззрения, идей, взглядов и т.п. у субъектов воздействия.

Вследствие этого, приходим к выводу, что пропаганда и агитация выступают одним из методов ведения гибридных, информационных, когнитивных войн.

В целом, обобщенный системный, сопоставительный подход к анализу норм уголовного закона приводит к выводу о том, что пропаганда так или иначе является составляющей объективной стороны также и ряда составов преступлений, которые сконструированы путем указания на такие действия, как публичные призывы, дискредитация, публичное распространение заведомо ложной информации и т.п.

Последнее следует считать пропагандой только в тех случаях, когда такие призывы или высказывания осуществлялись в отношении неопределенного круга лиц, в частности в публичном выступлении, в виде размещения информации на интернет-страницах незакрытых сообществ, в группах в социальных сетях, созданных в иных целях, и т. д. [3, с. 95].

Вместе с тем, анализ положений УК РФ свидетельствует, что существующие меры по противодействию антигосударственной пропаганде и агитации не охватывают всего перечня такой преступной деятельности. В УК РФ закреплена ответственность за такие действия только в отношении наиболее вредоносной для национальной безопасности деятельности.

Например, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.05.2024 г.) в ст. 328 установлена ответственность за сепаратистскую деятельность.

В ст. 180 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.) предусмотрена ответственность за сепаратистскую деятельность, которая определена, как пропаганда или публичные призывы к нарушению унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории либо дезинтеграции государства, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов такого содержания.

Заметим, что по мнению отечественных специалистов сепаратистская деятельность может выражаться как в том числе и в информационно-психологическом воздействии, и существовать как в явной, так и в латентной (скрытой) форме [4, с. 6].

Более десяти лет назад в Государственную Думу был внесен законопроект об установлении уголовной ответственности за пропаганду сепаратизма¹, под которой предлагалось понимать распространение в любой форме взглядов, идей призывов или агитации, с целью поставить под сомнение территориальную целостность Российской Федерации.

Любая антигосударственная пропаганда или агитация должна быть пресечена, поскольку аксиоматично то, что даже малое, но постоянное негативное воздействие по формированию у населения антигосударственных идей и ценностей впоследствии способно мультиплицировать лавинную антиобщественную деятельность, что, безусловно, повлияет на безопасность РФ.

Можно сформулировать общий состав преступления по ответственности за антигосударственную пропаганду или агитацию, который был бы применим к фактическим обстоятельствам содеянного в случае, если последнее не охватывается специальной нормой УК РФ о запрете конкретного вида пропаганды. При конструировании общего состава преступления можно использовать условие административной преюдиции.

В советское время антигосударственной пропаганде и агитации уделялось должное внимание со стороны уголовно-правовых механизмов противодействия.

Так, в ст. 69 УК РСФСР 1922 г. была установлена уголовная ответственность за пропаганду и агитацию.

Как отмечалось специалистами фактически в контексте состава преступления, предусмотренного указанной статьей, наказуемы были действия схожие с деятельностью подстрекателя к контрреволюционным преступлениям, но не приведшие к действиям подстрекаемых лиц [5, с. 231]. Под агитацией специалистами понималось возбуждение к этим преступлениям, массовое подстрекательство неопределенного круга лиц; под пропагандой – развитие определенных идей перед ограниченным кругом лиц, или даже перед одним лицом. Статью 69 рекомендовалось понимать шире: призыв может быть не только к свержению, но и к ослаблению или подрыву власти Советов. Призыв должен быть направлен к применению указанных в ст. 69 приемов (путей); этот перечень. исчерпывающий, и призыв к свержению иными способами, не предусмотрен УК РСФСР [6, с. 33].

Статьей 58.10 УК РСФСР 1926 г. под уголовную ответственность подпадали пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания.

Расстрелом или объявлением врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда карались те же действия, если они имели место при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении [7].

Под пропагандой предлагалось понимать распространение многих идей среди ограниченного круга лиц или даже среди отдельных лиц, а под агитацией – распространение одной идеи среди широкого круга лиц. Пропаганда и агитация может быть в устной или письменной форме. Антисоветские измышления могут быть выражены в рисунках, песнях и символических действиях [8, с. 102; 9, с. 56].

¹ Законопроект № 379820-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/379820-6>. (Дата обращения – 29.06.2024).

При этом призыв отдельного лица к совершению конкретного особо опасного государственного преступления, следовало квалифицировать по статье, предусматривающей ответственность за преступление, подстрекательство к совершению которого имело место [9, с. 56].

За антисоветскую пропаганду или агитацию постановлением, принятым Государственный комитет обороны 17 ноября 1941 г., Особому совещанию НКВД предоставлялось право выносить приговоры вплоть до расстрела.

Актуальны и сейчас приведенные в учебнике советского уголовного права в 1951 г. слова заслуженного деятеля науки, профессора А.А. Пионтковского о том, что англо-американский империализм в своей борьбе против СССР и стран народной демократии широко использует антисоветскую агитацию и пропаганду [8, с. 101-102].

При установлении признаков состава антисоветской агитации или пропаганды правоприменителю рекомендовалось всесторонне устанавливать такие факты, как то, что субъект должен понимать смысл своих высказывания и их антигосударственную сущность

При этом сообщение слухов, содержащих антисоветские измышления, могло характеризоваться антисоветской целью не только тогда, когда распространяющий эти измышления выступал их автором, но также и в тех случаях, когда лицо, передающее антисоветские измышления, солидаризировалось с ними.

При этом не расценивались как антисоветская пропаганда или агитация высказывания «отсталых настроений несознательными лицами», выражение недовольства в связи с теми или иными трудностями в стране, резкое осуждение существующих в тех или иных учреждениях, предприятиях, колхозах, совхозах недостатков и неполадок и т. д. [9, с. 57].

В целом обоснованно с учетом критериев криминализации, стратегический курс государства в сфере борьбы с преступностью, запросов общества и складывающейся общественно-политической обстановки критически оценить с учетом исторического опыта и имеющихся научных воззрений, а также уголовного законодательства дружественных России государств, вопрос о возможности введения общей уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за антигосударственную пропаганду и агитацию, в том числе за такие действия с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, социальных сетей.

По нашему мнению, следует обратить внимание и на печатную продукцию, содержащую прямо или косвенно антигосударственную пропаганду или агитацию, особенно, когда авторами выступают иноагенты.

Как итог отметим, что антигосударственная пропаганда и агитация в настоящее время, особенно с учетом возможностей цифровых технологий, активно используется как «эффективный» инструмент в военных конфликтах. Кроме этого, такая общественно-опасная деятельность используется и негосударственными акторами для достижения своих целей за счет создания хаоса, паники и нарушения общественного порядка. Анализ такой пропаганды позволяет выявить механизмы ее функционирования и разработать эффективные контрмеры для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства.

Поэтому полагаем, что среди комплексных мер по предотвращению антигосударственной деятельности, наносящей ущерб безопасности РФ, ключевое значение следует отводить взвешенным и обоснованным уголовно-правовым мерам, которые следует концептуально осмыслить как при криминализации соответствующих форм антигосударственной деятельности, так и дать юридически обоснованные рекомендации правоприменителю по их реализации.

Библиография:

1. Середа, И. М. Некоторые вопросы противодействия преступности в условиях информационной войны (часть 1) / И. М. Середа, С. А. Ступина // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 3(39). – С. 101-111.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1958-1965. Т. 5: Май - декабрь 1901. Т. 5. – 1959. – XVI, 550 с.
3. Дрозд, А. Н. Об уголовной ответственности за пропаганду социально опасных явлений / А. Н. Дрозд // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 2(46). – С. 95-100.
4. Клачков, П. В. Понятие и значение сепаратизма / П. В. Клачков, С. А. Подъяпольский // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 6.
5. Советское уголовное право. Части общая и особенная / Э.Я. Немировский. – 2-е изд., испр. и доп. – Одесса, 1926. – 368 с.
6. Пионтковский А.А. Контрреволюционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР (Опыт догматического анализа ст. ст. 57 – 73 Уголовного Кодекса РСФСР) / А. Пионтковский // Советское право. – М., 1924. – № 2. – С. 7 – 40.
7. Дубровин, Д. А. Становление правовых положений о противодействии экстремизму в российском постреволюционном уголовном законодательстве / Д. А. Дубровин, С. А. Мартыанова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2022. – № 3(40). – С. 61-64.
8. Советское уголовное право: Часть Особенная: [Учебник для юрид. вузов] / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – Москва: Госюриздат, 1951. – 432 с.
9. Советское уголовное право. Часть Особенная: учебное пособие для юридических институтов и факультетов университетов / М. Д. Шаргородский, И. И. Слущкий [и др.]; Ленинградский университет им. А.А. Жданова [ЛГУ]. - Ленинград: ЛГУ, 1959. – 470 с.

References:

1. Sereda, I. M. Some issues of countering crime in the context of information warfare (part 1) / I. M. Sereda, S. A. Stupina // Prologue: Journal of Law. – 2023. – № 3(39). – Pp. 101-111.
2. Lenin, V.I. Complete works / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. – 5th ed. – Moscow : Gospolitizdat, 1958-1965. Vol. 5: May - December 1901. Vol. 5. – 1959. – XVI, 550 p.
3. Drozd, A. N. On criminal liability for propaganda of socially dangerous phenomena / A. N. Drozd // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. – 2023. – № 2(46). – Pp. 95-100.
4. Klachkov, P. V. The concept and meaning of separatism / P. V. Klachkov, S. A. Podyapolsky // Theory and practice of social development. - 2013. – No. 12. – p. 6.
5. Soviet criminal law. Parts general and special / E.Y. Nemirovsky. – 2nd ed., ispr. and add. – Odessa, 1926. – 368 p.
6. Piontkovsky A.A. Counterrevolutionary crimes in the Criminal Code of the RSFSR (Experience of dogmatic analysis of Articles 57-73 of the Criminal Code of the RSFSR) / A. Piontkovsky // Soviet law. – M., 1924. – No. 2. – pp. 7-40.
7. Dubrovin, D. A. The formation of legal provisions on countering extremism in Russian post-revolutionary criminal legislation / D. A. Dubrovin, S. A. Martinova // Materials of Afanasiev readings. – 2022. – № 3(40). – Pp. 61-64.
8. Soviet criminal law: A special part: [Textbook for jurists. universities] / The All-Union. in-t jurid. Sciences of the Ministry of Justice of the USSR. – Moscow: Gosyurizdat, 1951. – 432 p.
9. Soviet criminal law. A special part: a textbook for law institutes and university faculties / M. D. Shargorodsky, I. I. Slutsky [et al.]; Leningrad University named after A.A. Zhdanov [LSU]. - Leningrad: LSU, 1959. – 470 p.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ПЕНСИИ ЗА ВЫСЛУГУ ЛЕТ СОТРУДНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

LEGAL FEATURES OF THE APPOINTMENT OF A PENSION FOR LENGTH OF SERVICE TO EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

ФРОЛОВСКАЯ Юлия Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Академии права и управления ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: yul-frol@mail.ru;

FROLOVSKAYA Yulia Ivanovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department civil law and process
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: yul-frol@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются правовые основания назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам уголовно – исполнительной системы. Анализируются основные критерии назначения пенсии. Выделяется стаж службы в качестве ключевого основания для назначения военной пенсии.

Abstract: the article examines the legal grounds for the appointment of a pension for length of service to employees of the criminal executive system. The main criteria for assigning a pension are analyzed. Length of service is highlighted as the key basis for assigning a military pension.

Ключевые слова: пенсия за выслугу лет, уголовно – исполнительная система, трудовой стаж.

Keywords: pension for length of service, criminal executive system, length of service.

Для цитирования: Фроловская Ю.И. Правовые особенности назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 514-515. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_514.

For citation: Frolovskaya Yu.I. Legal features of the appointment of a pension for length of service to employees of the criminal executive system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 514-515. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_514.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение. Актуальность темы настоящего исследования придает тот факт, что пенсия за многолетний труд выделяется в системе обеспечения граждан на заслуженном отдыхе как уникальный элемент, обусловленный долгосрочной трудовой деятельностью, в отличие от традиционных пенсионных программ, завязанных на достижении определенного возрастного порога. В контексте выслуги лет, ключевым критерием для получения пенсионных выплат является накопленный опыт и продолжительность службы, тогда как для стандартной пенсии по старости решающее значение имеет лишь факт достижения возраста, установленного законом. Предназначение данной модели пенсионного обеспечения – предоставить материальную поддержку тем, кто из-за состояния здоровья или возрастных ограничений не может продолжать трудовую деятельность в привычном режиме.

Цель исследования. На основе анализа изучения правового аспекта и особенностей пенсионного обеспечения сотрудников уголовно – исполнительной системы выявить основные особенности правового регулирования пенсии за выслугу.

Методы исследования. В данном исследовании применялся описательный и метод систематизации.

В соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ о пенсионном обеспечении в РФ, ключевая цель назначения пенсий заключается в предоставлении финансовой поддержки людям, которые больше не могут продолжать работать, являясь фактически компенсацией за потерю дохода в результате прекращения или изменения профессиональной деятельности. Что касается накопления военной пенсии, согласно разделу «а» статьи 13 Закона РФ № 4468-1, его основу составляют не только периоды службы в военных должностях, но и время работы в различных государственных учреждениях и организациях, включая МВД России, Государственную противопожарную службу, а также в органах, занимавшихся борьбой с незаконным распространением наркотиков и прочими аналогичными деятельностью.

Льготный метод подсчета стажа для работников системы УИС считается обоснованным из-за сложностей, характерных для их профессии. В контексте расчета пенсионных выплат, наличие постоянной прописки в районе, относящемся к зоне Крайнего Севера, позволяет получить дополнение к пенсии благодаря районному коэффициенту. Это дополнение составляет 20% для лиц, проживающих в приравненных к Крайнему Северу регионах, и 40% для жителей самого Крайнего Севера, как указано в законе.

Повышение зарплаты, включая базовую ставку и надбавки за звание, неизбежно приводит к увеличению пенсионных выплат. При более глубоком изучении статьи 36 закона от 21 июля 1993 года № 5473-1, касающегося системы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российской Федерации, очевидно, что работа в должности персонала пенитенциарной системы допускает зачисление этого периода в общий трудовой стаж, что касается определения сроков для пенсионных начислений.

Получение военной пенсии - задача далеко не из легких. Существует четкий набор критериев для того, чтобы иметь право на такую пенсию, которые четко определены в статье 13 Федерального закона № 4468-1 Российской Федерации. Упомянутый закон устанавливает определенные предварительные условия для присвоения пенсии за выслугу лет. Прежде чем претендовать на пенсию, военнослужащие или сотрудники, занимающие должности, которые можно приравнять к военной службе с точки зрения их профессиональных функций, такие как сотрудники уголовно-исполнительной системы, должны доказать свой профессиональный опыт. Конкретно, необходимым условием является наличие как минимум 20 лет службы в этих структурах к тому времени, когда наступает момент ухода на пенсию.

В соответствии с российским Законом № 4468-1, определены также размеры военных пенсий, которые зависят от срока службы. Ра

ботники с 20-летним стажем имеют право на 50% от их «базового» дохода в качестве пенсии. Тем, кто превышает 20-летний порог, закон обещает дополнительные 3% за каждый год, однако итоговая выплата не может превышать 85% от обозначенного базового заработка.

Лица, приближающиеся к завершению своей карьеры с общим трудовым стажем в 25 лет, а также с 12,5 годами военной службы, получают возможность получать половину зарплаты. Дополнительно, за каждый год работы сверх указанных 25, добавляется 1% к итоговой сумме пенсии из их "базовой" заработной платы. Объемы выплат пенсионного характера определяются исходя из минимально установленной суммы пенсии согласно законодательству РФ, причем установлено, что они не должны опускаться ниже этого минимума, что является предметом статьи 15 Закона РФ № 4468-1. В то же время, сотрудники, уволенные по иным причинам или не достигшие 45 лет, не могут претендовать на получение полноценной пенсии, если они не отработали необходимый минимум лет.

В соответствии с нормами, определенными в статьях 16 и 23 Закона РФ № 4468-1, размер военной пенсии может корректироваться за счет включения дополнительных сумм выплат, что фактически означает увеличение ее общего размера.

Бывшие работники, ныне пенсионеры, получившие статус инвалида первой группы из-за военной травмы, имеют право на увеличение своей пенсии на триста процентов от минимального уровня пенсии по возрасту. В зависимости от степени инвалидности, тем, кто относится ко второй и третьей группам, положены доплаты в размере 250 и 175 процентов соответственно. Отдельно, для лиц, получивших инвалидность вследствие профессиональных заболеваний или несчастных случаев на производстве, исключая случаи, когда инвалидность была вызвана их незаконными действиями, предусмотрено следующее: первая группа инвалидности предполагает доплату в размере 250 процентов к минимальной пенсии, в то время как вторая и третья группы – увеличение на 200 и 150 процентов соответственно.

Дополнительно к упомянутым доплатам, бывшие работники могут претендовать на более обширные финансовые вознаграждения. В их число входит компенсация за заботу о пожилых людях, включая инвалидов первой группы или лиц, достигших 80-летнего возраста, а также тех, кто в соответствии с медицинскими заключениями нуждается в постороннем уходе — здесь размер доплат может достигать 100%. В случае если пенсионер, не занимающийся трудовой деятельностью, обеспечивает жизнь одного члена семьи, ему полагается увеличение пенсии на 32%; если двух — на 64%, и при наличии трех и более иждивенцев — выплата увеличивается до 100%. Основное требование для получения такой надбавки заключается в том, что иждивенцы не должны иметь трудовой или социальной пенсии. Кроме того, отдельно предусмотрены пенсионные права для лиц, оказывающих уход за участниками Великой Отечественной войны, размер которых колеблется от 32% до 64%, исходя из минимального пенсионного обеспечения по старости.

Исходя из анализа влияния карьерного роста на размер будущих пенсионных выплат работников системы уголовного исполнения, определенные исследователи выявили тесную связь между стремлением сотрудников к достижению более высоких позиций и их пенсионными перспективами. Утверждается, что качество и результативность работы, а также демонстрация высокого профессионализма и желание улучшать свои навыки повышают не только репутацию сотрудника, но и уголовно-исполнительной системы в целом. При этом, оценка пенсии основывается на посылке о последнем занимаемом статусе в карьере. Таким образом, критика в адрес подхода, считающего главным критерием лишь длительность службы, считается необоснованной.

П.В. Голодов не поддерживает распространенное мнение, отмечая, что цель стремления к получению должностей с более высоким окладом заключается не только в немедленных финансовых выгодах, но и в выгоде долгосрочного плана – увеличении размера будущей пенсии[1]. По его утверждениям, даже однодневная работа на такой должности позволяет выходить на пенсию с повышенными выплатами.

Особые условия труда в этой сфере предполагают, что при расчете пенсии принимаются во внимание особенности стажа сотрудника, что подчеркивает значимость и специфику данной профессиональной деятельности [3]. В соответствии с законодательством, конкретно постановлением Федерального закона № 283-ФЗ от 30 декабря 2012 года, лица, завершающие свою профессиональную карьеру в определенных федеральных структурах, имеют право на получение конкретных социальных выплат при увольнении. В зависимости от продолжительности и условий службы, этот размер может значительно варьироваться: за двадцать и более лет верной службы предусмотрена выплата в семь окладов, в то время как менее двадцати лет службы обеспечивают право на два оклада. Продолжительность службы подсчитывается по уникальной схеме, где один год работы в определенных условиях (например, в учреждениях с пожизненно осужденными или страдающими от инфекционных заболеваний) может оцениваться как два года. Обычно, стаж работы один год приравнивается к полутора годам службы по стандартной схеме подсчета [2].

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что следование законодательным нормам при расчете стажа для определения пенсионных выплат сотрудникам УИС является обязанностью государственных учреждений, ответственных за кадровые вопросы и пенсии на последнем месте работы. Ошибки в этом процессе могут вызвать непоправимые последствия, подчеркивая важность точного соблюдения установленных правил.

Библиография:

1. Голодов П.В. Организационно-правовые проблемы пенсионного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 152-163.
2. Ивлиев, П. В. Правовое регулирование социальной защищенности сотрудников уголовно-исполнительной системы / П. В. Ивлиев, Ю. И. Фроловская // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 7(170). – С. 161-163. – EDNМУНТРК.
3. Фроловская, Ю. И. Правовое регулирование пенсий за выслугу лет сотрудников уголовно-исполнительной системы / Ю. И. Фроловская, И. В. Бондаренко // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8(171). – С. 172-173. – EDN ZWXPTW.

References:

1. Golodov P.V. Organizational and legal problems of pension provision for employees of the penal system // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2019. No. 4. P. 152-163.
2. Ivliev, P.V. Legal regulation of social protection of employees of the penal system / P.V. Ivliev, Yu.I. Frolovskaya // Eurasian Law Journal. - 2022. - No. 7 (170). - P. 161-163. - EDN МУНТРК.
3. Frolovskaya, Yu.I. Legal regulation of pensions for length of service of employees of the penal system / Yu.I. Frolovskaya, I.V. Bondarenko // Eurasian Law Journal. - 2022. - No. 8 (171). – pp. 172-173. – EDN ZWXPTW.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДАЧЕЙ И ПОЛУЧЕНИЕМ ВЗЯТКИ DETERMINATION OF CORRUPTION CRIMES RELATED TO GIVING AND RECEIVING BRIBES

ЛАЗАРЕВА Юлия Валерьевна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова».
Казарменный пер., 15, Хабаровск, Хабаровский край, 680020, Россия.
E-mail: lazareva77@list.ru;

Lazareva Yulia Valeryevna,

Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology
FGCOU HE « Far Eastern Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov».
15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680020, Russia.
E-mail: lazareva77@list.ru

Краткая аннотация: в статье рассмотрены основные детерминанты коррупции в России. Выделяются отдельные группы факторов, продуцирующих коррупцию. Коррупционные преступления имеют не одну причину, а порождаются сложным причинным комплексом, который образует совокупность факторов политического, экономического, правового и социального характера

Abstract: the article examines the main determinants of corruption in Russia. There are separate groups of factors that produce corruption. Corruption crimes have more than one cause, but are generated by a complex causal complex that forms a set of factors of a political, economic, legal and social nature

Ключевые слова: коррупционные преступления, противодействие коррупции, факторы, причины, коррупция, детерминанты, взяточничество.

Keywords: corruption crimes, anti-corruption, factors, causes, corruption, determinants, bribery.

Для цитирования: Лазарева Ю.В. Детерминация коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 516-519. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_516.

For citation: Lazareva Yu.V. Determination of corruption crimes related to giving and receiving bribes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 516-519. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_516.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Причины и условия. Коррупционная преступность имеет собственный комплекс причин и условий, ее продуцирующих, а следовательно но вся система предупреждения должна строиться на их нейтрализации.

Отмечается обострение политической и социально-экономической ситуации в стране, что связано со стремительным, недостаточно продуманным переходом к рыночным отношениям. Наблюдается общая нестабильность политической и экономической ситуации в государстве, дальнейший спад производства, рост безработицы, усложнение работы малого и среднего бизнеса, углубление расслоения доходов населения, низкие заработные платы для довольно значительной части населения, низкое пенсионное обеспечение¹.

По мнению экспертов, причины экономического характера занимают существенное, ведущее место в причинном комплексе взяточничества. Экономические проблемы, связанные с низким уровнем доходов населения, невозможностью получения достойного заработка, влекут за собой интенсификацию коррупционных проявлений на низовом уровне. Эти проявления приобретают массовый характер, что свидетельствует о достаточно негативных тенденциях и формировании определенного криминогенного типа экономического поведения. Это явление связано с одной стороны с риском долгосрочного инвестирования и неустойчивой социально-экономической ситуацией, а с другой – с высоким уровнем инфляции, дефектами механизма экономического регулирования. Необходимо отметить, что на преступления, связанные с экономическими факторами влияет и налоговая нагрузка, увеличение которой может привести к расширению теневой экономики. Рыночная экономическая структура нестабильна за счет несоответствия новых экономических практик и их нормативно-правовой регламентацией. В данной связи необходимо отметить два фактора:

- развитие экономики и оптимизация бизнеса в его широком смысле к современным социально-экономическим условиям происходит достаточно быстро, что приводит к необходимости разработки нормативного регулятора вновь возникших отношений. Как правило, такая разработка в правовом пространстве осуществляется либо путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство либо путем принятия новых нормативно-правовых актов, регулирующих соответствующие правоотношения. Однако экономические и хозяйственные практики опережают их законодательное обеспечение.

- соответственно законодательное обеспечение экономики несколько несовершенно и требует дальнейшего урегулирования. Существование законодательных пробелов негативно сказывается в целом на механизме правового регулирования, оставляя возможность совершения неправомερных действий. Кроме того, необходимо обратить внимание на проблемы не только законодательного обеспечения, но и пробле-

¹ Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 248.

мы практики его применения – когда действующие нормы истолковываются не в соответствии с их смыслом (например, чрезвычайно широко или наоборот достаточно узко), что также сказывается на эффективности экономической деятельности в целом. В этом смысле можно говорить о недостатках в правовой сфере, которые также влияют на коррупционные проявления, являясь способствующим им условием. Данная проблема свойственна многим странам и ученые, исследующие коррупцию на транснациональном уровне отмечают, что, например, формулировки и нормы различных законодательных актов об иммунитете определенных должностных лиц создают коррупционные возможности для последних. Законодательство в банковской сфере также обладает криминальным потенциалом, включая в себя, с одной стороны охранительные нормы (например, о персональных данных и банковской тайне), а с другой – эти же нормы могут способствовать и фактам легализации. Отмечаются и проблемы с законодательством в области приватизационных отношений, лицензировании отдельных видов деятельности и др.

Отметим, что несовершенна и законодательная техника, так как (несмотря на проводимую антикоррупционную экспертизу), достаточно большой массив нормативных правовых актов содержит в себе противоречия, «серые зоны», терминологические несоответствия и т.п.

В рамках исследования правовых причин и условий коррупции, отметим что наряду с противоречивостью нормативно-правовых актов и несовершенством используемой в них юридической техники, условием выступает также и невысокий уровень правовой грамотности населения. Отсутствие базовых правовых знаний создает потенциальную возможность для нарушений прав и свобод человека, в том числе и при взяточничестве.

Неэффективность государственных институтов. Бюрократические институты как социальное явление современного общества являются достаточно устойчивыми и в силу этого приспособлены к преодолению различного рода социальных изменений. Однако фундаментальность данных институтов делает их организационное изменение более медленным по сравнению с изменениями, происходящими в социуме. Это касается в первую очередь их организационно-управленческой деятельности, что приводит к несоответствиям ожиданий общества и определенной социальной напряженности. Например, новые экономические практики развиваются быстрее, чем следует реакция на них со стороны государственного аппарата. Например, в постперестроечный период в силу противоречия в нормативных правовых актов, отсутствия практических навыков деятельности, общей социальной напряженности в обществе, органам государственной власти было достаточно сложно всесторонне защищать права собственности и обеспечивать соблюдение прав участников рыночных правоотношений. Соответственно, при фактической возможности частичной государственной защиты, участники хозяйственной деятельности искали механизмы полномасштабной защиты, используя и криминальные способы для безопасности собственного бизнеса, к числу которых относилось и взяточничество.

Необходимо отметить и некомпетентность отдельных должностных лиц, недостатки в осуществлении контроля за их деятельностью и пр.

При исследовании блока политических причин и условий, следует подчеркнуть, что коррупционным проявлениям в политике способствуют такие условия как низкий уровень политической культуры и социальной ответственности политических партий; пробелы и коллизии избирательного законодательства и т.п.

Недостаточно сильно развитие участие предпринимателей как социальной группы в управленческой деятельности и отсутствие возможности влияния на принятие тех или иных решений также влияет на уровень коррупционных проявлений.

Можно отметить и такую проблему как большое количество должностных лиц, что с одной стороны снижает возможность обеспечить их достойной заработной платой, а с другой влияет на качество контроля за их деятельностью. Отдельные авторы отмечают также и то, что на коррупцию влияют и жесткие вертикальные отношения «власть – подчинение»: когда лицо занимается коррупцией в силу того, что его начальство коррумпировано и подчинение строится не на базисе закона, а на основе взаимоотношений с руководителем. В данном контексте можно говорить о следующих проблемных аспектах:

- «вертикали» коррупции, когда коррупционная составляющая идет «снизу-вверх», т.е. с «низового» уровня коррупции до лиц, занимающих более «высокие» должности. Подобные проявления коррупции опасны тем, что создают условия укрывательства преступных деяний и действий по принципу взаимовыгоды. Между коррупцией «сверху» и «снизу», как правило, существуют определенные взаимосвязи, объединяющие данные виды коррупции и свидетельствующие о переходе к более высокоорганизованным ее формам – цепочкам, сетям, сообществам;
- способности и возможности должностных лиц влиять в отношении иных должностных лиц на принятие решений о коррупционном поведении;
- служебная зависимость должностных лиц, когда решение о совершении взяточничества принимается по мотиву подчинения одного должностного лица другому;
- отсутствие регулирования отношений между должностными лицами в части обращений одного должностного лица к другому в связи с решением частных вопросов, входящих в компетенцию последнего, а также механизма фиксации и мониторинга таких обращений;
- возможность индивидуального принятия должностным лицом решений, связанных, например, с прохождением государственной службы – в частности, о продвижении по службе, предоставлении социальных привилегий, применении или неприменении мер взыскания и т.п.;
- кумовство и иные значимые свойственные отношения. В научной литературе существует деление коррупции на «жесткую» и «мягкую». К «жесткой» коррупции относится то или иное поведение, связанное с подкупом. «Мягкую» коррупцию составляют такие ее проявления, которые являются не очевидными. Так, наиболее известной формой «мягкой» коррупции является фаворитизм, т.е. оказание определенных услуг или предоставление ресурсов лицам, являющихся родственниками, свойственниками, иными близкими и т.п. Фаворитизм отрицательно влияет на эффективность и правомерность выполнения собственных служебных обязанностей должностного лица, так как способствует приня-

тию необоснованных с точки зрения правовых норм решений.

Сам фаворитизм делится на два вида: во-первых, это nepотизм (кумовство), т.е. такое построение деятельности, которое основано на родственных связях; во-вторых, кронизм – когда система деятельности строится исключительно с привлечением лиц, являющихся друзьями.

К «мягкой» коррупции также относится клановость и землячество. Данная форма коррупции основана на принадлежности должностного лица к определенной социальной группе, которая имеет определенные интересы и деятельность должностного лица строится вокруг удовлетворения данных интересов.

Государственные служащие в определенной степени могут быть деморализованы: а) низкими зарплатами; б) не связанной с качеством выполнения должностных обязанностей системой поощрения и наказания на службе; в) отсутствием карьерных перспектив при наличии профессиональных достижений; г) отсутствием четко обозначенных целей деятельности; д) низкой управленческой культурой; е) персонализацией власти; ж) плохой организацией контроля и несовершенством процедур принятия решений и отчетности за проделанную работу.

К психологическим причинам коррупционных преступлений следует отнести нравственные причины, в частности – отсутствие морально-этических установок для отказа от участия в коррупционных действиях и (или) пресечения подобной деятельности.

Человеческое корыстолюбие нередко рассматривается как основной мотив коррупционного поведения. Распространение идеологии общества потребления (стремление к личному благосостоянию становится важнее, чем благосостояние общества) также вносит свою лепту в формирование противоправной мотивации коррупционера.

В настоящее время выделяют два ведущих мотива коррупции. Один из них считается видимым, внешним (корыстная мотивация, стремление обеспечить себя материальными благами неправомерными способами). Другой мотив является более глубинным, он представляет собой отношение к коррупции как к опасной и увлекательной игре. В этой связи нельзя не отметить, что существует точка зрения, согласно которой коррупционное поведение является разновидностью аддиктивного поведения («взяточomanия»). «Взяточomanия» характеризуется четырьмя стадиями: 1) на первой стадии происходит разовое получение неправомерного «вознаграждения»; 2) на второй стадии возникает зависимость (взяточник ждет этого события, прокручивая в голове образ ситуации получения взятки); 3) на третьей стадии появляются признаки депрессивных состояний, приоритетной остается только одна ценность – взятки, которые превращаются в определенный допинг, позволяя испытывать ощущение комфорта; 4) на четвертой стадии человек («взяточoman») отрывается от реальности, теряет чувство сопереживания и уже не радуется тому, что получает.

Важную особенность социально-психологического климата в обществе, способствующую процветанию коррупции, является так называемый двойной моральный стандарт. С одной стороны, коррупция, особенно в верхних эшелонах государственной власти, считается обществом абсолютно неприемлемой. С другой стороны, так называемая низовая коррупция оценивается россиянами как вполне допустимая.

Также можно выделить ряд других проблемных аспектов, в частности:

- отсутствие или слабый контроль, непрозрачность деятельности должностных лиц; несогласованность в нормативном регулировании такой деятельности, что обуславливает значительную степень произвола в правоприменительной практике;
- предоставляемая должностью возможность самостоятельно принимать решения по вопросам, значимым для потенциального взяточника, связанная со значительной степенью «допустимой усмотрения» в отношении принимаемых решений; недостаточно полная регламентация поведения должностного лица в различных ситуациях или отсутствие (или недостаточность) критериев выбора модель такого поведения;
- наличие официальных барьеров на пути реализации потребностей потенциального взяточника и возможность их удовлетворения (или минимизации затрат на их удовлетворение) путем подкупа ответственного лица, в чьих силах обеспечить такое удовлетворение;
- слабый внутренний контроль за правильностью решений, принимаемых должностным лицом;

Программа борьбы со взяточничеством, как и любая концепция противодействия преступности, должна основываться на определенных фундаментальных соображениях, которые пронизывают теорию и практику борьбы с этими негативными явлениями.

Полагаем важным и целесообразным обратить внимание на общие меры предупреждения данного вида преступности. В частности, необходимо повышение качества законодательной деятельности в содержательной части принимаемых законопроектов. Кроме того, в целях повышения эффективности деятельности по предотвращению коррупционных проявлений, необходимо совершенствовать практику применения законов и интенсифицировать надзор за их исполнением.

Отметим и то, что важное место занимает индивидуальная профилактическая работа с должностными лицами. При отсутствии персонала с высокими личностными качествами, который соблюдал бы закон и следил за дисциплиной, невозможно снизить количество коррупционных проявлений. В этой связи необходимо усовершенствовать внутренний механизм функционирования системы органов государственной власти, в том числе например, внедрением перекрестного управления, взаимного сдерживания и перекрестного контроля, процедуры отстранения государственных должностных лиц. Каждая организация должна разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции в соответствии со ст. 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Такие меры могут включать в себя следующие действия: определение подразделения или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений; сотрудничество с правоохранительными органами; разработка и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы; принятие кодекса этики и служебного поведения; предотвращение и урегулирование конфликтов интересов и т.п.

Полагаем, что необходимо усовершенствовать уголовно-правовые меры предупреждения коррупционной преступности в целом и взяточничества в частности. Так, например, считаем целесообразным внести дополнения в ст. 47 Уголовного кодекса РФ, предусмотрев возмож-

ность пожизненного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, распространив возможность применения этого вида уголовного наказания в отношении лиц, виновных во взяточничестве. Соответствующие изменения предлагаем внести и в статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ в отношении статей, отнесенных к коррупционным преступлениям.

В ст. 104.1 УК РФ указаны преступления, при совершении которых возможно применение такой меры уголовно-правового характера как конфискация имущества. При этом п. «а» ч. 1 данной статьи в указанном в ней перечне преступлений предусматривает только ст. 290 УК РФ. На наш взгляд можно было бы дополнить данный перечень ст. 291.2 УК РФ.

Неотвратимость ответственности является сдерживающим фактором коррупционной преступности, а следовательно необходимо привлечь взяточников к уголовной ответственности и назначать им уголовные наказания, соответствующие общественной опасности совершенного преступления.

К основным мерам предупреждения как коррупции в целом, так и взяточничества как ее формы относятся:

- а) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
- б) антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;
- в) предъявление квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами;
- д) установление в качестве основания для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения представление заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, или данной информации о своих супруге и несовершеннолетних детей;
- е) внедрение в практику кадровой работы правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным или муниципальным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на высшую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при его поощрении;
- ж) развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

Библиография:

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сб. материалов всеросс. науч-практич. конференции. Хабаровск, 2013. С. 2-5.
2. Никонов, П. В. Криминологический анализ коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: монография / П. В. Никонов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 59
3. Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 248.
4. О масштабах коррупции в России: по материалам СМИ // Официальный сайт Института социально-политических исследований РАН // URL: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Bogdanov%20Corruption.pdf.
5. Сидоренко Л.И. Новые криминологические параметры измерения коррупции в России // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 121-125.

References:

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Criminal law policy of the Russian Federation in the field of countering corruption-related crimes // Actual problems of countering corruption crimes: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Khabarovsk, 2013. pp. 2-5.
2. Nikonov, P. V. Criminological analysis of corruption crimes related to giving and receiving bribes and other types of illegal citizenship: monograph / P. V. Nikonov. – Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. p. 59
3. Nomokonov V.A. The causes of crime in modern Russia: the problem is getting worse // All-Russian Journal of Criminology. 2017. Vol. 11. No. 2. С. 248.
4. On the scale of corruption in Russia: based on media materials // Official website of the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences // URL: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Bogdanov%20Corruption.pdf.
5. Sidorenko L.I. New criminological parameters of measuring corruption in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. pp. 121-125.

ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ARMED MUTINY: CRIMINAL LAW ANALYSIS OF OBJECTIVE SIGNS OF A CRIME

ЛОПАТИНА Татьяна Михайловна,

доктор юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет».
214018, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4.
E-mail: Lopatina1501@mail.ru;

LOPATINA Tatiana Mikhailovna,

Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Law Disciplines Smolensk State University.
214018, Russia, Smolensk, Przhevalskogo str., 4.
E-mail: Lopatina1501@mail.ru

Краткая аннотация: в статье представлены результаты анализа действующей уголовно-правовой нормы об ответственности за вооруженный мятеж и проблемы квалификации при смежности с другими действиями, которые требуют самостоятельной правовой оценки и не охватываются составом анализируемого преступления. Сделаны выводы об отсутствии в действующем УК РФ механизма уголовно-правового противодействия действиям по ненасильственному захвату государственной власти. Обосновывается необходимость принятия соответствующих разъяснений высшей судебной инстанции и предлагается авторская редакция статьи.

Abstract: the article presents the results of the analysis of the current criminal law norm on responsibility for armed rebellion and the problems of qualification in conjunction with other actions that require independent legal assessment and are not covered by the composition of the analyzed crime. Conclusions are drawn about the absence in the current Criminal Code of the Russian Federation of a mechanism of criminal-legal counteraction to actions on nonviolent seizure of state power. The necessity of adopting appropriate clarifications of the highest judicial instance is substantiated and the author's version of the article is proposed.

Ключевые слова: насильственный захват власти, вооруженный мятеж, территориальная целостность России.

Keywords: violent seizure of power, armed rebellion, territorial integrity of Russia.

Для цитирования: Лопатина Т.М. Вооруженный мятеж: уголовно-правовой анализ объективных признаков преступления // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 520-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_520.

For citation: Lopatina T.M. Armed mutiny: criminal law analysis of objective signs of a crime // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 520-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_520.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Обострение вопроса самосохранения государства от внутренних угроз изменению основ конституционного строя, способных привести государство под внешнее управление, как никогда актуальны в современный исторический период развития России, в период насильственного свержения политических режимов, искусственного создания внутригосударственных конфликтных ситуаций. События 24 июня 2023 года с очевидностью свидетельствуют о возможности практической реализации положений ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж». В новейшей истории российского государства уже имели место попытки вооруженных восстаний и проведения контртеррористических операций. В УК РФ 1996 года статья о вооруженном мятеже заимствована из УК РСФСР 1926 года (ст. 582), поскольку УК РСФСР 1960 года не предусматривал соответствующей уголовно-правовой нормы. Введение ст. 279 УК РФ вызвано стремлением законодателя защитить государственную власть от разного рода насильственных действий, что созвучно идеям Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. При этом диспозиция ст. 279 УК РФ остается неизменной, несмотря на изменение социально-политической обстановке в стране и мире.

Как следует из данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ степень распространенности преступлений, связанных с вооруженным мятежом, невелика. «Так, в 2009, 2011, 2015, 2019, 2020, 2021 гг. не было осужденных лиц. В 2010 г. по ст. 279 УК РФ осуждено 1 лицо, в 2012 г. – 3, в 2013 г. – 1, в 2014 г. – 3» [1]. При этом, общественная опасность данного преступления велика. Не случайно оно в примечании 2 к ст. 205² УК РФ отнесено к виду террористической деятельности, а социально-политические последствия вооруженного мятежа могут иметь непредсказуемый масштаб, о чем свидетельствуют настоящие события на Украине. Все это обуславливает актуальность обращения к анализу особенностей объективных признаков состава вооруженного мятежа и критический анализ недостатков его конструкции.

При анализе родового объекта рассматриваемого преступления следует сказать, что в своем большинстве ученые относят к нему общественные отношения в сфере обеспечения безопасного функционирования системы легитимно образованных институтов государственной власти. Видовой объект состава вооруженного мятежа образуют общественные отношения, связанные с безопасностью «личности, общества и конституционного строя от тех источников опасности, которые реально имеются в современных условиях» [3, с. 25], либо с «безопасность в значении совокупности внешней и внутренней безопасности государства» [4, с. 23]. Уточняя приведенные определения, нами под видовым объектом вооруженного мятежа понимаются общественные отношения по обеспечению закрепленных в Конституции России основ конституционного строя и безопасности государства, как составляющих национальной безопасности.

В отношении непосредственного объекта рассматриваемого преступления мы разделяем позицию А.И. Рарога, который к последнему относит «основы политической системы РФ в части неизбежности основ конституционного строя и территориальной целостности России» [5, с. 697]. При этом следует внести уточнение в части того, что конституционный строй и его основы соотносятся между собой как общее и частное. Под конституционным строем понимается совокупность социальных отношений, а под его основами – система конституционных принципов государственного и общественного строя [6, с. 28]. В связи с чем, под непосредственным объектом вооруженного мятежа следует понимать основы политической системы, безопасность конституционного строя и территориальной ценности России.

Помимо политической системы действия в рамках вооруженного мятежа могут посягать на жизнь, здоровье граждан, их собственность. В связи с чем, А.А. Дегтярёв в качестве дополнительного объекта выделяется жизнь, здоровье и собственность [7, с. 47–54]. Вряд ли можно согласиться с таким подходом, поскольку в теории уголовного права дополнительный непосредственный объект выступает в качестве необходимого признака состава преступления. А вот непосредственный факультативный объект может в конкретных ситуациях ставится под угрозу причинения вреда. Если быть последовательным и учитывать многогранность действий в ходе вооруженного мятежа, то непосредственным факультативным, а не дополнительным, объектом выступают жизнь человека, его здоровье, личная свобода, а также отношения собственности и т.д.

С позиции характеристики объективных признаков вооруженный мятеж представляет собой форму организованного выступления значительной группы лиц против легитимной государственной власти посредством применения вооруженного насилия. Но захват государственной власти возможен в форме насильственного, но не вооруженного захвата власти. В такой ситуации возникает вопрос о содержании насилия. Если исходить из определения насилия в современной уголовно-правовой науке, то оно определяется как индивидуальное насилие, применяемое в отношении конкретного человека в форме физического или психического воздействия, направленного на подавление воли объекта воздействия.

В отношении государства, как более сложного объекта насилия, насильственное воздействие может выражаться как в невооруженном посягательстве на политические институты, так и в вооруженном насилии. При этом воздействие на жизненно важные интересы государства должно быть существенным, а уровень насилия таков, чтобы сломить волю государства. Для этого необходимы коллективные усилия в целях принуждения к внешней воле действующих в государстве политических институтов. Эта форма насилия отличается от насилия в отношении отдельного человека. Насилие в отношении государства состоит в преодолении воли не отдельно взятого человека, а воли народа в виде нелегитимного перехода государственно-властных полномочий на территории страны или отдельной административно-территориальной единицы посредством вооруженного принуждения или посредством узурпации государственной власти одним лицом (одной политической партией) с последующим изменением системы государственного устройства. Например, самопровозглашение отдельной территории независимым государством, гражданское неповиновение, при котором люди не берут в руки оружие. Вооруженный мятеж как насильственный способ захвата государственной власти осуществляется с использованием возможностей армии или военизированных вооруженных структур.

Следовательно, если невооруженный захват власти представляет собой любой насильственный, нарушающий конституционный порядок переход государственной власти, то вооруженный захват власти – это насильственное установление контроля над органами государственной власти с применением оружия. В обоих случаях присутствует цель - изменение конституционных основ государства или нарушение его территориальной целостности. При этом невооруженный способ захвата власти не охватывается юрисдикцией ст. 279 УК РФ. В правоприменительной деятельности возникает проблема ответственности за насильственные действия при реализации права народа на самоопределение [2, с. 66–70], которое Всеобщей декларацией прав человека (1948 год) определяется как право на вооруженное сопротивление узурпации власти. Действующее законодательство об этом умалчивает, что создает реальные квалификационные проблемы.

В диспозиции ст. 279 УК РФ предусмотрены альтернативные действия. Что касается организации вооруженного мятежа, то такие действия состоят в объединении деятельности вооруженных лиц для достижения общей цели. Это: а) действия, совершаемые до начала мятежа (собственно организация). К ним можно отнести: консолидацию людей и обеспечение их совместности действий; распределение участников на боевые группы; определение порядка их управления; разработка плана мятежа и т.п., б) действия, совершаемые в процессе вооруженных выступлений (руководство мятежом). Помимо обозначенных, А.А. Дегтярев к организационным действиям относит «все деяния, которые признаются законодателем приготовлением к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ)» [7, с. 47–54]. Вступая в научный спор с автором, обращаем внимание на конструкцию состава вооруженного мятежа. Это формальный состав, следовательно, деяние в форме организации вооруженного мятежа образует оконченный состав преступления при идеологическом, материальном или организационном его обеспечении в случае, когда состоялось фактическое вооруженное выступление. Все указанные действия образуют стадию приготовления к преступлению в случае пресечения мятежа до его объявления, если они не привели к вооруженному выступлению. Недоработка законодателя состоит в том, что присутствует ответственность за действия по подготовке вооруженного мятежа в смысле его организации и за активное участие в нем, но не обозначены действия по руководству вооруженным мятежом. Видимо законодатель в организационные действия включает и руководящие вооруженным мятежом действия.

Нам представляется, что процесс вооруженного выступления предполагает несколько этапов: подготовительный, связанный с организационными действиями; этап непосредственного проведения вооруженного мятежа, который представлен действия по его руководству или непосредственному участию в нем. Такое руководство может выражаться в координации действий участников, направленных на достижение целей мятежа, в обеспечении согласованности конкретных нападений и т.п. Но это действия, отличные от предварительной организации вооруженного мятежа, что должно найти отражение в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Под участием в вооруженном мятеже понимается две формы возможных действий: активную и пассивную, которые отображают качественно-количественный вклад участников вооруженного мятежа в итоговый преступный результат. При таком подходе присутствует оценочное понятие, которое требует критериального подхода к квалификации участия как активного. Тем более, что это эксклюзивный признак, т. к. в уголовном законе предусмотрена ответственность за участие в совместной преступной деятельности без обозначения степени её активности.

Активное участие в вооруженном мятеже – это различного рода действия, внесшие существенный вклад в достижение целей мятежа в виде изменения конституционного строя РФ или нарушения её территориальной целостности, например, захват зданий государственных органов. С момента начала совершения лицом конкретных насильственных действий против легитимной государственной власти с применением оружия в целях, обозначенных в ст. 279 УК РФ, преступление считается оконченным. При пассивном участии лицо не совершает вооруженное насилие, а

иным образом оказывает содействие конкретным его участникам, исключаящее пособничество. Например, лицо сочувствует мятежникам и оказывает им поддержку посредством разового предоставления продуктов питания.

Исходя из названия статьи, обязательным признаком мятежа является вооруженность. Под признаком вооруженности в уголовном праве понимается наличие у виновных лиц огнестрельного или холодного оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ, газового и пневматического оружия как заводского, так и самодельного изготовления. При этом, А.М. Багмет отмечает проблемный аспект уголовной ответственности «относительно оценки действий лиц, которые используют предметы, не являющиеся по своей конструкции и предназначению оружием, в том числе, стеклянные бутылки с горючей смесью, камни, арматура, цепи, палки и иное» [8, с. 25]. Обладание такими предметами автор не относит к признаку вооруженности, что исключает ответственность за вооруженный мятеж. Присоединяясь к данной точке зрения, отметим, что использование непригодного к целевому применению оружия не исключает дополнительной, наряду со ст. 279 УК РФ, квалификации по ст. 222 и 222¹, 222², 223, 223¹ УК РФ, поскольку указанные нормы не являются смежными (они не соотносятся как целое и часть или как специальная и общая нормы). Применительно к рассматриваемому преступлению признак вооруженности – это свойство совокупно осуществляемых действий, который характеризуется наличием оружия у значительного количества лиц – участников мятежа и возможностью его использования. В тоже время исключать возможность применения в процессе насильственных действий иных предметов, используемых в качестве оружия, тоже нельзя.

В процессе подготовки вооруженного насилия могут быть использованы высокотехнологичные средства для призывов к мятежу, склонения и вербовки участников (информационно-коммуникационные технологии в форме социальных сетей, мессенджеров; средства спутниковой связи и т.д.). В случае, если присутствуют только публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, то совокупность преступлений отсутствует, и содеянное квалифицируется по ст. 280, 281¹ УК РФ (в зависимости от содержания и характера призывов). Однако в том случае, если указанные призывы представляют собой составляющую активных действий в составе вооруженного мятежа и связаны с целью его организации или реализации, то имеет место конкуренция уголовно-правовых норм (в частности, части и целого), при которой должна применяться норма, наиболее полно охватывающая все признаки совершенного деяния, в данном случае - ст. 279 УК РФ. При этом возникает вопрос в отношении квалификации действий лица, призывающего к ненасильственному (невооруженному) изменению территориальной целостности государства. Присутствует правовая коллизия, поскольку в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под последней понимается только насильственные изменения основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации. На наш взгляд, публичные призывы к действиям, направленным на ненасильственное изменение территориальной целостности государства или его отдельного субъекта, следует оценивать с позиции права народов на самоопределение, если в этих призывах не присутствуют элементы экстремистской направленности. Кроме того, в процессе проведения вооруженного мятежа присутствуют риски причинения вреда жизни и здоровью как отдельным гражданам, так и государственным деятелям как представителям структур легитимной государственной власти, которые находятся за пределами юрисдикции ст. 279 УК РФ. Они должны квалифицироваться соответственно по ст. ст. 105, 277 УК РФ, что признается всеми исследователями.

Таким образом, объективные признаки вооруженного мятежа содержат определенные сложности при квалификации в силу отсутствия в уголовном законе критериев определения мятежа, содержания понятия его организации; ясности относительно признака вооруженности; отличия от захвата действующей государственной власти. В связи с чем, представляется необходимым принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации с разъяснениями о применении ст. 279 УК РФ. В свою очередь нами предлагается следующая редакция ст. 279 УК РФ.

«Статья 279. Вооруженный мятеж

1. Организация вооруженного мятежа *или руководство им* в целях свержения или насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации – наказывается...

2. *Участие в мятеже в целях, указанных в части первой настоящей статьи, – наказывается...*

3. *Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", – наказываются...*».

Библиография:

1. Судебная статистика по ст. 279 УК РФ. URL: <https://stat.ani-press.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 12.07.2023).
2. Агапов П.В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства //Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66–70.
3. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 265 с.
4. Савинский А. В. Уголовно-правовая оценка посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства: монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2008. 188 с.
5. Комментарий УК РФ /отв. Ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2018. 912 с.
6. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М.: Юрист, 1994. 288 с.
7. Дегтерев А.А. Вооруженный мятеж: уголовно-правовая характеристика преступного посягательства //Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 1. С. 47–54.
8. Багмет А.М. Применение огнестрельного оружия как признак массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 15. С. 23-25.

References:

1. Judicial statistics under Article 279 of the Criminal Code of the Russian Federation. URL: <https://stat.ani-press.pf/stats/ug/t/14/s/17> (accessed: 12.07.2023).
2. Agapov P.V. Armed rebellion: some aspects of criminal law characteristics and improvement of legislation //Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. No. 10. pp. 66-70.
3. Dyakov S.V. Crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state: criminal law and criminological research. St. Petersburg: Law Center Press, 2012. 265 p.
4. Savinsky A.V. Criminal and legal assessment of encroachments on the foundations of the constitutional system and the security of the state: monograph. Arkhangelsk: Pomeranian State University, 2008. 188 p.
5. Commentary of the Criminal Code of the Russian Federation / ed. A.I. Rarog. M.: Prospect, 2018. 912 p.
6. Rumyantsev O.G. Fundamentals of the constitutional system of Russia: concept, content, questions of formation. Moscow: Lawyer, 1994. 288 p.
7. Degterev A.A. Armed rebellion: criminal and legal characteristics of criminal encroachment //Legal Bulletin of the Kuban State University. 2020. No. 1. pp. 47-54.
8. Bagmet A.M. The use of firearms as a sign of mass riots // Russian investigator. 2012. No. 15. pp. 23-25.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЦЕЛИ КАК УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ОБОСНОВАННОГО РИСКА С ПОЗИЦИИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА Interpretation of the goal as a condition for the legality of a reasonable risk from the perspective of the science of criminal law

ЛАПША Вадим Леонидович,
исследователь, преподаватель-исследователь.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru;
Lapsha Vadim Leonidovich,
Researcher, teacher-research.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются мнения правоведов о цели действий при обоснованном риске и приводится собственная точка зрения.

Abstract: The article examines the opinions of legal experts on the purpose of actions at reasonable risk and provides their own point of view.

Ключевые слова: обоснованный риск, цель обоснованного риска, правомерность деяния, уголовный закон, уголовная ответственность.

Keywords: reasonable risk, the purpose of reasonable risk, legality of the act, criminal law, criminal liability.

Для цитирования: Лапша В.Л. Интерпретация цели как условия правомерности обоснованного риска с позиции науки уголовного права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 523-525. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_523.

For citation: Lapsha V.L. Interpretation of the goal as a condition for the legality of a reasonable risk from the perspective of the science of criminal law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 523-525. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_523.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Общеизвестно что, применяя уголовно-правовые предписания к конкретным случаям противоправного деяния, а также к тем, которые не являются таковыми правоприменительным органам в лице их должностных лиц необходимо понимать их суть и содержание.

Многие законодательные предписания уголовно-правового характера получили разъяснения в актах высшей судебной инстанции. Тем не менее есть те, которые не разъяснены последней.

Следует признать, что не в полной мере Верховным судом РФ разъяснены положения гл. 8 УК РФ¹, являющиеся ключевыми в вопросе определения преступного и не преступного поведения. Так предписание уголовного закона об обоснованном риске не применяется на практике. При этом отрицать того, что социальная практика лишена указанного социально-правового явления невозможно. Многие случаи из социальной практики доказывают данный факт. Соответственно возникает вопрос о причинах отсутствия применения указанной нормы.

В начале следует отметить, что неприменимость исследуемой нормы обусловлена рядом факторов: теоретического, законодательного и правоприменительного характера.

Теоретический фактор заключается в том, что взгляды правоведов на положение указанного уголовно-правового предписания не только разные, отличные друг от друга, но и меняющиеся со временем.

Законодательный фактор заключается в том, что формулирование той или иной нормы закона регламентирующего взаимоотношения в социуме невозможно без необходимых знаний о социальных явлениях и их составляющих. В отношении последних с одной стороны, наличие нескольких специальных исследований посвященных основам нормы ст. 41 УК РФ является некоторым основанием для законодательного определения ее содержания. С другой стороны, представления о риске могут меняться не только у ученых, но и практических работников.

Правоприменительный фактор заключается в правосознании, а также правовой культуре, тех лиц которым надлежит провести правовую оценку действий, обусловленных риском.

Следует отметить, что вопрос правосознания хотя и является дискуссионным в правовой науке[1, с. 111-114] на что, указывают ряд научных работ по данной теме[2, с. 27-34], но тем не менее основные черты, характеризующие его можно определить.

По нашему мнению, правосознание является своего рода социальным критерием правовых норм, определяющим насколько те или иные законодательные предписания, соответствуют социальным представлениям: о справедливости, гуманизме, правомерности и неправомерности, характере наказания за правонарушение.

Таким образом, можно заключить, что правосознание является общим критерием, влияющим также и на ранее указанные теоретический и законодательный факторы.

Также полагаем, что процесс появления в законодательстве определенных норм, регламентирующих социальные взаимоотношения, начинается с социальной необходимости в регламентировании соответствующего социального аспекта жизни. В дальнейшем указанная необходимость становится предметом правовых научных исследований. Затем, при определенности в теоретическом плане правового аспекта, правоведами предлагаются законодательные проекты необходимых предписаний закона.

Подобный процесс законодательной регламентации социальных взаимоотношений, обусловленных риском свойственной был и совре-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

менному законодательному предписанию ст. 41 УК РФ до его включения в новый УК РФ 1996 г.

В вопросе практического применения следует обратить внимание на сколько определенными являются условия правомерности, закрепленные в норме ст. 41 УК РФ, на основе которых определяется преступным ли был причиненный вред в условиях риска или нет.

Полагаем, что указанный выше вопрос следует рассмотреть через призму теоретического фактора, обуславливающего дальнейшее правовое регламентирование соответствующих взаимоотношений. В частности, в основе любой деятельности являющейся содержанием тех или иных социальных, да и правовых отношений является цель.

Представляется, что цель – это своего рода желание лица в чем-либо выраженная в его сознательном представлении об этом. Такое, условно говоря желание может проявляться, например, в потребности лица в какой-либо вещи которую он может получить путем легального или нелегального приобретения. В том числе, в необходимости правовой защиты нарушенных прав на основе которой лицо и обращается в органы правосудия.

Приведенное выше представление о цели является условным и не претендующим на исключительность.

Специфичным в поведении лица при совершении рискованных действий является то, что они совершаются не в преступных целях и не в личных. Хотя в отношении последних могут быть дискуссии.

В виду того, что в социуме XX века наблюдалось активное научно-техническое развитие многие сферы социальной деятельности, например, научная, техническая, производственная и хозяйственная были во многом связаны с единственной целью, характеризующейся как результат.

На основе указанных выше социальных преобразований формировались и взгляды правоведов на имеющие случаи риска в научной, технической, производственной и хозяйственной деятельности.

Одним из ключевых моментов, в правовом исследовании риска, являлась цель рискованных действий.

Поясним, что в данном случае речь идет об уголовно-правовых исследованиях, которые начались во второй половине двадцатого века.

На основе действовавшего уголовного законодательства, во время исследования риска в производственной практике, М. С. Гринберг делает важное и актуальное уточнение в отношении цели. В частности, автором указывается на то, что цель в виде результата может быть достигнута, а может и нет. То же и в отношении последствий такого риска как негативных, как и позитивных. Отсюда и как следствие признание риска правомерным или неправомерным[3, с. 73, 85]. При этом, ученый указывает на цель как результат значимый для общества.

Также существенную правовую оценку цели действий, составляющих риск приводит проф. А. Б. Сахаров. В частности, ученый при конструировании будущего уголовно-правового предписания не относит цель к условиям характеризующих рискованные действия как правомерные, но при этом указывает на то, что основания правомерности содержатся в ч. 2 статьи 54 предлагаемого проекта[4, с. 134-135].

Приведенное выше мнения проф. А. Б. Сахарова также, по нашему мнению, представляет интерес для современной социально-правовой практики. Однако в вопросе определения преступного и неправомерного посредством уточнения характера цели мы рассмотрим ее в качестве необходимого условия, характеризующего правомерность рискованных действий.

В целом, анализируя период исследования риска представителями уголовно-правовой наукой до включения его в качестве законодательного предписания в новый УК 1996 года отметим следующее.

Социальная практика оказала огромное влияние на развитие уголовно-правовых представлений о цели рискованной деятельности. При этом несмотря на разность формулировок указанного условия правомерности деятельности обусловленной риском ученые едины в том, что цель – это результат полезный и социально значимый.

В дальнейшем после включения нормы о риске в новое уголовное законодательство 1996 года мнения о цели как «общественно полезной» стали «разнообразнее», а именно содержащие разные аспекты деятельности, которые не рассматривались ранее в уголовном праве.

Тематика научных исследований риска в уголовно-правовой науке становится актуальной в конце 90-х начале 2000-х гг.

Характеризуя мнения ученых данного периода отметим следующее.

В своем исследовании под целью А. Н. Берестовой предлагает понимать: «сохранение и приумножение социальных благ»[5, с. 16].

Н. Ш. Козаев характеризует цель деятельности риска как наименее затратный способ достижения полезных результатов[6, с. 118].

В качестве комбинированного варианта, содержащего вышеуказанные характеристики цели риска, формулирует определение цели деятельности обусловленной риском проф. В. В. Орехов.[7, с. 147]

Отдельного внимания заслуживает указание проф. В. В. Бабурина на то, что цель – это «использование имеющейся возможности чтобы достичь социально полезный и значимый результат»[8, с. 194].

Следует отметить, что специальные исследования новой нормы уголовного законодательства, в том числе и цели характеризующей неправомерность действий заканчиваются в 2009 году.

Однако, данное обстоятельство не повлияло на научный интерес к указанному уголовно-правовому предписанию.

Далее следует привести несколько актуальных мнений ученых в отношении цели риска, имеющих место в уголовно-правовой доктрине после 2009 года и по настоящее время. Так, о «создании» социальных благ и последующей их сохранности как цели рискованных действий рассуждает проф. А. П. Дмитренко[9, с. 436].

В более поздний период проф. С. В. Пархоменко анализируя предписание ст. 41 УК РФ о цели приходит к выводу о том, что с учетом современной социальной практики ее следует изложить следующим образом: «полезной для общества и государства цели»[10, с. 38].

Действительно полезность цели многоаспектна, но для одной части социума она является полезной, а для другой не является указан-

ной. При этом с законодательной и правоприменительной точки зрения требуется единое понимание, так как это имеет существенное значение для лица рискованные действия которого оцениваются уголовным законодательством.

При этом по справедливому замечанию проф. И. А. Фаргиева, цель должна иметь значение не только для отдельного индивида, но и являться таковой для всего общества в целом[11, с. 363].

Таким образом, на основе исследованного, следует сделать ряд выводов.

Цель социальной деятельности имеет двойную природу. В одних случаях она преступна и наказуема. В других социально полезна и соответственно не наказуема. Однако во втором случае цель, как и все действия, связанные с риском, требуют комплексного анализа на предмет их правомерности как ранее указывалось в теории уголовного права.

Заметим, что обозначенные нами аспекты, в отношении теоретического фактора в части уголовно-правового регламентирования риска, подтверждаются динамикой мнений представителей уголовно-правовой науки.

Часть ученых, характеризует цель в узком смысле включая в нее определение лишь одни действия имеющие социальное значение. Другие исследователи, характеризуют цель в более широком смысле включая в нее несколько социально значимых действий.

При этом, исходя из текста правового предписания ст. 41 УК РФ следует, что цель является признаваемой всем обществом. Однако, как нами ранее было отмечено, не все индивидуумы могут признать ту или иную цель соответствующей ее законодательному определению и в целом обоснованной.

На основе сказанного считаем, что к формулировке цели следует подходить комплексно, указывая в ней как субъективные составляющие (сознательность поведения), так и объективные (действия, связанные с необходимостью сохранить социальные блага, а также развить их и усовершенствовать).

Библиография:

1. Правкина И. Н. Установки правосознания современного Российского общества // Исторические трансформации правосознания в пространстве: различных традиций права: Международная научно-практическая конференция: сборник научных трудов / сост. А. И. Клименко. – Москва : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. – С. 111–114.
2. Медушевская Н. Ф. Методологический анализ правового сознания / Н. Ф. Медушевская. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2023. – № 11. – С. 27–34.
3. Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве / М. С. Гринберг. – Москва : Госюриздат, 1963. – 132 с.
4. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / АН СССР, Ин-т государства и права; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. – Москва : Наука, 1987. – 278 с.
5. Берестовой А. Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 1999. – 20 с. – Текст : непосредственный.
6. Козаев, Н. Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Козаев Нодар Шотаевич ; Московская академия МВД России. – Москва, 2000. – 176 с. – Текст : непосредственный.
7. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб. : «Юридический центр Пресс», 2003. – 217 с. – Библиогр.: 175-178. – 1550 экз. – ISBN 5-94201-204-0. – Текст : непосредственный.
8. Бабурин В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бабурин Василий Васильевич ; Омская академия МВД России. – Омск, 2009. – 423 с. – Библиогр.: с. 383-414. – Текст непосредственный.
9. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2010. – 522 с. – Библиогр.: с. 475-522. – Текст : непосредственный.
10. Пархоменко С. В. Проблемы и перспективы совершенствования уголовно-правовой регламентации обоснованного риска / С. В. Пархоменко. – Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4 (75). – С. 34–39.
11. Актуальные проблемы Общей части уголовного права : учебник / отв. ред. И. А. Подройкина, И. А. Фаргиев. – Москва : Проспект, 2019. – 544 с. – (Серия «Магистр. Базовый курс»). – 1000 (1-й завод) 100 экз. – ISBN 978-5-392-29225-7. – Текст : непосредственный.

References:

1. Pravkina I. N. The attitudes of the legal consciousness of modern Russian society / I. N. Pravkina. – Text : direct // Historical transformations of legal consciousness in space: various traditions of law: International scientific and practical conference: collection of scientific papers / comp. A. I. Klimenko. – Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023. – pp. 111-114.
2. Medushevskaya N. F. Methodological analysis of legal consciousness / N. F. Medushevskaya. – Text : direct // The history of state and law. - 2023. – № 11. – pp. 27-34.
3. Grinberg M. S. The problem of industrial risk in criminal law / M. S. Grinberg. – Moscow : Gosyurizdat, 1963. – 132 p. – Text : direct.
4. Criminal law: the experience of theoretical modeling / USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law; Ed. V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. – Moscow : Nauka, 1987. – 278 p. – Text : direct.
5. Berestovoy A. N. Reasonable risk as a circumstance excluding criminality of an act: abstract. ... cand. Jurid. sciences'. – St. Petersburg, 1999. – 20 p. – Text : direct.
6. Kozhaev, N. S. Reasonable risk as a circumstance excluding the criminality of an act : specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Kozhaev Nodar Shotaevich ; Moscow Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Moscow, 2000. – 176 p. – Text : direct.
7. Orekhov V. V. Necessary defense and other circumstances excluding the criminality of the act. – St. Petersburg : "Law Center Press", 2003. – 217 p. – Bibliography: 175-178. – 1550 copies. – ISBN 5-94201-204-0. – Text : direct.
8. Baburin V. V. Risk as the basis for the differentiation of criminal liability : specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dissertation for the degree of Doctor of Law / Baburin Vasily Vasilyevich ; Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Omsk, 2009. - 423 p. – Bibliogr.: pp. 383-414. – The text is direct.
9. Dmitrenko A. P. Institute of circumstances precluding criminality of an act in Russian criminal law: fundamentals of theory, legislative regulation and law enforcement : dis. ...Dr. Jurid. M., 2010. – 522 p. – Bibliogr.: pp. 475-522. – Text : direct.
10. Parkhomenko S. V. Problems and prospects of improving the criminal law regulation of reasonable risk / S. V. Parkhomenko. – Text : direct // Siberian Legal Bulletin. – 2016. – № 4 (75). – pp. 34-39.
11. Actual problems of the General part of criminal law: textbook / ed. by I. A. Podroynkin, I. A. Fargiev. – Moscow : Prospekt, 2019. – 544 p. – (Series "Magister. Basic course"). – 1000 (1st factory) 100 copies. – ISBN 978-5-392-29225-7. – Text : direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_526

УДК 343.271

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТ. 172.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ
И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES PROVIDED FOR BY ART. 172.2
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «ORGANIZATION
OF ACTIVITIES TO ATTRACT FUNDS AND (OR) OTHER PROPERTY»**

МАРТЫНЕНКО Наталия Эдуардовна,доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России.

Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: kafedra_up_au@vail.ru;

ORCID 0000-0002-0996-4389;

ЛЕЛЕТОВА Марина Владимировна,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России.

Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: leletova@list.ru;

ORCID 0000-0002-0996-4389;

MARTYNENKO N.E.,Professor of the Department of Criminal Policy, Doctor of Law, Professor
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Russia, 125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

E-mail: kafedra_up_au@vail.ru;

ORCID 0000-0002-0996-4389;

LELETOVA Marina Vladimirovna,Professor of the Department of Criminal Policy, Doctor of Law, Professor
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Russia, 125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

E-mail: kafedra_up_au@vail.ru;

ORCID 0000-0002-0996-4389

Краткая аннотация. Актуальность изучения проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 172.2 уголовного кодекса Российской Федерации «организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» связана, прежде всего с тем, что в настоящее время как физические, так и юридические лица вовлекаются в незаконную финансовую деятельность – участие в финансовых пирамидах. В то же время, финансовые пирамиды приобретают новые черты – маскируются под инвестиционную деятельность, онлайн игры, используют цифровые финансовые активы и др. Незаконная деятельность финансовых пирамид ежегодно приносит огромные убытки как гражданам, так и юридическим лицам.

Abstract. The relevance of studying the problems of qualification of crimes provided for in Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation "the organization of activities to raise funds and (or) other property is primarily due to the fact that currently both individuals and legal entities are involved in illegal financial activities - participation in financial pyramids. At the same time, financial pyramids are acquiring new features - they disguise themselves as investment activities, online games, use digital financial assets, etc. The illegal activities of financial pyramids annually bring huge losses to both citizens and legal entities.

Ключевые слова: инвестирование, финансовые пирамиды, привлечение денежных средств, ущерб, мошенничество, высокая доходность.

Key words: investing, financial pyramids, raising funds, damage, fraud, high profitability.

Для цитирования: Мартыненко Н.Э., Лелетова М.В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 526-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_526.

For citation: Martynenko N.E., Leletova M.V. Problems of qualification of crimes provided for by Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation "Organization of activities to attract funds and (or) other property" // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 526-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_526.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

С января по июнь 2023 года количество финансовых пирамид в России увеличилось на 19%, при этом было выявлено более 1,1 тысячи мошеннических организаций. Современной особенностью таких организаций является то, что почти 60% из них принимали взносы в криптовалюту¹.

По данным финансового маркетплейса «Выберу.ру», с деятельностью нелегальных финансовых пирамид сталкивались 49% россиян, при этом 15% из них участвовали в криптовалютных пирамидах и лишь двум процентам удалось вовремя выйти из пирамиды и сохранить деньги.

Необходимо отметить, что, как и другие виды преступлений, финансовые пирамиды постоянно развиваются, меняя названия, преступ-

¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cloud.mail.ru/> (Дата обращения – 30.05.2024 г.).

ные схемы, способы вовлечения потенциальных жертв и др. Особенно остро эта проблема стоит в условиях мощного развития информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества. Такие технологии делают возможным вовлечение неограниченного круга граждан и юридических лиц в незаконную деятельность финансовых пирамид.

Одним из новых способов привлечения россиян в финансовые пирамиды являются приглашения в сети Интернет и различных мессенджерах принять участие в экономических онлайн-играх, которые обещают быстрый и легкий заработок в формате «заплати и выиграй». Такие игры позволяют маскировать преступные действия создателей пирамид.

Изложенное обуславливает значимость проблемы противодействия организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Для пресечения незаконной деятельности финансовых пирамид на территории России в 2016 году была установлена уголовная ответственность, введением в действие ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества».

Однако, данные статистической отчетности за период с 2016 года по настоящее время показывают, что ст. 172.2 УК РФ применяется крайне редко, а подавляющее большинство уголовных дел по фактам создания и функционирования финансовых пирамид возбуждается, расследуется и рассматривается судами по ст. 159 УК РФ – мошенничество.

Для определения причин по которым ст. 172.2 УК РФ «не работает» представляется необходимым провести анализ уголовно-правовой характеристики данной нормы, а также тех проблем, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при попытках квалифицировать преступные деяния по незаконному привлечению денежных средств граждан или юридических лиц.

Для этого нами были сформулированы проблемные вопросы применения ст. 172.2 УК РФ при привлечении к уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид.

1. Повсеместный опыт квалификации создания и функционирования финансовых пирамид по ст. 159 УК РФ.
2. Невозможность привлечения к уголовной ответственности руководителей структурных подразделений финансовых пирамид, которые выполняют активные роли в пирамиде – привлекают новых участников, занимаются рекламой и т.д.
3. Сложности при отграничении преступных действий по незаконному привлечению денежных средств от законных действий, составляющих финансовый инвестиционный риск, а также при отграничении законной и незаконной инвестиционной деятельности.
4. Проблемы правовой регламентации регулирования инвестиционной деятельности с использованием цифровых финансовых активов и др.

При анализе судебно-следственной практики, а также материалов, предоставленных Центральным банком России, были выявлены признаки незаконной деятельности по привлечению (инвестированию) денежных средств (или иного имущества) собственниками.

1. Указание высокого процента доходности от вложенных средств, значительно превышающая рыночную;
2. Обещание быстрого обогащения;
3. Использование в своей деятельности наименования и места расположения легального участника финансового рынка;
4. Часто отсутствие официальной регистрации, устава и т.п.;
5. Агрессивная реклама с использованием информации, вводящей в заблуждение граждан и юридических лиц, усыпляющая их бдительность и самокритичность. Для этого преступниками используются фото и видео изображения и другие материалы, частично копирующие рекламу деятельности государственных и легитимных кредитно-финансовых учреждений, используют и другие методы;
6. Декларирование организаторами финансовых пирамид минимальных рисков (использование информации о страховании взносов, идентичном по своей схеме с системой банковского страхования);
7. Придание вида продуманности и обоснованности деятельности;
8. Осуществление выплат за счет поступления денежных средств от новых вкладчиков, а не от экономической, законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества;
9. Максимально быстрое вовлечение большого количества новых членов в деятельность пирамид и др.

Приведем краткую уголовно-правовую характеристику организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Статья 172.2 УК РФ помещена в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Тем самым, видовым объектом данного преступления законодатель установил экономическую деятельность.

Экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (оказание услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство, процессом производства и выпуском продукции (оказанием услуг).

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, являются общественные отношения, позволяющие осуществлять на свой риск самостоятельную, не зарегистрированную или зарегистрированную в установленном законом порядке предпринимательскую деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, т.е. предпринимательские отношения.

Введение в УК РФ ст. 172.2 и изменение объекта уголовно-правовой охраны с отношений собственности (ст. 159 УК РФ) на отноше-

ния в сфере экономической деятельности (ст. 172.2 УК РФ) вызвало проблемы в правоприменительной практике, так как она по-прежнему считает, что в случае создания финансовой пирамиды вред причиняется не экономическим отношениям, а отношениям собственности.

Следующей проблемой, является то, что ни один нормативный правовой акт не дает понятие «финансовой пирамиды». Поэтому ст. 172.2 УК РФ носит название не незаконная организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, а просто организация (далее по тексту).

Из текста ч. 1 ст. 172.2 УК РФ можно сделать вывод о том, что любое привлечение денежных средств влечет за собой уголовную ответственность. Однако, например, Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» разрешает привлечение денежных средств.

В связи с этим, представляется, что неудачное название статьи следует изменить, указав в нем на незаконность деятельности. Однако это можно будет сделать когда будут четко определены границы законной деятельности.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ представляет собой сложную конструкцию, включающую следующие обстоятельства:

организация деятельности по привлечению
денежных средств и (или) иного имущества
физических лиц и (или) юридических лиц
в крупном размере,

при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц

при отсутствии инвестиционной

и (или) иной законной предпринимательской

или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

Такая «тяжеловесная» конструкция «вынужденное» законодательное решение, поскольку УК РФ, фактически дает понятие «финансовая пирамида» при его отсутствии в каком-либо законе, регламентирующем «иную законную предпринимательскую, или иную деятельность, связанную с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества. Это следующая проблема применения ст. 172.2 УК РФ.

Полагаем, что предварительно понятие финансовой пирамиды должно быть дано и урегулировано гражданско-правовыми нормами, а лишь потом можно говорить об охране уголовно-правовыми средствами общественных отношений в кредитно-финансовой сфере от незаконной деятельности по привлечению денежных средств граждан и юридических лиц.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что основной причиной небольшого количества привлечений лиц к уголовной ответственности за создание финансовых пирамид является несовершенство законодательной конструкции статьи 172.2 УК РФ.

Для разрешения указанных противоречий предлагается:

1. законодательно закрепить понятия «иная законная предпринимательская или иная деятельность, связанная с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества», используемые в диспозиции статьи 172.2 УК РФ;

2. в связи с тем, что основной целью создания пирамид является хищение денежных средств и другого имущества, возможно рассмотрение вопроса о переносе ст. 172.2 УК РФ из главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» в главу 21 «Преступления против собственности». В связи с этим объект уголовно-правовой охраны измениться с уголовно-правовой охраны отношений в сфере экономической деятельности на отношения собственности.

3. изменить формулировку названия ст. 172.2 УК РФ, указав ее следующим образом: «Организация незаконной деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества или руководство ею».

4. указать в диспозиции ст. 172.2 УК РФ следующее положение: «... а равно руководство деятельностью финансовой пирамиды или ее структурным подразделением».

5. в связи с оценочным характером такого понятия, как «объем, сопоставимый с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества», предлагаем данное понятие исключить из текста статьи 172.2 УК РФ.

6. ввести примечание к ст. 172.2 УК РФ с указанием на возможность освобождения от уголовной ответственности в случае добровольного сообщения лицом о пособничестве в организации деятельности финансовой пирамиды или руководстве ею или ее структурным подразделением, а также если такое лицо активно способствовало раскрытию или пресечению ее деятельности,

Полагаем, что наличие возможности освобождения от уголовной ответственности в таком случае до наступления негативных последствий для огромного количества граждан и юридических лиц будет значительным стимулом для выявления фактов незаконной деятельности финансовых пирамид на ранних стадиях. Представляется, что именно этой цели и пытался достичь законодатель, вводя ст. 172.2 УК РФ в Уголовный кодекс Российской Федерации – пресечение деятельности финансовых пирамид на ранних стадиях, пока ущерб от их деятельности не велик.

7. Установить уголовную ответственность за рекламу деятельности финансовой пирамиды.

Учитывая, что проблема противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке и в частности финансовым пирамидам является многогранной и затрагивающей разные сферы, регулируемые различными отраслями права, то и ее решение требует разносторонних

усилий, лежащих не только в плоскости уголовного права.

Для этого, помимо указанных выше предположений необходимо четко законодательно определить перечень организаций, которые на законных основаниях могут привлекать денежные средства или иное имущество для занятия инвестиционной деятельностью.

Таким образом, контент содержащий сведения о рекламе финансовых пирамид, то есть организаций, которых нет в указанном выше перечне, привлекающих денежные средства или иное имущество для занятия инвестиционной деятельностью будет просто блокироваться¹.

Также для цели противодействия организации и деятельности финансовых пирамид в настоящее время разработан и внесен Госдуму Российской Федерации законопроект о внесении соответствующих изменений в закон "О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации" и в закон "О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг". Данные изменения устанавливают условия для привлечения инвестиций физических лиц, а также условия для оказания услуг по привлечению инвестиций указанных лиц².

Учитывая изложенное, необходимо еще раз отметить, что противодействие финансовым пирамидам в настоящее время является одной из важнейших задач государства в связи со значительными рисками, содержащимися в деятельности таких пирамид и угрозе причинения значительного материального вреда неограниченному количеству граждан и юридических лиц. В связи с этим, требуется существенное изменение уголовного законодательства, охраняющего правоотношения в кредитно-финансовой сфере, а также других отраслей права, обеспечивающих нормальное функционирование и развитие кредитно-финансовой сферы.

Библиография:

1. Методика экспертного исследования деятельности кредитно-потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка. Методические рекомендации. Гаврилин Ю.В., Калашников Г.М., Трунцевский Ю.В., Мелешев Р.С., Радионов В.П. – М., 2022. – 55 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. М., 1994. Т. 1. С. 197.
3. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дисс. докт. юрид. наук. М., 2016.
4. Процессы финансовой глобализации в современном обществе Т. А. Тимкина // Развитие современного общества: вызовы и возможности : материалы XVII международной научной конференции, Москва, 2021. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2– С.197.
5. Преступления в сферезакономики: российский и европейский опыт: об. материалов IX Российско-германского круглого стола / ред. колл. А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская. - М.: РГ-Пресс, 2- С. 137.
6. Димитриади, Г.Г. Государственные и корпоративные долговые обязательства как финансовые пирамиды. Моделирование и прогнозирование / Г.Г. Димитриади. - М.: Московский гуманитарный университет, 2019. - 862 с.
7. Катасонов, Валентин Золотой лохотрон. Новый мировой порядок как финансовая пирамида / Валентин Катасонов. - М.: Алгоритм, 2021. - 288 с.
8. Крейнин, Владислав Конец утопии. Взлет и крах финансовой пирамиды / Владислав Крейнин. - М.: Альпина Паблшер, 2019. - 183 с.
9. Логинов, Олег Бешеные деньги. От фальшивых монет до финансовых "пирамид" / Олег Логинов. - М.: Эксмо, 2019. - 448 с.

References:

1. Methodology for expert research into the activities of consumer credit cooperatives and other financial market organizations. Guidelines. Gavrilin Yu.V., Kalashnikov G.M., Truntsevsky Yu.V., Meleshev R.S., Radionov V.P. – M., 2022. – 55 p.
2. Tagantsev N. S. Russian criminal law: lectures. The part is general. M., 1994. T. 1. P. 197.
3. Martynenko N.E. Criminal legal protection of the victim: diss. doc. legal Sci. M., 2016.
4. Processes of financial globalization in modern society T. A. Timkina // Development of modern society: challenges and opportunities: materials of the XVII international scientific conference, Moscow, 2021. - Moscow: Moscow University. S.Yu. Witte, 2– P.197.
5. Crimes in the economic sphere: Russian and European experience: collection. materials of the IX Russian-German round table / ed. coll. A.I. Rarog, T.G. Poniatovskaya. - M.: RG-Press, 2- P. 137.
6. Dimitriadi, G.G. Government and corporate debt obligations as financial pyramids. Modeling and forecasting / G.G. Dimitriadi. - M.: Moscow Humanitarian University, 2019. - 862 p.
7. Katasonov, Valentin Golden scam. New world order as a financial pyramid / Valentin Katasonov. - M.: Algorithm, 2021. - 288 p.
8. Kreinin, Vladislav The End of Utopia. The rise and collapse of the financial pyramid / Vladislav Kreinin. - M.: Alpina Publisher, 2019. - 183 p.
9. Loginov, Oleg Crazy money. From counterfeit coins to financial "pyramids" / Oleg Loginov. - M.: Eksmo, 2019. - 448 p.

¹ В соответствии со ст. 7 ФЗ от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, если при этом искажается смысл информации и вводятся в заблуждение потребители рекламы.

² Предусматривается возможность публичного привлечения инвестиций физических лиц только посредством встречного предоставления физическим лицам ценных бумаг, предусмотренных ФЗ «О рынке ценных бумаг» и (или) Федеральным законом «Об инвестиционных фондах» и (или) ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах», либо если право лиц на привлечение инвестиций физических лиц предусмотрено федеральными законами. При этом устанавливается круг лиц (в частности, кредитные организации, некредитные организации, эмитенты) которые могут оказывать услуги по публичному привлечению инвестиций физических лиц.

МЕСТО И РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ The place and role of the prosecutor's office in the law enforcement system of modern Russia

КИЛЬМЕТОВА Рената Рафиковна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

МАЙРАНСАЕВА Элина Казбековна,

студентка, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

ГАЙДАРОВА Элина Гайдарбековна,

студентка, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

ТОМАЕВА Диана Витальевна,

студентка, юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова».
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

Kilmetova Renata Rafikovna,

Ph.D., Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law,
FSBEI HE "SOGU named after K.L. Khetagurov".
44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

Mayransaeva Elina Kazbekovna,

Faculty of Law, FSBEI HE "SOGU named after K.L. Khetagurov".
44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

Gaidarova Elina Gaidarbegovna,

Faculty of Law, FSBEI HE "SOGU named after K.L. Khetagurov".
44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com;

Tomaeva Diana Vitalievna,

Faculty of Law, FSBEI HE "SOGU named after K.L. Khetagurov".
44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia.
E-mail: Elina.mayransaeva@icloud.com

Краткая аннотация: Данная статья рассматривает место и роль прокуратуры в правоохранительной системе современной России. В работе анализируются основные функции и полномочия прокуратуры, ее влияние на соблюдение законности, защиту прав и свобод граждан, а также эффективность работы правоохранительных органов в целом.

Abstract: This article examines the place and role of the prosecutor's office in the law enforcement system of modern Russia. The work analyzes the main functions and powers of the prosecutor's office, its impact on the observance of the rule of law, the protection of the rights and freedoms of citizens, as well as the effectiveness of law enforcement agencies in general.

Ключевые слова: Прокуратура РФ, закон, правоохранительные органы, функции, правоохранительная система.

Key words: Prosecutor's Office of the Russian Federation, law, law enforcement agencies, functions, enforcement system.

Для цитирования: Кильметова Р.Р., Майрансаева Э.К., Гайдарова Э.Г., Томаева Д.В. Место и роль прокуратуры в правоохранительной системе современной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 530-532. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_530.

For citation: Kilmetova R.R., Mayransaeva E.K., Gaidarova E.G., Tomaeva D.V. The place and role of the prosecutor's office in the law enforcement system of modern Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 530-532. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_530.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В последние годы роль прокуратуры в механизме правового регулирования в Российской Федерации значительно возросла. На прокуратуру возложена основная функция по контролю за законностью деятельности правоохранительных органов всех уровней. Эта особая функция Прокуратуры Российской Федерации определила ее особое положение в системе государственных органов.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением зако-

нов, действующих на территории Российской Федерации.¹

Являясь правоохранительным и правозащитным органом, прокуратура Российской Федерации осуществляет государственные функции по контролю за соблюдением законности и уголовному преследованию.

Все функции прокуратуры имеют существенное значение, поскольку с помощью их обеспечивается объективное расследование всех уголовных дел.

Прокуратура выполняет следующие функции:

Надзор за соблюдением законности. Прокуратура осуществляет контроль за соблюдением законов государственными органами, должностными лицами и гражданами. Она имеет право проверять их деятельность на предмет соблюдения законов и требований.

Представительство интересов общества. Прокуроры выступают в суде от имени общества, защищая законные интересы государства, общества и граждан.

Участие в уголовном судопроизводстве. Прокуратура участвует в уголовном судопроизводстве, проверяя законность следственных действий, предъявляя обвинения, защищая интересы обвиняемого, участвуя в судебных заседаниях.

Надзор за исполнением законов. Прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов, в том числе за деятельностью правоохранительных органов и исполнением судебных решений.

Защита прав и свобод человека и гражданина. Прокуратура защищает права и свободы граждан, предотвращая и пресекая нарушения их прав, осуществляя надзор за законностью применяемых мер к лицам, находящимся в местах лишения свободы.

Предотвращение коррупции и преступности. Прокуратура предпринимает меры по предотвращению коррупции и иных преступлений в государственных органах, организациях и обществе в целом.

Прокуратуру также осуществляет надзор за исполнением законов органами, которые проводят ОРД, дознание и предварительное следствие.

Так, Генпрокурор, проводят регулярное информирование палат Парламента по вопросам законности и правопорядка, в том числе ежегодно представляет доклад о состоянии законности и правопорядка в стране, а также о проделанной работе по их укреплению.

Генпрокурор имеет право предлагать конкретные предложения законодательного характера, с целью совершенствования правового регулирования общества.

Прокуратура в рамках своих полномочий взаимодействует с законодательным органом, в процессе назначения и освобождения от должности Генпрокурора. Данную процедуру осуществляет Совет Федерации Федерального Собрания РФ исключительно по представлению Президента РФ².

Укрепление независимости. Важно обеспечить независимость прокуратуры от влияния политических и экономических структур. Это может быть достигнуто через юридическую защиту от давления и вмешательства, а также установление четких процедур назначения и отстранения прокуроров.

Профессиональное развитие. Необходимо инвестировать в подготовку, обучение и развитие навыков прокуроров, чтобы обеспечить высокий профессиональный уровень и этику в их работе. Это включает в себя знание законодательства, современные методики расследования и умение работать с

новыми технологиями. Прокуратура должна активно защищать права и законные интересы граждан, пресекать коррупцию и проявлять более высокую активность в решении проблем, связанных с нарушениями прав граждан.

Цифровизация и технологическое обновление. Цифровые системы управления делами, аналитика данных и технологии распознавания лиц, может улучшить эффективность работы прокуратуры и сделать ее реакцию на преступления более оперативной.

Сотрудничество с общественностью. Прокуратура должна активно взаимодействовать с общественностью, обеспечивая прозрачность своей работы, проводя информационную работу и привлекая общественных представителей к участию в контроле за ее деятельностью.

Международное взаимодействие. Развитие прокуратуры также включает в себя укрепление международного сотрудничества, обмена опытом и практиками с другими странами для борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения соблюдения прав человека. Эти и другие меры могут способствовать развитию прокуратуры в соответствии с современными вызовами и потребностями общества.

Прокуратура играет важную роль, обеспечивая надзор за законностью, защиту общественных интересов и участие в уголовном преследовании. Через историю прокуратура прошла ряд изменений, связанных с изменением политических режимов, общественных потребностей и развитием правовых систем³.

В современном мире важно, чтобы прокуратура была независимой, профессиональной и этичной, чтобы обеспечить справедливость и соблюдение закона. Одним из ключевых аспектов прокуратурной деятельности является защита прав граждан и общественных интересов, а также борьба с коррупцией и другими формами преступности. Кроме того, развитие сотрудничества сообществом, в том числе через информационную работу и прозрачность, становится все более важным элементом работы прокуратуры. Технологическое развитие также открывает новые возможности для прокуратуры, позволяя улучшить оперативность реакции на преступления, эффективность расследований и обеспечить

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Дата обращения 28.02.2024)

² Ванькаев А.Н. Прокуратура России: исторический опыт и перспективы // «История государства и права». 2007. № 15. С.96

³ Завалунов, А. Роль и место прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Законность. - 2018. № 12. С. 7-9

большую прозрачность деятельности. Независимая и эффективная прокуратура является важным элементом правового государства, обеспечивающим соблюдение закона, защиту прав граждан и общественных интересов¹.

Дополнительно прокурор должен учитывать взаимосвязь изменения законодательства с теми серьезными политическими и экономическими преобразованиями, которые происходят в стране.

Мы можем сделать вывод, что прокуратура как и в прошлые годы так и в настоящее время не относится ни к одной из ветвей власти, она стоит обособленно, способствуя формированию правового государства и поддерживая систему разделения властей, баланс сдержек и противовесов.²

Система и структура прокуратуры по сравнению с другими правоохранительными органами достаточно стабильны. В то же время в последние годы были внесены изменения, направленные на оптимизацию системы.

Систему прокуратуры РФ в соответствии со статьей 11 Федерального закона «О прокуратуре РФ» составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, научные и образовательные организации, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры³

Прокуратура в ее сегодняшнем виде не относится ни к одной из трех общеизвестных ветвей власти, она стоит обособленно, способствуя формированию правового государства и поддерживая систему разделения властей, баланс сдержек и противовесов.

Хотелось бы особо отметить, активное участие сотрудников военной прокуратуры в специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР.

Президент России Владимир Путин потребовал от прокуроров более активной работы по защите прав участников и ветеранов специальной военной операции (СВО).

Особо следует отметить действия военной прокуратуры в период частичной мобилизации.

12 января 2024 года в День работника прокуратуры, сотрудников надзорного ведомства, служащих в зоне СВО, и контролирующих предприятий, поставляющих туда вооружения, отметили многочисленными госнаградами. Среди задач, которые при этом были поставлены прокурорам президентом Владимиром Путиным и генпрокурором Игорем Красновым, особенно выделялись военно-надзорные, в том числе связанные с обеспечением правопорядка в войсках и на новых территориях.

Библиография:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) // СПС Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Дата обращения 30.04.2024)
2. Ванькаев А.Н. Прокуратура России: исторический опыт и перспективы // «История государства и права». 2007. № 15. С.96
3. Завалун, А. Роль и место прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Законность. - 2018. № 12. С. 7-9
4. Организационно-правовые основы деятельности органов прокуратуры РФ: учебное пособие / А.Н.Позднышов, А.В.Николаев, А.А.Арзуманян и др. – Ростов-на-Дону: Издательско – полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2020. – С.68-69
5. Сергиенко С.А. Modern Science. 2023. №12-2. С. 35-39
6. Якупов, З. Р. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России / З. Р. Якупов. — Текст: непосредственный // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). — Краснодар: Новация, 2017. — С. 95–98.

References:

1. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 (as amended on 12/25/2023) // SPS Consultant Plus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Accessed 30.04.2024)
2. Vankaev A.N. The Prosecutor's Office of Russia: historical experience and prospects // "History of the state and law". 2007. No. 15. p.96
3. Zavalunov, A. The role and place of the prosecutor's office in the system of state authorities of the Russian Federation // Legality. - 2018. No. 12. pp. 7-9
4. Organizational and legal foundations of the activities of the Prosecutor's office of the Russian Federation: textbook / A.N.Pozdnyshov, A.V.Nikolaev, A.A.Arzumanyan, etc. – Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Russian State University of Economics (RINH), 2020. – pp.68-69
5. Sergienko S.A. Modern Science. 2023. No.12-2. pp. 35-39
6. Yakupov, Z. R. The role of the prosecutor's office in the mechanism of state power in modern Russia / Z. R. Yakupov. — Text: direct // Law: modern trends: materials of the IV International Scientific Conference (Krasnodar, February 2017). — Krasnodar: Novation, 2017. — pp. 95-98.

¹ Якупов, З. Р. Роль прокуратуры в механизме государственной власти современной России / З. Р. Якупов. — Текст: непосредственный // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). — Краснодар: Новация, 2017. — С. 95–98.

² Сергиенко С.А. Modern Science. 2023. №12-2. С. 35-39

³ Организационно-правовые основы деятельности органов прокуратуры РФ: учебное пособие / А.Н.Позднышов, А.В.Николаев, А.А.Арзуманян и др. – Ростов-на-Дону: Издательско – полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2020. – С.68-69

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SENTENCING: CORE PRINCIPLES AND FEATURES

ХОДЖАЛИЕВ Салех Айсаяевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».

пр. Бульвар Дудаева, 17, г. Грозный, Чеченская Республика, 366007, Россия.

E-mail: hodzhaliev_saleh@mail.ru;

Khojaliev S.A.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University.

17 Dudaev Boulevard Ave., Grozny, Chechen Republic, 366007, Russia.

E-mail: hodzhaliev_saleh@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются методологические основы определения наказания в уголовном праве, акцентируя внимание на ключевых принципах, которые формируют правоприменение. Анализируются теоретические подходы к назначению наказания, включая цели наказания, его виды и механизмы применения. Статья включает историческое и современное исследование методов наказания, а также примеры применения наказаний в разных странах. В заключение представлено личное мнение автора о необходимости пересмотра и совершенствования методологии определения наказания на основе гуманистических принципов и современных тенденций в уголовном праве.

Abstract: This article explores the methodological foundations of sentencing in criminal law, emphasizing the core principles that shape legal application. It analyzes theoretical approaches to sentencing, including the goals of punishment, types of penalties, and mechanisms of enforcement. The study includes both historical and contemporary perspectives on sentencing methods and provides examples of their application in different countries. In conclusion, the author presents a personal opinion on the need to review and improve the methodology of sentencing based on humanitarian principles and modern trends in criminal law.

Ключевые слова: Методология наказания, принципы уголовного права, цели наказания, виды наказаний, правоприменение, гуманизм, правовые системы.

Keywords: Methodology of sentencing, principles of criminal law, goals of punishment, types of penalties, legal application, humanitarianism, legal systems.

Для цитирования: Ходжалиев С.А. Методологические начала определения наказания: основные принципы и особенности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 533-534. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_533.

For citation: Khojaliev S.A. Methodological foundations of sentencing punishment: core principles and features // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 533-534. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_533.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Определение наказания является одной из наиболее значимых задач уголовного правоприменения, поскольку оно непосредственно связано с реализацией правосудия и защитой общества. Методология определения наказания охватывает разнообразные аспекты, включая теоретические подходы, практические механизмы и этические нормы, которые определяют, как должно применяться наказание к правонарушителям. В этой статье рассматриваются основные принципы, лежащие в основе методологии наказания, а также выявляются ключевые проблемы и перспективы совершенствования этого процесса.

Исторически методы и подходы к наказанию претерпели значительные изменения, отражая эволюцию социальных и правовых норм. Различные цивилизации использовали разнообразные формы наказания, начиная от простых физических наказаний и заканчивая более сложными и гуманистическими подходами. В древние времена наказания часто были жестокими и направленными на устрашение. В античных обществах, таких как Древний Рим и Греция, широко применялись публичные казни и телесные наказания. Эти методы служили не только в качестве наказания, но и как средство демонстрации власти и контроля над населением. Средневековые также известны своими суровыми методами наказания, включая пытки и казни, которые часто использовались для борьбы с политическими и религиозными противниками. С наступлением Нового времени произошел значительный переход в подходах к наказанию. С развитием гуманистических идей и прав человека многие страны начали реформировать свои системы наказания. Появились новые методы, такие как тюремное заключение и штрафы, которые акцентировались на исправлении и реабилитации осужденных. Современные подходы к наказанию ориентированы на гуманизм и реабилитацию, что отражает более современные представления о справедливости и правах человека. [1]

Методология определения наказания основывается на нескольких ключевых принципах, которые направлены на обеспечение справедливости и эффективности наказания. Основные принципы включают:

1. Принцип законности: Наказание должно быть четко предусмотрено законом. Это означает, что никто не может быть наказан иначе, чем это предписано действующим законодательством. Законность требует ясности и прозрачности в правилах назначения наказания, чтобы избежать произвола и обеспечить правовую определенность.

2. Принцип пропорциональности: Наказание должно соответствовать тяжести совершенного преступления и степени вины преступника. Это предполагает, что более серьезные преступления должны караться более строгими наказаниями, в то время как менее тяжкие преступления должны получать менее строгие меры. Пропорциональность обеспечивает справедливость наказания и предотвращает его избыточность.

3. Принцип индивидуализации: Наказание должно учитывать индивидуальные особенности преступника, включая его личные обстоятельства, мотивы и предшествующее поведение. Это означает, что каждый случай должен рассматриваться в контексте индивидуальных факторов, чтобы назначенное наказание было максимально справедливым и соответствующим конкретной ситуации.

4. Принцип гуманизма: Наказание должно быть гуманным и не приводить к ненужным страданиям. Этот принцип требует, чтобы наказание уважало основные права человека и не использовало методы, которые могут причинить излишние страдания или унижение осужденного. Гуманизм в наказании подчеркивает необходимость уважения человеческого достоинства и прав. [2]

Современные правовые системы сталкиваются с рядом проблем при применении методов наказания. К ним относятся:

1. Необходимость балансировки между наказанием и реабилитацией: Современные подходы требуют поиска баланса между наказанием и реабилитацией осужденных. Это связано с пониманием того, что эффективное правосудие не только наказывает, но и способствует исправлению и ресоциализации преступника. Внедрение программ реабилитации и социальной поддержки играет важную роль в успешной интеграции осужденных в общество после отбытия наказания.

2. Сложности в применении альтернативных мер: Внедрение альтернативных мер наказания, таких как условное осуждение, общественные работы и электронный мониторинг, требует значительных изменений в правоприменительной практике и обеспечении адекватных ресурсов. Эти меры должны быть эффективно реализованы и контролированы, чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить их эффективность.

3. Правовые и этические вызовы: Постоянные изменения в обществе требуют пересмотра подходов к наказанию в свете новых этических и правовых стандартов. Это включает необходимость учета социальных и культурных факторов, которые могут влиять на применение наказаний. Правовые системы должны адаптироваться к изменениям в обществе, обеспечивая справедливость и уважение прав человека. [3]

Таблица 1. Историческое развитие методов наказания

Период	Методы наказания	Особенности применения
Древние времена	Телесные наказания, смертная казнь	Часто применялись без учета индивидуальных факторов.
Средневековье	Пытки, казни, изгнание	Часто использовались жестокие методы, связанные с политическими и религиозными конфликтами.
Новое время	Тюремное заключение, штрафы	Появление более гуманистических подходов и реформа систем наказания.
Современность	Альтернативные меры, реабилитация	Подходы, ориентированные на исправление и ресоциализацию, развитие прав человека.

Таблица 2. Принципы определения наказания

Принцип	Описание	Примеры применения
Законность	Наказание устанавливается только законом	Применение наказаний в соответствии с УК страны
Пропорциональность	Наказание должно быть соразмерно преступлению	Назначение более строгого наказания за тяжкие преступления
Индивидуализация	Учет индивидуальных особенностей осужденного	Применение альтернативных мер для несовершеннолетних
Гуманизм	Наказание должно быть гуманным и уважать права человека	Запрет на пытки и жестокие виды наказания

Современные правовые системы демонстрируют разнообразие подходов к определению и применению наказаний. В некоторых странах акцент сделан на гуманизацию и реабилитацию, в то время как в других сохраняются более строгие методы наказания. [4]

Таблица 3. Примеры применения современных методов наказания

Страна	Применяемые методы наказания	Особенности и проблемы
США	Тюремное заключение, альтернативные меры	Проблемы переполненности тюрем и реабилитации
Германия	Пожизненное заключение, условные сроки	Акцент на реабилитацию и ресоциализацию
Япония	Тюремное заключение, исправительные работы	Высокие стандарты условий содержания
Бразилия	Тюремное заключение, альтернативные меры	Проблемы с реформами и условиями содержания

Анализ методологии определения наказания показывает, что современные подходы стремятся к обеспечению справедливости и гуманизма. Принципы законности, пропорциональности, индивидуализации и гуманизма играют ключевую роль в создании эффективной и справедливой системы правосудия. Несмотря на существующие проблемы и вызовы, современные правовые системы должны продолжать развиваться в направлении более гуманных и эффективных форм наказания, направленных на исправление и реабилитацию преступников. С точки зрения прав человека и гуманизма, важно, чтобы правовая система продолжала совершенствоваться, учитывая новые социальные и этические нормы. Переход к более современным и гуманным подходам позволит создать более справедливую и эффективную систему правосудия, которая будет учитывать, как права потерпевших, так и права осужденных, способствуя более гармоничному и справедливому обществу.

Библиография:

- Малинин В. Б. Методологические основы учения о наказании». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-ucheniya-o-nakazanii>
- Сабитов Т. Р. Принципы назначения уголовного наказания». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-naznacheniya-ugolovnogo-nakazaniya-1>
- Емельянов И. Л. Наказание: новые подходы к понятию и классификации». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-novye-podhody-k-ponyatiyu-i-klasifikatsii>
- Жидких И. В. Реализация принципа гуманизма при назначении наказания». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsiya-gumanizma-pri-naznachenii-nakazaniya>

References:

- Malinin V. B. "Methodological Foundations of the Doctrine of Punishment". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-ucheniya-o-nakazanii>
- Sabitov T. R. "Principles of Criminal Punishment". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-naznacheniya-ugolovnogo-nakazaniya-1>
- Emelianov I. L. "Punishment: New Approaches to the Concept and Classification". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-novye-podhody-k-ponyatiyu-i-klasifikatsii>
- Zhidkikh I. V. "Implementation of the Principle of Humanism in Punishment". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsiya-gumanizma-pri-naznachenii-nakazaniya>

СУДЕБНО-АВТОРОВЕДЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ FORENSIC EXPERTISE IN INVESTIGATION OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES

МАРИНКИН Денис Николаевич,

доцент Филиала РГСУ в г. Анапе Краснодарского края,
доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО Анапский филиал МПГУ,
кандидат юридических наук, доцент.
353410, Россия, Краснодарский край, г. Анапа, ул. Астраханская, д. 88.
E-mail: marinkindn@yandex.ru;

Marinkin Denis Nikolaevich,

Associate Professor of the Branch of the Russian State Social University in Anapa, Krasnodar Territory,
Associate Professor, Department of Economics and Management, FSBEI HE Anapa Branch of Moscow State Pedagogical University
Candidate of Law, Associate Professor.
88 Astrakhanskaya str., Anapa, Krasnodar Territory, 353410, Russia.
E-mail: marinkindn@yandex.ru

Краткая аннотация: При расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, наряду с другими доказательствами от итогов следственных действий важными становятся и результаты криминалистических экспертиз (в том числе, автороведческая). Судебные экспертизы по экстремистским уголовным делам довольно сложное и ответственное направление в экспертной деятельности. В работе исследованы особенности и актуальные проблемы судебно-автороведческих экспертиз при расследовании таких преступлений, так как, важным доказательством в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности является результат автороведческой судебной экспертизы. Они повсеместно стали применяться с целью идентификации авторов текста или речевых произведений (голос).

Abstract: When investigating crimes of an extremist and terrorist nature, along with other evidence from the results of investigative actions, the results of forensic examinations (including copyright) become important. Forensic examinations in extremist criminal cases are a rather complex and responsible direction in expert activities. The paper examines the peculiarities and actual problems of forensic examinations in the investigation of such crimes, since an important evidence in the investigation of crimes of an extremist and terrorist nature is the result of the forensic examination of the author. They began to be used everywhere to identify the authors of the text or speech works (voice).

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, расследование преступлений, экспертизы, автороведческие экспертизы.

Key words: terrorism, extremism, crime investigation, expertise, copyright expertise.

Для цитирования: Маринкин Д.Н. Судебно-автороведческие экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 535-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_535.

For citation: Marinkin D.N. Forensic expertise in investigation of extremist and terrorist crimes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 535-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_535.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Федеральный закон «О противодействии терроризму» [1] от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ содержит специальную статью 3 «Основные понятия». В ней даются определения терроризма, террористической деятельности и террористического акта. Так, в ч. 1 ст. 3 данного закона указывается что «терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [3, 8].

Понятие террористической деятельности, содержащееся в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», является значительно более широким, чем уголовно-правовое определение содействия террористической деятельности, и включает в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Кроме того, в Указании Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности» и Указании Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 "О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности" [2] в Перечне № 22 преступлений террористического характера определено, что к преступлениям террористического характера без дополнительных условий относятся (данные о преступлениях подробнее смотрите в Приложении №1):

1) преступления, перечисленные в ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211, 277, 360, 361 УК РФ;

1.1) преступления, отнесение которых к перечню зависит от времени (даты) совершения преступления при наличии в статистической карточке отметки о связи совершённых преступлений с террористической деятельностью или финансированием терроризма; перечислены в ст. 207, 211, 220, 221, 278, 279, 282.1, 282.2;

2) преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о связи совершённых преступлений с террористической деятельностью: указаны в ст. 206, 209, 210, 210.1, 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 281, 295, 317, 318, 355.

Аналогичный подход нашёл отражение и в УК РФ, который тоже не даёт перечня преступлений террористической направленности, но в ст. 205.1 («Содействие террористической деятельности») определяет ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361.

Под преступлениями экстремистской направленности в Уголовном кодексе Российской Федерации (примечании 2 ст. 282.1) понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ (например, ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством,отягчающим наказание.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее - Закон о противодействии экстремизму) в ст. 1 содержит обширный перечень признаков, входящих в понятие экстремизма. В частности, к экстремизму (экстремистской деятельности) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг и др.

Статистика и динамика современной преступности [18] свидетельствуют о росте количества актов экстремизма и терроризма, а также омоложении субъектов, их совершающих [11], совершении таких правонарушений с помощью информационных технологий [23] и в сети Интернет.

В литературе последних лет часто отмечается, что в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации в сети Интернет размещаются материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, совершению самоубийства, осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, размещается иная противоправная информация [6]. При этом основным объектом такого деструктивного воздействия является молодежь.

Следует отметить, что за осуществление экстремистской деятельности граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

При расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, наряду с другими доказательствами от итогов следственных действий важными становятся и результаты криминалистических экспертиз (фоноскопическая, автороведческая, взрывотехническая, баллистическая и портретная).

Судебная экспертиза по экстремистским уголовным делам вообще довольно сложное и ответственное направление в экспертной деятельности. Установление наличия в действиях субъекта направленности на разжигание вражды, ненависти, унижение достоинства целой расы, национальности и т.д. требует, с одной стороны, высокого профессионализма экспертов, обладающих специальными знаниями в области психологии, религиоведения, лингвистики, с другой стороны, – процессуально-правовых знаний сотрудников следственных органов в данной области для правильного выбора вида (рода) экспертизы [22]. То есть, при расследовании и раскрытии экстремистских преступлений в первую очередь имеет значение производство лингвистических экспертиз.

Остановимся отдельно на особенностях и проблемах судебно-автороведческих экспертиз при расследовании таких преступлений.

В практике расследований частый характер имеют ложные сообщения о заложенных взрывных устройствах или готовящихся актах терроризма которые поступают в правоохранительные органы (полиция, органы ФСБ, государственные структуры) по телефону (звонки), в виде

записки (анонимные (без указания на данные автора) и на псевдонимные (содержат недостоверные сведения об авторе) [17]), электронного письма, сообщения в мессенджере на аккаунт.

Для конспирации преступники также ведут переговоры завуалировано, с использованием заранее разработанной терминологии и понятий, в том числе и на родном языке.

Так как записи переговоров могут содержать важные данные для следствия, назначается фоноскопическая экспертиза [7]. Ее цель: идентификация неизвестного лица по голосу и речи, диагностика личных характеристик человека по признакам его голоса и речи. Так как акустическая характеристика голоса устойчива во времени и остается индивидуальной, несмотря на морфологические и патологические изменения органов речи. Речь человека также индивидуальна, имеет свои черты и формируется под влиянием социальных и психических факторов

Для всестороннего и объективного анализа речи человека как своеобразного «следа» его интеллектуальной деятельности необходимо участие как минимум двух экспертов – с высшим техническим и высшим филологическим образованием [15]. Не смотря на попытки преступника сменить тембр речи, тип голоса с мужского на женский, имитировать акцент, эксперты-криминалисты способны идентифицировать преступников по тем признакам голоса, которые они не в состоянии контролировать.

Наиболее частыми вопросами экспертам в таких случаях являются: 1) Сколько лиц участвовало в разговоре на фонограмме? 2) Каково содержание текста на фонограмме? 3) Каковы источники и характер звуков? 4) Каковы пол, возраст, анатомические особенности и психические характеристики лица, слова которого записаны на данной фонограмме? 5) Каковы социальные характеристики лица (уровень образования, интеллект и т.п.)? 6) Каково эмоциональное состояние лица во время произнесения речи? 7) Принадлежит ли записанная на фонограмме речь конкретному лицу?

Подобные исследования записи голоса (материалы фонограммы) относительно недавно, но весьма активно стали встречаться в практике расследований исследуемых нами преступлений [20]. В частности, в ходе них используются кибернетические методы и средства для идентификации источника звука, дешифровки звуковых сигналов и определения различных изменений, таких как перезапись, монтаж и др.

Однако преступники, зная технику и технологии криминалистов, стали активно применять различные программы по изменению голоса (например, Voxal Voice Changer, Fake Voice) и даже нейросети и искусственный интеллект, усложняя работу экспертам (например, если преступник будет генерировать [10] тексты, видео или звук, причем от иных лиц).

Таким образом, важным доказательством в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности является заключение автороведческой судебной экспертизы. Например, когда сообщения о заложенных взрывных устройствах или возможных террористических актах поступают в письменном виде, либо когда выявлены листовки, содержащие идеологию насилия или склоняющие к террористической деятельности, а также в них имеют место призывы и пропаганда превосходства одной социальной группы над другой. В таких случаях последние являются объектом судебно-автороведческой экспертизы и направлены на идентификацию автора из криминалистически значимых сведений, получаемых из исходного текста. В частности, таким образом можно установить: 1) является ли лицо автором текста; 2) является ли лицо автором нескольких различных текстов; 3) пол и возраст автора текста; 4) социальные и биографические характеристики автора (профессия, образование и др.); 5) район проживания автора текста; 6) возможность намеренного изменения письменной речи.

Очень важны в этом случае качество образцов для сравнительного исследования, а также привлечение специалистов других сфер (например, психологов, философов, а также специалистов в сфере религиоведения).

Отметим, что автороведческая экспертиза — это вид экспертиз письменного текста, которая проводится с целью идентификации автора текста или речевого произведения. Необходимо отметить, что предметом такой экспертизы является определение персональных данных автора текста [19]. Следует различать почерковедческую и автороведческую экспертизы [24], так как в случае почерковедческой экспертизы объектом исследования выступают именно особенности почерка, а в автороведческой экспертизе — особенности языка, его стиль.

В целом, особенности письменной речи, которые содержатся в текстах, можно разделить на общие и частные языковые навыки. К общим языковым навыкам относятся лексико-фразеологические, синтаксические, стилистические, орфографические, пунктуационные особенности (например, автор очень часто использует восклицательные знаки). К частным признакам относятся устойчивые нарушения речи, использование какие-либо языковых средств и др. Интересно, что факторы, влияющие на формирование личности, в дальнейшем отражаются на совокупности норм речи лица, формирующих своеобразие и индивидуальность языковых, а также интеллектуальных способностей. Данные особенности выступают первоосновой для идентификации лица, являющегося автором текста.

Итак, автороведческая экспертиза выступает одной из весьма сложных и трудоемких экспертиз. Зачастую ввиду отсутствия необходимых знаний, предоставления недостаточно качественных образцов экспертиза не дает нужных результатов.

В свою очередь, автороведческий анализ представляет собой достаточно продолжительную и ёмкую процедуру, в осуществлении которой должны быть задействованы не только лингвисты-эксперты [16], но и представители юридической, психологической сфер, IT-специалисты и др. [14].

Хотя в ЭКЦ МВД России уже давно активно применяются методические рекомендации, предназначенных для идентификации лиц по материалам переписки в мессенджере [9] (при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, вовлечением в экстремистскую, террористическую деятельность, осуществлением развратных действий в отношении малолетних, мошенническими действиями) до сих пор существует масса проблем при таких процессах.

В частности, основные стадии процесса экспертной идентификации автора текста документа включают [21]: 1) подготовительную ста-

дию; 2) раздельное (аналитическое) исследование объектов; 3) сравнительное исследование, в результате которого устанавливаются совпадающие и различающиеся признаки письменной речи; 4) и синтезирующее исследование — оценку результатов аналитического и сравнительного исследований и формирование вывода и его логического основания.

Отметим, что при осуществлении автороведческих экспертиз наиболее сложным является составление определенных вопросов для эксперта. Следует помнить, что нужно ставить перед экспертом четкие и однозначные вопросы. Встречаются ситуации, когда следователь некорректно формулирует вопросы для экспертизы, а в итоге автороведческая экспертиза не приносит желаемых результатов.

Однако, опять же, вопросы, задаваемые лицу, должны быть логически последовательны; также желательно, чтобы предстоящий вопрос был взаимосвязан с предыдущим вопросом. При перечислении взаимосвязанных вопросов желательным принципом является их логическая последовательность и условность выполнения последующих вопросов в зависимости от предыдущих.

При расследовании преступлений проблемно и установление индивидуальных письменных речевых особенностей лица, являющегося автором, при внесении определенных изменений в текст в случае, если данный текст был составлен в соавторстве (и(или) сгенерирован нейросетью, искусственным интеллектом). Проблемно и установление творческого вклада нескольких авторов в случае, если соавторство является неделимым.

Интересно, что современная техника позволяет полностью повторять даже почерк человека. Например, с помощью плоттера, что может еще более усугубить ситуацию и требовать массу других исследований и экспертиз, с большим количеством специалистов и техники [4].

В связи с этим, осуществляя автороведческую экспертизу, нужны дополнительные знания и умения в данной области. Например, представляется целесообразным использование таких знаний и навыков, как обладание компьютерным лексиконом, понимание особенностей языковой коммуникации в виртуальной среде, знание психологии речевого поведения веб-коммуниканта и т.д. Опять же современная интернет-сфера недостаточно развита для полного и точного установления автора по смс-сообщениям, интернет-текстам. Чтобы решить указанную проблему, следует всесторонне изучить интернет-материалы, нормы общения в сети, обучить и выпустить специалистов в данной сфере.

Необходимо отметить, что за последние годы, согласно данным Росстата, количество автороведческих экспертиз увеличилось практически на 10-20% ежегодно. А половина автороведческих экспертиз проводится смежно с почерковедческими. Получается, что одной автороведческой экспертизой недостаточно для идентификации личности и установления автора. Для более точного установления автора исследуется также почерк.

Кроме того, необходимым условием осуществления идентификации автора текста является получение и предоставление эксперту более обширной совокупности образцов для сравнительного исследования, соответствующих требованиям, предъявляемым к ним, и позволяющих по своим свойствам, системе идентификационных признаков сформулировать обоснованный вывод о тождестве. К сожалению, следователи пока не всегда предоставляют эксперту образцы для исследования, удовлетворяющие критериям, предъявляемым к образцам для сравнительного исследования в количественном и качественном аспекте [13].

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что процессу назначения и проведения вышеуказанных экспертиз присущи различные недостатки: некорректная формулировка вопросов; перепоручение разрешения ряда вопросов экспертам из смежных направлений; недооценка возможностей таких экспертиз, как религиозоведческая, политологическая, социогуманитарная, и других экспертиз, непосредственно исследующих конкретные мотивы совершения преступлений экстремистской направленности.

Итак, автороведческие экспертизы выступают одними из весьма сложных и трудоемких экспертиз в силу различного рода субъективных (сложность задач, поставленных перед экспертом, отсутствие опыта проведения подобных исследований, а также неразработанность методики автороведческих исследований и отсутствие ее единообразия и т.д.) и объективных (разница материальных носителей, недостаточное количество и объем сравниваемого материала, разножанровость и разнообъемность сравниваемого материала и образца, представленного для сравнения, различие в стилях содержащегося в них текста и т.д.) факторов [5]. Зачастую ввиду отсутствия необходимых знаний, предоставления недостаточно качественных образцов, экспертиза не дает нужных результатов.

В связи с чем, рекомендуем чаще прибегать к помощи экспертов не только в рамках экспертных исследований, но и как к специалистам [12], например, до назначения экспертиз: для формулировки вопросов, определения необходимого перечня и количества материалов, образцов на исследование, иных данных об объектах и лицах (их характеристиках).

Библиография:

1. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О противодействии терроризму" // Российская газета. - № 48. - 10.03.2006.
2. Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 "О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности" // <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-40111-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-22-prestuplenii-terroristicheskogo/> (дата обращения: 13.05.2024г.).
3. Аксёнов Д.В., Габиева Д.Д. Понятие, виды и основные тенденции в области современного терроризма // Юридическая наука: история и современность. - 2023. - № 6. - С.110-114.
4. Баринова О.А. Современное состояние практики диагностирования факта нерукописного выполнения записей и подписей // Вестник экономической безопасности. - 2021. - №3. - С.119-124.
5. Бутакова Л.О. Автороведческая экспертиза: трудности идентификации // Юрлингвистика. - 2019. - № 12. - С. 22–28.
6. Галышина Е.И. Вредоносная информация и ее новые виды как угроза медиабезопасности // Философско-правовые аспекты опасности антиобщественных идеологий: материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20 декабря 2022 года). - Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. - 1 CD-ROM. Систем. требования: 512 MB RAM; Windows XP/Vista/7/8.1/10; 6,5 Мб свобод. пространства на жест.диске. - Загл. с титул.экрана. - Текст: электронный. С.45-58.
7. Галышина Е.И. О «болевых точках» лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. - 2017. - № 2 (19). - С.123.

8. *Гамова О.Л., Андреева Г.Б., Кавнатская Е.В.* Терроризм: источники происхождения и современное представление // Вестник Воронежского института ФСИИ России. - 2023. - № 4. - С.184-190.
9. *Громова А.В.* Новое в методическом обеспечении лингвистических и автороведческих экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Современный медиатекст и судебная экспертиза: меж дисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. – 400 с. С.86-91.
10. *Громова А.В., Логинова С.Н., Китаева Е.С.* К вопросу о выявлении признаков искусственной генерации текстов при проведении автороведческого исследования // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва: Государственный институт русского языка, 2022. – 436 с. С.11-16.
11. *Кодзиков Б.В.* Теоретическое обоснование проблемы распространения идеологии экстремизма и терроризма // Образование и право. - 2022. - № 8. - С.202-206.
12. *Коршунова О.Н., Тимошук К.И.* Специфические задачи взаимодействия следователя со специалистами при расследовании преступлений экстремистской направленности // Правда и закон. - 2021. - № 1 (15). - С.43-56.
13. *Кулешов Р.В.* Роль судебно-автороведческой экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: типичные задачи, особенности назначения, соотношение со смежными видами экспертиз // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - №3(37). - С.147-152.
14. *Лапина А.В.* Автороведческие приёмы судебной лингвистической экспертизы // «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей/ Науч.-исслед. словарная лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкознания и массовой коммуникации/ ред. колл.: д-р филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова (гл. ред.), ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук С.А.Анохина, ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук А.Н. Михин. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2023. – Вып.17. – 212с. С.84-88.
15. *Миролюбов С.Л.* Актуальные вопросы назначения криминалистических экспертиз при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности // Право: ретроспектива и перспектива. - 2021. - №2(6). - С.60-65.
16. *Новозhilova E.B.* Идентификационные признаки в судебной экспертизе заимствования текста // Юрислингвистика. – 2023. – №30 (41). – С.83-88.
17. *Ошкучков С.С., Швецова И.В.* К проблеме криминалистического исследования текстов, содержащих угрозу совершения теракта // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. - 2023. - № 9. - С.56-65.
18. Портал правовой статистики (Генеральная Прокуратура Российской Федерации) // <http://crimestat.ru> (дата обращения: 30.04.2024 г.).
19. *Располова Т.А.* Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. - 2017. - № 1 (6). - С.133-134.
20. *Россинская Е.Р., Галышина Е.И., Зинин А.М.* Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галышина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С.203.
21. *Соколова Т.П.* Проблемы экспертной идентификации в судебном автороведении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2022. - № 2 (90). - С.67-76.
22. *Тарасова О.Е., Цицилин А.В.* Судебные экспертизы по уголовным делам об экстремизме // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 21 октября 2021 г.) / науч. редактор Н. А. Никиташина; отв. ред. В.Н. Козлова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2021. – 308с. С.259-262.
23. *Филлимонова А.Ю.* К вопросу профилактики проявления молодёжного экстремизма в сети Интернет // Вестник научной мысли. - 2022. - № 4. - С.429-432.
24. *Хайруллова Э.Т.* Автороведческие исследования: практика и перспективы применения // Закон и право. - 2022. - № 7. - С.221-223.

References:

1. Federal Law No. 35-FZ dated 03/06/2006 (as amended on 07/10/2023) "On Countering Terrorism" // Rossiyskaya Gazeta. - No. 48. - 03/10/2006.
2. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 401/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 dated 06/19/2023 "On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting" // <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-40111-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-22-prestuplenii-terroristicheskogo/> (date of application: 05/13/2024).
3. Aksenov D.V., Gabieva D.D. The concept, types and main trends in the field of modern terrorism // Legal science: history and modernity. - 2023. - No. 6. - pp.110-114.
4. Barinova O.A. The current state of the practice of diagnosing the fact of non-handwritten execution of records and signatures // Bulletin of Economic Security. - 2021. - No.3. – pp.119-124.
5. Butakova L.O. Author's expertise: difficulties of identification // Jurislinguistics. – 2019. – No. 12. – pp. 22-28.
6. Galyashina E.I. Malicious information and its new types as a threat to media security // Philosophical and legal aspects of the danger of antisocial ideologies: materials of the international scientific and practical conference (Yekaterinburg, December 20, 2022). – Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2023. – 1 CD-ROM. Systems. Requirements: 512 MB RAM; Windows XP/Vista/7/8/8.1/10; 6.5 Mb of freedom. spaces per gesture.the disk. – Title title.the screen. – Text: electronic. pp.45-58.
7. Galyashina E.I. On the "pain points" of linguistic expertise in criminal proceedings // Voronezh forensic readings. - 2017. - № 2 (19). - P.123.
8. *Гамова О.Л., Андреева Г.Б., Кавнатская Е.В.* Terrorism: sources of origin and modern representation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - 2023. - No. 4. - pp.184-190.
9. *Громова А.В.* New in the methodological support of linguistic and author's expertise carried out in the forensic divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Modern media text and forensic examination: inter-disciplinary relations and expert assessment: a collection of scientific papers based on the results of the International scientific and practical conference "Modern media text and forensic examination: interdisciplinary connections and expert assessment" (Moscow, October 12-13, 2023). – Moscow: SOYUZKNIIG LLC, 2023. – 400 p. 86-91.
10. *Громова А.В., Логинова С.Н., Китаева Е.С.* On the issue of identifying signs of artificial text generation during an author's research // Fundamental linguistics and problems of forensic examination: social networks as an object of scientific and expert analysis: a collection of scientific papers based on the results of the International Scientific Conference "Fundamental Linguistics and problems of forensic examination: social networks as an object of scientific and expert analysis" (Moscow, October 5-6, 2021) [Electronic resource]. – Moscow: State Institute of the Russian Language, 2022. – 436 p. 11-16.
11. *Кодзиков Б.В.* Theoretical substantiation of the problem of spreading the ideology of extremism and terrorism // Education and law. - 2022. - No. 8. - pp.202-206.
12. *Коршунова О.Н., Тymoшчук К.И.* Specific tasks of the investigator's interaction with specialists in the investigation of extremist crimes // Truth and Law. - 2021. - № 1 (15). - Pp.43-56.
13. *Кулешов Р.В.* The role of forensic expertise in the investigation of crimes of extremist and terrorist orientation: typical tasks, features of appointment, correlation with related types of expertise // Legal science and law enforcement practice. - 2016. - №3(37). - Pp.147-152.
14. *Лапина А.В.* Author's methods of forensic linguistic expertise // "Blessed are the first steps...": a collection of works by young researchers/ Scientific research. dictionary laboratory; kaf. rus. yaz., total. Linguistics and mass communication/ ed. coll.: Doctor of Philology, prof. S.G. Shulezhkova (Chief Editor), art. scientific. Associate, Candidate of Philology S.A.Anokhina, Senior researcher. fellow, Candidate of Philology A.N. Michin. Magnitogorsk: Publishing House of Magnitogorsk State Technical University. G.I. Nosov University, 2023. – Issue 17. – 212s. pp.84-88.
15. *Миролюбов С.Л.* Topical issues of the appointment of forensic examinations in the investigation of crimes of extremist and terrorist orientation // Law: retrospective and perspective. - 2021. - №2(6). - Pp.60-65.
16. *Новозhilova E.B.* Identification signs in the forensic examination of text borrowing // Jurislinguistics. – 2023. – №30 (41). – Pp.83-88.
17. *Ошкучков С.С., Швецова И.В.* On the problem of criminalistic research of texts containing the threat of a terrorist attack // Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes. - 2023. - No. 9. - pp.56-65.
18. Portal of legal Statistics (Prosecutor General's Office of the Russian Federation) // <http://crimestat.ru> (date of reference: 30.04.2024).
19. *Располова Т.А.* Forensic expert examination: research experience // Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research. - 2017. - № 1 (6). - Pp.133-134.
20. *Россинская Е.Р., Галышина Е.И., Зинин А.М.* Theory of forensic examination (forensic expert science): textbook / Е. Р. Россинская, Е. И. Галышина, А.М. Зинин; edited by E. R. Rossiyskaya. – 2nd ed. reprint. and additional M.: Norm: INFRA-M, 2016. p.203.
21. *Соколова Т.П.* Problems of expert identification in judicial authorship // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). - 2022. - № 2 (90). - Pp.67-76.
22. *Тарасова О.Е., Цицилин А.В.* Forensic examinations in criminal cases of extremism // Prevention and counteraction to extremism and terrorism in the information environment as a condition for ensuring harmonization of interethnic and ethno-confessional relations: a collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation (Абакан, October 21, 2021) / scientific editor N. A. Nikitashina; ed. by V.N. Kozlov. – Абакан: Publishing House of the Khakass State University named after N. F. Katanov, 2021. – 308s. pp.259-262.
23. *Филлимонова А.Ю.* On the issue of preventing manifestations of youth extremism on the Internet // Bulletin of Scientific Thought. - 2022. - No. 4. - pp.429-432.
24. *Хайруллова Э.Т.* Author's research: practice and prospects of application // Law and Law. - 2022. - No. 7. - pp.221-223.

НУЖНА ЛИ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА? IS CRIMINAL LIABILITY NEEDED FOR ORGANIZING ACTIVITIES TO RAISE MONEY AND (OR) OTHER PROPERTY?

МАРТЫНЕНКО Эдуард Владимирович

кандидат юридических наук, Институт международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета,
доцент кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности.
Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр. 1.
E-mail: edusmart@mail.ru;

Martynenko Eduard Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of National Security and Law Enforcement
Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University.
Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka str., 38, building 1.
E-mail: edusmart@mail.ru

Краткая аннотация: Изучение приговоров, вынесенных судами различных регионов Российской Федерации, за создание, так называемых, финансовых пирамид, показало, что суды «не восприняли» включенную в 2016 году в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» и продолжают квалифицировать подобные действия как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Обосновывается вывод о необходимости изменения объекта уголовно-правовой охраны при установлении уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. На сегодняшний день им является экономическая деятельность, так как преступление, предусмотренное ст. 172.2 УК РФ находится в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». При привлечении денежных средств экономическая деятельность не страдает, ущерб причиняется конкретным гражданам, вкладывающим свои финансовые средства в финансовые пирамиды. В этом случае объектом уголовно-правовой охраны должны быть общественные отношения, охраняющие собственность и статья должна быть перенесена в гл. 21 «Преступления против собственности».

Abstract: A study of sentences passed by courts in various regions of the Russian Federation for the creation of so-called financial pyramids showed that the courts “did not accept” Art. 172.2 “Organization of activities to raise funds and (or) other property” and continue to qualify such actions as fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). The conclusion is substantiated about the need to change the object of criminal legal protection when establishing criminal liability for organizing activities to attract funds and (or) other property. Today it is economic activity, since the crime provided for in Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is located in Chapter 22 “Crimes in the field of economic activity”. When attracting funds, economic activity does not suffer; damage is caused to specific citizens who invest their financial resources in financial pyramids. In this case, the object of criminal legal protection should be social relations that protect property and the article should be moved to Chapter. 21 «Crimes against property».

Ключевые слова: организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, мошенничество, преступления в сфере экономической деятельности, проблемы квалификации, ущерб.

Keywords: organization of activities to raise funds and (or) other property, fraud, crimes in the field of economic activity, qualification problems, damage.

Для цитирования: Мартыненко Э.В. Нужна ли уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества? // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 540-542. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_540.

For citation: Martynenko E.V. Is criminal liability needed for organizing activities to raise money and (or) other property? // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 540-542. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_540.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества была установлена в 2016 г. В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что «деятельность «финансовых пирамид» оказывает негативное влияние на российский финансовый рынок и может повлечь потерю денежных средств значительной части населения. Кроме того, деятельность «финансовых пирамид» подрывает доверие граждан к финансовым инструментам и имеет негативный социально-экономический эффект» [1].

В пояснительной записке также говорилось о том, что в 2014 году в Российской Федерации осуществляло деятельность более 160 организаций, имеющих признаки «финансовых пирамид», от противоправной деятельности которых пострадало более 9 тысяч граждан, и сумма причиненного ущерба составила 1,7 млрд. рублей. В связи с наличием уже причиненного ущерба было возбуждено более 200 уголовных дел по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сложившаяся ситуация потребовала законодательного решения и в уголовный закон была введена ст. 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» [2]. Исходя из пояснительной записки, основная цель введения новой статьи – охрана финансового рынка страны.

Введенная в УК РФ статья состоит из двух частей. Часть первая предусматривает ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, а часть вторая – в особо крупном размере. В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ крупным является сумма, превышающая два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – девять миллионов рублей. При этом уголовная ответственность наступает при условии, если «выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества» (ч.1 ст. 172.2 УК РФ).

Преступление, предусмотренное ст. 172.2 УК РФ относится к категории средней тяжести (ч.1) и тяжкого (ч.2) преступления.

Несколькими неделями раньше введения в УК РФ ст. 172.2 УК РФ, в Кодекс об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) была введена ст. 14.62 «Деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» [3].

Статья состоит из двух частей. Часть 1 предусматривает ответственность как за организацию, так и за деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Причем диспозиции ст. 14.62 КоАП РФ содержит те же условия привлечения к административной ответственности, что и ст. 172.2 УК РФ.

Часть 2 ст. 14.62 КоАП РФ предусматривает ответственность за публичное распространение информации, содержащей сведения о привлекательности участия в деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, и (или) предоставления средств или иного имущества в рамках данной деятельности и (или) призыв к участию в такой деятельности, в том числе совершенное с использованием средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Отношение к введению данной статьи специалистов уголовного права было крайне неоднозначным. По мнению некоторых из них, уголовной ответственности за создание пирамид вообще быть не должно. Иначе, получается, что законодатель относится к гражданам России, как к недееспособным лицам, не осознающим и даже не способным осознать последствий своих действий по инвестированию. Может частным лицам вообще запретить инвестиции [4].

Правоприменительная практика не восприняла новую статью и по-прежнему квалифицирует факты создания финансовых пирамид как мошенничество. Так, еще в 2019 г. в средствах массовой информации была опубликована информация о том, что за 9 месяцев 2019 г. Центробанком было выявлено 240 организаций с признаками финансовых пирамид. Из них 90 организаций существовали в виде интернет-проектов, 71 — в форме обществ с ограниченной ответственностью, 28 — незаконно использовали статус микрофинансовых институтов, 15 — потребительских кооперативов, 36 — действовали в иных формах [5]. Однако уголовные дела по ст. 171.2 УК РФ практически не возбуждались, и суды, по-прежнему, квалифицируют создание пирамид как мошенничество.

Как было сказано выше, ст. 172.2 УК РФ была введена в УК РФ в 2016 г. Однако суды не переквалифицировали приговоры, вынесенные за создание финансовых пирамид с мошенничества на вновь введенную ст. 172.2 УК РФ, хотя могли бы это сделать. Если говорить об обратной силе уголовного закона (ст. 10 УК РФ), то мошенничество (ч.4 ст. 159 УК РФ) относится к категории тяжкого преступления. Введенная в УК РФ в 2016 г. ст. 172.2 относится к категории преступлений средней тяжести (ч.10) и тяжкого преступления (ч.2). Однако суды по изученным нами приговорам, говорят о невозможности переквалификации ч.4 ст. 159 УК РФ на ст. 172.2 УК РФ не в виду обратной силы уголовного закона, а из-за отсутствия признаков состава преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ.

Введение уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества требует, прежде всего, рассмотрения состава данного преступления. Первая проблема, возникшая при введении уголовной ответственности за создание «финансовых пирамид» связана с тем, что ни один нормативный правовой акт не дает понятие «финансовой пирамиды». Неслучайно, ст. 172.2 УК РФ носит название не незаконная организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, а просто организация (далее по тексту). Из его можно сделать вывод о том, что любое привлечение денежных средств влечет за собой уголовную ответственность. А это не совсем правильно. Так, например, Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» [6] разрешает привлечение денежных средств. Представляется, что неудачное название статьи следует изменить, указав в нем на незаконность деятельности.

Статья 172.2 УК РФ помещена в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Тем самым, видовым объектом данного преступления законодатель установил экономическую деятельность. Экономическая деятельность имеет место тогда, когда ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье, материалы, энергия, информационные ресурсы) объединяются в производственный процесс, имеющий целью производство продукции (оказание услуг). Экономическая деятельность характеризуется затратами на производство, процессом производства и выпуском продукции (оказанием услуг). Следовательно, при квалификации создания «финансовых пирамид» по ст. 159 УК РФ, в качестве объекта уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, охраняющие собственность конкретных физических и юридических лиц. Квалификация этих же действий по ст. 172.2 УК РФ изменяет объект уголовно-правовой охраны с отношений собственности на отношения в сфере экономической деятельности. Не случайно в пояснительной записке к проекту федерального закона о введении уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества на первом месте в качестве обоснования необходимости введения данной статьи сказано, что деятельность таких организаций оказывает негативное влияние на российский финансовый рынок... подрывает доверие граждан к финансовым инструментам и имеет негативный социально-экономический эффект. Изменение объекта уголовно-правовой охраны вызвало проблемы в правоприменительной практике, так как она по-прежнему считает, что в случае создания финансовой пирамиды вред причиняется не экономическим отношениям, а отношениям собственности.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ представляет собой сложную конструкцию, включающую организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

Такая «тяжеловесная» конструкции «вынужденное» законодательное решение, поскольку в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее - ГК РФ) отсутствует понятие «финансовая пирамида». Тем самым, УК РФ, по сути, дает понятие «финансовая пирамида» при его отсутствии в каком-либо законе, регламентирующем предпринимательскую деятельность. Это вторая проблема применения ст. 172.2 УК РФ.

Законодатель поставил телегу впереди лошади. Представляется, что сначала проблема построения финансовой пирамиды должна быть урегулирована гражданско-правовыми нормами, а лишь потом охраняться нормами уголовно-правовыми.

Объективная сторона рассматриваемого преступления включает: 1) организацию деятельности по привлечению денежных средств; 2) полное отсутствие инвестиционной или иной законной экономической деятельности либо наличие такой деятельности, но в объемах, не сопоставимых с объемом, привлеченных денежных средств. Понятие «организация деятельности» в УК РФ отсутствует, что вызывает споры в теории уголовного права. Одни исследователи считают, что организацию деятельности финансовой пирамиды следует понимать как создание такой организации. Само привлечение денежных средств в ходе функционирования финансовой пирамиды не охватывается рамками ст. 172.2 УК РФ и требует дополнительной квалификации [7], другие считают, что объективная сторона изучаемого общественно опасного деяния состоит в руководстве финансовой пирамидой [8].

Если провести аналогию ст. 172.2 УК РФ со ст. 205.4 УК РФ, которая носит название «Организация террористического сообщества и участие в нем», то при описании объективной стороны данного преступления законодатель воспользовался следующей конструкцией – создание террористического сообщества. Следовательно, законодатель посчитал, что организация есть ни что иное как создание террористического сообщества. Аналогичную конструкцию можно предложить и для объективной стороны ст. 172.2 УК РФ, где под организацией по привлечению денежных средств следует считать создание «лжеорганизации» для привлечения финансовых средств. Создание предполагает совершения целого ряда действий. По изученным приговорам как создание признавались: регистрация лжефирмы, найм сотрудников, аренда помещения, обучение персонала. Однако создание таких лжеорганизаций правоприменительная практика квалифицирует как мошенничество.

Спорным является вопрос о том, охватывается ли ст. 172.2 УК РФ само привлечение денежных средств. Судебная практика считает, что «ст. 172.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность только лишь за организацию деятельности по привлечению денежных средств...» [9].

Неоднозначность подходов в теории уголовного права и в правоприменительной практике к уголовно-правовой оценке действий по созданию финансовых пирамид, дает основание предложить:

1. Нормативно закрепить законную деятельность по созданию организаций по привлечению денежных средств граждан, либо закрепить запрет такой деятельности. В этом нормативном правовом акте необходимо закрепить определение «финансовая пирамида». Только в этом случае, ст. 172.2 УК РФ будет отвечать принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ.

2. Дать судебное толкование момента окончания преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, с тем чтобы судебная практика единообразно принимала решение при квалификации преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ. Это необходимо, так как спорным является вопрос о том, охватывается ли ст. 172.2 УК РФ само привлечение денежных средств либо ответственность наступает, по сути, только за приговора к привлечению денежных средств.

3. Дать судебное толкование понятию «организация деятельности», так как это понятие отсутствует в УК РФ, что вызывает проблемы в правоприменительной практике при квалификации действий по ст. 172.2 УК РФ.

4. Изменить объект уголовно-правовой охраны с экономической деятельности на собственность. Изменения объекта потребует перенесения ст. 172.2 УК РФ в главу 21 УК РФ «Преступления против собственности».

Представляется, что реализация вышеназванных предложений будет способствовать решению задач уголовного закона по охране отчужденности и предупреждению организации деятельности по привлечению денежных средств. Кроме того, реализация данных предложений позволит положительно ответить на вопрос о том, нужна ли уголовная ответственность за организацию привлечения денежных средств.

Библиография:

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/>
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - №14. - Ст. 1908.
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 09.03.2016 № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016 г. - № 11. - Ст. 1481.
4. Куприянов Ф.А. Адвокат Федор Куприянов: через 100 лет — новый запрет «деятельности по привлечению денежных средств» (статья 172.2 УК РФ)? // Viperson.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/advokat-fedor-kupriyanov-cherez-100-let-novyy-zapret-deyatelnosti-po-privlecheniyu-denezhnyh-sredstv-statya-172-2-ukrf> (дата обращения: 30.03.2024).
5. Центробанк насчитал в России 240 финансовых пирамид [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5da9575d9a794774690fe904> (дата обращения: 01.04.2024).
6. О банках и банковской деятельности: федеральный закон 02.12.1990 № 395-1 // Ведомостях съезда народных депутатов РСФСР от 6 декабря 1990 г. №27 ст. 357.
7. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. – 2016. – № 11. – С. 21-29.
8. Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Безопасность бизнеса. – 2016. – № 4. – С. 35-40.
9. Приговор № 1-192/2017 от 14 августа 2017 г. по делу № 1-192/2017 Октябрьского районного суда г. Новороссийска. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pervomayskiy.udm.sudrf.ru/> (дата обращения 01.04.2024).

References:

1. Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". [electronic resource]. Access mode: <http://duma.gov.ru/>
2. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 78-FZ dated 30.03.2016 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2016. - No.14. - Article 1908.
3. On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Federal Law No. 54-FZ of 03/09/2016 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2016 - No. 11. - Article 1481.
4. Kupriyanov F.A. Lawyer Fyodor Kupriyanov: after 100 years, a new ban on "activities to attract funds" (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)? // Viperson.ru [Electronic resource]. URL: <http://viperson.ru/articles/advokat-fedor-kupriyanov-cherez-100-let-novyy-zapret-deyatelnosti-po-privlecheniyu-denezhnyh-sredstv-statya-172-2-ukrf> (date of access: 30.03.2024).
5. The Central Bank counted 240 financial pyramids in Russia [Electronic resource]: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5da9575d9a794774690fe904> (date of application: 04/01/2024).
6. On banks and banking activities: Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990 // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR dated December 6, 1990 No.27, Art. 357.
7. Asnis A.Ya. Some problems of criminal liability for the organization of financial pyramids // Advocate. – 2016. – No. 11. – pp. 21-29.
8. Konovalova A.B., Mosechkin I.N. On some problems of establishing criminal liability for organizing activities to attract funds and (or) other property (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Business security. - 2016. – No. 4. – pp. 35-40.
9. Verdict No. 1-192/2017 of August 14, 2017 in case No. 1-192/2017 of the Oktyabrsky District Court of Novorossiysk. An electronic resource. Access mode: <http://pervomayskiy.udm.sudrf.ru/> (accessed 04/01/2024).

ПРОБЕЛЫ В НОРМАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

Gaps in the norms of criminal procedure legislation governing the procedure for conducting searches and seizures

НАМЕТКИН Денис Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17 А.
E-mail: nametkindv@mail.ru;

СОКОЛОВ Дмитрий Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17 А.
E-mail: dmitrij.sokolow2011@yandex.ru

АФАНАСЬЕВ Евгений Владимирович,

Преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации». Россия, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.
E-mail: evgenyafanasjev@yandex.ru;

Nametkin Denis Valerievich,

Candidate of law, associate professor, associate professor at the Department of criminal procedure Law «Privolzhsky branch of Russian State University of Justice». 603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: nametkindv@mail.ru;

Sokolov Dmitry Sergeevich,

Candidate of law, associate professor at the Department of criminal procedure Law «Privolzhsky branch of Russian State University of Justice». 603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: dmitrij.sokolow2011@yandex.ru;

Afanasyev Evgeniy Vladimirovich,

Lecturer at the Department of Forensic Expertise "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". Russia, 350005, Krasnodar region, Krasnodar, Yaroslavskaya str. 128.
E-mail: evgenyafanasjev@yandex.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена исследованию имеющихся пробелов в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих особенности производства обыска и выемка, а также предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract. This article is devoted to the study of existing gaps in the norms of criminal procedure legislation governing the specifics of search and seizure, as well as proposals for improving the legislation.

Ключевые слова. УПК РФ; УПК РСФСР; предварительное расследование; процессуальные действия; следственные действия; обыск; выемка; законодательные пробелы.

Keywords. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; Code of Criminal Procedure of the RSFSR; preliminary investigation; procedural actions; investigative actions; search; notch; legislative gaps.

Для цитирования: Наметкин Д.В., Соколов Д.С., Афанасьев Е.В. Пробелы в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих порядок производства обыска и выемки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 543-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_543.

For citation: Nametkin D.V., Sokolov D.S., Afanasyev E.V. Gaps in the norms of criminal procedure legislation governing the procedure for conducting searches and seizures // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 543-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_543.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

При производстве предварительного расследования, которое осуществляется с целью, раскрытия и расследования совершенного преступления, восстановления нарушенных прав, а также изобличения лица, совершившего преступление, основным способом, позволяющим осуществлять вышеуказанные цели, является получение доказательств. В рамках производства предварительного расследования, для получения доказательств производятся различные следственные или процессуальные действия. Которые являются эффективным механизмом, позволяющим получить достоверную информацию, касательно расследования совершенного преступления, которую в последствии можно будет использовать, как доказательство подтверждающее или оправдывающее лицо.

Следственные действия, регламентированные главой 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ напрямую затрагивают конституционные права граждан. Особое внимание следует обратить на такие важные следственные действия как обыск и выемка, которые непосредственно затрагивают основные конституционные права граждан, речь идет о неприкосновенности жилища, частной жизни и т.д. Этим и обусловлено то, что порядок их производства должен быть законодательно полностью регламентирован, с целью минимизации злоупотребления и необоснован-

ного вмешательства в жизнь граждан со стороны правоохранительных органов с одной стороны, и допустимости использования полученных доказательств, с другой стороны. Что и закреплено в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, говорящей нам о недопустимости использования доказательств добытых с нарушением норм федерального законодательства при осуществлении правосудия [1].

В начале нашего исследования следует понять сущностное содержание таких следственных действий как обыск и выемка. Сразу стоит отметить, что какой-либо легальной дефиниции понятий обыска или выемки в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится.

Поэтому стоит обратиться к научной литературе. Так, по мнению В.М. Лебедева, под обыском понимается следственное действие, заключающееся в реализации поисковых действий на месте, находящемся в чей-либо собственности, сопровождающихся возможным процессуальным принуждением, направленных на отыскание объектов, имеющих значение для расследуемого преступления, а в случаи необходимости поиска граждан или трупов [3]. Важно отметить, что такие цели обозначены в уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Анализируя суть и процессуальные особенности данных процессуальных действий можно сказать, что они весьма похожие между собой, но это только на первый взгляд. В этой связи очень точно обозначена позиция, О. Я. Баева и Д. А. Солодова, говорящая, что выемка с гносеологической стороны следует рассматривать как определенную разновидность обыска исходя из целеполагания. Выемка направлена на изъятие тех же объектов, в целях отыскания и изъятие которых проводится обыск [4]. Но при проведении данных следственных действий имеются отличия, связанные с наличием информации о точном месте нахождения отыскиваемых объектов. При производстве выемке субъект расследования точно знает о месте нахождения отыскиваемых объектов, а при производстве обыска субъект расследования обладает информацией о предположительном месте расположения данных объектов. Иными словами, при производстве выемки, отсутствует так называемый поисковый характер, в том время, как во время проведения обыска, наоборот. Отсутствует точная информации о предметах, подлежащих изъятию и поиск, как раз и направлен на установление их места нахождения для последующего изъятия.

Можно сказать, что обыск во многом носит скорее предположительный характер, но в то же время он должен быть юридически обоснованным. Субъект расследования при принятии решения о производстве обыска должен обладать информацией о предполагаемом месте нахождения отыскиваемых предметов, полученной в результате проведенных следственных действиях, проведенных оперативно-розыскных мероприятиях, из действий подозреваемых или соучастников, иных источников. Важное значение при принятии решения о производстве обыска имеет аналитическая работа субъекта расследования с доказательственной информацией и его убежденность в правильности выбранного направления расследования [5].

Также на схожесть обыска и выемки указывают и ряд положений, нашедших своё отражение в процессуальном законодательстве. Одним из таких положений является, процессуальный критерий. Это следует из ч. 2 ст. 183 УПК РФ, где сказано, что процессуальный порядок производства выемки аналогичен процессуальным требованиям обыска, регламентированным ст. 182 УПК РФ [2]. Следовательно можно говорить о схожести используемых тактических приемов и рекомендаций для проведения выемки и обыска, направленных на достижение более эффективного и объективного результата. Сюда стоит отнести и особенности фиксации, протоколирования результатов обыска и выемки.

Следует обратить внимание на элемент добровольности, имеющей место как при производстве обыска, так и выемки. В начале производства данных следственных действий, субъект расследования предлагает лицу выдать предметы или документы, подлежащие изъятию, то есть изымаемые предметы могут быть выданы и добровольно. Предоставляя последнюю возможность лицу причастному к противоправному деянию, если таковой присутствует при производстве следственных действий, осознать противоправность своих деяний и оказать содействие правоохранительным органам. Только лишь в случае отказа в их выдаче, наступает принудительный характер, что прямо отражено в ч. 5 ст. 183 УПК РФ [2].

В этой связи можно частично не согласиться с мнением В. М. Лебедева, который отмечает, что выемка характеризуется принудительностью изъятия отыскиваемых предметов, отраженных в процессуальных документах [6], ввиду того, что оно не всегда может носить сугубо принудительный характер. Резюмируя вышесказанное, можно заметить, что выемка и обыск два следственных действия, имеющиеся большое количество схожих черт, в связи с этим ряд теоретиков уголовного процесса рассматривают выемку лишь разновидностью обыска.

Но в тоже время, не стоит сводить данные процессуальные действия в одну плоскость. Их необходимо различать. Так, мы полностью соглашаемся с точкой зрения А.П. Рыжакова, который считает, что отличие данных процессуальных действий связано с информационной составляющей при принятии решения, т.е фактическим основанием. Принимая решение о производстве обыска субъект расследования не обладает информацией о точном месте отыскиваемого предмета, а возможном месте его нахождения [7]. В случаи если собственник, после выдвинутых ему требований не выдает отыскиваемый предмет, на основании предъявленного постановления о производстве выемки, а детальное место наложения отыскиваемого имущества нам не известно, то поисковые действия мы проводить не можем, т.к будет идти речь об обыске.

А если аналогичная ситуация сложилась при производстве обыска, сопровождающаяся наличием всех необходимых процессуальных документов и судебных решений, то субъект расследования в праве провести все необходимые поисковые мероприятия на обнаружение отыскиваемых и иных запрещенных предметов, вплоть до разрушения различных конструкций. Может сложится и другая следственная ситуация, когда лицу предъявлено постановление о производстве обыска, оглашено соответствующее требование и отыскиваемое имущество выдается. Тогда субъектом расследования может быть принято решение о не проведении поисковых действий и составлении протокола обыска. А в иной следственной ситуации субъект расследования независимо от наличия добровольной выдачи будет проводить все необходимые поисковые действия, отразив в протоколе обыска о добровольности выдачи соответствующего имущества. Следует добавить, что к отличиям можно отнести невозможность производства выемки живого человека и трупа, хотя при производстве обыска такая возможность есть, о чем прямо отражено в п. 16

ст. 182 УПК РФ[2].

Несмотря на то, что на первый взгляд кажется, будто порядок данных следственных действий закреплён достаточно полно, стоит резюмировать, что уголовно-процессуальное законодательство в нормах, регламентирующих производство обыска и выемки, не лишено пробелов.

Регламентирующей перечень лиц, отраженный в ч. 11 ст. 182 УПК РФ[2], которые вправе присутствовать при производстве обыска определен, среди которых прежде всего должно быть лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. Но, как следует поступать в том случае, если обеспечение их присутствия невозможно, в силу различных причин, например, розыска или отсутствия данных об их местонахождении?

В соответствии с нормами закона, обыск может быть произведен и без обязательного присутствия данных лиц, но к результатам данного следственного действия могут возникнуть вопросы, в связи с нарушением права на защиту, а также возможными злоупотреблениями со стороны сотрудников правоохранительных органов. В результате собранные доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Обратившись к нормам УПК РСФСР, становится понятно, что участию лиц в обыске была посвящена отдельная норма – статья 169[8]. В данной норме, которая отчасти продублирована в ч. 11 ст. 182 УПК РФ[2] отражено, что в случае невозможности присутствия лица, либо совершеннолетних членов его семьи, у которого производится обыск или выемка, приглашаются представители жилищно - эксплуатационной организации, исполнительного комитета поселкового или сельского Совета народных депутатов[8].

На наш взгляд данная норма полностью решала проблему невозможности обеспечения присутствия указанных лиц. Поэтому целесообразно было изложить ч. 11 ст. 182 УПК РФ в изменённой редакции, с учетом изложения порядка действий в случае отсутствия лиц, у которых проводятся обыск: «При обыске должно быть обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск или выемка, либо совершеннолетних членов его семьи. В случае невозможности их присутствия приглашаются представители местной администрации или жилищно - эксплуатационной организации».

Стоит также целесообразно подойти к вопросу редакции ч. 9 ст. 182 УПК РФ, которая гласит нам, что при производстве обыска изъятию подлежат предметы и документы, изъятые из оборота. Нам кажется, что данная норма не вполне отвечает требованиям законодательства в области права законного владения. Ведь если у нас имеется разрешение на ограниченные в обороте предметы, например, охотничье оружие, то почему его должны изымать при любых обстоятельствах, даже вполне не связанных между собой. Считаем, что ч. 9 ст. 182 УПК РФ, следует изложить в новой редакции, в частности, «при производстве обыска изымаются предметы и документы, изъятые из оборота, на которые у лица не имеется разрешения, полученного в установленном законном порядке»

Хотелось обратить внимание на проблему уже исследуемую и другими авторами юридической сферы, речь идет об особенностях производства выемки и обыска в различных кредитных организациях и банках, точнее говоря сложности проведения обыска в данных организациях. Специфичность производства выемки документов, в которых имеется информация о счетах, вкладах и их содержимом связана с необходимостью получения судебного решения, что отражено в п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, хотя при производстве обыска в данных организациях аналогичная процедура не применяется. Особенно это важно при расследовании преступлений в экономической и банковской сфере.

На практике возникают случаи, когда следственные органы проводят обыски с последующими изъятиями в данных учреждениях, руководствуясь ч. 5 ст. 165 УПК РФ, как в исключительных случаях, не требующих отлагательства. В последствии такое следственное действие, протокол обыска, вещественные доказательства, изъятые в ходе его проведения, могут быть признаны и, как показывает практика, признаются недопустимыми доказательствами. В юридической практике до этого уже был похожий проблемный момент, касающийся отсутствия законодательно закреплённой возможности проведения обыска, в организациях занимающихся адвокатской деятельностью. Конечно, там больше ставился вопрос о неразглашении адвокатской тайны, но нас интересуют результаты законодательного закрепления. В результате разрешение данного вопроса отразилось в п. 5.2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ[2], регламентирующий обязательное получение решения суда в случае необходимости проведения осмотра, обыска, выемки в местах связанных с адвокатской деятельностью.

Исходя из вышеизложенного следует дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ, предусматривающей получение судебного решения на производство определенных процессуальных действий, пунктом 5.3, изложив его в следующей редакции: «о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях». На наш взгляд, это будет вполне логично с юридической и практической точки зрения.

Аналогичная проблема присутствует и при необходимости производства обыска в ломбарде. Здесь также, как и в ситуации с банковскими учреждениями, предусмотрено только производство выемки. Считаем, что здесь также, как в ситуации с банковскими и иными кредитными организациями, следует дополнить законодательство, в частности пункт 5.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, изложив в следующей редакции: «о производстве, обыска, осмотра и выемки, заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи». Вопросы, поднятые в данном исследовании, говорят нам о важности и актуальности особенностей производства таких следственных действий как обыск и выемка для расследования и раскрытия преступлений. Ведь благодаря данным следственным действиям, возможно, как своевременное расследование совершенного преступления, так и скорейшее восстановление нарушенных преступлением прав граждан.

В настоящей работе нами были выработаны предложения по модернизации норм уголовного процессуального законодательства, связанные с проведением обыска и выемки.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации. — М.: Экмос, 2000. — 48 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. по состоянию на 29.05.2024 г. // Российская газета. — 2001. — 22 декабря.
3. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В. М. Лебедева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма : ИНФРА-М, 2021. - 936 с. - ISBN 978-5-00156-081-4. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1099997> (дата обращения: 25.05.2024).
4. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: Криминалистический анализ Уголовно-процессуального кодекса России, практика, рекомендации профессионалов: Практическое пособие, Серия: Юридическая библиотека России. М. : Изд-во «ЭКСМО», 2014. 235 с.
5. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : постатейный научно-практический комментарий : учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Проспект, 2020. — 968 с.;
6. Лебедев В.М. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие. М.: Издательство Юрайт, 2011. 822 с.
7. Рыжаков А.П. Следственные действия (понятие, виды, порядок производства). М. : Юрид. фирма «Контракт», «Инфра-М», 2014. 137 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Текст:электронный.- URL:<https://base.garant.ru/3975161/ee591cfc0f8d46de00f2a342779a5fe0/?ysclid=ixxaf3l59r43078553> (дата обращения: 25.05.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. — М.: Ekmos, 2000. — 48 p.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on November 22, 2001 as of 05/29/2024 // Rossiyskaya Gazeta. 2001. December 22.
3. Criminal procedure law : textbook for undergraduate, specialist, graduate and postgraduate studies (adjunct) / under the general ed. V. M. Lebedev. — 3rd ed., reprint. and add. - М.: Norma : INFRA-M, 2021. - 936 p. - ISBN 978-5-00156-081-4. - Text : electronic. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1099997> (date of application: 05/25/2024).
4. Baev O.Ya., Solodov D.A. Production of investigative actions: Criminalistic analysis of the Criminal Procedure Code of Russia, practice, recommendations of professionals: A practical guide, Series: Law Library of Russia. М. : Publishing House "EKSMO", 2014. 235 p.
5. Grinenko A.V. Criminal Procedure Code of the Russian Federation Federation : article-by-article scientific and practical commentary : textbook. - 2nd ed., reprint. and add. - Moscow : Prospekt, 2020. — 968 p.;
6. Lebedev V.M. The practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: practice. the manual. Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 822 p.
7. Ryzhakov A.P. Investigative actions (concept, types, procedure of production). М. : Yurid. Kontrakt firm, Infra-M, 2014. 137 p.
8. Criminal Procedure Code of the RSFSR of October 27, 1960 Text: electronic.- URL:<https://base.garant.ru/3975161/ee591cfc0f8d46de00f2a342779a5fe0/?ysclid=ixxaf3l59r43078553> (accessed 05/25/2024).

АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО РЕЦИДИВ ОСУЖДЕННЫХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ Analysis of Russian legislation regulating recidivism of convicts at the present stage

САНДЖЕЕВ Цецен Алтманович,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: tsetsensanjeev@yandex.ru;

Sanjeev Tsetsen Altmanovich,

adjunct of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff Training,

Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service.

Sennaya str., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: tsetsensanjeev@yandex.ru

Краткая аннотация: В работе рассмотрены проблемы, возникающие в процессе правового регулирования рецидива осужденных на современном этапе. Проведен анализ законодательства регулирующий рецидив. На предмет недостатков в правоприменительной практике. В статье освещены предложения по внесению изменений в уголовное законодательство России. С целью точного определения опасности рецидива и предупреждения распространения в стране.

Abstract: The work examines the problems that arise in the process of legal regulation of recidivism of convicts at the present stage. The analysis of the legislation regulating relapse is carried out. For shortcomings in law enforcement practice. The article highlights proposals to amend the criminal legislation of Russia. In order to accurately determine the risk of relapse and prevent the spread in the country.

Ключевые слова: рецидив, рецидив осужденных, проблемы правового регулирования, совершенствование законодательства.

Key words: relapse, recidivism of convicts, problems of legal regulation, improvement of legislation.

Для цитирования: Санджеев Ц.А. Анализ российского законодательства, регламентирующего рецидив осужденных на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 547-548. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_547.

For citation: Sanjeev Ts.A. Analysis of Russian legislation regulating recidivism of convicts at the present stage // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 547-548. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_547.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

На уголовно-исполнительную систему Российской Федерации ложится, пожалуй, самая большая нагрузка по обеспечению реализации целей уголовного наказания, а именно исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ¹). Предупреждение рецидива преступлений является важнейшей целью постпенитенциарной адаптации².

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года³ впервые в истории уголовного законодательства дает определение понятия «рецидив преступления», а также предусматривает признаки опасного рецидива и особо опасного рецидива преступлений, которые позволяют судить и о личности преступника, так как именно в них в большей мере выражена ее общественная опасность.

Уголовно-правовой рецидив преступлений влияет на порядок, размер и вид наказания, а криминологический рецидив преступлений позволяет отметить особенности личности осужденного лица и возможность соответствующего направленного, индивидуального и дифференцированного уголовно-правового воздействия на указанное лицо не только в момент совершения преступления, период отбывания наказания, но и в наиболее неблагоприятный период — период социальной адаптации и ресоциализации, реинтеграции указанного лица в общество.

В 2021 г. в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний внесены изменения, в соответствии с которыми ФСИН осуществляет контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания⁴. Непосредственно учетом и контролем за условно-досрочно освобожденными занимаются уголовно-исполнительные инспекции.

- недостатки деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере выполнения функций по контролю за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Лица, длительное время находившиеся в изоляции от общества, утрачивают социальные навыки и умение самостоятельно организовывать повседневную жизнь (без внешнего контроля системы). Резкий переход из состояния изоляции в условия свободы и самостоятельности дестабилизирует личность и порождает состояние фрустрации. В результате бывшие заключенные испытывают трудности с простейшими действиями и самоорганизацией в условиях нормальной жизни. Это усугубляется материальными, жилищными и организационными сложностями постпенитенциарной адаптации: их преодоление требует активности и ответственности, к чему субъекты оказываются не готовы.

- неэффективная организация и неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных от наказания, связанного с изоляцией от общества.

Актуальность совершенствования законодательного подхода и правоприменительной практики в сфере регламентации уголовной ответственности за рецидив преступлений предопределена обеспечением основополагающих принципов уголовного закона, целей наказания и эффективности борьбы с рецидивной преступностью.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

² Карбанова Е.Н. Правовые гарантии реализации целей уголовного наказания // Уголовное право. 2020. № 6 (124). С. 40.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Указ Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 10. Ст. 1568.

Совершение преступления при рецидиве является умышленным преступлением, то есть совершенным с прямым или косвенным умыслом. Напомним, что в науке уголовного права умыслом считается наиболее распространенный вид вины. При прямом умысле лицо, совершившее преступление, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. При косвенном умысле лицо, совершающее преступление, осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания»¹ детализирует положения уголовного закона, требующего особого внимания на правоприменительном уровне. Таким образом, актуализируется задача судов по установлению рецидива преступлений при назначении лицу, признанному виновным, наказания.

Преступление при рецидиве может быть совершено лишь лицом, имеющим судимость. Отметим, что в рамках уголовного права Российской Федерации под судимостью принято понимать правовой статус лица, который присваивается ему с момента вынесения обвинительного приговора и действует до момента снятия или погашения. Лицо, совершающее преступление при рецидиве должно быть судимо за совершение умышленного преступления. При совпадении всех трех вышеуказанных признаков речь может идти о совершенном рецидиве преступлений. Стоит отметить, что особое значение указанные признаки приобретают при отграничении преступлений при рецидиве от совокупности преступлений, ответственность за которую предусматривает статья 17 Уголовного кодекса Российской Федерации. В отличие от рецидива преступлений при совокупности преступлений такие деяния совершаются лицом, не имеющим судимость за совершение ни одного из них.

Хотелось бы заострить внимание российского законодателя на опыте регулирования рецидивной преступности в Уголовном кодексе ФРГ, выраженный в виде мер превентивного характера, которые, в реалиях нашего государства, могли бы заменить некачественный административный надзор за лицами, отбывшими наказания в местах лишения свободы и лицами, к которым применили условную меру наказания.

В целях совершенствования уголовного законодательства о рецидиве можно предложить следующее:

1. Необходимо изложить ч. 1 ст. 18 УК РФ в следующей редакции:

«1. Рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом с не снятой и не погашенной судимостью за содеянное ранее в совершеннолетнем возрасте умышленное преступление».

2. Необходимо дополнить ст. 18 УК РФ частью 6 в следующей редакции:

«6. Суд, рассматривая вопрос о признании лица, совершившим преступление при опасном и особо опасном рецидиве, учитывает личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства дела. Решение суда должно быть мотивировано в приговоре. В случае непризнания лица, как совершившим преступление при особо опасном рецидиве, он считается совершившим преступление при опасном рецидиве, а при непризнании лица, как совершившим преступление при опасном рецидиве, он считается совершившим преступление при рецидиве».

3. Поскольку зачастую допускаются ошибки в квалификации рецидива (ошибки, связанные с неправильным учетом положений статьи 9 УК РФ, а также ошибки, связанные с неправильным определением степени тяжести ранее совершенного преступления, за которое лицо имеет судимость), является необходимым внесение соответствующих изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Таким образом, предложенные нововведения в УК РФ помогут правильно разобраться с определением рецидива преступлений, его видов и ответственностью рецидивистов. Привнесение позитивистских начал в уголовное право России позволит точнее определить опасность рецидива преступлений и предупреждать его распространение в стране. Отметим также, что все предложенные нами изменения УК РФ отвечают принципу справедливости.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2022.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Указ Президента РФ от 02.03.2021 № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» // СЗ РФ. 2021. № 10. Ст. 1568.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2016.
6. Карабанова Е.Н. Правовые гарантии реализации целей уголовного наказания // Уголовное право. 2020. № 6 (124). С. 40.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, dated 07/01/2020 No. 1-FKZ) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 2022.
2. The Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1-FZ dated 08.01.1997 (as amended on 06/24/2023) (with amendments and additions, introduction. effective from 11.12.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Article 198.3.
3. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 05/29/2024) (with amendments and additions, intro. effective from 06/10/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 119 dated 03/02/2021 "On Amendments to the Regulation on the Federal Penitentiary Service, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1314 dated October 13, 2004" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 10. St. 1568.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2015 No. 58 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" (ed. from 12/18/2018) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 2. 2016.
6. Karabanova E.N. Legal guarantees of the realization of the goals of criminal punishment // Criminal law. 2020. No. 6 (124). p. 40.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2016.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛЕЗНОМУ ТРУДУ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ INVOLVEMENT OF CONVICTS IN SOCIALLY USEFUL WORK: FOREIGN EXPERIENCE

МИНСАФИНА Светлана Николаевна,

Заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы Самарского юридического института ФСИН России. 443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рыльская ул., д. 24В.
E-mail: agent-lika@mail.ru;

БОЖКОВ Александр Викторович,

заместитель командира взвода (курсантов),
Сержант внутренней службы,
Самарского юридического института ФСИН России.
443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рыльская ул., д. 24В.
E-mail: sasha_bozkov@mail.ru;

Minsafina Svetlana Nikolaevna,

Deputy Head of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of the Internal Service Samara Law Institute Federal Penitentiary Service of Russia. 24B Rylskaya str., Samara, Samara region, 443022, Russia.
E-mail: agent-lika@mail.ru;

Bozhkov Alexander Viktorovich,

Deputy Platoon Commander (cadets)
Sergeant of the Internal Service
Samara Law Institute Federal Penitentiary Service of Russia.
24B Rylskaya str., Samara, Samara region, 443022, Russia.
E-mail: sasha_bozkov@mail.ru

Краткая аннотация. В данной статье рассматривается трудоустройство осужденных к принудительным работам. Озвучены преимущества федерального закона позволяющего трудоустроить осужденных в организациях, в том числе и у индивидуальных предпринимателей.

Abstract. This article discusses the employment of convicts to forced labor. The advantages of the federal law allowing convicts to be employed in organizations, including individual entrepreneurs, have been announced.

Ключевые слова: общественно-полезный труд, трудовая деятельность, основное средство исправления, зарубежный опыт, принудительные работы, осужденные, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система.

Для цитирования: Минсафина С.Н., Божков А.В. Привлечение осужденных к общественно-полезному труду: зарубежный опыт // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 549-550. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_549.

For citation: Minsafina S.N., Bozhkov A.V. Involvement of convicts in socially useful work: foreign experience // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 549-550. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_549.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В настоящее время наказание в виде принудительных работ является вполне перспективным. Связано это с тем, что с принятием 3 апреля 2023 года Федерального закона № 102-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», появилась возможность привлекать осужденных к принудительным работам к труду в коммерческих организациях и к труду компаниях у индивидуальных предпринимателей.

В связи с этим многие известные компании заинтересовались данной возможностью, ведь при этом сокращается текучесть персонала, более дешевый труд, сокращение нехватки кадров, а также послабления, предоставляемые от государства в виде льготы по уплате налогов в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах (ч. 2 ст. 60.7 УИК РФ).

Одной из таких компаний, которые заинтересовались трудом осужденных также заинтересовался РЖД. Однако это уже не первая попытка привлечь в ряды своих сотрудников осужденных. В 2021 г. подрядчики РЖД привлекали осужденных на стройку Восточного полигона и БАМа. В данном проекте было задействовано около 600–700 осужденных. Тем не менее представитель РЖД следующим проектом явилось строительство инфраструктуры Восточного полигона, на которое было привлечено 86 осужденных, но эксперимент не прошел успешно, связано это было с тем что для многих работ требуется высококвалифицированный и узкоспециализированный персонал.

В настоящее время РЖД столкнулось также с нехваткой сотрудников, и потребностью работников на высокую заработную плату, в связи с эти данный вопрос был озвучен снова¹.

¹ «РЖД решила нанимать осужденных и мигрантов» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/11/20/1006581-rzhd-reshila-nanimat-osuzhdennih-i-migrantov> (дата обращения: 07.05.2024).

Следующей компанией является завод АвтоВАЗа в г. Тольятти. Так, глава АвтоВАЗа Максим Соколов в интервью телеканалу РБК подтвердил планы концерна по привлечению осужденных к производству. Привлечение осужденных к труду связано с нехваткой рабочей силы¹.

На сегодняшний день компанией, которая получила положительный результат от использования труда осужденных к принудительным работам, является – Ozon. Данная компания разработала социальный проект «Ozon без осуждения». При котором предлагается работа в своих центрах более чем 500 осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ. Однако работа предоставляется только лицам, осужденным впервые, при этом с каждым кандидатом проводят личные собеседования и изучают его заинтересованность в работе. Каждому участнику проекта предоставляются комфортные условия труда, в которые входят обучение основным операциям, работу на территории современных складов, обеспечение горячим питанием. Также у осужденных есть возможность выхода в дополнительные смены за которые они будут получать двойную оплату.

Цель данного проекта направлена на то, чтобы помочь осужденным адаптироваться в обществе и улучшить их перспективы трудоустройства в будущем.

Пилотным проектом является сотрудничество с УФСИН г. Санкт-Петербурга, запущенного осенью 2022 года и который действует и на сегодняшний день. Стоит отметить, что шесть из десяти сотрудников, которые отбыли наказание в виде принудительных работ, продолжили трудиться на складах компании. В связи с этим, директор по персоналу направления цепочки поставок Ozon Наталья Лабуничева отмечает, что опыт пилотного проекта побудил нас пригласить к сотрудничеству осужденных и в других регионах, благодаря чему активно расширяется инфраструктура и растет объем работ².

Если обратиться к опыту зарубежных стран, мы можем также убедиться в эффективности использования труда осужденных во многих крупных компаниях. Так, в Германии, согласно Конституции прямо разрешено использование принудительного труда осужденных. В связи с этим, по меньшей мере 80 компаний используют труд заключенных, в том числе популярные автомобильные компании BMW, Volkswagen и Mercedes, а также производители бытовой техники премиум-класса Miele и электротехники Brennenstuhl и Siemens, фирма канцтоваров Edding и многие другие. Данная возможность помогает осужденным социализироваться, а работодателям экономить средства компаний, так как за свой труд осужденные получают примерно в 3 раза меньше средней зарплаты по рынку.

В США труд осужденных регулируется ст. 13 Конституции. Труд с конца XIX века он широко используется государством и бизнесом. Так, осужденные задействованы на государственной корпорации UNICOR, которая производит десятки видов товаров, от мебели до военной формы³.

Таким образом, проведя анализ привлечения осужденных к принудительным работам в различные сферы работы организаций, в том числе и у индивидуальных предпринимателей, мы выявили некоторые недостатки.

Несмотря на то, что есть возможность и потребность - нет условий. Приведенный опыт зарубежных стран и российской компании Ozon показывает, что необходимо разработать систему не только привлечения свободной рабочей силы, но и предоставить условия для выполнения тех или иных работ. Что включает в себя обучения осужденных, предоставления льгот и возможностей дальнейшего развития. Данная перспектива позволит получить качественную работу от данного круга работников, что повысит производительность организации, а у осужденных, в свою очередь, появится возможность реинтеграции и дальнейшего благополучного устройства в жизни.

Библиография:

1. «РЖД решила нанять осужденных и мигрантов» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/11/20/1006581-rzhd-reshila-nanimat-osuzhdennih-i-migrantov>.
2. «Новые Lada будут собирать заключенные. О таких планах рассказал глава «АвтоВАЗа»» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/06/17/17149946.shtml?updated>.
3. «Ozon запускает проект по социальной адаптации осужденных» [Электронный ресурс] // URL: <https://corp.ozon.ru/post/ohxong95b1-ozon-zapuskaet-proekt-po-sotsialnoi-adap>.
4. «На каких условиях заключенных в разных странах привлекают к работе» [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2021/06/02/na-kakih-usloviiah-zakliuchennyh-v-raznyh-stranah-privlekaiut-k-rabote.html>.

References:

1. "Russian Railways has decided to hire convicts and migrants" [Electronic resource] // URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/11/20/1006581-rzhd-reshila-nanimat-osuzhdennih-i-migrantov>.
2. "New Lada cars will be collected by prisoners. The head of AvtoVAZ told about such plans" [Electronic resource] // URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/06/17/17149946.shtml?updated>.
3. "Ozon launches a project on the social adaptation of convicts" [Electronic resource] // URL: <https://corp.ozon.ru/post/ohxong95b1-ozon-zapuskaet-proekt-po-sotsialnoi-adap>.
4. "Under what conditions are prisoners in different countries attracted to work" [Electronic resource] // URL: <https://rg.ru/2021/06/02/na-kakih-usloviiah-zakliuchennyh-v-raznyh-stranah-privlekaiut-k-rabote.html>.

¹ «Новые Lada будут собирать заключенные. О таких планах рассказал глава «АвтоВАЗа»» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/06/17/17149946.shtml?updated> (дата обращения: 07.05.2024).

² «Ozon запускает проект по социальной адаптации осужденных» [Электронный ресурс] // URL: <https://corp.ozon.ru/post/ohxong95b1-ozon-zapuskaet-proekt-po-sotsialnoi-adap> (дата обращения: 07.05.2024).

³ «На каких условиях заключенных в разных странах привлекают к работе» [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2021/06/02/na-kakih-usloviiah-zakliuchennyh-v-raznyh-stranah-privlekaiut-k-rabote.html> (дата обращения: 07.05.2024).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» КАК ИНСТРУМЕНТА КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ IMPROVEMENT OF OFFICIAL ELECTRONIC INFORMATION RESOURCES ON THE INTERNET AS A TOOL OF THE PERSONNEL POLICY OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

МУСАЛЕВА Анна Владимировна,

ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 А, стр. 1.
E-mail: musaleva.a@yandex.ru;

ЛАТЫПОВА Динара Мансуровна,

доцент кафедры уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России», кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы.
443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рыльская ул., д. 24 «В».
E-mail: dmyam@yandex.ru;

Musaleva Anna Vladimirovna,

is a leading researcher at the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal Correction System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Correction System of the Federal State Institution "Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of the Internal Service.
15A Narvskaya str., building 1, Moscow, Russia, 125130.
E-mail: musaleva.a@yandex.ru;

Latypova Dinara Mansurovna,

Associate Professor of the Department of Penal Enforcement Law and Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from society Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of the Internal Service, candidate of Law, lieutenant Colonel of the Internal Service.
443022, Samara region, Samara, Rylskaya str., 24 «V».
E-mail: dmyam@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается официальный интернет-сайт как элемент системы информационного обеспечения о деятельности ФСИН России и как инструмент привлечения будущего кандидата на вакантную должность или в качестве абитуриента ведомственной образовательной организации ФСИН России. В статье анализируются принципы работы имеющихся сайтов с целью выявления как положительных аспектов их работы, так и недостатков в сфере привлечения кандидатов на занимаемые должности сотрудника ФСИН России. На основе проведенного мониторинга сайтов на предмет наличия информации об имеющихся вакансиях отмечается отсутствие единообразного подхода к оформлению раздела «Вакансии» и предлагаются критерии, которым должна отвечать размещаемая информация. В статье отмечается, что создание официальных страниц в социальных сетях ФСИН России, ТО ФСИН России, УНП ФСИН России и ведомственных ВУЗов послужило бы дополнительным ресурсом информации о вакансиях и поступлении в ведомственные ВУЗы для будущих работников УИС. Как вариант привлечения кандидатов на вакантные должности выступает создание отдельных сайтов вакансий ТО ФСИН России, УНП ФСИН России и ведомственных ВУЗов.

Abstract. The article considers the official website as an element of the information support system for the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia and as a tool for attracting a future candidate for a vacant position or as an applicant for a departmental educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia. The article analyzes the principles of operation of existing sites in order to identify both the positive aspects of their work and the shortcomings in attracting candidates for the positions of an employee of the Federal Penitentiary Service of Russia. Based on the monitoring of sites for the availability of information about available vacancies, the lack of a uniform approach to the design of the "Vacancies" section is noted and criteria are proposed that the posted information should meet. The article notes that the creation of official pages on social networks of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, the UNP of the Federal Penitentiary Service of Russia and departmental universities would serve as an additional resource for information about vacancies and admission to departmental universities for future employees of the UIS. As an option to attract candidates for vacant positions, the creation of separate job sites for the Federal Penitentiary Service of Russia, the UNP of the Federal Penitentiary Service of Russia and departmental universities acts.

Ключевые слова: ФСИН России, кадровый состав, сеть Интернет, официальный сайт, вакансии, страница сайта, гиперссылка, информация.

Keywords: Federal Penitentiary Service of Russia, personnel, Internet, official website, vacancies, website page, hyperlink, information.

Для цитирования: Мусалева А.В., Латыпова Д.М. Совершенствование официальных электронных информационных ресурсов в сети «Интернет» как инструмента кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 551-555. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_551.

For citation: Musaleva A.V., Latypova D.M. Improvement of official electronic information resources on the Internet as a tool of the personnel policy of the Federal Penitentiary Service // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 551-555. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_551.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Деятельность ФСИН России по поддержке своего информационного представительства в сети Интернет осуществляется в целях обеспечения общедоступности открытых государственных информационных ресурсов¹.

Официальный интернет-сайт (далее – сайт) является элементом системы информационного обеспечения деятельности ФСИН России² и первоначальным инструментом коммуникации ФСИН России как работодателя и будущего кандидата на вакантную должность или абитуриента ведомственного ВУЗа – образовательной организации ФСИН России. Поэтому от того, насколько сайт удобен, функционален и информативен, зависит поток новых посетителей – в перспективе будущих работников УИС.

Для выполнения этих условий необходимо учитывать следующие принципы организации работы сайта:

– восприятие: простая структура сайта, удобная навигация, содержимое сайта и компоненты пользовательского интерфейса представлены таким образом, чтобы пользователь мог различить и воспринять соответствующую информацию; исследования показали, что лучше пользователи воспринимают информацию, размещенную слева, основное внимание концентрируется в левом верхнем углу, там лучше размещать важную информацию;

– функциональность: компоненты пользовательского интерфейса и навигация сайта должны функционировать так, чтобы технические и программные особенности сайта не вызывали затруднений при работе;

– доступность: ясность и простота представляемой информации, а также четкие и логичные навигационные механизмы.

Перечень и категории информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» о деятельности ФСИН России, регламентируются законодательством, в котором размещается, в том числе, информация о кадровом обеспечении ФСИН России³.

Структура и содержание информационных ресурсов интернет-сайта определяются ФСИН России⁴.

Анализируя сайт ФСИН России и выборочно сайты территориальных органов ФСИН России (далее – ТО ФСИН России), учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России (далее – УНП ФСИН России), ведомственных ВУЗов можно констатировать, что структура сайтов, на первый взгляд, единообразна. Так, все разделы сайта расположены вертикально с левой стороны главной страницы сайта. Разделы распределены по двум блокам: верхний блок голубого цвета и нижний блок серого цвета. Разделы включают в себя вкладки. Наполнение верхнего и нижнего блоков разделами определяется самостоятельно ФСИН России, ТО ФСИН России, УНП ФСИН России или ведомственными ВУЗами, поэтому могут отличаться друг от друга.

В рамках темы рассмотрим два раздела-блока на сайтах, содержащие информацию о вакансиях и ведомственных ВУЗах. Мониторинг оформления и наполнения сайтов ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственных ВУЗов на предмет имеющихся вакансий показал следующее.

Во-первых, на сайтах отсутствует единообразный подход к оформлению раздела «Вакансии». Так, на некоторых официальных сайтах ТО ФСИН России и УНП ФСИН России этот раздел выведен в качестве баннера на главную страницу сайта⁵, в других – является вкладкой, то есть скрыт в разных разделах «Служба в УИС», «Работа с кадрами», «Информация для сотрудников и абитуриентов»⁶, что затрудняет поиск конкретных вакансий потенциальным кандидатам, впервые обратившимся к сайту ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственного ВУЗа.

Во-вторых, вкладки с информацией о вакансиях некоторых сайтов имеют различные названия – «Вакансии», «Сведения о вакантных должностях», «Служба в УИС. Вакансии»; имеют различный шрифт написания.

В-третьих, разделы «Вакансии» размещены, в лучшем случае, в блоке серого цвета и далеко не на первом месте, либо скрыты в качестве вкладок в других разделах.

В-четвертых, наполнение рассматриваемых нами разделов информацией об имеющихся вакансиях различное. Некоторые сайты перед списком вакансий размещают объемный, сплошной текст о службе в УИС (условия приема на службу в УИС, социальные гарантии и денежное довольствие сотрудников, ограничения в приеме на службу в УИС и т.п.), что не вызывает визуального интереса и, возможно, не дает нужных результатов поиска⁷. Другие сайты ограничиваются перечислением вакантных должностей⁸. Третьи, и по нашему мнению, это наилучший вариант размещения информации, – размещают рекламу о вакансиях в достаточно удобной для восприятия форме, которая содержит название должности, соответствующее ей специальное звание, основные требования, предъявляемые к замещаемой должности, средний уровень денежного довольствия⁹. Некоторые ТО ФСИН России и УНП ФСИН России только размещают контакты отделов кадров учреждений и организаций ГУФСИН/УФСИН/ОФСИН России¹⁰.

С учетом вышеизложенного, оформление раздела «Вакансии» на сайтах ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, образовательными ор-

¹ Приказ ФСИН РФ от 06.06.2005 № 409 (ред. от 19.06.2009) «Об утверждении порядка информационной поддержки и структуры официального сайта ФСИН России в сети Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).

² Приказ ФСИН России от 20.09.2011 № 515 «О Порядке работы интернет-портала ФСИН России и его технического сопровождения» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024); Приказ ФСИН РФ от 06.06.2005 № 409 (ред. от 19.06.2009) «Об утверждении порядка информационной поддержки и структуры официального сайта ФСИН России в сети Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).

³ Указ Президента РФ от 10.08.2011 № 1071 (ред. от 08.04.2019) «Об утверждении перечня информации о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).

⁴ Приказ ФСИН РФ от 06.06.2005 № 409 (ред. от 19.06.2009) «Об утверждении порядка информационной поддержки и структуры официального сайта ФСИН России в сети Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).

⁵ Например, УФСИН России по Еврейской автономной области: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://79.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024).

⁶ Например, официальный сайт УФСИН России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://86.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024); официальный сайт ГУФСИН России по Красноярскому краю: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://24.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024); официальный сайт УФСИН России по Калужской области: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://40.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024).

⁷ Например, официальный сайт УФСИН России по г. Москве: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://77.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024).

⁸ Например, официальный сайт УФСИН России по Самарской области: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://63.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024).

⁹ Например, официальный сайт УФСИН России по Еврейской автономной области: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://79.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024); официальный сайт ГУФСИН России по Красноярскому краю: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://24.fsin.gov.ru/> (дата обращения 13.02.2024).

¹⁰ Например, официальный сайт ГУФСИН России по Челябинской области: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://74.fsin.gov.ru/> (дата обращения 20.02.2024).

ганизациям ФСИН России должно, по нашему мнению, отвечать следующим требованиям:

– размещение раздела «Вакансии» должно быть единообразно на всех сайтах ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственных ВУЗов; он должен быть размещен на главной странице в левом верхнем углу в блоке голубого цвета;

– вкладка должна иметь единообразное название, например, одно слово «ВАКАНСИИ» прописными буквами, как и остальные вкладки в блоке голубого цвета;

– содержание вкладки «Вакансии», возможно, удобнее было бы для восприятия посетителя сайта в виде таблицы, которая включала бы графы с названием должности, с указанием примерных должностных окладов, основных или квалификационных требований, предъявляемых к замещаемой должности;

– наличие актуальной информации о контактах (адреса электронной почты с активными гиперссылками, номера телефонов) по которым можно получить информацию по вопросу замещения вакантных должностей;

– достоверность и своевременное обновление размещаемой информации о вакансиях. Так, в соответствии Указом Президента Российской Федерации, информация размещается в течение трех рабочих дней со дня объявления должности вакантной и поддерживается в актуальном состоянии.

Оформление сайтов ТО ФСИН России, УНП ФСИН России на предмет информации об обучении в ведомственных ВУЗах также различно.

Рассмотрим только самые основные различия.

Обратимся к сайту ФСИН России. Вкладка «Образовательные организации» находится в разделе «Подведомственные организации и учреждения» на девятом месте. Причем все вкладки этого раздела расположены не в алфавитном порядке.

Во вкладке «Образовательные организации» перечислены в том числе: наименование ведомственных ВУЗов (а также сокращенное название); по каждому ВУЗу – почтовый адрес, гиперссылка на официальный сайт, адрес электронной почты, номера контактных телефонов, по которым можно получить справочную информацию. Резюмируем, что, по нашему мнению, это не совсем удачное содержание вкладки, поскольку оно является не полным и не предоставляет возможности посетителю сайта – возможно, будущему абитуриенту – получить весь необходимый объем информации в одном месте.

Некоторые сайты имеют только гиперссылки на сайты ведомственных ВУЗов. Возможно, и этот вариант размещения информации не удобен для посетителя сайта, поскольку сначала ему необходимо перейти на сайт ВУЗа. Затем уже на сайте ВУЗа искать информацию, касающуюся вступительных испытаний.

Наиболее полной можно считать информацию о ведомственных ВУЗах, к примеру, на сайте УФСИН России по республике Крым и г. Севастополю¹.

Раздел имеет название «Для поступающих в ВУЗы ФСИН России». Включает в себя таблицу «Информация о детализированной целевой квоте по каждой специальности и направлению подготовки в образовательных организациях высшего образования ФСИН России» (далее – таблица) с графами:

– ВУЗ ФСИН России, где указано наименование ВУЗа, гиперссылка на адрес сайта ВУЗа, информация об особенностях подбора поступающих на обучение в ведомственный ВУЗ (гиперссылка на информацию ВУЗа о приемной комиссии);

– код и наименование направления подготовки или специальности, квалификация;

– уровень высшего образования;

– срок обучения и форма обучения;

– необходимые результаты ЕГЭ;

– квота приема на целевое обучение, в том числе лиц женского пола.

Таким образом, размещение информации о ведомственных ВУЗах на сайтах ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, должно соответствовать, по нашему мнению, двум основным критериям:

– раздел имеет единообразное название, к примеру, «Для поступающих в ВУЗы ФСИН России» и расположен в ячейке голубого цвета после раздела «Вакансии»;

– содержание раздела включает в себя таблицу с названием «Информация о детализированной целевой квоте по каждой специальности и направлению подготовки в образовательных организациях высшего образования ФСИН России».

Однако не только сайты ФСИН России, ТО и УНП ФСИН России могут служить площадкой для размещения информации о вакансиях и ведомственных ВУЗах.

ФСИН России является частью Интернет-пространства и имеет возможность создавать аккаунты в социальных сетях, являясь объектом внимания Интернет-пользователей.

Социальные сети – это онлайн-платформы, предназначенные для установления сотрудничества лиц, которые имеют одинаковые интересы в сети Интернет. В отличие от мессенджеров, предназначенных для обмена сообщениями в реальном времени, социальные сети обычно поддерживают возможность транслировать аудио-, фото- и видеoinформацию во всеобщий доступ, а также потреблять контент, произведенный

¹Официальный сайт УФСИН России по республике Крым и г. Севастополю: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krim.fsin.gov.ru/> (дата обращения 22.02.2024).

иными лицами.

Сегодня социальные сети как основной источник информации воспринимают 56 % граждан России и пользуются ими регулярно (то есть «ежедневно», «практически ежедневно» и «несколько раз в неделю»). Наиболее активными пользователями являются лица в возрастном диапазоне от 18 до 24 лет – 85 %, которые посещают социальные сети «ежедневно или практически ежедневно»¹. Таким образом, можно констатировать, что значительная часть будущих потенциальных работников УИС, могут получать нужную им информацию о вакансиях и обучении в ведомственных ВУЗах, в том числе из социальных сетей.

На сегодняшний день существует множество социальных сетей. Рассмотрим те из них, которые разрешены на территории России. По итогам 2023 года Вконтакте стал самой популярной соцсетью, которой пользуются – 89 % опрошенных респондентов. Далее «Одноклассники» – 36 %, «Дзен» – 35 %, RuTube – 22 %².

Telegram, давно ставший больше, чем просто мессенджер, в реестр социальных сетей на сегодняшний день не включен. Однако им пользуются 91 % опрошенных респондентов.

На сегодняшний день в большинстве своем официальные страницы в социальных сетях ТО ФСИН России, УНП ФСИН России отсутствуют. Ведомственные ВУЗы обладают страницами в социальной сети Вконтакте и успешно ведут их. Подлинность всех страниц ведомственных ВУЗов подтверждены через Госуслуги. Однако сайты не всех ВУЗов содержат действующие гиперссылки на эти страницы.

В качестве положительного примера можно отметить сайт ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России (Самарский юридический институт ФСИН России), при открытии которого³ на главной странице по центру на фотографии буклета для абитуриентов и их родителей размещен QR-код для перехода на аккаунт социальной сети Вконтакте (QR-код – штрих код, с помощью которого предоставляется информация для быстрого ее распознавания с помощью наведения на него камеры мобильного телефона).

В связи с этим полагаем, что создание официальных страниц в социальных сетях ФСИН России, ТО ФСИН России, УНП ФСИН России и ведомственных ВУЗов послужило бы дополнительным ресурсом информации о вакансиях и поступлении в ведомственные ВУЗы для будущих работников УИС. Ссылки на аккаунты социальных сетей должны быть отражены на сайтах ФСИН России, ТО ФСИН России, УНП ФСИН России и ведомственных ВУЗов.

В связи с этим рекомендуется:

- размещать информацию о вакансиях на стене сообщества Вконтакте;
- регулярно обновлять информацию, поскольку пользователь в данном случае получает специальное уведомление на мобильное устройство либо «всплывающее» сообщение на мобильный компьютер;
- использовать средства повышения выразительности сообщений (качественных фото, видеороликов, посвященных службе);
- целесообразно использовать специальные чат-боты, позволяющие работать с ними пользователю через сообщения с сообществом Вконтакте. Задавая вопросы чат-боту, пользователь имеет возможность уточнить интересующую его информацию без необходимости перехода к личному контакту с представителем организации;
- крайне положительно размещать положительные комментарии выпускников ВУЗов, курсантов, сотрудников под объявлениями о вакансиях либо информацией для абитуриентов с возможностью их модерации со стороны администратора сообщества.

Рассмотрим следующий вариант привлечения кандидатов на вакантные должности в ФСИН России – создание отдельных сайтов вакансий

ТО ФСИН России, УНП ФСИН России и ведомственных ВУЗов.

Положительным примером для ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственных ВУЗов может служить отдельный сайт «Работа в ФКУ НИИИТ ФСИН России» научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России⁴ (далее – институт информационных технологий). Доступный в понимании, удобный и информативный он размещает на главной странице общую краткую информацию об институте и вкладки «Преимущества», «Вакансии», «О нас», «Работа», «Контакты». Каждая из вкладок содержит необходимый объем информации. В свою очередь вкладка «Вакансии» включает: перечень вакантных должностей; по каждой вакансии – ее название, требуемый опыт работы, размер заработной платы, обязанности по должности, необходимые компетенции (образование, категория годности по здоровью), личные качества, условия приема на службу. В случае возникновения вопросов посетитель сайта их может задать либо по телефону, либо путем отправки электронного письма – вся необходимая информация содержится во вкладке «Контакты». Сайт «Работа в ФКУ НИИИТ ФСИН России» также содержит гиперссылку на сайт института информационных технологий.

Существенным «минусом», по нашему мнению, является отсутствие гиперссылки на сайте института информационных технологий на сайт «Работа в ФКУ НИИИТ ФСИН России». Возможно, если сайт института информационных технологий будет содержать действующую гиперссылку на сайт «Работа в ФКУ НИИИТ ФСИН России», это увеличит шансы большего просмотра кандидатами вакансий с дальнейшей перспективой их трудоустройства.

Однако в целом вариант создания отдельных сайтов вакансий всех ТО ФСИН России, УНП ФСИН России и ведомственных ВУЗов

¹ Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии // Аналитический центр Юрия Левады. Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр). 2019. №3-4 (129), с. 42.

² Режим доступа: <https://iom.anketolog.ru/2023/11/19/v-socsetyah-rossiyane-provodyat-bol-she-vremeni>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 22.02.2024).

³ Режим доступа: <https://sui.fsin.gov.ru/index.php>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 22.02.2024).

⁴ Режим доступа: <https://vacancy-niit.tilda.ws>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.03.2024).

ФСИН России (при условии наличия гиперссылок на сайты) нам видится удачным.

Возможно, также будет уместным применение кросспостинга вакансий – способ размещения вакансий сразу на нескольких сайтах или площадках для получения большого количества откликов и контактов.

То есть в рамках научного исследования, можно предложить следующие схемы размещения вакансий на сайтах:

– раздел «Вакансии» основного сайта ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственных ВУЗов содержит список вакансий с гиперссылкой на сайт вакансий ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственных ВУЗов, а сайт вакансий – перечень вакантных должностей; по каждой вакансии – ее название, требуемый опыт работы, размер заработной платы, обязанности по должности, необходимые компетенции (образование, категория годности по здоровью), личные качества, условия приема на службу. Дополнительно раздел «Вакансии» сайта ФСИН России содержит гиперссылки сайтов вакансий всех ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, ведомственных ВУЗов.

– отдельный сайт «Вакансии ФСИН России», где размещена информация по вакансиям всех ТО ФСИН России, УНП ФСИН России, Ведомственных Вузов.

Библиография:

1. Приказ ФСИН РФ от 06.06.2005 № 409 (ред. от 19.06.2009) «Об утверждении порядка информационной поддержки и структуры официального сайта ФСИН России в сети Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).
2. Приказ ФСИН России от 20.09.2011 № 515 «О Порядке работы интернет-портала ФСИН России и его технического сопровождения» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024); Приказ ФСИН РФ от 06.06.2005 № 409(ред. от 19.06.2009) «Об утверждении порядка информационной поддержки и структуры официального сайта ФСИН России в сети Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).
3. Указ Президента РФ от 10.08.2011 № 1071 (ред. от 08.04.2019) «Об утверждении перечня информации о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).
4. Приказ ФСИН РФ от 06.06.2005 № 409 (ред. от 19.06.2009) «Об утверждении порядка информационной поддержки и структуры официального сайта ФСИН России в сети Интернет» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 21.02.2024).
5. Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии // Аналитический центр Юрия Левады. Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр). 2019, №3-4 (129), с. 42.

References:

1. Order of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation dated 06.06.2005 No. 409 (ed. dated 06.06.2009) "On approval of the procedure for information support and structure of the official website of the Federal Penitentiary Service of Russia on the Internet" // SPS Consultant Plus (date of application 02/21/2024).
2. Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 09/20/2011 No. 515 "On the Operating Procedure of the Internet portal of the Federal Penitentiary Service of Russia and its technical support" // SPS Consultant Plus (accessed 02/21/2024); Order of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation dated 06.06.2005 No. 409 (ed. dated 06/19/2009) "On approval of the procedure for information support and the structure of the official website of the Federal Penitentiary Service of Russia on the Internet" // SPS Consultant Plus (accessed 02/21/2024).
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 1071 dated 08.08.2011 (ed. dated 08.04.2019) "On approval of the list of information on the activities of the Federal Penitentiary Service posted on the Internet Information and Telecommunications network // SPS Consultant Plus (date of application 02/21/2024).
4. Order of the Federal Penitentiary Service of 06.06.2005 No. 409 (ed. from 06/19/2009) "On approval of the procedure for information support and the structure of the official website of the Federal Penitentiary Service of Russia on the Internet" // SPS Consultant Plus (accessed 02/21/2024).
5. Bulletin of Public Opinion. Data, analysis, discussions // The Analytical center of Yuri Levada. Interdisciplinary Academic Center for Social Sciences (Intercenter). 2019, No.3-4 (129), p. 42.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ SOCIAL AND LEGAL CONDITIONALITY OF CRIMINALIZATION OF ILLEGAL ACTIVITIES FOR THE REPAYMENT OF OVERDUE DEBTS OF INDIVIDUALS

НИКИТИН Константин Игоревич,

адъюнкт Академии управления МВД России.

Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: mister.konstantin.nikitin@mail.ru;

NIKITIN Konstantin Igorevich,

post graduate student Academy of Management of the MIA of Russia,

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: mister.konstantin.nikitin@mail.ru;

Научный руководитель:

ИЩУК Ярослав Григорьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовной политики,

Академия управления МВД России.

Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: mister.konstantin.nikitin@mail.ru;

Scientific supervisor:

ISHCHUK Yaroslav G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Policy,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: mister.konstantin.nikitin@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу социально-правовой обусловленности криминализации деяния, предусмотренного за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Раскрыты цель и основания криминализации данного деяния с социально-правовой точки зрения. Особое внимание автор уделит принципам криминализации и их соответствием с решением законодателя об установлении уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the socio-legal conditionality of criminalization of an act provided for the illegal implementation of activities for the repayment of overdue debts of individuals. The purpose and grounds of criminalization of this act from a socio-legal point of view are revealed. The author paid special attention to the principles of criminalization and their compliance with the decision of the legislator on the establishment of criminal liability for illegal activities for the repayment of overdue debts of individuals.

Ключевые слова: криминализация, пенализация, социально-правовая обусловленность, просроченная задолженность, незаконное осуществление деятельности, коллекторские агентства, взыскание.

Keywords: criminalization, penalization, social and legal conditionality, overdue debt, illegal activity, collection agencies, collection.

Для цитирования: Никитин К.И. Социально-правовая обусловленность криминализации незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 556-559. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_556.

For citation: Nikitin K.I. Social and legal conditionality of criminalization of illegal activities for the repayment of overdue debts of individuals // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp.556-559. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_556.

Статья поступила в редакцию: 07.08.2024

Дата публикации: 03.10.2024

На современном этапе развития финансово-кредитных отношений между гражданами России и организациями банковской сферы неуклонно увеличивается закредитованность населения, что неизбежно приводит к формированию просроченной задолженности. Так, за 10 лет (2010 - 2019 гг.) сумма выданных кредитов выросла почти в пять раз (с 2,5 триллионов рублей до 12,3 триллиона). Динамика последних 5 лет (2019 - 2023 гг.) свидетельствует о стабильном росте закредитованности граждан Российской Федерации: в 2023 г. общий объем выданных россиянам кредитных продуктов составил в денежном исчислении более 16,8 триллионов рублей, что на более 36% больше по сравнению с 2019 г.

Для взыскания просроченных задолженностей созданы коллекторские агентства, в полномочия которых входит взыскание сумм задолженностей с заемщиков, уклоняющихся от выполнения условий кредитных договоров.

В целях обеспечения правовой защиты граждан и во избежание применения противозаконных методов представителями коллекторских агентств законодатель пошел по пути криминализации таких форм взыскания и криминализировал подобные действия, тем самым встав на защиту прав и законных интересов заемщиков, имеющих задолженности (обязательства) перед банками (кредиторами).

Основной целью криминализации незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц является эффективное противодействие коллекторским агентствам, использующим противоправные методы взыскания, уголовно-правовыми средствами. В 2023 г. Федеральным законом от 10.07.2023 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в Уголовный кодекс Российской Федерации введена соответствующая законодательная новелла – ст. 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц».

В связи с этим, прежде чем говорить о социально-правовой обусловленности криминализации незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц, следует раскрыть сущность этого понятия.

Криминализация – это, согласно определению Ю.И. Бытко¹, процесс признания деяний преступлениями. Для криминализации деяния, как отмечал Г. Кайзер, требуется признание деяния преступлением с социальной точки зрения². Таким образом, только после сопоставления его как социального преступления происходит формальное закрепление и установление уголовной ответственности за совершение данного общественно опасного деяния. Закрепление деяния как преступления требуется для профессиональных участников юридических правоотношений, для общества же актуально социальное признание этого деяния преступлением.

Под криминализацией, по мнению И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеева следует понимать обусловленный социально-правовыми обстоятельствами политический процесс, заключающийся в выявлении, описании, фиксации и пенализации отдельных форм индивидуального поведения³.

Трактовка понятия *основания криминализации* предполагает, что в материальной и духовной жизни общества происходят такие процессы, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей, то есть основания криминализации – это то, что создает действительную потребность в уголовно-правовой новелле, внутренняя необходимость возникновения правовой нормы⁴.

Во многом соглашаясь с изложенными выше утверждениями, отметим:

– криминализация – это научно-обоснованный юридический процесс, в ходе которого определенные действия или бездействия признаются преступными и устанавливают уголовную ответственность. Процесс установления ответственности называется – пенализация;

– криминализация деяния является последовательным процессом, охватывающим социальное и правовое измерения;

– криминализация является инструментом государственной политики, направленным на охрану и обеспечение безопасности общества путем предотвращения и наказания преступных деяний;

– криминализация с точки зрения уголовной политики – это деятельность уполномоченных государственных органов по признанию отдельных деяний общественно-опасными и установлению за них уголовной ответственности, что влечет за собой запрет совершения криминализованных деяний.

На современном этапе отмечается криминализация отдельных видов противоправных действий в экономической сфере, связанная с посягательствами, обусловленными незаконным осуществлением деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. В этой связи необходимо говорить о проблемах действующего законодательства в сфере финансово-кредитных отношений, так как механизм возврата денежных средств с заемщиков до конца не проработан. В том числе не проработано и правовое регулирование, предусматривающее юридическую ответственность для лиц (сотрудников коллекторских организаций), осуществляющих возврат просроченной задолженности, что не позволяет полностью разрешить нависшую проблему, связанную с возвратом денежных средств в полной мере кредитным организациям, что приводит их преступать рамки законодательных норм.

С экономической точки зрения претерпевание коллекторами мер административного, дисциплинарного и гражданского характера выгоднее, чем отказ (даже при превышении ими законных мер) от возможной прибыли при осуществлении своей деятельности.

Следствием сложившейся ситуации стало решение законодателя криминализировать незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности и 21.07.2023 года в Уголовный кодекс РФ была введена уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (ст. 172.4 УК РФ).

Обозначенная деятельность носит незаконный характер в случаях, когда она противоречит нормам действующего законодательства к осуществлению указанного вида деятельности. Согласно ч. 1 ст. 172.4 уголовная ответственность наступает не за любое нарушение закона при осуществлении возврата просроченной задолженности физических лиц. Уголовная ответственность наступает только в случае: 1. Угрозы применения насилия; 2. Угрозы уничтожения или повреждения имущества; 3. Угрозы распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких; 4. Распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких. Следовательно, законодатель при криминализации деяния обозначил узкий круг деятельности, за которую установлена уголовная ответственность.

Рассмотрим конкретные социально-правовые факторы, обусловившие криминализацию незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности. Исходя из пояснительной записки к законопроекту № 154487-8⁵ следует, что законодатель при принятии ст. 172.4 УК РФ учитывал следующие факторы:

1. Правовой фактор – невозможность привлечения к уголовной ответственности за угрозу совершения деяния. До введения нормы закона в действие уже осуществлялось привлечение к уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности. К уголовной ответственности привлекали по:

- ст. 119 УК РФ – угроза убийства или причинения тяжкого вреда здоровью;
- ст. 128.1 УК РФ – клевета;
- ст. 137 УК РФ – нарушение принципа неприкосновенности частной жизни;
- ст. 139 УК РФ – нарушение неприкосновенности жилища;
- ст. 163 УК РФ – вымогательство;

¹ Бытко Ю.И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник СГЮА. - 2016. - №6 (113). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-kak-vazhneyshaya-sostavlyayushchaya-ugolovnoy-politiki> (дата обращения: 17.02.2024).

² Кайзер Г. Криминология. Введение в основы / пер. с нем.; предисл. К.Ф. Скворцова. М.: Юридическая литература, - 1979. - С. 97.

³ Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Криминализация: баланс политического и социального? // Российский следователь. - 2022. - № 5. - С. 28 - 31.

⁴ Основания уголовно-правового запрета: криминализации и декриминализация / коллектив авторов, отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Н. Яковлев. - М.: Наука, 1982. - С. 204-205.

⁵ Законопроект № 154486-8 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 28.02.2024)

— ст. 330 УК РФ – самоуправство.

Следовательно, деяние, которое признано противоправным при введении ст. 172.4 УК РФ ранее уже признавалось противоправным, за него привлекали к уголовной ответственности. Однако уголовная ответственность наступала за иные преступления, со схожим составом. Данный фактор является правовым и лег в основу криминализация незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности.

Законодатель, исходя из юридической сложности привлечения к уголовной ответственности по обозначенным статьям УК РФ, внес новую норму. Сложность заключалась в том, что составы преступления по обозначенным статьям хоть и схожи частично с деянием в части незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности, но имели определенные различия, которые препятствовали соблюдению принципа справедливости уголовного права. Необходимость выделения самостоятельной статьи была вызвана тем, что в обозначенных статьях уголовная ответственность наступала только за совершенные преступления, но не за угрозу их совершения.

Введение статьи 172.4 УК РФ является своего рода введением промежуточной уголовной ответственности до применения норм статей УК РФ, предусматривающих более тяжкое наказание, таких как ст. 119, 137, 163 УК РФ. Мотивы и способы совершения преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 172.4 УК РФ отличаются от более тяжких составов преступления, что влечет за собой необходимость установления более мягких видов наказания.

2. Социальный фактор – недовольство граждан, выраженное в количестве жалоб на нарушение ФЗ № 230-ФЗ. Как указывали авторы законопроекта в течение 3-х лет, предшествующих подготовке законопроекта, в ФССП России поступило 78 338 жалоб от граждан, что является значимым фактором для проявления реакции со стороны органов власти. Большое количество жалоб свидетельствует о том, что закон нарушается, и действующий механизм правового регулирования не позволяет обеспечить должную защиту от действий по взысканию просроченной задолженности.

Законодатель обозначает, что взыскание просроченной задолженности – гражданско-правовые отношения. Стороны не могут и не должны выходить за пределы гражданско-правовых отношений, в противном случае должна наступать административная ответственность, предусмотренная ст. 14.57 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ¹). Однако статья 14.57 КоАП РФ является слишком мягкой мерой ответственности за некоторые деяния, чем и была вызвана необходимость ее криминализации и внесения в действующий УК РФ.

Пояснительная записка к законопроекту не содержала более никаких факторов, вызвавших необходимость криминализации незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности. При этом стоит отметить, что законопроект находился на рассмотрении более 3 лет (внесен в 2020 году, фактически принят и вступил в силу в июле 2023 года).

При внесении законопроекта он получил категорично негативный отзыв со стороны Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, согласно позиции ВС РФ первоначальная редакция законопроекта полностью включала в себя составы преступлений уже обозначенных имеющихся статей УК РФ, что, по мнению ВС РФ было нецелесообразным. Также ВС РФ указывал, что исходя из диспозиции предлагаемой статьи 172.4 УК РФ не следует, кто конкретно может быть определен как субъект преступления и в чем будет заключаться объект преступления.

Указанные социальные и правовые факторы для криминализации незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности были достаточными для введения ст. 172.4 УК РФ, с точки зрения парламента. Само общественно опасное деяние, содержащее в себе незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности существует объективно независимо от ст. 172.4 УК РФ. Осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности может быть незаконным при нарушении норм Конституции РФ, уголовного законодательства, гражданского законодательства, а также иного законодательства. За нарушение законодательства при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности может наступать не только уголовная ответственность, но также административная, гражданско-правовая, дисциплинарная. Уголовная ответственность – наиболее тяжелая форма ответственности. Следовательно, факторы для криминализации деяния, т.е. назначения за деяние именно уголовной ответственности, также должны быть существенными.

Л.М. Прокументов указывает, что основанием для криминализации должно выступать субъективное отношение общества к деянию, признавая его общественно опасным². Иными словами, автор указывает, что для криминализации деяния достаточно, что общество считает, что за данное деяние необходимо вводить уголовную ответственность. Следовательно, при введении ст. 172.4 УК РФ учитывалось в большей степени не тяжесть деяния и его общественная опасность, а отношение общества к нему. Законодатель, возможно, вводя ст. 172.4 УК РФ рассчитывал не на закрытие законодательного пробела в праве, а на общественный резонанс: положительный эмоциональный отклик общества, не имеющий под собой целью реальное применение ст. 172.4 УК РФ.

Рассмотрим иные социально-правовые факторы, которые в настоящий момент не признаны законодателем достаточными, для криминализации рассматриваемого деяния. Сама по себе деятельность по возврату просроченной задолженности в большей степени заключается в следующем: Известно, что одним из признаков преступности, как социального явления, именуется массовость данного деяния. Массовость деяния, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, предполагает множество преступлений, за которые предусмотрена ответственность именно по ст. 172.4 УК РФ. Она позволяет отследить закономерности преступности количественного и качественного характера, чем способствует анализ статистических данных, как отмечал В.Б. Клишков³. Массовость взятых гражданами кредитов ведет к нарушению условий договора и просрочкам плате-

¹ "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // РГ. - № 256. - 2001

² Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2014. - №4 (14). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovanie-kriminalizatsii-dekriminalizatsii-deyaniy> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-ee-osnovnye-harakteristiki-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 14.04.2024).

жей, т.к. бремя денежных обязательств является непосильным. Увеличение числа взятых на себя кредитных обязательств порождает увеличение количества уступок права требования банками коллекторским агентствам, что в свою очередь порождает увеличение нарушений законодательства при взыскании просроченной задолженности. Обозначенный довод свидетельствует о необходимости увеличения уровня защиты государством граждан при взыскании с них просроченной задолженности коллекторами.

Немаловажно сказать о том, что криминализация незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц была введена в 2023 году. Вместе с тем сегодня отсутствует судебная практика по привлечению к уголовной ответственности с применением данной нормы уголовного законодательства.

Однако, на сегодняшний день мы имеем официальную статистику по факту незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц только по регистрируемым преступлениям.

Согласно данной статистики ГИАЦ МВД России в 2023 году зарегистрировано 25 преступлений в данной сфере, в том числе приостановлено 14 уголовных дел ввиду отсутствия лиц, совершивших преступные деяния.

Отсутствие судебной практики по ст. 172.4 УК РФ свидетельствует о необходимости анализа эффективности данной нормы. По данным Российской Газеты количество жалоб на действия коллекторов в 2022 году выросло, по сравнению с количеством, зарегистрированным в 2021 году¹. Также на 40% увеличился общий объем денежных штрафов, по административным наказаниям в отношении коллекторов. По официальным данным за 2023 год количество жалоб на действия коллекторов увеличилось на 33% относительно данных, зарегистрированных в 2022 году, количество обоснованных жалоб увеличилось на 5% относительно данных 2022 года².

При этом стоит отметить позицию правоприменителя: ВС РФ высказался однозначно и официально, что не считает целесообразным криминализацию незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности в редакции, внесенной в ст. 172.4 УК РФ, на основании исследованного официального отзыва ВС РФ³.

В целом можно отметить, что уровень социальной напряженности при взыскании просроченной задолженности требовал введения санкций государства за наиболее суровые действия коллекторов. Законодатель, выделяя уголовную ответственность специально для коллекторов в первую очередь удовлетворял потребности общества в получении обратной связи от государства. В этой связи можем сделать выводы, что, вводя в уголовный закон статью 172.4, законодатель тем самым основной функцией данной статьи подразумевает предупредительные (профилактические) меры воздействия на незаконные действия коллекторских агентств по возврату просроченной задолженности физических лиц. Другими словами, данная статья должна носить мощный профилактический эффект под угрозой уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных данной уголовно-правовой нормой.

Библиография:

1. Бытко Ю.И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник СГЮА. - 2016. - №6 (113).
2. Кайзер Г. Криминология. Введение в основы / пер. с нем.; предисл. К.Ф. Скворцова. М.: - Юридическая литература, - 1979. - С. 97.
3. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Криминализация: баланс политического и социального? // Российский следователь. - 2022. - № 5. - С. 28-31.
4. Основания уголовно-правового запрета: криминализации и декриминализации / коллектив авторов, отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.Н. Яковлев. - М.: Наука, 1982. - С. 204-205.
5. Законопроект № 154486-8 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 28.02.2024) - текст электронный.
6. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // РГ. - № 256. - 2001
7. Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2014. - №4 (14).
8. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №4 (68).
9. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // Право и цифровая экономика. - 2021. - № 1. - С. 5 - 12.
10. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 07.09.2020 № 4-BC-45550/20 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 28.05.2024) - текст электронный.

References:

1. Bytko Yu.I. Criminalization as the most important component of criminal policy // Bulletin of the SSU. - 2016. - №6 (113).
2. Kaiser G. Criminology. Introduction to the basics / trans. from German; preface by K.F. Skvortsova. M.: - Legal literature, - 1979. - p. 97.
3. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. Criminalization: the balance of political and social? // Russian investigator. - 2022. - No. 5. - pp. 28-31.
4. The grounds of the criminal law prohibition: criminalization and decriminalization / collective of authors, ed. V.N. Kudryavtsev, A.N. Yakovlev. - M.: Nauka, 1982. - pp. 204-205.
5. Draft Law No. 154486-8 On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (date of access: 02/28/2024) - electronic text.
6. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 12/25/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 03/01/2024) // WG. - No. 256. - 2001
7. Prokumentov L.M. The basis of criminalization (decriminalization) of acts // Vestn. Volume of the State University. Right. - 2014. - №4 (14).
8. Klishkov V.B., Pasyнков V.V., Stebeneva E.V. Crime and its main characteristics at the present stage // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. №4 (68).
9. Fedorov A.V. Criminal liability of legal entities and the digital economy // Law and the digital economy. - 2021. - No. 1. - pp. 5-12.
10. Official review of the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated 07.09.2020 No. 4-VS-45550/20 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (date of access: 05/28/2024) - electronic text.

¹ Количество жалоб на коллекторов выросло на 20 процентов // <https://rg.ru/2023/03/04/kolichestvo-zhalob-na-kollektorov-vyroslo-na-20-procentov.htm> (дата обращения: 14.04.2023)

² Приставы зафиксировали резкий рост обоснованных жалоб на взыскание долгов. С чем это связано? // [https://www.rbc.ru/finances/12/02/2024/65c354fa9a7947c9d5c5b607#:~:text=%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B1%D0%B0%20%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%20\(%D0%A4%D0%A1%D0%A1%D0%9F\),%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%BD%20\(36%2C13%20%D1%82%D1%8B%D1%81.\)](https://www.rbc.ru/finances/12/02/2024/65c354fa9a7947c9d5c5b607#:~:text=%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B1%D0%B0%20%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%20(%D0%A4%D0%A1%D0%A1%D0%9F),%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B7%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%BD%20(36%2C13%20%D1%82%D1%8B%D1%81.)) (дата обращения: 14.04.2023).

³ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 07.09.2020 № 4-BC-45550/20 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8> (дата обращения: 28.05.2024).

**СПОСОБЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ КРАЖ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ
КОМПОНЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
METHODS OF PENETRATION DURING THE COMMISSION OF THEFTS:
THE CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF SUBSTANTIVE COMPONENTS OF FORENSIC CHARACTERISTICS**

ОСИПОВ Данила Денисович,

старший преподаватель кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: proff-mast@mail.ru;

Osipov Danila Denisovich,

senior lecturer Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ положений отечественной криминалистической доктрины по дискуссионным вопросам атрибутивных и содержательных компонентов криминалистической характеристики краж. Исследуются мнения и подходы отечественных специалистов по вопросам сущностного содержания вышеупомянутой доктринальной категории, обозначены проблемы теоретического и прикладного характера, представлены алгоритмы их разрешения в обозримой перспективе. Актуальность темы публикации детерминирована устойчивым ростом количественных и качественных показателей национальной преступности против отношений собственности, что в конечном счете предопределяет необходимость модернизации отдельных положений криминалистической методики расследования преступлений. Теоретическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования в ходе дальнейших научных разработок по вопросам атрибутивных и содержательных свойствах исследуемого научного явления.

Abstract: The article analyzes the provisions of the Russian criminalistic doctrine on controversial issues of attributive and substantive components of the criminalistic characteristics of thefts. The opinions and approaches of domestic experts on the issues of the essential content of the above-mentioned doctrinal category are studied, problems of a theoretical and applied nature are identified, algorithms for their resolution in the foreseeable future are presented. The relevance of the topic of the publication is determined by the steady increase in quantitative and qualitative indicators of crimes against property relations, which ultimately determines the need to modernize certain provisions of the criminalistic methodology of crime investigation. The theoretical significance of the research results lies in the possibility of their use in the course of further scientific research of the attributive and meaningful properties of the phenomenon under study.

Ключевые слова: кража, преступление, расследование, криминалистическая характеристика, информационная модель преступления, место совершения преступления, время совершения преступления, орудие совершения преступления, средство совершения преступления, обстановка совершения преступления.

Keywords: theft, crime, investigation, criminalistic characteristics, information model of the crime, place of commission of the crime, time of commission of the crime, instrument of commission of the crime, means of commission of the crime, the situation of commission of the crime.

Для цитирования: Осипов Д.Д. Способы проникновения при совершении краж: современное состояние и перспектива развития содержательных компонентов криминалистической характеристики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 560-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_560.

For citation: Osipov D.D. Methods of penetration during the commission of thefts: the current state and prospects for the development of substantive components of forensic characteristics // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 560-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_560.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Традиционно кража воспринимается доктринальным сообществом как один из наиболее древних видов общественно-опасных посягательств. Первые упоминания о тайном хищении чужого имущества встречаются в ключевых правовых источниках и памятниках права, определяющих государственно-правовую окраску общества и государства, к числу таковых в отечественной историко-правовой науке можно отнести положения Русской правды и др. В эпоху раннего Средневековья термин кража подменялся воровством, коим обозначалось всякое общественно-опасное деяние, посягающее на отношения собственности.

В современном восприятии, тогда кража обозначалась татьбой. Историко-правовой экскурс, в контексте настоящего исследования, позволяет автору на основе такого анализа выработать более совершенные компоненты криминалистической характеристики исследуемого общественно-опасного деяния, что в конечном счете позволит существенным образом оптимизировать процессуальную и криминалистическую деятельность органов предварительного расследования.

Между тем, сущностное восприятие краж с течением времени существенным образом изменилось. Во многом, такое положение дел детерминировано господствующими в обществе духовно-нравственными и социально-экономическими формациями, определяющими уклад общественной и государственной жизни, а также отношение человека, в широком смысле слова, к данному противоправному деянию и его последствиям.

Несмотря на это, государственный интерес к вопросам противодействия тайным хищениям в различные периоды становления общества и государства был традиционно высок, поскольку данное преступление в первую очередь причиняет вред экономическим правоотношениям,

состоящим в плоскости категории экономической безопасности государства. В связи с чем, выработка механизмов противодействия тайным хищениям имеет высокоприоритетное значение.

В значительной степени успех в расследовании вышеупомянутых общественно-опасных деяний детерминирован эффективностью и качеством первоначальных оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. В рамках их производства должностными лицами должен быть выработан наиболее оптимальный план поиска лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние и предполагаемых каналов сбыта предмета преступления [1]. В связи с чем, уместен тезис о наличии коррелирующей связи между профессионализмом и компетенцией должностных лиц со знаниями положений частных криминалистических методик расследования преступлений [2].

Информационную модель вышеупомянутого общественно-опасного деяния составляют сведения следующего характера:

- о способах совершения;
- о приемах сокрытия следов;
- о времени и месте;
- о предмете;
- о личности преступника;
- о месте «реализации» похищенного и др.

Приведенные выше компоненты, в совокупности, наделены особым аксиолого-правовым окрасом, поскольку они позволяют установить коррелирующие связи между дифференцированными обстоятельствами события преступления в условиях недостаточности сведений об обстоятельствах совершенного уголовно-наказуемого деяния [3]. Иными словами, установление сущностных параметров данных компонентов криминалистической характеристики позволяет в последующем выработать типичные версии совершения преступного деяния, что также позволит определить механизмы преступного поведения и сокрытия следов.

Аккумуляция накопленного эмпирического материала, в конечном счете позволяет констатировать, что кражи достаточно часто характеризуются тщательной подготовкой. Как правило, подготовка включает в себя следующие действия со стороны основного субъекта преступления:

- приискание соучастников с учетом степени их надежности, преданности по отношению к субъекту преступления, наличия у них «криминального опыта» в прошлом, значительной физической силы, а также навыков владения холодным или огнестрельным оружием. В исключительных случаях приискание соучастников осуществляется из числа лиц, обладающих некоторыми представлениями о «будущем» месте совершения кражи, например, из числа лиц, знающих места хранения ценностей на предприятии и пр.;
- осуществление сбора сведений об объекте противоправного посягательства, в том числе и путем наблюдения;
- приискание орудий и средств совершения преступного деяния, например отмычек, режущих предметов, инструментов и пр.;
- приискание мест хранения похищенных ценностей и предметов;
- разработка плана легализации похищенных предметов и ценностей.

Непосредственный процесс совершения данного преступного деяния характеризуется в зависимости от выбора способа совершения преступления с учетом момента возникновения преступного умысла и степени подготовленности субъекта преступления.

Говоря о способе совершения вышеупомянутого преступления следует отметить, что он включает в себя наличие сведений о путях подхода к месту хранения «желаемых» предметов и ценностей, а также способах завладения последними.

Традиционно в положениях криминалистической доктрины принято дифференцировать способы совершения краж на следующие виды:

- связанные с противоправным проникновением в жилище, либо иное хранилище;
- не связанные с противоправным проникновением в жилище, либо иное хранилище.

Порядка одной трети регистрируемых краж на сегодняшний день совершаются посредством «свободного» проникновения в жилище или иное хранилище через форточки, окна, либо путем завладения ключами от запирающих устройств соответствующих помещений.

Столь беспрепятственный способ совершения преступления возможен, как правило, в следующих случаях:

- потерпевший халатно относится к сохранности своего жилища и прячет ключи в очевидных местах (при необходимости), например, в почтовом ящике или под обувным «ковриком»;
- субъект преступления проникает в жилище под видом сотрудника коммунальных служб и предприятий жилищно-коммунального хозяйства;
- потерпевший проявляет излишнюю доверчивость по отношению к малознакомым лицам, например, приглашает для совместного распития алкогольной продукции и пр.;
- субъект преступления использует доверительные отношения с потерпевшим, например, проживает с последним в одном жилом помещении.

Весьма распространенным в отечественной правоприменительной практике являются кражи, совершенные путем взлома запирающих устройств и преград с использованием физической силы или специальных приспособлений. Наименьший удельный вес приходится на тайные хищения «без взлома».

В положениях криминалистической доктрины выделяют следующие способы проникновения в жилище, либо иное помещение (хранилище):

- путем подбора ключей;

- путем подкопа;
- путем пролаза через вентиляционные коммуникации;
- путем пролома потолочных конструкций;
- через оконные проемы;
- путем пролома входных конструкций и пр.

Если же говорить о проникновении в автотранспортные средства, то здесь вышеупомянутые способы дифференцируются на следующие подгруппы:

- использование специальных приспособлений для взлома замков (отмычек);
- деструкция запирающих устройств с использованием грубой физической силы;
- разбитие стекол на дверях и пр.

Применительно к случаям, когда предметом тайного хищения выступает автотранспортное средство, способы проникновения в охраняемые «помещения» или гаражи, дифференцируются следующим образом:

- вырезание запорных механизмов и устройств;
- распиливание петель ворот;
- применение лебедок и пр.

Аналогичные способы проникновения характерны и для совершения тайных хищений иных автотранспортных средств, например мотоциклов, квадроциклов, прицепов к транспортным средствам и пр.

Вместе с этим выбор способа проникновения к месту совершения кражи обусловлен степенью защищенности хранилища (гаража). Так, например, для оборудованных системами видеонаблюдения помещений не характерно использование грубой физической силы при проникновении. Иными словами, здесь исключаются способы, связанные с деструкцией запирающих устройств. Как правило, преступники в таких ситуациях прибегают к проникновению путем подхода к хранилищам в «мертвых зонах» и в ночное время суток.

Столь широкое многообразие способов проникновения к месту совершения предполагаемой кражи, по мнению автора публикации, детерминировано степенью «технотизации» преступного мира [5], поскольку «преступный арсенал» в данном смысле коррелирует с новейшими технологиями, получившими широкое общественное распространение.

Отдельное внимание необходимо уделить вопросам противодействия преступлениям (кражам), совершенным и использованием цифровых программных продуктов, включая социальные мессенджеры и социальные сети. Так, сквозное шифрование электронных сообщений, удаление текстовых сообщений в кратчайшие сроки позволяет преступникам оставаться инкогнито, что в значительной степени отягощает деятельность органов предварительного расследования. В частности, электронные мессенджеры могут быть использованы на этапах подготовки к совершению преступления. Известны также случаи, когда предполагаемая жертва преступниками выбирается на основе размещенных первых сведений о предстоящих поездках. Делая тем самым, данное лицо привлекательным для преступника. Иными словами, жертва преступления сообщает о своем длительном отсутствии в жилище путем размещения фотографий авиабилетов и пр.

Вместе с этим, очевидна коррелирующая связь рассматриваемого в настоящей публикации компонента криминалистической характеристики с преступными профессионализмом и знаниями. Иными словами, такая компетенция, способна придать повышенную степень латентности совершенной в будущем краже, ввиду отсутствия очевидных следов преступного посягательства, перерастающего в несостоятельность органов предварительного расследования в вопросах о перспективах расследования данного преступления.

Таким образом, дальнейшая аккумуляция накопленного эмпирического материала с целью выделения «новейших», ранее не известных криминалистической доктрине, способов и приемов проникновения в процессе совершения краж, видится нам одним из перспективных направлений развития криминалистической характеристики вышеупомянутых противоправных посягательств. Поскольку их учет, позволяет в прикладной плоскости разрешить весьма широкий круг задач, непосредственно влияющих на общий процесс расследования уголовного дела, что в конечном счете, позволит повысить качество и эффективность предварительного расследования.

Библиография:

1. Зеленцов, А. В. Информационная модель квартирных краж / А. В. Зеленцов, М. А. Яворский // Российская наука: актуальные исследования и разработки : Сборник научных статей XVII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 22 марта 2024 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2024. – С. 415-421. – EDN JNSQKQ.
2. Данилов, Г. А. Институт судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Г. А. Данилов, А. В. Азархин // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 12(188). – С. 384-390. – DOI 10.24158/tpor.2023.12.51. – EDN JKRUGK.
3. Асеев, В. Е. Некоторые особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз при расследовании уголовных дел / В. Е. Асеев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 356-358. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_356. – EDN E1YPGK.

References:

1. Zelentsov, A.V. Information model of apartment thefts / A.V. Zelentsov, M. A. Yavorsky // Russian science: current research and development : Collection of scientific articles of the XVII All-Russian Scientific and practical Conference. In 2 parts, Samara, March 22, 2024. – Samara: Samara State University of Economics, 2024. – pp. 415-421. – EDN JNSQKQ.
2. Danilov, G. A. Institute of forensic examination in criminal proceedings / G. A. Danilov, A.V. Azarkhin // Theory and practice of social development. – 2023. – № 12(188). – Pp. 384-390. – DOI 10.24158/tpor.2023.12.51. – EDN JKRUGK.
3. Aseev, V. E. Some features of the appointment and production of forensic economic examinations in the investigation of criminal cases / V. E. Aseev // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 5(233). – Pp. 356-358. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_356. – EDN E1YPGK.

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ Methodology for investigating fraud committed on marketplaces. Formulation of the problem

ПАВЛОВ Евгений Николаевич,

преподаватель кафедры криминалистики, Нижегородской академии МВД России.
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: a2lms@mail.ru;

Pavlov Evgeniy Nikolaevich,

Lecturer at the Department of Criminalistics, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

E-mail: a2lms@mail.ru

Краткая аннотация: жизнь современного человека невозможно представить без покупок в "онлайне", а именно большую часть интернет покупок совершается в данный момент посредством электронных торговых площадок, так называемых "маркетплейсов". В связи с этим данная отрасль электронной коммерции привлекла к себе много внимания, и мошенники не могли обойти ее стороной. В данный момент не существует монографий по тематике, связанной с мошенничеством, совершаемым на маркетплейсах и поэтому мы просто не могли остаться безучастными. Нашей главной целью в данной научной статье является выявить ряд проблем, связанных с мошенничеством, совершаемым на маркетплейсах.

Abstract: the life of modern man is impossible to imagine without purchases in "online", namely most of the Internet purchases are carried out at the moment through electronic trading platforms, so-called "marketplaces". In this regard, the e-commerce industry has attracted a lot of attention and fraudsters could not avoid it. At the moment, there are no monographs on the subject of frauds committed in the marketplaces and therefore we could not remain indifferent. Our main objective in this scientific article is to identify a number of problems related to fraud committed on the marketplaces.

Ключевые слова: мошенничество, электронная коммерция, маркетплейс, постановка проблемы, научная проблема, торговые площадки, хищения.

Key words: fraud, e-commerce, marketplace, problem-setting, scientific problem, trading platforms, theft.

Для цитирования: Павлов Е.Н. Методика расследования мошенничества, совершаемого на маркетплейсах. Постановка проблемы // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 9(237). С. 563-566. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_565.

For citation: Pavlov E.N. Methodology for investigating fraud committed on marketplaces. Formulation of the problem // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 9(237). pp. 563-566. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_565.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В последние годы в связи с бурным развитием электронной коммерции все больше рядовых покупателей совершают покупки через интернет, а именно отдают предпочтение покупкам на маркетплейсах. Они представляют собой платформы электронной коммерции, онлайн-магазины электронной торговли, предоставляющие информацию о продукте или услуге третьих лиц, чьи операции обрабатываются их оператором [1]. Самыми популярными маркетплейсами являются «Wildberries», «Ozon», «Яндекс Маркет», «СберМераМаркет», «AliExpress», «Kaspi», «Kazan Express» и «Lamoda». Так, в 2022 году согласно данных аналитического проекта «Tinkoff Data» количество покупок на маркетплейсах выросло на 43% по сравнению с 2021 годом. В 2022 году доля маркетплейсов в общем объеме покупок также увеличилась. На маркетплейсы приходится 8,5% от общей суммы всех покупок россиян в онлайн и оффлайне [2].

Увеличение данных показателей закономерно привело к росту преступлений, совершаемых в этой сфере. Так, всего за 2023 год преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, было зарегистрировано 522065, что на 0,83% больше чем за аналогичный период прошлого года. В том числе мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2022 году, было зарегистрировано 257606, что на 3,24% больше чем за аналогичный период прошлого года [3]. К сожалению, официальная статистика по мошенничествам, совершаемым на маркетплейсах отсутствует, но большая часть данных преступлений совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

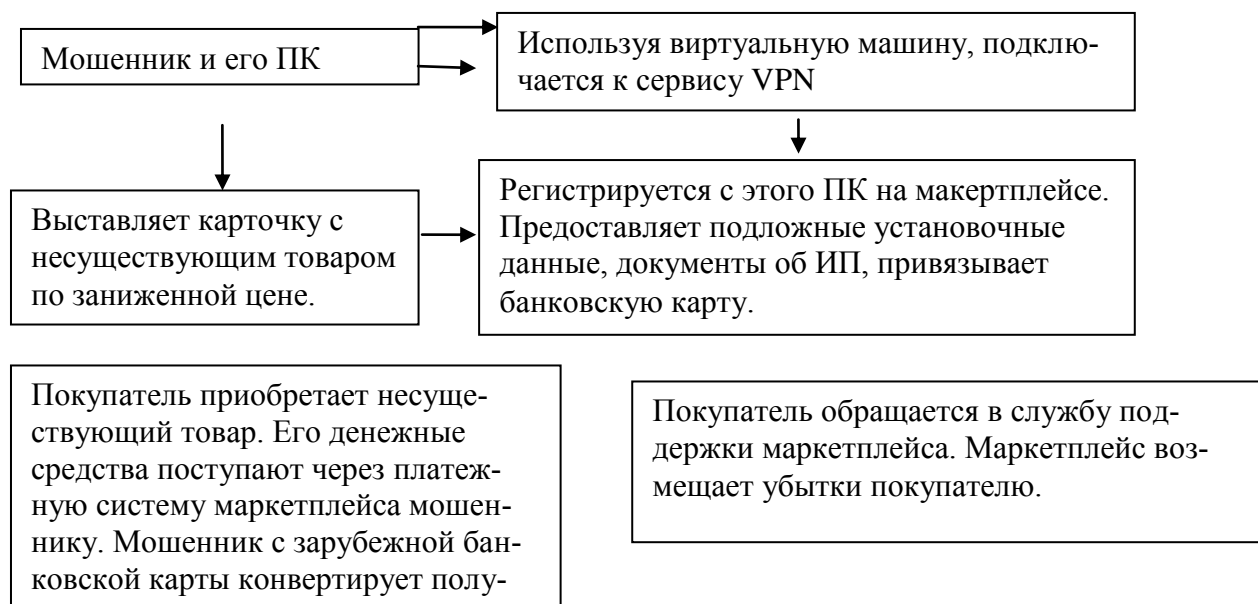
Данная отрасль привлекательна для мошенников в связи с анонимностью маркетплейсов и в недостаточной правовой регламентации торговых отношений. Имеется тесная взаимосвязь маркетплейсов с безналичными платежами. Для полного понимания картины нам стоит разобратся с двумя терминами: «Безналичные деньги» и «Платеж». Безналичные деньги – это записи на счетах в банках [4]. Платеж – осуществляемый плательщиком перевод денежного требования на лицо, приемлемое бенефициаром [5]. Соответственно у нас появляется понимание, что маркетплейсы не могут существовать без безналичных платежей. С появлением новых технологий и методов оплаты, таких как цифровые кошельки, мошенничество на маркетплейсах становится еще более сложным и распространенным. Это создает новые возможности для мошенников и увеличивает риск для покупателей, так и для самих площадок.

Для того, чтобы правильно поставить проблему, нам необходимо провести анализ теории и практики, отображаемой в судебных решениях и научной литературе. По мнению Н.В. Липчиу: «Проблема – положение, условие, вопрос, объект, который создаёт неопределённость, затруднение, побуждает к действию и связан с избыточностью или недостатком процессора (специалиста), знаний, ресурсов, регламента (упорядоченности, алгоритма, программы) побуждает к действию или ограничивает его и соответственно неразрешён или нежелателен» [6]. Также без

сомнений можно утверждать, что при сформировании научной проблемы необходимо выяснить, что уже известно, а что еще нет.

В данном случае, если рассматривать такое явление, как мошенничества, совершаемые на маркетплейсах, точного ответа на решение проблемы в научной литературе мы не найдем. Хочется затронуть ряд проблем, подлежащих рассмотрению в данной отрасли.

Первой и основной проблемой является то, что данные преступления совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Мошенники используют виртуальные машины, VPN сервисы, прокси сервера. Исходя из этого, становятся полностью анонимны и «недоступны» для правоохранительных органов. Известна такая мошенническая схема, когда злоумышленник регистрируется как предприниматель на маркетплейсе «OZON», предоставляет установочные данные другого предпринимателя, подделывают сертификаты на реализацию товара и авторизовываются на маркетплейсе как продавец. Затем мошенник выставляет карточку с товаром по заниженной цене, на это обращает внимание наивный покупатель и приобретает данный товар, переводит деньги в платежную систему маркетплейса «OZON», а платёжная система, в свою очередь, переводит денежные средства на карту мошенника. В приложении у покупателя статус заказа показывает как «отгруженный» к отправке, он теряет бдительность, ждет определенное количество времени, и карточка товара пропадает с маркетплейса. Сразу же раздосадованный покупатель обращается в службу поддержки и объясняет им данную проблему. В большинстве случаев маркетплейс признает, что это были мошенники и возвращает покупателю денежные средства из своего кошелька. Как утверждает С.В. Ануреев: «Банки и платежные системы не отвечают за доставку товаров, не осуществляют контроль за обоснованностью возникновения денежных обязательств. Они отвечают за правильное проведение платежа по указанию плательщика или получателя и не более того, они не задумываются о причинах платежа.» [7]. Ниже приведена схема данной криминальной ситуации:

Блок-схема №1.

Второй проблемой является наличие уязвимостей в работе сайтов, на которых размещены маркетплейсы. Так, согласно приговору № 1-198/2023 (1-720/2022;) Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан, Б.В.В и Б.Ю.Г с иными неустановленными следствием лицами воспользовались уязвимостью платёжной системы «Wildberries». Данная уязвимость заключалась в том, что вышеуказанные лица открывали свои магазины на платформе и заполняли их несуществующими цифровыми товарами по завышенным ценам, такими как сертификаты на туристические поездки, прыжки с парашютом, поездки на багги, обучение игре на гитаре, курсы по фитнесу. Затем они оформляли покупку своего собственного товара на «Wildberries», но не производили оплату, используя ошибку в платежной программе. Внутренняя система «Wildberries» регистрировала факт покупки и переводила средства компании поставщикам-мошенникам за несуществующий товар, полагая, что оплата уже поступила на счет компании. Мошенники обналичивали полученные деньги на своих расчетных счетах [8]. Сложностью в данной ситуации является то, что соучастники данного преступления использовали VPN соединение и «виртуальные машины», и выяснить их личности не представилось возможным.

Третьей проблемой является отсутствие методики по расследованию мошенничеств, совершаемых на маркетплейсах. На уровне монографии данная тематика не исследовалась. Имеются лишь научные статьи, отражающие некоторые особенности расследования указанной категории преступлений. Сложившаяся ситуация связана с тем, что маркетплейсы получили свое развитие в России совсем недавно – в 2019 году. Имеются только работы в связанные методикой расследования мошенничеств с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), методики расследования мошенничеств в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), в сфере предпринимательской деятельности

(159.4 УК РФ) и из смежных областей связанных с построением бизнеса на электронных торговых площадках, то есть на «маркетплейсах». Данную тему затрагивали такие авторы, как: Маилян А.В [9], Голятина С.М [10], Мира К.А [11], Старостенко О.А [12], А.Н. Смоляков [13], Е.А. Маркова [14]. Но в работах данных авторов данные мошенничества либо затрагиваются косвенно, либо вовсе не рассматриваются.

Следующей очевидной проблемой является некомпетентность сотрудников, которые осуществляют прием и выдачу товаров на пунктах выдачи маркетплейсов. Это порождает огромное количество более простых, с точки зрения механизма преступного действия, противоправных деяний. Так, например, согласно приговору № 1-53/2023 Вилюччинский городской суд Камчатского края, Н.К.В. используя свой мобильный телефон, воспользовавшись приложением «Wildberries» заказала комплект постельного белья. Забрав его с пункта выдачи, осуществила подмену нового постельного белья на свое ранее использованное и осуществила возврат. В последующем подмену товара заметили и ее задержали. Также имеются факты, когда мошенники втираются в доверие к гражданам, получают доступ к их мобильному телефону, заходят в личный кабинет на маркетплейсе, фотографируют или делают копию экрана QR-код на получение товара. Затем раньше покупателя приходят в пункт выдачи, предъявляют QR-код, получают товар и денежные средства списываются с банковской карты покупателя. Так согласно приговору № 1-717/2023 Бийского городского суда Алтайского края, Ш.Т.П. находился совместно с ранее ему знакомым Ф.В.Е., где попросил у последнего сотовый телефон, принадлежащий Ф.В.Е. После чего Ш.Т.П. в сотовом телефоне «Samsung Galaxy A30», зашел в приложение «Wildberries» и увидел, что в доставленных заказах имеется сотовый телефон «Samsung Galaxy A23», который был доставлен в пункт выдачи заказов «Wildberries». Также в указанном приложении Ш.Т.П. увидел QR-код для выдачи указанного сотового телефона, затем Ш.Т.П. попросил у Ф.В.Е. во временное пользование принадлежащий последнему сотовый телефон «Samsung Galaxy A30», затем Ш.Т.П. пришел в пункт выдачи заказов, показал QR-код в приложении, установленном в сотовом телефоне «Samsung Galaxy A30», для получения сотового телефона «Samsung Galaxy A23». После этого менеджер спросила у Ш.Т.П., как будет происходить оплата за товар, на что Ш.Т.П., пояснил, что оплата будет произведена с банковской карты, привязанной к аккаунту [15].

Нередко происходит так, что и сами сотрудники маркетплейсов совершают мошеннические действия. Так, согласно приговору № 1-176/2022 Ахтубинского районного суда Астраханской области, Л.Д.А. осуществлял трудовую деятельность в должности менеджера в пункте выдачи заказов «WildBerries»... путем обмана сотрудников данной организации, разработал план, согласно которого, доступом посредством мобильного устройства, осуществил регистрацию на сайте магазина личных кабинетов на недостоверных лиц и формировал заявки на приобретение товаров, с указанием пункта получения, которые будут поступать в указанный пункт выдачи заказов. Имея возможность контролировать поступление товаров, Л.Д.А. при поступлении заказанных им от имени вышеуказанных покупателей товаров, зная, что товар никто не получит, он отменится программой и он будет совершать их хищение [16].

Следующей косвенной проблемой является низкая финансовая и правовая грамотность в области электронной коммерции определенной группы населения. По данным исследовательской компании «Анкетолог», женщины делают покупки на маркетплейсах в среднем два-три раза в месяц. Мужчины - один раз в месяц. Люди в возрасте от 25 до 34 лет составляют 27% всех покупателей, от 35 до 44 лет – 25%. Молодежь в возрасте 18-24 лет пользуется услугами маркетплейсов реже, таких покупателей 12%. Типичный покупатель маркетплейсов - женщина от 25 до 44 лет. Она живет в городе, делает покупки онлайн минимум два-три раза в месяц. Из площадок предпочитает «Вайлдберриз» где заказывает одежду, косметику и детские вещи [17]. В большинстве случаев это доверчивые домохозяйки, не обладающие знаниями в области информационных технологий и сфере электронной коммерции. Следовательно, данная категория лиц подвергается мошенническим действиям и в последующем из-за отсутствия финансовых и правовых познаний в области электронной коммерции оставляет данную ситуацию без внимания.

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу о том, что мошенничества, совершаемые на маркетплейсах, имеют ряд основных и косвенных проблем.

Основные проблемы:

- 1) мошенничества совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий, а именно отследить местоположение и поток денежных средств мошенника не представляется возможным;
- 2) наличие уязвимостей интернет-ресурсов, приложений, платежной системы маркетплейсов;
- 3) отсутствие методики по расследованию мошенничества, совершаемого на маркетплейсах, на уровне монографии данная тематика не исследовалась.

мошенничествам совершаемым на маркетплейсах свойственна латентность;

Косвенные проблемы:

- 1) некомпетентность и низкая квалификация сотрудников осуществляющих прием и выдачу товаров;
- 2) отсутствует идентификация личности при передаче товара из пункта выдачи покупателю;
- 3) низкая финансовая и правовая грамотность в области электронной коммерции граждан.

Библиография:

1. А.А. Марченков. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции // Научные стремления.2019. №26. С. 65-66 [Электронный ресурс] // URL:<https://doi.org/10.31882/2311-4711.2019.26.14>.
2. Итоги 2022 года для маркетплейсов по версии Тинькофф: [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/24012023-results-of-2022-for-marketplaces-according-to-tinkoff/> (дата обращения: 04.05.2024).
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023: [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 04.05.2024).
4. А.С. Булатов. Экономика: учебник. –М.: БЕК, 1997. С. 757.

5. Вестник Банка России. – 2002. - №18-19. – С. 62.
6. Н.В. Липчиу, К.И. Липчиу. Методология научного исследования: учебное пособие. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 133.
7. С.В. Ануреев. Платежные системы и их развитие в России. – М.: Финансы и статистика, 2004. С. 10.
8. Приговор № 1-198/2023 (1-720/2022;) от 18.07.2023 Вахитовского районного суда г. Казани Республики Татарстан: [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/77376734/extended> (дата обращения: 04.05.2024).
9. А.В. Маилян. Совершенствование методики расследования хищения с использованием электронных средств платежа: диссертационное исследование. – Ростов-на-Дону, 2021. с. 245.
10. С.В. Голятина. Методика расследования хищений электронных денежных средств: диссертационное исследование. – Волгоград, 2022. с. 245.
11. К.А. Мира. Установление механизма хищений чужого имущества с использованием информационных технологий: диссертационное исследование. – М, 2022. с. 200.
12. О.А. Старостенко. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно: диссертационное исследование. – Краснодар, 2023. с. 232.
13. А.Н. Смоляков. Хищение безналичных, электронных денежных средств и цифровой валюты: вопросы юридической техники и дифференциации ответственности: диссертационное исследование. – Ярославль, 2022. с. 256.
14. Е.А. Маркова. Уголовно-правовая характеристика хищения, совершаемого с использованием электронных средств платежа: диссертационное исследование. – Санкт-Петербург, 2021. с. 251.
15. Приговор № 1-717/2023 от 28.08.2023 Бийского городского суда Алтайского края: [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/76878711/extended> (дата обращения: 04.05.2024).
16. Приговор № 1-176/2022 от 23.06.2022 Ахтубинского районного суда Астраханской области: [Электронный ресурс] // URL: <https://судебныерешения.рф/70240806/extended> (дата обращения: 04.05.2024).
17. Данные исследовательской компании «Анкетолог» за 2022 год: [Электронный ресурс] // URL: <https://iom.anketolog.ru/category/publikacii?p=11> (дата обращения: 04.05.2024).

References:

1. A.A. Marchenkov. Marketplaces as the main trend of e-commerce // Scientific aspirations.2019. No.26. pp. 65-66 [Electronic resource] // URL:<https://doi.org/10.31882/2311-4711.2019.26.14>.
2. The results of 2022 for marketplaces according to Tinkoff: [Electronic resource] // URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/24012023-results-of-2022-for-marketplaces-according-to-tinkoff/> (date of access: 05/04/2024).
3. The state of crime in the Russian Federation in January - December 2023: [Electronic resource] // URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (date of access: 05/04/2024).
4. A.S. Bulatov. Economics: textbook. –М.: BECK, 1997. p. 757.
5. Bulletin of the Bank of Russia. - 2002. - No.18-19. – p. 62.
6. N.V. Lipchiu, K.I. Lipchiu. Methodology of scientific research: a textbook. Krasnodar: KubGAU, 2013. p. 133.
7. S.V. Anureev. Payment systems and their development in Russia. – М.: Finance and Statistics, 2004. p. 10.
8. The verdict № 1-198/2023 (1-720/2022;) dated 07/18/2023 of the Vakhitovsky District Court of Kazan, Republic of Tatarstan: [Electronic resource] // URL: <https://судебныерешения.рф/77376734/extended> (accessed 04.05.2024).
9. Verdict No. 1-717/2023 of 08/28/2023 Biysk City Court of the Altai Territory: [Electronic resource] // URL: <https://судебныерешения.рф/76878711/extended> (accessed 04.05.2024).
10. Verdict No. 1-176/2022 of 06/23/2022 of the Akhtuba District Court of the Astrakhan region: [Electronic resource] // URL: <https://судебныерешения.рф/70240806/extended> (accessed 04.05.2024).
11. Data of the research company "Anketolog" for 2022: [Electronic resource] // URL: <https://iom.anketolog.ru/category/publikacii?p=11> (date of application: 05/04/2024).
12. O.A. Starostenko. Victimological prevention of thefts committed remotely: dissertation research. – Krasnodar, 2023. p. 232.
13. A.N. Smolyakov. Theft of non-cash, electronic money and digital currency: issues of legal technology and differentiation of liability: dissertation research. – Yaroslavl, 2022. p. 256.
14. Е.А. Маркова. Уголовно-правовая характеристика хищения, совершаемого с использованием электронных средств платежа: диссертационное исследование. – Санкт-Петербург, 2021. с. 251.
15. Verdict No. 1-717/2023 dated 08/28/2023 of the Biysk City Court of the Altai Territory: [Electronic resource] // URL: <https://judicial.decisions.rf/76878711/extended> (date of access: 05/04/2024).
16. Verdict No. 1-176/2022 of June 23, 2022 of the Akhtubinsky District Court of the Astrakhan Region: [Electronic resource] // URL: <https://judicial.decisions.rf/70240806/extended> (date of access: 05/04/2024).
17. Data from the research company "Anketolog" for 2022: [Electronic resource] // URL: <https://iom.anketolog.ru/category/publikacii?p=11> (access date: 05/04/2024).

МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ И ФАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ SECURITY MEASURES IN CRIMINAL PROCEDURE LAW AND THE ACTUAL REASONS FOR THEIR USE

ПРОХОРОВА Татьяна Леонидовна,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин,
Дальневосточного юридического института министерства внутренних дел имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
E-mail: Tat_Prokhorova@mail.ru;

PROKHOROVA Tatyana Leonidovna,

Senior Lecturer at the Department of Special Disciplines,
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.
E-mail: Tat_Prokhorova@mail.ru

Краткая аннотация: Актуальность: несмотря на объективное стремление законодателя по установлению правил государственной защиты лиц, содействующих правосудию, действующее нормативное правовое регулирование данного вопроса нельзя признать совершенным. При этом, отдельные положения действующего законодательства, нуждающиеся в изменении, до сих пор остаются без внимания законодателя, в результате чего рассматриваемый уголовно-процессуальный институт не в полной мере соответствует современным практическим потребностям уголовного судопроизводства. Цель: необходимость анализа мер безопасности в уголовно-процессуальном праве и фактических оснований их применения, регламентирующих государственную защиту лиц, содействующих правосудию, обнаружения проблем в правовой регламентации рассматриваемой проблемы и формулирования предложений по их разрешению. Методы: основывается на комплексном применении общенаучных и частно-научных методов, включающих методы сравнения, анализа, синтеза, обобщения, аналогии, дедукции, индукции, диалектический, сравнительно-правовой, системный и статистический методы. Результаты: теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что в нем, с учетом результатов осуществленного анализа уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего государственную защиту лиц, содействующих правосудию, и обобщения эмпирического материала, сформулированы современные научно обоснованные и социально обусловленные предложения по разрешению наиболее важных и типичных проблем, возникающих в правоприменительной практике при применении мер безопасности в уголовном процессе.

Abstract: Relevance: despite the objective desire of the legislator to establish rules for the state protection of persons who promote justice, the current regulatory legal regulation of this issue cannot be considered perfect. At the same time, certain provisions of the current legislation that need to be changed still remain without the attention of the legislator, as a result of which the criminal procedure institution in question does not fully meet the current practical needs of criminal proceedings. Purpose: the need to analyze security measures in criminal procedure law and the actual grounds for their application, regulating the state protection of persons who promote justice, detecting problems in the legal regulation of the problem under consideration and formulating proposals for their resolution. Methods: it is based on the complex application of general scientific and private scientific methods, including methods of comparison, analysis, synthesis, generalization, analogy, deduction, induction, dialectical, comparative legal, systemic and statistical methods. Results: the theoretical and practical significance of the study lies in the fact that, taking into account the results of the analysis of criminal procedure legislation regulating state protection of persons assisting justice and generalization of empirical material, modern scientifically based and socially conditioned proposals for solving the most important and typical problems arising in law enforcement practice are formulated when applying security measures in criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, фактические основания, уголовно - процессуальное право, процессуальное решение, меры безопасности, угрозы, государственная защита.

Keywords: criminal proceedings, factual grounds, criminal procedure law, procedural decision, security measures, threats, state protection.

Для цитирования: Прохорова Т.Л. Меры безопасности в уголовно-процессуальном праве и фактические основания их применения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 567-569. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_567.

For citation: Prokhorova T.L. Security measures in criminal procedure law and the actual reasons for their use // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 567-569. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_567.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Введение:

Принятие любого процессуального решения должно основываться на предусмотренных законом основаниях, в противном случае такое решение нельзя признать обоснованным.

В доктрине уголовно-процессуального права вопрос об основаниях принятия процессуальных решений достаточно подробно исследован применительно к таким правовым институтам как следственные действия и меры процессуального принуждения, что позволяет правоприменителям не допускать ошибки в процессе деятельности по уголовному делу. Поэтому изучение оснований применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве будет способствовать повышению эффективности применения уголовно-процессуальных норм их регламентирующих.

Поскольку среди исследователей нет единой точки зрения относительно определения оснований применения рассматриваемых мер, необходимо осуществить системный анализ точек зрения различных ученых по данному вопросу.

Основная часть:

По мнению А.Ю. Епихина для возникновения общественных отношений по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства необходимо наличие двух оснований: во-первых, наличие у уполномоченного должностного лица или государственного органа данных, свидетельствующих о наличии угрозы определенному лицу, во-вторых, процессуальное закрепление указанных данных и отражение их в про-

цессуальном решении [1, с.122] В позиции указанного автора можно обнаружить деление оснований применения мер безопасности на фактические и юридические.

Аналогичной точки зрения также придерживается О.А. Зайцев, который делит рассматриваемые основания на формальные и фактические [2, с.39]. Несмотря на то, что термины «формальные» и «юридические» применительно к изучаемому вопросу являются синонимами с целью унификации правовой терминологии представляется необходимым преимущественно использовать формулировку «юридические основания».

Определив, виды оснований применения мер безопасности в уголовном процессе, можно перейти к раскрытию их содержания. Начнем с фактических оснований применения рассматриваемых мер.

Вопрос о фактических основаниях принятия процессуальных решений определяется в доктрине уголовно-процессуального права по-разному.

Согласно точке зрения П.А. Лупинской фактические основания – это совокупность доказательственной информации, признанной уполномоченным субъектом достаточной для принятия определенного процессуального решения [3, с. 29].

Иного мнения придерживается В.Я. Колдина, которая указывает, что фактические основания, необходимы для принятия процессуального решения, представляют собой совокупность необходимых фактических данных, имеющихся в материалах уголовного дела [4, с. 434].

Согласно точке зрения О.А. Зайцева фактические основания применения мер государственной защиты в уголовном процессе непосредственно связаны с возможности реализации угрозы по совершению противоправных действий в отношении участников уголовного судопроизводства [5, с. 39].

По мнению Л.В. Брусницина фактические основания применения мер безопасности в уголовном процессе имеют место при наличии как данных, указывающих на возможность совершения в отношении участников уголовного процесса запрещенных законом действий, так и обоснованного предположения о возможности их совершения [6, с.97].

В свою очередь А.Ю. Епихин говорит о фактических основаниях рассматриваемых мер как о присутствии угрозы, которая может быть реализована в будущем с целью давления на участника уголовного процесса [7, с.182-183].

Указанные определения не раскрывают, какие именно угрозы должны иметь место для инициирования государственной защиты в уголовном процессе. Однако, другие ученые считают необходимым при раскрытии фактических оснований применительно к рассматриваемому уголовно-процессуальному институту указывать на определенные виды угроз.

Так, М.А. Авдеев в качестве фактического основания применения мер безопасности называет угрозу, адресованную одному из участников уголовного процесса, из которой следует намерение причинить вред его жизни, здоровью или имуществу [8, с.21].

По мнению Н.С. Томиловой фактическими основаниями применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве выступают сведения, находящиеся у компетентного должностного лица, уполномоченного избрать указанные меры, которые свидетельствуют о наличии угрозе безопасности участнику уголовного процесса [9, с.7]. При этом, из указанного определения, как и из некоторых других, неясно каким критериям должны соответствовать указанные сведения.

Представляется, что для описания фактических оснований мер безопасности в уголовном судопроизводстве необходимо указывать определенные критерии, которые будут свидетельствовать о необходимости реализации государственной защиты определенных субъектов. В качестве подобных критериев должен выступать примерный перечень случаев, основными из которых является возможность причинение вреда жизни, здоровью и имуществу субъекта уголовно-процессуальной деятельности. При этом меры безопасности должны быть предупредительными, то есть применяться до наступления негативных событий, для предотвращения которых они были избраны.

Таким образом, меры безопасности в уголовном судопроизводстве носят прогностический характер, что усложняет определение фактических оснований их применения. Однако, данная проблема не является неразрешимой и встречается в уголовно-процессуальном законодательстве применительно к другим правовым институтам, например к мерам процессуального принуждения.

В связи с этим для подтверждения фактических оснований применения мер безопасности в уголовном процессе необходимо, прежде всего, установить наличие угрозы законным интересам участников уголовного процесса посредством сбора доказательств, подтверждающих реальность угрозы.

Поэтому, чтобы подтвердить существование фактической основы для государственной защиты, необходимо определить угрозу, доказать ее реальность и установить направленность этих угрожающих действий лицам задействованным в уголовном процессе в отношении их участия в уголовном деле.

В научной литературе выделяются определенные критерии применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

Анализ судебно-следственной практики, проведенный Д.С. Соколовым, показывает, что в качестве подтверждения оснований применения мер безопасности к конкретному субъекту уголовного судопроизводства правоприменители ссылаются на уголовное дело, участником которого является защищаемое лицо, тип угрозы, ее источник и адресат [10, с.87].

В уголовно-процессуальной литературе также говорится о поводах применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства.

Согласно точке зрения В.В. Трухачева поводом для применения мер государственной защиты в уголовном процессе, во-первых, выступает письменное заявление участника уголовного судопроизводства, содействующего правосудию, адресованное лицу ведущему производ

ство по уголовному делу, в котором указываются достаточные данные, свидетельствующие о необходимости применения мер защиты к такому лицу, во-вторых, рапорт компетентного должностного лица [11, с.282]. Представляется, что нельзя применительно к поводу применения мер безопасности использовать формулировку «достаточные данные», поскольку такой повод предполагает только инициирование соответствующей процедуры, в ходе которой и будут добыты так называемые достаточные данные, указывающие на необходимость применения мер государственной защиты.

Следует согласиться Л.В. Брусицыным, который пишет, что поводом избрания мер уголовно-процессуальной защиты не обязательно должно быть заявление лица, чья безопасность находится под угрозой [12Б с.388]. Такой подход является обоснованным, поскольку отдельные участники уголовного судопроизводства в принципе могут не обладать информацией о том, что они находятся под угрозой. В связи с этим государственная защита в отношении субъектов уголовно-процессуальной деятельности должна инициироваться не по факту поступления соответствующего заявления, а в связи с наличием угрозы их безопасности.

Что касается нормативного определения фактических оснований применения мер безопасности, то они по-разному определяются в двух нормативных правовых актах.

Согласно ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты

В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Заключение:

Нельзя согласиться с позицией законодателя, который различным образом определяет одно и то же правовое понятие в указанных нормативных актах. Обобщая вышеизложенные точки зрения, а также учитывая, что меры государственной защиты лиц, содействующих осуществлению правосудия, в определенной степени носят вероятностный и прогностический характер, представляется необоснованным ограничение оснований применения указанных мер фактом реальности угрозы. Можно представить случаи, когда отсутствует непосредственно выраженная угроза безопасности участнику уголовного процесса, но особенность расследуемого уголовного дела свидетельствует о необходимости применения мер безопасности. Например, свидетель дает показания против членов преступного сообщества, члены которого подозреваются в совершении множества насильственных преступлений, в том числе и убийств. В такой ситуации непосредственная угроза по отношению к свидетелю отсутствуют, но есть основания полагать, что он находится под угрозой. Поэтому в качестве основания применения мер безопасности следует рассматривать данные, свидетельствующие о возможности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу или опасного вреда иным охраняемым интересам участнику уголовного процесса. Указанную формулировку следует включить как в ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», так и в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Библиография:

1. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004.–С. 122.
2. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2012. –С. 39.
3. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2015. – С. 29.
4. Колдин В.Я. Обоснование правового решения. Фактологический анализ: учебно-практическое пособие. М., 2016. – С. 434.
5. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2012.– С. 39.
6. Брусицын Л.В. О порядке применения мер безопасности к лицам, содействующим уголовному правосудию // Государство и право. 2017. № 2. – С. 97.
7. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004.– С. 182-183.
8. Авдеев М.А. Указ. соч. – С. 21.
9. Томилова Н.С. Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – С. 7.
10. Соколов Д.С. Основания и уголовно-процессуальные процедуры государственной защиты участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. – С. 87.
11. Трухачев В.В. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 1 (14). – С. 282.
12. Брусицын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное): монография. М., 2015. – С. 388.

References:

1. Epikhin A.Yu. The concept of ensuring personal security in the field of criminal justice: dis. ... Dr. jurid. sciences'. Syktyvkar, 2004.–p. 122.
2. Zaitsev O.A. State protection of participants in criminal proceedings. M., 2012. –p. 39.
3. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. M., 2015. – p. 29.
4. Koldin V.Ya. Justification of the legal decision. Factual analysis: educational and practical manual. M., 2016. – p. 434.
5. Zaitsev O.A. State protection of participants in criminal proceedings. M., 2012.– p. 39.
6. Brusnitsyn L.V. On the procedure for applying security measures to persons assisting criminal justice // State and law. 2017. No. 2. – p. 97.7.
7. Epikhin A.Yu. The concept of ensuring personal security in the field of criminal justice: dis. ... Dr. jurid. sciences'. Syktyvkar, 2004.– pp. 182-183.
8. Avdeev M.A. Decree. op. – p. 21.
9. Tomilova N.S. Principles of state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: abstract of the dissertation ... cand. Jurid. M., 2009. – p. 7.
10. Sokolov D.S. Grounds and criminal procedural procedures for the state protection of participants in criminal proceedings by the prosecution: dis. ... cand. Jurid. Sciences. N. Novgorod, 2018. – S. 87.
11. Trukhachev V.V. Criminal procedural measures to ensure the safety of participants in criminal proceedings // Bulletin of the Voronezh State University. 2016. No. 1 (14). – p. 282.
12. Brusnitsyn L.V. Ensuring the safety of persons assisting criminal justice: world experience and the development of Russian legislation (a procedural study): monograph. M., 2015. – p. 388.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_570

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ Some parole issues in the UK

ПЬЯНКОВ Матвей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1. старший научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России. 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1. E-mail: matwcha@mail.ru;

ВОЛКОВ Дмитрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. 160002, Россия, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2. E-mail: Harman1@yandex.ru;

RYANKOV Matvey Nikolaevich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the MFUA, Moscow, Serpukhov Val str., 17, building 1 Senior Researcher at the Center for the Study of Security Issues in Institutions of the penal system FКУ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 125130, Moscow, Narvskaya str., 15 a, building 1. E-mail: matwcha@mail.ru;

VOLKOV Dmitry Yurievich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Faculty of Law of the VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia. 160002, Vologda, Shchetinina str., 2. E-mail: Harman1@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье отмечается, что правительство Великобритании преследует цель снизить преступность и нейтрализовать страх перед преступностью у населения, справедливо и эффективно осуществлять уголовное правосудие. Проблемы сокращения преступности и страха преступности всесторонне освещены в Законе об антисоциальном поведении, преступности и полицейской деятельности 2014 года. Система правосудия по делам молодежи в Англии и Уэльсе включает органы и процессы, которые используются для судебного преследования, осуждения и наказания лиц моложе 18 лет, совершивших уголовные преступления. Основной целью системы правосудия по делам несовершеннолетних является предотвращение правонарушений со стороны детей и молодежи. Вместе с тем, остается дискуссионным вопрос, улучшил ли положение дел такой подход к правосудию для несовершеннолетних.

Abstract: This article notes that the UK Government aims to reduce crime and neutralize the fear of crime among the population, and to fairly and effectively implement criminal justice. The problems of reducing crime and the fear of crime are comprehensively covered in the Anti-Social Behavior, Crime and Policing Act of 2014. The youth justice system in England and Wales includes bodies and processes that are used to prosecute, convict and punish persons under the age of 18 who have committed criminal offences. The main purpose of the juvenile justice system is to prevent offenses by children and youth. At the same time, it remains a debatable question whether such an approach to juvenile justice has improved the situation.

Ключевые слова: законодательство, наказание, несовершеннолетний, преступность, условно-досрочное освобождение, уголовное правосудие.

Key words: legislation, punishment, juvenile, crime, parole, criminal justice.

Для цитирования: Пьянков М.Н., Волков Д.Ю. Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения в Великобритании // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 570-573. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_570.

For citation: Pyankov M.N., Volkov D.Yu. Some parole issues in the UK // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 570-573. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_570.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Действующее законодательство Великобритании в значительной части содержит перечень норм права, которыми предусмотрены достаточно решительные меры по укреплению законности и правопорядка. Закон об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года (с. 33) является актом Парламента Соединенного Королевства. Он внес в закон ряд изменений, в первую очередь касающихся ограничения существующих прав, ужесточения наказаний за определенное «антисоциальное поведение» [1].

Данный закон об уголовном правосудии и судебных органах направлен на борьбу со многими причинами преступности и рецидивизмом. Хотя на первый взгляд он, прежде всего, затрагивает суды, службу условно-досрочного освобождения и тюрьмы, его положения увеличивают нагрузки на полицию.

Комиссия по условно-досрочному освобождению Англии и Уэльса была создана в 1968 году в соответствии с Законом об уголовном правосудии 1967 года. Практически он стал независимым исполнительным вневедомственным государственным органом (NDPB) 1 июля 1996 года в соответствии с Законом об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года. Комиссия по условно-досрочному освобождению регулируется Правилами Комиссии по условно-досрочному освобождению 2016 года принятыми парламентом, в соответствии с Законом об уголовном правосудии 2003 года. Члены Комиссии по условно-досрочному освобождению назначаются государственным секретарем юстиции, но обязаны принимать судебные решения независимо от правительства [2].

Роль Комиссии по условно-досрочному освобождению заключается в оценке рисков, связанных с заключенными, и вынесении обязательных для исполнения указаний правительству относительно того, будут ли заключенные выпущены в общество условно-досрочно. Комиссия по условно-досрочному освобождению также должна давать рекомендации правительству, когда ее спрашивают, чаще всего о том, готовы ли правонарушители к переводу в открытые тюрьмы из закрытых тюремных комплексов.

В зависимости от конкретных условий развития общества и государства уголовная политика может ужесточаться или смягчаться, вместе с тем совершенствование человеческого общества характеризуется гуманизацией применяемых наказаний. Между тем наиболее часто применяемым уголовным наказанием до последнего времени остается лишение свободы [3, с. 89].

О наличии материальных и формальных критериев применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания неоднократно высказывались ряд отечественных ученых [4, с. 157].

Справедливое отправление правосудия одновременно благородное и сложное дело. Правосудие выглядит различно в соответствии с географическим и социальным статусом.

Поведение преступников, которым удастся успешно совершать преступления и приобретать незаконным путем материальные блага, становится все более агрессивным во многих отношениях. У них возникает ощущение всемогущества, и вседозволенности, а также уверенность в том, что они не понесут наказание. Желание делать ошибочные выводы относительно жертв преступлений и общества перерастает в привычку пренебрегать законом. Отсутствие должного контроля за поведением детей создает в раннем возрасте условия для того, чтобы сформировать их как будущих правонарушителей. Преступники могли быть перевоспитаны еще в детстве. Не контролируя детей в возрасте от 8 до 15 лет, общество способствует совершению будущих преступлений, от которых пострадают многие его члены. Родителям, полиции и школьным воспитателям необходимо дать больше полномочий в отношении детей, поведение которых приобретает преступный характер. Родители должны знать, что они ответственны перед законом за надлежащее воспитание детей. Вместе с тем, просто критиковать ситуацию, но гораздо труднее предложить что-либо позитивное для ее улучшения. Дети должны быть защищены от физического, сексуального и эмоционального насилия, для чего принят целый ряд законов, но невинные жертвы преступлений и общество в целом также заслуживают защиты. Более того, те дети, которые совершают множество преступлений, должны изолироваться от общества. Специальные школы, иначе называемые школами для детей с нарушениями эмоционального поведения или терапевтическими сообществами, помогают предотвратить преступное поведение подростков в будущем, но не у всех детей наблюдаются положительные реакции на эти сравнительно мягкие воспитательные меры. Некоторые подростки, несмотря на то, что на их перевоспитание затрачены большие усилия центрами по реабилитации, продолжают совершать преступления, не давая надежд на ресоциализацию. Подобные дети нуждаются в применении к ним определенных мер перевоспитания на гораздо более ранних стадиях развития. В некоторых случаях, когда такие дети совершают повторные преступления, они должны быть помещены в детскую исправительно-трудовую колонию независимо от возраста. Это дети, которые упорно проявляют неуважение к закону, полиции, законопослушным людям, собственности — общественной и частной. Подобные дети положительно не реагируют на мягкие, «облегченные» меры перевоспитания.

Большая часть приговоров базируется на качестве отчетов, поступивших от профессионалов, которые, основываясь на структурах графств неизбежно, имеют характерные местные особенности. Следует отметить, что предпринимались многочисленные попытки ввести некоторый стандарт в Англии и Уэльсе, и многие из этих попыток были успешными. Однако гораздо больше, по мнению автора, могло быть достигнуто в общенациональной перспективе при стратегической координации усилий.

Когда новый закон об уголовном правосудии и судебных органах вступил в силу, все службы условно-досрочного освобождения графств были ликвидированы и была создана новая единая национальная служба условно-досрочного освобождения, которая будет предоставлять общенациональный набор услуг под руководством национального директора и местных управленческих советов.

Необходимость в новом радикальном подходе к делу реорганизации службы условно-досрочного освобождения весьма значительна, например, даже в контексте так называемого уровня раскрываемости преступлений.

Тенденция роста преступности в Великобритании по зарегистрированным полицией преступлениям, можно разделить на три периода: первый период, характеризовавшийся постепенным и стабильным ростом преступности, начался примерно во второй половине XIX в. и длился вплоть до начала второй мировой войны; 2) второй период берет свое начало примерно с середины 50-х гг. прошлого столетия и характеризуется достаточно большим ежегодным приростом преступности; 3) третий период продолжается с 80-х гг. прошлого столетия и характеризуется очень высоким ежегодным ростом преступности.

Указанные тенденции подтверждают мнение о том, что, возможно, тенденция роста преступности связаны с долговременными тенденциями развития общества и опыт борьбы с преступностью в прошлом разительно отличается от современных подходов.

Из всех совершенных преступлений сообщается только о половине, 30% правонарушений регистрируются и только в 3% преступлений расследование приводит к осуждению виновных. В реальных цифрах это означает, что из 5 млн. правонарушителей только 200 тыс. преступников отбывают наказания, связанные или с тюремным заключением или с принудительными работами [5, с. 20].

Таким образом, можно прийти к выводу, что 55% преступников в течение двух лет вновь привлекаются к уголовной ответственности. Следовательно, если бы служба условно-досрочного освобождения, работая более эффективно, смогла бы уменьшить уровень повторного осуждения только на 5%, то это привело бы к сокращению на 1% числа зарегистрированных преступлений или к уменьшению числа потерпевших на 50 тыс. человек. Не следует игнорировать то, что всё это происходит во время, когда правительство борется с предсказанным на следующие несколько лет ростом преступности на 20% [5, с. 21].

Согласно полицейской статистике, число совершаемых преступлений примерно стабилизировалось, в то время как показатель виктимизации (включающий преступления, не заявленные полиции) снижается значительно медленнее, чем можно было бы ожидать.

Отмечается, что негативную роль оказывают средств массовой информации в освещении преступности. Внешне представлено будто средства массовой информации информируют о преступности, на самом деле они тем самым поощряют ее, создавая рекламу преступникам. Претерпело изменение освещение проблем преступности в течение послевоенного периода, как современная аудитория воспринимает сообщения о преступлениях.

Изучение природы повседневного страха населения Англии и Уэльса перед преступностью, обозначило ряд дискуссионных моментов: почему женщины больше обеспокоены преступностью, чем мужчины; почему пожилые люди больше обеспокоены преступностью, чем молодые; какой диапазон реакций включает в себя страх перед преступностью; как страх перед преступностью связан с отношением людей к другим сторонам жизни общества; настроены ли пессимистически люди, которые боятся преступности, потеряли ли они доверие к общественным и государственным институтам; обеспокоены ли состоянием своего здоровья и безработицей люди, которые боятся преступности; является ли страх перед преступностью предметом общей озабоченности всех граждан.

В настоящее время ограничено число исследований по данной проблеме, следовательно, для современных ученых данная проблема является недостаточно изученной.

Последние достижения технологии и современный стиль жизни наложили определенные ограничения на возможности полиции поддерживать порядок и контролировать преступность. Роль полиции в английском обществе переосмысливается.

Актуальным является вопрос соотношения между осуществлением полицейских функций добровольными формированиями из представителей общественности и частными службами безопасности; насколько велика система частных служб безопасности, каковы ее функции, как она связана с работой полиции и как полиция согласует свою деятельность с ростом частных служб безопасности и как это влияет на преступность и затем на условно досрочное освобождение.

В рамках нового законодательства существует план, призванный обеспечить, чтобы все правонарушители, выпущенные условно-досрочно на свободу, управлялись в соответствии с программами, которые доказали свою эффективность. Это приведет к существенному перераспределению ресурсов службы условно-досрочного освобождения, так как только в сфере более строгого проведения в жизнь закона, обеспечивающего подчинение условно досрочно освобожденных, потребуются значительные финансовые средства. Если у условно-досрочно освобожденного будет замечен второй случай нежелания подчиниться требованиям сотрудников службы условно-досрочного освобождения, то такой правонарушитель будет помещаться в тюрьму. Многие офицеры полиции сразу же признают, что это означает значительное и очень нежелательное ужесточение режима содержания условно-досрочно освобожденных. Новый режим содержания включает в себя более строгое отношение к потреблению наркотиков, заключающееся в ежедневных анализах на наркотики, и в новом режиме воздержания от наркотиков. Данный режим применяется как в рамках приговоров на коммунальные работы, так и при освобождении по лицензии.

Перспектива более значимой политики в области вынесения приговоров и уменьшения числа преступников, которые после отбытия наказания вновь совершают преступление, приветствуется, закон не разъясняет достаточно ясно, как его положения будут проводиться в жизнь. Вероятно, полиции придется чаще помогать офицерам службы условно-досрочного освобождения. Теперь существует больше возможностей для осуществления арестов в новом стиле и выдачи ордеров на арест. Конфронтация с преступниками будет неизбежной особенно потому, что отныне гораздо большее их число будет подлежать заключению предупреждение в более подходящей обстановке.

После трагического убийства Sarah Payne [6] правительство ввело новые меры в закон, которые, позволят повысить защиту детей от насильников и сексуальных преступников. На начальников местной полиции и местные советы по наблюдению за условно-досрочно освобожденными наложена обязанность создания объединенной системы мероприятий по оценке и управлению риском, который создают условно-досрочно освобожденные преступники, ранее осужденные за насильственные и сексуальные жертвами сексуальных и насильственных преступлений, прежде чем выпустить на свободу преступников, которые совершили эти преступления.

Кроме того, создана служба, которая следит за соблюдением интересов детей, детская и семейная судебная консультативная и вспомогательная служба CAFCASS (Children and Family Court Advisory and Support Service) [7]. Молодежная тема в деятельности этой службы дальше расширяется путем контроля прогула школьниками уроков и путем предотвращения работы недостаточно профессионально подготовленных с детьми. Требуется постоянное участие полиции для проведения в жизнь этого контроля, что вполне ожидаемо значительное число случаев возникновения конфликтов.

Законодательное положение, дающее возможность полиции и другим заинтересованным ведомствам напрямую, а не через посредников получать доступ к сведениям о водительских правах и других лицензиях. Перспектива более быстрых и более точных потоков информации положительно воспринимается полицией и другими заинтересованными ведомствами. Однако до сих пор остается неразрешенным, почему потребовалось так много времени, чтобы исправить эту аномалию.

Является ли действующий закон существенным достижением в деле контролирования рецидивной преступности или результатом правотворчества необходим анализ. Однако остается фактом, что еще нет признаков увеличения ресурсов, которые потребуются для операций расширенного масштаба. Очевидно, что сотрудников полиции будут вызывать для сопровождения в тюрьму нарушившего правила испытательного срока преступника. Сможет ли полиция, борющаяся за сохранение своей численности, удовлетворить эти ожидания, предстоит увидеть.

Проблемы преступности воспринимаются обществом в настоящее время и как они воспринимались в прошлом существенно отлича-

ются. Результаты исследований обеспечат сотрудников полиции информацией, которая поможет избавиться от чувства неопределенности и тревоги, существующего в английском обществе в отношении проблем преступности, и наметить определенные перспективы в деле борьбы с ней.

Библиография:

1. Закон об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года. URL:https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.713c007a-6666f21651e2a4fb74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Parliament_of_the_United_Kingdom (дата обращения: 10.06.2024).
2. Комиссия по условно-досрочному освобождению Англии и Уэльса. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a690d6c2-6666ff6b-7fee4bdb74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Parole_Board_for_England_and_Wales (дата обращения: 09.06.2024).
3. Голубовский, В. Ю. Особенности применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / В. Ю. Голубовский // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 89-95.
4. Голубовский, В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части : Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Юриспруденция" и специальности "Юриспруденция" / В. Ю. Голубовский, М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. – 736 с. С. 157.
5. Reorganization of the parole service In Great Britain// Police –2001. – February.Pp –. 20 - 21.
6. Убийство Сары Пэйн. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.27741113-66670852f664b0fe74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Murder_of_Sarah_Payne (дата обращения: 09.06.2024).
7. Children and Family Court Advisory and Support Service. URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Children_and_Family_Court_Advisory_and_Support_Service (дата обращения: 09.06.2024).

References:

1. The Criminal Justice and Public Order Act of 1994. URL:https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.713c007a-6666f21651e2a4fb74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Parliament_of_the_United_Kingdom (accessed 06/10/2024).
2. Parole Board of England and Wales. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a690d6c2-6666ff6b-7fee4bdb74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Parole_Board_for_England_and_Wales (date of appeal: 06/09/2024).
3. Golubovsky, V. Yu. Features of the application of the institute of conditional early release from serving a sentence / V. Yu. Golubovsky // Penal enforcement law. - 2024. - Vol. 19, No. 1. – pp. 89-95.
4. Golubovsky, V. Y. Criminal law of Russia. General and Special parts : Textbook for students of higher educational institutions studying in the field of "Jurisprudence" and the specialty "Jurisprudence" / V. Y. Golubovsky, M. F. Kostyuk, E. V. Kunts. – Moscow : Limited Liability Company "Prospect", 2020. – 736 S. S. 157.
5. Reorganization of the parole service In Great Britain// Police –2001. – February.Pp. 20-21.
6. The murder of Sarah Payne. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.27741113-66670852f664b0fe74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Murder_of_Sarah_Payne (accessed: 06/09/2024).
7. Children and Family Court Advisory and Support Service. URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Children_and_Family_Court_Advisory_and_Support_Service (date of application: 06/09/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_574

ДУХОВНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРАВОПОРЯДКА И ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Spirituality as a factor of law and order and the basis of professionalism of employees of the penal enforcement system

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: yutish@list.ru;

УСМАНОВ Наиль Бахитжанович,

кандидат педагогических наук, преподаватель – методист отделения планирования, методического обеспечения
и контроля образовательного процесса учебного отдела Университета ФСИН России.
Сапёрная ул., 34, г. Санкт-Петербург, 196602, Россия.
E-mail: usmanov@igps.ru;

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Narva str., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: yutish@list.ru;

USMANOV Nail Bakhitzhanovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, teacher – methodologist of the Department of Planning, Methodological Support
and Control of the Educational Process of the Educational Department of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Sapernaya str., 34, St. Petersburg, 196602, Russia.
E-mail: usmanov@igps.ru

***Краткая аннотация.** В статье выделяется совокупность основных факторов и свойств общественной среды, а также качества личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые оказывают наибольшее влияние на результаты их профессиональной деятельности. На основе проведенного анализа авторами выделяется минимальный уровень знаний в сфере культуры и профессиональной подготовки, необходимый сотруднику УИС для развития своих профессиональных качеств.*

***Abstract:** the article highlights a set of main factors and properties of the social environment, as well as personality traits of employees of the penal enforcement system, which have the greatest impact on the results of their professional activities. Based on the analysis carried out, the authors identify the minimum level of knowledge in the field of culture and vocational training necessary for an employee of the UIS to develop their professional qualities.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, сотрудники, духовность, сознание, потенциал, культура, профессиональная подготовка.*

***Key words:** penal enforcement system, employees, spirituality, consciousness, potential, culture, professional training.*

***Для цитирования:** Тищенко Ю.Ю., Усманов Н.Б. Духовность как фактор правопорядка и основа профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 574-576. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_574.*

***For citation:** Tishchenko Yu.Yu., Usmanov N.B. Spirituality as a factor of law and order and the basis of professionalism of employees of the penal enforcement system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 574-576. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_574.*

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Современное российское общество, опираясь на факты мирового и отечественного опыта правоохранительной деятельности, осознает, что решить задачи стабилизации развития какой-либо правоохранительной системы, переломить ситуацию с преступностью в позитивном для общества русле, обеспечить относительно прочный правопорядок, практически невозможно без выявления и установления духовного потенциала граждан.

Для сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) проблемы духовности являются еще одной из значимых сторон их жизнедеятельности. В настоящее время, у сотрудника УИС достаточно слабо выражены мотивы и основания, для того, чтобы отдавать своей профессии все свои силы, знания, навыки, опыт, здоровье, а иногда и жизнь. Однако труд сотрудника УИС представляет собой не только его профессиональную деятельность, но еще и службу в правоохранительной системе, служение своему государству и его гражданам. Все это представляет собой духовные силы, без укрепления и развития которых в современном мире не обойтись, поскольку поведение сотрудников УИС в большей степени определяется духовными мотивами и нравственными ценностями. В данном случае следует согласиться с мнением С.С. Пилюковой, которая справедливо отмечает, что российское общество остро нуждается в формировании духовно-нравственных основ личности сотрудника УИС за счет принятия им духовно-нравственных ценностей, норм и качеств для последующего перехода в практику собственного поведения [5, с. 98].

Следует отметить, что духовность выражается в совокупности явлений и процессов, происходящих в сознании человека, и является одной из важных сторон всего того, что происходит в обществе, именно поэтому она выступает основанием жизнедеятельности, как общества в целом, так и отдельного гражданина. К основным элементам духовности принято относить идеи, взгляды, ценности, нравственные принципы, нормы, которые реально направляют поведение человека или социальных групп людей, а через них непосредственно влияют на содержание и

характер правопорядка.

В общественных взаимоотношениях духовная сфера имеет практическое значение, поскольку посредством духовных поисков и факторов происходит определение смысла и цели деятельности, осуществляется самосознание как личностного, так и социально-группового действия. Полагаем, что именно характер этого осознания и самоопределения в большей степени обуславливает результаты всей деятельности.

Обратим внимание, что духовная динамика оказывает воздействие на правоотношения, а также на содержание и формы социальных девиаций. Происходящие духовные изменения в сознании и нравственных ориентациях наших граждан, касающиеся представлений о высших ценностях, о границах прав и свобод, о значимости собственности, жизни и здоровья другого человека, перемена в приоритетах между ними, фактически повлияли на рост совершения противоправных деяний.

Духовная жизнь оказывает свое воздействие на процессы обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, как прямым, так и косвенным образом. Требования традиционной для России культуры (ориентация на равенство граждан, на справедливость, государственная поддержка образования, развитие культурного потенциала) оказались несовместимыми с получением выгоды и индивидуального успеха, что дезориентировало многих наших граждан. Указанные процессы значительно усиливают социальную напряженность, вызванную многими социально-экономическими трудностями. Преступность, также является одним из проявлений социальной напряженности, поскольку рост числа преступлений во многом обусловлен и потерей гражданами ценностных опор собственного существования, а также расколом между культурой и социальными реалиями.

Следует остановиться на том, что правовой нигилизм, который сопровождает возрастающую криминализацию общества, все в большей степени оказывает свое воздействие на состояние сотрудников УИС, деформируя их профессиональную культуру и ценностные ориентации, что непосредственно подрывает авторитет службы.

Представляется, что источником духовного потенциала сотрудников УИС на сегодняшний день может стать возрождение профессиональной деятельности, направленной на формирование духовно-нравственных качеств в развитии личности профессионала. Под такими качествами, имеющими духовную природу и основания, следует понимать служение своему Отечеству, гражданам, наличие чести и достоинства. Полагаем, развитие духовного и нравственного сознания современного сотрудника УИС может быть успешным, если оно будет базироваться не на копировании образцов зарубежного опыта, а станет продолжением развития того, что возникло и утвердилось на отечественных традициях и обычаях, на том, что отражает ментальность наших граждан. При этом преемственная связь должна быть восстановленная не только с далеким прошлым, но и с недавней советской практикой, отрицание которой не выдерживает никакой критики.

Если попытаться выделить совокупность основных факторов и свойств общественной среды, с одной стороны, и качеств личности сотрудников УИС, которые оказывают наиболее существенное воздействие на результаты их профессиональной деятельности, с другой стороны, то оказывается, что значительная часть из них находится в сфере культуры. В данном случае, мы солидарны с позицией С.А. Вдовина, который утверждает, что если одним из предназначений деятельности сотрудника УИС является возвращение попавшего в поле его зрения человека к гуманности, к духовно-нравственным основам, то сотрудник УИС должен быть не просто человеческим, отзывчивым, культурным, но стремиться к тому, чтобы и другой человек был таким же [2, с. 14]. Полученные знания, навыки, положительный опыт и ценности, характер взаимодействия сотрудников в процессе исполнения служебных обязанностей, все это составляет явления и процессы, которые определены содержанием и уровнем культуры, которая включает в себя саму профессиональную деятельность, ее продукты и результаты. Кроме того, именно культура содержит в себе те методы и средства, которые используют люди в своей работе. Полагаем, что именно развитию культурного уровня сотрудников УИС необходимо уделять должное внимание.

Рассматривая профессиональную подготовку сотрудников УИС, следует сказать, что ей уделяется и так достаточно много внимания. Однако полагаем, что она не должна носить узконаправленный ведомственный характер, поскольку работа сотрудников УИС требует не только правовой компетентности, а еще и развитию общей культуры, образованности, повышения уровня делового общения. Не менее важной составляющей профессионализма сотрудников УИС является универсализация деятельности, требующая наличия не только общего уровня правовых знаний, но и гуманитарной подготовки. Именно развитию этих навыков стоит уделить значительно больше внимания. Следует согласиться с мнением Е.А. Тимофеевой, которая обоснованно утверждает, что сотрудник УИС по роду своей деятельности должен выполнять воспитательные функции, становясь для осужденных своеобразным образцом высоконравственного человека, призванного, в том числе, решать вопросы реализации их прав на свободу совести и вероисповедания [6, с. 180].

Учитывая изложенное, полагаем возможным выделить три уровня знаний, умений и навыков, которыми должен обязательно овладеть в теории и апробировать в практической деятельности сотрудник УИС, окончивший ведомственное образовательное учреждение высшего образования:

- технические навыки (работа с документами, делопроизводство и режим секретности, работа с офисной техникой, действия в обычных условиях и действия при возникновении чрезвычайного происшествия);
- социально-психологические навыки (профилактика противоправных деяний, способность разрешать конфликтные ситуации, способность вступать в деловое общение и формировать коллективы);
- аналитические навыки (анализ, прогнозирование ситуации, выработка тактики и стратегии действий на основе обобщения полученной информации).

Без наличия выделенного нами минимума знаний, умений и навыков, необходимых сотруднику УИС, во многом обесценивается и дру-

гая работа, прежде всего, связанная с его гуманитарной и профессиональной подготовкой. Таким образом, гуманитарная и духовная составляющие в подготовке сотрудников УИС являются ключевыми и стратегически наиболее значимыми.

Библиография:

1. Бороздина О.С. К вопросу о формировании у курсантов ведомственного вуза личностной позиции сотрудника уголовно-исполнительной системы. Пени-тенциарная наука. 2015. № 3. С. 81-84.
2. Вдовин С.А. Духовно-нравственное воспитание офицеров УИС: от истоков до современности. Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2. С. 12-17.
3. Панарин Д.А., Луканин В.В. Опыт духовно-нравственного воспитания курсантов на примере Академии ФСИН России. Человек: преступление и наказание. 2017. № 4. С. 681-684.
4. Павлова Е.В., Аксенова А.В. Формирование личности сотрудника уголовно-исполнительной системы - гражданина и патриота своей Родины. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 2. С. 21-23.
5. Пиюкова С.С. Формирование духовно-нравственных качеств сотрудника УИС в процессе волонтерской деятельности. Вестник Самарского юридического института. № 1. 2014. С. 97-100.
6. Тимофеева Е.А. Духовно-нравственное воспитание будущих офицеров уголовно-исполнительной системы в процессе их профессиональной подготовки. Вестник самарского государственного технического университета. 2015. № 2. С. 178-183.

References:

1. Borozdina O.S. On the issue of the formation of a personal position of an employee of the penal enforcement system among cadets of a departmental university. A peni-tential science. 2015. No. 3. pp. 81-84.
2. Vdovin S.A. Spiritual and moral education of military intelligence officers: from the origins to the present. Bulletin of the Samara Law Institute. 2013. No. 2. pp. 12-17.
3. Panarin D.A., Lukanin V.V. The experience of spiritual and moral education of cadets on the example of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Man: crime and punishment. 2017. No. 4. pp. 681-684.
4. Pavlova E.V., Aksenova A.V. Formation of the personality of an employee of the penal enforcement system - a citizen and a patriot of his homeland. Bulletin of the penal enforcement system. 2016. No. 2. pp. 21-23.
5. Piyukova S.S. The formation of the spiritual and moral qualities of a UIS employee in the process of volunteer activity. Bulletin of the Samara Law Institute. No. 1. 2014. pp. 97-100.
6. Timofeeva E.A. Spiritual and moral education of future officers of the penal correction system in the process of their professional training. Bulletin of the Samara State Technical University. 2015. No. 2. pp. 178-183.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ, СОСТОЯЩИМИ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ Organization of work with minors registered with the penal enforcement Inspectorate

ТРЕГУБОВА Екатерина Анатольевна,

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО Самарский юридический институт ФСИН России, подполковник внутренней службы.
443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рыльская ул., 24 «В».
E-mail: tregubova.cat2018@yandex.ru;

Tregubova Ekaterina Anatolyevna,

senior lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lieutenant Colonel of the Internal Service.
443022, Samara region, Samara, Rylskaya str., 24 «V».
E-mail: tregubova.cat2018@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается вопрос об организации работы с несовершеннолетними лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Рассматриваемая категория лиц, представляет особый интерес. Так, в отношении них законодателем предусмотрен перечень наказаний, за пределы которого суд не может выйти при вынесении им приговора. Также в Уголовном кодексе Российской Федерации указано, что к несовершеннолетним лицам применяется наказание в виде лишения свободы только за тяжкие и особо тяжкие преступления. Из этого следует, что основная часть наказаний, которая применяется к данным лицам, не связана с лишением свободы, то есть они состоят на учете в уголовно-исполнительной инспекции, на которую сегодня возложена обязанность не только исполнить наказание, но и исправить осужденного. От того как уголовно-исполнительная инспекция организует работу с несовершеннолетним осужденным и будут зависеть результаты достижения цели по его исправлению. Автором предлагается модель организации работы уголовно-исполнительной инспекции с несовершеннолетними осужденными, применение которой будет способствовать эффективному исполнению наказаний в отношении данной категории лиц и достижению цели исправления.

Abstract. The article deals with the issue of organizing work with minors who are registered in the penal enforcement inspectorate. The category of persons in question is of particular interest. Thus, the legislator provides for a list of punishments in relation to them, beyond which the court cannot go when sentencing them. The Criminal Code of the Russian Federation also states that the punishment of imprisonment is applied to minors only for serious and especially serious crimes. It follows from this that the main part of the punishments that are applied to these persons is not related to imprisonment, that is, they are registered with the penitentiary inspectorate, which today is charged with the duty not only to execute the punishment, but also to correct the convicted person. The results of achieving the goal of his correction will depend on how the criminal enforcement inspectorate organizes work with a juvenile convict. The author proposes a model for organizing the work of the penal enforcement inspectorate with juvenile convicts, the use of which will contribute to the effective execution of punishments against this category of persons and the achievement of the goal of correction.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовно-исполнительная инспекция, профилактика, правонарушение, наказание.

Keywords: minor, criminal enforcement inspection, prevention, offense, punishment.

Для цитирования: Трегубова Е.А. Организация работы с несовершеннолетними лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 577-581. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_577.

For citation: Tregubova E.A. Organization of work with minors registered with the penal enforcement Inspectorate // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 577-581. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_577.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства Президентом Российской Федерации в 2017 году был издан Указа, которым период с 2018 по 2027 годы в нашей стране объявлен «Десятилетием детства»¹. Внимание государства к такому вопросу не случайно, так как несовершеннолетние лица требуют особого подхода со стороны всех органов и учреждений, которые включены в систему образования, воспитания и профилактики, от чего во многом зависит будущее детей и государства в целом. Актуальность этого вопроса и послужила причиной рассмотреть организацию работы с несовершеннолетними лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

Лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет, признается несовершеннолетним².

Согласно ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) в отношении несовершеннолетних лиц предусмотрены следующие виды наказаний:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- лишение свободы на определенный срок.

Из перечисленных видов наказаний Федеральными казенными учреждениями «Уголовно-исполнительная инспекция» (далее по тексту

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).

–УИИ, инспекция) исполняются лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, а также применяются меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией осужденного от общества.

От организации и проведения работы с несовершеннолетними лицами, состоящими на учете УИИ, во много зависит достижение цели, которая преследуется судом при назначении виновному лицу наказания и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Правовую основу организации работы с несовершеннолетними лицами, состоящими на учете УИИ составляют положения Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также принятые в соответствии с ними нормативные правовые акты Минюста России и ФСИН России.

Организация работы с несовершеннолетними, состоящими на учете УИИ, осуществляется сотрудниками с момента поступления приговора (постановления, определения) суда на исполнение в отношении данного лица и завершается после снятия его у учета по основаниям, которые предусмотрены в пп. 146-147 приказа Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»¹ и п. 60 приказа Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»².

Мероприятия, проводимые с несовершеннолетними, состоящими на учете УИИ, направлены на исполнение наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, а также на профилактику предупреждения совершения подучетными лицами нового преступления. В связи этим руководство УИИ в рамках организации проведения работ по предупреждению совершения новых преступлений среди несовершеннолетними обеспечивает:

- проведение ежемесячного анализа уровня и состояния совершения новых преступлений среди несовершеннолетних лиц, состоящих на учете УИИ;
- выявление причин и условий, которые способствуют совершению повторных преступлений несовершеннолетними осужденными;
- разработку и реализацию планов мероприятий по предупреждению совершения новых преступлений среди несовершеннолетних лиц, состоящих на учете УИИ;
- подготовку предложений в муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений, совершаемыми несовершеннолетними лицами;
- взаимодействие с органами и учреждениями, входящими в систему профилактики по вопросам организации и проведения мероприятий по предупреждению таких правонарушений;
- рассмотрение результатов деятельности по предупреждению совершения правонарушений несовершеннолетними, состоящими на учете УИИ, с приглашением органов и учреждений, входящих в систему профилактики, во взаимодействии с которыми такие мероприятия проводились;
- информирование органов и учреждений, входящих в систему профилактики, о состоянии и проблемных вопросах в сфере предупреждения совершения новых преступлений несовершеннолетними, состоящими на учете УИИ;
- внедрение в практическую деятельность мероприятий из положительного опыта, которые способствовали предупреждению совершения новых преступлений несовершеннолетними осужденными.

В ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³ определен перечень органов и учреждений, входящих в систему профилактики. К ним относятся: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - комиссия, КДН и ЗП), органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, а также иные учреждения, осуществляющие отдельные функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, создаваемые указанными органами. К органам и учреждениям, которые осуществляют профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, относится и уголовно-исполнительная система (далее по тексту – УИС). Из этого следует, что организация работы с несовершеннолетними, состоящими на учете УИИ, должна проводиться в тесном взаимодействии с перечисленными органами и учреждениями, входящими в систему профилактики.

При поступлении в УИИ приговора (постановления, определения) суда в отношении несовершеннолетнего лица, он вызывается для постановки на учет повесткой. В повестке в обязательном порядке должна быть указана информация, что несовершеннолетний должен явиться в УИИ для постановки на учет вместе с одним из родителей или законным представителем. Повестка о явке направляется по почте и (или) может быть вручена по месту жительства осужденному, родителю или его законному представителю.

¹ Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: приказа Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).

³ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федерального закона от 24 июня 1999 № 120-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).

В день явки в УИИ несовершеннолетнего с ним проводится беседа в присутствии его родителя или законного представителя. Необходимо наиболее подробно, с помощью уточняющих вопросов, установить мотивы совершенного преступления, круг общения до совершения преступления и во время постановки на учет. Следует установить деятельность, которой занят несовершеннолетний осужденный (учеба в школе, училище, техникуме и т.п. или работа), а также уточнить наличие хобби, увлечений. В беседе рекомендуется также уточнить, какое количество свободного времени в день остается у несовершеннолетнего осужденного и как он его организует. Данная информация позволит установить наличие факторов, которые могут способствовать совершению новых преступлений несовершеннолетним осужденным, состоящим на учете в УИИ, а также будет способствовать организации планирования и проведения профилактических мероприятий в отношении данной категории осужденных.

В ходе первоначальной беседы сотрудник инспекции разъясняет несовершеннолетнему осужденному и его родителю (законному представителю):

- порядок и условия отбывания наказания, а также мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, назначенного приговором суда, права и обязанности осужденного, ответственность за их несоблюдение;
- последствия совершения повторного преступления;
- право на обращение в суд с ходатайством об отсрочке исполнения приговора на определенный срок при наличии одного из оснований, перечисленных в части 1 ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;
- право на обращение в суд с ходатайством о снижении размера удержаний из заработной платы в случае ухудшения его материального положения – осужденному к исправительным работам;
- осужденному, гражданину Российской Федерации, не имеющему документов, удостоверяющих личность, о необходимости обращения в подразделение по вопросам миграции по месту пребывания или по месту фактического проживания для получения временного удостоверения личности гражданина РФ либо паспорта гражданина РФ. Несовершеннолетний осужденный и его родитель (законный представитель) предупреждаются о наступлении административной ответственности за отсутствие указанных документов;
- права несовершеннолетнего осужденного, сопряженные с отбыванием наказания, в том числе о праве на обращение в органы социальной защиты населения для оказания социальной помощи при тяжелом материальном положении (по оплате оформления документа, удостоверяющего личность, и др.).

По окончании беседы составляется документ о правах и обязанностях осужденного и ответственности за допущенные нарушения в период отбывания наказания – подписка. Данный документ приобщается к личному делу, а осужденному выдается памятка о его правах и обязанностях в соответствии с видом назначенного наказания.

О постановке на учет в УИИ несовершеннолетнего лица направляется информация в органы и учреждения, входящие в систему профилактики, для взаимодействия по организации мероприятий профилактического характера, а также для получения от них информации, которая будет способствовать установлению причин, приведших к совершению несовершеннолетним преступления.

При проведении бесед с несовершеннолетним осужденным, рекомендуется осуществлять ее в спокойной, доброжелательной обстановке. Если осужденный ведет себя настороженно, замкнуто и неохотно рассказывает о себе, беседу целесообразно вести по системе «вопрос-ответ». В этих случаях большое значение приобретает правильное использование предварительных сведений о профилактируемом для того, чтобы выяснить причину неоткровенности, а в случае необходимости – уличить его во лжи. Важно уметь создать у осужденного впечатление полной и детальной осведомленности о нем, его связях и поведении.

Способы завершения беседы зависят от дальнейшей перспективы воспитательной работы. Перед осужденным может быть поставлена конкретная задача, например трудоустройство в определенный срок, причем следует назначить дату следующей встречи для выяснения выполнения задания.

Анализ правоприменительной практики показывает, что более половины повторных преступлений совершается в течение первых трех месяцев пребывания осужденных на учете УИИ, причем около 70 процентов из них аналогичны по составу ранее совершенному преступлению. Это объясняется тем, что определенная часть осужденных на этот момент еще не прониклась чувством вины за совершенное преступление и ответственностью за соблюдение порядка и условий отбывания наказания. Поэтому именно в этот период многие из поднадзорных нуждаются в пристальном внимании, интенсивном психологическом и воспитательном воздействии. Так, М.В. Архипова и Е.А. Редькина отмечают, что «преступность несовершеннолетних имеет определенную специфику, обусловленную в первую очередь возрастом и психологическими особенностями, присущими данному возрасту»¹.

Из сказанного следует, что задача сотрудников УИИ – составить психологический портрет осужденного, который поможет осуществлять воспитательное воздействие, опираясь на положительные качества и разрушая отрицательные черты характера несовершеннолетнего лица. Особое внимание при организации и проведении воспитательной работы необходимо уделять несовершеннолетним осужденным, имеющим стойкую антиобщественную направленность, ранее судимым к лишению свободы и нуждающимся в лечении от алкоголизма и наркомании, которые более других склонны к совершению повторных преступлений.

Для оказания психологической помощи осужденным на начальном и последующем этапах отбывания наказания, а также для обучения

¹ Архипова М.В., Редькина Е.А. Особенности современной преступности несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 3(53). – С. 98.

сотрудников инспекции приемам ведения беседы, составления психологического портрета подучетных, необходимо привлекать психологические службы УИИ и органов и учреждений, входящих в систему профилактики.

Так, сотрудник психологической службы УИИ осуществляет следующие мероприятия в отношении несовершеннолетнего осужденного:

- психологическое сопровождение. Оно организуется с момента постановления несовершеннолетнего лица на учет до момента снятия осужденного с учета. На первом этапе проводится обследование несовершеннолетнего осужденного, которое позволяет определить особенности его характера, индивидуально-психологические особенности, которые способствовали совершению преступления. Спрогнозировать поведение несовершеннолетнего в различных ситуациях, разработать рекомендации по индивидуализации исполнения наказания или мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Исходя из полученных результатов будет осуществляться организация работы с несовершеннолетним осужденным;

- выявление несовершеннолетних, склонных к противоправному поведению, для постановки их на профилактический учет;

- проведение мероприятий, связанных с оказанием психологической помощи;

- проведение групповой и индивидуальной психокоррекционной работы с несовершеннолетними лицами, направленные на их исправление, формирование позитивного отношения к труду, учебе, социальным нормам и ценностям.

Видится, что можно в качестве предложения руководителям УИИ рекомендовать, чтобы организация исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества в отношении несовершеннолетнего была возложена на одного более опытного сотрудника. В том случае, если в УИИ есть сотрудник с педагогическим образованием, то целесообразнее было бы ему осуществлять работу с данной категорией осужденных. Если нагрузка в УИИ между сотрудниками распределяется по территориальному принципу, а не по видам наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, то возможно, что организационная и воспитательная работа будет проводиться сотрудником, за которым закреплена данная категория осужденных, а контроль по месту жительства может осуществлять сотрудник на чьей территории проживает несовершеннолетний.

При явках для регистрации и отчета о своем поведении в УИИ рекомендуется для несовершеннолетних осужденных определить день, когда другие осужденные, состоящие на учете, не посещают инспекцию. Это позволит минимизировать возможность знакомства и последующего общения несовершеннолетних лиц с более криминогенным элементом, состоящим на учете в УИИ.

При организации работы с несовершеннолетними осужденными необходимо при планировании мероприятий, которые будут способствовать их исправлению и предупреждению совершения преступлений, включать посещение организаций культуры (театры, музеи, культурно-досуговые учреждения и т.п.). Согласно Постановлению Правительства РФ от 17 августа 2021 г. № 1357 «Об утверждении Правил предоставления субсидии акционерному обществу «Почта Банк» на финансовое обеспечение реализации в Российской Федерации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры»¹ действует программа по оформлению «Пушкинской карты». Данная карта позволяет несовершеннолетним получить субсидию от государства при посещении организаций культуры. Сотрудникам инспекции можно организовать групповые посещения организаций культуры несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете, с использованием денежных средств, зачисленных на данную карту. Реестр организаций культуры, которые возможно посетить по данной карте, ведется в электронном виде и размещается на платформе «PRO.Культура.РФ». Оформить данную карту несовершеннолетний осужденный может самостоятельно. В случае отсутствия технической возможности у несовершеннолетнего для оформления «Пушкинской карты», ему может быть оказана практическая помощь сотрудниками УИИ. Посещение организаций культуры несовершеннолетними осужденными способствует формированию у них иного мировоззрения, не связанного с противоправным поведением. Это окажет благотворное влияние на развитие личности несовершеннолетнего лица.

Особое внимание стоит сотрудникам инспекции уделить и физическому воспитанию несовершеннолетних осужденных. Так, В.А. Новиков говорит о том, что при «систематического участия в спортивных соревнованиях у осужденных вырабатываются самообладание и выдержка, сдержанность и критическая оценка обстановки, правильная реакция на возникающие трудности»². Действительно, при организации работы с рассматриваемой категорией лиц, сотрудники инспекции осуществляя планирование мероприятий должны уделять внимание и спортивно-досуговой работе. Такой опыт вовлечения несовершеннолетних осужденных в спортивно-досуговую деятельность имеется и в УИИ Самарской области. От вовлечения в подобного рода мероприятий подростков сотрудниками инспекции фиксировались неоднократно положительные результаты.

Таким образом, видится, что представленная модель организации мероприятий в отношении несовершеннолетних, состоящих на учете в УИИ будет способствовать:

- достижению цели исправления несовершеннолетних осужденных;

- профилактике совершения новых преступлений несовершеннолетним осужденным в период осуществления за ним контроля;

- взаимодействию с другими службами профилактики.

¹ Об утверждении Правил предоставления субсидии акционерному обществу «Почта Банк» на финансовое обеспечение реализации в Российской Федерации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры: постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2021 г. № 1357 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024)

² Новиков В.А. Физическое воспитание как средство исправления несовершеннолетних условно осужденных // Сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации"). В 9-ти томах. Академия ФСИН России, 2023 С. 47.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: текст с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 14.05.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ.1997. № 2. Ст. 198 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федерального закона от 24 июня 1999 № 120-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
5. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
6. Об утверждении Правил предоставления субсидии акционерному обществу «Почта Банк» на финансовое обеспечение реализации в Российской Федерации программы социальной поддержки молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры: постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2021 г. № 1357 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
7. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
8. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 258 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2024).
9. Архипова М.В., Редькина Е.А. Особенности современной преступности несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 3(53). – С. 98-106.
10. Новиков В.А. Физическое воспитание как средство исправления несовершеннолетних условно осужденных // Сборник тезисов выступлений и докладов участников форума (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации"). В 9-ти томах. Академия ФСИН России, 2023 С. 46-49.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: text with amendments and additions. [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) (date of appeal: 05/14/2024).
2. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 05/14/2024).
3. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 // Collection of Legislation of the Russian Federation.1997. No. 2. Article 198 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 05/14/2024).
4. On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 05/14/2024).
5. About the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 240 dated May 29, 2017 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 05/14/2024).
6. On approval of the Rules for Granting subsidies to the Post Bank Joint Stock Company for financial support of the implementation in the Russian Federation of the program of social support for youth aged 14 to 22 years to increase the accessibility of cultural organizations: Decree of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2021 No. 1357 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 05/14/2024).
7. On approval of the Instructions on the organization of the execution of punishments and measures of a criminal legal nature without isolation from society: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated May 20, 2009 No. 142 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 05/14/2024).
8. On approval of the Instructions on the organization of the execution of punishment in the form of restriction of liberty: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated October 11, 2010 No. 258 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 05/14/2024).
9. Arkhipova M.V., Redkina E.A. Features of modern juvenile delinquency // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2023. – № 3(53). – Pp. 98-106.
10. Novikov V.A. Physical education as a means of correcting juvenile probationers // Collection of abstracts of speeches and reports of forum participants (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 No. 5473-1 "On institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation"). In 9 volumes. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023 pp. 46-49.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_582

УДК 343.1

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ON IMPROVING THE PROCEDURAL PROCEDURE FOR EXAMINATION WHEN VERIFYING A REPORT OF A CRIME

РАЗУВАКИНА Ирина Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
E-mail: shitova.tv@mail.ru;

ВАСИЛЬЕВА Надежда Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
E-mail: shitova.tv@mail.ru;

ШИТОВА Татьяна Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
E-mail: shitova.tv@mail.ru;

RAZUVAKINA Irina Igorevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.
E-mail: shitova.tv@mail.ru;

VASILYEVA Nadezhda Leonidovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.
E-mail: shitova.tv@mail.ru;

SHITOVA Tatyana Vasilyevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.
E-mail: shitova.tv@mail.ru

Краткая аннотация: Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2] в ч. 1 ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [1] (далее – УПК РФ) внесено изменение, позволяющее проводить освидетельствование на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). В то же время, на практике применение ст. 179 УПК РФ сопряжено с некоторыми сложностями, обусловленными: отсутствием у освидетельствуемого в целях проверки сообщения о преступлении лица статуса участника уголовного судопроизводства; неоднозначным толкованием правоприменителем оценочной категории «в случаях, не терпящих отлагательства» (ч. 1 ст. 179 УПК РФ), а также отсутствием в УПК РФ указания на круг субъектов, подлежащих освидетельствованию до возбуждения уголовного дела. С точки зрения автора статьи, восполнение указанных законодательных пробелов поможет исключить двоякое толкование оснований проведения освидетельствования, а также обеспечит надлежащую защиту прав и законных интересов лиц, освидетельствуемых на этапе проверки сообщения о преступлении.

Abstract. Federal Law of December 2, 2008 № 226-FZ «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» in Part 1 of Art. 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated Dec. 18, 2001 № 174-FZ, an amendment was made to allow examination at the stage of verifying a report of a crime (Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). At the same time, in practice, the application of Art. 179 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is associated with certain difficulties, due, among other things, to the fact that the person being examined does not have the status of a participant in criminal proceedings; ambiguous interpretation by the law enforcement officer of the assessment category «in urgent cases», as well as the lack of status of the person being examined as a participant in criminal proceedings; ambiguous interpretation by the law enforcement officer of the assessment category «in urgent cases» (Part 1 of Art. 179 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), as well as the absence in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of an indication of the range of subjects subject to examination before the initiation of a criminal case. From the point of view of the author of the article, filling these legislative gaps will help eliminate double interpretation of the grounds for conducting an examination, and will also ensure adequate protection of the rights and legitimate interests of the persons being examined at the stage of verifying a crime report.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, постановление о производстве освидетельствования, круг субъектов освидетельствования, права и обязанности лиц, подлежащих освидетельствованию, правовой статус освидетельствуемого лица, добровольный характер освидетельствования.

Keywords: verification of a report of a crime, a decision to carry out an examination, the range of subjects of the examination, the rights and obligations of persons subject to examination, the legal status of the person being examined, the voluntary nature of the examination.

Для цитирования: Разувакина И.И., Васильева Н.Л., Шитова Т.В. О совершенствовании процессуального порядка освидетельствования при проверке сообщения о преступлении // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 582-585. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_582.

For citation: Razuvakina I.I., Vasilyeva N.L., Shitova T.V. On improving the procedural procedure for examination when verifying a report of a crime // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 582-585. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_582.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Вводная часть

Особую значимость стадии возбуждения уголовного дела учёные-процессуалисты связывают с тем, что именно на ней закладывается доказательственная база, используемая в последствие при разрешении уголовного дела в суде. На основе этой базы выносится законное, обоснованное решение судебного органа. В качестве главной задачи стадии возбуждения уголовного дела определяется выявление признаков преступления, а решить эту задачу помогают процессуальные проверочные (следственные) действия, реализуемые должностными лицами, которых законодатель наделил полномочиями по проведению проверки сообщения о преступлении в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Одним из таких процессуальных проверочных средств выступает закреплённое ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование, которое в случаях, не терпящих отлагательства, подлежит проведению до возбуждения уголовного дела. Следственная практика подтверждает, что освидетельствование является эффективным инструментом, помогающим следователю, основываясь на анализе результатов освидетельствования, принять решение о возбуждении (от отказе в возбуждении) уголовного дела.

Анализ способов проверки сообщений о преступлениях свидетельствует, что по частоте использования освидетельствование (57%) уступает только осмотру места происшествия, документов, предметов, трупов (72%) и судебной экспертизе (87%) [6], что позволяет отнести освидетельствование к наиболее распространённым и востребованным следственной практикой проверочным средствам. В то же время, статистические данные подтверждают, что в 9% в 2023 г. и в 12% случаев в 2022 г. законность постановлений о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела ставилась под сомнение прокурором в связи с несоблюдением следователями (дознателями) порядка назначения и проведения освидетельствования на стадии проверки сообщения о преступлении [8], а также из-за неоднозначного толкования правоприменителем оснований назначения данного процессуального проверочного действия.

В связи с изложенным автором настоящей статьи были поставлены следующие **задачи**:

- 1) исследовать основания проведения освидетельствования на стадии проверки сообщения о преступлении (ч. 2 ст. 179 УПК РФ);
- 2) выявить проблемы, возникающие в практике применения ч. 1 ст. 179 УПК РФ до возбуждения уголовного дела;
- 3) разработать рекомендации, направленные на решение выявленных проблем и совершенствование уголовно-процессуального законодательства РФ, регулирующего основания и порядок проведения освидетельствования на стадии проверки сообщения о преступлении.

Применение формально-логического, статистического и аналитического **методов исследования** позволили автору статьи прийти к выводу, что в отличие от этапа предварительного расследования, допускающего проведение освидетельствования в принудительном порядке, на этапе проверки сообщения о преступлении (до возбуждения уголовного дела) никакое принуждение недопустимо, так как у освидетельствуемого лица отсутствует правовой статус участника уголовного судопроизводства. В связи с этим освидетельствование как лица, пострадавшего от преступления, так и иных лиц до момента возбуждения уголовного дела может быть только добровольным. Также использование набора вышеперечисленных методов исследования позволило автору статьи обосновать необходимость дополнительной законодательной проработки норм ч. 1 ст. 179 УПК РФ с целью обеспечения единого подхода к толкованию формулировки «в случаях, не терпящих отлагательства», а также закрепления в УПК РФ круга субъектов, подлежащих освидетельствованию до возбуждения уголовного дела.

Основная часть

Согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ, в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела может быть произведено освидетельствование, которое позволяет обнаружить на теле человека особые приметы, следы преступления и т.д., а также выявить признаки, представляющие ценность для установления тех или иных обстоятельств уголовного дела [4]. При этом следует подчеркнуть, что использовать освидетельствование как проверочное средство можно исключительно в ходе рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Проводить его с иной целью закон запрещает.

Основанием проведения освидетельствования в целях проверки сообщения о преступлении является вынесенное следователем постановление (ч. 2 ст. 179 УПК РФ). Так, суд счёл отсутствие в материалах дела постановления о производстве освидетельствования нарушением требований ч. 2 ст. 179 УПК РФ, а также отметил, что цель закрепления в УПК РФ этой нормы сводится законодателем к тому, чтобы защитить прав и законные интересы освидетельствуемого лица, в данном случае А., для которого освидетельствование стало бы обязательной процедурой в случае вынесения следователем соответствующего постановления [3].

В научной литературе постановление следователя о направлении на освидетельствование в рамках проверки сообщения о преступлении характеризуется в качестве «процессуальной гарантии обоснованности производства данного следственного действия, поскольку оно по своему характеру является принудительным и сопряжено с ущемлением права на неприкосновенность личности» [5, с. 10]. Кроме того, процессуальной гарантией, направленной на защиту прав, чести и достоинства освидетельствуемого лица, является правило, в соответствии с которым освидетельствование, предусматривающее обнажение освидетельствуемого лица, производит должностное лицо одного с освидетельствуемым пола (ч. 4 ст. 179 УПК РФ). Нарушение данного требования служит основанием для признания протокола освидетельствования недопустимым доказательством.

Так, оценив представленные по делу доказательства, суд счёл, что протоколы освидетельствования потерпевших ФИО15 и ФИО16, положенные следственными органами в основу проведенных судебно-медицинских экспертиз, имеют ряд нарушений, противоречащих требованиям уголовно-процессуального закона. Суд акцентировал внимание на том, что освидетельствование следует проводить должностному лицу того же пола, что и освидетельствуемый, однако, как следует из материалов дела, следователь ФИО7, которая проводила данные процессуальные действия, является женщиной, а освидетельствуемые – лица мужского пола, а значит, признать освидетельствование потерпевших допусти-

мым доказательством в рамках данного уголовного дела нельзя. Суд апелляционной инстанции также указал на допущенную ошибку суда первой инстанции, который в своём постановлении от ДД.ММ.ГГГГ, необъективно сослался на тот факт, что освидетельствование потерпевших не было сопряжено с обнажением. В то же время, протоколы данного процессуального действия свидетельствуют об обратном. Руководствуясь ч. 4 ст. 179 УПК РФ, суд апелляционной инстанции счёл постановление Железнодорожного районного суда г. Рязани от ДД.ММ.ГГГГ в этой части подлежащим отмене в связи с признанием протоколов освидетельствования недопустимыми доказательствами по данному уголовному делу [6].

Анализ судебно-следственной практики показал, что правовая регламентация освидетельствования, проводимого в порядке ст. 179 УПК РФ, порождает трудности в производстве данного процессуального действия и вызывает много вопросов. По смыслу ч. 2 ст. 179 УПК РФ, следователь в обязательном порядке выносит постановление об освидетельствовании, согласно которому данное проверочное действие проводится в отношении лиц, тело которых в интересах следствия необходимо подвергнуть осмотру. При этом нельзя не отметить, что освидетельствование на этапе предварительного расследования и на стадии проверки сообщения о преступлении имеют кардинальные отличия, которые заключаются в том числе, в отсутствии законных оснований для принуждения лица к прохождению освидетельствования до возбуждения уголовного дела. Это связано с тем, что на этапе проверки сообщения о преступлении у освидетельствуемого лица отсутствует правовой статус участника уголовного судопроизводства, а значит, принудительное вовлечение его в то или иное следственное действие недопустимо. Исходя из этого, можно констатировать, что освидетельствование, как лица, пострадавшего от преступления, так и иных лиц до момента возбуждения уголовного дела может быть исключительно добровольным. Представляется, что только получив согласие такого лица на освидетельствование, либо рассмотрев его просьбу о проведении данного процессуального действия до возбуждения уголовного дела, можно считать это действие законным.

По смыслу ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование на этапе проверки сообщения о преступлении проводится в случаях, не терпящих отлагательства. Следовательно, законный характер осмотр тела человека до возбуждения уголовного дела приобретает только в том случае если это «не терпит отлагательства». Очевидно, что данная формулировка закона относится к разряду оценочных, а значит, по-разному может трактоваться правоприменителем.

Так, в одних ситуациях случаем, не терпящим отлагательств, считается риск утраты следов совершенного преступления, которые могут иметь место на теле, как лица, совершившего преступление, так и ставшего жертвой этого преступления, а в других – под «безотлагательностью» понимается необходимость в оперативном порядке установить факт причастности к совершению преступления лица, застигнутого на месте преступления или, например, сложности, связанные с квалификацией преступления на этапе принятия следователем решения о возбуждении уголовного дела [6].

С нашей точки зрения, если законодатель ввёл в УПК РФ норму, позволяющую освидетельствовать лицо на стадии проверки сообщения о преступлении, до того, как уголовное дело было возбуждено, то, учитывая оценочный характер формулировки «в случаях, не терпящих отлагательства» (ч. 1 ст. 179 УПК РФ), не лишним с его стороны было бы попытаться эти случаи в норме ч. 1 ст. 179 УПК РФ прописать, что могло бы исключить двоякое толкование оснований для освидетельствования на этапе проверки сообщения о преступлении.

Трудно также не согласиться с мнением специалистов, указывающих в числе недостатков правовой регламентации освидетельствования – отсутствие в УПК РФ чёткого указания на круг субъектов, подлежащих освидетельствованию на стадии возбуждения уголовного дела (неясно, кого из участников можно осмотреть) [7].

Дело в том, что освидетельствование, предусмотренное нормой ст. 179 УПК РФ, изначально подразумевает проведение данного процессуального проверочного действия в отношении подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей с их согласия. Между тем, появление перечисленных участников уголовного процесса становится возможным исключительно после того, как будет возбуждено уголовное дело. Соответственно, без ответа законодатель оставляет вопрос: кого на законных основаниях можно подвергнуть освидетельствованию на этапе проверки сообщения о преступлении и каковы права и обязанности этих лиц. Полагаем, если законодателем допущена возможность провести освидетельствование до того, как было возбуждено уголовное дело (в случаях, не терпящих отлагательства), то при определении круга лиц, подлежащих освидетельствованию в рамках проверки сообщения о преступлении, необходимо руководствоваться содержанием ст. 144 УПК РФ, где упомянуты такие участники уголовно-процессуальных правоотношений, как «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» или «участники проверки сообщения о преступлении», и учесть данные формулировки при определении круга субъектов освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела. Данный вывод диктует необходимость внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 179 УПК РФ.

Резюмируя содержание настоящей статьи, отметим, что согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, в целях проверки сообщения о преступлении, до возбуждения уголовного дела может проводиться освидетельствование, позволяющее обнаружить на теле человека особые приметы, следы преступления и т. д., а также выявить признаки, представляющие ценность для установления тех или иных обстоятельств уголовного дела. В то же время, норма ч. 1 ст. 179 УПК РФ страдает рядом пробелов, так как не закрепляет чётких оснований для осуществления данного процессуального проверочного действия, ни круга лиц, подлежащих освидетельствованию, никак не регулирует их процессуальный статус. Всё это диктует необходимость внесения в норму ч. 1 ст. 179 УПК РФ ряда изменений.

Заключительная часть

На основании проведенного анализа были сделаны следующие выводы.

1. Согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела может быть произведено осви-

детельствование, целью которого является обнаружение на теле освидетельствуемого лица признаков, позволяющих подтвердить либо опровергнуть его причастность к совершению преступления либо считать это лицо жертвой совершенного преступления.

2. Правоприменение по ч. 1 ст. 179 УПК РФ осложнено, так как указанная норма содержит оценочную формулировку «случаи, не терпящие отлагательства», не закрепляет круга лиц, подлежащих освидетельствованию, не регулирует должным образом их процессуальный статус. Полагаем, при определении круга лиц, подлежащих освидетельствованию в рамках проверки сообщения о преступлении, необходимо руководствоваться содержанием ст. 144 УПК РФ, где упомянуты такие участники уголовно-процессуальных правоотношений, как «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» или «участники проверки сообщения о преступлении».

3. Учитывая тот факт, что применение освидетельствования как проверочного средства является законным исключительно на этапе проверки сообщения о преступлении, полагаем, что принудительно освидетельствовать можно только то лицо, в отношении которого проводится данная проверка.

4. Вышеизложенное диктует необходимость:

– внесения изменения в ч. 1 ст. 179 УПК РФ с изложением последнего предложения в следующем виде: «В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела в отношении участника проверки сообщения о преступлении».

– уточнения в ч. 1 ст. 179 УПК РФ критериев, на основании которых обстоятельства могут быть признаны «не терпящими отлагательств», которые, соответственно, будут служить основанием для вынесения следователем постановления о направлении на освидетельствование на этапе проверки сообщения о преступлении. С нашей точки зрения, это поможет исключить двоякое толкование оснований для освидетельствования на этапе проверки сообщения о преступлении.

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.05.2024).
2. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.04.2024).
3. Приговор Хостинского районного суда г. Сочи от 13.03.2023 по делу № 1-228/2022 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 03.05.2024).
4. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 17-е изд. М.: Проспект, 2023. 465 с.
5. Богданова А.В. Процессуальные гарантии прав лиц, пострадавших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 9-10.
6. Обобщение судебной-следственной практики по ч. 1 ст. 179 УПК РФ «Освидетельствование» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.04.2024).
7. Спиридонова Ю. К. Актуальные вопросы досудебного производства в уголовном процессе России // Российский следователь. 2019. № 1. С. 24-28.
8. Статистические данные ГИАЦ МВД России по состоянию преступности (2022-2023 гг.) [Электронный ресурс] // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic>. (дата обращения 06.05.2024).

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No.174-FZ (as amended on 03/23/2024) [Electronic resource] // Access from the ConsultantPlus legal reference system (date of reference: 05/04/2024).
2. Federal Law No. 226-FZ dated 12/22/2008 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. – Access from the help.- the legal system "Consultant Plus" (date of application: 04/25/2024).
3. The verdict of the Khostinsky District Court of Sochi dated 03/13/2023 in case No. 1-228/2022 [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of appeal 05/03/2024).
4. Bezlepkin B.T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). 17th ed. Moscow: Prospekt, 2023. 465 p.
5. Bogdanova A.V. Procedural guarantees of the rights of persons affected by crimes at the stage of initiation of a criminal case // Current problems of Russian law. 2022. No. 12. pp. 9-10.
6. Generalization of judicial and investigative practice according to Part 1 of Article 179 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation "Examination" [Electronic resource]. – Access from the help.-legal system "Consultant Plus" (date of application: 04/25/2024).
7. Spiridonova Yu. K. Current issues of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia // A Russian investigator. 2019. No. 1. pp. 24-28.
8. Statistical data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the state of crime (2022-2023) [Electronic resource] // URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic>. (accessed 05/06/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_586

УДК 343.28

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА Individualization in the appointment of criminal penalties and other measures of a criminal nature

СУВОРОВА Светлана Владимировна,
ООО «Институт правовой защиты», директор.
443095, Россия, г. Самара, ул. Г. Димитрова, 1а, оф. 203.
E-mail: suvorovasvetlana.ipz@mail.ru;
Suvorova Svetlana Vladimirovna,
LLC "Institute of Legal Protection", Director.
443095, Samara, G. Dimitrova str., 1a, office 203.
E-mail: suvorovasvetlana.ipz@mail.ru

Краткая аннотация: В статье раскрываются правовые особенности индивидуализации уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера с учетом характеристик совершенного преступления и лица, его совершившего. Автор предлагает определение иных мер уголовно-правового характера. Сделано предложение об исключении из перечня иных мер уголовно-правового характера конфискации имущества, признав ее дополнительным видом уголовного наказания, одновременно добавив в этот перечень принудительные меры воспитательного воздействия.

Abstract: The article reveals the legal features of the individualization of criminal punishment and other measures of a criminal nature, taking into account the characteristics of the committed crime and the person who committed it. The author proposes the definition of other criminal law measures. A proposal has been made to exclude confiscation of property from the list of other criminal law measures, recognizing it as an additional type of criminal punishment, while adding compulsory educational measures to this list.

Ключевые слова. Наказание, иные меры уголовно-правового характера, индивидуализация, личность виновного,
Keywords. Punishment, other measures of a criminal nature, individualization, the identity of the perpetrator,

Для цитирования: Суворова С.В. Индивидуализация при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 586-589. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_586.

For citation: Suvorova S.V. Individualization in the appointment of criminal penalties and other measures of a criminal nature // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 586-589. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_586.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024
Дата публикации: 03.10.2024

Одной из задач уголовного права является установление справедливой уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Реализация данной задачи возможна путём правильного выбора в ответ на преступление уголовного наказания либо иной меры уголовно-правового характера. В настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) насчитывает 13 видов уголовного наказания (ст. 44 УК РФ) и 3 иных меры уголовно-правового характера (ст. ст. 97, 104.1 и 104.4 УК РФ). Успешная реализация принципа справедливости предполагает индивидуализацию уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, т.е. их соответствие общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Законодатель урегулировал индивидуализацию уголовного наказания посредством уголовно-правовых норм, посвященных общим началам назначения наказания и ряду правил, регулирующих его смягчение и ужесточение. Л.В. Иногамова-Хергай разъясняет, что наказание будет справедливым только в том случае, когда суд назначает его на основе всей совокупности общих начал, установленных законом, а индивидуализировать его позволяют в своей совокупности требования, указанные в статьях 60, 64, 69 и 70 УК РФ [1, с. 165-166]. Следует также учитывать, что отдельные элементы порядка индивидуализации присутствуют в статьях УК РФ, отражающих различные виды наказаний.

Что же касается иных мер уголовно-правового характера, то общих правил их назначения, как и определения, в отличие от наказания, УК РФ не содержит, а элементы индивидуализации в составе посвященных им статей УК РФ, с нашей точки зрения, недостаточны для эффективной реализации в соответствии с задачами и принципами уголовного законодательства.

Представляется целесообразным наличие критериев индивидуализации как для уголовного наказания, так и для иных мер уголовно-правового характера, хотя на сегодняшний день такие критерии не нашли своего отражения в российском уголовном законодательстве. Такая индивидуализация способствует более справедливому применению мер государственного принуждения к лицу, совершившему преступление, с учетом обстоятельств его совершения, видовых характеристик преступления и его категории.

Целесообразно классифицировать все критерии индивидуализации назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера в зависимости от их принадлежности либо к характеристикам совершенного преступления, либо к характеристикам лица, его совершившего. При этом одни и те же характеристики могут иметь отношение как к преступлению, так и к личности виновного, например, если это преступление специального субъекта.

К признакам, характеризующим совершенное преступление, можно отнести категорию совершенного преступления; видовые характеристики преступления, прежде всего его объект и форму вины; повторность. Такого общего правила в УК РФ нет, но в его статьях об отдельных наказаниях названные критерии подтверждаются, правда, без единообразия.

Так, УК РФ предписывается учитывать тяжесть совершенного преступления (его категорию) при назначении штрафа, ограничения свободы, принудительных работ, лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы, смертной казни, судебного штрафа и др.

Характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения подлежат учету при назначении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы на определенный срок.

Повторность совершенного преступления либо, наоборот, отнесение его к категории совершенного впервые, учитывается при назначении принудительных работ, лишения свободы на определенный срок и судебного штрафа.

Объект преступления (его направленность) связаны с такими видами наказаний и иных мер уголовно-правового характера, как ограничение по военной службе, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и др.

В ст. 58 УК РФ закреплено правило учета неосторожной формы вины при ее наличии при назначении лишения свободы на определенный срок.

Характеристики лица, совершившего преступление, отличаются более выраженным разнообразием. Это связано с намерением законодателя учесть все максимально возможные факторы, характеризующие виновного и позволяющие назначить ему справедливое наказание за совершенное им преступление.

К первой подкатегории таких характеристик относятся те из них, которые определяют финансово-экономическое положение виновного и его семьи. Данные характеристики подлежат учету при назначении штрафа, конфискации имущества и судебного штрафа.

Ко второй предлагается отнести те характеристики, которые связаны с состоянием здоровья виновного (инвалидность, беременность, психические заболевания и расстройства). Их наличие или отсутствие напрямую влияют на возможность назначения судом обязательных работ, исправительных работ, ареста, принудительных мер медицинского характера и др.

Третья подкатегория характеризует социальный статус личности виновного – государственного или муниципального служащего, военнослужащего, наличие какого-либо звания и/или государственных наград, иностранного гражданина, лица без гражданства и др. Это имеет значение при рассмотрении вопроса о назначении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенным видом деятельности, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничения по военной службе, ограничения свободы, принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, смертной казни.

Четвертая подкатегория включает в себя иные социальные и физиологические характеристики лица, совершившего преступление – пол, возраст, наличие несовершеннолетних детей различного возраста. Перечисленные признаки подлежат оценке при назначении обязательных работ, исправительных работ, пожизненного лишения свободы, лишения свободы на определенный срок, ареста, принудительных мер медицинского характера и др.

И, наконец, к пятой подкатегории считаем целесообразным отнести характеристики поведения виновного непосредственно после совершения им преступления и/или во время исполнения наказания. Данные признаки уже подлежат учету при назначении лишения свободы на определенный срок.

В отношении наказания уголовным законодательством РФ предусмотрены определение, общие начала назначения, цели, а также общий порядок применения. Каждый из перечисленных элементов выполняет определенную роль в правовом регулировании правоотношений между государством и лицом, совершившим преступление. Что же касается иных мер уголовно-правового характера, то УК РФ не содержит вышперечисленных элементов, имеющих к ним отношение. Считаем это пробелом уголовного законодательства.

Дефиниция наказания содержится в части 1 статьи 43 УК РФ – мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, применяемая к лицу, признанному виновным в совершении преступления, которая заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. В свою очередь, частью 2 указанной статьи регламентированы цели назначения наказания – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Представляется, что суть иных мер уголовно-правового характера имеет много схожего с таковой у наказания – не вызывает сомнения тот факт, что они также являются мерой государственного принуждения, которой свойственны правоограничения, и их назначение является результатом деятельности правосудия. В самом деле, сложно представить реализацию принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества или судебного штрафа без определенного принуждения со стороны государства в лице дознавателя, следователя, прокурора и/или суда, что также реализуется путем вынесения судом соответствующего решения.

Определенное отличие иных мер уголовно-правового характера от наказания присутствует в порядке его назначения – уголовное наказание по своей сути представляет собой некий итог уголовной ответственности для лица, признанного судом виновным в совершении преступления, т.е. реализуется после вступления приговора суда в законную силу. В отношении иных мер уголовно-правового характера подобный порядок применим лишь к конфискации имущества, в определении которой, приведенном в части 1 статьи 104¹ УК РФ, присутствует элемент процессуального основания – обвинительного приговора, и, частично, к принудительным мерам медицинского характера – в случаях, когда они применяются к лицам, совершившим преступления, не находясь в состоянии невменяемости (пункты «б» - «д» части 1 статьи 97 УК РФ). Что же до лиц, совершивших деяния, предусмотренные УК РФ, в состоянии невменяемости, то отсутствие одного из обязательных признаков субъекта

(вменяемости) исключает возможность применения к совершенному ими деянию дефиниции «преступление». Судебный штраф, согласно положениям статьи 25¹ УПК РФ, может быть назначен до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (в суде апелляционной инстанции – в совещательную комнату для вынесения решения по делу) на этапе уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, т.е. без признания лица виновным.

Что касается принудительных мер воспитательного воздействия, то считаем целесообразным их включение в законодательный перечень иных мер уголовно-правового характера, поскольку их применение также зависит от категории совершенного несовершеннолетним преступления и влечет за собой освобождение от уголовной ответственности (как и в случае с судебным штрафом) или от уголовного наказания. Е.Н. Бархатова, когда относит принудительные меры воспитательного воздействия к иным мерам уголовно-правового характера, напрямую связывает дифференцированный подход к каждому преступнику (*а по сути индивидуализацию – авт.*) с воплощением принципа справедливости [2, с.5].

Вышеперечисленные отличия наглядно демонстрируют определенные особенности назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера.

О цели исправления в отношении иных мер уголовно-правового характера также пишут Ф.Р. Сундуров и А.Ю. Боковня. Эти авторы также делают акцент на отсутствие сопряжения иных мер уголовно-правового характера с карательными правоограничениями, связывая данный факт с первоочередной целью их применения – достижение цели исправления осужденных [3, с. 109].

С точки зрения автора настоящего исследования, *иная мера уголовно-правового характера* представляют собой предусмотренную УК РФ меру государственного воздействия, назначаемую в установленном процессуальном порядке лицу, совершившему общественно опасное деяние, в целях достижения социальной справедливости, обеспечения правопорядка и предупреждения совершения новых общественно опасных деяний, наряду с уголовным наказанием или вместо уголовного наказания.

В отсутствие в Уголовном кодексе РФ статьи об общих началах назначения иных мер уголовно-правового характера возникает вопрос – насколько общие начала назначения наказания применимы к иным мерам уголовно-правового характера? Возможно ли применение ст. 60 УК РФ по аналогии?

В.Б. Малининым и В.А. Измалковым определены признаки общих правил назначения наказания – характер законодательного требования с присущим им нормативно-правовым характером, обязательность применения по каждому уголовному делу при назначении судом уголовного наказания и реализация принципов института назначения наказания с определением осуждаемому лицу справедливой меры уголовно-правового воздействия в качестве своего целевого назначения [4, с. 81]. Иные меры уголовно-правового характера также обладают нормативно-правовым характером и имеют схожие цели. Отличие заключается в отсутствии обязательности их применения по каждому уголовному делу, поскольку в настоящее время они представляют собой некую альтернативу уголовному наказанию (при назначении судебного штрафа), имеющую вынужденный для правоприменителя характер (при назначении принудительных мер медицинского характера). Вместе с тем следует признать, что практика назначения иных мер уголовно-правового характера вместо уголовного наказания, ставит под сомнение обязательность и самого уголовного наказания.

Что касается конфискации имущества, то ее назначение судом осуществляется наряду с наказанием, что по своей сути превращает ее в дополнительный вид наказания и наводит на мысль о целесообразности включения конфискации имущества в перечень дополнительных видов наказаний. Т.В. Кленова признает и по существу, и формально неудачным определение конфискации имущества с выбором термина «иные меры уголовно-правового характера». Этот автор отмечает, что допускаемая уголовным законодательством возможность конфискации имущества у лица, вина которого в совершении преступления не установлена, а также упреждающей конфискации являются проявлением репрессивной тенденции уголовной политики и могут иметь отрицательные социальные последствия [5, с. 41]. Считаем необходимым поддержать позиции указанных авторов и признать их вполне оправданными, поскольку принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определённого имущества имеет много общих признаков с таким видом наказания, как штраф, представляющий собой денежное взыскание в доход государства, также на основании обвинительного приговора суда. Включение конфискации имущества в перечень наказаний, на наш взгляд, может способствовать более эффективному применению уголовного закона, в частности, посредством реализации принципа справедливости, а наличие ее в перечне иных мер уголовно-правового характера не совсем точно отражает ее суть как меры государственного реагирования на совершенное лицом преступление.

При этом значение иных мер уголовно-правового характера в индивидуализации уголовно-правовых последствий для лица, совершившего общественно опасное деяние, велико. Напрашивается вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера при реализации судами механизма их назначения также должны служить целям реализации принципа справедливости по отношению к виновному лицу.

В.Д. Филимонов под мерой справедливости при назначении наказания понимал определенное равенство вреда, причиненного преступником другим лицам, обществу или государству, и тяжести возлагаемого на него наказания [6, с. 32]. Рассматривая иные меры уголовно-правового характера через эту призму, следует заметить, что среди них лишь судебный штраф и конфискация имущества представляют собой пример справедливой индивидуализации средств уголовно-правового реагирования на совершенное лицом преступление – судебный штраф за счет освобождения от уголовной ответственности субъекта при совершении им впервые преступления небольшой и средней тяжести при условии примирения с потерпевшим и иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда, а конфискация имущества – за счет изъятия и обращения в доход государства определённого имущества, принадлежащего осужденному, причинившего имущественный вред совершенным

им преступлением. Принудительные же меры медицинского характера являются ярким примером мер, применяемых к лицу, совершившему общественно опасное деяние, индивидуализация которых осуществляется преимущественно путем учета характеристик самого лица, не способного вследствие наличия у него психического расстройства (заболевания) нести бремя уголовного наказания, и справедливость их применения в сравнении с причиненным преступлением вредом, с нашей точки зрения, носит спорный характер.

Таким образом, в качестве выводов следует отметить необходимость дальнейшего совершенствования институтов назначения уголовного наказания и назначения иных мер уголовно-правового характера во взаимосвязи. Требование индивидуализации является общим для уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, несмотря на то, что такой подход не подтвержден пока законодательно. Незакрепленность в УК РФ общих начал назначения иных мер уголовно-правового характера считаем пробелом уголовного законодательства. Предлагаем исключить из законодательного перечня иных мер уголовно-правового характера конфискацию имущества, признав ее дополнительным видом уголовного наказания, одновременно добавив в этот перечень принудительные меры воспитательного воздействия.

Библиография:

1. Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая. Учебник. Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект, 2017. 224 с.
2. Бархатова Е.Н. Иные меры уголовно-правового характера: отдельные противоречия. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-2. С. 5– 6.
3. Сундуров Ф.Р., Боконья А.Ю. Природа и признаки иных мер уголовно-правового характера. // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 108 – 111.
4. Малинин В.Б., Измалков В.А. Общие начала и критерии назначения уголовного наказания. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 4 (13). С. 81 – 84.
5. Кленова Т.В. Конфискация имущества как средство уголовной политики в России // Институт конфискации имущества в законодательстве государств – членов Совета Европы и в российском законодательстве: материалы Международного семинара / отв. ред. С.В. Землюков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 35– 41.
6. Филимонов В.Д. Механизм назначения наказания как инструмент воплощения в наказании принципа справедливости. // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 32 – 37.

References:

1. Actual problems of criminal law. The part is common. Textbook. Edited by L.V. Inogamova-Hegai. M.: Prospect, 2017. 224 p.
2. Barkhatova E.N. Other criminal law measures: some contradictions. // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2021. No. 21-2. pp. 5– 6.
3. Sundurov F.R., Bokovnya A.Yu. The nature and signs of other measures of a criminal legal nature. // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. No. 1. pp. 108 - 111.
4. Malinin V.B., Izmailkov V.A. General principles and criteria for the appointment of criminal punishment. // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2011. No. 4 (13). pp. 81-84.
5. Klenova T.V. Confiscation of property as a means of criminal policy in Russia // The Institute of Confiscation of Property in the legislation of the member States of the Council of Europe and in Russian legislation: materials of the International Seminar / ed. by S.V. Zemlyukov. Barnaul: Publishing House of the Alt. university, 2008. pp. 35-41.
6. Filimonov V.D. The mechanism of sentencing as an instrument is embodied

ВИДЕОРЕГИСТРАТОР КАК ОБЪЕКТ ВИДЕОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В СУДЕ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ПЕШЕХОДОВ DVR AS AN OBJECT OF VIDEO TECHNICAL EXPERTISE AND EVIDENCE IN COURT IN CASE OF TRAFFIC ACCIDENTS INCIDENTS INVOLVING PEDESTRIANS

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна,
кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы
Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России.
662972, Россия, г. Железногорск, ул. Северная, 1.
E-mail: se@sibpsa.ru;

СТУПИНА Светлана Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы
Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России.
662972, Россия, г. Железногорск, ул. Северная, 1.
E-mail: sstupina@mail.ru;

DOLGUSHINA Liubov Viktorovna,
Ph.D. in Chemical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Science Department
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia.
662972, Zheleznogorsk, Severnaya str., 1.
E-mail: se@sibpsa.ru;

STUPINA Svetlana Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Forensic Science Department
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia.
662972, Zheleznogorsk, Severnaya str., 1.
E-mail: sstupina@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрена роль видеорегистратора как средства фиксации информации о происходящих процессах на дороге при дорожно-транспортных происшествиях с участием пешеходов. Подробно показаны его технические характеристики, возможности использования в правоохранительной деятельности и способы представления полученного материала в судебные органы. Кроме того, проведен анализ примеров из практики, чтобы выделить основные принципы использования видеодоказательства при разбирательстве дорожно-транспортного происшествия.

Abstract: The article considers the role of the DVR as a means of recording information about the ongoing processes on the road in case of road accidents. Its technical characteristics, the possibilities of use in law enforcement activities and the methods of submitting the received material to the judicial authorities are shown in detail. In addition, an analysis of examples from practice was carried out to highlight the basic principles of using video evidence in the accident proceedings.

Ключевые слова: видеорегистратор, дорожно-транспортное происшествие, видеотехническая экспертиза, водитель, пешеход, автотехническая экспертиза.

Keywords: video recorder, traffic accident, video technical expertise, driver, pedestrian, auto technical expertise.

Для цитирования: Долгушина Л.В., Ступина С.А. Видеорегистратор как объект видеотехнической экспертизы и доказательство в суде при дорожно-транспортных происшествиях с участием пешеходов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 590-593. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_590.

For citation: Dolgushina L.V., Stupina S.A. DVR as an object of video technical expertise and evidence in court in case of traffic accidents incidents involving pedestrians // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 590-593. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_590.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

При расследовании преступлений большое значение имеет производство судебных экспертиз и предоставление по ним письменных заключений. Для установления обстоятельств дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием пешеходов во всех случаях появляется необходимость назначения конкретного ряда судебных экспертиз.

Административным правонарушением при ДТП, потерпевшим которого является пешеход, согласно ст. 12.24 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (далее – КоАП), является нарушение правил дорожного движения, которое повлекло вред здоровью пешехода легкой или средней тяжести. А уголовная ответственность в рассматриваемом варианте, согласно ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (далее – УК РФ), будет иметь место в случае нарушения правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности тяжкий вред здоровью пешехода или его смерть.

В ситуации, когда пешеход становится виновником ДТП, то его деяние может содержать либо признаки состава правонарушения по ст. 12.30 КоАП РФ (при наступлении предусмотренных этой статьей последствий), либо преступления по ст. 268 УК РФ.

Автотехническая экспертиза занимает основное место среди судебных экспертиз по указанным происшествиям, так как она решает объемный круг вопросов, но и не менее значимы и такие экспертизы как: дактилоскопическая экспертиза, биологическая экспертиза, трасологическая экспертиза, видеотехническая экспертиза, экспертиза материалов, веществ и изделий, портретная экспертиза и некоторые другие. Применение доказательств, полученных с помощью камер видеонаблюдения, требует систематизированного и научно обоснованного подхода для получения надежной информации.

Существует несколько различных источников изображений с камер наблюдения, в том числе:

- снимки с камер наблюдения, сделанные мобильным оператором наблюдения (например, сотрудником полиции),

- изображения, сделанные свидетелем с помощью портативного устройства (мобильного телефона, цифровой камеры),
- изображения, зафиксированные видеореги­стратором, установленным в автомобиле участника происшествия или очевидца,
- изображения с камер наблюдения, сделанные статичной камерой видеонаблюдения (открытыми и скрытыми) и
- изображения с камер видеонаблюдения, которые могут управляться сотрудниками службы безопасности из скрытого места.

Типы видеореги­страторов: Цифровые видеореги­страторы DVR – digital video recorder; Сетевые видеореги­страторы NVR – network video recorder; Гибридные видеореги­страторы HVR . В отдельную группу можно выделить так называемые автомобильные видеореги­страторы, а также IP-видеокамеры [1, с. 115].

Для расследования и раскрытия преступлений данной категории дел определённо помогают средства видеофиксации, осуществляющие фиксацию нарушений правил дорожного движения и контроль за движением транспортных средств, находящиеся у очевидцев (участников дорожного движения). Ярким примером служит установление в автомобиле видеореги­стратора, содержащего видеоизображения с ДТП. Такое видеоизображение может стать объектом судебной экспертизы производимой по данному делу.

Кроме этого, помощь в установлении всех обстоятельств содеянного оказывают материалы, содержащиеся на камерах видеонаблюдения, которые установлены во дворах, подъездах, школах и университетах, магазинах и аэропортах.

Таким образом, в современных условиях повышается важность тех данных, которые хранятся в виде видеофайлов. Видеозапись может стать доказательством вины или ее отсутствия по административным правонарушениям или уголовным делам при ДТП, в котором участвовал такой субъект дорожного движения, как пешеход.

В ряде случаев материалов, предоставляемых трасологическими исследованиями при осмотре места ДТП с участием пешехода на автотехническую экспертизу, может быть недостаточно для ответа на все поставленные перед судебными экспертами вопросы. Но иногда в материалах дела присутствуют файлы видеозаписей и фотоизображений, по которым методами криминалистической экспертизы видеозаписей возможно установить недостающие для производства автотехнической экспертизы параметры [2, с. 67].

В рамках автотехнической экспертизы исследуются три стадии ДТП исключительно по материалам дела, предоставляемым органом (лицом), назначившим судебную экспертизу. Стадии механизма ДТП могут быть определены и по видеозаписи средствами и методами видеотехнической экспертизы.

Расширить возможности транспортно-трасологических исследований для установления обстоятельств ДТП позволит комплексная экспертиза, проведенная экспертами-автотехниками совместно с экспертами-видеотехниками, если в материалах дела имеются фотоизображения с места происшествия, отображающие следы, или видеозаписи ДТП. Эти исследования позволяют определить одни и те же величины разными способами. В качестве примера можно привести определение угла взаимного расположения транспортного средства и пешехода в момент наезда. В рамках транспортно-трасологической диагностики указанный угол определяют по следам на транспортном средстве и пострадавшем, но он может быть определен и по видеозаписи самого события. При этом результат исследования в отношении одной и той же величины не должен превышать погрешность методов ее определения. Следует отметить, что результат может «выпадать» и выходить за пределы допустимой погрешности вследствие видоизменения объекта при анализе его повреждений методами транспортно-трасологической диагностики [2, с. 68].

В условиях динамического процесса столкновения транспортных средств с пешеходами, следы таких событий могут быть различными и не всегда очевидными. Иногда тормозные следы и местоположение автомобиля не являются видимыми или четко определенными. Недостаточность первоначальной информации делает сложным проведение экспертизы по делам о ДТП с участием пешеходов. Важным источником данных, способным помочь в решении диагностических задач, являются записи с видеореги­страторов, установленных на автомобилях.

Одной из ключевых особенностей видеореги­страторов является их способность сохранять записи на внутренней памяти или на дополнительных носителях, таких как SD-карты. Это позволяет сохранять видеофайлы после происшествия и использовать их в качестве доказательств в суде. Более современные модели видеореги­страторов могут также передавать записи на удаленный сервер или облачное хранилище, обеспечивая дополнительные гарантии сохранности доказательств. Разрешение камеры также является важным техническим параметром видеореги­страторов. Чем выше разрешение, тем более четкими и детализированными будут видеозаписи. Это особенно важно при рассмотрении дорожно-транспортных происшествий, где даже мелкие детали могут иметь большое значение. Высокое разрешение позволяет экспертам ретроспективно изучить видеоматериал и выявить все факторы, связанные с аварией.

Заметим, что существенной проблемой, возникающей при проведении судебной экспертизы камер видеонаблюдения в качестве вещественных доказательств, является качество изображения исходного материала, которое в первую очередь зависит от применяемых видеокамер и их таких технических характеристик, как: алгоритм компрессии (метод сжатия, кодек компрессии); частота смены кадров (скорость видеозаписи); разрешение видеоизображения.

На данный момент наиболее распространёнными являются следующие алгоритмы: MJPEG, MPEG4 и новейший формат с усовершенствованным алгоритмом кодирования на базе MPEG-4, который на данный момент получил наибольшее распространение – H.264. Сетевые видеореги­страторы и «сетевая часть» гибридных регистраторов не производят оцифровку и сжатие видео, а получают видеопоток в уже готовом формате, поэтому качество записи напрямую зависит от применяемых сетевых камер видеонаблюдения.

В целом, следует отметить, что на сегодняшний день, по-прежнему, существует значительный разрыв между тем, какие технологии разрабатываются производителями, и тем, как эти технологии может удовлетворить потребности в исследовании вещественных доказательств, включая идентификацию людей.

Другими важными техническими характеристиками видеорегистраторов являются широкий угол обзора и функция ночного видения. Широкий угол обзора позволяет зафиксировать большую часть происходящего на дороге, что в свою очередь позволяет экспертам получить более полную картину происшествия. Функция ночного видения позволяет записывать видео даже при недостаточной освещенности, что особенно полезно в темное время суток.

С помощью полученного видеоряда изображений эксперты могут ответить на достаточно обширный круг вопросов:

1. определить расстояния между объектами;
2. определить действия или бездействия участников дорожного движения;
3. установить круг лиц, которые управляли транспортными средствами;
4. установить взаиморасположение транспортных средств и пешеходов относительно элементов дорожной обстановки;
5. получить информацию о марке и государственном регистрационном номере транспортного средства;
6. определить механизм произошедшего ДТП;
7. установить взаиморасположение пешехода и транспортного средства в момент наезда;
8. определить расположение участников ДТП в разные моменты времени;
9. смоделировать наличие или отсутствие технической возможности водителя избежать ДТП с участием пешехода;
10. определить направление и скорость движения транспортного средства;
11. определить или уточнить место наезда транспортного средства на пешехода.

Всё это может помочь при отсутствии или недостаточности следов при ДТП с участием пешехода для расследования дела.

В случае с изображениями с камер видеонаблюдения последние можно использовать при реконструкции события с помощью фотоинтерпретации изображений рассказа очевидца о событии. При транспортировке цифровых доказательств следует учитывать два основных момента: безопасность устройства и цифровых доказательств, гарантирующая, что доступ к ним будет надлежащим образом контролироваться при их транспортировке с места происшествия на объект судебной экспертизы или в другое место; и защита устройства и цифровых доказательств от воздействия физических ударов, электромагнитных помех, экстремальных температур и влажности или других опасностей окружающей среды.

Восстановление и обработка любой части содержимого видеофайла, включает:

- восстановление отснятого материала с цифровой системы видеонаблюдения/видеозаписи на месте с помощью методов, которые включают предполагаемый производителем системы видеонаблюдения/видеозаписи метод:
- экспорт видео (экспорт файлов с использованием определенных систем, копирование через аналоговый или цифровой выход); и/или
- извлечение съемных носителей, которые производитель считает портативными;
- отключение и изъятие комплектного цифрового видеорегистратора (DVR) как элемента из работающей цифровой системы видеонаблюдения.

Следует заметить, что при исследовании видеоматериалов, полученных судебно-экспертными подразделениями от третьей стороны, важное значение приобретает установление того факта, что ранее эти материалы не подвергались преобразованиям, таким как пространственная и временная выборка, оцифровка, транскодирование и сжатие. Эффект этих преобразований должен учитываться при всей последующей обработке, интерпретации и составлении заключения. Для подтверждения необходимости наличия видеорегистратора в транспортных средствах для расследования дел данной категории, проведён анализ двух дел о ДТП с наездом на пешехода.

Первое дело № 1-270/19 – приговор от 17 июля 2019 года Одинцовского городского суда Московской области [3]. В данном деле водитель обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 ч.1 УК РФ. Водитель совершил наезд на пешехода, который переходил проезжую часть по регулируемому пешеходному переходу. В результате ДТП пешеходу причинен по неосторожности тяжкий вред здоровью, водитель свою вину не признала, утверждая, что наезд произошёл из-за нарушения правил дорожного движения потерпевшей. Водитель утверждала, что двигалась по левой полосе дороги с разрешённой скоростью, при возникновении опасности тормозила и не имела технической возможности избежать наезда, видеорегистратор в данном автомобиле установлен не был. Потерпевшая была убеждена, что переходит на разрешающий для неё сигнал светофора. За машиной водителя-участника ДТП по правой полосе двигался другой автомобиль свидетеля, в котором был установлен видеорегистратор. Свидетель видел только момент удара, но видеотехническая экспертиза видеорегистратора помогла установить, что автомобиль участника ДТП двигался по левой полосе. Когда пешеход находился на границе начала левой полосы, водитель автомобиля-участника ДТП применил торможение, но после сразу продолжил движение прямо, в это же время сигнал светофора сменился на «мигающий зелёный». В момент, когда пешеход оказывается перед передней левой частью автомобиля, происходит наезд, то есть наезд был совершён в момент, когда на пешеходном переходе горел запрещающий сигнал светофора для пешеходов. Установлена средняя скорость автомобиля 51,3 км/ч, также было отмечено, что автомобиль участника ДТП затормозил перед пешеходным переходом, но сразу продолжил движение прямо. В связи с этим автотехнической экспертизой установлено, что водитель располагал технической возможностью избежать наезда на пешехода путём экстренного торможения, но такого действия не применил.

С учётом того, что потерпевшая переходила на запрещающий сигнал светофора, суд признаёт это смягчающим обстоятельством, тем самым назначив наказание в виде 1 года ограничения свободы, хотя данное нарушение предусматривает и лишение свободы на срок до двух лет.

По анализу данного дела, можем сделать вывод о том, что если бы видеорегистратора не было, то свидетель происшествия мог и не вспомнить, когда применял торможение водитель-участник ДТП, и где находился пешеход в момент наезда. Данные заключения видеотехниче-

ской экспертизы видео с видеорегистратора помогли в автотехнической экспертизе определить техническую возможность избежать наезда на пешехода и определить место наезда. Также, потерпевшая и свидетель позже могли утверждать, что потерпевшая переходила на разрешающий сигнал светофора, что в корне меняет обстоятельства дела и увеличивает время процесса доказывания.

Второе дело № 1-2/2020- приговор от 25 февраля 2020 года Ковровского городского суда [4]. В данном деле обвинялся водитель по ч.3. ст. 264 УК РФ за совершение нарушения лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека.

В ходе судебного разбирательства подсудимый полностью признал свою вину. С его слов он следовал по правой полосе дороги в тёмное время суток, дорожное покрытие было сухим, скорость автомобиля составляла около 55-60 км/ч. По ходу движения приближался к нерегулируемому пешеходному переходу, который освещался двумя фонарями и знаками с жёлтыми границами, означающими «пешеходный переход», в связи с чем снизил скорость до 50 км/ч. Правый фонарь хорошо освещал только ту полосу дороги, по которой автомобиль осуществлял движение. Левая полоса и разделительный газон освещены не были и он не видел, что происходит на другой части дороги. Водитель утверждал, что увидел пешехода на середине полосы движения только на расстоянии 1-1,5 м от дальнего края пешеходного перехода, переходившего слева направо, при этом, так как пешеход появился для него внезапно, то предпринять экстренных действий он не смог и применил торможение уже в момент наезда. Проехав некоторое расстояние, остановился, вышел из машины и увидел лежащего на спине мужчину в тёмной одежде. Не покидая место происшествия, водитель-участник ДТП вызвал сотрудников полиции и скорую помощь. В машине был установлен видеорегистратор, из которого изъяли флэш-карту.

На записи, изъятой из видеорегистратора автомобиля, видно как автомобиль движется прямолинейно, далее приближается к нерегулируемому пешеходному переходу, который освещается двумя уличными фонарями. В определённое время слева на дальнем краю пешеходного перехода появляется силуэт пешехода одетого в тёмную куртку, подходя к середине проезжей части пешеход немного смещается от края пешеходного перехода под углом и далее происходит наезд.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что видеозапись с видеорегистратора послужила как средство для установления обстоятельств ДТП с участием пешехода, поэтому суд и признал его вещественным доказательством.

Также, в обвинительном заключении указывалось, что наезд произошёл на пешеходном переходе, но водитель с этим согласен не был и утверждал, что столкновение произошло на расстоянии 1-1,5 м от дальнего края «зебры», то есть за пределами пешеходного перехода. Видеотехническая экспертиза помогла утвердить показания водителя, как достоверные и суд принял их во внимание, вопреки материалам обвинительного заключения. При этом доводы подсудимого о том, что он двигался со скоростью не более 60 км/ч и снизил скорость перед пешеходным переходом, опроверглись заключением видеотехнической экспертизы видеозаписи с видеорегистратора. В ней указывается, что расстояние в 15,1 м между знаками, расположенными на дороге, автомобиль проехал со скоростью около 65,23 км/ч, скорость не снижал, что также оказывает помощь в расследовании дела и исключения лжи или неопределённых обстоятельств.

Таким образом, видео с видеорегистратора может помочь в расследовании дорожно-транспортных происшествий, связанных с наездом на пешехода и стать вещественным доказательством в суде, так как выступает средством для определения механизма происшествия.

Обоснованно в таком случае привлечение эксперта-видеотехника, поскольку выводы по поставленным перед ним вопросам будут служить исходными данными при производстве автотехнической экспертизы. Исследовании видеорегистраторов в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы позволяет решить такую задачу, как поиск записей с камер видеонаблюдения. Надлежащим образом изъятые видео- и фотоматериалы с видеорегистраторов позволяют определить некоторые данные для помощи в транспортно-трасологических и автотехнических исследованиях при отсутствии необходимых следов, а также восполнить картину произошедшего ДТП с участием пешехода, исключить неточности и неполноту осмотра места происшествия, верно отразить произошедшую дорожную ситуацию.

Библиография:

1. Крутов, С. А. Видеорегистратор как объект исследования судебных экспертиз / С. А. Крутов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 114-123.
2. Жарких, С. С. Возможности комплексных исследований экспертизы видеозаписи и автотехнической экспертизы / С. С. Жарких, А. А. Годлевский, С. А. Кривошеков // Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 67-83.
3. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // Приговор № 1-270/2019 от 17 июля 2019 г. по делу № 1-270/2019: документ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FDJKep95YKH8/>. (Дата обращения – 02.07.2024).
4. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // Приговор № 1-2/2020 от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-2/2020: документ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/npupIWgecg6V/>. (Дата обращения – 02.07.2024).

References:

1. Krutov, S. A. DVR as an object of research of forensic examinations / S. A. Krutov // Theory and practice of forensic examination. – 2021. – vol. 16, No. 1. – pp. 114-123.
2. Zharkikh, S. S. The possibilities of complex studies of video recording expertise and automotive expertise / S. S. Zharkikh, A. A. Godlevsky, S. A. Krivoshchekov // Theory and practice of forensic examination. – 2019. – Vol. 14, No. 2. – pp. 67-83.
3. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]// Verdict No. 1-270/2019 dated July 17, 2019 in case No. 1-270/2019: document. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FDJKep95YKH8/>. (Date of appeal – 07/02/2024).
4. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]// Verdict No. 1-2/2020 of February 25, 2020 in case No. 1-2/2020: document. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/npupIWgecg6V/>. (Date of application – 07/02/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_594

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА, НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ЕМУ ПОЛНОМОЧИЙ

Features of the procedural position of the defense lawyer, some problems of the implementation of the powers granted to him

КУРМАЕВА Наталья Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических технологий и правоведения
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва».
ул. Большевикская, д. 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия.
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru;

МАЛЫШКИН Павел Викторович.

кандидат юридических наук, доцент,
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
ул. Транспортная, д. 17, г. Саранск, Республика Мордовия, 430027, Россия.
E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

ШАБАЕВ Виктор Викторович,

кандидат исторических наук, доцент.
г. Саранск, Республика Мордовия, 430000, Россия.
E-mail: shakofil@yandex.ru;

KURMAYEVA Natalia A.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Technologies and Jurisprudence
Ogarev National Research Mordovian State University.
68 Bolshevistskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia.
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru;

MALYSHKIN Pavel Viktorovich.

Candidate of Law, Associate Professor,
Saransk Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation.
17 Transportnaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430027, Russia.
E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

SHABAEV Viktor Viktorovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
Saransk, Republic of Mordovia, 430000, Russia.
E-mail: shakofil@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются и раскрываются особенности процессуального положения адвоката-защитника, так же дан анализ некоторых проблем процессуальной реализации предоставленных ему процессуальных полномочий на стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве.

Abstract: The article analyzes and reveals the features of the procedural position of the defense lawyer, as well as an analysis of some problems of the procedural implementation of the procedural powers granted to him at the stage of preliminary investigation in Russian criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, адвокат-защитник, процессуальные права и процессуальные полномочия адвоката-защитника.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, defense lawyer, procedural rights and procedural powers of the defense lawyer.

Для цитирования: Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Шабает В.В. Особенности процессуального положения адвоката-защитника, некоторые проблемы реализации предоставленных ему полномочий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 594-597. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_594.

For citation: Kurmayeva N.A., Malyshkin P.V., Shabaev V.V. Features of the procedural position of the defense lawyer, some problems of the implementation of the powers granted to him // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 594-597. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_594.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Процессуальное положение адвоката на стадии предварительного расследования характеризуется наличием у него следующих полномочий:

- 1) «иметь со своим подзащитным, находящимся под стражей, свидания, в том числе до первого допроса, наедине в конфиденциальной обстановке, без ограничения их числа и продолжительности;
- 2) полномочия, связанные с собиранием и представлением доказательств;
- 3) участвовать в процессуальных и следственных действиях, проводимых с участием его подзащитного;
- 4) участвовать в следственных действиях, проводимых по его ходатайству;
- 5) знакомиться до окончания предварительного расследования со всеми имеющимися процессуальными документами; по окончании предварительного расследования быть ознакомленным со всеми материалами дела, выписывать из них по своему выбору любые сведения, а также снимать за свой счет копии, в том числе с применением технических устройств; подавать ходатайства, жалобы, заявлять отводы, а также участвовать в их рассмотрении и разрешении в установленном законом порядке; участвовать в судебных заседаниях, проводимых в стадии

предварительного расследования; использовать иные средства и способы защиты обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, не противоречащие действующему законодательству.» [1, с. 13].

Рассмотрим отдельные проблемы, возникающие при реализации предоставленных адвокату-защитнику на предварительном расследовании полномочий, одним из ключевых полномочий защитника является его право на подачу ходатайства, данное право не только является самостоятельным полномочием, но и основным средством реализации защитником иных процессуальных полномочий, так, например, через подачу ходатайства реализуется право на представление и приобщение к делу предметов, документов (справок, характеристик, заключения специалиста), полученных защитником самостоятельно.

Участие адвоката-защитника в следственных действиях также сопровождается подачей различного рода ходатайств, при этом реализация как этого, так и других его процессуальных полномочий, связана с рядом некоторых проблем.

Первой из них является полная зависимость разрешения, заявленного им ходатайства, от воли и усмотрения следователя, то есть по существу в данном случае адвокат-защитник полностью зависим от другого участника процесса уголовного судопроизводства, выполняющего прямо противоположную функцию (обвинения).

Как правило, решение об отказе в удовлетворении ходатайства защитника обосновывается следователем со ссылкой на п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в соответствии с которым он вправе самостоятельно определять ход расследования и принимать решения о проведении конкретных следственных и процессуальных действий.

Оценка того имеют или нет данные обстоятельства значение для дела опять относится к полномочиям следователя, даже в новой ч. 2.2, введенной ФЗ от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ, законодатель предусмотрел данную оговорку, со ссылкой на которую следователь может отказать в приобщении к делу доказательств, полученных адвокатом.

В литературе отмечается, что наделенные такими значительными полномочиями следователи, дознаватели нередко переходят тонкую грань, отделяющую дискреционное поведение правоприменителя от произвола, Н. Г. Муратова при этом обращает внимание на односложные формулировки, которые излагаются в «отказных» постановлениях следователей [2, с. 179].

Причины такого поведения следователя очевидны и кроются в том, что перед следователем фактически стоит задача раскрытия преступления, формирование непротиворечивой совокупности доказательств, обосновывающих позицию обвинения.

В качестве примера рассмотрим следующую ситуацию. Защитник Г. был уведомлен о проведении компьютерно-технической экспертизы в рамках расследования уголовного дела, возбужденного в отношении его подзащитного Ф. по ч. 1 ст. 171.2 УК Российской Федерации, реализуя свое право, защитник ходатайствовал о постановке перед экспертом дополнительных вопросов, касающихся установления того, имеются ли в компьютерах, являющихся предметом экспертизы, элементы, присущие игровому оборудованию: элементы, определяющие результаты выигрыша; предопределяющие определенный процент выигрыша клиента и игрового заведения; какие-либо скрытые конструктивные элементы, влияющие на результат розыгрыша и др.

Следователь своим постановлением отказала в постановке таких вопросов, поскольку они, во-первых, выходят за рамки исследования, во-вторых, не ясны использованные адвокатом термины.

Защитник обжаловал отказ в удовлетворении ходатайства в суд по ст. 125 УПК Российской Федерации, но суды первой и апелляционной инстанции отказались рассматривать по существу доводы жалобы, в частности, Приморский краевой суд указал на то, что наличие полномочий следователя вынести такое решение, и форма решения следователя заявителем не оспаривались.

Проверка поставленных защитником вопросов связана с оценкой доказательств с точки зрения с точки зрения их достаточности, что запрещено делать суду, рассматривающему жалобу по ст. 125 УПК Российской Федерации.

Также суд не вправе давать следователю указания о проведении конкретных следственных действий.

Таким образом, суд по существу отказался оценивать обоснованность отказа следователя в постановке дополнительных вопросов перед экспертом [3].

На наш взгляд, вопросы защитником поставлены правильно, поскольку они преследовали цель установить соответствуют ли изъятые компьютеры признакам игрового оборудования, что входит в предмет доказывания расследуемого уголовного дела.

Приведем еще один пример незаконного отказа в удовлетворении ходатайства защитника, при ознакомлении с материалами дела обвиняемым Ф. и его защитником М. были заявлены ходатайства о дополнительном допросе Ф. в качестве обвиняемого в совершении преступления с целью сообщения обвиняемым обстоятельств, влияющих на квалификацию преступления. В тот же день следователь отказал в удовлетворении данного ходатайства. Защитником был обжалован отказ в суд.

Однако, суд по существу наличие нарушения конституционного права на защиту рассматривать не стал, он установил, что решение вынесено следователем в рамках своих полномочий, формальных нарушений в постановлении не было, о вынесенном решении защитник был уведомлен, хотя дело не поступило в суд, он сделал вывод, что доводы Ф. и М. могут стать предметом проверки в стадии судебного разбирательства, при этом конституционные права Ф. и М. не были нарушены [4].

Решение данной проблемы, на наш взгляд, заключается не в том, чтобы законодательно возложить на следователя, дознавателя обязанность удовлетворять все ходатайства защитника, при этом на наш взгляд, решать данную проблему необходимо в двух направлениях: во-первых, необходимо расширять полномочия адвоката-защитника по самостоятельному проведению тех процессуальных действий, которые не связаны с ограничением чьих-либо конституционных прав, так, нет оснований запрещать адвокату-защитнику самостоятельно на основании дого-

вора назначать экспертизу.

Результаты такой экспертизы должны получить статус самостоятельных доказательств, которые следователь, дознаватель, судья обязаны будут рассматривать по существу, наряду с заключениями судебной экспертизы, полученной следователем, дознавателем, также результаты опроса адвокатом-защитником свидетелей, потерпевших (с их согласия) должны получить статус самостоятельных доказательств «иных документов».

Достоверность такого процессуального действия адвоката-защитника как опрос необходимо повысить путем введения обязательной видеозаписи хода опроса, которая должна прикладываться к протоколу опроса.

Во-вторых, применительно к тем следственным действиям, которые адвокат не может провести (например, в силу того, что они связаны с ограничением конституционных прав человека или исследованием вещественных доказательств, находящихся при уголовном деле и др.) необходимо расширить пределы судебного контроля, наделив судью полномочиями по проверке обоснованности решения следователя, принятого по ходатайству адвоката-защитника о проведении следственного действия.

Для расширения пределов судебного контроля по ст. 125 УПК Российской Федерации нет необходимости изменять саму статью, где уже предусмотрено право защитника обжаловать незаконные действия следователя, нарушающие конституционные права участника процесса, незаконный отказ в удовлетворении ходатайства обвиняемого в совершении преступления и его защитника нарушает конституционное право на защиту, необходимо лишь изменить толкование ст. 125 УПК РФ Верховным Судом РФ, внося соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 [5].

Ряд проблем, связан с реализацией адвокатом-защитником своих права по самостоятельному собиранию и представлению доказательств, одним из которых, является право истребовать справки, характеристики, иные документы от государственных органов, органов местного самоуправления, юридических лиц, которые были обязаны их представлять, если в них не содержатся сведения, составляющие охраняемую законом тайну.

Реализация данного права осуществляется путем направления адвокатского запроса, требования к которому предусмотрены в ст. 6.1 ФЗ № 63-ФЗ, а также Приказе Минюста России от 14 декабря 2016 г. № 288 [6].

В научной литературе активно обсуждаются следующие проблемы, связанные с получением защитником сведений путем направления адвокатского запроса: процессуальные проблемы, проблемы, связанные с характером истребуемых сведений и др.

К процессуальным, например, можно отнести слишком длительный срок ответа на запрос: в соответствии с ч. 2 ст. 6.1 ФЗ № 63-ФЗ он составляет 30 дней и может быть продлен еще на 30 дней, так, например, Е. Е. Забуга обращает внимание на то, что общий срок ответа превышает в два раза срок дознания, соответствует сроку предварительного следствия.

В гражданском процессе также установлены схожие сроки рассмотрения дела в районном суде – 2 месяца, мировым судьей – 1 месяц (ст. 154 ГПК Российской Федерации) [7].

Таким образом, установленный законом срок ответа фактически лишает адвоката-защитника возможности, например, оперативно получить документы медицинского характера или характеристики на подзащитного для представления в судебные заседания при принятии решения об избрании меры пресечения на первоначальном этапе расследования, на наш взгляд, он должен быть уменьшен до 3 дней (в такой срок, например, следователь обязан разрешить ходатайство защитника), с возможностью продления не более, чем в два раза.

Справедливое возмущение адвокатов-защитников вызвали введенные вышеуказанным Приказом Минюста России № 288 требования указывать в адвокатском запросе персональные данные доверителя и обоснование получения запрашиваемых сведений.

Первое требование явно противоречит институту адвокатской тайны, поскольку без согласия доверителя адвокат не вправе разглашать третьим лицам сведения о факте заключения соглашения, оказании юридической помощи данному лицу, а именно это и требовалось указать в адвокатском запросе.

Второе требование выходило за пределы норм ФЗ № 63-ФЗ, т. е. Минюст РФ возложил на адвокатов дополнительную обязанность, не предусмотренную федеральным законодательством об адвокатуре.

Вышеуказанные проблемы стали основанием для обжалования адвокатами П. и Н. утвержденных Приказом Минюста РФ требований к адвокатскому запросу. В решении от 24 мая 2017 г. № АКПИ17-103 Верховный Суд России поддержал доводы адвокатов и признал не действующими (в этой части) положения Приказа Минюста РФ № 288.

Проблемы, связанные с характером истребуемых сведений, заключаются в том, что часто отказ в предоставлении документов, сведений обосновывается тем, что сведения, составляющие охраняемую законом тайну, не могут быть выданы адвокату, напомним, что следователь при необходимости выемки документов, содержащих охраняемую законом тайну, вынужден в соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК Российской Федерации ходатайствовать перед судом о принятии соответствующего решения.

Поскольку документы, которые истребует адвокат-защитник необходимы для защиты интересов обвиняемого, подозреваемого и будут представлены в качестве доказательств следователю, дознавателю, считаем возможным предусмотреть для адвоката-защитника аналогичный процессуальный порядок обращения в суд с ходатайством о принятии решения об истребовании у государственного органа, коммерческой или некоммерческой организации сведений или документов для приобщения к материалам дела в качестве доказательств.

Суд в данном случае, как и при обращении следователя, обязан будет проверить наличие оснований для истребования сведений, документов, составляющих охраняемую законом тайну.

В таком судебном заседании должен участвовать следователь, ведущий производство по делу, который изложит свою позицию по данному вопросу.

Для защиты сведений необходимо предусмотреть письменное уведомление адвоката о соответствующей ответственности за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну, в силу особой важности государственной тайны данный порядок можно распространить только на иные, за исключением государственной тайны, охраняемые законом сведения.

Отметим, что Проектом ФЗ, подготовленным Минюстом РФ в 2014 г. [8], предлагался даже более простой для адвокатов вариант: адвокат должен быть наделен правом напрямую получать по адвокатскому запросу любые сведения и документы, за исключением государственной тайны, в нем, например, конкретизировалась обязанность нотариусов сообщать все сведения, которыми они располагают в связи с осуществлением нотариальной деятельности, на наш взгляд, адвокат не должен наделяться большими, чем следователь правами по доступу к информации, охраняемой законом, поэтому предлагаем установить для них равные права путем обращения в суд получать доступ к таким документам, сведениям, которые необходимы для обоснования своей позиции по делу.

Библиография:

1. Малышкин П. В. Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Мир науки и образования 2016. № 3 (7). С. 13.
2. Муратова Н. Г. Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 179.
3. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 18.11.2021 по уголовному делу № 22-7069/2021. // СПС «Консультант-Плюс».
4. Постановление Фрунзенского районного суда г. Саратова от 9.12.2021 по материалу № 3/10-151/2021. // СПС «Консультант-Плюс».
5. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 // Рос. газ. 2009. 18 февр.
6. Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса: Приказ Министерства юстиции РФ от 14.12.2016 № 288. // СПС «Консультант-Плюс».
7. Забуга Е. Е. Абсурдные споры о запросе // ЭЖ-Юрист. 2021. № 19. С. 116.
8. Проект ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части обеспечения права адвоката на сбор сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи» (подготовлен Минюстом РФ). // СПС «Консультант-Плюс».

References:

1. Malyshekin P. V. Legitimate opposition to the disclosure and investigation of crimes and the principle of competition in criminal proceedings // Mir nauki i obrazovaniya 2016. No. 3 (7). С. 13.
2. Muratova N. G. Adversarial parties in criminal proceedings: myths and reality // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. No. 2. p. 179.
3. Appeal decision of the Primorsky Regional Court dated 11/18/2021 in criminal case No. 22-7069/2021. // SPS "Consultant-Plus".
4. Resolution of the Frunzensky District Court of Saratov dated 12/9/2021 on material No. 3/10-151/2021. // SPS "Consultant-Plus".
5. On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/10/2009 No. 1 // Ros. gaz. 2009. February 18.
6. On approval of the requirements for the form, procedure for registration and referral of a lawyer's request: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 12/14/2016 No. 288. // SPS "Consultant-Plus".
7. Zabuga E. E. Absurd disputes about the request // EZH-Yurist. 2021. No. 19. p. 116.
8. Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of ensuring the right of a lawyer to collect information necessary to provide qualified legal assistance" (prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation). // SPS "Consultant-Plus".

DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_598

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИЗЫВАМ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА
И ДИСКРЕДИТАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)
COUNTERING CALLS TO CARRY OUT VIOLENT ACTIONS
OF AN EXTREMIST NATURE AND DISCREDITATION OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION (CRIMINAL LAW ASPECT)**

АГАПОВ Павел Валерьевич,

главный научный сотрудник Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.
E-mail: kafedraup212@mail.ru;

СМЫСЛОВА Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ОЧУ ВО «Международный юридический институт».
127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.
E-mail: veramyshh@mail.ru;

ЗАКОМОЛДИН Руслан Валериевич,

научный сотрудник Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru;

АГАПОВ Pavel Valerievich,

Chief Researcher at the Research Institute of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
15, st. 2nd Zvenigorodskaya, Moscow, 123022, Russia.
E-mail: kafedraup212@mail.ru;

SMYSLOVA Vera Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines the International Law Institute.
4, st. Kashenkin lug, Moscow, 127427, Russia.
E-mail: veramyshh@mail.ru;

ZAKOMOLDIN Ruslan Valerievich,

Researcher at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Candidate of Legal Science, Associate Professor.
15, st. 2nd Zvenigorodskaya, Moscow, 123022, Russia.
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Краткая аннотация. Авторы исследуют проблемы реализации норм уголовной ответственности за дискредитацию и распространение заведомо ложной информации при выполнении Вооруженными Силами РФ возложенных на них задач.

Abstract. The authors examine the problems of implementing the norms of criminal liability for desecration and dissemination of knowingly false information when the Armed Forces of the Russian Federation perform the tasks assigned to them.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, общественная опасность, публичное разглашение информации, заведомо ложная информация, фейк-новости, дискредитация, Вооруженные Силы РФ.

Keywords: criminal liability, administrative prejudice, public danger, public disclosure of information, knowingly false information, fake news, discrediting, Armed Forces of the Russian Federation.

Для цитирования: Агапов П.В., Смыслова В.Н., Закомолдин Р.В. Противодействие призывам к осуществлению насильственных действий экстремистского характера и дискредитации Вооруженных Сил РФ (уголовно-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 598-600. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_598.

For citation: Agapov P.V., Smyslova V.N., Zakomoldin R.V. Countering calls to carry out violent actions of an extremist nature and discreditation of the Armed Forces of the Russian Federation (criminal law aspect) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 598-600. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_598.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Дата публикации: 03.10.2024

Масштабное информационно-психологическое воздействие на население, вбросы провокационной информации, искажение истории России, призывы к сепаратизму образуют систему современных вызовов и угроз информационно-психологической и когнитивной безопасности, особенно в связи с проведением Специальной военной операции на Украине (далее - СВО) [1]. Так, в сети «Интернет» интенсивно распространяются различного рода призывы к осуществлению насильственных действий экстремистского характера, возбуждению национальной вражды или розни, созданию образа врага, недостоверные дискредитирующие сведения о деятельности Вооруженных Сил РФ (далее - ВС РФ), иных войск и воинских формирований [2, с. 50; 3, с. 52]. Отмечаются случаи нападения на участников СВО [4; 5].

Такая ситуация потребовала от государства внесения ряда изменений и дополнений в УК РФ, направленных на противодействие рас-

пространению информации, искажающей объективность восприятия гражданами внешнеполитических и внутригосударственных событий [6].

К наиболее проблемным вопросам в этой связи можно отнести: 1) принадлежность основных каналов доставки цифрового контента иностранным компаниям; 2) неисполнение иностранными социальными сетями требований закона «о самоконтроле» [7]; 3) плохо сформированные у молодежи ценности патриотизма и единства народов России; 4) формирование «...моды на протест, политическую оппозиционность и креативный радикализм» [8, с. 295]; 5) создание образа врага, манипулирование информацией и формирование недостоверного общественного мнения о сущности военного конфликта и СВО [2, с. 51-52; 9].

Противодействие размещаемой с нарушением действующего законодательства подобного рода информации осуществляется, прежде всего, взаимодействующими друг друга императивными административно-правовыми и уголовно-правовыми мерами воздействия. Так, в 2022 г. УК РФ был дополнен ст. 280³ УК РФ, в действующей редакции которой предусмотрена уголовная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами РФ своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска Росгвардии, а также дополнен ст. 207³ в целях обеспечения защиты обозначенных общественных отношений [6].

С учетом смежности непосредственных объектов и схожести внешних признаков деяния у правоприменителя нередко возникают вопросы, связанные с разграничением преступлений, предусмотренных статьями 207³ и 280³ УК РФ [10; 11; 12]. Совершение предусмотренных в статьях 207³ и 280³ УК РФ действий следует признавать публичным, если они адресованы определенной аудитории или неограниченному кругу лиц и выражены в любой доступной для них форме.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» вопрос о наличии признака публичности распространения информации должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств [13]. Необходимо устанавливать возможности восприятия такой информации и, в частности, потенциальный круг лиц, выступающих в качестве адресатов такой информации, например, подписчики личной страницы субъекта в сети «Интернет», читатели СМИ, жители региона при размещении аудиоклонок в окнах квартиры, распространении листовок и пр. [14; 15].

Различия между этими преступлениями состоят, прежде всего, в форме выражения деяния. Обязательным для привлечения к ответственности по ст. 207³ УК РФ является то обстоятельство, что распространяемая информация должна иметь вид достоверных сообщений, т.е. давать основания для восприятия ее в качестве правдивой, заслуживающей доверия.

В ст. 280³ УК РФ деяние выражается в форме публичных действий, которые имеют характер дискредитации использования ВС РФ или исполнения государственными органами РФ своих полномочий в соответствующих целях. При этом в уголовном законе не разъясняется понятие «дискредитации» применительно к данному составу преступления. В общем виде дискредитация понимается как совершение умышленных действий, направленных на лишение доверия к субъекту, на подрыв его имиджа и авторитета, то есть любые умышленные публичные действия граждан, противоречащие официальной позиции Минобороны РФ.

Следует заметить, что основной состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280³ УК РФ, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, является составом с административно-правовой преюдицией, в соответствии с которой лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за рассматриваемое правонарушение в течение года после привлечения к административной ответственности в соответствии со ст. 20.3³ КоАП РФ [6].

В рамках действующего законодательства разрешить поставленные вопросы квалификации, на наш взгляд, довольно проблематично. Такая ситуация, как отмечают эксперты, вызвана рядом обстоятельств [10; 11; 12]. Прежде всего, разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 207³ и 280³ УК РФ, в основном должно осуществляться исходя из объекта посягательства. Поэтому определение объекта посягательства, а, следовательно, и квалификация преступлений на практике могут быть основаны не на четких законодательных критериях, а на оценочном решении конкретного правоприменителя, что создает самостоятельную проблему квалификации. Оценочные суждения не могут образовывать составы преступлений, предусмотренные статьями 280³ и 207³ УК РФ, хотя любое лицо может допускать отдельные утверждения, основываясь лишь на доступных ему эмпирических данных, в том числе, когда возможности оценки полной картины происходящего у него нет. Как следствие, вывод о том, что заведомо ложный характер будет иметь любое утверждение, не соответствующее действительности, должен делаться исходя из обстановки.

Считаем, что, когда лицо изначально ошибочно распространяет указанные выше сведения, но впоследствии при получении достоверных данных (после выявления ошибки) принимает меры к прекращению своих действий (например, удаляет информационное сообщение (пост) в социальных сетях, свой комментарий к чужому посту, либо приносит публичные извинения), привлечение такого лица к уголовной ответственности необоснованно и является нарушением ч. 2 ст. 5 УК РФ («Принцип вины»).

Таким образом, законодателем были приняты необходимые жесткие императивные меры для противодействия распространению заведомо ложной информации о деятельности ВС РФ, а также добровольческих формирований. Вместе с тем есть проблемы правильного приме-

нения указанных норм и их разграничения. Разрешением проблемных вопросов, связанных с правильной квалификацией указанных деяний может стать подготовка соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Библиография:

1. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. ИД «Петрополис», Санкт-Петербург, 2017. - 300 с.
2. Чистяков К.В. Причины экстремизма в период военного конфликта / К. В. Чистяков // Безопасность бизнеса. - 2024. - № 2. - С. 50–53.
3. Смыслова В.Н. Предупреждение преступлений экстремистской направленности в условиях радикализации и роста протестной активности населения с позиции интегративной концепции правосопонимания: сдвиг парадигмы / В. Н. Смыслова // Сибирский юридический вестник. - 2024. - № 2 (105). - С. 94–102.
4. Глуховский И. Нападения на участников СВО и ветеранов боевых действий становятся нередкими. 04.09.2023 [Электронный ресурс]. - URL: <https://argumenti.ru/opinion/2023/09/853862?ysclid=lqwod3kyii500380096> (дата обращения: 13.06.2024).
5. Козлова Н. Завершена работа по делу о нападении на участников СВО. 27.12.2023 [Электронный ресурс]. - URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2023/12/28.html> (дата обращения: 13.06.2024).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ, принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ, 1996, № 25, ст. 2954.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (в ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (часть I), Ст. 3448.
8. Меркурьев В.В. Радикализация протеста - мировой тренд: принятие превентивных мер / Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм: сб. мат. межд. науч. - практ. конф. (Москва, 26-28 октября 2022). - М.: МГЛУ, 2023. - С. 288-296.
9. Сухаренко А.Н., Молчанова Т.В., Таранина Е.И. Преступность в России в условиях Специальной военной операции: криминологический анализ / Монография. М.: Проспект, 2024. - 128 с.
10. Сементцова И.А. Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки «фейковых» новостей в информационном пространстве / И. А. Сементцова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2020. - № 10 (125). - С. 139–142.
11. Шамаев А.М. Вопросы правоприменительной практики квалификации деяний, подпадающих под ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации) // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15, № 3. - С. 95–100.
12. Закомолдин Р.В., Агапов П.В., Дулькина Л.В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. - 2024. - № 2 (105). - С. 75–82.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2011, № 8.
14. В Москве украинку осудили за фейки о российской армии. 21.06.2024 [Электронный ресурс]. - URL: <https://news.mail.ru/incident/61611673/?frommail=1> (дата обращения: 21.06.2024).
15. Житель Алушты признан виновным в публичном распространении ложной информации о Вооруженных силах Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1734570> (дата обращения: 13.06.2024).

References:

1. Information, psychological and cognitive security. Collective monograph / Edited by I.F. Kefeli, R.M. Yusupov. Publishing house "Petropolis", St. Petersburg, 2017. - 300 p.
2. Chistyakov K.V. The causes of extremism during the military conflict / K. V. Chistyakov // Business security. - 2024. - No. 2. - pp. 50-53.
3. Smyslova V.N. Prevention of extremist crimes in the context of radicalization and the growth of protest activity of the population from the perspective of the integrative concept of legal understanding: a paradigm shift / V. N. Smyslova // Siberian Legal Bulletin. - 2024. - № 2 (105). - Pp. 94-102.
4. Glukhovskiy I. Attacks on members of the SVO and veterans of military operations are becoming frequent. 04.09.2023 [Electronic resource]. - URL: <https://argumenti.ru/opinion/2023/09/853862?ysclid=lqwod3kyii500380096> (accessed: 06/13/2024).
5. Kozlova N. The work on the case of the attack on the participants of the SVO has been completed. 12/27/2023 [Electronic resource]. - URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2023/12/28.html> (date of appeal: 06/13/2024).
6. The Criminal Code of the Russian Federation: June 13, 1996, No. 63-FZ, adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996 (as amended on 06/12/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 25, Article 2954.
7. Federal Law No. 149-FZ dated 07/27/2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended. dated 12.12.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I), Article 3448.
8. Merkuriev V.V. Radicalization of protest - a global trend: taking preventive measures / Megatrends of world politics: globalization, polarization, extremism: collection of mat. international scientific. - practical conference (Moscow, October 26-28, 2022). - Moscow: MGLU, 2023. - pp. 288-296.
9. Sukhareenko A.N., Molchanova T.V., Tarantina E.I. Crime in Russia under conditions of a special military operation: criminological analysis / Monograph. Moscow: Prospekt, 2024. - 128 S.
10. Sementsova I.A. Topical issues of criminal and legal assessment of "fake" news in the information space / I. A. Sementsova // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. - 2020. - № 10 (125). - Pp. 139-142.
11. Shamaev A.M. Issues of law enforcement practice of qualifying acts falling under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation) // Gaps in Russian legislation. - 2022. - vol. 15, No. 3. - pp. 95-100.
12. Zakomoldin R.V., Agapov P.V., Dulkina L.V. Faking as an instrument of discrediting the army and destructive impact on society: a criminal legal aspect // Siberian Legal Bulletin. - 2024. - № 2 (105). - Pp. 75-82.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2011 No. 11 "On judicial practice in criminal cases of crimes of extremist orientation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2011, No. 8.
14. In Moscow, a Ukrainian woman was convicted of fakes about the Russian army. 06/21/2024 [Electronic resource]. - URL: <https://news.mail.ru/incident/61611673/?frommail=1> (date of appeal: 06/21/2024).
15. A resident of Alushta was found guilty of publicly spreading false information about the Armed Forces of the Russian Federation [Electronic resource]. - URL: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1734570> (date of application: 06/13/2024).

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН В БОРЬБЕ
С КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
PROBLEMS OF INTERNATIONAL COOPERATION AND LEGISLATION
OF INDIVIDUAL COUNTRIES IN THE FIGHT AGAINST COMPUTER CRIME:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58.

E-mail: arzulana@bk.ru;

ИГНАТЬЕВА Татьяна Ильинична,

заместитель начальника отдела уголовной статистики Информационного центра МВД по Республике Саха (Якутия), подполковник внутренней службы. 677000, Россия, Республика Саха, г. Якутск, ул. Дзержинского, 10.

E-mail: arzulana@bk.ru;

Pavlova Arzulana Akramovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Faculty of Law, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. 58 Belinsky str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russia.

E-mail: arzulana@bk.ru;

Ignatieva Tatiana Ilyinichna,

Deputy Head of the Criminal Statistics Department of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Sakha (Yakutia), Lieutenant Colonel of the Internal Service. 10 Dzerzhinskiy str., Yakutsk, Sakha Republic, Russia, 677000.

E-mail: arzulana@bk.ru

Краткая аннотация. Международные организации и правительства признают необходимость адаптации правовых норм и разработки международных соглашений для эффективной борьбы с киберпреступностью. Однако они сталкиваются с определенными препятствиями в достижении этой цели. Одной из проблем является различие в правовых системах разных стран, что затрудняет разработку единой международной регламентации. Кроме того, разные интересы и приоритеты государств могут препятствовать согласованию общих мер по борьбе с киберпреступностью. Еще одним фактором, затрудняющим глобальные действия против киберпреступности, является существование геополитического раскола. Разногласия между государствами могут привести к ограничениям или отсутствию сотрудничества в области кибербезопасности. В статье проведен сравнительный анализ уголовно-правовых норм отдельных стран, а также описаны проблемы международного сотрудничества в борьбе с компьютерной преступностью, важной из которых является отсутствие единой (для всех стран) международной нормативной правовой базы.

Abstract. International organizations and Governments recognize the need to adapt legal norms and develop international agreements to effectively combat cybercrime. However, they face certain obstacles in achieving this goal. One of the problems is the difference in the legal systems of different countries, which makes it difficult to develop a unified international regulation. In addition, different interests and priorities of States may hinder the harmonization of common measures to combat cybercrime. Another factor complicating global action against cybercrime is the existence of a geopolitical divide. Disagreements between States can lead to limitations or lack of cooperation in the field of cybersecurity. The article provides a comparative analysis of the criminal law norms of individual countries, as well as describes the problems of international cooperation in the fight against computer crime, the most important of which is the lack of a unified (for all countries) international regulatory framework.

Ключевые слова: компьютерная преступность, киберпреступность, Будапештская конвенция, СНГ, преступность.

Keywords: computer crime, cybercrime, Budapest Convention, CIS, crime.

Для цитирования: Павлова А. А., Игнатъева Т.И. Проблемы международного сотрудничества и законодательство отдельных стран в борьбе с компьютерной преступностью: сравнительный анализ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 601-608. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_601.

For citation: Pavlova A. A., Ignatieva T.I. Problems of international cooperation and legislation of individual countries in the fight against computer crime: a comparative analysis // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 601-608. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_9_601.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2024

Дата публикации: 03.10.2024

В современном мире компьютерная преступность стала одной из главных угроз информационной безопасности, в связи с этим государства всего мира разрабатывают и внедряют соответствующие меры, чтобы пресекать и предотвращать такие преступления.

Для обмена информацией и координации действий важно постоянно сотрудничать на международном уровне. Необходима совместная разработка международных норм, направленных на противодействие компьютерным преступлениям, а также сотрудничество и обмен информацией с другими странами для совместного противодействия киберугрозам.

Нормативные предписания о международном сотрудничестве предусмотрены в ряде соглашений по киберпреступности, поскольку последние имеют транснациональный характер. Такие международно-правовые документы в основном содержат положения о выдаче и правовой помощи. Например, Будапештская Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23.11.2001¹, Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий от 21.12.2010² и Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств (далее - СНГ) в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.06.2001 предусматривают выдачу (экстрадицию) за совершение преступлений, указанных в данных актах, и оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам³.

Следует отметить, что 15 декабря 2023, по случаю церемонии в последний день конференции «Ocorpus Conference 2023» в Бухаресте, в связи с присоединением Камеруна, участниками Будапештской Конвенции являются уже 69 государств⁴, в их число входят, к примеру, такие страны, как Австралия, Израиль, Германия, Турция, Украина, Канада, США, Япония, Эстония, Армения, Азербайджан. Конференция «Ocorpus» (пер. с англ. – «осьминог») представляет собой одну из крупнейших и лучших платформ обмена в области киберпреступности, проводимая Советом Европы, и финансируется за счет добровольных взносов из Канады, Венгрии, Исландии, Италии, Японии, Нидерландов, Великобритании и США. Каждые 12–18 месяцев на ней собираются эксперты более чем из 100 стран мира, международных организаций, частного сектора, научных кругов для обсуждения проблемных вопросов, например, как обеспечение безопасности и обмен электронными доказательствами, как повлиять на развитие по борьбе с киберпреступностью.

Ожидается, что финальный проект Конвенции будет представлен в 2024 году, однако работа над документом усложняется не только непосредственно имеющими отношение к тематике киберпреступности противоречиями, но и общей конфронтацией между США и их единомышленниками, с одной стороны, и Россией, Китаем и рядом других государств, с другой⁵.

Российская Федерация до сих пор не ратифицировала данный международный документ, считая, что он содержит правовые нормы, которые создают угрозы для информационной и национальной безопасности государств⁶.

Российскую сторону не устроила возможность зарубежных спецслужб вмешиваться без официального уведомления в деятельность компьютерных сетей РФ, так как это может угрожать ее безопасности и суверенитету. Россия руководствуется основополагающими принципами⁷, в соответствии с которыми борется с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, поскольку эта проблема стала одним из наиболее важных вопросов глобального характера, в частности касающихся трансграничных криминальных действий⁸.

В пункте 50 указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 № 400⁹ прописано, что инициативы Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности встречают противодействие со стороны иностранных государств, стремящихся доминировать в глобальном информационном пространстве.

Условия для эффективного участия России в международном информационном обмене в рамках единого мирового информационного пространства, защита интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при международном информационном обмене, защита интересов, прав и свобод физических и юридических лиц при международном информационном обмене ранее содержались в Федеральном законе «Об участии в международном информационном обмене» от 04.07.1996 N 85-ФЗ (последняя редакция), в 2006 году утратившим силу¹⁰.

Следует полагать, что в настоящее время продолжается практика направления запросов в рамках международного сотрудничества в государства, не являющиеся участниками Конвенции. То есть запросы направляются в рамках традиционных двусторонних соглашений или на основании принципа взаимности (reciprocity principle). Данный принцип напрямую не раскрывается ни действующими международными договорами, ни российским уголовно-процессуальным законодательством. Взаимность подтверждается письменным обязательством одного государства оказать необходимую помощь по расследуемому или рассматриваемому уголовному делу другому государству (ст. 453, 457, 462, 469 УПК РФ)¹¹ и заключается в том, что в случае исполнения иностранным государством поручения об осуществлении уголовного преследования на основе взаимности Российская Федерация в аналогичной ситуации осуществит такие же действия¹².

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). — Текст : электронный // base.garant.ru : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 14.12.2023).

² Arab Convention on Combating Information Technology Offences. Дата обращения 1 мая, 2020. <https://www.asianlaws.org/gclid/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20Offences.pdf>.

³ Клевцов, К. К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам / К. К. Клевцов. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — № Том 13 № 3 (2022). — С. 678–695.

⁴ News: Cameroon becomes 69th Party to Convention on Cybercrime. — Текст : электронный // coe.int : [сайт]. — URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/-/cameroon-becomes-69th-party-to-convention-on-cybercrime> (дата обращения: 19.12.2023).

⁵ Борцам с киберпреступностью добавляют инструментов. — Текст : электронный // kommersant.ru : [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6250719?query=...> (дата обращения: 16.12.2023).

⁶ Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования / А. Г. Волеводз // Правовые вопросы связи. — 2007. — № 2. — С. 17–25.

⁷ "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей. — Текст : электронный // tass.ru : [сайт]. — URL: <https://tass.ru/politika/4782506> (дата обращения: 14.12.2023).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". — Текст : электронный // kremlin.ru : [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.11.2023).

¹⁰ Федеральный закон "Об участии в международном информационном обмене" от 04.07.1996 N 85-ФЗ (утратил силу). — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10929/ 1778d035111b6bcfa9ccc30f57bee0cf6e1f826af (дата обращения: 27.11.2023).

¹¹ "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ. — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.12.2023).

¹² Щерба, С. П. Избранные труды / С. П. Щерба. — Москва : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2016. — 308 с. — Текст : непосредственный.

Содержание принципа взаимности также разъясняется в некоторых судебных актах¹. Большинство правоохранительных органов при расследовании киберпреступлений умышленно или без умысла прибегают к практике получения доказательств, физически находящихся на территории других государств, самостоятельным путем, не получив на это согласие данных государств².

В настоящее время Минюст РФ разработал новый проект протокола к международным двусторонним договорам России о взаимной правовой помощи. Над международным партнерством в области ИТ также работают Минцифры и МИД — и в основном либо на двустороннем уровне, либо в дружественных многосторонних форматах (таких как БРИКС (англ. BRICS — сокращение от **B**razil, **R**ussia, **I**ndia, **C**hina, **S**outh **A**frica) — межгосударственное объединение, союз пяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, основанная в 2006 году, по инициативе президента России. Приглашены к присоединению с 1 января 2024 года Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия, тогда число членов может увеличиться до одиннадцати)³.

Хотя на сегодняшний день отсутствует, единый для всех, нормативно-правовой акт, регламентирующий порядок борьбы с киберпреступностью, вместе с тем, законодательный перечень видов преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации по Уголовному кодексу Российской Федерации и иных стран сформирован с учетом вышеназванных международных документов.

Из представленной нами таблицы следует, что рассмотренными странами ведется отдельный статистический учет, отражающий структуру компьютерных преступлений: сфера компьютерной информации, киберпреступления, правонарушения в сфере информатизации и связи, сфера информационных технологий.

Статьи уголовных кодексов отдельных стран, регламентирующих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации и с использованием ИТТ

№ п/п	Название государства	Название раздела, главы УК	Название статей УК
1.	Российская Федерация	<p>Раздел 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации»</p> <p>Раздел 8 «Преступления в сфере экономики» Глава 21. Преступления против собственности</p>	<p>Ст.272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»</p> <p>Ст.273 «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ»</p> <p>Ст.274 «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, систем ЭВМ или их сети»</p> <p>Ст.274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации»</p> <p>Ст.274.2 «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования»</p> <p>п.«г» ч.3 Ст.158 «Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса)»</p> <p>Ст.159.3 УК «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»</p> <p>Ст.159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»</p>
2.	Азербайджанская Республика	<p>Раздел 10 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Глава 30 «Киберпреступления»</p> <p>Раздел 9 «Преступления в сфере экономики» Глава 23 «Преступления против собственности»</p> <p>Глава 24 «Преступления в сфере экономической деятельности»</p>	<p>Ст.271 «Неправомерный доступ к компьютерной системе»</p> <p>Ст.272 «Неправомерное завладение компьютерной информацией»</p> <p>Ст.273 «Неправомерное вмешательство в компьютерную систему или компьютерную информацию»</p> <p>Ст.273-1 «Оборот средств, изготовленных для совершения киберпреступлений»</p> <p>Ст.273-2 «Фальсификация компьютерных данных»</p> <p>Ст.233-4 «Организация незаконных международных телекоммуникационных услуг с подключением к телекоммуникационной сети»</p> <p>Ст.177.2.3-1 «Кража с использованием электронных носителей информации, либо информационных технологий»</p> <p>Ст.206-1 «Занятие деятельностью по незаконному переводу денежных средств из Азербайджанской Республики в зарубежную страну или из зарубежной страны в Азербайджанскую Республику»</p>
3.	Эстонская Республика	Глава 14 «Преступления в сфере	<p>Ст.268 «Компьютерное мошенничество»</p> <p>Ст.269 «Уничтожение компьютерной информации»</p>

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 N 11 "О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания". — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/ (дата обращения: 14.12.2023).

² Клевцов, К. К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам / К. К. Клевцов. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — № Том 13 № 3 (2022). — С. 678–695.

³ Минюст разработал проект протокола правовой помощи для борьбы с ИТ-преступностью. — Текст : электронный // rapsinews.ru : [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20231109/309370316.html (дата обращения: 17.12.2023).

		компьютерной информации и обработки данных»	или компьютерных программ» Ст.270 «Компьютерный саботаж» Ст.271 «Незаконное использование компьютеров, компьютерных систем или компьютерных сетей» Ст.272 «Незаконное нарушение или блокирование связи в компьютерной сети» Ст.273 «Заведомое распространение компьютерных вирусов» Ст.274 «Передача защитных кодов» Ст.275 «Предоставление учреждениям недостоверных данных» Ст.276 «Незаконная выдача данных из государственного или муниципального банка данных»
4.	Грузия	Раздел 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Глава 32 Преступления против здоровья населения и общественной нравственности Глава 35 «Киберпреступления»	Ст.158 «Нарушение тайны частной коммуникации» Ст.255.1«Вовлечение несовершеннолетнего в незаконное изготовление и сбыт порнографических произведений или иных предметов порнографического характера» Ст.255.2 «Предложение встречи несовершеннолетнему лицу, преследующее сексуальные цели» Ст. 284 «Самовольное проникновение в компьютерную систему» Ст. 285 «Незаконное использование компьютерных данных или (и) компьютерной системы» Ст. 286 «Посягательство на компьютерные данные или (и) компьютерную систему» Ст.286.1 «Посягательство на компьютерные данные или (и) компьютерную систему с целью извлечения финансовой выгоды» Ст.286.2 «Создание поддельных официальных компьютерных данных»
5.	Республика Беларусь	Раздел 12 «Преступления против компьютерной безопасности» Глава 31 «Преступления против компьютерной безопасности»	Ст.349 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» Ст. 350 «Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации» Ст.352 «Неправомерное завладение компьютерной информацией» Ст.354 «Разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств» Ст.355 «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети»
6.	Республика Казахстан	Глава 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи»	Ст.205 «Неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций» Ст.206 «Неправомерные уничтожение или модификация информации» Ст.207 «Нарушение работы информационной системы или сетей телекоммуникаций» Ст.208 «Неправомерное завладение информацией» Ст.209 «Принуждение к передаче информации» Ст.210 «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов» Ст.211 «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа» Ст.212 «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели» Ст.213 «Неправомерные изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства»
7.	Республика Узбекистан	Раздел 3 «Преступления в сфере экономики» Глава 10 «Хищение чужого имущества» Раздел 6 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Глава 20.1 «Преступления в сфере информационных технологий»	п.«г» ч. 3 ст. 167 «Хищение путем присвоения или растраты с использованием средств компьютерной техники» п.«в» ч. 3 ст. 168 «Мошенничество с использованием информационной системы, в том числе информационных технологий» п. «б» ч. 3 ст. 169 «Кража с незаконным (несанкционированным) проникновением в информационную систему или ее использованием» Ст.278.1 «Нарушение правил информатизации» Ст.278.2 «Незаконный (несанкционированный) доступ к компьютерной информации» Ст.278.3 «Изготовление с целью сбыта либо сбыт и распространение специальных средств для получения незаконного (несанкционированного) доступа к компьютерной системе, а также к сетям телекоммуникаций» Ст.278.4 «Модификация компьютерной информации» Ст.278.5 «Компьютерный саботаж» Ст.278.6 «Создание, использование или распространение вредоносных программ» Ст.278.7 «Незаконный (несанкционированный) доступ к сети телекоммуникаций»
8.	ФРГ	Раздел 15 «Нарушение неприкосновенности и тайны част-	§ 201 «Нарушение конфиденциальности разговора» § 201a. Нарушение неприкосновенности сугубо

		<p>ной жизни и телекоммуникационной тайны»</p> <p>Раздел 22 «Мошенничество и злоупотребление доверием»</p> <p>Раздел 27 «Повреждение вещей»</p>	<p>личной сферы частной жизни и прав личности посредством снимков с изображением другого лица</p> <p>202а. Выведывание данных</p> <p>§ 206 «Нарушение почтовой и телекоммуникационной тайны»</p> <p>§ 263а. Компьютерное мошенничество</p> <p>§ 269. Подделка значимых для доказывания данных</p> <p>§ 270. Введение в заблуждение в правовом обороте в процессе обработки данных</p> <p>274. Соккрытие документов; изменение пограничных знаков</p> <p>§ 303а. Изменение данных</p> <p>§ 303б. Компьютерный саботаж</p>
9.	Франция	<p>Книга II «О преступлениях и проступках против человека»</p> <p>Книга III «Об имущественных преступлениях и проступках»</p> <p>Книга IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия»</p>	<p>Ст. 226-15 «Перехват, хищение, использование или предание огласке сообщений, передаваемых средствами дальней связи»</p> <p>Ст. 226-16 «Незаконное осуществление или отдача указания об осуществлении автоматизированной обработки поименных данных без осуществления предусмотренных в законе формальностей»</p> <p>Ст. 226-17 «Осуществление или отдача указания об осуществлении обработки этих данных без принятия всех мер предосторожностей, необходимых для того, чтобы обеспечить безопасность данных»</p> <p>Ст. 226-18 «Сбор и обработка данных незаконным способом»</p> <p>Ст. 226-19 «Ввод или хранение в памяти ЭВМ запрещенных законом данных»</p> <p>Ст. 226-20 «Хранение определенных данных сверх установленного законом срока»</p> <p>Ст.226-21 «Использование данных с иной целью, чем это было предусмотрено»</p> <p>Ст.226-22 «Разглашение данных, могущее привести к указанным в законе последствиям»</p> <p>Ст. 227-23 «Деяния, связанные с изготовлением и распространением по телекоммуникационным сетям детской порнографии»</p> <p>Ст. 323-1 «Незаконный доступ к автоматизированной системе обработки данных или незаконное пребывание в ней»</p> <p>Ст.323-2 «Воспрепятствование работе или нарушение работы компьютерной системы»</p> <p>Ст. 323-3 «Ввод обманным путем в систему информации, а также изменение или уничтожение содержащихся в автоматизированной системе данных»</p> <p>Ст. 411-9 «Уничтожение, порча или хищение любого документа, техники, сооружения, оборудования, установки, аппарата, технического устройства или системы автоматизированной обработки данных или внесение в них изъянов»</p> <p>Ст. 411-7, 411-8, 413-9, 413-10, 413-11, 413-12 «Сбор или передача содержащейся в памяти ЭВМ или картотеке информации иностранному государству, уничтожение, хищение, изъятие или копирование данных, носящих характер секретов национальной обороны, содержащихся в памяти ЭВМ или в картотеках, а также ознакомление с этими данными посторонних лиц»</p> <p>Ст. 421-1 «Террористические акты, связанные с деяниями в области информатики»</p>
10.	Модельный уголовный кодекс стран СНГ	<p>Раздел XII «Преступления против информационной безопасности»</p> <p>Глава 30 «Преступления против информационной безопасности»</p>	<p>Ст.286 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» Ст.287 «Модификация компьютерной информации» Ст.288 «Компьютерный саботаж» Ст. 289«Неправомерное завладение компьютерной информацией» Ст.290 «Изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети» Ст.291 «Разработка, использование и распространение вредоносных программ»Ст.292 «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети»</p>

В Уголовном кодексе РФ (глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации, статьи 272–274, 274.1, 274.2), как и в некоторых странах СНГ нормы об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации объединены одним родовым объектом. Так, например, в уголовном кодексе:

- Азербайджанской Республики в главе 30 «Преступления в сфере компьютерной безопасности», статьи 271–273, 273.1, 273.2¹, схожие с УК РФ по родовому объекту, аналогично, в Грузии и Узбекистана;

¹Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.05.2023 г.). — Текст : электронный // continent-online.com : [сайт]. — URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=5;-130 (дата обращения: 08.12.2023).

- Эстонской Республики в главе 14 «Преступления в сфере компьютерной информации», статьи 268– 276¹, признаки дистанционных преступлений по УК РФ (кража и мошенничество, находящиеся в другомродовом объекте - «преступления в сфере экономики»), в уголовном кодексе Эстонии прослеживаются в статье 268 УК РФ «Компьютерное мошенничество»;

- Грузии в главе 35 «Киберпреступления», статьи 284-286, 286.1, 286.2², признаки дистанционных преступлений по УК РФ (кража, мошенничество) в уголовном кодексе Грузии прослеживаются в статье 286.1 «Посягательство на компьютерные данные или (и) компьютерную систему с целью извлечения финансовой выгоды»;

- Республики Казахстан в главе «Глава 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи», статьи 205-213³, ранее составы содержались вместе с составами преступлений в сфере экономической деятельности;

- Республики Узбекистан в главе 20.1 «Преступления в сфере информационных технологий», статьи 278.1-278.6⁴, ранее составы содержались вместе с составами преступлений имущественного характера.

- Республики Беларусь в главе 31 «Преступления против компьютерной безопасности», статьи 349, 350, 352, 354, 355⁵, ранее в качестве родового объекта предусматривал информационную безопасность.

Вместе с тем, опыт иных государств может быть воспринят российским законодателем. В частности, заслуживают внимания нормы опреступлениях, предусмотренных ст.ст. 205, 209, 211, 212 и 213 УК Республики Казахстан (Приложение № 19). В настоящее время подобные общественно опасные деяния по Уголовному кодексу Российской Федерации ненаказуемы⁶.

Также в сравнении с уголовными кодексами Эстонской Республики и Республики Узбекистана, в Уголовном кодексе РФ отсутствует состав, предусматривающий вмешательство в обработку данных, являющейся существенной для предприятия, государственных органов, или чье-либо способа ведения бизнеса - саботаж. Данный состав также присутствует в Модельном уголовном кодексе стран СНГ⁷ в главе 30 «Преступления против информационной безопасности» раздела XII «Преступления против информационной безопасности» (ст.ст.286-292).

Модельный закон носит рекомендательный характер, направлен на гармонизацию законодательства стран СНГ, которые могут полностью или частично включить его нормы в свои действующие национальные законы, однако в нем отсутствуют составы преступления, совершенные с использованием Интернета на территории иностранного государства, но породившие юридические последствия в одном из государств-участников⁸.

В Уголовном кодексе Франции посягательства на системы автоматизированной обработки данных расположены в книгах: II «О преступлениях и проступках против человека», III «Об имущественных преступлениях и проступках», IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия», статьи ст. 226-15, 226-16, ст. 226-17, 226-18, 226-19, 226-20, 226-21, 226-22, 227-23, 323-1, 323-2, 323-3, 411-9, 411-7, 411-8, 413-9, 413-10, 413-11, 413-12, 421-1⁹.

Особенностью предписаний уголовного законодательства Франции является установление уголовной ответственности юридических лиц за отдельные деяния.

Также следует отметить, что Уголовный кодекс Франции отличается от УК Российской Федерации большей детализированностью норм: в УК РФ законодатель формулирует лишь общие нормы, призванные регулировать типичные ситуации и содержащие основные признаки того или иного преступления, предоставляя более широкую возможность трактовки положений закона самим правоприменителем; французский же законодатель, напротив, считает нужным и необходимые, с его точки зрения, детали и уточнения включать в текст Уголовного кодекса. Кроме того, УК Франции содержит абсолютно определенные санкции, а УК РФ — нет¹⁰.

В Уголовном кодексе ФРГ противоправные действия не выделены в отдельном разделе, а включены в разделы: 15 «Нарушение неприкосновенности и тайны частной жизни», 22 «Мошенничество и злоупотребление доверием» и 27 «Повреждение имущества», статьи § 201, § 201a, 202a, § 206, § 263a, § 269, § 270, 274, § 303a, § 303b¹¹.

Откуда следует, что в уголовном законодательстве вышеуказанных европейских стран по разному определяется родовый объект ки-

¹ Уголовный кодекс Эстонии / Р. В. Пашков. — Текст : электронный // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова : [сайт]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=24972> (дата обращения: 10.12.2023).

² Уголовный кодекс Грузии (контрольный текст по состоянию на 21.09.2023 N3536). — Текст : электронный // matsne.gov.ge : [сайт]. — URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=254> (дата обращения: 08.12.2023).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.). — Текст : электронный // [сайт]. — URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252&ysclid=lpz6f92ogw29798215 (дата обращения: 27.11.2023).

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. — Текст : электронный // lex.uz : [сайт]. — URL: <https://lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-3. Источник: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> — Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Текст : электронный // pravo.by : [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 10.12.2023).

⁶ Попов, А. Н. Преступление в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А. Н. Попов. — 1. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 68 с. — Текст: непосредственный.

⁷ Модельный уголовный кодекс – стран участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г.). Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (с изменениями на 16 ноября 2006 года). — Текст : электронный // docs.cntd.ru : [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 22.11.2023).

⁸ Терентьева, Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве. / Л. В. Терентьева. — Текст : непосредственный // Lexrussia. — 2019. — № 4. — С. 139-150.

⁹ Пашков, Р. В. Уголовный кодекс Франции / Р. В. Пашков. — Текст : электронный // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова : [сайт]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁰ Аистова, Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. — 2-е издание, переработанное. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 131 с. — Текст : непосредственный.

¹¹ Головенков, П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германии: Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головенков. — 2-е издание, переработанное. — Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2021. — 489 с. — Текст : непосредственный.

берпреступлений.

В целом, сравнение уголовно-правовых мер противодействия компьютерной преступности в Российской Федерации и других странах показывает, что все страны придают этому вопросу большое значение, однако, единого подхода в сфере ответственности за киберпреступления в структуре уголовного законодательства различных государств не существует.

Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью невозможно, если в законодательстве одной страны преступное деяние считается преступлением, а в другой стране нет. Отсутствие единообразия в национальном уголовном законодательстве стран может негативно отразиться на развитии методов эффективной борьбы с киберпреступностью, имеющей трансграничный характер, в связи с тем, что в некоторых случаях, когда преследование затруднено, преступник может уйти от ответственности.

На примере уголовного законодательства Франции следует необходимость введения в российское уголовное законодательство института ответственности для юридических лиц за совершение компьютерных преступлений, так как киберпреступники могут совершать свои деяния в интересах различных коммерческих и некоммерческих организаций.

Установление уголовной ответственности юридических лиц будет соответствовать современным стратегиям противодействия преступности и международным стандартам, вписываться в процесс имплементации положений международных актов об ответственности юридических лиц¹.

Кроме того, следует ужесточить уголовное наказание для лиц, совершающих компьютерные преступления по политическим мотивам и целям, т.к. они представляют повышенную общественную опасность.

Многие нормы, на которых основывается международно-правовая регламентация борьбы с киберпреступностью, в настоящее время утрачивают свою актуальность ввиду стремительного развития технического прогресса, появления новых информационно-коммуникационных средств и систем связи².

В целом, несмотря на усилия со стороны международных организаций и правительств, сложности, связанные с различиями в правовых системах и геополитическими факторами, ограничивают эффективность глобальных мер по борьбе с киберпреступностью.

Киберпреступность – это глобальная проблема, и в ее борьбе важна координация усилий всех стран, в связи с чем, существует необходимость совместной разработки **единой международной нормативной правовой базы**, а также официальное сотрудничество и обмен информацией с другими странами для совместного противодействия киберугрозам. Только учет интересов всех без исключения государств может привести к разработке по-настоящему всеобъемлющего договора о противодействии киберпреступности.

Вместе с тем, необходимо разрабатывать механизмы, которые бы обеспечивали эффективную борьбу с киберпреступностью, но при этом не нарушали основные права и свободы людей.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.01.2022).
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". — Текст : электронный // kremlin.ru : [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.11.2023).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.12.2023).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ. — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.12.2023).
5. Федеральный закон "Об участии в международном информационном обмене" от 04.07.1996 N 85-ФЗ (утратил силу). — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10929/ 1778d035111b6bc9f9ccc30f57bee0cf6e1f826a/ (дата обращения: 27.11.2023).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 N 11 (ред. от 03.03.2015) "О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания". — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/ (дата обращения: 14.12.2023).
7. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). — Текст : электронный // base.garant.ru : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 14.12.2023).
8. Arab Convention on Combating Information Technology Offences. Дата обращения 1 мая, 2020. <https://www.asianlaws.org/gclid/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20Offences.pdf>.
9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.05.2023 г.). — Текст : электронный // continent-online.com : [сайт]. — URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=5;-130 (дата обращения: 08.12.2023).
10. Уголовный кодекс Эстонии / Р. В. Пашков. — Текст : электронный // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова : [сайт]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=24972> (дата обращения: 10.12.2023).
11. Уголовный кодекс Грузии (контрольный текст по состоянию на 21.09.2023 N3536). — Текст : электронный // matsne.gov.ge : [сайт]. — URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=254> (дата обращения: 08.12.2023).
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.). - Текст: электронный//[сайт].— URL:https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252&ysclid=lpz6f92orw29798215 (дата обращения: 27.11.2023).
13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. — Текст: электронный // lex.uz : [сайт]. - URL: <https://lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 27.11.2023).
14. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-3 - Источник: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Текст : электронный // pravo.by : [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 10.12.2023).

¹ Федоров, А. В. Киберпреступность юридических лиц / А. В. Федоров. — Текст : непосредственный // Вестник Академии следственного комитета РФ. — 2019. — № 2 (20). — С. 22-28.

² Головенчик, М. Г. Современное состояние международно-правовой нормативной базы по противодействию киберпреступности / М.Г. Головенчик. — Текст : непосредственный // сборник трудов конференции: "Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство". — Симферополь : Белорусский государственный университет, 2020. — С. 371-376.

15. Модельный уголовный кодекс – стран участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.). Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (с изменениями на 16 ноября 2006 года). — Текст : электронный // docs.cntd.ru : [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 22.11.2023).
16. Аистова, Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. — 2-е издание, переработанное. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 131 с. — Текст : непосредственный.
17. Борцам с киберпреступностью добавляют инструментов. — Текст : электронный // kommersant.ru : [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6250719?query=...> (дата обращения: 16.12.2023).
18. Волеводз А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования / А.Г. Волеводз // Правовые вопросы связи. — 2007. — № 2. — С. 17-25.
19. Головенчик, М. Г. Современное состояние международно-правовой нормативной базы по противодействию киберпреступности / М.Г. Головенчик. — Текст : непосредственный // сборник трудов конференции: "Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство". — Симферополь : Белорусский государственный университет, 2020. — С. 371-376.
20. Головенков, П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германии: Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головенков. — 2-е издание, переработанное. — Potsdam : UniversitätsverlagPotsdam, 2021. — 489 с. — Текст : непосредственный.
21. Клевцов, К. К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам / К. К. Клевцов. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — № Том 13 № 3 (2022). — С. 678–695.
22. Министр разработал проект протокола правовой помощи для борьбы с IT-преступностью. — Текст : электронный // rapsinews.ru : [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20231109/309370316.html (дата обращения: 17.12.2023).
23. Пашков, Р. В. Уголовный кодекс Франции / Р. В. Пашков. — Текст : электронный // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова : [сайт]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 10.12.2023).
24. Попов, А. Н. Преступление в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А. Н. Попов. — 1. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 68 с. — Текст: непосредственный.
25. Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей. — Текст : электронный // tass.ru : [сайт]. — URL: <https://tass.ru/politika/4782506> (дата обращения: 14.12.2023).
26. Терентьева, Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве. / Л. В. Терентьева. — Текст : непосредственный // Lexrussia. — 2019. — № 4. — С. 139-150.
27. Федоров, А. В. Киберпреступность юридических лиц / А. В. Федоров. — Текст : непосредственный // Вестник Академии следственного комитета РФ. — 2019. — № 2 (20). — С. 22-28.
28. Щерба, С. П. Избранные труды / С. П. Щерба. — Москва : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2016. — 308 с. — Текст : непосредственный.
29. News: Cameroon becomes 69th Party to Convention on Cybercrime. — Текст: электронный // coe.int : [сайт]. — URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/-/cameroon-becomes-69th-party-to-convention-on-cybercrime> (дата обращения: 19.12.2023).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020). — Text : electronic // consultant.ru : [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of appeal: 01/10/2022).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". — Text : electronic // kremlin.ru : [website]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of application: 08.11.2023).
3. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ. — Text: electronic // consultant.ru : [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of application: 08.12.2023).
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 N 174-FZ. — Text: electronic // consultant.ru : [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of request: 14.12.2023).
5. Federal Law "On Participation in International Information Exchange" dated 07/04/1996 No. 85-FZ (expired). — Text: electronic // consultant.ru : [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10929/ / 1778d03511b6bcfa9ccc30f57bee0cf6e1f826a/ (accessed 11/27/2023).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/14/2012 No. 11 (as amended on 03.03.2015) "On the practice of consideration by courts of issues related to the extradition of persons for criminal prosecution or execution of a sentence, as well as the transfer of persons to serve a sentence." — Text : electronic // consultant.ru : [website]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/ (accessed date: 14.12.2023).
7. Convention on Crime in the field of computer information ETS N 185 (Budapest, November 23, 2001). — Text : electronic // base.garant.ru : [website]. — URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (date of request: 14.12.2023).
8. Arab Convention on Combating Information Technology Offences. The date of the address is May 1, 2020. <https://www.asianlaws.org/gld/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20Offences.pdf>.
9. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 No. 787-IQ) (with amendments and additions as of 30.05.2023). — Text : electronic // continent-online.com : [website]. — URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=5-130 (date of application: 08.12.2023).
10. Criminal Code of Estonia / R. V. Pashkov. — Text : electronic // Russian legal portal: Pashkov Library : [website]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=24972> (date of application: 10.12.2023).
11. The Criminal Code of Georgia (control text as of 09/21/2023 N3536). — Text : electronic // matsne.gov.ge : [website]. — URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=254> (date of application: 08.12.2023).
12. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (with amendments and additions as of 12.09.2023). - Text: electronic // [website]. — URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252&ysclid=lpz6f92orw29798215 (accessed: 11/27/2023).
13. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. — Text: electronic // lex.uz : [website]. - URL: <https://lex.uz/acts/111457> (date of reference: 11/27/2023).
14. Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z of July 9, 1999 Source: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> is the National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. — Text : electronic // pravo.by : [website]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (accessed date: 10.12.2023).
15. The Model Criminal Code of the CIS member States (adopted by the resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States dated February 17, 1996). A legislative recommendation act for the Commonwealth of Independent States (as amended on November 16, 2006). — Text : electronic // docs.cntd.ru : [website]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (date of access: 11/22/2023).
16. Aistova, L. S. Criminal law of foreign countries: a textbook / L. S. Aistova, D. Y. Kraev. — 2nd edition, revised. — St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020. — 131 p. — Text : direct.
17. Tools will be added to cybercrime fighters. — Text : electronic // kommersant.ru : [website]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6250719?query=...> (accessed: 12/16/2023).
18. Volevodz A.G. Convention on cybercrime: innovations in legal regulation / A.G. Volevodz // Legal issues of communication. — 2007. — No. 2. — pp. 17-25.
19. Golovenchik, M. G. The current state of the international legal regulatory framework for countering cybercrime / M.G. Golovenchik. — Text : direct // proceedings of the conference: "Actual problems of comparative jurisprudence: the legal system and the modern state". — Simferopol : Belarusian State University, 2020. — pp. 371-376.
20. Golovenkov, P. V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Scientific and practical commentary and translation of the text of the law / P. V. Golovenkov. — 2nd edition, revised. — Potsdam : UniversitätsverlagPotsdam, 2021. — 489 p. — Text : direct.
21. Klevtsov, K. K. International cooperation in the fight against cybercrime in the context of countering new challenges and threats / K. K. Klevtsov. — Text : direct // Bulletin of St. Petersburg University. Right. - 2022. — no. Volume 13 No. 3 (2022). — pp. 678-695.
22. The Ministry of Justice has developed a draft protocol of legal assistance to combat IT crime. — Text : electronic // rapsinews.ru : [website]. — URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20231109/309370316.html (date of application: 17.12.2023).
23. Pashkov, R. V. The Criminal Code of France / R. V. Pashkov. — Text : electronic // Russian legal portal: Pashkov Library : [website]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (date of application: 10.12.2023).
24. Попов, А. Н. Crime in the field of computer information: a textbook / A. N. Попов. — 1. — St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. — 68 p. — Text: direct.
25. The Russian diplomat called the Budapest Convention on Cybercrimes outdated. — Text : electronic // tass.ru : [website]. — URL: <https://tass.ru/politika/4782506> (date of application: 14.12.2023).
26. Terentyeva, L. V. Territorial aspect of the jurisdiction and sovereignty of the state in cyberspace. / L. V. Terentyeva. — Text : non-mediocre // Lexrussia. — 2019. — No. 4. — pp. 139-150.
27. Fedorov, A.V. Cybercrime of legal entities / A.V. Fedorov. — Text : direct // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. — 2019. — № 2 (20). — Pp. 22-28.
28. Shcherba, S. P. Selected works / S. P. Shcherba. — Moscow : Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. — 308 p. — Text : direct.
29. News: Cameroon becomes 69th Party to Convention on Cybercrime. — Text: electronic // coe.int : [website]. — URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/-/cameroon-becomes-69th-party-to-convention-on-cybercrime> (date of address: 12/19/2023).

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Право и государство: теория и практика»

• Статья должна содержать название; фамилию, полное имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

• Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

• Объем материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

• При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

• Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

• Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

• В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

• Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

• Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.

2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.

5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**

6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.

7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.

8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Номер подписан в печать 03.10.2024. Дата выхода в свет 20.11.2024
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 38.25 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 45 экз. «Свободная цена»